НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНИ
ІНСТИТУТ АРХЕОЛОГІЇ

АРХЕОЛОГІЯ І ДАВНЯ ІСТОРІЯ УКРАЇНИ

Випуск 1 (14)

2015

КИЇВ

НАУКОВА СЕРІЯ — ЗАСНОВАНА У 2010 р.

ВИДАЄТЬСЯ РАЗ НА ПІВРОКУ

OLBIO.

IN MEMORIAM

V.V. KRAPIVINA

АРХЕОЛОГІЯ І ДАВНЯ ІСТОРІЯ УКРАЇНИ
Наукова серія з проблем археології та давньої історії

Серія присвячена публікаціям досліджень з археології та давньої історії України. Висвітлюються питання соціально-економічного розвитку та культурних зв'язків населення України у кам'яному та мідно-бронзовому віках, сторінки з історії кіммерійців та скіфів, матеріальна та духовна культура античних греків у Північному Причорномор'ї, етногенез та рання історія слов'ян, розвиток давньоруських міст і сіл. Видаються нові археологічні матеріали, розвідки з історії археології та архівні джерела.
Для археологів, істориків, краєзнавців, учителів історії, студентів історичних факультетів, усіх, хто цікавиться давньою історією України.

Серия посвящена публикациям исследований по археологии и древней истории Украины. Освещаются вопросы социально-экономического развития и культурных связей населения Украины в каменном и медно-бронзовом веках, страницы по истории киммерийцев и скифов, материальная и духовная культура античных греков в Северном Причерноморье, этногенез и ранняя история славян, развитие древнерусских городов и сел. Издаются новые археологические материалы, разведки по истории археологии и архивные источники.
Для археологов, историков, краеведов, учителей истории, студентов исторических факультетов, всех, кто интересуется древней историей Украины.

A series is devoted to publications of investigations on archaeology and ancient history of Ukraine. Questions of social and economic development and cultural relations of the population of Ukraine in the Stone and Copper-Bronze Age, pages of Cimmerian and Scythian history, material and spiritual culture of antique Greeks in Northern Black Sea Coast, ethnogenesis and early history of Slavs, development of the Ancient Russian cities and villages are under observing. New archeological records, survey on history of archaeology and archival sources are being published.
This series is intended for archeologists, historians, regional specialists, teachers of history, students of historical departments and for all who is interested in ancient history of Ukraine.

Засновник та видавець
Інститут археології
Національної академії наук
України

Свідоцтво
про реєстрацію ЗМІ
КВ № 17659-6509Р
від 29.03.2011

Адреса редакції:
Україна, 04210, Київ 210,
просп. Героїв Сталінграда, 12
Тел.: (+380-44) 418-61-02
Факс: (+380-44) 418-33-06
E-mail: gorbanenko@gmail.com

Затверджено до друку
Вченою радою
Інституту археології
НАН України
06.11.2014, протокол № 7.

Усі матеріали рецензовано

Дизайн серії:
С.А. Горбаненко
Рисунки:
авторські
Комп'ютерна верстка:
Є.В. Пічкур

Усі права застережено.
Передрук можливий
зі згоди редакції
та авторів статей

ISSN 2227-4952

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ:

ТОЛОЧКО П. П.
академік НАН України
СКОРИЙ С. А.
(головний редактор)
доктор історичних наук, професор
ГОРБАНЕНКО С. А.
(відповідальний секретар)
кандидат історичних наук
ІВАКІН Г. Ю.
член-кореспондент НАН України
КРИЖИЦЬКИЙ С. Д.
член-кореспондент НАН України
МОЦЯ О. П.
член-кореспондент НАН України
ЗАЛІЗНЯК Л. Л.
доктор історичних наук, професор
ОТРОЩЕНКО В. В.
доктор історичних наук, професор
КУЛАКОВСЬКА Л. В.
кандидат історичних наук
ПЕТРАУСКАС О. В.
кандидат історичних наук
ПОТЄХІНА І. Д.
кандидат історичних наук
САМОЙЛОВА Т. Л.
кандидат історичних наук
СОН Н. О.
кандидат історичних наук

© ІНСТИТУТ АРХЕОЛОГІЇ НАН УКРАЇНИ, 2015

Підписано до друку 06.11.2014. Формат 60 × 84/8.
Гарн. Century Schoolbook. Папір офс. Друк офс. Ум.-друк. арк. 36,3. Обл.-вид. арк. 38,8. Тираж 300 екз.

Видавець Олег Філюк. 07300, м. Вишгород, вул. Дніпровська 3Б, кв. 97.
Свідоцтво Державного комітету телебачення і радіомовлення України, Серія ДК № 4506 від 18.03.2014 р.
rusfondukr@yandex.ru
Друк: ФО-П Поліщук О.Ф.
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 2142 від 31.03.2005.
07400, м. Бровари, вул. Незалежності, 2, кв. 148.

© Видавець Олег Філюк, тиражування, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Предисловие **6** Foreword

IN MEMORIAM V.V. KRAPAVINA

Памяти В.В. Крапивиной **8** Memory Valentina Vladimirovna Krapivina

Список работ В.В. Крапивиной **11** *List of works* by V.V. Krapivina

Фототека. Валентина Крапивина и мы **21** *Photo library*. V.V. Krapivina and We

Крапивина В.В. Ольвия и сарматы **32** *Krapivina V.V.* Olbia and Sarmatians

ОЛЬВИЯ

OLBIA

Крыжицкий С.Д. Архитектурно-строительные остатки в береговом клифе Ольвии (1966-1968, 1970, 1972 гг.) **37** *Kryžickij S.D.* The architecturally-building rests in coastal breakage of Olbia (1966-1968, 1970, 1972)

Буйских А.В. О датировке бронзолитейной мастерской в южной части Ольвии **93** *Bujskikh A.V.* On the dating of bronze casting workshop in the southern part of Olbia

Пукліна О.О. Скляні модіолуси з Ольвії **113** *Puklina O.A.* Glass modioluses from Olbia

Котенко В.В. Посуд Херсонеса Таврійського, знайдений в Ольвії **119** *Kotenko V.V.* Ware of Tauric Chersonesos found in Olbia

Braund David. Olbia in the Roman empire: some observations on Neronian evidence **131** *Braund David*. Olbia in the Roman empire: some observations on Neronian evidence

Николаев Н.И. О датировке ольвийского декрета IosPE. I². 34 в честь Никерата Папиева **137** *Nikolaev N.I.* About the dating of the olbian decree IosPE. I². 34 in honor of Nikeratos Papiev

Иванчик А.И. О некоторых поддельных надписях Северного Причерноморья **147** *Ivantchik A.I.* Some Fake Inscriptions from Olbia and Tyras

Папанова В.А., Ляшко С.Н. Весовые гири из пригородных усадеб Ольвийской хоры V-IV вв. до н.э. **158** *Papanova V.A., Lyashko S.N.* Weight dumbbells of Olbian chora's suburban estates of the Vth -IVth centuries BC

Ивченко А.В. Подбойные погребения в дромосах земляных склепов некрополя Ольвии **164** *Ivchenko A.V.* Graves in the walls of dromos of the ground crypts on the Olbia necropolis

Смирнов О.І., Шевченко Т.М. Про дослідження некрополя Ольвії у 1901 році **174** *Smirnov O.I., Shevchenko T.M.* About the study of the necropolis of Olbia in 1901

Снитко І.О., Гребенников В.Б. До історії дослідження некрополів хори Ольвії VI – III ст. до н.е. **179** *Snytko I.A., Grebennikov V.B.* The history of research necropolis choirs of Olbia VI–III centuries BC

Каряка О.В. До історії організації робіт Ольвійської археологічної експедиції у 1930 р. **190** *Karjaka A.V.* To the history of the organization of work of the Olbian expedition in 1930

Хомчик М.А. Качура М.В. Лапідарій у Національному історико-археологічному заповіднику «Ольвія» НАН України **199** *Homchik M.A., Kachura M.V.* Lapidarium at the National Historical and Archaeological Reserve "Olbia" NAS of Ukraine

БЕРЕЗАНЬ

BORYSTHENES

Крутилов В.В., Бондаренко Д.В. Керамические обжигательные печи Борисфена середины VI в. до н.э. (по материалам раскопок 2011-2013 гг.) **205** *Krutilov V.V., Bondarenko D.V.* Ceramic kilns from Borysthenes of the middle of VI c. BC (based on excavations of 2011-2013)

Шейко І.М. Світильники з вертикальними ручками-петлями з Ольвії та Борисфену **217** *Sheiko I.M.* Lamps with vertical handle-loops from Olbia and Borysthenes

Хмелевский Д.Н. Свинцовые изделия из материалов участка "Т" Березанского поселения **223** *Hmelevskyi D.N.* Lead wares from a plot "T" of Berezan settlement

Чистов Д.Е., Ильина Ю.И. Новые данные о Березанском поселении классического периода **230** *Chistov D.E., Ilyina Ju.I.* New evidence on the Berezan Settlement in the Classical period

Смирнов Л.И. Погребения эпохи средневековья из раскопок участка «ГШ» на о. Березань в 2007-2012 гг. **251** *Smyrnov L.I.* Burials of the Middle Ages from the excavation site "PH" on the island Berezan in the 2007-2012

VARIA

VARIA

Толстиков В.П. О времени основания и архитектурной среде раннего Пантикапея по материалам новейших раскопок **256** *Tolstikov V.P.* About the foundation and architectural environment of early Panticapaeum (based on the latest excavations)

Молев Е.А., Молева Н.В. Святилище у восточной крепостной стены в боспорском городе Китее **264** *Molev E.A., Moleva N.V.* The Sanctuary at the East fortress wall in the Bosporian city Kyta

Винокуров Н.И. Центральное помещение 4 ранней цитадели городища Артезиан в Крымском Приазовье **271** *Vinokurov N.I.* The central room №4 of an early citadel of settlement Artezian at the Crimean Azov sea region

Масленников А.А. Каменное ядро из Крымского Приазовья **295** *Maslennikov A.A.* Stone ball from the Crimean Azov Sea coast

Вахтина М.Ю. Столяренко П.Г. Склеп № 4 эллинистического некрополя Порфмия **298** *Vahtina M.Yu., Stolyarenko P.G.* Crypt № 4 from the Hellenistic necropolis Porfmiy

Скржинская М.В. Развитие историографии в Боспорском царстве **308** *Skryjinskaya M.V.* The development of historiography at Bosporan Kingdom

Копылов В.П. Надгробия из Елизаветовского историко-культурного комплекса **316** *Kopylov V.P.* Gravestones from Elizavetovskoye Historical-Cultural Complex

Новиченкова М.В. Детали щита Scutum позднереспубликанского времени из святилища у перевала Гурзуфское Седло **321** *Novichenkova M.V.* Details of an oval Republican Scutum Shield from a sanctuary Gurzufskoe Sedlo

Чехович А.Г. Ремесленные вотивы двух зольников поселения Глубокой Пристани **328** *Chekhovich O.G.* Handicraft votives from two ash-hills of Glubokaya Pristan

Малюкевич А.В. Молога – сакральный центр поздних скифов Буджака **333** *Malyukevych O.V.* Mologa sacred center of the late Scythian Budjak

Бруяко И.В. Нестандартные комплексы в погребальном обряде населения городища Картал раннего железного века **359** *Bruyako I.V.* Non-standard funerary complexes in the burial ritual of population of Kartal hillfort in Early Iron Age

Самойлова Т.Л. Редкий расписной сосуд эллинистического времени из Тиры **371** *Samoylova T.L.* Rare painted vessel of Hellenistic period from Tyras

Охотников С.Б. Дельта Дуная и остров Змеиный в письменных и археологических источниках **376** *Ohotnikov S.B.* Danube Delta and the Zmeinyi (Snake) Island in written and archaeological sources

Діденко С.В. До питання про верхню хронологічну межу світлоглиняних вузькогорлих амфор типу Шелов D **385** *Didenko S.V.* On the issue of the chronology of the narrow-necked light-clay amphorae of the Shelov Type D

ИСТОРИЯ НАУКИ

HISTORY of SCIENCE

Гаврилюк Н.А. К истории экономики Ольвии – историография проблемы **394** *Gavrylyuk N.A.* To the history of the economy of Olbio – historiography of problem

Тункина И.В. К биографии профессора Бориса Васильевича Варнеке: Новые архивные материалы **414** *Tunkina I.V.* To the Biography of Professor Boris Vasil'evich Warneke: New Archival Data

Гаркуша Н.В. Деятельность С.И. Гайдученко (к истории археологических исследований в Херсонской губернии) **422** *Garkusha N.M.* An activity of S. I. Gaidychenko (to the history of archaeological researches at the Kherson province)

Кузьміщев О.Г. Е.Р. фон Штерн – дослідник античної археології Північного Причорномор›я (кін. XIX – поч. XX ст.) **430** *Kuzmischev A.G.* E.R von Stern researcher of ancient archeology in Northern Black Sea region (late XIX - beg. XX century)

Буйских С.Б. Древние некрополи: нравственные аспекты исследования **438** *Buyskykh S.B.* The ancient necropolises: ethical aspects of research

Сведения об авторах **447** **Our authors**

Список сокращений **450** **List of abbreviations**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию читателей сборник статей посвящается памяти безвременно ушедшего известного антиковеда, кандидата исторических наук, бессменного начальника Ольвийской экспедиции Валентины Владимировны Крапивиной, которой в 2015 г. исполнилось бы 65 лет.

Вся плодотворная научная жизнь нашей коллеги связана с изучением Ольвии позднеэллинистического и римского времени. Систематическое исследование Валентиной Владимировной этой проблемы стало залогом высокого профессионального качества всех ее работ, из которых две монографии являются базисными для специалистов по археологии Северного Причерноморья первых веков н.э. Ученица Л.М. Славина, С.Д. Крыжицкого, Валентина Владимировна успешно продолжала исследования своих учителяей и внесла значительный вклад в изучение археологии и истории Ольвии и ее округи.

Сборник состоит из пяти частей. Все статьи даются в авторской редакции.

Первая, мемориальная, имеет биографический характер. Мы стремились отразить всю многогранную и яркую деятельность В.В. Крапивиной. Фототека посвящена основным этапам жизни нашей коллеги и показывает ее в кругу семьи, друзей и коллег. Завершается раздел публикацией статьи В.В. Крапивиной, над которой она работала последние дни своей жизни.

Самый объемный раздел посвящен Ольвии, «родному» памятнику Валентины Владимировны. Здесь представлены все направления изучения Ольвии, которые развиваются ее коллегами, друзьями, учениками.

Еще одним памятником, которой был в сфере научных и экспедиционных интересов В.В. Крапивиной, было поселение на о. Березань. Здесь представлены работы украинских и русских исследователей, работы которых продолжаются на острове во многом благодаря Валентине Владимировне.

В следующем разделе представлены в основном статьи и публикации коллег из других городов и стран, которые дружили, сотрудничали, встречались с В.В. Крапивиной. Мы постарались собрать в этом разделе новейшие материалы по археологии и истории античных центров всего Северного Причерноморья.

Заключает сборник историографический раздел, в котором отражены основные направления истории археологии.

Не сомневаемся, что настоящий труд, подготовленный друзьями, коллегами и учениками В.В. Крапивиной будет востребован широкой научной общественностью.

FOREWORD

We offer our readers a collection of articles dedicated to the memory prematurely deceased antiquity, well-known, the candidate of historical sciences, the permanent head of the Olbian expedition Valentina Vladimirovna Krapivina, which in 2015 would have turned 65 years old.

All fruitful scientific life of our colleagues associated with the study of Olbia late Hellenic and Roman times. Systematic study of Valentina Vladimirovna was the key to the problem of high professional quality of its work, including two monographs are fundamental for specialists in archeology of the North Black Sea coast of the first centuries AD. Valentina Vladimirovna was a disciple of L.M. Slavin, S.D. Kryzhitsky, she successfully continued his studies and has made a significant contribution to the study of archeology and history of Olbia and its neighborhood.

The collection consists of five parts. First, the memorial has a biographical character. We tried to reflect all the diverse and colorful activities V.V. Krapivina. Photo library is devoted to the main stages of the life of our colleagues and shows it with your family, friends and colleagues. The final section consists the publication of articles V.V. Krapivina, on which she worked the last days of his life.

Most extensive section is devoted to Olbia which is the «native» monument of Valentina Vladimirovna. Here are all the directions in the study of Olbia, which are developed by her colleagues, friends, students.

Another monument, which was in the field of scientific and expeditionary interests V.V. Krapivina, was a settlement on the Berezan island. Here are the works of Ukrainian and Russian researchers, whose work continues on the island thanks largely to Valentina Vladimirovna.

The following section presents mainly articles and publications colleagues from other cities and countries that were friends, worked together and met with V.V. Krapivina. We have tried to collect in this section the latest materials on the archeology and history of the all ancient centers of the Northern coast of the Black Sea.

The historiographical section concludes the collection, which reflect the main directions of the history of archeology.

No doubt that the present work, prepared by the friends, colleagues and students of V.V. Krapivina will demand by broad scientific community.

ПАМЯТИ ВАЛЕНТИНЫ ВЛАДИМИРОВНЫ КРАПИВИНОЙ

30 марта 2013 г после тяжелой болезни ушла из жизни археолог–античник, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела античной археологии Института археологии НАН Украины, начальник Ольвийськой археологической экспедиции Валентина Владимировна Крапивина. Ушла Хозяйка и Душа Ольвии…

Мы потеряли прекрасного специалиста, верного друга, вдумчивого, добросовестного и таланливого исследователя, организатора науки, отважного защитника археологических памятников, прекрасного, умного человека.

В.В. Крапивина родилась 29 августа 1950 г. в г. Днепропетровске в семье военнослужащего. Вскоре семья переезжает в Киев, где Валя заканчивает школу с золотой медалью и поступает в Киевский государственный педагогический университет им. А.М. Горького, где изучает английский язык. После года обучения талантливая студентка–отличница, мечтой которой всегда была археология, решает уйти из пединститута и поступает, преодолев огромный конкурс, на первый курс исторического факультета Киевского государственного университета им. Т. Шевченко, который закончила с отличием в 1973 г. Ещё студенткой она начинает ездить в экспедицию в Ольвию, где постигает археологическую науку под. руководством Л.М. Славина. С 1973 г. вся жизнь В.В. Крапивиной связана с Институтом археологи НАН Украины, в котором она прошла свой путь ученого – от лаборанта до старшего научного сотрудника, начальника крупнейшей Ольвийской экспедиции.

В 1988 г. В.В. Крапивина защищает кандидатскую диссертацию, которая впоследствии стала основой ее монографии «Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н.э.» (К., 1993), которая по сей день остается едва–ли не единственной обобщающей работой по археологи Ольвии римского времени. Валентина Владимирова – автор более 200 научных трудов, среди которых монография и несколько коллективных трудов по археологи Ольвии (она совершенно справедливо считала, что работы, посвященные результатам раскопок такого сложного, многослойного памятника как Ольвия, должны быть именно коллективными). Несмотря на тяжелую болезнь, с которой Валентина Владимировна буквально сражалась более двух лет, за последний год ею написано 12 интереснейших статей. В данном сборнике публикуется статья, над который она работала в последние дни и которая осталась незавершенной.

Валентина Владимировна удивительным образом сочетала в себе казалось–бы совершенно несовместимые качества: огромные организаторские способности, твердость и решительность с доброжелательным отношением к людям, умением и желанием вникнуть в их проблемы. По–видимому в этом заключается ее феномен – многолетнее руководство большой экспедицией (через экспедицию в сезон проходило 300–400 человек, которых она знала по именам, знала их семьи, личные истории, которые часто ей приходилось «разруливать»).

Благодаря твердой, последовательной позиции В.В. Крапивиной, её беззаветной любви к памятнику, заповедник Ольвия приобрёл статус национального. Одно из важнейших следствий этого – прекращение грабежей, как в Ольвии, так и на Березани. Петербургские археологи никогда не забудут, сколько сил потратила В.В. Крапивина, чтобы сохранить возможность работы экспедиции Государственного Эрмитажа на о. Березань и всегда будут хранить атмосферу доброжелателного сотрудничества археологов наших стран, какую так заботливо и разумно умела создавать она.

Валентина Владимировна активно работала в международных проектах, среди которых украинско–датский, украинско–французский, несколько украинско–российских, которые обязательно заканчивались выходом научных изданий. Она принимала участие в работе многих международных конференций. Её имя хорошо известно среди историков и археологов–античников.

Валентина Владимировна Крапивина была ярким, разносторонне образованным, неординарным человеком. Оставив значительный след в нашей науке, она объединяла в себе профессионализм ученого, высокие моральные качества, человечность. Многим будет не хватать ее открытости, доброты, мягкости, женского обаяния. Это огромная непоправимая утрата не только для родных и близких, но и для античной археологи в целом. Ушел добрый, мудрый, порядочный человек. Светлая ей память!

Н.А. Гаврилюк, В.Ю. Зуев

СПИСОК РАБОТ ВАЛЕНТИНЫ ВЛАДИМИРОВНЫ КРАПИВИНОЙ [1]

1977

1. Раскопки центрального квартала в Ольвии // АО–76. М., 1977. С. 325–326. (В соавторстве с *Н.А. Лейпунской*).

1978

2. Раскопки центральной возвышенности и северо–западного района Верхнего города Ольвии // АО–77. – Москва, 1978. – С. 343–344. (В соавторстве с *С.Д. Крыжицким, А.И. Кудренко, С.Н. Мазарати*).

1979

3. Орнаментация серолощеной керамики римского времени из Ольвии // Памятники древних культур Северного Причерноморья. – К., 1979. – С. 96–100.

4. Основные объекты работ Ольвийской экспедиции // АО–78. – Москва, 1978. – С. 354–355. (В соавторстве с *С.Д. Крыжицким, А.И. Кудренко, С.Н. Мазарати*).

1980

5. Весовые гири Ольвии // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. – К., 1980. – С. 83–98.

6. О весовой системе Ольвии (IV–II вв. до н.э.) // Проблемы античной истории и классической филологии. Тезисы докладов всесоюзной научной конференции. – Харьков, 1980. – С. 97.

7. Сероглиняная керамика Любимовского городища // Археологические исследования на Украине в 1978–79 гг. Тезисы докладов XVIII конференции. – Днепропетровск, 1980. – С. 97.

1981

8. К истории Ольвии во II–III вв. н.э. Актуальные проблемы археологических исследований на Украине. Тезисы докладов республиканской конференции молодых учёных. – К., 1981. С. 86.

1982

9. Реферат на книгу С.А. Беляевой «Южнорусские земли во второй половине XIII–XIV вв.» // Реферативный журнал. – К., 1982. – С. 34–35.

1984

10. О характере застройки Ольвии во II–III вв. н.э. // Античная культура Северного Причерноморья. – К., 1984. – С. 201–214.

1985

11. О направленности экономики Ольвии в первые века нашей эры // Проблемы исследования Ольвии. Тезисы докладов и сообщений семинара. – Парутино, 1985. – С. 39–40.

12. Сероглиняная гончарная керамика Ольвии римского времени // Проблемы исследования Ольвии. Тезисы докладов и сообщений семинара. – Парутино, 1985. С. 21–22. (В соавторстве с *А.В. Гудковой*).

13. Входила ли Ольвия в состав государственного образования Буребисты? // Тезисы докладов и сообщений совместной школы–семинара «Этнокультурные и этносоциальные процессы в конце I тыс. до н.э. – I пол. I тыс. н.э. на юго–западе СССР и сопредельных регионов». – Ужгород, 1985. – С. 38–41.

1986

14. Архаические весовые гири Березани и Ольвии // Ольвия и её округа. – К., 1986. – С. 105–111.

15. Винодельни первых веков нашей эры в Ольвии // Античная культура Северного Причерноморья в первые века н.э. – К., 1986. – С. 52–64. (В соавторстве с *А.И. Кудренко*).

1987

16. Простая столовая керамика // Культура населения Ольвии и её округи в архаическое время. – К., 1987. – С. 71–79.

1. Составители приносят благодарность за предоставленные материалы из личного архива В.В. Крапивиной её родным: *Е.П. Крапивину, П.Е. Крапивину, Ю.В. Бобкову*. А также *А.Г. Кузьмищеву* за помощь в работе.

17. Весовые гири // Культура населения Ольвии и её округи в архаическое время. – К., 1987. – С. 131–133.

18. Исследования в юго–восточной части цитадели Ольвии // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов всесоюзной конференции (Суздаль,1987). – Москва, 1987. – С. 132–133.

1988

19. Ольвия в первые века нашей эры (по данным археологии). Автореф. дисс. … канд. ист. наук. – К., 1988. – 18 с.

20. Сероглиняная гончарная керамика Ольвии первых веков н.э. // Античные древности Северного Причерноморья. – К., 1988. – С. 82–103. (В соавторстве с *А.В. Гудковой*).

21. Неопубликованные гири из раскопок Ольвии // Античные древности Северного Причерноморья. – К., 1988. – С. 186–194.

22. Новые вотивные надписи из Ольвии // Проблемы античной культуры. Тезисы докладов Крымской научной конференции. – Симферополь, 1988.– Ч. III. – С. 269–270. (В соавторстве с *А.С. Русяевой*).

23. До політичної історії Ольвії середини I ст. до н.е. // Археологія. – 1988. – Вип. 63. – С. 12–19.

1989

24. Залізний перстень з Ольвії // Археологія. – 1989. – Вип.3.– С.106–109.

25. К исторической топографии юго–восточной части цитадели Ольвии // Проблеми історії та археології давнього населення Укр. РСР. Тези доповідей. Одеса, жовтень 1989. – К., 1989. – С. 109. (В соавторстве с *В.В. Назаровым*).

1990

26. Методика проведения археологических работ с учащимися. Учебно–методическое пособие. – К., 1990.– 68 с.

27. Сероглиняная керамика Тиры, Ольвии и памятников черняховской культуры. – Препринт. – К., 1990. – 48 с. (В соавторстве с *А.В. Гудковой*).

28. К проблеме формирования керамического комплекса черняховских памятников степи // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья. Тезисы докладов конференции. – Одесса, 1990. – С. 25–27. (В соавторстве с *А.В. Гудковой*).

1991

29. О двух «готских» разгромах Ольвии // Древнее Причерноморье. Тезисы докладов конференции памяти П.О. Карышковского. – Одесса, 1991. – С. 47–49.

30. З приводу статті Д.Браунда. – Археологія. – 1991. – № 3. –С. 31–32.

31. Про роботу координаційної ради «Ольвія та її сільська округа» // Археологія. – 1991. – № 4. – С. 147–149. (В соавторстве с *С.А. Беляевой*).

1992

32. Вотивный рельеф с Митрой из Ольвии // История и археология Слободской Украины. Тезисы докладов Всеукраинской конференции. – Харьков, 1992. – С 11–18.

33. Консервация и музеефикация памятников Нижнего Побужья. Состояние и проблемы // Материалы заседаний координационного совета «Ольвия и её сельская округа» в 1991 г. – Препринт. – Николаев, 1992. – С. 11–18.

34. До історії Ольвії в IV–I ст. до н.е. // Археологія. – 1992. № 4. – С. 17–34. (В соавторстве с *А.С. Русяевой*).

1993

35. Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н.э. – К., 1993. – 184 с.

36. К проблеме этнического состава населения Ольвии в первые вв. н.э. // Україна–Греція: історія та сучасність. Тези міжнародної наукової конференції. – К., 1993. – С. 71–73.

37. Об исторической топографии курганного некрополя Ольвии // Sevtopolis.Burial Mounds in South–East Europe. First International Simposium. – Kazanlak, 1993. – P. 75–76.

38. Населення й оточуюче середовище в античних державах Північного Причорномор'я // Оточуюче середовище і стародавнє населення України (матеріали до теми). – Препринт. –К., 1993. – С. 66–72. (В соавторстве с *С.Д. Крыжицким*).

1994

39. Рельеф с Митрой Тавроктоном из Ольвии // Древнее Причерноморье. – КСОАМ. – Одесса, 1994. – С. 168–171.

40. Роль ландшафта в хозяйственной деятельности населения Нижнего Побужья в конце III – IV вв. н.э. // Ольвия–200. Тезисы докладов международной конференции, посвящённой 200–летию археологического открытия Ольвии. 5–9 сент. 1994 г., с. Парутино. – Николаев, 1994.– С. 65–68.

41. Ещё раз о контактах Ольвии и племен черняховской культуры // Ольвия–200. Тезисы докладов международной конференции, посвящённой 200–летию археологического открытия Ольвии. 5–9 сент. 1994 г., с. Парутино. – Николаев, 1994. – С. 36–38. (В соавторстве с *А.В. Гудковой*).

42. Исследования 1989–1993 гг. в юго-восточной части цитадели Ольвии // Ольвия–200. Тезисы докладов международной конференции, посвящённой 200–летию археологиче-

ского открытия Ольвии. 5–9 сент. 1994 г., с. Парутино. – Николаев, 1994. – С. 68–70. (В соавторстве с *А.В. Буйских*).

Рец. на № 40–42: *В.Ю. Зуев, Д.В. Журавлёв*. Ольвия–200. Международная археологическая конференция, посвящённая 200–летию археологического открытия городища Ольвии // ВДИ. – 1995.– № 4.– С. 220–223; *V. Zuev, D. Juravliov*. Olbia in the Roman Period // Limes. A curo di Giaucarlo Susini. Bologna, 1994. P. 177–191.

43. Торговые связи Ольвии в первые века нашей эры // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века. Тезисы докладов VII научной конференции. – Ростов–на–Дону, 1994. – С. 76–78.

44. Головні етапи історичного розвитку Ольвії // Археологія. – 1994. – № 2. – С.18–44. (В соавторстве с *С. Д. Крыжицким, Н. А. Лейпунской*).

45. Про етнічний склад населення Ольвії в перші ст. н.е. // Археологія. – 1994. – № 2. – С. 123–129.

46. A Quarter–Century of Excavations at Olbia Pontica // Classical Views. University of Calgary Press,– 1994. – T. XXXVIII.– N. S. 13. – № 2.– P. 181–205. (В соавторстве с *С. Д. Крыжицким*).

47. Archaeological News from Olbia and its Chora // Ancient Civilization from Scythia to Sibiria. – Leiden, 1994. – Vol. 1. – № 1. – P. 40–44. (В соавторстве с *С. Д. Крыжицким*).

48. Olbia in the Roman Period // Limes.A curo di Giaucarlo Susini. – Bologna, 1994. – P.177–191.

1995

49. Археологические исследования в Ольвии в 1995 году // История, этнография, культура. Новые исследования. Тезисы докладов краеведческой конференции. – Николаев, 1995. – С. 28–32. (В соавторстве с *С. Д. Крыжицким*).

50. О критериях периодизации исторического развития античных государств Северного Причерноморья (на примере Ольвии) // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья. Тезисы докладов научной конференции. – Белгород–Днестровский, 1995. – С. 28–30. (В соавторстве с *С. Д. Крыжицким, Н. А. Лейпунской*).

51. Ольвия и Боспор в раннем IV в. до н.э. // Античные полисы и местное население Причерноморья. – Севастополь, 1995. – С. 69–78. (В соавторстве с *Ю. Г. Виноградовым*).

52. The City of Olbia in the I–IV Centuries A.D. // Classical Views. University of Calgary Press, – 1995. – T. XXXIX. –N. S. 14. – № 3. – P. 355–375.

1996

53. О надписи агораномов из Ольвии // Древнее Причерноморье. III чтения памяти проф. П. О. Карышковского. Тезисы докладов. – Одесса, 1996. – С. 60–61.

54. Методика проведения полевых археологических исследований в Ольвии // Greeks in the Black Sea. International Conference.– Fessaloniki. 7–10 of March, – 1996.

55. Славин как исследователь античного города Ольвии // Мир Ольвии. Памятник исследователю и исследование памятника. К 90–летию проф. Л. М. Славина. – К., 1996.– С. 31–34.

56. Итоги (1972–1996) и перспективы изучения Ольвии // Мир Ольвии. Памятник исследователю и исследование памятника. К 90–летию проф. Л. М. Славина. – К., 1996. – С. 99–101. (В соавторстве с *С. Д. Крыжицким*).

57. Итоги и перспективы изучения Ольвии // Greeks in the Black Sea. International Conference.–Fessaloniki. 7–10 of March, –1996. * (В соавторстве с *С. Д. Крыжицким*).

58. About Cult of Tauroctonous Mithra in Olbia // The 7th International Congress of Thracology. May 20–26, 1996. Constanta, Mangalia, Tulcea. Romania. Reports and Summaries. – Bucharest, 1996. – P. 399.

59. Grautonige scheibengedrehte keramik aus Tyras,Olbia und Tschernjachov Kultur (vergleichende analise) // Il Mar Nero. – 1995/96. B. II. – S. 61–82. (В соавторстве с *А. В. Гудковой*).

60. Olbia si «gotii» in sec. III–IV e.n. // A III – A sesiune anuala a comisiei mixte Romano–Ucraineana de istorie, arheologie, etnografie si folclor. Mai–Juni – 1996. Resumatele comuninicarilor. Galanesti–Suceava – 1996. – S. 13–14.

1997

61. Ольвия. Николаев, 1997. 24 с. – (Научно–популярная серия: Страницы истории Южной Украины). (В соавторстве с *Н. А. Лейпунской*).

62. Античные весовые гири Ольвии и Херсонеса // Херсонес в античном мире. Историко–археологический аспект. Тезисы докладов международной научной конференции.– Севастополь, 1997. – С. 63–65.

63. Комплекс жилых домов II–III вв. н.э. в юго–восточной части Верхнего города Ольвии // Новые страницы древней истории Южной Украины. Тезисы международной конференции. Николаев, –1997. – С. 23–24.

64. Археологические исследования в юго–восточной части Ольвии в 1996–1997 гг. // Матеріали II Миколаївської обласної краєзнавчої конференції: “Історія. Етнографія.

Культура. Нові дослідження". – Миколаїв, 1997 – Т. І. – С. 25–26. (В соавторстве с *А. В. Буйских*).

65. Находки граффити с изображением воинов в Нижнем Побужье // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. – Одесса, 1997. – С. 147–152. (В соавторстве с *В. В. Назаровым*).

66. Предварительные итоги исследования юго–восточной части Верхнего города Ольвии (1982–1996) // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. – Одесса, 1997. С. 122–127. (В соавторстве с *А. В. Буйских*).

67. Античні пам'ятки Північного Причорномор'я // Українські культурні цінності в Росії. Археологічні колекції України. –К., 1997. – С. 83–98.

68. Л.М. Славін і дослідження античного міста Ольвії // Археологія. – 1997.– № 4. – С. 815.

69. About Cult of Tauroctonous Mithra in Olbia // The Thracian World at the Crossroads of Civilizations. I. – Bucharest, 1997. – P. 80–90.

1998

70. Хрестоматия по истории древнего мира. Эллинизм. Рим. Под ред. *В.Г. Боруховича, С.Ю. Монахова, В.Н. Парфёнова.* – Москва, 1998. 525 с. (В соавторстве с *В.Г. Боруховичем, В.И. Кащеевым, В.И. Кацем, Д.Е. Лукониным, Е.А. Молевым, С.Ю. Монаховым, В.Н. Парфёновым, С.К. Сизовым, Е.В. Смыковым, В.Н. Строгецким, А.В. Хазиным*).

71. О методике полевых археологических исследований в Ольвии // Археологічні відкриття в Україні 1997–1998 рр. – К., 1998. – С. 159–163.

72. Археологічні дослідження 1998 р. в південній частині Ольвії // Археологічні відкриття в Україні 1997–1998 рр. – К., 1998.– С. 85–87. (В соавторстве с *А.В. Буйских* и *В.В. Крутиловым*).

73. Ольвія у другій половині І ст. до н.е. – третій чверті III ст. н.е. // Давня історія України. – К., – 1998. – Т. 2. – С. 395–411.

74. Ольвія в останній чверті III – середині – третій чверті IV ст. н.е. // Давня історія України. – К., 1998. – Т. 2. – С. 465–468.

75. Побут // Давня історія України. – К., 1998. – Т. 2. – С. 426–434.

76. Olbia and Roman Troops in the 3-rd – 4-th Centuries A.D. // The Roman Frontier at the Lower Danube 4-th – 6-th centuries. The 2-nd International Simposium. – Bucharest, 1998. – P. 187–193.

1999

77. Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. – Харьков, 1999. – 681 с. (В соавторстве с *С.Д. Крыжицким, А.С. Русяевой, Н.А. Лейпунской, М.В. Скржинской, В.А. Анохиным*).

78. Кухонная и столовая керамика позднескифских городищ Нижнего Поднепровья // 100 лет черняховской культуре. Сборник научных статей. – К., 1999. – С. 298–321. (В соавторстве с *Н.А. Гаврилюк*).

79. О римском гарнизоне Ольвии в середине III в. // Vita Antiqua. – 1999. – № 2. – С. 76–83. (В соавторстве с *В.М. Зубарем*).

80. Нижнє Побужжя в III–IV ст. н.е. (до історії взаємовідносин греків та варварів) // Україна–Греція: історична спадщина і перспективи співробітництва (м. Маріуполь, 27–29 травня 1999 р.). Збірник наукових праць міжнародної науково–практичної конференції. –Маріуполь, 1999 – Т. І. – Ч. 1. – С. 96–99.

81. Торговые связи Ольвии с античным и варварским миром в I–IV вв. н.э. // Боспорский феномен: Греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной конференции. Декабрь 1999 г. СПб., 1999. С. 256–261.

82. Olbia, Tyras and Burebista // Interacademica. I. – Bucuresti, 1999. – P. 43–46.

2000

83. Новая латинская надпись и некоторые вопросы истории Ольвии в середине III в. н.э. // Stratum plus. – 2000. – № 6. – С. 225– 233. (В соавторстве с *В. М. Зубарем*).

84. Study of materials stability surrounding with loess–clay–loam rocks on example of «OLVIA» monument of Ukrainian Northern Prichernomorya // Abstracts of Materials International Youth Nuclear Congress. April 9–14, 2000. – Bratislava, 2000. (В соаторстве с *V. Kadoshnikov, B. Zlobenko, V. Manichev, L. Demchenko, T. Golovko*).

85. Study of the archaeological materials dissolution at interaction containing clay loam within ancient dirt Ukrainian Northern Prichernomorya // Abstracts of Materials International Conference on Radioactive Waste Disposal, September 4–6, 2000. – Berlin, 2000. (В соавторстве с *B. Zlobenko, V. Kadoshnikov, V. Manichev, L. Demchenko*).

2001

86. Методика проведення польових археологічних робіт з учнями. – К., Видання друге. – 2001. – 447 с.

87. О коллегии агораномов в Ольвии в первые века нашей эры // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века. Материалы IX международной конференции. Ростов–на–Дону, – 2001. – С. 108–110.

88. Статуэтка Афродиты из Ольвии // Археологические вести. – СПб., 2001. – № 8. – С. 172–174.

89. Торговые связи Ольвии с античным и варварским миром в I–IV вв. н.э. // Боспорский феномен: Греческая культура на периферии на периферии античного мира. Материалы международной конференции. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 256–261.

90. Древнейшее поселение на о. Березань // Античные памятники Северо–Западного Причерноморья. – К., 2001. – С. 11–14. (В соавторстве с *С.Д. Крыжицким*).

91. Новые находки виноделен в Ольвии // Ольвия и античный мир. Материалы международных научных чтений, посвященных 75–летию образования заповедника «Ольвия».– К., 2001. – С. 73–74. (В соавторстве с *В.В. Крутиловым*).

92. Новые находки восточногреческой керамики из Ольвии // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы международной конференции. – Санкт-Петербург, 2001. – Часть II. – С. 21–29. (В соавторстве с *А.В. Буйских*).

93. О восточногреческой керамике из раскопок Ольвии (новые материалы) // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века. Материалы IX международной конференции. – Ростов-на-Дону, 2001. – С. 46–49. (В соавторстве с *А.В. Буйских*).

94. Ольвия Понтийская // Античные памятники Северо–Западного Причерноморья. – К., 2001. – С. 15–70. (В соавторстве с *С.Д. Крыжицким*).

95. Ольвія: проблеми охорони та археологічні дослідження // Археологія. – 2001. – № 4. – С. 4–19.

96. Побут населення античних держав Північного Причорномор'я // Історія Української культури. – К., 2001. – Т. 1. – С. 410–430. (В соавторстве с *М.В. Скржинской*).

97. Розвиток справи охорони Ольвії та її зв'язок з археологічними дослідженнями // Ольвия и античный мир. Материалы международных научных чтений, посвященных 75–летию образования заповедника «Ольвия». – К., 2001. – С. 5–8.

98. Художні ремесла населення античних держав Північного Причорномор'я // Історія Української культури. – К., 2001. – Т. 1. – С. 496–511. (В соавторстве с *М.В. Скржинской*).

99. Brief Information about Catastrophic Situation with Olbia Pontica // Ольвия и античный мир. Материалы международных научных чтений, посвященных 75–летию образования заповедника «Ольвия». – К., 2001. – С. 152–153.

100. Despre sanctuarele casnice de la Nordul Marii Negre // Interacademica. II–III. – Bucureşti, 2001. – P. 103–108.

2002

101. Ботрос святилища Афродиты в Ольвии // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Материалы международной конференции. – СПб., 2002 – Часть II. – С. 24–29.

102. Взаимоотношения Ольвии и варваров в III–IV веках н.э. // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века. Материалы X международной конференции. Ростов-на-Дону, – 2002. – С. 122–126.

103. К вопросу о «закрытых комплексах» в археологии // Сучасні проблеми археології. – К., 2002. – С. 105–107.

104. Краткие итоги работ на участке Р–25 в Ольвии в 2000–2001 годах // Археологічні відкриття в Україні у 2000–2001 рр. – К., 2002. – С. 140–152.

105. Ольвия, Тира и Буребиста // Карпати в давнину. Матеріали Міжнародного симпозіуму. Carpatica–Карпатика. – 2002.– Вип. 15. – С. 129–134.

106. Ямы–погреба позднеархаического времени из Ольвии // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси–Украины. Материалы научной конференции (16–22 сентября 2002 г.) – Киев–Судак, – 2002. –С. 142–145.

107. О виноделии в Ольвии в первые века нашей эры // Северное Причерноморье в античное время. – К., 2002. – С. 45–56. (В соавторстве с *В.В. Крутиловым*).

108. Охранные раскопки в южной части Нижнего города Ольвии в 2001 году (краткие итоги) // Археологічні відкриття в Україні у 2000–2001 рр. – К., 2002. – С. 152–155. (В соавторстве с *А.В. Буйских, В.В. Крутиловым, Д.М. Хмелевским, А.И. Смирновым*).

109. Наукові читання «Ольвія та античний світ» // Археологічні відкриття в Україні у 2000–2001 рр. – К., 2002. – С. 281–283. (В соавторстве с *А.С. Русяевой*).

110. The New Data on the Board of Agoranomoi in Olbia in the Roman time // Cites grecques, societes indigenes et empires mondiaux dans la region nord–pontique: origines et developpement d'une koine politique, economique et culturelle (VIIe s.a.C. – IIIe s.p.C.). Congres international. 14–16 novembre. 2002. – Bordeaux, 2002. – P. 206–210.

2003

111. Коллегия агораномов в Ольвии // Боспор Киммерийский и варварский мир в

период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений. – Керчь, 2003. – С. 140–147.

112. Из истории позднеэллинистической Ольвии // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века. Материалы X международной конференции. – Ростов-на-Дону, 2003. – С. 27–28. (В соавторстве с *С.Д. Крыжицким*).

113. Работы Березанской (Нижнебугской) античной экспедиции в 2002 г. // Отчётная археологическая сессия за 2002 г. Тезисы докладов. – СПб., Изд–во Гос. Эрмитажа – 2003. – С. 33–35. (В соавторстве с *Я.В. Доманским, Н.С. Бекетовой, К.К. Марченко, И.В. Осокиным*).

114. Bronze Weights from Olbia // The Cauldron of Ariantas. Studies presented to A.N. Shcheglov on the occasion of his 70th birthday. – Aarhus, 2003. – P. 117–130.

115. Olbian Chora // Ancient Greek Colonies in the Black Sea.– Thessaloniki, 2003. – Vol. I. – P. 507–561. (В соавторстве с *С.Д. Крыжицким* и *Н.А. Лейпунской*).

116. Olbia // Ancient Greek Colonies in the Black Sea. – Thessaloniki, 2003. – Vol. I. – P. 389–465.

2004

117. Ольвия–музей под открытым небом. Научно–популярная брошюра. – Николаев, 2004. – 12 с.

118. Виноградарство, виноделие и виноторговля в Ольвии // Карпатика. – 2004. – Вип. 31. – С. 193–201.

119. Изделия из стекла с поселения на о. Березань // Borysthenika–2004. Материалы международной научной конференции к 100–летию начала исследований острова Березань Э.Р. фон Штерном. – Николаев, 2004. – С. 31–34.

120. Коллегия агораномов в Ольвии // Боспорские исследования. – Симферополь, Керчь, 2004. – Вып. V. – С. 127–141.

121. О некоторых проблемах хронологии и датировки многослойных памятников на примере античной Ольвии // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной конференции. – СПб, 2004. – С. 67–75.

122. Ольвия во II–I вв. до н.э. (к постановке проблемы) // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной научной конференции. – Киев – Судак, 2004. – Часть I. – С. 70–77.

123. Памятники античной археологии и туризм в Украине // Исторический и зелёный туризм в Восточном Крыму. Материалы научно–практической конференции. – Керчь, 2004. – С. 52–54.

124. Свинцовая пластина с сарматскими знаками из Ольвии // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Материалы V Боспорских чтений. – Керчь, 2004. – С. 205–208.

125. О металлургическом производстве в Ольвии (цветные металлы) // Палеоекономіка давнього населення України (IV тис. до н.е. – IV ст. н.е.). – К., 2004. – С. 66–87 (в соавторстве с *В.И. Маничевым, В.В. Крутиловым*).

126. О римском гарнизоне Ольвии в середине III в. // ВДИ. – 2004. – № 4. – С. 166–178. (В соавторстве с В.М. Зубарем).

127. Охоронні роботи Ольвійської експедиції в центральній частині Верхнього міста Ольвії (ділянка Е) 2003 р. // Археологічні відкриття в Україні у 2002–2003 рр. – К., 2004. – С. 174–176. (В соавторстве с *А.В. Буйских, В.В. Крутиловым, А.И. Смирновым*).

128. Результати досліджень 2002–2003 рр. на ділянці Р–25 в Ольвії // Археологічні відкриття в Україні у 2002–2003 рр. – К., 2004. – С. 177–181. (В соавторстве с *А.В. Буйских*).

129. Эколого–геохимические исследования почвенных палеоэкосистем на примере археологических памятников Украины // Минералогический журнал. – 2004. – Том 26. – № 2. Апрель–Июнь. – С. 67–79. (В соавторстве с *В.И. Маничев, А.А. Высотенко*).

130. About the Sanctuary of Aphrodite of the Vth Century B.C. in Olbia // Aspects of Spiritual Life in South–East Europe from Prehistory to Middle Ages. International Symposium. Summeries. – Iasi, 2004. – P. 35–37.

2005

131. К исторической топографии территории цитадели Ольвии Понтийской // Black Sea Area in the Hellenistic World System. – Tbilisi, 2005. – P. 54–56.

132. К проблеме сохранения и музеефикации земляных сооружений // Античный город: проблемы сохранения архитектурно–археологических комплексов. Материалы международного коллоквиума. – Керчь, 2005. – С. 44–45.

133. О соотношении письменных и археологических источников на примере Ольвии I в. до н.э. – III в. н.э. // Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников. – СПб., 2005. – С. 186–192.

134. Надпись наместника Митридата VI Евпатора из Ольвии // ВДИ. – № 1. – 2005. – С. 67–73. (В соавторстве с *П.Д. Диатроптовым*).

135. Нижнеднепровские городища (к проблеме возникновения и развития) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период

античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф. Материалы VI Боспорских чтений. – Керчь, 2005. – С. 66–73. (В соавторстве с *Н.А. Гаврилюк*).

136. Нові результати досліджень на території Верхнього міста Ольвії // Древнее Причерноморье. VI чтения памяти профессора П.О. Карышковского. Материалы международной конференции. – Одесса, 2005 – С. 64–72. (В соавторстве с *А.В. Буйских*).

137. Римский военный диплом из Ольвии // Херсонесский сборник. Памяти М.И. Золотарёва. – Севастополь, 2005. – Вып. XIV. – С. 197–210. (В соавторстве с *А.И. Иванчиком*).

138. Problems of Chronology of the Late Hellenistic Strata in Olbia // Chronologies of the Black Sea Area in the period c. 400–100 BC. – Aarchus, University Press, 2005. – P. 249–257.

139. An Inscription of Mithradates VI Eupator's Governor from Olbia // ACSS. 2005. – Vol. 11. – № 3–4. – P. 167–180. (В соавторстве с *П.Д. Диатроптовым*).

2006

140. Исследования последних лет в южной части Верхнего и Нижнего города Ольвии // П О N T I K A – P O N T I C A – П О Н Т И К А. International Conference.Recent researches at the Northern Black Sea coast Greek colonies. 18.03.2006. – Krakow, 2006. – P. 2–3.

141. Новые данные о культе Афродиты в Ольвии // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. – Москва, 2006. – С. 188–198. – (Труды ГИМ. Вып. 159).

142. О застройке Ольвии в конце III–IV вв. н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Οἶκος. Материалы VII Боспорских чтений. – Керчь, 2006. – С. 180–188.

143. Простая столовая посуда. Хозяйственная и кухонная керамика, лагиносы, лутерии. Другие изделия из керамики. Весовые гири. Другие изделия из камня // Древнейший теменос Ольвии Понтийской. – Симферополь, 2006. – С. 181–191, 201–202, 204–205. – (Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Supplementum. 2).

144. Исследования в юго-восточной части римской цитадели Ольвии (участок Р–25) в 2004–2005 гг. // Археологічні дослідження в Україні 2004–2005 рр. – Київ – Запоріжжя, 2006. – С. 230–237 (В соавторстве с *А.В. Буйских*).

145. Охранные работы на участках Л–1 и НГФ в Ольвии в 2004–2005 годах // Археологічні дослідження в Україні 2004–2005 рр. – Київ – Запоріжжя, 2006. – С. 238–241. (В соавторстве с *Д.Н. Хмелевским*).

146. Amphorae of the IIIrd–IVth Centuries AD in Olbia Pontica // The International Round–Table Conference. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. – Batumi, Trabzon, 27th–29th April, 2006. List of Abstracts. – P. 21–22.

2007

147. Вотивная свинцовая пластина из Ольвии с Гераклом и Никой // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. – СПб., 2007. – С. 127–132.

148. Металлообрабатывающая мастерская в Ольвии и ее связь со святилищем Афродиты // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. Материалы VIII Боспорских чтений. – Керчь, 2007. – С. 188–194.

149. О концепции музеефикации античной Ольвии // Античный город: проблемы сохранения архитекткрно–археологических комплексов. Материалы II международного коллоквиума. – Керчь, 2007. – С. 24–26.

150. Ольвия и её роль в эллинизации населения Побужья и Поднепровья // Античный мир и варвары. Ольвия, Скифия, Боспор. – Москва – Киев – Запорожье, 2007.– С. 5–17.

151. Ольвия, Тира и готы в III–IV веках н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Материалы XII международной конференции. – Ростов–на–Дону, 2007. – С. 84–87.

152. Постскифские городища Нижнего Поднепровья и Ольвия // Древности Северного Причерноморья в античное время. – Симферополь, 2007. – С. 52–65. (В соавторстве с *Н.А. Гаврилюк*). – (МАИЭТ. Supplementum. Вып. 4).

153. Римский военный диплом 157 г., выданный матросу Флавиева Мезийского флота // Древности Северного Причерноморья в античное время. – Симферополь, 2007.– С. 66–83. (В соавторстве с *А.И. Иванчиком*). – (МАИЭТ. Supplementum. Вып. 4).

154. Сіроглиняна кераміка Ольвії VI–V ст. до н.е. // Археологія. – 2007. – № 1. – С. 98–106.

155. Античні держави Північного Причорномор'я // Україна – хронологія розвитку з давніх часів до пізньої античності. – К., 2007. – С. 352–459. (В соавторстве с *С.Д. Крыжицким* и *В.М. Зубарем*).

156. Olbia and the Barbarians from the First to the Fourth Century AD // Classical Olbia and the Scythian Word. – Oxford, 2007. – P. 161–172. – (Proceedings of the British Academy. – Vol. 142).

157. Olbia Pontica in the III–IV centuries A.D. // Ancient Greek Colonies in the Black Sea 2.– Oxford, 2007. – P. 591–626.

158. Lower Dnieper settlements and the Influence of Greek Culture (IInd century B.C. – IInd century A.D.) // Ancient Greek Colonies in the Black Sea 2. – Oxford, 2007. – P. 563–590. (В соавторстве с *Н.А Гаврилюк*).

159. Nouvelles données sur le collége des agoranomes d'Olbia à l' époque romaine // Une Koiné Pontique. Cités Grecques, Sociétés indigenes et Empires Mondiaux sur le littoral Nord de la Mer Noire (VIIe s.a.C. – IIIe s.p.C.). – Bordeaux, 2007. – P. 111–123. (В соавторстве с *А.И. Иванчиком*).

2008

160. Домашние святилища конца 2 – первой трети 3 вв. н.э. в Ольвии и Тире // Этнические, демографические и духовные взаимоотношения Северного и Западного Причерноморья в античную эпоху, византийский период и средневековье. 11 Заседание Совместной Комиссии по исследованию в области истории, археологии, этнографии и фольклора НАН Украины и Румынской АН (22–27 сентября 2008 г., Симферополь). Тезисы. – Симферополь, 2008. – С. 26–30.

161. Исследования последних лет в южной части Верхнего и Нижнего города Ольвии // Понтика 2008. Новейшие исследования греческих колоний Северного Причерноморья. – Краков, 2008. – С. 95–110.

162. О разгроме Тиры в первой половине III в. н.э. // Древнее Причерноморье. – Одесса, 2008. – Вып. VIII. – С. 191–198.

163. О финальном этапе истории Ольвии // Наукові праці. Науково–методичний журнал. – Миколаїв, 2008. – С. 76–78. – (Серія «Історичні науки». Спецвипуск. Т. 96, Вип. 83).

164. Оборонительные сооружения II–III вв. н.э. в юго–восточной части Ольвии // IX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир.в период античности и средневековья. Militaria. – Керчь, 2008. – С. 139–146.

165. Ольвия Понтийская // *Б.Н. Кузык, Ю.В. Яковец.* Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. – Том III. Северное Причерноморье – пространство взаимодействия цивилизаций. – Москва, 2008. – С. 505–516.

166. Позднеантичная Ольвия в свете находок краснолаковой керамики // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху. – СПб., 2008. – С. 73–81. (В соавторстве с *К. Домжальским*).

167. Проблеми збереження археологічного надбання України в умовах глобалізації // Духовність українства XXI століття. VIII Всеукраїнська науково–практична конференція. – Кіровоград, 2008. – С. 17-18.

168. Olbia Pontica in the 3rd–4th Centuries AD. Late Antiquity or Post Antiquity? // Pontika 2008: Recent Research on the Northern and Eastern Black Sea in Ancient Times. International Colloquium at the Institute of Archaeology Jagiellonian University, Cracow 21–26 April 2008. Abstracts. – Cracow, 2008. – P. 44.

169. The Problems of Comparative Analyses of Grey Ware from Forest–Steppe and Classical States of the North–West Black Sea Littoral in Early Iron Age // Pontic Grey Wares. International Conference. – Bucurest – Constantza, 2008. – P. 53-67. (В соавторстве с *Н.А. Лейпунской*).

170. Late Hellenistic Red Slip Ware in Olbia // Pottery, Peoples and Places: Study and Interpretation of Late Hallenistic Pottery. International Conference. 27–29 November, 2008. Program, Participants list, Abstracts, Abstract illustrations. – 2008. – P. 45.

171. Trading Connections of Olbia Pontica in the 1st – 4th Centuries A.D. // Omagiu lui Gavrila Simion la a 80–a aniversare.– Constantsa, 2008. – P. 201–204.

2009

172. Мраморная статуэтка Афродиты из Ольвии // Боспорский феномен: искусство на периферии античного мира. – СПб., 2009. – С. 381–384.

173. О позднеэллинистической краснолаковой керамике из Ольвии (по материалам участка НГС) // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. XV. Збірник наукових праць. Матеріали конференції «Проблеми скіфо–сарматської археології Північного Причорномор'я (До 110–річчя з дня народження Б.М.Гракова). – Запоріжжя, 2009. – С. 76–79.

174. О природном разрушении южной части Верхнего города Ольвии и перспективах ее исследования // X Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. – Керчь, 2009. – С. 233–239.

175. Об общей характеристике и археологическом контексте надписей Ольвии // Ольвийские древности. Сборник научных трудов памяти В.М. Отрешко (1949–1999). – К., 2009. – С. 281–284.

176. Тира, Ольвия и варвары в III в. н.э. // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в скифо–античное и хазарское время. – Ростов-на-Дону, 2009. – С. 196–205. С. 196–205.

177. Світлої пам'яті Ніни Олександровни Лейпунскої // Археологія. – 2009. – № 1. – С. 120–121.

178. Ceramics from Sinope in Olbia Pontica // Sinope. The results of Fifteen years of researches. Abstracts. – Sinope, 2009. – P. 58.

179. Local Grey Ceramics of the VI–Vth centuries BC in Olbia // Il Mar Nero. – 2004/2006. – T. VI. – P. 97–117.

180. Les inscriptions d'Olbia du Pont. Caracteristiques generales et contexte archeolologique // Etudes anciennes 42. Le grec du monde colonial antique. I. Le N. et N.–O. de la Mer Noire. Actes de la Table Ronde de Nancy 28–29 septembre 2007. Ed. *Guy Vottero*. – Paris, 2009. – P. 67–80.

181. Grey Table Ware from Late Archaic – Early Classical Complexes of the Central Quarter of Olbia Pontica // PONTICA. – XLII. Supplementum I. Pontic Grey Wares. – Constantsa, 2009. – P. 67–76. (В соавторстве с *Н.А. Лейпунской*).

2010

182. The Lower City of Olbia (sector NGS) in the 6th Century BC to the 4th Century AD. / Ed. by *N.A. Lejpunskaja, P. Guldager Bilde, Ja. Munk Højte, V.V. Krapivina, S.D. Kryzickij*.– Aarhus, 2010. –Vol. 1, 2. – (BBS 13).

183. О металлообработке и гончарстве в Ольвии в конце 3–4 вв. н.э. // XI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремёсла и промыслы. – Керчь, 2010. – С. 232–239.

184. О святилищах Афродиты в Ольвии // Проблемы истории и археологи Украины. Материалы VII Международной научной конференции. 28–29 октября 2010 г. – Харьков, 2010. – С. 43–44.

185. Опыт музеефикации архитектурно–строительных комплексов в Ольвии (на примере участка Р–25) // Боспорские исследования. XXIV. – Керчь, 2010. – С. 332–354.

186. Новые находки на участке Северный мыс 1 некрополя Ольвии // Археологічні дослідження в Україні 2009 р. – Київ – Луцьк, 2010. – С. 235–237. (В соавторстве с *А.В. Ивченко*).

187. Основные итоги работ на участке Р–25 в Ольвии в 2007–2008 гг. // ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. – Москва, 2010. – Вып. 1. – С. 108–117. (В соавторстве с *А.В. Буйских*).

188. Дослідження південної частини Верхнього міста Ольвії 2009 року // Археологічні дослідження в Україні 2009 р. – Київ – Луцьк, 2010. – С. 232–234. (В соавторстве с *А.В. Буйских, Д.М. Хмелевским*).

189. Amphorae of the 3rd–4th Centuries A.D. in Olbia Pontica // PATABS I. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. Actes de la Table Ronde internationale de Batoumi et Trabzon, 27–29 Avril 2006. – Paris, 2010. – P. 69–73. Pl. 37–39.

190. Home Sanctuaries in the Northern Black Sea Littoral // Ancient Sacral Monuments in the Black Sea. Ed. by *E. Petropoulos* and *A. Maslennikov*. – Thessaloniki, 2010. P. 127–147, 155–164.

191. New Data on the Significance of the Cult of Aphrodite in Olbia Pontica // Ancient Sacral Monuments in the Black Sea. Ed. by *E. Petropoulos* and *A. Maslennikov*. – Thessaloniki, 2010. – P. 148–154, 165–170.

2011

192. Два домашних святилища римского времени в Ольвии и Тире // Древнее Причерноморье. – Одесса, 2011. – Вып. IX. – С. 220–226.

193. Методика полевых археологических исследований античных памятников (на примере Ольвии Понтийской) // Методика полевых археологических исследований. Выпуск 4. Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья. Опыт методики российских и украинских полевых исследований. – Москва, 2011. – С. 71–90.

194. О предметах с сарматскими знаками из Ольвии // XII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. – Керчь, 2011. – С. 199–203.

195. Об этническом составе населения Ольвии в первые века н.э. (к проблеме корреляции данных археологии и лингвистики) // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. – СПб, 2011. –С. 485–492.

196. Новый производственный комплекс позднеархаического времени из Ольвии // XII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. – Керчь, 2011. – С. 204–210. (В соавторстве с *А.В. Буйских*).

197. Дослідження ділянки Р–25 в Ольвії 2008 року // Археологічні дослідження в Україні 2008 р. – К., 2011. – С. 162–164. (В соавторстве с *А.В. Буйских*).

198. Дослідження ділянки Р–25 в Ольвії 2010 року // Археологічні дослідження в Україні 2010 р. – Полтава, 2011. – С. 202–203. (В соавторстве с *А.В. Буйских*).

199. Ceramics from Sinope in Olbia Pontica // ACSS. – 2011. – Vol. 16, –№ 1–2. – P. 467–477.

200. Grey Ware in Olbia and in the Settlements of the Chernyakhov Culture in the Lower Bug Region. Current State of Research and Possibilities for Further Investigations // Drehscheibentöpferei im Barbaricum. Technologietransfer und Professionalisierung eines Handwerks am Rande des Römischen Imperiums // Bonner Beiträge. 13. Eds. *Ja. Bemmann, M. Hegewisch, M. Meyer,*

M. Schmauder. – Bonn, 2011. – S. 417–428. (В соавторстве с *E. Schultze*).

201. Olbia Pontica and its Role in Hellenization of the Region of Lower Bug and Lower Dnieper // Russia and the Mediterranean. Proceedings of the First International Conference (Athens, 19–22 May 2005). Eds. *O. Katsiardi–Hering, A. Kolia–Dermitzaki, K. Gardikas*. – Athens, 2011. – Vol. – P. 63–81.

202. Olbia Pontica in the 3rd–4th Centuries AD. Late Antiquity or Post Antiquity? // Pontica 2008. Recent Research on the Northen and Eastern Black Sea in Ancient Times. Proceedings of the International Conference, 21st–26th. April 2008./ Eds. *E. Papuci–Wladyka, M. Vickers, Ja. Bodzek, D. Braund*. – Krakow – Oxford, 2011. – P. 203–209.

203. The Population of Olbia Pontica in the First Centuries AD. The Ethnic Problem // Antiquites istro–pontica: Melanges d'histore ancienne offerts a Alexandru Suceveanu. Eds. *M.V. Angelescu, I. Achim, A. Baltac, V. Rusu–Bolindet, V. Bottez*. – Cluj–Napoca, 2011. – P. 59–69.

2012

204. Домашние святилища античных памятников Северного Причерноморья // Боспорские исследования. – Симферополь, 2012. Вып. XXVI. – С. 182–217.

205. О находке двух мраморных скульптур в Ольвии в 2010 году // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы VIII Международной научной конференции. – Харьков, 2012. – С. 40.

206. Ольвия Понтийская и варвары в I–IV вв. н.э. // Карпатика. 2012. – Вип. 40. – С. 91–123.

207. Планировочная структура Ольвии первых вв. н.э. // Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. – Керчь, 2012. – С. 225–232.

208. Три мраморные статуэтки Афродиты из Ольвии // Древности Боспора. – Москва, 2012. – № 16. – С. 239–246.

209. Дослідження ділянки Р–25 в Ольвії // Археологічні дослідження в Україні 2011 р. – Луцьк, 2012. – С. 325–326. (В соавторстве с *А.В. Буйских*).

210. Olbia Pontica. The Main Results of Investigations (2006–2010) // Etudes pontiques. Histoire, historiographe et sites archeologiques du bassis de la mer Noire / Ed. *P. Burgunder* – 2012. – P. 261–278. – (Etudes de lettres. 1–2).

2013

211. Позднеантичный период истории Ольвии Понтийской // ВДИ. – 2013. – № 1. – С. 77–94.

2014

212. Late Hellenistic Red–Slip Ware in Olbia // Pottery, Peoples and Paces. BSS,16 / Ed. Pia Guldager Bilde and Mark L. Lawall. – Aarhus Universaty Press, 2014. – P. 287 – 295.

213. Ольвия // Большая Российская Энциклопедия. – Т. 24. Москва: Изд-во БРЭ. – С. 139–140.

214. Дипинти и граффити на амфорах римской Ольвии // МАИЭТ. Симферополь–Керчь. 2014. – Вып. XIX. – С. 3–68. *(с П.Д. Диатроптовым).*

215. Сероглиняная керамики // Крыжицкий С.Д., Лейпунская Н.А. Жилые дома Центрального квартала Ольвии. Симерополь–Киев, 2014. – с. 410–435.

216. Ольвія Понтійська в греко–римський та пізньоантичний періоди. – Київ: Видавець Олег Філюк, 2014. – 358 с.

ФОТОТЕКА

Валентина Владимировна Крапивина и мы

КАРТИННАЯ
ГАЛЕРЕЯ

Более 30 лет руководит раскопками древнегреческого города Ольвия, который до начала IV века нашей эры стоял в 35 километрах от нынешнего Очакова, член-корреспондент АН УССР Л. М. Славин. В этом году у него появилось множество молодых помощников — студентов-историков различных вузов страны. НА СНИМКЕ: Л. Славин и студентка Киевского государственного университета В. Бобкова рассматривают недавно найденную амфору.

Фото К. Дудченко (ТАСС).

УДК [904.4:904'15] (477.73) «652»

В.В. Крапивина

ОЛЬВИЯ И САРМАТЫ

Жизнь в Ольвии возрождается не ранее конца I в. до н.э. Жители возвращаются на старые места, чему способствовало как изменение политической обстановки в регионе, так и осознание ольвиополитами своего единства. Дион Хрисостом, посетивший Ольвию в 99 – 100 гг. н.э., подчеркивает патриотизм ее жителей и их безусловное уважение ко всему греческому (Or., XXXVI). Политическое образование Буребисты распалось вскоре после его смерти в 44 г. до н.э., а с 29 г. до н.э. римляне предпринимают попытки усмирения гетов и они перестают быть опасными для своих восточных соседей. В то же время нижнеднепровские городища оказываются под ударом продвигающихся на запад сарматских племен. Отток населения происходит в южном направлении, возрождается Ольвия и поселения вокруг нее. Заново формируется гражданская община города и его округи, права гражданства в ней получают все, кто принимал участие в восстановлении Ольвии, в том числе и эллинизированная часть варварского, первоначально скифского населения, которое, по-видимому, и дало большое количество иноязычных имен среди должностных лиц в надписях города [Крапівіна, 1994, с.123–129].

Сами жители Ольвии как с греческими, так и с иранскими или смешанными именами ощущали себя эллинами, относясь безразлично к пестрой смеси имен. Они говорили по-гречески, отправляли в полисе должности архонтов, стратегов, агорамонов и жрецов, поклонялись греческим богам [Латышев, 1887, с. 173–174; Крапівіна, 1994, с. 123–129]. Какое-то количество имен могло появиться и под влиянием сарматського окружения. Употребление иностранных собственных имен, безусловно, свидетельствует о воздействии иноязычной стихии, но не может быть истолковано как следствие соединения разноэтнических элементов в одной среде [Білецький, 1957, с. 21, 25].

© В.В. КРАПИВИНА, 2015

Изучение сарматских памятников нижнебугского региона показывает, что с середины I в. н.э. они локализованы вокруг Ольвийского государства [Симоненко, Лобай 1991, с. 86–87], а в последней четверти I в. н.э. Ольвия находится в сильном сарматском окружении [Симоненко, 1999, с. 116]. Вероятно, в определенной мере сармат сдерживала система городищ, существовавшая в это время по Днепро-Бугскому лиману и державшая под контролем границы государства [Буйских, 1991, с. 110–115].

Судя по данным эпиграфики, Ольвия продолжала оставаться самостоятельным государством с обычной полисной структурой, здесь функционировали все главные органы полисной демократии [Карышковский, 1982, с. 6 и сл.].

Тем не менее, во второй половине I в. н.э. существовала какая-то зависимость Ольвии от сарматских племен во главе с царями Фарзоем и Инисмеем, живших к северо-западу от границ Ольвийского государства. Долгое время Фарзоя и Инисмея считали скифскими правителями [Латышев, 1887, с. 160–161; Зограф, 1930, с. 137; Гайдукевич, 1955, с. 61; и др.]. П.О. Карышковский убедительно доказал, что они были правителями какой-то группы сарматских племен, живших к северо-западу от границ Ольвийского государства [Карышковский, 1982, с. 73–75]. Сейчас этот факт ни у кого из исследователей сомнений не вызывает.

Незадолго до середины I в. н.э. появляется многочисленная группа городских монет с изображением головы Зевса вправо на аверсе и орла с распущенными крыльями в три четверти вправо или влево с надписью ΟΛΒΙΟ (ΠΟΛΕΙΤΩΝ) или ΟΛΒΙΟ (ΠΟΛΙΕΤΕΟΝ) на реверсе. На части серий – буквы сигма, дзета, эта, тета – являющиеся числовыми дифферентами. Одновременны этим монетам золотые монеты царя Фарзоя. На аверсе – изображение головы Фарзоя вправо, на реверсе – орел в три четверти вправо, буквы ΟΛ, тамга или монограмма, а также числовые дифференты, аналогичные выявленным на городских медных монетах. Имя Фарзоя встречается как на аверсе, так и на реверсе [Карышковский, 1988, с. 108–112; Анохин, 1989, с. 58–59]. В конце 70-х – начале 80-х годов I в. н.э. вместо золотых монет Фарзоя чеканятся серебряные Инисмея (Иненсимея). Существует предположение, что последний являлся наследником Фарзоя, что вытекает не только из факта чеканки монет обоих царей в Ольвии, но и из сходства их родовых знаков. Родовой знак Инисмея усложнен по тому же принципу, что и родовые знаки на Боспоре при переходе власти от отца к сыну [Анохин, 1989, с. 70]. Однако С.А. Яценко выражает сомнение, что близость тамг Фарзоя и Инисмея обязательно свидетельствует об их родстве как отца и сына, так как тамги Инисмея практически отсутствуют в «энциклопедиях» сарматских знаков и вообще достаточно редки [Яценко, 2001, с. 49–50].

Изучение материальной культуры Ольвии этого времени показывает практическое отсутствие ее сарматизации. При этом под сарматизацией подразумевается значительное изменение характера материальной и духовной культуры населения города в связи с приобретением ряда черт, характерных для сарматского общества. Наличие отдельных элементов в культуре населения Ольвии, а тем более, каких-либо предметов, связываемых со скифо-сарматским окружением, свидетельствует само по себе только о контактах между ними [Крапивина, 1993, с. 145–146]. До сих пор на некрополе и в предместье Ольвии было найдено небольшое количество предметов, связываемых с сарматами: четыре зеркала, флакон, браслет, четыре каменные плиты с сарматскими знаками и кинжал с кольцевым навершием [Соломоник, 1959, с. 17, 30, 31, 36, 42 120–123, 126, 127, 130, 131, 143–146; Денисова, 1988, с. 237; Симоненко, Лобай, 1991, с. 86]. Особо отметим выявленные в кургане римского времени, скульптурные изображения каменных львов, покрытые сарматскими знаками и небольшими углублениями. Вероятно, они использовались в религиозно-культовых целях. Знаки были нанесены неоднократно и различными лицами [Соломоник, 1959, с. 29, 87–97]. Более того, они наносились на протяжении длительного промежутка времени – от Динами и Фарзоя до Рискупорида IV и Радамсада. Они содержат также знаки сарматско-аланской аристократии II – I вв. до н.э. – середины IV в.н.э. из различных регионов – современной Украины, Нижнего Дона, в меньшей степени – северного побережья Азовского моря. Было также высказано предположение о том, что львы попали в курганную насыпь в раннем средневековье [Яценко, 2001, с. 66–67].

В последние годы в научный оборот было также введено погребение конца I в. н.э. двух знатных сармат, выявленное в 1918 г. в 10 км к северу от Ольвии[1] [Bachmann, 1994, с. 112–113; Симоненко, 1999, с.106–118]. Оно соединяет черты античного и сарматского погребального обряда, а также содержит ряд предметов с сарматскими тамгами, в том числе деревянную арфу.

Согласно свидетельству Диона Хрисостома и эпиграфическим данным, обстановка в районе Ольвии в описываемый период оставалась достаточно сложной, город постоянно подвергался нападениям, в его окрестностях кочевали сарматы и скифы. Сообщая о жителе Ольвии Каллистрате, Дион подчеркивал, что он храбр на войне и многих савроматов или убил, или взял в плен (Or., XXXVI). Затем он описывает один из набегов скифов, которые зазевавшихся часовых убили, а других, может быть, увели в плен. О судьбе их не было определенных сведений, вследствие того, что бежавшие забрались слишком далеко, бросившись бежать не по направлению к городу. Ворота были на запоре, на стене было водружено военное знамя. Собравшиеся послушать речь Диона ольвиополиты почти все были вооружены (Or., XXXVI). Ольвиополиты неоднократно отправляли посольства к скифам и сарматам, очевидно, для того, чтобы предотвратить набеги на город с помощью даров или дани [Латышев, 1887, с. 190]. Судя по сообщению Диона Хрисостома, им это удалось, набеги скифов и сарматов ни разу не закончились разорением города, гетский разгром он называет последним и самым сильным в истории Ольвии. Кроме того, посетив город вскоре после длительной чеканки здесь монет Фарзоя и Инисмея, он совершенно не упоминает о подчинении его скифам или сарматам. Кажется маловероятным, чтобы он не

1. Первоначально местонахождением этого погребения ошибочно считали Ольвию [Симоненко, 1994, с. 118 – 121], однако в результате более тщательного исследования было установлено, что оно было раскрыто в 10 км к северу от Ольвии [Bachmann, 1994, с. 112–113; Симоненко, 1999, с. 106].

Рис. 1. Каменная скульптура льва с сарматскими знаками (Ольвия)

упомянул об этом важном факте истории города, описывая его отношения с окружающими племенами как непосредственно после гетского разгрома, так и в последующее время (См.: Or., XXXVI).

Данные археологии, нумизматики и эпиграфики свидетельствуют об отсутствии насильственного захвата Ольвии сарматами и прямого подчинения ее сарматским властителям Фарзою и Инисмею. Впрочем, сейчас это положение в целом и не оспаривается, разногласия вызывает определение конкретных племен сарматов, которых возглавляли Фарзой и Инисмей (сираки, аорсы или аланы?), степень зависимости города от них и их взаимоотношения с Римской империей (Ср.: [Анохин, 1971; 1989; Карышковский, 1982; 1988; Щукин, 1982; 1994; Яйленко, 1987; Русяева, 1989; Виноградов, 1990; 1994; Крапивина, 1993; 1994; Симоненко, Лобай 1991; Симоненко, 1994; 1999].

Практически одновременно с определением Фарзоя и Инисмея в качестве царей сираков, получила развитие гипотеза о том, что они возглавляли племена аорсов – союзников Рима в римско – боспорской войне, которые перекочевали в Северо-Западное Причерноморье из районов Подонья – Нижнего Поволжья, в то время как на их исконных землях появляются аланы [Симоненко, Лобай, 1991, с. 84–88; Симоненко, 1992, с. 148–162; Виноградов, 1994, с.166–169]. Инисмей, вероятно, был похоронен у с. Пороги в верховьях Днестра [Симоненко, Лобай, 1991, с. 71–75, 84–86]. При такой интерпретации снимается вопрос о противостоянии Ольвии и Фарзоя Римской империи.

Возможно, полученные от Рима льготы соответствовали вкладку каждого из союзников в дело победы над Митридатом III. Херсонес и царь аорсов Фарзой начинают чеканить золотую монету, а Ольвия – медную. Не исключено, что аорсы были переселены Римом ближе к дунайской границе с целью ее укрепления и на них была возложена функция охраны и защиты Ольвии, которая и осуществила, возможно, в качестве оплаты за это чеканку золотых монет Фарзоя [Крапивина, 1993, с. 147]. Эта чеканка в течении ряда лет предполагала периодические визиты либо самого Фарзоя со свитой, либо его представителей в Ольвии. Вероятно, как и ранее Скил, они оставляли свиту за городскими воротами, чем и объясняется находка на территории ольвийского некрополя скульптур львов греческого производства с сарматскими знаками и небольшими углублениями. Не исключается их использование в ритуальных целях и нападавшими на город сарматами, о которых писал Дион Хрисостом (Or., XXXVI). Представители сарматских царей Фарзоя и Инисмея могли даже какое-то время проживать как в Ольвии, так и на ее хоре, контролируя чеканку монет и осуществляя охрану государства. Этим также можно объяснить появление богатого парного сарматского погребения конца I в. н.э. на хоре Ольвии.

В Ольвийском декрете I в. н.э., найденном под Мангупом, упоминаются посольства к наместникам Мезии, которые изыскали возможность и послали на помощь Ольвии вспомогательный отряд, а также к великим царям Аорсии [Сидоренко, 1988, с. 86–87; Виноградов, 1994, с. 166–169], что подтверждает связь Ольвии с Римом и аорсами.

В целом этой гипотезе не противоречит и то, что часть исследователей достаточно убедительно отождествляет Фарзоя и Инисмея с аланами, так как ряд фактов свидетельствует о тесных родственных связях царских родов аорсов и аланов [Скрипкин, 1990, с. 208–220; Яценко, 1993, с. 83, 85]. Скорее всего, в середине – третьей четверти I в. н.э. к северу и северо-западу от Ольвии, действительно, появились аорсы, но под политическим главенством и в составе аланской орды [Симоненко, 1999, с. 115]. Тип тамги Фарзоя, в частности, мог попасть в Сарматию из восточносакского культурного мира. Тамга собственно Фарзоя представлена как в Ольвии и ее округе, так и в Пантикапее и далее – в Хакасии. Встречается она также на парадных копьях у германцев Польши и Норвегии. Тамги Инисмея гораздо более редкие, кроме Ольвии, они зафиксированы к северо-западу от нее – на территории современной Винницкой области в Украине и в Рошаве-Драгане в Болгарии. Единственный точный аналог ей в иранском мире – на окраинных землях усуней [Яценко 2001, 49–50].

В середине II в. н.э. на Ольвию нападали «тавро-скифы», которые впервые упоминаются Птолемеем, как живущие в окрестностях Ахиллова бега (Тендровской косы) [Латышев, 1887, с. 190]. Следы разрушений прослеживаются на всех приольвийских городищах, иногда здесь выявляют сарматские железные трехлопастные наконечники стрел II в. н.э., что дает возможность предполагать, что так называемые тавро-скифы, скорее всего, были сарматами. Система городищ Ольвийского государства приняла удар на себя и выполнила свою задачу – столица государства осталась невредимой [Буйских, 1991, с. 134]. Ольвиополиты выиграли время и, поскольку они сами были не в силах отразить нападение, обратились за помощью к римлянам. Антонин Пий выслал войска, которые потеснили «тавро-скифов» и вынудили заключить выгодный для Ольвии мир, дать заложников (SHA, Ant. Pius, 9,9). Возможно, именно об этой победе упоминается в одной из ольвийских надписей, в которой указывается, что служи-

тели храма Аполлона украсили храм, гордые славой, так как была «сведена трофееносная пообеда на толпы супостатов, которую все отечество празднует жертвоприношениями» (IOSPE, I, № 175). Можно предположить, что и надпись, упоминающая благодарственное жертвоприношение за мир и спасение города, совершенное при жреце Амнаге, сыне Рафагора, которое датируется в пределах II в. н.э. (IOSPE, I, № 162), относится к этому же времени [Крапивина, 1993, с. 148].

После снятия осады тавро-скифов войсками, присланными Антонином Пием (138–161 гг.), в Ольвии размещается римский гарнизон, а в конце 197 – первой половине 198 гг. она была включена в состав римской провинции Нижняя Мезия (подробнее – см.: [Крапивина, 1993, с. 149–150].....[2]

2. На этом рукопись В.В. Крапивиной прерывается. Список литературы по тексту статьи составлен А.Г. Кузьмищевым.

Иллюстрация включена Н.А. Гаврилюк, поскольку фото было сделано ею по просьбе В.В. Крапивиной именно для этой статьи.

Анохин В.А. К вопросу об ольвийской эре // Нумизматика и сфрагистика. – 1971. – № 4. – С. 87-91.

Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. – К., 1989 – 128 с.

Білецький А.О. Про власні імена з ольвійських написів. // Археологія. – 1957. – Т. XI. – С. 21–34.

Буйских С.Б. Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры). – К., 1991. – 160 с.

Виноградов Ю.Г. Ольвия и Траян // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. Тезисы докладов. – Москва, 1990. – С. 27-32.

Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в.н.э. // ВДИ. – 1994. – № 2. – С. 151-171.

Гайдукевич В.Ф. История античных городов Северного Причерноморья (краткий очерк) // Античные города Северного Причерноморья. – М.-Л., 1955. – С. 23-147.

Денисова В.И. Памятник с сарматскими знаками из Ольвии // Тезисы докладов Крымской научной конференции “Проблемы античной культуры”. – Симферополь, 1988. – С. 237.

Зограф А.Н. Римские монеты из Ольвии // ИГАИМК. – 1930. – VI. – Вып. 4. – С. 5-15.

Карышковский П.О. О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. – К., 1982. – С. 66-82.

Карышковский П.О. Монеты Ольвии: Очерк денежного обращения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху. – К., 1988. – 168 с.

Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н.э. – К., 1993. – 184 с.

Крапівіна В.В. Про етнічний склад населення Ольвії в перші ст. н.е. // Археологія. – 1994. – № 2. – С. 123–129.

Латышев В.В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. – Санкт-Петербург, 1887. – 314 с.

Русяєва А.С. До історії взаємовідносин Ольвії з сарматами // Проблеми історії та археології давнього населення УРСР. Тези доповідей. – К., 1989. – С. 192-193.

Сидоренко В.А. Фрагмент декрета раннеримского времени из раскопок под Мангупом // Проблемы античной культуры: Тезисы докладов Крымской научной конференции. – Симферополь, 1988. – Часть 1. – С. 86-87.

Симоненко А.В. Фарзой и Инисмей – аорсы или аланы? // ВДИ. – 1992. – № 3. – С. 148-162.

Симоненко О.В. Сарматське поховання з тамгами на території Ольвійської держави // Археологія. – 1999. – № 1. – С. 106-118.

Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. – К., 1991. – 128 с.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и её исторический аспект. – Саратов, 1990. – 300 с.

Щукин М.Б. Царство Фарзоя. Эпизод из истории СеверногоПричерноморья // СГЭ. – 1982. – XLVII. – С. 35-37.

Щукин М.Б. На рубеже эр. – СПб., 1994. – 323 с.

Яйленко В.П. Несколько греческих граффити и “сарматская” надпись с Березани // Античная балканистика. – Москва, 1987. – С. 147-154.

Яценко С.А. Аланы в Восточной Европе в середине I – середине IV вв. н.э.(локализация и политическая история) // Петербургский археологический вестник. – 1993. – № 6. – С. 83-88.

Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. – М., 2001. – 187 с.

Bachmann W. Die Skythisch-Sarmatische Harfe aus Olbia. Vorbericht zur rekonstruktion eines unveroffentlichten in kriege vershollenen musikinstruments // Sons originels. Prehistorie de la musique. – Liege, 1994. – S.112-113.

УДК [904.4:72] (477.73) «652»

С.Д. Крыжицкий

АРХИТЕКТУРНО–СТРОИТЕЛЬНЫЕ ОСТАТКИ В БЕРЕГОВОМ КЛИФЕ ОЛЬВИИ (1966 –1968, 1970, 1972 гг.)

Изложены основные результаты наиболее активной фазы исследования архитектурно-строительных остатков, разрушающихся в береговом клифе Ольвийского городища.

Ключевые слова: клиф, берег, кладка, вымостка.

Ольвийский береговой клиф проходит вдоль восточной стороны Нижнего города (рис. 1) и поднимается в террасной части в районе ольвийской цитадели до 25 м от уровня лимана [Крыжицкий, 1985, с. 42 и сл.]. В клифе выделяется три зоны. Северная зона наиболее протяженная и простирается к югу от устья Северной балки до северного склона Ольвийского мыса. Клиф здесь вертикален, имеет высоту от 4 до 10 м, насыщен строительными остатками и состоит из культурных напластований различных этапов жизни города, начиная примерно от классического этапа и кончая невыразительными остатками первых вв. н.э. Нижележащие слои позднеархаического и раннеклассического времени практически не затронуты, т.к. находятся ниже берегового уреза. Ежегодное разрушение в результате водной и ветровой эрозии приводит к постепенному перемещению клифа в западном направлении. Средняя зона клифа охватывает северный склон Ольвийского мыса, его нижняя половина (до 8–10 м от уровня лимана) находится в стадии задернования, верхняя (до 25 м от уровня лимана) активно разрушается. Южная зона клифа охватывает юго–восточный склон Ольвийского мыса и представляет собой в значительной части задернованный клиф (рис. 2, 3), эрозия здесь дошла до подошвы юго-восточной оборонительной линии II–III вв. н.э. на уровне 22–25 метровых горизонталей [Крыжицкий, 1985, с. 44].

Рис. 1. Ольвийский клиф в центральной части Нижнего города. (Н.а. ЛОИА, № 52669; II-9667)

© С.Д. КРЫЖИЦКИЙ, 2015

Строительные остатки, находящиеся в клифе привлекли внимание авторов первых планов Ольвии еще в начале XIX в., когда отмечалось наличие в клифе заваливших-ся подземных «ходов» или «погребов для склада вин» по И.М. Муравьеву-Апостолу, а по П.И. Кёппену – заваливших-ся подземных «ходов» или «водопроводов» [Карасев, 1956, с. 13, 16, рис 1, 3]. Дальнейшие исследования клифа, однако, дали основания отказаться от этих определений. Первые из них образовываются в результате волновой активности лимана. Вторые же представляли собой, скорее всего, торцовые обнажения трехслойных орфостатных кладок, как это видно на одной из фотографий зачистки клифа, сделанной еще при Б.В. Фармаковском. Позднее торец аналогичной кладки был выявлен и в ходе наших зачисток клифа в 1966 г. [Крыжицкий, 1985, с. 18, рис. 1; 1967, с. 132, рис. 7]. Не исключено, что за водопроводы могли быть приняты водостоки. Один из таких водостоков относительно большого сечения (0,3 х 0,3 м), подходивший перпендикулярно к клифу, был открыт в ходе раскопок участка НГС [Kryžickij, Lejpunskaja, 2010. Vol. 1, p. 38, 39. Vol. 2, Pl. 7, *2*].

Рис. 2. Начало клифа в Террасной части Ольвии. (Н.а. ЛОИА, № 52670; II-9668)

Рис. 3. Клиф южной оконечности ольвийского клифа. (Н.а. ЛОИА, № 52941; II-9968)

Разрушение клифа и находящихся в нем строительных остатков происходило в результате действия не только природных сил – абразии, эрозии, постепенного повышения уровня лимана, оползней грунта [Крижицький, 2001, с. 20 і далі], но и вследствие воздействия антропогенного фактора. Как отмечал Б.В. Фармаковский, до начала в Ольвии исследований Императорской Археологической Комиссии здесь существовал целый промысел: «остатки древнего города обращены были промышленниками в каменоломню» [Фармаковский, 1913, с. 3, 4, рис. 3, 4; Крапівіна, 2001, с. 5 і далі] (рис. 4).

Наиболее ранние (из известных в настоящее время) археологические зачистки каменных стен, выступающих из берегового клифа, были осуществлены Б.В. Фармаковским. Очевидно, это было сделано в основном при начале в 1909 г. раскопок в Нижнем городе. Од-

Рис. 4. Фрагмент «каменоломни». (Н.а. ЛОИА, № 52676; II-9674)

Рис. 5. Подвальное помещение в клифе до начала раскопок. (Н.а. ЛОИА, № 52686; II-9684)

Рис. 6. Подвальное помещение в клифе после окончания работ. Вид с юго-востока. (Н.а. ЛОИА, № 52688; II-9686)

Рис. 7. То же. Вид с юга на поперечное сечение западной стены подвала. (Н.а. ЛОИА, № 52687; II-9685)

нако, в опубликованных отчетах о раскопках конкретные сведения о результатах этих работах отсутствуют, по–видимому, в связи с разрозненностью полученных фактов. Все же некоторое представление о раскопанных строительных остатках этого цикла охранных работ можно получить по фотографиям из фотоархива ИИМК, что дает общее представление об исследовавшихся объектах, но практически исключает возможность более или менее точной привязки к местности открытых в клифе строительных конструкций и существенно сужает возможности их интерпретации.

Так, на одной из серий фотографий показан первоначальный (до начала зачисток) вид подвального помещения с высотой стен более метра (рис. 5) и затем – после его раскопок (рис. 6). На снимке видна трехслойная конструкция западной (рис. 7) и северной (рис. 8) стен, что с учетом сохранившейся высоты кладок и глубины заложения их подошв в уровне зеркала лимана свидетельствует о том, что помещение было подвальным. В свою очередь техника кладки, тщательность исполнения и стратиграфическое положение этого объекта с учетом накопленных к настоящему времени сведений о стратиграфии клифа в различных местах городища позволяют датировать его, скорее всего, концом IV–III вв. до н.э. Судя по высоте клифа, дом, которому принадлежал подвал, располагался к востоку от южной части раскопа НГ. Другой пример связанной серии фотографий также относится к подваль-

Рис. 8. То же. Вид с востока на поперечное сечение северной стены подвала. (Н.а. ЛОИА, № 52689; II-9687)

*Рис. **9**.* Остатки подвала эллинистического времени. Вид с юга. На среднем плане видна орфостатная кладка северной стены. (Н.а. ЛОИА, № 52678; II-9676)

*Рис. **10**.* Северная стена подвала эллинистического времени. Вид с востока. (Н.а. ЛОИА, № 52685; II-9623)

*Рис. **11**.* То же. Вид с юга. (Н.а. ЛОИА, № 52682; II-9680)

*Рис. **12**.* Кладки, выступающие из подножия клифа. (Н.а. ЛОИА, № 52677; II-9675; № 52690; II-9688; № 52691; II-9689)

*Рис. **13**.* Кладки, выступающие из подножия клифа. (Н.а. ЛОИА, № 52677; II-9675; № 52690; II-9688; № 52691; II-9689)

ному помещению эллинистического времени, но от которого сохранились всего один–два ряда каменных кладок северной, западной и южной стен (рис. 9). Учитывая высоту клифа (рис. 10) и особенности конструкции остатков северной стены (рис. 11), есть основания предполагать, что эта кладка могла находиться в п. № 15, в котором нами была обнаружена и зачищена аналогичная по конструкции и размерам кладка [см. ниже, а также: Крыжицкий, 1967, рис. 7]. В основном в большинстве зачищались лишь отдельные кладки, находящиеся в подножии клифа (рис. 12, 13, 14).

Судя по фотографиям, исходными основными методическими принципами исследования строительных остатков, находящихся в клифе, были: – минимальное вторжение в клиф, – зачистка только выступающих из клифа частей конструкций, – раскрытие конструкций, находящихся только в основании клифа. В связи с этим отметим, что расположенный рядом с клифом раскоп НГФ, исследования которого позволили аргументировано интерпретировать и датировать, открытые в нем объекты, по –видимому, на несколько метров не был доведен до клифа.

Следующие небольшие работы по клифу были проведены почти через четверть века в 1930 г. в северной части Нижнего города на участке НР (Восточный раскоп) и в 1935–1936 гг. в его южной половине на участке НГ.

Рис. ***14.*** Кладки, выступающие из подножия клифа. (Н.а. ЛОИА, № 52677; II-9675; № 52690; II-9688; № 52691; II-9689)

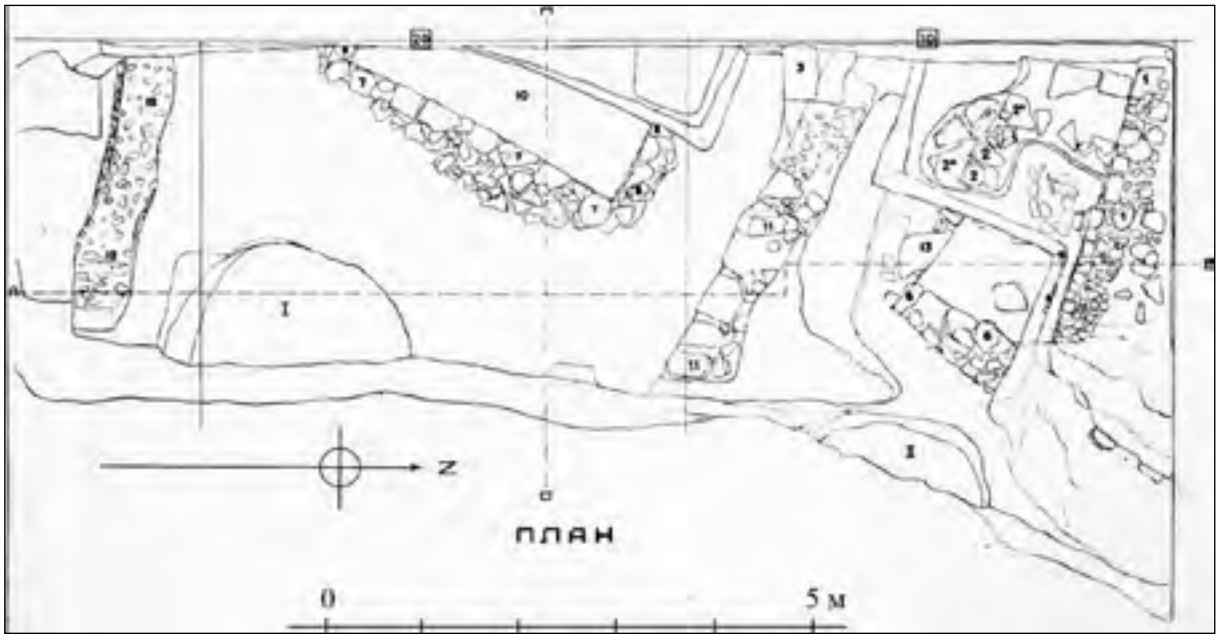


Рис. ***15.*** Восточный раскоп на участке НР. План

Восточный раскоп на участке НР размерами 12,0 (север –юг) х 3,5 –6,0 м располагался вдоль клифа[1]. Здесь были открыты остатки нескольких кладок стен и фрагментов помещений эллинистического времени [Мещанинов, 1931, с. 23, 24], располагавшихся в верхней части клифа, имевшего в этом месте высоту около 11 м (рис. 15). В настоящее время эти строительные остатки входят в состав восточной части дома II – 4 раскопа НГС [Kryžickij, Lejpunskaja, 2010, Pl. 2, 3, 5, 8].

Раскопки 1935–1936 гг. на участке НГ были начаты непосредственно от клифа, что позволило получить существенную информацию об открытых объектах первых вв. н.э. Была сделана врезка в клиф длиной 60 м и шириной 10–15 м. В зоне собственно клифа были открыты две круглые в плане каменные загородки, восточная стена «пекарни», вымостка, примыкавшей к ней с юга продольной улицы Нижнего города, фрагмент стены, расположенной вдоль восточной стороны этой улицы [Славин, 1940, с. 49, 59 –74, рис. 41 –53, табл. 8] (рис. 16). Упомянутый фрагмент стены принадлежал уже разрушившемуся кварталу, располагавшемуся к востоку от продольной улицы. Исследованы были только верхние уровни клифа первых вв. н.э. Лежащие ниже культурные слои эллинистического времени и более ранние не исследовались, чтобы не разрушить достаточно представительные строительные остатки первых вв. н.э. Как показали дальнейшие наблюдения и консервационные работы, при относительно небольшой высоте клифа (порядка нескольких метров) дальнейшее разрушительное действие лимана в этом месте с помощью защитных мероприятий (в частности, установки подпорных стен) можно приостановить, по крайней мере, на несколько десятков лет.

Опыт работ 1935–1936 гг., дает основания считать, что подобная методика, – исследование клифа полосой порядка 10–15 м и на протяжении нескольких десятков метров, в информационном отношении (интерпретация объектов, примерная датировка) наиболее рациональна при отсутствии возможностей вести раскоп более широкими площадями.

Незначительные по масштабу зачистки клифа, но представившие существенный интерес в градостроительном отношении, были проведены в 1958 г. В.В. Лапиным. В результате этих работ был открыт у подножия клифа, восточнее южного окончания траншей И.Е. Забелина №№ 12, 13 [Крыжицкий, 1985, рис. 7] стереобат, а также расположенные неподалеку в пределах береговой полосы 5 колодцев (рис. 17). Эти объекты получили отражение на уточненной В.В. Лапиным то-

Рис. ***16***. Раскоп НГ 1935-1936 гг. План

1. На топосъемке 1958 г. раскоп обозначен в пяти метрах к северо–востоку от репера № 35.

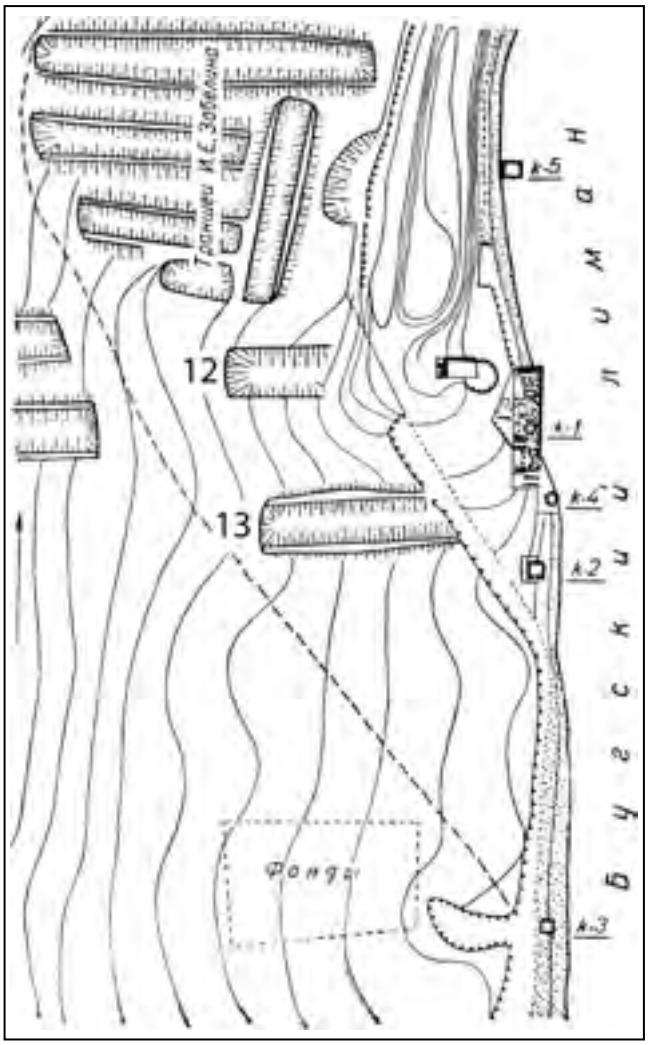


Рис. 17. План берегового участка с открытыми колодцами. По: Лапин, 1960, рис. 1

посъемке 1958 г. [Лапин, 1960, рис. 1][2], а результаты данных исследований опубликованы В.В. Лапиным в двух статьях [Лапин, 1960, 1962]. Наибольший интерес представляет собой открытие восточной стороны стереобата длиной 15,75 м и шириной около трех м, с сохранившимися местами двумя рядами камней[3] и датируемого первой половиной V в. до н.э. [Лапин, 1962, с. 169 и сл., рис. 3] (рис. 18, *1*). По логичному предположению В.В. Лапина этот объект, учитывая его значительные размеры (его длина на несколько метров превышает дворы даже таких богатых домов, как НГФ–1, НГФ–2 [Крыжицкий, 1971, рис. 43, *3*] и, добавим, местоположение в плане Нижнего города почти рядом с небогатыми домами, исследованными на участке НГС [Kryžickij, Lejpunskaja, 2010, Vol. 2, Pl. 47, 48], вряд ли мог принадлежать обычному жилому дому.

Важным для характеристики водоснабжения Нижнего города явилось и открытие эллинистических колодцев. Три из них прямоугольные в плане располагались на одной линии длиной 110 м на почти равных расстояниях друг от друга – 50 и 56 м. Два круглых в плане колодца находились рядом со стереобатом [Лапин, 1960, с. 91 и сл., рис. 1][4]. По предположению В.В. Лапина прямоугольные колодцы располагались на перекрестках продольной улицы, расположенной рядом с лиманом, с поперечными улицами, идущими с запада на восток.

Наиболее масштабные охранные раскопки клифа Ольвийской экспедицией ИА АН УССР были проведены во второй половине шестидесятых – начале семидесятых годов прошлого века – в 1966–1968, 1970, 1972 гг. Работы этого цикла были спровоцированы активным разрушительным действием Бугского лимана. В связи с большим количеством гибнущих объектов, требующих исследования, в этих работах приняли участие, не только штатные сотрудники экспедиции, но и археологи из других учреждений, а также студенты старших курсов вузов исторического или археологического профиля. Исследованиями была охвачена значительная часть береговой линии Нижнего города на общем протяжении около 650 м с перерывами (на плане Ольвии [Крыжицкий, 1985, рис. 7] большие квадраты VII полосы: – А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, З). В задачи этих работ входило проведение зачисток по возможности в масштабах достаточных для описания и интерпретации объекта, фиксации его состояния, характеристики и датировки сопровождающего материала. Это определяло необходимость осуществления минимальных в основном неглубоких врезок в клиф (до 2–3,5 м). Исследовались объекты, располагавшиеся в клифе на различной высоте от уровня лимана, выбор которых определялся в первую очередь степенью насыщенности строительными остатками, уровнем их сохранности и угрозой скорейшего разрушения. В ходе этих работ был накоплен

2. На топосъемке 1958 г. до уточнения В.В. Лапина стилобат был размещен ошибочно на 10 м севернее.

3. По предположению В.В. Лапина – двух ступеней. Однако, судя по чертежу и фотографиям (Лапин, 1962, рис. 3, 4, 5), речь идет об именно рядах, а не ступенях.

4. Колодец № 1 – круглый с диаметром ствола 0,75–0,8 м, сохранившаяся глубина – 1,24. Колодец № 2 – прямоугольный 0,8 х 0,88 м, сохранившаяся глубина – 2,2 м. Колодец № 3 – прямоугольный 0,6 х 0,62 м, сохранившаяся глубина не менее 0,75 м. Колодец № 4 – круглый с диаметром 0,85–0,95 м, сохранившаяся глубина не менее 1 м. Колодец № 5 – прямоугольный 0,9 х 1,11 м, сохранившаяся глубина 0,75 м (Лапин, 1960, с. 91 и сл.).

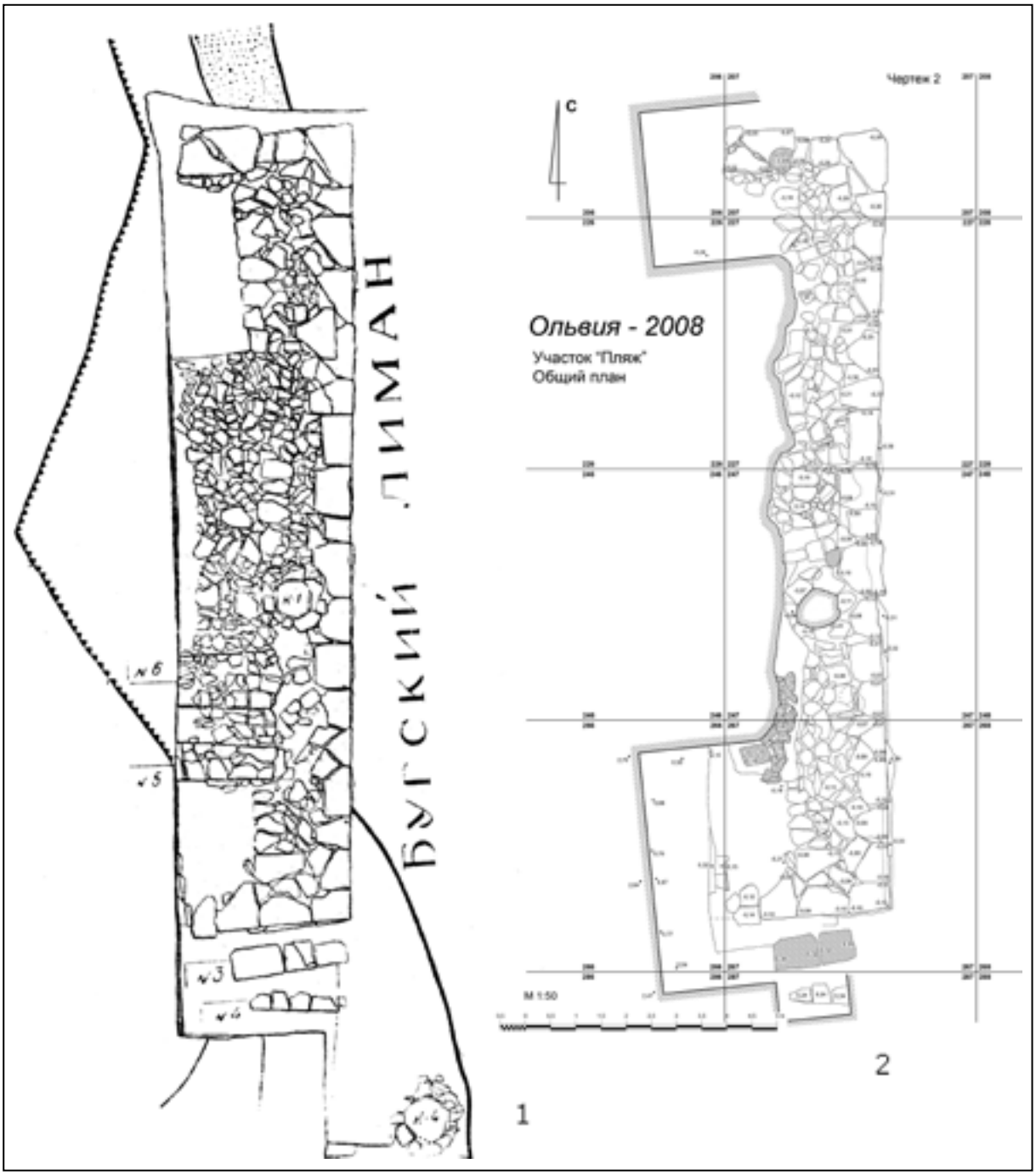


Рис. 18. Остатки ступенчатого стилобата: *1* - по: Лапин, 1962, рис. 3; *2* – по: Каряка, 2008, чертеж 2

значительный объем информации, не нашедший, однако, должного отражения в печати. О результатах этих работ было опубликовано практически лишь три кратких сообщения, посвященные итогам работ 1966 –1968 гг. [Крыжицкий, 1967, 1968, 1971]. Характеристика открытых в ходе этих исследований объектов в комплексе, учитывая и более поздние работы 1970, 1972 гг., представляет интерес, поскольку дает представление о характере строительных остатков, планировке и стратиграфии застройки Нижнего города на значительном протяжении берегового клифа.

В дальнейшем охранные раскопки клифа проводились эпизодически и в основном попутно с выходящими на клиф обычными раскопами. Существенной информации в отношении строительных остатков, находящихся собственно в клифе, они, за одним исключением, не принесли. Среди них отметим работы в 1980 г. на участке клифа между раскопами НГ и НГФ, а также возле восточного раскопа участка НР [Назарчук, 1980/27–г.]. В 2002 г. – у клифа участка НГ, возле «пекарни» исследованы остатки нескольких подвалов середины V–IV вв. до н.э. домов, располагавшихся к востоку от продольной улицы Нижне-

го города, находящихся ныне в зоне пляжных наносов, а в северо –восточном углу раскопа НГ открыты остатки куртины и оборонительной башни северной оборонительной линии Нижнего города первых вв. н.э. [Крапивина, 2006, с. 105–106]. Тогда же были исследованы строительные остатки первых вв. н.э. на пространстве между раскопами НГФ, С.А. Семенова-Зусера и береговым клифом. В 2008 г. повторно зачищен восточный край стереобата (рис. 18, *2*), открытого в 1958 г. В.В Лапиным [Каряка, 2008/199, с. 79 и сл., чертеж 2].

Исключение из этих эпизодических работ по своей значимости и масштабам представляют собой только раскопки клифа под римской цитаделью на участке Р–25, где на протяжении более 100 м прослежены разрушаемые клифом остатки юго–восточной оборонительной линии, в том числе двух башен и куртин первых вв. н.э., начало исследований которых относится к 1983 г. [Крапивина, 1993, с. 29 и сл., рис. 12, 13] и продолжается по настоящее время. Результаты этих работ будут рассмотрены авторами раскопок совместно с итогами работ на этом участке в целом.

Возвращаясь к раскопкам 1966–1968, 1970, 1972 гг. отметим, что перед началом этих работ клиф был обследован на протяжении от Северной балки до середины северо–восточного склона Ольвийского мыса (рис. 18а, 18б, 18в), в результате чего было выявлено около трех десятков пунктов, где в клифе прослеживались наиболее существенные строительные остатки, находившиеся in situ, и доступные исследованию [Крыжицкий, 1967, рис. 4] (рис. 19)[5].

Ниже охарактеризуем зачищенные строительные остатки, обнаруженные в клифе, от северо –восточного склона Ольвийского мыса

Рис. ***18а***. Ольвийский клиф. Северная часть.

Рис. ***18б***. То же. Центральная часть

Рис. ***18в***. То же. Ольвийский мыс

(в 75 м к югу от южной границы раскопа НГФ) до Северной балки. Степень подробности описания конструкций дается в зависимости от важности этих деталей для интерпретации раскрытого объекта. В ряде случаев приводятся эскизы чертежей, а также даются схемы расположения строительных остатков из полевых дневников. Полная информация содержится в отчетах о раскопках Ольвийской экспедиции в научном архиве Института археологии НАН Украины.

5. В связи с этим следует отметить, что при работах по клифу большое значение имеет точная привязка строительных остатков или хотя бы местоположения раскопов в целом. Это объясняется тем, что в отличие от обычных раскопов, местоположение которых со временем не меняется, а конфигурация контуров изменяется незначительно (в сторону сглаживания), контуры раскопов в клифе подвержены активной эрозии и через десяток лет могут неузнаваемо измениться, а строительные остатки разрушится в результате наступления лимана. В то время современная система привязки на местности GPS отсутствовала и по разным объективным причинам в ряде случаев привязка по координатам не делалась. Впервые такая привязка была сделана в 1958 г. В.В. Лапиным, когда А.С. Скрипкой был составлен достаточно точный и подробный топографический план городища в масштабе 1/500 с горизонталями через 0,5 м. Координатную привязку по этому плану получили раскопы 1970, 1972 гг. Привязка объектов, исследовавшихся в 1966–1968 гг., была сделана на описательном уровне относительно наземных раскопов. Их примерную координатную привязку мы даем, исходя из описательных характеристик.

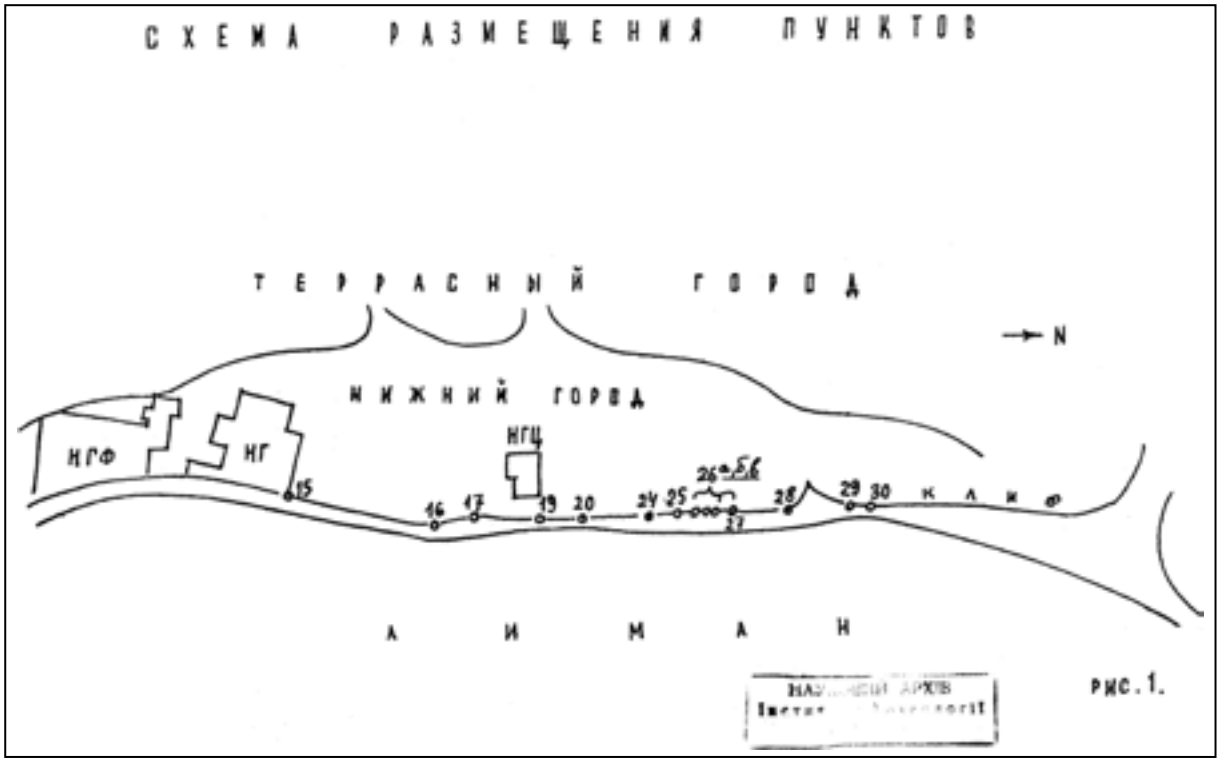


Рис. ***19***. Пункты разрушений в береговом обрыве, исследовавшиеся в 1966-1968 гг.

Рис. ***20***. Пункт 1-0. План открытых строительных остатков

*Рис. **21**.* Пункт 1-0. Общий вид с северо-востока с уровня ступенек в южной части п. 1

*Рис. **22**.* То же с уровня пола северного помещения

*Рис. **23**.* Пункт 1-0. Вид на раскоп с севера

*Рис. **24**.* Пункт 1-0. Северо-западный угол среднего помещения с зернотеркой

<u>*Пункт № 1 –0.*</u> Располагается в террасной части Ольвии в 65 м к югу от южного борта раскопа НГФ и в 15 м горизонтального проложения к востоку от репера № 24 (15 м выше уровня лимана).[6] Исследования 1972 г. Заведующий пунктом В.М. Отрешко [Отрешко, 1972/26, с. 110 –114]. До начала работ в клифе были видны торцы двух каменных стен, ограждавших центральное помещение с севера и юга.

В раскопе площадью 10 х 4 м были открыты остатки трех помещений, располагавшихся одно за другим с севера на юг (рис. 20 – 24). Подошвы ограждающих стен лежат на слое материкового песка. Строительство помещений датируется II в. н.э. В конце II – начале III вв. н.э. помещения прекратили свое существование и в этом месте образуется мусорная свалка. Наиболее ранний культурный слой эллинистического времени сохранился in situ только в двух ямах.

<u>*Пункт № 1 –1.*</u> Располагается в террасной части Ольвии в 45 м к югу от южного борта раскопа НГФ на 8 м выше уровня лимана). Исследовался в 1968 г. [Крыжицкий, 1968/12–г, с. 1, 2]. Работы велись под наблюдением А.М. Емельянова (МГПИ). До начала работ в береговом клифе на 2,5–3,0 м ниже его верха прослеживался частично фасад каменной кладки.

Зачищен срез клифа и над кладкой сделана врезка в борт (6,5 х 2,0 м). Восточный фасад кладки, находящейся полностью в клифе зачищен частично (рис. 25). Кладка двухрядная орфостатная из прямоугольных плит и блоков с плотной притеской. Сохранившаяся

6. Координаты по съемке 1958 г.: VII–З, квадраты №№ 149–ю, 150–юз, 169–в, 170–з, 189–св, 190–с.

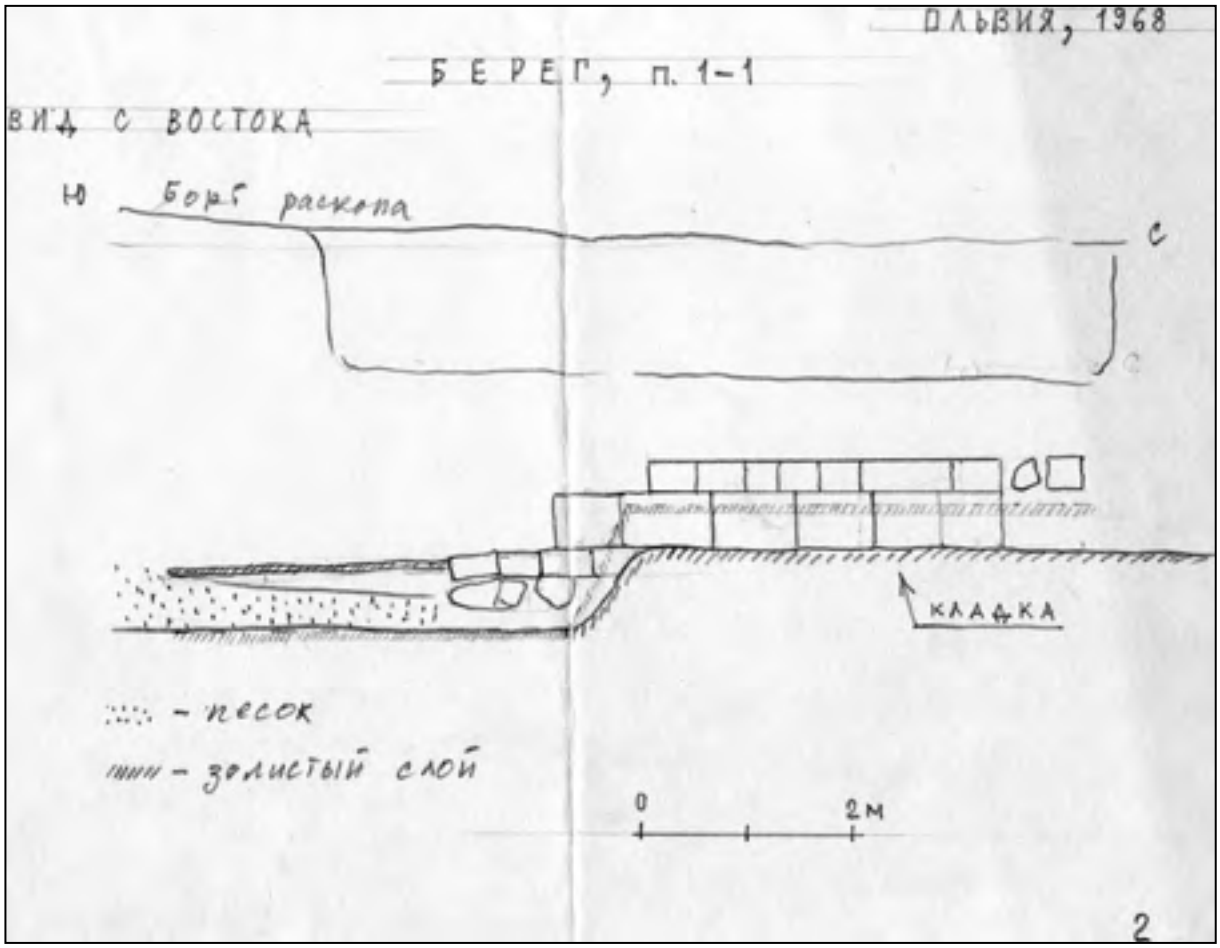


Рис. 25. Пункт 1-1. Восточный фасад кладки

длина 5,2 м, сохранилось 4 ряда в высоту до 1,35 м. Система кладки двухрядная орфостатная, камни хорошо выкадрованы и плотно притесаны. Южный конец стены лежит на слое песка куяльницкого яруса (определение К.К. Шилика), т.е. на материке. Материал из слоя, перекрывающего этот песок, датируется по черному лаку V–IV вв. до н.э.

Пункт № 1. Располагается в террасной части Ольвии, начинаясь в 5 м севернее п. № 1–1 и оканчиваясь не доходя 5 м до южного борта раскопа НГФ, на уровне 5–8 м выше зеркала лимана. Исследования проводились в 1968, 1970, 1972 гг.

Исследования 1968 г. [Крыжицкий, 1968/12–г.]. Работы велись под наблюдением А.М. Емельянова (МГПИ). Общая длина раскопа – 30 м (с–ю), ширина – 2–4 м (в–з). До начала работ в южной части пункта виднелся ряд тщательно отесанных прямоугольных плит (6 м над уровнем лимана); в центре – угол орфостатной кладки; на севере – две кладки. Соответственно раскрыто три комплекса строительных остатков (рис. 26).

Южный комплекс состоит из вымостки (предположительно уличной) с остатками лестницы и водостока закрытого типа (рис. 27, 28). Улица расположена в широтном направлении, ширина 2,2 м, вымостка каменная. По обеим сторонам вымостки находились жилые (?) дома. Время бытования относится к I в. н.э. Наиболее поздний материал из сероглинистого слоя, непосредственно перекрывающего строительные остатки, представлен желобчатыми ручками амфор I в. до н.э. – I в. н.э., венчиками узкогорлых светлоглиняных амфор и красным лаком. Открыты также остатки еще двух помещений (А и Б).

Вымостка № 9 из обломков керамики (толщина слоя до 0,2 м) на бутовом основании, расположена на 8 м выше зеркала лимана. В длину (восток –запад) раскрыта на 2,25 м, ширина – 2,1 м. На востоке оканчивается лестницей № 11. С севера ограничивается кладкой № 10, на юге оканчивается плитами водостока № 8. От лестницы сохранилось четыре ступеньки. Длина лестницы в горизонтальной проекции – 1,5 м, ширина – 1,65 м. Проступи – 0,30–0,35 м, подступенки – 0,18–0,21 м. Ступени выложены из прямоугольных тщательно отесанных плит ракушечника. Притеска плотная, по месту. Верхняя плоскость ступенек немного сработана. Водосток № 8 закрытого типа, располагается вдоль южного края вымостки и лестницы. В длину раскрыт на 3 м. Внутреннее сечение 0,48 (высота) х

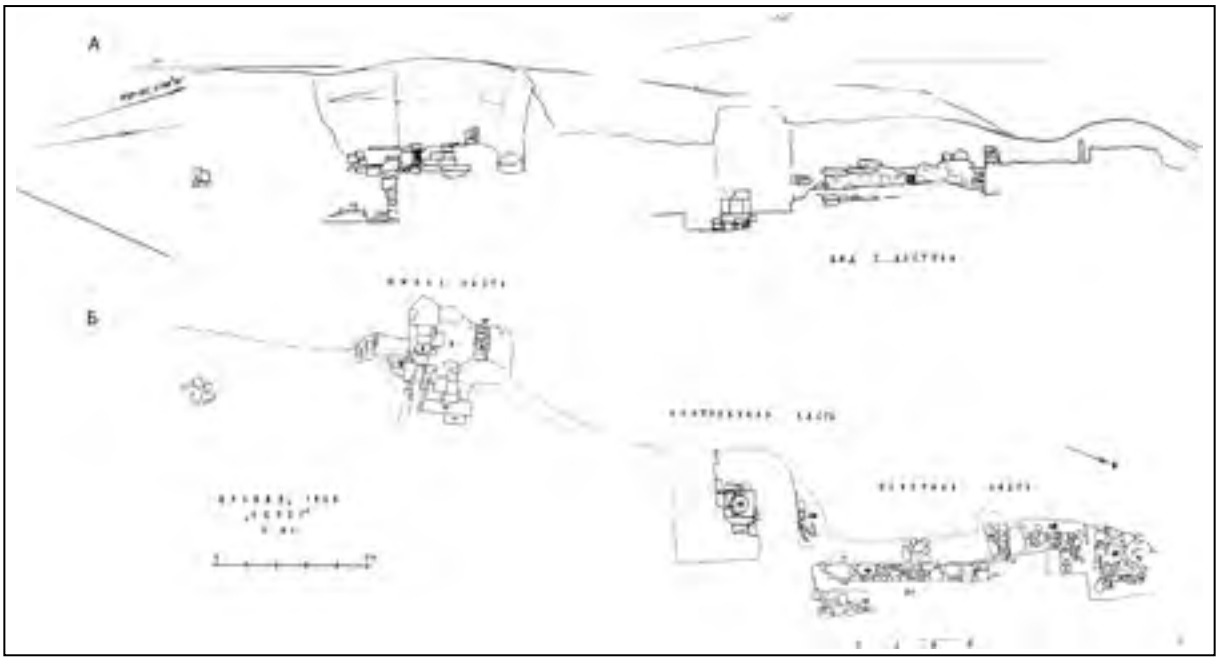


Рис. ***26***. Пункт 1. Вид строительных остатков с востока (А), их план (Б)

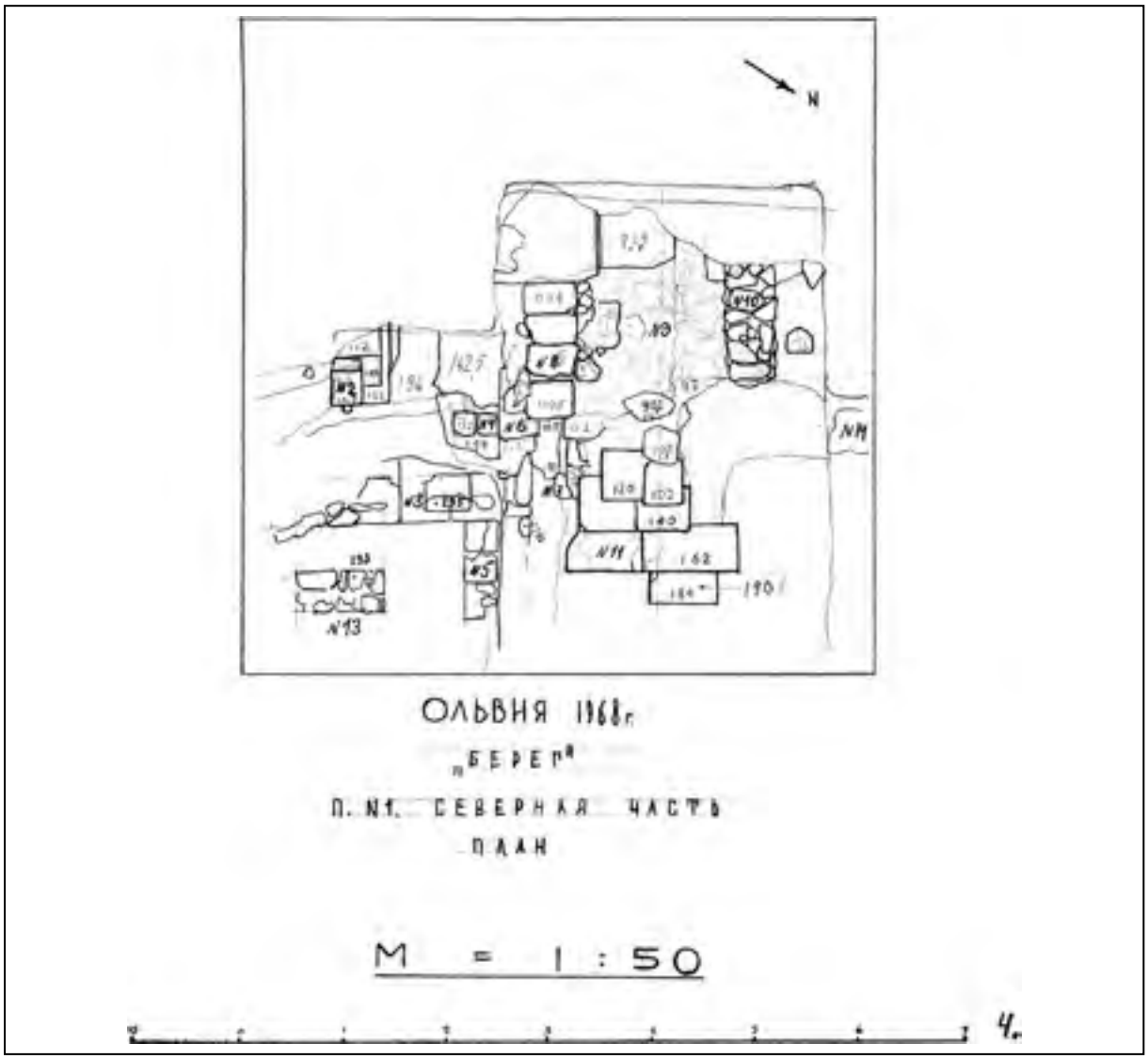


Рис. ***27***. Пункт 1. План строительных остатков в южной части

0,18–0,24 м. Кладка № 10 ограничивает вымостку 9 с севера, ее подошва располагается в уровне поверхности вымостки № 9. Стена двухлицевая, сложена из бута по однорядной постелистой системе, приближающейся к иррегулярной.

Помещение А. От стены № 2 раскрыт только северный фасад высотой 0,77 м, подошва на 1,00–1,05 м ниже вымостки № 9. Кладка двухлицевая, северный фасад имеет фундаментный ряд и цоколь, собственно стена сложена по двухрядной орфостатной системе из прямоугольных плит и блоков с тщательной оттеской фасадов и плотной притеской камней друг к другу. Кладка № 4 по глубине заложения почти совпадает со стеной № 2. От собственно стены осталось только два блока. Взаимное расположение в плане и почти одинаковая глубина заложения кладок, а также наличие вымостки пола (№ 23) между ними дают основания считать, что они относятся к одному и тому же помещению.

Помещение Б. От стены № 3 раскопан только восточный фасад. Глубина заложения 2,4 м ниже вымостки № 9. Система кладки однорядная постелистая, сложена из полигональных плохо обработанных камней. Стена № 5 со стеной № 3 связана в переплет. Она однолицевая (фасад обращен к югу) и сложена по однорядной постелистой системе из грубо околотых плит и блоков. В помещении находилась однокамерная прямоугольная в плане печь № 13, поверхность пода которой на 0,17 м выше глинобитного пола.

Приведенные краткие характеристики строительных остатков дают основания для следующей интерпретации исследовавшихся объектов.

Вымостка № 9, водосток № 8, лестница № 11 являются остатками улицы, проходившей поперек склона террасной части города. В пользу этого свидетельствуют значительная толщина вымостки, большая ширина лестничного марша (1,65 м), соответствующая

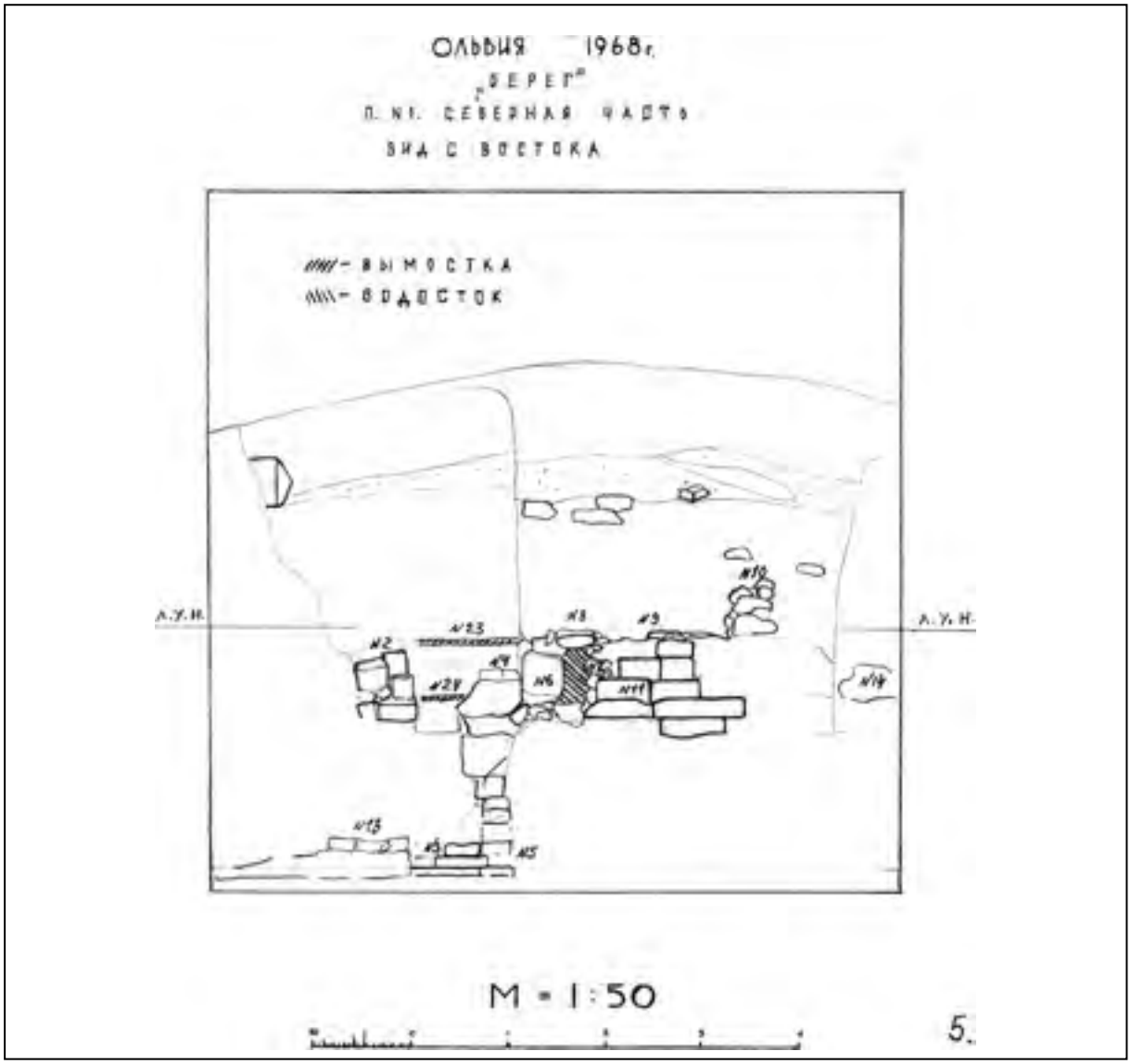


Рис. 28. То же. Вид с востока

ширине вымостки, наличие водостока закрытого типа с большим внутренним сечением. Чрезвычайно низкое качество кладки № 10 и расположение ее подошвы почти в уровне вымостки № 9 позволяют предполагать, что она появилась позднее строительства здесь лестницы, вымостки и водостока. Судя по глубине заложения относительно вымостки № 9, помещение А было полуподвальным, а Б – подвальным. Однако, соотнесение строительных периодов помещений А, Б и вымостки № 9 в виду недостатка информации принято условно. Наиболее вероятное время существования объектов I в. до н.э. – I в. н.э. Находки более раннего и более позднего времени единичны.

В центре участка раскрыт колодец глубиной 4 м с сохранившейся целиком наземной частью высотой 0,8 м (рис. 29, 30, 31). Ствол в плане прямоугольный с внутренним сечением (0,53 х 0,47 м). Наземная часть ствола – оголовок состоит из орфостатного ряда плит, соединенных между собой металлическими «П» и «У» –образными скрепами, залитыми свинцом, и перекрывающей их плиты, уложенной постелью. От этой плиты сохранилась только половина, внутреннее отверстие было круглым. Северная грань южной орфостатной плиты наземной части колодца в значительной степени сработана. Колодец почти на всю свою глубину расположен в культурном слое, от которого стенки ствола отделяются слоем песка толщиной 0,7–0,8 м. Сопровождающий материал из придонного слоя не позднее II в. до н.э. содержал большое количество фрагментов светлоглиняных кувшинов. Найдены амфориск, миска, сосуды типа лагиноса. По сопровождающему материалу колодец был построен не ранее III–II вв. до н.э. и функционировал по крайней мере до I в. н.э.

В северной части пункта до начала работ в клифе прослеживались две кладки №№ 16 и 19. В результате зачисток было выявлено дополнительно еще две кладки №№ 17 и 20, а также вымостки №№ 18, 21, 22 (рис. 32). Вымостка № 21 находится примерно на 6 м выше зеркала лимана.

Здесь стратиграфически выделяется несколько строительных периодов в границах

Рис. ***29***. Пункт 1. План колодца

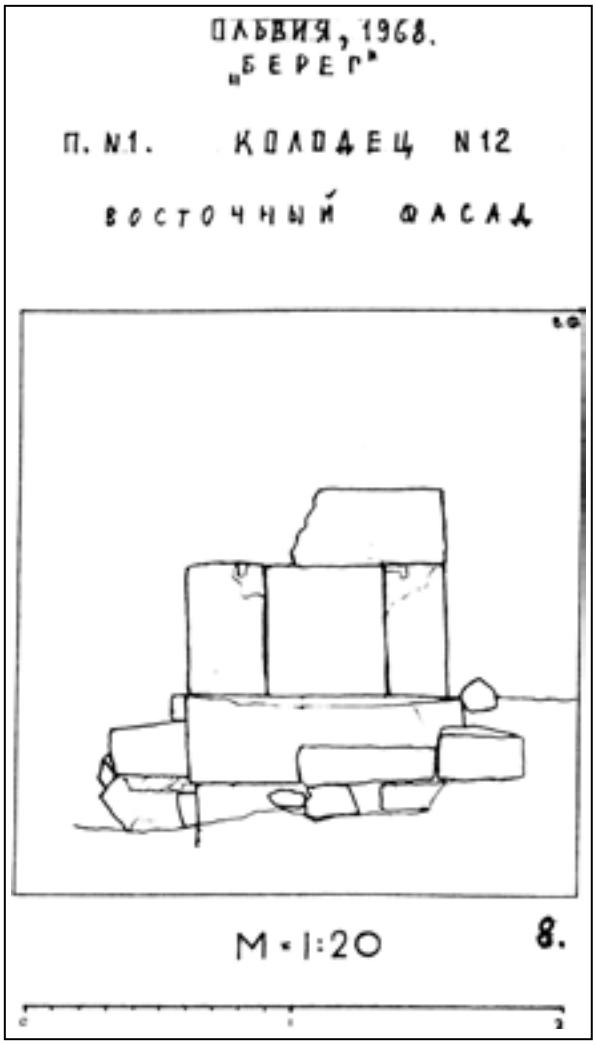


Рис. ***30***. То же. Восточный фасад наземной части колодца

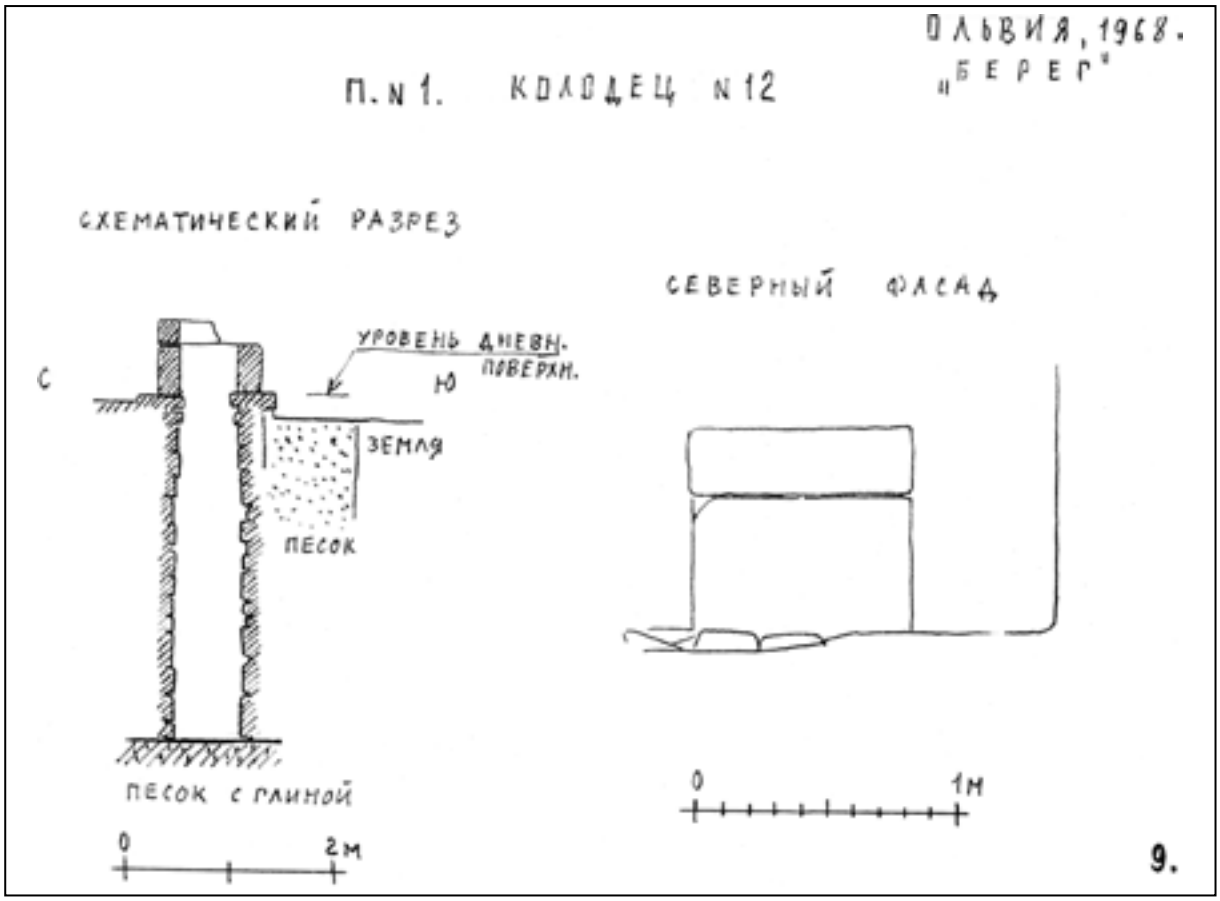


Рис. ***31.*** То же. Разрез ствола и северный фасад наземной части колодца

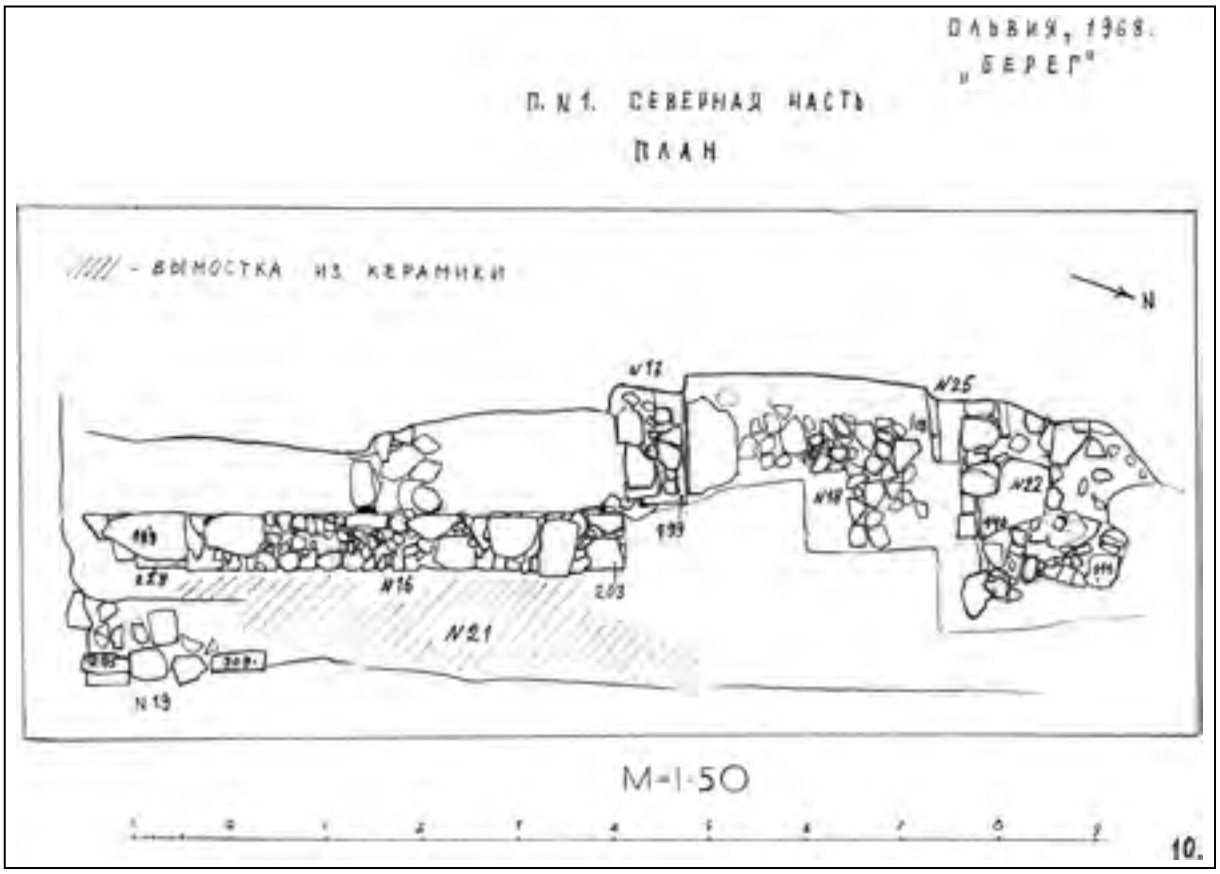


Рис. ***32.*** Пункт 1. План строительных остатков в северной части раскопа

первых веков н.э. К наиболее раннему времени относятся стены №№ 16, 19, 20 и вымостка из керамики и щебня (толщина 0,05–0,15) № 21, которая располагается между кладками №№ 16 и 19. Характер сопровождающего материала и взаимного расположения перечисленных конструкций дают основания предполагать, что между стенами №№ 16, 20 находилось крытое помещение. Кладка № 19, сложенная по однорядной постелистой системе, учитывая ее значительную толщину (0,83 м), однолицевую (?) конструкцию и то, что она почти полностью находилась под вымосткой № 21, была подпорной стеной. Вымостка № 21, исходя из ее местоположения и близкого расположение колодца, могла являться переулком. В пользу этого может косвенно свидетельствовать также наличие прямоугольного отверстия (0,28 х 0,26 м) в кладке № 16 в центре стены на 0,15 м выше ее подошвы (рис. 33). Такие отверстия для отвода воды были открыты в подвале «з» в доме НГФ–1 [Леви, 1985, с. 59].

Ко второму строительному периоду относились вымостка № 18, выложенная из полигональных плит, бута и обломков стенок пифоса, и кладка № 17, которая была заложена на 0,67 м выше подошвы стены № 16.

К третьему – наиболее позднему – вымостка № 22, расположенная на 0,5 м выше вымостки № 18, состоящая из полигональных плит, и водосток № 25, от которого сохранилось два параллельных ряда (расстояние между рядами 0,22 м) установленных орфостатно камней.

Из сопровождающего материала по пункту № 1 в целом следует отметить значительное количество светлоглиняных узкогорлых амфор I в. до н.э. – I в. н.э. Наиболее поздние материалы – в основном амфоры в пределах II–III вв. н.э.

Исследования 1972 г. (южная и центральная части раскопа п. 1 1968 г.; высота клифа около 8 м). [Крыжицкий, 1972/26, с. 94 – 103]. Работы велись под наблюдением Э.И. Диаманта (ОАМ). Зачистки были проведены в южной и центральной частях раскопа п. 1

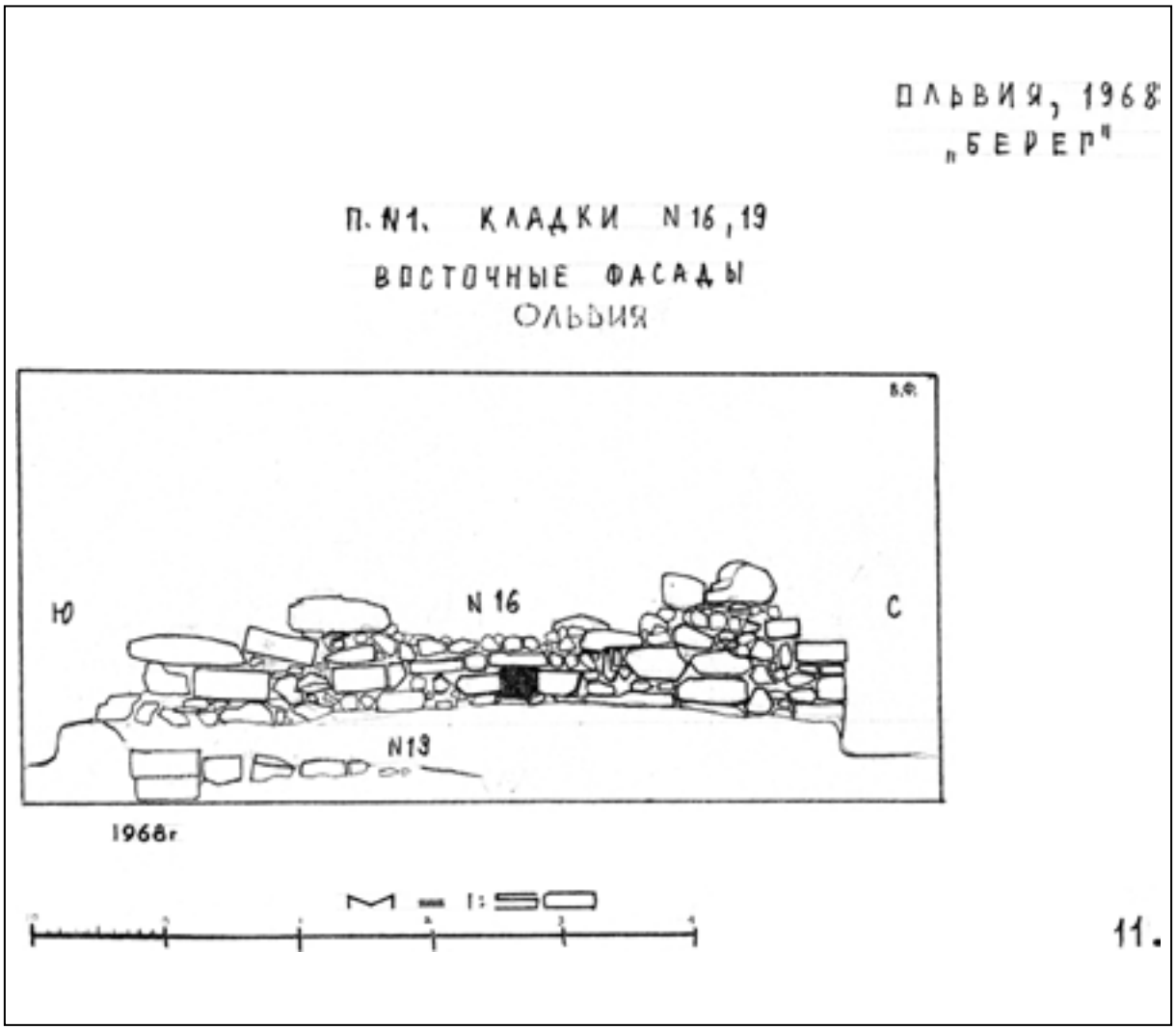


Рис. ***33***. Пункт 1. Восточный фасад стены № 19

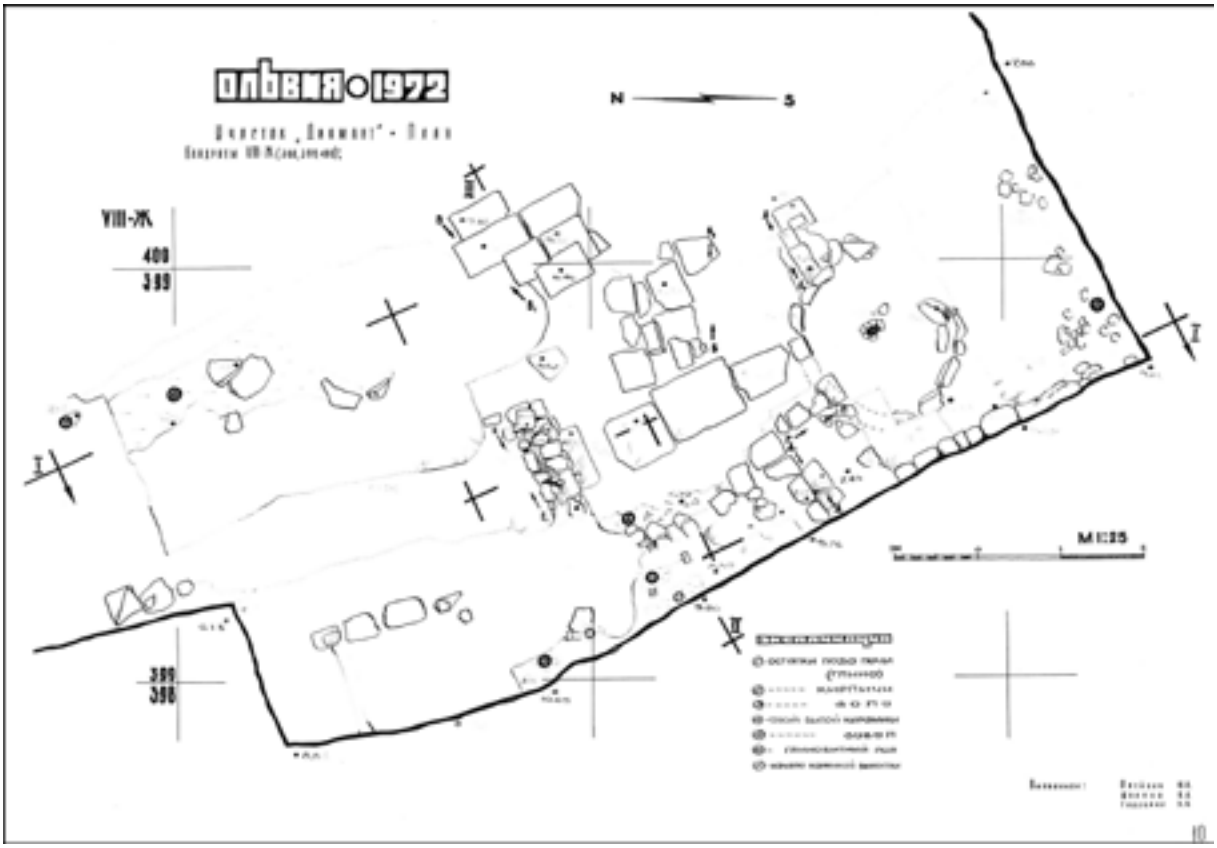


Рис. 34. Южная часть п. 1 1972 г. План

1968 г. – в 5–10 метрах юго–восточнее репера № 46.[7]

В южной части раскопа западнее и выше ступеней, открытых в 1968 г., раскопаны строительные остатки I в. до н.э. – 1 в. н.э. – западный конец кладки № 10, вымостка № 31 и круглая в плане загородка № 32 (рис. 34, 35). Вымостка № 31 состояла из больших, хорошо выкадрованных прямоугольных плит, располагавшихся по линии север–юг. Сохранившаяся длина 2,95 м при ширине до 0,73 м. Верхние плоскости камней имеют следы истертости, что позволяет отказаться от предположения о том, что этот объект мог являться стилобатом.

«Загородка» № 32 круглая в плане диаметром 1,7–2,0 м, состоит из небольших прямоугольных плит (длиной 0,15–0,20 м) и бута (рис. 36, 37). В центре круга имеется обложенное вертикально поставленными камнями отверстие диаметром до 0,15 см, глубиной до 0,3 м. Площадь внутри круга имеет слегка воронкообразную форму – верх описанного отверстия в центре круга на 0,12 м ниже уровня дневной поверхности у стенок загородок.

Перечисленные строительные остатки были перекрыты несколькими вымостками и кладками (одна из них имела дверной проем), относящимися к первым векам н.э. (подробнее см.: [Крыжицкий, 1972/26, с. 99 и сл.]). Хотя фрагментарность строительных остатков исключает возможность их окончательной интерпретации, тем не менее, она не противоречит предположению (высказанному в отчете о работах в этом пункте в 1968 г.) о существовании в этом месте остатков улицы, располагавшейся по направлению запад – восток. Из интересных находок отметим группу светильников первых вв. н.э. с рельефными щитками (фигурка Гения, женская протома).

7. В 1970 г. в Ольвийской экспедиции Института археологии АН УССР на основании реперной сети топосъемки 1958 г., вместо использовавшейся до тех пор в Верхнем городе сложной системы построения сетки пятиметровых квадратов по годам раскопок [Леви, 1964, рис. 1], была принята новая общая для всего городища координатная сетка [Крыжицкий, 1985, рис. 7]. Она состоит из больших стометровых квадратов, имеющих буквенную (север–юг) и римскую цифровую (запад–восток) индексацию. Каждый из больших квадратов в свою очередь делится на 400 пятиметровых квадратов с цифровой арабской индексацией от единицы до четырехсот с запада на восток и с севера на юг. В нескольких случаях при расположении раскопа на крутом рельефе в отчетах о раскопках клифа приведены неточные координаты или номера пятиметровых квадратов не указаны вообще. Поэтому в подобных случаях нами даны примерные расстояния до ближайших реперов топосъемки 1958 г. или бортов старых раскопов.

Рис. ***35***. То же. Вид с севера

Рис. ***36***. То же. «Загородка». Вид с юга. К северу от «загородки» располагается вымостка № 31

Рис. ***37***. То же. Вид с запада

В центральной части раскопа, на 2–3 м выше колодца (1968 г.) открыт фрагмент вымостки (4,0 х 2,5 м) из плотно пригнанных друг к другу полигональных плит (рис. 38–41). Связанных непосредственно с нею строительных остатков не обнаружено. Создается впечатление, что вымостка вместе с массивом земли, находящейся под ней, сползла по склону, однако, при этом не утратила своей горизонтальности.

Исследования 1970 г. (северная часть п. 1 1968 г.; высота клифа от 8 м). Расположен практически вплотную к южной границе раскопа НГФ[8]. Заведующий участком А.Ф. Бердников [Бердников, 1970/16, с. 1–14]. Общая длина (с–ю) раскопа до 15 м. Автор упоминает о раскрытии 9 «строительных комплексов» первых вв. н.э., однако, описывает практически лишь один. Наиболее существенный из них – хозяйственно-бытовой представлен внутренним мощеным двором, примыкающими к нему двумя помещениями, очагом и гончарной (?) двухкамерной печью размерами в плане 1,45 х 1,10 м, находившейся в южном помещении (рис. 42, 43). Описание остатков печи не дает достаточно оснований для определения ее как гончарной. Судя по приведенным данным [Бердников, 1970/16, с. 7 и сл.], печь имела бытовое назначение. Автор упоминает также открытие нескольких кладок на нижнем раскопе в оползневой зоне (северная часть п. 1 1968 г., план отсутствует).

Недостаточно полное описание строительных остатков и частичное отсутствие индексации раскопанных объектов на обмерном плане не позволяет более детально охарактеризовать открытые «строительные комплексы».

8. Координаты по съемке 1958 г.: VII–Ж, квадраты №№ 307, 327, 347, 367.

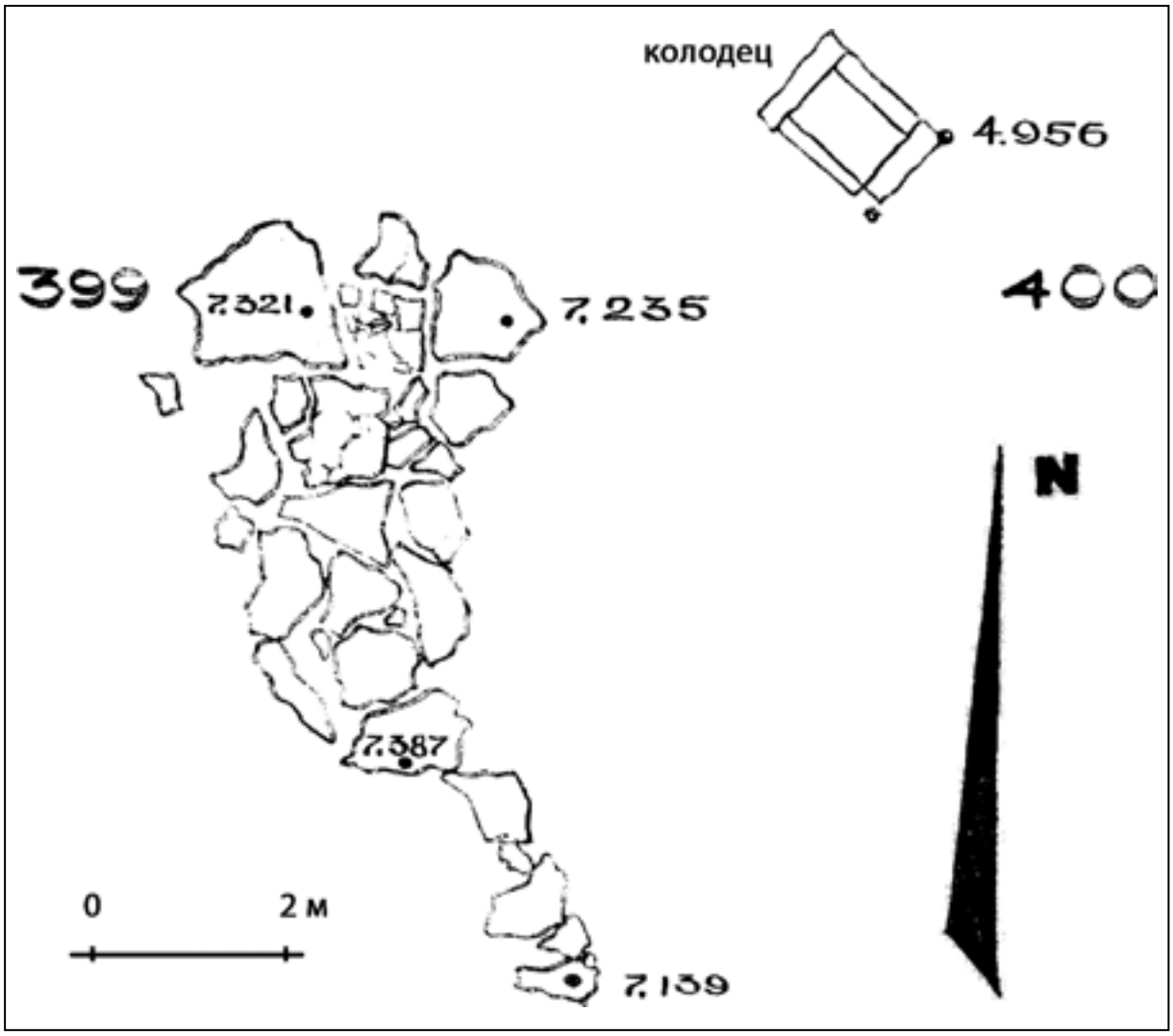


*Рис. **38**.* Пункт 1, центральная часть. Вымостка над колодцем. План

*Рис. **38а**.* То же. Начало работ в 1972 г. Вид с севера

*Рис. **39**.* То же. Вид с севера. На среднем плане видны ступени

*Рис. **40**.* То же. Вид с северо-запада

*Рис. **41**.* То же. Вид с юга. В правом нижнем углу снимка виден колодец

стока был перекрыт каменными плитами, из которых сохранилась лишь одна плита. Дно выложено мелкими камнями и битой керамикой. На севере водосток резко обрывается, на юге – разветвляется. Наиболее поздний материал из водостока двуствольные псевдокосские ручки I в. до н.э. – I в. н.э. Вымостка состоит в основном из мелкого бута, керамики, костей животных и т.п. Максимальная сохранившаяся ширина вымостки до 3 м [Русяева, 1970/ 16–г, с. 1–3].

К более позднему времени, после прекращения функционирования водостока относится стена № 12 (север–юг), располагающаяся с западной стороны водостока, от которой сохранилась только траншея от выборки, наиболее поздний материал из засыпи которой датируется III в. н.э. Со стеной № 12 связаны три подвальных помещения, от которых сохранилось только две кладки №№ 7, 8. О большой длительности существования улицы свидетельствует толщина напластований – 3,4 м, в которых было прослежено 24 слоя вымосток [Русяева, 1970/16–г, с. 3, 4].

Далее в отчете о раскопках автор описывает открытие еще нескольких более поздних стен первых вв. н.э., в частности, одну из них – № 10 (длиной 4,25 м, располагается вдоль улицы) с сохранившимся дверным проемом (рис. 46) [Русяева, 1970/ 16 –г, с. 4 и сл.].

Раскопки 1970 г. Северная часть.[10] Высота клифа до 3 м над уровнем зеркала лимана. Заведующий участком В.М. Отрешко [Отрешко, 1970/16–е].

В результате проведенных работ на участке выявлены улица, от которой сохранилась 11–слойная вымостка из битой керамики, 3 фрагмента вымосток дворов, 2 кладки, водосток и подвал [Отрешко, 1970/16–е, с. 1].

Фрагментарность строительных остатков и отсутствие обмерного чертежа не дают возможности достаточно надежно определить упомянутые три вымостки, как части вну-

Пункт 2. Общая протяженность раскопа к северу от репера № 45 – 45 м. Состоит из двух частей: южной длиной 25 м (глубина врезки в клиф до 8 м) и северной длиной 20 м (глубина врезки до 3 м). Исследовался в 1970 и 1980 гг.

Раскопки 1970 г. Южная часть[9] (рис. 44). Высота клифа в этом месте доходит до семи с лишним метров от зеркала лимана. Заведующая участком А.С. Русяева [Русяева, 1970/ 16–г].

Основным результатом работ на этом участке явилось открытие на глубине 5,1 м от современной поверхности уличных вымостки и водостока (рис. 45–47) длиной 14,5 м, сечением канала 0,23–0,27 м (ширина) х 0,40–0,47 м и уклоном к северу. Канал водо-

9. Координаты по съемке 1958 г.: VII–E, квадраты 284–в, 285–з, 304–в, 305–з, 324–в, 325–з, 344–в, 345–з, 364–в, 365–з.

10. Координаты по съемке 1958 г.: VII–E, квадраты №№ 205–в, 206–з, 225–в, 226–з, 245–в, 246–з, 265–в, 266–з.

*Рис. **42**.* Пункт 1, северная часть. Схематическое расположение на топооснове

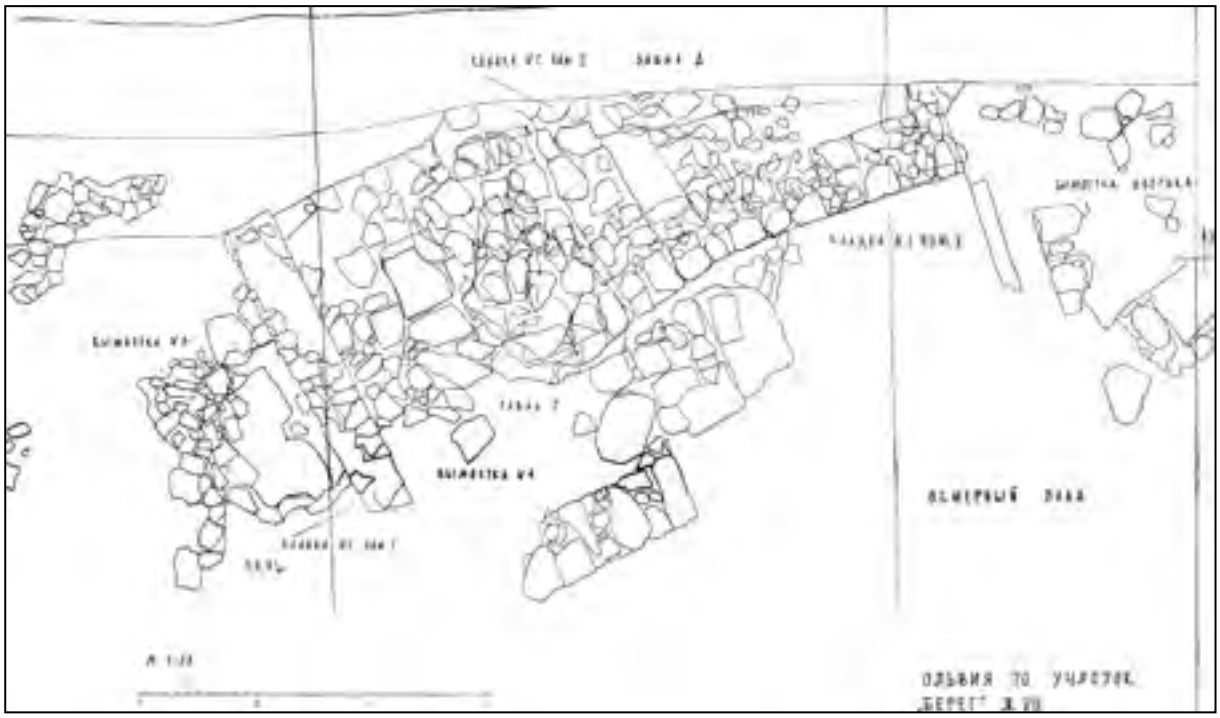


*Рис. **43**.* То же. Обмерный план открытых строительных остатков. Сдвоенность изображений на чертеже объясняется накладкой строительных остатков более позднего строительного периода на более ранний (в оригинале они показаны разными цветами)

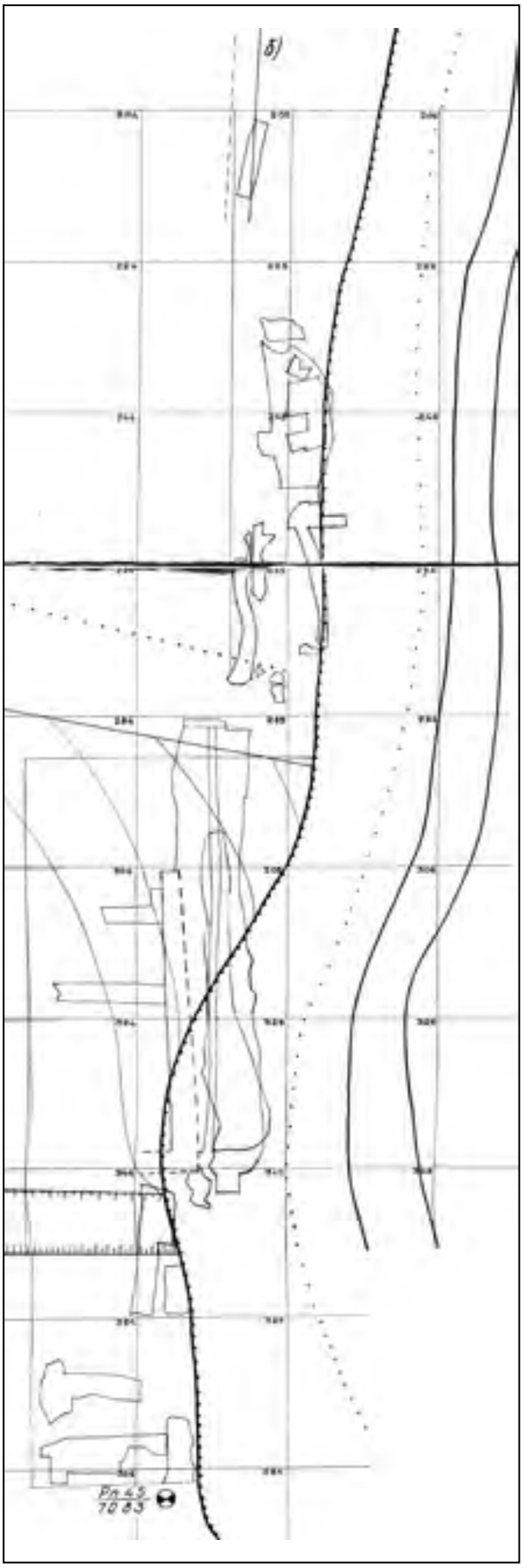


Рис. 44. Пункт 2. Схематическое расположение раскопа на топооснове

тренних дворов. Наибольший интерес здесь представляют собой завал черепицы на вымостке № 3, под которым сохранилось четыре стопки керамид (черепица в основном синопская, несколько обломков керамид и калиптеров ольвийского производства; гибель склада относится к началу III в. до н.э.) (рис. 48); водосток конца I в. н.э. закрытого типа общей длиной 5,27 м, расположенный в направлении север–юг и затем с поворотом к западу; улица I–III вв. н.э., проходившая по всему участку с севера на юг (над керамической вымосткой № 11) [Отрешко, 1970/16–е, с. 3 и сл.].

Раскопки 1980 г. Северная часть[11]. Заведующий участком В.И. Назарчук [Назарчук, 1980/27–г].

Открыты остатки двух помещений IV–III вв. до н.э., южное из которых являлось подвалом; в западной стене подвала на 2,5 м выше подошвы (глубина заложения подошвы на 0,3 м ниже уровня лимана) сохранилось два балочных гнезда на расстоянии 1,1 м одно от другого [Назарчук, 1980/27–г, с. 1–7, 10]. Упомянутые помещения принадлежали дому, располагавшемуся по западной стороне продольной улицы, открытой А.С. Русяевой в 1970 г.

Пункт 15[12]. Исследовался в 1966 и 1970 гг. Располагается в основании клифа (в уровне пляжных наносов) почти в створе с послегетской северной оборонительной стеной на участке НГ. До начала работ в срезе клифа были видны торцы трех камней, расположенных в виде буквы «П», в связи с чем возникло предположение, что это водосток.

Работы 1966 г. В результате небольшой врезки в клиф (2,0 х 2,5 м, высота 1,3 м) был зачищен восточный конец стены, сложенной по трехслойной двухлицевой сложной орфостатной системе с плотной притеской прямоугольных плит по месту (рис. 49, 50). Подошва кладки на 0,4–0,5 м выше уровня зеркала лимана. Толщина кладки 0,67 м, длина плит до 0,99 м. Одна из плит имеет двусторонний руст. Судя по конструкции и толщине, стена была наземной и принадлежала, скорее всего, относительно монументальному сооружению. Датируется на основании стратиграфического положения V–IV вв. до н.э. Судя по конструкции, особенностям камней и высоте

11. Координаты по съемке 1958 г.: VII–E, квадраты №№ 345, 365. Автор отчета указывает индекс только большого (стометрового) квадрата. Приведенные нами номера пятиметровых квадратов определены, исходя из совпадения описаний открытых в 1970 и 1980 гг. в этом месте остатков стены с дверным проемом, северный конец которой был перекрыт уличной вымосткой (Русяева, 1970/16–г, с. 4 и сл.; Назарчук, 1980/27–г, с. 1–3).

12. Координаты по съемке 1958 г.: VII–E, квадрат № 27.

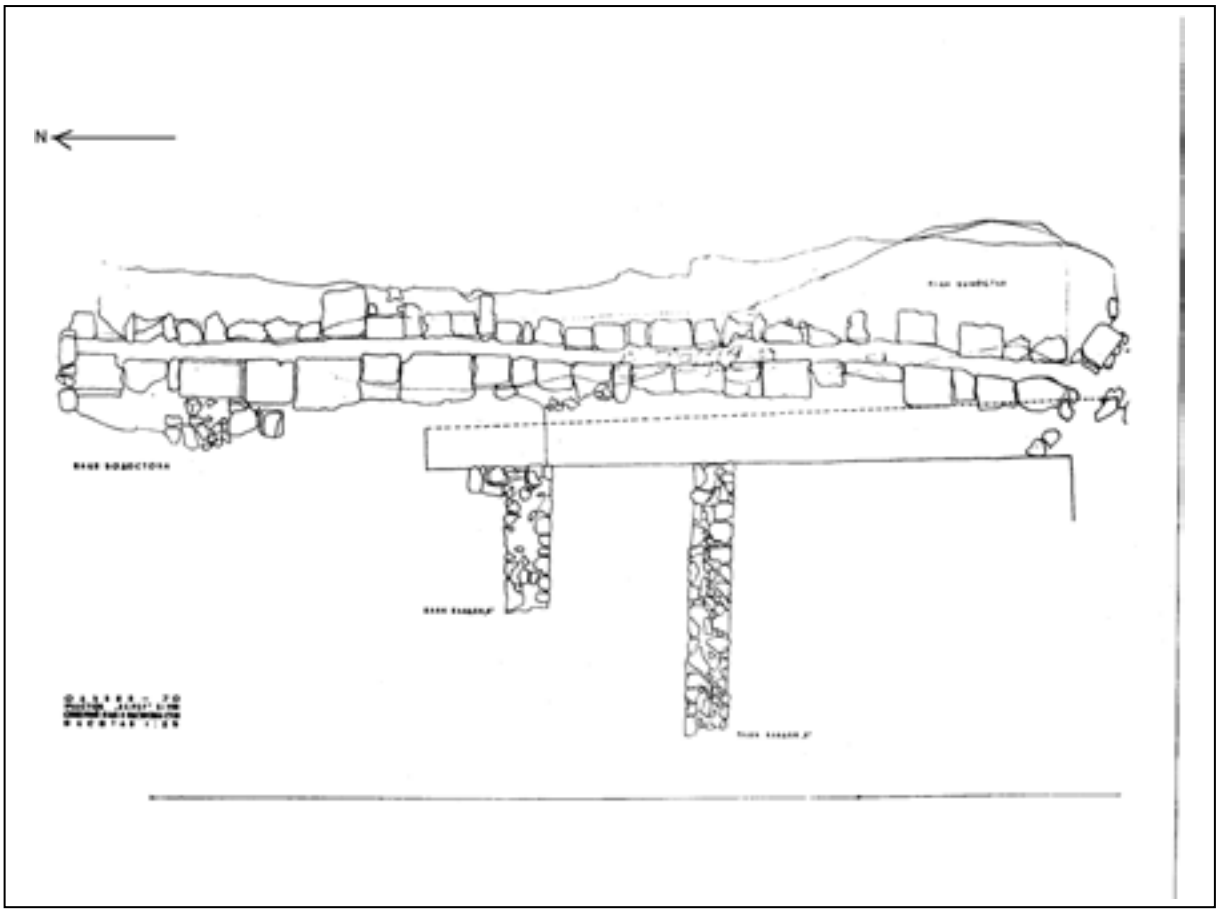


Рис. ***45***. Пункт 2. Южная часть. План водостока

Рис. ***46***. Пункт 2. Южная часть. Вид на водосток с юга. На первом плане стена № 10 с дверным проемом

Рис. ***47***. То же. Вид с севера

*Рис. **48**.* Пункт 2. Северная часть. Склад керамид

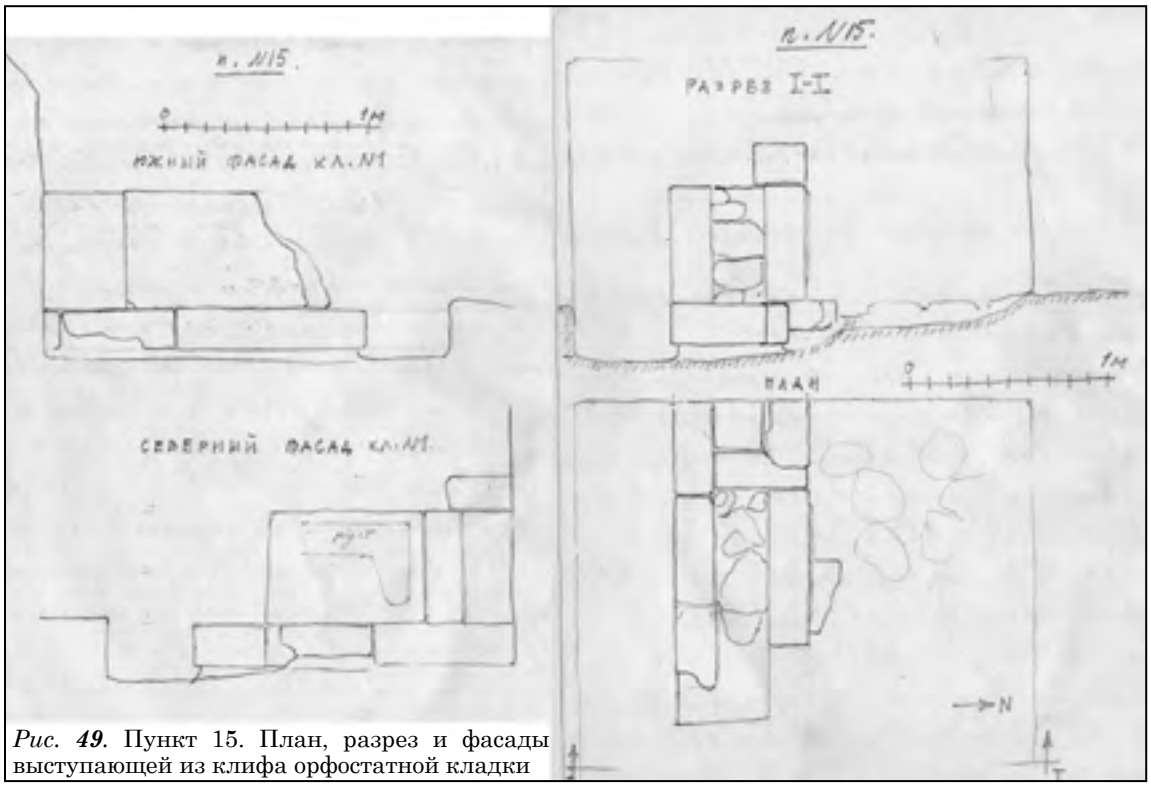


*Рис. **49**.* Пункт 15. План, разрез и фасады выступающей из клифа орфостатной кладки

*Рис. **50**.* То же. Вид с юго-востока. 1966 г.

клифа, это та же стена, которая была зачищена в свое время Б.В. Фармаковским (см. выше: рис. 9 –11).

Исследования в 1970 г.[13] Заведующая участком Р.И. Ветштейн. Размеры раскопа 20,5 х 2,5–5,0 м, высота клифа от зеркала лимана 5 м. Исследовались строительные остатки четырех строительных периодов от конца IV в до н.э. до конца III – начала IV вв. н.э. [Ветштейн, 1970/16–а, дневник, с. 1 заключения] (рис. 51).

К наиболее позднему времени относятся две траншеи и яма.

Ко II – началу III вв. н.э. относится «жилой комплекс из двух смежных помещений и дворика с каменной вымосткой» (рис. 52), расположенной на глубине 2,2 м от современной поверхности клифа [Ветштейн, 1970/16–а, дневник, с. 4, 5, 6, 9]. Как можно понять из дневника, помимо двух помещений, расположенных к северу от двора (от кладки № 5), имелось еще одно помещение с южной стороны двора, в котором был обнаружен глинобитный под печи (№ 2) размерами 1,5 х 1,2 м, толщиной 27–28 см. Фрагментарность строительных остатков и неполная нумерация объектов на обмерном чертеже не дают возможности более подробно охарактеризовать открытые остатки этого слоя по текстовым описаниям, приведенным в дневнике (текст отчета в архиве отсутствует).

От третьего периода – позднеэллинистического на 0,3–0,4 м глубже сохранились разрозненные маловыразительные остатки, вроде отдельных камней или их развалов, один из которых располагался к югу от двора (от кладки № 1) второго периода.

К четвертому периоду – IV в. до н.э. относится орфостатная кладка в п. 15, зачищенная в 1966 г.

Пункт № 16. Исследовался в 1966 г. Располагается в 50 м к югу от раскопа НГЦ между траншеями №№ 19, 20 И.Е. Забелина и В.Г. Тизенгаузена. Размеры врезки в клиф 2,3 х 1,5 м, высота 2,0 м. Зачищены восточные концы двух кладок, располагавшихся параллельно на расстоянии 0,9 м одна от другой (рис. 53). Подошвы стен выше зеркала лимана на 1 м. Кладки однолицевые, обращены фасадами друг к другу. Системы различны: кладка № 1 сложена по однорядной постелистой системе, № 2 – по двухрядной орфостатной.

Рис. 51. Пункт 15. Обмерный план. В левом нижнем углу чертежа орфостатная кладка, зачищенная в 1966 г.

13. Координаты по съемке 1958 г.: VII–Е, квадраты №№ 6, 7, 26, 27; VII–Д, квадраты №№ 346, 366, 386, 387.

*Рис. **52**.* Пункт 15. Вымостка двора. Вид с северо-запада. В правом верхнем углу снимка орфостатная кладка, зачищенная в 1966 г.

*Рис. **52а**.* Орфостатная кладка, показанная на рис. 52. Вид с юго-запада. 1970 г.

Обе кладки подвальные (или полуподвальные), судя по одинаковой глубине залегания и наличию между ними глинобитного пола, были построены одновременно и относились к одному и тому же сооружению (подвальный коридор (?). Низкое качество кладок и бытовой характер сопровождающего материала из слоя, перекрывавшего пол, дают основания предполагать жилое назначение дома, которому они принадлежали. Вероятная датировка III – II вв. до н.э.

В культурных напластованиях, перекрывших это сооружение удалось выделить раздельно слои I – II вв. н.э. (слой 4, список № 157) и II – III вв. н.э. (слой 5, список № 158) [Крыжицкий, 1967/7–б, с. 4, 5].

Пункт № 17. Исследования 1966 и 1970 гг. Располагается в 35 м к югу от раскопа НГЦ. До начала работ в клифе были видны поперечные разрезы двух кладок и частично восточный фасад перпендикулярной им стены. Подошвы кладок расположены на 0,1–0,2 м выше уровня лимана.

Раскопки 1966 г.[14] Длина врезки 13,5 м, ширина – 1,5–2,3 м, глубина 2,0–3,5 м. Открыты строительные остатки IV в. до н.э. – III в. н.э. [Крыжицкий, 1966 –67/7–б].

Наиболее поздними являются кладка № 5 и два пифоса (рис. 54). Кладка расположена на 0,5–0,7 выше верха кладок №№ 1, 2, 3. Двуслойная, двухлицевая. Восточный фасад сложен по однорядной, приближающейся к иррегулярной, системе из полигональных и прямоугольных плит и блоков, фундаментный ряд – из установленных орфостатно камней. По технике и качеству кладка № 5 аналогична наиболее поздним кладкам участка НГЦ, относящимся ко времени не ранее середины III в. н.э. и расположенным примерно в том же уровне [Крыжицкий, 1967, с. 132]. В том же слое над кладкой № 2 обнаружены нижние части двух пифосов, раздавленных in situ, материал из заполнения которых датируется II–III вв. н.э. В обоих пифосах сохранились следы ремонтов с помощью свинцовых скреп (рис. 55).

Кладки №№ 1, 2, 3 находятся в желтоглиняном слое и датируются на основании главным образом стратиграфических наблюдений III–II вв. до н.э. Учитывая то, что кладка № 3, связанная с кладкой № 2 в переплет, однолицевая (фасад обращен к югу), как и стена № 1, есть основания считать все три стены (№№ 1, 2, 3) подвальными. При этом продолжение кладки № 1 в обе стороны от кладки № 2, а также то, что кладка № 2 двухлицевая (рис. 56, 57), позволяют предполагать, что подвальные помещения располагались по обе стороны стены № 2 – к западу и востоку. Таким образом, характер расположения в плане и конструктивные особенности кладок свидетельствуют о размещения здесь двух подвалов – западного и восточного.

14. Координаты по съемке 1958 г.: VII–Д, квадраты №№ 225, 226.

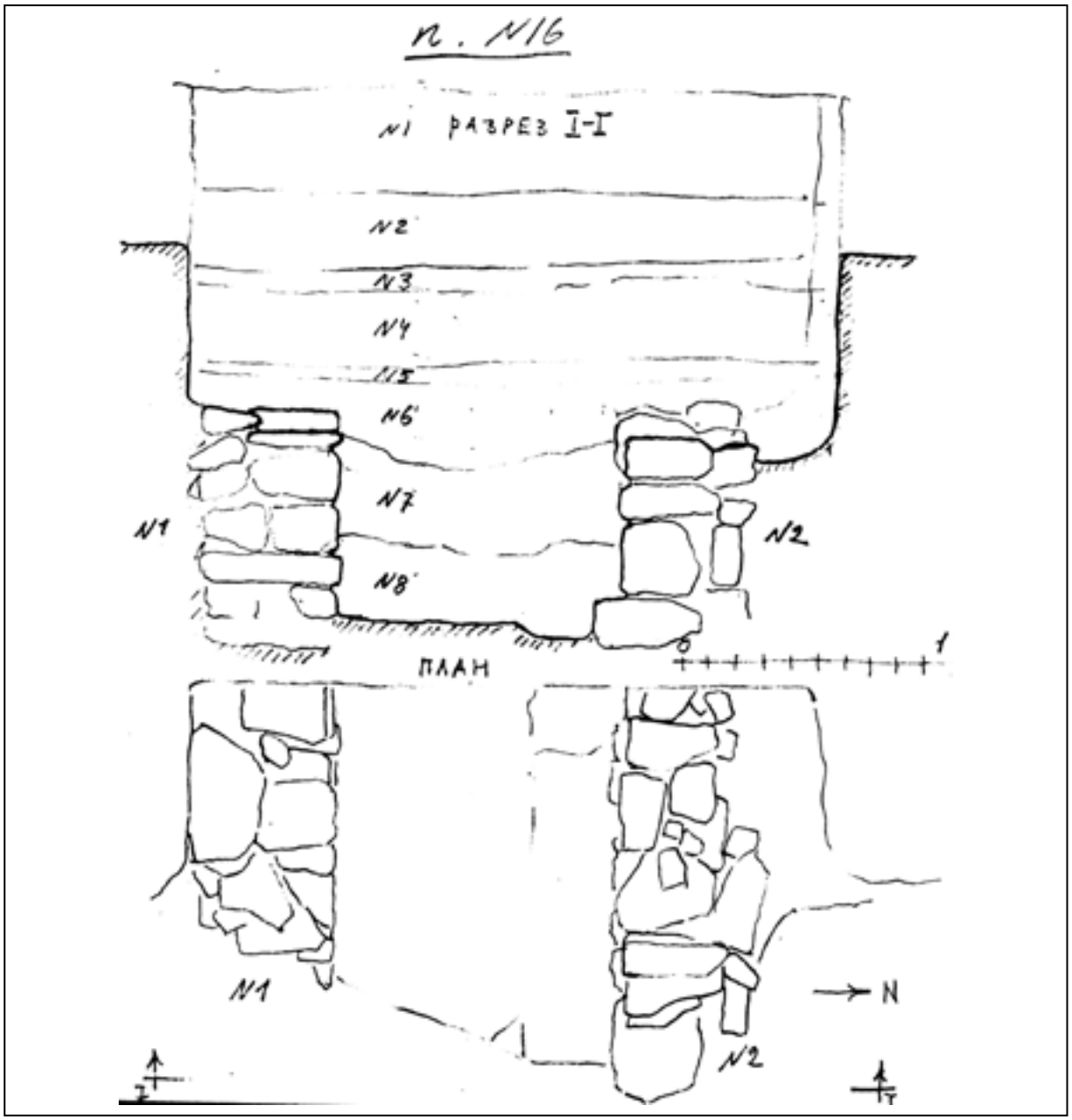


*Рис. **53**.* Пункт 16. План и поперечный разрез кладок

Западный подвал не исследовался в связи с необходимостью в этом случае сделать слишком глубокую врезку в клиф. От восточного подвала сохранилась незначительная часть с небольшими напластованиями в северо-западном углу.

К северу от описанных строительных остатков были зачищены лишь небольшие фрагменты щебенчатых вымосток и завала бута.

Раскопки 1970 г.[15] Располагаются к северу от раскопок 1966 г. Заведующие участком Часнык Н.З. и Яковишина Т.П. [Часнык, 1970/16]. Открыты строительные остатки в основном двух периодов – эллинистического и первых веков н.э. (рис. 58).

Наиболее поздние объекты представлены тремя фрагментами кладок (№№ 12, 13)[16] и вымосткой двора № 5 из полигональных плит и фрагментов кирпичей, ограниченной на севере рядом установленных орфостатно плит [Часнык, 1970/16, с. 1, 2].

От строительных остатков раннеримского времени (на 2 м глубже) сохранились наземная стена № 15 и подходящая к ней с запада вымостка (№ 27). В кв. №№ 145, 146 обнаружены остатки, расположенных с запада на

15. Координаты по съемке 1958 г.: VII–Д, квадраты №№ 145, 146, 165, 166, 185, 186, 205, 206.

16. В тексте упоминается еще она кладка – № 2. Однако она не описана и на обмерном плане отсутствует.

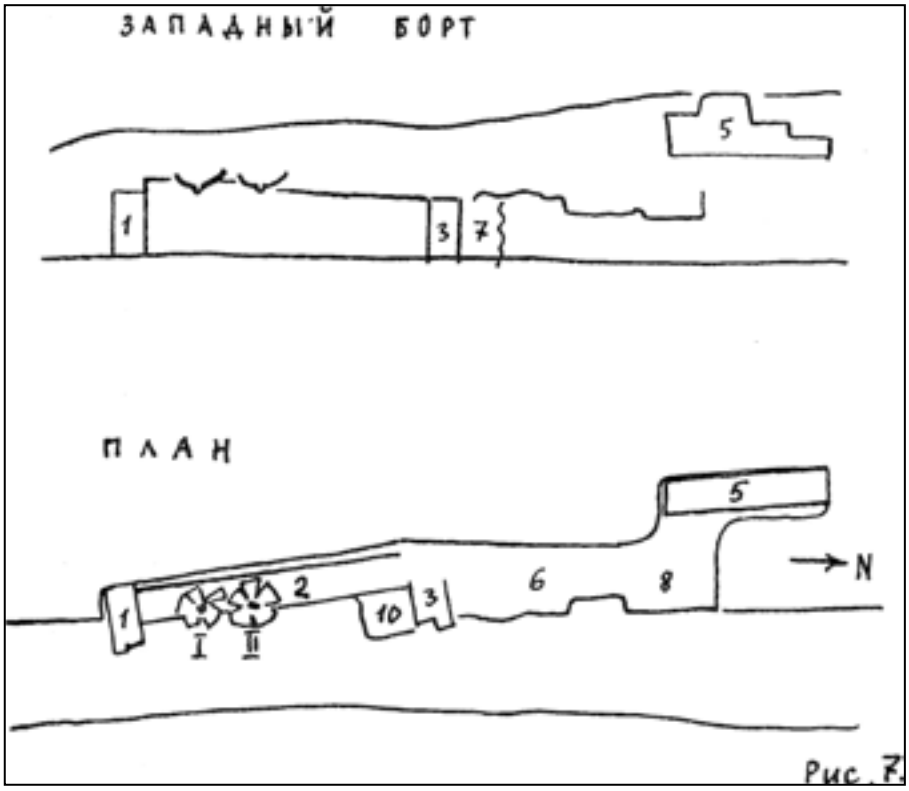


*Рис. **54**.* Схема расположения строительных остатков в п. 17, исследовавшихся в 1966 г.

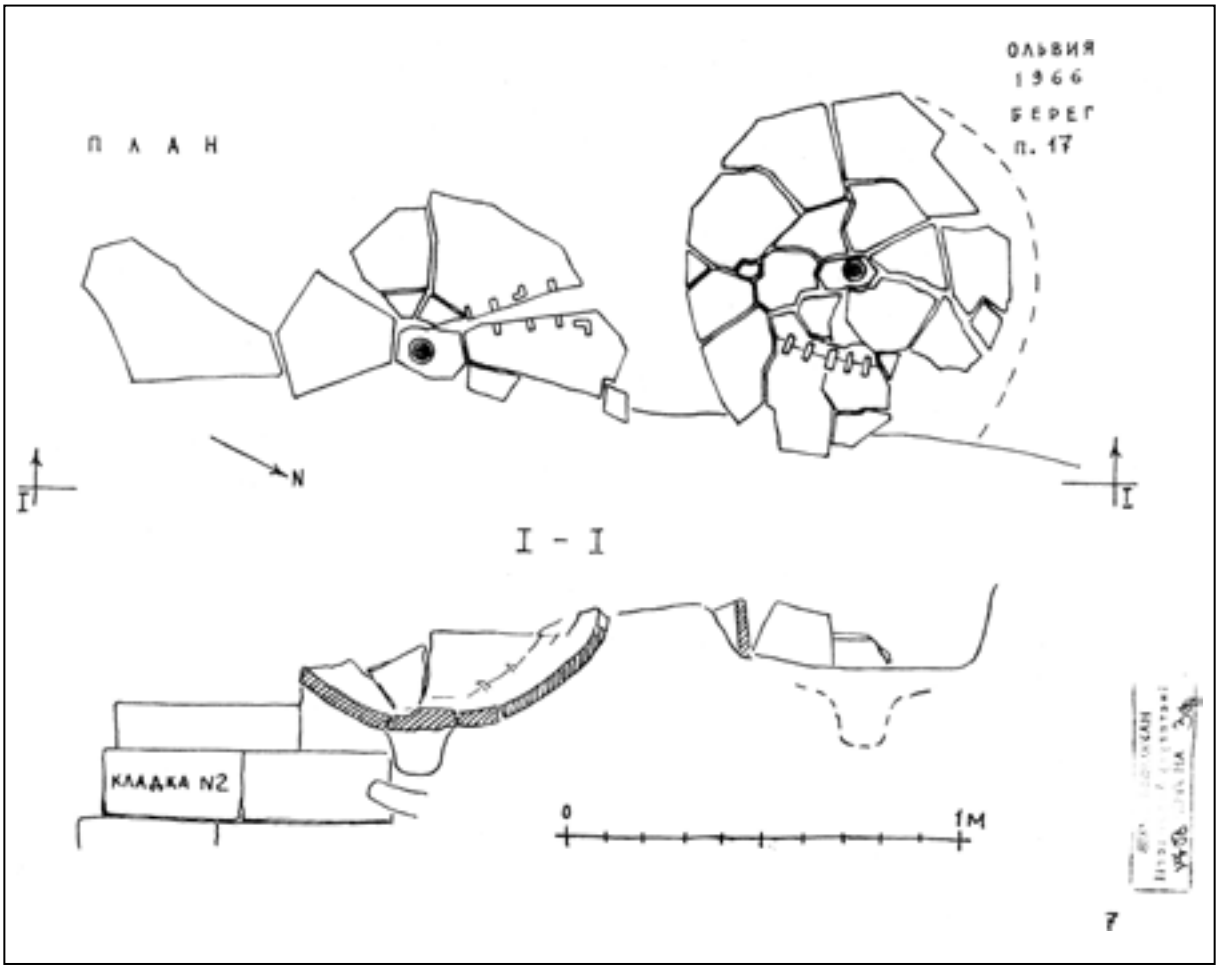


*Рис. **55**.* План и разрез остатков пифосов

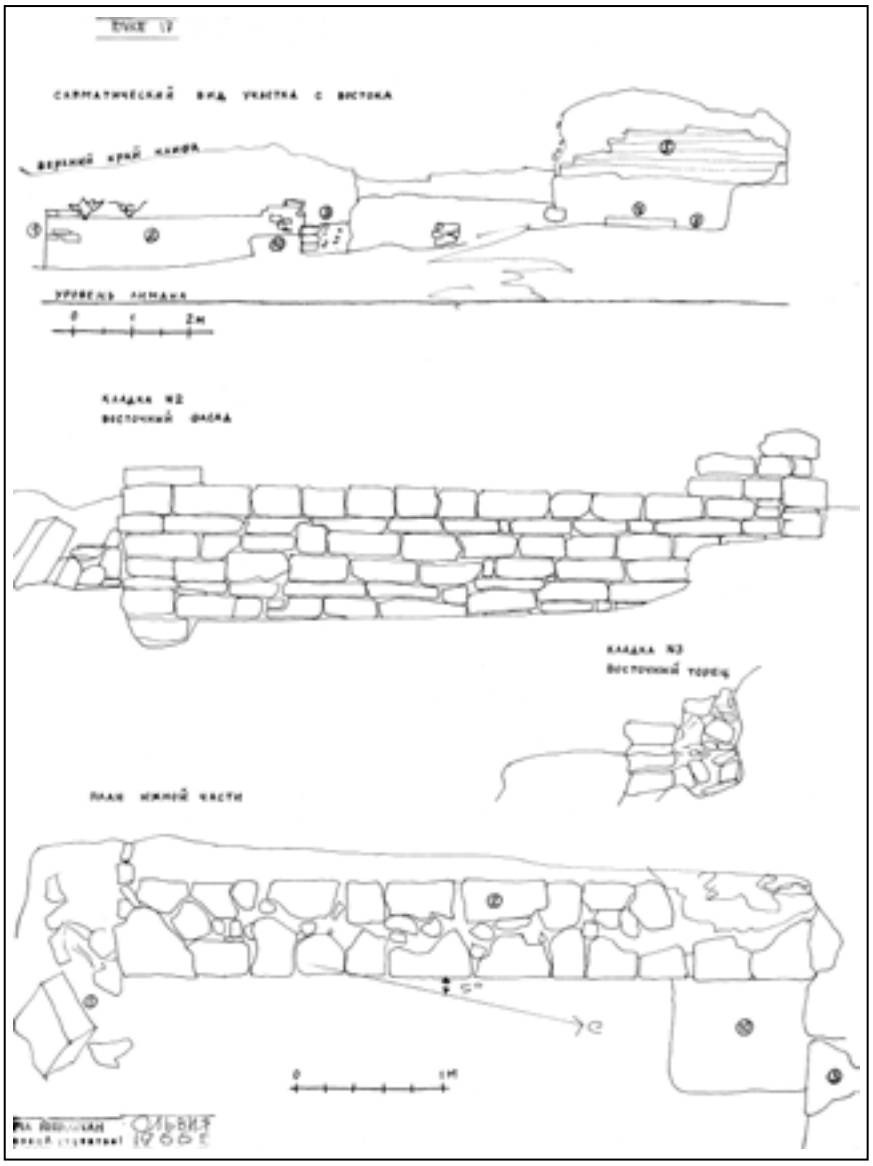


Рис. ***56***. План и восточный фасад кладки № 2

Рис. ***57***. Кладка № 2. Вид с юго-востока

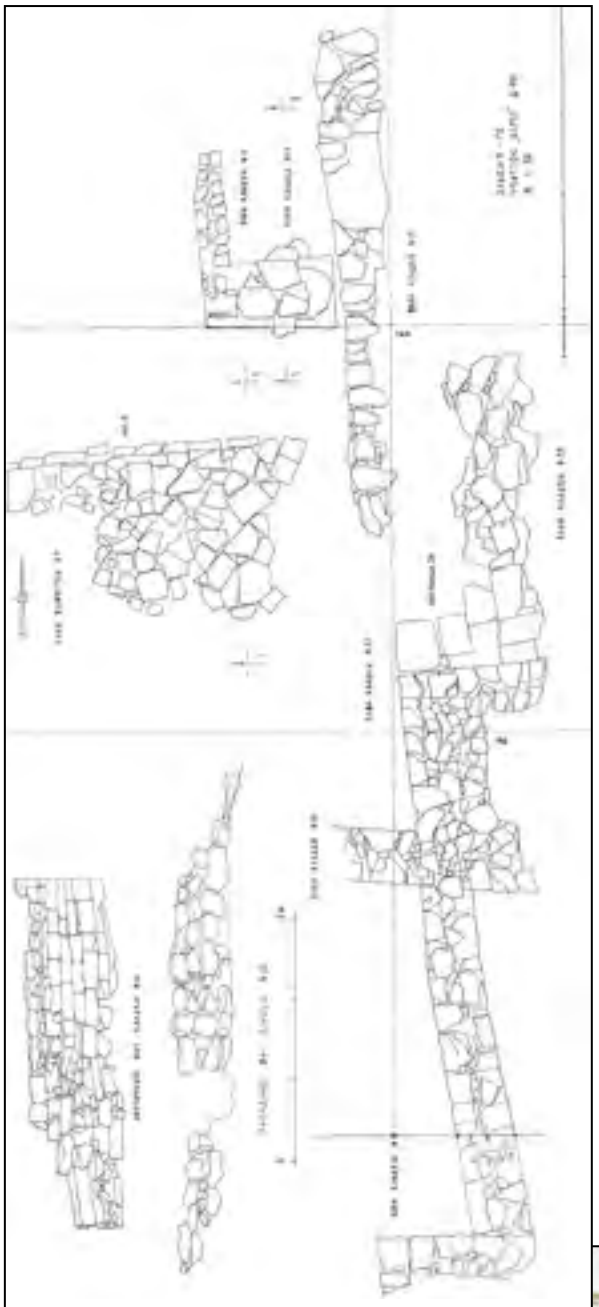


*Рис. **58**.* Пункт 17. План строительных остатков раскопок 1970 г.

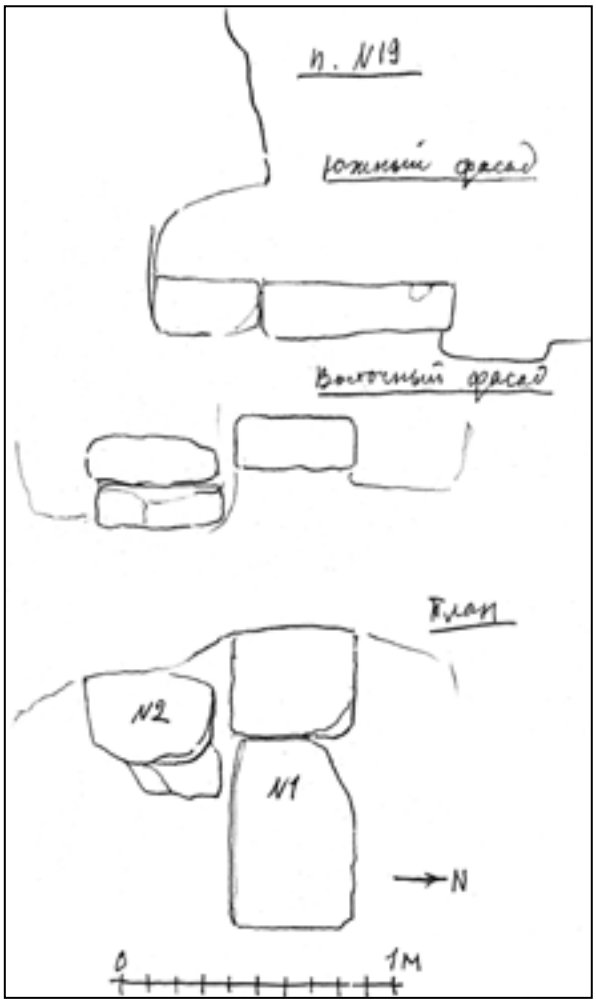


*Рис. **59**.* Пункт 19. План строительных остатков, исследовавшихся в 1966 г.

*Рис. **58а**.* То же. Вымостка № 5. Вид с северо-запада

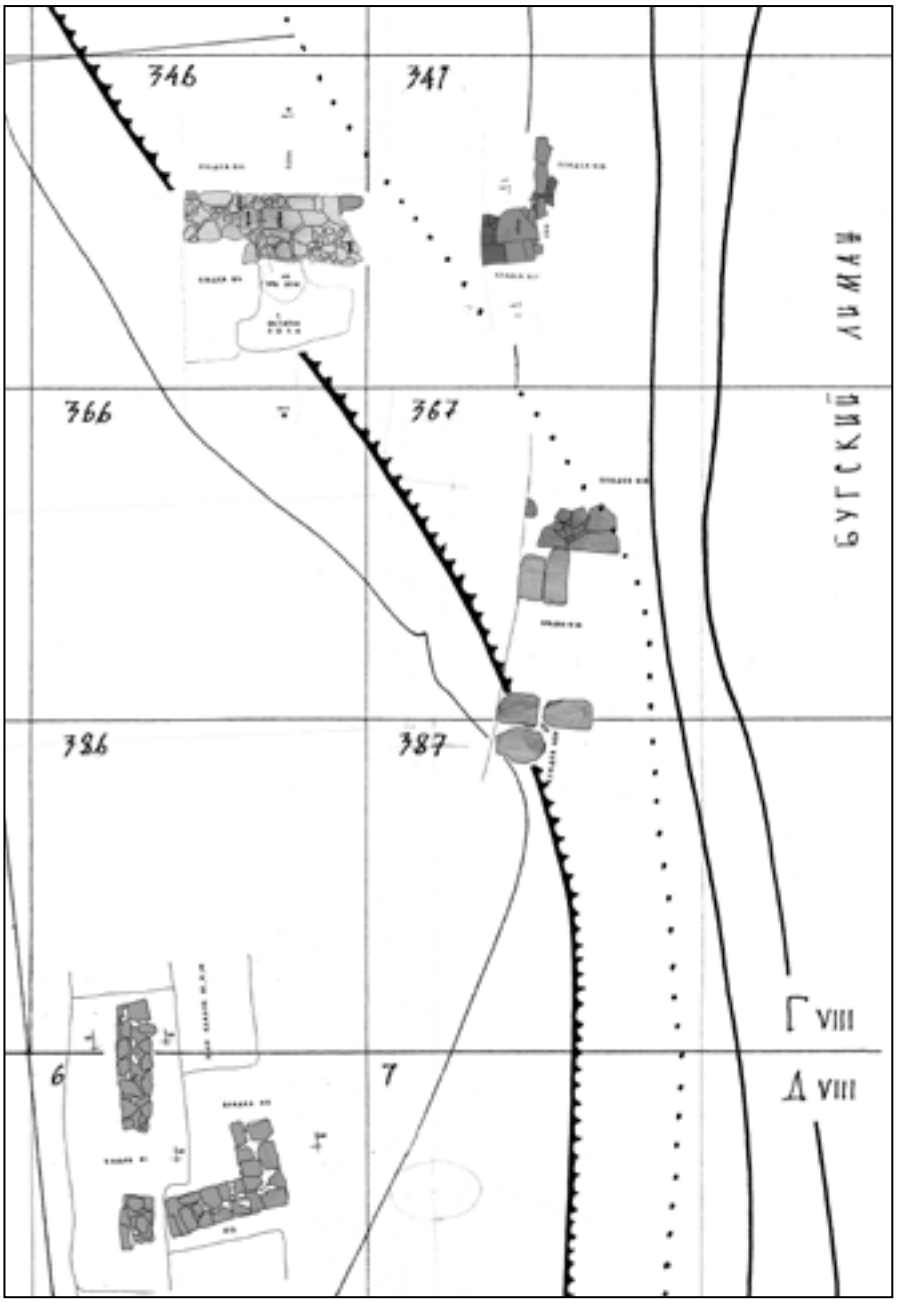


Рис. ***60***. Пункт 19. Строительные остатки, исследовавшиеся в 1970 г.

восток, трех пифосов с остатками рыбьих костей и чешуи [Часнык, 1970/16, с. 3, 4].

Еще глубже на полтора метра в желтоглинистом слое эллинистического времени обнаружены остатки трех помещений и дворика, из которого лестница № 24 из трех ступенек вела с запада на восток – на второй (по предположению автора отчета) этаж.

Пункт № 19.[17] Исследования 1966 и 1970 гг. Располагается в клифе напротив центральной части раскопа НГЦ. До начала работ в клифе были видны выходы камня.

Раскопки 1966 г. В ходе зачистки в землисто–золистом слое V в. до н.э. выявлено две плиты от фундаментного ряда стены, располагавшейся на 0,3–0,4 м выше уровня зеркала лимана (рис. 59).

Исследования 1970 г.[18] Заведующая участком Н.А. Лейпунская [Лейпунская, 1970/16]. Размеры раскопа 23 (с –ю) х 7 (з–в). Углубление было произведено террасами шириной 1,0–1,5 м глубиной 0,3–0,5 м. Были раскрыты разрозненные строительные остатки четырех строительных периодов II–III вв. н.э. и слой эллинистического времени – III–II вв. до н.э. (рис. 60).

17. Координаты по съемке 1958 г.: VII–Г, квадрат № 387.

18. Координаты по съемке 1958 г.: VII–Г, квадраты №№ 345–347, 365–367, 386, 387; VII–Д, квадраты 6, 7, 26, 27.

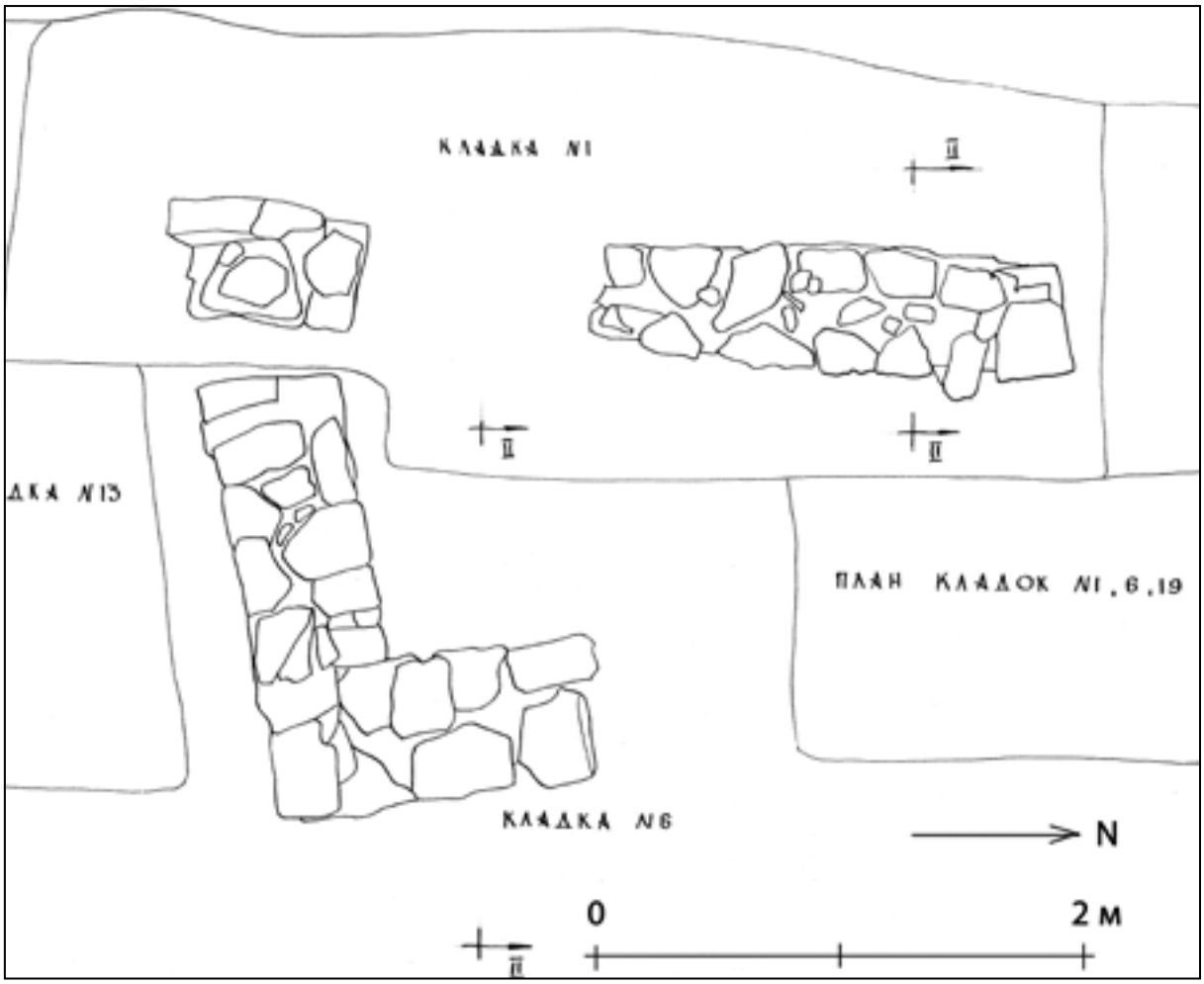


Рис. ***61***. То же. Кладки №№ 1, 13. План

Рис. ***61а***. То же. Вид с северо-востока

Наиболее поздней является двухлицевая кладка № 1, имевшая дверной проем шириной 1,4 м (рис. 61). Фундаментный ряд сложен из полигональных плит, установленных орфостатно. Техника кладки, глубина ее заложения и сопровождающий материал (в частности, пифосообразные амфоры) соответствуют первому культурному слою III в. н.э. на участке НГЦ [Лейпунская, 1970/16, с. 3]. У северного окончания кладки № 1 сохранился фрагмент вымостки из мелких фрагментов амфор II–III вв. н.э.

Ко второму (более раннему) строительному периоду относятся две кладки №№ 6 и 13, соединенные в переплет (рис. 61). Их более раннее появление определяется стратиграфически – кладка № 13 уходит под кладку № 1. Кладки однорядные постелистые из полигональных камней двухлицевые, притеска, как и в более поздних кладках, отсутствует.

К еще более раннему строительному периоду принадлежит хозяйственный комплекс, открытый в кв. № 346 и состоящий из стены № 4, фрагмента глинобитного пола толщиной 20–25 см, примыкающего к стене № 4, и расположенного на полу очага № 2 (рис. 62).

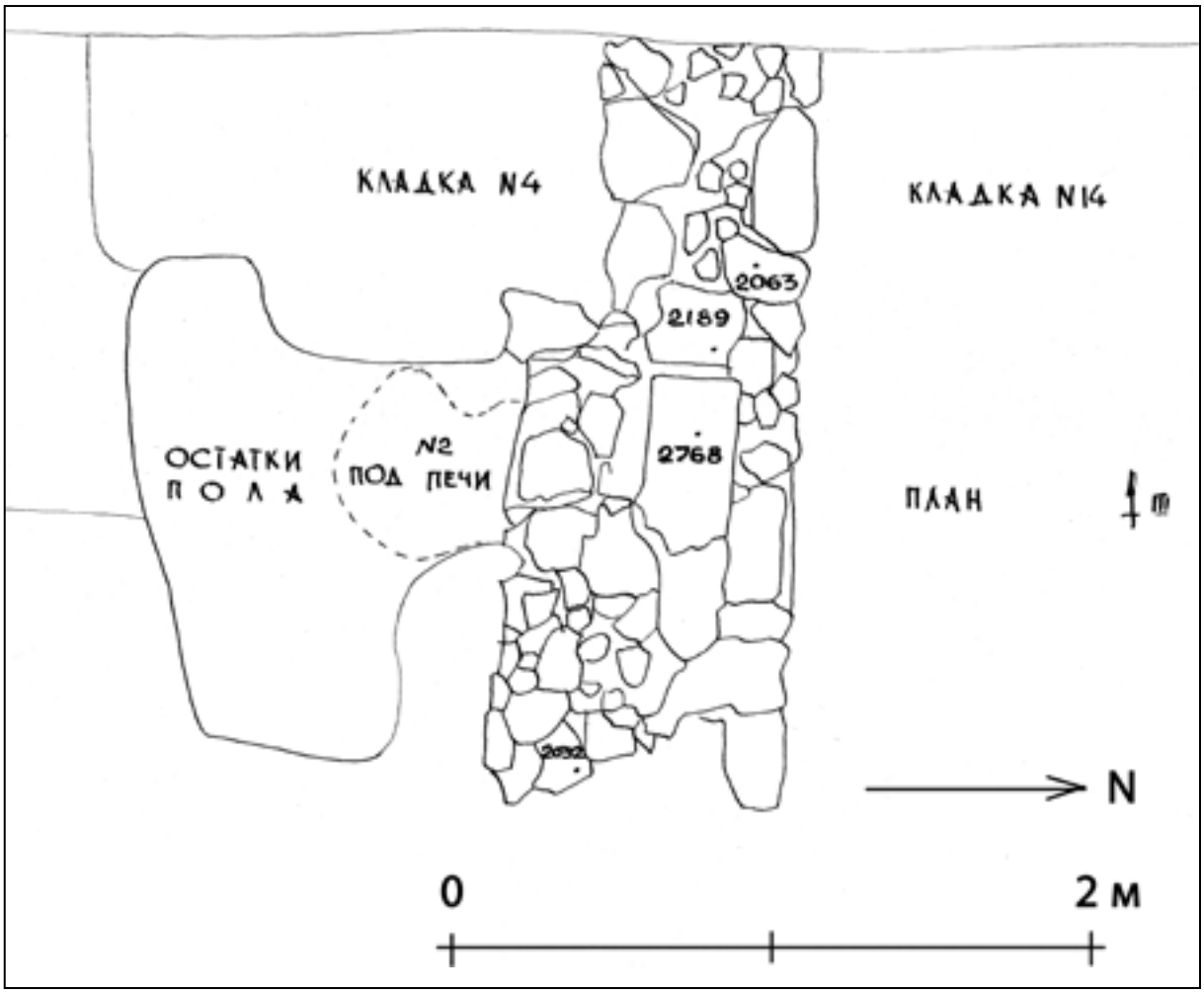


Рис. ***62***. То же. Кладки №№ 4, 14, под печи № 2

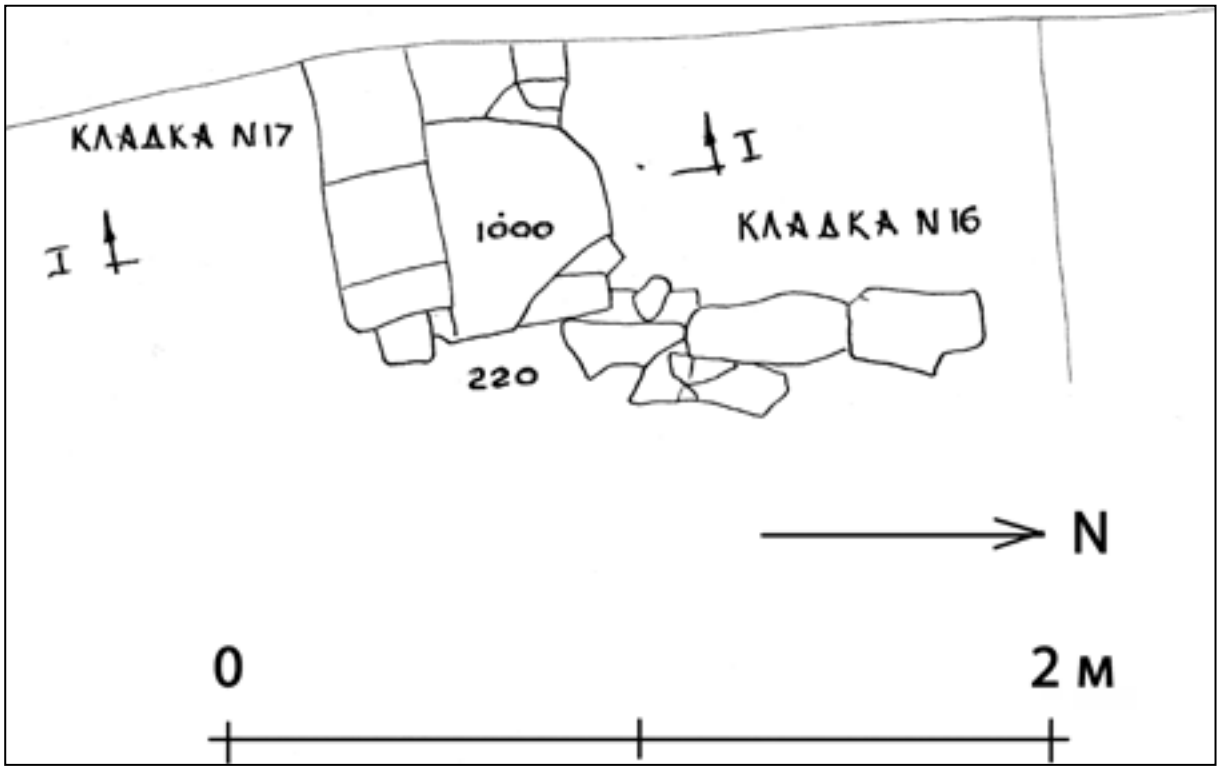


Рис. ***63***. То же. Кладки №№ 16, 17

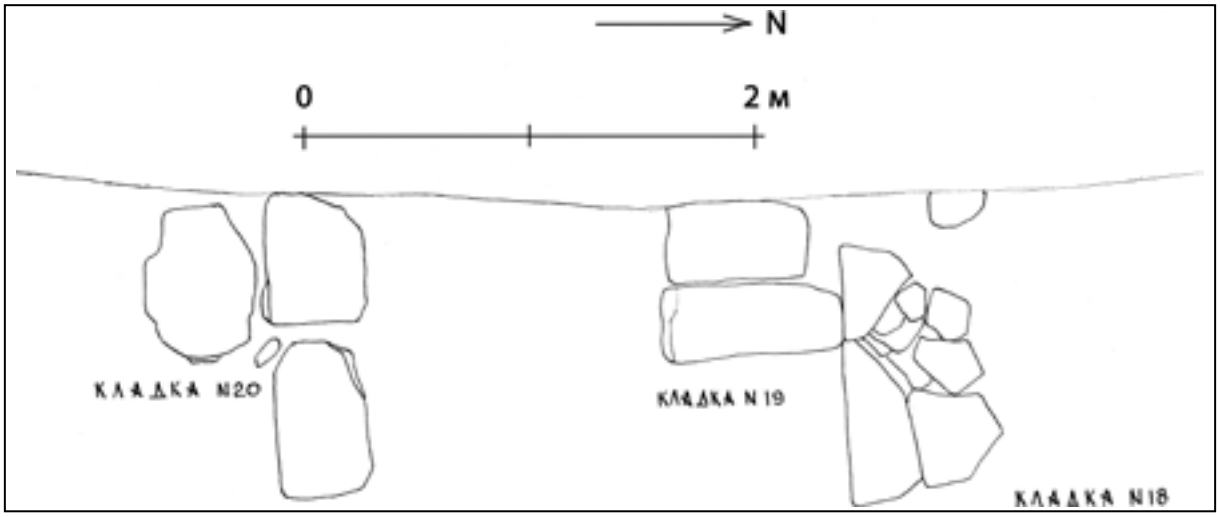


Рис. ***64***. То же. Кладки №№ 18-20

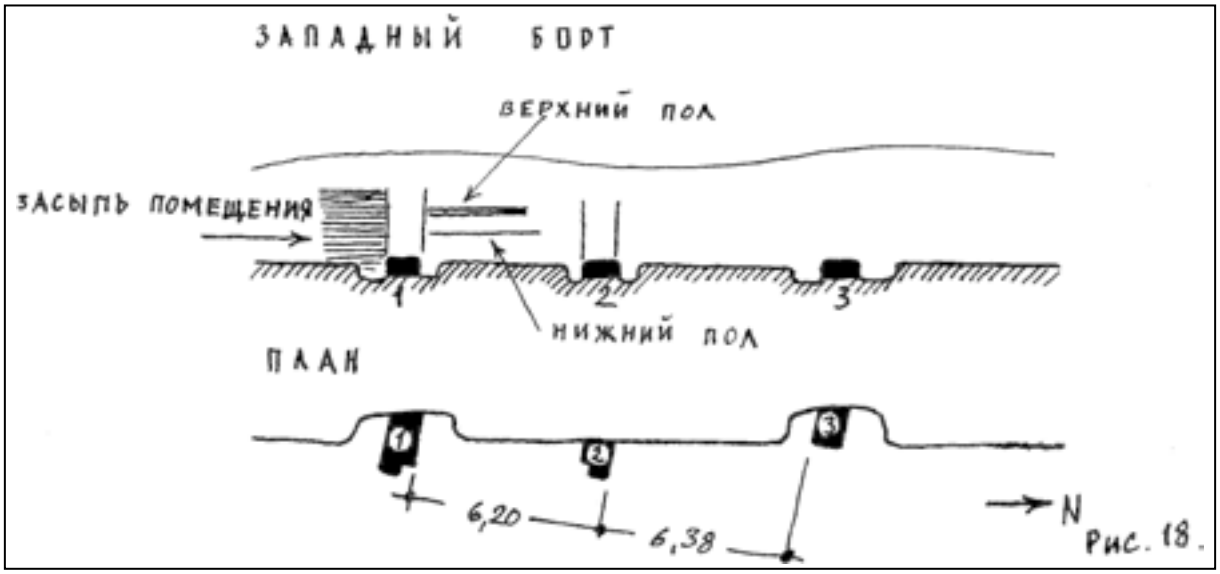


Рис. ***65***. Пункт 20. План

К четвертому строительному периоду относится кладка № 14, перекрытая впоследствии кладкой № 4 (рис. 62).

Остатки эллинистического времени открыты на нижней береговой террасе. В кв. № 347 – незначительные фрагменты кладок №№ 16 и 17 (рис. 63), а в кв. 367, 387 – остатки кладок №№ 18–20 (рис. 64). Предполагается, что кладки №№ 18–19 были подвальными. Кладка № 20 была открыта в 1966 г. Сопровождающий материал позднеэллинистический (в частности фрагменты мегарских чаш).

Автор раскопок отмечает близость стратиграфии, характера сооружений, сопровождающего материала участку НГЦ [Лейпунская, 1970/16, с. 12].

Пункт № 20. Располагается в 35 м к северу от раскопа НГЦ. Исследовался в 1966 г. [Крыжицкий, 1966–67/7–б.]. До начала работ в клифе прослеживались в трех местах выходы камней. Открыты торцы нижних рядов трех кладок, располагавшихся параллельно друг другу на расстоянии 6,20 м между кладками №№ 1, 2 и 6,38 м между кладками №№ 2, 3 (рис. 65). Подошвы стен на 0,3–0,5 м выше зеркала лимана. Кладки №№ 1, 2 однолицевые, что свидетельствует о том, что располагающееся между ними помещение было подвальным. В этом помещении на 0,3 м выше подошвы стены № 1 находилась каменная вымостка.

Пункт № 24. Располагается в 60 м к северу от раскопа НГЦ, неподалеку от углубления № 17 на топосъемке Ольвии 1958 г. Исследовался в 1966 г. [Крыжицкий, 1966–67/7–б]. Зачищены остатки разрушающегося слоевого основания, расположенного по линии север–юг (рис. 66, 67). Подошва основания располагается непосредственно на слое песка в уровне зеркала лимана. Сохранившаяся ширина

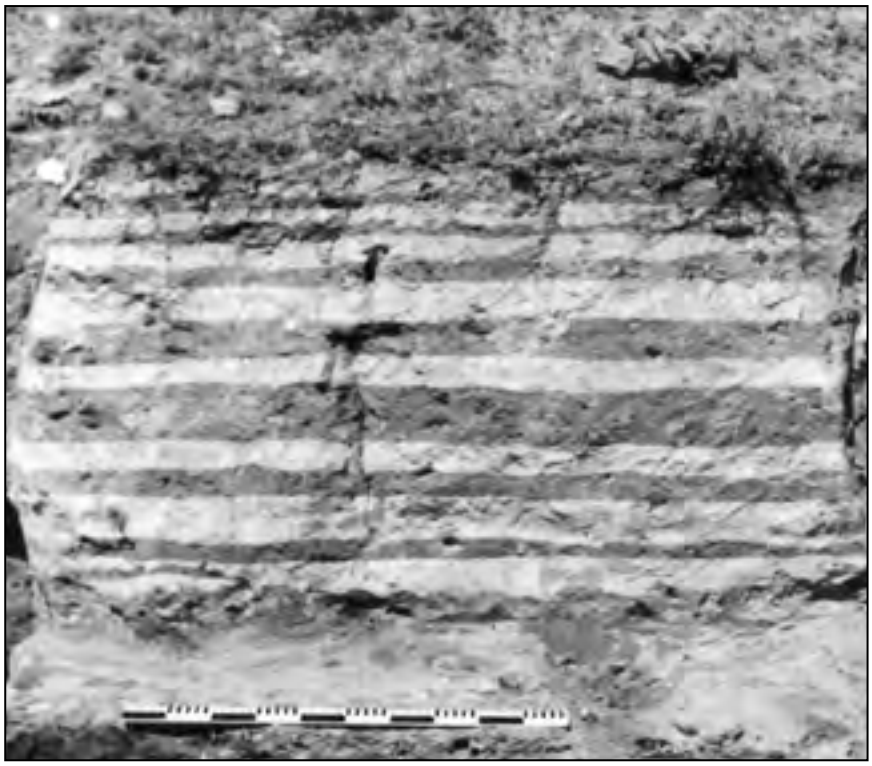


Рис. ***66***. Пункт 24. Слоевое основание. Вид с востока

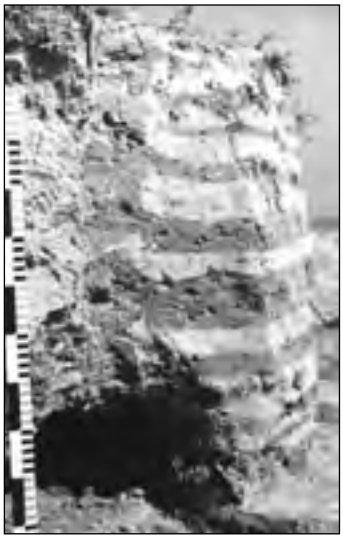


Рис. ***67***. То же. Поперечный разрез. Вид с юга

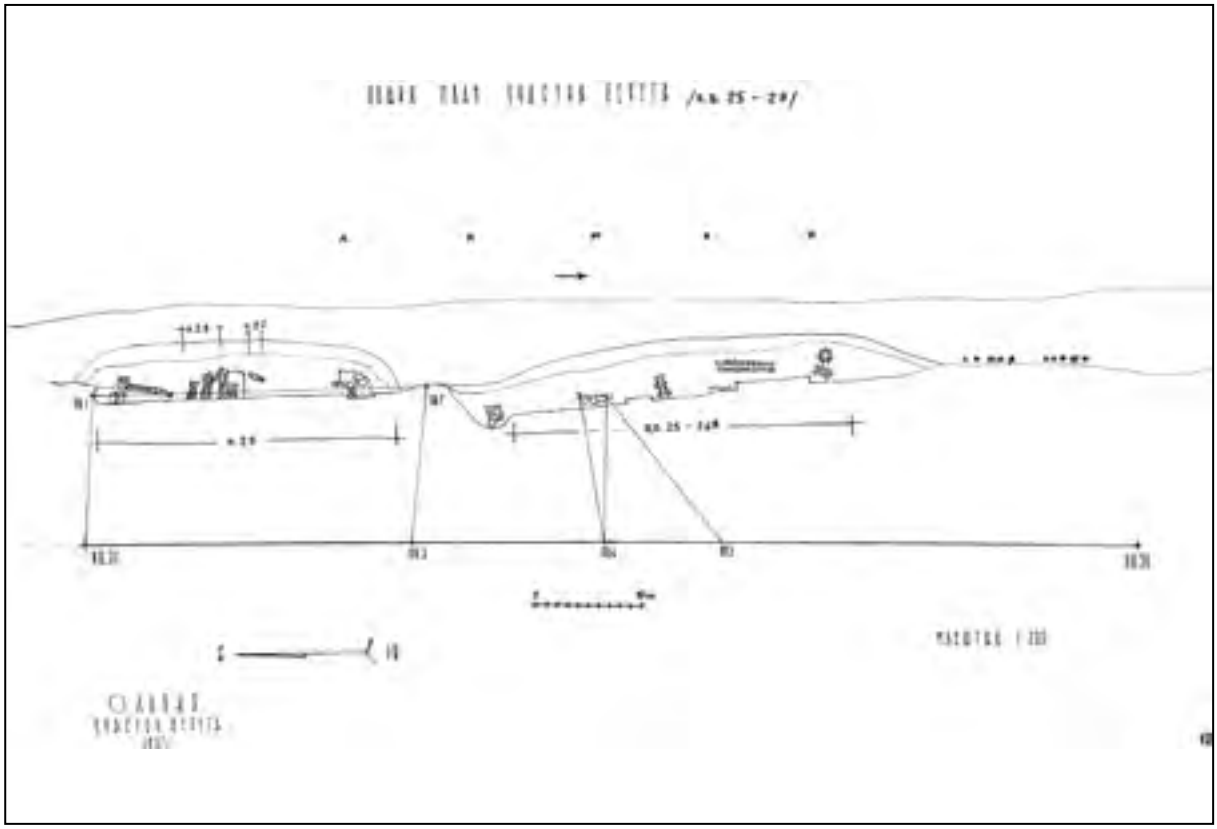


Рис. ***68***. Схематический план строительных остатков в пп. №№ 25-29

0,75 м, высота 1,40 м. Толщина желтоглинистых слоев 7–10 см, землисто–золистых 3–8 см. Наиболее вероятная датировка – IV в. до н.э.

Следует подчеркнуть, что слоевое основание в Нижнем городе обнаружено впервые. Еще одно слоевое основание было открыто спустя полтора десятка лет в 1980 г. возле раскопа НГС[19]. До сих пор слоевые основания встречались только в Верхнем городе Ольвии.

Пункты №№ 25, 26. Исследовались в 1966, 1967 гг. [Крыжицкий, 1966–67/7–б] (рис. 68, 69). Заведующие участками: п. № 25 – А.С. Островерхов, п. 26 – С.С. Махненко.

В 1966 г. работы были начаты в п. № 25. Здесь на высоте 2 м от зеркала лимана в клифе был виден ряд камней, зачистка которых позволила обнаружить вымостку № 4 из битой керамики толщиной 0,15–0,20 м и канал уличного водостока. В 1967 работы распространились на пп. №№ 26, 26–а, 26–в, а в 1972 г. и на п. № 26–б – все перечисленные пункты слились в один раскоп длиной 35 м, шириной 1,5–4,0 м, глубиной 1,5–2,5 м. В раскопе были выявлены остатки расположенной по направлению север–юг улицы (рис. 70, 70 –а, 70–б, 71).

На севере и юге продолжение улицы разрушено лиманом. Максимальная ширина сохранившейся части – 1,9 м. На севере открыты остатки вымостки, ступенька входа в дом № 4 и канал дворового водостока № 5, отводивший воду в уличный канал № 6. В центре на протяжении 6 м сохранился канал уличного водостока № 6 с уклоном к югу. На юге обнаружен выход канала с запада (№ 6 – юг), поворачивающего к северу и с уклоном к северу в створ с упомянутым каналом в центре улицы. Наличие в водостоках встречных уклонов дает основание предполагать, что между этими каналами размещался еще один, отводивший воды этих каналов в сторону лимана. Возможно, именно этим объясняется наличие в этом месте клифа глубокой промоины, идущей с запада на восток и уничтожившей здесь улицу. На южном конце улицы открыт также колодец № 7, наличие которого, очевидно, обусловило поворот в этом месте уличного водостока, с целью обойти колодец.

19. Пункт VII –А, квадраты №№ 365, 385. Номера квадратов в отчете не указаны. Они предположительно определены нами, исходя из места пересечения десятой горизонтали с клифом. Располагается в верхней части клифа в 30 (?) м к югу от устья Северной балки на высоте свыше 8 м над уровнем лимана. Работы велись в 1980 г. Заведующий участком В.И. Назарчук [Назарчук, 1980/27–г, с. 7–11]. Зачищена западная стена длиной 5 м и высотой 1,6 м подвального помещения и фрагмент южной стены, а также слоевое основание высотой 1,3 м (9 слоев толщиной 12–17 см). Оба объекта датируются IV–III вв. до н.э.

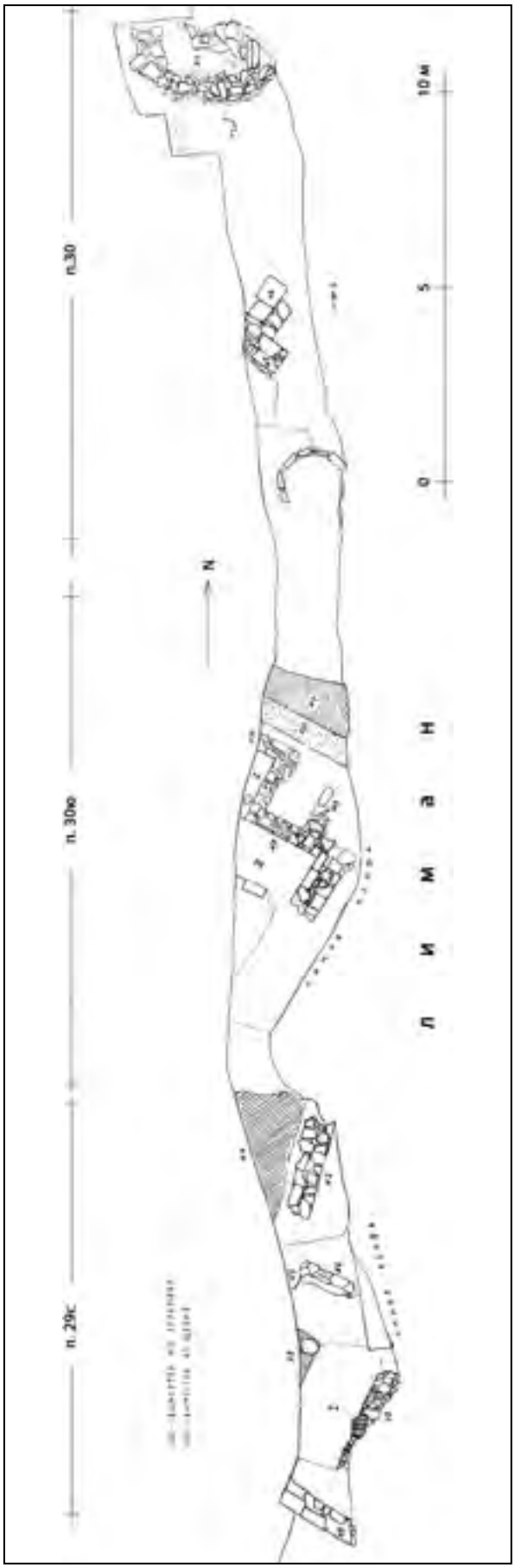


Рис. ***69***. Сводный обмерный план строительных остатков в пп. №№ 29-с – 30

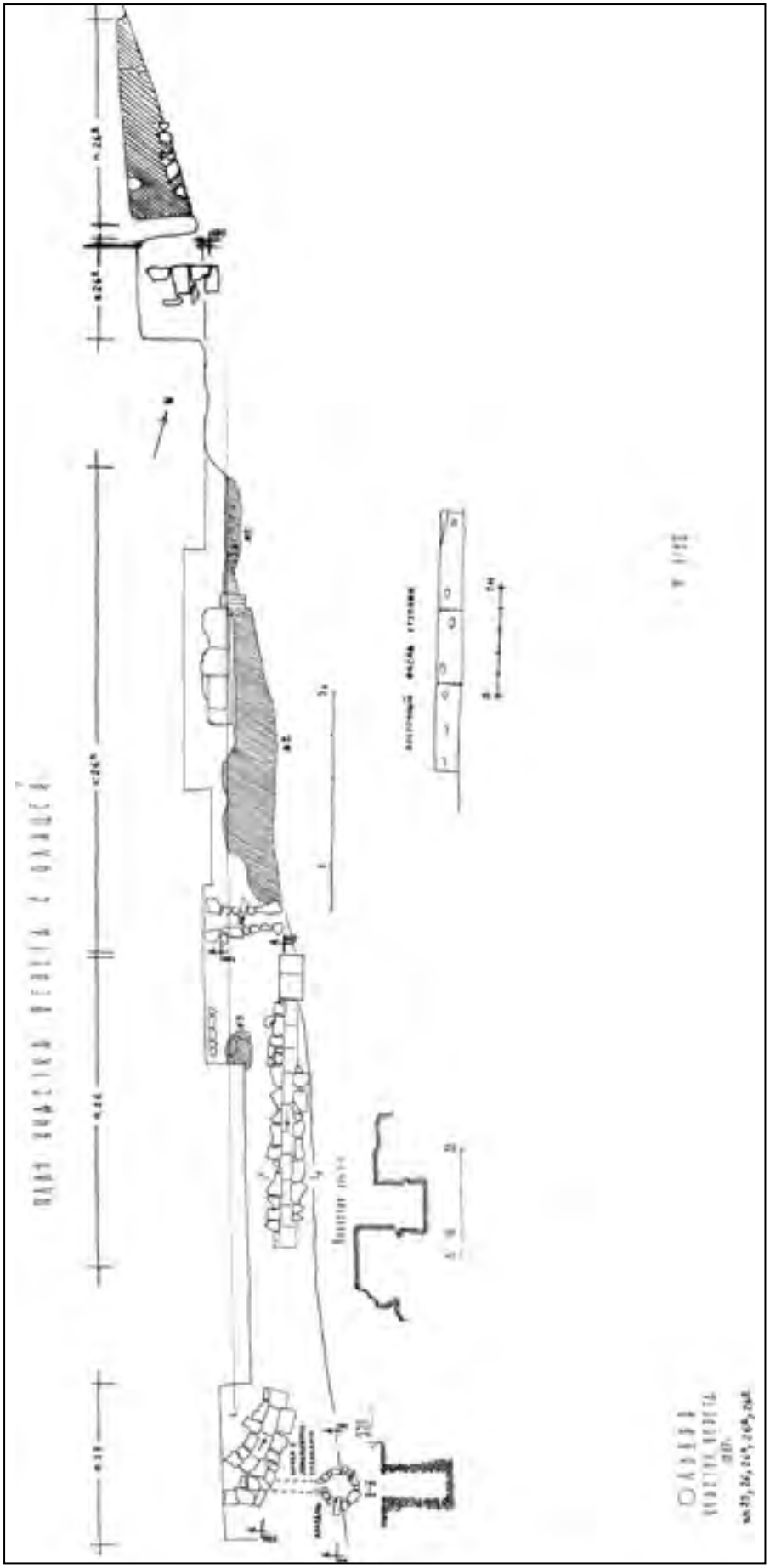


Рис. ***70***. Сводный обмерный план строительных остатков в пп. №№ 25 – 26-в

Рис. ***70а***. Общий вид открытых строительных остатков с юга

Рис. ***70б***. То же с севера. На переднем плане ступенька входа

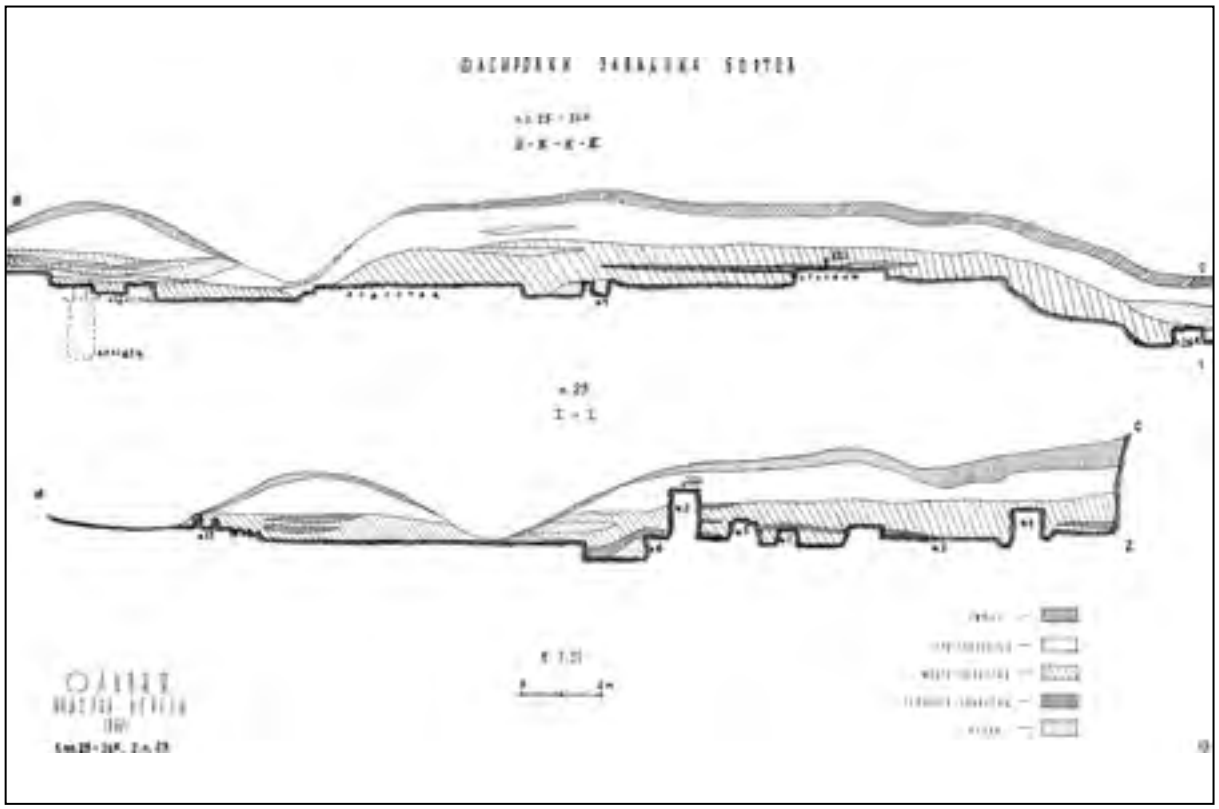


Рис. ***71***. Продольные разрезы по участкам №№ 25 – 29

Рис. 72. Ступенька входа. Вид с юго-востока. Справа на среднем плане сырцовая стена подвального помещения

Ступенька входа № 4 (рис. 72). Расположена вплотную к вымостке № 2. Фундамент состоит из прямоугольных плит ракушечника мелко околотых и отесанных. Плиты фундамента выступают от восточного фасада ступеньки на 0,05–0,07 м, верх фундамента выше прилегающей вымостки на 0,05 м. От собственно ступеньки сохранилось три камня общей длиной 2,3 м, высота подступенки 0,2 м, ширина проступи – 0,3 м. На восточном фасаде ступеньки имеется 7 небольших выступов (в плане 3 х 4 и 6 х 6 см при высоте 3–4 см), расположенных на одинаковых расстояниях от краев отдельных камней. Ступенька выполнена из хорошо выкадрованных прямоугольных плит светло–серого ракушечника, тщательно отесанных и плотно притесанных по месту. На проступи на расстоянии 0,1 м от восточного фасада вдоль всей ступеньки прослеживается незначительное углубление, образовавшееся, по–видимому, в результате действия капели. Западный край ступеньки имеет рваную конфигурацию. Это, а также сохранившиеся (не стертые в процессе эксплуатации) следы первоначальной обработки верхней поверхности ступени в ее западной половине, свидетельствуют о том, что выше находилась еще одна ступенька. Мы привели столь подробное описание ступеньки входа, чтобы показать ее незаурядность и по размерам, и по характеру и качеству конструкции. Все это говорит в пользу того, что ступенька принадлежала, скорее всего, достаточно большому и богатому дому, подобного дому НГФ–2. Наземных строительных остатков, синхронных ступеньке, на исследовавшейся территории раскопа не сохранилось.

Уличная вымостка (сохранилось три фрагмента №№ 1, 2, 3) состоит из слоя щебня и обломков керамики толщиной 0,10–0,15 м. К западу от вымостки прослеживаются следы выборки стены.

Дворовой водосток № 5 подходит с запада к уличному водостоку № 6. Внутреннее сечение 0,27 х 0,15 м. Дно земляное, стенки из бута. Учитывая низкое качество водостока можно предположить, что он не относился к дому со ступенькой.

Уличный водосток № 6 состоит из северного и южного фрагментов. Дно канала выложено из прямоугольных плит, внутреннее сечение 0,30 х 0,29 м с небольшими отклонениями.

Колодец № 7. Глубина 1,6 м, верхний диаметр 0,8 м, нижний – 1,1 м, в вертикальном сечении форма приближается к грушевидной. Стенки сложены по однорядной однослойной, постелистой, приближающейся к иррегулярной системе из бута. Притеска по месту отсутствует, следов обмазки не обнаружено. Венчающая часть колодца разрушена – он на 0,3–0,5 м не доходит до уровня вымостки улицы. Наиболее поздний датирующий материал относится к III–II вв. до н.э.

Вымостка улицы и ступенька были перекрыты землисто–золистым слоем с большим количеством обломков черепицы коринфского типа со следами сажи. Есть основания предполагать, что здание погибло в пожаре в конце II в. до н.э.

Пункт № 26 –а. Исследования 1967 г. [Крыжицкий, 1966–67/7–б]. Заведующий участком И.А. Смирнов. До начала работ в клифе на высоте 0,5 м от уровня лимана была видна тщательно обработанная прямоугольная плита, оказавшаяся после зачистки фундаментом стены, уходившей в клиф. Кладка однолицевая (фасад обращен к северу). Следует отметить, что восточный торец кладки расположен почти в створе с западной границей улицы, открытой в пп. №№ 25, 26, но находится на 1,0–1,5 м глубже поверхности ее вымостки. По глубине заложения и сопровождающему материалу из вышележащего слоя относится к эллинистическому времени.

Пункт № 26 –б.[20] Исследовался в 1972 г. Заведующий участком С.Б. Охотников [Охотников, 1972/26, с. 104 и сл.]. Размеры раскопа 10 х 4 м. К северу от монументальной ступеньки дома, раскопанной в 1967 г., в срезе клифа

20. Координаты по съемке 1958 г.: VII-B, №№ 145-в, 165–в, 185–св.

прослеживалось заполнение подвала с фрагментированными стенками пифоса.

В результате были раскопаны остатки двух подвалов жилого дома, располагавшегося в том же квартале, что и дом с монументальной ступенькой и, возможно, принадлежавших ему же. В северном помещении на глубине 2,18 м был открыт фрагмент вымостки, сделанной из фрагментов амфорных ручек, установленных вертикально вплотную друг к другу на известковом растворе (рис. 73). Сохранившийся фрагмент вымостки имел размеры в плане 0,85 х 0,20–0,25 м. Южный подвал, в котором находился пифос, имел стены из сырцового кирпича (35–60 х 20–38 х 8–10 см) (рис. 74, 75). Пифос археологически целый (высота – 1,05 м, диаметр тулова – 1,25 м) (рис. 76). При раскопках северного помещения было «…обнаружено значительное количество железных и бронзовых предметов, а в очаге найден тигель» [Охотников, 1972/26, с. 108]. Значительное количество в заполнении монет

Рис. ***73***. Вымостка из амфорных ручек, найденная в северном помещении

Рис. ***74***. Южный подвал с пифосом. Вид с юга. Справа внизу ступенька входа

Рис. ***75***. То же с северо-запада

Рис. ***76***. То же. Пифос

(12), мраморная статуэтка Афродиты, известковая штукатурка красного, серо-голубого и черного цветов свидетельствуют о богатстве владельца. В конце III – начале II вв. до н.э. дом прекращает свое существование.

Перечисленные находки, включая вымостку из амфорных ручек, говорят о необычности исследуемого дома и позволяют высказать предположение о принадлежности открытых помещений дому с монументальной ступенькой, расположенному южнее в п. № 26.

Пункт № 26 –в. Исследовался в 1967 г. [Крыжицкий, 1966–67/7–б]. Заведующий пунктом И.А. Смирнов. До начала работ в клифе прослеживался слой камней на высоте 1 м от зеркала лимана. Во врезке в клиф длиной 5,2 м обнаружено три уровня вымосток. Верхняя – № 1 залегает на глубине 0,9 м от верха раскопа в уровне верха вымостки улицы в пп. №№ 25, 26, 26–а, состоит в основном из фрагментов черепицы и бута. Средняя вымостка – № 2 залегает на глубине 1,1 м, состоит в основном из стенок амфор и черепицы. Нижняя – № 3 залегает на глубине 2,3 м (на 0, 5 м выше зеркала лимана), сделана из щебня. Все три вымостки относятся к эллинистическому времени.

Пункт № 28. На схематическом плане (на рис. 68 левая часть) входит под № 1 в состав п. № 29 (рис. 80) (возможна ошибка обмерщика). Исследовался в 1966 г. До начала работ в клифе на 0,4 м выше уровня лимана виднелись торцы двух обработанных камней, принадлежащих кладке. Кладка сложена по однорядной однолицевой орфостатной системе (рис. 77, 78, 79). Фасад обращен на север. В высоту сохранилась на 0,9 м, толщина около 0,25 м. В плане несколько изгибается к северу. Каких –либо связанных с нею строительных остатков, за исключением слабой прослойки пола с северной стороны на высоте нижнего ряда кладки, не обнаружено. Кладка с соче-

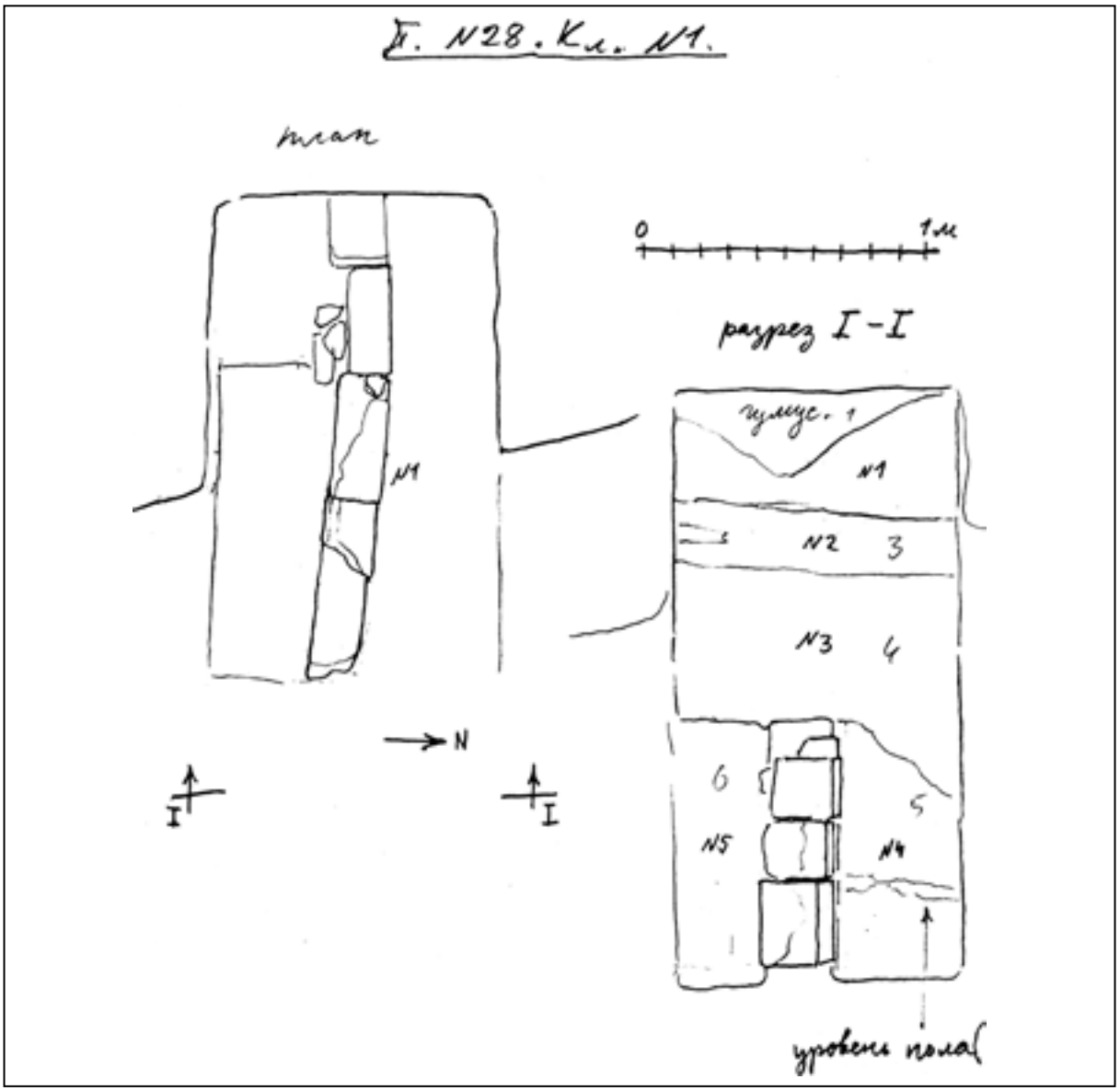


Рис. ***77***. Кладка № 1 в п. 28. План и разрез

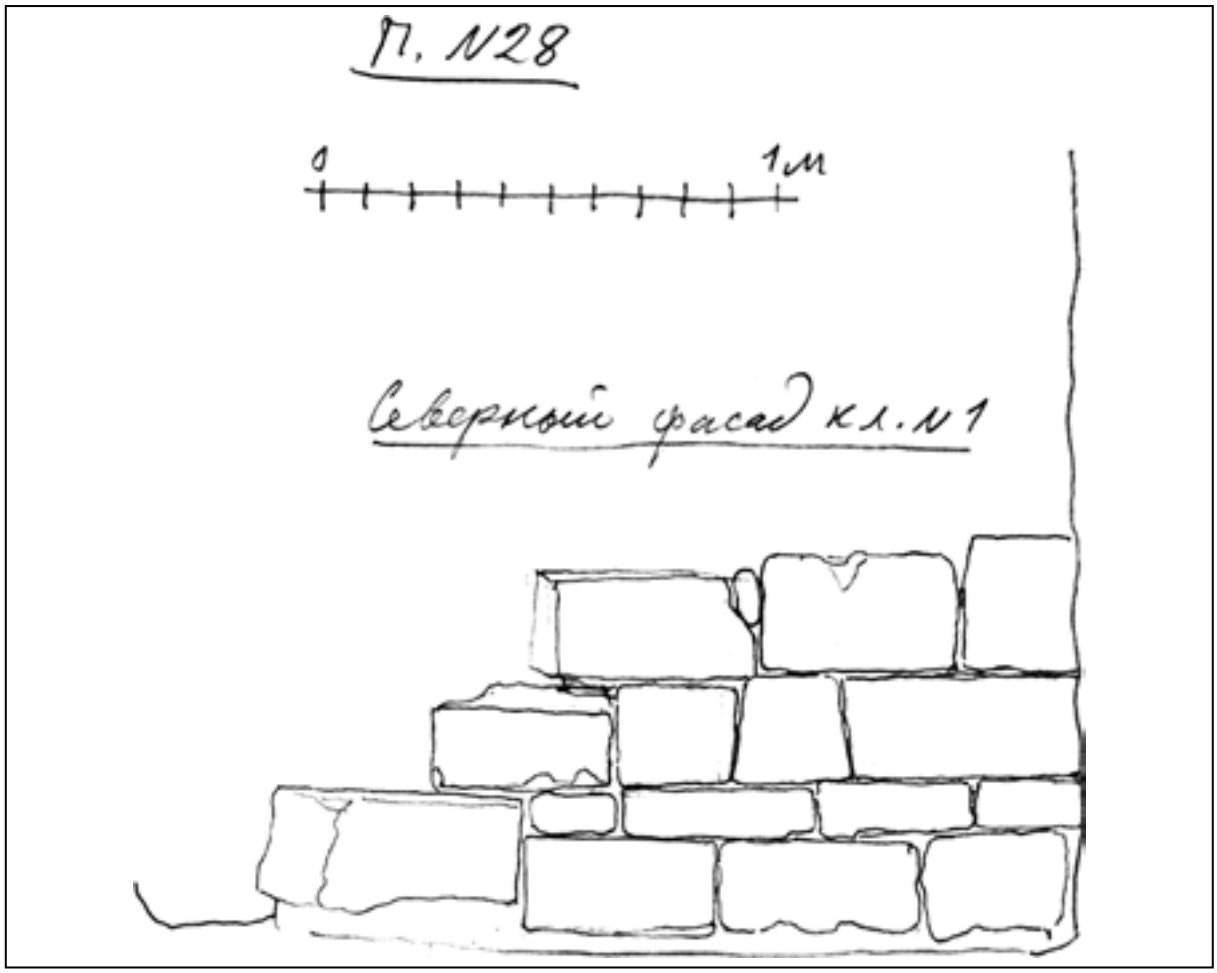


Рис. 78. То же. Северный фасад

Рис. 79. То же. Вид с северо-востока

танием таких особенностей – системы, малой толщины, небольшого изгиба в плане необычна для домостроительства Ольвии.

Пункт № 29. Исследовался в 1967 г. [Крыжицкий, 1966–67/7–б, с. 27–39]. Длина раскопа 25,7 м, ширина 1,5–2,5 м, глубина 1,7–2,5 м. До начала работ в клифе были видны кладки. Стратиграфия слоев, перекрывающих строительные остатки, находящиеся in situ, аналогична п. № 26.

Частично раскрыты остатки шести наземных помещений с глинобитными полами: №№ 9–12 у северного окончания раскопа и №№ 18, 19 – у южного (рис. 80, 81, 82). Одно из помещений – № 5 имело каменную вымостку. В центральной части раскопа открыты остатки вымостки, проходившей, как и ограничивавшие ее кладки, с запада на восток. Эта вымостка (№8) шириной около 2 м состоит из полигональных плит ракушечника и обломков черепицы. Толщина вымостки – 0,05–0,10 м. Характер взаимного расположения кладок, находящихся к северу от вымостки № 8, отличается от расположенных к югу, взаимно повернуты и их планировочные сетки. Все вместе позволяет предполагать, что к югу и к северу от вымостки № 8 размещались различные комплексы, а вымостка принад-

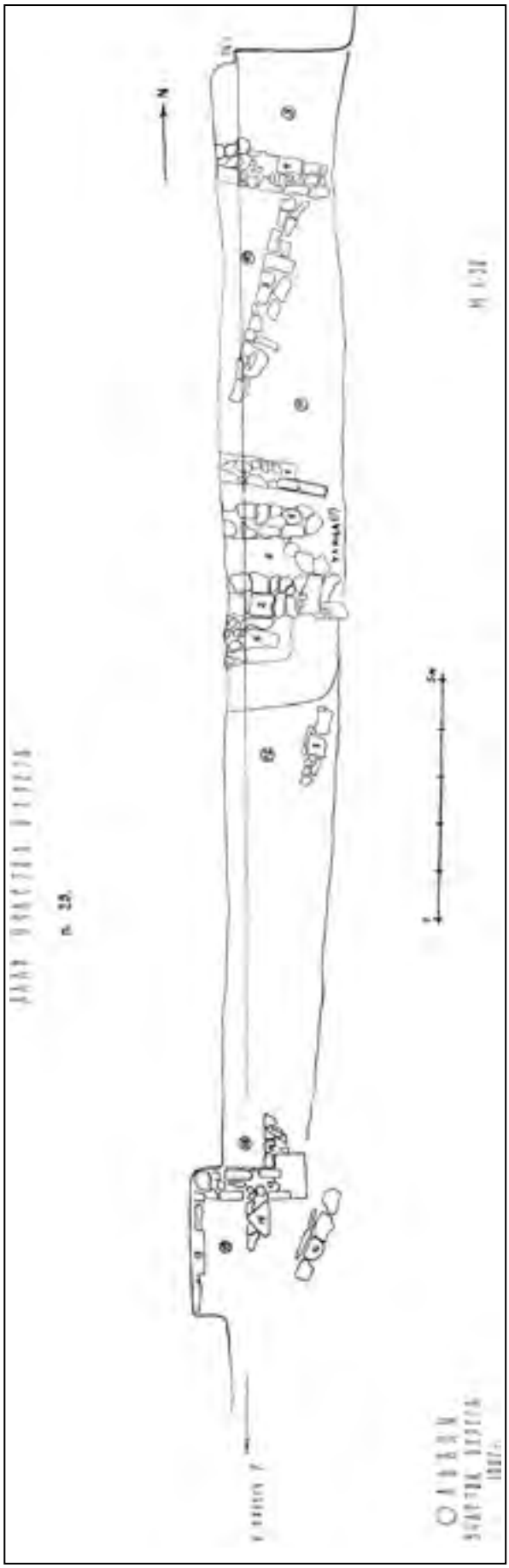


*Рис. **80**.* Пункт 29. План строительных остатков.

лежала улице, разделявшей эти комплексы. Конструкции и качество каменных кладок типичны для III–II вв. до н.э.

Пункт № 29 –с. Исследовался в 1968 г. [Крыжицкий, 1968/12–г]. Заведующая пунктом Н.А. Сон (КГУ). Длина раскопа 8 м ширина 1,1–2,0 м. Глубина раскопа до 6 м. Выявлены немногочисленные крайне руинированные остатки (рис. 83).

Вымостка № 1 толщиной 0,20–0,25 м состоит из обломков керамики (много черепицы) и щебня. Перекрывает кладку № 2 и вымостку № 4. Вымостка № 4 сделана главным образом из щебня и бута, толщина до 0,15 м, ограничивается кладкой № 2. От наземной кладки № 2 сохранился один ряд толщиной 0,6 м. В южной половине пункта на глубине 1,7–2,0 м от поверхности вымостки № 4 обнаружены стены №№ 5–7 и вымостка № 8. Сопровождающий материал в основном III–II вв. до н.э. Единичные находки более позднего времени встречались только в уровне вымостки № 1.

Кладка № 5 параллельна стене № 2, но ее подошва на 2,5 м глубже, сохранившаяся высота 0,8 м. Кладка № 5 однолицевая, сложена по иррегулярной системе из бута. Фасад обмазан слоем желтой глины толщиной 0,02–0,10 м. К западу от кладки обнаружен землистый, почти черного цвета пол, расположенный на 0,05–0,10 м выше подошвы кладки № 5. Над полом у южного конца стены залегал слой с большим содержанием древесного угля толщиной до 0,4 м. В пол вкопано дно черноглиняной лесбосской амфоры. Наиболее поздний материал из нижнего слоя засыпи охватывает V–IV вв. до н.э. Описанное сооружение, учитывая характер конструкций, глубину заложения и стратиграфию, могло являться остатками земляночной структуры с облицовкой котлована или одной из его стен каменной кладкой, которая по своей конструкции не выдержала бы нагрузку от наземной стены. В связи с этим упомянем, что неподалеку, в раскопе НГС самом нижнем слое были обнаружены две земляночные структуры (LCO, P. 30, 31, Pl. 2, 35, N. 730, 730–a).

Кладки № 6, 7 залегают на 0,5 м выше подошвы стены № 5, т.е. относятся к более позднему времени и слишком фрагментарны для возможности какой–либо интерпретации.

Пункт № 30 –ю. Исследования 1968 г. [Крыжицкий, 1968/12–г]. Заведующий пунктом В.В. Рубан (ОГУ). Размеры врезки 11,0 х 2,0–2,8 м. Максимальная глубина до 5,5 м. Строительные остатки прослеживались с глубины 2,5 м от верхней точки раскопа.

Представляет интерес стратиграфия клифа (рис. 84). В южной части клифа прослеживается пятно заполнения траншеи шириной 3 м, имевшей почти вертикальные стенки.

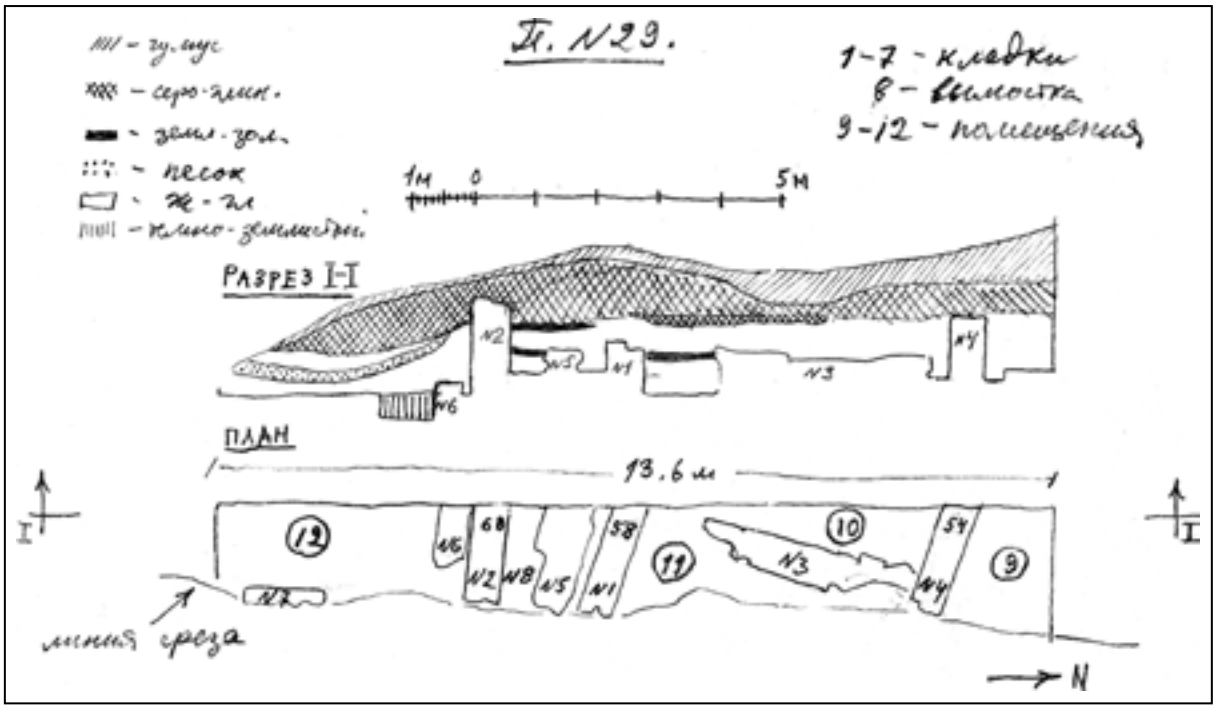


Рис. 81. Пункт 29. Стратиграфия клифа

Рис. 82. Пункт 29. Вид с севера на строительные остатки центральной и северной частей раскопа

Траншея заполнена темным золистым грунтом с включениями песка и лесса. Максимальная высота заполнения – 3,2 м, дно траншеи не выявлено, поскольку находится ниже верха пляжных наносов. Продолжение траншеи прослеживается и на поверхности Террасного города, а в створе с ней в затопленной части Ольвии выявлен довольно большой развал каменной кладки. Все сказанное дает основания предполагать, что траншея образовалась в результате выборки в этом месте каменной кладки оборонительной стены предположительно V–IV вв. до н.э. [Крыжицкий, 1984, с. 49–51, рис. 9, 15].

Самый поздний сопровождающий материал первых вв. н.э. исчезает, начиная с глубины 2,6 м (от самой верхней точки клифа на этом участке). Затем до глубины 4,5 м идут слои, в которых наиболее поздний материал не выходит за пределы III–II вв. до н.э. В этом слое открыты: стены двух подвалов, вымостка № 4 и неглубокая траншея № 10 (рис. 85, 86, 87).

Щебеночная вымостка № 4 толщиной 0,10–0,15 м располагается к северу от траншеи № 10. Ее поверхность на 0,25 м выше дна траншеи. Материал из слоя над вымосткой датируется III–II вв. до н.э. Ширина траншеи № 10 0,6–0,7 м. Траншея заполнена песком с незначительным количеством окатанной керамики.

От подвала I сохранилось две стены №№ 11 (параллельна траншее № 10) и 6. Стена № 11 двуслойная, однолицевая (фасад обращен к югу). Ее подошва на 1,1 м ниже вымостки № 4, а верхняя точка северного слоя (бутово-

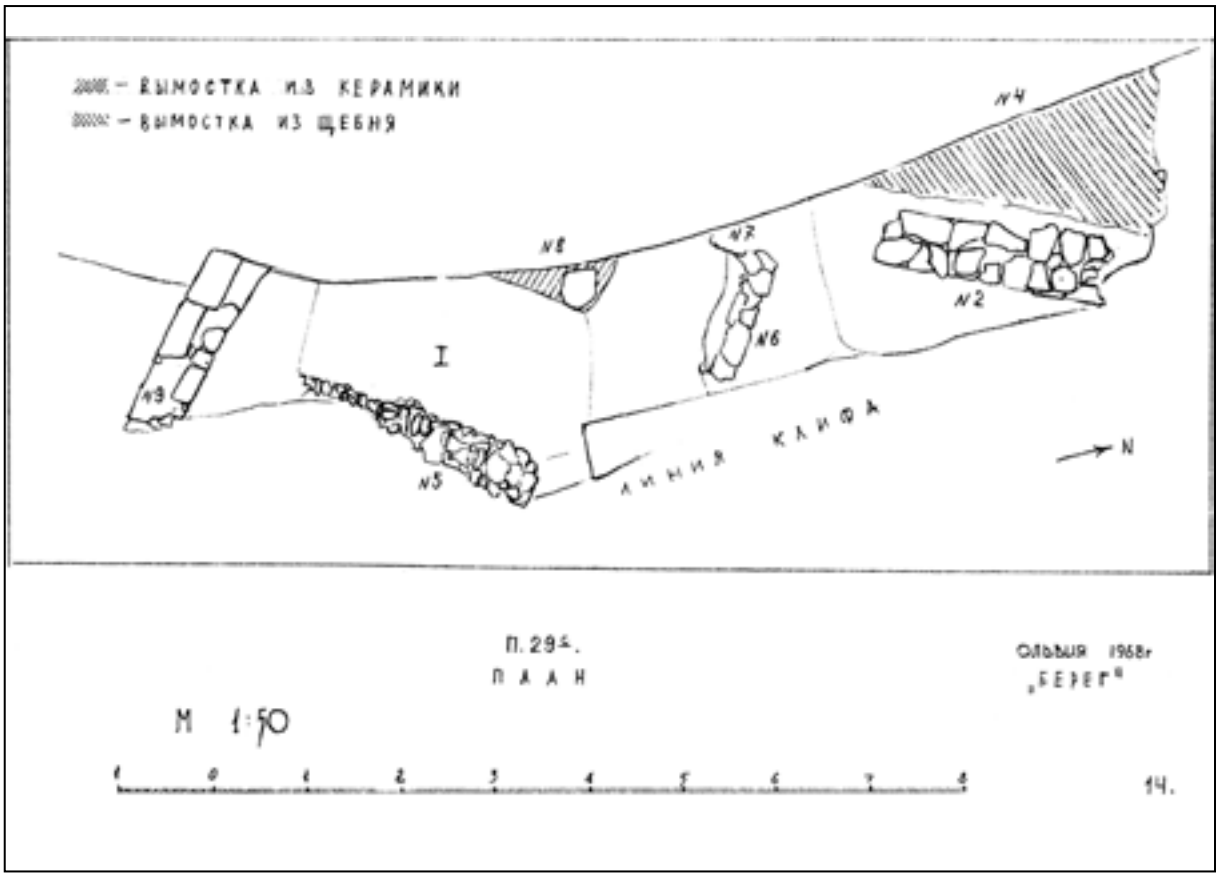


Рис. 83. Пункт 29-с. План строительных остатков

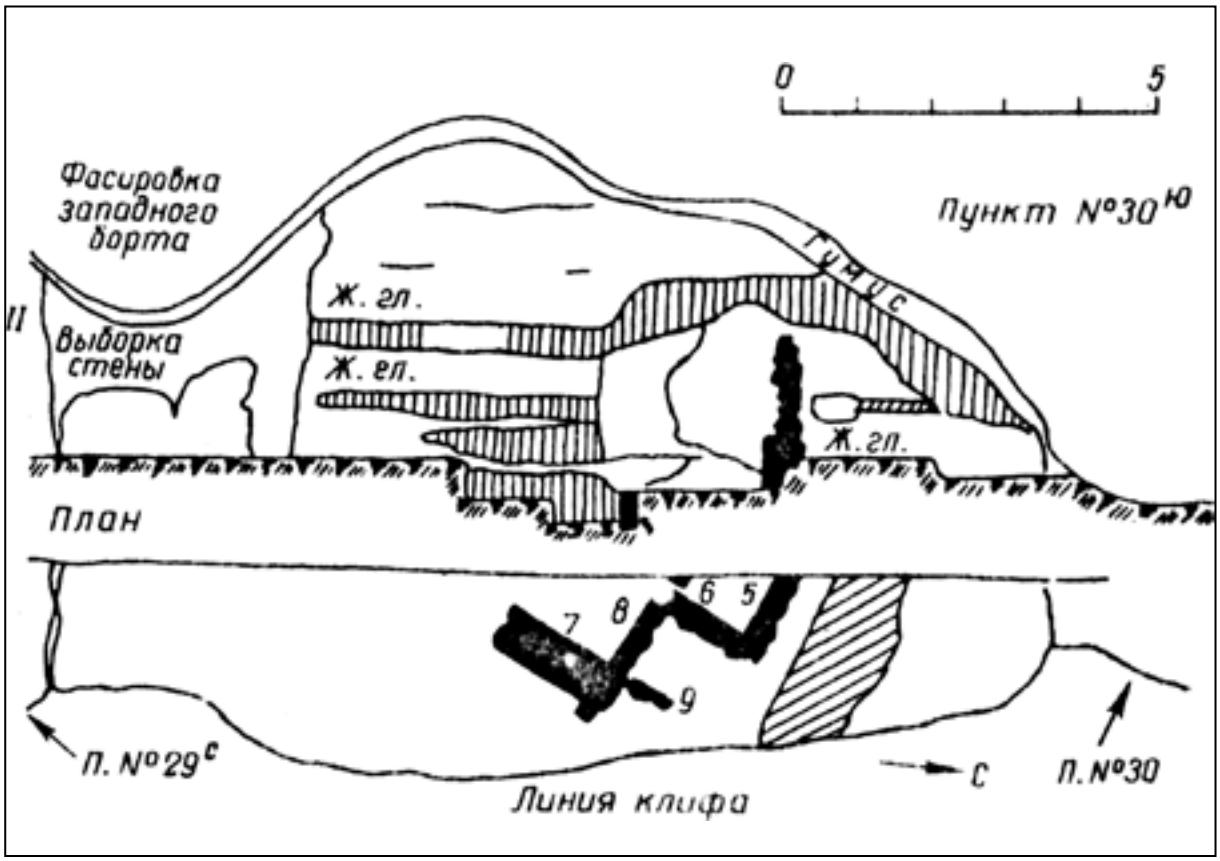


Рис. 84. Пункт 30-ю. Стратиграфия клифа

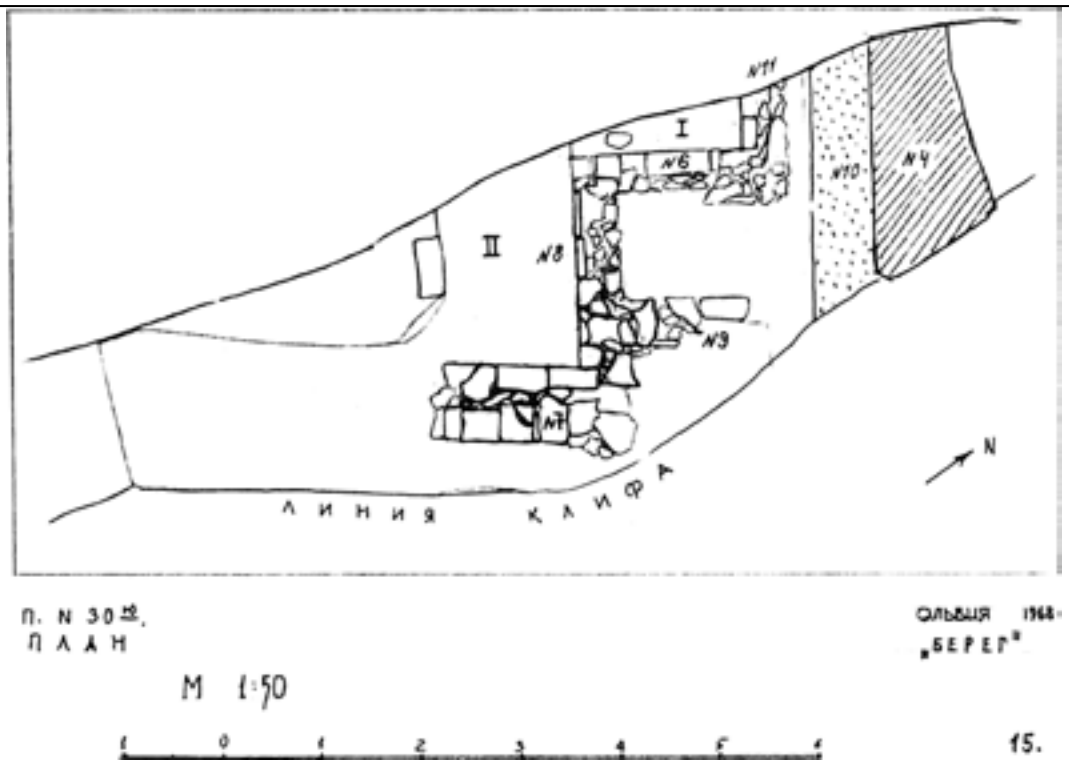


*Рис. **85**.* Пункт 30-ю. План строительных остатков. 1968 г.

*Рис. **86**.* То же. Вид с востока

*Рис. **87**.* То же. Вид с юга

го) на 0,8 м выше вымостки № 4, что свидетельствует о том, что подвал I появился после прекращения функционирования вымостки № 4. Южный фасад кладки № 11 сложен по однорядной орфостатной системе из прямоугольных плит и блоков с хорошей выкадровкой и плотной притеской. Кладка № 6 по конструкции аналогична стене № 11 и связана с нею в переплет. Полом подвала служит сероглиняная прослойка, которая на 1 м ниже поверхности вымостки № 4.

От подвала II, также как и от предыдущего, дошли до нас фрагменты только двух стен. Стена № 8 трехслойная, параллельна стене № 11. Фасад обращен на юг (подробнее см.: [Крыжицкий, 1968/12–г., с. 24]. Подошва на 1,7 м ниже поверхности вымостки № 4, а западный конец разрушен при строительстве подвала I. Южный фасад выложен по двухрядной орфостатной системе, притеска неплотная. Подошва кладки № 7 на 0,8 м выше пола помещения II, что

дает основания относить ее ко второму строительному периоду функционирования этого помещения, когда оно было разделено на две части. Кладка № 7 трехслойная двухлицевая, оба фасада выложены по однорядной постелистой системе из прямоугольных плит и блоков с плотной притеской.

Сказанное позволяет наметить следующую последовательность строительства в этом пункте: – к наиболее раннему времени относятся подвал II (его кладка № 8), вымостка № 4 и траншея № 10; – во втором строительном периоде пол подвала II повышается и подвал делится кладкой № 7 на две части; – после прекращения функционирования вымостки № 4 и траншеи № 10, а также подвала II уровень местности повышается почти на 1 м и строится подвал I.

Описанные строительные остатки относятся к эллинистическому времени. Принадлежали, скорее всего, обычным жилым домам.

Подвалы повторно были зачищены в 1970 г. (см. ниже).

Пункт № 30. Раскопки 1966, 1967 гг. [Крыжицкий, 1966–67/7–б]. Располагается в полутора десятках метров к северу от траншеи, проходящей по городищу с запад на восток в десяти метрах к северу от репера № 37. Заведующий пунктом И.А. Смирнов (ОГУ). Здесь наблюдается резкое повышение берегового клифа от 3–4 м до 8–10 м от уровня лимана. До начала работ в основании клифа на 0,7–0,8 м выше зеркала лимана виднелись остатки двух каменных кладок. В результате проведенных зачисток были выявлены фрагменты восьми каменных кладок стен на площади около 18 м ^{2}.

Характер взаимного расположения, особенности конструкций и глубина заложения строительных остатков позволили выделить два подвальных помещения – I и II (рис. 88–93).

От помещения I раскрыта его восточная часть. Помещение пережило три строительных периода. От первого из них сохранилась только фрагмент стены № 1. Сохранившаяся высота до 1,45 м. Кладка двуслойная однолицевая (фасад обращен на север). Система фасадного слоя однорядная постелистая, притеска плотная, фасады камней тщательно отесаны. Тыльный слой сделан из бута и голышей.

Ко второму строительному периоду относятся кладки №№ 2, 5, 11, а также очаг № 8 и вымостка № 10. Кладка № 2 двуслойная однолицевая (фасад обращен на север). Вплотную примыкает к стене № 1. Северный фасад выложен по двухрядной орфостатной системе из прямоугольных плит и блоков, тщательно выкадрованных и плотно притесанных всей плоскостью граней. Южный слой сделан из бута. Глубина заложения подошвы на 0,3–0,4 м выше, чем у стены № 1. Кладка № 5 однолицевая (фасад обращен на юг), верх ее фундаментного ряда соответствует нижнему уровню пола помещения I во втором строительном периоде. Система кладки южного фасада однорядная (?). От кладки № 11 сохранился только один ряд, выложенный по однорядной орфостатной системе. Кладка однолицевая (фасад обращен на запад). По глубине заложения соответствует стене № 5. Вымостка № 10 толщиной 0,10–0,15 м состоит из бута, лежащего на слое зеленой глины с включениями древесного угля. Очаг № 8 в плане приближается к полукругу. Борта выложены из бута на высоту одного ряда камней. Так же, как и вымостка, расположен на слое зеленой глины. Внутри очага были выявлены землисто–золистые прослойки.

В третьем строительном периоде восточная часть помещения I прекращает свое существование. Поперек нее сооружается однолицевая кладка № 3, фасад которой обращен на запад, расположенная на горелом слое, перекрывающем кладку № 5. К этому же времени относится кладка № 4. Кладка № 3 подходит впритык к стене № 2, что позволяет говорить о третьем периоде существования западной части помещения I. Кладка № 3 выложена из плит с плохой выкадровкой, средней околкой фасадов, отсутствием притески по месту. От кладки № 4 сохранилось всего два камня.

От подвала II сохранились остатки пола и двух стен №№ 6 и 7. Пол – землисто-золистый слой толщиной 0,05 м. Ровная линия на юге, по которой оканчивается пол, позволяет предполагать, что в этом же месте проходила и южная стена подвала. Возле юго–западного угла помещения обнаружено вкопанное дно амфоры. От кладки № 7 осталась только одна плита полигональной формы. Подошва кладки № 6 находится на 0,3 м ниже подошвы кладки № 11. Стена однолицевая (фасад ориентирован на восток), двуслойная. Фасад выложен по однорядной постелистой системе из прямоугольных и полигональных плит с плотной притеской по месту и мелкой и средней оттеской хорошо выкадрованных фасадов. Тыльный слой выложен из бута.

Наиболее поздний сопровождающий материал представлен III–II вв. до н.э. Наибольший интерес представляют фрагменты красноглиняных тарелок и мисок, по которым полностью восстанавливается профиль сосудов, амфорные ручки с клеймами, фрагмент терракотовой маски льва, керамический штемпель.

В целом различный характер конструкций стен и качества их выполнения, различные глубины заложения подошв свидетельствуют в пользу принадлежности подвалов раз-

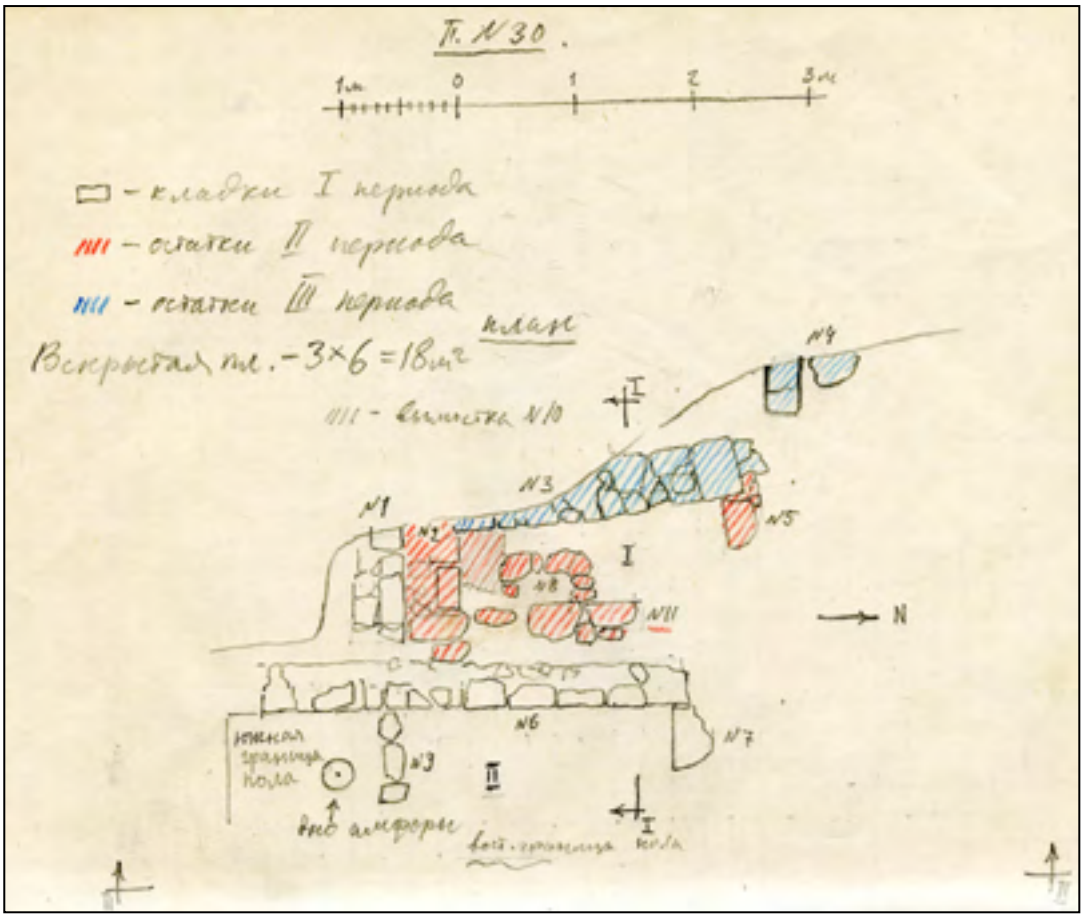


Рис. 88. Пункт 30. Раскопки 1966-67 гг. План

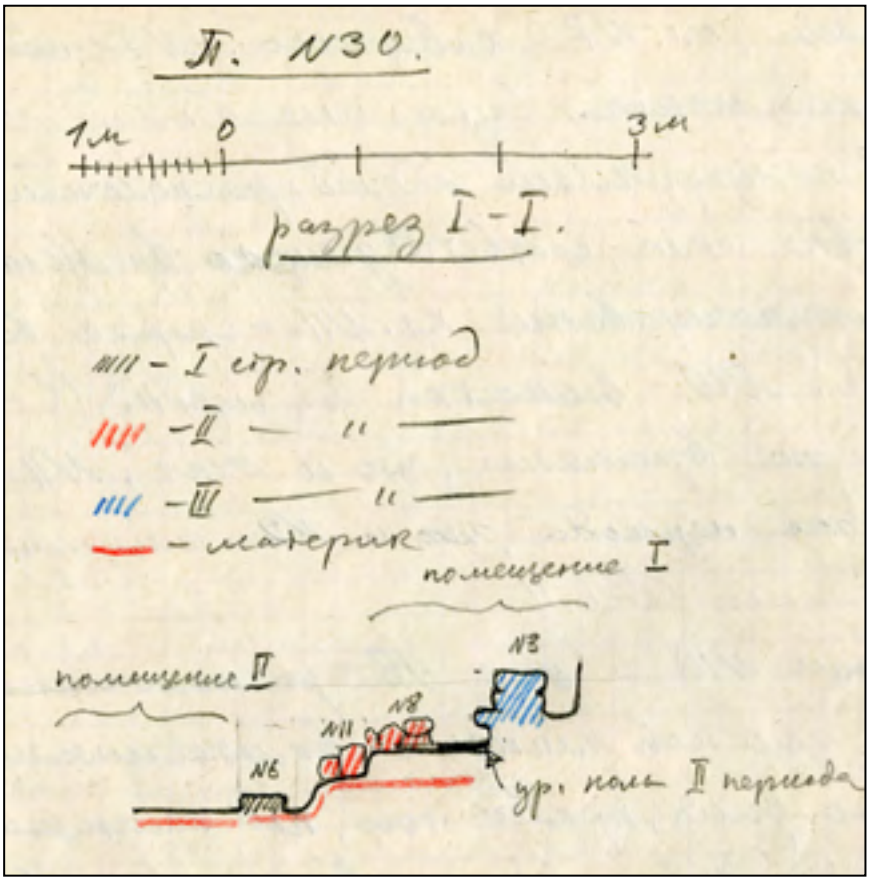


Рис. 89. То же. Разрез I-I

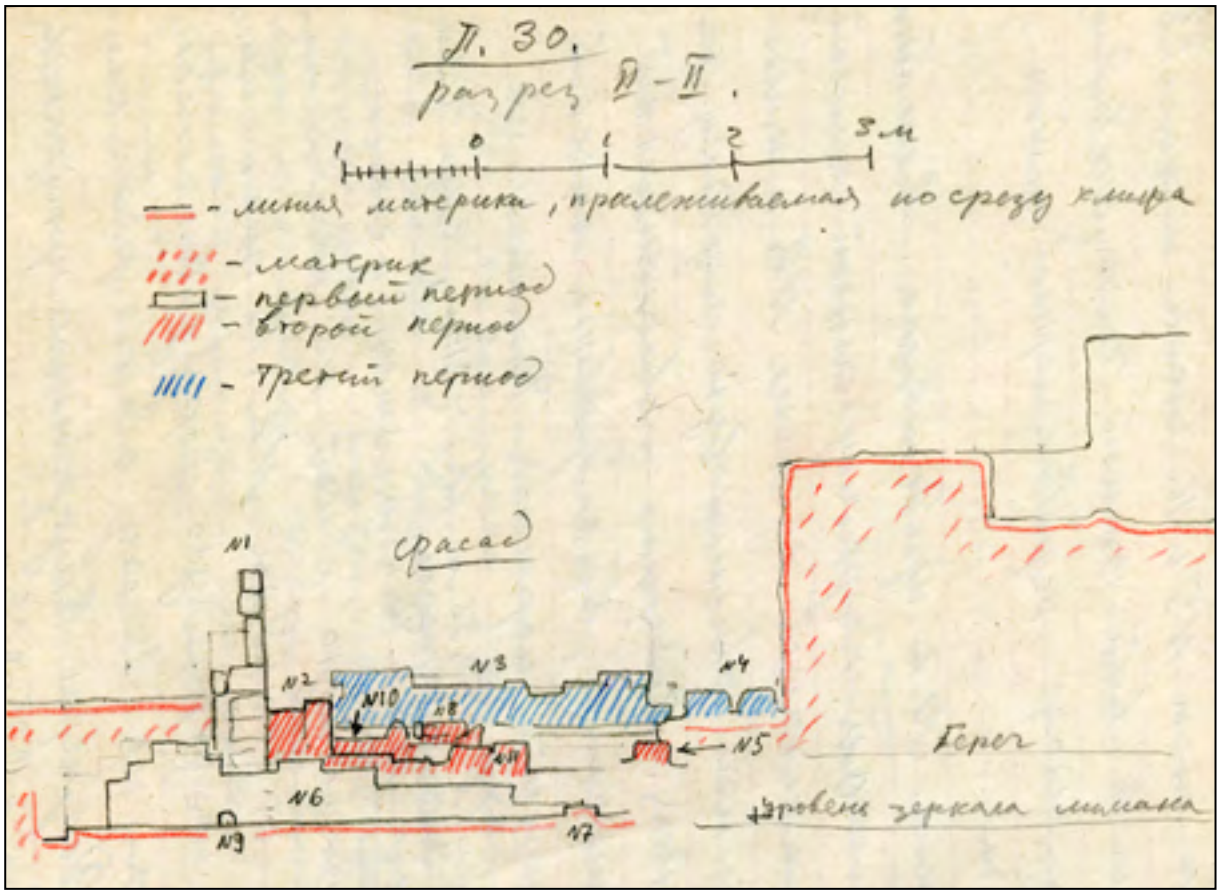


Рис. ***90***. То же. Разрез II-II

Рис. ***91***. То же. Вид с юго-востока. На первом плане помещение II

Рис. ***92***. То же. Вид с востока. В центре южные подвальные стены двух строительных периодов помещения I

Рис. ***93***. То же. Вид с севера. В центре снимка помещение I

личным домам. Наличие очага в подвале I и относительно большого количества бытовой керамики в подвале II свидетельствуют об их принадлежности жилым домам.

Пункт № 30. Раскопки 1968 г. [Крыжицкий, 1968/12–г]. Заведующий пунктом И.А. Смирнов (ОГУ). Располагается над местом раскопок клифа в п. № 30 в 1966 –67 гг. Протяженность раскопа 16 м, ширина 2–4 м, глубина до 7 м. К северу от этого пункта уровень дневной поверхности городища догетского времени резко повышается до 10–12 м от уровня лимана. В северном конце раскопа на глубине 4,5 м от верхней точки раскопа обнаружен и зачищен выход материковой скалы, представляющей собой понтический известняк.

Выявлены выложенный из камня полукруг, угол помещения, три каменных развала (рис. 94). Каменный полукруг (рис. 95) имеет внутренний диаметр 1,65 м, располагается в южном конце раскопа на 3,8 м ниже верхней точки борта раскопа. Состоит из одного ряда камней (в основном прямоугольных плит), установленных орфостатно. Наиболее поздние вещи датируются эллинистическим временем.

Угол помещения образован двумя кладками №№ 5 и 6, соединяющимися под прямым углом. Восточные концы кладок разрушены, какие–либо связанные с ними строительные остатки, расположенные в клифе, не обнаружены. Кладка № 5 состоит из наземной и подвальной части – наземная сохранилась на высоту 0,35–0,40 м, подвальная – на 1,5 м. Подвальная часть от южного фасада наземной выступает на 0,15 м. Наземная часть двухлицевая. Притеска неплотная. Кладка № 6 подходит к кладке № 5 впритык, однолицевая (фасад обращен на восток).

Два небольших завала бута №№ 1, 2 в трех и девяти метрах от южного конца раскопа было выявлено на глубине 4,3–4,5 м от верхней точки клифа. В северном конце раскопа обнаружен завал № 3 эллипсовидной в плане формы, состоявший частично из прямоугольных плит и блоков. В его юго–восточной части прослеживается ряд плит, установленных орфостатно, а в южной – ряд плит, уложенных на постель. Создается впечатление, что кладка шла по краям эллипсовидного пространства, в центре заполненного мелким обрушившимся бутом. Наиболее поздний материал эллинистический.

Пункты № 30 –ю, 30[21]. Раскопки 1970 г. Заведующая участком Ю.И. Козуб [Козуб, 1970/16–б]. Протяженность раскопа вдоль клифа 35 м – «…в пределах трех холмов, разделенных балками» (Козуб, 1970/16–б, с. 1). Находится на 5–7 м выше уровня лимана.

В северной части (кв. №№ 265, 285) обнаружены остатки подвала «I» IV в. до н.э., перекрывшего угол более раннего дома; в 8 м южнее (кв. №№ 325, 326) открыты остатки жилого комплекса II, от которого сохранились частично три подвала; зачищены также несколько разрозненных фрагментов кладок

21. Координаты по съемке 1958 г.: VII–Б, №№ 245, 246, 265, 266, 285, 286, 305, 306, 325, 326, 345, 346, 365, 366, 385, 386.

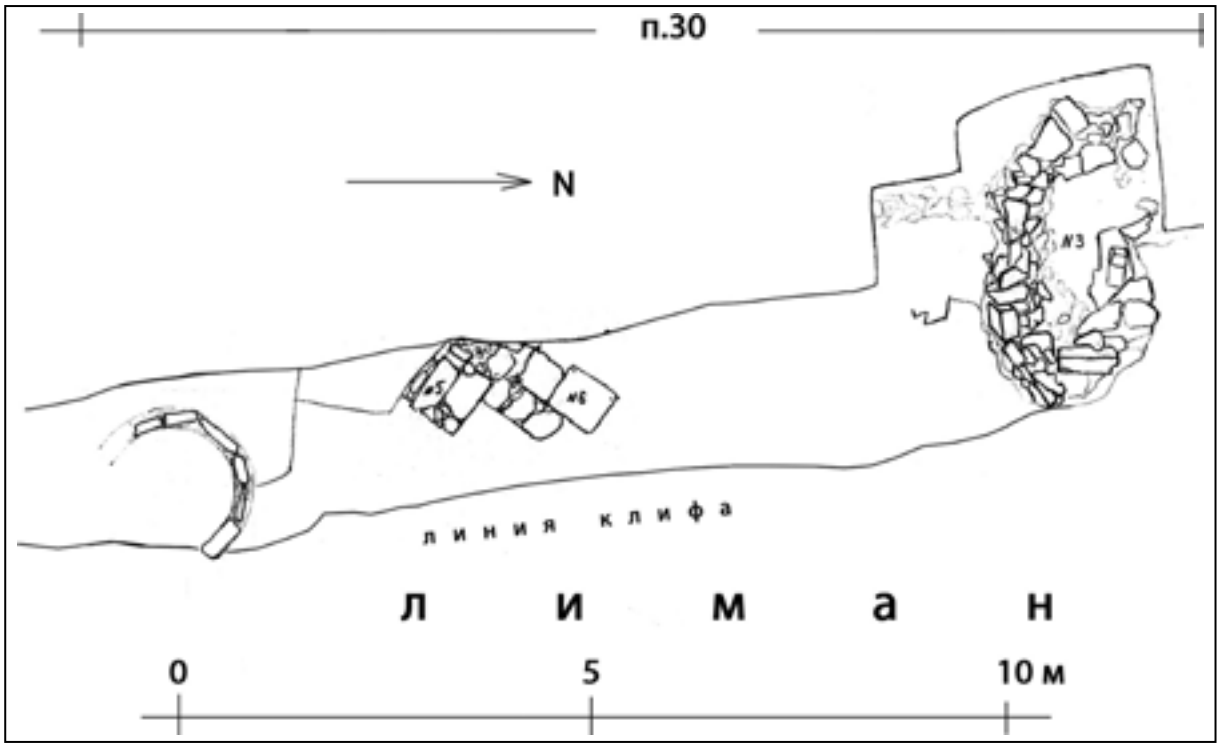


Рис. ***94***. Пункт 30. Раскопки 1968 г. План

Рис. ***95***. То же. Каменный полукруг. Вид с запада

в других местах (кв. №№ 325, 386) [Козуб, 1970/16–б, с. 5–8].

Сводный план расположения отдельных строительных остатков в отчете о раскопках этих объектов в 1970 г. отсутствует. В связи с этим надежно определяется местоположение только объекта «II» и предположительно – подвала «I». Судя по обмерному чертежу в отчете автора раскопок (рис. 96) повторно были зачищены подвалы пункта 30–ю, открытые в 1968 г. (ср. рис. 69, 85), несколько иная прорисовка деталей обмерного плана которых объясняется произошедшими за это время разрушениями и открытием расположенных ниже конструкций. Объектом же «I» раскопок 1970 г. мог явиться угол подвала, образованный кладками №№ 5 и 6, раскопанными в 1968 г. В пользу этого говорит совпадение расстояния между подвалами пунктов 30–ю и 30, показанное на чертеже 1968 г. (рис. 69) и приведенное в тексте отчета о раскопках 1970 г. [Козуб, 1970/16–б, с. 5].

Работами в перечисленных выше двух десятках пунктов ограничивается цикл охранных исследований ольвийского клифа в 1966–1968, 1970, 1972 гг.

Проведенные работы позволяют придти к некоторым выводам о планировке и структуре застройки, существовавшей до образования клифа, а также охарактеризовать отдельные объекты, представляющие интерес сами по себе. В связи с этим, прежде всего, подчеркнем, что в результате этих работ был получен фактически продольный разрез культурных наслоений Нижнего города и частично террасной части. Этот разрез с юга на север проходит почти по прямой примерно в ста пятидесяти – двухстах метрах от предполагаемой восточной границы городской застройки. Он совпадает с раскопанны-

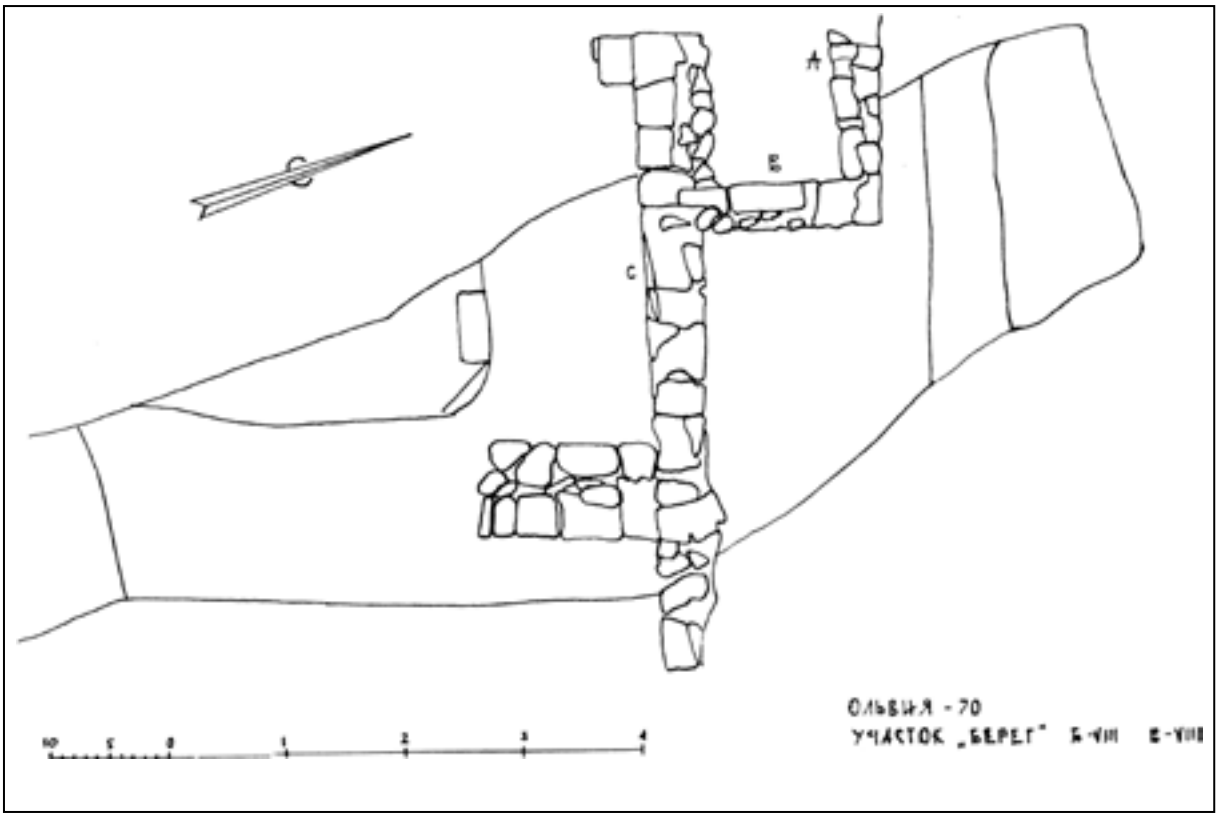


Рис. ***96***. Пункт 30. Раскопки 1968 г. План

ми участками улицы, находящимися с небольшими отклонениями примерно в едином створе.

С учетом улиц, открытых Б.В. Фармаковским на участке НГФ и Н.А. Лейпунской на раскопе НГС, также находящихся в этом створе, представляется возможным окончательно придти к выводу о наличии в Нижнем городе сквозной продольной улицы, ограниченной южным и северным краями амфитеатра Террасного города. Время ее функционирования твердо устанавливается для эллинистического этапа и, по –видимому, этапа классики. В первые века н.э. эта улица функционировала в пределах только действующей городской застройки этого времени. Как говорилось выше, азимуты различных отрезков этой улицы несколько отличались между собой. Различной была и ширина улицы. Так, например, на протяжении только дома НГФ–2 ее ширина изменилась от 2 до 5 м [Фармаковский, 1913, рис. 51]. Различной была ширина и поперечных улиц. По–видимому, имели место и небольшие планировочные сдвиги, как, например, западная продольная улица на участке НГС, где северный квартал выступает к востоку от центрального примерно на 2 м [Kryžickij, Lejpunskaja, 2010, pl. 3, 5]. Однако, в целом представляется возможным говорить о сквозной, проходящей с севера на юг, общегородской улице.

Как показал проведенный обзор архитектурно–строительных объектов, находящихся в ольвийском клифе, номенклатура исследовавшихся сооружений различна – от довольно монументальных культовых (?) (стилобат, раскопанный В.В. Лапиным) или оборонительных (на раскопе Р–25 и в северной части участка НГС) сооружений до жилых домов в большинстве пунктов, а также остатков сантехнических устройств (в частности, каналов водостоков и колодцев).

Наиболее информативными явились объекты, расположенные рядом друг с другом. Это, в частности, серия строительных остатков, исследованных в пунктах 1–0, 1–1, 1. Работы в первых двух пунктах показали, что террасную часть города ольвиополиты начали застраивать не позднее V–IV вв. до н.э. (пункт 1–1) и жизнь здесь продолжалась до конца II – начала III вв. н.э. (пункт 1–0). В непосредственной близости от этих раскопов, к северу от них вдоль клифа было открыто три взаимосвязанных комплекса: – остатки поперечной улицы (?), состоящие из вымостки с водостоком и продолжающей ее лестницы, расположенные по направлению запад–восток; – колодец с сохранившейся наземной частью; – остатки домов I в. до н.э. – I в. н.э.

В следующем к северу – в пункте 2, строительные остатки которого находятся в контексте с улицей на участке НГФ и открытыми в юго–восточном углу раскопа НГ, это уличный

водосток и многослойная вымостка, о большой длительности существования которой свидетельствуют сопровождающий материал и суммарная толщина напластований, достигающая 3,5 м. Эти остатки продолжают к югу улицу, которая была открыта на участке НГ с восточной стороны так называемой «пекарни» [Славин, 1940, с. 59, табл. 8].

Далее, в пп. 15 и 16 зафиксирована жилищно–хозяйственная застройка, наличие подвалов.

В пункте 17 открыты подвалы и 5 пифосов первых вв. н.э. с остатками рыбьих костей и чешуи, а также следами ремонтов свинцовыми скрепами. Это позволяет предполагать размещение здесь в основном жилищно–хозяйственных (а, возможно, учитывая значительные объемы пифосов, и торговых) комплексов.

Пункт 19 по стратиграфии, характеру сооружений и сопровождающему материалу аналогичен участку НГЦ.

В пункте 20 открыты подвальные помещения.

Пункт 24 интересен открытием здесь впервые в Нижнем городе слоевого основания.

От пункта № 25 до пункта № 30 включительно клиф исследовался практически сплошной полосой на протяжении около 120 м, начиная от точки, расположенной на 15 м севернее репера № 37 (рис. 68, 69). Наиболее взаимосвязанная информация о раскопанных объектах была получена при исследовании пунктов: – 25, 26, 26–а, 26–б, 26–в.

Здесь на протяжении 24 м открыт фрагмент улицы с водосточными каналами, керамической вымосткой, колодцем и прилегающие к ней с запада остатки от стен домов, отдельных помещений, а также монументальная ступенька входа длиной 2,3 м, принадлежавшая явно большому богатому дому эллинистического времени. Далее к северу – остатки двух подвалов (п. 26–б), принадлежавших, скорее всего, дому со ступенькой, в одном из которых находился раздавленный пифос. Здесь же были найдены фрагмент вымостки из амфорных ручек, установленных в известковом растворе, который мог принадлежать полу андрона, железные и бронзовые предметы, тигель, 12 монет, мраморная статуэтка Афродиты, известковая штукатурка с цветным покрытием.

Начиная примерно от п. 28 и далее к северу в клифе обнажаются строительные остатки домов, располагавшихся к востоку от продольной улицы. Их планировочная сетка имеет несколько иной азимут, чем на более южных участках. Так, на участке НГФ азимут планировочной сетки улиц колеблется около 357°, а на участке НГС – 65–76°. Поскольку при этом азимут клифа близок к нулевому, строительные остатки в большинстве здесь представлены углами помещений.

Представляют интерес сами по себе и отдельные объекты вне конкретного археологического контекста. Такие, например, как остатки слоевых оснований в пп. № 24 и VII–А (квадраты №№ 365, 385). Ранее в Нижнем городе эти конструкции не встречались. Их редкость в этой части Ольвии, особенно на фоне широкого строительства слоевых оснований в монументальных сооружениях в районе агоры и оборонительных комплексах, позволяет предполагать значительно меньшие масштабы строительства в эллинистическое время в Нижнем городе.

Новый вид декора полов представлен находкой мозаичной вымостки из фрагментов амфорных ручек с зашлифованными торцами, установленных вертикально на известковом растворе, в п. 26–б. До сих пор в Ольвии встречались остатки только галечных вымосток: дома ЗК–1 [ОАК 1903, с. 8, 9, рис.8; Крыжицкий, 1971, с. 49, 55, рис. 27, *2*], НГФ –2 [ОАК 1909 –1910, с. 66–68, рис. 73], НГФ–1 [ОАК 1912, с. 24, рис. 38].

Уникальным по своей сохранности объектом является обнаруженный в п. 1 прямоугольный в плане каменный колодец, от которого сохранилась на полную высоту не только подземная часть, но и наземная – оголовок. Венчающая плита оголовка имеет отверстие круглой формы.

Заслуживают внимания и круглые в плане сооружения небольших диаметров – порядка одного – двух м, от стен которых сохраняется лишь один ряд камней и иногда один камень в центре круга. Камни небольших размеров, не имеют притески, все они вторичного использования, часто установлены орфостатно. Располагаются на остатках поздне–эллинистического времени – уличных вымостках и строительных остатках в различных частях города: – возле западных оборонительных ворот три объекта, в зоне клифа – на юге в п. 1 (1972 г.), в раскопе НГ, на севере в п. 30 (1968 г.). Их функциональное назначение не установлено. Выразительный сопровождающий материал отсутствует, то же касается, за одним исключением, горелого слоя. По-видимому, эти конструкции представляли собой временные небольшие индивидуальные жилища типа юрт, появление которых в Ольвии логично связывать с краткими посещениями кочевниками развалин города около рубежа эр.

Следует также отметить в п. 28 однослойную невысокую каменную кладку, имеющую в плане легкий изгиб. Эти особенности напоминают ограждения невысоких насыпей грунта. До сих пор подобные конструкции в

Ольвии не встречались и их интерпретация затруднена.

В п. 30–ю – открытие траншеи шириной 3,2 м от выборки предположительно оборонительной стены V–IV вв. до н.э., находящейся в створе с каменным развалом в затопленной части Ольвии [Крыжицкий, 1984, с. 49 –51, рис. 9, 15]. Если это предположение найдет подтверждение в будущем, оно позволит значительно уточнить динамику развития городской территории на ранних этапах жизни Ольвии. В связи с этим напомним, что, как показали раскопки в Верхнем городе участка И, там в архаическое время располагался некрополь [Славин, 1940, с. 10], южная граница которого могла доходить до створа с исследовавшейся в клифе траншеей.

Интерес представляет обнаружение в п. 30 выхода коренной породы – понтического известняка, по–видимому, использовавшегося в городском строительстве на ранних этапах существования Ольвии.

Из работ прежних лет по исследованию клифа специального внимания заслуживает стилобат, раскопанный В.В. Лапиным. Этот объект, датируемый V–IV вв. до н.э., мог относиться, как к богатому жилому дому, вроде домов НГФ–1, НГФ–2, так и к какому–либо культовому или общественному зданию.

Таковы краткие итоги наиболее масштабного цикла работ по исследованию строительных остатков, разрушающихся в зоне ольвийского клифа.

Карасев А.Н. Планы Ольвии XIX в. как источник для изучения исторической топографии города // МИА. – Москва, 1956. – № 50. – С. 9–34.

Каряка А.В. Отчет о работах на участке «Пляж» в Ольвии в 2008 г. // НА ИА НАН Украины. – 2008/199.

Козуб Ю.И. Отчет о раскопках в Ольвии в 1970 году. Участок Б–VIII. – береговой район // НА ИА НАН Украины. – 1970/16–б.

Крапивина В.В. Исследования последних лет в южной части Верхнего и Нижнего города Ольвии // Pontika 2006 – Понтика 2006. Recent Research in Northern Black Sea Coast Greek Colonies – Новейшие исследования греческих колоний Северного Причерноморья. – Kraków, 2008. – С. 95 –110.

Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура 1–4 вв. до н.э. – К., 1993. – 184 с.

Крапівіна В.В. Ольвія: проблеми охорони та археологічні дослідження // Археологія. – 2001. – № 4. – С. 4–19.

Крижицький С.Д. Перспективи дослідження і збереження архітектурно–будівельних залишків Ольвії // Археологія. – 2001. – 4. – С. 19 –35.

Крыжицкий С.Д. Ольвия. Историографическое исследование архитектурно–строительных комплексов. – К., 1985. – 191 с.

Крыжицкий С.Д. Основные итоги изучения затопленной части Нижнего города Ольвии // АКСП. – 1984. – С. 36 –65.

Крыжицкий С.Д. Отчет о раскопках Нижнего города Ольвии по линии берегового среза в 1966 и 1967 гг. // НА ИА НАН Украины. – 1966–67/7–б.

Крыжицкий С.Д. Отчет о раскопках участка «Берег» в Нижнем городе Ольвии в 1968 году // НА ИА НАН Украины. – 1968/12–г.

Крыжицкий С.Д. Отчет о раскопках участка «Клиф» в п. VIII–Ж, кв. 389; VIII–З, кв. 8, 9, 29, 49 // Отчет о работах Ольвийской экспедиции 1972 г. // НА ИА НАН Украины. – 1972/26.

Крыжицкий С.Д. Раскопки на территории Нижнего города Ольвии в 1965–1966 гг. // АИУ 1965–1966. – 1967. – Вып. I. – С. 131–133.

Крыжицкий С.Д. Раскопки Нижнего города в Ольвии // АИУ 1967. – К., 1968. – Вып. II.– С. 142–146.

Крыжицкий С.Д. Раскопки участка «Берег» в Ольвии в 1968 г. // АИУ 1968. – К., 1971. – Вып. III. – С.175–179.

Крыжицкий С.Д., Русяева А.С., Крапивина В.В., Лейпунская Н.А., Скржинская М.В., Анохин В.А. Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. – К., 1999. – 681 с.

Лапин В.В. Раскопки 1958 г. в прибрежной части Ольвии // МАСП. – 1962. – Вып. 4. – С. 163–176.

Лапин В.В. Эллинистические колодцы в прибрежной части Ольвии // КСИА АН УССР. – 1960. – Вып. 10. – С. 91–102.

Леви Е.И. Итоги раскопок ольвийского теменоса и агоры (1951 –1960 гг.) // Теменос и агора. – Москва–Ленинград, 1964. – С. 3 –26.

Леви Е.И. Ольвия. Город эпохи эллинизма. – Ленинград, 1985. – С. 152.

Лейпунская Н.А. Отчет о работе на участке Г VIII/Д VIII Берег в Ольвии в 1970 г. // Отчет о работах Ольвийской экспедиции 1970 г. // НА ИА НАН Украины. – 1970/16.

Мещанинов И.И. Отчет о работах Ольвийской экспедиции // СГАИМК. – 1931. – № 2. – С. 23 –24.

Назарчук В.И. Охранные раскопки в Нижнем городе в 1980 г. // НА ИА НАН Украины. – 1980/27 –г.

Отрешко В.М. Отчет о раскопках участка «Клиф» в п. IX–З, кв. 149–ю, 150–юз, 169–в, 170– з, 189–св, 190–с. // Отчет о работах Ольвийской экспедиции 1972 г. // НА ИА НАН Украины. – 1972/26.

Охотников С.Б. Отчет о раскопках участка «Клиф» в п. VIII–В, кв. 145–в, 165–в, 185–св. // Отчет о работах Ольвийской экспедиции 1972 г. // НА ИА НАН Украины. – 1972/26.

Русяева А.С. Отчет об охранных раскопках участка Е–VIII (пункт VI) // НА ИА НАН Украины. – 1970/16–г.

Славин Л.М. Отчет о раскопках в Ольвии в 1935 и 1936 гг. // Ольвия. – К., 1940. – Т. I. – С. 9–82.

Фармаковский Б.В. Раскопки в Ольвии // ОАК за 1909 и 1910 гг. – СПб, 1913. – С. 1–105.

Часнык Н.З. Раскопки участка Д–VIII на клифе Нижнего города Ольвии в 1970 году // НА ИА НАН Украины. – 1970/16.

Kryžickij Sergej D., Lejpunskaja Nina A. Building remains and accompanying finds, 6th–1st century BC // The Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6th century BC to the 4th century AD. Edited by Nina A. Lejpunskaja†, Pia Guldager Bilde, Jakob Munk Hojte, Valentina V. Krapivina & Sergej D. Kryžickij. – Aarhus University Press, 2010. – Vol. 1: Text; Vol. 2: Plates.

С.Д. Крижицький

АРХІТЕКТУРНО–БУДІВЕЛЬНІ ЗАЛИШКИ В БЕРЕГОВОМУ КЛІФІ ОЛЬВІЇ (1966–1968, 1970, 1972 рр.)

Охоронні розкопки клифа велися в 22 пунктах, які розташовані впродовж 650 м берегової смуги. В результаті отриманий фактично подовжній розріз з півдня на північ культурних нашарувань Нижнього міста і частково терасній частині. Розріз співпадає з розкопаними ділянками вулиці, що проходить з півночі на південь, які знаходяться з невеликими відхиленнями в єдиному створі. Цим підтверджений факт наявності в Нижньому місті крізної подовжньої вулиці, починаючи щонайменше від класичного часу. В перші століття н.е. вулиця функціонувала в межах лише міської території, що скоротилася.

Найбільш інформативними стали суміжні об'єкти, розташовані поряд один з одним. Це три взаємозв'язані комплекси в південній частині кліфа: – фрагмент поперечної вулиці (?) з водостоком і сходів, що продовжують її; – колодязь з наземною частиною, що збереглася; – залишки будинків I ст. до н.е. – I ст. н.е. Далі на північ – вулиця з водостоком, товщина вимостки якої досягає 3,5 м, яка продовжує вулицю, відкриту на ділянці НГ (з східного боку так званої «пекарні»). Далі на північ – житлово –господарська забудова, представлена підвалами. Найцікавіший комплекс розташований в пунктах 25–26, де впродовж 24 м відкрита вулиця з водостічними каналами, керамічною вимосткой, колодязем і прилеглі до неї із заходу залишки наземних мурів будинків і підвалів, а також монументального входу в будинок.

З окремих об'єктів слід зазначити відкриття: – шарових підвалин (раніше в Нижньому місті не зустрічалися); – нового виду декору підлоги у вигляді мозаїчної вимостки з фрагментів амфорних ручок із зашліфованими торцями, встановлених вертикально на вапняному розчині; – унікального по своєму збереженню колодязя; – круглих в плані споруд невеликих (1–2 м) діаметрів (тимчасові житла типу юрт (?); – траншеї від вибірки імовірно оборонної стіни V–V ст. до н.е.

Ключові слова: кліф, берег, кладка, вимостка.

S.D. Kryžickij

THE ARCHITECTURALLY – BUILDING RESTS IN COASTAL BREAKAGE OF OLBIA (1966 –1968, 1970, 1972)

Guard excavations of clif were conducted in 22 points of disposed during a 650 mcode of waterside bar. As a result a longitudinal cut is got actually from a south to the north of cultural stratifications of the Lower city and partly to terrace part. A cut coincides with the dug out areas passing from a north to the south of street, being with small rejections in single створе. This is confirm the fact of presence in Lower town of through longitudinal street of classic–hellinstik time. In the first ages A.D. a street functioned within the limits of the only abbreviated city territory.

Most informing were contiguous objects located alongside with each other. It is three associate complexes in Sonth part of клифа: it is a fragment of transversal street (?) with a gully and continuing it stair; it is a well with the saved surface part; are tailings of houses 1 in. B.C. – 1 in. A.D. Further to the north is a street with a gully, the thickness of вымостки which arrives at 3,5 mcodes, continuing a street on the area of NG (from the east side of the so–called «bakery»). Then is dwelling–economic building, presented basements. A complex most interesting in points 25 –26, where during 24 mcodes a street is opened with the gully ductings, ceramic place, by a well and adjoining to it westerly tailings of surface sthenes of houses and basements, and also monumental included in a house.

From separate objects it should be noted opening: – the stratified grounds (before in Lower town of not meetings); – new type of decorating of chaffs as inlaid place from the fragments of amphora pens, set apeak on lime solution; – unique on the safety well; – round in a plan buildings of small (1–2 mcodes) diameters (temporal dwellings of type of nomad's tents (?); are trenches from a selection probably defensive wall of 5–4 bâ. B.C.

Keywords: clif, gully, street.

Одержано 2.01.2015

УДК 904.23 (477.73) «652»

А.В. Буйских

О ДАТИРОВКЕ БРОНЗОЛИТЕЙНОЙ МАСТЕРСКОЙ В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ОЛЬВИИ

В научный оборот вводится полный керамический комплекс из бронзолитейной мастерской в Ольвии. Детальное изучение амфорной тары, столовой и кухонной керамики, а также индивидуальных находок из засыпи позволили уточнить время ее функционирования в контексте существования других объектов второй половины VI в. до н.э. в юго-восточной части Ольвии.

Ключевые слова: Ольвия, бронзолитейная мастерская, керамика, позднеархаическое время.

В течение полевого сезона 2008 г. в юго-восточной части Ольвии, на участке Р-25 была частично открыта полуземлянка № 1586[1], в дальнейшем определенная как бронзолитейная мастерская. Тогда удалось полностью выявить лишь южную часть этого объекта (рис. 1, *1*), северная уходила под останец с культурными слоем и была доследована в 2010 г. Оказалось, что вся северная часть полуземлянки значительно повреждена поздними строительными остатками. Тем не менее, особенности конструкции на уровне материкового дна, зафиксированные в южной части, дали возможность уверенно ее восстановить и предварительно ввести в научный оборот. Основными аргументами для такой функциональной атрибуции явились конструктивные характеристики сооружения и находка в яме первых веков н.э., прорезавшей ее северо-восточную часть, каменной литейной формы для отливки украшений в скифском зверином стиле (рис. 1, *2*) [Крапивина, Буйских, 2011, с. 204 сл.]. Настоящая статья посвящена публикации вещевого комплекса из заполнения южной части полуземлян-

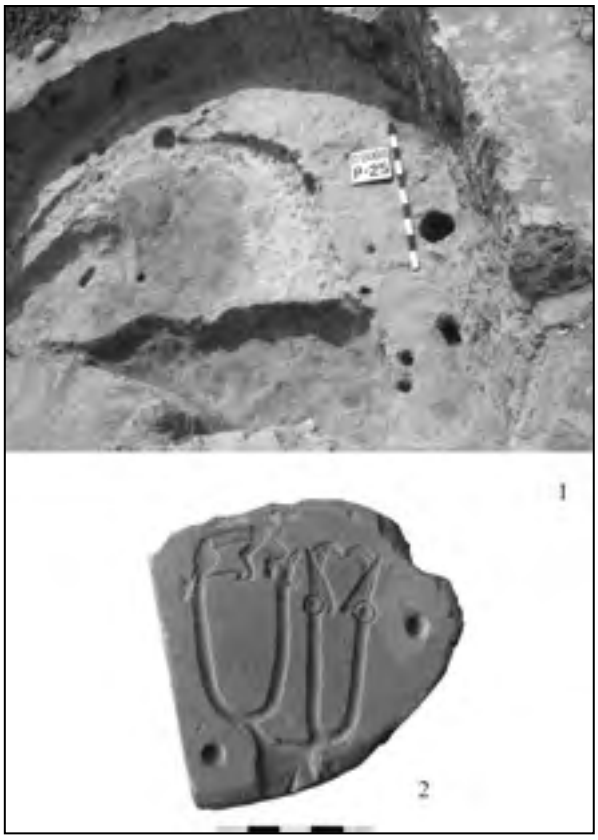


Рис. 1. 1. Полуземлянка № 1586 (бронзолитейная мастерская). Вид с севера; *2.* Литейная форма в зверином стиле: О-2008/Р-25/2996

1. № полуземлянки соответсвует учетному в общей нумерации строительных остатков

© А.В. БУЙСКИХ, 2015

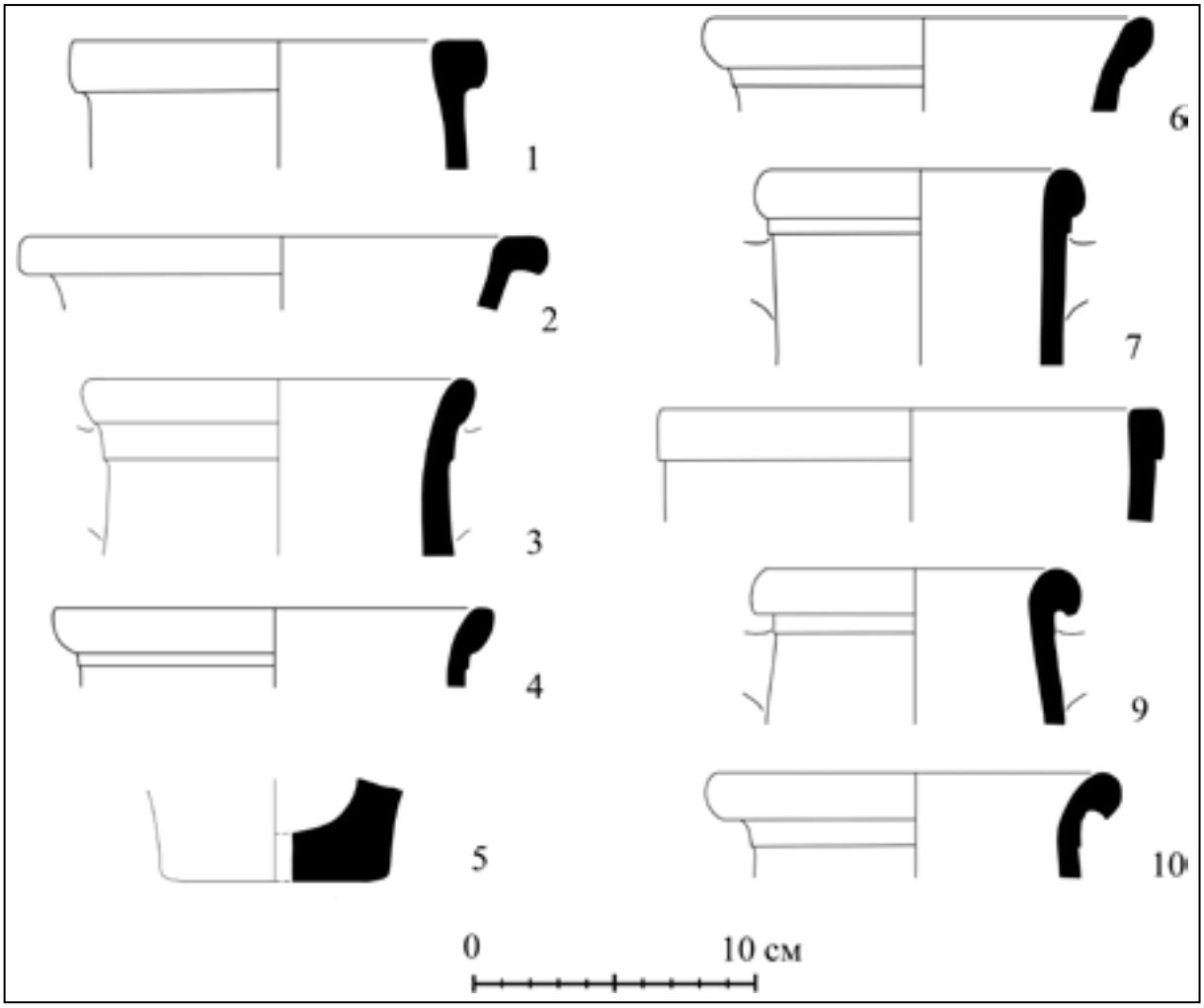


Рис. 2. Амфоры о. Лесбос сероглиняные: *1.* О-2008/Р-25/1995; *2.* О-2008/Р-25/1994; *3.* О-2008/Р-25/91; *4.* О-2008/Р-25/242; *5.* О-2008/Р-25/2693; красноглиняные: *6.* О-2008/Р-25/423; *7.* О-2008/Р-25/1997; *8.* О-2008/Р-25/1998; *9.* О-2008/Р-25/1999; *10.* О-2008/Р-25/1996

ки, мощность которого достигала 1 м, из них 0,4-0,6 м – непосредственно из заглубленного объекта (в силу разрушенного по склону уровня материка часть заполнения сохранилась в виде выступавшего останца). Несмотря на то, что за небольшим исключением, все они происходят из засыпи, они дают *terminus ante quem* существования мастерской[2].

Амфорная тара представлена фрагментами сосудов трех основных центров-поставщиков: о. Лесбос, о. Хиос и Клазомен. Амфоры Лесбоса дают фрагменты как сероглиняных, так и красноглиняных сосудов. Сероглиняные венчики амфор подпрямоугольной в сечении формы (рис. 2, *1-2*) соответствуют вариантам I-B – I-D по Монахову или типу 3 по Бирческу, и датируются серединой – третьей четвертью VI в. до н.э. Этим типам соответствует также полая ножка на плоской подошве (рис. 2, *5*) [Монахов, 2003, с. 45, рис. 27, 2-6; Bîrzescu, 2012, S. 31-32, Taf. 3-7]. Такие сосуды представлены в синхронных строительных комплексах Борисфена [Ильина, Чистов, 2012а, табл. 59]. Еще два венчика амфор с овальным и отогнутым краем (рис. 2, *3-4*) соответствуют варианту II по Монахову или типу 4 по Бирческу, и датируются от рубежа VI-V в. до н.э. [Монахов, 2003, с. 46, табл. 28; Bîrzescu, 2012, S. 33, Taf. 8]. Красноглиняные амфоры, происхождение которых все еще дискуссионное (о. Лесбос или Эолия), представлены фрагментами венчиков (рис. 2, *6-8*) вариантов I-A – I-B по Монахову или типов 2-3 по Бирческу, получивших наибольшее распространение во второй половине VI в. до н.э. [Монахов, 2003, с. 48, табл. 30; Bîrzescu, 2012, S. 37 ff., Taf. 10-18]. Еще два фрагмента (рис. 2, *9-10*) принадлежат выделенному Ю. Бирческу по материалам Истрии нового типа 4 с округлым венчиком. Они синхронны амфорам типов 2-3 [Bîrzescu, 2012, S. 44, Taf. 19; см. также: Монахов, 2003, табл. 31, 4].

2. В силу того, что заполнение полуземлянки сохранилось не полностью, процентные соотношения отдельных категорий массового материала не даются.

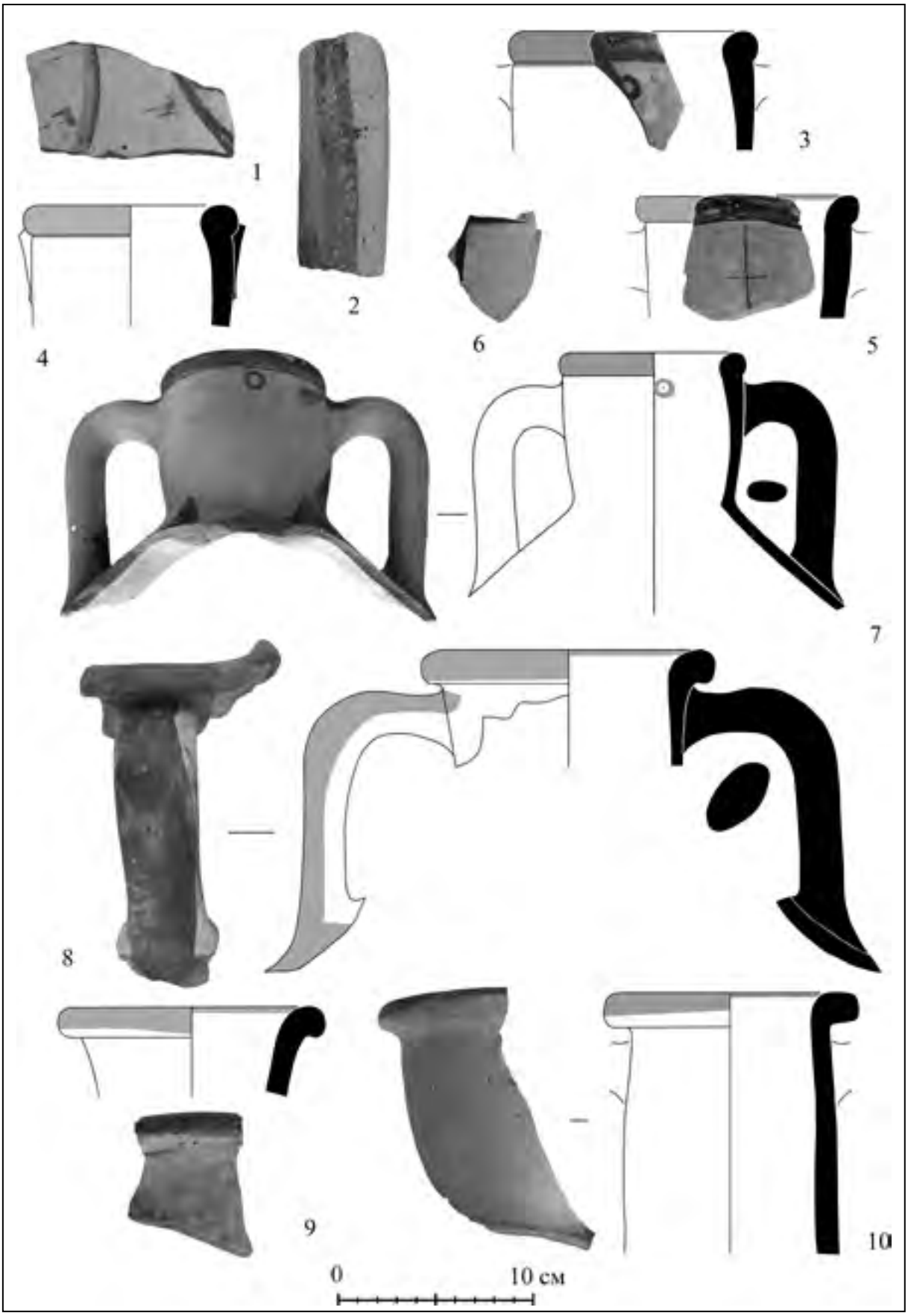


Рис. 3. Амфоры о. Хиос: *1*. О-2008/Р-25/2005; *2*. О-2008/Р-25/2002; *3*. О-2008/Р-25/185; *4*. О-2008/Р-25/1880; *5*. О-2008/Р-25/1989; *6*. О-2008/Р-25/1985; *7*. О-2008/Р-25/2690; Клазомены: *8*. О-2008/Р-25/243; *9*. О-2008/Р-25/1992; *10*. О-2008/Р-25/1993

Хиосская тара из землянки традиционно является наиболее многочисленной, как и во всех комплексах и слоях второй половины VI в. до н.э. В комплексе имеется единичный фрагмент стенки амфоры с белой облицовкой, который судя по расположению тонких полос лака (рис. 3, *1*), относится к позднейшему варианту этого типа, второй – началу третьей четверти этого столетия. Эти сосуды принадлежат варианту I-B по Монахову или типу I по Бирческу [Монахов, 2003, с. 13-14, табл. 2; Bîrzescu, 2012, S. 49 ff., Taf. 23]. Они хорошо известны по массовым находкам в Ольвии [Буйских, 2012, рис. 1] и в Борисфене, в комплексах не позднее середины столетия [Ильина, Чистов, 2012, табл. 10]. Третьей четвертью этого столетия датируется фрагмент ручки с широкой полосой лака (рис. 3, *2*) и венчики (рис. 3, *3-5*) с дипинти – колечками и крестами, принадлежавшие амфорам с воронковидным горлом: тип I по Рубану [Рубан, 1982, с. 99-101], тип II-A по Монахову [Монахов, 2003, с. 15-16, табл. 3, 1-2], тип 1 по Бирческу [Bîrzescu, 2012, S. 65 f., Taf. 24-25]. Такие сосуды, включая целые формы, уже известны по находкам в этой части Ольвии [Буйских, Монахов, 2009, с. 126-127, рис. 1-2], широко они представлены и в Борисфене [Ильина, Чистов, 2012а, табл. 63; Буйских, 2014а, с. 91, рис. 4, 1-3]. К переходной форме от воронковидной к раннепухлогорлой – между типами 1 и 2 по Бирческу [Bîrzescu, 2012, S. 65 f., Taf. 28] или варианту II-B по Монахову (Монахов, 2003, с. 16, табл. 3, 3), типу II по Рубану [Рубан, 1982, с. 102-103] принадлежит едва припухлое горло (рис 3, *7*), время выпуска таких амфор не доходит до конца последней четверти VI в. до н.э. Скорее всего, амфоре такого типа принадлежит и фрагмент горла с крупным дипинто-крестом (рис. 3, *6*).

Клазоменские амфоры (рис. 3, *8-10*) представлены в основном, стандартными по форме и декору фрагментами, принадлежащими вариантам 2-4 по Монахову [Монахов, 2003, с. 52-53, табл. 32, 2-4; 33, 1], типу 5 по Бирческу [Bîrzescu, 2012, S. 101, Taf. 41-48] или типам Kla6-Kla7 [Sezgin, 2012, p. 46 ff.]. Их находки вместе с синхронными лесбосскими и хиосскими амфорами подтверждают датировки амфор этого типа, установленные ранее, в рамках второй половины VI в. до н.э. [см. также их находки в Борисфене: Ильина, Чистов, 2012а, табл. 60; Буйских 2014а, рис. 6, 5-7].

Отдельную небольшую группу представляют фрагменты амфор, традиционно определяемые как «протофасосские» [Зеест, 1960, с. 79-80] или принадлежащие неустановленным производственным центрам Северной Эгеиды [Монахов, 2003, с. 39-40]. Недавно в новой типологии амфорной тары архаического времени Ю. Бирческу отнес их к ионийскому ареалу [Bîrzescu, 2012, s. 113 - 114, Taf. 51-54]. Они имеют овальный, слегка заостренный и отогнутый край (рис. 4, *1-2, 4, 6*), так, что горло приобретает слегка коническую форму в сечении, или, наоборот, подквадратный или

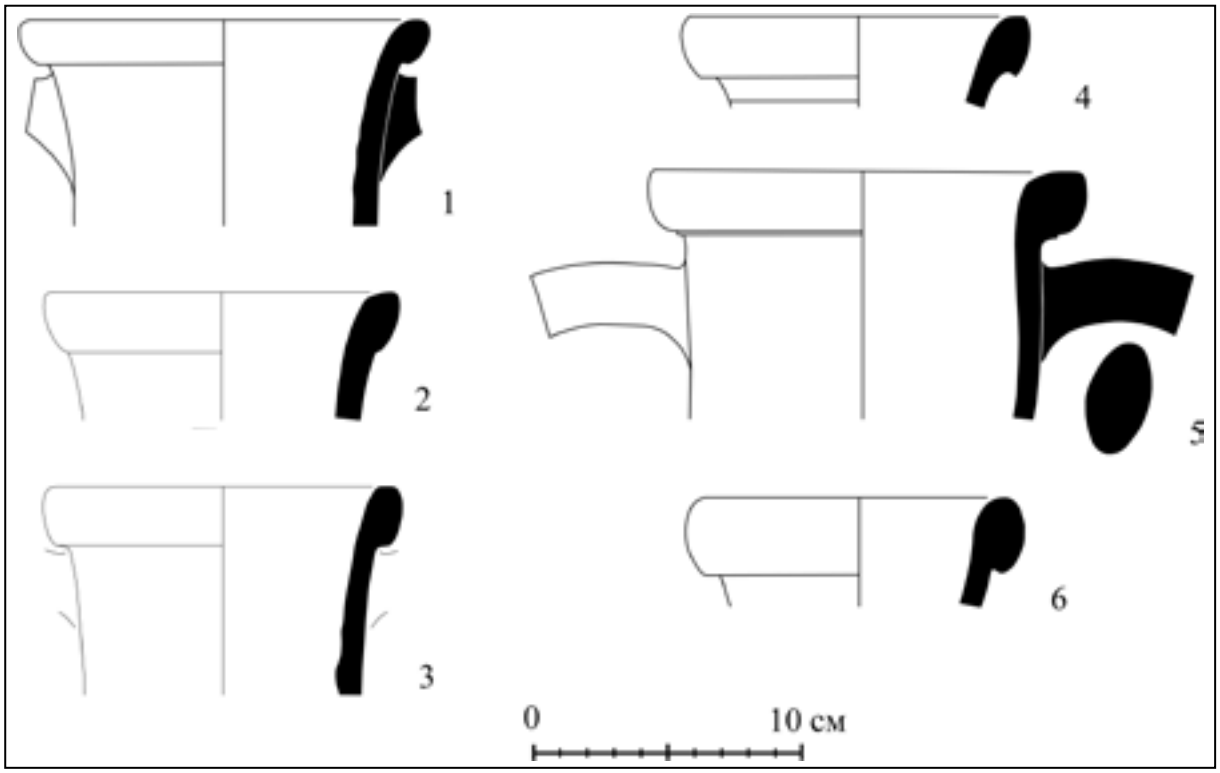


Рис. 4. Амфоры ионийские (протофасосские по Зеест): *1.* О-2008/Р-25/424; *2.* О-2008/Р-25/425; *3.* О-2008/Р-25/426; *4.* О-2008/Р-25/1986; *5.* О-2008/Р-25/1988; *6.* О-2008/Р-25/1991

подпрямоугольный, со слегка закругленными углами (рис. 4, *3, 5*), часто с горизонтальной врезкой под венцом. Все они синхронны, датируются в пределах второй половины VI в. до н.э. и представляют в Ольвии массовый материал. Помимо указанных центров, в заполнении обнаружен фрагмент стенки амфоры аттического производства типа a là brosse, также типичных для этого времени.

Привозная столовая посуда представлена восточногреческой и аттической. В количественном отношении эти группы примерно равны, тогда как для комплексов второй и третьей четвертей VI в. до н.э. преобладает первая, а для комплексов рубежа VI-V вв. до н.э. и более поздних – вторая. В массиве восточногреческой посуды преобладают ее поздние варианты, в основном, это т.н. простая полосатая посуда. Расписная керамика дает лишь мелкие фрагменты клазоменских столовых амфор. Это – стенка чернофигурной амфоры класса Книпович группы Темрюк с изображением гривы крылатого коня в метопе (рис. 5, *1*) с датой 520-510 гг. до н.э. [Буйских, 2013, кат. № 4.57]. Таким же мелким фрагментом представлена стенка клазоменской амфоры класса Книпович с чешуйчатым орнаментом (рис. 5, *2*) с широкой датировкой практически всей второй половиной VI и вплоть до начала V в. до н.э. [Буйских, 2013, с. 81-83]. Условно к североионийской следует отнести горло с частью плечей столовой амфоры, покрытой

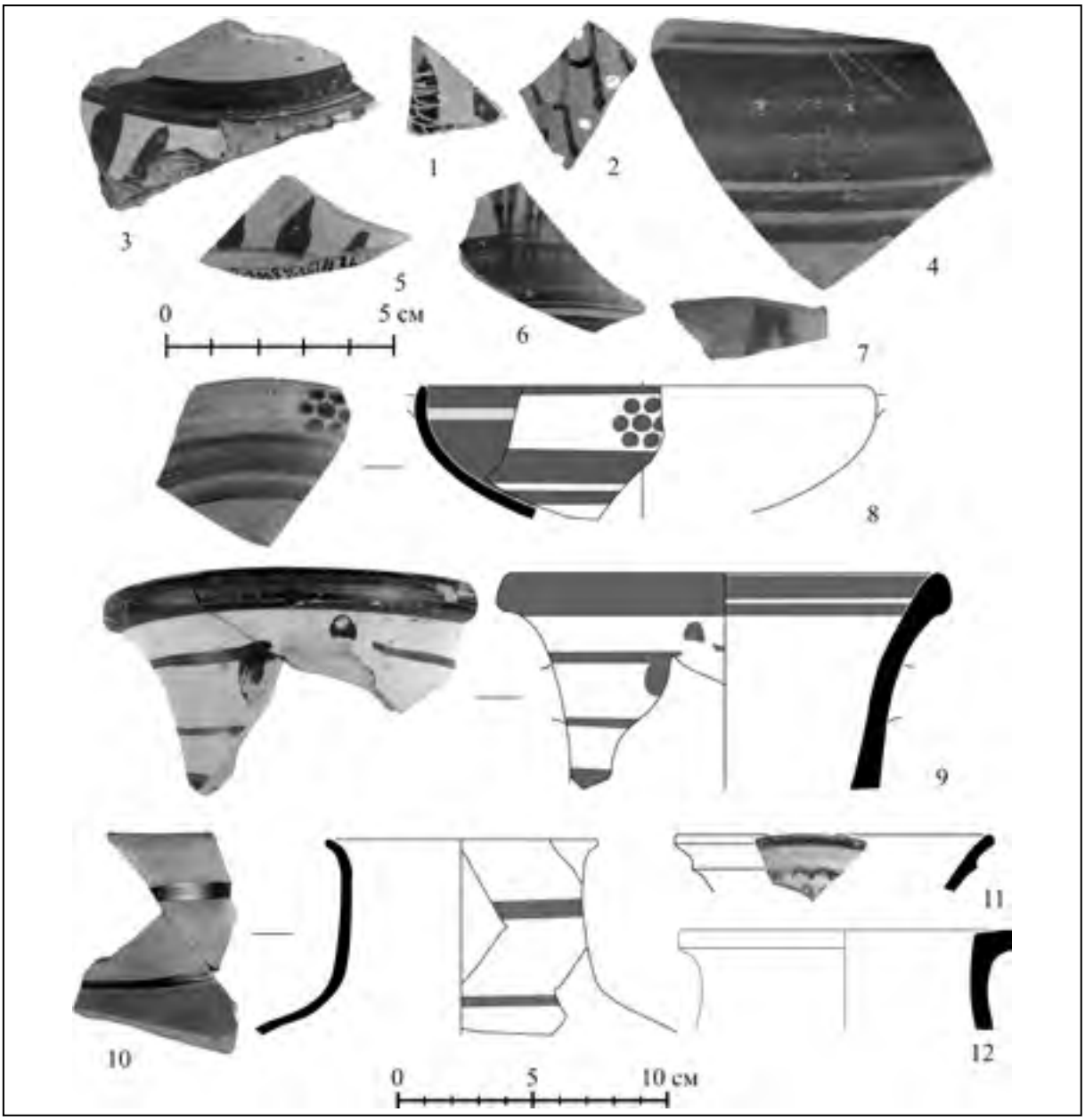


Рис. 5. Клазоменская керамика: *1*. О-2008/Р-25/95; *2*. О-2008/Р-25/2039. Восточногреческая керамика: *3*. О-2008/Р-25/254; *4*. О-2008/Р-25/2705; *5*. О-2008/Р-25/436; *6*. О-2008/Р-25/2044; *7*. О-2008/Р-25/2903; *8*. О-2008/Р-25/1208; *9*. О-2008/Р-25/2030; *10*. О-2008/Р-25/2031; *11*. О-2008/Р-25/251; *12*. О-2008/Р-25/1206

ангобом (рис. 5, *3*), что в целом нехарактерно для второй половины VI в. до н.э. и может указывать на ее дату не позднее середины столетия. В пределах третьей четверти следует датировать придонную часть амфоры с корзинкой лучей (рис. 5, *5*) и часть плеча амфоры с полосами (рис. 5, *4*). Несколько фрагментов горл принадлежит крупным закрытым сосудам типа амфор или гидрий (рис. 5, *9-12*). Их отличает наличие простых полос лака, в одном случае – волнистого орнамента под краем. Дополняет информацию о закрытых формах ионийского происхождения один редкий сосуд – дошедшая во фрагментах столовая амфора с полосами мелкого волнистого декора по горлу и плечам (рис. 6, *1*). Амфоры такого типа уже известны по находкам в Ольвии, и прежде всего, среди материалов раннего некрополя [Книпович, 1940, с. 94, рис. 3]. Такой тип декора представляет собой реминисценцию декоративных элементов позднегеометрического стиля вазописи [Kerschner, 2006, s. 230]. В полуземлянке обнаружена еще одна стенка от амфоры такого же типа (рис. 6, *3*). Остальные фрагменты амфор представляют их плечевые части с полосатым, волнистым или S-видным декором (рис. 6, *2, 4-5*). Все они датируются второй половиной VI в. до н.э.

В заполнение найдено значительное количество чаш, из которых три – с точечными розеттами (рис. 5, *6-8*). Этот тип сосудов существовал длительное время [Kerschner, 2006, s. 243 f.], но его верхней границей, как правило, является конец третьей четверти VI в. до н.э. В Ольвии это массовый материал [Буйских, 2013, с. 107-108], поэтому об их нетипичности для комплексов последних десятилетий этого столетия можно говорить уверенно. Заполнение характеризуется наличием значительного количества фрагментов чаш,

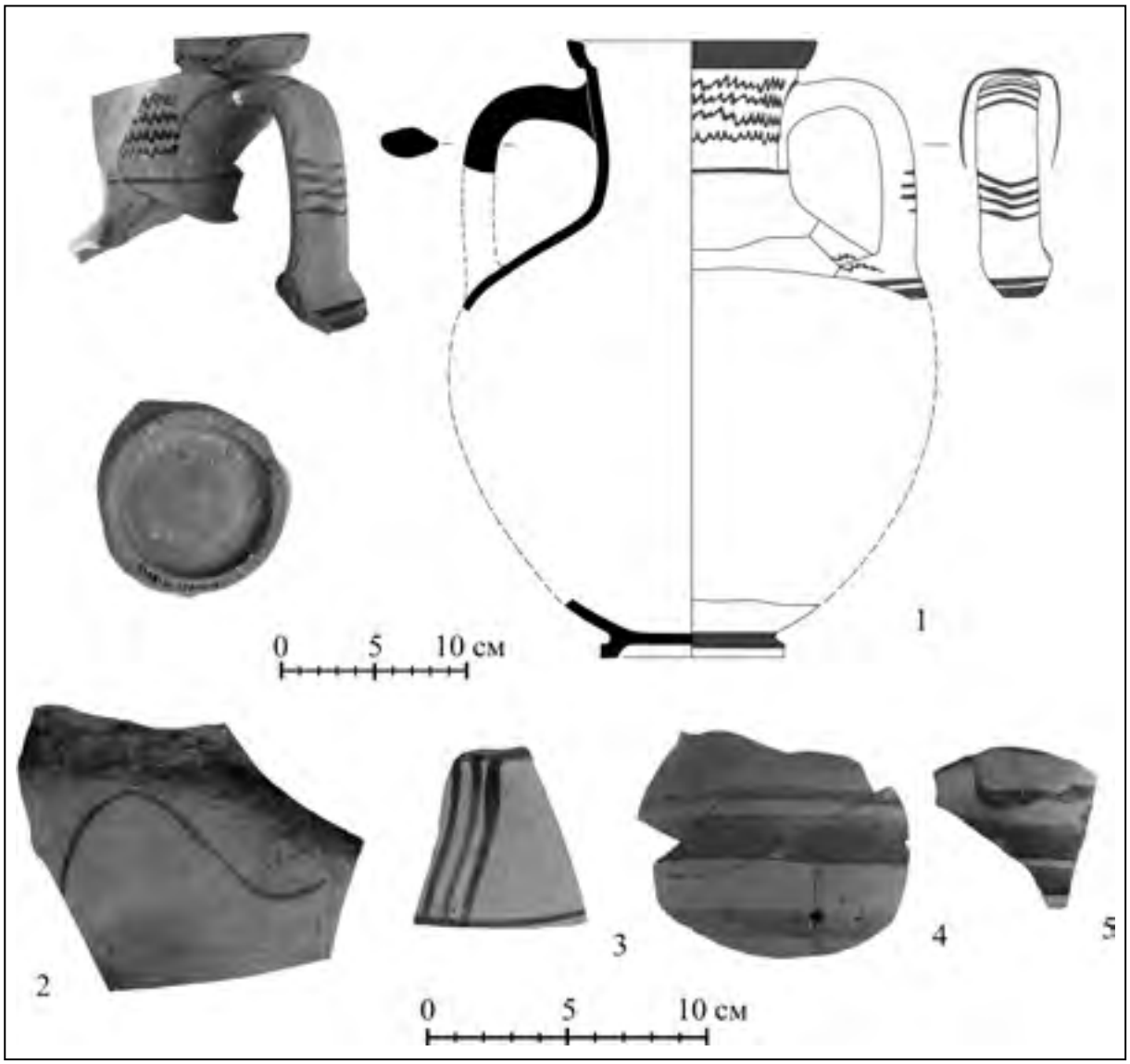


Рис. ***6***. Восточногреческие полосаты амфоры: *1*. О-2008/Р-25/253; *2*. О-2008/Р-25/435; *3*. О-2008/Р-25/2040; *4*. О-2008/Р-25/2041; *5*. О-2008/Р-25/1212

включая одноручные. Это немногочисленные привозные формы с простыми полосами лака, иногда ангобом по внутренней поверхности (рис. 7, *2, 8*) или формы, скорее всего, местного производства, с полосами красной краски, причем на некоторых сосудах заметен брак при обжиге (рис. 7, *1, 3-7*). Помимо них, обнаружено значительное количество фрагментов и археологически целых форм миниатюрных одноручных чашечек с полосами лака (рис. 7, *9-14*). Наблюдается и такое же количество закрытых миниатюрных ольп (кувшинчиков) с двумя-тремя полосами лака по плечам и полосой лака в основании плоского дна (рис. 8, *1-10*). Такой набор сосудов, включая миниатюрные формы, характерен для керамического комплекса Ольвии последней трети VI в. до н.э.

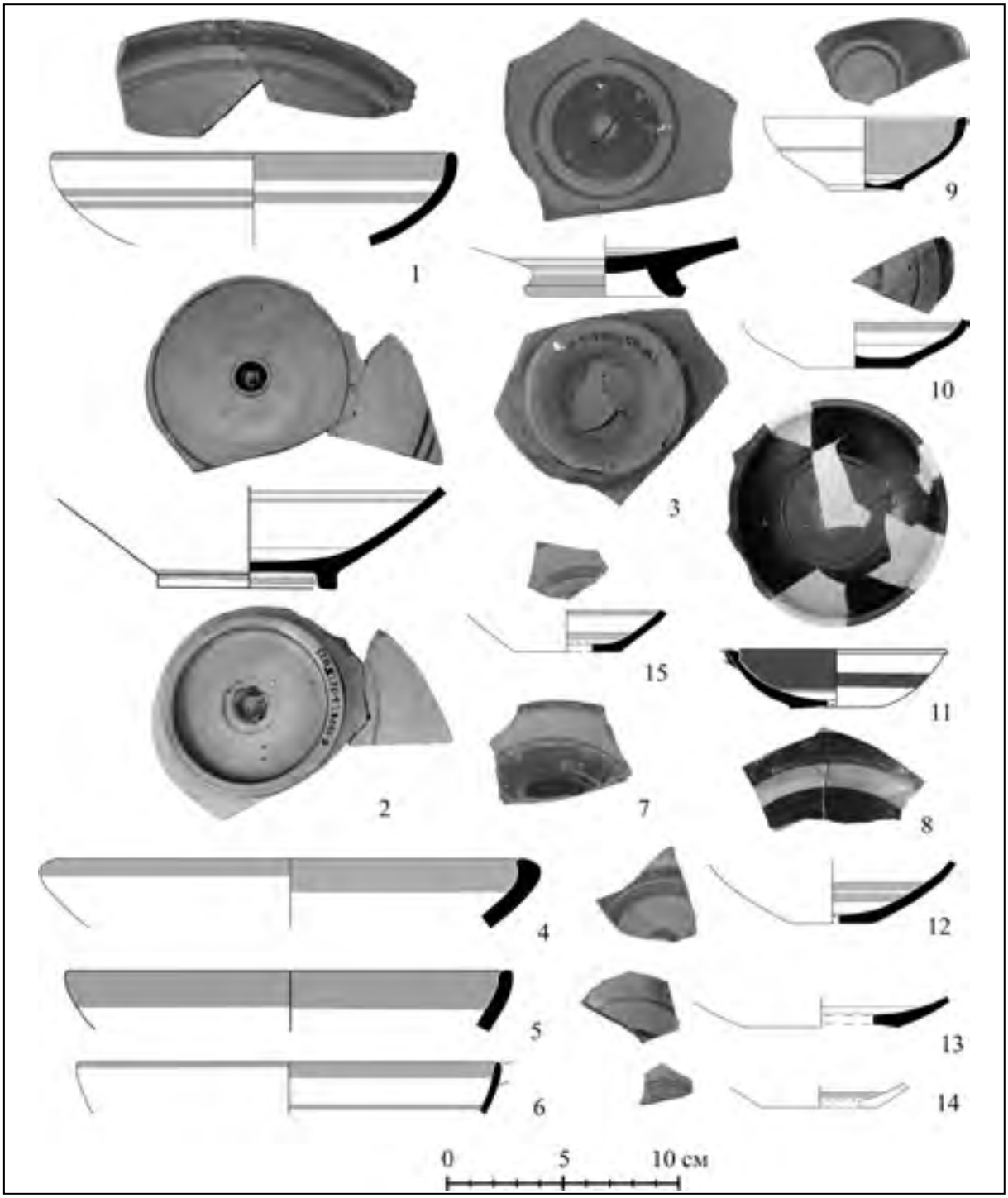


Рис. 7. Восточногреческие чаши и имитации: *1*. О-2008/Р-25/434; *2*. О-2008/Р-25/2051; *3*. О-2008/Р-25/441; *4*. О-2008/Р-25/433; *5*. О-2008/Р-25/2033; *6*. О-2008/Р-25/252; *7*. О-2008/Р-25/2053; *8*. О-2008/Р-25/2888; *9*. О-2008/Р-25/1207; *10*. О-2008/Р-25/1219; *11*. О-2008/Р-25/96; *12*. О-2008/Р-25/2709; *13*. О-2008/Р-25/1218; *14*. О-2008/Р-25/1220; *15*. О-2008/Р-25/2708

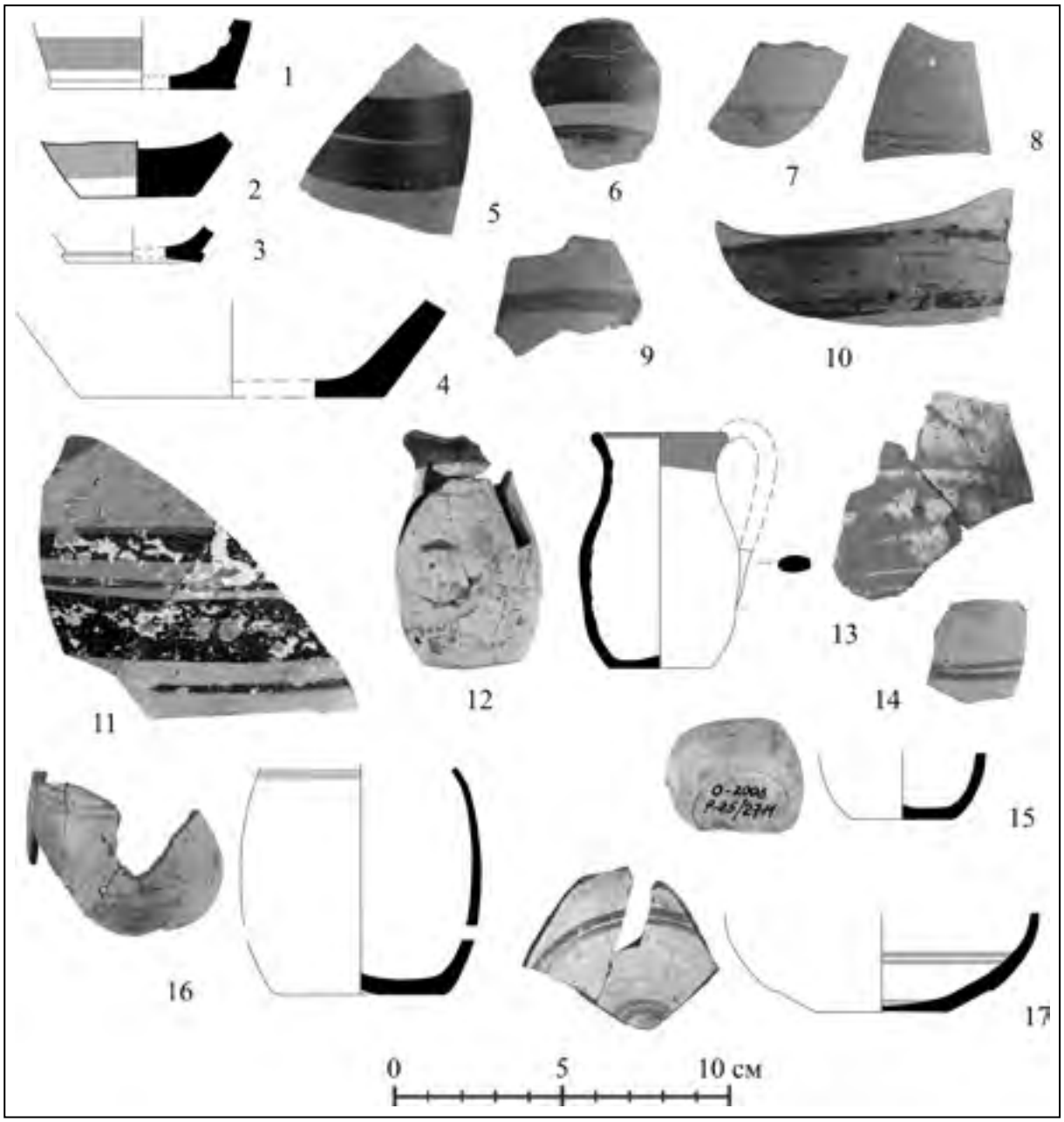


Рис. 8. Ионийские полосатые микроольпы: *1.* О-2008/Р-25/2706; *2.* О-2008/Р-25/2084; *3.* О-2008/Р-25/442; *4.* О-2008/Р-25/432; *5.* О-2008/Р-25/2050; *6.* О-2008/Р-25/2085; *7.* О-2008/Р-25/2047; *8.* О-2008/Р-25/2065; *9.* О-2008/Р-25/2046; *10.* О-2008/Р-25/2049. Хиосская керамика: *11.* О-2008/Р-25/1217; *12.* О-2008/Р-25/2710; *13.* О-2008/Р-25/2064; *14.* О-2008/Р-25/2066; *15.* О-2008/Р-25/2711; *16.* О-2008/Р-25/2064; *17.* О-2008/Р-25/456

К категории восточногреческой относится и хиосская расписная керамика. В рассматриваемом комплексе присутствует одна стенка (плечо) гидрии (рис. 8, *11*), остальные фрагменты которой с росписью позднегеометрического типа обнаружены в расположенных рядом заполнениях, а сама она датируется концом VII – началом VI в. до н.э. [см. подр.: Буйских, 2013, кат. № 10.3]. В остальном набор сосудов хиосских сосудов компактен и относится ко второй половине VI в. до н.э. За исключением миниатюрной одноручной чаши (рис. 8, *17*), это – миниатюрные ольпы, покрытые белым ангобом, с полосами лака по плечам или без него (рис. 8, *12-16*). Все эти формы хиосской керамики также стандартны для второй половины VI в. до н.э. и хорошо представлены в коллекции Борисфена [Ильина, 2005, кат. № 229-244].

Керамика центров материковой Греции представлена изделиями Коринфа и Афин. Вся коринфская расписная керамика относится в целом к позднему второму коринфскому периоду, стилистически – к шаблонному стилю. Отсутствие монохромных сосудов свидетельствует об их дате в рамках второй половины VI в. до н.э. В типологическом отношении она однообразна, за исключением крышки

от пиксиды-пудреницы (рис 9, *1*), найдены только фрагменты скифосов (котил). Крышки этого типа для ольвийской коллекции все еще являются редкостью [Буйских, 2013, кат. № 13.117 – 13.120]. Среди скифосов – мелкий фрагмент сосуда с гирляндой из бутонов лотосов (рис. 8, *2*), остальные части которого оказались в засыпи нескольких заполнений к югу от полуземлянки № 1586 [Буйских, 2013, кат. № 13.16]. Несколько фрагментов (рис. 9, *3-6*) принадлежит чернолаковым скифосам со стандартным декором придонных частей в виде тонких лучей (см. с многочисленными аналогиями: [Буйских, 2013, кат. № 13.25 и сл.]. Кроме того, найдено несколько миниатюрных форм (рис. 9, *7-9*) с типичной росписью в виде зигзагов между ручками, чередующимися полосами лака и пурпура [Буйских, 2013, кат. № 13.225 и сл.].

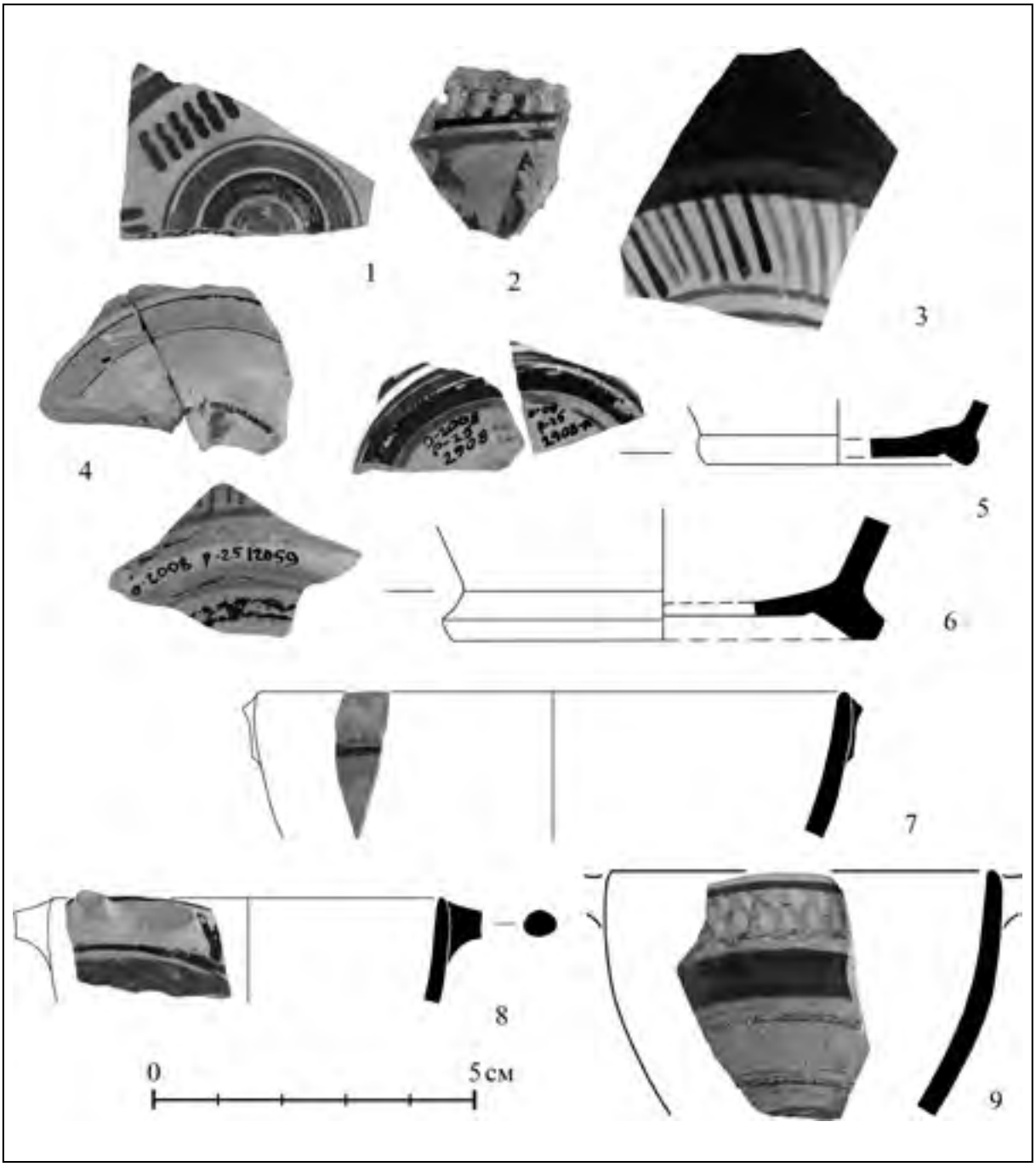


Рис. ***9***. Коринфская керамика: *1*. О-2008/Р-25/263; *2*. О-2008/Р-25/1206; *3*. О-2008/Р-25/2061; *4*. О-2008/Р-25/2058; *5*. О-2008/Р-25/2908; *6*. О-2008/Р-25/2059; *7*. О-2008/Р-25/2056; *8*. О-2008/Р-25/2057; *9*. О-2008/Р-25/100

Однако наиболее узкие даты предоставляет чернофигурная аттическая керамика. Все фрагменты принадлежат нескольким типам закрытых и открытых сосудов, все они уже хорошо известны по находкам в Ольвии. Это, прежде всего, стенки столовых амфор (neck-amphora) или ойнохой/гидрий с изображением стоящих во весь рост женских и мужских (?) фигур (рис. 10, *1-3*). Такие же во многом статичные фигуры в длинных хитонах с узорами из белых точек и перекинутыми через плечи плащами характерны для последней четверти VI в. до н.э., изображая дионисийский сюжет – менад с поднятыми руками и ногами в танце. Близкие композиции относятся к группе Леагра, 520/510-500 гг. до н.э. [о группе см.: Boardman, 1974, p. 110-111; CVA Italia LXXIV, VI, tav. 8; CVA Japan 2, 2, Taf. 25 - 26; CVA The Netherlands 4, 2, pl. 74; 77; CVA The Netherlands 11, 5, pl. 237 - 238]. Скорее всего, оба фрагмента из заполнения полуземлянки (рис. 10, *1-2*) принадлежали именно таким амфорам или ойнохоям.

Открытые формы представлены в основном чашами нескольких типов. Фрагменты краев lip-cup (рис. 11, *1*) с плавной образующей при переходе к плечам принадлежат к поздним типам этой группы и датируются не ранее 530-520-х гг. до н.э. [о типе сосудов: Boardman,1974, p. 59; см. близкий профиль: CVA Italia LVI, IV, Tav. 3; 4, 1]. Более того, мелкие фрагменты и отсутствие росписи не дают возможность определить принадлежность конкретному мастеру [ср. профиль более ранних типов, третьей четверти VI в. до н.э.: CVA USA 25, 2, pl. 89 - 100; CVA Russia XVIII, X, pl. 10 - 11]. Еще от одного lip-cup сохранился незначительный фрагмент центральной фигуры с венком в руке (рис. 10, *7*), который не выходит за пределы 530-х гг. до н.э. [ср. композицию менады с венком, 540-530 гг. до н.э.: CVA Deutschland 47, 3, Taf. 27, 1-4].

Значительная часть фрагментов принадлежит band-cups [о типе см. подр.: [Boardman, 1974, p. 59 - 60]. Сред них, возможно, один или очень близкие сосуды, соотнесенных с Мастером Бегунов (Ranners Painter), 530 г. до н.э. В центре фриза – всадник вправо, на котором поверх хитона одет плащ, покрытый белой краской (рис. 10, *14*), по бокам – бегущие обнаженные атлеты (?) вправо, фланкированные статичными фигурами в хитонах, в зоне ручек пальметты с использованием накладных красок (рис. 10, *8*). Целая форма этого мастера известна в некрополе Ольвии [CVA Russia XV, VII, pl. 25-27]. Многочисленные фрагменты сосудов этого круга (band-cup или band-skyphos), датирующихся 530-520 гг. до н.э., известны в Ольвии и Борисфене [CVA Russia XVIII, X, pl. 31, 1-5, 11; см. также: Russia XV, VII, pl. 28-29]. Близкий по композиции скифос с изображением бегущих фигур между статичными фигурами, завернутыми в хитоны, обнаружены при раскопках Восточного теменоса [Леви, 1964, с. 144-145, рис. 15]. Здесь пурпуром подсвечен только центральный лист пальметты в зоне ручки, а белая краска отсутствует [аналогии: Russia XV, VII, pl. 33]. Таким же сосудам могут принадлежать и фрагменты с изображением небрежно прорисованных пальметт с пятнами пурпура в зоне ручек (рис. 10, *5-6*), а также край скифоса с тонкой полосой лака под залитым лаком венцом (рис. 10, *4*). Фрагмент стенки с изображением петуха (рис. 10, *10*) находит аналогии в стилистической манере росписи сосудов группы СНС, ок. 520 г. до н.э. [ср. изображение крыльев: CVA Greece 3, 3, pl. 35, 4-5].

Несколько мелких фрагментов края и стенка с фризовым изображением листьев двойной гирлянды плюща и мирты (рис. 10, *18-20*) принадлежит Cassel-cups (о типе сосудов см.: [Boardman, 1974, p. 62]). Скорее всего, они представляют поздние варианты всего типа (530 - 520 гг. до н.э.), так как в вертикальных язычках под краем уже нет пурпура. Тем не менее, декор этих сосудов стандартен, что позволяет безошибочно атрибутировать даже самые небольшие фрагменты [CVA Deutschland 56, 10, Taf. 37, 1-2; Brijder, 1993, fig. 23]. С этим типом сосудов соотнесен и край чаши с мелкими язычками без разделителей и миртовой ветвью (рис. 10, *11*). Чаши типа Кассель хорошо известны по находкам из ольвийского некрополя [Скуднова, 1988, кат. 160; 182; 245; Russia XV, VII, pl. 40 - 43; CVA Russia XVIII, X, pl. 38. 1 - 3, fig. 60].

Одним из наиболее поздних является и фрагмент края чаши «с глазами» (тип чаши – А) и окончанием виноградной ветви, аналогии которым датируются 510-500 гг. до н.э. [CVA Deutschland 77, 13, Taf. 28, 4; CVA Italia, XLI, I, tav. 16; CVA Russia XVIII, X, pl. 81, 1-2; 82, 2]. К чашам «с глазами» этого же времени, но т.н. безлистной группы может относиться небольшой фрагмент внутреннего медальона с тремя тонкими полосами лака и частью фигуры [Russia XV, VII, pl. 54, 3; 56, 3]. Другие фрагменты чаш, в т.ч. и медальонов с язычками (рис. 10, *12, 16-17*) также не выходят за пределы 520-х гг. до н.э.

Чернолаковая аттическая керамика представлена компактной группой материала. Среди закрытых – ножка псиктера (рис. 11, *3*). Близкая, хотя и не идентичная, форма с Афинской агоры [Sparkes, Talkott, 1970, cat. Nr. 36] датируется 500-480 гг. н.э. В целом, среди находок преобладают открытые формы. Единична ручка-пластина колонного кратера (рис. 11, *2*) [близкую форму второй половины VI в. до н.э. см.: CVA Greece 5, 1, pl. 66, 2]. Обнаружен почти полный профиль небольшой

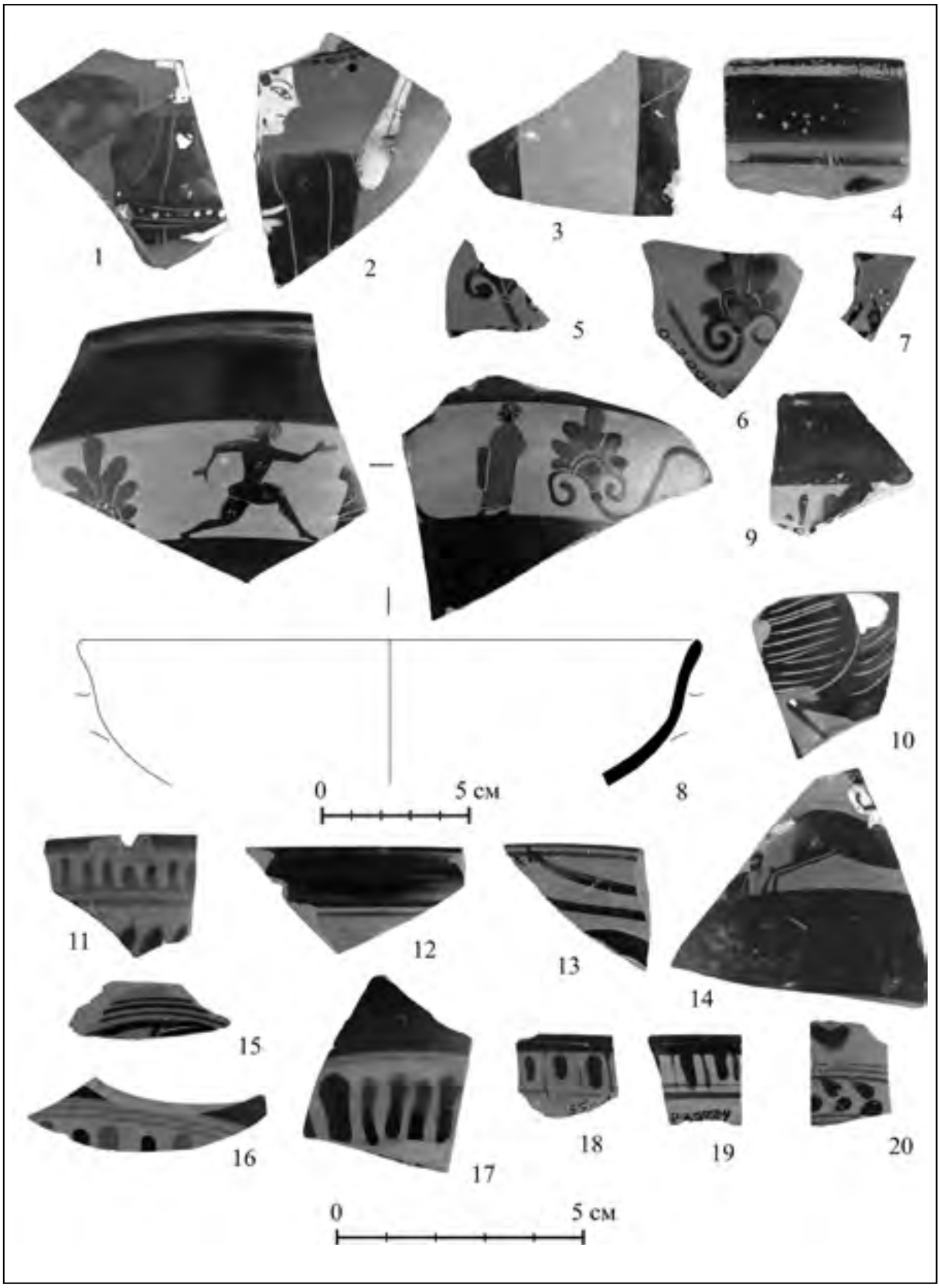


Рис. ***10***. Чернофигурная аттическая керамика: *1*. О-2008/Р-25/94; *2*. О-2008/Р-25/2071; *3*. О-2008/Р-25/2895; *4*. О-2008/Р-25/2069; *5*. О-2008/Р-25/1226; *6*. О-2008/Р-25/260; *7*. О-2008/Р-25/454; *8*. О-2008/Р-25/2067; *9*. О-2008/Р-25/92; *10*. О-2008/Р-25/2718; *11*. О-2008/Р-25/1224; *12*. О-2008/Р-25/2068; *13*. О-2008/Р-25/2713; *14*. О-2008/Р-25/1225; *15*. О-2008/Р-25/2075; *16*. О-2008/Р-25/2716; *17*. О-2008/Р-25/2072; *18*. О-2008/Р-25/259; *19*. О-2008/Р-25/2714; *20*. О-2008/Р-25/2912

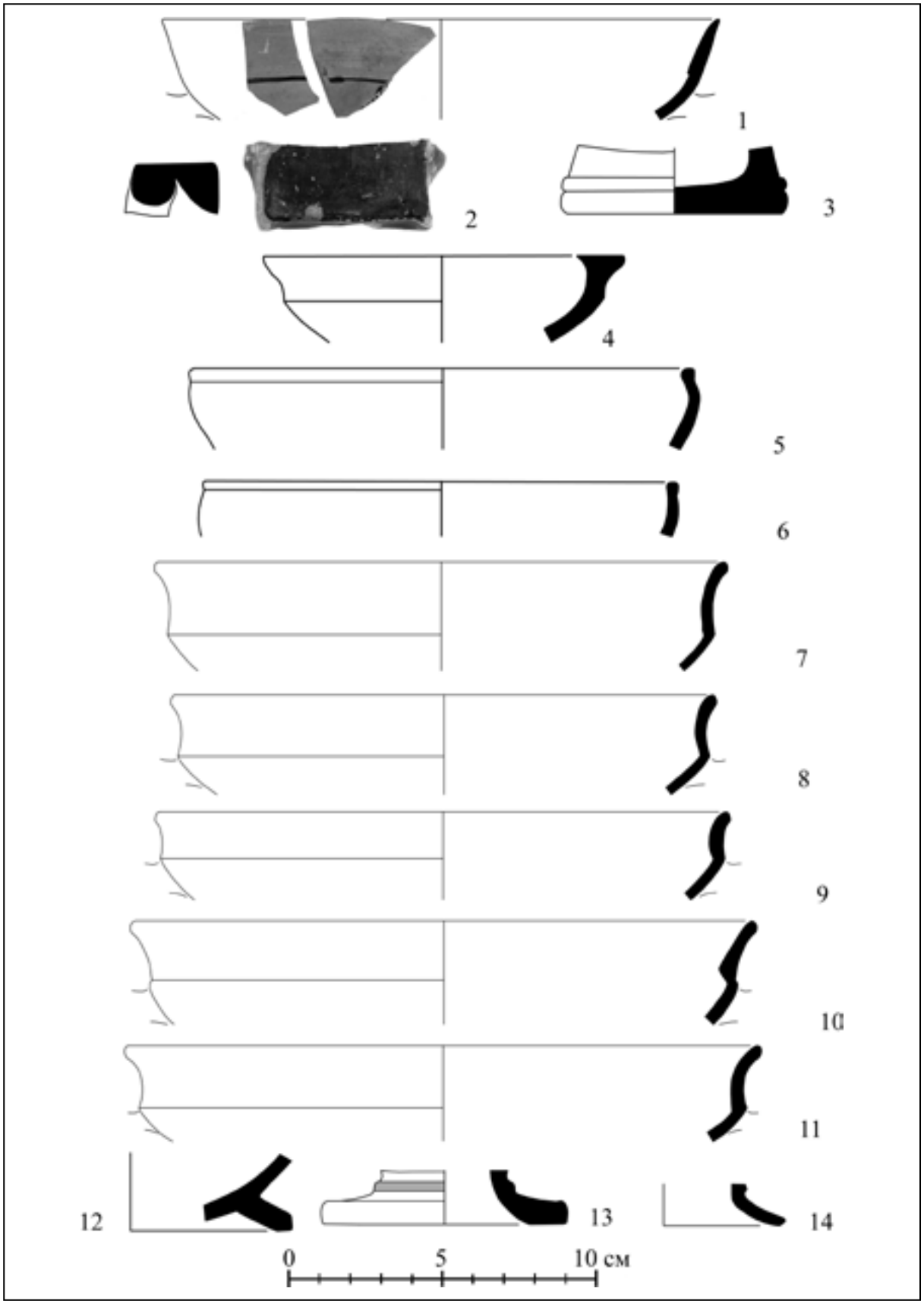


Рис. ***11***. Чернофигурная аттическая керамика: *1*. О-2008/Р-25/1223. Чернолаковая аттическая керамика: *2*. О-2008/Р-25/98; *3*. О-2008/Р-25/2083; *4*. О-2013/Р-25/2079; *5*. О-2008/Р-25/2078; *6*. О-2008/Р-25/2077; *7*. О-2008/Р-25/1227; *8*. О-2008/Р-25/1229; *9*. О-2008/Р-25/2080; *10*. О-2008/Р-25/446; *11*. О-2008/Р-25/2720; *12*. О-2008/Р-25/447; *13*. О-2008/Р-25/449; *14*. О-2008/Р-25/448

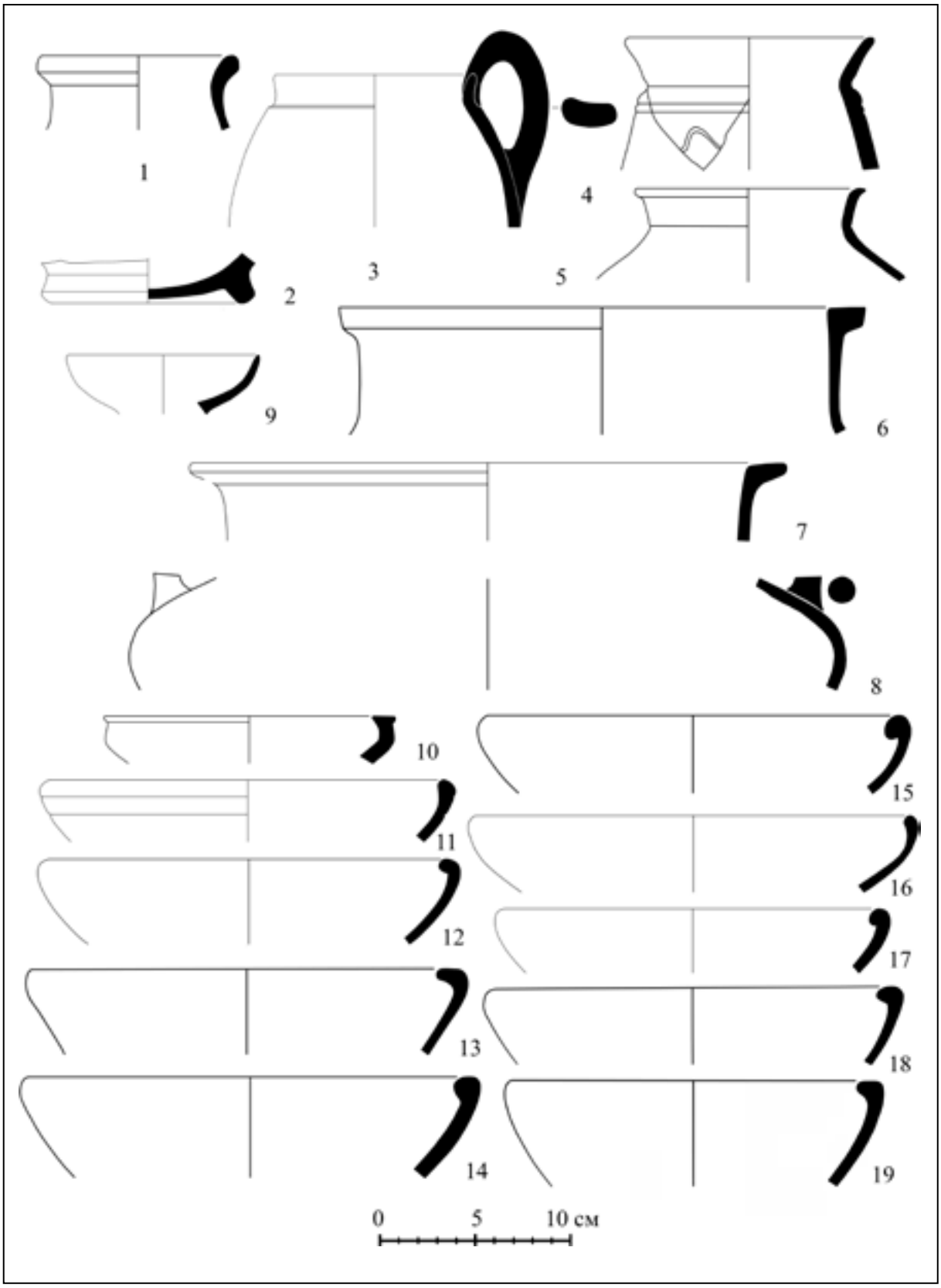


Рис. ***12***. Серолощенная керамика: *1*. О-2008/Р-25/2009; *2*. О-2008/Р-25/1203; *3*. О-2008/Р-25/245; *4*. О-2008/Р-25/2008; *5*. О-2008/Р-25/2010; *6*. О-2008/Р-25/2007; *7*. О-2008/Р-25/2696; *8*. О-2998/Р-25/244; *9*. О-23008/Р-25/2697; *10*. О-2008/Р-25/19; *11*. О-2008/Р-25/1200; *12*. О-2008/Р-25/2699; *13*. О-2008/Р-25/2014; *14*. О-2008/Р-25/2013; *15*. О-2008/Р-25/2012; *16*. О-2008/Р-25/2698; *17*. О-2008/Р-25/1201; *18*. О-2008/Р-25/16; *19*. О-2008/Р-25/2011

чаши (рис. 11, *4*) с горизонтально срезанным краем. Близкие формы с Афинской агоры [Sparkes, Talkott, 1970, cat. Nr. 848 - 849] позволяют отнести его ко времени не позднее рубежа VI-V вв. до н.э. Другие фрагменты профилей (рис. 11, *5-6*), возможно, принадлежали небольшим чашам, в том числе одноручным, синхронным по времени. Большая часть коллекции представлена фрагментами чаш (рис. 11, *7-11*), которые, судя по профилю, относятся к чашам типа С с датами в пределах последней четверти VI в. до н.э. [Sparkes, Talkott, 1970, cat. Nr. 398-401]. Ножки чернолаковых сосудов также датируются в основном рубежом VI-V в. до н.э. Это в частности, фрагмент кольцевого поддона столовой амфоры или крупной ойнохои (рис. 11, *12*) [ср.: Sparkes, Talkott, 1970, cat. Nr. 20], фрагмент дна чаши типа С, 510-500 гг. до н.э. (рис. 11, *13*) [см. подр.: CVA Russia XVIII, X, fig. 148], фрагмент дна, возможно, чаши «с глазами» (рис. 11, *14*) [близкий профиль см.: CVA Deutschland 77, 13, Bl. 20, 2].

Судить о местной столовой посуде в полной мере можно по набору серолощеной керамики (рис. 12). В него входят закрытые и открытые формы – в целом, он типичен для позднеархаических заполнений Ольвии [Лейпунская, 2010, с. 134 сл.]. Это столовые амфоры (рис. 12, *1-2*), кубки, скорее всего, биконической формы (рис. 12, *3-4*), кубок шаровидной формы (рис. 12, *5*). Широко представлены миски, среди которых одна миниатюрная (рис. 12, *9*), одна, возможно, копирует чернолаковую форму (рис. 12, *10*). Остальные миски глубокие, по особенностям профиля загнутого внутрь округлого или овального края, в одной случае, с горизонтальными врезками-каннелюрами по внешней стороне (рис. 12, *11 - 19*) они хорошо известны для рубежа второй половины VI – первой половины V в. до н.э. и являются массовой продукцией местных гончарных мастерских [Krapivina, Lejpunskaja, 2009, p. 68 ff.; ср.: Буйских, 2012, с. 71, рис. 10]. Кроме того, имеются и не столь распространенные формы – кратеры (рис. 12, *5 - 8*), также местного производства. Синхронными с ними являются и красноглиняные сосуды – лощеная миска с врезной каннелюрой по краю (рис. 13, *1*) и крышка небольшой леканы или пиксиды (рис. 13, *2*). Как правило, они синхронны серолощенным [Лейпунская, 2010, с. 134], хотя и уступают им количественно.

Среди кухонной посуды выделяются лишь фрагменты горшков (рис. 13, *3-15*). Как правило, все они на плоском дне (рис. 13, *14*), одноручные, характеризуются отогнутым краем, плавно переходящим в покатые плечи, имели, скорее всего, шаровидную форму, отличались деталями профиля. Среди найденных только один фрагмент принадлежал горшку (кастрюле?) с вертикально поднятым венцом и закраиной под крышку (рис. 13, *15*). Эти и подобные формы, а кроме того, не исключено, что часть венцов могла принадлежать и другим кухонным сосудам типа гидрий или двуручных горшков, имеют близкие аналогии среди найденных на Афинской агоре [Sparkes, 1962, pl. 5, 4, 6-7; 6, 1-3]. Они также полностью соответствуют тем кухонным сосудам, которые уже известны по массовым находкам в синхронных закрытых комплексах Центрального квартала Ольвии [типологию см.: Лейпунская, 2010, с. 128-129, табл. 1, 4-12]. Обращает также внимание минимальное присутствие в заполнении полуземлянки лепных сосудов. Это горшки со слегка отогнутым краем и дуговидной шейкой или короткой шейкой и вертикальным краем, украшенным вдавленным пальцевым или ногтевым орнаментом (рис. 13, *16-18*), все принадлежат типу VIII по Марченко [Марченко, 1976, с. 157 сл.; см. подр.: Гаврилюк, 2007, с. 339 сл., рис. 1]. Все они также известны в раннем керамическом комплексе Ольвии [Лейпунская, 2010, с. 129, табл. 2, 8, 10-12].

На материковом дне котлована полуземлянки было обнаружено большое пятно красно-коричневого цвета, покрытого тонким слоем золы и пепла. Скорее всего, это остатки большого очага открытого типа. На нем in situ лежало раздавленное горло чернолакового лаконского кратера (рис. 14). Такие сосуды уже известны в керамическом комплексе Ольвии [Буйских, 2013, с. 141-142, рис. 72, 1-2] и Борисфена [Ильина, Чистов, 2012, табл. 43, 8], а также Тиритаки [Буйских, 2014, кат. № VII.1-2]. Традиционно они имеют широкую датировку в рамках второй половины VI в. до н.э. [group F: Stibbe, 1989, p. 105 ff.; 1997, Kat. Nr. 17-21; Pelagatti, 1989, cat. Nr. 70-75; Williams, 1993, cat. Nr. C1-18; Dimitriu, 1966, cat. Nr. 750].

В заполнении полуземлянки найдено также несколько светильников. Среди них – привозные формы и те, которые можно определить как принадлежащие местному производству. Импорт представлен фрагментами, скорее всего, двух тонкостенных изделий, с двумя рожками, скошеними плечами и вертикальной втулкой (рис. 15, *1-7*). Датировка таких светильников широка, поскольку они бытовали от конца VI по первую четверть V в. до н.э. включительно (см., напр., боспорские экземпляры: [Журавлев, Быковская, Желтикова, 2007, кат. № 1-16]). Кроме них, обнаружены еще рожок от красноглиняной формы, полностью покрытый лаком (рис. 15, *8*) (ср. керамический комплекс Тиритаки: [Буйских, 2014, рис. 64, 66, 4]). Два фрагмента – серолощенные, местного производства (рис. 15, *9-10*). Интересно их еще небольшое

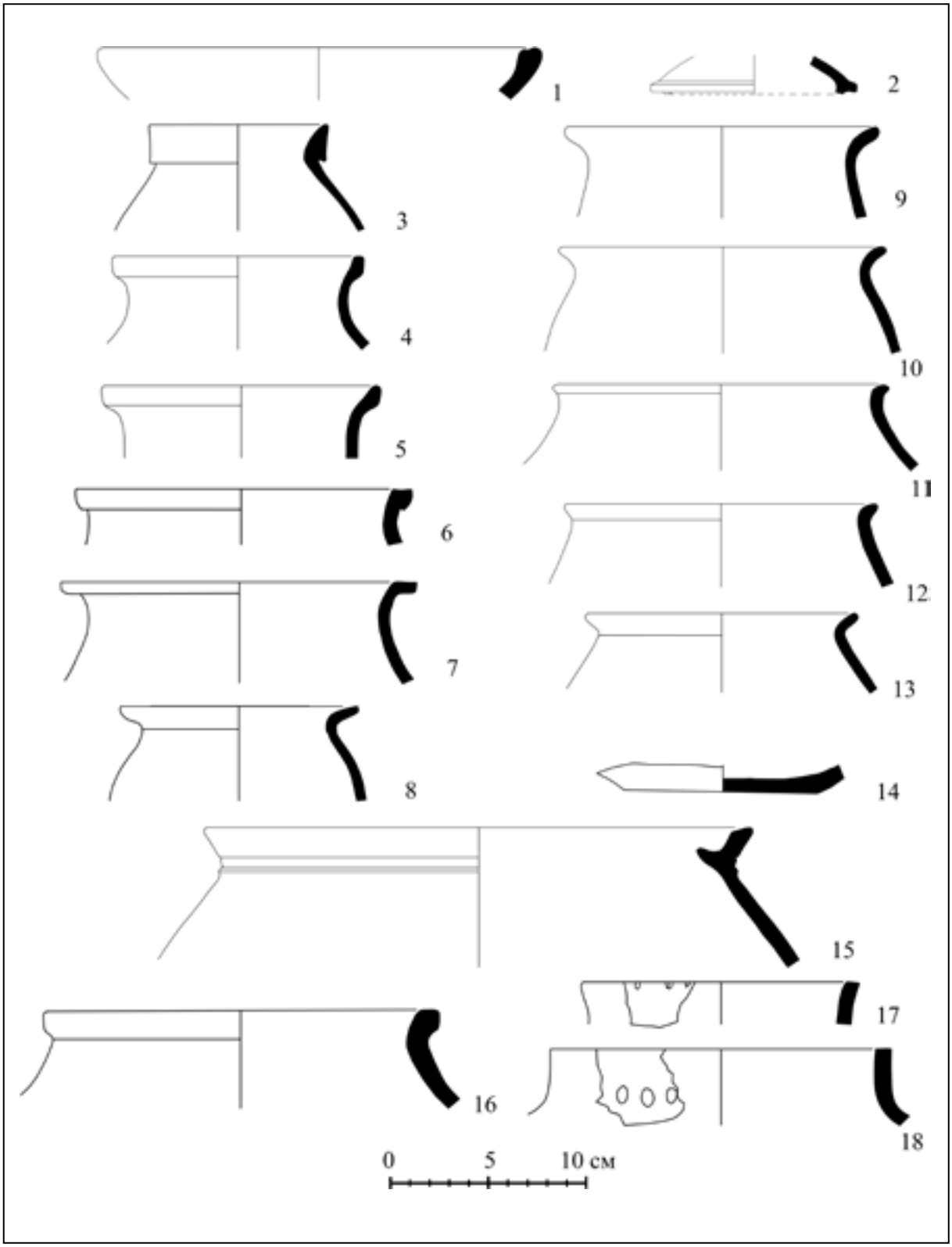


Рис. ***13***. Красноглиняная керамика: *1*. О-2008/Р-25/2701; *2*. О-2008/Р-25/458. Кухонная керамика: *3*. О-2008/Р-25/2024; *4*. О-2008/Р-25/1204; *5*. О-2008/Р-25/1205; *6*. О-2008/Р-25/2021; *7*. О-2008/Р-25/2023; *8*. О-2008/Р-25/2022; *9*. О-2008/Р-25/431; *10*. О-2008/Р-25/247; *11*. О-2008/Р-25/248; *12*. О-2008/Р-25/2695; *13*. О-2008/Р-25/430; *14*. О-2008/Р-25/2026; *15*. О-2008/Р-25/427. Лепная керамика: *16*. О-2008/Р-25/2027; *17*. О-2008/Р-25/2029; *18*.О-2008/Р-25/2028

*Рис. **14**.* Лаконский кратер: О-2008/Р-25/2901.

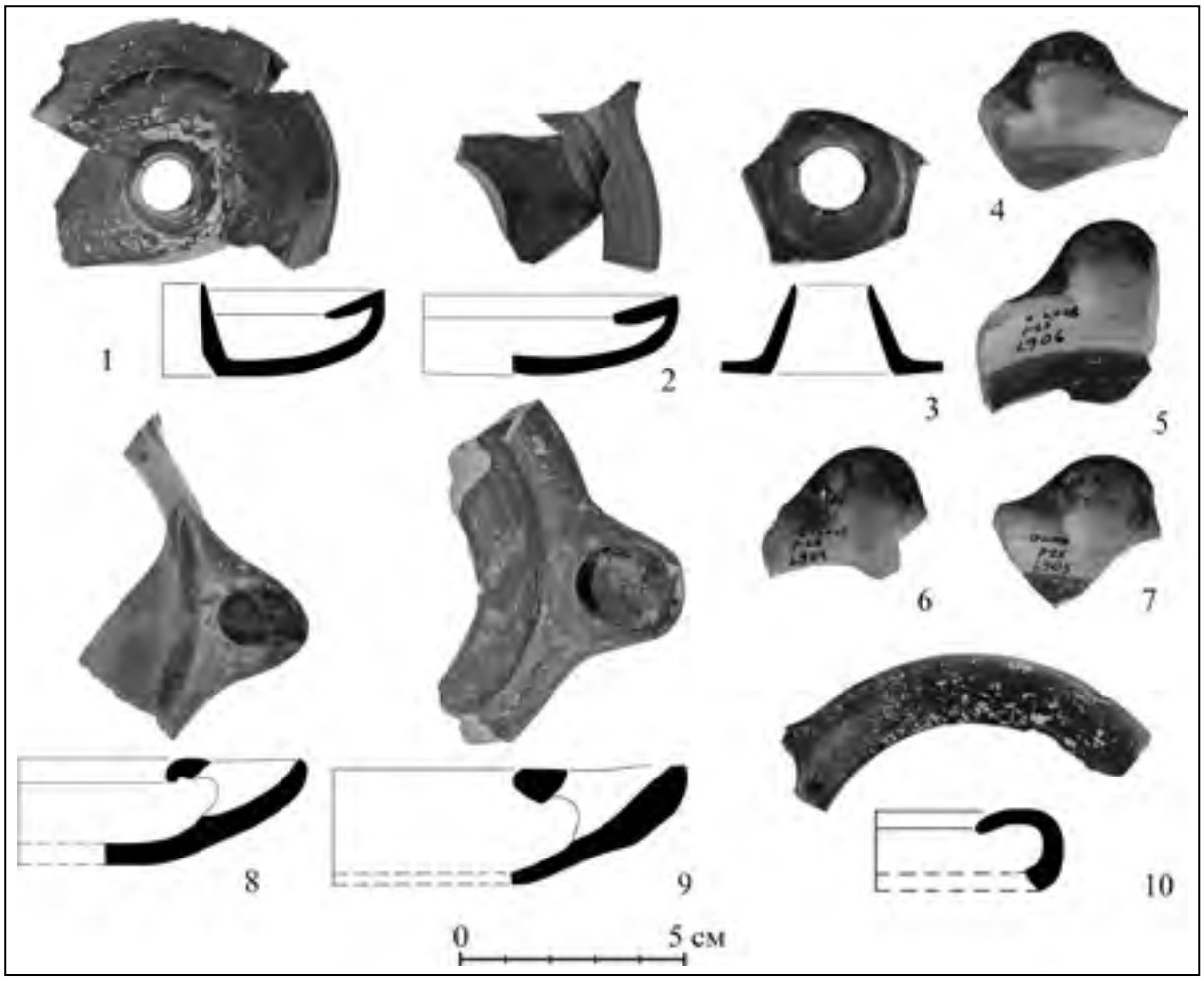


*Рис. **15**.* Светильники: *1.* 2008/Р-25/2726; *2.* О-2008/Р-25/258; *3.* О-2008/Р-25/2904; *4.* О-2008/Р-25/2891; *5.* О-2008/Р-25/2906; *6.* О-2008/Р-25/2907; *7.* О-2008/Р-25/2905; *8.* О-2008/Р-25/122; *9.* О-2008/Р-25/2700; *10.* О-2008/Р-25/2089

количество на фоне массового ионийского импорта. Серолощенные светильники становятся массовым в Ольвии лишь после рубежа VI-V вв. до н.э. [Лейпунская, 2010, с. 138].

Найдено также девять т.н. вотивных кружков и «намоток» - обработанных керамических фрагментов чернофигурных (рис. 16, *2*) и чернолаковых сосудов (рис. 16, *1, 3-6, 9*), а также двух – из стенок серолощенных сосудов (рис. 16, *7-8*). На одном из кружков – нечитаемое двухстороннее граффито, скорее всего, магического содержания. Как правило, такие специфические наборы вотивов характерны для жилых и сакральных комплексов. В нижней части заполнения, практически над материковым дном, была обнаружена каменная (из вулканической породы), зернотерка ладьевидной в плане формы, с приподнятыми краями-уступами (рис. 17). Близкая по форме и синхронная по времени каменная зернотерка (терочник) была обнаружена в слое пожара второго строительного периода фазы II-А (третьей – начала последней четверти VI в. до н.э.) [Ильина, Чистов, 2012а, с. 72, табл. 83, *5*]. Эта вещь также имеет исключительно бытовое назначение.

Завершают описание комплекса находок изделия из металлов, прежде всего из бронзы. Это 12 бронзовых дельфинчиков, два из которых, крупных размеров с выраженными плавниками и хвостами характерны для более раннего времени (рис. 18, *1-12*), пять трехлопастных базисных наконечников стрел (рис. 18, *13-17*) конца VI – первой четверти V в. до н.э. [Полін, 1987, с. 28 сл., рис. 4, 6-7, 9], а также фрагменты сита (?) (рис. 18, *18*). Кроме того, найдено несколько всплесков свинца (рис. 18, *19*), бронзовый шлак.

В целом, материалы, обнаруженные в заполнении полуземлянки № 1586, представляют собой компактный в хронологическом отношении комплекс находок. Несмотря на наличие в нем небольшой доли ранних материалов, очевидно, что большинство фрагментов датируется, начиная от конца 530-х гг. до н.э. Засыпь была осуществлена одновременно, скорее всего, это произошло в течение последнего десятилетия VI в. до н.э. Необходимо отметить, что керамический набор, включающий тару, кухонные и столовые сосуды, а также формы специального назначения, не отличается от тех, которые происходят их синхронных жилых комплексов Ольвии. Однако при этом существенно отличается само сооружение и особенности устройства его интерьера (рис. 1, *1*) – наличие уступов и сту-

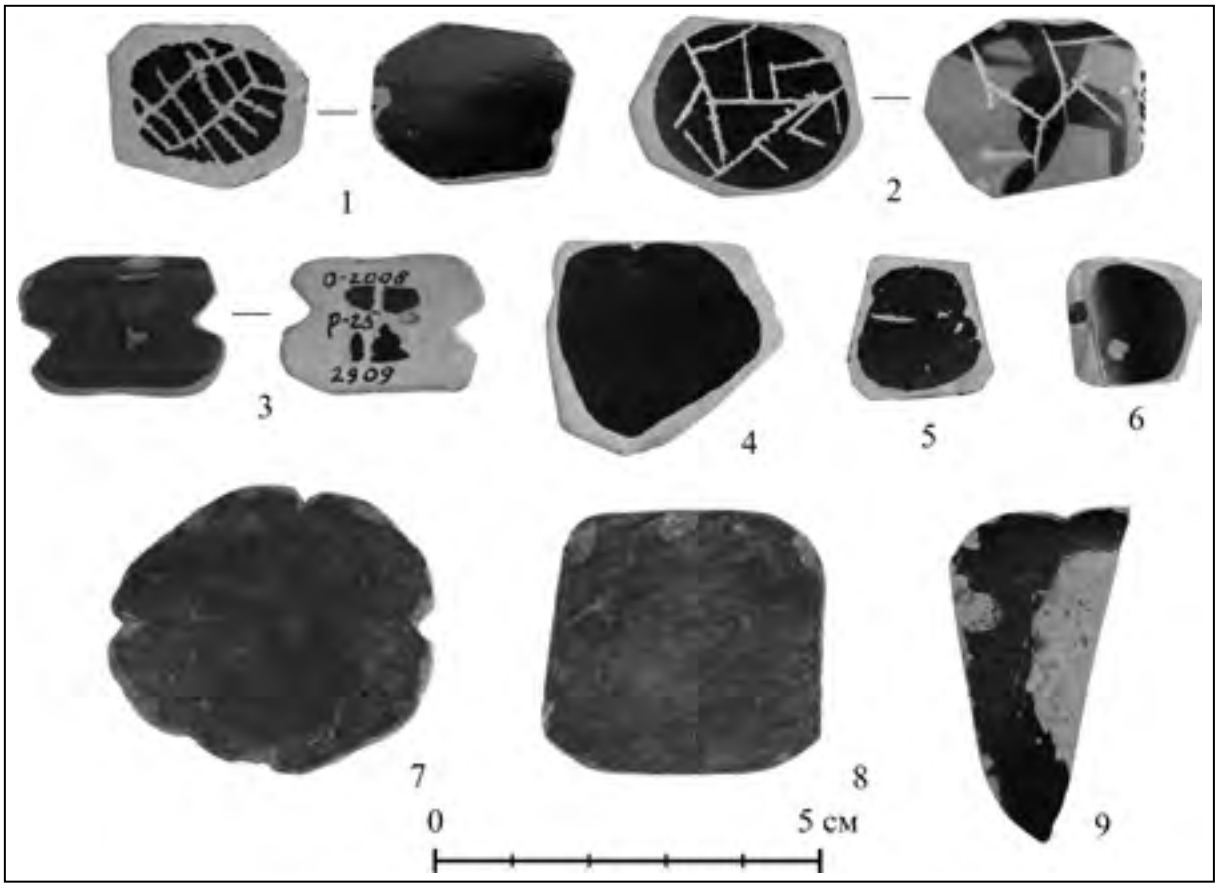


Рис. ***16***. Вотивы: *1*. О-2008/Р-25/265; *2*. О-2008/Р-25/102; *3*. О-2008/Р-25/2909; *4*. О-2008/Р-25/420; *5*. О-2008/Р-25/2723; *6*. О-2008/Р-25/103; *7*. О-2008/Р-25/457; *8*. О-2008/Р-25/2724; *9*. О-2008/Р-25/1234

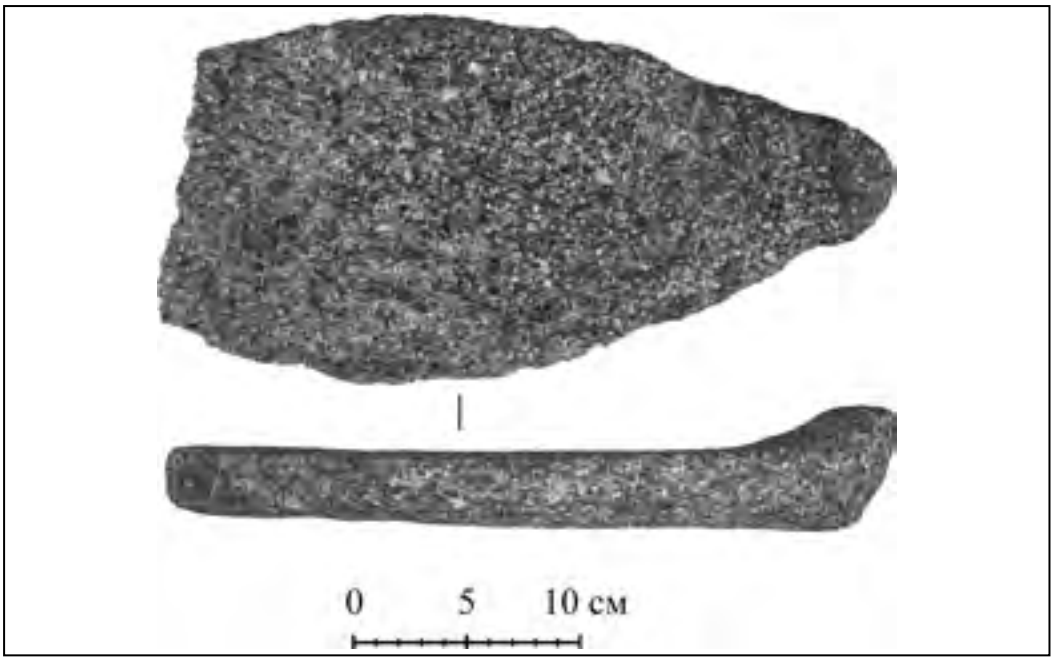


*Рис. **17***. Зернотерка: О-2008/Р-25/2722

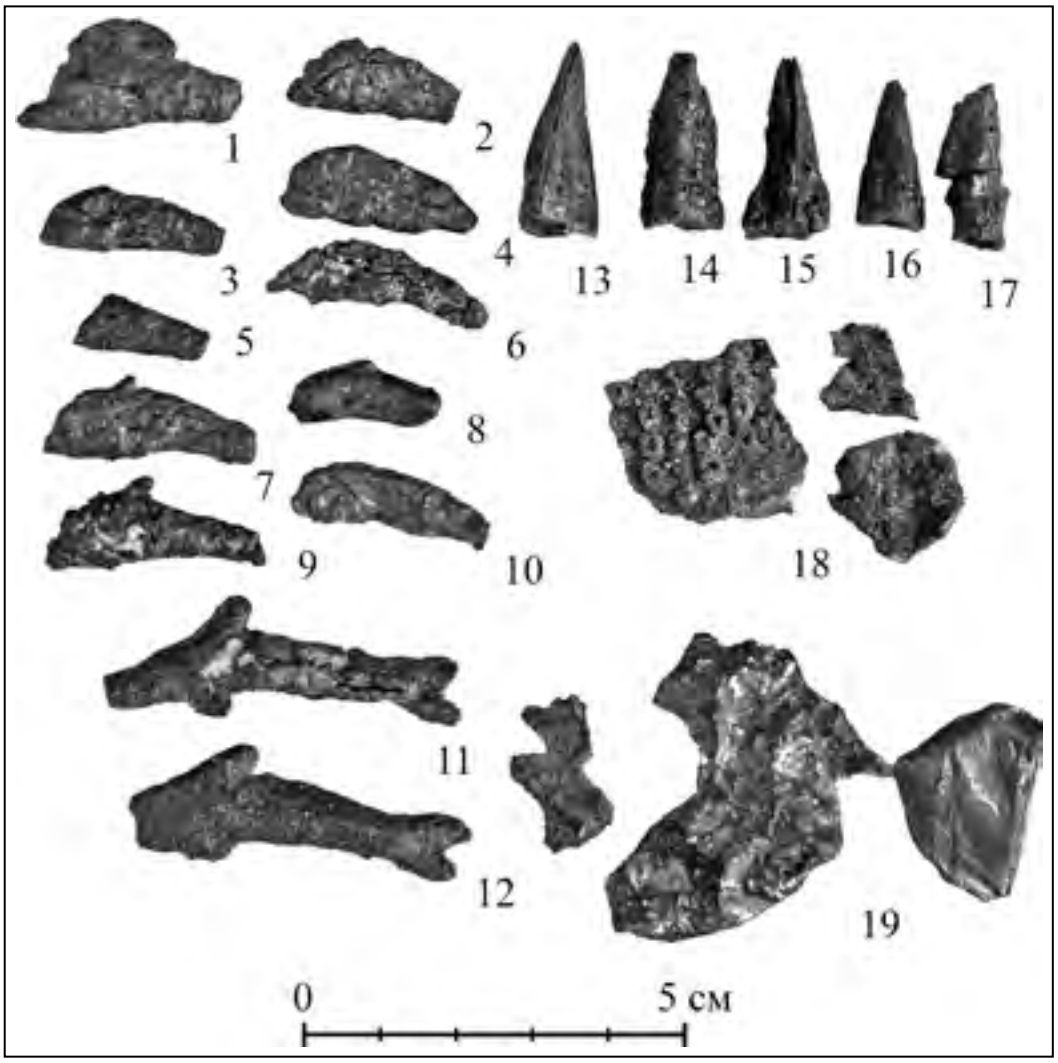


*Рис. **18***. Изделия из бронзы: *1-12*. Дельфинчики; *13-17*. Наконечники стрел; *18*. Фрагменты сита (?); *19*. Свинцовые сплески

пенек, многочисленных мелких углублений и следы от большого очага-кострища на полу являются неоспоримым свидетельством его нежилого назначения. По этим показателям ольвийская полуземлянка № 1586 не отличается от тех, которые раскопаны в Борисфене и интерпретированы их исследователями как ремесленные мастерские [Domanskij, Marčenko, 2003, p. 29 ff.]. Факт находки литейной формы для отливки изделий в зверином стиле (рис. 1, *2*) в поздней яме, которая повредила заполнение полуземлянки, только усилил это предположение (подробнее о форме см.: [Крапивина, Буйских, 2011, с. 204 сл.]). Поэтому открытие в Ольвии бронзолитейной мастерской, существовавшей в последней трети VI в. до н.э., позволяет констатировать не только наличие развитого ремесленного производства в городе, но и о своего рода преемственности в развитии этого ремесла от Борисфена. Кроме того, ассортимент изделий в скифском зверином стиле, известный в настоящее время по значительному количеству находок на территория Ольвийского полиса, в Борисфене и Ольвии [Трейстер, 1998, с. 135 сл.], свидетельствует о стойком спросе на них в течение всего позднеархаического времени.

Буйских А.В. Керамика VI-V вв. до н.э. из раскопок римского претория в Ольвии // Колекції Наукових фондів Інституту археології НАН України. Джерела та дослідження // Археологія і давня історія України. – Вип. 8. – 2012. – С. 61-73.

Буйских А.В. Архаическая расписная керамика из Ольвии (восточногреческая, лаконская, коринфская, имитации). – К., 2013. – 456 с.

Буйских А.В. Приложение. 1. Амфоры и столовая посуда//Зинько В.Н. Тиритаки. Раскоп XXVI. – Т. II. Археологические комплексы VI-V вв. до н.э. // Боспорские исследования. Suppl. XI. – Симферополь-Керчь, 2014. – С. 87-214.

Буйских А.В. Амфоры конца VII – первой половины V в. до н.э. из Борисфена // Колекції Наукових фондів Інституту археології НАН України. Джерела та дослідження // Археологія і давня історія України. – Вип. 1 (12). – 2014а. – С. 88-100.

Буйских А.В., Монахов С.Ю. Керамический комплекс третьей четверти VI в. до н. э. из Ольвии // Норция. – 2009. – Вып. 6. – С. 125-145.

Гаврилюк Н. Проблема співвідношення «грецького» та «варварського» компонентів матеріальної культури (За матеріалами ліпної кераміки поселення на острові Березань) // Записки Наукового товариства імені Шевченка. – Т. CCLIII. – Львів, 2007. – С. 335-351.

Журавлев Д.В., Быковская Н.В., Желтикова А.Л. Светильники VI – первой половины III в. до н.э. // Из собрания Керченского историко-культурного заповедника. – Т. 1. – К., 2007.

Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. – № 83. – 1960.

Ильина Ю.И. Хиосская керамика из раскопок на острове Березань // Борисфен-Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа. – Т. 1. – СПб., 2005. – С. 70-173.

Ильина Ю.И., Чистов Д.Е. Ранний период (конец VII – первая половина VI в. до н.э.). Находки // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. – Т. 2. Исследования на острове Березань в 2005-2009 гг. – СПб., 2012. – С. 20-41.

Ильина И.Ю., Чистов Д.Е. II-А. Античный город на Березани. Находки // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. – Т. 2. – СПб., 2012а. – С. 63-73.

Книпович Т.Н. Некрополь в северо-восточной части ольвийского городища // СА. – 1940. – № 6. – С. 92-106.

Крапивина В.В., Буйских А.В. Новый производственный комплекс позднеархаического времени из Ольвии // Боспорские чтения. XII. – Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. – Керчь, 2011. – С. 204-210.

Леви Е.И. Материалы ольвийского теменоса (общая характеристика) // В.Ф. Гайдукевич (ред.). Ольвия. Теменос и агора. – М.-Л., 1964. – С. 131-174.

Лейпунская Н.А. Опыт классификации керамики из архаических комплексов (по материалам Центрального квартала Ольвии) // БИ. – 2010. – Вып. XXIV. – С. 123-151.

Марченко К.К. Лепная керамика Березани и Ольвии второй половины VII-VI вв. до н.э. (по материалам раскопок 1953-1970 гг.) // ХКААМ. – М., 1976. – С. 157-165.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. – М.-Саратов, 2003.

Полін С.В. Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. – Вип. 59. – 1987. – С. 17-36.

Рубан В.В. О хронологии раннеантичных поселений Бугского лимана (по материалам хиосских амфор) // Телегин Д.Я. (ред.). Материалы по хронологии археологических памятников Украины. – К., 1982. – С. 96-113.

Скуднова В.М. Архаический некрополь Ольвии. – Л., 1988.

Трейстер М.Ю. Ионийские ремесленники – скифам // ВДИ. – 1998, – № 2. – С. 130-141.

Bîrzescu Iu. Die archaischen und frühklassischen Transportamphoren // Histria XV. – Bucureşti, 2012.

Boardman J. Athenian Black Figure Vases. – London, 1974.

Brijder H.A.G. Simly Derocated, Black Siana Cups by the Taras Painter and Cassel Cups // BABESCH. – 1993. – No 68. – P. 129-145.

Dimitriu S. Cartierul de locuinţe din zona de vest a cetăţii, în epoca archaică. Săpături 1955-1960 // Histria II. – Bucureşti, 1966.

Domanskij Ja.V., Marčenko K.K. Towards Determination the Chef Function of the Settlement of Borysthenes // Guldager Bilde P. (ed.). The Cauldron of Ariantas. – Aarchus, 2003. – P. 29-35.

Kerschner M. Zum Beginn und den Phasen der griechischen Kolonisation am Schwarzen Meer. Die Evidenz der ostgiechischen Keramik // Eurasia Antiqua. – 2006. – Bd. 12. – S. 227-250.

Krapivina V., Lejpunska N. Grey Table Ware from Late-Archaic – Early-Classical Complexes of the Cen-

tral Quarter of Olbia Pontica // Pontic Grey Wares. International Conference Bucarest-Constantza // Ponrica XLII. Suppl. I. – 2009. – P. 67-76.

Pelagatti P. Ceramica laconica in Sicilia e a Lipari. Materiali per una carta di distribuzione // Bolletino d'Arte. – 54. – 1989. – P. 1-62.

Sezgin Yu. Arkaik dönem Ionia üretimi ticari amphoralar. – Istanbul, 2012.

Sparkes B. A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C. // The Athenian Agora. – Vol. XII. – Princeton, 1970.

Sparkes B.A. The Greek Kitchen // JHS. – 1962. – Vol. LXXXII. – P. 121-137.

Stibbe C. M. Laconian Mixing Bowls. A History of the *Krater Lakonikos* from the Seventh to the Fifth Century B.C. Laconian Black-glazed Pottery. – P. 1. – Amsterdam, 1989.

Stibbe C. M. Lakonische Keramik aus dem Heraion von Samos // AM. – 1997. – Bd. 112. – S. 25-142.

Williams D. Aegina, Aphaia-Tempel. XVII. The Laconian Pottery // AA. – 1993. – P. 571-596.

А.В. Буйських

ПРО ДАТУВАННЯ БРОНЗОЛИВАРНОЇ МАЙСТЕРНІ В ПІВДЕННІЙ ЧАСТИНІ ОЛЬВІЇ

Стаття присвячена залученню до наукового обігу повного комплексу знахідок з напівземлянки № 1586, відкритої в південній частині Ольвії та інтерпретованій як бронзоливарна майстерня. Підставою для такої атрибуції слугували конструктивні особливості споруди, сліди великого вогнища на долівці, бронзові шлаки серед матеріалів заповнення та ливарна форма для відливок прикрас у скіфському звіриному стилі, знайдена у пізній ямі, що прорізала напівземлянку. Детальне вивчення тарних амфор з островів Лесбоса та Хіоса, а також Клазомен та північноегейських центрів, кухонного, та найпильніше, довізного столового посуду – східногрецького, коринфського та аттичного, керамічних виробів спеціального призначення, дозволило встановити час функціонування та засипу споруди. Вона виникла не пізніше 530-х рр. до н.е., припинила існування в останнє десятиліття VI ст. до н.е. Відмічено, що склад керамічних та інших виробів з засипу майстерні в цілому не відрізняється від заповнень синхронних житлових споруд. Наявність бронзоливарної майстерні в Ольвії паралельно з тими, які вже відомі в Борисфені, свідчить про популярність виробів у скіфському звіриному стилі, які вироблялися в обох центрах Ольвійського полісу протягом всього VI ст. до н.е.

Ключові слова: Ольвія, бронзоливарна майстерня, кераміка, пізньоархаїчний час.

A.V. Bujskikh

ON THE DATING OF BRONZE CASTING WORKSHOP IN THE SOUTHERN PART OF OLBIA

This article is devoted to publication of the full range of finds of semi-dugout № 1586, discovered in the southern part of Olbia and interpreted as a bronze casting workshop. The reason for such attribution became structural features of buildings, traces of large fire on the floor, bronze slags of filling material and form for casting of jewelry in the Scythian animal style, found in a late pit that cut through semi-dugout. A detailed study of tare amphorae from the islands of Lesbos and Chios, and Klazomena and Nothern Black Sea centers, kitchen ware, and very close, n aimported tableware - East Greek, Corinthian and Attic, pottery for special purposes, allowed us to establish a functioning and backfill of facility. It came no later than 530's BC, and stopped an existence in the last decade of VI cent. BC. It is noted that the composition of ceramic and other products from backfill of workshop at whole does not differ from fillings of synchronous residential buildings. The presence of bronze casting workshop in Olbia along to those that already are known at Borysthenes indicates the popularity of products in the Scythian animal style, which evolved at both centers of Olbia polis throughout the VI cent. BC.

Keywords: Olbio, bronze casting workshop, ceramic.

Одержано 4.01.2014

УДК 904.23 (477.73) «652»

О.О. Пукліна

СКЛЯНІ МОДІОЛУСИ З ОЛЬВІЇ

Стаття присвячена скляним посудинам — модіолусам, їх хронології та використанню. До наукового обігу вводяться знахідки з досліджень Ольвії. Розглянуто питання використання, виготовлення та імпорту цієї форми скляного посуду до Ольвійського полісу в римську добу.

Ключові слова: Ольвія, скляний посуд, модіолус, римський час.

Кожного року тисячі артефактів поповнюють колекцію матеріальної культури Ольвії. Серед численних матеріалів перших століть нової ери особливе місце займають вироби зі скла. Різноманітність форм та особливості зберігання (фрагментарність та іризація) вносять свою специфіку в дослідження даної групи матеріалу. На жаль, не завжди знахідки фрагментів скляного посуду ідентифікуються з тією чи іншою формою. Серед них вирізняється цілий ряд посудин (або їх фрагментів) значного розміру та об'єму. Поміж них особливе місто займають модіолуси — посудини у вигляді кухлів з однією ручкою, відігнутими чи профільованими вінцями та конусоподібним або циліндричним тулубом на кільцевому піддоні. Всі вони виготовлені в техніці вільного видування. Назва «модіолус» походить від латинського «modius» — римська міра сипких продуктів або кошик, який слугував мірою для зерна. Проте, різноманітність форм та значна різниця в місткості унеможливлює використання цих посудин в якості мірних [Auth, 1976; p. 98; Haevernick, 1978, s. 328].

Ця форма скляного посуду, що наслідує глиняні та срібні посудини, була широко розповсюджена від Північної Африки до Британії, від Іспанії до Причорномор'я. Т. Хавернік нарахувала на цих територіях 105 модіолусів [Haevernick, 1978, s. 328-330]. В Північному Причорномор'ї вони відомі з розкопок Пантікапею [Сорокина, 1962, с. 218; рис. 6, *1, 2*], Кеп [Сорокина, 1977, с. 131—133; рис. 4, *1, 2*; Кунина, Сорокина, 1972; рис. 8, *2*; рис. 10, *21*] та Фанагорії [Медведев, 2013, с. 41]. Потрібно відзначити, що дана форма скляного посуду поки що не відома в Херсонесі [Сорокина, 1977, с. 132], Тірі [Сон, 1978, с. 47-56], Горгіпії [Алексеева, Сорокина, 2007]. Однак найбільша кількість модіолусів походить з Ольвії, де нараховується більше десятка таких посудин[1].

Один з найефектніших модіолусів знайдено в одному з поховань ольвійського некрополя в 1965 р. [Археологія Української РСР, 1971, вкладка між с. 352—353]. Він ілюструє історію Ольвійської держави в Археологічному музеї ІА НАНУ в Києві (рис.1, *1*). Це посудина з високими виступаючими профільованими вінцями із заокругленими краями та конічним тулубом на низькому кільцевому піддоні. Петлеподібна ручка розташована у верхній частині тулуба під вінцями. Більша частина дна не збереглася. Скло прозоре, синього кольору з плямами глухого білого та жовтого скла. Декілька модіолусів, виготовлених в техніці «строкатої поверхні» походять з Пантікапею. Один з них, виготовлений з прозорого кобальтово-синього скла з плямами

1. Автор висловлює щиру подяку за надану допомогу зберігачам античних колекцій: Л.І. Іванченко (Археологічний музей ІА НАНУ, Київ, Україна); Д.В. Журавльову (Державний історичний музей, Москва, Росія); Ю.І. Ільїній (Державний Ермітаж, Санкт-Петербург, Росія); Т.М. Шевченко (фонди Національного заповідника «Ольвія», с. Парутине, Україна)

© О.О. ПУКЛІНА, 2015

Рис. 1. Модіолуси: *1*. АМ 1161/5333; *2*. ДІМ (опис Б 15); *3*. О-2011/Некр/101; *4*. ДЕ (Ол.1902.47)

глухого білого та жовтого скла знаходиться в колекції Ермітажу. Він був знайдений у 1883 р. в похованні 6 некрополя Пантікапею [ОАК, 1891, с. XXV, XXVI; Haevernick, 1978; Nr. 91; Кунина, 1984, с. 147—148; табл. 1, *2*]. Ще один кухоль зі столиці Боспорського царства зберігається в Луврі [Kern, 1956, taf. 223; Haevernick, 1978, Nr. 90]. Техніка «строкатої поверхні» була детально досліджена Фр. Фремерсдорфом [Fremersdorf, 1938]. Посудини, виготовлені в цій техніці, були широко розповсюджені в I ст. н.е. Н.З. Куніна вважала, що модіолуси з поліхромного скла виготовлялися в майстернях Північної Італії та надходили до Північного Причорномор'я із західної частини Римської імперії [Кунина, 1984, с. 149-151].

Схожі за формою тулуба кухлі виготовлялися й із прозорого скла. Фрагментований модіолус з Ольвії зі збірки Кулаковського з високими виступаючими вінцями, петлеподібною ребристою ручкою, конічними стінками та увігнутим дном на кільцевому піддоні з прозорого блакитного скла зберігається у в фондах Державного Історичного музею в Москві (рис.1, *2*). Подібні посудини відомі з розкопок Пантікапею [Сорокина, 1962, с. 218; рис. 6, *1, 2*]. Схожий модіолус зберігається в колекції музею Ньюарка [Auth, 1976; p. 98].

Два цілих і один фрагментований модіолус з Ольвії, що перебувають в колекції Державного Ермітажу, датовані Н.З. Куніною I ст. н.е. [Кунина, 1984, с. 148*;* Кунина, 1997, с. 292; кат. 186]. Найбільший з ольвійських модіолусів виготовлений з прозорого скла. Він має конічний тулуб на кільцевому піддоні, валикоподібні вінця та широку петлеподібну ручку. Дно з високим конусоподібним заглибленням (рис. 2, *3*). Цю посудину було придбано у місцевих мешканців у 1909 р. [ИАК, 1906, с. 125; рис. 65]. Аналогічний кухоль з конічним тулубом та високим конусоподібним заглибленням на дні відомий знайдений у поховання 2 склепу 354 некрополя Кеп [Сорокина, 1977, с. 132; рис. 4, *2*]. Ще один схожий кухоль прикрашає колекцію Лувра [Dulong V.-A., Nenna M.-D., 2005; p. 197]. Верхня частина модіолуса з валикоподібними вінцями та конічним ту-

лубом знайдена на Афінській Агорі [Weinberg, Stern, 2009, p. 55; Pl. 11, *113*].

Інший ольвійський кухоль з прозорого з оливковим відтінком скла має відігнуті вінця з заокругленими краями, майже циліндричний тулуб, ребристу петлеподібну ручку та увігнуте дно на кільцевому піддоні (рис. 1, *4*). Його знайдено в могилі 47 ольвійського некрополя з розкопок Б.В. Фармаковського в 1902 р. [ОАК, 1913, с. 101; рис. 141, 142]. Подібний модіолус з прозорого зеленкуватого скла зберігається в Одеському археологічному музеї [Сорокина, 1978, с. 269; рис. 1, *15*; Одесский археологический музей АН УРСР, 1983, с. 62, 174; кат. 108; Poliszczuk, 2006, s. 350; kat. 24].

Третій ольвійський модіолус з колекції Ермітажу знаходиться у фрагментарному стані. Збереглися профільовані вінця з відігнутими валикоподібними краями, велика широка пласка петлеподібна ручка та увігнуте конусом дно зі слідами понтії (рис.2, *1*). Як ольвійський значиться цілий модіолус з прозорого скла з колекції Фогеля в Римсько-Германському Центральному музеї м. Майнц [Haevernick, 1978, Nr. 43].

Фрагменти модіолуса знайдені в дромосі пограбованого в давнину склепу 4 ольвійського некрополя в 2010 році. Збереглися профільовані вінця з валикоподібними краями, прямі стінки та увігнуте дно на кільцевому піддоні (рис. 1, *3*). Скло прозоре з блакитним відтінком. Супутній матеріал з цього комплексу датується першими століттями нової ери. Ще один фрагментований кухоль було знайдено в 2007 році в заповненні дромосу та камери склепу 1, також пограбованого в давнину. Він має відігнуті вінця з заокругленими краями, валикоподібне ребро та денце на масивному кільцевому піддоні (рис. 2, *2*). Аналогічний модіолус з циліндричним тулубом зберігається в Королівському музеї Онтаріо в Торонто [Hayes, 1975, p. 67, 172; fig. 7, *203*].

З розкопок міських шарів (ділянки Р-25 та Т-3) походять фрагменти модіолусів з прозорого скла. Їх вінця різняться за формою та технікою оздоблення (рис. 3, *1—5*). На деяких фрагментах посудин під вінцями ребро, сформоване із загнутого продовження стінок. Подібне оформлення вінець мають модіолуси зі склепу 354, поховання 1 некрополя Кеп [Сорокина, 1977, с. 132; рис. 4, *1*], склепу зі східного некрополя Фанагорії [Медведев, 2013; рис. 4, *2*] та модіолуса з Університетського музею в Пенсільванії [Fleming, 1996, p. 17; fig. 8]. Кільцевий піддон ольвійських посудин також виготовлений схожим технологічним прийомом — стінка в придонній частині загнута в петлю, утворюючи піддон, а далі переходить в денце (рис. 3, *6—9*).

К. Айсінгс виділила відомі їй модіолуси у форму 37 (кубки з однією ручкою), визначивши їх дату в межах I ст. н.е. [Isings, 1957, p. 52]. Такого ж датування дотримується Т. Хавернік [Haevernick, 1978, S. 328]. О. Доппельфельд, А. фон Салдерн, С.Флемінг теж відносять відомі їм скляні кухлі до I ст. [Doppelfeld, 1966; Taf. 32; Saldern, 1980; cat. 115; Fleming, 1996, p. 17; fig. 8]. Знайдені на Афінській Агорі два фрагменти подібних посудин також датуються цим часом [Weinberg, Stern, 2009, p. 55—56; fig. 7; Pl. 11, *113, 114*]. Два модіолуса зі склепу 354 некрополя Кеп (кістяк 1 і кістяк 2) супроводжувалися бальзамаріями типів I, 2, Г та II, 2 другої половини I ст. [Сорокина, 1977, с. 131—133, рис. 4, *1, 2*; Кунина, Сорокина, 1972, рис. 8, *2*; рис.10, *21*]. З цього ж некрополя походить дно модіолуса, яке, за зауваженням Н.П. Сорокіної, відноситься до першої половини I ст. н.е. та вважається найранішим зразком таких посудин в Північному Причорномор'ї [Кунина, Сорокина, 1972; рис. 10, *22*; Сорокина, 1977, с. 133]. Таким чином, досить вузьке датування цієї групи скляних посудин в межах I ст. н.е. робить їх надійним хронологічним індикатором для пам'яток римської доби.

Про широке застосування модіолусів у Північному Причорномор'ї свідчать їх зображення на пантікапейских надгробках I ст. н.е. [Сорокина, 1962, с. 221]. Це засвідчує і фактичний матеріал. Підтверджується теза Ю.І. Козуб про загальне використання скляного посуду в побуті ольвіополітів саме вже в I столітті нової ери.

Скоріш за все, модіолуси, як посудини зі значними об'ємами, використовувалися для зберігання та подачі напоїв на стіл. Форма вінець припускає зручний розлив у келихи та кубки. Хоча і не відкидається можливість застосування деяких модеолусів в якості посудин для пиття. В похованнях ольвійського некрополя модіолуси потрапляли рідше, ніж інші форми скляного посуду. Їх поява в якості поховального інвентарю в західних провінціях Римської імперії пов'язана з культом Сарапіса [Stern, 2001, p. 48].

Оскільки модіолуси з розкопок Ольвії різняться за конфігурацією тулуба, розмірами ручок та оформленням вінець, це дозволяє припустити їх виробництво в різних склоробних центрах Імперії. За морфологією та характером скла вони аналогічні посудинам з Італії, західноримських провінцій і західнопонтійських міст, хоча I. Керн не заперечував можливості виготовлення таких кухлів і в Північному Причорномор'ї [Kern, 1963, S. 405]. Проте, на сьогодні, поки що не має достатніх підстав робити припущення про місцеве виробництво модіолусів.

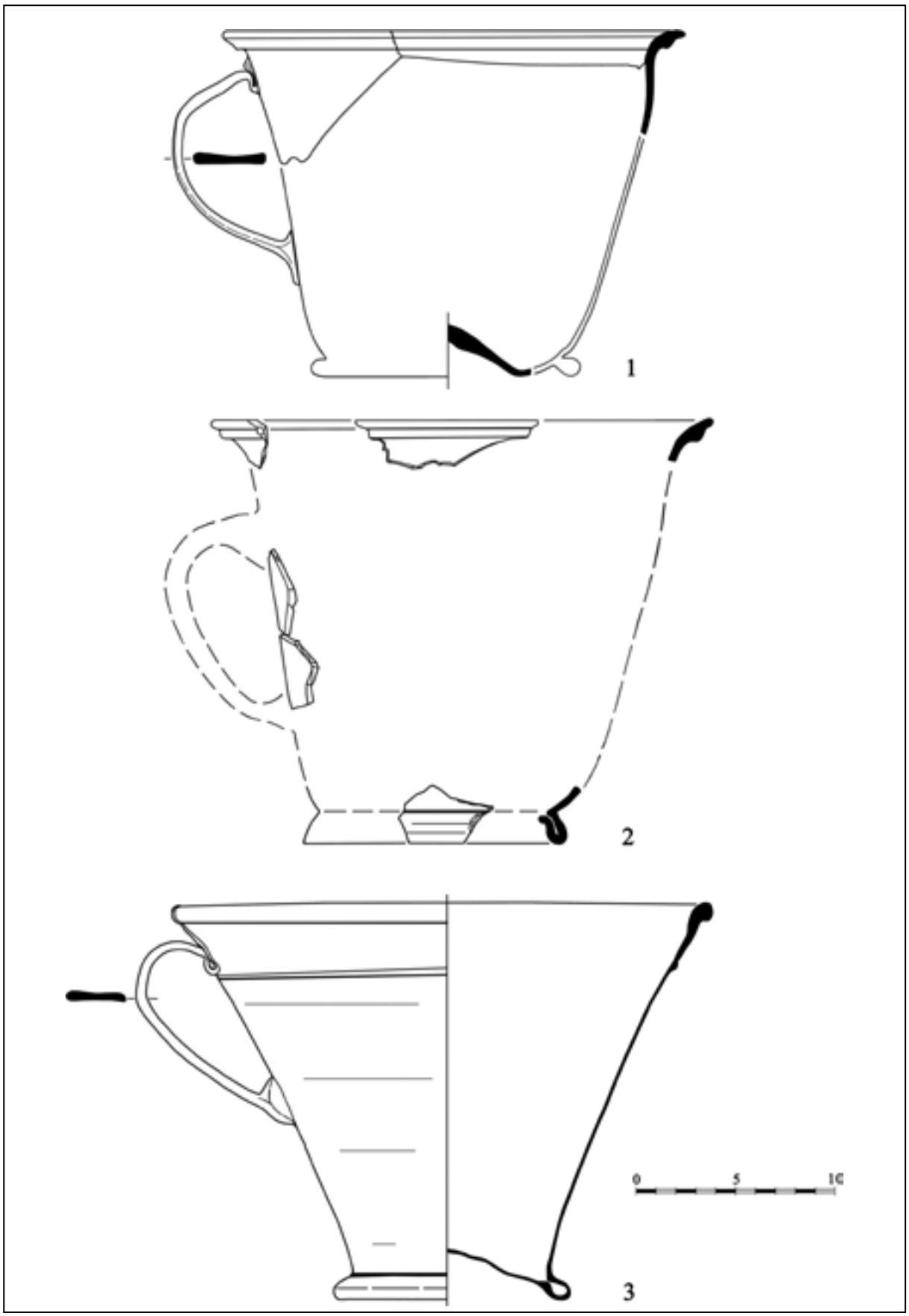


Рис. 2. Модіолуси: *1*. ДЕ (Ол.1903.89-90); *2*. О-2007/Некр/104; *3*. ДЕ (Ол.1901)

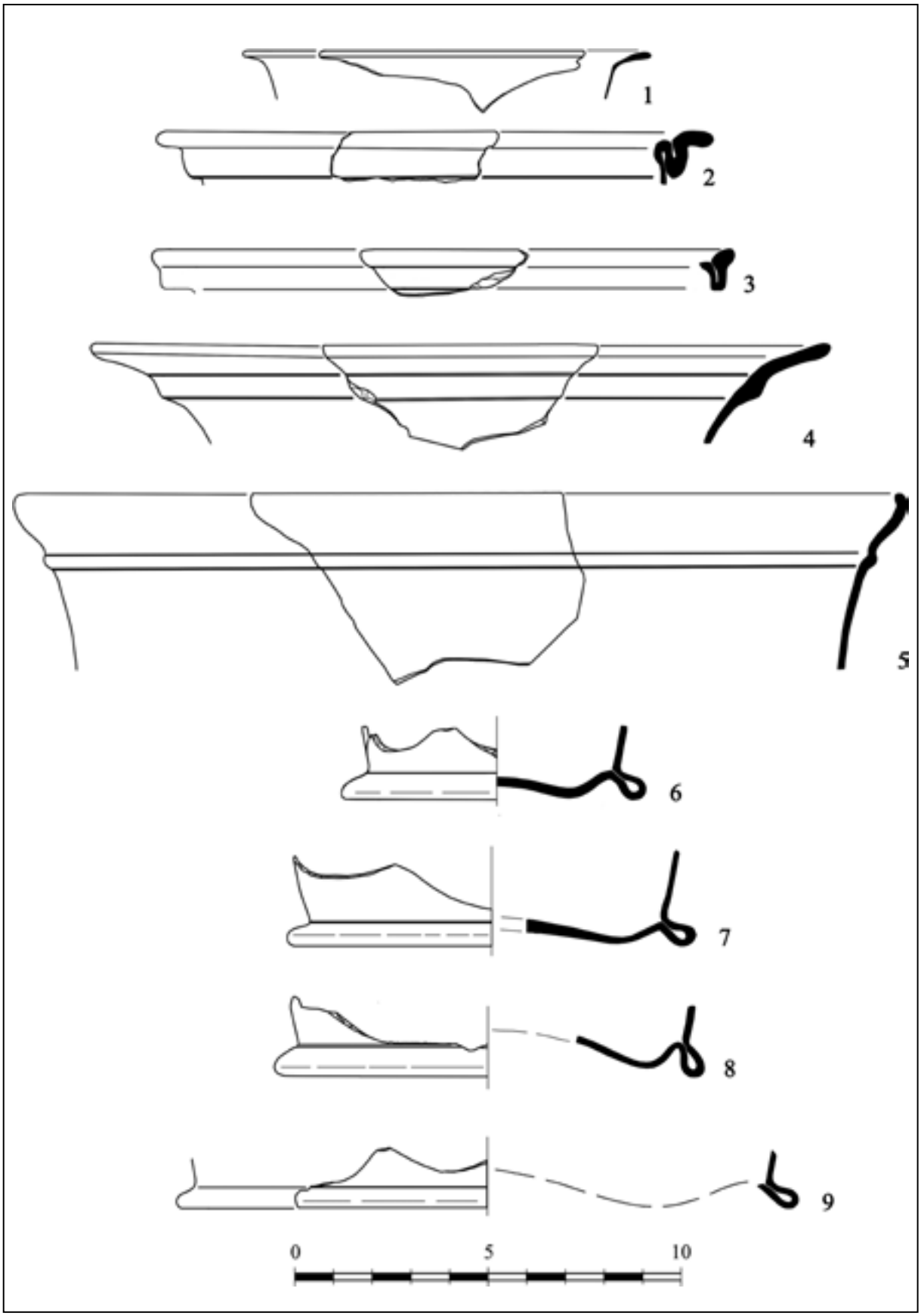


Рис. 3. Модіолуси: *1.* О-2009/Р-25/2900; *2.* О-93/Т-3/583; *3.* О-2009/Р-25/240; *4.* О-2002/Р-25/79; *5.* О-2004/Р-25/3043; *6.* О-2009/Р-25/2490; *7.* О-2004/Р-25/1942; *8.* О-2010/Р-25/844; *9.* О-2009/Р-25/2901

Алексеева Е.М., Сорокина Н.П. Коллекция стекла античной Горгиппии. — Москва, 2007. — 159 с.

Археологія Української РСР. — Т. II. — К., 1971. — 502 с.

Известия Императорской Археологической комиссии. Спб., 1906. — Вып. 13. — 306 с.

Кунина Н.П. К вопросу о западном импорте стекла на Боспор (по материалам некрополя Пантикапея из собрания Отдела античного мира Эрмитажа) // ТГЭ. — 1984. — Вып. XXIV — С. 147—164.

Кунина Н.П. Античное стекло в собрании Эрмитажа. — СПб., 1997. — 359 с.

Кунина Н.П, Сорокина Н.П. Стеклянные бальзамарии Боспора // ТГЭ. — 1972. — Вып. XII. — С. 146—177.

Медведев А.П. Склеп с антропоморфным изваянием из восточного некрополя Фанагории // Варварский мир северопонтийских земель в сарматскую эпоху (Сборник статей к 60-летию А.Н. Дзиговского). — К., 2013 — С. 39—49.

Одесский археологический музей АН УРСР. — К., 1983. —194 с.

Отчет Императорской Археологической Комиссии. — СПб., 1891. — 463 с.

Отчет Императорской Археологической Комиссии. — СПб., 1913. — 289 с.

Сон Н.А. Стеклянные сосуды из Тиры // Археологія. — 1988. — № 63. — С. 47—56.

Сорокина Н.П. Стекло из раскопок Пантикапея в 1945 — 1959 гг. // МИА. — 1962. — Вып. 103. — С. 210—236.

Сорокина Н.П. Античные стеклянные сосуды из раскопок некрополя боспорского города Кепы на Таманском полуострове // АМА. — 1977. — Вып. 3. — С.115—143.

Сорокина Н.П. Античное стекло в собрании Одесского археологического музея // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. — К., 1978. — С. 267—274.

Auth S. Ancient Glass at the Newark Museum from the Eugene Schaefer Collection of Antiquities. — Newark, 1976. — p. 98.

Doppelfeld O. Römisches und Fränkisches Glas in Köln. — Köln, 1966. — 80 S.

Dulong V.-A., Nenna M.-D. Les verres Antiques du muse du Louvre II. — Paris, 2005. — 679 p.

Fleming S. Early Roman Glass at the University of Pennsylvania museum//Expedition. — 1996. — Vol. 38. — No 2. — p. 13—37.

Fremersdorf F. Römische Gläser mit buntgefleckter Oberfläche. Festschrift für August Oxe. — Darmstadt, 1938. — 116 S.

Kern G.H.C. Zwei buntgefleckte Glaskelche des I. Jh. n.Chr. in Leiden//Archaeologia clasica, 8. — 1956. — p. 56—63.

Kern G.H.C. Römische Modioli des I. Jahrhunderte n.Chr.//Mnemosyn, S: IV, vol. XVI[4]. — Leiden, 1963. — p. 400—405.

Haevernick T.E. Modioli // Glastechnische Berichte, 51. — Nr. 12. — Jahrgang, 1978. — S. 328—330.

Hayes J.W. Roman and Pre-Roman Glass in the Royal Ontario Museum. — Toronto, 1975. — 229 p.

Isings C. Roman Glass from Dated Finds. — Groningen, Djakarte, 1957. — 185 p.

Poliszczuk L.U. Szkło starożytne // Skarby znad morza czarnego. — Krakowie, 2006. — с. 336—353.

Saldern A. von. Glass 500 BC to AD 1900. The Hans Cohn Collection Los Angeles/Cal. — Mainz on Rhine, 1980. — 288 p.

Stern E.M. Roman, Byzantine, and Early Medieval Glass. — Ostfildern, 2001. — 427 p.

Weinberg G. D., Stern E. M. Vessel glass. The Athenian Agora. — Vol. XXXIV. –Princeton, 2009. — 214 p.

О.А. Пуклина

СТЕКЛЯННЫЕ МОДИОЛУСЫ ИЗ ОЛЬВИИ

Статья посвящена введению в научный оборот новых находок стеклянных кружек – модиолусов из недавних раскопок Ольвии. Также систематизированы уже опубликованные раннее ольвийские модиолусы, хранящихся в коллекциях разных музеев мира. Рассмотрены вопросы распространения и использования данной группы посуды. Все известные модиолусы датируются в пределах I в. н.э. и могут выступать в качестве хроноиндикаторов для памятников римского времени. Разнообразие форм позволяет предположить изготовление данной группы посуды в различных стеклоделательных центрах Римской империи.

Ключевые слова: Ольвия, стеклянная посуда, модиолус, римское время.

O.A. Puklina

GLASS MODIOLUSES FROM OLBIA

An article present an introduction to the scientific circulation of new finds of glass mugs - modioluses from recent the excavations of Olbia. Also are systematized already published early Olbian modioluses stored in the collections of various museums of the world. Are investigated the problems of distribution and use of this group of ware. All known modioluses are dated within the limits of I cent. AD and may act as chronoindicators for the sites of the Roman period. Diversity of forms allows to assume a production of this group of ware at various glassmaking centers of the Roman Empire.

Keywords: Olbio, glass mugs, modiolus, Roman period.

Одержано 24.12.2014

904.23 (477.7) «652»

В.В. Котенко

ПОСУД ХЕРСОНЕСА ТАВРІЙСЬКОГО, ЗНАЙДЕНИЙ В ОЛЬВІЇ

В публікації розглядається питання економічних взаємовідносин Ольвії та Херсонеса Таврійського в елліністичний час. Для цього з керамічного комплексу Ольвії виокремлено групи привізних гончарних виробів херсонеського виробництва, представлених переважно розписними столовими глеками та деякими специфічними формами посуду.

Ключові слова: Ольвія, Херсонес Таврійський, розписна кераміка, еллінізм.

В елліністичний час Херсонес Таврійський та Ольвія переживають хвилю економічного підйому, про що свідчить, зокрема, потужний розвиток власного керамічного виробництва в обох центрах. Проблема зв'язків між цими полісами в даний період лишається не вирішеною до кінця, не зважаючи на існуючу джерельну базу, представлену, перш за все, масовим археологічним матеріалом. Справа в тому, що дискусійним є не лише визначення центрів виробництва окремих типів кераміки з Ольвії та Херсонеса, а й виділення компактних груп привізного матеріалу, знайдених в обох центрах, які часто зараховуються до виробів місцевих майстерень. Так, наприклад, сіролощений посуд, який зустрічається на поселеннях хори обох полісів, інколи відносять до херсонеського лакового виробництва [Егорова, 2009, с. 65-66], незважаючи на те, що для керамічного комплексу Ольвії він є масовим матеріалом [Буйских, 2007, с. 39-42]. З іншого боку, до ольвійського місцевого виробництва, хоч і з застереженням, було віднесено деякі розписні посудини [Зайцева, 1982, с. 59], які, згідно з сучасними уявленнями, більшою мірою відповідають херсонеському керамічному виробництву. Складнощі виникають також в ході атрибуції кухонного посуду, який для елліністичного періоду був ідентичним за формою та кольором випалу. Звісно, що остаточні висновки про походження окремих груп кераміки можна буде робити лише отримавши результати аналізів глиняної маси. Однак, на сьогодні в результаті багаторічних досліджень херсонеського розписного посуду, маються певні методичні напрацювання, у відповідності до яких можна з високою долею вірогідності ідентифікувати продукцію місцевого херсонеського виробництва, знайдену поза межами цього центру.

© В.В. КОТЕНКО, 2015

Проблема економічних взаємовідносин Херсонеса Таврійського та Ольвії в елліністичний час на підставі аналізу масового керамічного матеріалу, зокрема керамічних клейм, була порушена М.І. Золотарьовим [Золотарев, 1994, с. 123 – 137]. Він зібрав та проаналізував більше трьохсот херсонеських клейм на тарних амфорах, що походять з розкопок Ольвії, та з'ясував, що початок торгівельних зв'язків між полісами, а також надходження херсонеських продуктів в амфорах, припадає на останню четверть IV ст. до н.е. Торгівля переживає певні фази підйому та занепаду і у першій четверті II ст. до н.е. припиняється. Очевидно, з херсонеськими амфорами до Ольвії в якості товару надходив також столовий керамічний посуд та дрібна тара. Наразі важливим є виокремлення цієї привізної групи посуду з-поміж ольвійської місцевої кераміки, що дозволить говорити про економічні та культурні зв'язки між двома північнопричор-

номорськими полісами за елліністичної доби на новому рівні.

Привізний посуд Ольвії, що походить з Херсонеса Таврійського, репрезентований окремими групами столових форм з розписом, а також флягами та фіміатеріями. Розписний посуд представлений глеками різної форми, на зовнішню поверхню котрих нанесений рослинний орнамент або горизонтальні смуги переважно у середній частині тулуба червоною чи бурою фарбою. До нас дійшли переважно стінки посудин, на яких добре зберігся декор. Орнаменти на збережених фрагментах умовно можна поділити на три групи. До першої відносяться концентричні завитки різного розміру та складності виконання, а також поєднані з ними хвильки. Часто рослинний орнамент поєднується в одну композицію зі смугами, які розміщуються переважно під розписом. Остання група представлена горизонтальними смугами у місці найбільшого розширення стінок глека або на плечах.

Тема розписного посуду з античних центрів Північного Причорномор'я була порушена ще на початку XX ст. [Штерн, 1910, с. 160-175] та неодноразово висвітлювалася в науковій літературі, де найгостріше поставало питання його походження. В узагальнюючій статті про історію художньої кераміки Т.М. Кніпович наголосила на існуванні місцевої традиції колоній Північного Причорномор'я розмальовувати посуд. Зокрема вона наводить матеріали з Ольвії та Боспору [Книпович, 1941, с. 148-149] та, на жаль, їй не була відома місцева керамічна продукція Херсонеса Таврійського. З точки зору розвитку мистецтва північнопричорноморських центрів за елліністичної доби, то, за висновками Т.М. Кніпович, воно зазнало значного впливу архаїчної доби та за своїм естетичним спрямуванням було пов'язане з Александрією Єгипетською [Книпович, 1941, с. 148 – 149].

Теза про місцеву ольвійську розписну кераміку розвинута у роботах К.І. Зайцевої. Неодноразово звертаючись до ольвійських матеріалів, вона окремо проаналізувала групу місцевої, на її думку, кераміки з рослинним орнаментом елліністичного часу. Деякі посудини або фрагменти, узагальнено віднесені Т.М. Кніпович до місцевого виробництва північнопричорноморських центрів, К. І. Зайцевою були атрибутовані як ольвійські, хоча стосовно окремих з них автор сама мала сумнів, звертаючи увагу на відмінний колір глиняної маси та характер домішок [Зайцева, 1982, с. 50]. З іншого боку, автор доречно звернула увагу на той факт, що для ольвійських виробів характерна лискована поверхня, на яку наносився орнамент. Ця відмінна риса місцевого ольвійського посуду прослідковується також на місцевому сіроглиняному посуді. Для виробів херсонеського походження у більшій мірі застосовувалось нанесення орнаменту на світлий ангоб або безпосередньо на стінки посудини без попередньої обробки.

З фондів НІАЗ «Ольвія» НАН України та наукових фондів ІА НАН України[1] відомі окремі фрагменти виключно закритих форм посуду, які найбільш вірогідно можна віднести до херсонеського виробництва, перш за все, відповідно до візуальної характеристики глини та стилістичних особливостей розпису. Перша група з рослинним орнаментом представлена стінками глеків. Глина уламків має яскраво- або темно-червоний колір, помітні домішки вапняку та подрібненого шамоту. Орнамент представлений у вигляді завитків, які нанесені темно-червоною фарбою на поверхню з попереднім покриттям світлим ангобом або ж без нього (рис. 1, *1-7*). За вигином стінки можна зробити висновок про нанесення розпису на верхню частину тулуба посудини.

Часто рослинний орнамент поєднується в одну композицію з горизонтальними смугами, так званими «поясками», які розміщуються нижче розпису. У таких випадках рослинний орнамент зображувався здебільшого у вигляді гілочок чи гірлянд (рис. 1, *8-12*). Особливої уваги заслуговує частина глека (плечі і стінки), на світлу ангобовану поверхню якого нанесений рослинний орнамент у вигляді гілочки та трьох смуг бурою фарбою (рис. 1, *12*). Відмінною рисою глека є граффіті на плечовій частині у вигляді літер НР в лігатурі. Подібні граффіті трапляються зокрема на пам'ятках херсонеської хори [Латышева, 1981, с. 106; Stolba, 2002, p. 232] і трактуються як написи теофорних імен від Геракла, які часто зустрічаються в херсонеському ономастиконі [Соломоник, 1964, с. 191].

Найближчі аналоги посуду з таким орнаментом відомі з території херсонеської держави. Дослідники фіксують поширення аналогічного матеріалу на поселеннях Кара-Тобе, Чайка, Південно-Донузлавське городище, Беляус, Тарпанчі, бухта Вітряна та ін. [Дашевская, 1967, с. 162, Егорова, 2014, с. 319]. Зокрема, з культурного шару 70-60 рр. III ст. до н.е. городища Калос Лімен відомий майже цілий одноручний глек з рослинним та смужковим орнаментом висотою 33 см та максимальним діаметром тулубу 20 см, віднесений до херсонеського виробництва [Уженцев, 2006, с. 208, рис. 73, *1*]. Дуже схожий виріб відомий з розкопок Ольвії, який неодноразо-

1. Висловлюю щиру вдячність начальнику Ольвійської експедиції д.і.н. А.В. Буйських, співробітнику фондів НІАЗ «Ольвія» НАНУ Т.М. Шевченко та старшому науковому співробітнику Наукових фондів ІА НАНУ к.і.н. Т.М. Шевченко за допомогу в опрацюванні матеріалів.

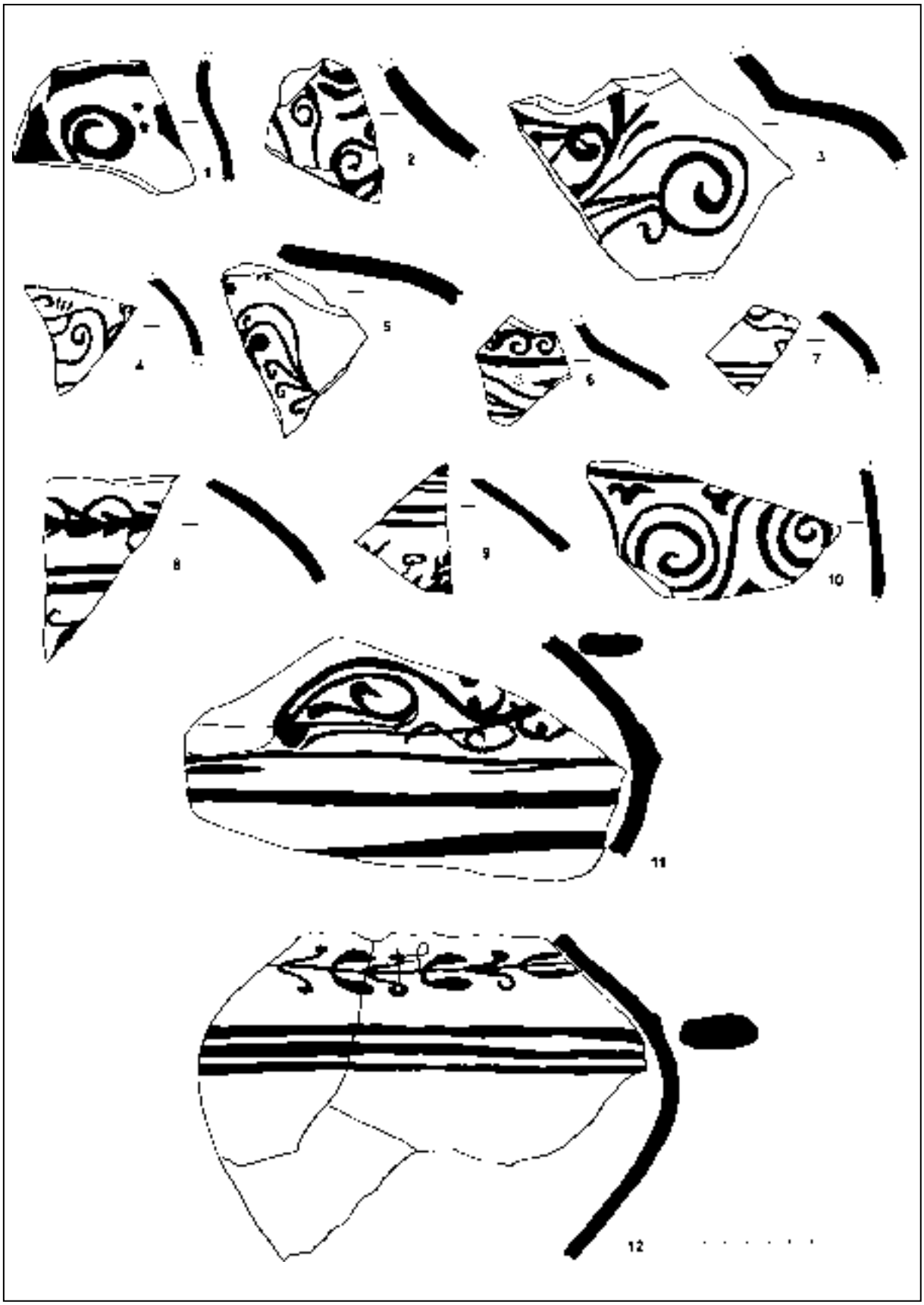


Рис. 1. Фрагменти посуду з рослинним орнаментом, знайдені в Ольвії

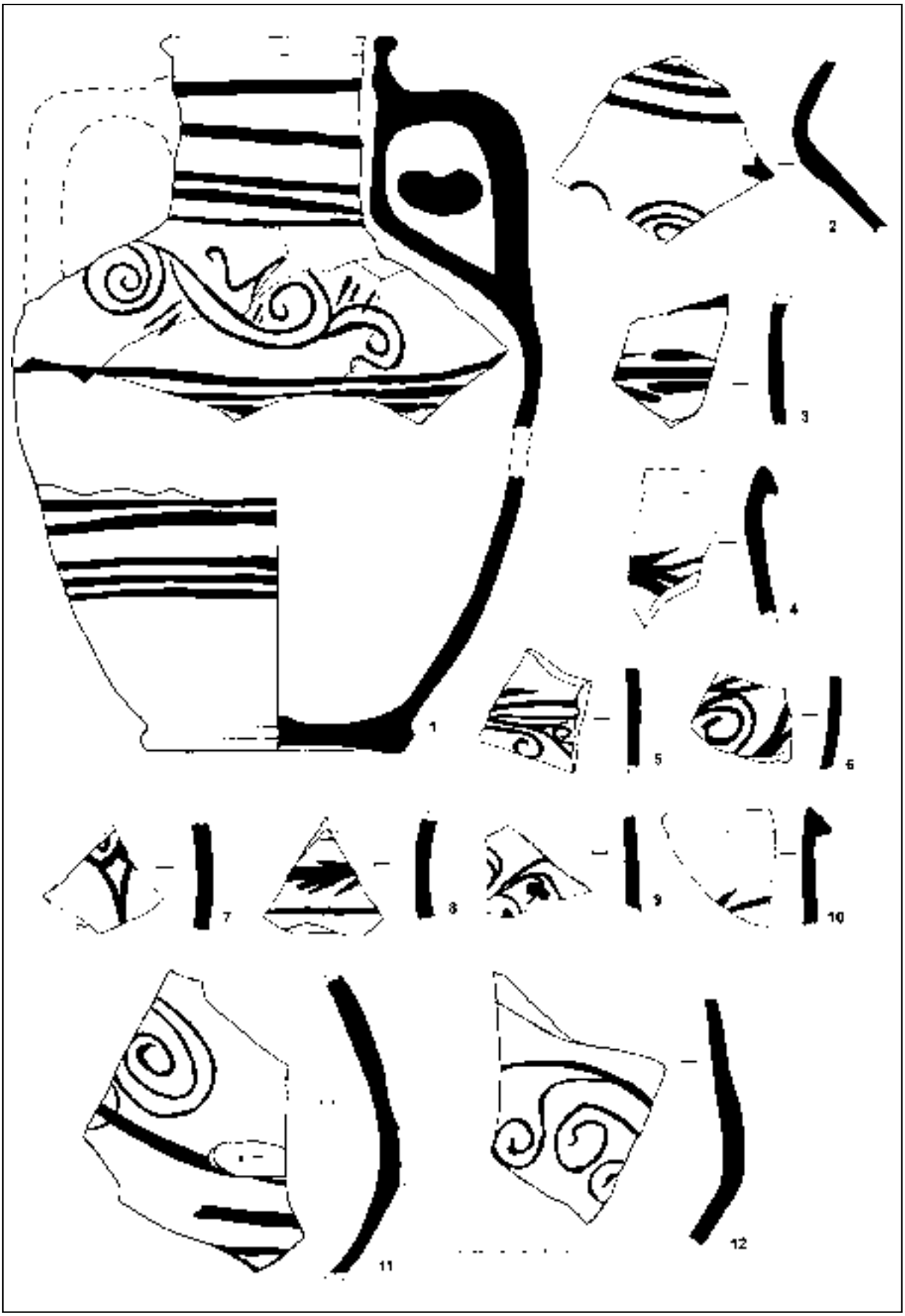


Рис. ***2***. Кераміка з рослинним орнаментом з поселення Маслини

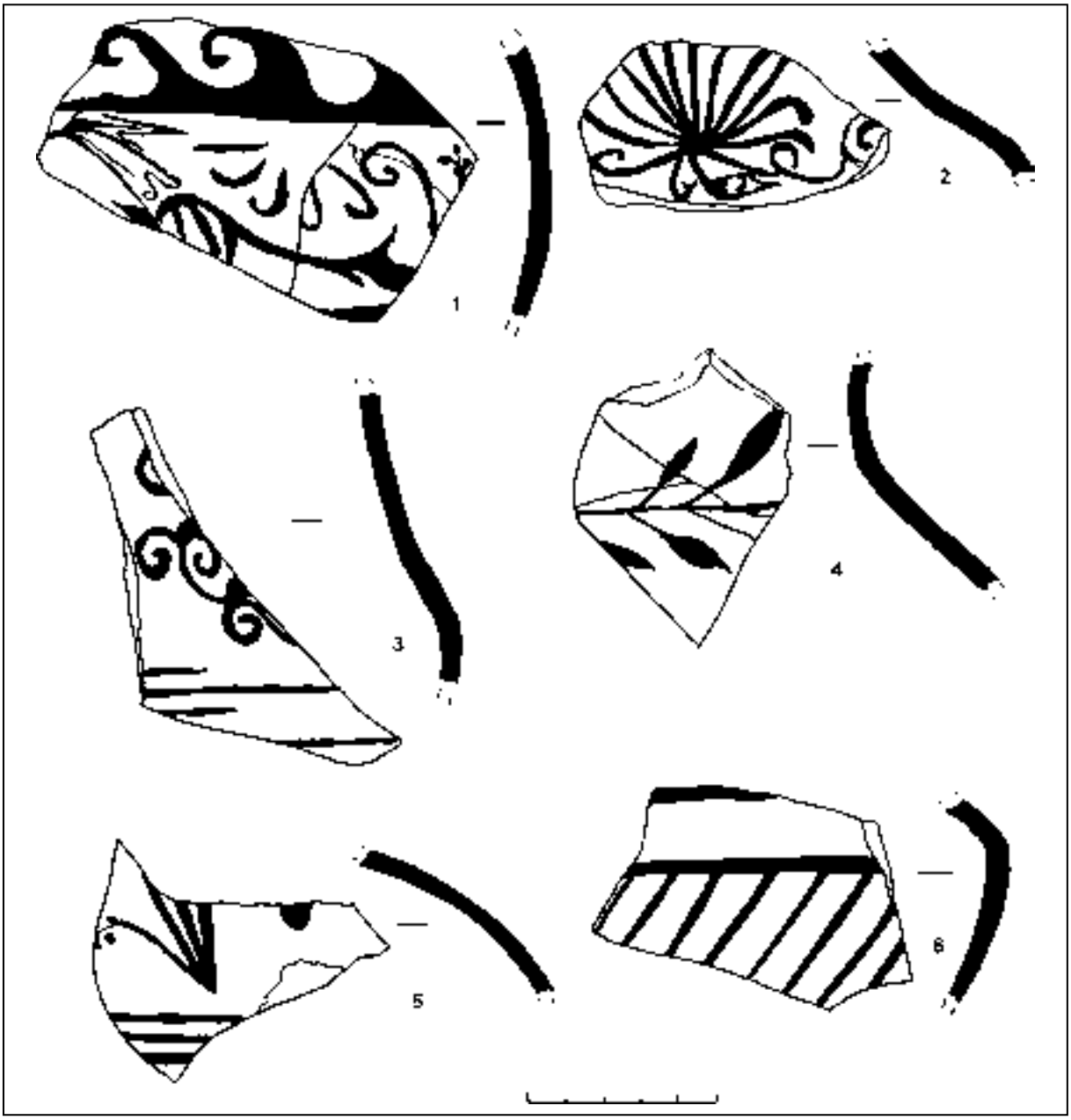


Рис. 3. Фрагменти розписного посуду з лискованою поверхнею з Ольвії

во у публікаціях був віднесений до місцевої продукції [Книпович, 1941, с. 141; Зайцева, 1982, с. 51]. Присутній такий матеріал у значній кількості також в керамічному комплексі поселення Маслини – найпівнічнішому серед досліджених укріплень хори Херсонеса Таврійського[2]. Зокрема, звідси відомі численні стінки розписних виробів (рис. 2, *2 – 12*), а також масивний, ймовірно, дворучний глек (столова амфора?) з аналогічним розписом (рис. 2, *1*). Його реконструйована висота сягає 32,5 см, діаметр вінця 10,5 см, діаметр дна на кільцевому піддоні 11,8 см, ручки кріпляться до верхньої частини горла та до плечей глека. Горло прикрашене косими горизонтальними смугами червоної фарби, під якими міститься рослинний орнамент у вигляді хаотичних завитків, нижче котрих знову нанесені смуги червоної фарби. Орнамент виконаний безпосередньо на поверхні посудин. Можливо, саме таку форму мали посудини, фрагменти яких було знайдено в Ольвії (рис. 1, *1 – 3*).

Аналогічні орнаменти наведені також в узагальнюючій статті О.Д. Дашевської про елліністичну кераміку з пам'яток Північно-Західної Таврики. Автор цілком дотримується її місцевого херсонеського походження і

2. Висловлюю подяку директору Музею археології та етнографії Слобідської України ХНУ імені В.Н. Каразіна к.і.н. І.Б. Шрамко, а також головному зберігачеві фондів О.О. Крютченку за можливість опрацювати матеріали з поселення Маслини.

датує традиційно III – початком II ст. до н.е. [Дашевская, 1967, с. 167 – 168]. З розкопок Херсонеса також відомий подібний тип глеків. Зокрема з цистерни на північно-східній ділянці городища походить орнаментований рослинними мотивами глек (горизонтальні гілочки), який, за матеріалами всього комплексу датується в межах III ст. до н.е. [Zolotarev, 2005, p. 197, 209, fig. 11, *4*].

Вивчаючи розписний посуд херсонеського виробництва з Ольвії, варто зазначити, що серед орнаментованих фрагментів зустрічаються дещо відмінні матеріали, які мають схожий рослинний розпис, та відрізняються, перш за все, характеристиками глини, вмістом домішок та способом обробки поверхні. В деяких випадках орнамент наносився на лисковану поверхню посудини аналогічною червоною або коричневою фарбою (рис. 3, *1-6*). Глина таких уламків яскраво оранжева, не містить виражених включень вапняку та дещо щільніша. Тому, можливо, такий посуд можна віднести до ольвійського місцевого виробництва, однак, не виключено, що сам тип декору міг сформуватися під безпосереднім херсонеським впливом.

Дещо інший тип орнаментації херсонеських глеків з розкопок Ольвії представлений горизонтальними смугами, які оперізують тулуб у місці його найбільшого розширення (рис. 4, *1-11*). Зазвичай їх налічується три-чотири різної ширини, між якими залишена не завжди однакова відстань. Колір фарби коливається від яскраво червоного до бурокоричневого. Як і у випадку з рослинним орнаментом, смуги наносилися на світлий ангоб або ж просто на випалений виріб. Інколи такий орнамент наносився на горло глека під вінцем у вигляді широкої смуги (1-1,5 см) або кількох вузьких (до 1 см). Стінки таких посудин тонші за стінки масивних глеків з рослинним орнаментом.

Серед ольвійських матеріалів зустрічаються частини орнаментованих глеків різних розмірів. Найбільший з них (О-2009/Р-25/1474, рис. 4, *1*) має висоту близько 27 см, високе горло та діаметр близько 18 см. До верхньої частини тулубу і, ймовірно, до вінця кріпилася одна дещо сплощена ручка. Частина горла та середня частина тулуба прикрашалася смугами червоної фарби. Поверхня виробу була покрита тонким шаром ангобу. Дещо інша форма глека представлена дрібнішим виробом на кільцевому піддоні (О-76/ЮЗА/547, рис. 4, *2*). До середньої частини тулова також кріпилася сплощена вертикальна ручка. Глек орнаментований чотирма вузькими смугами червоної фарби по ангобованій поверхні. Ще одна форма характеризується широким тулубом (діаметр 15 см) та петлеподібною сплощеною вертикальною ручкою (О-57/2748, рис. 4, *3*). У місці найбільшого розширення тулуба на ангобовану поверхню нанесено орнамент у вигляді трьох вузьких смуг червоною фарбою. Інший тип представлений тонкостінним виробом з найбільшим діаметром 12,8 см (О-75/ЮЗА/986, рис. 4, *4*). На середню частину тулуба, покриту ангобом, нанесено орнамент у вигляді трьох вузьких смуг червоною фарбою.

Різноманіття форм «смугастих» глеків цілком співвідноситься з відомими матеріалами херсонеського виробництва з різних пам'яток Північно-Західної Таврики. О.Д. Дашевська, зокрема, опублікувала ойнохою та глеки зі смугастим орнаментом з бухти Вітряної, городищ Чайка та Південно-Донузлавське [Дашевская 1967, с. 165-166, рис. 4, *2*; 4, *5*]. Один з глеків з приміщення III ст. до н.е. Південно–Донузлавського городища має округлий тулуб діаметром 13 см. Його поверхня вкрита білим ангобом на який у місці найбільшого розширення нанесено три смуги червоною фарбою. Схожий за орнаментацією глек з високим циліндричним горлом і роздутими плечима відомий також з будівлі III–II ст. до н.е. городища Чайка [Дашевская 1967, с. 165-166, рис. 4, *5*; 4, *2*]. З цієї ж пам'ятки з приміщень IV-III ст. до н.е. походять також столові глеки херсонеського виробництва з лінійним орнаментом [Попова, Коваленко 2005, с. 13, рис. 12, *9*; с. 19, рис. 33, *6*; с. 76; рис. 126, *8*; Егорова 2014, с. 317-318, рис. 18, *1, 3*]. З поселення Панське I походить також ряд червоноглиняних глеків, орнаментованих смугами у середній частині тулубу. Їх виробництво віднесене також до херсонеського [Kašaev, 2002, p. 161-162, pl. 78, *7, 8, 12*]. З городища Калос Лімен також відомий масивний глек херсонеського виробництва з пожежі 70 – початку 60-х рр. III ст. до н.е., орнаментований на рівні плечей трьома смугами червоної фарби [Уженцев, 2006, с. 209, рис. 74, *2*]. Аналогічний посуд трапляється і серед поховального інвентарю. Так з некрополя городища Беляус відомі цілі форми дворучного глека (плоскодонної амфори?) зі смугастою орнаментацією на плечах посудини та одноручного глека з аналогічним розписом, які також датуються елліністичним часом і відносяться до херсонеського виробництва [Дашевская, 2014, с. 113, табл. 4, *2*; с. 122, табл. 13, *1*].

З поселення Маслини також відомі цілі форми та чисельні фрагменти мальованих херсонеських глеків (рис. 5, *1-5*). Зокрема слід відзначити цілу форму високого одноручного глека (64/III, 19, М-75) висотою 30,8 см та діаметром близько 20 см, орнаментованого у середній частині чотирма вузькими та однією широкою смугами червоної фарби (рис. 5, *1*) [Котенко 2014б, с. 333-334]. Зовнішня частина вінця також прикрашена смугою червоної фарби. Глина, з якої виготовлено посудину,

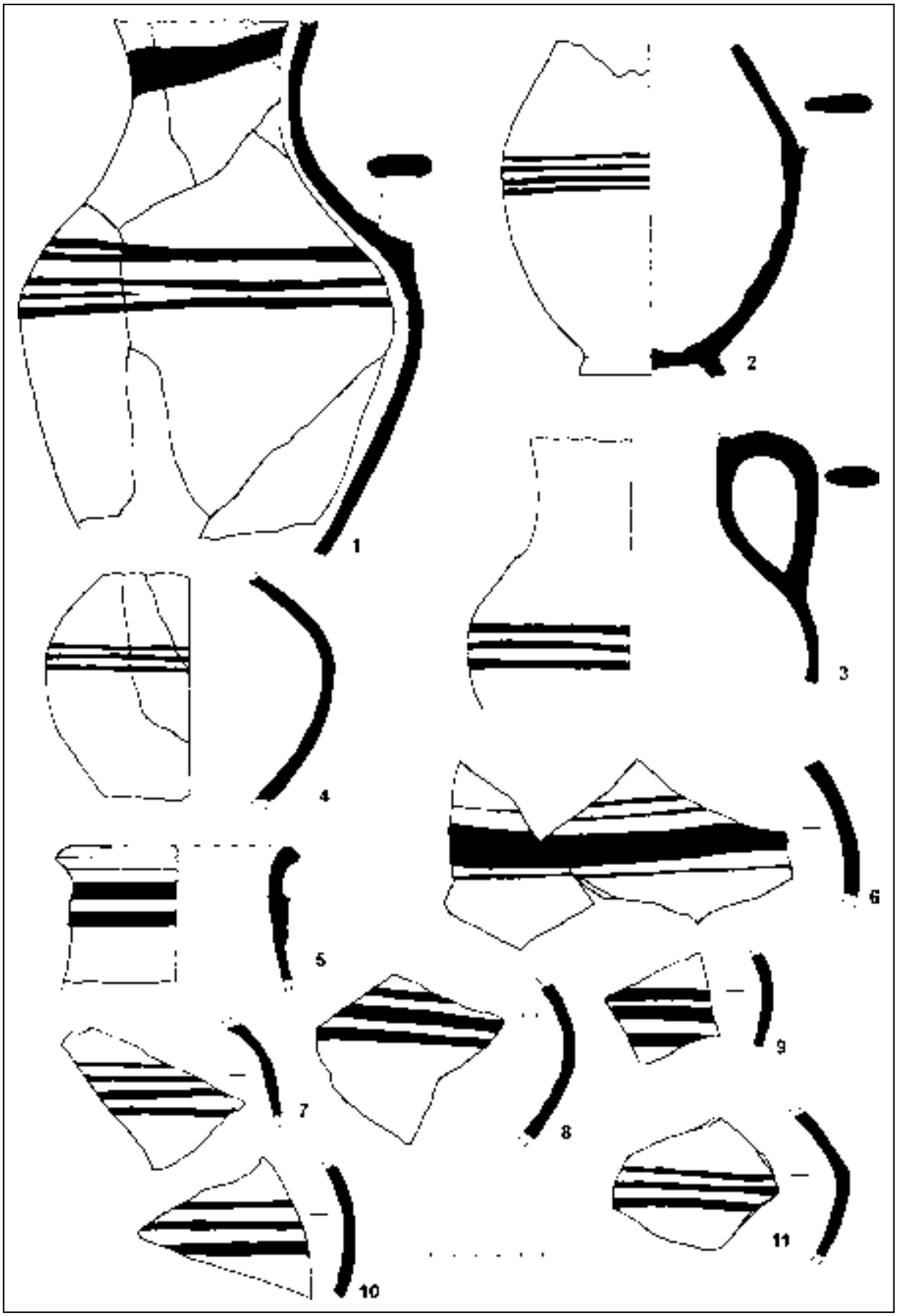


Рис. 4. Фрагменти глеків з лінійним орнаментом з Ольвії

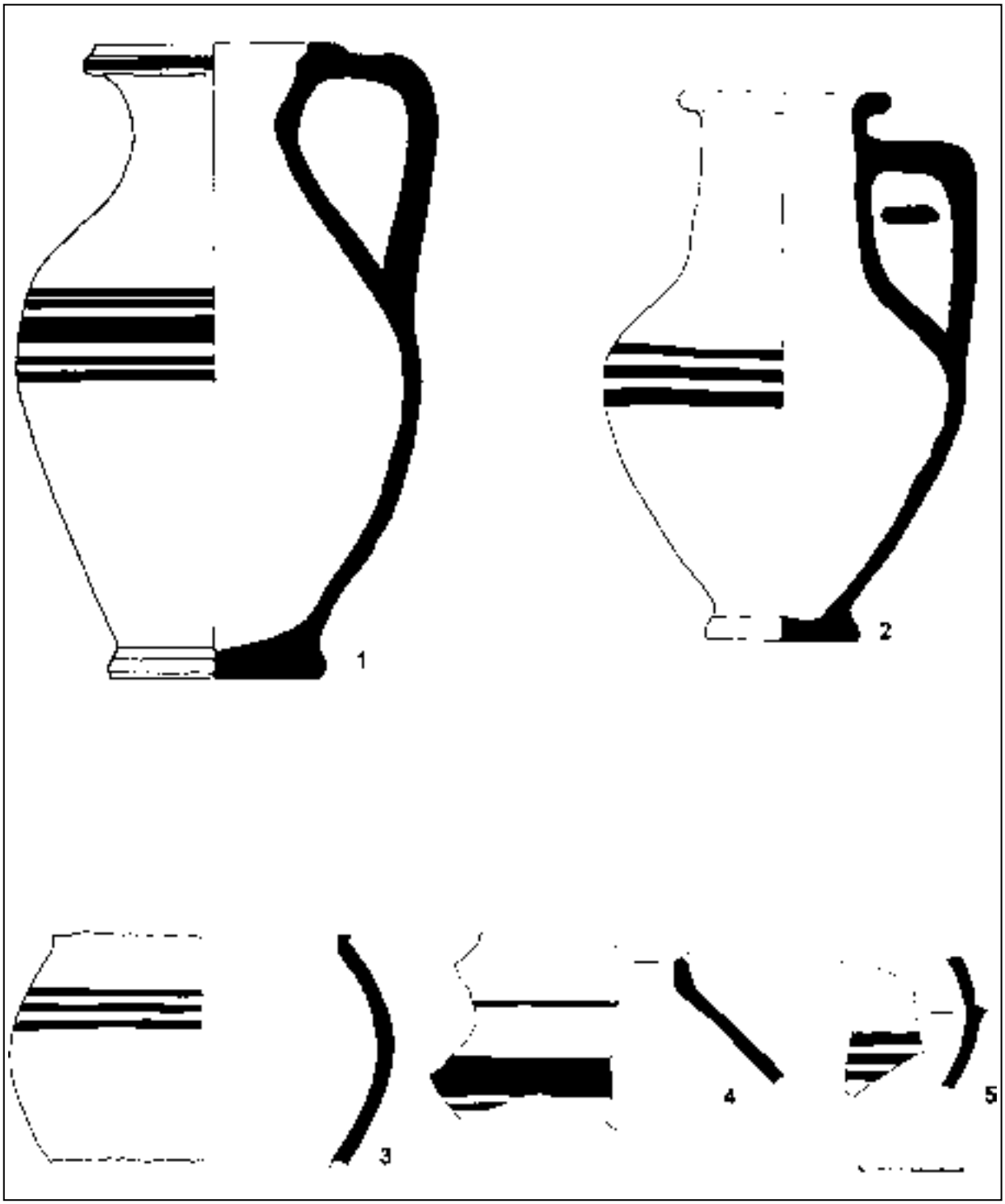


Рис. 5. Кераміка з лінійним орнаментом з поселення Маслини

має насичений оранжевий колір з помітними дрібними домішками вапняку. Глек походить з укріпленої частини поселення, ймовірно з елліністичного приміщення III ст. до н.е. Ще одна ціла форма з Маслин[3] (99/132-М84), яка демонструє найпоширеніший тип глеків херсонеського виробництва, має висоту 26 см та найбільший діаметр на рівні плечей 17 см, горло циліндричне, вінчик виступаючий зі скошеним краєм, ручка сплощена овальна у розрізі, дно ледь увігнуте з виступаючим рантом. Глина має червоний колір з домішками. Середня частина посудини орнаментована трьома смугами червоної фарби (рис. 5, *2*). Посудина походить з ділянки, прилеглої на південний схід до укріплення [Латышева, 1984, л. 21]. Збереглася також середня частина ще одного глека з максимальним діаметром близько 18 см, на яку нанесені три смуги червоною фарбою (154/129-М84; рис. 5, *3*). Фрагмент походить з ями селища, прилеглому до укріплення зі сходу [Латышева, 1984, л. 10].

Саме херсонеське виробництво глеків з орнаментацією червоною фарбою у вигляді горизонтальних «поясків» неодноразово стверджувалося дослідниками самого городища. Так ще Г.Д. Белов, публікуючи матеріали з елліністичного будинку в Херсонесі Таврійському зазначав, що наймасовішою серед знахідок є група глеків, більшість з яких належить місцевому виробництву. Для них характерна однакова херсонеська глина, технологія виготовлення, подібність форми. До того ж «простий лінійний або рослинний орнамент значно розповсюджений на місцевій херсонеській кераміці елліністичного часу і наноситься зазвичай на світло-жовту обмазку посудини» (переклад з рос. – В.К.) [Белов, 1962, с. 152]. Група глеків аналогічної форми відома також з розкопок цистерни північно-східної ділянки Херсонеса, де вони представлені широким спектром форм та варіаціями у взаєморозташуванні смуг орнаменту і датуються III ст. до н.е. [Zolotarev, 2005, p. 197-198, fig. 10-12].

Серед кераміки херсонеського виробництва у керамічному комплексі Ольвії виокремлюється група посуду спеціального призначення. До малочисельної групи дрібної керамічної тари належать, зокрема, фляги – невеликі посудини закритої форми, що характеризуються наявністю широкого тулубу округлої або витягнутої форми без визначеного дна. Дві ручки частіше за все кріпилися від плечей до горла, інколи безпосередньо до плечей. Присутність херсонеських фляг у керамічному комплексі елліністичної Ольвії вже фіксувалася [Котенко, 2014а, с. 385, рис. 2, *2*], наразі ж є можливість доповнити цю інформацію.

В масиві ольвійського посуду було відібрано фрагменти двох фляг, що походять з розкопок ділянки НГС. Одна з них (О-96/НГС/380) вціліла на рівні короткого горла та з одного боку до середньої частини тулубу (рис. 6, *1*). Ширина вінця сягає 7 см, профільоване горло має висоту 4 см, звідки посудина розширяється і набуває округлих форм. Припустимий реконструйований діаметр близько 24 см, висота 27 см. Слідів кріплення ручок на горлі не виявлено, тому очевидно вони знаходилися на рівні плечей посудини. Слід відзначити асиметричність горла, з вираженим дефектом виробництва. Фляга виготовлена з червоної глини з помітними домішками вапняку. На збереженій частині тулубу помітна орнаментація у вигляді концентричних смуг червоною фарбою на поверхні без попередньої обробки. Подібна фляга вже відома з розкопок Ольвії (О/59-773; рис. 6, *2*). За аналогіями, що походять з поселень хори Херсонеса Таврійського (Південно-Донузлавське, Калос Лімен, Кульчук, Маслини, Чайка), посудини можна датувати кінцем IV – першою третиною III ст. до н.е. [Дашевская, 1967, с. 165, рис. 4, *3, 6*; Кутайсов, Уженцев, 1994, с. 58, рис. 13, *5-6*; Ланцов, Гречко и др., 2011, с. 77, рис. 2.*1*; Котенко, 2014, с. 385, рис. 2, *2*; Егорова, 2014, с. 319, с. 19, *1*].

Інша фляга (О-93/НГС/878), від якої зберігся лише фрагмент короткого профільованого горла (3 см), має реконструйовану ширину вінця 6 см (рис. 6, *3*). Посудина виготовлена з червоної херсонеської глини з дрібними домішками вапняку. За параметрами ця невелика фляга знаходить аналоги у керамічному комплексі херсонеських поселень Маслини, Панське I, Чайка, а також некрополів Ольвії та поселення Кошари і може датуватися елліністичним часом [Котенко, 2014, с. 385].

Слід зазначити, що попри значний ареал поширення фляг херсонеського виробництва як в межах власної держави так і за ними (присутність в ольвійських матеріалах), ця форма дрібної керамічної тари знайома також гончарам Ольвії. Відома фрагментована фляга з Білозерського поселення на східній окраїні ольвійської хори [Билкова, Самойленко, 2014, с. 91, рис. 5], а також фляга з розкопок самої Ольвії (КПЗ-85, 4; рис. 6, *4*). Діаметр її вінця сягає 4 см, висота горла 3,5 см, ширина тулуба близько 20 см, петлеподібні дещо підняті ручки обома кінцям кріпляться до плечей. Фляга виготовлена з характерної ольвійської глини сірого кольору, має лисковану поверхню. У глиняній масі прослідкову-

3. Глек зберігається у шкільній музейній кімнаті с. Далеке Чорноморського району АР Крим. Висловлюю вдячність за допомогу в опрацюванні матеріалу з поселення Маслини директору КРУІАЗ «Калос Лімен» З.І. Писач.

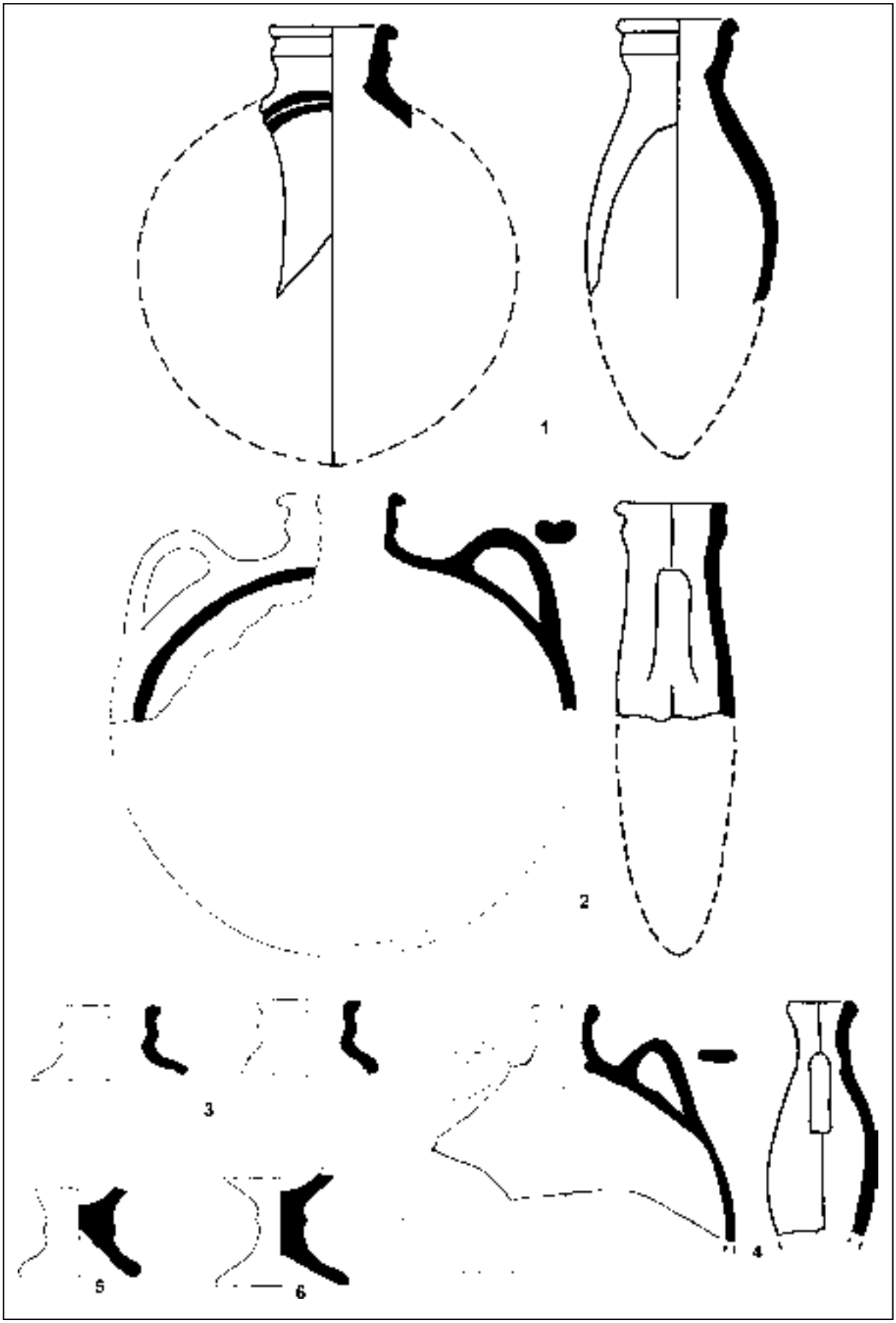


Рис. ***6***. Червоноглиняна кераміка спеціального призначення з Ольвії

ється дрібні часточки вапняку. На внутрішній частині горла помітний брак виробництва.

Таким чином, фляги в якості дрібної керамічної тари були характерні для місцевого виробництва як Херсонеса Таврійського, так і Ольвії. Тим не менше, присутність таких херсонеських виробів в ольвійських матеріалах говорить про налагоджені економічні зв'язки та спільні традиції побуту цих двох сусідніх полісів у ранньоелліністичний час.

Групу херсонеських керамічних виробів в Ольвії поповнюють фіміатерії – спеціальні чаші для куріння, яким супроводжувалися ритуальні дії. Слід відзначити два фрагменти таких курильниць, про херсонеське походження яких говорить характер глини. Перший з них (О-91/НГС/149) зберігся на висоту 5,5 см і представляє собою ніжку з денцем чаші (рис. 6, *5*). Внутрішня частина піддону значно заглиблена до середини, ширина профільованої ніжки сягає 4 см. Глина, з якої виготовлено посудину, має яскравий червоний колір, поверхня виробу вкрита світлим ангобом. Фрагмент іншого фіміатерія (О-94/НГС/199) також являє собою профільовану ніжку з денцем чаші (рис. 6, *6*). Його збережена частина сягає висоти 6,5 см. Внутрішня частина піддону не значно заглиблюється до середини, водночас ніжка відзначається наявністю різкого ребра під чашею. Глина також має червоний колір з дрібними включеннями, поверхня покрита світлим ангобом. З розкопок поселень Північно-Західної Таврики відомо, що майстерні Херсонеса виготовляли такий тип посуду [Латышева, 1994, с. 22-23; Кутайсов, Уженцев, 1994, с. 63-64, рис. 12, *2-3*; Ščeglov, 2002, p. 222, pl. 146, *7*; pl. 147, *8-9*].

Таким чином, підтверджуючи висновки М.І. Золотарьова про економічні зв'язки між Ольвією та Херсонесом Таврійським у ранньоелліністичний час на підставі аналізу ранньоелліністичної тари, варто відзначити також надходження до Ольвії з Херсонеса столового посуду та кераміки спеціального призначення. Найяскравіше херсонеський привізний посуд вирізняється за характером глини та орнаментації, переважають глеки з рослинним та лінійним розписом червоною фарбою часто на ангобованій поверхні. Зустрічаються також фляги та фіміатерії, які також відносяться до херсонеського виробництва за характером глини. Датуються такі вироби, за аналогіями з відомих комплексів переважно херсонеської хори, від кінця IV до II ст. до н.е. Тому можна гадати, що в цей час, поряд з торгівлею продуктами виноробства в амфорах, Херсонес Таврійський поставляв до Ольвії власні керамічні вироби. Припускаючи той факт, що хори обох полісів межували між собою в районі Перекопу, можна з деякою ймовірністю говорити не лише про північно-західний вектор херсонеської торгівлі, а й про існування певної контактної зони, що підтверджується аналізом археологічних матеріалів, зокрема з поселення Маслини, крайнього північного укріплення херсонеської держави. Тут зустрічається, поряд з масовим посудом з Херсонеса, також ольвійська кераміка [Котенко 2011, с. 69-75]. До контактної зони відноситься за місцем розташування також Білозерське поселення у гирлі Дніпра, матеріальна культура котрого знаходить спільні риси з віддаленими поселеннями херсонеської хори [Былкова, 2008, с. 63]. Остаточні ж висновки про характер економічних зв'язків між Ольвією та Херсонесом Таврійським можна буде отримати, маючи результати аналізу масового матеріалу з обох полісів.

Белов Г.Д. Эллинистический дом в Херсонесе // ТГЭ – 1962. – Том VII. – С. 143-183.

Былкова В.П. Белозерское поселение в контексте синхронных археологических памятников // Проблемы археологии Восточной Европы. К 85-летию Бориса Андреевича Шрамко. – Харьков, 2008. – С. 56-64.

Билкова В.П., Самойленко І. Ю. Сіроглиняна кераміка Білозерського поселення // Археологія. – 2014. – №1. – С. 85-96.

Буйских С.Б. Серая гончарная керамика Ольвии и ее хоры VI-I вв. до н. э. (истоиографический аспект) // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928-2004). – СПб., 2007. – С. 28-44.

Дашевская О.Д. Эллинистическая расписная керамика из Северо-Западного Крыма // СА. – 1967. – №1. – С. 162-168.

Егорова Т.В. Чернолаковая керамика IV-II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма. – М., 2009.

Егорова Т.В. Новая раннеэллинистическая усадьба на городище «Чайка» и ее место в структуре поселения // Stratum plus. – 2014. – №3. – С. 303-323.

Зайцева К.И. Группа местной расписной керамики с растительным орнаментом из Ольвии III-II вв. до н.э. // Художественные изделия античных мастеров. – Л., 1982. – С. 50-69.

Золотарев М.И. Взаимоотношения Ольвии и Херсонеса в IV – II вв. до н.э. (по материалам херсонесских керамических клейм из Ольвии) // Северо-Западный Крым в античную епоху. – К., 1994. – С. 123-137.

Книпович Т.Н. Из истории художественной керамики Северного Причерноморья // СА. – 1941. – VII. – С. 139-151.

Котенко В.В. Сіролощена кераміка з поселення Маслини // Археологія. – 2011. – №1. – С. 68-76.

Котенко В.В. Керамические фляги из поселения Маслины в Северо-Западной Таврике // БИ. – 2014. – XXX. – С. 382-391.

Котенко В.В. Поселение Маслины в Северо-Западной Таврике (общая характеристика) // Stratum plus. – 2014. – №3. – С. 325-341.

Кутайсов В.А., Уженцев В.Б. Восточный ворота Калос Лимена // Северо-Западный Крым в античную епоху. – К., 1994. – С. 44-70.

Ланцов С.Б., Гречко Д.С., Власов В.П. Исследования на территории Кульчукского некрополя // АДУ 2011. – К., 2012. – С. 76-77.

Латышева В.А. Граффити поселения Маслины // ВХУ. – 1983 – № 238. – С. 101-110.

Латышева В.А. Отчет о работе Северо-Крымской археологической экспедиции Харьковского госуниверситета в 1984 году // НА ИА НАНУ – Ф.Э. 1984/81.

Латышева В.А. Культовые сосуды поселения херсонесской хоры «Маслины» // ВХНУ. – 1994. – №385. – С. 22-31.

Попова Е.А., Коваленко С.А. Историко-археологические очерки греческой и позднескифской культур в Северо-Западном Крыму (по материалам Чайкинского городища). – М., 2005.

Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. – К., 1964.

Уженцев В.Б. Эллины и варвары Прекрасной Гавани (Калос Лимен в IV в. до н.э. – II вв. н.э.): Материалы по археологии Крыма. — Симферополь, 2006.

Э.Р. Штерн. К вопросу об эллинистической керамике // ЗООИД. – 1910. – XXVIII. – С. 158-190.

Zolotarev M.I. A Hellenistic Ceramic Deposit from the North-eastern Sector of Chersonesos // BSS – 3 – P. 193-216.

Kašaev S.V. Commonware // Panskoe I. The Monumental Building U-6. – Vol.1. – Aarchus 2002. – P. 150-179.

Ščeglov A.N. Cult Sculpture, Altars, Sacred Vessels and Votives // Panskoe I. The Monumental Building U-6. – Vol.1. – Aarchus 2002. – P. 213-227.

Stolba V.F. Graffiti and Dipinti // Panskoe I. The Monumental Building U-6. – Vol.1. – Aarchus 2002. – P. 228-244.

В.В. Котенко

ПОСУДА ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО, НАЙДЕННАЯ В ОЛЬВИИ

В публикации рассматривается вопрос экономических взаимоотношений Ольвии и Херсонеса Таврического в эллинистическое время. Для этого из керамического комплекса Ольвии выделены группы привозных гончарных изделий херсонесского производства, представленных преимущественно расписными столовыми кувшинами и некоторыми специфическими формами посуды. Датируются такие изделия по аналогиям из известных комплексов преимущественно херсонесской хоры от конца IV до II вв. до н.э. Поэтому можно думать, что в обозначенное время, наряду с торговлей продуктами виноделия в амфорах, Херсонес Таврический поставлял в Ольвию также собственные керамические изделия в качестве товара.

Ключові слова: Ольвія, Херсонес Таврійський, розписний посуд, еллінізм.

V.V. Kotenko

WARE OF TAURIC CHERSONESOS FOUND IN OLBIA

This paper discusses the economic relations between Olbia and Tauric Chersonesos in the Hellenistic period. For this purpose from ceramic complex of Olbia selected some group of imported pottery of Chersonesos production represented mainly by painted jugs and some specific forms of ware. Date such products on analogies from known complexes predominantly from Chersonesos chora from the end of IV to II centuries BC. Therefore, it is conceivable, that at the designated time, along with the trade of products of wine in amphoras, Tauric Chersonesos supplied to Olbia also own pottery as a commodity.

Keywords: Olbio, Tauric Chersonesos, painted jugs, Hellenizm.

Одержано 24.12.2014

УДК 904.4.003.1 (37) «652»

David Braund

OLBIA IN THE ROMAN EMPIRE: SOME OBSERVATIONS ON NERONIAN EVIDENCE

This paper addresses a theme that was central to the work of Valentina Krapivina, namely the Roman period in Olbia and around the Black Sea in general. As Rostovtzeff observed long ago, and as Valentina and others have often insisted, Olbia is special in many ways, but we cannot hope to understand Roman Olbia without engaging seriously also with the larger issue of the Black Sea under Rome, Roman concerns there and indeed Olbians' dealings with the region and with the imperial power alike.[1] These are enormous themes, burdened with a great weight of modern scholarship. And these are also themes upon which I have written elsewhere.[2] Here, therefore, I shall focus sharply on parts of the ancient evidence that have been claimed as important for the Neronian period. In fact, in recent years the honorand and I had begun slowly to plan a joint study of some of that evidence, but we were unable to finish that work.

Keywords: Olbio, terracotta eagle, Rome, Zeus Olbios, Plautius Silvanus.

We began with the fine terracotta eagle which is displayed in the Archaeological Museum of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. Examination together of this eagle and invaluable advice from Donald Bailey of the British Museum, established that it has no bearing on the issue of Olbia and Rome. It had often been adduced as evidence of a Roman military presence, but it was never clear why such a terracotta eagle indicated the Roman army. After all it was a terracotta, not part of a legionary standard or the like. In fact, it is an incense burner, hollow and with a substantial hole in its back which is evidently ancient.[3] Thanks to the expertise of Donald Bailey with such objects, we were able to conclude that the eagle was probably made in a workshop of Cnidus in western Asia Minor, well known for such artefacts. Bailey gave a date in the late first or first half of the second century AD. Attempts, therefore, to connect this supposedly military eagle with Roman military activity in Olbia under Nero were therefore also implausible on grounds of chronology: the object seems to be too late, even if it did have a military connection. Inevitably, such finds are not easily located in civic history, practice or ideology, but we began to wonder whether this incense-burner might be associated with the cult of Zeus in Roman Olbia c. AD 100.

Zeus' cult there is well attested epigraphically (cf. SEG 47. 1186), while it has been suggested that Zeus might also be evoked by eagle-iconography on Olbian and other Black Sea coinage.[4] Of his various cult titles there, we may note the inscription of the second century AD wherein brothers erected a tower "for Zeus Poliarkhes and the Demos" (IOSPE i^2 183). A few decades later Kallisthenes, son of Dades, re-

1. Vinogradov 1997, 341-5 discusses Rostovtzeff's contention in the history of scholarship of these matters. Accordingly, the present paper will not be larded with footnotes packed with modern scholarship, but will centre upon the ancient sources and will cite modern works only where necessary.

2. Most recently, Braund Nero.

3. I am grateful to T. Shevchenko for helpful correspondence on these matters.

4. So, rather ambitiously, [Hind, 2007].

© D. BRAUND, 2015

ceived an honorific decree from his fellow Olbians which stressed his descent from men who were "known to the emperor" (*sebastognwstoi*) and who had "founded the city" in the sense that they had made substantial contributions to its success (IOSPE i² 42). In summarizing Kallisthenes' career in the city, the decree mentions that he was "priest of the protector of our city, the divine Zeus Olbios". The citizens' insistence that their city was called Olbia (however much Greeks more generally tended to call it Borysthenes) sharpens the question of the nature of the link between Zeus' cult title and the name of the city. All the more so, when Zeus here is characterised as the city's protector. In all probability much would be clearer if only we had some sense of the foundation myth of Olbia.[5] However, it is very clear that Zeus was identified in Roman Olbia as the protector of the city and possibly also was given a key role in the city's traditions of its foundation. The eagle terracotta may well have been a small part of that. Be that as it may, all these considerations accord well enough with Dio's statement that the Olbians of the late first century AD were accustomed to deliberate on civic matters by the temple of Zeus (Dio Chrys. 36. 17).

Encouraged by the "demilitarization" of the terracotta, Valentina Krapivina set about locating other objects which had been brought to bear in attempts to support a Roman military presence at Olbia in the mid-first century AD. Her enquiries established that the bits of supposedly military accoutrements of this period that have been brought into the debate either are not military artefacts at all or cannot be located.These small and very dubious objects had become part of the notion of a Roman military presence at Olbia largely because of the famous inscription of Tiberius Plautius Silvanus Aelianus. His grand epitaph has been the basis and focus of the longstanding scholarly debate on these matters. However, it is still worth looking closely at its text, because we must be clear about what it actually says and what it does not say.

Before doing so, however, we must pause to consider another piece of evidence on Rome and the northwest Black Sea which is, in fact, not evidence at all. For a papyrus (so-called Hunt's Pridianum) has enjoyed a role in the debate which it should never have had. The poorly-preserved text of this papyrus has often been cited according to an old reading which made it mention Tyras and locate that city outside the *provincia*. If that reading were right, it would be important, albeit complex to interpret for many reasons (especially because of the double meaning of *provincia*, which denotes either the area of a province and/or the sphere of command of a Roman commander or other magistrate). The papyrus has gained an established place in modern scholarship on Roman Tyras and Olbia, and is therefore repeatedly cited as a key text. However, it was established many decades ago that the papyrus does not mention Tyras at all, let alone anything about its location with regard to a *provincia* (in any sense). In fact, the papyrus was at this point misread. The words that were once taken to mention Tyras refer in fact to a camp, with no indication of Tyras or any other location.[6] Meanwhile, there is another kind of evidence which deserves more attention than it has often received. For it remains interesting and potentially important that Tyras adopted a new civic era early in the reign of Nero. Since Olbia did not use this kind of era and dated by magistrates, we cannot know whether it also made some civic innovation or otherwise celebrated Nero's accession, while the reasons for Tyras' change of era are also unclear in detail.[7]

With that in mind, we may now turn to the central piece of evidence in the whole debate about the Neronian period in the north Black Sea, namely the epitaph of Tiberius Plautius Silvanus Aelianus. It hardly needs to be said that the purpose of this and other such epitaphs was not to preserve for us a balanced account of the man's life and career. Rather, the purpose was of course to present him in as impressive a manner as possible, for the greater glory of himself, his family and his associates. The point is not that these epitaphs contain naked untruth (though perhaps they may from time to time), but that the presentation is very imbalanced. By its very nature, such an epitaph will seek to present the life of the deceased in as impressive a manner as possible for a Roman reader. When we read such inscriptions, therefore, we should expect to hear of the greatness of the deceased and his various achievements, which are themselves couched in the ideology and value-system of Roman imperial culture. This was a culture which particularly valued military success. Accordingly, the real shock in this particular epitaph is that there is no clear statement of any military success at all. There is no claim to a battle won or enemies slaughtered. There is nothing about booty or about captives taken. We regularly find in the epitaphs of Roman commanders (as also in literary works in their praise) clear statements about such matters. But in this case we have at most the **suggestion** of military conflict and a presentation of success without any specific claim to battles and victories in the field. In this case the achievements gained are such as might, in principle,

5. See further [Hind, 2007], with bibliography. In general, e.g.[Rusyayeva, 1992].

6. The correct reading was already stressed by [Fink,1958, p.107; Conole and Milns, 1983, p. 186] and ithers are misinformed in citing it.

7. See further [Leschhorn, 1993, p.77].

have involved military success in battle, so that we may well understand why scholars have routinely assumed that Plautius Silvanus led his army hither and thither as far as Chersonesus. However, it must be important that his epitaph does not say as much:

As legate of Moesia…he brought across more than 100,000 of the Transdanubians, along with their wives, children, chieftains and monarchs, to become tax-paying subjects. He suppressed an incipient disturbance of the Sarmatians, although he had sent a great part of his army to Armenia to the expeditionary force. He brought across to the river-bank which he protected, in order to pay homage to the Roman standards, kings hitherto unknown or hostile to the Roman people. To the kings of the Bastarnae and of the Rhoxolani he sent back their sons, (to the kings) of the Dacians he sent back their brothers, who had been captured or rescued from their enemies. From some of them he received hostages. By means of these actions he both secured the peace of his province and prolonged it. The king of the Scythians also was removed from his siege of Chersonesus, which is beyond the Borysthenes. He was the first person to help from that province the grain-supply -of the Roman people by means of a large quantity of wheat. (*ILS* 986)[8]

The achievements may be examined in turn. First, he "brought across" the Danube a lot of people. The grandiloquent epitaph shows him in charge, but did he do any more than agree to their desire to come south of the river ? Certainly, there is no hint that he forced them to come: rather, their arrival is presented as a positive achievement in that it swelled the numbers of imperial taxpayers. The lack of any serious military problem under his governorship is indicated by the imperial decision to re-assign a large part of his army to Armenia. Cleverly, the epitaph makes that a positive event, by showing him successful against the Sarmatians even without much of his army. But again we are not told of any battle or victory. Instead he has suppressed a problem that was beginning there. We are not told what that means – what the problem was, how far it had developed, if at all – but again the vagueness gives us no encouragement to suppose that he had ever taken his army into the field against any Sarmatians. Diplomacy may well have been enough, and the "incipient disturbance" may not have required much even of that. Then we are told of another aspect of his bringing over of people, where again there is no sign of battle. Rather the achievement lies in their homage and their novelty to Romans. Then, further diplomatic activity, entailing the ringing names of the Rhoxolani and Dacians. Here at last there is a hint of conflict, for some unspecified individuals among those involved had been captured by the Romans, it seems. What is strikingly absent,however, is any statement about how and when that had happened. Certainly, if Plautius Silvanus himself had captured them, and not a predecessor for example, we should expect that to have been made very clear and listed as an achievement in its own right. Then we are told of hostages, but once again this need be no more than a matter of diplomacy. In short, this list of achievements does not record a great general, or even a single victory, large or small. Instead it shows a governor busy in his involvement with peoples beyond the Danube and claims credit for his successful dealings there in these various ways – all short of battle.

As we examine the text of the epitaph we see also a break at this point which has usually gone unremarked: "by means of these actions he both secured the peace of his province and prolonged it". The sentence is surely a summary conclusion to his activities in his *provincia*. And that simple observation explains the formulation that follows**: "**the king of the Scythians also was removed from his siege of Chersonesus, which is beyond the Borysthenes." Here there is a real difficulty of interpretation, so that there is no place for dogmatism. However, if the previous sentence is a summary conclusion on the *provincia*, it follows that we have here an additional matter (and another will follow that - on grain supply) beyond the *provincia*. That certainly suits the language of the epitaph, which specifies that Chersonesus and its siege lay "beyond the Borysthenes". Again we have a genuine problem of interpretation of the name, since Borysthenes may be both the Dnieper river and the city of Olbia (not to mention more recondite usages, happily irrelevant here). However, on balance the river is far more likely here, for it marks a physical border for Chersonesus far better than could Olbia. Further, there is much about the Danube and its crossing implied in this text, so that a river and a location beyond a river would seem to fit rather better. Finally, as Strabo and others make very clear, it is the river that is the more famous of the two in the Roman empire, even if Olbia too enjoyed some significance.

With that in mind, we may also observe that to describe Chersonesus in terms of the river Borysthenes (as also of Olbia, if that is preferred) is very peculiar, not least because a great distance intervenes. It would be clearer and simpler to locate Chersonesus by reference to the Crimea, perhaps as Tauric Chersonesus.

8. The translation is that of [Conole and Milns, 1983], with minor changes.

However, neither clarity nor simplicity were important. For the laudatory purposes of the epitaph "beyond the Borysthenes" sounded far better: Plautius Silvanus' action had proceeded beyond a major boundary of world geography. What is less clear is whether the Dnieper was also the boundary of the *provincia*. Our hard knowledge is insufficient to allow us to be sure about that, but I am strongly inclined to think so. The Roman frontier in the northwest Black Sea was unusual and a little awkward. The Danube established a line on the landscape, south of which the major Roman positions were concentrated. However, we know enough about Roman frontiers in general and about Roman management of this frontier in particular, to recognize also that that was not the whole story.[9] Furthermore, the line of the Danube left Tyras and Olbia very exposed, while we should expect Rome to have been concerned with them not only for reasons of their Greekness, but also because they controlled a substantial portion of the coast of the Black Sea (and we may observe the remarks of Agrippa I, as formulated by Josephus and located in AD 66, shortly after Plautius Silvanus' death: *BJ* 2. 345ff., esp. 366). The fate of Tyras and Olbia must have become an issue for Rome as soon as the kingdom of Thrace was annexed as Moesia in AD 46. In all probability (although there is no direct evidence) these cities were included within the new province soon enough. That would be a very satisfactory explanation as to why Tyras adopted a new era in those years.

There has been much dispute, but these reasons together seem to me to constitute a sufficiently strong case for supposing that Rome regarded the Dnieper as the boundary of the province to the east along the Black Sea coast at least from the early years of Nero. If that is right, the language of the epitaph makes complete sense: events in the province and on the Danube had been covered, the Scythian affair across the Dnieper was an addendum, as also was the rather different matter of grain sent to Rome, another first that might be claimed and might be all the more worth claiming in an epitaph in the environs of Rome, where grain shortage was not unknown in these years. In the Crimea a great success is implied for the governor: he has saved the city from barbarian siege. But again there is no word of any battle fought or victory won, nor even any claim to the major achievement that would have been entailed in taking any substantial force all the way to Chersonesus by crossing the Dnieper and a great deal more. The silence is deafening. And the reason is clear: there was no battle and no campaign.

9. Further, [Paunov and Doncheva, 2013] with bibliography.

Of course, much has been written about the way in which the Roman army might have gone to the Crimea - whether by land or by sea or by both in tandem. However, the silence of the inscription indicates clearly enough that there was no such expedition. Certainly, credit is claimed for Plautius Silvanus with regard to raising the far-off siege, as in his dealings with the peoples of the Danube, but again there is no reason to suppose anything more than diplomacy. The silence of the epitaph suggests that the Scythian king had raised his siege of Chersonesus not because of the arrival of the governor and his army (whether depleted or not), but because he had been persuaded to do so, whether with threats, promises or payments. Moreover, we need not imagine either that diplomatic contact with the governor was the only reason for the king's withdrawal. If the king had withdrawn after the governor had sent a letter or the like, it was easy enough for him to claim a great achievement far across the Dnieper. However, it is entirely possible if not probable that the Scythian king would have seen the affair very differently. Conceivably he had already wearied of the siege: the great port of Chersonesus was not easily overcome by pastoralists, who could not control the sea and who were not well suited to siege warfare. No doubt, too, the Scythian king had other concerns, including consideration of the passage of the seasons. Accordingly, we may consider that even the diplomacy deployed by the governor may have been less crucial in the Crimea than the epitaph would suggest.

Diplomacy was much more important to Roman imperialism than the imposition of force, so that Plautius Silvanus' achievements were by no means trivial or unworthy of praise. And of course it was especially military power and potential that gave strength to Roman imperial diplomacy. However, in itself diplomacy was not quite the stuff of greatness by the standards of the Roman elite of the Principate. A glance at the *Res Gestae* of Augustus shows the *princeps* listing the more remarkable aspects of his diplomatic activity, but he also makes very explicit his victoies by brute force and the fact that his militarism supported and validated his invaluable diplomacy. In the northern Black Sea we may observe in this regard the busy negotiations - conducted by letter – between Claudius and Eunones, king of the Aorsi, in arranging the handover of Mithridates VIII (Tac. *Ann.* 12. 15ff.). The local elites of the Greek cities of the region might play a role in the wealth of negotiations through which Rome sought to manage the region as a whole. The fragmentary inscription found below Mangup (SEG 46. 947) seems to show that process in action: there we find kings of the Aorsi and what seems to be an hon-

oured diplomat of a local city, evidently with at least an important relevance to Chersonesus, the nearest large city. This is not the place to explore the many problems of this text, and we should hesitate before building such a problematic text, without precise dating, into an historical vision of the region which is already hazy enough.[10]

Of course, diplomacy makes a far less attractive story than the now-familiar notion of a warring Plautius Silvanus, deploying his army from south of the Danube to the Crimea. That and the weight of habit and tradition, will probably mean that my re-consideration of his inscription will be unwelcome to many a scholar, even though it is grounded in the actual words of his epitaph. However, it should be understood too that my argument for his governorship as one of diplomacy (not war) has two substantial advantages. For it solves two problems. First, it explain why Tacitus says not a word about his activities, unless we imagine (and there is no reason why we should) that he dealt with all this out of chronological sequence. On the interpretation advanced here, Tacitus' omission is not a problem at al: the diplomacy of the governor was not enough to demand inclusion in the *Annals*. Secondly, the remarks of Vespasian. For, extraordinarily, the epitaph quotes the emperor Vespasian's words in his oration for the deceased, stressing that Nero should have honoured the man for his governorship. Vespasian's words have been taken to show Nero's unfairness or jealousy,[11] but these too were laudatory oratory. Plautius Silvanus had become an important man in Vespasian's regime, an imperial favourite. Accordingly, we can hardly regard these words as impartial: the emperor had every reason to criticise Nero and to praise his own man. Of course, his words look very different once we have seen, as Tacitus evidently did, that Plautius Silvanus' governorship was not so remarkable, and that there had been no military victories and at best only some skilled diplomacy, whether in the Danube region or stretching into the Crimea. One may agree with Nero that the governorship was not such a wonderful success and did not require the kind of honours of which Vespasian later spoke. Indeed, the very fact that, exceptionally, the epitaph incorporates Vespasian's assessment, might well be taken as a further indication that Roman admiration of this particular governorship was otherwise lukewarm. It may not only have been Nero who considered it rather less than great. Vespasian's positive assessment of the past of his favourite added a lustre that would reflect well on the emperor himself, while the quotation of his words offered important support to the rhetorical strategy of the rest of the epitaph.

The purpose of this paper has been to develop my part of the discussions which I enjoyed with Valentina Krapivina. I do not mean to suggest that she agreed with all my ideas, for in fact she did not even know in detail of much of my thinking on these topics. However, I have tried here to continue on the path which we had begun to travel together, looking hard at each element of the evidence for Rome and the northwestern Black Sea in the first century AD. This paper has not addressed everything, of course, but in tackling anew the famous epitaph and touching upon the Mangup inscription, the papyrus (Hunt's Pridianum) and the largely irrelevant set of objects that have been brought into consideration, I think it has given an indication of where our joint work might have gone, if untimely fate had not made that impossible. The upshot of all this for Neronian Olbia is rather negative. For, although there are other reasons to suspet a Roman presence at Olbia under Nero, the epitaph of Plautius Silvanus certainly does not say that he or his army visited Olbia and neither does it say anything that implies as much.

10. V.M. Zubar [Zubar, 2007, p.173-178] provides a bold account, including Pharzoios' coinage and Olbia, though all is speculation.

11. [Griffin, 1984, p.118; Levick, 1999] too.

Conole P. and Milns R.D. Neronian Frontier Policy in the Balkans: The Career of Ti. Plautius Silvanus // Historia – 32. – 1983. – P. 183-200.

Fink R. Hunt's Pridianum: British Museum Papyrus 2851 // JRS – 1958. – 48. – P.102-116

Griffin M.T. Nero. The end of a dynasty. London., 1987 - 320 p.

Hind J.G.F. City Heads/Personifications and Omens from Zeus (the Coins of Sinope, Istria and Olbia in the V-IV Centuries BC) // Numismatic Chronicle. – 2007. – 167. – P.9-22.

Leschhorn W. Antike Ären. Zeitrechnung, Politik und Geschichte im Schwarzmeeraum und in Kleinasien Nördlich des Tauros. – Stuttgart. – 1993 – 370 s.

Levick B. Vespasian. – London-Oxford. – 1999. – 110 p.

Paunov E. and Doncheva D. The role and military significance of Moesia in the 'Year of the Four Emperors' and under Vespasian // Diomedes. – 2013. – 6. – P. 43-56.

Русяева А.С. Религии и культы античной Ольвии. – К., 1992. – 254 с.

Vinogradov Ju.G. Pontische Studien. – Mainz, 1997. – 320 c.

Zubar V.M. Roman military units in Olbia // D. Braund and S.D. Kryzhitskiy (eds.), Classical Olbia and the Scythian world. – Oxford, 2007. – P. 173-178.

Дэвид Браунд

ОЛЬВИЯ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ: НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО АКТИВНОСТИ НЕРОНА В ОЛЬВИИ

Рассматривается тема, которая занимала центральное место в работе Валентины Крапивиной, а именно, римский период в Ольвии и в Северном Причерноморье в целом. Ранее в качестве доказательства присутствия римлян в Ольвии рассматривалась терракота орла из Ольвии, хранящаяся в Археологическом музее ИА. По мнению Дональда Бейли, эти находки датируются в пределах конца I – первой половины II в. н.э. и уже поэтому не могут быть доказательством присутствия римлян в Ольвии во времена Нерона. Однако орел был символом Зевса. В римской Ольвии он считался защитником города. В этой связи можно вспомнить, что дела города обсуждались в храме Зевса.

Привлекаются данные эпиграфики, в первую очередь эпитафия Тиберия Плавтия Сильвана, которая была фокусом давней научной дискуссии о роли римлян в жизни Ольвии. Исследование текста эпитафии и сравнение его с данными Тацита позволяет заключить, что не военные успехи покойного, а тонкая дипломатия позволили ему обеспечить успех своей Провинции. Однако, эта эпитафия, как и надпись с Мангупа и особенно папирус Ханта, которые оказались в сфере нашего внимания.

Ключевые слова: Ольвия, терракота орла, Рим, Зевс Ольвийский, Плавтий Сильван.

Девід Браунд

ОЛЬВІЯ В РИМСЬКІЙ ІМПЕРІЇ: ДЕЯКІ ЗАУВАЖЕННЯ ВІДНОСНО АКТИВНОСТІ НЕРОНА В ОЛЬВІЇ

Розглядається тема, яка займала центральне місце в роботах Валентини Крапівіної, а саме, римський період в Ольвії і у Північному Причорномор`ї в цілому. Раніше для підтвердження присутності римлян в Ольвії розглядалася теракота орла з Ольвії з матеріалів Археологічного музею Інституту археології. Аналогія їй знайшлася у Британському музеї. На думку Дональда Бейлі, вона виготовлена в майстерні на Кніді і датується у межах I – першої половини II ст. н.е., і вже тому не можуть слугувати доказом присутності в Ольвії римлян за часів Нерона. Однак, орел був символом Зевса, який у римській Ольвії вважався захисником міста.

Залучено дані епіграфіки, у першу чергу епітафія Тіберія Плавтія Сільвана, яка була центром давньої наукової дискусії про роль римлян у житті Ольвії. Дослідження тексту епітафії, порівняння його з повідомленнями Тацита, дозволяють заключити, що не військову успіхи, а тонка дипломатія покійного сприяла вдалим діям у Провінції. Одна ця епітафія, як і напис з Мангупу і папірус Ханта, які опинилась у сфері нашої уваги, не можуть остаточно вирішити наш спір відносно взаємовідносин Ольвії і Риму за часів Нерона.

Ключові слова: Ольвія, терракота орла, Рим, Зевс Ольвійський, Плавтій Сільван.

Одержано 8.10.2014

УДК [904:930.271] (477.73) «652»

Н.И. Николаев

О ДАТИРОВКЕ ОЛЬВИЙСКОГО ДЕКРЕТА IOSPE. I². 34 В ЧЕСТЬ НИКЕРАТА ПАПИЕВА[1]

На основе системного анализа предложена гипотеза о датировке декрета IosPE. I². 34 в честь Никерата Папиева концом I в. до н.э. – I в. н.э.

Ключевые слова: Ольвия, декрет IosPE I². 34, Никерат Папиев, датировка, системный анализ.

Ольвийский декрет *IosPE.* I². 34 в честь Никерата, сына Папиева традиционно датировался исследователями второй половиной II – первой половиной I вв. до н.э. Издатель декрета В.В. Латышев [Латышев, 1887, с. 139] относил этот документ ко времени «…незадолго до гетского разорения…», к первым десятилетиям I в. до н.э. П.О. Карышковский принимал датировку декрета последними годами II в. до н.э. [Карышковский, 1962, с. 99]. Т.Н. Книпович, первоначально отнеся декрет к I в. до н.э. [Книпович, 1956, табл. 1. №119], впоследствии воздержалась от датировки, считая необходимым *специальное изучение* его палеографии и орфографии [Книпович, 1966, с. 26]. Однако, после выхода в свет монографии Ю.Г. Виноградова, в науке *установилась* достаточно узкая датировка декрета *первыми двумя десятилетиями* II в. до н.э. [Виноградов, 1989, с. 184]. В основу датировки Ю.Г. Виноградовым положены весьма *краткие замечания* о палеографии и языке надписи (один абзац со сносками), а также, события истории Херсонеса (в дальнейшем, основное внимание будет уделено анализу аргументов Ю.Г. Виноградова).

Между тем, в последние годы в гуманитарную сферу, в том числе, в исторические исследования, сравнительную мифологию [Mac Carron, Kenna, 2012] все активнее проникает новый эффективный инструмент исследований — *системный анализ* [Сурмин, 2003]. На базе системных исследований выполнена, в частности, синхронизация эпонимного каталога *IosPE.* I². 201. Установлено, что этот документ содержит *основные просопографические сведения* о самых знатных семьях Ольвии IV–I вв. до н.э. [Николаев, 2014]. Однако, в отличие от *десятков* иных лапидарных надписей Ольвии IV–I вв. до н.э., *взаимосвязь* декрета *IosPE.* I². 34 с эпонимным каталогом, обнаружена не была [Николаев, 2008, с. 89]. Это может свидетельствовать о том, что датировка декрета *не соответствует* предложенной исследователями и послужило поводом для выполнения датировки декрета *IosPE.* I². 34 на базе *системных* принципов, т.е. в совокупности с *иными* надписями. При этом, *традиционные* палеографические и лингвистические штудии, значительное внимание которым уделялось исследователями ранее, здесь не претендуют на полноту.

Палеографические аналоги декрета *IosPE.* I². 34. Одним из первых аргументов в датировке декрета *IosPE.* I². 34 Ю.Г. Виноградов назвал *совпадение шрифта декрета* с надписями первой половины II в. до н.э. При этом, к первой половине II в. до н.э. исследователь, соглашаясь с издателями *I.Olbia*, отнес посвящение *I.Olbia* 74, декрет *I.Olbia* 34 и декрет *I.Olbia* 21+30+120 [Виноградов, 1989, с. 184, сноска 26].

1. Искренне благодарю А.И. Иванчика, С.Ю. Сапрыкина и С.Р. Тохтасьева за помощь и критические замечания, способствующие улучшению этой статьи.

© Н.И. НИКОЛАЕВ, 2015

Рис. 1. Декрет *IosPE.* I². 34 в честь Никерата Папиева. Фото из архива А.И. Иванчика

Посвящение *I.Olbia* 74 Стефана, сына Александра из Смирны в более поздней работе Ю.Г. Виноградов [Виноградов, 1998, с. 42–45] *передатировал* временем Митридата VI Евпатора. Выполнивший фундаментальное изучение посвящения *I.Olbia* 74 А.И. Иванчик, отнес этот документ ко времени от Скилура до Митридата и высказал *убедительную* версию о причине передатировки Ю.Г. Виноградовым посвящения — идентичность персонажа (Стефан, сын Александра, смирнеец) в декрете в честь Стефана [Иванчик, 2011, с. 30], датируемом концом II в. до н.э. Подкреплю справедливость этой передатировки собственными исследованиями [Николаев, 2013-3] — расшифровкой монетной монограммы 110–100 гг. до н.э. именем упоминаемого выше Стефана.

В editio princeps декрет *I.Olbia* 34 *по палеографии* датируется концом III– первыми десятилетиями II вв. до н.э., что принято Ю.Г. Виноградовым [Виноградов, 1989, с. 184, сноска 26]. Между тем, фрагментированный декрет *I.Olbia* 34 может быть отнесен *к обособленной группе* лапидарных надписей Ольвии: *IosPE.* I². 32, 189, 327(?); *I.Olbia* 26, 34, 68, 69; декрет о взыскании (долга) [Николаев, 2013-1]; декрет *IScM* I 65 в честь Эпикрата, сына Никобулоса [Кожокару, 2011, с. 297; Николаев, 2013-2]. В этой группе надписей артикли τήν, τόν, τῶν представлены в ассимилированных формах перед губными β, π (τήμ, τὸμ, τῶμ) [Buck, 1998, с. 76—78; Threatte, 1980, с. 588–595, с. 624–632]. (Иные разновидности фонетических явлений здесь не рассматриваются). Использование в лапидарной эпиграфике Ольвии артиклей в ассимилированных формах перед губными β, π тяготеет к 250–220 гг. до н.э. Выявление рассматриваемой группы — побочный результат построения виртуального хронологического ряда ольвийских надписей на базе синхронизации эпонимного каталога *IosPE.* I². 201 [Николаев, 2013-1].

Декрет *I.Olbia* 17+21+30+120 в честь такого-то, сына Зобия по палеографии датируется исследователями 250–200 гг. до н.э. Декрет относится к небольшой группе ольвийских лапидарных надписей, начинающихся с *эпонимной формулы* «ἱερωμένου …– в жречество (такого–то)…»: *IosPE.* I². 33, 35; *I.Olbia* 26, 75, 17+21+30+120. Реконструкция декрета *I.Olbia* 17+21+30+120 выполнена В.П. Яйленко [Яйленко, 1984, с. 216–219=*SEG* 34:759] *без учета* расположения формулы в центре строки: «[ἱερομένου τοῦ δεῖνος [?] Ἀνα]ξιμένους…». Реконструкция же первоиздателя — «ἱερωμένου Ἀνα]ξιμένους…». Это открывает возможность для просопографической датировки декрета *I.Olbia* 17+21+30+120, поскольку в III столбце эпонимного каталога *IosPE.* I². 201 зафиксирован год Ἀν[αξιμένος? τοῦ δεῖνος], соответствующий 97 г. до н.э. [Николаев, 2013-3]. Предлагаемую датировку значительно *усиливают* рассмотренные выше надписи Ольвии, которые, *также,* тяготеют к рубежу II–I вв. до н.э. Декрет *IosPE.* I². 35 =*SEG* 28:647,2 в честь амисенского кибернета, датирован годом Аполлона, бывшего после Посидея Анаксагорова — «[ἱερωμένου Ἀπόλλωνο]ς τοῦ μετὰ Ποσίδεον Ἀναξα[γόρου…]». В III столбце эпонимного каталога *IosPE.* I². 201 зафиксированы годы Ποσ[ιδέος Ἀναξαγόρου] и Ἀπό[λλων Διός?], соответствующие 106–105 гг. до н.э. [Николаев, 2013-3]. Вотивно–строительная надпись *I.Olbia* 75 рубежа II–I вв. до н.э. о постройке (или ремонте) башни Ареса, также, содержит датировочную формулу «[ἱερωμένου τοῦ δεῖνος μηνὸς Κ] υανεψιῶνος…» [Виноградов, 1989, с. 257=*SEG* 42:708]. К рубежу II–I вв. до н.э. возможно отнесение фрагментированного декрета *IosPE.* I². 33 «[ἱερωμένου] Λην[α]ίου τ[οῦ?…» [SEG 28:647,1] с учетом его палеографии, подобной декрету *IosPE.* I². 35 и орфографиче-

ской особенности (см. ниже табл. 2). *Активное* использование эпонимной датировочной формулы в ольвийских надписях *только в начальный* («мягкий») период протектората Митридата VI Евпатора, является новым историческим фактом рубежа II–I вв. до н.э. Объясняется этот факт, весьма вероятно, с учетом внутриполитической ситуации, *необходимостью подготовки ольвиполитов к переходу на летоисчисление Понта.* Реально же состоявшийся переход на *новое летоисчисление* (не ранее 94 г. до н.э., согласно каталога *IosPE.* I². 201; см. также [Габелко, 2006, с. 125]) *подтверждается* публикацией В.В. Крапивиной и П.Д. Диатроптова посвящения «стратега и градоначальника» Диогена Тиэева 78/77 гг. до н.э. (уже без упоминания институтов полисного самоуправления!) [Крапивина, Диатроптов, 2005]. При этом, получает объяснение и единственный, хронологически «выпадающий» из рассматриваемой выборки, декрет *I.Olbia* 26 в честь херсонесита Дионисия Тагонова, принятый при жреце Герогейтоне (Теогейтоне) «Ἱερωμένου Ἡρο(Θεο)γείτονος…» и достаточно надежно датирующийся 240–227 гг. до н.э. Эпонимная формула этого декрета вырезана на скошенной поверхности карниза, т.е. была добавлена *позднее* [Леви, 1951, с. 142], вероятно, для улаживания каких–то коллизий, связанных с принятием этого декрета [Николаев, 2008, с. 85].

Таким образом, палеографические аналоги декрета *IosPE.* I². 34, перечисленные Ю.Г. Виноградовым (*I.Olbia* 74, *I.Olbia* 34 и *I.Olbia* 17+21+30+120), *не могут быть привлечены* для надежного обоснования датировки этого документа первыми двумя десятилетиями II в. до н.э.

Палеография. В начале этого раздела приведу важное наблюдение С.Ю. Сапрыкина (частная переписка с автором) о том, что *палеография* декрета *IosPE.* I². 34 соответствует *широкому хронологическому диапазону* от II в. до н.э. до II в. н.э. Это и определяет всю *сложность* палеографической датировки декрета. Так, замечание Ю.Г. Виноградова [Виноградов, 1989, с. 184] о том, что со второй половины II в. до н.э. в ольвийских надписях утвердился курсивный шрифт (*IosPE.* I². 201; *I.Olbia* 35–38), сосуществующий в это время с угловатым (*IosPE.* I². 35–36; *I.Olbia 27*), а шрифт декрета в честь Никерата характерен для *предшествующего* периода — первой половины II в. до н.э., *опровергнуто* материалами В.В. Крапивиной и П.Д. Диатроптова. Исследователями опубликовано упоминаемое выше посвящение Диогена Тиэева *первой четверти I в. до н.э.*, исполненное *монументальным* шрифтом [Крапивина, Диатроптов, 2005]. Несложно установить, что посвящение Диогена Тиэева — еще один, новый *палеографический аналог* декрета в честь Никерата. Не менее близким по палеографии декрету *IosPE.* I². 34 является, по моему мнению, и посвящение *I.Olbia* 90 архонтов Ахиллу Герою, датируемое издателями концом I в. н.э.– первой половиной II в. н.э. Следует учесть и рассмотренные в предыдущем разделе, предлагаемые Ю.Г. Виноградовым, палеографические аналоги декрета *IosPE.* I². 34 (*I.Olbia* 74, *I.Olbia* 34, *I.Olbia* 17+21+30+120), относящиеся, как было показано, к широкому хронологическому диапазону. Тем самым, *подтверждается* наблюдение С.Ю. Сапрыкина. На первый взгляд, длительное использование монументального шрифта в лапидарной эпиграфике Ольвии определяет необходимость выполнения сравнительного *хронологического* исследования его «тонкой структуры». Между тем, малая эффективность, легкая уязвимость для критики и ярко выраженная субъективность применяемых на данном этапе палеографических инструментов иллюстрируется следующим *примером.* Одним из палеографических критериев для отнесения декрета в честь Никерата к первым двум десятилетиям II в. до н.э., Ю.Г. Виноградовым приняты колебания в написании *альфы* [Виноградов, 1989, с. 184]. Эти колебания отмечал и В.В. Латышев [*IosPE.* I². 34]. Имеются в виду различия в изображении поперечной гасты: прямой (горизонтальной или наклонной), ломаной или изогнутой линией (Иные различия, характерные для первых веков н.э., не рассматриваются). Следующие надписи, среди которых декрет *IosPE.* I². 78 тенедийцев в честь Посидея, просопографически датируемый близко к рубежу III–II вв. до н.э., декрет в честь родосца Гелланика *IosPE.* I². 30, датируемый, вероятно, не ранее 230-х гг. до н.э. и найденное в окрестностях Ольвии посвящение херсонеситов Деве, датируемое ок. 170 -х гг. до н.э. характеризуются наличием колебаний: от прямой перекладины к ломаной [Николаев, 2008, с. 244–245]. Таким образом, датировка перечисленных надписей, *на первый взгляд,* подтверждает, что колебания в написании *альфы* соответствуют началу II в. до н.э. Однако, перемещение по временной оси вперед, обнаруживает группу надписей (*IosPE.* I². 19, 201; *I.Olbia* 76) конца II – начала I вв. до н.э., которые, также, характеризуются написанием *альфы* с ломаной перекладиной; отмечаются колебания, например, в декрете конца II до н.э. в честь Стефана, сына Александра, смирнейца [Иванчик, 2011, с. 15–38]. Аналогичные колебания отмечены в упоминаемом выше посвящении *I.Olbia* 74. Тем самым, аргумент Ю.Г. Виноградова об отнесении декрета *IosPE.* I². 34 к началу II в. до н.э. на базе *колебаний в написании*

альфы не имеет реальных оснований. Приведеная информация может быть трактована лишь так, что terminus post quem колебаний в написании *альфы* относится к рубежу III–II вв. до н.э. Однако, на основе моих собственных наблюдений, такие колебания обнаруживаются в ольвийских надписях уже с третьей четверти III в. до н.э.; отмечу уже упоминавшийся декрет *I.Olbia* 34, в котором такие колебания проявляются, вероятно, в начальной форме – горизонтальная гаста соседствует с округлой.

Попытка обнаружить terminus ante quem этой палеографической особенности потребовала расширения хронологических рамок исследования и перехода к первым векам н.э. Здесь обнаруживается очень большая группа надписей с рассматриваемыми выше колебаниями в написании *альфы*: *IosPE.* I². 39, 40, 68, 70, 86, 110, 120, 129, 130, 133, 142, 144, 152, 162, 181, 233, 239, 243, 253, 274b, 276; *I.Olbia* 42, 90, 91. Хронологически рассматриваемые надписи охватывают ранний I в. н.э. – III в. н.э. На данном этапе это замечание означает не только то, что аргумент Ю.Г. Виноградова [Виноградов, 1989, с. 184] в отнесении декрета *IosPE.* I². 34 к первым двум десятилетиям II в. до н.э. на основе колебаний в написании *альфы* не может быть признан, но указывает также хронологический диапазон дальнейших исследований — первые века н.э.

Таким образом, палеографические исследования декрета *IosPE.* I². 34, исполненного монументальным шрифтом, существенно затруднены, вследствие бытования этого шрифта на протяжении нескольких сотен лет. В заключение этого раздела приведу *единственный*, по моему мнению, значимый палеографический аргумент: если допустить датировку декрета в честь Никерата по Ю.Г. Виноградову, тогда это будет *самый широкий* (*ширина* более 56 см!) *ольвийский декрет эллинистического времени*, что заметил еще В.П. Яйленко [Яйленко, 1990, с. 282, прим. 110]. Ширина камня декрета *характерна* для надписей первых веков н.э., в чем можно легко убедиться, просмотрев каталоги *IosPE.* I². и *I.Olbia*.

Переход к «новым» языковым формам. Ю.Г. Виноградов указал, что датировку декрета началом II в. до н.э. подтверждает язык надписи, в который *только понемногу начинают проникать «новые» формы* (8 раз исследователем выявлен пропуск *iota mutum* и 10 раз присутствие *iota adscriptum*), «…в отличие от лапидарных текстов следующего периода и особенно раннеримского времени, целиком перешедших на новые языковые формы» [Виноградов, 1989, с. 184–185]. Замечу, что для анализа различных *процессов*, независимо от их природы, используются *типовые методы*. Не исключением является и такой процесс, как проникновение «новых» орфографических форм в ольвийские лапидарные надписи. Общий принцип исследования процессов состоит в привлечении возможно *большего количества информации* для построения адекватной модели [Сурмин, 2003]. К сожалению, материалы Ю.Г. Виноградова, основанные на сопоставлении с *единичными, случайными* образцами надписей и *безотносительным* подсчетом пропусков *iota mutum* и присутствия *iota adscriptum,* без привязки к иным надписям, не могут быть безоговорочно приняты. *Не претендуя на полноту лингвистической компоненты исследования*, ниже мной построена хронологическая модель процесса перехода от «старых» к «новым» языковым формам для группы основных лапидарных надписей Ольвии начиная примерно с 240 гг. до н.э. (табл.1). Присутствие *iota adscriptum* рассматривается как признак «старой» языковой формы, а пропуск *iota mutum* — как признак «новой». Учитываются формы, восстановленные в лакунах издателями. Не нарушая построений Ю.Г. Виноградова, используются *абсолютные* единицы, вместо очевидных здесь, относительных.

Табл. 1.

Название	**Обозначение**	**Дата**	***Iota adscriptum***	***Iota mutum* (*пропуск*)**
Декрет в честь Дионисия Тагонова	*I.Olbia* 26	240–227 гг. до н.э.	3	—
Декрет в честь Протогена	*IosPE.* I². 32	Ок. 230 г. до н.э.	23	—
Декрет в честь Эпикрата Никобулова	*IScM* I 65	Ок. 230 гг. до н.э.	10	—
Декрет в честь сыновей Аполлония	*SEG* 39:702	Ок. 215 г. до н.э.	8	—

Декрет в честь Никерата Папиева	*IosPE.* I². 34	200–180 гг. до н.э. (по Ю.Г. Виноградову)	10	8
Декрет в честь амисенского кибернета	*IosPE.* I². 35	Ок. 105 г. до н.э.	—	4
Декрет в честь Стефана Александрова	[Иванчик, 2011]	Рубеж II–I вв. до н.э.	—	22
Фрагментированный декрет	*I.Olbia* 36	Рубеж II–I вв. до н.э.	—	4
Фрагментированный декрет	*I.Olbia* 38	Рубеж II–I вв. до н.э.	—	2

Полученная таблица, *на первый взгляд*, подтверждает выводы Ю.Г. Виноградова. Действительно, декреты второй половины III в. до н.э. содержат только *iota adscriptum,* т.е. *целиком* соответствуют «старым» формам. Далее, по Ю.Г. Виноградову, хронологически следует декрет в честь Никерата начала II в. до н.э., с *переходными* формами (8 раз *iota mutum* не пишется, 10 раз присутствует *iota adscriptum*). Рубеж же II–I вв. до н.э., представлен декретами в честь амисенского кибернета, Стефана, сына Александра и фрагментами *I.Olbia* 36, 38, *полностью* перешедших на «новые» формы. Однако, сомнение вызывает то, что *полное* проникновение «новых» орфографических форм в тексты ольвийских надписей произошло *менее*, чем за один век. Расширение *хронологических рамок* исследования и привлечение *иных* надписей (табл. 2) дало существенно отличающийся результат: *переходный период в утверждении «новых» языковых форм хронологически гораздо шире и охватывает надписи конца II в. до н.э. – конца I в. н.э.* (Данные табл. 1 в табл. 2 не дублируются).

Табл. ***2****.*

Название	**Обозначение**	**Дата**	***Iota adscriptum***	***Iota mutum* (пропуск)**
Посвящение Посидея Дионисиева	*SEG* 40:633	Ок. 188–158 гг. до н.э.	1	—
Декрет в честь сына Зобия	*SEG* 34:759	Ок. 97 г. до н.э.	3	—
Фрагментированный декрет	*IosPE.* I². 33	Рубеж II–I вв. до н.э.	—	1
Надгробие	*IosPE.* I². 204	Римский период	—	4
Надгробие	*IosPE.* I². 225	Римский период	2	—
Надгробие	*IosPE.* I². 206	Римский период	1	—
Посвящение стои	*IosPE.* I². 181	Время Тиберия	6	—
Декрет в честь Дада Тумбагова	*IosPE.* I². 52	Римский период	2	7
Декрет	*IosPE.* I². 56	Римский период	1	1
Декрет из Мангупа	*SEG* 46:947	60-е гг. н.э.	1	5
Декрет в честь Агафокла	*SEG* 45:980	50–100 гг. н.э.	—	3
Посвящение Аполлону Простату	*I.Olbia* 80	Середина II в. н.э.	2	1
Посвящение Аполлону Простату	*I.Olbia* 79	1–150 гг. до н.э.	—	4
Посвящение Аполлону Простату	*I.Olbia 81*	150–200 гг. н.э.	1	3

Декрет в честь Карзоаза Атталова	*IosPE.* I². 39	II в. н.э.	—	12
Декрет в честь Феокла Сатирова	*IosPE.* I². 40	II–III в. н.э.	—	20
Декрет в честь Каллисфена Каллисфенова	*IosPE.* I². 42	200–210 гг. н.э.	—	7
Декрет в честь Каллисфена Дадова	*IosPE.* I². 43	200–210 гг. н.э.	—	2
Декрет в честь такого-то, сына Каллисфенова	*IosPE.* I². 44	200–210 гг. н.э.	—	3
Декрет	*IosPE.* I². 51	II в. н.э. (?)	—	10

Особенно показательна надпись *IosPE.* I². 181 времени Тиберия, целиком выполненная в «старых» формах. Характерны надгробия *IosPE.* I². 204, 206, 225 вероятно раннеримского времени, отражающие существование в *бытовом языке* «старых» форм. Группа декретов *IosPE.* I². 52, 56 и *SEG* 46:947 (из Мангупа, 60-е г. н.э.) отражает *переходный* период, продолжающийся и в I в. н.э. И лишь только надписи II–III вв. н.э. представлены исключительно «новыми» формами. Сюда относится, например, достаточно надежно датируемая издателем 200–210 гг. до н.э., группа декретов *IosPE.* I². 39, 40, 42, 43, 44. Для адекватного восприятия табл. 1 и табл. 2 следует учитывать, что исследуемые надписи расположены в *условно–хронологическом* порядке, поскольку датировки их установлены с *различной* точностью, от нескольких лет (декреты в честь Протогена, Дионисия Тагонова, сыновей херсонесита Аполлония, амисенского кибернета, Стефана Александрова, Каллисфена Каллисфенова, Каллисфена Дадова) до многих десятков лет.

Очевидно, требует объяснения «всплеск» активного использования «новых» орфографических форм на рубеже II–I вв. до н.э. (табл. 1). Можно предположить *активное* участие в *составлении* текстов декретов Ольвии *иногородних* лиц – новых, пока еще не официальных хозяев города [Николаев 2013-3], вместо *традиционного* секретаря Совета, что, вероятно, связано с исторической ситуацией — *начальным* этапом протектората Митридата VI Евпатора. Таким образом, на основании хронологической модели (табл. 1,2), можно утверждать, что terminus ante quem *переходных* языковых форм (в том числе, декрета в честь Никерата) — приблизительно *конец I в. н.э.* При этом, следует принять во внимание, что иные лапидарные надписи, (кроме декрета *IosPE.* I². 34, как это считает Ю.Г. Виноградов), свидетельствующие о *начале процесса перехода* к новым языковым формам на рубеже III–II вв. до н.э., отсутствуют. К сожалению, лапидарная эпиграфика Ольвии II в. до н.э., за исключением последнего десятилетия, реально представлена лишь группой «коротких» надписей. Посвящение *SEG* 40:633 Посидея Дионисиева ок. 188–158 гг. до н.э. содержит «старую» форму.

Далее, на основании статистики, анализируется хронология некоторых форм, присутствующих в декрете в честь Никерата, которые Ю.Г. Виноградов определял как «старые» и «новые». Формы, *восстановленные издателями в лакуне*, в том числе, в декрете в честь Стефана, сына Александра, датируемого концом II в. до н.э. [Иванчик, 2011, с. 17] здесь не учитываются.

Форма πολείτας (и ее различные варианты) многократно отмечаемая в декрете в честь Никерата, встречается только в надписях *IosPE.* I². 39, 40, 41, 42, 43, 59, 79, 174 *первых веков* н.э., за исключением декрета в честь Стефана, сына Александра из Смирны *конца* II в. до н.э. (см. упоминаемый выше «всплеск»!). Декрет в честь Никерата, если допустить его датировку по Ю.Г. Виноградову ранним II в. до н.э., «выпадает» из рассматриваемой выборки. Форма τόπῳ присутствует *только* в ольвийских надписях *IosPE.* I². 39, 40, 51 первых веков н.э. Декрет в честь Никерата, если допустить его датировку началом II в. до н.э., является единственным *исключением.* По «новой» форме ἑατῷ *отсутствует* местная база для сравнения. Форма ἑαυτοῦ, которую Ю.Г. Виноградов определил как «старую», наряду с многократным упоминанием в надписях античного мира IV–I вв. до н.э., в Ольвии используется только в надписях II–III вв. н.э. (*IosPE.* I². 40, 52, 73, 140, 142, 144, 200; *I.Olbia* 42; *SEG* 49:1028,B), за исключением надписи *IosPE.* I². 192 рубежа II–I вв. до н.э.

Исследуя эволюцию «старой» формулы «…τῆι βουλῆι καὶ τωι δήμωι…», присутствующей в декрете *IosPE.* I². 34 и иных надписях, можно отметить, что переход к формуле «…τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ…», характеризуется

многообразием вариантов, поэтому целесообразно исследовать хронологию применения *отдельных* составляющих формулы. Фактические материалы этого исследования, по причине объемности, опущены, но конечный вывод совпадает с данными табл. 2.: процесс внедрения «новых» языковых форм в Ольвии реально продолжался *несколько столетий*, приблизительно со II в. до н.э. вплоть до начала II в. н.э. Таким образом, присутствие в декрете *IosPE.* I². 34 «старых» и «новых» орфографических форм, не дает оснований относить этот документ к первым двум десятилетиям II в. до н.э., как это предлагал Ю.Г. Виноградов.

Вместе с тем, *в целом,* применяемая в декрете «старая» формула «…τῆι βουλῆι καὶ τῶι δήμωι…», действительно *не характерна* для Ольвии первых веков н.э. Безусловно, конкретная *причина* использования «старой» формулы в декрете *IosPE.* I². 34 недоступна.

Сюжет и фразы. Группа из 7 ольвийских надписей *IosPE.* I². 39, 40, 45, 46, 51, 52, 61 *первых веков н.э.*, объединяется общим сюжетом: увенчанием за заслуги усопшего при выносе тела. В этой группе встречаются различные варианты фразы «…ἐπὶ τῆς ἐκκομιδῆς χρυσῷ στεφάνῳ…—…при выносе (тела) золотым венком (увенчать)…». Орфография этой фразы соответствует «новым» формам. Декрет *IosPE.* I². 34 имеет *сходный сюжет и фразу* с перечисленными выше декретами и относится к указанной группе. Еще одним аргументом для отнесения декрета *IosPE.* I². 34 к первым векам н.э. является фраза о происхождении Никерата Папиева: «…[ἀπ]ὸ προγόνων εὐερ[γέτην]… — …от благодетельных предков…». Упоминание, в той или иной форме, о предках персонажей почетных декретов Ольвии зафиксировано к настоящему времени в 12 документах (*IosPE.* I². 34, 40, 42, 43, 44, 47, 48, 60, 79; *I.Olbia* 42, 45, 163); *все* они относятся к первым векам н.э. (упоминание предков в вотивно–строительной надписи IV в. до н.э. *IosPE.* I². 179, имеет иной контекст).

Ономастика. Форма Νεικήρατος декрета *IosPE.* I². 34, (и другие имена с формой Νεικ…), известны в надписях Ольвии, Северного Причерноморья и античного мира *только* с первых веков н.э. Всего в Ольвии известно *около* 30 надписей первых веков н.э. с формой Νεικ… (*IosPE.* I².34, 40, 41, 80, 82, 84, 89, 92, 93, 96, 97, 98, 100, 102, 113, 116, 118, 128, 129, 134, 139, 169, 174, 227, 269; *I.Olbia* 79, 83). Декрет в честь Никерата, если допустить его датировку по Ю.Г. Виноградову II в. до н.э., представляет единственное *исключение*. В то же время, форма Νικήρατος используется с VI в. до н.э. до II в. н.э. Имя Παπίας в Ольвии известно только в первые века н.э. (*IosPE.* I². 86, 96, 97, 98, 151, 175, 221; *I.Olbia* 83; *SEG* 36:720, 43:506, 43:507, 46:948); *исключение* составляет декрет *IosPE.* I². 34, если принять его датировку по Ю.Г. Виноградову. Имя Παπίας *повсеместно* в античном мире применялось с первых веков н.э. Риторический вопрос: *велика* ли вероятность отнесения декрета в честь Никерата к первым двум десятилетиям II в. до н.э., на основании статистики использования форм и фраз πολείτας, τόπῳ, Νεικήρατος, Παπίας, …ἐπὶ τῆς ἐκκομιδῆς χρυσῷ στεφάνῳ…, …[ἀπ]ὸ προγόνων εὐερ[γέτην]… только в первые века н.э.

Просопография. Род Никератов известен в Ольвии с IV в. до н.э. Вероятно, родоначальник Никератов — персонаж стеностроительной надписи *IosPE.* I². 178 и, не исключено, эпоним 360-х гг. до н.э. Νικήρατος Καλλικράτους [Николаев, 2011, с. 475]. Эпоним ок. 322 г. до н.э. Πλειστῶναξ Νικηράτου, возможно является его сыном. Жрец–эпоним Πλειστάρχος, из декрета *IosPE.* I². 32 в честь Протогена, весьма вероятно, происходит из рода Никератов. Установлен факт усиления рода Никератов в Ольвии в конце III – начале II вв. до н.э. [*IosPE.* I². 190, 191]. Должности эпонимов ок. 221, 220, 218 и 210 гг. до н.э., соответственно, исполнили сыновья некоего Никерата: Χαιρήμων, Καλλικράτης Ἀρίστων и Κρίτος (возможно, монетный магистрат KPI 220–210 гг. до н.э.). Вероятно, Никераты породнились с Евресибиадами, о чем свидетельствует эпонимат ок. 197 г. до н.э. Νικήρατος Εὑρησ[ιβίου]. Фрагмент стеммы Никератов привел В.В. Латышев [*IosPE.* I². 191]. Вместе с тем, имеющаяся информация не может служить основой для датировки декрета *IosPE.* I². 34 [Николаев, 2008, с. 89]. Третий столбец эпонимного каталога Ольвии *IosPE.* I². 201 (110–95 гг. до н.э.) *не содержит* фрагментов, которые можно сопоставить с характерными именами Никератов. Это означает, что Никераты, вероятно, выехали из Ольвии не накануне гетского разгрома, (как, по–видимому, Евресибиады, Дионисии, Батаки, Аристокритиды–Сократиды и Гиросоны–Гиродоры [Николаев, 2013-1, с. 170]), но ранее 110 г. до н.э. и, предположительно, обосновались в Херсонесе. Фраза из декрета *IosPE.* I². 34«…ἐπ]ανῆκεν εἰς τὴν πατρίδα…—…возвратился в отечество…», может быть интерпретирована тем, что Никераты вернулись для восстановления Ольвии на рубеже I в. до н.э. – I в. н.э., вероятно, оставив корни и связи в Херсонесе. Только этим можно объяснить участие Никерата в делах Херсонеса. Практика привлечения третейских судей исследована Ю.Г. Виноградовым [Виноградов, 1989, с. 200]. Род Никератов, по–видимому, проживал в Херсонесе не менее одного века. (Замечу, что в используемый в Херсонесе дорийский диалект *гораздо позднее Ольвии*

внедрились «новые» орфографические формы [Граков, Виноградов, 1970]: «…τᾶι βουλᾶι καὶ τῶι δάμωι…[*IosPE.* I². 355—358, 361] = …τᾷ βουλᾷ καὶ τῷ δάμῳ…»). В послегетской Ольвии род Никератов представлен *значительным количеством* упоминаний в надписях. Обращает на себя внимание посвящение *I.Olbia* 100+*IosPE.* I². 309=*SEG* 46:948 Матери богов I в. н.э. «Ἀρέτη [Παπίου θυγά] τηρ ... — Арета, дочь Папия…»; возможно Арета была сестрой Никерата. Кроме того, надпись *IosPE.* I². 221, также, вероятно I в. н.э., подтверждает *многовековую* связь Никератов и Евресибиадов: «Εὑρησίβιος Καλλισθένους καὶ Ἀρέτη Παπίου…. — Евресибий Каллисфенов и Арета Папиева…». Очевидно, в послегетской Ольвии Никераты, как и *ранее*, относились к высшей элите. Иные упоминания характерных имен рода Никератов, в том числе, в сочетании с ираноязычными именами, в многочисленных послегетских надписях Ольвии, не поддаются просопографической интерпретации.

Историческая ситуация в Ольвии и Херсонесе. Одним из важнейших аргументов в датировке декрета *IosPE.* I². 34 первыми двумя десятилетиями II в. до н. э. Ю.Г. Виноградовым названы синхронные события в Херсонесе; исследователь объяснял возникновение стасиса в среде херсонеситов обстановкой непрекращающихся военных невзгод. Однако, по мнению Е.Я. Туровского [Туровский 2012, с. 172], Ю.Г. Виноградов ссылается на достаточно устаревшую к тому времени работу А.Н. Щеглова [Виноградов 1989, с.186; Щеглов 1978, с. 128]. Безусловно, Ю.Г. Виноградов прав в том, что отнесение декрета *IosPE.* I². 34 к периоду протектората Скилура 130–110 гг. до н. э. нереально, поскольку Скилур не допустил бы участие гражданина Ольвии в умиротворении Херсонеса — одного из своих злейших врагов. Прав исследователь и в том, что этот декрет нереально относить и к периоду протектората Митридата VI Евпатора, поскольку в этот период политическая обстановка в Херсонесе стабилизировалась. Анализ политической ситуации в Херсонесе в начале II в. до н.э., стал, вероятно, главным побудительным мотивом для исследователя о переносе даты декрета в начало II в. до н.э. Однако, обращаясь к социально–политической истории Херсонеса [Кадеев 1981; Зубарь 2004] первых веков н.э. можно обнаружить периоды, сопоставимые с информацией декрета в честь Никерата. Обращаю внимание на положение, сложившееся в Херсонесе, вероятно, в конце I в. до н.э.– начале I в. н.э., о котором повествует декрет *IosPE.* I². 355=*SEG* 50:690 в честь неизвестного гражданина. В декрете говорится о волнениях среди херсонеской бедноты, финансовых затруднениях, попытке государственного переворота и т.д. Похожая ситуация описана в херсонесском декрете ок. 130 гг. н.э. [Кадеев, 1981, с. 60]. Информация из ольвийского декрета *SEG* 46:947 из Мангупа, датируемого около 60 г. н.э., также, во многом схожа с информацией декрета в честь Никерата.

Сведения Диона Хрисостома. Предположение об отнесении декрета в честь Никерата к I веку н.э. позволяет привлечь для анализа нарративный источник конца I в. н.э. – Борисфенитскую речь Диона Хрисостома [Dio Chrys., XXX, 56] и сопоставить ее с информацией декрета: «…отражая постоянно устремлявшихся в город врагов…, …нашествие неприятелей…». Фрагменты Борисфенитской речи соответствуют такому описанию: «… победил уже многих сарматов, одних убил, других взял в плен», … сделали набег…». У Диона «скифы» и савроматы— одно и то же [Тохтасьев, 2013, с. 568], что, вероятно, *поясняет* их обобщенное обозначение οἱ πολέμιοι в декрете *IosPE.* I². 34.

Заключение. Представленные аргументы позволяют высказать гипотезу об отнесении декрета *IosPE.* I². 34 в честь Никерата Папиева к концу I в. до н.э.– I в. н.э.

Виноградов Ю.Г. Политическая история ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. — М, 1989.— 285 с.

Виноградов Ю.Г. Митридат Евпатор и Ольвия // Древнее Причерноморье. IV–е чтения памяти профессора Петра Осиповича Карышковского. — Одесса, 1998. — С. 42—45.

Габелко О.Л. О летоисчислении на Боспоре в правление Митридата VI Евпатора // Древности Боспора. — М, 2006. — № 10. — С. 122—141.

Граков Б.Н., Виноградов Ю.Г. Новые надписи из Херсонеса Таврического // ВДИ. — 1970. — №3 — С. 128—133.

Зубарь В.М. Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. — К., 2004. — 312 с.

Иванчик А.И. Стефан, сын Александра из Смирны: Ольвия и ее эвергет второй половины II в. до н.э. // Нумизматика и эпиграфика. — XVIII. — М, 2011. — С. 15—38.

Кадеев В.И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. — Харьков, 1981. —144 с.

Карышковский П.О. Из истории монетного дела Ольвии в эпоху эллинизма // Материалы по археологии Северного Причерноморья. — Одесса, 1962. — Вып. 4 — С. 87—107.

Книпович Т.Н. Население Ольвии в VI–I вв. до н.э. // Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху. — М, 1956. — С. 119–153.

Книпович Т.Н. Греческое лапидарное письмо в памятниках Ольвии // Нумизматика и эпирафика. —1966.— VI— С. 3–30.

Кожокару В.М. «Возвращение» Эпикрата // Acta Linguistica Petropolitana. — СПб, 2011. — Том VII. — №1. — С. 297–318.

Крапивина В.В., Диатроптов П.Д. Надпись наместника Митридата VI Евпатора из Ольвии // ВДИ. — 2005. — № 1. — С. 63–67.

Латышев В.В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. — СПб, 1887. — 314 с.

Леви Е.И. Греческая надпись из раскопок 1949 г. // ВДИ. — 1951. — №1. — С. 142–149.

Николаев Н.И. Политическая и культовая элита Ольвии IV–I вв. до н.э. — г. Николаев, 2008. — 262 с.

Николаев Н.И. Просопография в интерпретации и датировке лапидарных надписей догетской Ольвии // Боспорский феномен — СПб, 2011. — С. 474—478.

Николаев Н.И. Новые сведения об ольвийском происхождении декрета *IScM* I 65 из Драгомирны // Гілея. — 2013-1. — №75. — С. 197—198.

Николаев Н.И. Фрагмент эллинистического декрета из Ольвии о взыскании (долга) // Вопросы эпиграфики. — М., 2013-2. — Вып. 7. — С. 452—463.

Николаев Н.И. Ольвия и Митридат: новый исторический источник // Історичний архів. — Миколаїв, 2013-3. — Вип. 10. — С. 166—173.

Николаев Н.И. Аксиома ольвийской просопографии VI–I вв. до н.э. // Історичний архів — 2014. — №12 — С. 156—164.

Сурмин Ю.П. Теория систем и системный анализ. — К., 2003. — 368 с.

Тохтасьев С.Р. Иранские имена в надписях Ольвии I-III вв. н.э. // Commentationes iranicae. — СПб., 2013. — С. 567—607.

Туровский Е.Я. Херсонес Таврический во III–II вв. до н. э. // Древности Северного Причерноморья III-II вв. до н.э. — Тирасполь, 2012. — С. 172—177.

Щеглов А.Н. Северо–Западный Крым в античную эпоху. — Л, 1978. — С. 128—134.

Яйленко В.П. К проксенической деятельности Ольвии и Боспора // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. — М, 1984. — С. 219—222.

Яйленко В. П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм экономика, политика, культура. — М, 1990. — С. 249—310.

Buck C.D. The Greek Dialects. Grammar. Selected. Inscriptions. Glossary. — Chicago, 1998 — 373 c.

Mac Carron P., Kenna R. Universal properties of mythological networks // Europhysics Letters. — 2012. — V.99. — №2. — 28002 (p1—p6).

Threatte L. The Grammar of Attic Inscriptions. Vol. 1. Phonology. —N.–Y., 1980. — 737 c.

М.І. Ніколаєв

ПРО ДАТУВАННЯ ОЛЬВІЙСЬКОГО ДЕКРЕТУ IOSPE. I². 34 НА ЧЕСТЬ НІКЕРАТА ПАПІЄВА

Ольвійський декрет IosPE. I². 34 на честь Нікерата, сина Папієва традиційно датувався другою половиною II – першою половиною I ст. до н.е. Сучасною наукою прийняте датування цього декрету першими двома десятиліттями II ст. до н.е., запропоноване Ю.Г. Віноградовим. Декрет характеризується використанням монументального шрифту, який застосовувався впродовж багатьох століть (II ст. до н.е. – II ст. н.е.) і наявністю в тексті «старих» і «нових» орфографічних форм. Це дуже ускладнює його датування традиційними методами. Тим часом, в останні роки в історичних дослідженнях активно використовується новий ефективний інструмент – системний аналіз. Це і послужило приводом для побудови варіанту датування декрету IosPE. I². 34 на базі системних принципів, тобто у сукупності з іншими написами та обмеженим використанням традиційних палеографічних та лінгвістичних штудій. Стаття побудована на дослідженні аргументів Ю.Г. Віноградова у датуванні декрету. Послідовно розглянуті палеографічні аналоги декрету, запропоновані дослідником і показано, що вони не відповідають початку II ст. до н.е. При вивченні орфографії декрету Ю.Г. Віноградов звернув увагу на співвідношення орфографічних форм декрету (пропуск iota mutum, присутність iota adscriptum). Не врахувавши типові методи аналізу процесів, дослідник отримав висновок про повний перехід до «нових» форм у ранньому I ст. до н.е. Але на базі використання багатьох написів показано, що перехід до «нових» орфографічних форм у Ольвії тривав приблизно до кінця I ст. н.е. Шляхом досліджень мовних моделей, сюжету і фраз декрету, ономастики, просопографії, відомостей Діона Хрисостома та історичних фактів з Ольвії та Херсонесу, декрет на честь Нікерата Папієва віднесено до кінця I ст. до н.е. – I ст. н.е.

Ключові слова: Ольвія, декрет IosPE. I². 34, Нікерат Папієв, датування, системний аналіз.

N.I. Nikolaev

ABOUT THE DATING OF THE OLBIAN DECREE IOSPE. I². 34 IN HONOR OF NIKERATOS PAPIEV

Olbian decree IosPE. I². 34 in honor of Nikeratos, the son of Papiev, traditionally was dated to the second half of the II–the first half of the I century BC. The dating of J.G. Vinogradov – that is the first two decades of the II century BC – is accepted in modern science. The decree contained the monumental font that was used for many centuries (II century BC – II century AD) and also there is the presence in the text of the «old» and «new» forms of spelling. This complicates its dating by traditional methods. Meanwhile, the new effective tool – the system analysis – is actively used in historical research. This was the reason for the construction of alternative dating of decree IosPE. I². 34 on the basis of the system analysis, i.e in combination with other inscriptions and of restrictional use of the traditional palaeographical and linguistic studies. The article is based on the research of arguments of J.G. Vinogradov as for the dating of the decree. Paleographic analogues of decree proposed by the researcher are consistently considered and it is proved that they don't correspond to the beginning of the II BC. In studying of orthography of decree

J.G. Vinogradov drew attention to the ratio of spelling forms of decree (omitted iota mutum, presence of iota adscriptum). Not taking into account the typical methods of process analysis, the researcher arrived at a conclusion that a full transition to the new language forms in early I century BC took place. But on the basis of the use of many inscriptions I show that the transition to the «new» language forms in Olbia lasted until about the end of the I century AD. By the research of the language models, phrases and the plot, onomastics and prosopograph, Dion's information and historical facts from Olbia and Chersonesos, the decree in honor of Nikeratos Papiev is referred to the end of the I century BC – I century AD.

Key words: Olbia, decree IosPE. I². 34, Nikeratos Papiev, dating, system analysis.

Одержано 17.10.2014

УДК [904:930.271] (477.7) «652»

А.И. Иванчик

О НЕКОТОРЫХ ПОДДЕЛЬНЫХ НАДПИСЯХ ОЛЬВИИ И ТИРЫ[1]

Статья посвящена нескольким поддельным надписям, которые публиковались как подлинные и приписывались Тире и Ольвии. Кроме того, рассматривается история изготовления подделок на юге Российской империи.

Ключевые слова: Эпиграфика, Ольвия, Тира, Северное Причерноморье, подделки.

Наше знакомство с Валентиной Крапивиной довольно давнее – мы впервые встретились на одной конференции в Болгарии, в горном городке Кюстендил, далеким уже летом 1990 г., когда наши страны еще не разделились. Я тогда работал в составе советско-болгарской экспедиции в Болгарии под руководством Николая Яковлевича Мерперта, одного из самых светлых и интересных людей, которых мне доводилось встречать. Собственно, мы и приехали в Кюстендил представить результаты наших раскопок. Это было время, когда и еще существовавший СССР, и Болгария (с некоторым опозданием – в 1988 г. власть Т. Живкова еще казалось незыблемой, что составляло странный контраст с перестроечной эйфорией в Москве; изменения в Болгарии начались только в 1989 г.) открывались миру, и появилась возможность свободных контактов с иностранными коллегами и в нашем профессиональном сообществе. Стали налаживаться «горизонтальные» связи, и, очевидно, в связи с этим в Кюстендил прибыл «ольвийский десант»: С.Д. Крыжицкий, В.В. Крапивина и А.С. Русяева. Так я познакомился со всеми тремя. Хорошо помню, с какой открытостью и теплотой меня, совсем еще молодого человека, приняли в свою компанию эти уже тогда хорошо известные и даже маститые ученые. Практически все дни той конференции мы провели вместе, и главное впечатление, которое я сохранил о Кюстендиле благодаря им – атмосфера дружелюбия, тепла и открытости. Позже, общаясь с Валентиной сначала спорадически, потом довольно тесно, я понял, что эта атмосфера создавалась вокруг нее сама собой, очевидно, без всяких усилий с ее стороны: у нее был огромный и редкий женский талант семейности и домашности, и люди из ее окружения как бы сами собой включались в этот семейный круг.

Позже мы время от времени встречались на разных конференциях и общались со взаимной, я надеюсь, симпатией. Наши отношения вышли на новый уровень в 2000 г., когда я по приглашению Валентины приехал в Ольвию. После гибели нашего общего друга и коллеги Юрия Виноградова ольвийская эпиграфика осиротела, и С.Д. Крыжицкий и Валентина приняли решение доверить мне изучение и публикацию ольвийских надписей. С тех пор я приезжал в Ольвию почти каждый год, и наше дружеское общение дополнилось профессиональным сотрудничеством. За прошедшие годы были и совместные проекты, и совместные публикации, но, конечно, сотрудничеством наши отношения не исчерпывались – иначе Валентина не была бы сама собой. Очень скоро и она, и ее семья стали для

© А.И. ИВАНЧИК, 2015

1. Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Изучение и издание надписей Ольвии и Тиры», 14-01-00358а.

меня и для моих домашних одними из самых близких друзей. Ее утрата была для всех нас тяжелым ударом, и мне по-прежнему трудно представить себе и Ольвию, и Киев без нее.

При всем своем дружелюбии и теплоте, Валентина прекрасно и очень быстро определяла истинную цену и людям, и научным сочинениям, легко отделяя настоящее от поддельного. Поэтому мне кажется, что эта заметка будет вполне уместной в книге, посвященной ее памяти.

***

Проблема поддельных греческих надписей так же стара, как и сама греческая эпиграфика. Фальсификация надписей началась практически одновременно с рождением эпиграфической науки. Одним из первых собирателей греческих надписей в поле был аббат Мишель Фурмон, предпринявший по заданию Людовика XV в 1729-1730 гг. двухгодичное путешествие в Грецию с целью сбора греческих рукописей и надписей[2]. В ходе своей поездки он скопировал около 1200 надписей, главным образом из Аттики и Пелопоннеса, но также и с островов [Omont, 1902, p. 662]; часть их была опубликована им самим, часть – другими учеными по его копиям. Некоторые надписи, судя по шрифту, были очень древними и содержали интересные сведения о ранних периодах истории Греции, в том числе о греко-персидских войнах. Правда, довольно скоро выяснилось, что Фурмон не только копировал реально существующие надписи, но и придумывал их, т.е. создавал фальшивки, правда, не высекая их на камне, а оставляя на бумаге в виде якобы копий. При этом подлинные надписи он нередко уничтожал, видимо, чтобы сделать невозможным контроль своих чтений. Когда А. Бек издал в 1828 г. первый том своего корпуса, он был вынужден даже включить в него специальный раздел Inscriptiones Fourmonti spuriae [CIG I, p. 61-104]. Несмотря на то, что подделки Фурмона были довольно грубыми и многие из них были скоро распознаны, некоторые продолжали обманывать эпиграфистов еще десятилетиями, если не столетиями: они входили в разные публикации, включая авторитетные своды. Так, одна из фурмоновских подделок, благополучно вошедшая в IG, была распознана только в 1976 г. [Spawforth, 1976, p. 139-145].

Не осталась в стороне от общемировых тенденций и Россия. Как только здесь появилась эпиграфика, сразу появились и подделки. Наиболее ранний известный мне пример зафиксирован уже в 1804 г. Речь идет о шиферной овальной пластинке с рельефом, изображающим четырех мальчиков, один из которых держит пальмовую ветвь, и надписью под ним (рис. 1). В 1804 г. во время своего путешествия по югу России ее обнаружил Е. Келер в собрании Навигационной школы в Николаеве [см. об этом Иванчик, 2007, с. 200-201]. Он списал ее вместе с другой хранившейся там надписью (IOSPE I^2 98), а рисунок с нее был сделан, по всей вероятности, сопровождавшим Келера художником К. фон Кугельхеном[3]. Затем Келер включил ее в свой свод надписей Ольвии, законченный в 1817 г., но так и оставшийся в рукописи [см. об этой рукописи Иванчик, 2007]. Десятью годами позже он опубликовал эту надпись [Koehler, 1827, p. 111, pl. III]; впоследствии она была включена в корпус Бека (CIG II, 2095, с ошибкой ΑΘΔΗΓΟΣ вместо ΑΘΔΕΓΟΣ), а потом и Латышева (IOSPE I 151 = I^2 285). В первую публикацию была включена и гравюра, сделанная, очевидно, с рисунка Кугельхена и несколько искажающая его. Сам рисунок карандашом мне удалось обнаружить вместе с упомянутой рукописью Келера в архиве IG в Берлине, где она и сейчас хранится.

Рис. 1. Шиферная пластинка с рельефом IOSPE I^2, 285. Рисунок из рукописи Е. Келера в архиве IG, Берлин

Аутентичность надписи никем не подвергалась сомнению, возможно, отчасти потому, что надпись пропала уже ко времени Латышева, и Келер был последним эпиграфистом, который ее видел. Тем не менее, на мой взгляд, речь идет о несомненной подделке. В этом убеждает уже сам рельеф, вряд ли имеющий что-либо общее с античными изображениями. Если бы этого было недостаточно, о

2. Об этой экспедиции, вместе с публикацией связанных с ней документов, включая переписку Фурмона, см. [Omont, 1902, p. 433-662].

3. Об этом путешествии Келера и Кугельхена по югу России см. [Тункина, 2002, с. 67-73].

том же свидетельствует надпись. Так, здесь сочетаются формы букв разного времени, использование которых в одной надписи невозможно. Например, пи с укороченной правой гастой, кажется, не встречается в ольвийских надписях позже начала II в. н.э., а в основном распространена в более раннее время, тогда как «квадратная» сигма неизвестна ранее III в. н.э. Кроме того, надпись представляет собой и странное сочетание букв. Невозможное ΛΘΔΕΓΟΣ издатели, начиная с Кёлера, исправляют на ΑΘΔΕΓΟΣ, однако и такое имя, равно как и имя его отца Λυπρενος нигде более не засвидетельствованы. Не поддаются они и убедительному лингвистическому толкованию. Все это убеждает в том, что речь идет о подделке. Пожалуй самое интересное в этом памятнике – это свидетельство того, насколько рано в южной России началась деятельность фальсификаторов: уже в самом первом собрании причерноморских древностей оказалась поддельная надпись.

В течение всего XIX в. фальсификация надписей продолжалась. При этом в истории изготовления фальшивок можно выделить два периода – до начала 1890-х годов и позже. В первый период фальшивки изготовлены довольно неумело. Часто они представляют собой бессмысленный набор букв, иногда даже с включением кириллических букв, как в надписи из ГИМа (инвентарный номер 11838, оп. 300/IV, 1Б) (рис. 2). Эта надпись вырезана

Рис. 2. Поддельная надпись IOSPE I, 167. Государственный исторический музей (Москва), инв. № 11838, оп. 300/IV, 1Б

на мраморной плитке размерами 9,0 х 5,0 х 1,0, довольно аккуратными буквами. В ГИМ она поступила в составе коллекции П.О. Бурачкова, была изучена В.В. Латышевым и издана в первом издании его корпуса под номером 167, вместе с четырьмя другими аналогичными надписями, входившими в ту же коллекцию [IOSPE I, p. 166-170, tab. II]. Латышев при первой публикации не распознал в них подделки и, отметив, что сочетание букв не составляет никакого осмысленного текста, предположил, что речь идет о текстах, составленных на варварском языке, или о тайнописи. В 1885 г., год публикации первого тома свода Латышева, другой известный коллекционер, И.К. Суручан, приобрел еще одну группу подобных бессмысленных надписей, в которую входило шесть мраморных плиток, а вскоре они были опубликованы В.В. Латышевым [Латышев, 1890, с. 133-138, таб. X-XIII, ср. Латышев, 1892, с. 384]. На этот раз были сфальсифицированы не только сами надписи, но и для некоторых из них были придуманы обстоятельства находки: утверждалось, что плитки были найдены «в 1885 г. под головой покойника», «в развалинах Ольвии в августе 1885 г. во время пребывания там И.К. Суручана», «на берегу Буга после сильного дождя» и т.д. Бурачков и Суручан не были единственными покупателями – такие таблички поступили и в музей Одесского общества и также были изданы Латышевым и Юргевичем как подлинные [Юргевич, 1889; Латышев, 1889]. По большей части речь идет о мраморных табличках разного цвета, однако одна из надписей, сопровождаемая изображением орла на дельфине, сделана на шиферной пластинке, как и упоминавшаяся выше табличка, опубликованная Е. Келером. В некоторые из этих «загадочных» по определению Латышева надписей были включены отдельные не связанные между собой слова или греческие имена, зачастую написанные с такими ошибками, что ясно, что автор не понимал их. Было таких подделок, видимо, довольно много, и они попадаются в коллекциях практически всех музеев.

Вероятно, в это же время была изготовлена и довольно большая серия мраморных плиток разных размеров с надписями, выполненными рельефными буквами. Некоторые из них украшены довольно забавными рельефами (рис. 3). Несмотря на большую связность текстов некоторых из них, никого из эпиграфистов они не обманули, хотя попали в коллекции почти всех музеев. Забавно, что ловким торговцам древностями, настоящими и поддельными, удалось их использовать вторично более чем веком позже. В конце 1990-х – первой половине 2000-х они активно поступали в коллекции древностей украинских нувори-

Рис. 3. Поддельная надпись из коллекции И. Суручана. Херсонский областной краеведческий музей, б/н

шей. Такие таблички, например, можно было видеть на выставках коллекции Сергея Платонова, проходившей с большой помпой в Киево-Печерской лавре и в музее Софийского собора в Киеве. Правда, в изданные каталоги этих выставок они не вошли.

Что касается упомянутых «загадочных» надписей, то к мысли о том, что речь идет о подделках, В.В. Латышев пришел только к середине 1890-х годов (несколько раньше Латышева на их поддельный характер указал Э. фон Штерн [Штерн, 1894, с. 22, прим. 2]). Осознав, что изготовление подделок на юге России поставлено на поток (он говорит о «южно-русской эпиграфической фабрике») и что их массовое появление стало представлять серьезную проблему для науки, В.В. Латышев опубликовал в 1895 г. специальную статью «О поддельных греческих надписях из Южной России» [Латышев, 1895, переиздана в Латышев, 1909, с. 185-200], в которой собрал известные ему подделки. В 1901 г. он включил в IV том IOSPE специальный Appendix, в котором были перечислены эти подделки.

В своей статье 1895 г. Латышев отмечает появление с начала 1890-х годов более совершенных подделок, к изготовлению которых привлекалось лицо, владевшее в какой-то мере греческим языком. Пользуясь своими познаниями, впрочем, довольно скудными, это лицо составляло тексты из фраз и выражений, заимствованных из подлинных надписей, опубликованных Латышевым в первом томе его корпуса. Эта публикация, следовательно, парадоксальным образом послужила улучшению качества работы фальсификаторов: они перестали фабриковать надписи, составленные из бессмысленного набора букв, и перешли к изготовлению текстов, составленных из элементов опубликованных в IOSPE надписей, и даже более свободных вариаций на тему этих надписей.

Примером таких достаточно пространных текстов является, например, «Послание ольвиополитов царю Сайтафарну»: массивная мраморная плита (размеры: 50,5 x 34,6 x 12,4) с тринадцатистрочной надписью, сделанной шрифтом, подражающим шрифту декрета в честь Протогена (рис. 4). Надпись была пожертвована Одесскому музею в мае 1893 г. А.Л. Бертье-Делагардом и хранится там до сих пор (инв. № 50419 (Па-133)); она издана Э.Р. фон Штерном как подлинная, хотя и вызвала у него некоторые подозрения [Штерн, 1894, с. 18-30, ср. Штерн, 1895, с. 65-68]. То, что надпись поддельная, убедительно обосновал В.В. Латышев [Латышев, 1895, с. 1-7; IOSPE IV, p. 322-323, No. XXV].

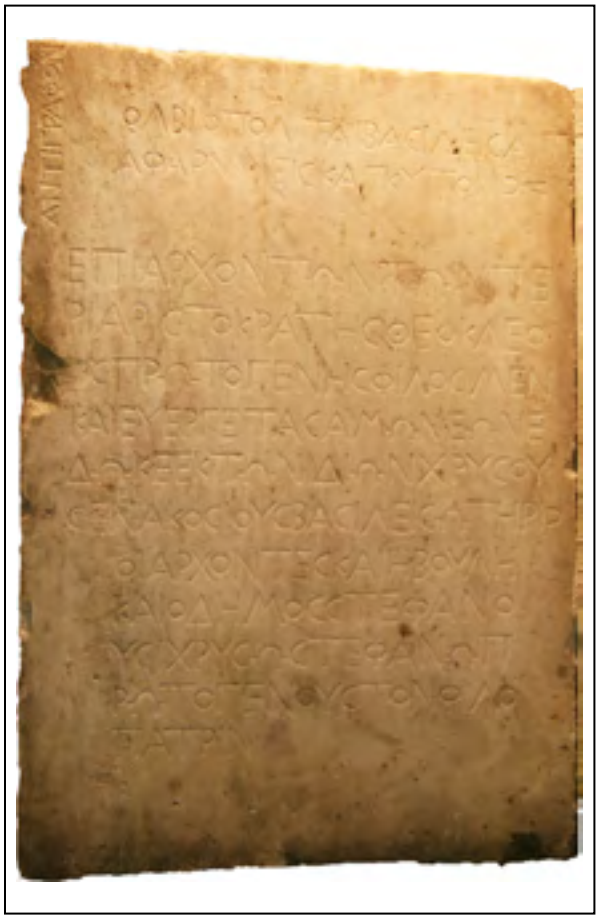


Рис. 4. «Послание ольвиополитов царю Сайтафарну». Одесский археологический музей, инв. № 50419 (Па-133)

Вместе с «посланием Сайтафарну» Бертье-Делагард преподнес Одесскому обществу еще одну массивную мраморную плиту (размеры 72,0 x 42,8 x 20,6 см) с поддельной надписью: «ольвийским» декретом в честь боспорца Ахемена, сына Ахемена (рис. 5). Она была опубликована Э. фон Штерном как подлинная [Штерн, 1893, с. 1-10, табл. I, ср. Штерн, 1895, с. 79-80] и признавалась таковой и В.В. Латышевым даже после того, как он распознал многие поддельные надписи [Латышев, 1895а, с. 73, 82, № 11[1]]: в статье 1895 г. она не упоминается прямо, хотя позже Латышев писал, что именно на нее он намекал, упоминая в этой статье «еще один вполне безукоризненный образчик подделки», на который он не решается указать прямо, не имея доказательств ее поддельности [Латышев, 1895, с. 17, прим. 4]. Окончательно она была признана поддельной только в 1901 г. [IOSPE IV, p. 321, No. XX].

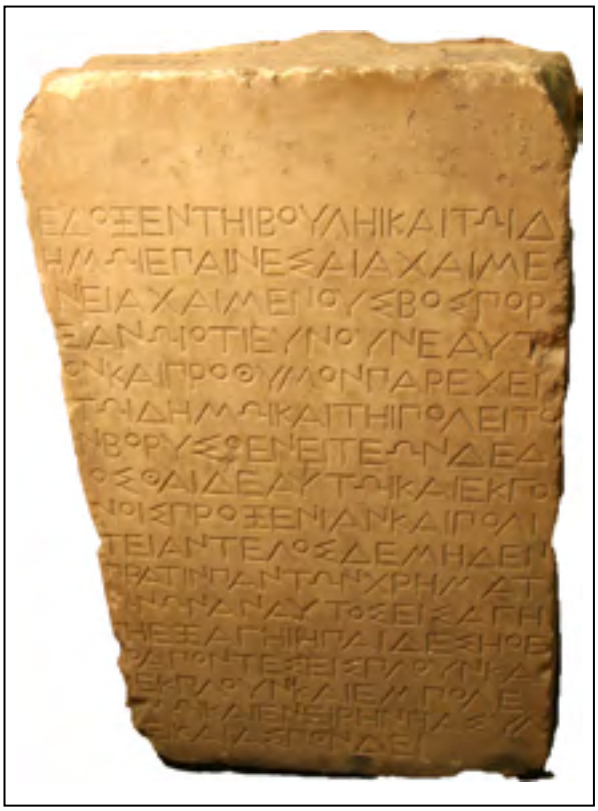


Рис. 5. Поддельный декрет в честь Ахемена, сына Ахемена. Одесский археологический музей, инв. № 50517 (Па-131)

Фальсификатор, изготовивший эти надписи, очевидно, входил в группу, работавшую под руководством знаменитых братьев Гохманов, создавших в Очакове целую фабрику по изготовлению фальшивых древностей. Именно из нее происходит и знаменитая тиара Сайтафарна, купленная Лувром [см. Schiltz, 2010, с литературой] и изготовленная примерно на два года позже упомянутого выше «послания Сайтафарну». В некоторых случаях эти надписи поступали от Гохманов напрямую, в других – через посредников. Они довольно легко распознаются как по стилю письма, так и по ошибкам автора текстов; при этом обычно можно выделить, из кусков текста каких настоящих надписей составлен текст подделок, что и продемонстрировал Латышев в своей статье на ряде примеров.

Латышев, однако, распознал не все подделки этой группы, и часть их вошла и во второе издание первого тома IOSPE и продолжает до сих пор учитываться среди подлинных памятников. В этом мне пришлось убедиться в 2008 г. при визуальном обследовании надписей, хранящихся в Эрмитаже, одна из которых оказалась подделкой (инв. № А.1277/20107) (рис. 6)[4]. В Эрмитаж надпись была передана в 1938 г. из Ленинградского отделения Института истории АН СССР вместе с другими предметами из коллекции Н.П. Лихачева. Первоначально камень входил в коллекцию И.К. Суручана, который купил его в 1892 г., тогда же, когда на рынке оказались и многие другие подделки (см. выше). По леген-

Рис. 6. Поддельная надпись IOSPE I², 157. Государственный Эрмитаж, инв. № А.1277 / 20107

4. К тому же выводу пришел Й. Хупе, также изучавший надпись de visu [Hupe, 2006, S. 209, Anm. 202].

де продавцов, – надпись якобы была найдена в Ольвии «на берегу р. Буг» в 1889 г. После смерти Суручана в 1897 г. его коллекция рассеялась, и по крайней мере восемь входивших в нее надписей попали в Петербург, где и были куплены Н.П. Лихачевым [Власова, 1997].

Для нанесения этой надписи фальсификаторами была, видимо, использована нижняя часть подлинной древней стелы (размеры: 22,4 х 17,9 х 8,2, в верхней части толщина 6,5 см). Нижняя часть высотой 14,0 см обработана грубо и, вероятно, предназначалась для вкапывания в землю. В верхней части лицевой фас отполирован, боковые и оборотный заглажены менее тщательно. Последняя строчка надписи находится на уровне необработанной части, что само по себе уже подозрительно: обычно надпись заканчивается значительно выше.

Поддельный характер надписи сомнений не вызывает. Уже с первого взгляда по очертаниям букв и манере узнается рука того же резчика, который вырезал «декрет в честь Ахемена» и «послание Сайтафарну», а также ряд других поддельных надписей. Здесь смешаны начертания букв, типичные для разных периодов: с буквами, имитирующими буквы римской эпохи (например, альфа), сочетаются омеги, начертание которых характерно для раннеэллинистического времени. Кроме того, внутрь омикрон в конце первой строки вписан знак в форме латинской буквы S. Над надписью нанесено несколько дополнительных штрихов, имитирующих остатки букв верхней обломанной строки.

Надпись была впервые издана Латышевым в 1894 г. и затем дважды переиздавалась [Surutschan, Latyshev, 1894, p. 9, No. 13; IOSPE IV, 25; IOSPE I², 157]. Несмотря на то, что Латышев выражал сомнение в подлинности надписи из-за формы омеги, он все же опубликовал ее как подлинную, и до Й. Хупе (см. выше) никто сомнения в ее подлинности не выражал.

Текст надписи читается следующим образом:

ων ἐνείκα λό-
νχαι καὶ δίσκ-
ωι. *vacat*

Образцом текста для фальсификатора, очевидно, послужило окончание надписи IOSPE I² 130 (стк. 16-18), которую он использовал не по оригиналу, а по изданию Латышева IOSPE I 77: Πουρθ[αῖ]ος Πο[υρθαί]ου ἀρχοντ[ε] ων ἐν[είκα λ]όνχαι, δίσκ[ωι]. В целом надпись является достаточно типичным примером подделок мастерской братьев Гохманов.

К сожалению, подделки Гохманов продолжают вводить в заблуждение и сейчас. В почтенной компании В.В. Латышева и С. Рейнака, обманутых ими, оказался и один из лучших специалистов по понтийской эпиграфике Александру Аврам. В 1997 г. он опубликовал декрет Тиры, хранящийся в Музее истории Молдавии в Яссах [Avram, 1997; SEG 47, 1196; AnEp 1997, 1331] (рис. 7). В действительности это фальшивка, причем распознанная еще во времена Латышева. В 1893 г. Гохман предложил ее купить И.К. Суручану, однако сделка расстроилась, потому что в Кишиневе в это время находился Латышев, изучавший его коллекцию. Ознакомившись с копией надписи, он распознал в ней подделку и отсоветовал Суручану ее покупать. Однако Гохман не остался без покупателя – надпись купил А.Л. Бертье-Делагард и в начале следующего года передал ее в Одесский музей. Уже в музее ее также распознал как подделку Юргевич, и опубликовал как таковую в том же году [Юргевич, 1894]. Затем и Латышев включил ее в свой список поддельных надписей [IOSPE IV, p. 323, No. XXVII]. Упоминает он о ней и в статье, посвященной подделкам [Латышев, 1895, с. 16-17]. Более того определив ее текст как «уже не механическую склейку фраз из подлинных документов, а, так ска-

Рис. 7. Поддельный декрет из Тиры SEG 47, 1196. По: Юргевич, 1894, табл. I, рис. 4

зать, свободную композицию, хотя еще очень близко примыкающую к образцам», Латышев приводит краткий список опубликованных надписей, из которых фальсификатор заимствовал материал для своей подделки, с указанием заимствованных пассажей. Очевидно, эти публикации ускользнули от внимания А. Аврама: он предполагал, что текст происходит из раскопок П. Никореску в Тире, которые тот вел в период между двумя мировыми войнами, когда территория Бессарабии, включая Белгород, принадлежала Румынии.

В действительности надпись с 1894 г. хранилась в Одесском музее и была перевезена в Яссы, очевидно, во время оккупации Одессы румынскими войсками во время Второй мировой войны. На это, собственно, указывает и сделанная в 1950 г. запись в инвентарной книге музея в Яссах, которую цитирует А. Аврам: там прямо говорится, что надпись была привезена из Одесского музея [Avram, 1997, p. 116].

Еще одна подобная надпись хранится в Национальном музее в Кракове (инв. № XI-A-686), и в 2006 г. она была издана как подлинная [Lajtar, 2006; SEG 56, 903] (рис. 8). Как стела попала в коллекцию музея (в публикации ошибочно указывается, что камень хранится в музее князей Чарторыйских), неизвестно; скорее всего речь идет о покупке в конце XIX в. Можно предполагать, что камень в конечном итоге происходит из той же мастерской Гохманов, что и рассмотренные выше памятники; манера ее исполнения резчиком очень близка манере резчика или резчиков этих памятников. Для изготовления фальшивки, по всей видимости, использована древняя стела, что также довольно часто практиковалось в «фабрике древностей» братьев Гохманов (по крайней мере в одном случае подлинная плита для изготовления «ольвийской» надписи была даже куплена в Керчи [Латышев, 1895, с. 16]). Фальшивка здесь хорошо распознается именно по этой характерной манере исполнения, но это впечатление подтверждается и анализом текста надписи.

Рис. 8. Поддельная надгробная стела из Национального музея в Кракове, инв. № XI-A-686

Текст читается следующим образом:

Ἀχιλλεῖ Διονυσίου
τὴν στήλλην ἀνέσ-
τησεν Ζήνωνι Δημ-
4 ητρίου τῷ ὁμωνύ-
μῳ Βοσποφεανοῖ
μνήμης χάριν· χαῖρε

Главным источником заимствований для фальсификатора послужил текст надписи IOSPE I², 204 (IOSPE I, 117):

Ἀδόσθῳ υἱ-
ῷ Ἀρσάκου τῷ
ὁμωνύμῳ
Ζήνων Στ-
5 ρατον<ε>ίκ-
ου Βοσπο-
[ρεα]νὸς μ-
[νήμης χάριν].

Отсюда заимствовано слово ὁμώνυμος в необычном, если не уникальном значении «соотечественник», имя Зенон, а также этникон «боспорец», не считая стандартной формулы μνήμης χάριν. При этом и имя, и этникон фальсификатор не сумел поставить в нужные падежи – такие же грубые и немотивированные ошибки встречаются в изобилии и в других текстах этой группы. Упоминание боспорца также обращает на себя внимание: фальсификатор любил вставлять в якобы ольвийские и тирасские надписи упоминания боспорцев, очевидно, чтобы сделать их более интересными. Такие упоминания встречаются, в частности, в «тирасском» декрете и декрете в честь Ахемена, сына Ахемена.

Кроме этой надписи, фальсификатор использовал и две надписи, опубликованные в своде Латышева непосредственно перед ней: слова τὴν στήλλην ἀνέστησεν заимствованы из текстов IOSPE I², 202 и 203 (IOSPE I, 115 и

116). Первая из них, надгробие боспорца Тита Флавия Ахемена, сына Ахемена, послужила одним из образцов и при изготовлении других подделок, в первую очередь декрета в честь Ахемена, сына Ахемена.

Остаются только имена Ахилл, Дионисий и Деметрий, которые настолько банальны, что, вероятно, искать для них специального источника было бы лишним. Тем не менее, опубликованная Латышевым в первом издании его корпуса непосредственно вслед за надписью IOSPE I², 204 (IOSPE I, 117) надпись IOSPE I², 205 (IOSPE I, 118) поставлена Ἀχιλλεῖ Καλλικλέως. Еще дважды в надписях этого корпуса встречается Ἀχιλλεὺς Δημητρίου: IOSPE I², 80, 176 (IOSPE I, 50, 98).

Таким образом, краковская надпись была скомпилирована фальсификатором из четырех надписей, опубликованных в первом издании IOSPE подряд, друг за другом (IOSPE I, 115-118) при главной опоре на одну из них – точно тем же способом, который был распознан В.В. Латышевым для других подделок в его статье 1895 г. Даже имена были взяты оттуда же – из четырех упомянутых в надписи имен три встречаются в тех же четырех надписях и добавлено лишь банальное «Дионисий». Кроме того, фальсификатор, отступив от своих образцов, добавил в конце слово χαῖρε, обычное на надгробиях, но в Ольвии в сочетании с μνήμης χάριν не засвидетельствованное (хотя в других местах такие случаи встречаются). Составляя эту нехитрую подделку, далеко уступающую по сложности и качеству надписям вроде «тирасского» декрета или декрета в честь Ахемена, сына Ахемена, ее составитель не сумел справиться с греческими падежами и сделал две грубых ошибки.

Еще одна подделка другого типа была мною выявлена в Одесском музее. Речь идет об известном посвящении Гераклу статуи Пантакла, сына Клеомброта, от лица демоса:

ὁ δῆμος
Παντακλῆν Κλεομβρότου
τὸν εὐεργέτην Ἡρακλεῖ.

Это посвящение было издано В.В. Латышевым в 1909 г. [Латышев, 1909а, с. 41-42] по эстампажу, а затем включено во второе издание первого тома IOSPE под номером 188. В первом издании упоминается, что место и обстоятельства находки камня неизвестны и что он был куплен осенью 1908 г. у парутинского

*Рис. **9**.* Поддельное посвящение статуи Пантакла, сына Клеомброта. Одесский археологический музей, инв. № 50453

*Рис. **10**.* Посвящение статуи Пантакла, сына Клеомброта IOSPE I², 188. Херсонский областной краеведческий музей, б/н

крестьянина Грищенко. В IOSPE добавлены сообщение о том, что камень хранится в Одесском музее, и ссылка на краткую заметку в ЗООИД, 29 (1911), прот. 35. Речь идет о протоколе заседания Одесского общества истории и древностей от 23 октября 1910 г., в качестве последнего пункта которого приводится краткая информация хранителя музея (очевидно, Э. фон Штерна) о четырех вновь поступивших в музей вещах. Среди них назван и мраморный пьедестал с обсуждаемой надписью, которая приводится маюскулами, а также дается уточнение, что в последнем слове резчик ошибочно вырезал альфу вместо лямбды.

При сравнении двух первых публикаций – Латышева и фон Штерна – обнаруживается странное расхождение, на которое, впрочем, никто не обращал внимания: Штерн пишет, что в имени Геракла вместо лямбды ошибочно написана альфа, тогда как Латышев этого не отмечает и, судя по прорисовке, сделанной им с эстампажа, на камне стоит лямбда. Я надеялся выяснить, кто прав, при осмотре камня в Одесском музее. В самом деле, в коллекции Одесского музея есть такая надпись (инвентарный номер 50453) и, действительно, на ней вместо лямбды стоит альфа (рис. 9). Однако шрифт надписи совсем не похож на тот, что зафиксирован Латышевым.

Решение этой загадки нашлось в другом музее, Херсонском краеведческом, где, как оказалось, хранится вторая надпись с тем же текстом (без инвентарного номера), причем ее шрифт совпадает с прорисовкой эстампажа, приведенной Латышевым, и этот эстампаж был снят, вне всяких сомнений, именно с нее (рис. 10).

Хранящийся в Херсоне блок представляет собой постамент статуи из серого мрамора размерами 23,5 х 74,0 х 67,5 см. Лицевой, правый, оборотный и верхний фасы обработаны тщательно, левый и нижний – суммарно. На верхней поверхности на расстоянии 8 см от переднего края находится след ноги статуи длиной 30 см, на расстоянии 28,5 см второй след овальной формы размером 10 х 7 см. Буквы вырезаны тщательно и ровно, апексы отсутствуют, формы букв характерны для раннеэллинистического времени. Крайние гасты мю и сигмы несколько разведены в стороны. Каппа с укороченными косыми штрихами, пи с укороченной правой гастой.

Более внимательное изучение одесской надписи показывает, что речь идет о подделке. Надпись выполнена на крупном блоке из серого мрамора размерами 19,4 х 58,3 х 30,5 см. Лицевой и нижний фасы блока заглажены без полировки. На верхнем фасе находится заглаженная полоса шириной 12,5-13,0 см, затем поверхность фаса углублена на 1,8 см. Углубленная часть также обработана аккуратно, но менее тщательно. Боковые и задний фас оббиты. На заглаженных фасах заметны следы орудий, однако они довольно сильно отличаются от тех, какие использовались в античное время. По-видимому, для нанесения надписи был использован древний строительный блок, лицевой и нижний фас которого были обработаны фальсификтором перед нанесением надписи. Этот блок не мог служить постаментом статуи, вопреки содержанию надписи. Шрифт надписи с преувеличенными апексами и вытянутыми ро и ипсилон (высота букв 1,6-2,6 см, высота ро и ипсилон 5,0 см), который немыслим в эллинистическую эпоху, да и для римской выглядит странно, подтверждает впечатление, что речь идет о подделке.

Таким образом, восстанавливается следующий ход событий. Постамент с посвящением был найден в Ольвии в 1908 г. или незадолго до того в результате грабительских раскопок. Торговцы древностями, в руки которых он попал, скорее всего все те же братья Гохманы, изготовили подделку, воспроизведя его текст, но другим шрифтом. При этом повторено было даже размещение текста по строкам. Затем подлинник был продан Археологической комиссии через местного крестьянина, который, очевидно, был подставным лицом[5]. Комиссию представлял в Ольвии Б.В. Фармаковский. Известно, что он передал некоторые ольвийские надписи Херсонскому музею, с директором которого В.И. Гошкевичем находился в дружбе. Можно предполагать, что именно так постамент попал в Херсон. Несколько позже, видимо, в 1910 г. фальшивая надпись, сделанная по оригиналу, была предложена другому покупателю, Одесскому обществу, и приобретена им. Штерн и Латышев издали две надписи параллельно, будучи уверены, что речь идет об одном камне. То же убеждение разделяли и последующие исследователи.

Таким образом, поддельные надписи, изготовленные фальсификаторами конца XIX – начала XX в. и попавшие в различные музейные собрания, продолжают обманывать исследователей. Это делает необходимым продолжение их поиска и определения в музейных коллекциях, а также внимательного отношения к надписям с неизвестным или сомнительным происхождением.

5. Вероятно, аналогичной была и история появления надписи на мраморной плите, дублирующей надгробную надпись Еврисивия и Ареты IOSPE I² 221, хотя на ней шрифт оригинала воспроизводится очень точно. Надпись, купленная неназванным частным коллекционером, была признана поддельной еще А.Л. Бертье-Делагардом и Э. фон Штерном [Штерн, 1901, с. 8-11], однако Э.И. Соломоник, обнаружив ее в Ялтинском музее, издала камень и сочла надпись подлинной [Соломоник, 1986, с. 36-41 = SEG 36, 720].

Власова Е.В. Музей И.К. Суручана в Кишиневе (судьба коллекции) // Жебелевские чтения-I. Тезисы докладов научной конференции 28-29 октября 1997 г. http://centant.spbu.ru/centrum/publik/confcent/1997-10/vlasova.htm

Иванчик А.И. Первые шаги ольвийской эпиграфики: неизвестная рукопись Егора Келера в Берлине // Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928-2004). – СПб., 2007 – С. 182-213.

Латышев В.В. Загадочные ольвийские надписи // ЗООИД – 1889 – 15 – С. 498-502.

Латышев В.В. Дополнения и поправки к собранию древних греческих и латинских надписей северного побережья Черного моря // ЗИРАО – 1890 – 4 – С. 120-153.

Латышев В.В. Дополнения и поправки к собранию древних греческих и латинских надписей северного побережья Черного моря. II // ЗИРАО – 1892 – 5 – С. 369-384.

Латышев В.В. О поддельных греческих надписях из Южной России // ЗООИД —1895 — 18 — С. 1-18.

Латышев В.В. Дополнения и поправки к собранию древних греческих и латинских надписей северного побережья Черного моря (Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini). III // ЗИРАО — 1895а — 7 — С. 73-87.

Латышев В.В. ΠΟΝΤΙΚΑ — СПб., 1909 — 430 с.

Латышев В.В. Эпиграфические новости из южной России (Ольвийские и херсонесские надписи, найденные в 1908 г.) // ИАК — 1909а — 33 — С. 41-49.

Соломоник Э.И. Об одной утеряной ольвийской надписи // Античная культура Северного Причерноморья в первые века н.э. — Киев, 1986 — С. 36-41.

Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). — СПб., 2002. — 674 с.

Штерн Э.Р. Новооткрытая ольвийская надпись // ЗООИД. —1893. — 16. С. 1-10.

Штерн Э.Р. Вновь найденные ольвийские надписи // ЗООИД. —1894. — 17. — С. 1-30.

Штерн Э.Р. Несколько заметок по поводу статьи В.В. Латышева «О поддельных греческих надписях из южной России» // ЗООИД. — 1895. — 18. — С. 64-86.

Штерн Э.Р. Вновь найденное ольвийское надгробие // ЗООИД. — 1901. —23, прот. — С. 5-11.

Юргевич В.Н. Апсидная дощечка, найденная в Ольвии, хранящаяся в музее Общества // ЗООИД. — 15. — 1889. — С. 150-151.

Юргевич В.Н. Тирасская надпись, найденная по словам продавца, в 1893 г. в Аккермане // ЗООИД. — 1894. — 17. — С. 33-36.

Avram A. Décret inédit de Tyras // Studia Antiqua et Archaeologica (Iaşi). — 1997. — 3-4. — P. 115-126.

Hupe J. Die olbische Achilleus-Verehrung in der römischen Kaiserzeit // Der Achilleus-Kult im nördlichen Schwarzmeerraum vom Beginn der griechischen Kolonisation bis in die römischen Kaiserzeit. Hrsg. J. Hupe. — Rahden/Westf., 2006. — P. 165-234.

Koehler H.K.E. Mémoire sur les îles et la course consacrée à Achille dans le Pont-Euxin, avec des éclaircissemens sur les antiquités du littoral de la Sarmatie et des recherches sur les honneurs que les Grecs on accordés à Achille et aux autres héros de la guerre de Troie // Mémoires de l'Académie (St. Petersbourg). — 1827. — 10. — P. 531-820.

Lajtar A. An Epitaph from Olbia (?) in the Princes Czartoryski Museum in Cracow // Palamedes. A Journal of Ancient History. — 2006. — 1. — P. 159-165.

Omont H. Missions archéologiques françaises en Orient aux XVIIe et XVIIIe s. I (Collection de documents inédits sur l'Histoire de France, 261, 1). — Paris, 1902 — 662 p.

Schlitz V. Du bonnet d'Ulysse à la tiare de Saïtapharnès // Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии. Сборник статей в честь Поля Бернара. Отв. ред. К. Абдуллаев. — Ташкент, 2010. — P. 217-233.

Spawforth A.J.S. Fourmontiana. IG V1. 515: Another Forgery 'From Amyklai' // ABSA. — 1976. — 71. — P. 139-145.

А.І. Іванчик

ДЕЯКІ НАПИСИ–ПІДРОБКИ З ОЛЬВІЇ ТА ТІРИ

Статтю присвячено підробним написам, як друкувались як оригінальні і як ті, що походять з Ольвії і Тіри. Найраніший екземпляр такої підробки міститься в IOSPE I² 285, і був зкопійований Г. Кьоллером у 1804 р у Миколаєві і надрукованим у 1827 р. В кінці 19 ст. велика майстерня з виготовлення фальсифікатів діяла у Південній Росії, можливо, під контролем відомих торговців старожитностями братів Гофманів. Багато підробок були опубліковані як оригінали. Однак В. Латишев дуже швидко розпізнав підроблені написи і включив їх в окремий додаток до четвергого тому IOSPE (1901). Деякі із згаданих написів були виготовлені саме у згаданій майстерні і довгий час вважалися справжніми і друкувалися як такі. До цієї групи належать написи IOSPE I², 157; SEG 47, 1196; SEG 56, 903. Більш того, дві копії напису IOSPE I², 188 були знайдені автором у музейних колекціях: перша зараз зберігається у лапідарії Херсонського музею, друга – в Одесському музеї. Перша є справжньою, друга – копією, виготовленою у тій самій майстерні братів Гофманів.

Ключові слова: епіграфіка, підробки, Миколаїв, Херсон, Ольвія, Тіра, брати Гофмани.

A.I. Ivantchik

SOME FAKE INSCRIPTIONS FROM OLBIA AND TYRAS

The article is devoted to fake inscriptions, which were published as original ones with a provenance from Olbia and Tyras. The earliest known example of such fakes is the inscription IOSPE I² 285 which was copied by H. Koehler in 1804 in Nikolaev and published by him in 1827. In the end of the 19th century, a big workshop fabricating forged inscriptions was ac-

tive in South Russia, probably under the control of famous dealers of antiquities and falsifiers Hochmann brothers. At first they managed to deceive scholars, and many fake inscriptions were published as genuine ones. However, V. Latyshev had soon recognised numerous fakes and included their list in the 4th volume of the IOSPE (1901). Some forged inscriptions made in the same workshop are nevertheless still considered as genuine ones and are published as such. The inscriptions IOSPE I², 157; SEG 47, 1196; SEG 56, 903 belong to this group. Moreover, two copies of the inscription IOSPE I², 188 were found in the museum's collections: the first is now preserved in Kherson museum, the second one is in Odessa museum. The first one is genuine inscription, the second one is its copy made in the same workshop of Hochmann brothers.

Keywords: fake inscription, Olbia, Tyras, Nikolaev, Kherson, Hochmann brothers.

Одержано 23.01.2015

УДК 904.2 (477.73) «652»

В.А. Папанова, С.Н. Ляшко

ВЕСОВЫЕ ГИРИ ИЗ ПРИГОРОДНЫХ УСАДЕБ ОЛЬВИЙСКОЙ ХОРЫ V–IV ВВ. ДО Н.Э.

В научный оборот вводятся весовые гири классического времени, раскопанные в последнее время на пригородных усадьбах Ольвии. Всего найдено семь весовых гирь V–IV вв. до н. э. Одна гиря из камня/гальки и шесть свинцовых. Среди них гири редкой формы: три в виде половины астрагала V в. до. н.э. и в виде овечьей/бычьей шкуры V-IV вв. до. н.э.

Ключевые слова: пригородные усадьбы, весовые гири, эвбейско-аттическая весовая система.

Весовым гирям из Ольвии и Березани посвящена обширная литература исследователей двух минувших столетий, в частности П.О. Бурачкова [Бурачков, 1884, с. 41, 59, 65], А.В. Орешникова [Орешников, 1891, с.23], А.Л. Бертье-Делагарда [Бертье-Делагард, 1907, с. 1-6; 1909, с. 78-81], Б.В. Фармаковского [Фармаковский, 1906, с.289], Л.И. Чуистовой [Чуистова, 1962, с. 64-68], Е.Ф. Яровой [Яровая, 1962, с. 243-246], Е.И. Леви и А.Н. Карасева [Леви, Карасев, 1965, с. 87], В.В. Лапина [Лапин, 1966, с. 145], Б.Н. Гракова [Граков, 1971, с. 125-127], П.О. Карышковского [Карышковский, 1973, с. 98-10], Л.В. Копейкиной [Копейкина, 1979, с. 345-346; 1981, с. 168, 173] и др.

Весомый вклад в изучение и разработку проблем античной метрологии Северного Причерноморья внесла Валентина Владимировна Крапивина [Крапивина, 1980, с. 83-98; 1986, с. 105-111; 1987, с. 131-134; 2007, с. 201-203; Величко, 2006, с. 98][1].

В своих работах исследовательница рассматривала весовые гири как исторический источник для изучения античной и ольвийской метрологии. Она проследила историю изучения весовых гирь Ольвии и Березани, ввела в научный оборот несколько десятков весовых гирь, проанализировала весовые данные, сравнила их с известными античными весовыми системами. В итоге исследовательница пришла к выводу, что не существует отдельной ольвийской весовой системы. Ольвиополиты в торгово-экономических отношениях использовали эвбейско-аттическую весовую систему, которая была введена в Афинах после реформ Солона в 594 г. до н.э. [Aristot, Polit. III, 51].

Основное количество известных по результатам раскопок гирь было найдено на территории Ольвии и Березани. Как считала В.В. Крапивина, вне поля зрения исследователей оставалась метрология ольвийской хоры, что связано с немногочисленностью находок [1986, с. 105]. За все время исследования ольвийской хоры в XX ст. весовые гири были найдены только на поселениях Варваровка, Старая Богдановка 2 и Сиверский Маяк, на Бейкушском поселении. Гири из Бейкушского поселения и Старая Богдановка 2 датируются архаическим временем, а из Варваровки и Сиверского Маяка – классическим [Марченко, Доманский, 1983, с. 70, рис. 9, *39;* Буйских, 1987, с. 312; Крапивина, 1987, с. 131; Крыжицкий и др., 1989, с. 82,141].

Раскопки последнего десятилетия на ближней ольвийской хоре способствовали по-

1. Подробная библиография В.В. Крапивиной по этому вопросу приведена в [Гаврилюк, Зуев, 2013, с. 783-799].

© В.А. ПАПАНОВА, С.Н. ЛЯШКО, 2015

полнению источниковедческой базы весовых гирь. Все гири были раскопаны на пригородных усадьбах Широкая балка 6 (ойкос – οικος[2]] второй трети V – начала III вв. до н.э. и Широкая балка 7[3] (хорион – χωριον] конца V–30-х годов IV вв. до н.э. [Ляшко, Папанова, 2008, с. 32, табл. 152, *а, б;* 2009, с. 34, табл.138-139; 2010, с. 29, табл. 135, *б*; 2011, с. 23, табл. 169, *а*].

Гири, найденные на ольвийских пригородных усадьбах[4], изготовлены из камня/кремня и свинца и датируются V–IV вв. до н. э.

1. Гиря сделана из небольшой светлой гальки, инв. № 103 (О-2008 Некр. юз) (рис. 1, *1*)[5]. На лицевой стороне вырезаны буквы AIλ(?)I(?]) Буква λ(?) перевернута.

Греки использовали со времен архаики и до III в. до н.э. акронимическую/аттическую (Геродианову) нумерацию. Ею пользовались преимущественно для обозначения денежных сумм. Эту нумерацию вытеснила азбучная/альфабетическая (милетская) система [Башмакова, 1970, с. 62]. Буквы, вырезанные на гире, не соответствуют ни одной из нумераций приведенных систем. Можно предположить, что вырезанные буквы являются клеймом ольвийских агрономов или знаком владельца. Размеры: лицевая сторона 4,2 х 2,8 см, основание/база 2,5 х 2,5 см. Выемки над основанием – 1,2 х 0,6 х 0,5 см, 2 х 1 х 0,9 см. Вес 45 г. Соответствует по весу 10 драхмам эвбейско-аттической системы стандарта 100. Найдена на хорионе, сопровождающим материалом датируется IV в. до н.э.

2. Гиря свинцовая в форме половины астрагала, инв. № 38 (О-2010 Некр.Ю-З.Ш.Б.) (рис.1, *2*). Лицевая сторона рельефная, обратная – гладкая. Гиря чищеная, хорошей сохранности. Размеры – 2,1-2,8 х 1,7-2,9 х 0,7-0,9 см. Вес 15 г. Отметим, что в Ольвии известны находки свинцовых гирь других видов с таким же весом [Крапивина, 1980, с. 84,86]. Соответствует по весу 4 драхмам эвбейско-аттической системы стандарта 100 или пяти бронзовым ольвийским монетам в виде дельфинов. В последнем случае ее первоначальный вес мог равняться 15,9 г. Найдена на ойкосе, сопровождающим материалом датируется V в. до н.э. Аналогичная гиря, но большего веса, была найдена в Ольвии на участке АГД в небольшой яме в полуземлянке второй половины VI в. до н.э. [Крапивина, 2006, с. 201].

3. Гиря свинцовая в форме половины астрагала, инв. № 54 (О-2011 Некр. ШБ. Ю-В) (рис.1, *3*). Лицевая сторона рельефная, обратная – гладкая. По центру овальное отверстие (0,5 х 0,6 см). Гиря чищеная, хорошей сохранности. Размеры – 2,2-2,6 х 1,6-1,8 х 0,4-0,7 см. Вес 15 г. Соответствует по весу 4 драхмам эвбейско-аттической системы стандарта 100. Аналогична предыдущей. Найдена на ойкосе, сопровождающим материалом датируется V в. до н.э.

4. Гиря свинцовая в форме половины астрагала, инв. №79а (О-2011 Некр. ШБ. Ю-В) (рис.1, *4*). Лицевая сторона рельефная, обратная – гладкая. По центру овальное отверстие (0,6 х 1 см). Размеры – 1,5-1,9 х 1,5-2,1 см. Гиря чищеная, плохой сохранности (окислена, деформирована и поломана). Вес – 10 г. С учетом весовых потерь может соответствовать по весу 4 драхмам эвбейско-аттической системы стандарта 100. Аналогичная двум предыдущим. Найдена на ойкосе, сопровождающим материалом датируется V в. до н.э.

По всей видимости, в Ольвии и на ее хоре гири в форме астрагала использовались во второй половины VI – V вв. до н.э. Интересно, что на афинской агоре известны бронзовые квадратные гири с легендой в виде астрагала VI в. до н.э. [Lang, Crosby, 1964, p. 6, 13. Pl. BW1].

5. Гиря свинцовая редкой формы в виде овечьей/бычьей шкуры, инв. № 32 (О-2009 Некр. юз) (рис.1, *5*). Ее размеры 4-4,25 х 5,5 х 0,2 см. Гири в виде шкур животных известны в Греции с древнейших времен [Чуистова, 1962, с. 17, рис. 5]. На гире пробиты семь отверстий. По три вдоль узких сторон (d= 0,15-0,3 см) и одно почти по центру (d=0,4 см). Над центральным отверстием прочерчен знак в виде . Гиря чищеная, хорошей сохранности, но обломан ее правый край. Облом произошел по линии диаметра одного из трех отверстий. Вес 35 г. С учетом потерь он может соответствовать по весу 10 драхмам эвбейско-аттической системы стандарта 100. Найдена на хорионе, сопровождающим материалом датируется V-IV в. до н.э.

6. Гиря свинцовая (рис.1, *6*), инв. № 214 (О-2009 Некр. (ю-з) приближается к квадратной форме, углы закругленные (3,6-3,7 х 3,8 см, толщина 0,75 см). На лицевой стороне выделен невысокий бортик (0,2 х 0,4 см). На оборотной стороне имеются две выемки, образо-

2. Термин ойкос (οικος) мы употребляем в значении – дом как строение + имущество; дом как владение + имущество; дом как семья + строение + имущество, т.е. единоличное домовладение [Грацианская 2006, с. 87; Буйских 2006, с. 29-31]. Термин хорион (χωριον) – в значении индивидуальная /частная усадьба [Крыжицкий 1993, с.33-34].

3. Нами продолжена нумерация поселений, открытых к югу от Ольвии за Широкой балкой (см. [Крыжицкий и др.1990, с. 55]. Широкая Балка 6 (ойкос) раскапывалась в 1996, 2010-2013 гг, а Широкая Балка 7 (хорион) в 2003-2009 – зав. участками В.А. Папанова.

4. Все гири хранятся в фондах Национального историко-археологического заповедника «Ольвия» ИА НАНУ.

5. Авторы благодарят за иллюстрации Т.А. Зиновьеву и А.А. Голика.

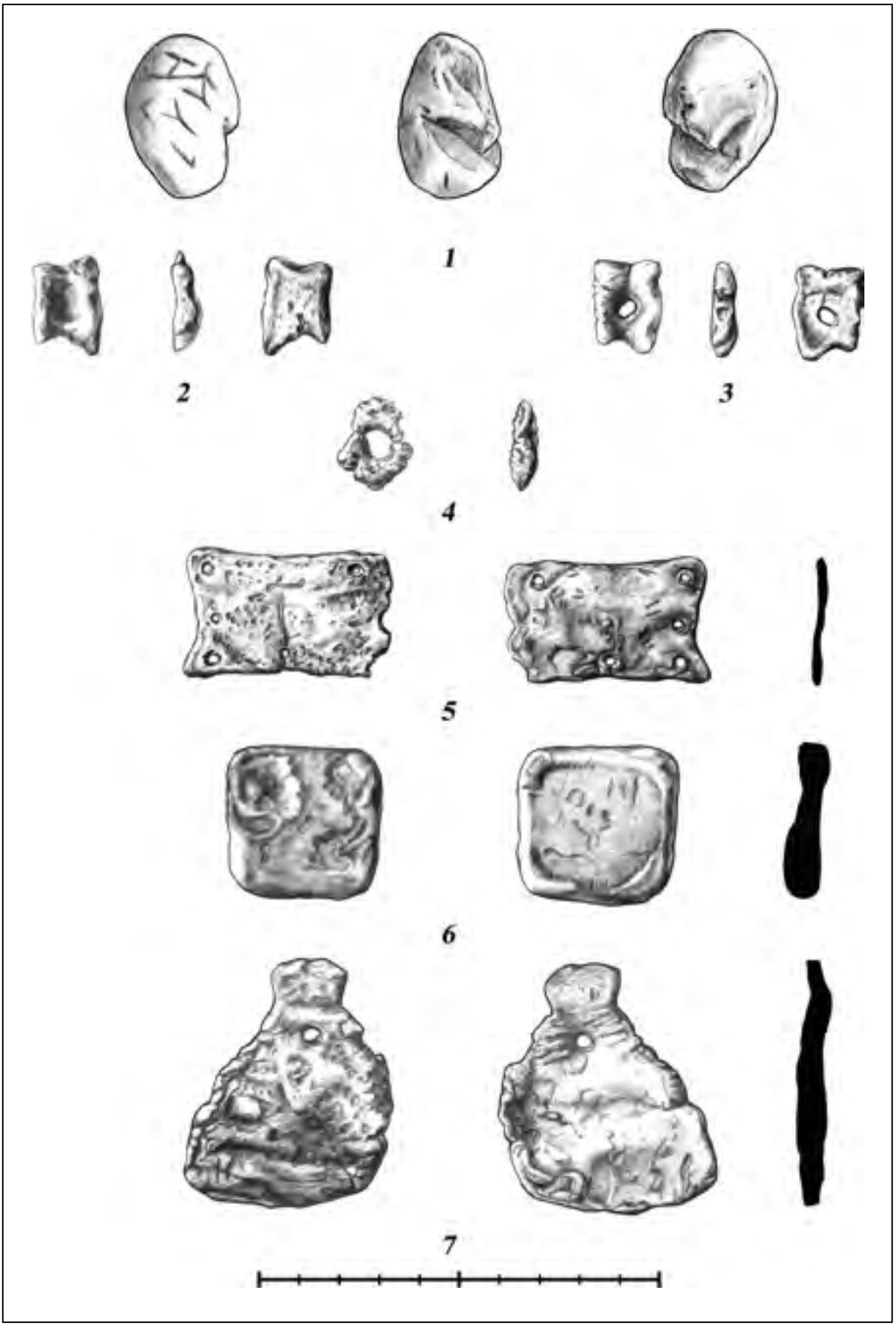


Рис. 1. Весовые гири из ольвийских пригородных усадеб (*1* – галька; *2-7* – свинец)

вавшиеся в процессе литья. Гиря чищеная, хорошей сохранности. Аналогичные по форме свинцовые гири, но разные по весу, использовали в Ольвии в IV-III вв. до. н.э. [Крапивина, 2006, с. 202-203, рис. 216, *9*]. Вес 105 г. По всей видимости, может соответствовать ¼ эвбейско-аттической мине стандарта 100. В Ольвии и на Березани известны восемь экземпляров гирь с весом соответствующим ¼ эвбейско-аттической мине [Крапивина, 1980, с. 84;1987, с. 108]. Найдена на хорионе, сопровождающим материалом датируется IV в. до. н.э.

7. Гиря (?) свинцовая, инв. № 74 (О-2009 Некр. юз) (рис.1, *7*). Приближается к трапециевидной форме с закругленными верхними углами. В верхней части пробито отверстие (d= 0,5 см). Размеры: длина по центру 6,3 см боковые грани 4,6 см (правая) и 5,1 см (левая), нижняя – 4,8 см. Гиря выполнена очень небрежно, чищеная. Сохранность хорошая. Вес 90 г. Приближается по весу к ¼ эвбейско-аттической мине стандарта 92. В Ольвии и на Березани известны гири и дельфин такого стандарта [Крапивина, 1986, с. 108; 1988, с. 193]. Найдена на хорионе, сопровождающим материалом датируется IV в. до н.э.

Среди, рассмотренных гирь отсутствуют контрольные гири. Вес гирь варьирует от 10 до 105 г. Все они относятся к эвбейско-аттической весовой системе. Аналогии гирям из пригородных усадеб известны из раскопок на Афинской агоре и Олинфа [Lang, Crosby, 1964, p. 25-33;Robinson,1941, p. 447-471].

Гири представляют интерес для уточнения ряда вопросов экономической жизни Ольвийского полиса, в частности для уточнения наличия или отсутствия местных весовых систем.

Представленный материал не противоречит выводам авторов раскопок двух пригородных усадеб о развитых рыночных отношениях у населения Ольвии и ее хоры. Основным занятием жителей усадеб Широкая балка 6 и Широкая балка 7 было сельское хозяйство с преобладанием скотоводства над земледелием [Ляшко, Папанова, 2009а, с. 103; 2009б, с. 170-171]. Так жители хориона производили забой скота и его разделку, полученной продукцией снабжалось городское населения Ольвии. Занимались они рыболовством и переработкой рыбной продукции. Рыночные отношения носили товарно-денежные отношения, о чем свидетельствует большое количество монет и весовые гири, найденные на обеих усадьбах.

Аристотель. Политика. Афинская полития / Перевод С.А. Жебелева, С.И. Радцига. – М., 1997. – 458 с.

Башмакова И.Г. Древняя Греция // История математики с древнейших времён до начала нового времени / Под ред. Юшкевича А.П. – Москва, 1970. – 352 с.

Бертье-Делагард А.Л. Поправки общего каталога монет П.О. Бурачкова. – Москва, 1907. – 44 с.

Бертье-Делагард А.Л. Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене в половине IV в. до Р.Х. // Нумизматический сборник. – 1909. – Т.1. – С. 1-100.

Буйских С.Б. Ойкос греческой хоры в Нижнем Побужье VI–V вв. до н.э. // Боспорские чтения. Материалы международной научной конференции. – Керчь, 2006. – Ч.7. – С. 29-31.

Бурачков П.О. Общий каталог монет, принадлежащий эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней Южной России. – Одесса, 1884. – 306 с.

Величко О.М. Всесвітня історія метрології: від давнини до кінця XIX століття. – К., 2006. – 424 с.

Гаврилюк Н.А., Зуев В.Ю. Памяти Валентины Владимировны Крапивиной. Материалы к биобиблиографии // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке. Материалы международной научной конференции. – СПб., 2013. – С. 780-799.

Граков Б.Н. Еще раз о монетах-стрелках // ВДИ. – 1971. – №3. – С. 125–127.

Грацианская Л.И. Некоторые замечания об ойкосе терминологическом и οἰκοῖε текстологическом // Боспорские чтения. Материалы международной научной конференции. – Керчь, 2006. – Ч.7. – С. 85-88.

Каришковський П.Й. Про державний устрій Ольвії // УІЖ. – 1973. – № 2. – С. 98-101.

Копейкина Л. В. Раскопки Березанского поселения // АО 1978 г. – Москва,1979. – С. 309.

Копейкина Л.В. Элементы местного характера в культуре Березанского поселения архаического периода // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. – Тбилиси, 1981. – С. 131–148.

Крапивина В.В. Весовые гири Ольвии // Исследования по античной археологии северного Причерноморья. – К.,1980. – С. 83-98.

Крапивина В.В. Архаические весовые гири Березани и Ольвии // Ольвия и ее округа. – К., 1986. – С. 105-111.

Крапивина В.В. Весовые гири // Культура населения Ольвия и ее округи в архаическое время. – К., 1987. – С. 131-133.

Крапивина В.В. Весовые гири // Древнейший теменос Ольвии Понтийской // МАИЭТ. – Supplementum 2. – Симферополь, 2006. – С. 201-203.

Крыжицкий С.Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. – К., 1993. – 248 с.

Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Отрешко В.М. Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта]. – К., 1990. – 136 с.

Лапин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. – К., 1966. – 238 с.

Леви Е.И., Карасев А.Н. Работы ольвийской экспедиции ЛОИА в 1960-1962 гг. // КСИА. – 1965. – Вып.103. – С. 80–93.

Ляшко С.Н., Папанова В.А. Охранные раскопки участка «Усадьба» (юго-западная часть некрополя Ольвии) // НА ИА НАНУ. – 2008/83. – 250 с.

Ляшко С.Н., Папанова В.А. Охранные раскопки на участке «Усадьба» (юго-западная часть некрополя Ольвии) в 2009 г. // НА ИА НАНУ. – 2009/7г. – 264 с.

Ляшко С.Н., Папанова В.А. Ольвийская усадьба IV в. до н.э. // Старожитности Степового Причорномор'я і Криму. – Запоріжжя, 2009. – Вип. XV. – С. 100-106.

Ляшко С.Н., Папанова В.А. К вопросу о существовании усадеб на ближней хоре Ольвии // ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. – Москва, 2009б. – С. 162-171.

Ляшко С.Н., Папанова В.А., Назаров П.А. Охранные раскопки на участке «Некрополь юго-восточный (Широкая балка)» в 2010 г. // НА ИА НАНУ. – 2010/8г. – 264 с.

Ляшко С.Н., Папанова В.А., Голик А.А. Охранные раскопки на участке «Некрополь юго-восточный (Широкая балка)» в 2011 // НА ИА НАНУ. – 2011. – 289 с.

Марченко К.К., Доманский Я.В. Комплекс вещественных находок на античном поселении Старая Богдановка 2 // АСГЭ. – 1983. – Вып.24. – С. 56-72.

Орешников А.В. Описание древнегреческих монет, принадлежащих императорскому Московскому университету. – Москва,1891. – 367 с.

Фармаковский Б.В. Раскопки в Ольвии в 1902-1903 гг. // ИАК. – 1906. – Вып.13. – 327 с.

Чуистова Л.И. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье // Археология и история Боспора. – Симферополь, 1962. – Т. II. – С. 7-235.

Яровая Е.Ф. О некоторых гирях Пантикапея и Ольвии // МАСП. – Одесса,1962. – Вып.4. – С. 243-246.

Lang M., Crosby M. Weights, Measures and Tokens // The Athenian Agora. – Princeton-New Jersey. – 1964. – Vol. 10. – 146 p.

Robinson D. M. Excavatione at Olynthus. Metal and Minor Miscellaneous Finde // The Johns Hopkins University Studies in Archaeology. – Baltimore-London. –1941. – No. 31. – Part X. – Pp.XXVIII+594.

В.А. Папанова, С.Н. Ляшко

ВАГОВІ ГИРІ З ПРИМІСЬКИХ САДИБ ОЛЬВІЙСЬКОЇ ХОРИ V–IV ст. до н.е.

Автори відзначають вагомий внесок у вивчення і розробку проблем античної метрології Північного Причорномор'я Валентини Володимирівни Крапівіної. Основна кількість відомих за результатами розкопок гир була знайдена на території Ольвії та Березані. За весь час дослідження ольвійської хори у XX ст. було знайдено лише чотири примірники вагових гир на поселеннях Варварівка, Стара Богданівка 2 і Сіверський Маяк, на Бейкушському поселенні. Розкопки останнього десятиліття на ближній ольвійської хорі сприяли поповненню джерельної бази вагових гир. Так, на приміських садибах ближньої хори Ольвії знайдено сім вагових гир V–IV ст. до н. е. Одна гиря з каменю/гальки і шість свинцевих. Гиря з невеликої світлої гальки IV ст. до. н.е. На лицьовій стороні цієї гирі вирізані букви AIλ(?)I(?). Вирізані на ній букви це або клеймо ольвійських агрономів або знак власника.

Серед них три свинцеві гирі V ст. до. н.е. рідкісної форми у вигляді половини астрагалу. Вірогідно, що в Ольвії та на її хорі гирі у формі астрагалу використовувалися у другій половині VI– V ст. до. н.е. Ще одна свинцева гиря рідкісної форми у вигляді овечої/бичачої шкури з сімома пробитими отворами датується V–IV ст. до. н.е. Серед розглянутих гир відсутні контрольні гирі. Вага гир варіює від 10 до 105 г. Всі вони відносяться до евбейсько-аттичної вагової системи. Аналогії їм відомі з розкопок на Афінській агорі. Гирі представляють інтерес для уточнення низки питань економічного життя Ольвійського поліса, зокрема для уточнення наявності або відсутності місцевих вагових систем. Наданий матеріал не суперечить висновкам авторів розкопок двох приміських садиб про розвинуті ринкові відносини серед населення ольвійського поліса. Основним заняттям жителів садиб Широка балка 6 і Широка балка 7 було сільське господарство з переважанням скотарства над землеробством. Ринкові відносини носили товарно-грошові відносини, про що свідчить велика кількість монет і вагові гирі, знайдені на обох садибах.

Ключові слова: приміські садиби, вагові гирі, евбейсько-аттична вагова система.

V.A. Papanova, S.N. Lyashko

WEIGHT DUMBBELLS OF OLBIAN CHORA'S SUBURBAN ESTATES OF THE Vth-IVth CENTURIES BC

Authors note a significant contribution to researching and developing problems of Northern Black Sea Coast's ancient metrology by Valentina Vladimirovna Krapivina. The basic amount of known by the results of excavations weight dumbbells were found on the territory of Olbia and Berezan. During total research of Olbian chora in the twentieth century there were found only four instances of weight dumbbells in the settlements of Varvarovka, Staraya Bohdanovka 2 and Siversky Lighthouse on Beykushskom settlement. Excavation of the last decade on the near Olbian chora contributed to replenishment of weight dumbbells' source base. So on suburban estates near Olbia chora there were found seven weight dumbbells of the Vth–IVth centuries BC. One dumbbell is of stone/fine pebble and six dumbbells are of lead. The small dumbbell of light-colored pebbles is the IVth century BC. On the face of it letters AIλ (?) I (?) are cut. Letter λ (?])is inverted. Apparently carved letters are either the brand of Olbian agronomists or the sign of owner. Among them there are three lead dumbbells in a rare form of half of Astragalus of the Vth century BC. Apparently, in Olbia and its chora the dumbbells in the

form of Astragalus were used during the second half of the VIth -Vth centuries BC. Another lead dumbbell in a rare form of sheep / bovine skin with seven punched holes is dated back to the Vth-IVth century BC. Among the considered dumbbells there are no control weight. The weight of dumbbells is ranging from 10 to 105 g. All of them belong to the Euboea Attic weight system. Their analogies are known from excavations in the Athenian agora. Dumbbells are of interest to clarify a number of issues of Olbian city-state's economic life, in particular to clarify the presence or absence of local weight systems. The material presented here does not contradict the conclusions of the authors of the excavation of two suburban estates on the development of market relations in the population of Olbian city-state. The main occupation of the inhabitants of homesteads Shyroka Balka 6 and Shyroka Balka 7 was agriculture with a predominance of cattle-breeding over arable farming. Market relations were commodity-money relations, as evidenced by the number of coins and weight dumbbells found on both estates.

Keywords: suburban estates, weight dumbbell, Euboea Attic weight system.

Одержано 20.09.2014

904.5 (477.73) «652»

А.В. Ивченко

ПОДБОЙНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ В ДРОМОСАХ ЗЕМЛЯНЫХ СКЛЕПОВ НЕКРОПОЛЯ ОЛЬВИИ

Представлены подбойные погребения в стенках дромосов грунтовых склепов некрополя Ольвии. Рассматриваются вопросы истории их исследования и их соотношения с захороненными в камерах склепов, затронута проблема датировки.

Ключевые слова: Некрополь Ольвии, подбойные погребения, дромос, земляной.

История археологических исследований некрополя Ольвии насчитывает свыше 150 лет. При этом далеко не все вопросы, связанные с этой темой, как общие, так и частные, нашли свое отражение в историографии. Примером этому могут служить подбойные погребения, устроенные в стенках дромосов грунтовых склепов. Одним из первых очень коротко о подобных захоронениях написал еще Б.В. Фармаковский в своем отчете за 1913–1915 гг. [ОАК, 1913-1915, с. 36]. Ю.И. Козуб, которая изучала некрополь Ольвии классического времени, о таких погребениях не упоминает [Козуб, 1974]. М. Парович-Пешикан в работе, посвященной некрополю Ольвии эллинистического времени, при описании «характерных черт склепов II – I вв. до н.э.», одним предложением написала, что в дромосе склепа 1910/41[1] была обнаружена ниша, в которой было сделано подбойное погребение римского времени [Парович-Пешикан, 1974, с. 36]. Несколько более развернуто, но тоже в целом очень кратко, коснулась этой проблемы В.А. Папанова. По ее мнению: «В римский период в стенах дромоса склепов часто сооружались подбои …, в которых, как правило, хоронили детей, но были и исключения. Так в подбое дромоса склепа 1968/1[1] находилось парное захоронение женщины и ребенка … Подбои сооружались в дромосах склепов как эллинистического, так и римского периодов» [Папанова, 2006, с. 107-109]. При этом ни один из авторов не приводит ни общего количества учтенных им погребений, ни конкретного количества склепов, в дромосах которых были сделаны подобные захоронения. Поэтому общий вопрос о подбойных погребениях в дромосах грунтовых склепов некрополя Ольвии, а также целый ряд других вопросов, вытекающих из него, в том числе, об особенностях их конструкции, их датировки и ее соотношения с датой сооружения самих склепов, и, наконец, о статусе похороненных в таких захоронениях до сих пор остаются открытыми.

Впервые подобные захоронения были обнаружены В.Н. Ястребовым в 1894 г. (погребение 1894/7) [ОАК, 1894, с. 99-100] и с тех пор встречались при исследованиях некрополя Ольвии достаточно регулярно. Обработать весь массив археологически исследованных погребений, начиная от конца XIX в., по объективным данным автору не удалось, однако в данной работе учтены практически все захоронения, которые были введены в научный оборот, и часть из тех, сведения о которых содержатся в научных отчетах, хранящихся в

© А.В. ИВЧЕНКО, 2015

1. Здесь и далее по тексту при упоминании конкретных захоронений сначала упоминается год раскопок и через «слеш» номер погребения.

Научном архиве Института археологии НАН Украины. Выборка отчетов была строго случайна.

Целью данной статьи является попытка выяснения локализации подбойных захоронений в пространстве грунтового склепа, особенности их конструкции, поло-возрастные характеристики захороненных и их хронологическое соотношение с погребенными в камерах. Всего было обработано 1980 погребений[2], из которых 345 оказались грунтовыми склепами. В дромосах этих склепов было открыто 18 подбойных могил[3], что составляет 5,2 % от общего количества захоронений в грунтовых склепах.

В процессе обработки базы данных вопрос локализации подбойных погребений в пространстве склепа был разделен на два пункта: расстояние между входом в дромос и камерой и ориентация захороненных. Поскольку пока не существует достаточных оснований говорить о системе ориентации ольвийских грунтовых склепов вообще, имеет смысл попытаться оценить расположение костяков во второстепенных[4] захоронениях только относительно направления самого склепа. Поэтому было подсчитано положение костяков относительно продольной оси склепа, считая от входа в дромос. Оказалось, что 8 подбоев были впущены в правую стенку дромоса, 6 – в левую, о расположении трех данные отсутствуют. Возможно, еще один подбой был совершен при входе в дромос поперек длинной оси, но, поскольку это раскопки 1894 г. [Ястребов, 1894, с. 99-100], и доступные сведения о данном объекте мало информативны, до получения новых данных этот объект можно не принимать во внимание. Девять погребенных были уложены головами ко входу в дромос, два – в сторону камеры, в одном случае (парное погребение детей) они были разнонаправлены и еще в шести случаях их ориентация не известна.

Выяснение расположение подбоя относительно входа в дромос имеет смысл потому, что все они были сделаны на глубине[5], не превышающей 0,5 м от уровня фиксации объектов. При этом, в зависимости от удаления от входа, расстояние от пола подбоя до дна дромоса варьировалось от 0,5 до 3,0 м. Такая ситуация косвенно может говорить о порядке заполнения дромосов грунтом. Из 18 выявленных погребений[6] пять находились ближе к входу, семь – ближе к камере, расположение шести по существующим данным установить не удается.

Поло-возрастные характеристики оценивались по следующим параметрам: число захороненных, их пол и возраст. Оказалось, что из восемнадцати случаев в одиннадцати было захоронено по одному человеку, в двух – по двое[7], еще для пяти случаев данных нет. В одном случае в подбое был захоронен мужчина, в одном случае женщина (вместе с ребенком), в пяти – дети (считая парное захоронение детей). Для оставшихся двенадцати четких ан-

2. Учтены результаты 78 раскопочных сезонов на некрополе Ольвии. При этом вследствие полноты публикаций и доступности архивных данных годы 1894 [Ястребов, 1986, с. 98-103], 1896 [Фармаковский, 1898, с. 199 – 212] , 1901-1903 [Фармаковский, 1903, с. 1 – 95; 1908, с. 1 – 70], 1920 [Семенов-Зусер, 1920], 1925, 1926 [Фармаковский, 1926], 1962 [Козуб, 1962], 1964-1975 [Козуб, 1964, 1965, 1966, 1967, 1968, 1969, 1970, 1971, 1972, 1973, 1974, 1975], 1978 [Козуб, 1978], 1980 [Бураков, 1980], 1982, 1983 [Козуб, Папанова, 1982, 1983], 1985-1992 [Козуб, Папанова, 1985, 1986, 1987, 1988; Крыжицкий, Липавский, 1989, 1990; Крыжицкий, Папанова 1991, 1992], 1995-2013 [Ивченко, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013; Ивченко и др., 2006; 2007 Козуб, 1995, 1997, 1999, 2000; Козуб, Стоянов, 2001; Козуб и др., 2005; Козуб та ін., 2002, 2003, 2004; Папанова, 1998] были учтены в полном объеме, а годы 1900 [Кулаковский, 1902, с. 3-12], 1904-1915 [Фармаковский, 1907, с. 1-41; 1908, с. 1-35; 1909, с. 1-50; 1910, с. 1-66; 1913, с. 1-105; 1914, с. 1-25; 1916, с. 1-35; 1918, с. 1-51], 1930 [Парович-Пешикан, 1974, с. 28; рис. 17], 1946 [Капошина, 1946], 1956 [Парович-Пешикан, 1974, рис 3; 74, 2; 83, 1; 85, 1-2; 90,14; Фурманская, 1959, с. 133-138] – только в той мере, которая оказалась доступна.

3. Погребения приводятся попарно (сначала дается номер склепа, потом впускного погребения): 1894/7 (оба погребения идут под. одним номером) [Ястребов, 1896, с. 99-100], 1904/24 и 1904/23 [Парович-Пешикан, 1974, с. 181, Фармаковский, 1907, рис. 48], 1904/29 и 1904/30 [Фармаковский, 1907, рис. 48], 1910/41 и 1910/41а [Козуб, 1974, с.149; Парович, 1974, с. 197-198], 1913/68 и 1913/68а [Парович-Пешикан, 1974, с. 167, 193], 1913/78 и 1913/78а [Парович-Пешикан, 1974, с. 163], 1915 31б и 31а [Фармаковский, 1918, с. 36], 1920/42а и 1920/42б [Папанова, 2006, с. 238], 1920/132а и 1920/132б [Папанова, 2006, с. 248], 1967/8 и 1968/2 [Козуб, 1967, с. 15-16; Козуб, 1968, с. 8], 1971/5 и 1971/6 [Козуб, 1971, с. 10-14], 1974/5 и 1973/18 [Козуб, 1973, с. 27; Козуб, 1974, с. 31-34], 1983/10 и 1983/б/н [Козуб, Папанова, 1983, с. 19-23], 2002/6 и 2002/5 [Козуб та ін., 2002, с. 12-13; 2003, с. 17-24], 2005/1 и 2005/1а [Козуб и др, 2005, с. 14-25], 2006/3 и 2006/4 [Ивченко и др., 2007, с. 44-48; Козуб и др., 2006, с. 54-59], 2008/6 и 2009/2 [Ивченко, 2008, с. 19-26; Ивченко, 2009, с. 25-27], 2013/2 и 2013/14 [Ивченко, 2013, с. 23-29, с. 45-51].

4. Пять процентов склепов, в которых были совершены впускные захоронения, от общего количества учтенных склепов, позволяют считать, что подобные могилы были неординарным случаем, вызванным какими-то особыми причинами или представлениями.

5. Речь идет о верхе свода подбоя.

6. В данном случае не приводятся абсолютные величины потому, что для большинства учтенных по этому параметру объектов выяснить их не было возможности, и они оценивались приблизительно.

7. В одном случае женщина и ребенок, во втором – ребенок и ребенок.

тропологических определений нет, однако размеры могильных ям (там, где они известны), позволяют предполагать, что это захоронения детей или подростков.

Не менее интересен вопрос о датировке. По сложившимся в литературе представлениям, ко времени развитой классики относится одно погребение (1920/42а), поздней классики – раннего эллинизма – пять, развитого эллинизма одно, римского времени – девять, еще по одному погребению нет данных. Захоронение 1983 г., которое в отчете не имеет порядкового номера, было «совершено дважды». В камеру склепа ведут два дромоса, один из которых, по мнению автора раскопок, относится к эллинистическому, а второй – к римскому времени. Аналогии подобным случайным совпадениям разновременных могил на ольвийском некрополе известны (например, погребение 2002/6 [Козуб та ін., 2002, с. 12-13; 2003, с. 17-24].

Вопрос о времени появления грунтовых склепов ольвийского некрополя до сих пор остается дискуссионным. Соответственно, вопросы вызывает и время появления подбойных погребений в дромосах. Ю.И. Козуб, которая единственная продатировала погребения № 42а, и 42б, раскопанные С.А. Семеновым-Зусером в 1920 г., концом V – IV вв. до н.э., ни в тексте самой монографии [Козуб, 1974], ни в приложенном к работе каталоге погребений, не приводит ни ссылок на точные датировки монет, ни одной иллюстрации вещей, которые были там найдены. В архиве ИА НАНУ хранится только часть фотографий, сделанных в 1920 г. С.А. Семеновым-Зусером. К сожалению, ни на одной из них нет вещей, найденных в этих погребениях [Семенов-Зусер, 1920]. В описании погребений, сделанных автором раскопок, никаких дат не приводится. Поэтому проверить время бытования вещей, а, следовательно, и самих погребальных комплексов, не представляется возможным. Несомненным является факт, что во время эллинизма подобные захоронения уже существовали (погребение 2009/2 [Ивченко, 2008, с. 19-26; Ивченко, 2009, с. 25-27],) и самое большое их количество относится к первым векам н.э.

Вопрос об абсолютных датах впускных погребений в стенки грунтовых склепов некрополя Ольвии не входит в задачи данной статьи. С хронологической точки зрения здесь рассматривается только примерное временное соответствие или несоответствие впускных погребений основным захоронениям в камерах. При этом приходится принимать во внимание, что все без исключения камеры склепов были в той или иной мере разграблены, а основная часть подбойных могил, по крайней мере, тех, которые были раскопаны после Второй мировой войны и сведения о которых доступны и полны, были зафиксированы in situ. Из 18 учтенных случаев в 12 (погребения 1910/41 и 41а, 1913/68 и 68а, 1920/42а и 42б, 1920/132а и 132б, 1967/8 и 1968/2, 1971/5 и 6, 1973/18 и 1974/5, 2002/6 и 5, 2005/1 и 1а, 2006/3 и 4, 2008/6 и 2009/2, 2013/2 и 14) удалось продатировать и впускные погребения, и, с меньшей степенью вероятности, время сооружения камеры. Практически во всех этих случаях погребения оказываются примерно синхронными. Исключениями когут быть два объекта: погребения 1910/41 и 41а г. и погребения 2006/3 и 4 г.

В первом случае единственным предметом, найденным в погребении ребенка в подбое, была бронзовая ольвийская монета «дельфин», время бытования которых относится в целом к V – IV вв. до н.э. [Анохин, 1989]. В то же время, Ю.И. Козуб относит погребения, совершенные в камере, к IV в. до н.э., а М. Парович-Пешикан – к III – II вв. до н.э. Во втором – единственным предметом, который сопровождал ребенка, захороненного в подбое, был сетчатый лекиф, датируемый IV в. до н.э., а сама камера относилась к римскому времени.

Обращает внимание, что в обоих приведенных случаях время сооружения подбойного захоронения в стенке дромоса является более ранним, чем время основных захоронений в камере, что представляется маловероятным. Кроме этого, в 2013 г. было открыто подбойное захоронение № 14, которое может дать определенную информацию по этому вопросу. Поэтому имеет смысл привести его подробное описание.

Погребение было обнаружено в верхней части засыпи дромоса земляного склепа № 2 на расстоянии 1,68 м от края камней заклада в его западной стенки на глубине 0,38 м от уровня фиксации (рис. 1). От дна подбоя до дна пандуса дромоса было 0,54 м с южного края и 0,09 м с северного. Роль заклада исполнял вертикально стоящий вплотную к стенке дромоса камень-известняк трапециевидной формы. Рядом с ним найдены также у стенки два мелких бутовых камня и еще два небольших камня были найдены на уровне дна дромоса ближе к камням заклада.

После снятия большого камня за ним был обнаружен уходящий в стенку дромоса подбой. В плане подбой выглядел как трапеция с ровными восточной и северной и несколько выгнутыми наружу западной и южными стенками (рис. 2). Общая длина подбоя по стенке дромоса равнялась 1,28 м, длина западной стенки 1,09 м. Ширина у южного края составляла 0,45 м, в центре – 0,58 м, у северного края – 0,62 м. Свод подбоя был практически ровный, плоский, слегка закругленный к зад-

ней стенке, высота подбоя у входа 0,27– 0,25 м, у задней стенки 0,15 м.

По некоторым остаткам можно предположить, что в подбой было поставлено легкое деревянное гробовище прямоугольной формы длиной 0,91-0,92 м и шириной около 0,35 м. Так за головой погребенного в 0,07 м от черепа прослежен фрагмент поперечной доски, идущий с запада на восток, длиной 0,35 м, высотой – 0,07 м. С севера у восточного края этой доски вертикально острием вниз стоял железный гвоздь. Рядом с ним были зафиксированы остатки еще одного вертикально и одного горизонтально расположенного гвоздя. От этих гвоздей к югу шел след еще одной деревянной доски длинной 0,44 м, который проходил с западной стороны от сосудов, поставленных непосредственно у входа в подбой (краснолаковая чаша и фигурный сосуд). У конца этой доски острием вверх стоял еще один железный гвоздь. К северу от краснолаковой чаши горизонтально лежал еще один железный гвоздь, который располагался чуть выше пола. Другой такой же гвоздь лежал между ним и чашей. Под ними непосредственно в остатках продольной деревянной доски стоял еще один вертикальный гвоздь, направленный острием вниз. Между ним и внешними (угловыми) гвоздями горизонтально располагался еще один гвоздь, направленный острием ко входу в подбой. Он находился в заполнении на 0,06 м выше дна подбоя. Остатки еще одного железного гвоздя, расположенного острием вниз, были найдены на краю подбоя над фигурным сосудом по его середине на 0,12 м выше его.

В юго-западном углу подбоя был зафиксирован угол гробовища. От него под прямым углом расходились остатки двух досок. Длина южной составляла 0,08 м, западной – 0,07 м. Вдоль южной доски острием к входу в подбой друг над другом были найдены два гвоздя. Над ними вертикально стоял третий гвоздь. В юго-западном углу подбоя под западной стенкой на расстоянии 0,37 и 0,41 м от восточного края и 0,13 и 0,24 м от южного соответственно в стенке подбоя зафиксированы следы железных гвоздей.

Рис. 1. Вид погребения 2013/14 с востока (*1*) и юго-востока (*2*)

Всего к остаткам гробовища можно отнести четыре целых железных гвоздя, пять фрагментированных и 12 мелких фрагментов гвоздей. Все гвозди кованные, с квадратным в сечении острием с шириной острия возле шляпки 0,5 см. В тех случаях, когда сохранилась шляпка, она имеет «грибовидную» и, в одном случае «конусовидную» форму. Длина целых гвоздей варьируется от 6,4 до 9,2 см.

На дне подбоя вытянуто на спине с вытянутыми конечностями головой на север-северо-восток лицом к югу был положен ребенок. Кости левой руки отсутствуют, от правой сохранилась только плечевая кость. От ног сохранились бедренные кости и большая берцовая кость правой ноги, которая лежала не в анатомическом порядке. Череп ребенка был деформирован, однако установить, была ли эта деформация искусственной или естественной, не удалось вследствие очень плохой сохранности костей.

Вместе с ребенком в пределах гробовища были зафиксированы предметы, которые можно отнести к деталям костюма, украшениям и предметам личного обихода, а также два стеклянных

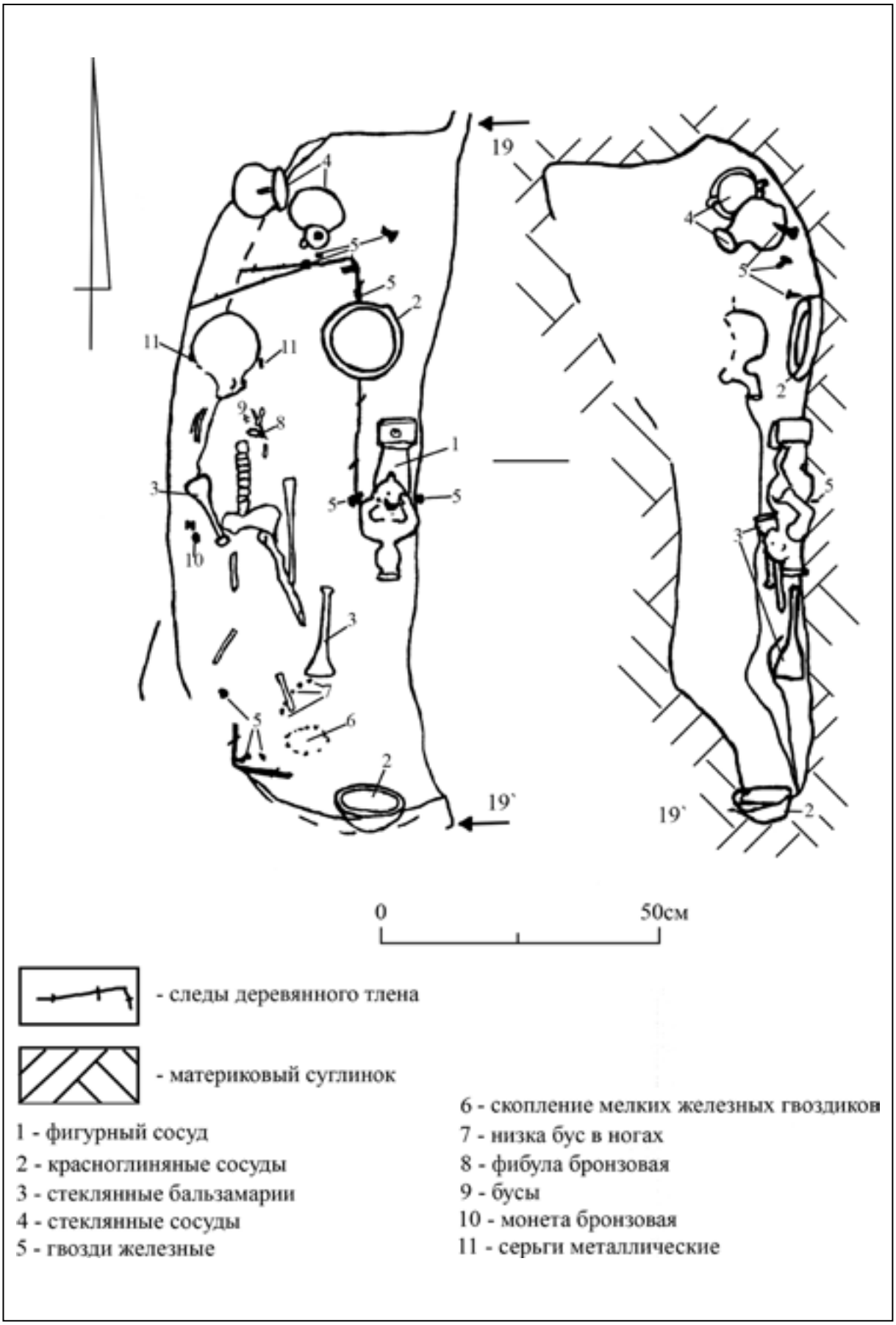


Рис. 2. Чертеж погребения 2013/14, план и разрез со стороны дромоса

сосуда. В районе черепа погребенного оказалась связка мелких пастовых бус и бисера, среди которых было несколько небольших стеклянных подвесок и пронизей. У черепа in situ по обе стороны лежали по одной калачиковидной серьге с закругленными концами из белого металла. Непосредственно под черепом были найдены бронзовая игла и три астрагала. На левой стороне груди погребенного поперек костяка лежала расстегнутая бронзовая лучковая фибула длиной 0,05 м. Под правой рукой погребенного в районе кисти найдена бронзовая монета. В районе локтя правой руки было найдено несколько мелких бисерин. На верхней части груди с левой стороны лежала граненая бусина из голубой пасты.

Вокруг фаланг пальцев ног было зафиксировано еще несколько предметов. Здесь, очевидно, лежало ожерелье, в которое входило несколько пастовых и костяных бус (в т.ч. 6 целых и одна фрагментированная биконическая бусина, одна пронизь, одна дольчатая маленькая бусина египетского фаянса, одна плоская дисковидная костяная бусина, одна бронзовая треугольная скобочка), тонкая бронзовая монета с отверстием в верхней части и надчеканкой и фрагмент зуба ископаемой акулы. Чуть южнее них было обнаружено 40 железных очень мелких гвоздиков, взаимное расположение которых точно не удалось проследить. Верхние из них образовывали форму овала размерами 0,08 х 0,05 м с востока на запад, но в дальнейшем их общий абрис потерял четкие контуры.

В 0,05 м к западу от фигурного (но уже, очевидно, в пределах гробовища) на дне подбоя лежал стеклянный сосуд. За костяком ближе к западной стенке подбоя располагался еще один, аналогичный ему. Еще три керамических и два стеклянных сосуда были найдены за пределами гробовища.

Примерно по середине подбоя на самой его границе вдоль нее с восточной стороны на дне ямы лежал венчиком на юг фигурный сосуд, изображающий человека негроидного типа, стоящего на пьедестале со стригилем в правой руке. К северу от фигурного сосуда на расстоянии 0,08 м на дне подбоя стояла вертикально краснолаковая чаша. В 0,04 м к северу от краснолаковой чаши на 0,11 м выше дна подбоя венчиком вверх стоял небольшой стеклянный одноручный кувшин. Между этим кувшинчиком и северной стенкой подбоя зафиксирован еще один стеклянный двуручный сосуд, лежавший на боку горлом ко входу в подбой. В ногах погребенного за пределами гроба у южной стенки подбоя в 0,16 м от его восточного края горизонтально на боку устьем к северу лежала еще одна краснолаковая чаша. Расстояние до нее от юго-западного угла гробовища составляло 0,18 м.

К элементам одежды и личных украшений погребенного можно отнести следующие находки:

- небольшая серьга из белого металла неправильно округлой формы диаметром 1,2 см из тонкой округлой в сечении проволоки диаметром 0,15 см; один край оформлен петлей и оставшаяся часть проволоки намотана на основу в шесть с половиной оборотов; второй конец загнут крючком, но кончик крючка обломан;

- небольшая серьга из белого металла «каплевидной» формы размерами 1,0 х 1,0 см из подквадратной в сечении проволоки с размерами сторон в 0,15 см; концы проволоки внахлест примыкают друг к другу;

- фибула бронзовая арбалетовидная, с выгнутой спинкой и коротким приемником; длина иголки 4,8 см, длина фибулы 5,4 см, высота прогиба спинки 1,3 см, ширина спинки 1,1 см; спинка имеет “иволистную” форму, вдоль продольной оси спинки идет линия очень мелких четко проработанных пунсонных точек; спираль имеет четыре оборота. Наиболее близкими по общей схеме и форме спинки к данному изделию являются фибулы группы 8 серии I, группы 9 варианта 2 и группы 11 формы 9 по В.В. Кропотову, которые датируются второй половиной I – II вв. Н.э. (группа 8 серия I) и большей частью II в н.э. (без его последних десятилетий) [Кропотов, 2010, с. 183-184; рис. 55,*15,17*; с. 211-213, рис. 61,*1,2,10*; с. 251-254, рис. 70,*6*].

- 39 бусин, найденных в районе шеи: шарик белого стекла один, подвеска полусферическая с выделенной шейкой белого стекла фрагментированная одна, фрагментов подвесок белого стекла два, пронизь трехчастная зеленого стекла одна, бусина крупная бочонковидная белой пасты одна (не сохранилась), бусина бочонковидная белой пасты одна, бусина бочонковидная белой пасты с темным покрытием одна, бус четырнадцатигранных белой пасты с салатовым покрытием три, бисерин египетского фаянса бочонковидных светло-голубого цвета четыре, бисерин рубленых египетского фаянса цилиндрических голубого цвета 16, фрагментов таких бисерин четыре, бусина костяная цилиндрическая одна, бусина костяная шестигранная удлиненная одна, бусина костяная бочонковидная одна, подвеска костяная удлиненная пятичастная одна.

- семь бусин, обнаруженных в районе черепа и верха правой руки: бусина крупная бочонковидная белой пасты (не сохранилась), бусина бочонковидная черной пасты одна (фрагмент пронизи) высотой 0,4 см, диаметром 0,4 см диаметр отверстия 0,1 см, бисерин

бочонковидных голубого египетского фаянса две (высотой 0,4 см, диаметром 0,6 см, одна в четырех фрагментах), бисерин цилиндрических голубого египетского фаянса две (высотой ,25 см, диаметром 0,3 см, с диаметром отверстия ,15 см), бисер гагатовый цилиндрический один (высота 0,2 см, диаметр 0,4 см, диаметр отверстия 0,2 см);

- ожерелье, состоявшее из 11 единиц, зафиксированное в ногах погребенного: кольцо бронзовое из квадратной в сечении проволоки размером 0,2 х 0,2 см с сомкнутыми концами подовальной формы размерами 1,5 х 1,1 см, четыре биконические бусины светло-синего стекла (одна развалилась на две части) высотой 1,0 см, диаметром большим 1,3 см, меньшим 0,4 см, с диаметром отверстия 0,13 см, две биконические бусины темно-синего стекла высотой 0,9 см, с большим диаметром 1,1 см, меньшим 0,4 см и диаметром отверстия 0,2 см, фрагмент цилиндрической цельной пронизи светло-синего стекла, бусина практически цилиндрическая (слабо выпуклая) длиной 1,1 см, диаметром 0,4 см, с диаметром отверстия 0,1 см, украшенная тремя белыми накладными волнистыми полосами, плотно расположенными, бочковидная бусина из зеленого египетского фаянса с косоидущими неглубокими вертикальными бороздками по тулову высотой, 9 см, диаметром большим 1,2 см, меньшим 0,8 см и диаметром отверстия 0,5 см, плоская костяная бусина неправильной овальной формы высотой 0,5 см, размерами 1,7 х 1,5 см, с диаметром отверстия 0,3 см, фрагмент зуба ископаемой акулы треугольной формы с закругленной верхушкой, сохранившаяся высота 3,4 см. Кроме этого, в состав этого ожерелья входила сильно истертая монета с отверстием в верхней части. Сама монета – ольвийский дуподий, которая датируется временем около 85-86 г. н.э. В 98-161 гг. н.э. на ней была сделана надчеканка;[8]

- ольвийская бронзовая монета, обнаруженная в правой руке погребенного, которая, датируется временем ок. 300 – 280 гг. до н.э.;

- под черепом лежали три астрагала и бронзовая иголка с ушком длиной 9,0 см, которая не сохранилась.

Кроме того, в гробовище были положены унгвентарии с удлиненным цилиндрическим горлом и низким коническим туловом. Венчик валикообразный, образовавшийся вследствие загибания края в петлю. Донце вогнутое, со следами подсыпки. На горле вертикальные складки, появившиеся в процессе вытягивания. Стекло с пузырьками, прозрачное, с легким голубоватым оттенком. Поверхность местами иридизированная. Размеры первого: высота – 13,1 см; диаметр венчика – 0,21 х 0,19 см; диаметр дна – 0,39 см; диаметр горла в средней части – 0,11 см. Размеры второго: высота – 1,37 см; диаметр венчика – 0,21 х 0,22 мм см; диаметр дна – 0,40 см; диаметр горла в средней части – 0,10 см.

За пределами гроба располагались, в изголовье:

- кувшинчик стеклянный одноручный;
- кубок стеклянный двуручный.

В ногах:

- чаша краснолаковая с двойными аркообразными рудиментарными ручками по венчику. По Т.Н. Книпович подобная керамика датируется концом I – II вв. н.э. [Книпович, 1952, С. 302];
- 40 небольших декоративных гвоздиков, очевидно, представлявших собой элементы какого-то деревянного изделия.

У входа в подбой:

- тарелка краснолаковая с тремя розетками по венчику и почковидным клеймом на внутренней стороне дна (с внешней стороны дна было прочерчено граффито в виде косого креста). Такие тарелки, в том числе со сходным клеймом, по Д.В. Журавлеву относятся к группе понтийской сигилятты А (тип 1.1.2) и датируются четвертой четвертью I – первой четвертью II вв. н.э. [Журавлев, 2010, кат. №№ 58-60, с. 42; табл. 11];
- сосуд краснолаковый одноручный фигурный, который представляет собой гротеск: пузатый человек негроидного облика на постаменте со стригилем в правой руке. Качество лака плохое. На спине располагалась ручка, отбитая в древности. С передней стороны постамента изображена лавровая ветвь над кругом, с задней – тамгообразный знак.

Исходя из датировки сосудов и монеты с надчеканкой, данное погребение можно отнести к первой половине II в. н.э. Причем, монета с надчеканкой явно была включена в состав ожерелья, которое было уложено в ногах и, очевидно, являлось апотропеем. Но при этом, в руку погребенного («обол Харона») была вложена монета начала III в. до н.э., которая на момент совершения погребения уже не могла иметь хождения в Ольвии.

Таким образом, можно предположить, что сам факт использования случайно сохранившихся или найденных вещей, которые ко времени совершения захоронений давно в активном быту не использовались, не является чем-то невероятным.

Необходимо учесть, что в ряде случаев сооружение детских подбойных захоронений особых дополнительных затрат не вызывало. Так, в только что описанном погребении, при всем богатстве и разнообразии сопровождающего его инвентаря, сооружение заклада свелось к минимуму усилий. В то же время по-

8. Все определения монет сделаны В.В. Крутиловым.

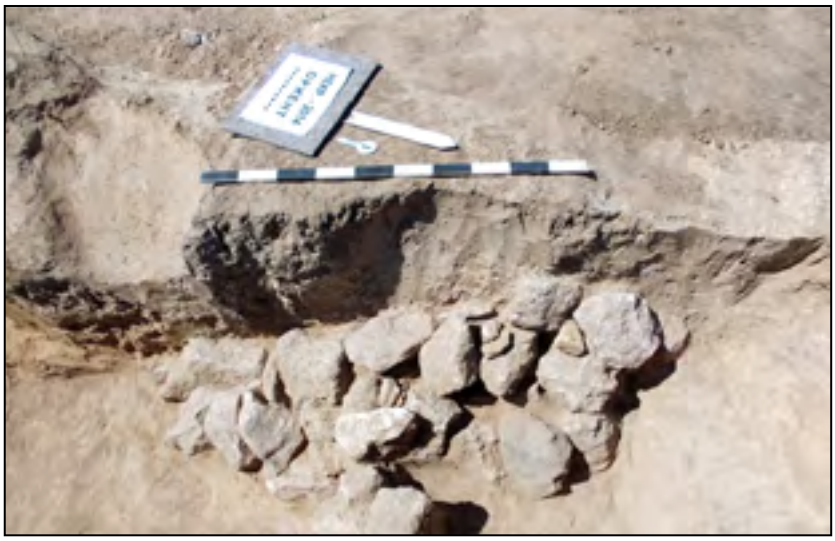


Рис. 1. Вид погребения 2013/14 с востока (*1*) и юго-востока (*2*)

гребение 2014/2 г.[9], которое датируется тем же временем и было несколько беднее по инвентарю (два стеклянных и два краснолаковых сосуда, монета и элементы одежды), отличалось на редкость капитальным закладом (28 камней большого и среднего размеров – рис. 3). Несколько меньший, но тоже основательный заклад был у мужчины, которого захоронили в погребении 2005/1а г., хотя его сопровождали только монета, найденная в районе руки, и лежавшая рядом с ней гагатовая бусина.

В целом, рассмотренная информация о подбойных погребениях в дромосах земляных склепов, дополненная нашими собственными наблюдениями, позволяет сделать определенные выводы. Эти выводы, безусловно, носят предварительный характер, но опыт исследования подобных погребений дает основание их сделать.

1. Подбойные погребения в стенках дромосов земляных склепов синхронны относительно погребений в камерах и они связаны одной традицией сооружения.

2. В большинстве достоверно установленных случаев это захоронения детей (погребение мужчины и женщины с ребенком может считаться исключением).

3. Пять процентов от общего количества археологически исследованных склепов не соответствуют существующим представлениям о статистике детской смертности ни в эллинистический, ни в римский период [Сударев, 2005].

4. Вполне вероятно, что прослеженная традиция совершения подбойных погребений в дромосах земляных склепов представляет собой определенный ритуал, который не обязательно связан с кровным родством погребенных, а, вполне возможно, с их прижизненными социальным статусом или религиозными представлениями.

9. Оно было открыто во время написания этой статьи и поэтому в данной работе учтено не было.

Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья – К.,1989. – 127 с.

Бураков А.В. Земляной склеп Ольвийского некрополя / /Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Сборник научных трудов. – К., 1980. – С. 64-76.

Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I-III вв. н.э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины) // МАИЭТ – 2010. – Supplement, вып. 9 – 318 с.

Ивченко А.В. Отчет о раскопках некрополя Ольвии в 2008 г. // НА ИА НАН Украины. – 2008 /200.

Ивченко А.В. Отчет о раскопках некрополя Ольвии в 2009 г. // НА ИА НАН Украины. – 2009/59.

Ивченко А.В. Отчет о раскопках и разведках на территории предместья и некрополя Ольвии в 2010 г. // НА ИА НАН Украины. – 2010/б/н.

Ивченко А.В. Отчет о раскопках на территории предместья и некрополя Ольвии в 2011 г. // НА ИА НАН Украины. – 2011/б/н.

Ивченко А.В. Отчет о раскопках на территории некрополя и предместья Ольвии в 2012 г. // НА ИА НАН Украины. – 2012/11б.

Ивченко А.В. Отчет о раскопках на территории некрополя и предместья Ольвии в 2013 г. // НА ИА НАН Украины. – 2013/б/н.

Ивченко А.В., Диденко С.В., Ланг Е.А. Отчет о раскопках некрополя и предместья Ольвии в 2007 г. // НА ИА НАН Украины. – 2007/71.

Капошина С.И. Дневник раскопок некрополя Ольвия, 1946 год // НА ИА НАН Украины. – 1946/9.

Книпович Т.Н. Краснолаковая керамика первых веков н.э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935-1940 гг. // МИА. -1952 – № 25. – С. 289 - 326.

Козуб Ю.И. Отчет о раскопках Ольвии в 1962 г. // НА ИА НАН Украины. – 1962/6.

Козуб Ю.И. Отчет о раскопках на некрополе Ольвии в 1964 г. // НА ИА НАН Украины. – 1964/12.

Козуб Ю.И. Отчет о раскопках на территории Ольвийского некрополя Ольвии в 1965 г. // НА ИА НАН Украины. – 1965/8.

Козуб Ю.И. Отчет о раскопках территории Ольвийского некрополя в 1966 г. // НА ИА НАН Украины. – 1966/20.

Козуб Ю.И. Отчет о раскопках Западного района Ольвии в 1967 г. // НА ИА НАН Украины. – 1967/7а.

Козуб Ю.И. Отчет о раскопках западной окрестности Ольвии в 1968 году // НА ИА НАН Украины. – 1968/12б.

Козуб Ю. И. Отчет о раскопках территории Ольвии к западу от Заячьей балки (некрополь и поселение) в 1969 году. // НА ИА НАН Украины. – 1969/17б.

Козуб Ю. И. Отчет о раскопках Ольвии в 1970 году (береговой район – участок Б-VIII) // НА ИА НАН Украины. – 1970/16б.

Козуб Ю. И. Отчет о раскопках западного предградья Ольвии (поселение и некрополь) в 1971 // НА ИА НАН Украины. – 1971/20е.

Козуб Ю. И. Отчет по работе загородного отряда Ольвийской экспедиции по изучению некрополя в 1972 г. // НА ИА НАН Украины. – 1972/26а.

Козуб Ю. И. Отчет о работе загородного отряда Ольвийской экспедиции по изучению некрополя в 1973 г. // НА ИА НАН Украины – 1973/13в.

Козуб Ю. И. Отчет о работе загородного отряда Ольвийской экспедиции в 1974 г. // НА ИА НАН Украины – 1974/26а.

Козуб Ю.І. Некрополь Ольвії V-IV ст. до н.е. – К., 1974. – 182 с.

Козуб Ю. И. Отчет о работе загородного отряда Ольвийской экспедиции в 1975г. // НА ИА НАН Украины – 1975/21 г.

Козуб Ю. И. Отчет о работе загородного отряда Ольвийской экспедиции в 1978г. (раскопки некрополя и предместья) // НА ИА НАН Украины – 1978/24е.

Козуб Ю.И. Отчет о раскопках предместья и некрополя Ольвии в 1995 г. // НА ИА НАН Украины – 1995/1а.

Козуб Ю.И. Отчет о раскопках предградья и некрополя Ольвии в 1996-1997 гг. // НА ИА НАН Украины – 1997/1в.

Козуб Ю.И. Отчет о раскопках предместья и некрополя Ольвии в 1999 г. // НА ИА НАН Украины – 1999/1в.

Козуб Ю.И. Отчет о раскопках предградья и некрополя Ольвии в 2000 г. // НА ИА НАН Украины – 2000/1а.

Козуб Ю. И, Папанова В.А. Отчет о раскопках предместья и некрополя Ольвии в 1982 году // НА ИА НАН Украины – 1982/23а.

Козуб Ю. И, Папанова В.А. Отчет о раскопках предградья и некрополя Ольвии в 1983году // НА ИА НАН Украины – 1983/31б.

Козуб Ю. И., Папанова В.А. Отчет о раскопках предместья и некрополя Ольвии в 1985 г. // НА ИА НАН Украины – 1985/25б.

Козуб Ю. И, Папанова В.А. Отчет о раскопках предградья и некрополя Ольвии в 1986 г. // НА ИА НАН Украины – 1986/5г.

Козуб Ю. И, Папанова В.А. Отчет о раскопках предградья и некрополя Ольвии в 1987 г. // НА ИА НАН Украины – 1987/8г.

Козуб Ю. И, Папанова В.А. Отчет о раскопках предградья и некрополя Ольвии в 1988 г. // НА ИА НАН Украины – 1988/7в.

Козуб Ю.И., Стоянов Р.В. Отчет о полевых работах на территории предградья и некрополя Ольвии в 2001 г. // НА ИА НАН Украины – 2001/123.

Козуб Ю.И., Ивченко А.В., Диденко С.В. Ланг Е.А. Отчет о раскопках некрополя и предместья Ольвии в 2005 году // НА ИА НАН Украины – 2005/42.

Козуб Ю.И, Ивченко А.В., Диденко С.В., Ланг Е.А. Отчет о раскопках некрополя и предместья Ольвии в 2006 г. // НА ИА НАН Украины – 2006/50.

Козуб Ю.І., Хомчик М.А., Тупчиєнко М.П., Ланг Є.О. Звіт про розкопки передмістя, святилища та некрополя Ольвії на західній околиці в 2002 р. // НА ИА НАН Украины – 2002/142.

Козуб Ю.І., Тупчиєнко М.П., Івченко А.В., Ланг Є.О. Звіт про розкопки передмістя та некрополя Ольвії в 2003 році // НА ИА НАН Украины – 2003/159.

Козуб Ю.І., Івченко А.В., Ланг Є.О. Звіт про розкопки некрополя та передмістя Ольвії в 2004 р. // НА ИА НАН Украины – 2004/169.

Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи – К., 2010 – 382 с.

Крыжицкий С.Д., Липавский С.А. Отчет о полевых.исследованиях на участке «Некрополь» в Ольвии в 1989 году // НА ИА НАН Украины – 1989/5.

Крыжицкий С.Д., Липавский С.А. Отчет о работе на участке Некрополь в Ольвии в 1990 г. // НА ИА НАН Украины – 1990/18а.

Крыжицкий С.Д., Папанова В.А. Отчет о раскопках некрополя Ольвии в 1991 году // НА ИА НАН Украины – 1991/17в.

Крыжицкий С.Д., Папанова В.А. Отчет. Раскопки некрополя Ольвии в 1992 году // НА ИА НАН Украины – 1992/8г.

Кулаковский Ю.А. Херсонская губерния. Раскопки в Ольвии // ОАК за 1900 г. – СПб, 1902. – С. 3-12.

Папанова В.А. Отчет. Охранные раскопки Некрополя Ольвии (участок в районе Широкой балки) // НА ИА НАН Украины – 1998/1г.

Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. – К., 1974. – 219 с.

Семенов-Зусер С.А. Ольвийский некрополь (раскопки гробниц в 1920 г. на территории древнегреческой колонии Ольвия) // НА ИА НАНУ. – 1920. –Ф. 2, № 120.

Сударев Н.И. Грунтовые некрополи боспорских городов VI – II вв. до н.э. как исторический источник. // Автореферат к.и.н. – Москва, 2005. – 26 с.

Фармаковский Б.В. Отчет Б.В. Фармаковского о раскопках, произведенных им в Ольвии и на остр. Березань // ОАК за 1896 год – СПб, 1898. – С. 199 – 212.

Фармаковский Б.В. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г. // ИАК.– СПб, 1903. – вып. 8 – С. 1 – 70

Фармаковский Б.В. Дневник раскопок в Ольвии в 1901 г. // ИАК.– СПб, 1903.- Вып. 8. – С. 71 – 95.

Фармаковский Б.В. Раскопки Ольвии в 1902 – 1903 годах // ИАК. – СПб, 1906. –Вып. 13. – 301 с.

Фармаковский Б.В. Херсонская губерния. Раскопки в Ольвии // ОАК за 1904 г. – СПб, 1907. – С. 1-41.

Фармаковский Б.В. Херсонская губерния. Раскопки в Ольвии // ОАК за 1905 г. – СПб, 1908. – С. 1-35.

Фармаковский Б.В. Херсонская губерния. Раскопки в Ольвии // ОАК за 1906 г. – СПб, 1909. – С. 1-50.

Фармаковский Б.В. Херсонская губерния. Раскопки в Ольвии // ОАК за 1907 г. – СПб, 1910. – С. 1-66.

Фармаковский Б.В. Херсонская губерния. Раскопки в Ольвии // ОАК за 1908 г. – СПб, 1912. – С. 1-84.

Фармаковский Б.В. Херсонская губерния. Раскопки в Ольвии // ОАК за 1909-1910 гг. – СПб, 1912. – С. 1-105.

Фармаковский Б.В. Херсонская губерния. Раскопки в Ольвии // ОАК за 1911 г. – Петроград, 1914. – С. 1-25.

Фармаковский Б.В. Херсонская губерния. Раскопки в Ольвии // ОАК за 1912 г. – Петроград, 1916. – С. 1-35.

Фармаковский Б.В. Херсонская губерния. Раскопки в Ольвии // ОАК за 1913-1915 гг. – Петроград, 1918. – С. 1-51.

Фармаковьский Б.В. Розкопування Ольбії в 1926 р. (звіт з двома планами й 60 фотознимками) // Одеса, 1929 – 74 с.

Фурманская А.И. Раскопки ольвийского некрополя в 1956 г. // КСИА – К., 1959. – вып. 8. – С. 133-138.

Ястребов В.Н. Отчет о раскопках, произведенных В.Н. Ястребовым в с. Парутино // ОАК за 1884 год – СПб, 1896.-С. 98-103.

А.В. Івченко

ПІДБІЙНІ ПОХОВАННЯ В ДРОМОСАХ ҐРУНТОВИХ СКЛЕПІВ НЕКРОПОЛЯ ОЛЬВІЇ

Стаття присвячена похованням, що були зроблені підбоєм в стінках дромосів ґрунтових склепів некрополя Ольвії. Розглянуті питання історії їх дослідження. Звернуто увагу на їх співвідношення з тими, хто був похований безпосередньо у камерах склепів. Всього було проаналізовано 1980 археологічно досліджених поховань, з яких було виокремлено 18 відповідних об‘єктів. Їх аналіз, з урахуванням можливостей, які надає сучасна джерельна база, дав змогу припуститися певних висновків. Поховання у камерах склепів та у стінках їх дромосів одночасові та пов‘язані спільною культурною традицією. Переважно це поховання дітей. Їх відносок стосовно загальної кількості склепів, що було оброблено (5,2 %), не відповідає сучасним уявленням про відношення кількості померлих дітлахів стосовно кількості померлих дорослих. В результаті здається можливим припустити, що ця традиція пов‘язана з певним ритуалом, яка відображає або життєвий соціальний статус дорослих, які були поховані у камерах, або певні релігійні уявлення.

Ключові слова: некрополь Ольвії, поховання у підбоях, дромос.

A.V. Ivchenko

GRAVES IN THE WALLS OF DROMOS OF THE GROUND CRYPTS ON THE OLBIA NECROPOLIS

The article is devoted to the graves that were made in the walls of dromos in ground crypts necropolis of Olbia. This paper examined the history of their research and their relationship with those who were buried directly in the burial chambers of the crypts. 1980 archaeological research graves were analyzed. 18 of them were singled relevant facilities. Their analysis, taking into account the opportunities offered by the current source base, allowed of making certain conclusions.

Burial chambers of the crypts and the graves in the walls of dromos are synchronous and relate common cultural tradition. In a common cases these were burials of children.

They correlation regarding the total number of crypts that were treated (5.2%) did not meet modern concepts of ratio of dead children in relation to the number of dead adults. We suggest that this tradition is associated with a specific ritual that reflects life or social status of adults in the burial chambers or certain religious beliefs.

Keywords: necropolis of Olbio, graves in the walls, dromos.

Одержано 4.04.2015

904.5(091) (477.73) «652»

О.І. Смирнов, Т.М.Шевченко

ПРО ДОСЛІДЖЕННЯ НЕКРОПОЛЯ ОЛЬВІЇ у 1901 році

Публікацію присвячено короткому огляду історії розкопок на території ольвійського міського некрополя в 1901 році. Здійснена спроба сучасної оцінки перших досліджень під керівництвом Б.В. Фармаковського.

Ключові слова: Ольвія, некрополь, поховальні споруди, поховальний інвентар.

Історія та культура населення Ольвійського полісу досліджується впродовж майже двох століть. Її значення для відтворення історії народів, які мешкали в стародавні часи на півдні Східної Європи, є видатним та вивчається багатьма поколіннями дослідників. Додаткові ж аргументи, які залучаються під час щорічних археологічних досліджень лише підсилюють цей загальновідомий висновок. За час, що минув від початку робіт в Ольвії, було розкопано чималу низку важливих архітектурно-будівельних об'єктів на території міста та передмістя, велику кількість поховань міського некрополю, в результаті чого отримано величезний супровідний матеріал. Крім того, за роки досліджень вийшли друком сотні наукових статей та монографій, присвячених різноманітним аспектам вивчення Ольвії, узагальненню отриманих даних матеріальної і духовної культури.

В історії вивчення городища і некрополя Ольвії традиційно виділяються чотири основні періоди. Перший період – друга половина XIX – рубіж XIX-XX ст. Він характеризується локалізацією на мапах урочища Ста могил (Ольвії та території її некрополя). Впродовж цього періоду відбувся перехід від епізодичних, часто грабіжницьких розкопок некрополя, з огляду на відсутність належної методики досліджень і фіксації поховальних споруд та поховального інвентарю, до початку планомірних робіт. Другий період – перші два десятиліття XX ст. (1901 – 1915 рр.), пов'язаний з планомірними науковими розкопками городища і некрополя під керівництвом Б.В. Фармаковського. Третій період (1920-1921, 1924-1927, 1936-1940 рр.) – це час проведення розкопок некрополя учнями та послідовниками Б.В. Фармаковського, а у другій половині 1920-і рр. – ще й за наміченим ним єдиним науковим планом. Четвертий період було розпочато у 1946 р., він продовжується по теперішній час [див. детально: Папанова, 2006, с. 7-57].

Всі виділені періоди відображають не лише основні етапи археологічного вивчення городища та міського некрополя, а й загалом розвиток античної польової археології в регіоні Північного Причорномор'я. Другий період дослідження некрополя та городища Ольвії повністю пов'язаний з іменем Бориса Володимировича Фармаковського. Імператорська Археологічна Комісія доручила саме йому керівництво планомірними розкопками цієї пам'ятки. Перші і ще багато в чому попередні роботи Б.В. Фармаковського в Ольвії відносяться до 1896 р., натомість систематичні дослідження городища і некрополя почали проводитися від 1901 р. і тривали до 1915 рр. та пізніше, після 1917 р. Наукові праці Б.В. Фармаковського відрізняються послідовним дослідницьким і багато в чому новаторським підходом до розкопок багатошарової античної

© О.І. СМИРНОВ, Т.М.ШЕВЧЕНКО, 2015

пам'ятки, глибокими знаннями історії, археології і античної культури Середземномор'я та Причорномор'я в цілому, сміливістю в рішенні суперечних питань, що виникали під час польових досліджень –і тому повному розумінні ролі Ольвії для вивчення античної культури. Найважливішим направленням наукової діяльності Б.В. Фармаковського було не тільки археологічне дослідження Ольвії, але й перші спроби систематизації здобутих результатів на рівні публікації щорічних наукових звітів. Ще й зараз всі дослідники Ольвії починають свої праці, відштовхуючись від звітів Б.В. Фармаковського.

До того ж, під розкопок Ольвії було послідовно впроваджено найпередовішу на той час в Європі методику польових робіт та пошарового відкриття та фіксації об'єктів. Ці новації Б.В. Фармаковський запозичив під час наукових відряджень до археологічних компаній в Греції і Туреччині під керівництвом Германського Археологічного Інституту, в яких він брав участь впродовж декількох років [Фармаковская, 1988, с. 38-67, 91-106]. Впродовж польових і кабінетних досліджень Ольвії Б.В. Фармаковському вдалося отримати конкретне уявлення про різні райони міста, їх історичну топографію та забудову, встановити північні та західні кордони міста, відкрити важливі вузли оборонних ліній, розробити детальну хронологічну періодизацію відповідно виявленим культурним нашаруванням, а також приступити до вивчення різноманітних аспектів матеріальної та духовної культури ольвіополітів. Останнє проводилося як безпосередньо самим Б.В. Фармаковським, так і його колегами, які брали участь в дослідженнях Ольвії. В 1920-х рр., після поновлення археологічних досліджень, Б.В. Фармаковський керував практикою студентів з Ленінграду, серед яких було багато майбутніх відомих археологів, які продовжили його справу і започаткували археологічні школи в Ленінграді, Москві, Києві.

У вивченні Б.В. Фармаковським некрополя Ольвії слід виділити декілька етапів. Перший – 1901 – 1906 рр., планомірні розкопки некрополя та накопичення матеріалу, який оперативно оброблявся та залучався до публікацій. Другий етап – 1907-1915 та 1917 рр., пов'язаний з роботами переважно на городищі й лише контролем розкопок на некрополі, керівниками яких з 1911 р. були Г.П. Крисін. На третьому етапі (1924-1926 рр.) роботами на некрополі керували Г.П. Крисін та Б.Л. Богаєвський [Папанова, 2006, с. 34-35]. Матеріали, знайдені на некрополі, були оброблені вкрай нерівномірно – якщо Б.В. Фармаковський намагався найяскравіші з низ залучити до наукового обігу хоча б на рівні публікацій у щорічних звітах Археологічної комісії, то матеріали з розкопок 1920-х рр. вже залишилися практично не обробленими.

Всі означені роботи на некрополі проходили згідно плану, розробленого автором розкопок та із залученням картографічного матеріалу, знятого в Ольвії військовими картографами та топографами XIX ст., на якому були чітко видні кураги та окремі курганні групи на території некрополя. Від самого початку, у 1901 р. він планував дослідити територію між с. Парутином та приватними володіннями графа Мусіна-Пушкіна; визначити кордони давнього некрополя на заході та півдні; продовжити розкопки на вулицях с. Парутина, розпочаті у 1900 р. Тому роботи проводилися лише на землі, якою володіла парутинська громада, оскільки дозволу від Мусіна-Пушкіна, якому належала більша частина Ольвії та її некрополя, ще не надійшло. Поховання були знайдені на всіх вулицях [Фармаковский, 1903, с. 2-22]. Місцевість, на якій розташовані відкриті у 1901 р. поховання, майже рівнинна. Було досліджено лише курган, під яким відкрито кам'яний склеп та жертовний стіл з написом, що цей курган збудував ольвійський громадянин Євресівій, син Каллісфена за свого життя для себе і своєї дружини Арети, дочки Папія. До того ж, у 1901 р. виявлено 112 могил, з них 44 виявилися зруйнованими. Руйнування могил відбувалося під час будівництва нових, тобто, ще у давнину, а деякі були зруйновані у новітній час шукачами скарбів. В результаті досліджень Б.В. Фармаковський виявив ще і одне трупоспалення – останки небіжчика було складено до глиняної урни та закрито свинцевою кришкою.

Всі відкриті поховання відносилися до трьох типів, виділені у звіті Б.В. Фармаковським: грунтові, земляні підбійні поховання та земляні склепи. Ґрунтових поховань було відкрито 23. Глибина їх сягала 0,7-2,7 м, довжина від 1 до 3 м, ширина від 0,85 до 1,55 м. Особливістю конструкції була дощана стеля над труною, а вже на стелю насипалася земля. Також було знайдено 32 підбійні могили. Вони замуровувалися стінками-закладами, кам'яними або із сирцевої цегли. Глибина таких могил складала 1,15-3,2 м, довжина 1,2-3,1 м, ширина 0,6-1,3 м; висота підбою сягала 0,3-1 м; ніші були в 1 м ширини. Було ще відкрито 56 склепів, з них 40 виявилися зруйнованими. Глибина склепів сягала від 2,35 до 7,6 м від денної поверхні, довжина 1,6-4,6 м, ширина 1,35-3,4 м, висота 0,75-2,25 м. Стеля підземних поховальних камер мала форму округлих або квадратних склепінь. Замуровувалися склепи також, як і підбійні могили, кам'яними або сирцевими стінками-заклада-

ми. Довжина вхідного коридору або дромосу (Б.В. Фармаковський назвав цей конструктивний елемент «сходом») залежала від глибини склепу, нахил його робився в 30-45°, в коридорі вирізалися сходи, інколи входи могли влаштовуватися у вигляді пандус них спусків [Фармаковский, 1903, с. 6; 1903а, с. 1-113]. Для небіжчиків в склепах будувалися лежанки, в стінах вирізалися невеликі ніші. Стіни склепів іноді штукатурилися та розмальовувалися, підлога вистилалася травою чи соломою.

Безперечною заслугою Б.В. Фармаковського є чіткий опис могил та їх конструкцій за певною методикою, якої він дотримувався впродовж всього часу своїх подальших робіт в Ольвії. Це – послідовний опис орієнтування могил, положення кістяків, наявність чи відсутність подвійних чи повторних поховань, гробів чи саркофагів, а також детальний опис знайдений речей. Слід зазначити, що всі ці загальні методичні положення дотримуються і сучасними дослідниками античних некрополів як на рівні польових звітів, так і в узагальнюючих роботах.

Б.В. Фармаковським були ретельно простежені та зафіксовані особливості поховального обряду. Виявилося, що як і в інших досліджених на той час античних некрополях, могили розташовувалися окремими компактними групами, між якими залишався вільний простір. Орієнтування поховань було різним, але переважав східний румб (іноді північний). Положення останків (при інгумації) було однаковим: небіжчик клався на спину лицем до верху, з випростаними вздовж тіла руками та випростаними ногами. Поховання здійснювалися в саркофагах з дерева, які збереглися лише зрідка, але виявлено залишки деревини, залізних цвяхів та свинцевих ручок від домовин. Незважаючи на поганий стан збереження дерев'яних конструкцій, вдалося частково реконструювати форми деяких з них [Фармаковский, 1903, с. 8, рис. 10-11]. Про стать та вік похованих, крім кісток, говорять і знайдені предмети. На думку автора розкопок, серед поховань, знайдених у 1901 р., можна вказати на 41 чоловіче, 32 жіночих та 5 дитячих.

Цікавим видається і знайдений супровідний інвентар. Разом з небіжчиками до могили клалися різні речі. Культове значення мали монети (т. зв. оболи Харона), вони знаходилися в руці покійного. Найбільше ж було знайдено керамічних посудин. Майже повна відсутність в могилах аттичних посудин, виконаних у червонофігурній техніці, підказала автору те, що у переважній більшості відкриті ним могили відносяться до часу після IV ст. до н.е. Єдина червонофігурна ваза (лекіф) за стилем було віднесено до часу не раніше кінця V ст. до н.е. Ще в двох похованнях було знайдено унікальні не лише для Ольвії, а й всього Північного Причорномор'я столові амфори: одну, розписану в чорнофігурній техніці з зображенням вершника та колісничого, іншу, закриту кришкою, – з рельєфними прикрасами, покритими різнокольоровими фарбами і позолотою [Фармаковский, 1903, с. 9, рис. 13а-в, 14а-б].

Чорнолакові аттичні посудини вирізняються різноманітністю форм, часто зустрічалися чаші – канфари та кубки, нерідко – киліки, іноді з присвятними написами. Крім вказаних посудин, були знайдені світильники, кришка вази, кругла чашка, пеліки, фігурна червонолакова посудина в формі ступні в сандалії , невелика котіла, маленькі глечики, чашечки, лекіфи, флакони та ін. Знайдено і декілька посудин, розписаних водяними фарбами – чорною, по якій нанесено різні орнаменти червоною та білою фарбами. Яскраво була розфарбована амфора, алабастри, курильниця-фіміатерій. Остання, за визначенням автора розкопок, була «приналежністю поховальної церемонії». Зараз відомо, що всі посудини такого типу належать до місцевого ольвійського виробництва. Було відкрито також фігурну посудину у вигляді фігурки Силену разом з гостродонною амфорою , покриту бурим лаком, а також монету I ст. до н.е. Тому зроблено висновок, що і ці знахідки також відносяться до I ст. до н.е.

З посудин елліністичного часу особливо цікава рельєфна «мегарська» чашка II ст. до н.е. Крім неї були знайдені чаші з пласким дном, блюда, тарілки, фігурна посудина в формі півня, глечики, кубки, флакони, світильники. Зустрічалися і полив'яні чаші, одна з зелено-сірою поливою з металевим блиском, друга прикрашена рельєфним орнаментом «en barbotine» та покрита поливою золотавого тону. Ця чаша близька до італійської terra sigillata I ст. н.е. Виділяються також знахідки ліпних горщиків. Часто в похованнях зустрічалися вироби з кістки: прикраси від саркофагів, предмети побуту, зокрема, складне веретено, гребінець, складний ніж. Знайдено гральні астрагали, флакони з алабастру та фаянсу, мушлі, намиста, рум'яна та білила. Окремо були перераховані вироби з золота, срібла, бронзи, а також з свинцю та заліза, причому виділено прикраси. Не можна не вказати, що окремо Б.В. Фармаковський в своєму звіті перелічив і матеріали, які походять з засипу дослідженої території некрополя.

Цікавим видається і те, що направо від дороги до «городку», як тоді називали селяни територію ольвійського городища, були від-

криті залишки кам'яних стін «неправильної кладки», збудованих на глині та поставлених на насипному ґрунті [Фармаковский, 1903, с. 20]. Автору тоді не вдалося їх інтерпретувати, проте зараз здається цілком вірогідним припущення, що ці «стіни» могли належати ольвійському передмістю, відкритому через більше ніж півстоліття потому.

Матеріали розкопок 1901 р. є невичерпним джерелом інформації стосовно некрополя, проте лише частково у майбутньому виявилися залученими до наукового обігу. Так, чотири поховання увійшли до каталогу з матеріалами класичного часу, складеного Ю.І. Козуб, в тому числі і креслення із звіту автора розкопок [Козуб, 1974, № 4-7]. Переважна більшість поховань належать елліністичному часу, вони були описані та увійшли до каталогу поховань цього хронологічного відрізку, складеного М. Парович-Пешикан. Елліністичні поховання в каталозі розподілені відповідно до основних типів поховальних споруд, а поховальному інвентарю було підібрано відповідні аналогії, що дозволили суттєво (як на час публікації) поточнити датування [Парович-Пешикан, 1974, с. 157 сл.]. Той же методичний принцип розподілу відкритих поховань у відповідності до типів конструкцій вибрала і В.А. Папанова, здійснивши узагальнюючий аналіз матеріалів ольвійського некрополя. Автор залучила знову-таки креслення із опублікованих звітів Б.В. Фармаковського [Папанова, 2006, с. 80 сл.]. В повній мірі було використано і знайдений під час робіт 1901 р. поховальний матеріал під час аналізу різноманітних форм поховальної обрядовості [Папанова, 2006, с. 207 сл.]. Проте, незважаючи на таке активне використання матеріалів з розкопок Б.В. Фармаковського, все більше відчувається брак сучасних публікацій самих комплексів поховань. До таких слід віднести, зокрема, детальну публікацію Д.В. Журавльова та Г.А. Ломтадзе, присвячену матеріалам з некрополя Ольвії, серед яких ретельно розглянуто інвентар поховання № 69 з трьома тарними амфорами та аттичним чорнолаковим киліком-болсалом кінця V – початку IV ст. до н.е. [Журавлев, Ломтадзе, 2007, с. 88-89].

Розкопки 1901 р. остаточно довели, що до півночі від міста за Північною балкою починався некрополь, який займав велику територію на північ та на захід від Ольвії, практично всю територію сучасного с. Парутина [Фармаковский, 1903, с. 21]. До безперечних здобутків цього року досліджень слід віднести встановлення типології ольвійських поховань, яке не втратило свого наукового значення ще й дотепер і використовується сучасними дослідниками некрополя. Детальні креслення поховань, які вказують на високий як на той час рівень польової фіксації, також є новацією Б.В. Фармаковського. Тому здається, не слід зараз критикувати його за ті численні недоліки, які помітні з огляду на сучасний рівень проведення досліджень – перш за все, це відсутність зведених планів, оскільки дослідження некрополя велося траншейним способом, висотних співвідношень поховальних конструкцій і, звісно, викреслені «під лінійку» плани та розрізи поховальних споруд, а також – за відсутність антропологічних визначень знайдених кістяків і тому можливі помилки у визнанні статі покійних лише на підставі знайдених речей. На відміну від детальної систематизації поховальних конструкцій, знайдений інвентар було описано лише сумарно, без намагання проведення хоча б якоїсь його систематизації. Проте, незважаючи на всі вказані недоліки, на початок XX ст. польові звіти Б.В. Фармаковського вигідно відрізнялися своєю точністю та фаховою ретельністю на фоні аналогічних звітів по інших античних пам'ятках регіону. В цілому ж, ці роботи внесли вагомий внесок не лише у вивчення історичної топографії некрополя Ольвії, а й надали багато фактичного матеріалу для подальшого дослідження її матеріальної культури. Вони заклади підвалини сучасного наукового дослідження ольвійського міського некрополя.

Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. Керамические комплексы эллинистического времени из некрополя Ольвии // Археологія. – 2007. - № 1. – С. 78-91.

Козуб Ю.І. Некрополь Ольвії V-IV ст. до н.е. – К., 1974.

Папанова В.А. Урочище Сто могил:Некрополь Ольвии Понтийской. – К., 2006. – 277 с.

Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. – К., 1974.

Фармаковская Т.И. Борис Владимирович Фармаковский. – К., 1988.

Фармаковский Б.В. Раскопки в Ольвии // ОАК 1901. – СПб., 1903. – С. 2-22.

Фармаковский Б.В. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 году // ИАК. – СПб.,1903а. – Вып.8. – С.1-113.

А.И. Смирнов, Т.Н. Шевченко

ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ НЕКРОПОЛЯ ОЛЬВИИ В 1901 г.

Публикацию посвящено краткому обзору истории раскопок на территории ольвийского городского некрополя в 1901 году. Осуществлена попытка современной оценки первых исследований под руководством Б.В. Фармаковского.

Ключевые слова: Ольвия, некрополь, Б.В. Фармаковский.

A.I. Smirnov, T.N. Shevchenko

ABOUT THE STUDY OF THE NECROPOLIS OF OLBIA IN 1901

The publication is devoted to a brief survey of the history of excavations in the necropolis of Olbia City in 1901. An attempt to date assessment of the first studies under the guidance of B.V. Farmakovsky.

Keywords: Olbia, necropolis, B.V. Farmakovsky.

Одержано 8.10.2014

904.5(091) (477.73) «652»

І.О. Снитко, В.Б. Гребенников

ДО ІСТОРІЇ ДОСЛІДЖЕННЯ НЕКРОПОЛІВ ХОРИ ОЛЬВІЇ VI – III ст. до н.е.[1]

Висвітлюється історія та основні проблеми в дослідженнях некрополів хори Ольвії.

Ключові слова: Ольвія, хора, некрополь.

В історії вивчення поховальних пам'яток хори Ольвії пізньоархаїчної, класичної та елліністичної доби виділяються три основних етапи, які характеризуються різним ставленням та науковим підходом до основного об'єкту дослідження – сільських некрополів Нижнього Побужжя.

Перший етап, умовно розпочинається з відкриття та археологічного дослідження Марицинського некрополя М. Ебертом у 1911 р. та завершується роботами наприкінці 20-х рр. XX століття Ф.Т. Камінського і створеної їм групи «Друзі музею», складеної з миколаївських краєзнавців та ентузіастів археологічної справи, які приймали участь у дослідженні Ольвії, в експедиціях очолюваних Б.В. Фармаковським, проводили археологічні розвідки та охоронні розкопки у Нижньому Побужжі, поповнюючи інформацію про античні поселення, городища та некрополі по узбережжях Бузького лиману. Цей етап характеризується початковим накопиченням матеріалу без відчутних спроб наукового пов'язання відкритих пам'яток безпосередньо з Ольвійською державою.

Другий етап припадає на 50 – 60-ті рр., та пов'язаний з підвищенням інтересу до археологічного вивчення пам'яток ольвійського оточення. Щоправда, ці дослідження, нажаль, не мали системного характеру, та обмежувались переважно незначними за площею розкопками житлово-господарських комплексів різних хронологічних періодів існування Ольвійського полісу. Тим не менше, роботи цього етапу дозволили нанести на археологічну карту більш ніж 100 городищ, поселень та могильників, а також надали значний матеріал, який різнобічно висвітлював історію та культуру населення Нижнього Побужжя в античну епоху [Славин, 1955; 1958; див.: Буйських, 1997-б, с. 16 – 17]. На цьому етапі пам'ятки Ольвійської периферії вперше стали об'єктом окремих спеціальних наукових досліджень [Штительман, 1952, 1956; Доманский, 1955; 1961; Капошина, 1956], та була складена карта археологічних пам'яток Північного Причорномор'я де значна увага була приділена саме античним поселенням та городищам Нижнього Побужжя [Фабрициус, 1951]. Позитивним можна вважати і те, що майже всі дослідження цього часу носили охоронний характер, та проводились по берегових ділянках пам'яток, які руйнувались від інтенсивного процесу берегової абразії. Такий же охоронний характер мали і розкопки некрополя пізньоархаїчного – ранньокласичного та класично – елліністичного часів в урочищі Дідова Хата поблизу м. Миколаїв, які наприкінці 60-х рр. проводились В.І. Нікітіним [1966, 1968] та В.В. Лапіним [1969].

Третій етап охоплює 70-ті, рр. – початок нового тисячоліття. Цей період характеризується суцільним обстеженням території

© І.О. СНИТКО, В.Б. ГРЕБЕННИКОВ, 2015

1. Цю роботу автори присвячують Світлій пам'яті видатного науковця В.В. Крапівіної, яка на протязі багатьох років була їх головним консультантом та духовним наставником на ниві дослідження пам'яток Ольвійської сільської округи.

хори Ольвійського полісу, поетапними інтенсивними плановими археологічними дослідженнями пам'яток різних хронологічних та типологічних груп. Ці роботи були розпочаті Ольвійською експедицією Інституту археології АН УРСР у 1971 р. (А.В. Бураков, С.Б. Буйських, В.М. Отрешко, В.В. Рубан). З 1974 до досліджень підключився колектив Нижньобузької експедиції ЛВІА АН СРСР (Я.В. Доманський, К.К. Марченко, Ю.А. Виноградов, Є.Я. Рогов, Н.В. Головачова). Археологічна карта Нижнього Побужжя – офіційної території Ольвійської держави [Буйских, 1997, с. 16- 19; Снитко, 2012-б, с. 31-42] за рахунок планомірних та систематичних розвідок значною мірою поповнилась та нині налічує 323 пам'ятки хори Ольвії, з яких 107 належить до часів архаїки, 152 – до класично-елліністичного періоду і 64 – датуються римським часом [Крыжицкий и др., 1990, с. 120; Буйских, 2009, с. 225]. За цей час крім детальної картографії, розроблено хронологічну періодизацію пам'яток хори Ольвії. Підсумком цих досліджень є цілий цикл наукових статей та публікацій, спеціальних тематичних наукових збірників, а також монографічні наукові видання, що висвітлюють географію, територіальну та організаційну структуру Ольвійської держави, матеріальну та духовну культуру її населення в різні епохи [Крыжицкий и др., 1989, 1991, 1999; Бураков, 1976; Буйских, 1991]. Крім пам'яток житлово-господарського призначення в різних територіальних частинах ольвійської хори було зафіксовано та частково досліджено 14 некрополів пізньоархаїчного та ранньокласичного періодів [Снитко, 2011, с. 11 – 22] та 12 могильників класично-елліністичної доби [Снитко, 2009, с. 25 – 34][2], на яких загалом розкопано близько 500 поховань, що надає достатній привід для системного аналізу матеріалів досліджень некрополів та висвітлення поховального обряду сільського населення Ольвійського полісу VI–III ст. до н.е.

Основні дослідження. Археологічне вивчення некрополів сільської округи Ольвії було розпочато у 1910 – 1911 рр. відомим німецьким археологом та істориком Максом Ебертом який провів розкопки біля нині неіснуючих сіл **Аджигол та Пітухівка** (Солончаківська та Дмитрівська с/р, Очаківський р-н, сучасний р-н Аджигольської балки (плато по обох боках) між Дніпрово-Бузьким лиманом та шосе Миколаїв – Парутине – Очаків [Т-1507], на південний схід та південь від Верхнього (північного) Аджигольського Маяка).

У спеціальній літературі, з подання самого М. Еберта, некрополь отримав узагальнену назву **Марицинський**, за найменуванням найбільшого українсько-німецького села в цьому районі – Марицине (нині с. Острівка, Острівська сільська рада, Очаківський р-н) Миколаївського повіту Херсонської губернії, розташованого у 10 км на північний захід від некрополя та офіційно проіснувавшого під такою назвою до 1941 року. Крім картографічних та розкопувальних робіт на курганній групі, складеній з дванадцяти насипів на схід від села Аджигол (ліва, східна сторона балки), переважно пізньоархаїчної та ранньокласичної доби, було досліджено 58 поховань IV–III ст. до н.е. [Ebert, 1913]. Ділянка некрополя класичного та елліністичного періодів була розміщена на західному боці Аджигольської балки у 1,5 км на захід - південний захід від архаїчних та ранньокласичних могил, ближче до сусіднього узбережного села Пітухівка. Первинний умовний розподіл автора розкопок єдиного великого некрополя на два – Аджигольський та Пітухівський, у майбутньому, щодо Аджигольського курганного могильника, який вченими – скіфологами був відокремлений від Пітухівського, як територіально, так і за хронологічними та культурно-етнографічними ознаками, певною мірою, сприяв появі такого спірного поняття в науковій літературі, як „локальний варіант" скіфської культури у Нижньому Побужжі, [Яценко, 1959; Ильинская, Тереножкин, 1983; Мурзин, 1984; Гребенников, Фридман, 1985; Черненко и др., 1986; Гребенников, 2008]. За палеоантропологічним аналізом, який провів відомий німецький антрополог А. Шліц, більша частина поховань Марицинського некрополя загалом належала грецькому іонійському населенню Ольвії [Schliz, 1913, s. 114]. Первинний поділ так званого Марицинського некрополя на Аджигольський та Пітухівський у той час був зумовлений відсутністю необхідних даних про наявність великої кількості давньогрецьких поселень мікрорегіону Аджигольської балки, складавших значну агломерацію, як різнотипових так і однотипових за структурою та внутрішньою організацією, пам'яток у античні часи, що були відкриті лише у 70 – 80 рр. XX століття [Крыжицкий и др., 1980, с. 3 – 18; Крыжицкий и др., 1989, с. 21, рис. 3, с. 98, рис. 35; Буйских, 2005, с. 167. рис. 2, 1, 2009, с. 234]. Мешканці цих поселень, хуторів та садиб безумовно і залишили великий спільний некрополь в понизі балки [Снытко, 1992, с. 91 – 92, 2011, с. 12, рис. 1, № 6; Буйских, 1997-а, с. 29 – 30; 2009, с. 234]. Але на час археологічного відкриття Марицинського могильника такі висновки були неможливими, як і неможливо було уявити загальні територіальні масштаби та внутрішню структуру частково дослідженого М. Ебертом некрополя античного періоду.

2. В наведених статях вказана менша кількість некрополів. Нині враховані й нові поховальні пам'ятки, зафіксовані в 2009 – 2011 рр. [Снытко, 2012, с. 165; 2013, с. 91 – 92].

У 20-х рр. XX ст. директор Миколаївського історико-археологічного музею Ф.Т. Камінський досліджував античний **некрополь в м. Миколаїв**, розташований біля матеріальних воріт судноремонтного заводу **ім. 61-го комунара**, знайдений під час земельних робіт[3]. Але вцілілі записи уривчасті та неповні. Так, невідома загальна кількість могил, відсутні малюнки та фотографії. За описом можна констатувати лише, що поховання здійснені в неглибоких ямах та кістяки знаходились у випростаному стані, черепами на схід. Із знахідок вказано чорнолаковий посуд, тавровані амфори, залізні ножі, цвяхи, бронзові вістря стріл, за якими могильник умовно можна датувати IV – III ст. до н.е.[Снитко, 2009, с. 26, рис. 1, № 2].

Факт відсутності більш інформативних матеріалів ні в якому разі не свідчить про непрофесійність та недбалість сподвижника Б.В. Фармаковського по дослідженню Ольвії Ф.Т. Камінського. Справа в тому, що у вересні 1929 р. Ф.Т. Камінського було звинувачено в участі у українському національному русі, засуджено та вислано з міста Миколаїв [Нікітін, 2008, с. 119; Гаркуша, 2010, с. 39]. Звільнили з музею і його помічника, учасника Ольвійської експедиції Л.С. Кузнецова. Певною мірою постраждали інші члени археологічної групи «Друзі музею», створеної Ф.Т. Камінським, яка проводила археологічні розвідки та охоронні розкопки на Миколаївщині. Як наслідок, багато документів, залишених Ф.Т. Камінським, було вилучено з архівів та фондів або просто знищено.

Наприкінці 60-х рр. ще одне поховання некрополя в ямній поховальній споруді, яке датується IV – III ст. до н.е., було зафіксоване при побудові побутових споруд на території заводу та досліджене співробітником Миколаївського музею В.І. Нікітіним. Слід також зазначити, що у 1984 р. співробітниками Миколаївського краєзнавчого музею на території заводу відкрите поселення класично-елліністичного та римського періодів (Миколаїв-6) [Снытко, 1985, с. 77 – 78; 1998, с. 25 – 29; Крыжицкий и др., 1990, с. 64, № 107], мешканці якого найвірогідніше і залишили цей могильник [Снытко, 1990, с. 8, рис. 8, *1*; 1998, с. 25 – 26; 2012, с. 165; Снитко, 2009, с. 26, рис. 1, *2*]. У 2011 р. у зв'язку з новим будівництвом на розі вул. Набережна та 2-га Слобідська, біля прохідної заводу (територія парку Комунарів), розпочаті охоронні розкопки ділянки некрополя некрополя під керівництвом О.І. Смирнова. На нинішній час досліджено 25 поховань IV–III ст. до н.е. [Смирнов, 2012, с. 149 – 164][4].

Такий же характер має і опис трьох поховань, досліджених Ф.Т. Камінським в 20-х рр. в **м. Миколаїв**, випадково виявлених під час будівництва трамвайного кільця в урочищі **Спаськ** (вул. Спаський спуск – перехід на вул. Спортивна, р-н сучасного Яхтклубу, західний бік Миколаївського півострову, Заводський р-н) [Фабрициус, 1951, с. 72 – 73; Нікітін, 2008, с. 120; Гребенников, 2010, с. 99]. Згадуються знахідки бронзового браслету, уламки сіролощеного та червонолакового посуду, а також кістяки у випростаному стані, які знаходились в неглибоких ямах, у двох випадках лицьованих камінням. За знахідками могильник датували II – III ст. н.е. Але, у 1982 р. автору, в процесі інвентаризації фондів археології Миколаївського краєзнавчого музею, вдалось ознайомитись з речовими знахідками з поховань та встановити, що в одній з могил (без кам'яного обкладення бокових стінок могильної ями), крім уламків сіролощеного глечика, було знайдено два бронзових вістря стріл IV – III ст. до н.е., що раніше не було висвітлено. Наявність окремих знахідок цього часу в місцевості Яхтклубу та старого Варварівського моста через Бузький лиман, відмічає І.В. Фабрициус [Фабрициус, 1951, с. 72 – 73]. Також, у 2005 р. на поверхні вказаної ділянки співробітниками держінспекції по охороні культури в Миколаївській області було знайдено декілька фрагментів амфор Хіосу „нового стилю" та Гераклеї Понтійської, які датуються IV ст. до н.е. [Grace, 1961, fig. 46; Лейпунская, 1981, с. 57 – 58; Брашинский, 1980, с. 17; Рубан, 1979, с. 74]. Ці знахідки, певною мірою, уточнюють місцезнаходження та хронологію могильника і можуть свідчити, що ця територія використовувалась для влаштування некрополя ще з класично-елліністичної доби. Пошук поселення цього часу не дав

3. Про наявність давньогрецького некрополя біля будівлі Адміралтейства було відомо ще на початку XX сторіччя [Бузескул, 1915, с. 463], але його наукова археологічна ідентифікація та поточнення місцезнаходження належать Ф.Т. Камінському т.я. свідчення В.П. Бузескула про «давньогрецьке кладовище з багатьма гробницями» не мають будь-яких документальних підтверджень (можливо, В.П. Бузескул користувався усною інформацією про знахідки стародавніх могил при будівництві у XIX ст. Старофлотських казарм поздовж сучасної вул. Набережна, або будівель на території судноремонтного заводу).

4. В процесі дослідження вже відомий в спеціальній літературі некрополь поселення Миколаїв-6 О.І. Смирнов за невідомими мотивами перейменував в «Олександрівський» [Смирнов, 2012, с. 149; см.: Снытко, 2013, с. 91, прим. 2]. Більш того, відкрита під час охоронних розкопок ділянка некрополя поселення Миколаїв-6 римського часу з легкої руки авторів досліджень «перетворилася» в окремий некрополь з гучною назвою «Старофлотські казарми» [см.: Козленко, 2013, с. 57 – 61]. Такий підхід до ідентифікації різночасового, але єдиного археологічного об'єкту є методично хибним. За цих обставин, запобігаючи непотрібної плутанини, щодо цієї пам'ятки, нами надалі буде використовуватись її попередня назва – некрополь поселення Миколаїв-6.

результатів через те, що прибережна зона в цьому р-ні була майже цілком зневільована у XVIII – XIX ст. під час будівництва Потьомкінського палацу (з початку XIX ст. будинок літнього„Офіцерського зібрання"), елінгів та різноманітних за призначенням будівель торгівельної верфі і Яхтклубу.

У 1966 та у 1968 рр. за різними обставинами проводились охоронні розкопки античного **некрополя в урочищі Дідова Хата** (Заводський р-н, м. Миколаїв) під керівництвом співробітника Миколаївського краєзнавчого музею В.І. Нікітіна. Розкопкам підлягали курганна та безкурганна ділянки [Никитин, 1966, 1968]. У 1969 р. В.В. Лапіним були поновленні охоронні розкопки прибережної безкурганної ділянки могильника [Лапин, 1969]. Охоронні розкопки некрополя продовжувались періодично і надалі у зв'язку з інтенсивним процесом берегової абразії та зсувами, які поступово руйнували стародавні могили. В різний час їх проводили В.І. Нікітін, В.В. Рубан [Рубан, 1978, с. 34] та І.О. Снитко. Серед цих досліджень особливо треба виділити охоронні розкопки 1981 - 1982 рр. ділянки некрополя, частково пошкодженої при ритті котлована під опору високовольтної ЛЕМ [Никитин, 1984, с. 304 - 305; Снытко, 1986, с. 141 – 142; 1990, с. 7 -17; 1992-а, с. 26] та 1996 [Снытко, Гребенников, Гаврилов 1997, с. 30–31]. Загалом, в процесі переліченних робіт, на некрополі в урочищі Дідова Хата досліджено два підкурганних поховання пізньоархаїчного та ранньокласичного часу [Снитко, 2011] та 33 могили, які датуються IV – III ст. до н.е. [Снитко, 2009, с. 26].

У 1971 – 1976 рр. А.В. Бураковим, С.Б. Буйських, В.М. Отрешко та В.В. Рубаном проводились масштабні археологічні розвідки на території Ольвійської сільської округи, в процесі яких була зафіксована велика кількість поселень, хуторів та садиб античного періоду[5]. Зокрема, в процесі розвідок були зафіксовані два некрополі архаїчного часу на узбережжі Березанського лиману в районі сіл Рибаківка (**Рибаківка – Мис**, Березанський р-н, Лиманівська с/р) та Вікторівка (**Велика Лящева коса-II**, Березанський р-н, Лиманівська с/р), де проведені охоронні розкопки двох поховань [Отрешко, 1976, с. 33, 2009, с. 57; Крыжицкий и др., 1980, с. 4; Козуб 1987, с. 31; Снытко, Липавский, 1990, 134 – 135; Снитко, 2011, с. 11 – 12, рис. 1, № 7 – 8; Snytko, 1996, p. 408–409]. У 1991 р. співробітниками Миколаївського краєзнавчого музею проводились розвідувальні та охоронні дослідження **некрополя Рибаківка - Мис** та розкопано чотири поховання VI – V ст. до н.е.[6] Поховання були здійснені в ямах, дві з яких були викладені добре обробленими вапняковими брилами (так зв. кам'яні гробниці, поховання № 2– 3). Кам'яні гробниці були орієнтовані з заходу на схід. Нажаль, вони були повністю пограбовані в давнину, внаслідок чого, зафіксовані лише незначні деталі людських скелетів. В інших двох могилах, за давньогрецьким обрядом, небіжчики знаходились у випростаному стані та мали східну орієнтацію [Снытко, 1999, с. 10–12; 2011, с. 11].

У 1983 та 1987 рр. співробітниками Миколаївського краєзнавчого музею (І.О. Снитко) частково досліджувався **некрополь в урочищі Сіверсів Маяк** на південно-східній околиці м. Миколаїв (Корабельний р-н). Унаслідок охоронних розкопок тут зафіксовано чотири поховання IV – III ст. до н.е., поточнено місцезнаходження ділянок некрополя класично-елліністичного та римського часів та загалом чітко встановлена південно-західна межа могильника та його розташування відносно одночасового поселення Сіверсів Маяк- 1 [Снитко, 1990-а, с. 72 – 73; 2009, с. 26, рис. 1, № 1; Снытко, Касьяновский, 2012, с. 65–69].

У 1983, 1988 та 2000 рр. загоном Ольвійської експедиції Інституту археології АН УРСР (В.М. Отрешко, А.С. Островерхов)[7], Ольвійською периферійною експедицією Миколаївського краєзнавчого музею (І.О. Снитко) спільно з Ольвійською експедицією Інституту археології АН УРСР (С.О. Ліпавський), історичним факультетом МДПІ ім. В.Г. Белінського (І.О. Смирнов) та Ольвійською периферійною експедицією держінспекції по охороні пам'яток культури в Миколаївській області (І.О. Снитко) проводились розкопки великого **Північного некрополя біля с. Прибузьке** (урочище Чортувате, Очаківський р-н, Парутинська с/р). За час розкопок загалом досліджено 357 поховань, з яких 78 відноситься до пізньоархаїчного та ранньокласичного періоду, 116 – до класично-елліністичної епохи, 160 – за комплексом некрополя загалом датуються V – III ст. до н.е., 1 – римським часом, та 2 могили були залишені ще в добу бронзи [Снытко, Липавский, 1989, с. 145–146; 1990, с. 134–141; Липавский, Снытко, 1989, с. 131–132, 1990, с. 1–7; Снытко, Смирнов, Липавский, 1989, с. 47–48; Смирнов, Снытко, Липавский, 1990, с. 90 – 91; Снытко, 1990-б, с. 91 – 93; 2000; Снытко, Лобко, 2008, с. 88–93; Снитко, 2009, с. 26, рис. 1, № 5, 2011, с. 11–22, рис. 1, № 3; Snytko 1996, p. 408-409].

5. Начальник Ольвійської експедиції Інституту археології АН УРСР С.Д. Крижицький. Керівники периферійного загону Ольвійської експедиції (в різні роки): А.В. Бураков, С.Б. Буйських, В.М. Отрешко. Начальник загону Миколаївського краєзнавчого музею В.В. Рубан.

6. В розкопках приймали участь співробітники Інституту археології АН УРСР С.О. Ліпавський та О.В. Симоненко.

7. Інформацію про окремі знахідки див: [Монахов, 1999, с. 271 - 272].

У 1983 р. Миколаївською експедицією Інституту археології АН УРСР (керівник Шапошнікова О.Г., заступник та керівник загону Гребенников Ю.С.) в верхів'ї Аджигольської балки у 3 км на захід від **с. Матросівка** (Очаківський р-н, Острівська с/р), була досліджена група з дев`яти підкурганних поховань класичного часу (друга – початок третьої чверті V ст. до н.е.) [Шапошникова и др., 1983]. За своїми типологічними особливостями поховання могильника були аналогічні відомим Аджигольським, що надало привід автору розкопок Ю.С. Гребеннікову віднести групу могил до так званого локального варіанту скіфської культури, або до приольвійської групи скіфських пам'яток та пов'язати їх з калліпідами Геродота [Гребенников, Фридман, 1985, с. 91–92; Гребенников, 2008, с. 53]. Але, географічне розташування некрополя в безпосередній близькості від комплексу давньогрецьких поселень, хуторів та садиб пізньоархаїчного та ранньокласичного часу Аджигольської балки, особливості поховальних споруд та обряду поховання ставлять під сумнів таку інтерпретацію [Крижицький, 2001, с. 23 – 24; Буйских, 2005, с. 182, прим. 8; Снитко, 2011, с. 12, рис. 1, № 9]. Крім того, при публікації некрополя, Ю.С. Гребенниковим не було враховано, що район Аджигола мав велике значення для населення хори Ольвії, господарської діяльності, економічного районування і розвитку поліса. Він мав чітку спеціалізацію (відгінне скотарство), в процесі якої були освоєні значні степові території навкруги поселень і садиб, розташованих на схилах Аджигольської балки [Отрешко, 1979, с. 151 – 158; Буйских, 1985, с. 8 – 10; Крыжицкий и др., 1989, с. 75, 94; Буйських, Ольговський, 1995, с. 5 наст.; Одрін, 2001, с. 91 – 92; 2011, с. 350]. За переліченими ознаками Матросівський некрополь включається до загального реєстру поховальних пам'яток хори Ольвії [Снитко, 2011, с. 12, рис. 1, № 9].

У 1984 р. співробітниками Миколаївського краєзнавчого музею (В.І. Нікітін), спільно з Периферійним загоном Ольвійської експедиції Інституту археології АН УРСР (С.Б. Буйських) проводились охоронні розкопки некрополя IV – III ст. до н.е. в районі **Лагерної коси** біля м. Очаків (Чорноморська с/р), в процесі яких були виявлені залишки 10 поховань [Буйських, Нікітін, 1988, с. 85 – 90; Снитко, 2009, с. 26, рис. 1, № 8].

1988 р. Ольвійською периферійною експедицією Миколаївського краєзнавчого музею (І. О. Снитко) спільно з Ольвійською експедицією Інституту археології АН УРСР (С.О. Ліпавський) та історичним факультетом МДПІ ім. В.Г. Белінського (І.О. Смирнов)[8] проводились розкопки **Південного нерополя біля с. Прибузьке** (Очаківський р-н, Парутинська с/р). В процесі робіт було досліджено три підкурганних поховання пізньоархаїчного-ранньокласичного часу та зафіксовані південно-західні межі некрополя [Снытко, Липавский, 1989, с. 145 – 146, 1990, с. 134 – 141; Липавский, Снытко, 1989, с. 131 – 132; 1990, с. 1 –7; Снытко, Смирнов, Липавский, 1989, с. 47 –48; Снитко, 2009, с. 26; 2011, с. 11 – 22, рис. 1, № 4; Snytko, 1996, p. 408 – 409].

Також у 1988 р. Ольвійска периферійна експедиція Миколаївського краєзнавчого музею (І.О. Снитко) провела охоронні розкопки поховання класично-елліністичного часу в **с. Стара Богданівка** (Миколаївський р-н, Кіровська с/р) та здійснила відповідні візуальні дослідження та зачистки осипів яругів, що дозволило встановити наявність некрополя античного часу на території села [Гребенников, Снытко, 1989, с. 20 – 21; Снитко, 2009, с. 28, рис. 4; Снытко, Смирнов, 2009, с. 268–270][9]. Інформація про можливе існування могильника, у якості уривчастих свідчень, відноситься до XIX - початку XX століття. Розкопки окремих поховань в селі, а також курганів навколо нього, проводив володар маєтку, відомий на Миколаївщині історик та краєзнавець М.М. Аркас. Так, тільки у 1913 р. було передано до Херсонського музею велику кількість різноманітних предметів, з випадково знайдених при землерийних роботах в господарських цілях, могил. Це чорнолакові канфари і кіліки, глеки, амфори, прясельця, бронзові вістря стріл та ін. [Гошкевич, 1915, с. 17 – 21; Гребенников 2010, с. 61]. Нажаль, ці свідчення не мають системного характера. Відсутні описи поховань, малюнки, конкретна територіальна прив'язка могил, тощо. Зазначимо, що пошуки, які вів М.М. Аркас в своєму маєтку в більшій мірі, на жаль, мали краєзнавчий, ніж науковий характер. У 1996 та 1999 рр. охоронні дослідження були поновлені В.Б. Гребенниковим та Ю.С. Гребенниковим [Гребенников, 2010, с. 61]. Загалом, на нинішній час, на некрополі досліджено два підкурганних та 13 безкурганних поховань, які датуються IV – III ст. до н.е. [Гребенников, Снытко, 2013, с. 191 – 196].

В липні 1990 р. Ольвійська периферійна експедиція Миколаївського краєзнавчого музею проводила охоронні дослідження на лівобережжі Бузького лиману у 1,5 км на південь **від с. Лупареве** (Жовтневий р-н, Лиманівська с/р). Досліджувався курган доби бронзи та додатково проводились охоронно – розвідувальні заходи в процесі яких було знайдено некрополь античного часу та про-

8. В роботі експедиції приймав участь доцент історичного факультету ОДУ ім. І.І. Мечникова Ю.Г. Разуменко.

9. В цих дослідженнях приймали участь співробітники Ольвійської експедиції Інституту археології АН УРСР С.О. Ліпавський, В.М. Отрешко та В.В. Назаров.

ведені охоронні розкопки одного поховання VI– V ст. до н.е. [Снитко, Наумов, 1990, с. 76; Снитко, 2011, с. 11 – 12, рис. 1, № 1]. Встановлено, що західна, узбережна частина некрополя знаходиться під сучасними дачними будівлями.

Великою бідою для археологічних пам'яток античного періоду починаючи з кінця минулого сторіччя є активна діяльність грабіжників, для яких давньогрецькі некрополі стали особливим об'єктом пошуку антикварних предметів [Иванов, Снытко, 2000, с. 9-15; Яценко, Снитко, Лобко, 2010, с. 97 – 100]. Використовуючи сучасні технології, різноманітні прилади та, навіть, землерийну техніку, грабіжники проводять не тільки пограбування раніше відомих могильників, але й знаходять та грабують нові, відсутні на археологічній карті Нижнього Побужжя. Як це не парадоксально виглядає, але таким чином, співробітниками держінспекції по охороні пам'яток культури в Миколаївський області у 2008 р. під час перевірки технічного стану пам'яток, за позивом органів МВС і місцевого сільського голови, був зафіксований великий некрополь пізньоахаїчного – ранньокласичного та класично – елліністичного періоду біля маяку Сари-Комиші, у 2–3 км на північний схід від **с. Дніпровське** (Очаківський р-н, Солончаківська с/р) [Курганська, Снитко, 2008, с. 95–97; Снытко, Курганская, Лобко, 2009, с. 264–266; Снитко, 2011, с. 11 – 12, рис. 1, № 5], який інтенсивно руйнувався грабіжниками. За таким сценарієм у 2007-2008 рр. відкритий **Південнний некрополь біля с. Козирка** (Очаківський р-н, Козирська с/р) [Яценко, Снитко, Лобко, 2010, с. 98], а у 2011 р. **некрополь біля с. Дмитрівка** (Очаківський р-н, Дмитрівська с/р). За наслідками діяльності грабіжників у 2007 р відкритий співробітниками Березанської (Нижньобузької) археологічної експедиції Державного Ермітажу РФ (м. Санкт-Петербург) та лабораторії археології і етнології МДУ ім. В.О. Сухомлинського і **Північний некрополь біля с. Козирка**, де проведені охоронні розкопки семи поховань класично – елліністичної доби [Козленко, 2008, с. 93 – 95].

У листопаді 2011, під час інвентаризації пам'яток археології Очаківського району, за візуальними спостереженнями співробітниками держінспекції зафіксований **некрополь VI – V ст. до н.е. на мисі Бейкуш** (Чорноморська с/р), розвідувальні розкопки якого не проводились.

Як бачимо, у вивченні сільських некрополів Ольвійської держави, з самого початку була відсутня системність та певне його планування.

Можливо, першою спробою в цьому напрямі були розкопки Макса Еберта у 1911 р., які проводились паралельно з дослідженнями Ольвійського городища та некрополя Б.В. Фармаковським. Треба особливо відзначити, що матеріали розкопок, разом з антропологічними дослідженнями А. Шліца, були опубліковані в місті Лейпциг вже у 1913 р. [Ebert, 1913; Schliz, 1913] – через два роки після завершення робіт, що може бути зразком, навіть для сучасності, а також є свідченням певної зацікавленості в тогочасних європейських наукових колах, щодо інформації про поховальні пам'ятки, залишені населенням ближнього ольвійського оточення. Дуже якісним в суто археологічному контексті, для того часу, був опис матеріалів і сама наукова структура видання, здійсненого в найкращих традиціях німецької археологічної школи. Розкопки М. Еберта, які довгий час були єдиним дослідженням[10], висвітлюючим поховальний обряд населення Нижнього Побужжя в античну епоху, до сьогодні викликають живий інтерес фахівців та залучаються до різноманітних наукових розробок. Але, на жаль, російсько-німецьке наукове співробітництво було припинене у зв'язку з погіршенням політичних відносин між імперіями та Першою Світовою війною[11].

Переважно, виключаючи окремі (Аджигол, Пітухівка, Південний та Північний некрополі біля с. Прибузьке), дослідження поховальних пам'яток носили спонтанний характер, та були пов'язані з терміновою необхідністю проведення негайних охоронних розкопок. Відсутність планування в дослідженні некрополів хори Ольвії, на відміну від городищ, поселень, хуторів та окремих садиб, була зумовлена цілою низкою об'єктивних обставин. По-перше, це пов'язане зі складністю їх безпосередньої фіксації: відсутністю належної методики визначення характерних специфічних рис, притаманних могильникам античного часу в регіоні Нижнього Побужжя, територіально–топографічних та структурних особливостей, а, також, чітких критеріїв щодо безпосередньої археологічної ідентифікації об'єкту, як некрополя. По-друге, більшість нині відомих могильників знаходилось на орних полях, які інтенсивно використовувались в сільськогосподарських цілях, особливо виноградарських, а також в важкодоступ-

10. Мається на увазі периферія Ольвійського поліса, т.я. некрополь Ольвії у цей час досліджувався Б.В. Фармаковським.

11. Відмову російським урядом німецьким спеціалістам у подальшому дослідженні пам'яток Аджиголу можна пояснити, на наш погляд, наявністю військового об'єкту – башти станції військово-морського телеграфу (Нижній Аджигольський маяк), про яку, згадує і Макс Еберт [Ebert, 1913, s. 2]. Саме в передвоєнні роки ця телеграфна мережа, яка відіграла неабияку роль під час останньої Кримської війни, проходила модернізацію, разом з системою військово-морської лоції.

них місцях, на території сучасних населених пунктів, під шляхами та лісонасадженнями, що ускладнювало, а іноді робило зовсім неможливим, проведення масштабних розвідувальних робіт для визначення та картографування цього типу пам'яток. Через ці обставини, а перш за все, через недостатню вивченість, матеріали античних сільських некрополів Нижнього Побужжя майже не були використані у двох основних монографічних дослідженнях по хорі Ольвії [Крыжицкий и др., 1989; 1990]. Щоправда, тоді слушно наголошувалося, що «*більш поглиблена етнографічна характеристика ольвіополітів в цілому і уточнення рис схожості та відмінності між населенням міста і його округи стає неможливим без активного дослідження доки ще маловивчених сільських некрополів. Їх планомірний пошук та розкопки є вкрай актуальним завданням майбутнього*» [Крыжицкий и др., 1989, с. 221] та «*пошук, картографія та розкопки сільських некрополів складають актуальне завдання окремого дослідження, яке вже розпочато*» (переклад І.О. Снитка) [Крыжицкий и др., 1990, с. 83; див. також: Буйських, 1997, с. 22].

За час, що минув, диспропорцію між матеріалами поселень сільської округи Ольвії та її некрополів завдяки розкопкам вдалося дещо скоротити, хоча вона продовжує залишатись доволі відчутною. Щоправда, як було встановлене останніми спостереженнями, деякі некрополі, наприклад, такі, як Дідова Хата, Аджигольський – Пітухівський, Дніпровський, Північний некрополь біля с. Прибузьке, Північний та Південний некрополі біля с. Козирка, використовувались мешканцями, одразу 7–10 поселень, складавших велику агломерацію, та на протязі декількох століть [Буйских, 2009, с. 234; Снитко, 2009, с. 26; 2011, с. 19]. Тобто, дослідження одного такого некрополя можуть надавати певну характеристику одразу для населення цілого мікрорегіону. Але, наведене зауваження, на жаль, докорінно не міняє суті справи, хоча й дещо змінює та поточнює погляд на основний об'єкт дослідження – сільські некрополі Ольвійського полісу. Достатньо суттєву проблему складає і різний ступінь дослідженності некрополів в різних частинах полісу. Так, наприклад, відносно мало інформації ми маємо стосовно поховальних пам'яток Березанського та лівого берега Бузького лиманів. Вирішення цієї проблеми є актуальним науковим завданням на майбутнє.

Тим не менше, на сьогодні археологічно зафіксовано та частково досліджено 14 некрополів пізньоархаїчного та ранньокласичного періодів і 12 могильників класично-елліністичної доби [Снытко, 2012, с. 165] в різних частинах Ольвійської держави (узбережжя Бузького, Дніпрово-Бузького та Березанського лиманів), на яких загалом розкопано більше ніж 500 поховань. Крім того, за останні часи, завдяки дослідженням археологічних комплексів (поселення – некрополь) в у-щах Сіверсів Маяк, Дідова Хата, Чортувате, певною мірою вдалося відновити основні територіальні принципи улаштування некрополів, їх структурні особливості та характерні риси, які відбивають світогляд і внутрішню організацію сільських мешканців Нижнього Побужжя в архаїчний, класичний та елліністичний періоди [Снытко, 2012, с. 165 – 168; 2013-а, с. 434 – 438], а також, можливо, в певному контексті, разом з іншими матеріалами, свідчать про наявність адміністративно-територіального і соціально-демографічного поділу населення полісу на кшталт загальноантичного (філи, фратрії, деми) [Снитко, 2013-б, с. 3 – 14].

На завершення додамо, що з року в рік на території Нижнього Побужжя, за різних обставин, знаходять нові давньогрецькі некрополі. Так, у 2008 – 2011 рр., в процесі систематичних перевірок технічного стану пам'яток та проведення інвентаризації пам'яток археології Очаківського району, співробітниками Державної інспекції по охороні пам'яток культури в Миколаївській області, було виявлено та поставлено на державний облік чотири нових великих некрополя (Південний некрополь біля с. Козирка, Дніпровське, Дмитрівка, Бейкуш), дослідження яких не проводились.

Роботи по інвентаризації пам'яток (Березанський, Жовтневий, Миколаївський [Яценко, Снитко, Лобко 2010, с. 97 – 100; 2011, с. 567], Очаківський р-ни Миколаївської області, м. Миколаїв) надали можливість більш детального візуального обстеження некрополів хори Ольвії, а тобто й визначення їх можливої максимальної площі, з урахуванням необхідної охоронної зони в контексті чинного пам'яткоохоронного законодавства України.

Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. – Л., 1980. – 267 с.

Бузескул В.П. Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и в начале XX в. (Лекции по истории Греции). – Т. 1. – Изд. 3-е, перераб. – Петроград, 1915. – 592 с.

Буйских С.Б. Некоторые итоги изучения ольвийской хоры // ПИО. – Парутино, 1985. – С. 8 – 10.

Буйских С.Б. К проблеме территориальных владений Ольвийского полиса в IV в. до н.э. // Херсонес в античном мире. – Севастополь, 1997. – С. 16–19.

Буйских С.Б. К проблеме этно-культурной атрибуции Марицинского могильника // Історія. Етнографія. Культура. Нові дослідження. – Т. 1. – Миколаїв, 1997-а. – С. 29 – 30.

Буйських С.Б. Л.М. Славін і дослідження хори Ольвійської держави // Археологія. – № 4. – К., 1997-б. – С. 15 – 23.

Буйских С.Б. Античное поселение Аджигол-1 близ Ольвии // ССПК. – Вип. 12. – Запоріжжя, 2005. – С. 164 – 189.

Буйских С.Б. Хора колониального полиса в Нижнем Побужье: от архаики к эллинизму // ССПК. – Вип. XV. – Запоріжжя, 2009. – С. 225–247.

Буйських С.Б., Нікітін В.І. Охоронні розкопки могильника IV – III ст. до н.е. Лагерна коса // Археологія. – № 63. – К., 1988. – С. 85 – 90.

Буйских С.Б., Ольговський С.Я. До історії населення Ольвійської хори // Питання історії культури України. – К. – 1995. – С. 3 – 11.

Бураков А.В. Козырское городище рубежа и первых столетий нашей эры. – К., 1976. – 159 с.

Гаркуша Н.М. Борис Владимирович Фармаковский // Легендарные имена. – Николаев, 2010. – 44 с.

Гошкевич В.И. Дар семьи Н.Н. Аркаса // Летопись музея за 1913 год. – Херсон, 1915. – С. 17 – 21.

Гребенников В.Б. Історія вивчення пам'ятників археології у Миколаївській області (кінець XVIII – XX ст.). – Миколаїв, 2010. – 142 с.

Гребенников В.Б., Снытко И.А. Новый античный некрополь в Нижнем Побужье // ДП. – Тез. докл. конф. – Одесса, 1989. – С. 20 – 21.

Гребенников В.Б., Снытко И.А. Новые исследования Старобогдановского некрополя античного времени // ДП. – Вып.Х. – Одесса, 2013. – С. 191–196.

Гребенников Ю.С. Киммерийцы и скифы Степного Побужья (IX – III вв. до н.э. – Николаев, 2008. – 192 с.

Гребенников Ю.С., Фридман М.И. К вопросу о населении ольвийской периферии в середине V в. до н.э. // ПИО. – Парутино, 1985. – С. 91 – 92.

Доманский Я.В. Нижнее Побужье в VII–V вв. до н.э. (историко-археологическое исследование) // Автореф. дис. канд. ист. наук. – Л., 1955. – 16 с.

Доманский Я.В. Из истории населения Нижнего Побужья в VII – V вв. до н.э. // АСГЭ. – Вып. 2. – Л., 1961 – С. 31 – 35.

Иванов С.В., Снытко И.А. Проблемы и перспективы охраны памятников сельской округи Ольвии // III Миколаївська обласна краєзнавча конференция. Історія. Культура. Етнографія. Нові дослідження. – Миколаїв, 2000. – С. 9 – 15.

Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н.э. – К., 1983. – 379 с.

Капошина С.И. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья // МИА. – № 50. – М., 1956. – С. 211 – 254.

Козленко Р.О. Поховання античного часу біля с. Козирки // VII Миколаївська обласна краєзнавча конференція. Історія. Культура. Нові дослідження. – Миколаїв,- 2008. – С. 93 – 95.

Козленко Р.О. Обряд обезвреживания погребённых на могильниках на могильниках «Александровский» и «Старофлотские казармы» // IX Миколаївська обласна краєзнавча конференція. «Історія. Етнографія. Культура. Нові дослідження». – Миколаїв, 2013. – С. 57 – 61.

Козуб Ю.И. Погребальные сооружения Ольвии и ее округи // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. – К., 1987. – С. 27 – 34.

Крижицький С.Д. Ольвія і скіфи у V ст. до н.е. До питання про „скіфський протекторат" // Археологія. – № 2. – К., 2001. – С. 21 – 36.

Крыжицкий С.Д., Бураков А.В., Буйских С.Б., Отрешко В., Рубан В.В. К истории ольвийской сельской округи // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. – К.,1980. – С. 3–18.

Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. Сельская округа Ольвии. – К.,1989. – 240 с.

Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Отрешко В.М. Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). – К., 1990. – 136 с.

Крыжицкий С.Д., Русяева А.С., Крапивина В.В., Лейпунская Н.А., Скржинская М.В., Анохин В.А. Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. – К.,1999. – 478 с.

Курганська К.Ю., Снитко І.О. Проблеми охорони та збереження археологічних пам'яток Аджиголу // VII Миколаївська обласна краєзнавча конференція. Історія. Культура. Нові дослідження. – Миколаїв, 2008. – С. 95 – 97.

Лапин В.В. Отчёт о раскопках античного могильника у Маяка Дедова Хата Николаевского района, Николаевской области // НА ІА НАНУ. – № 1969/16-б. – 9 С. – 20 Табл.

Лейпунская Н.А. Керамическая тара из Ольвии (из опыта изучения амфор VI – IV вв. до н.э.). – К., 1981. – 120 с.

Липавский С.А., Снытко И.А. Новые данные о погребальном обряде архаического населения Нижнего Побужья // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. – Тез. докл. XX Республіканської конференції. – К., 1989. – С. 145 – 146.

Липавский С.А., Снытко И.А. Курганы раннеантичного времени в урочище Чертоватое и некоторые проблемы населения ольвийской хоры // Липавский С.А., Снытко И.А. Материалы по археологии Ольвии и её Округи. – Препринт. – К.: Ин-т археологии АН УССР. – 1990. – С. 1 – 17.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII – II веков до н.э. – Саратов, 1999. – 680 с.

Мурзин В.Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. – К., 1984. – 133 с.

Никитин В.И. Отчёт о работе археологического отряда Николаевского краеведческого музея // НА ІА НАНУ. – № 1966/ 141. – 4 с. – 8 Табл.

Никитин В.И. Отчёт о работе археологического отряда Николаевского краеведческого музея // НА ІА НАНУ. – № 1968/ 57. – 6. - с. – 8 Табл.

Никитин В.И. Работы Николаевского краеведческого музея // АО. – 1982. – Москва, 1984. – С. 304–305.

Нікітін В.І. Ф.Т. Камінський – дослідник пам'яток античності Нижнього Побужжя // Археологія. – № 4. – К., 2008. – С. 118 – 121.

Одрін О.В. Виробництво і торгівля вовною та виробами з вовни в Ольвії VI – V ст. до н.е. // Ольвія та античний світ. – К., 2001. – С. 91 – 92.

Одрін О.В. Зернове господарство античних держав Надчорномор'я: загальні тенденції та регіональні особливості // ДП. – Вып. IX. – Одесса, 2011. – С. 348 – 354.

Отрешко В.М. Позднеархаические поселения Березанского лимана // ОМАУ. – Тез. докл. конф. – Ч. 1. – К., 1976. – С. 31 – 33.

Отрешко В.М. К проблеме экономического районирования Нижнего Побужья в архаическую эпоху // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. – «Цхалтубо-1977». – Тбилиси, 1979. – С. 151 – 158.

Рубан В.В. Комплекс памятников античного времени в урочище Дидова Хата на Бугском лимане // Античность и варварский мир. – КСИА. – Вып. 156. – Москва,1978. – С. 32 – 36.

Рубан В.В. О датировке поселения Козырка-II // Памятники древних культур Северного Причерноморья. – К., 1979. – С. 60 – 80.

Славін Л.М. Археологічні дослідження городищ, поселень та могильників ольвійського оточення у 1949 – 1950 рр. // АП УРСР. – Т. 5. – К., 1955. – С. 127 – 150.

Славін Л.М. Основні результати та найближчі завдання розкопок Ольвії // АП УРСР. – Т. 7. – К.: Наукова думка. – 1958. – С. 5 – 15.

Смирнов А.И. Александровский – новый могильник хоры Ольвии в г. Николаев // Древности Северного Причерноморья III – II вв. до н.э. – Тирасполь, 2012. – С. 149 – 164.

Смирнов И.А., Снытко И.А., Липавский С.А. Погребения IV в. до н.э. Северного некрополя у с. Прибугское // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья. – Тез. докл. и сообщ. научно-практической, историко-краеведческой конференции. – Ч. 2. – Белгород-Днестровский, 1990. – С. 90 – 91.

Снытко И.А. Новый античный памятник в Нижнем Побужье // ПИО. – Парутино, 1985. – С. 77–78.

Снытко И.А. Грунтовый некрополь IV–III вв. до н.э. в урочище Дидова Хата // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. – Тез. докл. III конф. Молодых учёных ИА АН СССР. – Москва, 1986. – С. 141 – 142.

Снытко И.А. Погребальные обряды населения ольвийской хоры IV – III вв. до н.э. // Липавский С.А., Снытко И.А. Материалы по археологии Ольвии и её округи. – Препринт. – К.: Ин-т археологии АН УССР, 1990. – С. 7 – 17.

Снытко И.А. Исследования некрополя античного времени в у-ще Сиверсов Маяк // Проблемы археологии Северного Причерноморья: (к 100-летию основания Херсонского музея древностей). – Тез. докл. юбил. конф. – Ч. 2. – Херсон, 1990-а. – С. 72 – 73.

Снытко И.А. Подбойные могилы античных некрополей Нижнего Побужья и Нижнего Поднестровья IV – III вв. до н.э. // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья. – Тез. докл. и сообщ. научно-практической, историко-краеведческой конференции. – Ч. 2. – Белгород-Днестровский, 1990-б. – С. 91 – 93.

Снытко И.А. Марицынский могильник в свете новых исследований в Нижнем Побужье // Киммерийцы и скифы. – Мелитополь, 1992. – С. 91 – 92.

Снытко И.А. Проблемы охраны памятников античного времени сельской округи Ольвии // Материалы заседаний координационного совета «Ольвия и её сельская округа». – Препринт. – Николаев, 1992-а. – С. 23 – 31.

Снытко И.А. Поселение Николаев-6, как Северный форпост Ольвийского государства // Південна Україна: Проблеми історичних досліджень. – Ч. 1. – Миколаїв, 1998. – С. 25 – 29.

Снытко И.А. Новые сведения о погребальных сооружениях хоры Ольвии архаического времени // Слов'янський світ та античні традиції. – Ч. 3. – Миколаїв, 1999. – С. 10 – 12.

Снытко И.А. Отчёт о раскопках Северного некрополя у с. Прибугское в 2000 году // НА ІА НАНУ. – 2000/141. – 121 с. – 150 Рис.

Снитко І.О. Поховальний обряд населення хори Ольвії IV – III ст. до н.е. // Археологія. – № 3. – К., 2009. – С. 25 – 34.

Снитко І.О. Підкурганні поховання некрополів хори Ольвії VI – V ст. до н.е. // Археологія. – № 1. – К., 2011. – С. 11 – 22.

Снытко И.А. Древнегреческие некрополи Нижнего Побужья IV – III вв. до н.э.: особенности исторической топографии, характер и структура // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. – Тирасполь, 2012. – С. 165 – 168.

Снитко І.О. Ще раз про межі Ольвійського поліса // Археологія. – № 4. – К., 2012-а. – С. 31 – 42.

Снытко И.А. Погребальные сооружения сельских некрополей Ольвии в контексте древнегреческой ритуальной практики населения Нижнего Побужья позднеархаической, классической и эллинистической эпох (VI – III вв. до н.э.) // АВ. – № 19. – СПб., 2013. – С. 91 – 104.

Снытко И.А. О древнегреческой традиции возведения мемориальных аллей в Нижнем Побужье в античную эпоху // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. – БЧ. – Вып. XIV. – Керчь, 2013-а. – С. 434 – 438.

Снитко І.О. Про соціально-демографічний та адміністративно-територіальний поділ Ольвійського поліса // Археологія. – № 2. – К., 2013-б. – С. 3–14.

Снытко И.А., Липавский С.А. Исследования Южного и Северного некрополей у с. Прибугское // Проблемы скифо-сарматской археологии. – Тез. докл. конф., посвящённой 90-летию профессора Б.Н. Гракова. – Запорожье, 1989. – С. 145 – 146.

Снытко И.А., Смирнов И.А., Липавский С.А. Античные сельские некрополи позднеархаического и раннеклассического времени в Нижнем Побужье // ДП. – I-е чтения памяти профессора Петра Осиповича Карышковского. – Тез. докл. конф. – Одесса, 1989. – С. 47 – 48.

Снитко І.О., Наумов В.І. Охоронні розкопки біля с. Лупареве Миколаївської області // Охорона та охоронні дослідження пам'яток археології в Україні. – Тез. доп. на семінарі. – Вінниця, 1990. – С. 76.

Снытко И.А., Липавский С.А. Античные сельские некрополи VI – V вв. до н.э. в Нижнем Побужье // ДП. – Одесса, 1990. – С. 134 – 141, Табл. XV–XVIII.

Снытко И.А., Гребенников В.Б., Гаврилов С.И. Исследования античного некрополя в у-ще Дидова Хата в 1996 г. // II Миколаївська краєзнавча конференція. – Історія, етнографія, культура, нові дослідження. – Археологія і етнографія. – Ч. 1. – Миколаїв, 1997. – С. 30 – 31.

Снытко И.А., Лобко А.Г. Скорченные погребения некрополей хоры Ольвии VI – III вв. до н.э. // VII Миколаївська обласна краєзнавча конференція. – Історія. Етнографія. Культура. Нові дослідження. – Миколаїв, 2008. – С. 88 – 93.

Снытко И.А., Смирнов И.А. Охранные раскопки античного некрополя у с. Старая Богдановка // Ольвийские древности. – Сб. научн. трудов памяти В.М. Отрешко (1949 – 1999). – К., 2009. – С. 268–270.

Снытко И.А., Курганская Е.Ю., Лобко А.Г. История изучения сельской округи Ольвии и проблемы её охраны на нынешнем этапе // Матеріали 8-ї Всеукраїнської конференції «Актуальні питання науки і техніки». – К., 2009. – С. 264 – 266.

Снытко И.А., Касьяновский В.А. Богоявленск и его окрестности: Историко-краеведческие очерки. – Симферополь, 2012. – 184 с.

Фабрициус И.В. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. – Вып. 1. – К., 1951. – 131 с.

Черненко Е.В., Бессонова С.С., Болтрик Ю.В., Полин С.П., Скорый С.А., Бокий Н.М., Гребенников Ю.С. Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. – К., 1986. – 368 с.

Шапошникова О.Г., Гребенников Ю.С., Фоменко В.Н., Балушкин А.М., Елисеев В.Ф., Клюшенцев В.Н., Ребедайло Г.П., Товкайло Н.Т., Шарафутдинова И.Н. Отчёт о работе Николаевской экспедиции за 1983 г // НА ІА НАНУ. – № 1983/4. – 145 с. – 119 Таб.

Штительман Ф.М. Городища, поселения и могильники Бугского лимана VII – II вв. до н.э. // Автореферат дис. канд. ист. наук. – Москва,1952. – 22 с.

Штительман Ф.М. Поселения античного периода на побережье Бугского лимана // МИА. – № 50. – Москва, 1956. – С. 275 – 272.

Яценко И.В. Скифия VII – V вв. до н.э. // Тр. ГИМ. – Вып. 36. – Москва, 1959. – 118 с.

Яценко С.М., Снитко І.О., Лобко О.Г. Про стан збереження пам'яток археології на Миколаївщині та основні прблеми їх охорони // VIII Миколаївська обласна краєзнавча конференція. – Історія. Етнографія. Культура. Нові дослідження. – Миколаїв, 2010. – С. 97 – 100.

Яценко С.М., Снитко І.О., Лобко О.Г. Досвід проведення інвентаризації пам'яток археології Миколаївської області на прикладі Миколаївського району // Праці Науково-дослідного інституту пам'яткоохоронних досліджень. – Вип. 6. – Вінниця, 2011. – С. 566 – 571.

Ebert M. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn, Gouv. Cherson (Süd. Rusland)//Prächistorische Zeitschrift. – Bd. V. – Leipzig, 1913. – 81 s.

Grace V. Amphoras and the Ancient Wine Trade. – Princeton, 1961. – 42 P.

Schliz A. Beitrage zur prähistorschen Ethnologie. – II. – Die Grabhügel auf dem Gute Maritzyn // PZ. – Bd. V. – Heft 1 – 2. – Leipzig, 1913. – S. 114–148.

Snytko I. Greek burial customs in Olbian Chora (6-th-5-th centuries B.C.) // The Thracian World at the crossroads of civilizations. – The 7-th international congress of Tracology. – May 20 – 26. – 1996. Constanta – Mangalia – Tulcea. Romania. – Bucharest, 1996. – P. 408 – 409.

І.О. Снытко, В.Б. Гребенников

К ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕКРОПОЛЕЙ ХОРЫ ОЛЬВИИ VI–III вв. до н.э.

История научного исследования сельских некрополей Ольвийского полиса условно делится на три этапа, которые выделены на основе разных подходов к исследованию сельских некрополей Нижнего Побужья.

Первый этап начинается с 1911 г. – времени открытия и раскопок Марицынского могильника немецким археологом М. Эбертом и ограничивается концом 20-х гг. прошлого столетия. В этот период проводились разведочные работы по побережьям Бугского лимана и небольшие охранные раскопки двух некрополей на территории г. Николаев николаевскими краеведами под руководством Ф.Т. Каминского. Следующий этап охватывает 50-60-е гг. прошлого столетия и связан с активними исследованиями памятников ольвийской округи сотрудниками Ольвийской экспедиции Института археологии АН УССР под руководством Л.М. Славина. В это время проводились раскопки некрополя в урщчище Дидова Хата В.В. Лапиным и В.И. Никитиным. В 70-х, 80-х и 90-х гг. XX столетия, в процессе интенсивного планового исследования памятников Ольвийской сельской округи экспедициями Института археологии АН УССР (НАН Украины), ЛОИА АН СССР (РАН), Государственного Эрмитажа и Николаевского музея начался активный поиск и исследования некрополей хоры. В результате этих работ в настоящее время известно 14 некрополей архаического - раннеклассического времени и 12 могильников классико-эллинистического периода. На сельских некрополях исследовано более 500 погребений. Эти работы позволили уточнить основные территориальные принципы обустройства сельских некрополей, их структурные особенности, выделить характерые черты, отражающие мировоззрение и внутреннюю организацию греческого населения Нижнего Побужья в архаическую, классическую и эллинистическую эпохи.

Ключевые слова: сельские некрополи, Ольвия, хора, Нижний Буг.

I.A Snytko, V.B. Grebennikov

THE HISTORY OF RESEARCH NECROPOLIS CHOIRS OF OLBIA VI–III centuries BC

History research rural cemeteries Olbian policy is divided into three stages. The first stage begins in 1911 - a time of discovery and excavation of burial Maritsyno by German archaeologist M. Ebert and limited by the end of 20-ies last century. During this period conducted exploration work along the coasts of Bugskiy estuary and small exploration digs of two cemeteries in the city of Nikolayev by regional specialists led by F.T. Kaminsky. The next stage includes 50-60-ies the last century and is associated with ac-

tive researches the monuments of Olbian districts by employees of Olbian expedition of the Institute of Archaeology of the USSR under the direction of L.M. Slavin. At this time conducted excavations in the necropolis at Didova Hata School by V.V. Lapin and V.I. Nikitin. In the 70s, 80s and 90s of XX century, in the course of intensive scheduled research monuments of Olbian rural districts by Institute expeditions of Archaeology of the Ukrainian SSR (NAS), LOIA USSR Academy of Sciences (RAS), the State Hermitage Museum of Nikolaev began an active search and research the cemeteries choirs. As a result of these works are now aware of 14 necropolis archaic -Early Classical Period and 12 cemeteries of Classic Hellenistic period. In rural cemeteries were studied more than 500 burials. These works are allowed to specify the basic principles of territorial arrangement of rural cemeteries, their structural features, highlight the character traits that reflect the worldview and the internal organization of the Greek population of the Lower Bug River in the Archaic, Classical and Hellenistic era.

Keywords: necropolis, Olbia, choir, Lower Bug River.

Одержано 8.10.2014

УДК 902-028.42 (091) (477.73) «1930»

О.В. Каряка

ДО ІСТОРІЇ ОРГАНІЗАЦІЇ РОБІТ ОЛЬВІЙСЬКОЇ АРХЕОЛОГІЧНОЇ ЕКСПЕДИЦІЇ у 1930 р.

Публікація протоколів засідань Наукової ради Ольвійської археологічної експедиції 1930 р. Дані протоколи мають велике значення для історії дослідження античного міста Ольвія Понтійська та є унікальним джерелом про ранні етапи формування радянської школи антикознавства на Україні.

Ключові слова: антична археологія, історія дослідження, Ольвійська експедиція, Наукова рада, протоколи засідань.

Ольвія Понтійська цілком правомірно може вважатись перлиною давньогрецької культури Півдня України. Вона привертає увагу дослідників та цінителів старовини ще з кінця XVIII ст. – часу приєднання цієї території до складу Російської імперії. Історія вивчення цієї пам'ятки складна та тривала. Зараз вже минуло більш ніж сто років з початку її регулярних археологічних досліджень. В XX ст. розкопки на території городища та некрополя Ольвії припинялись лише на порівняно невеликі проміжки.

Тривалий період дослідження Ольвії дозволив досягти значних результатів [Крыжицкий, Русяева…, 1999]. До тонкощів відпрацьована методика та принципи організації роботи. Всі, хто відвідував розкопки в Ольвії в останні десятиліття спостерігали чіткий механізм роботи експедиції, злагодженість роботи окремих ділянок та взаємодопомогу, що забезпечуються в першу чергу співробітниками експедиції. Здебільшого це відбувалось завдяки волі і харизмі начальника Ольвійської експедиції Валентини Володимирівни Крапівіної. Всім, хто працював під її керівництвом, добре відомі її вдумливе відношення до всіх дрібниць, що були необхідні в організації роботи і при цьому строгість та принциповість у дотриманні правил методики польових археологічних досліджень.

© О.В. КАРЯКА, 2015

Однак, нинішня чітка постановка організації роботи Ольвійської експедиції має певну традицію. Очевидно, що вона розвивалась одночасно з розвитком та вдосконаленням методики розкопок та загалом археологічної науки.

Нинішня структура організації роботи Ольвійської експедиції складалась в 50-60-і роки XX ст. під керівництвом Л.М. Славіна, який очолив експедицію в 1936 р. [Экспедиционная деятельность…, 1996, с. 10] та мав великий досвід викладача [Л.М. Славин. Хроника…, 1996, с. 9]. Саме під час його керівництва характерною рисою розкопок Ольвії стало масове залучення студентів-практикантів історичних факультетів різноманітних вузів [Скржинская, 2001, с. 16-17].

У більш ранні роки – до того моменту як Л.М. Славін очолив експедицію - тривалий період дослідженнями Ольвії (після смерті Б.В. Фармаковського) керувала Наукова рада, яка, як правило, складалася з трьох персон [Карасев, Леви, 1976, с. 22]. В результаті робіт Наукової ради були досягнуті значні результати в розкопках античного міста Ольвії, особливо розкопи «И» та «АГД», які були опубліковані не повною мірою і ще потребують ретельного аналізу [Крыжицкий, 1985, с. 27]. Але яким чином проходила робота в експедиції того часу? Як організовувались розкопки на окремих ділянках? Які ставились

завдання і якими засобами планувалось їх вирішення? На даний момент ми майже не маємо прямих свідчень та інформації, здатних розкрити ці питання.

В Науковому архіві Інституту археології НАН України серед документів фонду ВУАК-Ольвія збереглись протоколи засідань Наукової ради Ольвійської експедиції 1930 р., які фактично є єдиним офіційним джерелом, що розкриває внутрішні механізми діяльності експедиції, організації її роботи та структури її керівництва.

Даний комплекс документів складається з 15 друкованих сторінок які вміщують 6 протоколів засідань Наукової ради Ольвійської експедиції, що охоплюють період робіт з 10 серпня по 5 вересня 1930 р. Доля документів Ольвійської експедиції досить складна. Загалом збереглося не багато документів. Значна частина знищена в 30-і роки або під час Другої Світової війни чи їх доля не відома. Так, частина наукової документації зникла під час арештів. В 20-і роки не рідкими були усілякі кримінальні розслідування в обласних музеях. Серйозний тиск був на Одеський музей. Заарештований був і директор Миколаївського музею, під час арешту якого зникла й частина наукової документації і, зокрема, щоденники досліджень в Ольвії, що є одним з найважливіших джерел інформації про розкопки (в протоколах це згадується в № 3 (с. 41)). Все це підкреслює цінність та унікальність даних матеріалів.

В пропонованому документі трапляється багато очевидних помилок, що, скоріш за все пов'язано з якістю роботи друкаря. Досить часто трапляються помилки у прізвищах дослідників. Так, наприклад, технічний секретар, який не змінювався протягом роботи всієї експедиції цього сезону, Т.М. Девель в протоколі № 1 надруковано як Лебедь (с. 36), а Олена Іванівна Леві, в майбутньому видатний дослідник Ольвії, згадується як Левин (Протокол № 1, с. 38). Часті помилки в ініціалах співробітників. Наводимо текст протоколів без змін та редагування, саме в тому вигляді як вони були надруковані більш ніж 80 років тому.

ПРОТОКОЛ № 1.

ЗАСІДАННЯ ЧЛЕНІВ НАУКОВОЇ РАДИ ОЛЬБІЙСЬКОЇ АРХЕОЛОГІЧНОЇ ЕКСПЕДИЦІЇ 10 Серпня 1930р.

Головує завідувач експедиції Ю.П. КРИСІН в присутністі членів Л.М. СКОБЦЯ й І.І. МЕЩАНІНОВА, техсекретаря Т.М. ЛЕБЕДЬ.

ПОРЯДОК ДЕННИЙ.

1. Інформація тов. Крисіна про особистий склад експедиції.
2. Плян роботи експедиції.
3. Розподіл праці наукових робітників.
4. Розподіл робочого дня.
5. Поточні справи.

1. Ю.П. КРИСІН інформує про зміни в особистому складі експедиції. Не можуть приїхати фотограф А. ШТУРМ, наукові співробітники – т.т. КОЗУБОВСЬКИЙ і ТЕОХАРИДІ.

УХВАЛИЛИ: Покласти виконання обов'язків фотографа на Д. ЛЕОНОВА. Визнати за бажану – присутність на розкопках ляборанта Мик. Іст. Арх. Музею тов. Веселі – коли буде потреба в процесі роботи, почистити речі, нахідка на місці.

Просити Бердичівський Музей відрядити т. Молчанівського на розкопки, не зароховуючи час робіт за термін профспілкової відпустки, а Бердичевську Наросвіту – підтримати це клопотання.

Зарахувати практикантами тов. НОЗДРАЧЕВА, тов. ОЛЕКСІЄВА, як кваліфікованих робітників, покласти на них виконання повних практиканських завдань.

Прийняти студента ЧОРНОГО як практиканта в склад експедиції. Друге практиканське місце визнати за вакантне, дозволити скористатися з коштів – на доплату деяким співробітникам.

На пропозицію директора Мик. музея Л.М. СКОБЦЯ ухвалили дозволити науковому співробітникові Мик. музея т. ЛАГУТІ брати участь у роботах експедиції і не включаючи його в штат. Вишукати кошти на виплату добових А.С. ЮНОВИЧУ на загальних підставах нарівні з іншими науковими співробітниками як і компенсації за навантаження т. Леонову.

Практикантки ШІЛІНА й АВРАМЕНКО одержують добові без виплати проїздних, а приміщенням забезпечують наколи це можливо.

§ 2. Доклад Ю.П. КРИСІНА про плян робот експедиції поточної компанії мета робіт експедиції поточного року – продовжувати виявляти архаїчне місто. Для цього передбачається дослідити 2 дільниці – першу на захід од Зевсової могили, продовжуючи торішні роботи в східньому напрямку, і другу – од полігональної кладки на зустріч до першої дільниці.

Поруч з цим на території маяка передбачається закінчити розвідку, що мала за мету виявити наявність тут на півночі мурів міста. Поруч з цим дослідити виявлений тут будівельний промплян.

На некрополі плян передбачає перевірити певну дільницю, що її виберуть згодом за методою судильного квадрата. Роботу на некрополі зазначити наприкінці експедиційної кампанії закінчивши всі роботи в місті.

Єдина мета, єдиність пляна вимагає й суворого здійснення єдиного метода розкопів – отже тому бажано всім керуватися інструкцією виробленою на досвіді робіт. На дільниці «И» розглянувши заздалегідь цю інструкцію в науковій раді й ознайомити з нею всіх співробітників на загальних зборах. Крім основних робіт – по території Ольбії – бажано надалі, щоби велись під керівництвом Ольбійської експедиції. Роботи розвідкового характера від Ольбії – напрямкі на Очаків, щоби встановити і дослідити економічний і культурний звязок охопив з місцевим населенням.

Поруч з роботами науково-дослідницького характера – плян передбачає розвинути силами експедиції, громадсько політичну роботу, беручи за основу зв'язок з селом, участь у політичних кампаніях організацію Червоного кутка, покращення труддисципліни, соцзмаганням, здоровою самокритікою, організацію стінгазети тощо.

УХВАЛИЛИ: Плян робіт експедиції затвердити без змін. Інструкцію переведення розкопок, перевірити на досвіді поточного року – видати найближчого часу від імени наукової Ради Ольбійської експедиції.

По лінії громадсько-політичної роботи – запропонувати загальним зборам вибрати трійку, щоби виробити плян робіт і взагалі керувати роботою. Виставити кандидатури в склад трійки – Л.М. СКОБЦЯ, П. ШУЛЬЦА і П. КОЛОБОВОЇ.

§ 3. Розподіл наукових робітників на роботу.

УХВАЛИЛИ: Настановити на завідувачів дільницями – М.Ф. БОЛТЕНКА, Ю.П. КРИСІНА, І.І. МЕЩАНІНОВА.

На завідувача адміністрат.господарчою частиною – Л.М. СКОБЦЯ. Розподіл наукових сил на дільницях Ю.П. КРИСІНА і І.І. Мещанінова зробити умовно з наступним перегрупуванням сил після приїзда М.Ф. БОЛТЕНКА, коли спеціяльно розглядатимуть питання

ПРО ДІЛЬНИЦІ М.Ф. БОЛТЕНКО.

Дільниця «И» поділяється на три квадрати /Зав.дільн. І.І. Мещанінов/

1/ Завідувач роботами розкопки першого квадрата – Л.М. СЛАВІН

Пом.Зав.квадрата - С.І. ЛЕВІН

Практікант - Т. АВРАМЕНКО

Прикріплено до робіт на квадрати - Л.М. СКОБЕЦЬ

2/ Зав.квадратом - А.С. ЮНОВИЧ

Пом.Зав.квадратом - Н.А. КОРДИШ

Прикреплено для робіт на квадрати - Г.М. МОЛЧАНІВСЬКИЙ

3/ Зав.квадратом Л.Д. ДМИТРІВ

Пом. Зав. квадратом Т.І. МІЛОВА

Практикантка М.А. ТИХОМИРОВА

Прикреплено до робіт на квадрат ЛЕВИЦЬКОГО

На дільниці журнал знахідок веде В.А. ГОЛОВКІНА

Дільниця Ю.П. Крисіна поділяється на 2 квадрати:

1/ Завідувач першим квадратом Т.І. ФАРМАКОВСЬКА

Пом.Зав.квадратом Г.П. ЦВЕТАЕВ

Практикант Л. ШІЛІНА

Прикреплено до квадрата К.М. КОЛОБОВА

2/ Зав.другим квадратом П.Н. ШУЛЬЦ

Практиканти С.Е. КАПОШИНА

СКАЛОН

Прикреплено до квадрата П.В. ХАРЛАМПОВИЧ

На дільниці щоденник проведених знахідок веде А.И. МАНЦЕВИЧ. До приїзда т. МАНЦЕВИЧА вести щоденник знахідок на цій дільниці доручається завідувачеві квадратом.

Інвентарізацію знахідок доручається т.т. Т.М. ДЕВЕЛЬ і Н.Т. КРИСІНІЙ. Решта потрібного персонала кооптується з молодших наукових робітників і практикантів по черзі.

Розподілити обов'язки між членами наукової Ради так – голова КРИСІН, Заступник голови – М.Ф. БОЛТЕНКО, учений секретар Л.М. СКОБЕЦЬ; Наук.техн.секретар Т.М. ДЕВЕЛЬ.

§ 4. Розподіл робочого дня:

УХВАЛИЛИ: Затвердити такий розподіл робочого дня.

О 6 год. сніданок

О 7 – до 12 год. робочий час

З 12 до 3 перерва з 1/2 на 2-й обід;

З 3 – 6 робочий час

§ 5. Видання звідомлень експедиції: т. Ю.П. КРИСІН повідомляє що невиданними досі залишаються звіт за 1927-1929 р.р. Звідомлення за 1927 р. закінчить С.С. ДЛОЖЕВСЬКОЙ майбутнім часом звідомлення за 1928-1929 р.р. а також поточного року доведеться складати колективними зусиллями – завідувачам дільницями з точною фіксацією термінів.

Запропонований порядок ухвалюється.

ГОЛОВА НАУКОВОЇ РАДИ /КРИСІН/
ЧЛЕНИ /МЕЩАНІНОВ/
/СКОБЕЦЬ/
Нач.канц.експедиції /ДЕВЕЛЬ/

ПРОТОКОЛ № 2

Засідання Наукової Ради Ольбійської Археологічної експедиції

13/VIII-1930 року.

Головує керівник експедиції Ю.П. КРИСІН.

Секретарем Т.М. ДЕВЕЛЬ.

Присутні члени МЕЩАНІНОВ, СКОБЕЦЬ.

- ПОРЯДОК ДЕННИЙ. -

1/ Утворення нової дільниці.

2/ Розподіл наукової й робочої сили.

3/ Про дозвіл харчуватися в столовці експедиції членам родини наукових робітників.

4/ Біжучі справи.

СЛУХАЛИ: 1. т. КРИСІН пропонує створити третю дільницю розкопів, щоби виявити звязок горішньої частини міста з нижньою, цю дільницю слід утворити на теріторії нижнього міста на північ від уже розкопаної частини нижнього міста на схід од дільниці «И». Слід почати поділ дільниці на квадрати і цієї кампанії розпочати хоча б один квадрат. Цю дільницю пропонує назвати т. КРИСІН дільницею Наукової Ради тому що керування роботами на ній довадитиметься членами Наукової Ради спільно.

УХВАЛИЛИ: 1. Пропозиція тов. КРИСІНА ухвалюється без змін.

СЛУХАЛИ: 2. Розподіл наукової робочої сили.

УХВАЛИЛИ: 2. Ухвалено нову дільницю «НР» забезпечити слідуючими науковими силами:

С.І. ЛЕВІ, знявши з дільниці «И» доручити завідування квадратом на дільниці «Н.Р.» Сюди ж перевести Н.Л. КОРДІШ і прикріпити Г.П. ЦВІТАЄВА. О. АЛЕКСІЄВА, як практіканта прикріпити до квадрата А.С. ЮНОВИЧА. Збільшення науковими силами квадрата А.С. ЮНОВИЧА доручити перевести Зав.дільнецею І.І. МЕЩАНІНОВУ перегрупувавши сили по дільниці «И» зокрема на квадрат Л.Д. ДМІТРОВА. Забезпечити новий квадрат 5 робітниками з наявного щоденного склада.

СЛУХАЛИ: 3. Про дозвіл харчуватися в столовці експедиції членам родини наукових робітників.

КРИСІН інформує що де які наукові робітники по родинним обставинам не змогли залишити сім'ю вдома і прохають наукову раду дозволити за власний рахунок харчуватися в столовці експедиції, тому що на селі майже неможливо дістати харчів.

УХВАЛИЛИ: Дозволити харчуватися за власні кошти членам родини наукових робітників, маючи на увазі що продуктів вистачить, а цим самим зменшиться вартість добового харчування. Запропонувати Завхозу вести табіль.

БІЖУЧІ СПРАВИ: - не було.

ГОЛОВА НАУКОВОЇ РАДИ /Г.П. КРИСІН/

ЧЛЕНИ: /МЕЩАНІНОВ/

ВЧЕНИЙ СЕКРЕТАР /СКОБЕЦЬ/

НАЧ.КАНЦ.ЕКСПЕДИЦ. /ДЕВЕЛЬ/

ПРОТОКОЛ № 3

ЗАСІДАННЯ НАУКОВОЇ РАДИ ОЛЬБІЙСЬКОЇ АРХЕОЛОГІЧНОЇ ЕКСПЕДИЦІЇ

18 серпня 1930 року.

Головує керівник експедиції Ю.П. КРИСІН.

Секретар – Т.М. ДЕВЕЛЬ.

Присутні члени – І.І. МЕЩАНІНОВ, Л.М. СКОБЕЦЬ і запрошено Т.І. ФАРМАКОВСЬКА і П.М. ШУЛЬЦ.

ПОРЯДОК ДЕННИЙ.

1. Зміна особистого складу Ольбійської Наукової Ради та звязана з цим зміна роботи на дільниці на захід від Зевсової могили.

2. Про організацію Червоного кутка.

3. Про переведення наукових лекцій для членів експедиції.

4. Про труддисципліну.

5. Про призначення тов. МОВЧАНІВСЬКОГО на завквадратом.

6. Поточні справи.

1. тов. КРИСІН повідомляє, що в одержаному лісті М.Ф. БОЛТЕНКО повідомляє що він не приїде на розкопи вважаючи на свій хворобливий стан і на потребу проробити Березанський матеріял. Разом з цим тов. БОЛТЕНКО повідомляє, що як би він і зміг приїхати, то за браком потрібних йому співробітників він не міг би провадити розкопки і прохає не розкопувати бруковки на його горішній ділянці.

Відмовлення М.Ф. БОЛТЕНКА приїхати на розкопки унеможливлює вести чергові розшуки по ділянці до заходу від Зевсової могили. На перешкоді цим розкопам ще й брак щоденників дільниць, де саме передбачається розчистка дільниці, що їх /щоденники/ мабуть взято разом з іншими паперами гр. КАМИНСЬКОГО при його арешті і що їх не можна одержати найближчого часу.

Особистий огляд Науковою Радою зроблених поточної кампанії робіт на дільниці на захід од Зевсової могили свідчить, що недоцільно продовжувати роботи на квадраті «А» вирізаючи квадрат в східньому напрямку, бо потрібується попередня дослідування дільниць, що оточують квадрат

«(?)» що його /дослідування/ не можна здійснити за браком торішніх щоденників. На дільниці М – де виявився архаїчний будинок можна провадити далі дослідження цього архітектурного комплекса прирізаючи квадрат так на схід як і на південь.

Обмінятись думками – Наукова Рада ухвалила: продовжувати виявляти комплекс архаїчного будинка на дільниці М – на схід і на півндень; на квадраті «а» тієї самої дільниці

закінчити розчищати за 2 дні, після чого всіх робітників надіслати або на дільницю НР, вважаючи на те, як розгортатимуться роботи на ціх ділянках.

§ 2. Ю.П. КРИСІН пропонує виділеній групі для керування громадсько-політичною роботою почати організовувати Червоний куток і здійснювати ухвалену програму, а саме організацію найближчого часу 1-2 лекції на селі.

Пропозиція ухвалюється.

§ 3. Ю.П. КРИСІН інформує, що за прикладом лекції І.І. МЕЩАНІНОВА про наслідки розкопів на ділянці «И» з висуненням чергових завдань на цій дільниці – найближчого дня відпочинку відбудеться лекція І.Ф. ЛЕВИЦЬКОГО про наслідки його розкопів на Коростенщині.

§ 4. Про труддисципліну.

Ю.П. КРИСІН вказує, що деякі наукові співробітники і робітники запізнюються на роботу і на необхідність збільшити труддисципліну надалі.

Л.М. СКОБЕЦЬ повідомляє, що надійшла скарга на М. КОЗАКЕВИЧ-робітника і пропонує звільнити М. КОЗАКЕВИЧА з роботи.

Пропозиція ухвалюється.

§ 5. І.І. МЕЩАНІНОВ прохає звільнити співробітника Мовчанівського від участі в інвентарізації знахідок – тому що йому на квадраті дано відповідальне завдання.

Ухвалено – звільнити тов. МОВЧАНІВСЬКОГО від участи в інвентарізації знахідок і призначити на Завквадратом.

§ 6. П.М. Шульц вказує на необхідність планомірніше розподіляти робітничу силу й наукових співробітників. тов. ШУЛЬЦ прохає залишити одну з прикріплених до нього практиканток на тов. ТИХОМИРОВУ, що би практиканти могли попрактикуватися у нього.

Ю.П. КРИСІН зазначає, що норма робітників на квадратах – є 5 осіб, наукових співробітників розподілено досить рівномірно – по 2 особи на квадрат. т. ШУЛЬЦЕВІ пропонується замінити практикантку погодившись з Т.І. Фармаковською.

ГОЛОВА НАУКОВОЇ РАДИ /КРИСІН/
ЧЛЕНИ: /МЕЩАНІНОВ/
ВЧЕН.СЕКРЕТАР /СКОБЕЦЬ/
НАЧ.КАНЦ ЕКСПЕДИЦІЇ /ДЕВЕЛЬ/

ПРОТОКОЛ № 4

Засідання наукової Ради ОЛЬБІЙСЬКОЇ експедиції 20-го Серпня 1930 року.

ПРИСУТНІ: Керівник експедиції – голова наукової ради т. Крисін.

члени: т.т. МЕЩАНІНОВ, СКОБЕЦЬ, техн.секретар ДЕВЕЛЬ Т.М.

ПОРЯДОК ДЕННИЙ.

1. Про додатковий розподіл наукової сили.
2. Про розкопи Некрополя.
3. Про платню за екскурсії та огляд заповідника.
4. Про збірку окремими особами матеріяла на території заповідника.
5. Поточні справи: а/Заява т. КАРАСЬОВА про збільшення йому платні.

б/Про виплату проїздних.

в/Про оголошення протоколів НАУКОВОЇ РАДИ

СЛУХАЛИ: Про додатковий розподіл наукової сили.

УХВАЛИЛИ: В зв'язку з тим, що на нижньому місті поширилися значно роботи і колектив НАУКОВОЇ РАДИ не має можливости надалі керувати цією ділянкою за браком часу, на завідателя нижньої ділянки «Н.Р.» призначити тов. ЛЕВИЦЬКОГО як відомого на Україні археолога, маючи на увазі його довгорічний стаж, вчені роботи і т.інш.

Кооптувати т. ЛЕВИЦЬКОГО до складу НАУКОВОЇ РАДИ як зав. окремою ділянкою, на зав. першим кв. призначити тов. ЛЕВІ, другим МАНЦЕВІЧ.

СЛУХАЛИ: Про розкопки на НЕКРОПОЛІ.

УХВАЛИЛИ: Визначити місце розкопів на некрополі з архаїчними похованнями на межі селянської землі і заповідника, попередньо пройти його щупами, потім закласти суцільний квадрат і копати шарами. Наукову силу перекинути з ділянки «И» зачистивши окремі квадрати.

СЛУХАЛИ: Про платню за екскурсії та огляд заповідника.

УХВАЛИЛИ: Встановити платню за екскурсії /з МИКОЛАЄВА до ОЛЬБІЇ 10 карб/. На місці підчас експедиції 6 карб., з яких один карбованець іде в касу заповідника як спец. кошти останні – 5 – лекторіві; індівідуальні відвідування сплачуються окремо згідно директив на це Наркомпросу: нетрудові 20 коп. члени профспілок, КНС і інши трудові 15 к. Учні, червоно-армійці, червоно-флотці, партизани 5 коп. Шкільні екскурсії НАРКОМОСУ безплатні.

СЛУХАЛИ: Про збірку окремими особами археологічного матеріяла на території заповідника.

УХВАЛИЛИ: Попередити учасників експедиції, що збирати різні речі – випадкові знахідки минулого на території заповідника забороняється.

Всі знайдені речі згидні здавати на регистратуру й надсилати до МИКОЛАЇВСЬКОГО музею.

Лише з дозволу директора музею т. Скобця для окремих музеїв можливо мати збірки дублетних речей. Настоящу постанову оголосити яко-мога ширше.

<u>ПОТОЧНІ СПРАВИ</u>:

СЛУХАЛИ: а/Заява т. КАРАСЕВА про збільшення йому платні як архітекторові.

УХВАЛИЛИ: а/Беручи на увагу, що т. КАРАСЬОВ виконує обов'язки архітектора, платню йому збільшити до 100 карб.

СЛУХАЛИ: Про виплату проїздних.

УХВАЛИЛИ: Виплачувати лише проїзний білет, інші витрати віднести за рахунок добових.

СЛУХАЛИ: в/Про оголошення протоколів НАУКОВОЇ РАДИ.

УХВАЛИЛИ: в/Копії протоколів НАУКОВОЇ РАДИ до загального відома вивішувати в ЧЕРВОНОМУ КУТКУ та їдальні.

ГОЛОВА НАУКОВОЇ РАДИ /КРИСІН/
ЧЛЕНИ /МЕЩАНІНОВ/
/ЛЕВИЦЬКИЙ/
ВЧЕНИЙ СЕКРЕТАР СКОБЕЦЬ
НАЧКАНЦ ЕКСПЕДИЦІЇ ДЕВЕЛЬ

ПРОТОКОЛ № 5

ЗАСІДАННЯ НАУКОВОЇ РАДИ ОЛЬБІЙСЬКОЇ АРХ.ЕКСПЕДИЦІЇ 27-го СЕРПНЯ 1930 року.

ПРИСУТНІ: Керівник експедиції, голова наукової ради тов. КРИСІН.

члени Ради: МІЩАНІНОВ, СКОБЕЦЬ, техн.секретарь ДЕВЕЛЬ. Запрошені члени експедиції – І.Ф. ЛЕВИЦЬКИЙ, Ф.М. МОВЧАНІВСЬКИЙ, Л.Д. ДМИТРОВ.

ПОРЯДОК ДЕННИЙ:

1.Про термін закінчення робіт експедиції.

2.Про виплату добових та проїзних.

3.Про видання інструкції про розкопки від имени НАУКОВОЇ РАДИ.

4.Про видання звітів про розкопки 1928-29р.-30р.

5.Про видання збірника ОЛЬБІЙСЬКОЇ ЕКСПЕДИЦІЇ ІМЕНИ Б.В. ФАРМАКОВСЬКОГО.

6.Про пятирічний плян ОЛЬБІЇ.

7.Поточні справи.

СЛУХАЛИ: Про термін закінчення робіт експедиції.

УХВАЛИЛИ: Розкопування на території міста закінчити 30/VIII-1930р. З 28/VIII розпочати поступове скорочення квадратів з яких вільних наукових робітників переводити на Некрополь. З І Вересня до 4 Вер. ведеться тільки зачистка квадр. і роботи не Некрополі. В цей період слід закінчити щоденники і здати тов. КРИСІНУ. Вересня 5-го день закінчення робіт експедиції.

СЛУХАЛИ: Про виплату добових і проїзних.

УХВАЛИЛИ: Добові виплати зо дня виїзду з місця служби, до дня повернення з командировки. Переїзні виплачуються за залізницю, пароплав та інші засоби пересування, інші витрати не братимуться до уваги.

СЛУХАЛИ: Про видання інструкції про розкопки від імени НАУКОВОЇ РАДИ.

УХВАЛИЛИ: Інструкцію в виправленому вигляді видати від імени НАУКОВОЇ РАДИ ОЛЬБІЙСЬКОЇ АРХЕОЛОГІЧНОЇ ЕКСПЕДИЦІЇ. Видання інструкції бере на себе МИКОЛАЇВСЬКИЙ МУЗЕЙ. Редагування інструкції та потрібні додатки до неї доручаються тов. Г.П. КРИСІНУ. Інструкцію видати не пізніше за 1/XII-1930р. за тиражем 800 примірників. Це видання вважати за попередне, беручи до уваги, що в майбутньому друге видання доповнять матеріялом з техникі розкопів доісторики, бажано було б, що би в другому виданні взяв участь В.У.А.К. Перше видання надсилається музеям безкоштовно, в всім останнім за готівку по собі вартості.

СЛУХАЛИ: Про видання звідомлень про розкопки 1928-29-30р.

УХВАЛИЛИ:Звіти видати колективом завід.ділянками. Підготовка звіту на діл „И" з 1928-30р. доручається І.І. МЕЩАНІНОВУ. На ділянці на захід від Зевсова кургана за 1928-29р. М.Ф. БОЛТЕНКОВІ, на Некрополі за 1928 до 30р. КРИСІНУ так само звіт за 30-рік на ділянці „М", на ділянці „НР" доручається т.ЛЕВИЦЬКОМУ. Поставити питання про асигнування коштів УПРНАУКИ на видання звітів. Термін здачі до друку встановити 1/IV-31р.

СЛУХАЛИ:Про видання збірника ОЛЬБІЙСЬКОЇ експедиції імени Б.В. ФАРМАКОВСЬКОГО.

УХВАЛИЛИ:В звязку з тим, що ФАРМАКОВСЬКИЙ перший почав наукове дослідження ОЛЬБІЇ, довгий час працював над ОЛЬБІЙСЬКИМ матеріялом, визнати за необхідне видати збірник його імени, поставивши питання перед УПРНАУКОЮ про асигнування відповідних коштів на видання.

СЛУХАЛИ:Про 5-річний плян робіт ОЛЬБІЇ.

УХВАЛИЛИ:Не пізніше 4-5 Вересня зібратися т.т. КРИСІНУ, МЕЩАНІНОВУ, СКОБЦУ, ФАРМАКІВСЬКІЙ, ШУЛЬЦУ, ЛЕВИЦЬКОМУ, для проробки питання про 5-ти річний плян робот в ОЛЬБІЇ. Кожному заздалегідь перспективно накреслити основні пункти для обговорення.

ПОТОЧНІ СПРАВИ:-Не було.

ГОЛОВА НАУКОВОЇ РАДИ /КРИСІН/
ЧЛЕНИ /МЕЩАНІНОВ/
/ЛЕВИЦЬКИЙ/
ВЧЕНИЙ СЕКРЕТАР /СКОБЕЦЬ/

ПРОТОКОЛ №... (6 ?)

ЗАСІДАННЯ НАУКОВОЇ РАДИ „ОЛЬБІЙСЬКОЇ АРХЕОЛОГІЧНОЇ ЕКСПЕДИЦІЇ"

Од 5/IX-1930р.

ПРИСУТНІ:Голова наукової ради – керівник експедиції тов.КРИСІН, вчений секретар експедиції СКОБЕЦЬ Л.М. та члени МЕЩАНІНОВ, ЛЕВИЦЬКИЙ Ю.Ф. Секретар ДЕВЕЛЬ.

ПОРЯДОК ДЕННИЙ.

1.Відчит про розкопк Некрополя /КРИСІН/

2.Відчит адмін.господарч. частини / СКОБЕЦЬ/

3.Відчит культ-комісії /СКОБЕЦЬ/

4.Про 5-річний плян заповідника / СКОБЕЦЬ/

5.Підсумки наукової роботи експедиції / КРИСІН/

6.Консервація розкопок.

7.Біжучи справи: а/Про місце перебування щоденників.

б/Про приведення до порядку негативів.

в/Прохання МОВЧАНІВСЬКОГО про відстрочку надавати щоденників.

г/Заяви КІРЕЕВА, ШУЛЬЦА.

д/Про загальне підсумкове зібрання експедиції.

СЛУХАЛИ:Відчит про розкопку Некрополя. – Інформацію робить КРИСІН, який повідомляє, що розкопки в 1930 році велися на тій ділянці, що знаходиться на південь від ділянки розкопок 1913р. Для спроби цього року ще раз був перевірений метод щупів, шляхом закладки квадрата 7 1/2 х 7 1/2 м. на тому місці де проходили щупами аби виявити, чи дійсно щупи не припустили якої могили, а також вірность опридiлення могил щупом. Врешті решт щуп себе виправдив. Цей квадрат дав 3 склепа і 2 ями. Виявилося що всі склепи граблені в давні часи. На цій ділянці було розкопано ще де кілька могил, але там всі вони були пограбовані і лише одне дитяче поховання /підбійне/ в дромосі склепа виявилося неграбованим.

За браком часу залишився також недосліджений один склеп. Для проби на ділянці 1911 року було дослідженне одне поховання, що не виявилося пограбованим але все ж таки дало цілу низку цінних речей, серед яких був і золотий перстень з різним камінцем. В майбутньому бажано дослідити цю ділянку. Це поховання необхідно було дослідити тому що воно було близько до села і відомо місцевим скарбо-шукачам, які не раз намагалися його порграбувати.

УХВАЛИЛИ:Визнати роботу на Некрополі виконанною згідно пляну. В майбутньому вважати за необхідне розкопки на Некрополі вести одноразово з останніми розкопами й мати на увазі продовжувати дослідження початої ділянки 1930 року, а також перевірити ділянку 1911 року в звязку з тим, що на цій ділянці виявлено декілька поховань цікавих в науковому розрізі.

СЛУХАЛИ:Відчит адміністративно-господарчої частини: Доповідь робить т.СКОБЕЦЬ, якій відмічає, що загальна сума асігнована в експедицію 3800 кб до цієї суми представники Ленінграду в А.І.М.К. додали ще 500 крб. Таким чином експедиція мала в своєму розпорядженні 4.300 карб. 50% цієї суми було витрачено на робітників – на земляні роботи, - решта пішла на оплату всього персонала.

До самого приїзду експедиції вченим охоронцем ОЛЬБІЇ був КУЗНЕЦОВ, який зовсім не цікавився справами заповідника і підготовчої роботи не провів, але назважаючи на це, все ж таки вдалося з великими труднощами наладити роботу так по самому господарству заповідника, як і по забезпеченню експедиції харчуванням.

Були деякі непорозуміння, але безпідставного характеру. В решті решт добове довольство коштувало 1 карб. 60 коп.

Харчуванням в більшости були всі задоволені.

З промов МЕЩАНІНОВА та ЛЕВИЦЬКОГО виявилось, що адміністративно-господарча частина була на своєму місці, що постановка роботи була цілком задовільна і що харчуванням майже всі задоволені, тому, що в наших умовинах кращого дістати не можливо.

Тов.КРИСІН вніс пропозицію винести адміністративно-господарчої частині подяку за активну роботу в цьому напрямку.

УХВАЛИЛИ: За активну роботу по адміністративній та господарчій частині винести завід.адмін.господ.част. експедиції т. СКОБЦУ Л.М. подяку, бо лише так відношення навить в такій час допомогло експедиції працівати досить нормально, і сприяти в виконанні покладених на експедицію завдань.

Доручити т.СКОБЦУ решту продуктів ліквідувати на загальних підставах.

СЛУХАЛИ:Відчит культ-комісії, доповідач СКОБЕЦЬ зазначає, що недолікою в роботі культкомісії було те, що не була своєчасно переведена робота попереднього зміста, а культроботу прийшлося налагоджувати лише тоді, коли вже з'їхалася експедиція. На загальному зібранні експедиції була виділена культкамісія, яка розподілила по між себе обов'язки, були виділені редколегія в складі тов. СКОБЦЯ, КИРЕЕВА, КАПОШИНОЇ, та КАРАСЕВА, й культкомісія: КОЛОБОВА, ШУЛЬЦ,

КАРАСЕВ. За весь час було випущено 2 номера стінгазети, останній номер був присвячений селу, „Будинку колективиста". Був утворений „ЧЕРВОНИЙ КУТОК", що обслуговував робітників, були заведені чергові, що вели роз'ясовчу роботу на різні теми. За час роботи експедиції було переведено 3 лекції, одна об історії ОЛЬБІЇ, дві на антирелігійну тему на степу серед робітників СОЗ'у. Також експедицією була зроблена екскурсія в „СОЗ" для ознайомлення з роботою, що було можливо, культ-комісія проробила. Передбачалося зробити більше, але не встигли через перевантаженість іншою роботою, хоч де яка доля вини падає і на членів культ-ком. ШУЛЬЦА і КАРАСЕВА через їхню пасивність.

На майбутне передбачається організувати при Червоному кутку бібліотеку популярного характеру.

УХВАЛИЛИ: Визнати, що не зважаючи на де які дефекти в роботі, все ж таки в ОЛЬБІЇ покладена основа культ-роботи. База для розвинення її цілком мається, а тому в майбутньому, ураховуючи всі недоліки, треба побудувати її так, що б експедиція дійсно допомогала „Будинку колективіста" в переведенні цілої низки культурних міроприємств.

4.СЛУХАЛИ:Про 5-ти річний плян заповідника.

Л.М. СКОБЕЦЬ пропонує висунути основні тези, які потім проробити щоб включити в 5-ти річний плян заповідника таму що зараз детальне проробляти плян нема ніякої можливости.

І.І. МЕЩАНІНОВ пропонує включити до пляну такі основні проблеми наукової роботи в ОЛЬБІЇ на найближче п'ятиріччя.

1/Дослідження міста пробелма архаїчного міста/ділянка коло

Зевсова кургана та ділянка Н.Р./.

2/Проблема елінистичного міста - /Ділянка „И"/

3/Проблема взаємовідношення ОЛЬБІЇ як колонії, як торговельного пункту з місцевим насленням - /Обстеження Буга та Дніпра з можливою ув'язкою з Бузською та Березанською експедиціями/.

4/Скифська проблема в звязку з ОЛЬБІЄЮ.

II.Некрополь:-Дослідження Некрополю з точки зору виявлення пануючих в ОЛЬБІЇ соціяльних групіровок, міського та місцевого культа і т.інш.

І.Ф. ЛЕВИЦЬКИЙ пропонує включити в плян админ.коспод.придбання розкопочного інструментарія, при чому мати на увазі інстр. удосконаленого типа, та збудування постійної ляборатории для препарування знахідок.

Г.П. КРИСІН пропонує включити в плян організацію з екскурсійної бази, зразкового музея, бібліотеки з матеріялами по ОЛЬБІЇ та відчитами Г.А.І.М.К.

Надалі перевадити дослідження за новими науковими методами і перевадити його так щоб розкопки ОЛЬБІЇ з'являлись би шкодою підготовки кадрів для У.С.Р.Р.

тов.ДЕВЕЛЬ пропонує доповнити бібліотеку альбомами з фото з розкопок ОЛЬБІЇ.

4.УХВАЛИЛИ: Визнати всі висунуті пропозиції своєчасними та доручити т.СКОБЦЮ та Г.П.КРИСІНУ детально проробити 5 річний плян включивши вищезазначені питання до пляну.

5.СЛУХАЛИ: Підсумки наукової роботи експедиції: інформує тов. КРИСІН, якій зазначає що за весь час експедиції було прочитано слідуючи лекції:

т. ЛЕВИЦЬКОГО – 1.Про розкопки на Коростенщині.

т.МЕЩАНІНОВА – 2.Про роботи на дільниці „И" методологічні питання по техниці розкопок.

т.ШУЛЬЦА – 3.Про розкопки на діл. „М".

т.ХАРЛАМПОВИЧА – 4.Про дослідження Бузької експедиції 1930 р.

т.ЦВІТАЄВ – 5.Про клейменний матеріял з розкопок ОЛЬБІЇ 1930 р.

Крім цього інформац.доповідь завід.квадр. про роботи на квадратах.

Також була переведена екскурсія з робочими.

5.УХВАЛИЛИ: Прийняти до відому.

6.СЛУХАЛИ: Про консервацію розкопок.

Т.КРИСІН зазначає що з доповідної записки архітектора КАРАСЕВА консервація повинна бути переведена по трем галузям:

1.Утворення не глибоких канав для стока води.

2.Будування котрофорсів для підтримки кладок.

3.Охорона печи:збудування будки або засипка на діл."И"

6.УХВАЛИЛИ: Доповідну записку КАРАСЕВА затвердити дорічити вченому охоронцю ОЛЬБІЇ перевести в життя.

7.<u>БІЖУЧІ СПРАВИ</u>.

а/СЛУХАЛИ:Про місце перебування щоденників.

УХВАЛИЛИ: Всі щоденники повинні знаходиться в мик.іст.Арх.музеєві.

Прохати тов. СКОБЦЯ зняти копії з них.

СЛУХАЛИ: Про приведення до порядку негативів.

УХВАЛИЛИ: Доручити цю роботу ДЕВЕЛЬ та ЛЕОНОВУ.

СЛУХАЛИ: Прохання МОВЧАНІВСЬКОГО про відстрочку надсилки щоденників.

УХВАЛИЛИ: Дозволити, але лише до 1-го жовтня.

СЛУХАЛИ: Заяву КІРЕЕВА про дозвіл зробити відбитки з краєвідів ОЛЬБІЇ для видання альбома.

УХВАЛИЛИ: Дозволити, але під керуванням директора Мик.іст.Музея СКОБЦЯ та право цензури видання залишається за науковою радою.

СЛУХАЛИ: Заяву ШУЛЬЦА, який прохає дати рекомендацію практіканткам.

УХВАЛИЛИ: Доручити Керівнику експедиції Г.П. КРИСІНУ.

СЛУХАЛИ: Про загальне підсумкове зібрання експедиції.

УХВАЛИЛИ: Загальне зібрання експедиції для підсумків з всієї роботи зібрати на 5/ IX-1930 року на 9 часов вечора.

ГОЛОВА НАУКОВОЇ РАДИ /КРИСІН/
ЧЛЕНИ: /МЕЩАНІНОВ/
/ЛЕВИЦЬКИЙ/
ВЧЕНИЙ СЕКРЕТАР: /СКОБЕЦЬ/
НАЧ.КАНЦ ЕКСПЕДИЦІЇ: /ДЕВЕЛЬ/

Наведені нами протоколи засідань Наукової ради Ольвійської експедиції є важливим і унікальним джерелом про організацію наукових досліджень давньогрецького міста Півдня України. Ці документи свідчать про внутрішню взаємодію окремих частин експедиції і процес формування тоді ще молодої радянської науки, залучення до цього багатьох фахівців-археологів тодішніх Росії та України. У період створення цих протоколів було закладено або продовжувалось дослідження одних з найбільших та найінформативніших розкопів «И» та «АГД». Головним чином було продовжено закладену ще Б.В. Фармаковським методу дослідження пам'ятки великими площинами. Також було здійснено спробу вийти за рамки традиційних меж та закладено нові розкопки в північній частині Нижнього міста – розкопи «НР». Завдяки розмаху та масштабам досліджень Ольвійська експедиція довоєнних років стала школою формування багатьох відомих в майбутньому археологів і не лише антикознавців. Вже тоді чітко простежується участь в науковому дослідженні Л.М. Славіна, О.М. Карасьоввa та О.І. Леві, які в майбутньому стали одними з найвидатніших дослідників Ольвії а вивчення цієї пам'ятки стало справою майже всього їхнього життя. Однак, збережені протоколи Наукової ради Ольвійської експедиції свідчать про значну обтяженість наукової роботи громадсько-політичним життям, що мало специфічний вплив на внутрішній мікроклімат експедиції. Це, на нашу думку, суттєво заважало формуванню певного кола однодумців саме серед українських дослідників, наукові інтереси яких були б пов'язані з дослідженням античних пам'яток. В наведеному документі добре відчутний дух часу та наповненість ентузіазмом і захопленість спільною працею.

Крыжицкий С.Д. Ольвия. Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. – К., 1985. – 192 с.

Крыжицкий С.Д., Русяева А.С., Крапивина В.В., Лейпунская Н.А., Скржинская М.В., Анохин В.А. Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. – К., 1999 г. – 478 с.

Л.М. Славин. Хроника жизни (1906-1971) // Мир Ольвии. Памятник исследователю и исследование памятника. К 90-летию профессора Л.М. Славина. – К., 1996. – С. 9-10.

Скржинская М.В. Студенты на практике в заповеднике «Ольвия»//Ольвія та античний світ. Матеріали наукових читань, присвячених 75-річчю утворення історико-археологічного заповідника «Ольвія» НАН України. 19-22 листопада 2001 р. – К., 2001 р. – С. 16-17.

Экспедиционная деятельность Л.М. Славина // Мир Ольвии. Памятник исследователю и исследование памятника. К 90-летию профессора Л.М. Славина. – К., 1996. – С. 10-11.

А.В. Каряка

К ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТ ОЛЬВИЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ в 1930 г.

Публикуются протоколы заседаний Научного совета Ольвийской археологической экспедиции 1930 г. Данные протоколы имеют большое значение для истории исследования античного города Ольвия Понтийская и являются уникальным источником о ранних этапах формирования советской школы антиковедения на Украине.

Ключевые слова: Ольвийская экспедиция, протоколы, научный архив, Ольвия, школа антиковедения.

A.V. Karjaka

TO THE HISTORY OF THE ORGANIZATION OF WORK OF THE OLBIAN EXPEDITION in 1930

This article is devoted to the publication of meeting transactions of Scientific council of Olbian archaeological expedition in 1930. These transactions have a great importance for the history of the investigations of Olbia Pontica. They are unique sources for the early stages of forming of the soviet school of classical archaeology in Ukraine.

Keywords: Olbian expedition, meeting transactions, Olbia, scool of classical archaeology

Одержано 2.10.2010

[069:904.4] (477.73) «652»

М.А. Хомчик, М.В Качура

ЛАПІДАРІЙ У НАЦІОНАЛЬНОМУ ІСТОРИКО-АРХЕОЛОГІЧНОМУ ЗАПОВІДНИКУ «ОЛЬВІЯ» НАН УКРАЇНИ

Публікація присвячена сучасним проблемам організації, побудови та систематизації лапідарія в Національному історико-археологічному заповіднику «Ольвія» НАН України.

Ключові слова: Національний заповідник, Ольвія, лапідарій, вироби з каменю, атрибуція, надгробні пам'ятники, архітектурні деталі, гончарні круги, античний спортивний диск.

В 60-х роках XXст. в заповіднику «Ольвія» (с. Парутино Очаківського р-ну Миколаївської обл.) на відкритому майданчику біля музею була збудована експозиція виробів з каменю різного призначення, які були знайдені під час розкопок Ольвії. Для її створення було залучено різноманітні знахідки з розкопок під керівництвом Б.В. Фармаковського (на початку XX ст.), Л.М. Славіна (1936-1940рр.). З 1945р. колекція постійно поповнюється завдяки щорічним розкопкам Ольвійської археологічної експедиції інституту археології. Зібрання предметів з каменю складає частину сучасної музейної експозиції Національного історико-археологічного заповідника «Ольвія» НАН України [Крыжицкий, Лейпунская, 1982, с. 105], а майданчик, на якому були виставлені ці предмети, одержав назву "лапідарій.

Нині колекція лапідарія налічує більше 1000 од. зберігання і складається з численних знахідок: надгробні стели, постаменти з присвятними написами, декрети, які є водночас ще й епіграфічними пам'ятками; вироби, які використовувалися в щоденних господарських заняттях; різноманітні архітектурні деталі культових та громадських споруд та інші предмети. Лапідарна колекція має велике науково-пізнавальне значення. Її цінність – це одне із найповніших і найбільш різносторонніх джерел, які висвітлюють питання історії розвитку міста, походження та рівня розвитку місцевих ремесел і мистецтва. До матеріалів колекції звертаються як вітчизняні, так і зарубіжні вчені. Останнім часом, інтерес до вивчення лапідарних колекцій античних пам'яток регіону значно зріс, а одна з найбільших, яка зберігається в Керченському історико-культурному заповіднику, стала навіть об'єктом спеціального дисертаційного дослідження. Методичні засади вивчення лапідарної колекції Європейського Боспору є доволі корисними [Кучеревська, 2010] і можуть бути застосовані і при дослідницькому опрацюванні відповідних ольвійських матеріалів. Наразі дана публікація перша систематизація колекції, здійснена авторами, дає змогу зрозуміти, що інформаційний потенціал ольвійського лапідарія значний, а його наукове вивчення становить неабиякий інтерес.

Умови зберігання лапідарної колекції упродовж багатьох десятиліть були не задовільними. Колекція довгий час була розміщена в різних місцях заповідника, в непридатних для зберігання приміщеннях і просто неба. У зв'язку з відсутністю постійного фондосховища, надійної охорони і непристосованих приміщень, в яких тимчасово знаходилися пам'ятки, лапідарній колекції загрожувало розграбування і фізичне знищення. Відсут-

© М.А. ХОМЧИК, М.В КАЧУРА, 2015

ність належного режиму температурної вологості, забрудненість приміщень, комахи і пліснява, часті переміщення, а також слабка система безпеки, згубно позначилися на стані збереження і стали причинами псування та руйнування об'єктів лапідарія.

У 2007 р. за розпорядженням начальника Ольвійської експедиції ІА НАН України кандидата історичних наук В.В. Крапівіної для музею – лапідарія, заповіднику надано постійне закрите приміщення. Побудова експозиції цього музею була доручена авторам статті. Сьогодні лапідарій має закрите приміщення і три відкриті майданчики (рис.1-4). В закритому приміщенні побудовано експозицію, яка налічує 260 од. зберігання з різноманітних порід каменю (вапняка, пісковика, мармуру та інш.) (рис.5)[1].

Експозиція поділяється по таким розділам:

Розділ І. Архітектурні деталі споруд громадського призначення,

Розділ ІІ. Архітектурні деталі культових споруд.

Розділ ІІІ. Культура, мистецтво, побут.

Розділ IV. Вироби господарчого призначення.

Розділ V. Вироби пов'язані з морською справою.

Розділ VI. Вироби з Ольвійського некрополя.

Значна кількість експонатів було атрибутовано. Перш за все, привертає увагу серія постаментів для бронзових статуй з присвятами знатних ольвійських громадян Зевсу Елевтерію та Зевсу Олімпійському. Ці пам'ятки лапідарної епіграфіки значно розширили уявлення про полісний устрій та пантеон богів за елліністичної доби в Ольвіі [Русяева, Крапівіна, 1992, с.58 сл.]

Серед численних архітектурних експонатів слід відзначити імпортовану монолітну мармурову колону, яка мала вотивні функції та, найімовірніше, була встановлена на одному з теменосів у центрі міста або на агорі [Буйських, 1992,с. 143, рис.1-2].

Переважна ж більшість архітектурних деталей місцевого походження. Серед них є унікальні, причому не лише для Ольвії, а й для всього північно причорноморського регіону, оскільки саме з них розпочинається місцеве виробництво архітектурного декору для найдавніших культових споруд Ольвії – вівтарів та храмів.

Це, перш за все, фронтальний акротерій від храму Аполлона Лікаря на Західному теменосі, деталі від його перекриття – карнизів та водогонів, а також дві бази колон [Крыжицкий, 2006, с.43 сл., рис.31-36; Буйских, 2006,с. 95 сл., рис. 90-95]. В цьому розділу експонуються фрагменти карнизів із дентикулами та тригліфно-метопними фризами від невеликої споруди, яка, ймовірно, знаходилася на Східному теменосі [Крыжицкий, Буйских, 1990,с. 25сл., рис. 1-2]

В розділі «Вироби з Ольвійського некрополя» експонуються вироби пов'язані з ритуальним обрядом. Це-різноманітні вівтарі з чашоподібними заглибленнями, ніжки від жертовних столиків, різні надгробки, серед яких є з написами латиною, що ставилися над могилами військовослужбовців римського міського гарнізону. Впродовж останніх років значно поповнилася колекція надгробків, які відносяться до римського часу [Папанова, 2006, рис. 56.64].

В музеї експонуються вироби господарчого призначення, які характеризують різні сторони ольвійського господарства. Тут є ручний гончарний круг (реконструкція), диски ножних гончарних кругів, тарапани, переносні давильні, фрагмент преса, зернотерки, розтиральники, плити для розтирання, ручні млини, ступи, кришки від цистерн та багато інших виробів .

Вироби, які пов'язані з морською справою. Це кнехти, фрагменти якорів для кораблів, якоря для човнів.

В ході роботи із залученням відповідних аналогій вдалося надати нову атрибуцію деяким експонатам, які повною мірою слід вважати рідкісними. Це, наприклад, диск від ручного гончарного кола (№174) та два диски-маховики від ножних гончарних кругів №№173, 175, (рис. 6), які раніше помилково вважалися жорнами. Було визначено конструкцію ручного гончарного круга [Хомчик, Печорний, 2013, с. 85-88].

На підставі цього дослідження Народний художник України В.О. Бахтов (Миколаїв) у 2011р. зробив його реконструкцію (рис.7).

Помилково був атрибутований спортивний диск для метання №209 (рис. 8), попередньо визначений як покришка цистерни. [Крапивина, Крутилов, Смирнов, 2001]. Це круглий, плаский виріб з ракушняку, який був вкритий глиною з усіх боків. Частина обмазки збереглась. Розміри: діаметр - 280мм.; ширина - 30-35мм.; вага - 3кг 725гр. Відомо, що вага античного спортивного диску 1,3-4,7кг. [Словарь Античности, 1985, с. 186]. Вони виготовлялись з бронзи чи каменю [Велишский, 1876, с. 479-480].

1. В процесі побудови експозиції були отримані ґрунтовні консультації від співробітників Інституту археології НАН України: члена-кореспондента НАН України С.Д. Крижицького, доктора історичних наук А.В, Буйських, кандидата історичних наук В.В, Крапівіної, за що автори виражають їм свою подяку.

Рис. 1. Приміщення музея-Лапідарія

Рис. 2. Відкритий майданчик №1

Рис. 3. Відкритий майданчик №2

Рис. 4. Відкритий майданчик №3

Рис. 5. Експозиція в закритому приміщенні

Рис. 6. Диски-маховики ножних гончарних кругів

Рис. 7. Ручний гончарний круг (реконструкція)

Рис. 8. Спортивний диск для метання

Рис. 9. Фрагмент червонофігурного кіліка із зображенням рук дискобола з диском

Рис. 10. Фрагмент гральної дошки

В Ольвії, як і в інших античних містах були збудовані гімнасії та спортивні майданчики (палестри) для молоді [Леви, 1985,с. 99].

Ольвійські написи свідчать, що на берегах Гіпанісу займалися всіма античними видами атлетики: бігом, стрибками, боротьбою, метанням списа та диска. Афінські вазописці зображали на своїх виробах ці види атлетики. Посуд зі спортивними сюжетами привозили до Ольвії [Скрыжинская, 2000, с. 73-75].

В своїй праці "Краснофигурные килики из раскопок Ольвии" К.С.Горбунова разглядає фрагмент кіліка із зображенням рук дискобола з диском (рис.9), [Горбунова, 1964, с. 186; рис. 15,1]. Диск на фрагменті червонофігурного кіліка аналогічний диску, який зберігається у музеї.

Серед лапідарних виробів знаходиться фрагмент прямокутної плити із сірого пісковика №63 (рис.10), лицьова сторона відшліфована та поділена на клітинки. Розміри плити: довжина-20 см.; ширина-21 см.;висота-15 см, розміри клітинок: 1,1×0,9-1,5×1 см. Після наукового опрацювання експоната було визначено, що це фрагмент гральної дошки. Відомо, що в римський час найбільш популярною була гра ludus latrunculorum. Для латрункулей, використовувалися, зазвичай, дошки розліновані на клітинки, на яких розташовувалися скляні жетони [Стрельник, Сорокина, Хомчик, 2011, с. 292; рис.7].

Головною умовою зберігання пам'яток лапідарію є організація системи збереження на науковій основі. Вона передбачає створення належних умов збереження колекції та програма превентивної консервації лапідарних пам'яток. На майбутнє заплановано наукове опрацювання тих лапідарних експонатів,які зберігаються на трьох відкритих майданчиках.

Буйских А.В. Архитектурные каменные детали // Древнейший теменос Ольвии Понтийской (МАИЭТ.Suppl. 2).- Сииферополь,2006. – С.95-100.

Буйских А.В. Мармурова колона з Ольвії // Археологія.-1992.-№3.-С.143-147.

Велишский Ф.Ф. Быт греков и римлян — Прага, 1876. — 480с.

Горбунова К.С. Краснофигурные килики из раскопок Ольвии // Ольвия. Теменос и агора. — М.— Л, 1964. —С.186.; Рис.15,1

Крапивина В.В, Крутилов В.В, Смирнов А.И. Отчет о раскопках на участе Клиф-2 в Ольвии в 2001г. // Науковий архів в Національному історико-археологічному заповіднику «Ольвія».

Крижицкий С.Д, Буйських А.В. Реконструкція ордерних споруд Центрального теменоса Ольвії // Археологія.-1990.-№3 .- С.25-37.

Крыжицкий С.Д. Графическая реконструкция храма Аполлона Иетроса // Древнейший теменос Ольвии Понтийской (МАИЭТ.Suppl. 2). - Сииферополь, 2006. – С.43-52.

Крыжицкий С.Д, Лейпунская Н.А. Ольвия – пам'ять тысячелетий. — Одесса, 1982. — 105 с.

Кучеревська Н.Л. Керченський лапідарій як суб'єкт культурологічноїдіяльності // Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата культурології — Харків, 2009 — 21с

Леви Е.И. Ольвия. Город епохи элинизма. Гимнасий — Л, 1985.- 3-151с.

Папанова В.А. Урочище Сто Могил (некрополь Ольвии Понтийской). - К., 2006.

Русяева А.С., Крапівіна В.В. До історії Ольвії IV-I ст.до н.е. // Археологія.-1992.-№4.-С58-77.

Скржинская М.В. Гимнасий и занятия спортом. Будни и праздникв Ольвии в VI-I вв до н.э — С-Пб, 2000. — 5-222 с.

Словарь Античности — М, 1985. — 186 с.

Стрельник М.О., Сорокина С.А., Хомчик М.А. Інвентар для настільних ігор (II тис. дон. е. – XIV ст. н.е.) у збірці музею // Національний музей історії України. Тематичний збірник наукових праць – К., 2011. – С. 292.; рис.7.

Хомчик М.А., Печорний П.П. Гончарний круг античного часу (до питання атрибуції) // Археологія. — 2013 — №3 — С.85-88.

М.А. Хомчик, М.В Качура

ЛАПИДАРИЙ В НАЦИОНАЛЬНОМ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ЗАПОВЕДНИКЕ «ОЛЬВИЯ» НАН УКРАИНЫ

Лапидарная коллекция Национального историко-археологического заповедника «Ольвия» НАНУ (с. Парутино Очаковского р-на Николаевской обл.) начала формироваться с конца XIX в. Она пополнялась благодаря проведенных в Ольвии археологических раскопок под руководством Б.В.Фармоковского, Л.М.Славина, С.Д. Крыжицкого, В.В.Крапивиной, А.В. Буйских. В 2007 г. для музея - Лапидария в заповеднике выделено закрытое помещение. Строительство стационарной экспозиции этого музея было поручено авторам статьи. На сегодняшний день лапидарий имеет закрытое помещение и три открытые площадки. В закрытом помещении построена экспозиция из шести разделов, которая насчитывает 260 экспонатов из разных пород камня (известняка, песчаника, мрамора и др.). Они характеризуют разные стороны ольвийского хозяйства, культуры и быта. Основним условием сохранности предметов лапидария, это организация хранения на научной основе. На будуще запланировано научную обработку экспонатов, которые находяться на трех открытых площадках.

Ключевые слова: национальный заповедник, Ольвія, лапидарий, надмогильные плиты, архитектурные детали.

M.A. Homchik, M.V. Kachura

LAPIDARIUM AT THE NATIONAL HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL RESERVE "OLBIA" NAS OF UKRAINE

Lapidary collection of national historical and archaeological reserve "Olbia" NASU (v. Parutino, Ochakovo district of Mykolayiv region) began to be formed at the end of the XIX century. It was enriched thanks to conducted archaeological excavations at Olbia under the direction of B.V. Farmakovskiy, L.M. Slavin, S.D. Kryzhitsky, V.V. Krapivina, A.V. Buiskikh.

In 2007 for the museum - lapidary was allocated indoors in the reserve. Construction of permanent exposition of the museum was entrusted to the author. To date, lapidary has a closed room and three outdoor areas. Indoors was constructed an exposition of the six sections, which has 260 pieces of different types of stone (limestone, sandstone, marble, etc.). They characterize the different sides of Olbia economy, culture and everyday life.

The basic condition for the preservation of lapidary objects is an organization of storage on a scientific basis. It provides for the creation of appropriate conditions of storage of lapidary collection. It is planned for the future a scientific processing of artifacts that are located on three open areas.

Keywords: national reserve, Olbio, lapidary, gravestones, architectural details.

Одержано 4.04.2015

904.2 (477.73) «-5»

В.В. Крутилов, Д.В. Бондаренко

КЕРАМИЧЕСКИЕ ОБЖИГАТЕЛЬНЫЕ ПЕЧИ БОРИСФЕНА СЕРЕДИНЫ VI в. до н.э. (по материалам раскопок 2011-2013 гг.)

Статья посвящена новейшим археологическим исследованиям на о. Березань (древний Борисфен) архаического времени. На участке «ГШ» раскрыт ранее неизвестный гончарный район поселения середины VI в. до н.э. с печами для обжига керамики. Многие печи были разрушены во время производственного процесса и содержали остатки местной керамической продукции.

Ключевые слова: Борисфен, о. Березань, гончарство, местное производство, гончарные печи.

Остров Березань (рис. 1) расположен в Черном море возле устья Березанского лимана. В древности он был соединён с материком неширокой песчаной косой в районе современного с. Рыбаковка и представлял собой полуостров. Такое чрезвычайно удобное расположение поселения на северопричерноморском побережье явилось основой для создания здесь базы морской торговли. К тому же отвесные со всех сторон берега острова, кроме пологого подъёма в районе гавани, делали его природной крепостью, защищавшей поселенцев. Это и стало одной из причин организации на полуострове первой колонии, основанной ионийцами из Милета во второй половине VII в. до н.е., получившей название Борисфен. Греческая колонизация Северо-Западного Причерноморья представляла собой сложный процесс, в котором участвовали все социальные слои населения. Вероятнее всего, в состав первой волны колонистов входили и ремесленники, продукция которых должна была обеспечить первоочередные нужды поселенцев.

© В.В. КРУТИЛОВ, Д.В. БОНДАРЕНКО, 2015

Судить о развитии ремесел Борисфена можно на основании многочисленных археологических данных, накопленных за многие десятилетия исследования памятника. К настоящему времени на территории Березанского поселения относительно полно были изучены лишь медеплавильные [Доманский, Марченко, 1999, с. 53] и железоделательные ремесленные комплексы [Лапин, 1961, с 43-52; Лапин, 1967, с. 145-149; Назаров, Кузьмищев, 2005, с. 178-180; Крутилов, 2007, с. 117-126; Чистов, 2010, с. 465-470], отнесенные к архаическому времени. При этом, каждый год раскопки поселения дают огромное количество керамического материала, преимущественно привозного. Среди них встречается также немало бракованных изделий и посуды из местной глины [Назаров, 2006, с. 139-170] (рис. 2). Однако до недавнего времени не удавалось найти ни одной керамической мастерской или обжигательной печи, в которых изготавливалась эта продукция.

В 2006-2013 годах проводились работы исследованию одного из грабительских шурфов, который получил название раскопа «ГШ». На сегодняшний день площадь раскопа составляет 104,5 м^2. Результатом исследований стало раскрытие полуземлянок и ям, фундаментов наземных каменно-сырцовых построек архаического времени и могильника эпохи средневековья.

Одним из самых знаковых открытий на участке за последние годы является обнару-

Рис. 1. Северо-западная часть о. Березань (вид с воздуха)

Рис. 2. Столовая амфора местного производства (брак) – имитация североионийской керамики

жение пяти локально расположенных печей для обжига керамики середины VI в. до н.э. Все печи подобны по своей конструкции и размерам. Обязательными конструктивными элементами являются топочная и обжигательная камеры, устье для закладки топлива и купол. Топочные камеры печей имеют округлую в плане форму, заглублены в грунт. Стенки камер обмазаны зелёной лиманной глиной, местами укреплены стенками амфор. Часто стенки топочных камер имеют несколько слоёв обмазки, связанные с ремонтом обрушившихся частей камеры. Обжигательная камера возвышалась над уровнем древней дневной поверхности. Подом обжигательной камеры служили три глиняных «лепестка» трапециевидной формы, роль опоры для которых выполняли по краям стенки топочной камеры, а по центру – глинобитный столб круглой, квадратной или трапециевидной формы вмонтированный в под топочной камеры. Установка «лепестков» предполагала наличие зазоров для проникновения огня из топочной камеры и нагнетания температуры. Купол также был глинобитным, и после окончания каждого обжига и остывания печи для извлечения обожжённой продукции, вероятно, разбирался. После же загрузки следующей партии – снова сооружался. Устье, как правило, имело трапециевидную форму с сужением в направлении топочной камеры. После загрузки топлива топочная камера могла закрываться каменными плитами. В одном случае устье печи было маркировано орфостатно установленными кирпичами или каменными плитами, от которых удалось зафиксировать выборки.

Из пяти раскрытых на сегодняшний день печей четыре были расположены группами по две, одна – обособленно. Первая группа состоит из двух печей, расположенных в створе, ориентирована по оси юго-запад – северо-восток. Обе печи объединяет одно устье, представляющее собой траншею. Сами печи разновременные. Печь № 2, вероятно, была сооружена сразу после прекращения срока эксплуатации печи № 1.

Печь № 1 (рис. 3). Сохранился под топочной камеры, её стенки на высоту до 0,22 м и основание центрального столба. Топочная камера заглублена в полёвку, имеет округлую в плане форму, слегка покатые стенки и ровное дно. Устье печи, вероятно, было разрушено после окончания срока её эксплуатации при строительстве печи № 2. Диаметр впуска топочной камеры – 0,85 (Ю-З – С-В) (до края сохранившегося пода северо-восточной части) х 1,25 (Ю-В – С-З) м, диаметр дна 0,68 (Ю-З–С-В) (до края сохранившегося пода северо-восточной части) х 0,92 (Ю-В – С-З) м. Борта сохранились на высоту до 0,27 м.

Под и борта печи промазаны зелёной лиманной глиной. Стенки, вероятно, промазаны в два приёма, из-за чего внутренний слой промазки от высокой температуры приобрёл прокал, переходящий от красного до жёлтого цвета, а внешний – от чёрного до коричневого. Мощность внутреннего слоя промазки до 0,025 м, внешнего – до 0,03 м. Общий прокал достигает 0,05 м. Под печи также промазан и

Рис. 3. Остатки обжигательных печей №№ 1 и 2

прокален, вследствие чего приобрёл оттенки от жёлтого до чёрного. Мощность промазки пода до 0,025 м. В центральной части печи находятся остатки основания центрального столба, демонтированного под уровень пода. Центральный столб имел трапециевидную в плане форму. Размеры центрального столба – 0,27 (Ю-З – С-В) х 0,10 – 0,25 (Ю-В – С-З) м. Устье печи располагалось в северо-восточной её части, вместе с устьем разрушена и часть пода. Печь, вероятно, имела купольный свод, о чём свидетельствуют многочисленные фрагменты характерных сырцовых кирпичей, найденные в её заполнении.

Заполнение топочной камеры печи: пережженный грунт с обильными желтоглинистыми примесями, зелёной лиманной глины, золой и углями. Вероятно, сразу после окончания срока эксплуатации печи № 1 в зеркальном её отображении была сооружена печь № 2. Траншея, часть которой ранее, вероятно, выполняла роль устья печи, была расширена и удлинена и нашла своё функциональное применение в конструкции печи № 2. Траншея между печами №№ 1 и 2 имеет подпрямоугольную в плане форму, слегка покатые стенки плавно переходящие в ровное дно. В центральной части траншея слегка расширяется. Её размеры по уровню впуска: 1,05 (Ю-З – С-В) х 0,70-0,95-0,90 (Ю-В – С-З) м, по дну соответственно 1,05 (Ю-З – С-В) х 0,72 – 0,60 – 0,55 (Ю-В – С-З) м. Глубина – 0,32-0,38 м. Стенки и дно траншеи и приямка не прокалены, что говорит об отсутствии прямого воздействия огня на данные объекты. Заполнение представляло собой пережженный грунт с обильными желтоглинистыми включениями, золой, угольками, кусками зелёной лиманной глины.

Печь № 2 (рис. 3, 4). Печь имеет округлую в плане форму. Сохранились под и стенки топочной камеры, центральный столб, устье с перекрывающем его камнем и основание купола печи. Размеры топочной камеры по верхнему уровню без устья – 1,05 (Ю-З – С-В) х 1,10 (Ю-В – С-З) м, по дну 1,00 (Ю-З – С-В) х 1,07 (Ю-В – С-З) м. Конструкция сохранилась до высоты 0,53 м. Топочная камера заглублена в полёвку. Стенки её ровные резко переходят в ровный под. Стенки топочной камеры сохранились полностью, их высота составляет 0,33 – 0,35 м. Обжигательную камеру перекрывала купольная конструкция, части которой в виде фрагментов сырцовых кирпичей и пережженного известнякового бута в большом количестве встречались в заполнении печи. Стенки и дно топочной камеры, а также устье печи промазаны зелёной лиманной глиной. Вероятно, печь промазывалась в три приёма. Внутренний слой промазки мощностью до 0,02 м из-за прокала приобрёл оттенки от бордового до чёрного; средний слой мощностью до 0,025 м имеет зеленовато-серый оттенок; внешний слой промазки мощностью до 0,03 м имеет оттенки от чёрного до серого. Общая мощность прокала топочной камеры и устья достигает 0,08 м.

Над стенками топочной камеры раскрыто основание купольной конструкции свода печи. Сама площадка, являющаяся основанием купольной конструкции, расположена по всему периметру топочной камеры (кроме

Рис. 4. Остатки обжигательной печи № 2 с сероглиняными светильниками in situ на дне топочной камеры

устья). Она заглублена от уровня полёвки до площадки-основания купольной конструкции на 0,17 – 0,18 м, ширина её составляет 0,09 – 0,10 м. Стенка площадки-основания купольной конструкции также промазана зелёной лиманной глиной мощностью до 0,02 м, из-за прокала она приобрела оттенки от зеленовато-серого до чёрного. Мощность самого прокала — 0,03 – 0,05 м. В северо-западной части площадки-основания сохранился нижний ряд кладки купольной конструкции, состоящий из трёх обожженных камней известняка призматической формы и одного кирпича-сырца, что может служить доказательством смешанного характера материала кладки. Сохранившаяся длина кладки, крайне южным камнем маркирующей северо-западную границу топочного проёма, – 0,70 м, высота – 0,07–0,08 м. Возможно, площадка-основание купольной конструкции также выполняла роль опоры внешнего периметра пода обжигательной камеры.

Роль центральной опоры для пода обжигательной камеры выполнял центральный столб, расположенный в центре топочной камеры. Он имеет круглую в плане форму, в сечении – форму усечённого конуса. Сохранился полностью. Центральный столб сильно прокален, из-за чего приобрёл оттенки от желтоватого до чёрного. Диаметр верхней площадки столба – 0,26 м, диаметр основания – 0,35 м, высота – 0,27 м. В юго-западной части конструкции расположено устье печи. Устье имеет трапециевидную в плане форму. Стенки его прямые, дно ровное, стенки и дно прокалены. В юго-западной части устье ограничено орфостатно установленной на дно сооружения обожженной известняковой плитой размерами 0,43 х 0,26 х 0,11 м. Небольшой проём между плитой и северо-западной стенкой траншеи перекрыт сырцовым кирпичом размерами 0,10 х 0,09х 0,07 м. С северо-восточной стороны плита укреплена камнем обожженного ракушечника размерами 0,17 х 0,10 х 0,09 м. С южной стороны за пределами печи орфостатная плита и кирпич-сырец укреплены обмазкой жёлтой глины мощностью до 0,025 м. Обмазка покрывает всю внешнюю поверхность плиты до высоты 0,20 м. Устье печи имеет размеры по линии Ю-З – С-В – 0,42 м, по линии С-З – Ю-В на входе в топочную камеру – 0,60 м, около плиты-заслонки – 0,52 м. Глубина устья – 0,53 м.

Конструкция перегородки устья печи в виде каменной плиты наглухо замазанной глиной связана, вероятно, с обжигом партии керамической продукции (светильников) в восстановительной атмосфере, исключающей доступ кислорода в топочную и обжигательную камеры. Заполнение топочной камеры и устья – сильно пережженный грунт с обильными желтоглинистыми вкраплениями, кусочками зелёной лиманной глины, золой и угольками. На глубине 0,40 – 0,45 м от уровня полёвки по всей площади печи (кроме западной части) прослеживался заплыв извести мощностью 0,12 – 0,14 м, ложащийся на под топочной камеры. Заплыв по своей мощности увеличивается в направлении с юга на север.

Вторая группа из двух печей (№ 3,4) также расположенных в одну линию ориентирована

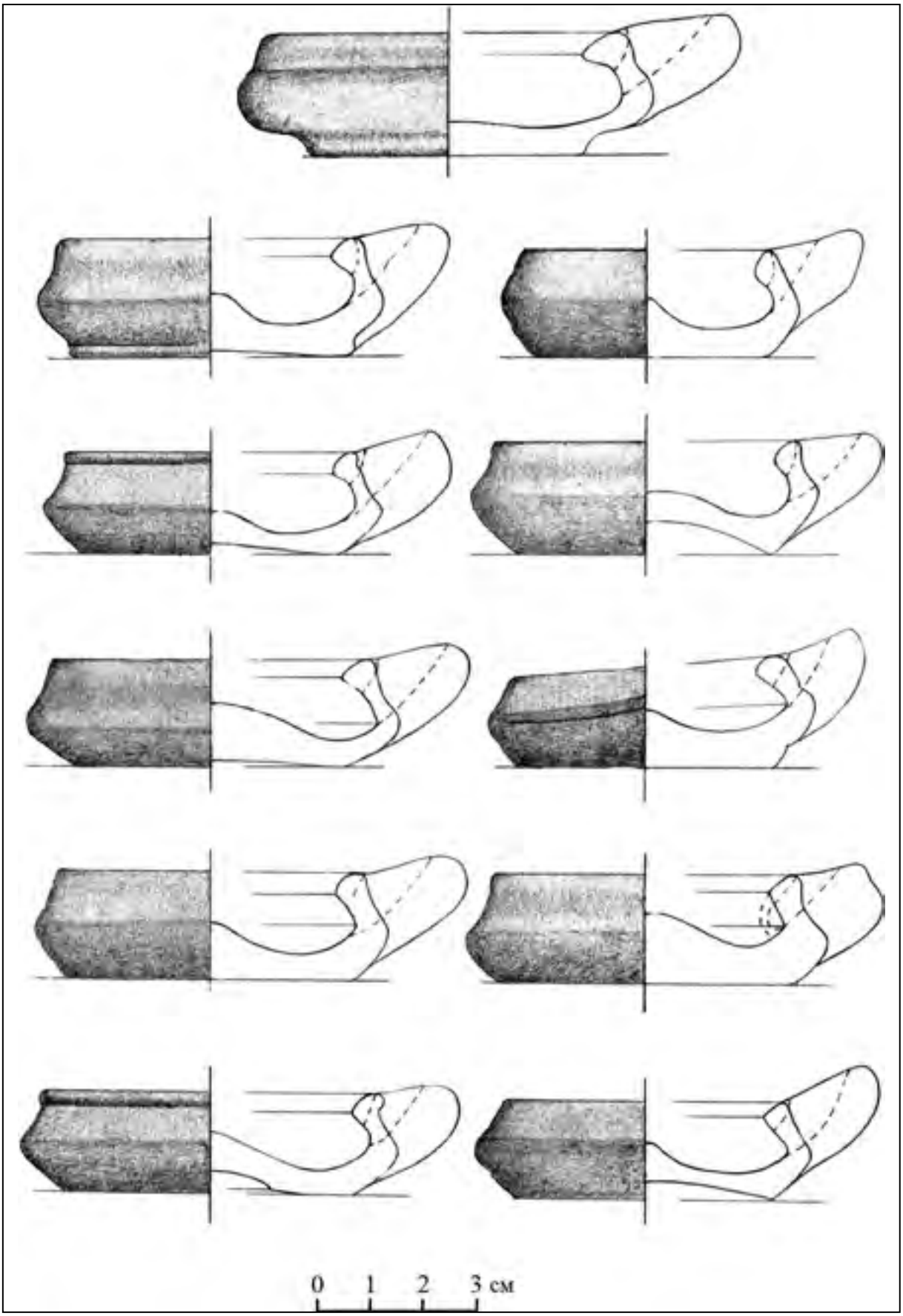


Рис. 5. Сероглиняные светильники из заполнения печи № 2

по оси юго-восток – северо-запад. Устья печей сильно разрушены, однако, можно предположить наличие здесь конструкции схожей с вышеописанным комплексом.

Печь № 3 (рис. 6) частично разрушена грабителями. Печь имеет округлую в плане форму. Устье топочной камеры, расположенное в южной части печи, не сохранилось. Топочная камера заглублена в грунт – выкопана в заполнении более ранней полуземлянки. Купол печи фиксируется в просевшем обрушенном состоянии. Лучше он сохранился в южной и центральной частях. Обмазка купола печи состояла из глины, извёстки, измельчённых раковин моллюсков и мелких фрагментов керамики. Мощность завала купола – до 0,20 м.

Под обжигательной камеры также зафиксирован в разрушенном состоянии. Он состоял, вероятно, из трёх сырцовых «лепестков» вытянутой трапециевидной формы. Одним концом «лепестки» опирались на центральный столб, расположенный в центре пода топочной камеры, а другим – на верхнюю часть борта топочной камеры. Наиболее сохранившийся «лепесток» имеет длину более 0,65 м, ширину 0,22-0,40 м, толщину – до 0,08 м. Центральный столб, сооружённый из серо-зелёной спондиловой глины, имеет в плане округлую форму, в сечении - форму усечённого конуса с диаметром верхней части 0,25 м, нижней – 0,36 м, сохранился на высоту 0,15 м.

Стенки и под топочной камеры промазаны зелёной лиманной глиной и частично укреплены амфорными стенками, сильно прокалены. Мощность промазки до 0,02 м, прокала – до 0,04 м. Топочная камера имеет округлую в плане форму, стенки слегка покатые. Размеры верхней части топочной камеры – 1,25 х 1,30 м, нижней – 1,10 х 1,10 м, высота – 0,35 м. Заполнение печи: пережженный грунт с примесями угольков, зелёной лиманной глины, измельчённых раковин моллюсков и извести. В заполнении встречается много фрагментов сырцовых кирпичей и других глиняных деталей конструкции печи. Северо-западнее центрального столба в придонной части топочной камеры зафиксирована прослойка извести аморфной формы размерами 0,30 х 0,15 м и мощностью 0,04 м. Кроме прочего, в заполнении печи было найдено керамическое сопло из ножки лесбосской красноглиняной амфоры.

На расстоянии 2,50 м к югу от печи № 3 была раскрыта печь № 4, которая сохранилась намного хуже.

Печь № 4 (рис. 7), вероятно, состояла и тех же конструктивных элементов, что и печь № 3, однако из находок, которые можно было бы интерпретировать как остатки купольной конструкции или пода обжигательной камеры, обнаружено всего несколько небольших фрагментов сырцовых кирпичей. Видимо, после окончания срока эксплуатации печь была полностью разобрана и засыпана. От печи сохранились нижняя часть вырытой в полёвке топочной камеры и плохой сохранности прямоугольный в плане центральный столб, некогда поддерживающий под обжигательной камеры. Топочная камера имеет округлую в плане форму и слегка покатые стенки. Размеры верхней части камеры – 0,70 (С-Ю) х 0,95 (З-В) м, нижней – 0,60 (С-Ю) х 0,90 (З-В) м, сохранившаяся высота – 0,20 м. Стенки и под камеры промазаны зелёной лиманной глиной (мощность промазки – до 0,02 м), из этого же материала выполнен центральный столб. Центральный столб призматической формы, сохранившийся в смещённом состоянии. Сохранившиеся размеры: 0,14 х 0,13 м, высота – 0,16 м.

Устье, расположенное в северо-западной части печи, было оформлено в виде двух орфостатно вкопанных по краям топочной камеры известняковых плит или сырцовых кирпичей, от которых сохранились прямоугольные выборки, размерами 0,39 х 0,16 х 0,09 м и 0,35 х 0,21 х 0,08 м. Заполнение печи: пережженный грунт с примесями угольков и мелкими кусочками обожженной глины.

Печь № 5 расположена на расстоянии 4,20 м к югу от комплекса печей №№ 3 и 4 и 6,90 м к западу от комплекса печей №№ 1 и 2. Печь № 5 была разрушена при сооружении более поздней печи неясного функционального назначения, которая в свою очередь была сооружена из конструктивных деталей интересующей нас печи («лепестков» пода обжигательной камеры и сырцовых кирпичей). Частично сохранилась только топочная камера и центральный столб для опоры пода обжигательной камеры. Топочная камера выкопана в полёвке, обжигательная камера возвышалась над древним гумусом.

Топочная камера имеет округлую в плане форму размерами по уровню впуска по линии Ю-В – С-З 1,20 м. Из-за плохой сохранности установить размеры по другим осям не представляется возможным, хотя можно предположить, что они были примерно такими же. Размеры пода топочной камеры по линии Ю-В – С-З – 1,07 м. Сохранившаяся высота топочной камеры – до 0,15 м. В центральной части камеры расположен глинобитный сильно обожжённый столб для опоры пода обжигательной камеры. Столб в плане имеет округлую форму, в сечении – форму усечённого конуса. Размеры верхней части 0,29 х 0,27 м, основания – 0,37 х 0,32 м, сохранившаяся высота – 0,10 м. На конструкции столба прослеживаются следы ремонта в виде вторичной промазки боковых частей мощностью до 0,03 м. В северо-восточной части печи оформлено плохо со-

Рис. ***6***. Остатки обжигательной печи № 3

Рис. ***7***. Остатки обжигательной печи № 4

хранившееся устье печи, имевшее, вероятно, трапециевидную форму. Размеры верхней части 0,50 (С-З – Ю-В) х 0,30 (Ю-З – С-В), нижней – 0,49 (С-З – Ю-В) х 0,27 (Ю-З – С-В). Под и стены топочной камеры промазаны слоем зелёной лиманной глины мощностью до 0,06 м. Мощность прокала стен камеры – до 0,12 м. Из-за прокала обмазка получила оттенки от зеленоватого до коричневого.

Печь после прекращения срока своей эксплуатации была разобрана, частично разрушена и засыпана. На её месте из конструктивных деталей пода обжигательной камеры была сооружена печь № 12. В засыпку печи попали единичные фрагменты кухонной и сероглиняной керамики с признаками брака, вероятно, являющиеся частью бракованной продукции, обжигавшейся в печи.

Аналогии, синхронные существованию вышеописанным печам мы находим в раскопках Нимфея [Худяк, 1952, с. 257; рис. 18; Цветаева, 1966, с. 29]. Печи №№ 1, 4, 5 после окончания срока эксплуатации были разобраны и засыпаны. Печи № 2 и 3 погибли из-за аварии, вследствие которой рухнувшие купола погребли под собой последние партии обжигаемой продукции. При этом по какой-то причине в древности завалы печей разбирать не стали, что дало возможность сейчас исследовать их в том состоянии, в котором они оказались после обрушения.

В печи № 2 в западной части топочной камеры на глубине от 0,38 м от уровня полёвки in situ обнаружено скопление 10 сероглиняных однорожковых светильников, видимо, упавших сюда с пода обжигательной камеры при аварии (рис. 5). Ещё один такой же светильник был обнаружен на дне устья печи возле перегородочной плиты. Таким образом, можно предположить, что после аварии печи № 2 часть обжигаемой в ней продукции всё же была извлечена, однако до конца завал разобран не был.

В печи № 3 под завалом купола на просевшем поде обжигательной камеры in situ зафиксированы развалы 45 сосудов, которые обжигались в печи до её разрушения. Выявленные здесь развалы сосудов открытого и закрытого типа являются местным подражанием североионийским столовым сосудам. Среди керамики местного производства следует отметить развалы 1 тарелки на ножке, 8 киликов, 8 мисок, 21 кувшина, 3 столовых амфор, 1 лекифа и 3 кратеровидных сосудов.

Цвет лакообразной краски, которой покрыты сосуды, условен поскольку не известно какие его оттенки должны были получиться

после окончательного обжига сосудов. Также стоит отметить неоднородность её цветов в отдельно взятых сосудах, причиной чего является неравномерность обжига. Скорее всего, сосуды были расписаны двумя основными цветами – красным и коричневым и их оттенками. Роспись большинства сосудов нанесена на ангоб белого цвета.

Среди ассортимента продукции из печи следует выделить следующие экземпляры.

1. Развал полосатой чаши на ножке (инв. № АБ-2012/ГШ/990) (рис. 8, *1*) Сосуд лопнул и в значительной степени деформирован вследствие неравномерного обжига. Венчик широкий, под небольшим углом отогнут. Ручки округлые в сечении, петлеобразной формы, вертикально прикреплённые двумя корнями к верхней поверхности венчика. С двух сторон от ручек расположены вертикальные «отростки», по форме близкие к ротелям. Корпус тулова сосуда глубокий, округлой формы слегка вытянут в верхней части. Дно оформлено в виде широкого и высокого кольцевого поддона, с конусовидно отогнутыми во внешнюю сторону краями. Сосуд небрежно декорирован поясками и лучами лакообразной краски, цвет которой плавно перетекает от красного до коричневого. Глина светлая.

2. Развал полосатого килика (инв. № АБ-2012/ГШ/991) (рис. 8, *2*). Край венчика закруглён и слегка загнут. Ручки петлевидной формы вытянуты, почти горизонтально отходят от края венчика. Корпус чаши довольно глубокий, полусферической формы. Дно оформлено в виде невысокого кольцевого поддона, с отогнутыми на внешнюю сторону краями. Сосуд декорирован полосами коричневой неоднотонной лакообразной краской. Глина светлого цвета с незначительными, но довольно крупными, вкраплениями известняка.

3. Развал полосатого килика (инв. № АБ-2012/ГШ/992) (рис. 8, *7*). Венчик выделенный, со слегка отогнутым закруглённым краем. Ручки петлевидной формы расположены под венчиком в горизонтальном положении (приподняты верх под небольшим углом). Корпус сосуда довольно глубокий, полусферической формы. Невысокая ножка оформлена в форме конусовидного кольцевого поддона. Посудина декорирована поясками красной лакообразной краски. Глина по причине неравномерного обжига приобрела оттенки от беловатого до красного, имеются незначительные мелкие вкрапления известняка.

4. Развал полосатого килика (инв. № АБ-2012/ГШ/993). Венчик выделенный, с чуть отогнутым закруглённым краем. Ручка петлевидной формы расположена под венчиком в горизонтальном положении (приподняты верх под небольшим углом). Килик декорирован полосами красной лакообразной краски. Глина красного цвета, с незначительными вкраплениями мелкого известняка и мелкими фрагментами раковин моллюсков.

5. Развал полосатого килика (чаши). Сосуд орнаментирован точечными розеттами (инв. № АБ-2012/ГШ/994). Край венчика закруглён и чуть загнут. Ручка петлевидной формы, горизонтально (приподнята верх под небольшим углом) отходящая от края венчика. Вместилище чаши глубокое, полусферической формы. Донышко оформлено в виде невысокого кольцевого поддона, с отогнутыми на внешнюю сторону краями. Сосуд небрежно окрашен коричневой неоднотонной лакообразной краской. Декор состоит из поясков и параллельных вертикально расположенных у ручек в верхней части сосуда лучей. Глина светлая, с единичными известняковыми вкраплениями.

6. Развал полосатого килика (чаши). Орнаментирован точечными розеттами (инв. № АБ-2012/ГШ/997). Венчик выделен, со слегка отогнутым закруглённым краем. Ручка петлевидной формы расположена под венчиком в горизонтальном положении (приподняты верх под небольшим углом). Вместилище сосуда довольно глубокое, полусферической формы. Килик декорирован поясками, вертикальными лучами и точечной розеттой выполненными коричневой неоднотонной лакообразной краской. Глина светлая.

7. Развал полосатой миски (инв. № АБ-2012/ГШ/1001) (рис. 8, *3*). Венчик загнут, имеет округлый край. Корпус посудины глубокий, полусферической формы. Донышко оформлено в виде невысокого кольцевого поддона, с отогнутыми краями. В зоне загиба венчика проделано два сквозных отверстия для подвешивания. Миска декорирована поясками красно-коричневой лакообразной краски. Глина светлая.

8. Развал полосатой миски (инв. № АБ-2012/ГШ/1002) (рис. 8, *4*). Венчик загнут, имеет округлый край. Корпус сосуда довольно глубокий, полусферической формы. Донышко оформлено в виде невысокого кольцевого поддона с чуть отогнутыми краями. В зоне загиба венчика проделано два сквозных отверстия для подвешивания. Миска декорирована поясками коричневой лакообразной краски. Глина светлая, с единичными известняковыми вкраплениями.

9. Полосатая миска (развал) (инв. № АБ-2012/ГШ/1003) (рис. 8, *6*). Венчик загнут, имеет округлый край. Корпус довольно глубокого сосуда полусферической формы. Донышко оформлено в виде невысокого кольцевого поддона, с чуть отогнутыми на внешнюю сторону краями. Миска декорирована поясками оранжево-коричневой лакообразной краски. Глина светлая.

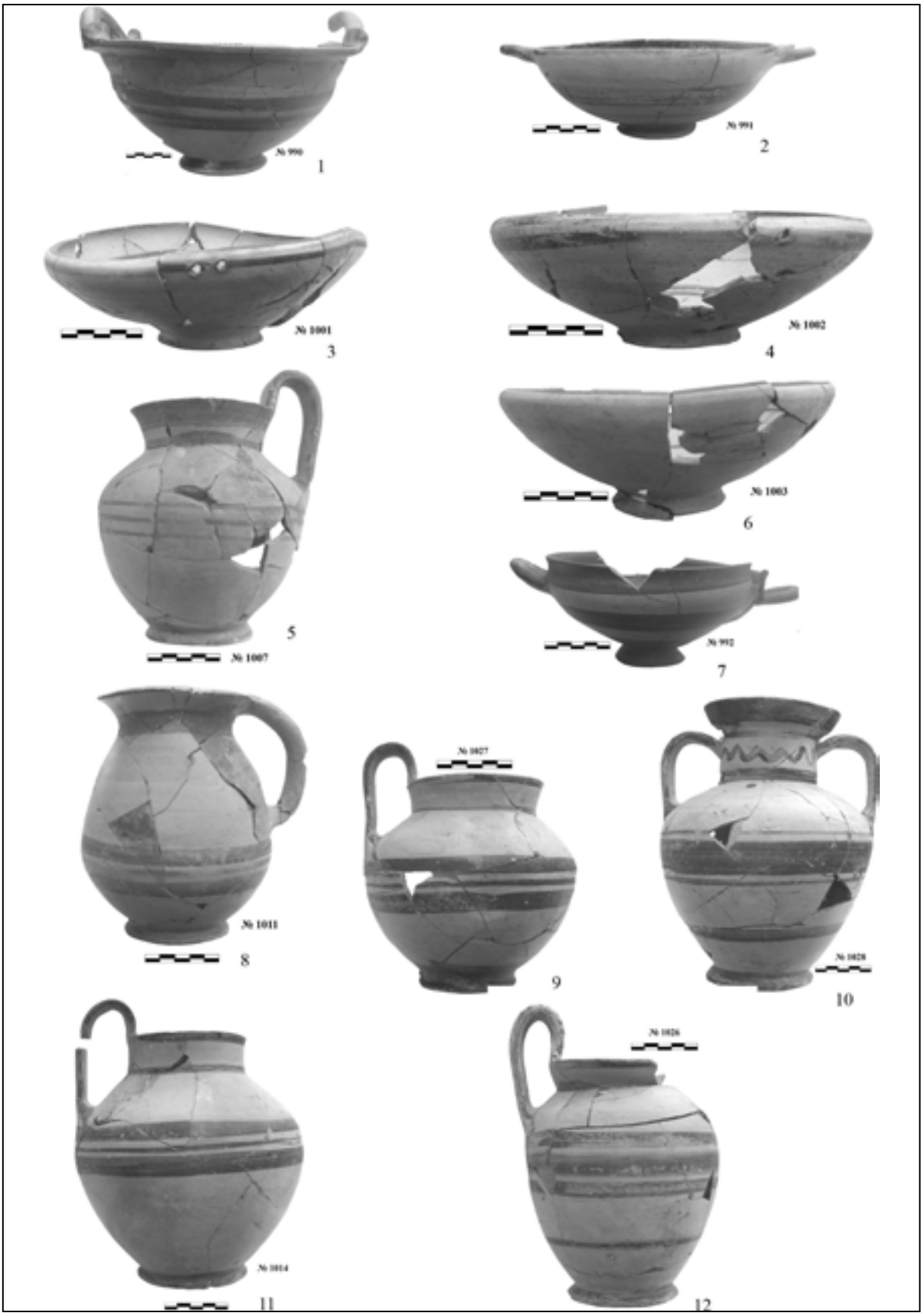


Рис. 8. Керамическая продукция из заполнения обжигательной печи № 3: *1* – фруктовница; *2-4, 6, 7* – чаши; *5, 8, 9, 11, 12* – одноручные кувшины; *10* – столовая амфора

10. Полосатый кувшин (развал) (инв. № АБ-2012/ГШ/1007) (рис. 8, *5*). Венчик отогнут, плавно переходит в цилиндрическое горло, с горизонтально срезанным краем. Горло плавно переходит в тулово. Тулово округлое, немного вытянутое в придонной части. Ручка вертикально расположена, уплощена в сечении, вытянуто-петлевидной формы, верхний корень отходит вверх от края венчика, колено изгиба ручки в значительной степени возвышается над венчиком, нижний край прикреплён к зоне плечиков сосуда. Дно оформлено в виде невысокого кольцевого поддона, со слегка отогнутыми на внешнюю сторону краями. Кувшин декорирован поясками красной лакообразной краски. Глина красная.

11. Полосатый кувшин (развал) (инв. № АБ-2012/ГШ/1008). Венчик слегка отогнут, плавно переходящий в цилиндрическое горло с округлым краем. Горло плавно переходит в тулово. Тулово округлое, немного вытянутое в придонной части. Ручка вертикально расположена, уплощена в сечении, вытянуто-петлевидной формы, верхний корень отходит верх от края венчика, колено изгиба ручки возвышается над венчиком, нижний корень прикреплён к плечикам сосуда. Дно оформлено в виде невысокого кольцевого поддона, с чуть отогнутыми краями. Кувшинчик декорирован поясками красной лакообразной краски. Глина светлая.

12. Полосатый кувшин (развал) (инв. № АБ-2012/ГШ/1009). Венчик слегка отогнут, плавно переходит в цилиндрическое горло, с округлым краем. Горло плавно переходит в тулово. Тулово округлое, немного вытянутое в придонной части. Дно оформлено в виде невысокого кольцевого поддона, с чуть отогнутыми краями. Кувшинчик декорирован поясками красной лакообразной краски. Глина красная.

13. Полосатый кувшинчик (развал) (инв. № АБ-2012/ГШ/1011) (рис. 8, *8*). Венчик отогнут, плавно переходит в цилиндрическое горло с прямо срезанным под незначительным углом (на внешнюю сторону) краем. Горло плавно переходит в тулово. Тулово вытянуто-округлой формы. Ручка округлая в сечении, верхний корень отходит вниз от края венчика, нижний корень прилеплен к средней части тулова. Дно оформлено в виде невысокого кольцевого поддона, с чуть отогнутыми на внешнюю сторону краями. Кувшинчик декорирован поясками красной лакообразной краски. Глина красная.

14. Полосатый кувшинчик (развал) (инв. № АБ-2012/ГШ/1013). Венчик отогнут, плавно переходит в цилиндрическое горло, с прямо срезанным под незначительным углом (на внешнюю сторону) краем. Горло плавно переходит в тулово. Тулово, скорее всего, вытянуто-округлой формы. Ручка округлая в сечении, петлевидной формы, верхний прилеп выходит из края венчика, он оформлен в виде упора полукруглой формы. Кувшинчик декорирован поясками красной лакообразной краской, упор в верхнем корне ручки украшен семью расходящимися от ствола ручки лучами; перпендикулярно ручке (под основание упора) нанесено два параллельных штриха. Глина красная, с незначительными мелкими известняковыми вкраплениями.

15. Полосатый кувшин (развал) (инв. № АБ-2012/ГШ/1014) (рис. 8, *11*). Край венчика округлый, без выделения переходящий в невысокое цилиндрическое горло. Горловина плавно переходит в округлое, немного вытянутое в придонной части, тулово. Ручка расположена вертикально, уплощена в сечении, вытянуто-петлевидной формы, верхний корень отходит верх от края венчика, колено изгиба ручки в значительной степени возвышается над венчиком, нижний корень прикреплён к зоне плечиков сосуда. Дно оформлено в виде невысокого широкого кольцевого поддона, с чуть отогнутыми краями. Кувшин декорирован поясками тёмно-коричневой лакообразной краски. Глина светлая.

16. Полосатый кувшин (развал) (инв. № АБ-2012/ГШ/1015). Округлый край венчика чуть отогнут на внешнюю сторону, без выделения переходит в довольно высокое цилиндрическое горло. Горловина плавно переходит в округлое, немного вытянутое в придонной части, тулово. Ручка вертикально расположена, уплощённая в сечении, вытянуто-петлевидной формы, верхний корень отходит верх от края венчика, колено изгиба ручки в значительной степени возвышается над венчиком, нижний корень прикреплён к зоне плечиков сосуда. Дно оформлено в виде невысокого широкого кольцевого поддона, с чуть отогнутыми краями. Кувшин декорирован поясками оранжево-коричневой лакообразной краски. Глина светлая, с незначительными, но довольно крупными, известняковыми вкраплениями.

17. Полосатый кувшинчик (развал) (инв. № АБ-2012/ГШ/1026) (рис. 8, 12). Край венчика округлый, без выделения переходит в невысокое коническое горло. Горловина довольно резко переходит в вытянуто-округлое тулово. Ручка расположена вертикально, трёхствольная (стволы округлые в сечении, примыкают друг к другу) вытянуто-петлевидной формы, верхний корень отходит от края венчика, колено изгиба ручки в значительной степени возвышается над венчиком, нижний корень прикреплён к плечикам сосуда. Дно оформлено в виде невысокого кольцевого поддона, с чуть отогнутыми краями. Кувшин декорирован поясками светло-коричневой

и тёмно-коричневой лакообразной краски, ручка украшена округлыми мазками вдоль стволов по внешней стороне. Глина светлая, местами светло-зеленоватая.

18. Полосатый кувшинчик (развал) (инв. № АБ-2012/ГШ/1027) (рис. 8, *9*). Край венчика округлый, без выделения переходящий в невысокое цилиндрическое горло. Горловина плавно переходит в округлое, немного вытянутое в придонной части, тулово. Ручка вертикальная, неширокая, уплощённая в сечении, вытянуто-петлевидной формы, верхний корень отходит верх от края венчика, колено изгиба ручки в значительной степени возвышается над венчиком, нижний корень прикреплён к плечикам сосуда. Дно оформлено в виде невысокого кольцевого поддона, с чуть отогнутыми на внешнюю сторону краями. Кувшин декорирован поясками светло-коричневой и тёмно-коричневой лакообразной краски. Глина светлая, местами светло-зеленоватая.

19. Полосатая столовая амфора (развал) (инв. № АБ-2012/ГШ/1028) (рис. 8, *10*). Венчик широкий (эхинообразный), отогнут, с ровно срезанным краем. Горло высокое, цилиндрической формы, резко переходящее в тулово. Тулово яйцевидной формы, сужающееся в придонной части. Ручки расположены вертикально, уплощённые в сечении, вытянуто-петлевидной формы, верхние корни прилеплены к горловине под венчиком, нижние корни прилепов размещены на плечиках сосуда. Дно оформлено в виде невысокого широкого кольцевого поддона, с чуть отогнутыми на внешнюю сторону краями. Сосуд декорирован полосами светло-коричневой и тёмно-коричневой лакообразной краски, горло в средней части украшено волнистой линией. Глина светлая, местами светло-зеленоватая.

20. Полосатая столовая амфора (развал) (инв. № АБ-2012/ГШ/1029). Венчик широкий (эхинообразный), с ровно срезанным краем. Горло высокое цилиндрической формы, резко переходящее в тулово, переход выделен тонким рельефным окружным пояском. Тулово яйцевидной формы, сужающееся в придонной части. Ручки вертикально расположенные, уплощённые в сечении, вытянуто-петлевидной формы, верхние корни прилеплены к горловине под венчиком, нижние корни прилепов размещены на плечиках сосуда. Дно оформлено в виде невысокого широкого кольцевого поддона, с чуть отогнутыми на внешнюю сторону краями. Сосуд декорирован поясками светло-коричневой и тёмно-коричневой лакообразной краски, горловина полностью окрашена по окружности. Глина светлая, местами зелёная.

21. Полосатый арибаллический лекиф (развал) (инв. № АБ-2012/ГШ/1031). Венчик значительно выгнут, с округлыми краями. Невысокое цилиндрическое горлышко плавно переходит в корпус сосуда. Тулово довольно крупное, округлой формы. Ручка петлевидной формы, овальная в сечении, верхний прилеп отходит от горлышка, нижний прикреплён к зоне плечиков. Дно оформлено в виде невысокого широкого кольцевого поддона, с чуть отогнутыми на внешнюю сторону краями. Сосуд декорирован поясками светло-коричневой лакообразной краски. Глина светлая, с коричневатым оттенком. Сосуд сильно пережжён, глина расслоилась.

21. Полосатый кратеровидный сосуд (профиль, во фрагментах) (инв. № АБ-2012/ГШ/1032). Венчик широкий горизонтально отогнут на внешнюю сторону, с округлыми краями. Горло довольно высокое, цилиндрической формы, плавно переходит в тулово. Корпус тулова посудины округло-вытянутой формы. Ручки округлые в сечении, петлевидной формы, горизонтально расположенные на плечиках сосуда. Дно оформлено в виде широкого кольцевого поддона, со слегка отогнутыми на внешнюю сторону краями. Сосуд декорирован поясками светло-коричневой и тёмно-коричневой лакообразной краски, по зоне плечиков сосуда нанесена неширокая волнистая круговая линия, прерывающаяся в зоне ручек. Глина светлая, местами зелёная.

22. Кратеровидный сосуд (венчик) (инв. № АБ-2012/ГШ/1033). Венчик широкий, горизонтально отогнут на внешнюю сторону, с округлыми краями. Горло довольно высокое, цилиндрической формы, плавно переходящей в тулово. Наличие покрытия краской не зафиксировано. Глина светлая.

23.Фрагмент венчика полосатой ойнохои (инв. № АБ-2012/ГШ/1041). Сохранилось два лепестка венчика с округлым краем. Сосуд декорирован поясками коричневой лакообразной краской. Глина светлая.

24. Ручка от сосуда (инв. № АБ-2012/ГШ/1043). Ствол ручки витой, петлевидной формы, судя по сохранившимся прилепам, она прикреплялась к сосуду в горизонтальном положении. Ручка декорирована красно-коричневой лакообразной краской: овальными точками вдоль витков. Глина красная, местами светлая.

Таким образом, раскрытие комплексов обжигательных печей и керамических изделий местного производства в них in situ на относительно небольшой территории позволяет нам утверждать о существовании здесь в середине VI до н.э. гончарного района Борисфена. Керамические изделия местных мастеров использовались, прежде всего, для обеспечения потребностей борисфенитов, хотя и могли быть предметом обмена с местным окружающим населением.

Доманский Я.В., Марченко К.К. Медеплавильная мастерская на о. Березань // VI чтения памяти профессора В.Д. Блаватского. К 100-летию со дня рождения. Тезисы докладов. – М., 1999. – С. 53.

Крутилов В.В. Железоделательная мастерская с сырцовыми стенами на территории теменоса Березанского поселения // Древности Северного Причерноморья в античное время. Supplementum 4. – Симферополь, 2007. – С. 117-126.

Лапин В.В. Раскопки поселения на о. Березань в 1960 г. // КСИА. – Вып. 11. – К., 1961. – С. 43-52.

Лапин В.В. Раскопки поселения на острове Березань в 1966 г. // Археологические исследования на Украине в 1965-1966 гг. – К., 1967. – С. 145-149.

Назаров В.В. Культовая жизнь Березани // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. – Т. 1. – СПб., 2006. – С. 139-170.

Назаров В.В., Кузьмищев А.Г. К проблеме интерпретации одной позднеархаической полуземлянки на о. Березань // Боспорский феномен: проблемы соотношения письменности и археологических источников. – СПб., 2005. – С. 178-180.

Худяк М.М. Раскопки святилища Нимфея // СА, - XVI. – М.,1952.

Цветаева Г.А. Нимфей. Гончарные печи // САИ, Г1-20. – М., 1966.

Чистов Д.Е. Железоделательный горн из раскопок Березанского поселения // XI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремёсла и промыслы. – Керчь, 2010. – С. 465-470.

В.В. Крутілов, Д.В. Бондаренко

КЕРАМІЧНІ ОБПАЛЮВАЛЬНІ ПЕЧІ БОРИСФЕНА СЕРЕДИНИ VI ст. до н.е. (за матеріалами розкопок 2011-2013 рр.)

Представлено результатм новітных археологічних досліджень поселення на о. Березань (давій Борисфен) архаїчного часу. На ділянці «ГШ» вперше за історію дослідження поселення відкритий гончарний район середини VI ст. до н.е. з обпалювальними керамічними печами. Деякі печі були зруйновані під час виробничого процесу та містили в собі залишки місцевої керамічної продукції.

Ключові слова: Борисфен, о. Березань, гончарство, місцеве виробництво, гончарні печі.

V.V. Krutilov, D.V. Bondarenko

CERAMIC KILNS FROM BORYSTHENES OF THE MIDDLE OF VI c. BC (based on excavations of 2011-2013)

The article is devoted to a recent archaeological researches on the island Berezan (ancient Borysthenes) in Archaic period. On the site "ГШ" there was disclosed a previously unknown pottery quarter of the settlement of the middle of VI c. BC with kilns for firing ceramics. Many kilns have been destroyed during the manufacturing process and contained the remains of local ceramic products.

Keywords: Borysthenes, island Berezan, pottery, native technology, pottery kilns.

Одержано 2.10.2014

УДК 904.23 (477.73) «652»

І.М. Шейко

СВІТИЛЬНИКИ З ВЕРТИКАЛЬНИМИ РУЧКАМИ-ПЕТЛЯМИ З ОЛЬВІЇ ТА БОРИСФЕНУ

Стаття присвячена одному з типів освітлювальних приладів до-римського часу, який походить з розкопок Ольвії та поселень її округи. Автором виокремлюються як довізні світильники _анного типу, так і їхні місцеві репліки. Здійснено спробу з'ясувати центри виробництва та уточнено датування.

Ключові слова: світильники, Ольвія, Борисфен, до-римський час.

Значна кількість знахідок, які походять з території античного полісу Ольвія, складають керамічні світильники. Наявні аналогії у каталогах античної кераміки міст Середземномор'я дозволяють атрибутувати знайдені світильники, обмежені рамками пізньоархаїчного – класичного часу як такі, що належать як до довізних типів, так і до місцевих. Світильники ольвійського походженння є частиною місцевого керамічного виробництва, яке почалось, згідно нових даних з розкопок Борисфену, не пізніше середини VI ст. до н.е. [Крутилов, Смирнов, Бондаренко, 2012]. Без детального дослідження усіх типів кераміки, які його складають, неможливо відтворити повну картину економічного потенціалу Ольвії. Крім того, максимальний облік світильників різних типів, виявлених у закритих комплексах городища та його передмістя, а також поселень хори, дозволяє визначити їхню роль у повсякденному житті ольвіополітів. Знахідки ж світильників у похованнях некрополя дозволяють визначити їхнє місце у поховальному обряді. Освітлювальні прилади вказаного часу з Ольвії представлені екземплярами з сірої, світлої та червоної глини.

© І.М. ШЕЙКО, 2015

Слід відмітити, що поруч із відкритими, напівзакритими та закритими світильниками трапляються відкриті з вертикальними ручками-петлями у центрі вмістилища, які також виготовлено з різної глини, та які очевидно призначались для підвішування виробу [Broneer, 1930, p. 116]. Відсутність подібних петель серед керамічних колекцій решти міст Північного Причорномор'я, у тому числі й Боспору Киммерійського, дають змогу припускати їхнє місцеве ольвійське виробництво.

Поки що виявлено 15 довізних ручок, та 59 місцевого виробництва. Характерно, що усі довізні екземпляри ручок-петель від світильників мають "смугасте" червоне та брунатне лакове покриття (рис. 1; 2). Світильників із подібними ручками, які б суцільно вкриті лаком, поки що не було виявлено. Місцеві репліки, які слугують повними імітаціями довізних, вкриті фарбою, виконаною також горизонтальними смугами (рис. 3, *1, 2*). Одноріжкові світильники зі "смугастими" вертикальними ручками-петлями походять з колекції Смірни архаїчного часу [Akurgal, 1983, Taf. 123], та Істрії [Dupont, 2005, Fig. 65, Nr. 21]. Згадані аналогії дають можливість припускати імпорт подібних виробів з території Північної Іонії. Таким чином, слід зазначити, що подібні петлі з Іонії могли стати певним поштовхом для місцевого ольвійського виробництва таких форм.

Ольвійські екземпляри повторюють довізні за формою, виготовлені преважно з сірої,

та світлої глини, з сірим лощенням поверхні виробу. Сіролощені світильники поки не мають аналогій серед колекцій кераміки з інших міст Північного Причорномор'я. Першими, хто звернув увагу на те, що вони відомі лише на території міст Ольвії та поселень її хори, В.В. Крапівіна та Н.О. Лейпунська [Krapivina, Lejpunskaja, 2009, Fig. 4]. Зі старих та нещодавніх розкопок Ольвії походить значна кількість сірих ручок-петель від світильників, які й складають основну частину подібних форм. Знайдено поки лише кілька петель з червоної глини, які мають домішку вапняку та грубу поверхню (рис. 3, *1 – 2*), та один світлоглиняний триріжковий світильник з відламаною вертикальною петлею. Сіроглиняний дворіжковий світильник з ручкою-петлею було знайдено в Ольвії у 2012 році в одній з господарчих ям на ділянці Р-25. Поверхня виробу вкрита чорним лощенням. Даний екземпляр завдяки археологічно цілій формі, дає можливість уявити зовнішній вигляд подібного типу освітлювальних приладів. Комплекс зі згаданої ями датується першою чвертю V ст. до н.е. Це поки що єдине можливе датування подібних виробів. Окрім того, на ранній час їх виготовлення вказує й відкрита форма виробу. Схожу сіролощену петлю, маємо і серед світильників Коринфа в каталозі О. Броніра [Broneer, 1930, cat. Nr. 1426], де автор датує їх більш пізнім часом - римським, до початку християнства. Дослідник впевнений, що дана одинична знахідка сіролощеної петлі за покриттям нагадує світильники з Ефесу [Broneer, 1930, p. 116]. А знахідка майже цілого ідентичного виробу в Ольвії у вузько-датованому комплексі дає можливість говорити про більш ранній час їхнього існування, та, можливо про експорт подібних виробів до Коринфа.

Аналогією подібній петлі може слугувати екземпляр, знайдений на Делосі. Це цілий дворіжковий напівзакритий світильник з подібною ручкою [Alabe, 1989, Fig. 1]. Характерно, що ручка також порожниста, а отже, робити висновок про те, що подібні ручки-петлі належали виключно до ранніх типів світильників, передчасно. Також відомі бронзові репліки світильників з ручками-петлями, які доживають до V – IV ст. до н.е., знайдені на території Фракії [Чичикова, 1969, Обр. 23] та Придніпров'я [Онайко, 1966, Табл. XVII 2].

В Афінах є кілька аналогій, вкритих чорним лаком, самі петельки не збереглись. Характерно, що окрім іншого покриття, форма світильника також відрізняється від ольвійських екземплярів, - вона схожа на вироби вже еллінітичного часу (більш маленький діаметр виробу та високий виступ) [Howland, 1958, cat. Nr. 390-392]. Р. Холанд датує їх відповідно кінцем IV ст. – першою половиною III ст. до н.е. (Type 27 Variants), та останніми роками III ст. до н.е. – близько 150 р. до н.е. (Type 27 D). Окрім того, у Кераміку також є фрагмент сіролощеної ручки-петлі із порожниною всередині стрижня, із фрагментом ріжка, форма також елліністична, й датується III ст. до н.е. [Scheibler, 1976, cat. Nr. 272]. Судячи з вищезазначених аналогій, можна зробити висновок, що подібний тип світильників доживає й до періоду еллінізму.

За формою та способами виготовлення ручок-петель, слід виокремити три основних види: 1) із порожниною всередині стрижня (рис. 1 – 4; 5, *1, 3*); 2) із монолітним стрижнем (рис. 5, *2*); 3) із стрижнем у вигляді порожнистої трубки (рис. 5, *4*). Навершя також має різну форму: овальну й трикутну (рис. 5, *4*). Технологія виготовлення таких світильників дещо відрізняється від звичайних екземплярів пізньоархаїчного та ранньокласичного часу, поєднує в собі суттєві їх риси. Від згаданих виробів маємо формування світильника на гончарному крузі, та загинанням країв виробу до центру вмістилища, щоб утворились плічка. Ріжки також виготовлялись подібно до звичайних відкритих форм раннього часу: вони ліпились окремо із вирізанням отвору для ґноту, й приєднувались до вже готового із плічками, у якому попередньо вирізався спеціальною трубочкою отвір у тулубі. Часті знахідки світильників зі слідами відбитків пальців античного майстра біля місця приєднання ріжка, свідчать про такий спосіб їхнього формування. Що ж до центральної ручки-петлі, то маємо дві основні гіпотези: 1) вертикальна ручка-петля виготовлялась на гончарному крузі окремо, із формуванням навершя по сирій глині, та приєднувалась так само, як і ріжок, до попередньо вирізаного отвору в центрі вмістилища світильника (однак, у цьому випадку повинні бути сліди приєднання, хоча би у вигляді відбитків пальців. Надто мала кількість знахідок світильників із петлями, які збереглись приєднаними до дна, поки що не надає таких фактів. Можливо, лощення виробів перекриває такі сліди. До того ж, найчастіше зустрічаються фрагменти петель, які відламались на місці приєднання); 2) вертикальний стрижень виготовлявся на гончарному колі одразу, тобто витягувався, після чого окремо формували петлю та приєднували до стрижня.

Сіролощена петля та дві подібні з червоної глини та червоним лаком покриттям з розкопок Коринфа, навели О. Броніра на думку про перший спосіб виготовлення подібних виробів. Витягування петель, на його думку, характерно для більш закритих світильків із низькими петельками, які розташовувались на щитку закритих світильників римського часу [Broneer, 1930, p. 117], які зовсім не схожі на ранні ольвійські.

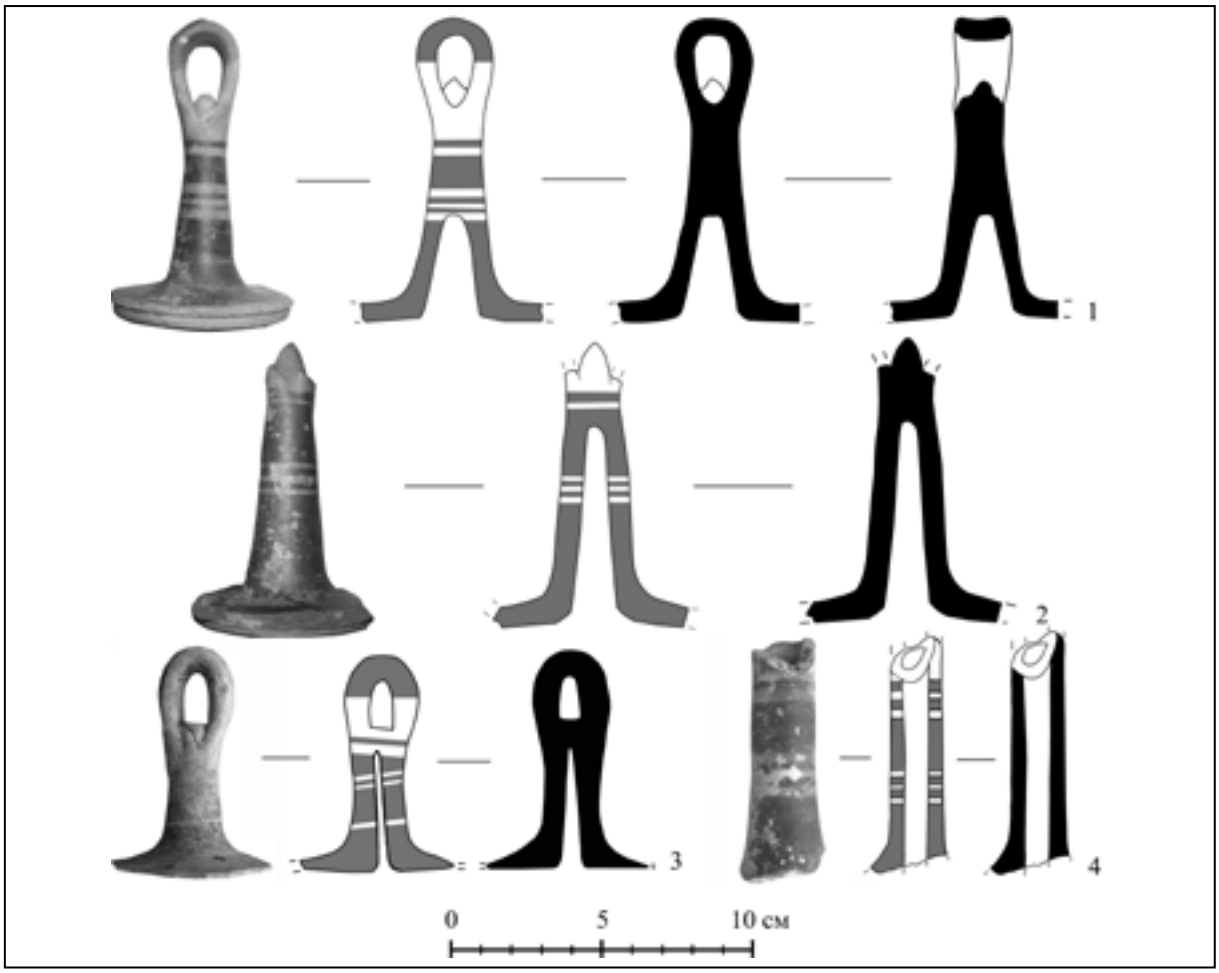


Рис. 1. Довізні світильники з ручками-петлями: *1* - О-99/Р-25/2591; *2* – АБ/Н/41855; *3* - О-46/840; *4* – О-60/2162

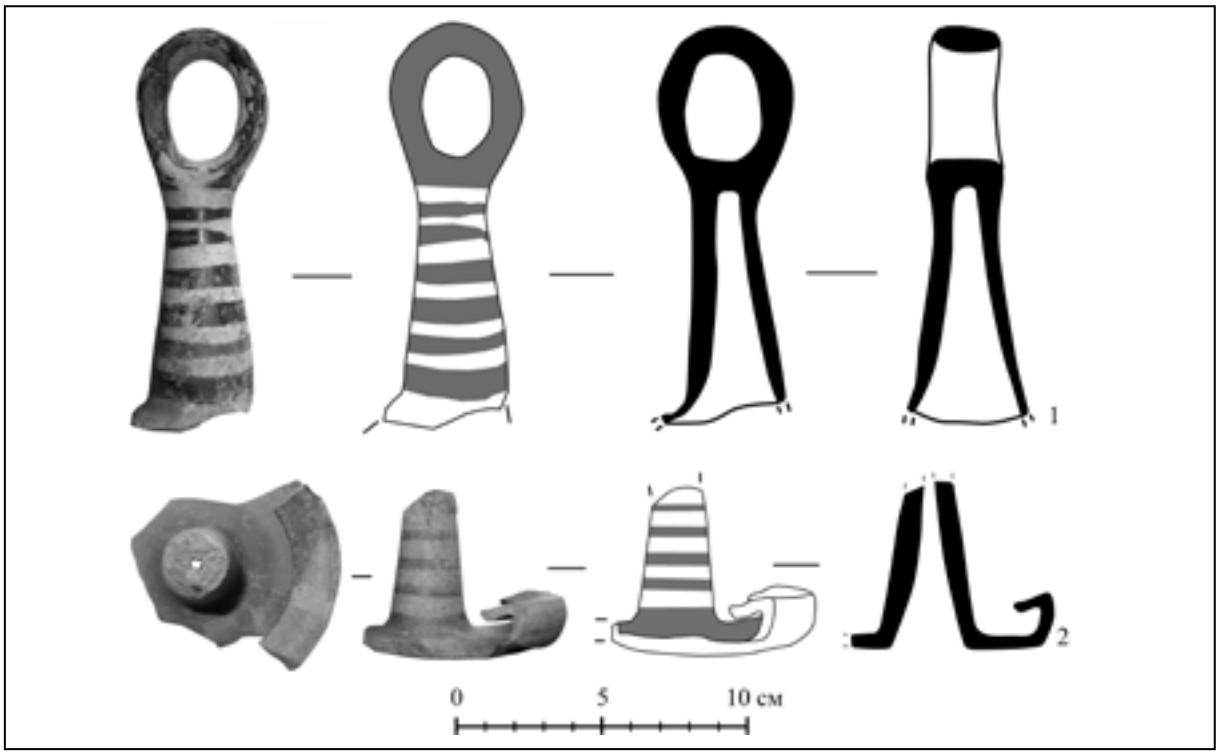


Рис. 2. Довізні світильники з ручками-петлями: *1* - О-73/С-З/258; *2* - О-87/НГСС/751

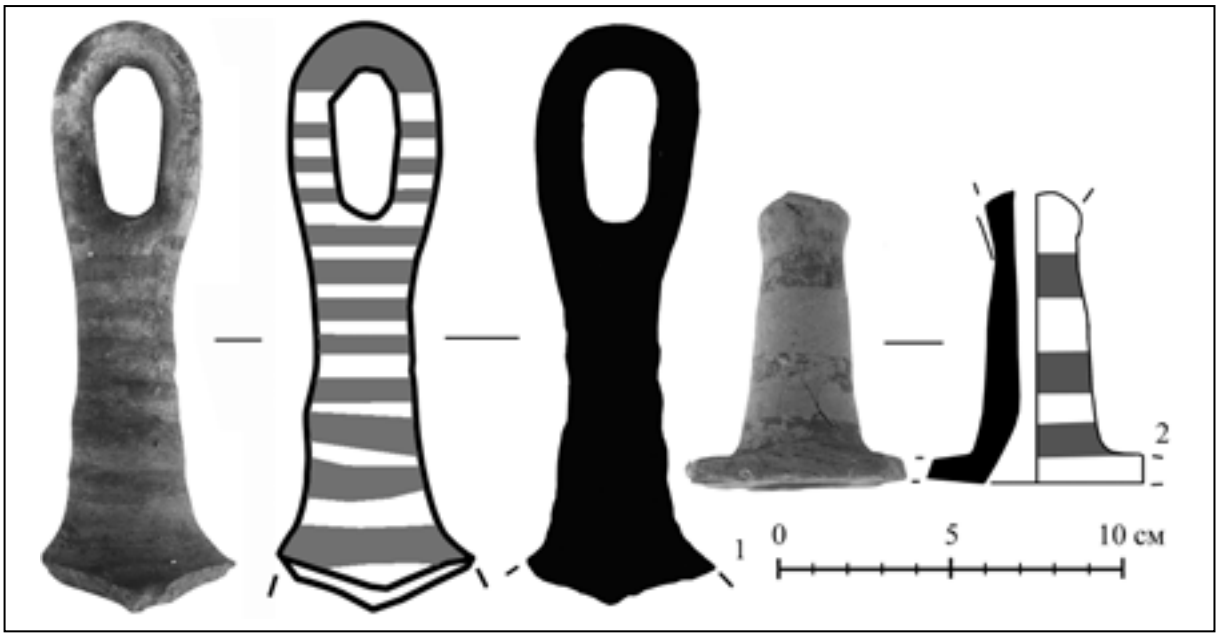


Рис. 3. Місцеві імітації світильників: *1* - О-2008/Р-25/381; *2*- О-79/ЮЗА/1900.

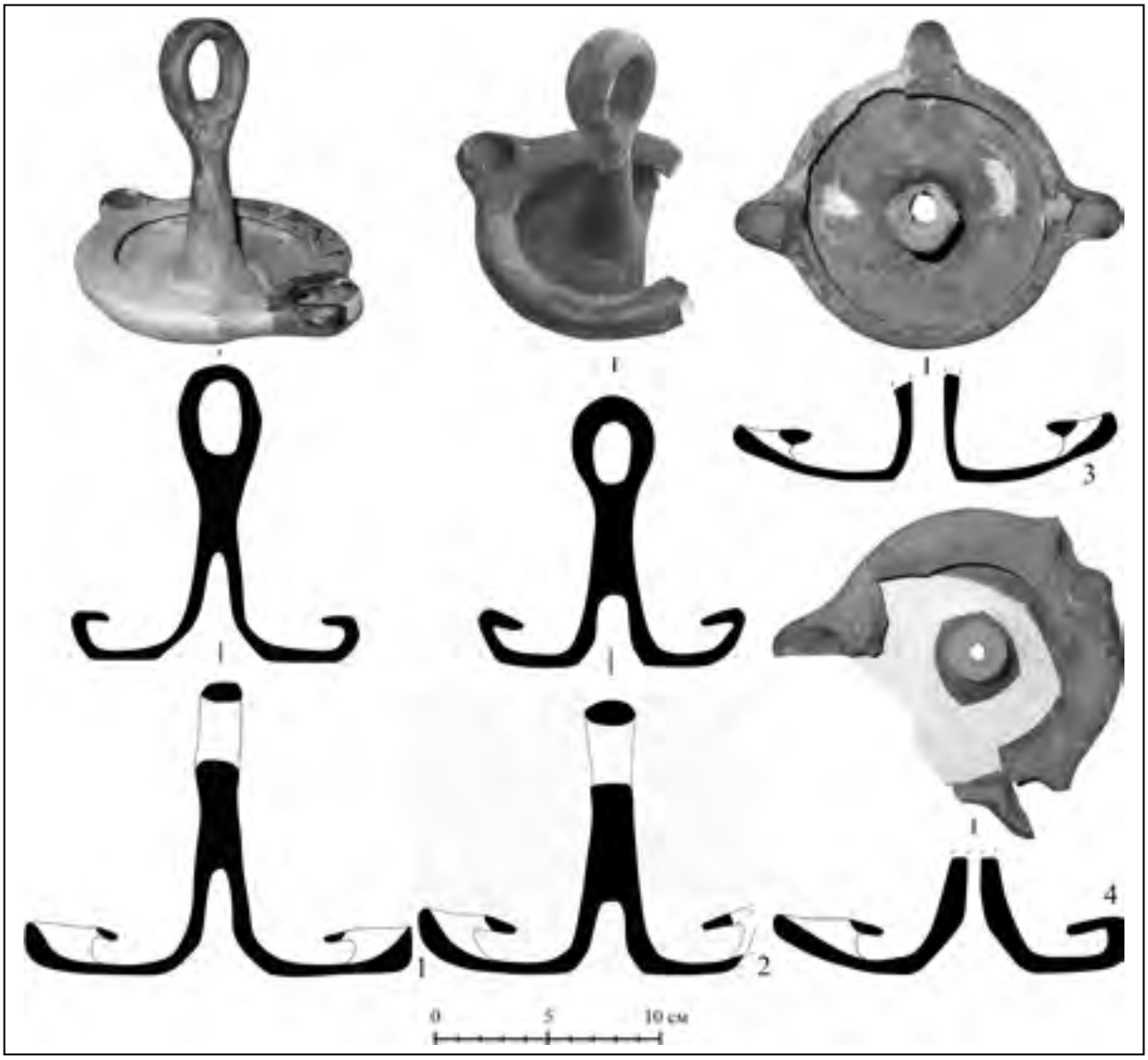


Рис. 4. Місцеві імітації світильників: *1* - О/402; *2* - О-2012/Р-25/1341; *3* – О/Б5/250/3021; *4* – АБ-75/731

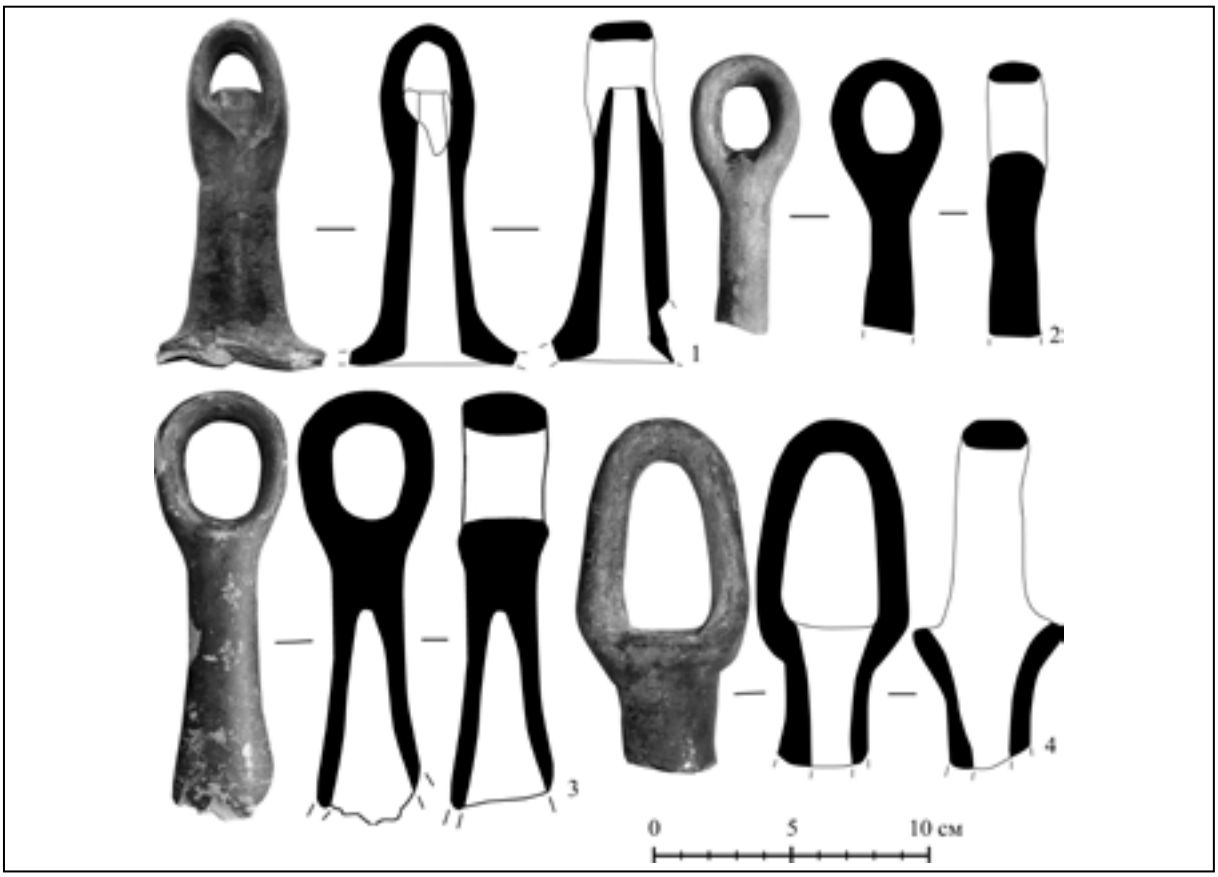


Рис. 5. Місцеві імітації світильників: *1* - О-87/Некр/272; *2* - О-56/306; *3* - О-55/2416; 4 – АБ-79/19

Фрагментарність більшості форм світильників з петлями, знайдених при дослідженні Ольвії та поселення на о. Березань, дають змогу говорити лише про відкриту форму цих світильників, а, приміром, кількість ріжків залишається відкритим питанням. Із впевненістю можна говорити про дво- та триріжкові репліки даних світильників (рис. 4, *1–4*), однак за аналогією світильників зі Смірни, слід припускати й можливі одноріжкові екземпляри.

Таким чином, дво- та триріжкові світильники з вертикальними ручками-петлями складають достатньо рідкісний тип виробів навіть в ольвійській керамічній колекції. Їхні прямі аналогії з глини представлено з-поміж усього середземноморського регіону поки лише одиничними екземплярами. До того ж, наявність данного типу світильників виключно на території античного міста Ольвія та поселень її хори, свідчить про місцеве виробництво останніх. Цим ольвійська колекція пізньоархаїчного – ранньокласичного часу відрізняється від синхронної боспорської і дозволяє виділити регіональні відмінності у місцевому виробництві данного типу керамічної продукції.

Крутилов В.В., Смирнов А.И., Бондаренко Д.В. Керамический производственный комплекс середины VI в. до н.э. на Березанском античном поселении // БЧ XIII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. – Керчь, 2012. – С. 233 – 237.

Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V веках до н.э. / Археология СССР. – М.: Наука, 1966. – С. 36 – 70.

Чичикова М. Тракийска могилна гробница от с. Калояново, Сливенски окръг (IV в. пр. н.е.) // Известия на Археологическия Институт. – София, 1969. – С. 45 – 90.

Akurgal E. Alt-Smyrna. – Bd. I. Wohnschichten und Athenatempel. – Ankara, 1983.

Alabe F. Un nouveau modèle de lampe à Délos / BCH. – 1989. – Vol. 113-1. – P. 319 – 324.

Broneer O. Terracotta Lamps. – Cambridge, 1930. – 339. (Corinth. – Vol. IV, Part II).

Dupont P. Les Lampes Grecques Archaïques (Histria. Bd. VII). – Bucureşti, 2005.

Howland R. H. Greek Lamps and their Survivals (The Athenian Agora. – Vol. IV). – Princeton, 1958.

Krapivina V., Lejpunskaja N. Grey Table Ware from Late Archaic – Early Classical Complexes of the Central Quarter of Olbia Pontica // Pontic Grey Wares. International Conference. Bucarest – Constantza, September 30th – October 3rd 2008 (Pontica XLII. – Suppl. I). – 2009. – P. 67 – 76.

Scheibler I. Griechische Lampen (Kerameikos. – Band XI). – Berlin, 1976.

И.Н. Шейко

СВЕТИЛЬНИКИ С ВЕРТИКАЛЬНЫМИ РУЧКАМИ-ПЕТЛЯМИ ИЗ ОЛЬВИИ И БОРИСФЕНА

В статье проанализировано серию дво- и трирожковых светильников и их фрагментов V в. до н.э. из раскопок Ольвии и поселения на о. Березань. Изделия представлены серо-, светло- и краноглиняными экземплярами с различным покрытием: лак, краска, серое лощение. Форма тулова светильников типичная для раннеклассического времени, - открытая с загнутыми к центру вместилища плечиками. Большинство фрагментов представляют местные ольвийские имитации привозным типам, из Смирны и о. Делос. Местные реплики отличаются большими формами, составом глины и покрытием. Также, на примере отдельных форм рассмотрено вопрос о технологии производства данных изделий.

Ключевые слова: светильники, Ольвия, Борисфен.

I.M. Sheiko

LAMPS WITH VERTICAL HANDLE-LOOPS FROM OLBIA AND BORYSTHENES

In the article the author analyzes a series of two- and three-nozzle lamps and their fragments of the 5th c. BC from the excavations of Olbia and Berezan' settlement. The wares are of gray-, yellow, and red-clay with different covering: lacquer, dye, and grey polishing. The form of the body of lamps is typical for Classical period: opened, with curved to the center of reservoir shoulders. The vast majority of the fragments are local Olbian imitations of imported types from Smyrna and Delos. Local replicas of lamps differ by bigger size, clay, and covering. In addition, on the example of certain forms the issue of the production technology of these wares is discussed.

Keywords: lamps, Olbio, Borystenes.

Одержано 27.12.2014

УДК 904.2 (477.73) «652»

Д.Н. Хмелевский

СВИНЦОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ УЧАСТКА «Т» БЕРЕЗАНСКОГО АНТИЧНОГО ПОСЕЛЕНИЯ

В статье рассмотрены находки свинцовых изделий из раскопок на участке «Т» на античном поселении на о. Березань. Предложена типологическая классификация свинцовых изделий и выделены экземпляры местного изготовления.

Ключевые слова: свинцовые изделия, классификация, о. Березань, местное производство.

Исследование участка «Т» (Теменос) в центральной части о. Березань были начаты в 1996 году [Назаров, Отрешко, 1996, с. 16; Назаров, 1998, с. 38; Назаров, 2006, с. 142, 172]. На этом месте проводились разведывательные работы еще в 1984 г., в результате которых был открыт известняковый алтарь в виде круглой плиты диаметром 1 м с закраиной [Мазарати, 1986, с. 265; Назаров, Отрешко, 1998, с. 38]. В настоящее время работы на участке проводятся под руководством В.В. Крутилова.[1] В работе представлены материалы раскопок 1998 – 2009 гг.

На участке были раскрыты строительные остатки культового комплекса конца VI – начала V вв. до н.э. – святилище Афродиты (алтарь, ограда теменоса) [Назаров, 1998, с. 38; Назаров, 1998а, с. 114; Назаров и др., с. 196; Назаров, 2006, с. 144 и сл.; Крутилов, 2006, с. 249-250]. В прилегающем к теменесу районе были выявлены остатки наземных жилищ, и отдельные хозяйственные постройки этого же времени. В дальнейшем были обнаружены более ранние остатки углубленных в землю жилищ (землянок и полуземлянок), хозяйственные ямы конца второй – третьей четверти VI в. до н.э. [Крутилов, 2007, с. 26]. Кроме жилищ были открыты и хозяйственно-производственные комплексы: остатки гончарной и металлообрабатывающей мастерских конца VI – начала V вв. до н.э. [Крутилов, 2007, с. 5, 11; 2009, с. 29, 30].

Наиболее массовыми находками на участке являются керамические изделия – фрагменты столовой и хозяйственной посуды, тары. В меньшем количестве представлены изделия из камня, кости, стекла и металла. Из металлических вещей выделяются изделия из свинца, описание которых является задачей настоящего исследования.

Свинцовые предметы, так же как и другие металлические изделия сильно подвержены коррозии. В отличие от меди и бронзы, покрывающиеся зеленной патиной, свинец покрывается серым с желтизной налетом, который по цвету трудно отличить от грунта. По всей видимости, этим можно объяснить немногочисленность находок из этого материала.

В период работ с 1996 по 1998 года находки свинцовых изделий на участке были весьма немногочисленны – всего 3 экз. Применение метало-детектора позволило значительно увеличить число подобных находок. Так за период 2005–2012 гг. на участке было собрано около двухсот (!) изделий из свинца, что свидетельствует о том, что они широко использовались населением греческого поселения. Однако внимание исследователей свинцовые изделия привлекали редко. Публиковались

© Д.Н. ХМЕЛЕВСКИЙ, 2015

1. За предоставленный материал и разрешение на его публикацию я благодарю начальника Березанской экспедиции В.В. Крутилова.

отдельные изделия или они упоминались вскользь, без подробного анализа, как сопровождающий материал. Они не описаны, не систематизированы и место их в материальной культуре колонистов не определено. Учитывая возросшее количество находок свинцовых изделий и их разнообразность, имеет смысл обратить внимание и на этот, как оказалось, массовый материал.

Датировка свинцовых изделий самих по себе весьма затруднительна. Их изготовление и применение прослеживается на всем протяжении античного времени, поэтому рассматривать их следует в общем контексте с другими датирующими категориями находок.

На участке «Т» свинцовые изделия были найдены почти во всех слоях и по сопутствующему материалу они датируются серединой VI в. до н.э. – I вв. н.э. Поэтому нами рассматривается материал в основном из закрытых комплексов (землянки, полуземлянки, хозяйственные ямы) [Крыжицкий, 2013, с. 94, 95] и из слоев, имеющих узкую датировку.

Свинцовые находки, найденные на участке, можно разделить на следующие категории: изделия хозяйственно-бытового и промыслового назначения, украшения, заготовки.

Одна из многочисленных групп представлена предметами *хозяйственно-бытового применения*, и включает в себя пряслица, скрепы для ремонта посуды, которые являются самыми массовыми и распространенными изделиями на античных памятниках Северного Причерноморья.

В этой группе свинцовых изделий наиболее многочисленны пряслица различной формы и размеров. Ткацкие свинцовые пряслица, присутствует почти на всех античных памятниках на территории Северного Причерноморья, что говорит о повсеместном распространении прядения и ткачества. Об изготовлении пряслиц на острове можно судить по находкам бракованных изделий полученных при их отливке.

В основу их типологии положены типологии керамических пряслиц [Радзієвська, 1979, с. 20, 21; Гаврилюк, 1987, с. 121, 122; Крапивина, 2006, с. 19.]. По форме свинцовые пряслица разделяются на биконические (усечено-биконические) конические, усечено-конические, дисковидные (плоские с орнаментом по внутренней стороне с ободком, и в виде колесика).

Биконические (усечено-биконические) пряслица (14 экз.) имеют одинаковую орнаментацию с двух сторон в виде радиально расходящихся от отверстий к пояску рубчиков (рис. 1, *1 - 3*). Различие орнамента состоит в количестве рубчиков, а также в глубине их прорисовки. Размеры их колеблются: диметр 1,5 – 2 см, средняя высота 1,3 см, диаметр отверстий 0,5 – 0,7 см. По сопровождающему датирующему материалу они в основном относятся к середине VI – началу V вв. до н.э. [Крутилов, 2005, с. 476; 2006, с. 4; 2009, с. 8, 9]. Орнамент в виде рубчиков распространен на свинцовых биконических пряслицах. Аналогичные пряслица были найдены в Ольвии на поселениях ее периферии, Тире [Смольянинова, 2009, с. 206].

Конические и усечено-конические по форме пряслица (8 экз.) по количеству уступают биконическим (рис. 1, *4, 5*). Они не имеют орнаментации. Размеры: высота – 1,1 см, диаметр от 1,8 см до 0,9 см. Датируются серединой VI – началом V вв. до н.э. [Крутилов, 2006, с. 3, 4]. Они, так же как и биконические, имеют аналогии в Ольвии и на поселениях ее периферии, Тире [Смольянинова, 2009, с. 202, 206].

Еще одна немногочисленная группа (3 экз.) представлена плоскими пряслицами с рельефной орнаментацией. По центру с одной стороны они имеют углубление, с другой стороны плоские. Кроме верхней и нижней плоскости они имеют наружный центральный ободок по всему диаметру. По форме они напоминают сильно усеченные биконические пряслица. Такие пряслица имеют орнаментацию с двух сторон. Со стороны углубления, в центре прослеживается выпуклый ободок, от которого к наружному ободку радиально отходят рельефные рубчики в виде «спиц». С другой, плоской стороны орнамент сохранился хуже (рис. 1, *6)*. Такой орнамент характерен так же для биконических пряслиц для всей территории Северного Причерноморья. Похожий орнамент встречается и на пряслицах в виде «колесиков» со ступицей, найденные в Тире, Ольвии [Смольянинова, 2009, табл. 2, рис. *22 - 24*]. Можно привести еще один пример такого изделия, но уже без внутреннего орнамента. Орнамент в виде рубчиков проходит с двух сторон по наружному ободку и похож на орнамент биконических пряслиц (рис.1, *7*). Их средний диаметр 2 см, диаметр отверстий 0, 5 - 0, 7 см. По сопровождающему материалу датируется серединой VI – началом V вв. до н.э. [Крутилов, 2006, с. 4].

В эту же группу входят и обычные плоские пряслица (2 экз.), без какого либо орнамента, только в центре имеется небольшое углубление (рис. 1, *8*). Размеры: диаметр 2 см, толщина 0,6 см, диаметр отверстий 0,5 см. Датируется второй - третью четвертью VI в. до н.э. [Крутилов, 2005, с. 3].

Одна из немногочисленных групп – это пряслице в форме колесика (1 экз.). Находка такого типа пряслица (рис.1, *9*) происходит из заполнения полуземлянки № 10, которая выявлена в северо-восточном углу теменоса и относится к позднеархаическому периоду существования поселения [Крутилов, 2005, с. 3, 2006, с. 9, 10].

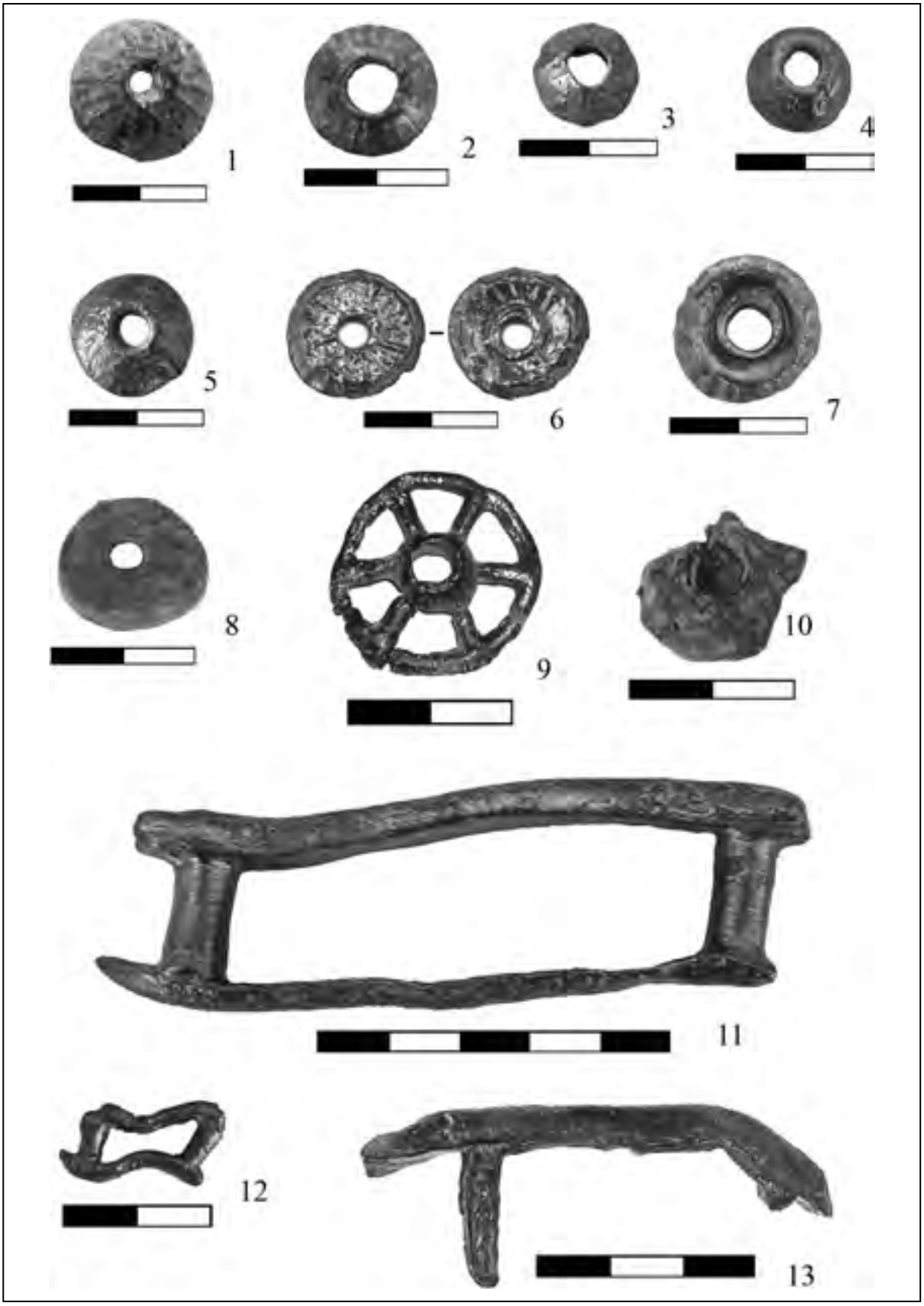


Рис. 1. Свинцовые пряслица:
1 – 3 усечено-биконические пряслица; *4 – 5* усечено-конические пряслица; *6 – 7* плоские пряслица (реберчатые); *8* – плоские пряслица; *9* – пряслице в виде «колесика»; *10* – брак; *11 – 13* скрепы для ремонта керамической посуды

Рис. 2. Свинцовые изделия промыслового предназначения и украшения:
1 – 2 скрепы для ремонта посуды; *3 – 8* грузила для рыбацких сетей; *9* - подвеска в виде птички; *10* - бусина

По форме пряслице напоминает колесо, имеет наружный ободок и явно выраженную ступицу, от которой отходят шесть спиц, пространство между спицами не залито свинцом. По датирующему сопровождающему материалу его можно отнести к середине VI – первой четверти V в. до н.э. [Крыжицкий, 2013, с. 96.]

Присутствие бракованных изделий при их отливке, наличие всплесков свидетельствует о местном производстве пряслиц. При этом при раскрытии остатков металлообрабатывающей мастерской конца VI – начала V вв. до н.э. никаких следов изготовления свинцовых изделий (шлак, всплески) выявлено не было.

Одно из таких бракованных пряслиц было найдено в заполнении полуземлянке № 4 выявленной при зачистке материкового слоя к югу от прирезки 2005 г (Крутилов, 2005, с. 3). По изделию сложно определить какую форму ему хотели придать при отливке – усечено-коническую и биконическую. При изготовлении оно потеряло вид, видны излишки металла, отсутствует сквозное отверстие (рис. 1, *10*).

В группу хозяйственно-бытового назначения входят и свинцовые скрепы для ремонта керамической посуды (рис. 1, *11 – 13;* рис. 2, *1, 2*). Форма скрепы и ее размер определяются местами (венчик, стенка, днище) и размерами ремонтируемой керамической посуды. При ремонте применялось от одной и более скреп. При разнообразии форм их конструкции в основном схожи между собой. Наружная, плоская, часть скрепы – «спинка», скорее всего, изготавливалась путем литья [Петерс, 1975, с. 88, 89], так как на некоторых экземплярах оставались следы плавки. Эта пластина всегда плотно и по форме прилегала к ремонтируемой поверхности. Потом в просверленные отверстия в посуде вставлялись свинцовые штифты, где с другой стороны к ним путем пайки прикреплялась свинцовая пластина (проволока), но более грубой работы, иногда прослеживаются следы обрезки. Такие следы пайки обнаруживаются только на одной половине скрепы, с внутренней стороны сосуда. Это может говорить о том, что, возможно, наружная часть отливалась вместе со штифтами. В одной скрепе могло быть от двух до четырех штифтов.

Кроме скреп при ремонте керамической тары применялись и массивные «заклепки». Одно из таких изделий было найдено в слое восточной прирезки, в котором по датировке преобладают находки середины – второй половины VI в. до н.э. [Крутилов 2009, с. 6, 7]. Заклепка каплевидной, вытянутой в длину формы, имеет один штифт. Длина спинки 5,2 см, ширина 2 см, высота с ножкой 2,7 см, диаметр ножки 1,3 см (рис. 2, *2*). Размеры скрепы и большой диаметр штифта позволяет предположить ее использование для ремонта толстостенных сосудов, возможно пифосов.

На поселении о. Березань, как и на многих античных памятниках Северного Причерноморья, было развито рыболовство. Об этом свидетельствуют наличие в слоях костей и чешуи рыбы, находки бронзовых крючков для ловли на удочку [Куликов 1998, с. 190], а присутствие каменных, керамических и свинцовых грузил говорит о применении рыболовных сетей различных конструкций [Куликов, 1998, с. 187-190].

Грузила от рыболовных сетей составляют значительную часть свинцовых изделий *промыслового назначения* (48 экз.). Свинцовые грузила для оснащения рыболовных сетей, предназначены для утяжеления низа рыболовной сети (рис. 2, *3 - 8*). Весовое разнообразие грузил рыболовных сетей позволяет говорить об использовании сетей различных видов и конструкций – бредня, волокуши, накидных и растяжных сетей.

Существуют грузила без разреза и с разрезом. Грузила без разреза изготавливались путём литья [Куликов, 1998, с. 195, рис. 7]. Возможно, аналогичную функцию выполняли скрученные в трубку свинцовые пластины, когда одна сторона полностью перекрывала другую внахлёст, три экземпляра были найдены на участке «Т» на Березани (рис. 2, *3, 4*). Такие утяжелители просто нанизывались на шнур. Грузила с разрезом изготавливались из таких же слегка свёрнутых пластин, которые потом накладывались сверху на шнур и крепились на нем путем сдавливания (рис. 2, *5 – 8*). Их количество значительно больше предыдущих – 24 штуки. Одно из таких утяжелителей были найдены в заполнениях полуземлянок №№ 3, 4 [Крутилов, 2005, с. 3], Оно относится ко второй - третьей четверти VI в. до н.э. (рис. 2, *6*). Второе грузило выявлено в полуземлянке № 29 расположенной на северной прирезке участка «Т» и по материалу заполнения датируется серединой VI в. до н.э. [Крутилов, 2007, с. 23, 24] (рис. 2, *7*). Грузила такого типа составляют основную массу находок этой группы. Различались они только по характеру обжимки, размеру и весу.

Датировка свинцовых грузил довольно широка – середина VI в. до н.э. – I вв. н.э., так как их находки происходят их всех слоев периода существования поселения.

Кроме описанных выше найдены грузила других форм: пластины, небольшие слитки, но их применение в рыболовстве спорно.

Находки *украшений* из свинца единичны. Из них хотелось бы представить подвеску в виде птицы, возможно, голубя, которая была найдена в заполнении полуземлянки № 9 в восточном борту раскопа [Крутилов, 2006, с. 5, 6].

Фигурка двусторонняя, объемная. Ее длина – 2 см, высота – 1,8 см. На голове в виде небольших, едва заметных выпуклостей прослеживаются глаза, клюв отсутствует. Концы

крыльев чуть приподнятые и слегка расходятся в стороны, хвост вертикальный. Нога массивная, обозначена условно, на конце имеет утолщение, возможно это была часть литника. Перья на голове, крыльях и хвосте проработаны слабыми рельефными линиями. От шеи к спине проходит небольшая рельефная дужка для подвешивания. В некоторых местах фигурки отсутствуют следы доработки. По сопровождающему материалу она датируется серединой – третью четвертью VI в. до н.э. (рис. 2, *7*).

Еще одно украшение – свинцовая бусинка. По форме она напоминает небольшой бочонок с отверстием. Размеры: высота 1,5 см, диаметр 1,2 см, диаметр отверстия 0,7 см (рис. 2, *8*). Была найдена в заполнении полуземлянки № 5 ниже перекопа новейшего времени, материал которой датируется концом второй – третьей четвертью VI в. до н.э. [Крутилов, 2005, с. 3; 2006, с. 5].

Довольно широкий диапазон датировок свинцовых изделий, найденных на участке «Т» поселения на о. Березань, - середины VI в. до н.э. – I в. н.э. свидетельствует об их применении на всем протяжении периода существования поселения. Отдельные находки свинцовых изделий: пряслиц, скреп, грузил можно датировать серединой VI – началом V вв. до н.э.

Аналогичный материал, присутствует почти на всех синхронных античных памятниках Северного Причерноморья и представляет собой один из распространенных видов изделий. Находки пряслиц говорят о повсеместном распространении прядения и ткачества. Преобладали пряслица усечено-биконической формы, за ними следуют пряслица усечено-конической, затем плоские пряслица и в виде колесиков. Присутствие бракованных изделий при их отливке, наличие всплесков, свидетельствует о местном производстве пряслиц. Наличие свинцовых грузил, наряду с находками каменных и керамических, свидетельствует о распространение рыболовецкого промысла. Применение различных видов грузил в снастях показывают способы лова при помощи сетей разнообразных конструкций: волокуш, накидных и растяжных сетей.

При раскрытии остатков металлообрабатывающей мастерской конца VI – начала V вв. до н.э. не было найдено никаких следов изготовления свинцовых изделий (шлак, всплески). При этом ее открытие показывает, что в то время на поселении уже было распространено ремесло по обработке металла, что косвенно может подтверждать факт местного производства свинцовых изделий.

Гаврилюк Н.А. Прядение у степных скифов // Скифы Северного Причерноморья. – К., 1987. - С. 116 - 130.

Крапивина В.В. Другие изделия из керамики // Древнейший теменос Ольвии Понтийской. - Симферополь – 2006. - С. 190-191.

Крутилов В.В. Отчёт о полевых исследованиях на Березанском античном поселении (участок «Т») в 2009 году.- НА ИА НАНУ, 2009/82.

Крутилов В.В. Отчет о полевых работах на о. Березань (участок «Т») в 2005 г. - НА ИА НАНУ, 2005/39.

Крутилов В.В. Отчет о полевых работах на о. Березань (участок «Т») в 2006 году.- НА ИА НАНУ, 2006/ 53.

Крутилов В.В. Отчет о полевых работах на о. Березань (участок «Т») в 2007 году. - НА ИА НАНУ, 2007/74.

Крутилов В.В. Отчет о полевых работах на о. Березань (участок «Т») в 2008 году. НА ИА НАНУ, 2008/25.

Крутилов В.В. Полуземлянки архаического времени на территории участка «Т» на о. Березань (по материалам раскопок 2005 – 2006 гг.) // Античный мир и варвары на юге России и Украины: Ольвия. Скифия. Боспор – Запорожье, 2007. – С. 26 – 35.

Крутилов В.В. Раскопки на о. Березань (участок «Т») в 2005 г. // АДУ. 2004 – 2005 рр. – Київ-Запоріжжя. – 2006. – С. 249 – 250.

Крыжицкий С.Д. Некоторые проблемы и возможности интерпретации культурных напластований Ольвии // ВДИ. 2013 - № 1 (284). - С. 94 – 103.

Мазарати С.Н. Исследования на о. Березань // Археологические открытия 1984 года. - МОСКВА, 1986. – С. 265.

Назаров В.В. Раскопки на Березани в 1998 г. // АВУ. 1997 – 1998 рр. К., 1998а. - С. 114.

Назаров В.В., Назарова Т.А., Паньков С.В., Рудич Т.А. Раскопки на Березани в 2001 г. // АВУ. 2000 – 2001 рр. – К., 2002. – С. 196.

Назаров В.В., Отрешко В.В. Открытие теменоса Березанского поселения // АВУ. 1997 – 1998 рр. К., 1998. - С. 37 - 38.

Назаров В.В., Отрешко В.М. Отчет о работе Березанской экспедиции в 1997 г.- НА ИА НАНУ – 1997/120.

Назаров В.В., Отрешко В.М. Отчет о раскопках античного поселения на о. Березань в 1996 г. Березанской экспедицией ИА НАН Украины. - НА ИА НАНУ – 1996/90.

Петерс Б.Г. О некоторых металлических изделиях из античного поселения у с. Михайловки // Античная археология. Краткие сообщения №143 – 1975. – С. 86-89.

Радзієвська В.Є. Техніка прядіння у населення лісостепової Скіфії // Археологія. – 1979. -№ 32. - С. 19 – 26.

Смольянинова С.П. Свинцовые пряслица из Тиры-Белгорода//Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса – 2009. Вып. 9. – С. 202 - 217.

Д.М. Хмелевський

СВИНЦЕВІ ВИРОБИ З ДІЛЯНКИ «Т» БЕРЕЗАНСЬКОГО ПОСЕЛЕННЯ

У статті розгадаються знахідки свинцевих виробів з розкопу «Т» античного поселення на о. Березань. такі вироби окремо не розглядувались, публікації їх не здійснені, а лише частково згадувались у звітах.Слід зазначити, що останнім часом на розкопі зросло число знахідок свинцевих виробив різних категорій. На основі матеріалів переважно з закритих та відкритих археологічних комплексів (напівземлянок та інших), а також аналогічні вироби з шарів які мають більш менш вузьке їх датування, запропонована типологія свинцевих виробів. Знахідки бракованих виробів дало змогу виділити екземпляри місцевого виробництва.

Ключові слова: свинцеві вироби, Березань, місцеве виробництво.

D.N. Hmelevskyi

LEAD WARES FROM A PLOT "T" OF BEREZAN SETTLEMENT

At the article reviews finds of lead items from an excavation plot "T" of antique settlement on island Berezan. Despite the fact that the lead products for a long have attracted the attention of researchers, such wares were not considered separately, their publication is not implemented, but only partially mentioned in the reports. It should be noted that recently increased the number of excavation finds of lead products of different categories that were used in many areas of life.

Based on the material, preferably from closed and open archaeological complexes (semy-dugouts, etc.) as well as similar products from layers with narrow dating, it is proposed the typology of lead products now.

These wares are not only coming from other ancient cities, but produced on the spot. Finds of defective items allowed to allocate specimens of local production.

Keywords: lead wares, Berezan, local production.

Одержано 24.09.2014

УДК 904.3 (477.73) «652»

Д.Е. Чистов, Ю.И. Ильина

НОВЫЕ ДАННЫЕ О БЕРЕЗАНСКОМ ПОСЕЛЕНИИ КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

Статья посвящена публикации нового комплекса – многокамерной постройки середины – второй половины V в. до н.э. из раскопок Березанского поселения.

Ключевые слова: Березанское поселение, Борисфен, классический период, керамика.

В результате многолетних исследований северной части Березанского поселения Л.В. Копейкиной, Я.В. Доманским и С.Л. Соловьевым был сформулирован вывод об упадке Березанского поселения в V в. до н.э., выразившемся в сокращении площади жилой зоны, уменьшении числа его жителей, деградации городской застройки и, вследствие этого, разительном изменении облика поселения [Копейкина, 1981, с. 206-208; Доманский, Виноградов, Соловьев, 1989, с. 38; Solovyov, 1999, p. 98-113].

Согласно полученным данным, опустевшая территория города была вновь заселена через очень короткое время, однако, облик этого нового поселения разительно отличался от прежнего. Особенностью классического периода в северно-западной части Березанского поселения становится возврат к традиции земляночного домостроительства, казалось бы, почти забытой с середины VI в. до н.э. Целая группа землянок различной конструкции была раскрыта в ходе раскопок 1987-1991 гг. на северо-западном участке СЗ-Б (рис. 1, Е) [Solovyov, 1999, p. 101-109]. Эти объекты представляли собой котлованы различных размеров (от 7,6 до 30 м^2), заглубленные в грунт на 1-1,1 м. Все котлованы, за исключением одного округлого (52) имели прямоугольную форму. Конструкция этих сооружений и оформление их интерьера заметно различались. В некоторых случаях по периметру грунтовых стенок имелась каменная кладка (землянки 72, 52), у других (землянки 48, 57) она отсутствовала. Судя по расположению столбовых ямок, перекрытие могло быть как коническим (в случае землянки 52), так и одно- или двускатным. Внутренне пространство самого большого по площади комплекса (землянки 48) было разделено на два помещения плетневой перегородкой.

Диаметрально противоположной точки зрения придерживался В. В. Лапин, который, исходя из результатов своих раскопок 1960- х – 1970-х гг. на участке «О» в северо-восточной части острова, предполагал непрерывное развитие Березанского поселения на протяжении V-IV вв. до н.э. По его мнению, именно на V в. до н.э. приходится наибольшее количество строительных остатков и наибольшее расширение границ жилой территории города [Лапин, 1966, с. 108]. Сопоставление результатов исследований В.В. Лапина с недавними раскопками того же участка, речь о которых пойдет ниже, осложняется существенными расхождениями в представлениях о хронологии строительных остатков Березанского поселения. Согласно представлениям В.В. Лапина, отразившимся как в текстах, так и в самой структуре его полевых отчетов, наземное каменно-сырцовое строительство на Березани начинается не ранее рубежа VI-V вв. до н.э. Таким образом, в качестве «архаического горизонта» этот исследователь рассматривал исключительно ранние землян-

© Д.Е. ЧИСТОВ, Ю.И. ИЛЬИНА, 2015

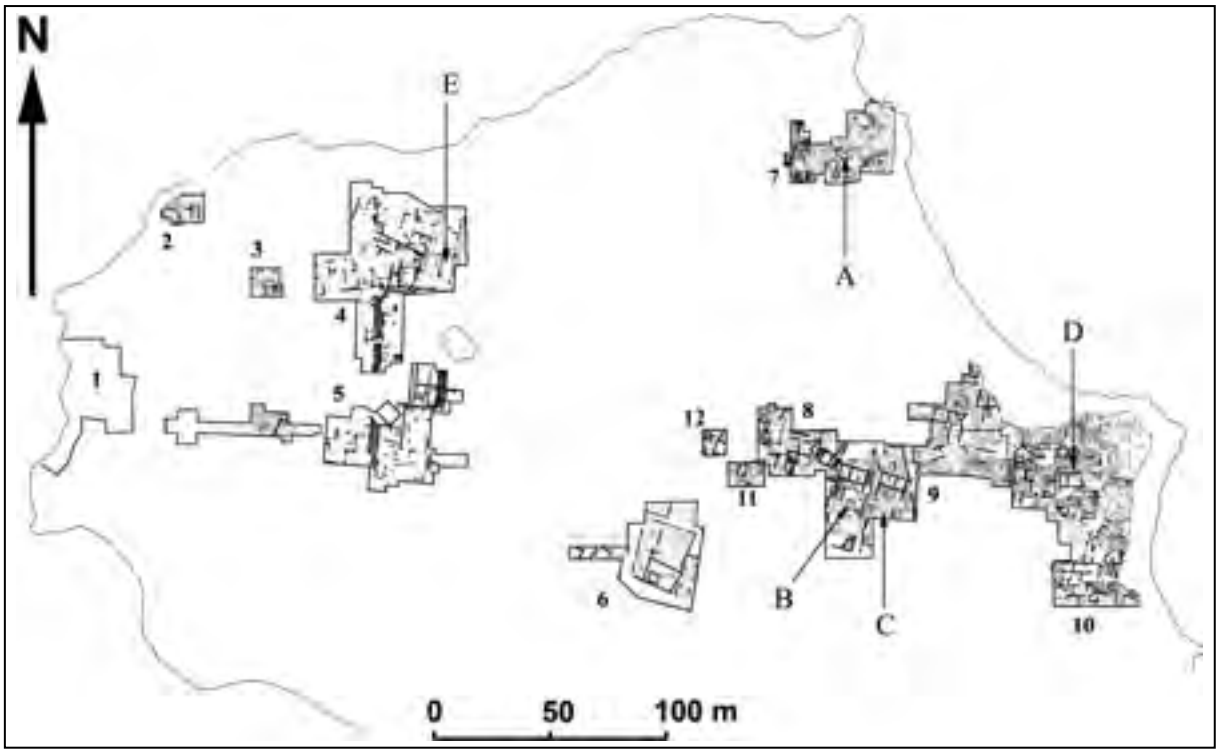


Рис. 1. Основные участки раскопок 1930-х – 2013 гг. в северной части о. Березань. Номера раскопов на плане: *1* – Некрополь. *2* – Раскоп «С-1». *3* – Раскоп «С-2». *4* – Раскоп «Северо-западный А». *5* – «Раскоп Северно-западный Б». Раскоп «Т». *7* – Раскоп «Г». *8* – раскоп «Р-1в». *9* – Раскоп «О – западный» (1991-2012). *10* – Раскоп «О-восточный» (1960-1980). *11* – Раскоп «ГШ». Буквами латинского алфавита отмечены места расположения упомянутых в тексте строительных остатков V-IV вв. до н.э.: *А* – строительные остатки на раскопе «Г»; *В* – место расположения многокамерного дома второй пол. V в. до н.э. на участке «О-западный»; *С* – место расположения полуземлянки 46 второй четверти V в. до н.э.; *D* – строительные остатки IV в. до н.э. на раскопе «О-Восточный» В.В. Лапина; *Е* – место расположения полуземлянок V в. до н.э. на раскопе «СЗ-Б»

ки и хозяйственные ямы, предшествовавшие наземным домам, любые же наземные строительные остатки он был склонен датировать не ранее начала V в. до н.э., относя их к периодам классики и эллинизма[1]. Картина непрерывного развития Березанского поселения подкреплялась и наличием на части площади раскопа «О» хорошо выраженного культурного слоя IV в. до н.э.: с ним связана целая серия хозяйственных ям и строительные остатки одной или нескольких многокамерных построек (рис. 1, D). [Лапин, 1970, л. 22-33, 1971, л. 10-18]. Однако, в последнем случае мы, вероятно, имеем дело с изолированным комплексом зданий, отдельной усадьбой, поскольку выраженных следов строительных остатков и слоя IV в. до н.э. на исследованных прилегающих территориях нет. В полевой документации раскопок В.В. Лапина также не удается найти описания комплексов с выразительным материалом середины – второй половины V в. до н.э., подобных тем, что станут предметом нашего рассмотрения ниже.

Результаты возобновленных в 1990-х гг. раскопок участка «О» не подтверждают предположения его первого исследователя. Напротив, они формируют картину, весьма сходную с результатами раскопок северо-западных участков.

Характерной особенностью участка «О-Западный» (рис.1, 9), исследуемого с 1991 г., является наличие мусорных слоев V в. до н.э., перекрывающих строительные остатки позднеархаических каменно-сырцовых построек. Эти напластования, как правило, локализуются пятнами, не принадлежат к единому горизонту, и представляют собой линзы золистого грунта, насыщенного измельченными раковинами мидий и сильно кальцинированной керамикой [Чистов, 2012, с. 105-106]. Оче-

1. Очевидно, значительная часть раскрытых на раскопе «О» строительных остатков должна быть заметно удревнена исходя из современных представлений о начале каменно-сырцового домостроительства в третьей четверти VI в. до н.э. Так, например, к классическому периоду относили расположенный в западной части раскопа «О» т.н. Дом 1 из раскопок В.В. Лапина [Solovyov, 1999, p. 100-101], объемная реконструкция которого была предложена С.Д. Крыжицким [Крыжицкий, 1982, с. 27, рис. 4,4], однако повторные исследования этого дома [Доманский, Марченко, 2006, с. 35-36; Чистов, 2006, с. 60, 87, рис. 19] и стратиграфические наблюдения позволяют предполагать, что он датируется второй половиной VI – началом V в. до н.э.

видно, формирование этих слоев относятся к периоду запустения Березанского поселения, однако свидетельствует о наличии какой-то хозяйственной активности на территории частично заброшенной городской застройки. На протяжении указанного периода покинутые жилища и кварталы архаического города постепенно разрушались, кладки разбирались на камень. Именно в это время, очевидно, были практически полностью разобраны надземные части каменных цоколей стен двух крупных позднеархаических построек (многокамерные комплексы №№ 1 и 2), вероятно, имевших общественное назначение [Чистов, Ильина, 2012].

В ходе исследования территории упомянутых выше позднеархаических многокамерных комплексов и их окружения были обнаружены и более поздние объекты, датировка которых укладывается в рамки второй – последней четвертей V в. до н.э., в том числе –полуземлянки и хозяйственные ямы (СК 38, 46, 57, ямы 116, 142, 152, 157, 158, 159). Часть указанных объектов представляет собой бесформенные котлованы и ямы с обвалившимися устьями, очевидно - долгое время остававшиеся незасыпанными и постепенно оплывавшие. В их ряду выделяется округлая полуземлянка 46 (рис. 1, С), своими размерами и конструкцией напоминающая круглые землянки архаического периода [Чистов, 2012, с. 104, ил. 54, с. 106-108]. В заполнении этого комплекса найден репрезентативный набор фрагментов аттической чернолаковой и чернофигурной керамики, позволяющий датировать ее не ранее 470-х гг. до н.э. (т.е., очевидно, второй четвертью V в. до н.э.) Примечательно, что котлован этой полуземлянки возник на территории двора напротив входа в позднеархаический Комплекс №1. Поскольку полуземлянка 46 была впущена в грунт с уровня мусорных напластований, перекрывающих строительные остатки этого сооружения, совершенно очевидно, что ко времени ее появления (второй четверти – середине V в. до н.э.) самого здания уже не существовало.

В результате исследований последних лет на том же участке было сделано неожиданное открытие: удалось выявить строительные остатки наземной многокамерной постройки, возникшей около середины V в. до н.э. (рис. 2). К ним следует отнести подвальное помещение (21), и полуподвал (15). Эти заглубленные объекты принадлежали сооружению, наземная часть которого практически не сохранилась. Стены других помещений этого дома, очевидно, были сложены из сырца, и не имели каменных цоколей в основании. Об этом свидетельствуют следы двух сырцовых стен, выявленные в ходе раскопок к востоку и к югу от подвала 21.

Подвал 21 (рис. 3), имевший в плане размеры 3,00х 3, 70 м, был врезан в грунт на 1,35 м. Стены подвала, сложенные из сырцового кирпича, в нижней части облицованы каменной известняковой кладкой на высоту около 0.60 м. Помещение имело плотный глинобитный пол; в центре и по углам в полу выявлены шесть ямок, очевидно, предназначавшихся для установки амфор. В одной из них находилась нижняя часть хиосской амфоры. Заполнение подвала содержало весьма представительный керамический комплекс, включавший фрагменты амфорной тары и столовой керамики (прежде всего, аттического производства) середины – третьей четверти V в. до н.э.

Помещение 15 (рис. 4), по всей видимости, представляло собой полуподвал, пол которого был заглублен относительно дневной поверхности классического периода на 0,55-0,60 м. По периметру помещения были возведены однолицевые каменные цоколи толщиной до 0.48 м; следов сырцовых кладок здесь, в отличие от соседнего подвала 21, не обнаружено. Южная и восточная кладки помещения были частично разобраны в древности, однако внутренние размеры полуподвала (ок. 3,50 х 5,50 м) достаточно уверенно восстанавливаются по контурам его прямоугольного котлована, который был врезан в материковый суглинок. Полуподвал, вероятно, был разделен на две неравные части каменной перегородкой (стена 82), однако она сохранилась лишь на небольшом участке. Остается неясным, сообщались ли основное помещение и меньшее по площади, примыкавшее к нему с юга. Возможно, южное помещение служило для оформления входа (лестницы в полуподвал с уровня древней дневной поверхности). Основное помещение, вероятно, использовалось для хозяйственных нужд: об этом свидетельствует углубление с грушевидной хозяйственной ямой (ямы №№173-174) в его центральной части.

Амфорная тара, найденная в заполнении помещений 21и 15 (а также в ямах 173-174, находившихся в границах последнего), датируется в рамках двух последних четвертей V в. до н.э. В заполнении ямы 173 обнаружено целое горло прямогорлой хиосской амфоры (рис. 5, *1*), которое, по-видимому, можно отнести к типу IV-B, датируемому С.Ю. Монаховым 410-420-ми гг. до н.э. [Монахов, 2003, с. 20, табл. 9.5]. На дне в южной части ямы 174 найдена нижняя часть амфоры круга Фасоса (рис. 5, *2*), а в центральной части – большой обломок солена красноглиняной черепицы.

В числе находок амфорной тары из заполнения подвала 21 отметим горла «поздне-

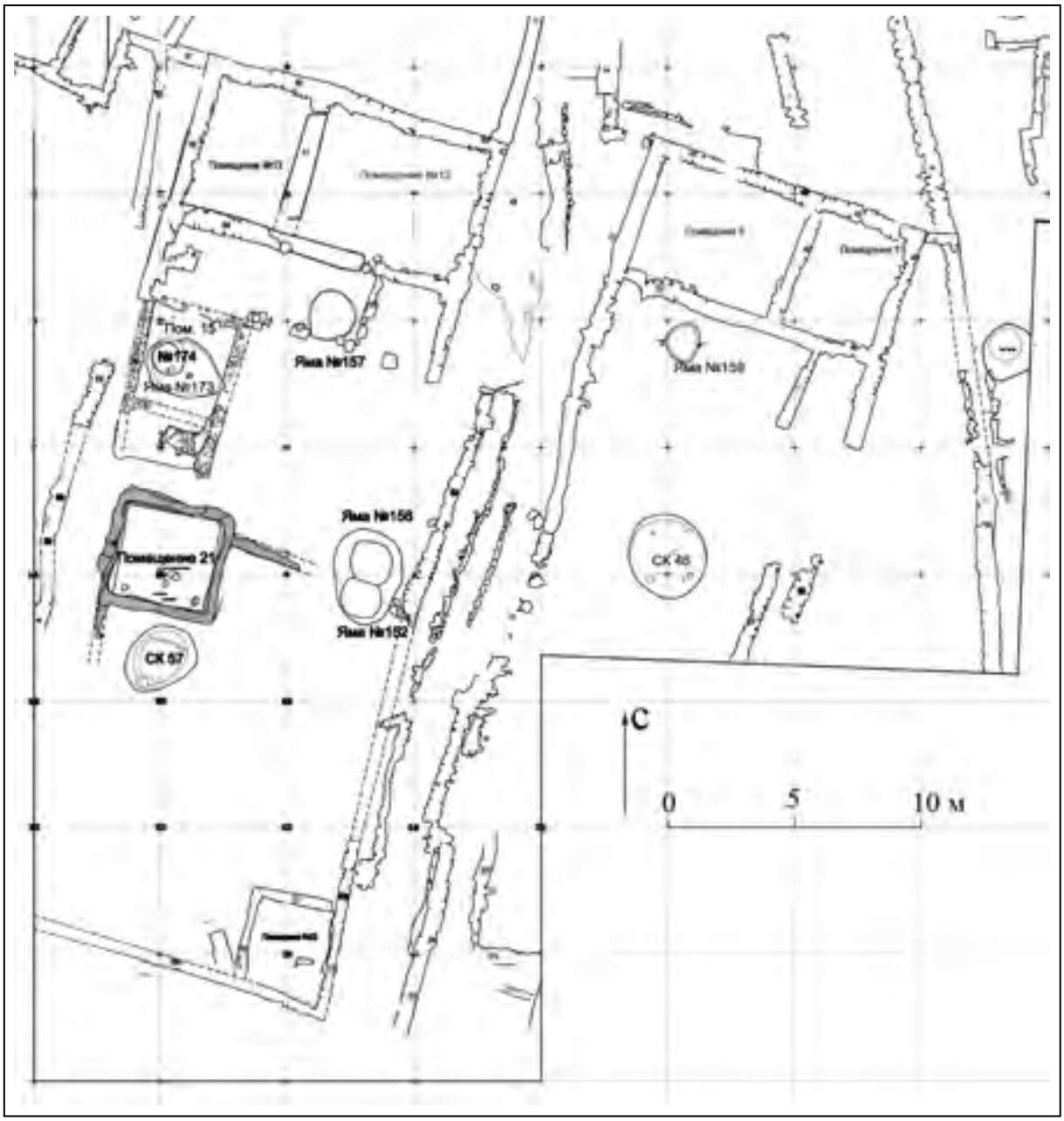


Рис. 2. План западной части раскопа «О», горизонт V в. до н.э. Строительные остатки построек предшествующего позднеархаического периода обозначены контурными линиями

Рис. 3. Подвал классического периода (помещение 21). Вид с запада

Рис. 4. Полуподвальное помещение 15, ямы 173-174. Вид с юга

пухлогорлых» хиосских амфор с перехватом (рис. 6, *2-3*) варианта III-C по классификации С.Ю. Монахова, датирующиеся 440-ми – 420-ми гг. до н.э. [Монахов, 2003, с. 18-19, с. 237, табл. 7]. Однако, наряду с ними, в комплексе присутствуют и несколько более ранний «развитый» тип хиосской амфорной тары второй четверти V в. до н.э. [Монахов, 2003, с.17-18]. К нему относится и верхняя часть хиосской пухлогорлой амфоры, находившаяся на уровне пола подвала (рис. 6, *1*). На плечиках этого сосуда нанесены несколько граффити: «ATTI», «A», «NIK».

Горло фасосской амфоры (рис. 6, *4*), судя по пропорциям и профилировке венчика, относится к т.н. «нимфейской» серии амфор Фасоса [Монахов, 2003, с. 266-267, табл. 36,7, табл. 37,1-3, с. 62-63), появляющейся около середины V в. до н.э. Также в заполнении подвала найдено целое горло амфоры какого-то иного северо-эгейского центра «круга Фасоса» (рис. 6, *5*), видимо, датирующееся тем же временем.

Находки столовой керамики из заполнения помещений 15 и 21 хронологически неоднородны. Значительный процент находок относится к архаическому периоду, и представлен фрагментами ионийской керамики – как расписной, так и простой, красноглиняной и сероглиняной. Встречаются достаточно редкие для поселения и фрагменты терракотовых статуэток. Вместе с тем, широко представлены и образцы более поздней керамики классического периода, в основном – аттического производства. Количество фрагментов столовой керамики в помещении 15 было невелико; самой поздней находкой является часть дна чернолаковой небольшой чашечки на широком основании с граффито (дельтой) на внешней стороне (рис. 7.1). Сходное широкое основание характерно для чашечек с профилированным краем середины V в. до н.э. Ближайшая аналогия нашему фрагменту датируется 375-350 гг. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, p.135, 299, Pl. 33, No 883).

В заполнении ям 173 и 174, находившихся в границах того же помещения, найдено сравнительно много фрагментов аттической чернолаковой керамики. Преобладают фрагменты открытых сосудов, среди которых определяются килики класса stemless 470-450 х гг. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 101-102, 268, Fig. 5, No 471], а также фрагмент венчика аттического краснофигурного кратера (рис. 7, *2*) второй четверти – середины V в. до н.э. Образцы подобных сосудов, хотя и редко, встречаются на Березани [Schapiro, 2010, p. 296-297, fig.7].

В заполнении подвала 21 также присутствует примесь ионийской керамики конца VI — первой половины V вв. до н.э. (в основном – в верхней части заполнения помещения). Находки аттической керамики в нижних слоях более выразительны и многочисленны. Находки краснофигурной керамики представ-

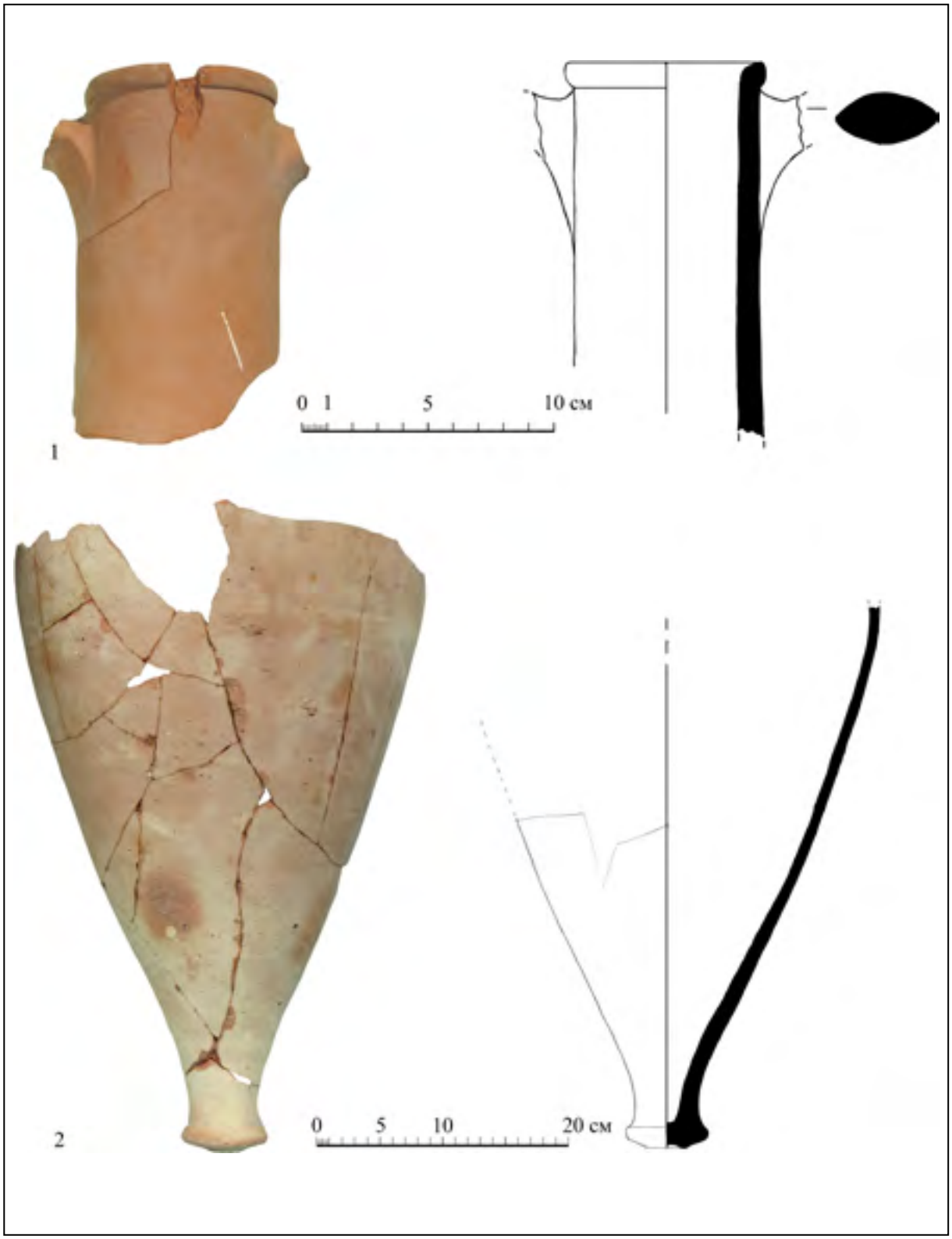


Рис. 5. Яма 173. *1* – горло хиосской амфоры (БЭ 2011.37/395). *2* – яма 174. Нижняя часть амфоры «круга Фасоса» (БЭ 2011.38/405)

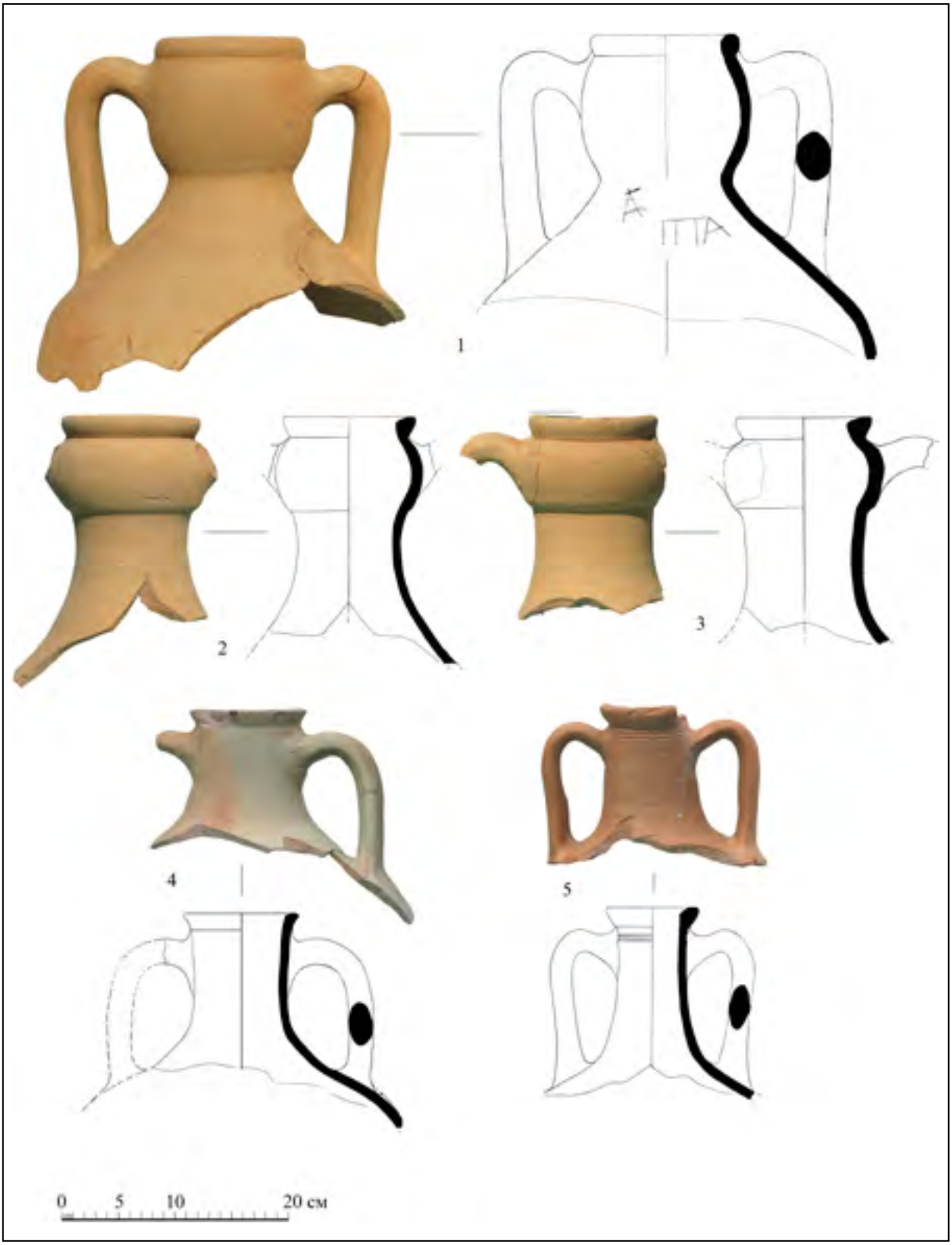


Рис. ***6***. Амфорная тара из заполнения подвала 21. *1* – верхняя часть хиосской пухлогорлой амфоры (БЭ 2013/19.423). *2-3* – горла «позднепухлогорлых» хиосских амфор с перехватом (БЭ 2013/14.421, БЭ 2013/14.422). *4-5* – горла амфор Фасоса и «круга Фасоса» (БЭ 2013/9.417, БЭ 2013/9.416)

Рис. 7. Фрагменты аттической чернолаковой керамики из заполнения подвала 21. *1* – БЭ 2011.31/380; *2* – БЭ 2011/38.401; *3* – БЭ 2013/9.58; *4* – БЭ 2013/4.33; *5* – БЭ 2013.14/94; *6-7* – БЭ 2013.14/95-96; *8* – БЭ 2013.19/143; *9* – БЭ 2013/19.131; *10-11* – БЭ 2013/9.63-64; *12* – БЭ 2013/9.59; *13* – БЭ 2013/14.97; *14* – БЭ 2013/19.132; *15* – БЭ 2013/9.65; *16* – БЭ 2013/19.133; *17* – БЭ 2013/19.134

лены единичными экземплярами, которые из-за их фрагментарности можно датировать лишь широко - концом VI в. до н.э. – первой половиной V в. до н.э. В их числе – фрагмент горла аттического краснофигурного кратера (рис. 7, *3*). К рубежу архаики и классики также относятся несколько образцов чернолаковой керамики, как типичные для конца VI – начала V в. до н.э. чашечки на высокой ножке (рис. 7, *4*) [Sparkes, Talcott, 1970, p. 138]. Наиболее близкой аналогией может быть чашечка из раскопок агоры в Афинах 500-480 гг. до н.э.[Sparkes, Talcott ,1970, p. 303, Pl. 35, No 960].

Следует отметить наличие и более позднего варианта чашечек без ножек на плоском дне 450-430 гг. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 130-131, 294, NoNo 816-817, Fig. 8] (рис. 7, *5*). Фрагменты солонок, вероятно, относятся к типам, бытующим на протяжении второй четверти V в. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 137-138, 302, NoNo 939-942, p. 300, No 904-908] (рис. 7, *6-7*). Также следует отметить редкий для слоев Березанского поселения образец открытого аттического чернолакового светильника типа 16B (рис. 7, *8*), который датируется 490-480 гг. до н.э. [Scheibler, 1976, S. 16-17, No 11, 12]. Находки киликов без ножки (stemless) относятся исключительно к классическому периоду. Самый ранний образец этого типа с сочетанием черного и красно-кораллового лака по материалам Агоры датируется 480-ми гг. до н.э. (рис. 7, *9*) [Sparkes, Talcott, 1970, p. 99-100, 267, pl. 21, No 453]. Многочисленны фрагменты больших киликов этого класса с профилированным краем с внешней стороны (inset rim), которые датируются 470-450 гг. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 101-102, 268, fig. 5, No 471] (рис. 7, *10-14*, *16*). Также есть образец и более позднего типа с выступом с внутренней стороны края (offset inside), который датируется 450-ми годами до н.э. (рис. 7, *15*) [Sparkes, Talcott, 1970, p. 269, fig. 5, pls. 23,50, No 484).Часто из-за фрагментарности находок сложно найти точные аналогии. К этому же типу относятся фрагменты края килика (рис. 7,*17*) которые датируются около 450 г. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 269, fig. 5, pl. 22, No 483).

Особо следует отметить, что большая часть фрагментов аттической чернолаковой керамики в комплексе относится уже ко времени после середины V в. до н.э., о чем свидетельствует штампованный и нарезной орнамент. Фрагменты больших киликов с профилировкой края типа «offset inside» со штампованным орнаментом на дне по материалам Агоры в Афинах датируются около 430-х гг. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 269, pl. 51, fig. 22, NoNo 491, 492] (рис. 8, *1-4*).

Глубокие килики с профилированным краем представлены также типом cup-skyphos 480-х гг. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 276, fig.6, No 578], (рис. 8,*5*). К более поздним типам киликов можно отнести фрагменты (рис. 8, *6-7*), которые датируются 480-460 гг. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 265-266, pl. 20, fig. 5, No 437 и No 440].Фрагменты скифосов представлены ранними образцами, которые датируются около 480 гг. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 84-85, 259, pl.16, No 339] (рис.8, *8-10*).

Еще один тип чаш для питья, представленный в комплексе – болсалы. Самые ранние образцы киликов типа bolsal расписаны в краснофигурном стиле [Sparkes, Talcott, 1970, p.107] и по материалам афинской Агоры датируются 430-400 гг до н.э. [Sparkes Talcott, 1970, p. 107-108, pl. 24, NoNo 532-551]. Для наших фрагментов наиболее близкой аналогией являются килики, датируемые около 420 гг. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 273, fig. 6, No 541] (рис. 9, *1-4*). Некоторые фрагменты (рис. 9, *5-6*) можно отнести к поздним вариантам этой формы - 420-400 гг. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 274, pl. 24, No 548-549). Подобные килики были очень популярным аттическим импортом, широко распространенным по всему античному миру. Они встречаются на Хиосе, Самосе и Смирне, где служат маркерами для датировки классических слоев [Boardman, 1967, p. 156, No 718-719; Isler, 1978, NoNo 217-223, S. 107; Boardman, 1958-1959, p. 176, 179, pl. 44, No 179-181; Tölle-Kastenbein 1974, S. 149, Abb. 239). В святилище Деметры в Нимфее эти формы служат основным материалом для выделения построек относящихся к классическому времени [Худяк, 1945, с. 157-158, табл. 11). На Хиосе чернолаковая керамика с резным орнаментом на доньях киликов также относится к позднему V в. до н.э. [Boardman, 1967, p. 155-156].

Наряду с киликами различных форм в заполнении подвала найдены образцы чернолаковых кружек формы «Pheidas shape» с резным орнаментом. Находки фрагментов сосудов этой формы ранее на участке «О-Западный» ранее не фиксировались (рис. 9, *7*). Нашим фрагментам наиболее близки кружки, датируемые 450-425 или 420 гг. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 250-251, pl. 11, fig. 3, No 908]. В числе редких форм аттических закрытых сосудов отметим также горло чернолакового аска или гуттуса (рис. 9, *8*) 450-420 гг. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 318, No 1169-1172, pl. 39].

Помимо аттической керамики в комплексе найдена и продукция других центров, в том числе - чернолаковый хиосский канфар с декором из листьев плюща и точечных розеток (рис. 9, *8*). Подобные канфары хорошо известны в Северном Причерноморье – как с

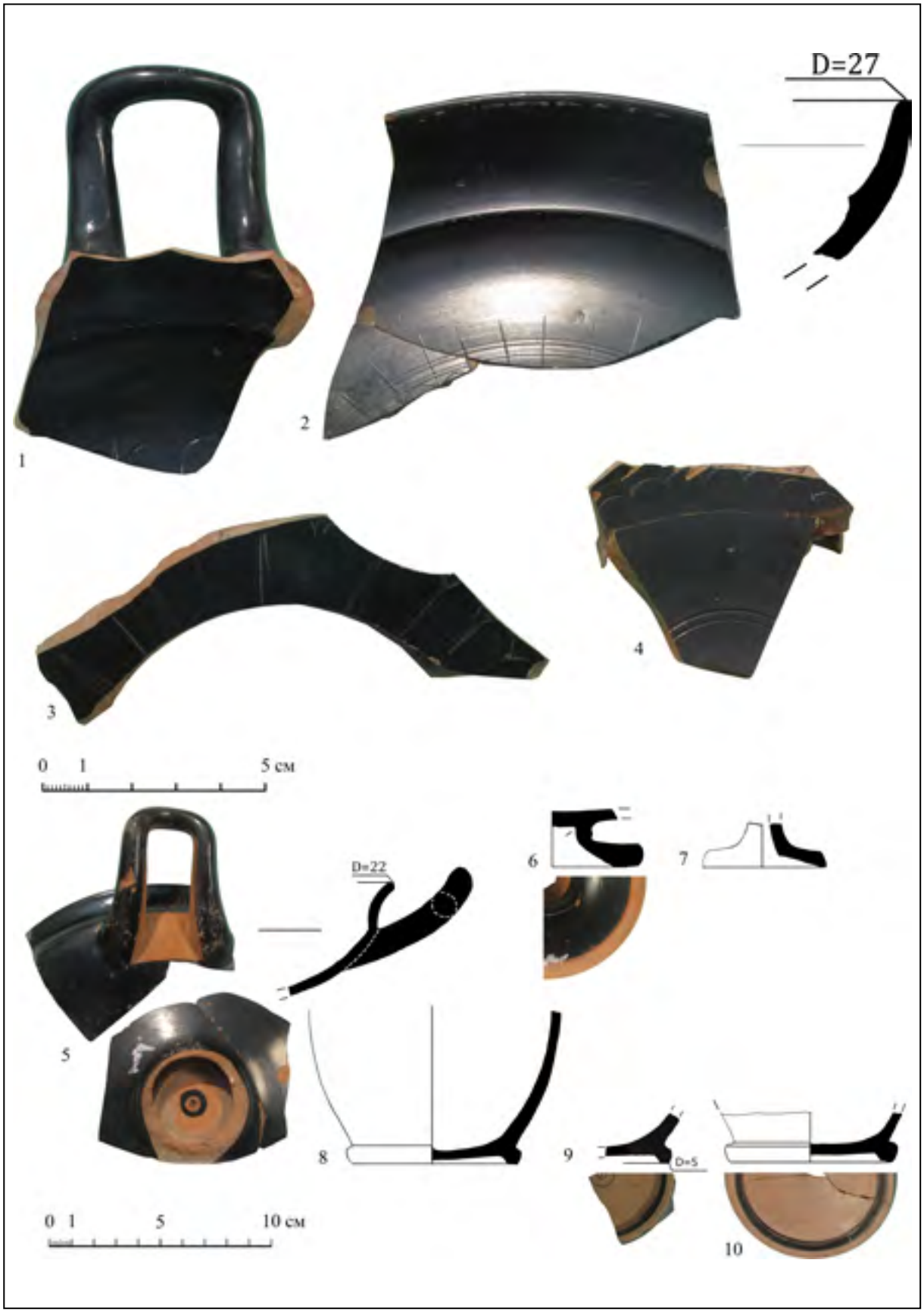


Рис. 8. Фрагменты аттической чернолаковой керамики из заполнения подвала 21.
1-4 – БЭ 2013/19.144-147; *5* – БЭ 2013/19.140; *6* – БЭ 2013.19/139; *7* – БЭ 2013.9/67; *8* – БЭ 2013.9/68; *9* – БЭ 2013.14/100; *10* – БЭ 2013.19/142

росписью, так и без нее [Зайцева, 1972, с. 93]. В Ольвии найдено несколько образцов с декором [Буйских, 2013, с. 172, рис. 167, 10, 132-133]. Форма этих сосудов является развитием формы канфаров архаического периода с белой обмазкой. Примечательно, что значительное их число было найдено в могилах на некрополе Ольвии вместе с аттической чернолаковой керамикой середины — третьей четверти V в. до н.э. [Зайцева 1972, с. 91]. Форма листьев плюща отлична как от архаических, так и от эллинистических образцов росписи. Все это позволяет предположить, что такие канфары следует датировать V в. до н.э., вероятно – после середины столетия. Многочисленны фрагменты рыбных блюд с бортиком вокруг центрального углубления и без него (рис. 9, *10-15*) — формы, получившей широкое распространение около середины V в. до н.э. [Alexandrescu, 1978, p. 123; Condurachi, 1966, p.162-168, 520 pl. 88; Ильина, Чистов, 2012, с. 99]. В материалах Ольвии серолощеные блюда появляются в классическое время, от второй четверти V в. до н.э. [Крапивина, 2006, с. 184]. На Березани большая часть таких блюд – красноглиняная, с поверхностью, покрытой красноватым лаком; сероглиняные рыбные блюда той же формы (рис. 9, *14*) встречаются реже. Края блюд имеют различную форму: с узкими канелюрами по краю или с косо срезанным краем. Все многообразие краснолощеных рыбных блюд из Ольвии свидетельствует о их местном производстве [Буйских, 2011, с. 243 рис. 2-14]. Следует также отметить открытый двухрожковый сероглиняный светильник, очевидно, датирующийся тем же временем (рис. 10, *1*). Светильник подобной формы, найденный на агоре в Афинах, отнесен к типу 21B второй-третей четверти V в. до н.э. [Howland, 1958, p. 46-47 pl. 34 No170]. В Северном Причерноморье светильники подобной формы отнесены к перовой половине V в. до н.э. [Журавлев, Быковская, Желтикова, 2007, с. 57 № 74; Русяева, 2006, с. 168 рис. 175,7]. Поскольку открытые светильники последней четверти V в. до н.э. имеют уже иную форму (тип 21C) [Howland, 1958, p. 48]), наш образец следует отнести к эпохе ранней классики.

Самой поздней находкой, сделанной в заполнении подвала является фрагмент края эллинистического кратера малоазийского производства с граффито (рис. 10, *2*) середины III в. до н.э.

Ко времени существования того же здания можно отнести три хозяйственных ямы (152, 157, 158), располагавшиеся вблизи помещений 15 и 22. Наибольший интерес представляет **яма 157**, устье которой частично разрушило одну из каменных опор под деревянные столбы галереи позднеархаического многокамерного комплекса 2. В нижней части заполнения этой ямы был выявлен сплошной завал, состоявший из крупных фрагментов амфорной тары (рис. 11), в том числе – семнадцать целых горл хиосских «позднепухлогорлых» амфор (и 117 крупных фрагментов горл амфор этого же типа), а также четыре в разной степени фрагментированных горла фасосских амфор. При подсчете по амфорным ножкам соотношение условно-целых сосудов центров-импортеров выглядело следующим образом: Хиос – 38, Фасос – 5, розовоглиняные амфоры круга Фасоса на высоких ножках – 1, Лесбос К. – 1.

Все целые горла хиосских амфор из заполнения ямы (рис. 12, *1-4*) и их фрагменты относятся к одному и тому же стандартному типу – наиболее позднему варианту пухлогорлых амфор с перехватом в нижней части горла, датирующемуся серединой – третьей четвертью V в. до н.э. Не отличаются большим разнообразием и менее многочисленные фрагменты фасосских амфор (рис.12, *5-6, 8-10*). Неширокие (диаметром около 9 см) горла этих амфор несколько сплющены по оси ручек, имеют массивные высокие подтреугольные в сечении венцы, стенки слегка расширяются к плечикам. Они также принадлежат образцам фасосской амфорной тары третьей четверти V в. до н.э., аналогичным найденным в нимфейском складе 1978 г. (типа Нф 119-121) [Монахов, 1999, табл. 41.4-6, табл. 45.10-11].

Аттическая чернолаковая керамика из заполнения ямы также датируется серединой – второй половиной V в. до н.э. В числе таких находок - ножка чернолакового килика с граффито и следами древней починки (рис. 10, *3*) середины V в. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 266, pl. 20, No 443], фрагменты аттических чернолаковых болсалов (рис. 10, *4-5*) 430-х гг. до н. э [Sparkes, Talcott, 1970, p. 107-108, pl. 24, No 532], фрагмент дна килика со штампованным орнаментом – пальметками 430-420 гг. до н.э. (рис. 10, *6*) [Sparkes, Talcott, 1970, p. 100-101, pl. 49, No 458). Из находок кухонной керамики интересны фрагменты верхней части кастрюли с витыми ручками (рис.10, *8*). Кастрюля сходной формы была найдена в Нимфее в т.н. «святилище Кабиров» и датируется второй половиной V в. до н.э. [Скуднова, 1956, с. 130-131, рис. 63,3]. В яме также найден сероглиняный лекиф с шаровидным туловом (рис. 10, *7*). Форма этого сосуда имеет сходство с формой светлоглиняного лекифа из некрополя Ольвии. Последний был найден в земляном склепе с аттической чернолаковой керамикой, и датируется серединой IV в. до н.э. [Козуб, 1974, с. 102-103, рис. 49,1].

Ямы 152 и 158 располагались вблизи друг от друга и частично взаимопрорезались,

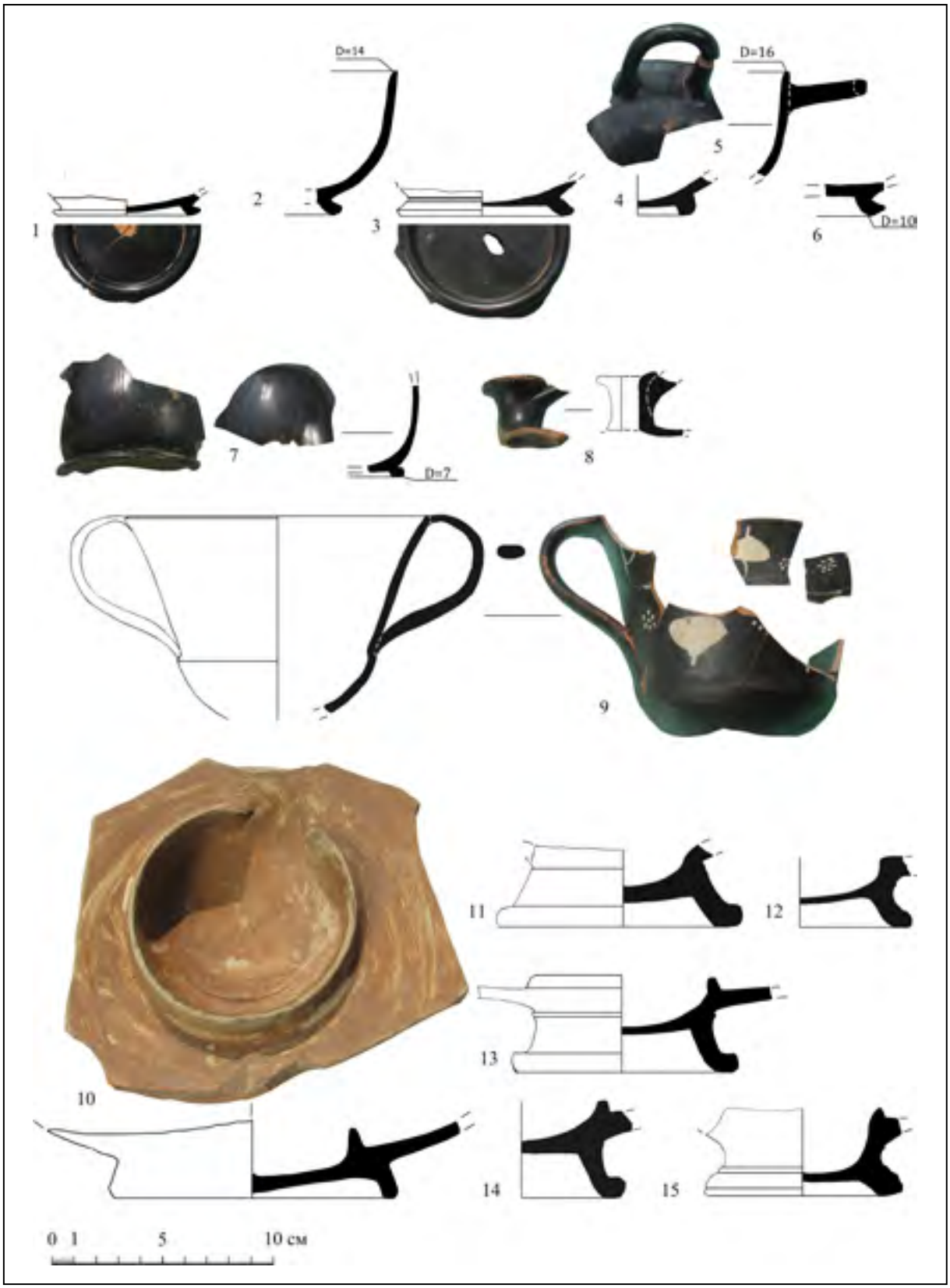


Рис. ***9***. Фрагменты столовой керамки из заполнения подвала 21. Фрагменты аттических чернолаковых киликов-болсалов: *1-2* – БЭ 2013/9.61-62; *3-4* – БЭ 2013/14.98-99; *5-6* – БЭ 2013/19.136-137. *7* – фрагмент аттической чернолаковой кружки (БЭ 2013/19.148). *8* – горло чернолакового аска или гуттуса (БЭ 2013/14.101). *9* – хиосский фрагментированный чернолаковый канфар (БЭ 2013/9.69). Фрагменты рыбных блюд: *10* – БЭ 2013/9.56; *11* – БЭ 2013/14.91; *12* – БЭ 2013/19.92; *13* – БЭ 2013/19.118; *14* – БЭ 2013/14.196; *15* – БЭ 2013/19.117

Рис. ***10***. Фрагменты столовой керамки из заполнения подвала 21. *1* – двухрожковый сероглиняный светильник (БЭ 2013/19.121). *2* – фрагмент края эллинистической тарелки с граффито (БЭ 2013/19. 149). Столовая керамика из заполнения ямы 157: *3* – ножка чернолакового килика (БЭ 2010/42.337); *4-5* – фрагменты аттических чернолаковых болсалов (БЭ 2010/42.338; БЭ 2010/42.339); *8* – фрагмент дна килика со штампованным орнаментом (БЭ 2010/42.340); *7* – сероглиняный лекиф (БЭ 2010/42.332). *8* – фрагменты верхней части кастрюли (БЭ 2010/42.530)

Рис. 11. Завал фрагментов амфорной тары в нижней части заполнения ямы 157. Вид с юго-запада

однако их взаимная хронология достоверно установлена не была. В устье этих ям затекали характерные мусорные слои с раковинами мидий. Поскольку устье одной из них (№158) в верхней части также было забито большим количеством мелкого каменного бута, можно предположить, что они находились на территории открытого двора дома, были засыпаны и затрамбованы в период его существования. Керамические находки, сделанные в заполнении этих ям, хронологически неоднородны; немалая их часть представляет собой примесь более раннего архаического материала. Тем не менее, целый ряд находок - как амфорной тары, так и столовой керамики, позволяет датировать засыпку этих ям в рамках второй половины – конца V в. до н.э. В числе находок амфорной тары отметим верхний прилеп ручки амфоры Менде с энглифическим клеймом из ямы 152 (рис. 13, *2*). Среди камней забутовки устья ямы 158 было расчищено горло хиосской позднепухлогорлой амфоры с перехватом третьей четверти V в. до н.э. (рис. 13, *3*). В заполнении той же ямы найдена фрагментированная хиосская амфора другого типа – с прямым горлом (рис. 13, *1*). Подобные амфоры (тип IV-A по С.Ю. Монахову), по всей видимости, выпускались какое-то время одновременно с позднепухлогорлыми [Монахов, 2003, с.19, табл. 8.4].

В числе находок столовой керамики следует отметить фрагмент аттического чернолакового килика со штампованным орнаментом из ямы 158 (рис. 13, *4*) последней трети V в. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 104, pl. 52, NoNo 506, 510; Voigtländer, 1982, s. 91, Abb. 46, No 294]. В заполнении ямы также присутствовали характерные для классических слоев фрагменты рыбных блюд – сероглиняного (рис. 13, *5)* и красноглиняных (рис. 13, *6-7*). Как уже отмечалось выше, подобные блюда распространились около середины V в. до н.э. и были популярны до конца столетия [Alexandrescu, 1978, p. 123, No 807; Bylkova, 2009, p. 154, Fig.8, 1-3].

Подводя итог описанию керамических находок из помещений дома классического периода и синхронных им хозяйственных ям, следует отметить, что комплекс находок аттической чернолаковой керамики, представленный характерными для V в. до н.э. типами киликов, чашечек и кружек, по своему составу совпадает с находками в Истрии, Самосе и Милете [Alexandrescu, 1978, S. 83-87; Tölle-Kastenbein, 1974, S. 138, 148-149, 150-151; Istler, 1978; Voigtländer, 1982, S. 85-97].Основной массив материалов из рассмотренных комплексов – как амфорной тары, так и столовой керамики, датируется в пределах середины – третьей четверти V в. до н.э.[2] Вместе с тем, заметное количество фрагментов аттических чернолаковых сосудов, найденных в заполнении подвала 21, датируется несколько более ранним временем – 480-ми годами до н.э., хотя амфорная тара первой половины V в. в этом же комплексе практически отсутствует. Очевидно, дом возникает около середины столетия, а ранняя дата части столовой керамики объясняется большим сроком ее использования. Наиболее поздние образцы как

2. Хотя количество объектов второй половины V в. до н.э. на Березани невелико, а столь представительный керамический комплекс для поселения пока и вовсе уникален, керамические материалы того же периода выявлены при раскопках некрополя. Так, в погребении 95 была найдена чернолаковая чашечка (Б.110) 450-430 гг. до н.э. [Sparkes, Talcott 1970, p. 130-131, 294, No 816-817, fig. 8]. В слое некрополя найден чернолаковый килик со штампованным орнаментом (bolsal) третьей четверти V в. до н.э. (Б.108) с граффито [Sparkes, Talcott, 1970, p. 107-108]. Фрагменты краснофигурных кратеров середины V в. до н.э. происходят из погребений 188 (Б.88.41) и 195 (Б.89.377) [Shapiro 2010, с. 294, 296, 297, fig. 7, 8]. Кратер (Б.80.106) последней четверти V в. до н.э. найденный в слое некрополя с чернолаковой чашечкой (Б.80.105) и фрагментом чернолакового килика со штампованным орнаментом (Б.80.102) [Shapiro 2010, с. 296, 298, fig. 9).

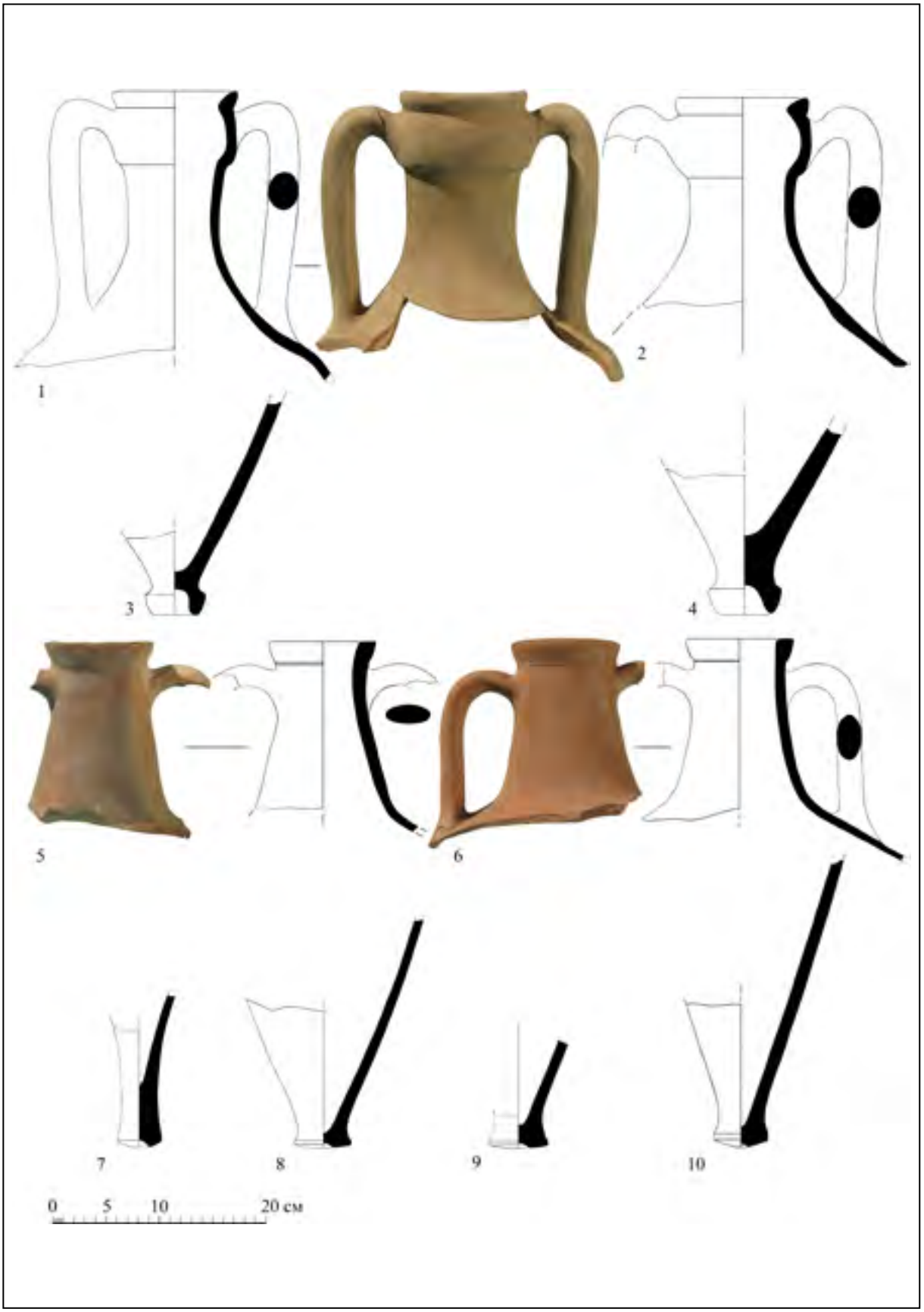


Рис. ***12***. Амфорная тара из заполнения ямы 157. *1-4* – фрагменты амфор Хиоса (1- БЭ 2010.42/720, *4* – БЭ 2010.42/722). *5-6, 8-10* – фрагменты амфор Фасоса (*5* – БЭ 2010.42/735, *6* – БЭ 2010.42/738). *7* – ножка розовоглиняной амфоры «круга Фасоса» (тип «с раздутым горлом» третьей четверти V в. до н.э.)

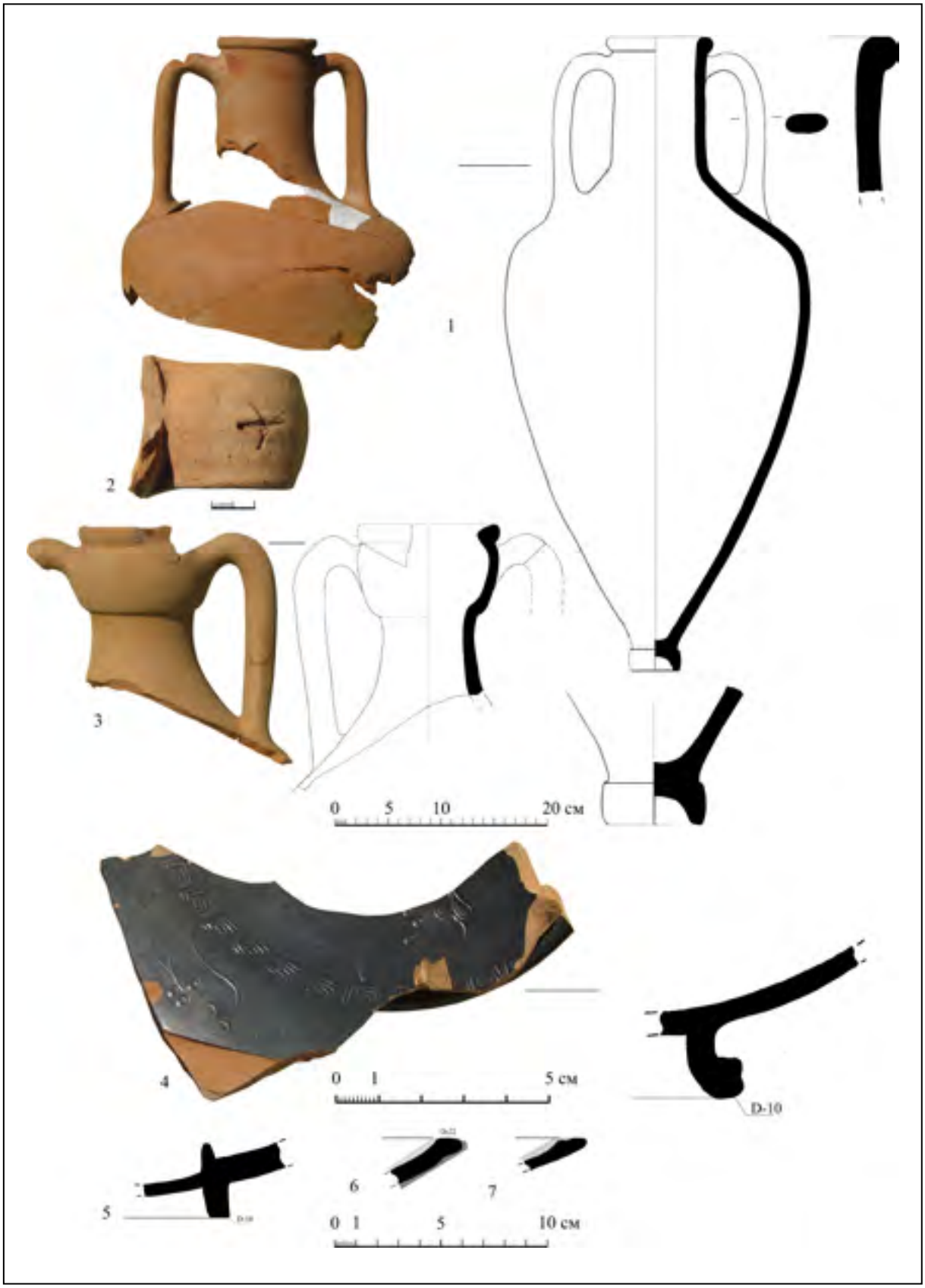


Рис. ***13***. Находки из заполнения ям 152 и 158. *1* – фрагментированная хиосская прямогорлая амфора (БЭ 2010 43/531). *2* – ручка мендейской амфоры с клеймом (БЭ 2010 36/290); *3* – горло хиосской «позднепухлогорлой» амфоры (БЭ 2010 24/160); *4* – фрагмент аттического килика со штампованным орнаментом (БЭ 2010 43/360); *5-7* – фрагменты рыбных блюд (*5* – БЭ 2010/43.346; *6* – БЭ 2010 43/348; *7* – БЭ 2010 43/349)

амфорной тары, так и столовой керамики в заполнении подвала датируются не позднее начала последней четверти V в. до н.э. Яма 152, заполнение которой содержало, вероятно, единовременный сброс керамики, была засыпана также не позднее указанного времени. Находки керамики последней четверти – конца V в. до н.э. в помещениях немногочисленны; очевидно, дом полностью прекратил существование еще до конца столетия.

Планировка дома в целом, к сожалению, не может быть реконструирована с высокой степенью достоверности (рис. 14). Общая площадь комплекса оценивается в пределах 130-200 м^2. Ключевой особенностью этого дома было место его возведения, а именно – территория двора позднеархаического общественного здания (Комплекса №2). Хозяйственные и жилые постройки классического дома оказались вписаны в контуры западной и восточной оград более раннего двора, и, весьма вероятно, использовали их в качестве границ своего домохозяйства. Не приходится сомневаться в том, что строительные остатки периода поздней архаики в это время были вполне различимы на поверхности. Так, северо-западный угол полуподвального помещения 15 оказался пристроен встык к южному торцу стены 68 – сложенному из крупных известняковых плит западному анту Комплекса 2. Упомянутая выше хозяйственная яма 157 находится на территории помещения 14 – открытой галереи Комплекса №2, ее устье частично разрушило каменное основание одного из ее подпорных столбов.

Заглубленные помещения 21 и 15 одинаково ориентированы, их западные стены расположены приблизительно в одну линию, однако между ними имелся проход шириной 1,10 м. Судя по следам сырцовых стен, к югу и к востоку от подвала 21 находились смежные помещения, площадь которых по сохранившимся строительным остаткам установить невозможно. На территории бывшего двора Комплекса 2 к востоку от помещения 15 (т.е. к северо-востоку от подвала 21) не найдено никаких строительных остатков V в. до н.э. Возможно, эта территория, с востока ограниченная позднеархаической оградой (кладка 62) служила двором жилого дома классического периода. Остатки самого Комплекса 2 также могли каким-то образом использоваться новыми хозяевами: не исключено, что именно в это время возникает стена 66, делящая крытую галерею позднеархаического общественного здания на две неравные части.

Таким образом, описанный выше комплекс представляет собой пока единственный достоверно зафиксированный на Березани многокомнатный дом середины – третьей четверти V в. до н.э., включавший в себя как наземные постройки, так и подвальные помещения. Выбранное для строительства этого сооружения место весьма показательно. С одной стороны, возникновение жилых построек перед входом в предполагаемое общественное здание предшествующего периода является очередным наглядным свидетельством деградации урбанистической структуры Борисфена. Территория обширного двора служила удобной площадкой, не требующей расчистки, а строительные материалы можно было в изобилии собирать из развалин соседних зданий. С другой стороны, ориентация помещений дома, совпадающая с векторами планировки предшествующего периода, указывает на то, что сеть улиц позднеархаического городка была вполне различима на поверхности, и могла использоваться по назначению оставшимися (или вновь прибывшими) жителями поселения на протяжении всей второй половины V в. до н.э.

Аналогичным образом, одним или двумя десятилетиями ранее, на территории двора перед входом в соседний Комплекс №1 появляется упоминавшаяся выше полуземлянка 46. Насколько был велик временной интервал между возникновением этих комплексов, существовала ли хронологическая лакуна в заселении Березанского поселения во второй четверти – середине V в. до н.э., или же жизнь в этой части поселения не прерывалась – все эти вопросы пока остаются без однозначных ответов. Хронологический разрыв между разрушением многокамерного комплекса 2 и появлением на площади его двора жилого дома с подвальными помещениями 15 и 22 может оцениваться в несколько десятилетий, однако лакуна между прекращением функционирования соседнего комплекса №1 и появлением перед его входом круглой полуземлянки 46, очевидно, была намного короче.

Своеобразным компромиссом между позицией В.В. Лапина, отрицавшей саму возможность существования такого интервала в существовании Березанского поселения, и противоречащими ей результатами раскопок северо-западного района острова, стало предположение С.Л. Соловьева о сохранении на протяжении V в. до н.э. небольшого участка городской застройки в восточной части поселения, т.е. на территории, включавшей исследованный В.В. Лапиным участок «О». Полуземлянки в северо-западной части острова в рамках этой концепции представлялись периферийной частью редуцировавшегося поселения, наподобие ольвийского «предградья» [Solovyov 1999 p.101, 109-112]. Тем не менее, как отмечалось выше, явные свидетельства существования городских кварталов классической эпохи как в материалах раскопок самого В.В. Лапина на участке «О-Восточный», так и среди результатов недавних раскопок смежного участка «О-Западный» отсутствуют (строительные остатки IV в. до н.э. не могут

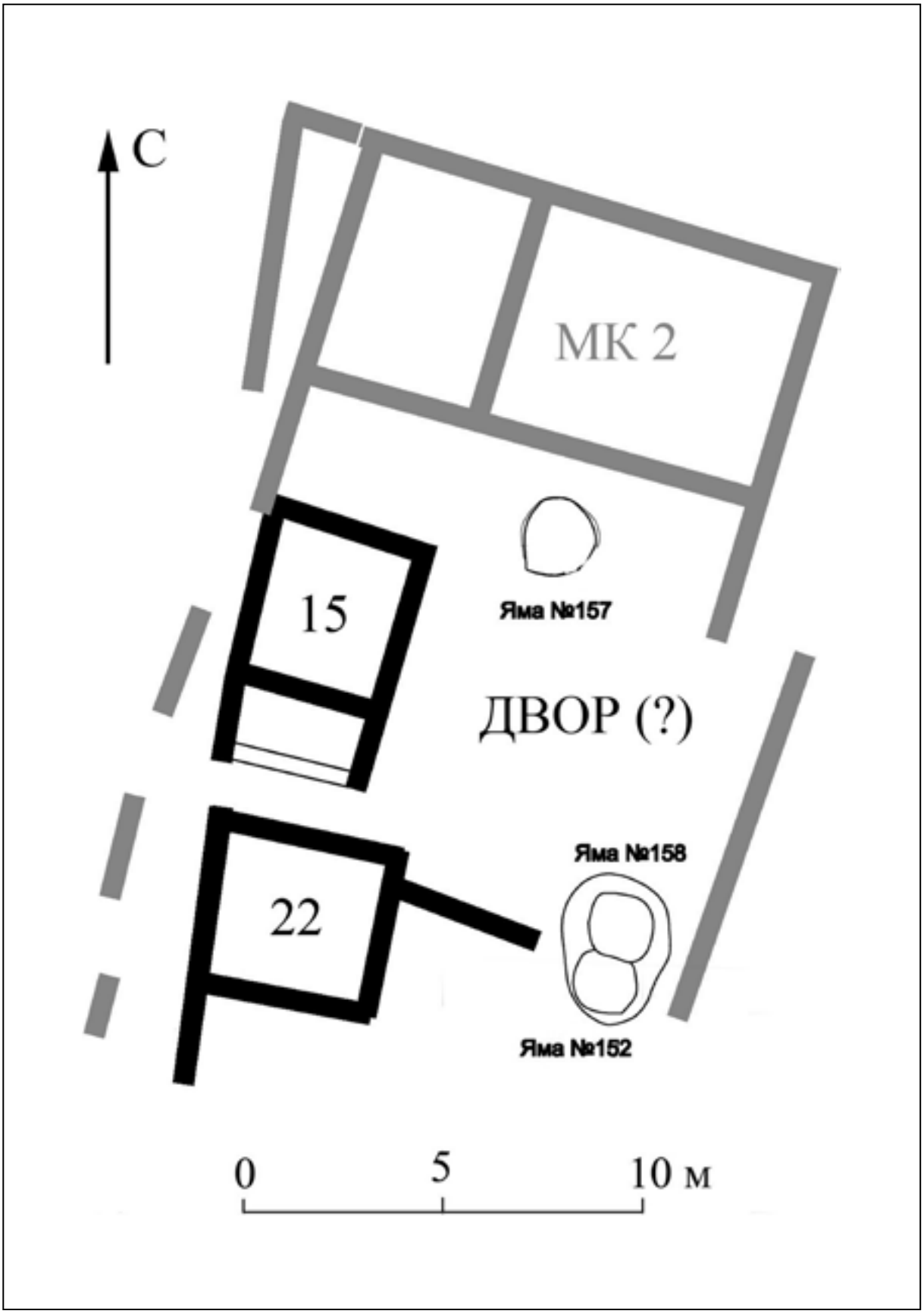


Рис. 14. Схематичный план сохранившихся строительных остатков дома середины – второй половины V в. до н.э. Серым цветом выделены кладки стен позднеархаического комплекса МК 2 и оград его двора

рассматриваться непосредственно в качестве таковых).

Пятым веком до н.э. датировал В.В. Назаров поздний период участка жилой застройки, раскрытый под его руководством на раскопе Р-1в [Назаров 2004 с. 173]. К настоящему времени данный раскоп объединен с участками «О-Восточный» и «О-Западный» в результате расширения последнего. Сделанные в ходе этой работы стратиграфические наблюдения позволяют утверждать, что строительные остатки раскрытых В.В.Назаровым домов синхронны позднеархаическому горизонту II-В2 участка «О-Западный», т.е. должны датироваться не позднее второй четверти V в. до н.э. Таким образом, эти данные также не следует использовать для воссоздания облика Березанского поселения классического периода[3].

Следовательно, представления о функционировании в период классики компактного участка городской застройки в восточной части Березани следует считать ошибочными. Количество выявленных объектов с материалами трех последних четвертей V в. до н.э. здесь сравнительно невелико; также, как и на северо-западных участках, они представлены полуземлянками и отдельными хозяйственными ямами.

Вместе с тем, именно на территориях, прилегающих к восточному берегу острова, (участки «Г», «О») все же выявляются следы отдельных многокамерных наземных построек классического периода. Помимо описанного выше дома на участке «О-Западный», к их числу следует отнести немногочисленные строительные остатки наземных сооружений второй половины V в. до н.э., раскрытые на территории раскопа «Г» в 1960-х гг. В ходе раскопок этого участка были обнаружены подвал, три цистерны с каменной обкладкой стенок, а также колодец (яма 43 1968 г.) второй половины V – IV вв. до н.э. [Горбунова, 1964, с. 33; 1963-1964; 1965, с. 39; 1966; 1967, с. 14; 1968]. Определение характера постройки (или построек), которым они принадлежали, осложняется фрагментарностью этих строительных остатков[4].

Вопрос о непрерывности существования Березанского поселения на протяжении второй половины V – IV вв. до н.э. требует отдельного исследования. На раскрытой площади участка «О-Западный» находки керамики IV в. до н.э. крайне редки [Чистов 2012а, с.113-114], а какие-либо объекты этого времени не найдены вовсе. Период существования дома с помещениями 15 и 22, как отмечалось выше, ограничивается последней четвертью – концом V в. до н.э.

Локализация отдельных многокамерных наземных построек классического периода (пусть и не образующих кварталы, подобные тем, в которые были сблокированы позднеархаические дома Березанского поселения) в северо-восточной части древнего полуострова, очевидно, не случайна. Надо полагать, что именно этот район использовался немногочисленными жителями наиболее активно благодаря близости к предполагаемой древней гавани Борисфена и особенностям рельефа – сравнительно небольшая высота берегового клифа в этой части берега как в наши дни, так, по-видимому, и в древности, обеспечивала здесь самый удобный доступ с воды на остров. Аналогичным образом на самом раннем этапе существования Березанского поселения концентрация полуземлянок ощутимо возрастает в прибрежной части острова [Solovyov, 1999, p. 31;Чистов, 2012б, с. 15].

3. В монографии С.Л. Соловьева эти строительные остатки упоминаются как «группа наземных жилых построек V-IV вв. до н.э.», раскрытая в начале 1980-х гг. [Solovyov, 1999, p.100, fn. 67]

4. Частично сохранившийся подвал классического времени (помещение 1963 г. со стенами 5, 7, 8 (42 и 42а) был заглублен на 1,12 м и имел каменную обкладку стенок, в нижней части сложенную из больших поставленных на ребро известняковых плит, чередовавшихся с плитами меньшего размера. Полевая документация не дает определенных ответов на вопрос о хронологических рамках существования этих объектов. Находки из заполнения цистерн α и γ 1964 и 1968 гг. датируются концом V – началом IV в. до н.э. Наиболее выразительны материалы IV в. до н.э.: в их числе - находки из заполнения ямы №41 1968 г.(девять клейменых гераклейских амфор первой четверти столетия), а также выразительный комплекс аттической керамики конца V – IV вв. до н.э. из золистого заполнения «прямоугольного углубления» 1966 г. [Горбунова, 1966, рис. 50-58].

Буйских А. В. Краснолощеные рыбные блюда из Ольвии // Боспорские исследования. Том XXV. – Симферополь — Керчь, 2011. – С. 242–264.

Буйских А. В. Архаическая расписная керамика из Ольвии. – К., 2013 – 456 с.

Горбунова К.С. Отчет о работе ленинградского отряда на Березани в 1963 и 1964 гг. // Научный архив НАНУ – 1963–1964 – 1963–1964/12а.

Горбунова К.С. Раскопки на острове Березань //Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1963 г. – Ленинград., 1964, с. 32–34.

Горбунова К.С. К вопросу о культе Ахилла на острове Березань (раскопки на Березани в 1964 году) // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1964 г. – Ленинград, 1965, с. 39–40.

Горбунова К.С. Отчет о полевой работе Березанского отряда Государственного Эрмитажа в 1966 г. // Научный архив НАНУ – 1966 – 1966/42.

Горбунова К.С. Березанская экспедиция 1965–66 гг. // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1966 г. – Ленинград, 1967. – С. 14–15.

Горбунова К.С. Раскопки на Березани в 1968 году // Научный Архив НАНУ – 1968 – 1968/37.

Доманский Я.В., Виноградов Ю.Г., Соловьёв С.Л. Основные результаты работ Березанской экспедиции // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. – Ленинград, 1989. – С. 33–60.

Доманский Я.В., Марченко К.К. Отчет о работе Березанской экспедиции в 2003 г. // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. – СПб. – 2012. – Т. 1. – С. 35–36.

Журавлев Д.В., Быковская Н.В., Желтикова А.Л. Светильники VI – первой половины III в. до н.э. Коллекция светильников. – Т. 1. – К., 2007. – 207 с.

Зайцева К. И. Кубки 5–4 вв. до н.э. из Ольвии // ТГЭ. – 1972. – Т. 13. – С. 90–97.

Ильина Ю.И., Чистов Д.Е. Комплексы и напластования конца VI – первой четверти V в. до н.э. Находки // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. – Том II. – СПб, 2012. – С.95–104.

Козуб Ю. І. Некрополь Ольвіі V–IV ст. до н. е. – К., 1974. – 181 с.

Копейкина Л.В. . Особенности развития поселения на о. Березань в архаический период (по результатам раскопок на северо–западном участке) // СА. – 1981 – № 1. – С. 192–208.

Крапивина В.В. Простая столовая посуда // Древнейший теменос Ольвии Понтийской. – Симферополь. – 2006. – 501 с.

Лапин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья (Критические очерки отечественных теорий колонизации). – К., 1966. – 240 с.

Лапин В.В. Отчет о работе Березанской экспедиции Института археологии АН УССР в 1970 г. – Научный архив Института археологии НАНУ – 1970. – 1970/11

Лапин В.В. Отчет о работе Березанской экспедиции Института археологии АН УССР в 1971 г. – Научный архив Института археологии НАНУ – 1971/12.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары. – Саратов, 1999. – 678 с.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология ведущих центров – экспортеров товаров в керамической таре. – Саратов, 2003 – 352 с.

Назаров В.В. Некоторые итоги археологических исследований Березанского поселения (1984–1999) // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. Том I. – СПб, 2004. – С. 171–176.

Русяева А.С. Восточногреческая керамика // Древнейший теменос Ольвии Понтийской. Симферополь. – 2006. – 501 с.

Скуднова В.М. Комплекс находок из святилища Кабиров в Нимфее // КСИИМК. – 1956. – Вып. 63. – С. 128–138.

Худяк М.М. Работы Нимфейской экспедиции в 1939 // ТОАМ. – 1945. – Том 1. – С. 147–165.

Чистов Д.Е. Работы на острове Березань археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2004 г. // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. – Том 1. – СПб, 2006. – С.55–112.

Чистов Д.Е.. Напластования и строительные остатки классического периода: вторая – последняя четверть V в. до н.э. // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. – Том 2. – СПб, 2012. – С. 105–108.

Чистов Д.Е. Комплексы и напластования конца VII – середины VI в. до н.э. // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. – Том 2. – СПб, 2012. – С. 8–19.

Чистов Д.Е., Ильина Ю.И. Комплекс построек общественного назначения периода Поздней Архаики из раскопок в северо–восточной части Березанского поселения // Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. – Т.2. – М., 2012. – С. 13–42.

Alexandrescu P. La ceramique d'epoque archaique et classique (Histria. Vol. IV). – Bucharest, 1978. – 143 p.

Boardman J. Old Smyrna: The Attic Pottery // BSA. – 1958–1959. – Vol. 53–54. – P. 152–181.

Boardman J. Excavaitions in Chios 1952–1955: Greek Emporio. – Oxford, 1967. – BSA. Suppl. – Vol. 6. – 258 p.

Bylkova V. Grey Ware in Belozerskoe settlement (Lower Dnieper region // Pontica 42. Supplementum 1. Pontic Grey Wares. – 2009. – P. 149–165.

Condurachi Em. Histria II. Bucureşti, 1966. – 559 p.

Güngör U. The History of Klazomenai in the Fifth Century and the Settlement on the Island // Klazomenai, Teos and Abdera: Metropoleis and Colony. – Thessaloniki, 2004. – P. 121–131.

Howland R. H. Greek Lamps and Their Survivals // The Athenian Agora. Vol. IV. – Princeton, 1958. – 252 p.

Isler H.P. Das archaische Nord–Tor. (Samos. Bd. 4). – Bonn, 1978. – 174 p.

Sparkes B.A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5thand 4th Centures B.C. // The Athenian Agora. Vol. XII. – Princeton, 1970. – 472 p.

Scheibler I. Griechische Lampen (Kerameikos, Bd. XI). – Berlin, 1976. – 199 p.

Shapiro H.A. Notes on Attic red–figure pottery from Berezan // ТГЭ. – 2010. – Том. 54. – С. 291–302.

Solovyov S.L. Ancient Berezan: The architecture, history and culture of the first Greek colony in the Northern Black Sea. – Leiden, Brill, 1999. – 148 p.

Tölle–Kastenbein R. Das Kastro Tigani. (Samos. Bd. 14). – Bonn, 1974. – 211 p.

Voigtländer W. Funde aus der Insula westlich des Buleuterion in Milet // Ist. Mitt. – 1982. – Bd. 32. – S. 30–173.

Д.Є. Чистов, Ю.І. Ільїна

НОВІ ДАНІ ПРО БЕРЕЗАНСЬКЕ ПОСЕЛЕННЯ КЛАСИЧНОГО ПЕРІОДУ

Десятиріччя археологічних досліджень у Північно-Західній частині острова Березань привело до припущення, що у класичний період, починаючи з раннього п`ятого століття до нашої ери, поселення Березань у силу деяких зовнішніх причин занепало. Це припущення було доведене на матеріалах недавніх розкопок у північно-східній частині ділянки. Там, на місці архаїчних громадських споруд були виявлені декілька структур, що датуються серединою – другою половиною 5 ст. до н.е. Серед останніх – землянки, схожі на класичні, що були виявлені раніше у північно–західній частині, господарські ями, а також багатокамерні будинки з глинобитними стінами. Хоч залишки структур досить нечисленні, зафіксовано два підвали і невеликі залишки наземних споруд. Були виявлені також сирцові глинобитні структури.

Ключові слова: Березанське поселення, класичний період, кераміка.

D.E. Chistov, Ju.I. Ilyina

NEW EVIDENCE ON THE BEREZAN SETTLEMENT IN THE CLASSICAL PERIOD

Decades of the archaeological explorations in the North-Western part of the Berezan island resulted in the suggestion that during the Classical period, starting with the early 5th century BC, the Berezan settlement slid into decline due to a number of the external circumstances. This assumption was proved by recent excavations in the north-eastern part of the site. There, on the place of the former late Archaic civic buildings, several structures dated to the middle – second half of the 5th century BC were uncovered. Among the latter – dugouts, similar to the classical ones uncovered earlier in the north-western sections, storage pits; and also the remains of the multi-chamber house build of stone and mudbricks. Although the preservation of the structure is quite poor, two cellars and few remains of the surface mudbrick walls were uncovered. It should be noted that this building was erected right on the spot of the yard of the former civic building, probably a hestiatorion, therefore, the latter did not exist when the house was built. Finds of ceramics, including the storage amphorae and tableware and characteristic of the period, help to place the timespan of the house from the middle of 5th century BC and up to the end of the same century.

Keywords: Berezan settlement, classical period, ceramics.

Одержано 20.09.2014

УДК 904.5 (477.73) «653»

Л.И. Смирнов

ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ИЗ РАСКОПОК УЧАСТКА «ГШ» НА о. БЕРЕЗАНЬ в 2007-2012 гг.

Данная статья вводит в научный оборот материалы исследований средневековых захоронений обнаруженных на участке «ГШ» Березанской археологической экспедиции ИА НАН Украины в 2007-2012 годах. Она характеризует стратиграфию участка и рассматривает новые находки на объекте.

Ключевые слова: о. Березань, погребение, Средневековье, скелет.

Начало археологическим раскопкам на о. Березань было положено в 1884 г. профессором минералогии Новороссийского университета Р.А. Пренделем. Результатом работ учёного стало обнаружение на острове культурных напластований и погребений античного времени [Прендель, 1886, с. 216-219].

Однако не все культурные напластования о. Березань относятся к античному времени. Среди довольно пёстрого, в хронологическом и культурном отношении, материала довольно значительная часть принадлежит средневековому поселению, существовавшему тут в X – XIII вв. Уже в 944 г. о. Березань упоминается в договоре князя Игоря с Византией под именем о. Святого Эферия [Болтенко, 1947, с. 40]. Именно о. Березань упоминается и в других средневековых письменных источниках как о. Святого Эферия, названный так в честь херсонесского епископа нашедшего здесь своё последние пристанище [Прендель, 1886, с. 217].

Мнение о существовании на острове древнерусского поселения впервые высказал М.Ф. Болтенко, считая его важным перевалочным пунктом на пути из варяг в греки [Болтенко, 1947, с. 40]. Доказательством этого факта, кроме его географического расположения в устье Днепро-Бугского лимана, является найденная в 1902 г. руническая надпись. Надпись представляет собой фрагмент скандинавского надгробия с надписью «Грани поставил эти руны своему боевому товарищу Карлу», относящаяся ко времени около 1000 г. [Браун, 1907, с. 37] или к кон. XI – нач. XII вв. [Брим, 1931, с. 246].

Само поселение располагалось в северо-восточной части острова. Именно там были зафиксированы землянки с материалами X–XIII вв. [Болтенко, 1949, с. 31 - 38]. Исследователь отмечает важную роль рыболовства в жизни поселения. Обнаружены были и остатки железоплавильной мастерской [Болтенко, 1947, с. 45 - 46], что свидетельствует о развитии ремёсел на поселении, в частности, металлообработки.

Заметное место занимают и погребение обозначенной эпохи. М.Ф. Болтенко упоминает о довольно многочисленных средневековых погребениях, встречающихся при раскопках Э.Р. фон Штерна. Последний, в силу своей увлечённости античностью, не обращал на них должного внимания [Болтенко, 1947, с. 40]. Не были редкостью такие погребения при раскопках в восточной части острова [Лапин, 1962/6, табл. 3; Лапин, 1979/69, с. 2; Мазарати, 1983/33, с. 3; Назаров, 1991/240, с. 4].

В 2006 г. на месте одного из грабительских шурфов Березанской археологической экспе-

© Л.И. СМИРНОВ, 2015

дицией ИА НАН Украины под руководством В.В. Крутилова, был заложен раскоп «ГШ». В ходе работ 2007 - 2012 гг. на этом участке были обнаружены погребения, которые, вероятно, относятся к обозначенному времени.

Целью работы является ввод в научный оборот этих погребальных памятников, которые не были предметом отдельных исследований и представляют большой интерес в определении этнического состава населения, заселявшего остров в период средневековья.

На участке «ГШ» в с 2007 по 2012 гг. открыты следующие интересующие нас объекты:

1. Объект № 13 (рис. 1; 2, 1). Погребение. Раскрыто в ходе работ 2007 г. в кв. Б-IV 391с. Обнаружено в глинистом слое желтого цвета на глубине 0,55 м от современной дневной поверхности. Яма не прослеживается. Погребенный ориентирован головой на запад. Лицевой частью череп повёрнут на север. Погребение совершено в вытянутом на спине положении, руки согнуты в локтях, кисти уложены на живот, левая нога прямая, правая нога и ступни обеих ног отсутствуют. На черепе в лобовой части прослеживается рубленая рана длиной около 6 см, вероятно, ставшая причиной смерти. На расстоянии 0,20 м к западу от черепа обнаружены остатки деревянного столбика диаметром 0,15 м, на расстоянии 0,35 м в северном направлении от таза – деревянный столбик диаметром 0,15 м. Оба столбика, вероятно, имеют более позднее происхождение. Сохранившиеся размеры костяка: 1,62 х 0,37 м. Абсолютная отметка верха костяка – 10,37; низа – 10,23. Погребение безынвентарное [Крутилов, Смирнов, 2007, с. 5].

2. Объект № 15 (рис. 1). Погребение. Раскрыто в ходе работ 2011 г. в кв. Б – IV 371. В борту раскопа в слое гумуса на глубине 0,30 м от современной поверхности был выявлен череп человека, вероятно, детский. Череп расположен в вертикальном положении с лёгким наклоном в южном направлении, поставлен на место соединения с шейными позвонками, лицевой частью обращён на юго-восток. Задняя часть черепа уходит в борт. Других человеческих костей не обнаружено. Границы ямы не прослеживаются. Под черепом на глубине 0,07 м от уровня нижней челюсти выявлена каменная вымостка, вероятно, относящаяся к данному погребению. Вымостка имеет протяжённость по линии С-Ю – 2,10 м, раскрытая часть по линии З-В – 0,25 ~ 0,50 м. Западная часть вымостки уходила в западный борт раскопа и была разрушена грабителями в межсезонье 2011-2012 гг. Вымостка, как и череп, находится в слое гумуса. Основанием для неё служит светло-желтая глинистая площадка с примесями лиманной глины зелёного цвета мощностью 0,12 м. Вымостка однорядная, мощностью 0,03 ~ 0,12 м, сложена из камней мелкого и среднего колотого известняка и ракушечника. Абсолютная отметка верха черепа – 10,39, основания черепа –10,28 [Крутилов, Смирнов, Бондаренко, 2011, с 46-47].

3. Объект № 21 (рис. 1; 2, 3). Погребение. Раскрыто в ходе работ 2012 г. в кв. Б – IV 351з. Зафиксировано в слое гумуса на глубине 0,40 м от современной дневной поверхности. Яма не прослеживается. Погребение детское. Погребенный ориентирован головой на восток. Сохранились лишь частично череп и руки. Погребение совершено на правом боку, лицевая часть черепа повернута на юг, руки согнуты в локтях и расположены перед лицом, кисти повернуты вовнутрь. Сохранившиеся размеры костяка 0,38 х 0,20 м: Абсолютная отметка верха скелета – 10,47; низа – 10,39. Погребение безынвентарное. Анатомическая нецелостность костяка может быть вызвана позднейшими нарушениями слоя, следы которого проследить не удалось, либо насильственной смертью погребённого, сопровождающейся его частичной расчленённостью (?).

4. Объект № 22 (рис. 1; 2, 2). Погребение. Раскрыто в ходе работ 2012 г. в кв. Б- IV 351в. Зафиксировано в слое гумуса на глубине 0,45 м от современной дневной поверхности. Яма не прослеживается. Покойник ориентирован головой на юго-запад. Погребение было совершено в вытянутом положении на спине, череп приподнят, правая рука слегка согнутая в локтевом суставе находилась на тазу, левая рука слегка согнута в локтевом суставе, кисть левой руки уложена в район живота, ноги слегка развёрнуты влево, правая нога прямая, левая – согнута в колене. Сохранившиеся размеры костяка: длина – 1,55 м, ширина – 0,53 м. Абсолютная отметка верха костяка – 10,47; низа – 10,27. Погребение безинвентарное.

5. Объект № 25 (рис. 1; 2, 4). Парное погребение. Раскрыто в ходе работ 2012 г. в кв. Б- IV 371з. Зафиксировано в серо-золистом слое античного времени (врезано в него) на глубине 0,80 м от современной дневной поверхности. Яма не прослеживается. Оба костяка были ориентированы на северо-запад.

Погребение № 25а (южное). Костяк сохранился частично. Расположен в вытянутом на спине положении, ноги прямые. Отсутствуют ступни обеих ног, кости позвоночника, левые рёбра и руки. Сохранившиеся размеры костяка: 1,04 х 0,28 м. Абсолютная отметка верха костяка – 10,15; низа – 10,08. Погребение безинвентарное.

Погребение № 25б (северное). Анатомический порядок сильно нарушен, многие кости отсутствуют. Погребение совершено на спине. Зафиксировано шесть позвонков смещённых вверх от туловища, в анатомическом порядке расположены левые рёбра с ключицей и пле-

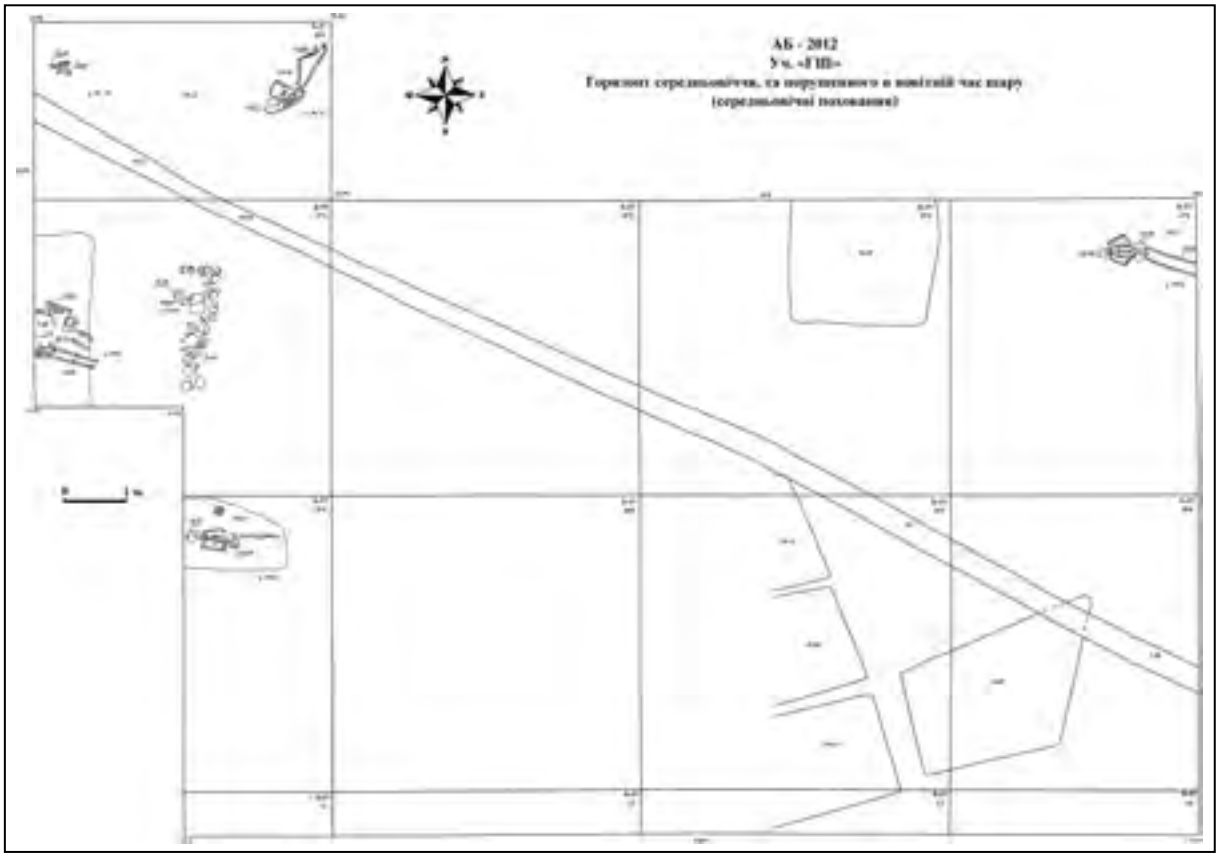


Рис. 1. Участок «ГШ» Горизонт средневековья, и порушенного в новейшее время слоя. (средневековые погребения)

чевой костью, одна из лучевых костей зафиксирована к югу от скелета, таз смещён к югу относительно туловища, берцовые и нижние части бедренных костей смещены к югу относительно таза так, что коленные суставы находятся на уровне таза. Правые рёбра с рукой, локтевая, лучевая кости и кисть левой руки, верхние части бедренных костей и ступни обеих ног отсутствуют. Сохранившиеся размеры костяка: 1,02 х 0,63 м. Абсолютная отметка верха костяка – 10,20; низа – 10,08. Погребение безинвентарное.

Отсутствие множества костей и сильные нарушения анатомического порядка (особенно северного костяка) может свидетельствовать о насильственной смерти погребённых, а состояние северного костяка является красноречивым свидетельством помещения в могилу покойника в расчленённом состоянии (?).

6. Объект № 26 (рис. 1; 2, *5*). Погребение. Раскрыто в ходе работ 2012 г. в кв. Б-IV 374с-в. Зафиксировано в гумуссированном слое на глубине 0,30 м от современной дневной поверхности. Яма не прослеживается. Костяк ориентирован головой на запад с небольшим отклонением к северо-западу, был уложен в вытянутом на спине положении с небольшим уклоном вправо, голова чуть приподнята и завалена вправо. Позвоночник искривлён, руки согнуты в локтях и уложены чуть выше таза так, что кисть левой руки перекрывает кисть правой, ноги ровные, ступни развёрнуты во внешнюю сторону, грудная часть костяка смещена в область между рёбрами и правой рукой. Сохранившиеся размеры костяка: 1,68 х 0,55 м. Абсолютная отметка верха костяка – 10,46; низа – 10,29. Погребение безынвентарное.

Кроме того в отвалах многочисленных грабительских шурфов находки человеческих костей являются довольно частыми, что свидетельствует о высокой плотности погребений на данном участке острова.

Таким образом, исследовано семь костяков, которые по данным стратиграфии можно отнести к средневековому периоду истории о. Березани. Пять погребённых имеют явные следы расчленённости (объекты 13, 15, 21, 25), ещё один имеет признаки насильственной смерти (объект 13). О совершении привычного обряда трупоположения мы можем говорить только в трёх случаях – погребения 13, 22, 26. В остальных случаях складывается впечатление, что погребенные, обнаруженные в ходе работ, просто небрежно сброшены в могильные ямы. Тем не менее, прослеживаются не-

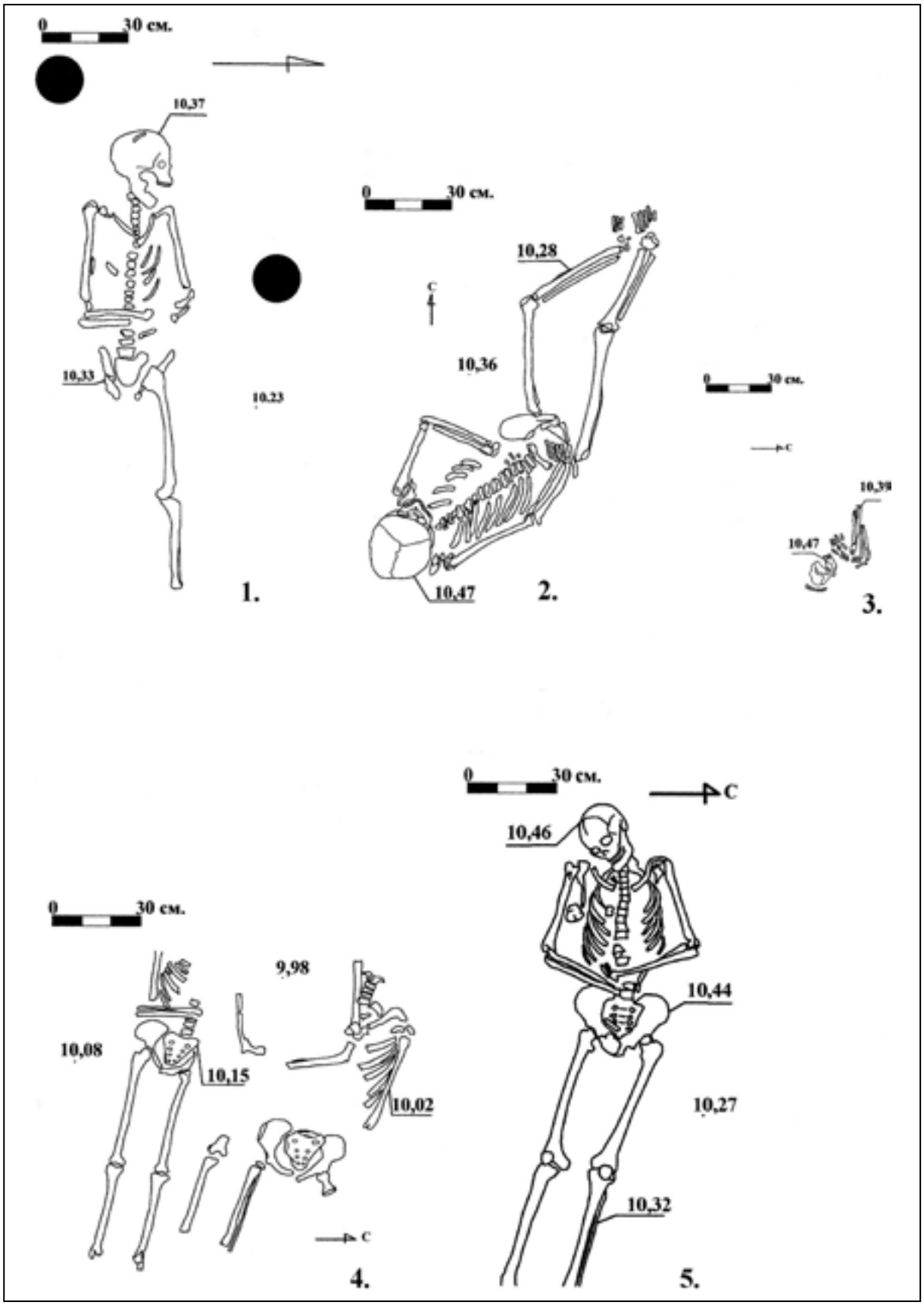


*Рис. **2**.* Средневековые погребения на участке «ГШ» 2007-2012 года

кие общие черты, в частности, в ориентации погребённых. Пять костяков расположены в вытянутом на спине положении по ориентации тяготеющие к западу. Ещё один детский костяк, вероятно, находился в скорченном положении. Сопутствующий материал, который мог бы упростить определение хронологии и культурной принадлежности погребённых, отсутствует.

Таким образом, можно констатировать локализацию в северо-западной части острова к югу от известного в литературе поселения X–XIII вв. средневекового могильника. Решение вопроса об этнической принадлежности погребённых может помочь в решении вопроса об этническом составе синхронного поселения и его основной функции.

Факт наличия погребений данного времени на о. Березань практически не освещен в научной литературе. Их анализ и интерпретация до сих пор комплексно не рассматривались. Полученные результаты поднимают вопрос о культурной принадлежности, хронологии и интерпретации данных объектов.

Дальнейшие полевые исследования и комплексный антропологический анализ, который сейчас проводится, позволит более полно интерпретировать обнаруженный могильник.

Болтенко М.Ф. _тародавняя руська Березань // Археологія. – 1947. – № 1.– С. 39-51.

Болтенко М. Розкопки на острові Березані в 1946 р. // Археологічні пам'ятки УРСР. – К., 1949. – С. 31-38.

Брим В.А. Путь «из варяг в греки» и легенда об апостоле Андрее // Известия АН СССР. – Отделение общественных наук. – 1931. – № 2. – С. 246.

Браун Ф.О. Шведская руническая надпись, найденная на о. Березани // ИАК. – 1907. – Вып. 23.– С. 66-75

Крутилов В.В., Смирнов А.И. Отчёт о полевых работах на о. Березань (участок «ГШ») в 2007 г. // НА ИА НАН Украины. – 2007.

Крутилов В.В., Смирнов А.И., Бондаренко Д.В. Отчёт о работах на античном поселении на о. Березань (участок «ГШ») в 2011 г. // НА ИА НАН Украины. – 2011.

Лапин В.В., Горбунова К.С. Отчёт о раскопках Березанского поселения в 1961-1962 гг. // НА ИА НАН Украины. – 1962/6.

Лапин В.В. Отчёт о работах Березанской экспедиции КГУ в 1979 году // НА ИА НАН Украины. – 1979/69.

Мазарати С.Н. Отчёт об исследованиях Березанского поселения в 1983 г. // НА ИА НАН Украины. – 1983/33.

Назаров В.В., Виноградов Ю.Г. Отчёт о раскопках на Березани в 1991 г. // НА ИА НАН Украины. – 1991/240.

Прендель Р.А. Археологические расследования на острове Березань // Труды VI Археологического съезда в Одессе в 1884 г. – Одесса, 1886. – Т.1. – С. 216-219.

Л.І. Смирнов

ПОХОВАННЯ ЕПОХИ СЕРЕДНЬОВІЧЧЯ З РОЗКОПОК ДІЛЯНКИ «ГШ» НА О. БЕРЕЗАНЬ в 2007-2012 рр.

Дана стаття вводить до наукового обігу матеріали досліджень середньовічних поховань, досліджених на ділянці «ГШ» Березанської археологічної експедиції ІА НАН України у 2007-2012 роках. Вона характеризує стратиграфію ділянки та розглядає нові знахідки на об'єкті.

Ключові слова: Березань, поховання, середньовіччя, знахідки.

L.I. Smyrnov

BURIALS OF THE MIDDLE AGES FROM THE EXCAVATION SITE "PH" ON THE ISLAND BEREZAN in the 2007-2012

This article introduces into scientific use the research materials of medieval burials on the area "ГШ" of Berezansky archaeological expedition of the IA NAS of Ukraine in 2007-2012. It characterizes the stratigraphy of the area and describes new artifacts on the object.

Keywords: Berezan, burials, Middle Ages, artifacts.

Одержано 4.04.2015

УДК [904.4:72] (477.75) «652»

В.П. Толстиков

О ВРЕМЕНИ ОСНОВАНИЯ И АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЕ РАННЕГО ПАНТИКАПЕЯ. ПО МАТЕРИАЛАМ НОВЕЙШИХ РАСКОПОК

Приводятся результаты новейших археологических исследований Пантикапея. Получены убедительные свидетельства о датировке древнейших слоев памятника. Уточняется в сторону удревнения время основания столицы Боспорского государства.

Ключевые слова: Пантикапейская апойкия; время основания Пантикапея; древнейшие слои и постройки Пантикапея; проблема так называемых «землянок».

До последнего времени в боспорской археологии существовала следующая схема, колонизации, сформировавшаяся в процессе длительной полемики и дискуссий. Изложу ее кратко: небольшие группы ионийских эллинов, преимущественно из Милета и его округи, прибывали на берега Боспора Киммерийского в течение первой половины VI столетия до н.э. Освоение ими этих территорий происходило постепенно, причем первоначально основным типом жилища для переселенцев служили заглубленные ниже уровня материка, преимущественно круглые в плане, примитивные постройки, получившие в литературе наименование «землянки». Наряду с хозяйственными ямами эти котлованы, в слоях заполнения которых, вместе с амфорным материалом, содержались фрагменты импортной восточно-греческой, а с середины VI в. до н.э., и аттической чернофигурной керамики, являлись единственным свидетельством существования апойкии. Все попытки выявить остатки каких-либо монументальных наземных сооружений первой половины этого столетия успеха не имели

© В.П. ТОЛСТИКОВ, 2015

Исключение составлял отрезок цокольной кладки оборонительной стены акрополя Мирмекия, обнаруженный экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством Ю.А. Виноградова в 1991-1994 гг. [Вахтина, Виноградов, 2001, с. 41 - 45]. Этот объект, а также связанный с ним и синхронный слой пожарища с выразительными фрагментами восточно-греческой керамики был датирован исследователем временем около середины VI в. до н.э. Воспользовавшись любезным приглашением лично ознакомиться с этим уникальным объектом и находками на месте раскопок я, признаться, сначала с недоверием отнесся к выводам моего коллеги, поскольку был сторонником точки зрения, согласно которой первые укрепления эллинских пунктов на Боспоре появились лишь в начале V столетия до н.э., в виду скифской экспансии и дестабилизации военно-политической ситуации [Vinogradov Ju.G., 1997, s.106 - 110; Толстиков, 1984, с. 24 - 48].

Это убеждение сформировалось у меня в значительной степени потому, что и в ходе многолетних раскопок Пантикапея – крупнейшего боспорского центра, будущей столицы Боспора, не было найдено ни одной монументальной наземной постройки, которую можно было бы отнести ко времени ранее последней четверти VI века. Сегодня слова уважаемых мною петербургских авторов цитированной работы можно считать пророческими: «… гипотеза о неукрепленности греческих по-

селений на начальном этапе их истории, … является результатом сравнительно плохой изученности ранних напластований почти всех античных городищ Северного Причерноморья».

Напомню в этой связи, что в Пантикапее датируемый локальный участок сохранившегося раннего культурного слоя был впервые выявлен в 1949, 1952 - 1953 гг. на Верхнем Митридатском раскопе. Он был обнаружен в углублении в материке (яма № 63), перекрытом глинобитным полом т. наз. «Дома эмпория» [Блаватский, 1957, с.13 - 19; 1962, с. 8 - 13; Толстиков, Муратова, 2013, с.176 - 177]. По мнению Н.А. Сидоровой, найденная в яме №63 северо-ионийская ойнохоя класса Власто, украшенная фризом с изображениями амфор[1], датируется второй четвертью VI в. до н.э. [Sidorova, 2009, p. 23 - 24. Pl. 4, fig. 1-3]. На остальных участках этого раскопа шел, преимущественно, переотложенный слой, относящийся ко второй половине VI – первой половине V вв. до н.э., в котором, впрочем, наряду с синхронным амфорным материалом и чернофигурной аттической керамикой, содержалось и значительное количество выразительных обломков восточно-греческих сосудов различных типов, в том числе и конца VII – начала VI вв. до н.э.

Аналогичная ситуация фиксировалась и на других исследованных участках в центральной части городища, суммарная площадь которых достигала тогда 10 000 м^2: расписная восточно-греческая керамика первой половины VI столетия встречалась неоднократно на раскопах Новый Эспланадный, Центральный, Восточный, но везде только в более поздних слоях, то есть в перемещенном состоянии.

Такое положение дел сохранялось до 2013 года, когда в ходе раскопок на Новом Верхнем Митридатском раскопе впервые был надежно локализован участок культурного слоя, залегавшего непосредственно на предматерике и содержавшего керамический материал первой половины VI вв. до н.э. с отдельными находками второй половины VII в. до н.э.

Раскопки 2014 года позволили существенно расширить площадь исследования и, впервые в истории исследований Пантикапея, выявить хорошо сохранившиеся остатки монументальных наземных сооружений древнейшего периода. О результатах данных работ и пойдет речь в этом моем предварительном сообщении.

Рассматриваемый участок расположен в границах Нового Верхнего Митридатского раскопа, в пределах квадратов 13, 13а, 20, 20а, 27 (с-в угол) (рис. 1). В ходе раскопок удалось открыть отрезок оборонительной стены (кладка №44), расположенный по трассе северо-восток – юго-запад. Северо-восточный конец стены был пристроен к западному фасу огромного, открытого раскопками скального массива. Юго-западное продолжение уходит в борт раскопа, высота которого превышает 7 м. Кладка этой цокольной зоны оборонительной стены имеет трехслойную конструкцию. Фасы сложены из крупных и средних иррегулярных камней известняка, плотно пригнанных между собой. Внутреннее пространство также забутовано наломами камня. При этом заметна одна особенность: трасса стены проведена с учетом наличия крупных выходов материковой скалы, к которым пристроены отрезки кладок фасов. Максимальная сохранившаяся высота цокольной зоны на северо-западном фасе достигает 1,8 м. Толщина цоколя составляет 2,2 м, при этом в пункте соединения со скальным массивом толщина его за счет выступа с внутренней стороны доведена до 3,6 м (рис. 2, а).

Именно здесь к внутреннему фасу цоколя, в перевязь с ним, пристроено прямоугольное в плане здание, от которого сохранились остатки кладок №№ 43, 45, 47. Они также имеют трехслойную конструкцию с забутовкой на глинистом растворе. Толщина кладок равна 0,55 – 0,60 м. Отмечу, что на северо-восточном фасе кладки №45 в основании использованы крупные иррегулярные плиты известняка, поставленные орфостатно (рис. 2, б). Выше она оформлена мелкими и средними постелистыми камнями известняка без соблюдения рядности. Здание имело в плане прямоугольную форму, и было ориентированно углами по странам света. Общая площадь его единственного помещения составляла 19,2 м^2.

И остатки оборонительной стены, и связанное с ней здание были перекрыты слоем пожарища мощностью до 1,4 м (рис. 3). Из этого слоя происходит обильный и разнообразный керамический материал, детальный анализ которого еще предстоит осуществить. Особо хочу отметить находки в этом слое наконечников ранних типов стрел скифского облика, концы некоторые имеют деформации от удара о твердую цель (рис. 4).

Приведу лишь некоторые образцы восточно-греческой, коринфской, хиосской керамики, включающие и наиболее ранние фрагменты (рис. 5; 6; 7).

Предварительный анализ керамического материала, полученного из слоя пожарища, позволяет датировать его в пределах первой половины VI в. до н.э. Соответственно, можно полагать, что оборонительная стена и здание, пристроенное к ней, будучи возведены где-то в начале этого столетия, были разрушены около его середины, то есть спустя, примерно, 20 лет, вследствие какой-то катастрофы, ско-

1. ГМИИ инв. М-арх. №485.

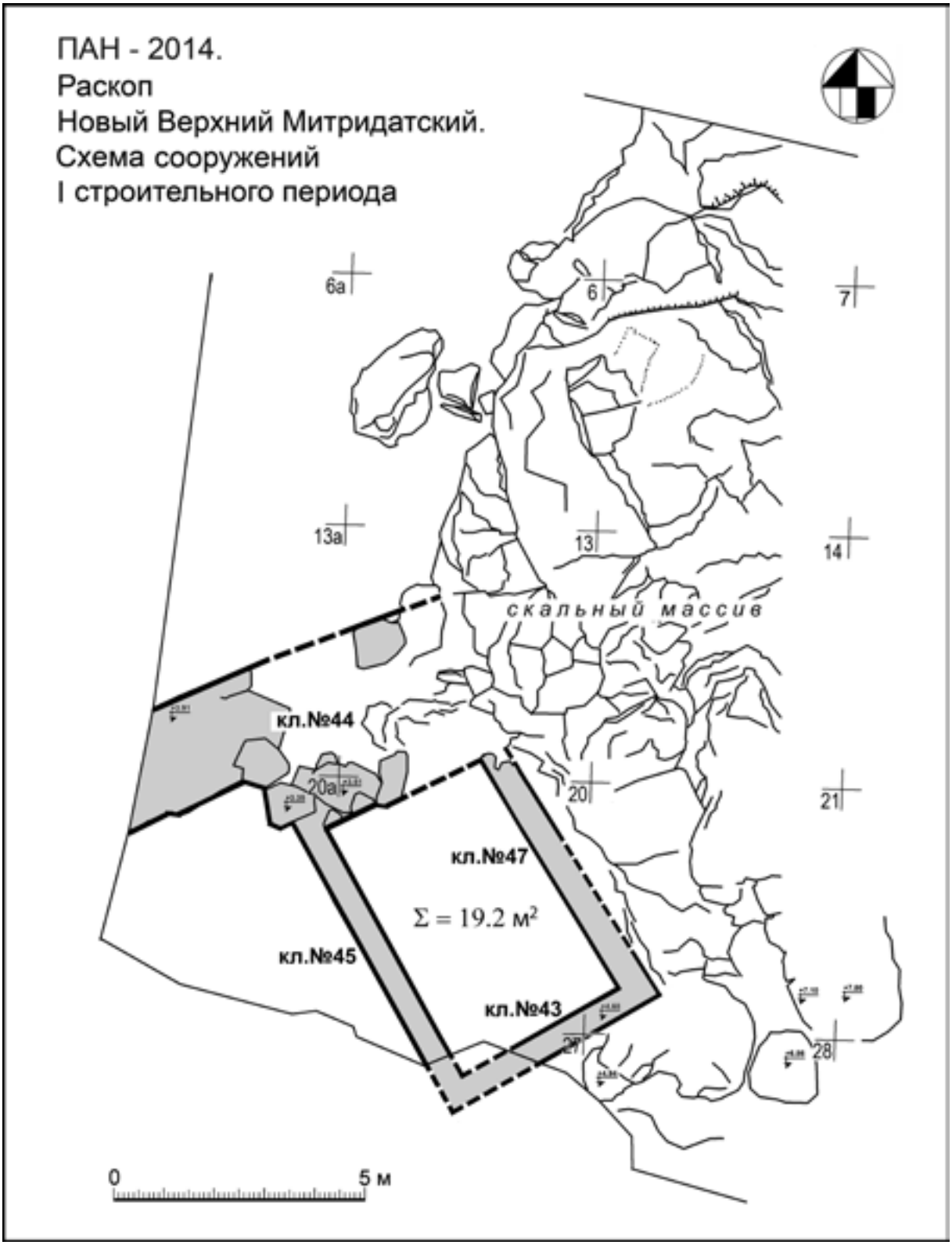


Рис. 1. Пантикапей. Раскоп Новый Верхний Митридатский (Н.В.М.).
Схема расположения древнейших построек. (Строительный период I)
(По В.П. Толстикову)

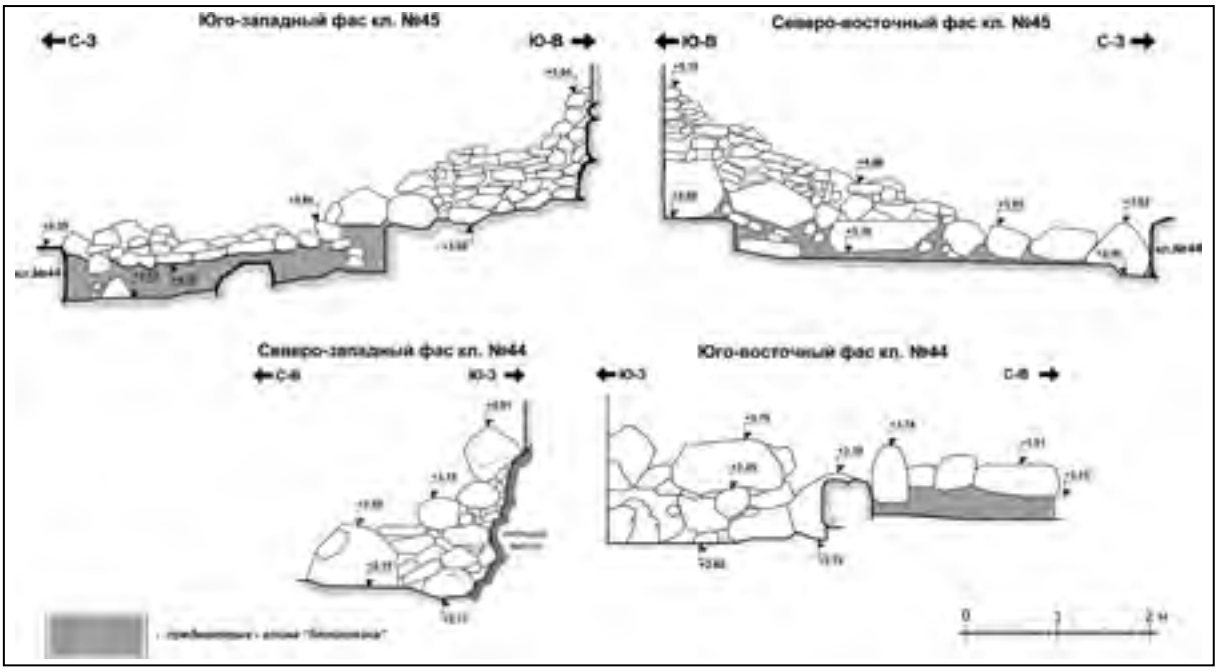


Рис. 2. Н.В.М. Фасы кладок:
а. кладка №44 – отрезок цоколя оборонительной стены; *б*. кладка №45 – цоколь юго-западной стены здания. (Строительный период I)

Рис. 3. Н.В.М. Общий вид на остатки древнейших сооружений с северо-запада

Рис. 4. Образцы наконечников стрел из слоя пожарища

рее всего военного характера, сопровождавшейся сильным пожаром.

Отсюда следует вывод, что милетские колонисты, прибывшие на холм, именуемый сегодня «Гора Митридат», были достаточно многочисленны, организованы, имели в своем составе умелых инженеров-фортификаторов и строителей-каменщиков. Они были осведомлены о наличии военной угрозы, поэтому выбрали для основания апойкии верхнее плато холма, защищенное самой природой. Периметр плато они обнесли монументальной стеной, сооруженной с учетом рельефа местности и с использованием выходов материковой скалы. На мощном каменном цоколе, покоилась, по-видимому, сырцово-кирпичная конструкция, увенчанная зубцами. При цоколе толщиной в основании от 2,2 до 3,6 м общая высота стены могла достигать 8 – 9 м. На территории плато, под защитой этой стены, были возведены первые наземные прямоугольные в плане постройки.

Возникает вопрос: а что собой являли, и для каких целей сооружались так называемые «землянки»? Наиболее достоверным вариантом ответа на него, на мой взгляд, может теперь быть такой: эти примитивные, заглубленные в материк постройки могли возводиться на прилегающей в основному ядру апойкии территории на весьма непродолжительное время (1 – 3 месяца). Они являются свидетельствами первых шагов по освоению ближайшей хоры. Их сооружение связано с проведением каких-либо сезонных сельскохозяйственных работ, или с необходимостью осуществления пожароопасных производственных процессов (выплавка и первичная обработка металлов; обжиг керамики и т.д.). В случае возникновения угрозы нападения эти временные постройки могли быть быстро оставлены.

Таковы самые предварительные итоги исследований Боспорской (Пантикапейской) экспедиции ГМИИ им. А.С. Пушкина двух полевых сезонов – в 2013 и 2014 годах.

Рис. 5. Н.В.М. Фрагменты восточно-греческого кратера с геометрическим орнаментом из слоя пожарища. 3-я четверть VII в. до н.э. (Определение Ю. И. Ильиной)

Рис. ***6***. Н.В.М. Образцы протокоринфской и восточно-греческой керамики из слоя пожарища. 3-я четверть VII - 1-я половина VI вв. до н.э.
1 - Миниатюрная протокоринфская котила. 3-я четверть VII в. до н.э.
2-3 - Фрагменты чаш с геометрическим орнаментом. 1-я половина VI вв. до н.э.
4-11 - Фрагменты ойнохой и амфор с росписью в стиле «диких козлов». 1-я половина VI вв. до н.э.

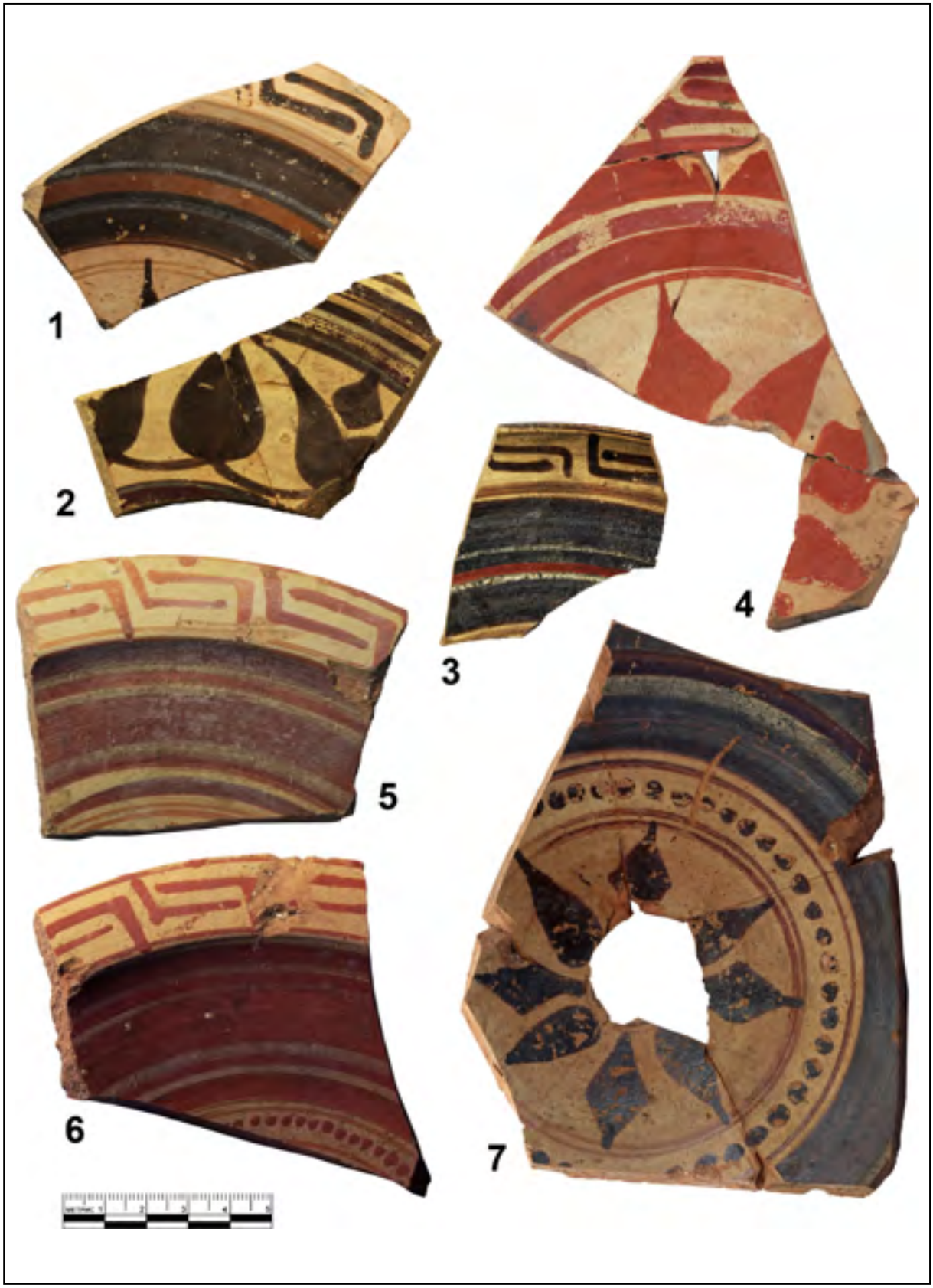


Рис. **7**. Н.В.М. Фрагменты восточно-греческих тарелок из слоя пожарища. 1-я половина VI в. до н.э.

Блаватский В.Д. Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945-1949 и 1952-1953 гг. // МИА. - № 56. - Москва, 1957. - С. 5 - 95.

Блаватский В.Д. Отчет о раскопках Пантикапея в 1945-1949, 1952 и 1958 гг. // МИА. - № 103. - Москва,1962 . - С. 6 - 85.

Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А. Еще раз о ранней фортификации Боспора Киммерийского // Боспорский феномен. Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. - СПб., 2001. - Ч. 1. - С. 41 - 45.

Толстиков В.П. К проблеме образования Боспорского государства. (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI – первой половине V вв. до н.э.) // ВДИ. - 1984. - № 3. С. 24 - 48.

Толстиков В.П., Муратова М.Б. К проблеме пространственного развития Пантикапейской апойкии в первой половине VI – первой половине V вв. до н.э. // ВДИ. - 2013. - № 1. - С. 176 - 193.

Corpus Vasorum Antiqvorum Russia – Fascicule XVII Russia, Roma. 2009.

Vinogradov Ju.G. Die historische Entwicklung der Poleis der nördlichen Schwarzmeergebietes im 5. Jh. v. Chr. // Pontische Studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik der Schwarzmeerraum. Herausgegeben in Verbindung mit H. Heinen. – Mainz, 1997. - S. 100 - 132.

В.П. Толстіков

ПРО ЧАС ЗАСНУВАННЯ ТА АРХІТЕКТУРНЕ СЕРЕДОВИЩЕ РАННЬОГО ПОНТИКАПЕЮ. ЗА МАТЕРІАЛАМИ НАЙНОВІШИХ РОЗКОПОК

Наводяться попередні підсумки досліджень Боспорської (Пантикапейської) експедиції ДМІМ ім. О.С. Пушкіна двох польових сезонів. Вперше в історії дослідження Пантикапею виявлено добре збережені залишки монументальних наземних споруд (оборонної стіни та прибудованого до неї будинку) найдавнішого періоду існування міста. Будинок був прямокутним у плані і був орієнтований за сторонами світу. Загальна площа його єдиного приміщення 19,2 м^2 Припускається, що захисна стіна та будинок були зведені десь на початку VI ст. до н.е. та зруйновані через 20 років через події військового характеру, які супроводжувались сильною пожежею. Стосовно «землянок», які розташовані за межами ранньої фортеці, то вони могли бути побудованими для проведення сільськогосподарських чи ремісничих робіт на короткий час і були залишені мешканцями під час військової загрози.

Ключові слова: Пантикапей, монументальні споруди, пожежа, землянки, захисна стіна.

V.P. Tolstikov

ABOUT THE FOUNDATION AND ARCHITECTURAL ENVIRONMENT OF EARLY PANTICAPAEUM (BASED ON THE LATEST EXCAVATIONS)

In the article are presented preliminary results of two field seasons of Bosporan (Panticapaeum) expedition of the State Museum of Fine Arts of O.S. Pushkin. For the first time in the history of research of Panticapaeum were found well-preserved monumental remains of terrestrial plants (defensive wall and attached building) of ancient period of the city. The house was rectangular and was focused on parts of the world. The total area of its single room is 19.2 m^2. It is assumed that the defensive wall and building were built in the early VI c. BC and destroyed after 20 years, because of military events, accompanied by a strong fire. Regarding “dugouts”, which are located outside early fortress, they could be built for agricultural or handicraft works for a short time and were left by residents during a military threat.

Keywords: Panticapaeum, monumental remains, ancient period of city.

Одержано 2.10.2014

УДК 904.7 (477.75) «652»

Е.А. Молев, Н.В. Молева

СВЯТИЛИЩЕ У ВОСТОЧНОЙ КРЕПОСТНОЙ СТЕНЫ В БОСПОРСКОМ ГОРОДЕ КИТЕЕ

В статье исследуются материалы раскопок святилища у восточной крепостной стены Китея в 1981-1995 годах. Авторы дают характеристику новых помещений и наиболее интересных находок. Делается общий вывод о сакральной принадлежности данного участка городища с IV в. до н.э. по VI в. н.э.

Ключевые слова: раскоп, святилище, культы, Китей, крепостные стены.

На протяжении 35 лет раскопок боспорского города Китея были обнаружены не только мощные фортификационные сооружения и городские кварталы, но и шесть сакральных комплексов на четырех раскопах этого городища (I, II. IV, V). Это обстоятельство свидетельствует о том, что древний город Китей являлся не только форпостом, прикрывающим подступы к столице Боспорского царства с моря, центром, торговли, ремесла промыслов и сельского хозяйства, но и крупным сакральным центром.

Казалось-бы, наличие огромного зольного святилища в центре города, занимающего не менее четверти площади города с толщиной культурных слоев более 12 м, где отправлялись культы различных богов, выражавших идею плодородия, было достаточным для Китейской общины. Однако, кроме этого, центрального святилища, в Китее были открыты еще пять: два домашних (на I и IV раскопах), два у западной и восточной крепостных стен, имевших общественное значение (то же на I и IV раскопах), и еще одно общегородское на V раскопе. Среди нераскрытых памятников сакрального назначения следует отметить еще один большой зольный холм в северо-восточной части городища.

Все раскрытые культовые объекты характеризуются наличием алтарей, терракот, граффити, светильников, курильниц и других артефактов вотивного характера. Они относятся к разным периодам существования города, начиная со второй половины V в. до н.э. и до V в. н.э., т.е. сопровождают всю его тысячелетнюю историю. Но только два из них функционируют на протяжении тысячи лет, от начала и до конца истории города.

Одно – центральное комплексное в виде большого зольного холма, о котором уже много писалось [Молева, 2002; Молев, 2010]; второе, еще не изданное, хотя и менее значительное по площади и объему, но имеющее свои яркие особенности. Это святилище у восточной крепостной стены с примыкающей к ней башней, ограждающей город с восточной стороны над обрывом большой балки «Казан», существовавшей, вероятно, и в античное время. Наиболее ранние слои и кладки этого комплекса лежат на материковой скале и датируются первой половиной IVв. до н.э. Самые поздние находки (среди них солид императора Юстиниана 527-538 гг.) относятся к середине VI в. н.э.

Перейдем к характеристике этого святилища и его находок.

Восточная крепостная стена с башней «А» в ее северной части, ограждала город со стороны моря и глубокой балки «Казан», крутые склоны которой выполняли функции рва. К крепостной стене, с ее внутренней стороны, примыкал ряд построек, частью жилых, а

© Е.А. МОЛЕВ, Н.В. МОЛЕВА, 2015

также имевших все признаки культовых комплексов – общественных и домашних святилищ (рис. 1-2). Следует заметить, что именно эта часть Китея свидетельствует о тысячелетней истории существования города. Там были раскопаны слои от IV в. до н.э. до ранневизантийского времени (V-VI вв. н.э.). Вероятно, такой длительный период жизни этой части Китея в значительной степени был обусловлен присутствием здесь мощной крепостной стены. Она являлась не только строительной опорой для стен, примыкавших к ней зданий, но и защищала город и его жителей даже тогда, когда начала разрушаться. Начальная дата сооружения стены – вторая половина IV в. до н.э.. Культурный слой того времени, а судя по отдельным находкам и более ранний, был разрушен и снивелирован при ее строительстве, но местами сохранился. Материковая скала, на которую опираются фортификационные сооружения и самые ранние здания, примыкающие к ним, имеет следы подтески и выравнивания [Молев, 2002, с. 300-301]. Вторая половина I в. до н.э. – это время перестройки и укрепления восточной крепостной стены дополнительным внешним панцирем. В результате толщина ее достигает 4,5 м. Тогда же была выстроена башня «А» [Молев, 2010, с. 50].

Что же касается построек, примыкавших к этой стене, то они выглядят весьма значительными (рис. 1-2). Среди них имеются жилые комплексы с небольшими культовыми площадками (домашние святилища), где обнаружено несколько алтарей, ботросов, граффити и терракот. Эти здания расположены в южной части раскопа (квадраты В0-В3). Центральная и северная территории раскопа заняты большим общественным зданием с тремя обширными «дворами» (квадраты В4-В8, Б3-Б-6), и выгороженной культовой площадкой «И» (квадрат Б2), непосредственно примыкавшей к крепостной стене (рис. 1). Одно из помещений – «З», также было связано с культовыми церемониями; другие – «Б», «В», «Е», выполняли подсобную роль (количество находок сакрального характера в них гораздо меньше). Время сооружения этого комплекса – вторая половина IV в. до н.э. (исключение – площадка «И» – I в. до н.э.) и до конца своего существования (III – пер. пол. IV вв. н.э.) он поддерживался в нормальном состоянии и функционировал как святилище. Всего на территории IV раскопа было обнаружено 40 алтарей разного типа: стационарные в виде каменных блоков или сложенные из обработанных плит; жертвенный стол, сооруженные из поставленных на ребро каменных плиток (круглые, овальные, прямоугольные, треугольный), а также небольшие (переносные), известняковые с углублениями в верхней части. По слоям они распределяются следующим образом: 14 – вторая половина IV – нач. III в. до н.э.; 16 – III-I вв. до н.э.; 10 – I-III вв. н.э. Кроме того, этой группе примыкают жернова, зернотерки, лутерии, имеющие сквозные отверстия и сливы. Найденные в культовых контекстах других находок, они, вероятнее всего, использовались в качестве хтонических алтарей. Таковыми же служили и ботросы, большое количество которых было обнаружено именно на сакральных площадках (квадраты В5-В7 и Б7).

Соответственно традиции, места размещения алтарей насыщены самыми разнообразными вотивными артефактами. Прежде всего – это терракоты и граффити, сосредоточенные, в основном, на культовых площадках. Кроме того, следует отметить глиняные модели лепешек и фаллов, монеты, светильники, бальзамарии, мраморные архитектурные детали и фрагмент блюда, точильные бруски, амулеты из клыков кабана и раковин каури и гребешков. Особую группу составляют бронзовые изделия: наконечники стрел, пластинки от панцирей, фибулы, колечки, серьга. В первые века н.э. появляются стеклянные вещи – рюмки, кубки, стаканы, ойнохои, а также лампады с каплями синего стекла. Последние, вероятно, ближневосточного (точнее, сиро-палестинского) происхождения и датируются IV – V вв. н.э. [Сорокина, 1976, с. 204]. Отметим, кстати, что все они найдены именно на культовом участке раскопа IV [Молев, 2004, с. 408.]. Любопытно, что в местах их изготовления они обслуживали христианский культ, но в Китее они найдены в местах отправления языческих обрядов. То же относится и к тарелкам с изображениями крестов. Эти находки датируются III – VI вв. н.э.

Среди обильного остеологического материала (кости крупного и мелкого рогатого скота) отметим наличие спиленных козьих и коровьих (бычьих) рогов, черепа коз и собак, большое количество створок мидий. Такой набор находок позволяет с уверенностью интерпретировать комплекс архитектурных сооружений, примыкающих к восточной крепостной стене в северной и центральной части IV раскопа, как святилище. Время его функционирования по находкам определяется со второй половины IV в. до н.э. по первую половину IV в. н.э. Заметим при этом, что значительный хозяйственный комплекс с 15-ю амфорами, тарапаном от домашней винодельни и золотым солидом Юстиниана существовал в южной части раскопа (кв. В2) во второй половине V-VI вв. н.э. [Молев, 2010, с. 71-72].

Среди многочисленных находок, сделанных на раскопе, граффити и терракотовые статуэтки могут служить некоторым основанием для определения культового характера

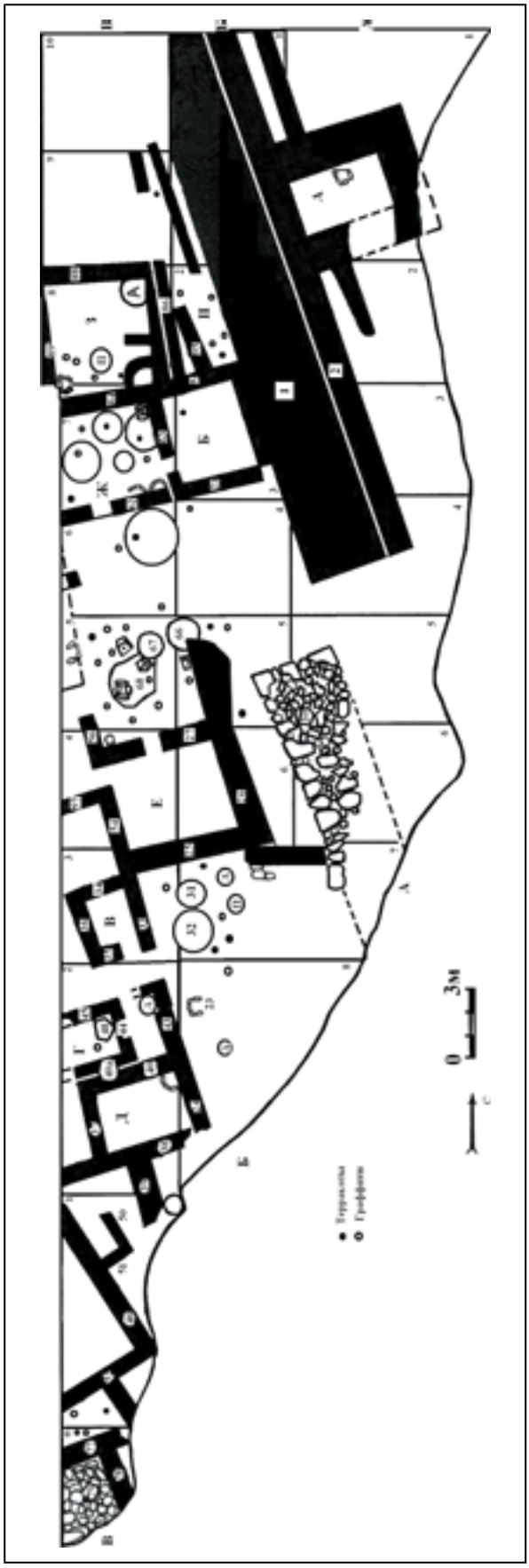


Рис. 1. Раскоп 4. Восточная крепостная стена и башня «А» с прилегающим сакральным комплексом. 2-я половина IV – I вв. до н.э.

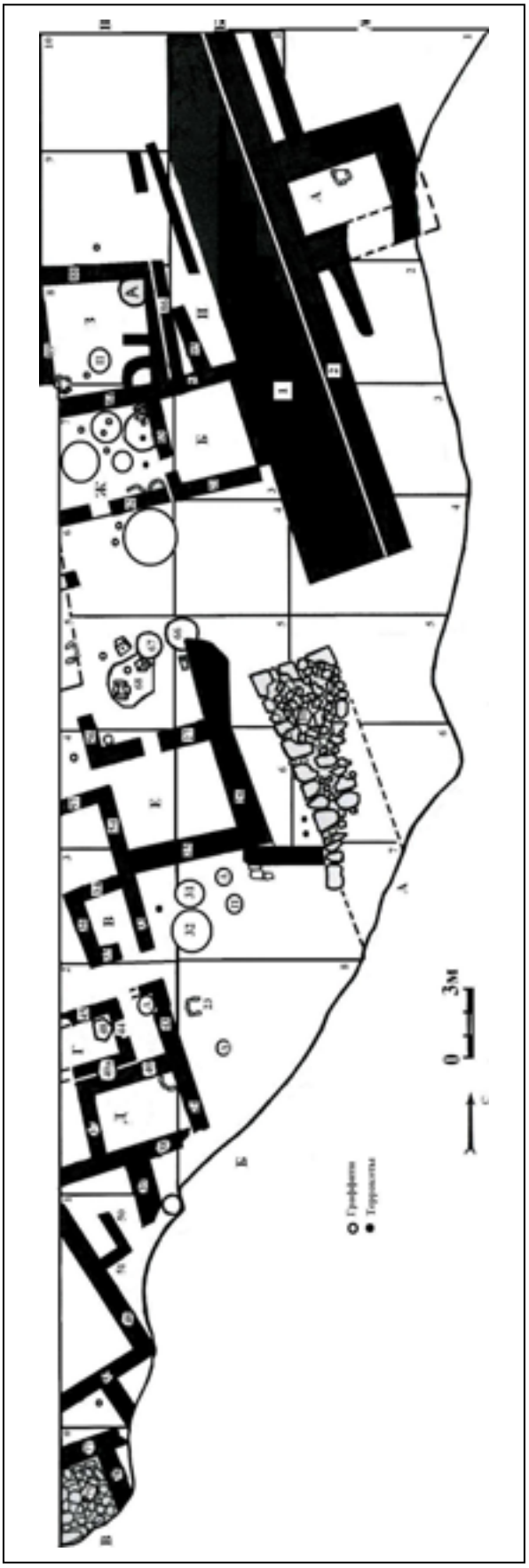


Рис. 2. Раскоп 4. Восточная крепостная стена и башня «А» с прилегающим сакральным комплексом. 2-я половина I в. до н.э.– II вв. н.э.

святилища. Из 41 граффити бóльшая их часть (33) была обнаружена в сакральном комплексе с тремя площадками для жертвоприношений (квадраты В5-В8, Б5-Б7) и в ограждении у крепостной стены (помещение «И», квадрат Б2). Соответственно, граффити сконцентрированы в четыре группы и местоположение их совпадает с локализацией терракот, как это всегда случается в местах отправления культов. В IV в. до н.э. и в эллинистический период они чаще всего наносились на чернолаковую и гончарную керамику; реже – на стенки амфор. В первые века н.э. они процарапывались также на столовой посуде и амфорах.

К первым годам существования святилища относятся те надписи, которые были обнаружены на подтесанной материковой скале, служившей полом в культовом здании. Их всего 4 и 2 из них полные: это не совсем грамотное посвящение Зевсу не дне чернолакового канфара – ΔΙΩΙ (Молев. БГК. № 106) IV в. до н.э. и подношение килика Аполлону Врачу (если читать AI как IA) от Исиона: AI ΕΚΙΣΙ (восстановление Е.А. Молева. См. Молев. Боспорский город Китей (далее БГК). Каталог граффити, № 167). Остальные два граффити представлены в виде одиночных букв Е и N, нанесенных на доньях канфара и кувшина (Молев. БГК. № 105, 233). Эти два граффити не поддаются дешифровке, но первые два наводят на мысль, что первоначально в святилище отправлялись культы мужских божеств Зевса и Аполлона.

Известно, что Зевс почитался а таких ипостасях как Градодержец (πολίοκος) и Городской (πολιεύς) (Paus., I, 24, 4). Очень показателен такой эпитет Зевса как «Геркейос» (от hercos – ограда). «Оградителем» называют этого бога Софокл (Soph., Antig., 487) и Эврипид (Eur., Troad., 17). В Древней Греции Зевс почитался также и в качестве покровителя и спасителя («Сотера») городов и их оборонительных сооружений. Размещение святилища, вплотную примыкающего к оборонительной стене и в котором почитался Зевс, в контексте всего вышеотмеченного кажется вполне закономерным.

Посвящения Аполлону, встречающиеся среди граффити в этом святилище, тоже объяснимы. Его культ ведет свое начало еще со времен колонизации, патроном которой он и являлся. Этот бог почитался в Ольвии и всех боспорских городах, особенно в Пантикапее. Посвящения ему встречаются и в центральном святилище на II раскопе [Молева, 2009, с. 149-150]. Такие «мужские» вотивы как наконечники стрел, пластины от панцирей и фибулы могут быть связаны с культовыми отправлениями в честь Аполлона. О церемониях, ему посвященных, свидетельствуют два граффити. Одно АПОЛ на венчике тарелки конца IV - начала III вв. до н.э. (Молев. БГК. № 116), другое с отбитой первой буквой [А] ПОЛ на стенке сосуда III в. до н.э. (Молев. БГК. № 175). Сам факт нанесения надписей на венчиках и стенках символизирует сакральное, посвятительное назначение таких граффити, а место их находки указывает на почитание этого бога в святилище.

Из остальных граффити следует также отметить те, которые имели магическое назначение. Они встречаются во всех боспорских святилищах. На них представлены различного рода штриховки и, так называемые, «магические ромбы» (Молев. БГК. №№ 206, 218, 222 и др.), находимые в слоях IV – III вв. до н.э.

Вполне возможно, что с рубежа IV-III вв. до н.э. в святилище отправляются культы женских божеств, в частности, Артемиды, сестры Аполлона. С ее именем могут быть связаны такие аббревиации как АР IC (сокращенное от АРТЕМІΣ) и (Молев. БГК. № 234, 244). Они относятся к разному времени: первое – ко II в. н.э., второе – к рубежу IV–III вв. до н.э. Нанесены оба на горле и стенке амфор. В этом святилище могли также проходить какие-то обряды, посвященные Афродите, в особенности в эллинистическое время и в первые века н.э. Это подтверждают образы, воплощенные в терракотах и традиционные для Китея граффито в виде одиночной альфы, имеющиеся и в центральном, и в восточных святилищах (Молев. БГК. № 193, 232).

Большое количество граффити из IV раскопа содержит только одну букву (Е, I, X, N, T, B, Y, Δ). Они не поддаются дешифровке. Чаще всего их считают владельческими метками. Заканчивая обзор лаконичных надписей, сохранившихся на фрагментах посуды, еще раз обратим внимание на то, что все они были найдены на культовых площадках в сакральных помещениях общественного или жилого назначения и все они сопутствовали находкам терракот и других вотивных предметов.

Переходя к обзору терракот, обнаруженных на IV раскопе, еще раз акцентируем то обстоятельство, что все они находились на культовых площадках, рядом с алтарями и граффити. Всего их 19 и относятся они к разному времени: со второй половины IV в. до н.э. по I-II вв. н.э. За исключением одной, все статуэтки представлены во фрагментах, однако во многих случаях эти фрагменты поддаются определению.

Абсолютно целым и неповрежденным является изделие из красной гончарной глины в виде культовой лепешки (диаметр 13,5 см) со схематическим изображением пальмовой ветви и насечками по краю в нижней части, нанесенными острым предметом (стекой или стилосом) по сырой глине, до обжига (рис. 3, 1). Эта «лепешка» была найдена на ритуаль-

ной площадке, лежащей на слое камки на отбитом днище пифоса вместе с граффити, посвященными Аполлону и Артемиде, в самых нижних слоях святилища, на его подошве. По слою она датируется второй половиной IV в. до н.э. Отметим, что сам символ пальмовой ветви связан с культами Аполлона и Артемиды.

Обращают на себя внимание и три фрагментированных терракоты, воспроизводящие лица богинь. Все они относятся к эллинистическому времени, скорее всего, к III в. до н.э. Один из фрагментов представляет красивое, молодое, улыбающееся женское лицо на тонкой длинной шее. Такая иконография была присуща в то время Афродите (рис. 3, 2). Второй фрагмент изображает нижнюю часть женского лица (нос, рот, подбородок, щеку), строгого и спокойного, соответствующего древнегреческим канонам коропластики в IV в. до н.э. (рис. 3, 3). На третьем фрагменте представлена голова богини с традиционной прической (волнистые волосы, разделенные на прямой пробор и забранные назад), строгим лицом с правильными чертами, маленьким, плотно сжатым ртом и круглым подбородком (рис.3, 4). Этот фрагмент был найден на культовой площадке домашнего святилища в южной части IV раскопа, в перекопанном и перемещенном слое. По своей иконографии он относится к III - II в. до н.э. [Молев, 1979, с. 41-42; рис. 7, 7].

Довольно редкий женский образ воспроизведен во фрагменте односторонней терракоты, изображающей сидящую, тучную, обнаженную женщину с руками, лежащими на лоне (Баубо). Он был найден на культовой площадке «И», примыкающей к крепостной стене и тяготеет к более ранним аналогиям V-IV вв. до н.э., хотя обнаружен в мешанном и перемещенном слое эллинистического времени (рис. 3, 5).

С каким-то человеческим прототипом может быть связана «личина» – идолоообразная, лепная терракота с примитивным изображением человеческого лица, переходящего в длинную шею. Глаза этого «идола» выполнены в виде круглых налепов с обозначенными зрачками; нос – в виде защипа, рот отсутствует (рис. 3, 6). Совершенно очевидно, что это вотив, может быть связанный с врачеванием. Он найден на культовой площадке с большим количеством алтарей в квадрате В5, в мешанном слое эллинистического времени.

Весьма интересной является терракота в виде антропоморфной гермы. Она плоская, с хорошо выраженными боковыми гранями, удлиненным, сужающимся книзу трапецевидным туловищем и скошенными плечами (рис.3, 7). Голова этой гермы не сохранилась, но, судя по сколу в верхней части, она была широкой. По своему внешнему виду эта терракота представляет собой модель каменного гермообразного антропоморфного изваяния. Его формы и пропорции указывают на III в. до н.э. Место находки этой терракоты (в развале камней восточной крепостной стены на кв. В9) наводит на мысль, что она могла служить своеобразной закладной жертвой, подобной каменным антропоморфным изваяниям, размещенным в кладках крепостных стен и башен Китея, Тиритаки, Порфмия, Илурата и Мирмекия [Молева, 2011, с. 259-260].

Фрагменты еще двух терракот воспроизводят фигурки зверьков. Оба они найдены в помещении «Б», входящем в культовый комплекс у восточной крепостной стены и оба относятся к слою I в. до н.э. – I в. н.э. Одна из низ изображает животное с вытянутой мордой с глазом-налепом и длинной шеей (рис. 3, 8). Другая очень похожа на изображение поросенка (рис.3, 9). Вероятно, такие фигурки играли определенную роль в культовых обрядах, происходивших в этом комплексе.

Три глиняные поделки представляют собой модели фаллов. Одна из них, лепная, была помещена в кладку 86, датированную по монете II в. до н.э. и ограждающую культовую площадку «И», примыкающую к восточной крепостной стене. Две других обнаружены в развале камней, примыкающем с наружной части к крепостной стене и датирующихся I-II вв. н.э. (рис.3, 10-11). Они изготовлены из обточенных амфорных ручек. Вероятно, помещение их в кладку стены было вызвано каким-то магическим обрядом. В этой связи следует вспомнить, что фалл являл собой мужскую ипостась плодородия и мощи.

Таким образом, учитывая ассортимент граффити и набор терракот из раскопа IV, можно сделать вывод о том, что во второй половине IV в. до н.э., когда была возведена восточная крепостная стена, одновременно строится большое здание с четырьмя ритуальными площадками и тремя помещениями. Оно, судя по находкам, являлось святилищем, изначально связанном с культом мужских божеств – охранителей города и стен – Зевса и Аполлона. Позже, в основном, в эллинистический период, там стали проходить церемонии в честь Артемиды и, может быть, Афродиты. Это святилище просуществовало долгое время, вплоть до II в. н.э. В южной части IV раскопа был выявлен комплекс жилых помещений с небольшим участком домашнего святилища.

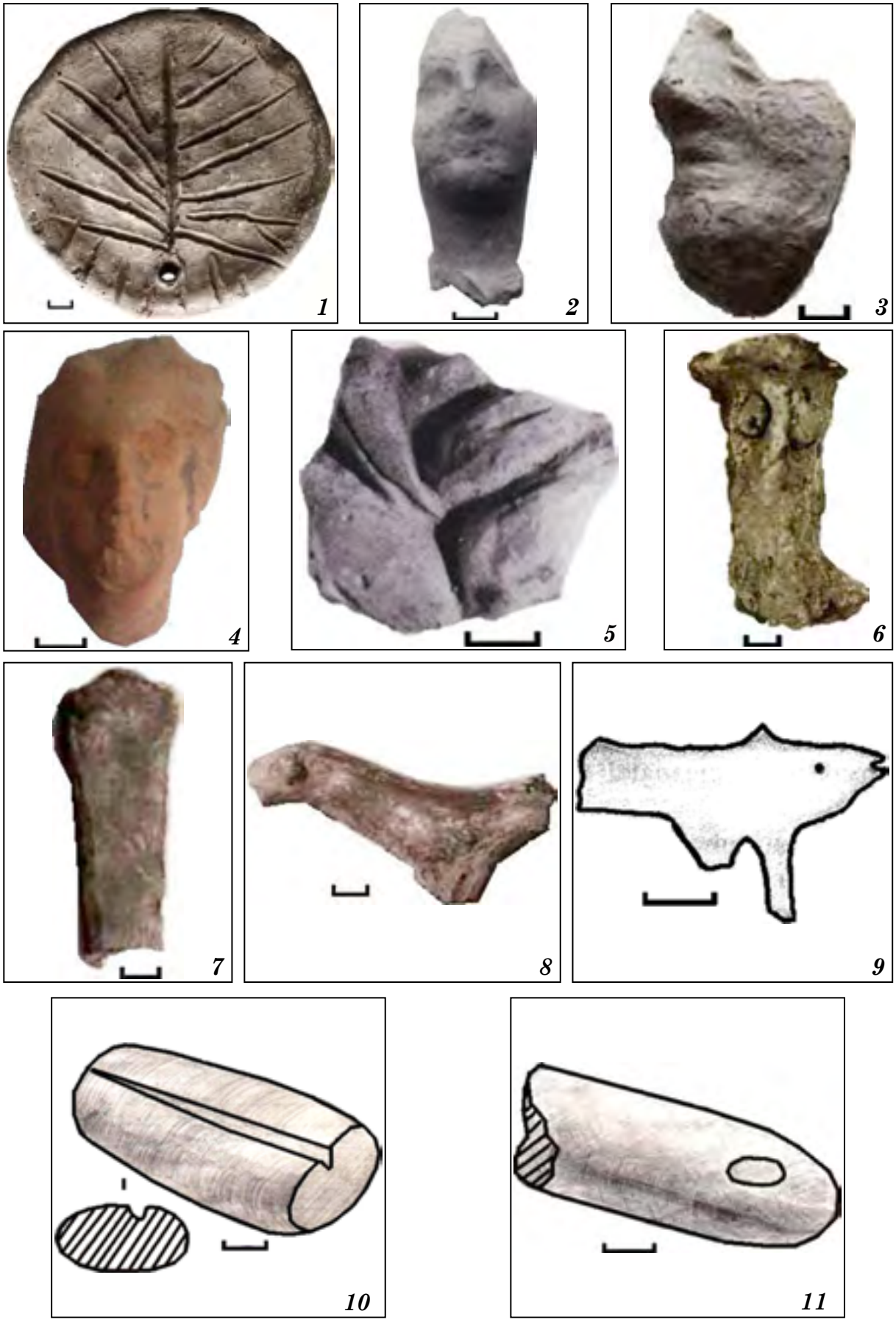


Рис. 3. Терракотовые изделия из святилища. *1* – культовая лепешка; *2-9* – фрагменты терракотовых статуэток; *10-11* – изделия в виде фаллов

Молев Е.А. Боспорське місто Кітей в IV-III вв. до н.э. // Археологія. № 32. – К., 1979. – С. 33-46.

Молев Е.А. Система обороны Китея // Боспорские исследования. Т. II. – Симферополь, 2002. – С. 297-312.

Молев Е.А. Фрагменты стеклянных сосудов из раскопок Китея // Боспорские исследования. Т. V. – Симферополь-Керчь, 2004. – С. 405-421.

Молев Е.А. Боспорский город Китей. – Симферополь-Керчь, 2010. – 316 с.

Молева Н.В. Очерки сакральной жизни Боспора. – Н.Новгород, 2002. – 136 с.

Молева Н.В. Аполлон в Китейском святилище // Из истории античного общества. Вып. 12. – Н. Новгород, 2009. – С. 149-155.

Молева Н.В. Греческие и варварские антропоморфные изваяния в крепостных сооружениях боспорских городов // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Вып. XII. – Керчь, 2011. – С. 259-260.

Сорокина Н.П. Позднеантичное стекло из Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. – Москва, 1976. – С. 199-209.

Є.О. Молєв, Н.В. Молєва

СВЯТИЛИЩЕ БІЛЯ СХІДНОЇ КРІПОСНОЇ СТІНИ У БОСПОРСКОМУ МІСТІ КІТЕЙ

Статтю присвячено матеріалам розкопок Святилища біля східної стіни у боспорському місті Кітей у 1981-1995 рр. Автори описують відкриті споруди та найбільш цікаві знахідки та роблять висновки щодо сакральних покровителів цієї частини міста з IV ст. до н.е. до VI ст. н.е.

Ключові слова: святилище, Кітей, кріпосна стіна.

E.A. Molev, N.V. Moleva

THE SANCTUARY AT THE EAST FORTRESS WALL IN THE BOSPORIAN CITY KYTA

The article deals with the materials of excavations the Sanctuary at the East fortress wall in the Bosporian city Kyta in 1981-1995 years. The authors describes new buildings and the most interesting finds, drew the common conclusion about sacral accessory this part of the city from IV BC to VI AD.

Keywords: sanctuary, fortress wall, Kyta.

Одержано 14.09.2014

УДК [904.4:72] (477.75) «652»

Н.И. Винокуров

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ПОМЕЩЕНИЕ 4 РАННЕЙ ЦИТАДЕЛИ ГОРОДИЩА АРТЕЗИАН В КРЫМСКОМ ПРИАЗОВЬЕ

Публикуются результаты раскопок центрального помещения 4 ранней цитадели городища Артезиан, сгоревшей в начальный этап боспоро-римской войны в 44/45-49 гг. Обилие редчайших артефактов, среди которых десятки фрагментированных терракотовых фигурок, тысячи монет, остатки оружия, украшений, бытовой утвари и различных сакральных предметов, делает этот памятник эталонным для всего Северного Причерноморья, поскольку дает «узкую» дату, привязанную к важным событиям не только боспорской, но и средиземноморской истории, Данная публикация посвящена материалам раскопок центрального помещения №4 цитадели.

Ключевые слова: исторические процессы, археология Боспора, античность, боспоро-римская война, фортификация, архитектура, коммуникации, городище Артезиан.

Ранняя крепость городища Артезиан[1], сгоревшая в ходе штурма в ранний период боспоро-римской войны, практически раскопана [Винокуров, 2005, с. 60 и сл.; 2007а, с. 162 и сл.; 2007б, с. 7 и сл.; 2007в, с. 190 и сл.; 2008; 2009; 2010, 2012, 2013, с. 30-40]. Слой ее гибели в виде мощного пласта горелого грунта с остатками перегоревших строительных конструкций и различных находок в целом нельзя признать закрытым комплексом. Его сильно повредили многочисленные перекопы: хозяйственные ямы первых веков нашей эры, античные и средневековые выборки крепостных стен и особенно – современные мародеры.

Н.И. ВИНОКУРОВ, 2015

Конструкция и планировка ранней Цитадели

Ранняя цитадель городища Артезиан относилась к типу известных и отчасти раскопанных памятников царской хоры – в Ново-Отрадном, Михайловке, Чокракском мысу [Кругликова, 1975, с. 113 и сл.; Петерс, 1978, с. 124; Масленников, 1998, с. 112 и сл.]. Условно названные «резиденциями», данные памятники боспорского военно-инженерного искусства представляли собой мощные прямоугольные форты с мощными высокими стенами и четкой внутренней планировкой. Они имели центральный двор как планировочное ядро. Помещения внутри такой крепости обычно заключены в пространство между дву-

1. Античное городище Артезиан, одна из царских крепостей Боспора, - единственный памятник в Восточном Крыму, многолетние раскопки которого позволили получить яркий материал, свидетельствующий о начале активного военного проникновения Римской империи на территорию Боспорского государства. Здесь был открыт слой пожара времени римско-боспорской войны 44/45-49 гг. Обилие редчайших артефактов, среди которых десятки фрагментированных терракотовых фигурок, тысячи монет, остатки оружия, украшений, бытовой утвари и различных сакральных предметов, делает этот памятник эталонным для всего Северного Причерноморья. Уникальность артезианских материалов из слоя пожара заключается в их разнообразии и узкой хронологической дате, привязанной к важным событиям не только боспорской, но и средиземноморской истории, существенно повлиявших на военно-политическую ситуацию в Причерноморье.

мя, реже – тремя параллельными стенами, внешняя из которых – собственно крепостная. Крепости имели правильную прямоугольную или квадратную форму. Толщина внутренних и внешних стен крепостей позволяет вполне обосновано говорить о наличии нескольких этажей застройки. Башен, выдвинутых за линию стен, эти укрепления не имели. Возможно, башни возвышались по углам. Установить расположение, а главное понять устройство входов внутрь крепостей в силу их относительно плохой сохранности проблематично. Пространство вокруг крепости дополнительно защищалось рвами.

Ранняя цитадель имела небольшие размеры, почти квадратную форму (рис. 1). Площадь ее по периметру стен, по уточненным данным 2012 г., достигала около 773 м^2 (внутри – в пределах 482 м^2)[2], что близко по значению к другим ранее упомянутым крепостям Боспора. По всей видимости, такие крепостные сооружения были типовыми для второй половины первого века до н. э. – начала первого века нашей эры и их распространение можно связывать с периодом правления царей Асандра и Аспурга. На основании полученных данных, можно говорить о духовной и материальной культуре населения крепости, как о типичной для боспорских городских центров середины первого века нашей эры.

Ширина крепости снаружи: с запада на восток вряд ли не превышала 28,53 м, с севера на юг – 26,92 (внутри: с запада на восток – 22,55 м, с севера на юг – 21,39 м). Каменные кладки внешних стен полностью выбраны, но их направление фиксировалось траншеями выборок. Исходя из глубины и ширины фундаментов, высота куртин внешних стен была не менее шести метров. В 2013 г., впервые за все время раскопок, удалось обнаружить фундамент крепостной стены, расчищенный на дне траншеи выборки южной крепостной стены (ТВ-175) (рис. 2). Кладка фундамента сложена по двухлицевой, трехслойной, постелистой, тычково-ложковой, двухрядной системе, насухо, из больших квадров белого известняка. Притеска швов очень неплотная. Зазоры между квадрами достигали 20-40 мм. Они не были заполнены раствором. Возможно, это был особый строительный прием, позволявший создавать эластично-подвижный фундамент, способный гасить сейсмические импульсы малой и средней мощности. Щели между квадрами нижнего яруса кладки перекрывались квадрами верхнего яруса, установленными насухо. Камни в фундамент укладывались с наружной стороны, что привело к повреждениям внешнего борта строительной траншеи. Пространство между цокольной частью кладки и бортом строительной траншеи было забито известковой крошкой и мелким бутом. Поверх него, вдоль фасада с внешней стороны южной стены, для укрепления основания кладки были уложены в одну линию квадры и полуквадры.

Фундаменты внутренних стен сложены впереплет[3] по трехслойной двухлицевой постелистой тычково-ложковой системе из квадров желтого и белого известняка. Они были пристроены к крепостным стенам встык. Здание цитадели ориентировано по сторонам света, с небольшим смещением к ССЗ-ЮЮВ. Сохранившаяся высота внутренних стен – 0,43-1,40 м. Ширина – до 1,72 м, при ширине фундамента около 2,10 м. Притеска швов очень плотная. Кладка аккуратная. В качестве скрепляющего раствора использована пластичная желтая глина.

Время постройки ранней цитадели пока точно не установлено, но, вероятнее всего, не выходит за пределы правления царей Асандра и Аспурга. Интересно, что в слое разрушения крепости найдены изображения тамг Динамии и Аспурга. В частности, они сохранились на известковой монументальной плите, которая была вмурована перед входом в крепость, на стенках сосудов: пифосов, амфор и кувшинов, игральных костях. Видимо, при правлении Динамии и Аспурга крепость переживала наибольший расцвет. Отмечу, что в ходе работ на раскопе I и III городища Артезиан установлено, что при постройке ранней цитадели были разрушены кварталы первого века до н. э. – первого века н. э. От них остались полуподвальные сооружения, которые оказались перекрытыми слоем разрушения с большим количеством обломков черепицы: соленов и желобчатых калиптеров в основном местного производства. Они датировались нумизматическим материалом временем царя Асандра. Если наши данные верны, то период бытования ранней цитадели укладывается в хронологические рамки второй половины – конца I в. до н. э. - 46/47 г. н.э.

Устройство крепостных стен и планировка внутренних помещений ранней Цитадели

Внешняя линия крепостных стен Цитадели являлась важным конструктивным элементом внутренней планировки. Помещения

2. Эти параметры еще могут быть скорректированы, так как промеры проводились по траншеям выборок стен. Также не удалось определить достаточно точно размеры цитадели с севера на юг. Ее северная часть перекрыта стеной поздней цитадели и пока недоступна для исследования. До раскопок 2012 г. предполагалось, что площадь цитадели была несколько больше - 856 м^2, а внутри – 546 м^2.

3. Данный вывод подтверждается местом сочленения впереплет внутренней стены 169 с северной крепостной стеной 194. Причем, квадры стены 169 перекрывали линию стыка их фундаментов.

Рис. 1. План-схема ранней цитадели

образованы пересечением крепостных и внутренних стен.

Внутри цитадели раскопано *десять* прямоугольных помещений. Это был полуподвальный ярус застройки цитадели (рис. 1). Три внутренних помещения цитадели располагались вдоль западной крепостной стены, с юга на север: юго-западное угловое помещение 1, узкое помещение 2, выполнявшее, по-видимому, функцию проходного, и северо-западное помещение 3. Вдоль южной стены – за помещением 1 следовало самое большое центральное помещение 4. Три других помещения 5-7 примыкали к ним с востока. Восточнее помещения 4 располагались помещения 7 и 10, имевшие хозяйственно-хранилищное назначение. В северной части цитадели находились помещения 5, 6 и 9, в одном из них была мукомольня. Жилой горизонт маркирован вымостками проходов между помещениями и выявлен локальными участками в помещениях 1, 4, 6, 8, 9. Именно там в основном оказались непотревоженные перекопами слои пожара, залегавшие in situ.

Все проходные помещения вымощены крупными плитами ожелезненного мшанкового известняка и плитами из разобранных более ранних построек. На некоторых из плит остались следы цемянкового раствора, скорее всего, от разобранных виноделен, нежели от следов ремонта. Внешняя поверхность плит заглажена ногами и прокалена огнем пожара. Вымостки покоилась на слое погребенной почвы, также пострадавшей от действия огня.

В хранилищах с пифосами отмостка была только вокруг сосудов, но далеко не везде и не по всей площади помещений. Возможно, полы были глинобитными или дощатыми. Например, в мукомольном помещении 6 цитадели пол или помост из досок, где находились плиты зернотерок, достоверно зафиксирован. Пифосы были вкопаны на различную глубину. Некоторые сосуды были выкопаны перед штурмом, чтобы спрятать на их место клады. При этом осажденные сильно спешили, сосуды разбивались, извлекались по частям, мотыги, которые использовались для этой цели, бросались рядом.

Каменные кладки внешних стен полностью выбраны, но их направление фиксировалось траншеями выборок. Судя по глубине и ширине фундаментов, высота куртин внешних стен была не менее шести метров. Примыкавшие к ним внутренние перегородки также пострадали от выборок, но они сохранились существенно лучше.

Цитадель окружал ров с дренажом под дорогой, который на втором этапе имел выложенные камнем борта.

Ядром цитадели являлось центральное помещение 4, результатам раскопок которого посвящена настоящая статья.

Помещение 4
(2008-2009, 2013 гг.)

Помещение 4 в форме вытянутого с юга на север прямоугольника располагалось в средней части Цитадели, восточнее помещений 1-3, имея с ними смежную стену 169 (рис. 1). Южной границей помещения служила стена 176, западной – стена 169, восточной – стена 177, южной – стена 175. Его площадь – не менее 72 м^2 (4,81/4,85х14,95/15,00 м). Большая часть помещения уничтожена поздними глубокими перекопами: хозяйственными ямами и строительным котлованом каменного колодца. Вход в него был с запада со стороны помещения 2 и с севера – через возможный проем в стене 176[4]. Судя по сохранившимся нескольким ямам в северной и южной части помещения 4 располагалось хранилище с пифосами средних размеров, вкопанными на ½ или ¾ высоты. Точное количество пифосов в хранилище неизвестно. Кроме того, на юге помещения располагалось несколько больших хозяйственных ям.

1

2

Рис. 2. Панорама помещения 10 ранней цитадели на юге раскопа III с востока (*1*) и с юго-востока (*2*)

Северная часть
помещения 4

В 2009 г. была полностью исследована северная часть помещения, где были открыты два клада-жертвоприношения в деревянных шкатулках, закопанных в яму из-под пифоса. В шкатулках оказались сокрытыми 244 медные боспорские монеты конца I в. до н.э. – первой половины I в. до н.э. и 10 серебряных денариев римских императоров Августа и Тиберия[5], а также золотые, серебряные и бронзовые ювелирные изделия (рис. 3)[6] [Абрамзон, Винокуров, Трейстер, 2012, с. 93-146; Abramzon, Treister, Vinokurov, 2012, p. 207–278]. Поверх кладов залегал гомогенный слой пожара, в котором среди множества других находок был найден гладиус типа Майнц, варианта Фулхем.

4. О наличии проема шириной около 1,10-1,26 м в стене 176 косвенно могут свидетельствовать два известняковых блока средних размеров с обгоревшей поверхностью - предполагаемые остатки продольной однорядной перегородки. Она могла быть пристроена перпендикулярно к стене 176 по линии север-юг, параллельно стене 169. Подошва камней соответствовала нижнему уровню полов. Но плохая сохранность участка не позволяет утверждать это с уверенностью.

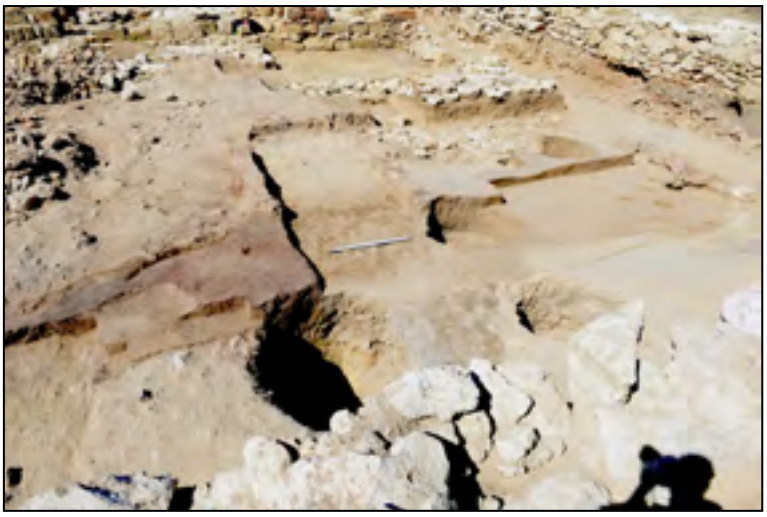
5. Серебряные римские известны по находкам в основном за пределами Боспора. Принято считать, что основная масса денариев уходила в основном в степные зоны Европы, минуя его территорию на оплату наемных войск из варварских племен и подкуп племенной верхушки. Детальной публикации кладов и нумизматических находок, связанных с ними, будет посвящена специальная работа.

6. Оба комплекса поступили на хранение в Керченский историко-культурный заповедник (клады монет зарегистрированы под инвентарными номерами – КП-176642, КП-176643).

Южная часть помещения 4 (2009, 2013)

В *южной части помещения 4* в 2009 г. были выявлены следы пожара времени боспоро-римской войны в виде локальных линз горелого грунта и одной-двух тонких прослоек черной жирной сажи, а также нескольких ям из-под пифосов (391.1-2, 394-396), заполненных продуктами горения с большим количеством находок, включая украшения и монеты ассы Митридата III 39-45 гг.[7], синхронные пожару.

В 2013 году в южной части помещения 4, в пространстве между стенами 169, 175 и 177 на площади около 25 м^2, сохранился гомогенный слой пожара мощностью до 0,40 м. Он перекрывал разрушенные горловины хозяйственных ям 495-498 (рис. 3-4). Этот слой состоял из черно-коричневого, довольно рыхлого грунта с кусками обожженной глины от обмазки стен и мелким бутом, разнообразными находками, массовыми и коллекционными. В нем найдены: обломки боспорских соленов, верхние части и стенки нескольких пифосов светло-коричневой и коричневой глины, край мортария розовато-коричневой глины с бежевым ангобом на поверхности; обломки стенок и профильных частей разнотипных амфор первой половины I в. н. э. (A1, C-Ia), включая венчик амфоры синопской глины, напоминающей тип Син-II (который по мнению С.Ю. Внукова датируется последней третью I в. н.э. [Внуков, 2013, с. 31][8], ручки различных амфор, ножка амфоры бежевой глины и ножка амфоры коричневой глины колхидского (?) производства); профили простых гончарных кувшинов различных типов на круговых и плоских поддонах, в том числе профиль лекифа – бальзамария красно-коричневой глины (к.о. 155/2013), часть профиля однорожкового светильника светло-серой глины (к.о. 132/2013); верхние части местных и привозных открытых сосудов – мисок и тарелок, на внутренней поверхности донца тарелки имелся плохо читаемый отпечаток перстня (п.о. 1919/2013); стенки, венцы и донца лепных крышек, горшков, кувшинов, кружек, ойнохой, курильниц и мисок; стенки и профильные части краснолаковых закрытых и открытых сосудов понтийской и западной сигиллаты. Среди краснолаковых фрагментов посуды для потребления вина выделялись остатки кубка с узором в стиле барботин, фрагменты перегоревших стенок кубка - канфара с накладным растительным рельефным орнаментом в виде виноградного листа с ручкой, украшенной на переломе округлым бочёнковидным налепом (к.о. 113/2013). Фактически, подобные кубки являются репликами металлических изделий. Интересно, что по стили-



1

2

Рис. 3. Помещения 4 с раскопа III с юго-запада (*1*) и юга (*2*)

7. Фролова, 1998, I, табл. XX, 2-18.

8. Если данное определение профиля правильно и этот единичный фрагмент оказался in situ, а не был «внесен» грабительским перекопом, то можно говорить о гипотетической возможности более ранней датировки амфор типа Син-II. Однако, следует указать, что на профиле не зафиксирована подрезка – желобок под венчиком, который характерен для этого типа (см. [Внуков С.Ю., 2003, с. 133 и сл.]).

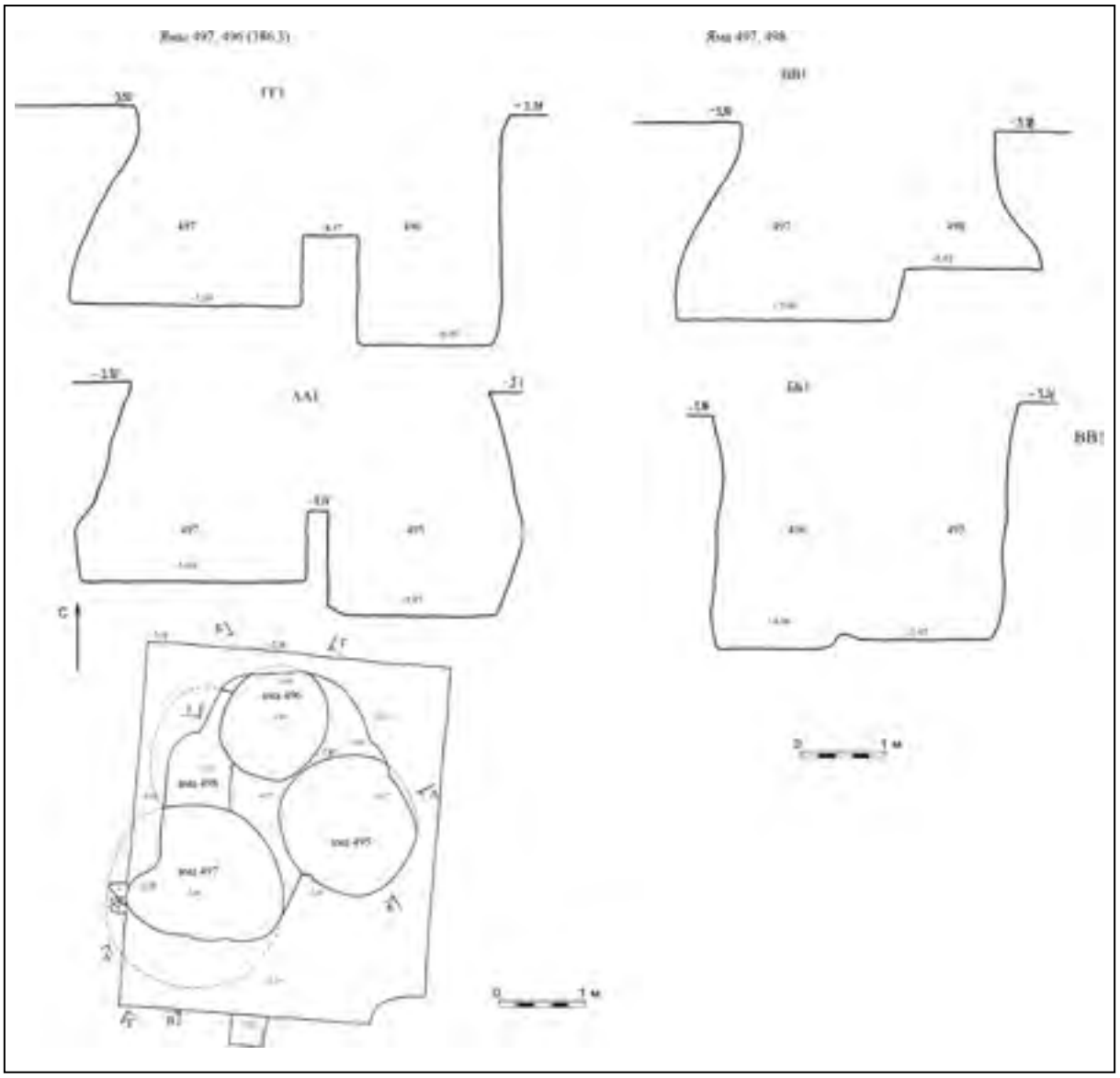


Рис. 4. Разрезы и план ям помещения 4 ранней цитадели (южная часть)

стике исполненения этот налеп напоминает листок от украшения бронзового канделябра (к.о. 101/2012), найденный в северо-западном углу сгоревшей цитадели.

В слое гомогенного пожара в помещении 4 открыты обломки терракотовых фигурок красно-коричневой глины, фрагмент стенки светильника (?) с узором из выпуклых точек и линий серо-коричневой глины (к.о. 116/2013), ножка чернолакового эллинистического канфара; граффити: несколькио глубоких линий на стенке пифоса коричневой глины (к.о. 78/2013); косой крест на стенках пифоса коричневой глины (к.о. 80-81/2013); тамгообразный знак в виде якоря на стенке амфоры оранжевой глины на (к.о. 114/2013); нижняя часть граффити в виде двух линий на стенке амфоры коричневой глины.

Особо выделялся развал разнообразных бусин и подвесок из стекла, египетского фаянса, камня, кости и ракушек (к.о. 156.1-63), основная масса которых прогорела, имела утраты, трещины, сколы. В целом, все они (более 16 десятков) отличались плохой сохранностью. Но, что удивляет, так это наличие в их составе значительного числа изделий из египетского фаянса, очень редко находимых на городище. Как правило, они встречались в детских захоронениях на некрополе. Некоторые бусы провалились ниже уровня пожара и были найдены в верхней части заполнения ямного котлована.

В горелом слое открыты также предметы из драгоценных металлов – комплект из двух золотых витых серег подовальной формы с окисленной бусиной из темного металла

(серебра?)[9] (к.о. 410-411/2013). Они качественно выполнены из нескольких гладких проволок, соединяющихся на концах и образующих застежку из петли и крючка; у основания петли – два витка проволоки и бусина темного цвета. При их изготовлении использовались волочение, ковка и пайка.

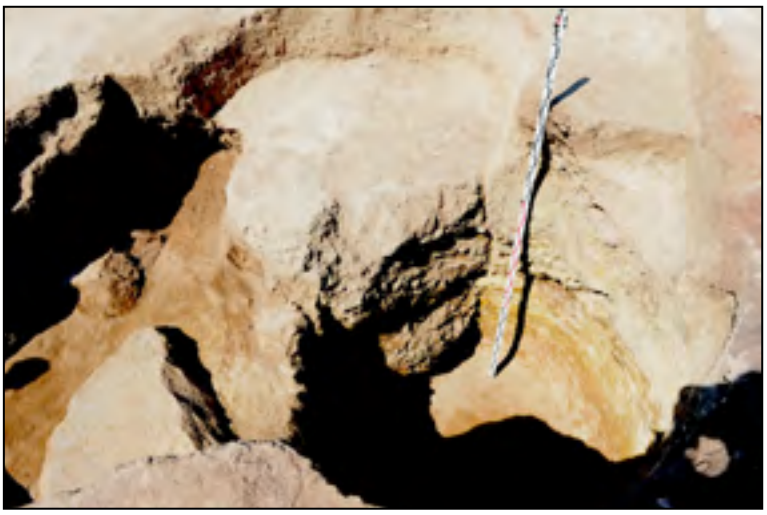
Находки из железа (гвозди, скобы, остатки тонких пластин с отверстиям для крепежа (облицовки шкатулок и ларцов и каких-то непонятных предметов?) сохранились очень плохо, были сильно коррозированы и оплавлены.

Довольно много в пожаре было фрагментов печины, некоторые из которых были профильными, являясь, видимо, остатками жаровен с толщиной бортов 33-46 мм. Также открыто несколько фрагментированных и целых точильных камней из мелкозернистого песчаника серого и серо-коричневого цвета, сильно обгоревших; округлых пращевых ядер из песчаника и метательных снарядов из морской гальки, фрагменты двух известковых соленов (к.о. 158-159/2013).

Отмечу также обнаруженные здесь маловыразительные кусочки оплавленных и окисленных пластин из бронзы, распавшихся при коррозии, и медные боспорские монеты Аспурга (14-38 гг.) (н. о. 166/2013); Митридата VIII (39-42 гг.) (н.о. 165/2013), включая неопределенные монеты [10].

Верхняя часть слоя горения помещения 4 была срезана во время нивелировки, когда строилась поздняя цитадель. Ее сбросили в траншею выборки южной крепостной стены 175. Горелые слои образовали вдоль северного борта ТВ-175 при засыпке траншеи довольно однородную линзу пожара. Слои сброса имели уклон под 45°, частично перекрыли нижний ряд квадров фундамента и

1



2

3

Рис. 5. Верх котлована ям с пожаром в южной части помещения 4 раскопа III с северо-востока (*1*); ямы после выборки заполнения с юго-востока (*2*) и северо-востока (*3*)

9. Вр.хр. 9303-9304.

10. Н. о. 304-310/2013; 314/2013; 329/2013; 504/2013.

залегала. Находки отсюда довольно многочисленны и были подобны материалам из непотревоженного слоя пожара, количественно в нем преобладали обломки стенок и профильных частей простой гончарной посуды. Встречены также около двух десятков фрагментов тонких железных облицовочных пластин от ларцов и шкатулок, на отдельных из них остались отверстия и шпильки креплений к деревянной основе; малопонятные фрагменты железных изделий и массивный стержень прямоугольного сечения, обломанный с двух сторон и сильно окисленный, длиной около 12 см; два пращевых ядра из морской гальки и песчаника; скол угла плиты зернотерки из прочного темно-серого вулканического камня; половинка крышки сосуда из известняка диаметром 220 мм.

В южной части помещения 4, после выборки слоя горения до материкового слоя – погребенной почвы горизонта «В», проявились контуры обширного котлована неправильной полигональной формы, заполненного черно-оранжевым слоем пожара с большим количеством печины, крупных и средних плит и блоков, щебнем, костями людей и животных, многочисленными и разнообразными находками. Размер ямного котлована: 4,40х5,10 м (рис. 3-5). Его довольное плавные округлые края напоминали, на первый взгляд, следы ям после извлечения больших пифосов. Однако, оказалось, что он образовался на месте разрушенных горловин нескольких крупных хозяйственных *ям 495, 497-498, когда* во время пожара обвалились верхние строительные конструкции ранней цитадели.

Котлован прорезан поздней ямой 386.3/496, раскопанной в 2009 г. и законсервированной отработанным грунтом. Реконструируемый размер восточной ямы 495: глубина 2,84-3,20/3,30 м [11], сечение средней части – 1,80х1,80 м, дна – 2,07х2,04 м; диаметр максимального придонного расширения – 2,52х2,56 м на высоте 0,93 м от дна. Западная яма 497 была меньше по глубине ямы 495– 2,47-2,64 м, но шире: в средней части – 1,53х1,60 м; сечение дна: 2,63х2,70 м; сечение максимального придонного расширения: 2,68х2,70 м. Северо-западная яма сохранилась хуже остальных. Она частично прорезана поздней ямой 496. Ее восточная часть обвалилась в яму 497. Видимо, яма 498 была глубиной не менее 1,89-2,06 м; реконструируемый диаметр дна в пределах 1,70х1,85 м.

По мере выборки горелого заполнения котлована, на глубине более 2-х метров от уровня пола помещения 4, стали проявляться четко разделяющиеся нижние части ям. Они выкопаны в глинисто-песчаном, сильно ожелезненном материковом слое, который отличался особой плотностью. Борта ям равномерно расширялись к ровному дну. Можно предполагать на основании этого наблюдения, что первоначально ямы имели в разрезе колоколовидную форму. Следов глиняной обмазки на бортах не зафиксировано. Остатки каменных горловин ям найдены в придонных слоях ям.

Борта котлована, образовавшегося на месте верха ям, были прокалены и на значительную глубину сильно обожжены. Их внутренняя поверхность закопчена и покрыта тонким слоем черной жирной сажи. Напротив, поверхность дна едва затронута прогаром и практически совсем не обожжена.

Ямный котлован был полностью заполнен продуктами горения и упавшими с верхних этажей строительными конструкциями, разбитыми и археологически целыми находками. Этот слой пожара, как уже отмечалось выше, черно-оранжевого цвета, влажный, с большим количеством углей, жженой глины, включал куски глиняного утеплителя кровли с отпечатками стеблей камыша[12], куски профилей, днищ и бортов саманных жаровень и подставки для очага (к.о. 157/2013); обломки перегоревших сырцовых кирпичей, среди которых один кирпич, полностью прогревший и сильно оббитый, хорошо сохранился (к.о. 373/2013)[13]; рыхлые массивы горелых и кальцинированных костей людей[14] и животных; бутовый камень, отдельные хорошо обработанные плиты и блоки, линзы щебня, битой керамики, оплавленные фрагменты железных изделий, предметов из цветных металлов, стекла, десятки медных монет, которые еще не определены[15]; обломанные и прогоревшие поделки из кости. Характерно наличие в нем перегоревших пластов зерна и очень плотных прослоек, спёкшихся комков черного углистого грунта, появившихся в результате сгорания какой-то органики, нефти или жира. Характерно, что фрагменты находок часто подходили друг к другу, хотя были

11. От поверхности пола помещения 4.

12. Отпечатки стеблей камыша очень хорошо сохранились. Подобные саманные конструкции – из плетеного камыша (маты), облицованных глиной, использовались также для устройства полов перекрытий на верхних этажах, при сооружении перегородок внутри помещений.

13. К нему пригорели остатки костей человеческого черепа и мелкие, не поддающиеся определению, косточки.

14. Взрослых мужчин, женщин, детей. Лучше всего из человеческих костей сохранялись мелкие кости кистей рук и стоп, а также отдельные зубы.

15. Н. о. 331-355/2013, 377-384/2013, 385-404/2013, 411-431/2013, 432-456/2013, 459-471/2013, 480-496/2013, 498-499/2013, 500-503/2013, 508-513/2013, 519-521/2013, 522/2013, 527/2013, 528/2013.

найдены на различной глубине и нередко - в противоположных частях котлована. По бортам ямного котлована целых находок было больше. В горелом заполнении котлована встречались и отдельные целые артефакты, иногда совсем неповрежденные огнем.

Обрушившиеся вниз деревянные конструкции перекрытий после завала в ямы продолжали гореть вместе с другими предметами и зерном, которое в них хранилось. Крупные угли балок и куски недогоревшего дерева нередко спекались вместе с пластами прогоревшего зерна, обломками керамики и металлических изделий. Высокая температура внутри ям приводила к прогоранию заполнения, к прокалу локальных участков дна и бортов ям, что не способствовало хорошей сохранности крупных находок. В тоже время многие мелкие предметы, которые проваливались вниз ям, в щели около бортов, под крупными камнями, в больших массивах глины, практически не пострадали.

Заполнение собственно ям было образовано преимущественно завалами материкового грунта и погребенных почвенных горизонтов, обрушившихся при разрушении бортов. Продуктов горения в нем содержалось существенно меньше, чем в заполнении котлована. Находки здесь были единичны. Хронологически они не отличались от найденных в толще горелого грунта.

На глубине 0,90 м выше дна ямы 495 были расчищены обломки известняковых блоков разрушенной каменной горловины и среди них - известняковая крыша, очень массивная, овальной формы (к.о. 162/2013). Она находилась на ребре. Ее размер: 0,51х0,55х0,09 м.

В горелом слое заполнения ямного котлована найдены: часть солена боспорской глины, профильные части, стенки и днища на плоском и высоком поддонах от пяти-шести пифосов светло-коричневой, крас-

1

2

3

*Рис. **6**.* Ямы помещения 4 после выборки с северо-востока (*1*) и юго-юго-востока (*2*); южная часть помещения 4 ранней цитадели с юга (*3*)

1

2

Рис. 7. Место обнаружения амфоры типа C-IVa1 в южной части помещения 4 в ходе выборки ям с пожаром. Вид с севера (*1*) и юга (*2*)

ной и бурой глины, венчик розовоглиняной амфоры с воронкообразным горлом и кремовым ангобом на поверхности, венчик амфоры с клювовидным венцом с круглыми ручками серой глины со светло-серым ангобом, трапециевидный венчик амфоры коричнево-бежевой слюдянистой глины с темно-серым ангобом, двумя подрезками: под нижней площадкой венчика и на уровне прилепа ручек. Полностью в ямном заполнении сохранилась единственная амфора – узкогорлая, плоскодонная с профилированными ручками раннего варианта C-IVa$_1$ (к.о. 365) (рис. 7-8.*1*)[16]. В слое открыты также фрагменты других амфор этого типа: венцов, стенок и частей донцев, а также профильных частей амфор типа C-Ia, части профилированных ручек амфор розовато-красной и серой глины (рис. 8.*2-5*); горло, стенки и ножка среднегорлой амфоры с клювовидным венцом красно-оранжевой глины с включениями золотистых (пиритовых?) блесток, мелкого песка, зернами белого известняка, покрытой серо-бурым плотным ангобом; ножки амфор коричневой и бурой глины, фрагмент стенки сосуда с граффити в виде буквы «А» с ломаной гастой светло-коричневой глины (к.о. 125/2013).

Довольно многочисленны здесь остатки закрытых простых гончарных сосудов на высоком и плоском поддонах, включая несколько фрагментов ойнохой красной и коричневой глины, оббитый флакон (унгвентарий) для благовоний красно-коричневой глины (к.о. 218/2013), фрагмент профиля лекифа – бальзамария красно-коричневой глины (к.о. 155/2013), верх столовой амфоры коричневой глины с горлом в виде воронки, кувшинов с раструбовидным и прямым горлом, шаровидным туловом, обломков кружек. Интересны среди прочих обломков простых гончарных сосудов: верх широкогорлого чана, средне-и узкогорлые кувшины с профилированными ручками красной и коричневой глины, часть бортика со сдвоенной ручкой подвесного светильника или сосуда серо-зеленой глины с зеленовато-салатовым ангобом (к.о. 245/2013), верх и дно узкогорлого кувшина с шаровидным туловом красно-коричневой глины с вишневым закалом на поверхности, бортик тонкостенной цедилки или курильницы бежевой глины, профили кубков. Встречались фрагменты крупногабаритных простых гончарных корчаг и кувшинов на высоком и плоском поддонах бежевой, красно-коричневой и бурой глины.

Обломков стенок и профильных частей открытых простых гончарных сосудов было заметно меньше. Выделю среди них профили нескольких солонок с расширяющимися бортами, профиль коричневоглиняной простой гончарной миски местного производства на плоском поддоне с завернутым внутрь краем, поверхность которой заглажена гребнем (к.о. 167/2013); профили мисок аналогичного типа и мисок с отогнутым наружу краем, на одном из донцев красноглиняной миски на внешней стороне имелось граффити в виде косого креста (к.о. 199), профиль прямобортной толстостенной миски серой глины, фраг-

16. [Внуков 2013, с. 27].

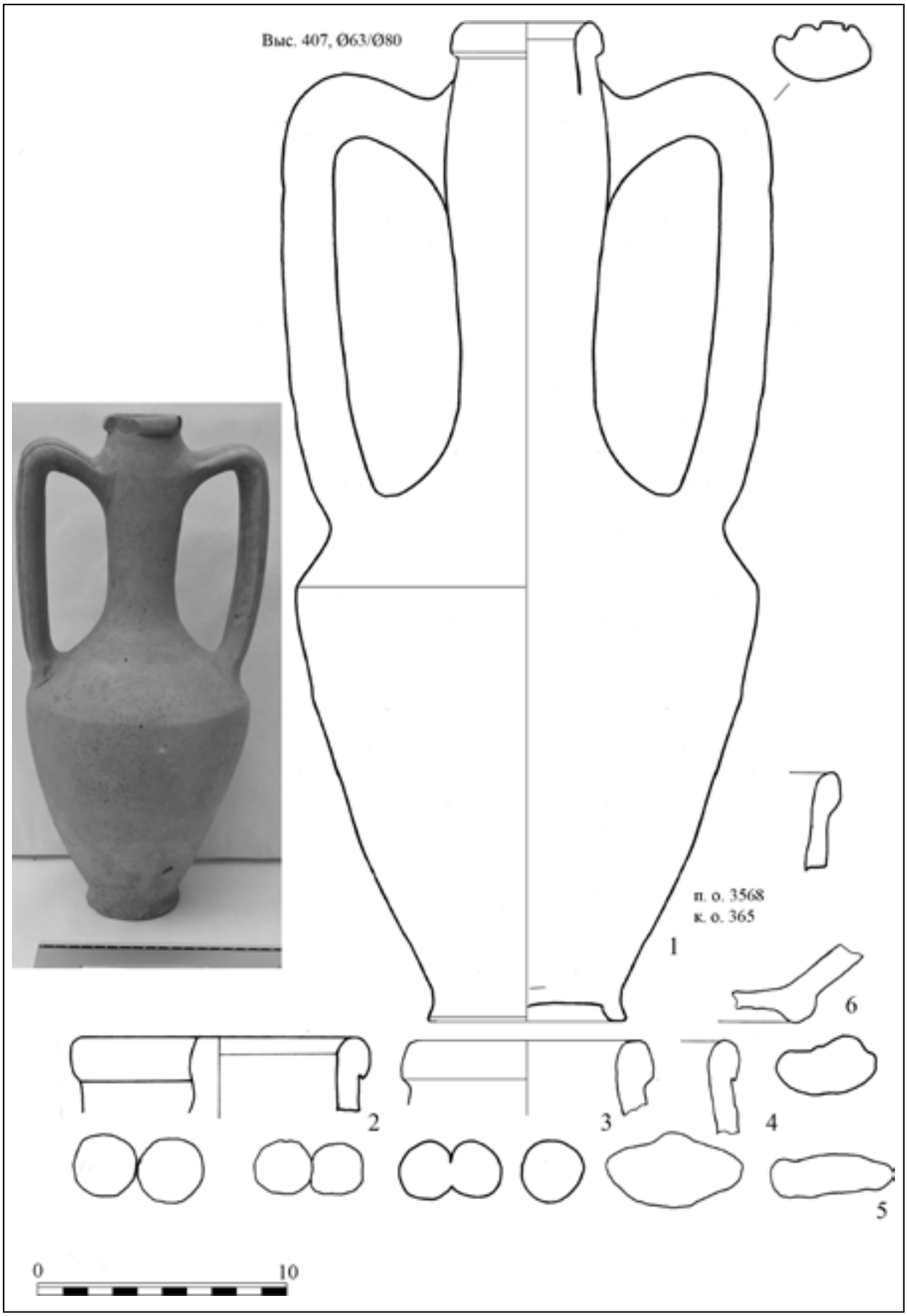


Рис. 8. Находки из гомогенного слоя пожара в ямах 495, 497-498 центрального помещения 4 ранней цитадели. Южная часть

менты профильных частей мисок и тарелок других типов.

Лепная керамика в слое горения из ямного котлована представлена многочисленными крупнофрагментированными обломками открытых и закрытых сосудов: профиль сыроделки лепной светло-коричневой рыхлой глины, на трех высоких ножках (к.о. 184/2013), устья, ручки и днища кувшинов, горшков и кружек различных типов, горшочек серой глины с отбитым венцом и ручкой (к.о. 211/2013), несколько обломков чаш.

Отмечу находку в слое остатков нескольких эллинистических сосудов: краснофигурного «сетчатого» лекифа красно-коричневой глины, верх которого сильно прогорел (к.о. 219.1-2/2013); донце чернолакового эллинистического килика (к.о. 221/2013).

Здесь же находились обломки трех краснолаковых кувшинов, края краснолаковых киликов, поврежденные огнем три краснолаковые солонки на высоком поддоне и завернутым внутрь краем (к.о. 170-171, 220/2013). На донце одной из них - граффити в виде буквы «М». Лак солонок сургучный, матовый, плотный, хорошего качества, глина – розовато-коричневая, чистая (к.о. 170/2013). Две другие солонки отличались плоским поддоном и прямым краем, с расширением к верху. На дне они имели двухстрочные клейма в прямоугольной рамке. Лак этих изделий темно-красный, матовый, среднего качества, глина – розовато-красная, чистая (к.о. 172-173/2013). На первой солонке легенда клейма практически не читалась (ΟΔΕ/ΟΨΙ?), вокруг него – двойная окружность, прочерченная циркулем. На второй - клеймо ΚΕΡ/ΔΟC сохранилось существенно лучше. Такие клейма появляются на восточной сигилллате (ESB промежуточной группы B1/B2) около середины I в. н. э.[17] Артезианские материалы более конкретизируют эту датировку.

Кроме того, в ямах с пожаром найдены профили краснолаковых мисок с завернутым внутрь краем или отогнутым наружу, толстостенных блюд на низком поддоне. На внешней и внутренней поверхности фрагмента донца коричневолаковой миски местного производства сохранились граффити – остатки косых крестов (к.о. 166/2013). Аналогичное граффити было на плоском донце другой коричневолаковой миски, также местного производства (к.о. 185/2013). Из фрагмента ножки краснолакового сосуда красно-розовой глины было сделано гончарное лощило (к.о. 210/2013).

Остатки светильников представлены частью бортика сероглиняного закрытого светильника с переходом на ручку (к.о. 400/2013); фрагментом щитка сероглиняного светильника с частью листа пальметты (к.о. 402/2013).

Необычна находка игрального кубика из коричневой глины, со значениями 1, 2, 4; (дважды), семь и девять (к.о. 273/2013).

Пряслица, найденные в горелом ямном заполнении, довольно разнообразны: биконическое красно-коричневой глины (к.о. 222/2013); коричневой глины из стенки простого гончарного сосуда (к.о. 223/2013); серой глины, округлое, лепное (к.о. 224/2013); бурой глины, гончарное (к.о. 225/2013); коричнево-серой глины из стенки простого гончарного сосуда (к.о. 226/2013). Выделялось пряслице, вырезанное из дна простого гончарного сосуда красно-коричневой глины с необычными ямками на одной из сторон (к.о. 227/2013). От него осталась только половина.

Из предметов, которые относились к ткацкому ремеслу, следует упомянуть шесть пирамидальных грузил: серо-коричневой глины с оплавленным огнем и частично отшлакованным основанием (к.о. 168/2013); красно-коричневой глины, с оплавленным огнем краем (к.о. 169/2013); пирамидальное гончарное грузило красно-коричневой глины (к.о. 228/2013); коричневой глины и красно-коричневой глины (к.о. 201-203/2013).

Особенно многочисленны в ямном котловане были находки целых и фрагментированных терракотовых фигурок. Среди них были акротерии от терракотовых фигурок коричнево-красной глины (к.о. 174-175/2013); терракотовая рука с ритоном коричнево-красной глины со следами белой краски на поверхности (к.о. 176/2013); терракотовая кисть, удерживающая гранат(?) красно-коричневой глины, изящной работы (к.о. 194/2013); фрагмент терракотовой руки красно-коричневой глины со следами белой краски (к.о. 192/2013). От терракотовой фигурки Афродиты осталась нижняя часть: ноги с двумя подвязками на бедрах красно-оранжевой глины с бежевым ангобом (к.о. 197/2013). Лучше сохранились фигурки Афродиты с одной подвязкой на левой ноге, вылепленные в двухсоставной форме из коричнево-серой и красно-коричневой глины (к.о. 178-179/2013). Они сильно пережжены.

Кроме того, отмечу: верх терракотовой статуэтки всадника (или Аттиса?) (к.о. 115/2013); обломки нескольких статуэток галопирующего всадника со сценой божественной охоты на зайца с участием собаки: фрагмент с изображением задней ноги лошади и части корпуса собаки (к.о. 181/2013); фрагменты оснований с изображением задних ноги лошади (к.о. 188/2013) и передней ноги лошади и головы зайца (к.о. 191/2013); часть постамента с изображением задней ноги лошади (к.о. 288/2013). Они изготовлены из местной красно-коричневой и коричневой глины.

17. [Журавлев 1997, с. 226 и сл.]

Определимы, несмотря на сильные повреждения, скол постамента терракотовой фигурки коричневой глины (п. о. 2715), нижняя часть головы сатира(?) с открытым ртом и одним зубом, коричневой глины (к.о. 182/2013); кисть правой руки терракотовой фигурки красно-коричневой глины (к.о. 183/2013); кисть левой руки терракотовой фигурки с отбитым большим пальцем (к.о. 207/2013); часть туловища терракотовой фигурки женщины, задрапированной в длинные одежды, коричнево-красной глины (к.о. 177/2013); торс терракотовой фигурки красно-коричневой глины (к.о. 187/2013); фрагмент фигурки сидящей богини с изображением подлокотника кресла с рукой красно-коричневой глины (к.о. 189/2013); фрагмент руки, согнутой локте, терракотовой фигурки красно-коричневой глины (к.о. 195/2013); обломок терракотовой фигурки с изображением части шеи и складок одежды коричнево-красной глины с бежевым ангобом (к.о. 190/2013); ступня терракотовой фигурки (п. о. 2748); часть венца калафа терракотовой фигурки с изображением венка, сквозным отверстием по центру, красно-коричневой глины (к.о. 193/2013).

К редким типам относится терракотовая фигурка с изображением возлежащей женщины с фруктами и младенцем, тянущимся к ним (Дионис и Аридна?) серо-коричневой глины (к.о. 196/2013).

В тоже время многие обломки из развалов терракотовых фигурок красно-коричневой глины и красной глины: задрапированных в одежды торсы и части постаментов определению не поддавались (к.о. 207/2013). Хотя и здесь встречались остатки статуэток очень хорошей работы. К примеру, от терракотовой статуэтки коричневой глины богини Деметры или Кибелы(?) уцелела разбитая на части головка с изящной прической, детали которой тщательно и умело проработаны стеком (к.о. 257/2013).

Уникальна хорошей работы большая терракотовая статуэтки богини Кибелы(?), восседающая на троне (к.о. 259/2013) (рис. 9.*1*). Она была выполнена из местной коричневой глины и разбита на множество мелких фрагментов, которые находились в разных уровнях заполнения ямного котлована. Ее высота была более 250 мм. Скорее всего, аналогичного типа была и ранее упомянутая фигурка богини (к.о. 257/2013), но заметно меньших размеров.

Совершенной по качеству исполнения оказалась терракотовая фигурка полуобнаженной Афродиты, исполненная в рост (к.о. 204/2013) (рис. 9.*2*). Левой рукой она опиралась на герму(?), скрытую изящными складками одежды, правая рука и голова ее изначально отсутствовали. Вероятней всего, это статуэтка являлась репликой хорошо известной автору работы статуи богини эллинистического или классического времени, у которой к тому времени уже были утрачены голова и по предплечье правая рука. Версия о приставных частях тела в данном случае вряд ли уместна. Она изготовлена из красно-коричневой местной глины, разбита на множество фрагментов, которые в огне пожара сильно обгорели и заметно изменили цвет. Размер фигурки значителен: 384 мм. Она была отпечатана в двухсторонней форме. Важно отметить, что, судя по развалу других статуэток, там были подобные фигурки сходных и меньших размеров.

Очень выразительны две терракотовые фигурки Диониса-Мена или Приапа в рост (к.о. 18/2013, 198/2013) (рис. 9.3-*4*). Они вы- полнены в одной и той же двухсторонней форме из красно-коричневой местной глины и были расписаны синей, желтой и темно- серой красками, в настоящий момент едва заметных на поверхности. Высота их была не менее 289 мм. Интересен также верх прогоревшей маски сатира(?) с венком на голове, красно-оранжевой глины, с отверстием для обжига (к.о. 180/2013) (рис. 9.5). Подобного типа фигурки, но меньшего размера сохранились в обломках (к.о. 207/2013).

Нельзя не отметить также отличной работы терракотовую маску Горгоны(?) с отверстиями для крепления по краю (к.о. 122/2013), которая сохранилась лишь частично, но вполне дает представление о мастерстве коропласта и религиозных представлениях ее владельца (рис. 9.6).

Необычно много в ямном заполнении котлована содержалось фрагментированных и сильно пережженных поделок из кости. Среди них количественно преобладали обломки игл для плетения, изготовленные из стенок расщепленных трубчатых костей животных. В одном развале их было более шести десятков (к.о. 137.1 – 61/2013), в другом – более десятка (к.о. 254/2013). Особо отмечу целую костяную иглу с едва заметными граффити в верхней части в виде кружков и перекрещенных линий (к.о. 138/2013); верх стиля или веретена из кости, украшенного поперечными врезными поясками на токарном станке (к.о. 139/2013).

К редким находкам относится половинка туалетной костяной ложечки изящной работы, ручка которой утрачена (к.о. 246/2013). Вполне допустимо, что ей принадлежал костяной стержень из 3-х фрагментов, интерпретация которого вызвала затруднения[18] (к.о. 140/2013) и часть подрезанного стержня, украшенного врезными поясками

18. Этот предмет мог быть и стилем.

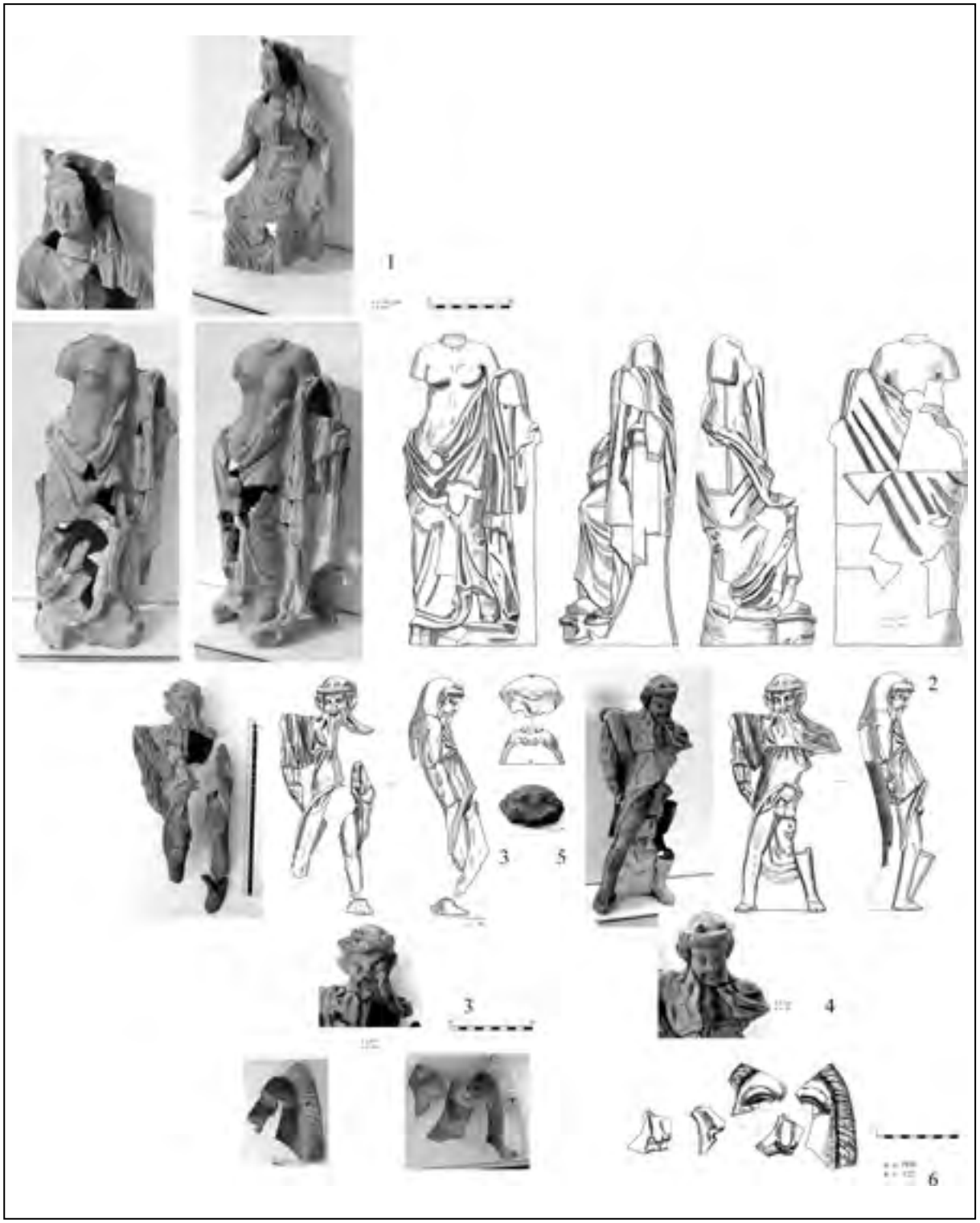


Рис. ***9***. Находки из гомогенного слоя пожара в ямах 495, 497-498 центрального помещения 4 ранней цитадели. Южная часть

(к.о. 141/2013). Обломки одной или нескольких костяных пиксид: дно, крышка и остатки бортика (к.о. 244/2013) прогорели и сильно повреждены. Довольно сильно пережжены и костяные астрагалы (к.о. 251-252/2013), которые могли входить в один комплект с керамическим игральным кубиком, описанным выше.

Повреждения от огня имели фрагменты клыков кабана (один со спилом и следами обработки) и обломки рогов благородного оленя(?), один из которых с ровным горизонтальным спилом (к.о. 247-248/2013). Все они перегорели до серо-коричневого цвета.

Менее пострадали от огня эллинистические двудырчатые псалии из рога оленя. Один псалий удалось полностью склеить из трех частей. Он имел два сквозных округлых отверстия (к.о. 249/2013). От другого псалия остался только верх со сквозным округлым отверстием (к.о. 250/2013). Судя по всему, они были похожи.

Напротив, остатки костяных костяные деталей ножен меча – бутеролей: в виде пластины с закругленным и хорошо заполированным краем (к.о. 243/2013), и прямоугольной формы, с двумя продольными прорезями для стенок (к.о. 253/2013), сильно пережжены до черного и серо-белого цвета.

Остатки стеклянной посуды в слое не очень выразительны: от сгоревших и оплавленных унгвентариев, среди которых, как показывают осколки, были и фигурные сосуды, небольших кувшинчиков остался небольшой по объему развал (к.о. 239/2013). Лучше сохранился профиль верха фиалы (Rippenschalle) из голубого прозрачного стекла с желобками по тулову (к.о. 238/2013).

Исключительной редкостью являются остатки целых и фрагментированных металлических сосудов. Они изготовлены с помощью ковки, пайки и токарного станка. Прежде всего, отмечу развал серебряного сосуда (горло, донце, ручка) (к.о. 123/2013)[19], скорее всего, канфара. Одна из его ручек с листовидным нижним крепежом, от верхнего двойного крепежа которой утрачено ушко (к.о. 263/2013), найдена рядом с развалом.

Относительно лучше сохранился серебряный прогоревший канфар (к.о. 260/2013). Его тулово деформировано, «поплыло» от действия высокой температуры, ручки отвалились. Тулово и плечи канфара украшены поперечными канелюрами, едва заметными из-под слоя окислов. Вполне допустимо, что к нему относились две парные ручки (к.о. 264-265). Они имели листовидный нижний крепеж, от верхнего двойного крепежа сохранились только одно завершение завершения в виде шариков[20]. От других сосудов остались прогоревшие, деформированные донца и аморфные развалы стенок, профилированных желобками, обломки ручек (к.о. 261-262, 266/2013). Понятно, что сосудов было несколько (если судить по донцам, не менее двух), среди них были и канфары. Остальные ручки также были найдены отдельно в обломках, поэтому точно определить, к какому сосуду они относились, возможно будет лишь после реставрации. Отмечу, фрагментированную ручку, профилированную желобками (из двух частей) (к.о. 266/2013); бронзовую ручку ложечки[21] или ковша(?) с декоративными поясками (к.о. 267/2013); обломок широкой профилированной ручки (к.о. 266/2013); детали ручки (из трех частей) с отверстием в нижней части для клепки(?) (к.о. 268/2013).

Находки таких статусных артефактов, как металлические сосуды для сервировки стола из бронзы и серебра, весьма показательны для понимания уровня благосостояния жителей царской крепости. Они ранее не встречались на городище и некрополе Артезиан. Мне ничего неизвестно о подобных находках римского времени из раскопок сельских поселений Восточного Крыма.

В пожарище из ямного котлована помещения 4 происходят многочисленные находки других изделий из цветных и черных металлов - от деталей фурнитуры до оружия и орудий труда. Среди них встречались обломки экипировки, детали облицовки шкатулок и других изделий из бронзы и железа.

Из бронзы изготовлено массивное пряслице овальной формы (к.о. 269/2013), стержень с заостренной рабочей частью, возможно, это было тесло(?) (к.о. 270/2013); окончание какого-то изделия (?)в виде вытянутого конуса, по форме напоминает современную пулю (к.о. 271/2013); сильно поврежденные и оплавленные колокольчики (к.о. 275/2013), один из которых имел прямоугольный язычок оплавлен (к.о. 278/2013); три округлые выпуклые бляшки (к.о. 276/2013); одна - с отверстием по центру (к.о. 277/2013); семь округлых скобок – фиксаторов деревянных рукоятей(?) из проволоки круглого сечения (к.о. 298/2013).

К деталям одежной и обувной фурнитуры относятся большая портупейная пряжка округлой формы из железа (к.о. 326/2013); бронзовая ременная пряжка округлой формы, спаявшаяся с железным кольцом (к.о. 272/2013); развал серебряной пряжки округлой формы с утраченным кончиком язычка и сильно оплавленной (к.о. 283/2013); округлая обув-

19. Сосуд был целым, но был разбит на части неосторожным рабочим.

20. На одной ручке шарик верхнего крепления утрачен (См. Отчет ААЭ 2013 г., рис. 48.4).

21. Для медицинских или косметических целей. Точные аналогии пока не найдены.

ная бронзовая пряжка небольшой формы (к.о. 306/2013); бронзовое кольцо от пряжки ремня обуви(?) (к.о. 292/2013).

Необычны находки бронзового изделия, довольно сложной формы, с медными и железными заклепками и колечками (к.о. 299/2013); развал бронзовых фигурных скобок, гвоздиков, стержней петель и пластинок от облицовки с отверстиями для крепежа, в некоторых из них остались железные гвозди и щипы (к.о. 297, 300/2013); малопонятная фигурная деталь (к.о. 126/2013); бронзовое кольцо из проволоки прямоугольного сечения, скрепленное внахлёст штифтами, один из которых утрачен (деталь замка шкатулки?)(к.о. 293/2013). Выделю мелкие бронзовые клепки ремней и амуниции, которые находят аналогии в римском воинском снаряжении.

Фибулы и броши в ямном заполнении представлены: обломками спинки, иглы, и пружинки от нескольких бронзовых фибул, миниатюрной детской фибулой из серебра (к.о. 307/2013); фрагментом бронзовой фибулы, игла утрачена (к.о. 107/2013); бронзовая брошь-фибула солярного типа с отверстием по центру, с утраченной иглой (к.о. 282/2013); стиль или массивная заколка из бронзы, украшенная продольными желобками, верх которой утрачен (к.о. 295/2013); верх бронзовой заколки с расширением наверху в виде диска (к.о. 296/2013); обломки игл нескольких бронзовых фибул.

В слое пожара уцелели остатки различных у*крашений:* развал комплекта серебряных серег пружинного типа из крученой проволоки, сильно поврежденных коррозией и огнем (к.о. 301/2013), комплекта бронзовых серег пружинного типа с утраченными замочками из тонкой проволоки круглого сечения (к.о. 305/2013); фрагментированные *лунницы и подвески (*небольшая, сильно оплавленная из серебра(?) (к.о. 280/2013); часть лунницы или кольца, сильно прогревшего и окисленного (к.о. 281/2013); серебряная, с обломанным ушком (к.о. 289/2013); большая, оплавленная, ромбовидная в сечении, из серебра) (к.о. 290/2013); бронзовая подвеска(?) прямоугольной формы с ушком (к.о. 294/2013); большая литая подвеска из бронзы, округлой формы, украшенная напаянными по внешней стороне тремя шариками, с утраченной дужкой (к.о. 291/2013).

Уникальным является находка бронзового(?) фалара со сквозным отверстием по центру с изображением сцены терзания из 3-х групп животных. Диаметр изделия - 79 мм. По его краю нанесены точечный орнамент и волюты в нижней части (к.о. 105/2013). Фалар поврежден коррозией, но сохранность его в целом очень приличная.

В слое горения попадались сегменты бронзовых колец, назначение которых установить не удалось, в отличие от лучше сохранившихся колец и перстней из бронзы и серебра. Интересны находки каплевидной, хорошо заглаженной вставки с плоским основанием из полудрагоценного перегоревшего камня (к.о. 302/2013); поврежденного бронзового перстня с выпуклой стеклянной вставкой (к.о. 129/2013); развал серебряного перстня с утраченной вставкой на овальном щитке (к.о. 303/2013); железный перстень с утраченной вставкой на округлом щитке (к.о. 304/2013); часть сегмента серебряного кольца (п.о. 3302/2013).

Кроме этого были найдены целые и фрагментированные металлические браслеты: оплавленный развал ножного массивного полого браслета из серебра с мелким белым кварцевым песком внутри (к.о. 279/2013); витой тонкий бронзовый браслет с окончанием в виде грибка (к.о. 284/2013); округлый бронзовый браслет из толстой проволоки с заходящими окончаниями (к.о. 285/2013); половина бронзового массивного браслета, округлого в сечении (к.о. 286/2013); незамкнутый большой бронзовый браслет (к.о. 287/2013); половина бронзового массивного литого браслета, украшенного желобками, округлого в сечении (к.о. 288/2013); развал трех плохо определимых бронзовых браслетов (к.о. 297/2013), замок бронзового браслета.

Явно из сгоревших шкатулок происходят ювелирные украшения из золота и полудрагоценных камней, обнаруженные при расчистке ямного котлована (рис. 10):

1. Золотые серьги витые подовальной формы (к.о. 86-87/2013)[22]. Они выполнены из шести проволок: трех рубчатых и трех гладких, соединяющихся на концах и образующих застежку из петли и крючка; у основания петли – витки проволоки и бусина темного цвета. Волочение, ковка, пайка (?). 23х26 мм. Пара серег спеклась вместе в районе бусин, сверху - остатки предмета (шинки серебряного перстня?), сильно минерализованного и окисленного темно-серого цвета (рис. 10.*1*).

2. Серьга витая подовальной формы с бусиной. Выполнена из витой проволоки, образующей на концах застёжку из петли и крючка; у основания петли – витки проволоки, в центре серьги – бусина темно-серого цвета (из серебра?). Волочение, ковка, пайка(?) (к.о. 379/2013) (рис. 10.*2*).

3. Золотой перстень со вставкой. Шинка из подквадратной в сечении полоски металла. Щиток подтреугольной формы, на щитке – в касте из гладкой полоски металла фигурная вставка в виде трилистника из

22. Вр. хр. 9386-9387.

граната темно-красного цвета. Пайка, ковка (к.о. 376/2013) (рис. 10.*3*).

4. Перстень с овальным щитком (к.о. 98/2013)[23]. В центре щитка в касте вставка из граната темно-красного цвета с резным изображением кузнечика(?), цикады (?). Ковка, резьба. 22х23 мм; щиток-11х9 мм; вставка - 8х6 мм (рис. 10.*4*).

5. Перстень с овальным щитком (к.о. 99/2013)[24]. В центре щитка в касте вставка из камня (граната или сердолика?) темно-красного цвета с резным изображением обнаженной фигуры влево (Гермофродита(?), Афродиты?). Ковка, резьба. 23х22 мм; Щиток-16х14 мм; Вставка -14х11 мм (рис. 10.*5*).

6. Шпилька(?) для волос (к.о. 100/2013)[25]. Выполнена в виде стержня из серебра со шляпкой вверху. Сверху шляпка украшена вставкой из граната темно-красного цвета в касте из гладкой золотой полоски, обрамленной пояском зерни. Пайка, ковка (рис. 10.*6*).

7. Шпильки(?) для волос (к.о. 101/2013)[26]. Выполнена в виде стержня из серебра, обломанного почти до основания, со шляпкой вверху. Сверху шляпка украшена вставкой из камня темно-красного цвета в касте из гладкой золотой полоски. На вставке резное изображение мужской фигуры влево (Гермес?). Пайка, ковка, резьба (рис. 10.*7*).

8. Золотая подвеска (к.о. 103/2013)[27] в виде пластины овальной формы. На обороте – петля из круглой в сечении проволоки, вторая петля утрачена (на ее месте сохранился след пайки). На лицевой стороне пластины в касте овальной формы из гладкой золотой полоски, обрамленной пояском зерни – вставка из граната темно-красного цвета с резным изображением женской головы влево, перед которой – неясное изображение какого-то предмета (оливковая ветвь?) или знака. Пайка, ковка, резьба. Каст – 10х9 мм; вставка – 8х7 мм (рис. 10.*8*).

9. Подвеска в виде лунницы (к.о. 102/2013)[28]. Лунница выполнена из полоски металла, по краям и в центре – напаяны шарики. Петля для подвешивания - из свернутой полоски металла. Ковка, пайка (рис. 10.*9*).

10. Налобный венчик на кожаной или тканой основе: подвеска в виде золотой лунницы (к.о. 104/2013)[29] и нашивных бляшек (к.о. 382-393) [30] (рис. 10.*10-14*). Лунница выполнена из пластины, в верхней части которой закреплена петля для подвешивания из свернутой полоски металла с бортиком по краю. Лицевая сторона лунницы украшена узором из напаянной гладкой и рубчатой проволоки, а также шариков зерни. В центре лунницы – в касте круглая вставка из граната темно-красного цвета. По углам, обращенным вниз – овальные вставки из стеклопасты(?). Ковка, пайка, волочение. Нашивные бляшки из тонкой золотой фольги имеют округлую форму с двумя отверстиями для пришивания. Они двух типов: у первого типа в центре – рельефная полусфера, по краю – валик; у второго – в центре – рельефное изображение розетки(?), пятилучевой звезды(?). Штамповка. Д-6-7 мм.

Предметы вооружения в горелом заполнении ямного котлована довольно представительны. В толще заполнения ямы был расчищен лежавший на боку бронзовый шлем халкидско-аттического типа (к.о. 120/2013) (рис. 11-12). Он сплющен, верх его разрушен коррозией. На поверхности имелись сколы и вмятины. Нащечники отсутствовали. Это первая подобная находка в Восточном Крыму, открытая не в гробницах, а на городище[31]. Ближайшие аналогии – находки эллинисти- ческого времени в Краснодарском крае, на Кавказе и в Балканском регионе. Шлем и двудырчатые псалии синхронны. Возможно, они находились вместе в сгоревшем герооне.

Что касается находок железных черешковых наконечников трехлопастных стрел, то они сильно обгорели и оплавились, некоторые были деформированы от ударов о твердую поверхность (к.о. 106, 109/2013). В основном, они были легкого типа, в лопасти одного из них имелось специальное сквозное отверстие (для

23. Вр. хр. 9392.

24. Вр. хр. 9391.

25. Вр. хр. 9393.

26. Вр. хр. 9394.

27. Вр. хр. 9395.

28. Вр. хр. 9396.

29. Вр. хр. 9397.

30. Вр. хр. 9398-9409.

31. О находках шлемов: халкидского типа - в кургане Мирзы Кекуватского: Виноградов Ю.А. 2012. С. 41-42, рис. 2.2. Курган Мирзы Кекуватского // ДБ. Т. 16. Рабинович Б.З., 1941, с. 142. Шлемы скифского периода // Труды Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа. Т. I; Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А., 2009, с. 85-87, рис. 42.1. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. – середина III в. н..э. СПб. Бронзовый нащечник шлема «имперско-галльского типа» раннего варианта А по типологии Робинсона был найден при раскопках башни, погибшей после второй трети I в. н. э. (Бонин А.В., Мелешко Б.В. 2008. С. 49-50. Сигнально-сторожевая башня близ поселка Архипо-Осиповка // ДБ.Т.12. Ч.1. М.). См. также: Симоненко, 1987. Симоненко А.В. Кельтско-италийские шлемы на территории Восточной Европы // Памятники бронзы и железного века Поднепровья. Днепропетровск; Сударев Н.И. 1991. С. 143-146, рис. I. Две находки римского времени из г. Сочи // Древности Северного Кавказа и Причерноморья, М.; Шилов, 1978. Шилов В.П. Кельтские бронзовые шлемы в степях Восточной Европы // Проблемы советской археологии. М.; Robinson, 1975. Robinson H.R. The Armour of Imperial Rome. London.

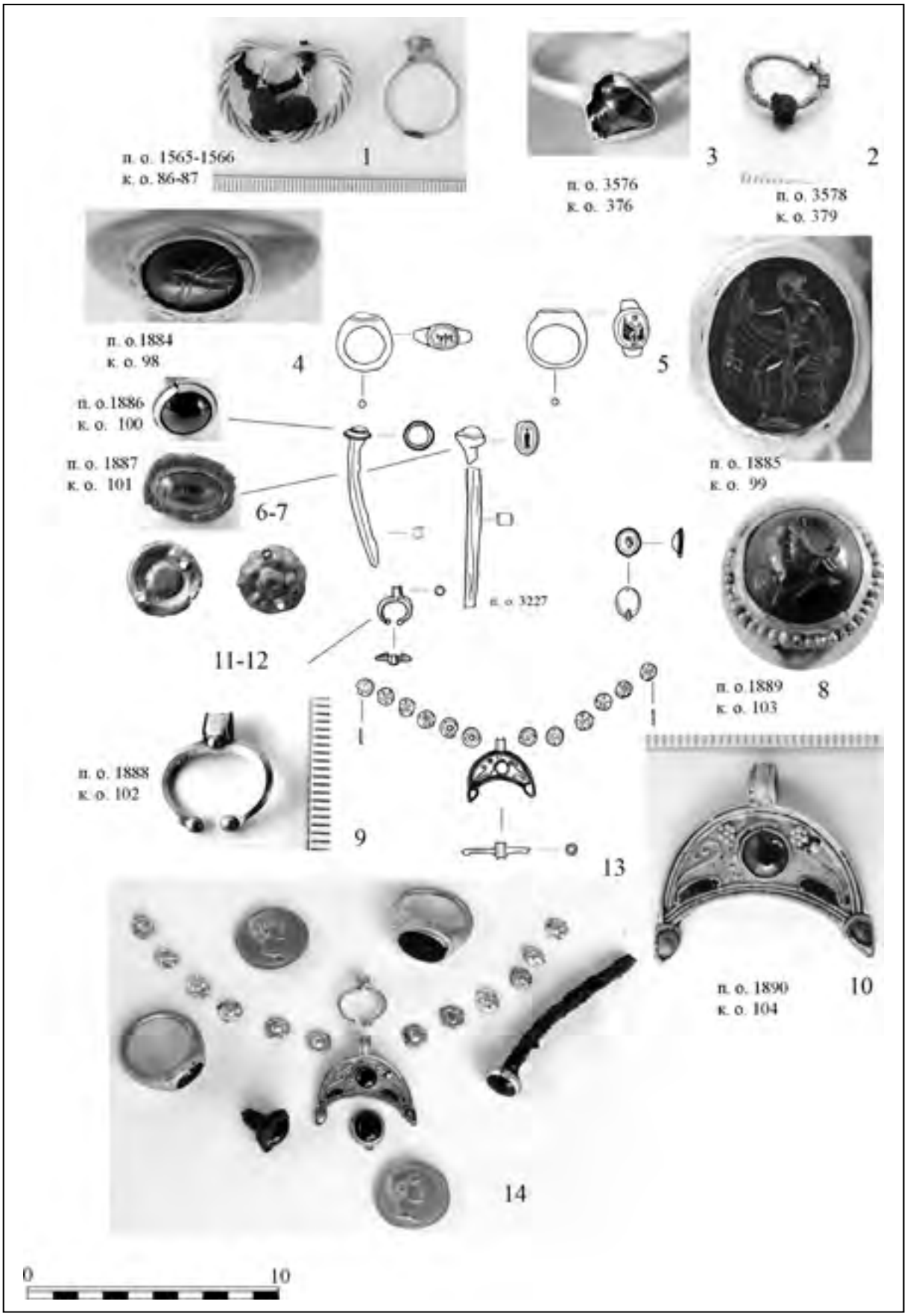
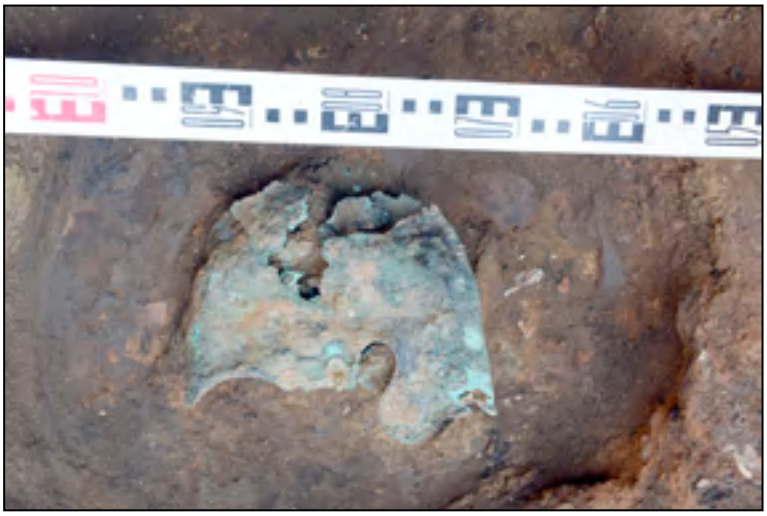


Рис. ***10***. Находки из гомогенного слоя пожара в ямах 495, 497-498 центрального помещения 4 ранней цитадели. Южная часть

1



2

Рис. 11. Находка шлема в яме 497 помещения 4 раскопа III с юго-востока (*1-2*)

свиста во время полета?) (к.о. 308.1-4/2013). Некоторые наконечники прикипели к другим железным предметам: к обломкам ножа и какого-то штыря (к.о. 349/2013).

К редким находкам относятся: массивный втульчатый наконечник железной стрелы скорпиона, четырехгранной в сечении формы (к.о. 335/2013) и плоский наконечник железного дротика, треугольной в плане формы, с двухсторонним ребром жесткости по центру (к.о. 334/2013). Его кончик, часть основания утрачены, втулка отломана. Широкая часть пера имела шиповидные выступы. Втулка украшена медным листом и кольцевидной напайкой из железного тонкого прутка. Во втулке остались следы древка, пропитанного окислами. Необычен втульчатый наконечник железного дротика листовидной формы, разломанный на две части и с отбитым острием (к.о. 332/2013). Он крепился к древку двумя гвоздями, которые сохранились внутри втулки с частичками древесины. Более массивный наконечник железного копья с пером листовидной формы разломан на несколько частей (к.о. 333/2013). Он имел широкую втулку, которая завершалась рельефным кольцевидным валиком. Наконечник очень сильно прокален огнем, деформирован, оплавился и растрескался. Его острие утрачено.

Очень необычен большой цельнокованый железный меч кавалерийского типа, при извлечении распавшийся на несколько частей (к.о. 352/2013). Лезвие его имело по краю фестоны, усиливающие рубящережущие свойства меча. Острие выковано особым образом, не симметрично, приспособлено для колющего удара сквозь доспехи и кольчугу. Сечение полотна линзовидное. Общая длина меча 756 мм, длина лезвия – 580 мм, ширина 40-45-50 мм, у острия 30 мм. Длина рукояти – 176 мм. В нижней части рукояти сохранилась прямоугольная аккуратная вставка от фиксатора деревянной основы из какого-то камня, прокаленного огнем. Рядом с ним были найдены изящный оселок прямоугольной формы из серого мелкозернистого камня с округлым отверстием для подвешивания к поясу (к.о. 216/2013) и более массивный, уплощенный оселок трапециевидной формы с округленными углами из серого мелкозернистого камня (к.о. 217/2013), а также - детали железной фурнитуры: кольцо крепежное со стержнем-острием (к.о. /310/2014), скобы с широкой спинкой различной формы, сохранившие форму какого-то округлого в сечении предмета (п. о. 3423, 3441-3443/2013). Возможно, они остались от ножен, хотя полной уверенности в этом нет.

Нельзя не упомянуть целые и фрагментированные большие железные ножи с горбатой спинкой и широким лезвием с изогнутой внутрь режущей кромкой (к.о. 328-331/2013). Их было не менее пяти экземпляров. Размеры ножей, больше напоминающих кинжалы, вероятней всего, свидетельствует об их боевом предназначении. Среди их обломков была найдена железная скоба с заклепкой по цент-

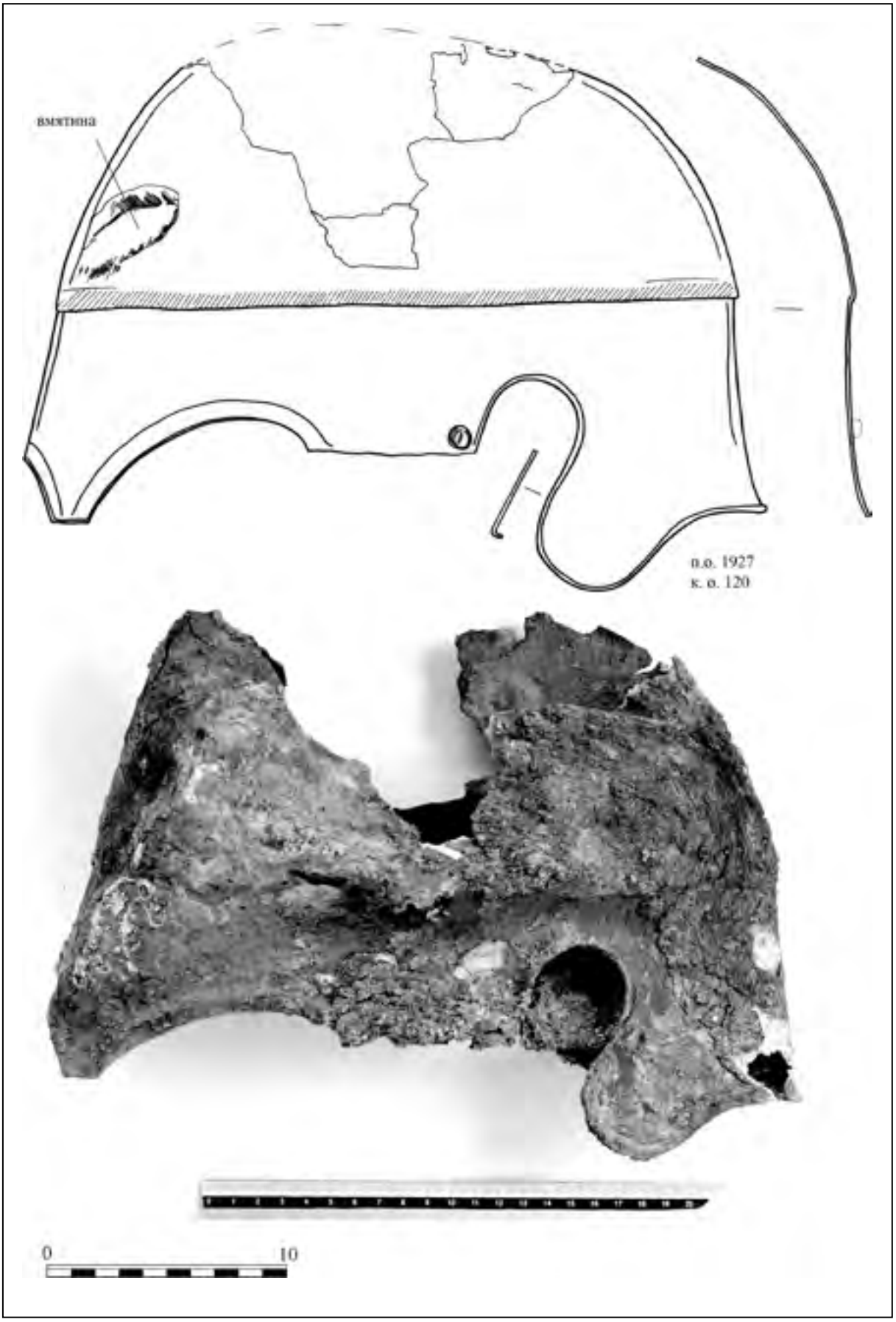


Рис. ***12***. Рисунок и фото бронзового шлема из ямы 497 помещения 4 раскопа III

ру (к.о. 327/2013), возможно, часть крепления деревянных или костяных накладок рукояти.

Более трех десятков фрагментов лезвий и ручек железных ножей были найдены в заполнении ямного котлована (п. о. 3352-2269, 3451-3460/к.о. 327/2013). Они имели очень плохую сохранность. На некоторых из них уцелели детали фурнитуры из железа и бронзы, прикрепленные небольшими заклепками.

Хозяйственных инструментов и предметов обихода из железа в ямном котловане найдено в бóльше, чем за все годы исследования городища и некрополя Артезиан вместе взятые.

Относительно хорошей сохранности были черешковые и втульчатые виноградарские ножи. Они были двух типов: 1б и 1а[32].Черешковых ножей (тип 1б) найдено три экземпляра. Все ножи фрагментированы. Так, от одного железного виноградарского ножа осталось только хорошо прокованное лезвие и часть рукояти, большая его часть утрачена (к.о. 343/2013). Лезвие другого цельнокованого железного виноградарского ножа отличалось малой изогнутостью рабочей части (к.о. 338/2013). У него был заметно загнут только кончик с узкой рабочей частью. Основание рукояти ножа найти не удалось. Третий виноградарский нож также цельнокованый, но отличался большими размерами и значительным весом (к.о. 342/2013). Его рукоять, прямоугольная в сечении, завершалась кольцом, но значительная часть лезвия и кольца не обнаружены.

Втульчатые виноградарские ножи (типа 1а), которых найдено четыре, были лучшей сохранности. Один нож, разломанный надвое, сохранился практически полностью (к.о. 340/2013). Его отличали классические «луновидные» пропорции изгиба рабочего лезвия. Аналогичного типа был другой большой виноградарский нож (к.о. 348/2013). Он также разломан на две части, кончик его лезвия утрачен. Такие же повреждения имел виноградарский нож, который, вероятно, был изготовлен в одной серии с двумя первыми (к.о. 337/2013). От еще одного ножа осталось только лезвие и часть втулки с отверстием для крепления (к.о. 336/2013).

Нечастыми находками являются: основание молота или топора прямоугольное в сечении (п. о. 3466/2013**)** и лезвие большой косы из двух частей, массивное и заметно деформированное, ее кончик и пятка утрачены (к.о. 341/2013); два комплекта из четырех железных колец, с помощью которых железный лемех плуга крепился к деревянной основе (к.о. 347/2013); развалы трех железных плугов №№2-4 (к.о. 353-355/2013), которые удалось реконструировать.

Обнаруженные здесь две массивные железные мотыги, сильно разрушенные коррозией и действием высоких температур, отличались большим весом и размерами (к.о. 356, 351/2013). Одна из них имела полукруглую форму рабочего края, другая – заостренную.

Выделю также обломки других орудий труда из железа: верх молота с подпрямоугольным отверстием для рукояти, к которой прикипел обломок ножа (п.о. 3103/2013); окончание какого-то орудия, возможно, также молотка, округлого в сечении (п.о. 3404/2013), часть втулки (п. о. 3436/2013); деформированное тесло(?) с прямоугольной в сечении пяточной частью (к.о. 344/2013); развал полотна одной или нескольких железных пил, обломки полотна имели отверстия для крепления к деревянной раме (к.о. 319/2013).

Среди находок можно указать целые и фрагментированные железные кольца различных диаметров, выкованные из уплощенного прутка округлого и подпрямоугольного сечения, железные крюки, в том числе большого кованого крюка прямоугольного сечения, напоминающего крюки для подвешивания туш животных (к.о. 345/2013); пластины, строительные скобы и крепежи, петли шкатулок и ларцов, фрагменты крепежных петель или удил с несколькими кольцами (к.о. 339/2013; п.о. 3429/2013).

Большое количество находок осталось от петель и облицовки шкатулок и ларцов (к.о. 346/2013), среди них можно упомянуть часть деформированной петли от ларца (к.о. 142/2013), перекрученные и сломанные стержни и кольца петель, скобы, фиксаторы замков; сдвоенную петлю прямоугольной формы от ларца (к.о. 309/2013).

Многочисленны, но малопонятны остатки необычных металлических пластин доспехов, первоначально принятых за облицовки шкатулок или ларцов[33], выкованных из узких железных пластин в 1-2 мм толщиной. Они скреплены клепкой и имели сквозные отверстия для гвоздиков, которыми их притягивали к кожаной основе (к.о. 312/2013). Некоторые пластины сохранили крепление в виде современных мебельных петель, края их были закруглены и выровнены.

Совершенно точно к остаткам облицовки шкатулок относятся круглые в плане щечки

32. Класссификация садово-виноградарских ножей разработана достаточно давно: типы ножей выделены по наличию секатора: 1 тип - ножи без секаторов; 2 тип – ножи с секаторами; 2.1 – секатор расположен в верхней части ножа; 2.2 – секатор расположен в нижней части ножа. Варианты внутри типов определялись по особенностям крепления рукояти: а – втульчатые ножи;б - черешковые ножи [Винокуров, 2000, с. 7 и сл.; 2007, с. 91 и сл.].

33. Не исключена и иная интерпретация: детали экипировки или амуниции, доспехов, покрытие щита и т.п. Точные аналогии пока не найдены.

для личинки замка, которые по центру имели «Г»-образную прорезь для ключа (к.о. 311, 325/2013). Они крепились к торцу шкатулки четырьмя гвоздиками, остатки которых сохранились.

О количестве сгоревших шкатулок и ларцов можно судить по найденным здесь ключам. Их было не менее пяти экземпляров (к.о. 320-323/2013). Ключи имели от четырех до пяти зубцов и кольцо для подвешивания. Более крупные ключи с тремя зубцами (к.о. 350, 324/2013), несомненно, были от больших сундуков или ларей, а самые большие от калитки или даже ворот. Они сильно повреждены. Их рукояти в виде стрежня значительной длины имели прямоугольное сечение.

Довольно затруднительно интерпретировать развал железных, очень массивных крепежных скоб прямоугольного сечения (к.о. 345/2013). Они сильно прогорели и корозировались, но имели вполне приличную сохранность. Спинка этих скоб была довольно широкой 16-33 мм, при толщине 10-12 мм. Лучше сохранившаяся скоба имела сложную в плане форму: середина ее была выгнута по центру подобно луку, а завершалась изгибами, как бы под деревянную прямоугольную балку). Окончания были выкованы почти под прямым углом к основе. Возможно, такими скобами крепились балки перекрытий или углов, но есть определенные параллели с остатками рам метательных орудий, которые неоднократно находили при раскопках римских укреплений.

В слое ямного заполнения котлована с пожаром времени боспоро-римской войны выявлены также остатки других маловыразительных изделий из железа, напоминающих скобы, но очень плохой сохранности трудные для понимания; несколько десятков облицовочных и строительных железных гвоздей, которые заметно отличались друг от друга размерами и весом. Некоторые большие гвозди загнуты с обратной стороны таким образом, что понятна толщина балок, которые они скрепляли – от 50 до 120 мм. Найдено здесь три разнокалиберных бронзовых гвоздя, свинцовые фрагментированные отливки (к.о. 318/2013), среди которых были обычные ремонтные скобы, остатки весовых гирек и толстых пластин, которые служили для изготовление тех или иных хозяйственных целей.

Необычна часть прогоревшей створки большой пресноводной(?) раковины (к.о. 404/2013), которая, наверное, использовалась для косметических нужд.

Среди поделок из камня, которые найдены были в котловане, отмечу ножевидную кремневую пластину серо-коричневого цвета эпохи мезолита - неолита (к.о. 255/2013) и массивный отщеп палеолитического типа бежево-серого цвета (к.о. 229/2013). На первый взгляд, эти находки каменного века совершенно выпадают из античного комплекса середины 40-х гг. I в. н. э. Но они сильно пережжены и совершенно точно находились достаточно долго пламени пожара вместе с другими, более поздними находками. Среди античных материалов они оказались не случайно. Это не первый случай таких совместных находок в слое пожара. Самый показательный из них был в жертвенном кладе шкатулки № 1 2009 г. Вполне допустимо, что кремневые изделия были в качестве памятных вещей и(ли) оберегов и хранились среди украшений и ценностей в подобных шкатулках.

Поделки из камня, прежде всего, точильные камни и оселки в слое пожара не являлись частыми находками. Укажу среди них: верх оселка из серого мелкозернистого камня с округлым отверстием для подвешивания (к.о. 215/2013); фрагмент верхней части оселка серого цвета (к.о. 401/2013); обломок уплощенного оселка светло-серого цвета из мелкозернистого камня (к.о. 124/2013); верх небольшого прямоугольного точильного бруска из серого мелкозернистого камня с округлым отверстием для подвешивания (к.о. 235/2013); часть оселка из серого мелкозернистого камня (к.о. 236/2013); фрагмент точильного бруска из мелкозернистого песчаника (к.о. 151/2013). Все они заметно пережжены.

Следующая редкая находка – фалловидный (косметический?) пестик-растиральник из мелкозернистого серого камня, его рабочий край хорошо заполирован (к.о. 212/2013). Не очень понятно предназначение фрагментированного прямоугольного беломраморного изделия с двумя округлыми глухими углублениями (к.о. 274/2013). Сильно прокалены огнем пращевые ядра из песчаника), морские гальки овальной и каплевидной формы, среди которых были гальки овальной формы из яшмы(?) и белого кварцита (к.о. 213-214/2013).

Нумизматический материал в слое представлен сериями монет, характерных для всего слоя пожара. Впрочем, встречались отдельные уникальные находки. Так, *среди десятков медных боспорских монет встречены in situ три золотых статера*[34]*:*

1. Монета Аспурга. Л.С. Голова Тиберия вправо. О.С. – Голова Агриппы вправо, слева монограмма ВАР, справа «точка», внизу год- «ΔΛΤ» (334 г. б.э.)=37/38 г. н.э. (н. о. 570/2013)[35]:

34. Всего во время раскопок слоя пожара ранней цитадели найдено 10 золотых монет. Однако, были сведения, что золотые монеты находили также и грабители, систематически разрушавшие культурные наплатования памятника последние двадцать лет.

35. Bp.xp. 9390.

2. Монета Аспурга. Л.С. Голова Тиберия вправо. О.С. – Голова Агриппы вправо, слева монограмма ВАР, внизу год - «АКТ» (321 б. н.э.)=24/25 г. н.э. (н. о. 571/2013)[36].

3. Монета Митридат III. Л.С. В точечном ободке в центре - голова Клавдия вправо. О.С. – в точечном ободке в центре Ника с венком и ветвью влево, по бокам год – «ΘΛΤ» (339 г. б.э.=42/43 г. н.э.), по кругу надпись: «ΒΑΣΙΛΕΩϹ ΜΙΘΡΙΔΑΤΟΥ». Штемпель л.с.=Анохин 328 (н. о. 5*72/2013)*[37].

Последняя монета уникальна, штамп оборотной стороны неизвестен. По любезной консультации С. А. Коваленко, этот статер чеканен тем же штемпелем лицевой стороны, что и монеты уже известных годов. На это, без сомнений, указывает дефект точечного ободка чуть выше лба царя, присутствующий на всех монетах, изготовленных этим штемпелем.

Новые источниковые данные и важнейшие хронологические индикаторы, полученные в ходе раскопок городища Артезиан, требуют тщательного научного анализа. Данные материалы способны во многом дополнить и скорректировать наши знания по истории и археологии Боспора в конце сороковых годов I века нашей эры.

36. Вр.хр. 9389.

37. Вр.хр. 9410.

Винокуров Н.И. Садово-виноградарские ножи античного времени из Северного Причерноморья // Боспор Киммерийский. На перекрестье греческого и варварского миров (античность-средневековье). Материалы 1 Боспорских чтений. – Керчь, 2000. - С. 7-21.

Винокуров Н.И. Гибель ранней «Цитадели» городища Артезиан // Боспор киммерийский и варварский мио в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций и катастроф (VI Боспорские чтения). – Керчь. 2005. – С. 50–60.

Винокуров Н.И. Виноградарство и виноделие античных государств Северного Причерноморья. – Киев, 2007. – С. 456.

Винокуров Н.И. Во всем ли виноваты варвары? // PARA BELLUM. – 2007. – №28. – С. 17–56.

Винокуров Н.И. Находки культовых предметов в слое пожара первой половины I в. н. э. в боспорской крепости Артезиан // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы международной научной конференции. – Ч. 1. СПб., 2007. – С. 190–199.

Винокуров Н.И. Война, пожар или природная катастрофа: археологические критерии оценок последствий катастроф на памятниках античной археологии в Крымском Приазовье // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria (IX Боспорские чтения). – Керчь, 2008. – С. 67–77.

Винокуров Н.И. Боспоро-римская война 44/45-49 гг. и первая находка гладиуса в Крымском Приазовье // PARA BELLUM. – 2009. № 31. – С. 9–16.

Винокуров Н.И. Новые находки времени начала боспоро-римской войны на городище Артезиан в Крымском Приазовье в 2009 году // ДБ. 14. – 2010. – С. 46–65.

Абрамзон М.Г., Винокуров Н.И., Трейстер М.Ю. Два клада монет и ювелирных изделий времени римско-боспорской войны 45–49 гг. с городища Артезиан – ВДИ – 2012. – №3. – С. 93–146.

Винокуров Н.И. Археологические памятники в Крымском Приазовье (по материалам ААЭ 1988-2011). – Тюбинген, 2012. –С. 632.

Винокуров Н.И. Городище Артезиан во второй половине I в. до н. э. – первой половине I в. н. э. // Российский научный журнал. – 2013 – № 1 (32). – С. 30–40.

Abramzon M., Treister M., Vinokurov N. Two Hoards of Coins and Jewellery Items from the Time of the Roman-Bosporan War of AD 45-49 from the Site of Artezian // ACSS. – 2012. – 18.2. – P. 207–278.

М.І. Винокуров

ЦЕНТРАЛЬНЕ ПРИМІЩЕННЯ 4 РАННЬОЇ ЦИТАДЕЛІ ГОРОДИЩА АРТЕЗІАН У КРИМСЬКОМУ ПРИАЗОВ`Ї

На городищі «Артезіан», одній з боспорських фортець Кримського Приазов`я з складним плануванням різночасових житлових кварталів і оборонних споруд більше ніж десять років досліджується унікальний шар пожежі середини першого століття нашої ери. Багато знахідок із шару артезіанської пожежі є хронологічними індикаторами для пам`яток середини першого століття нашої ери, в першу чергу, з скарбів-жертвоприношень і шару гомогенної пожежі. Найважливішим хронологічним індикатором з шару пожежі є нумізматичні знахідки. Вони відкриті у всіх нашаруваннях, пов`язаних з часом побутування, загибелі та перебудови ранньої цитаделі. У цитаделі знаходились десять прямокутних приміщень, що загинули підчас ворожого штурму. Усі захисники фортеці, прибічники царя Мітридата VIII, який був повалений узурпатором Котісом за допомогою римського війська, загинули. Шар пожежі був насичений великою кількістю цілих і фрагментованих артефактів, серед яких зустрічалися і унікальні знахідки, що походили в основному з скарбів, закопаних мешканцями обложеної цитаделі напередодні катастрофи.

Ключові слова: Артезіан, рання цитадель, шар пожежі, приміщення.

N.I. Vinokurov

THE CENTRAL ROOM №4 OF AN EARLY CITADEL OF SETTLEMENT ARTEZIAN AT THE CRIMEAN AZOV SEA REGION

On the site Artezian, one of the Bosporan strongholds of the Crimean Azov Sea coast with difficult planning residential quarters and defensive structures of different times, more than ten years is investigated a unique layer of a fire of mid-first century AD. Many of the finds from the layer of an artesian fire are the chronological indicators for sites of middle of the first century AD, primarily from hoards - sacrifices of a layer of homogeneous fire. The most important indicators of chronological layer of fire are numismatic materials. They are open at all beddings associated with the time of existence, death and early reconstruction of the citadel.

Inside the citadel there were ten rectangular rooms, burnt during an enemy assault, including the room № 4. All the defenders, the supporters of King Mithridates VIII, who was deposed by the usurper Kotis by using Roman troops. were killed. The layer of fire was filled with many of whole and fragmented artifacts, among them there were also unique finds, mostly derived from hoards buried by people under siege on the eve of the disaster.

Keywords: Artezian, early citadel, layer of fire, room.

Одержано 10.09.2014

УДК 904.2 (477.75) «652»

А.А. Масленников

КАМЕННОЕ ЯДРО ИЗ КРЫМСКОГО ПРИАЗОВЬЯ

Публикуется каменное ядро весом 1002 г , найденное на одном из сельских поселений Боспорского Приазовья. Рассматриваются варианты его попадания в культурный слой памятника.

Ключевые слова: Боспорское Приазовье, сельские поселения, каменное ядро, камнеметные машины.

Ну, подумаешь, ядро !? Да кто ни находил … . Не Бог весть, что … . В лучшем случае – некий курьёз, а так … не очень. Вещь нехудожественная, не особенно редкая, неценная для специалистов … и не только. Да и то дело: какая уж у них - ядер информативность? Это если только случай, то - есть, сопутствующий или, лучше сказать, вероятный исторический контекст, как, например, в Фанагории в слое, предположительно связанным с событиями завершения царствования Митридата на Боспоре. Да и это касается лишь городских центров [Блаватский, 1951, с. 135-136; Сокольский, 1962, с. 241-249]. Вот если их вдруг обнаруживается много, да примерно в одном слое, да относительно недалеко друг от друга или вообще они специально собраны … . И будет статистика, так сказать, и обмеры-обвесы … . Но таких примеров на северопричерноморских городских материалах я что-то не припомню. Правда, в последние десятилетия почти повсеместно, особенно на Боспоре, ведутся достаточно масштабные раскопки так называемых сельских поселений. И соответствующие находки там вроде как тоже встречаются. Специальной, даже ограниченно-региональной статистики пока никто не приводил. Правда, некая попытка оной на примере ряда памятников Крымского Приазовья в основном эллинистического времени почти два десятилетия назад нами предпринималась [Масленников, 1996, с. 68-79], но обновить её всё было как - то недосуг. А между тем, за эти годы и здесь, и на ряде других поселений (городищ) Керченского п-ова и, вероятно, Тамани аналогичные артефакты фиксировались неоднократно. Особо выделим находки на Артезианском городище и большом поселении у с. Белинское.[1] Первое – примечательно впечатляющими находками в слое середины I в. н.э., среди которых встречены и каменные ядра. Но о них автор раскопок когда-нибудь и сам напишет, а вот о новом примечательном ядре из Приазовья позволим себе изъясниться. Дело в том, что его как бы выделяют два обстоятельства. Во-первых, вес: 1002 г «Ну, и что?» - вопросит читатель. Вот невидаль: килограмм … . Да на Пергамском Акрополе, как известно, полно - куда как тяжелее, да и в Сегесте, что на Сицилии, да на …, да в … .» Всё верно, всё так. Примеров – пропасть! Только у нас тут, в античном Северном Причерноморье, и, особенно на его сельской территории, такие тяжёлые ядра вроде как не встречались прежде. В упомянутой сводке приведёны данные о 56 соответствующих находках с 10 поселений (в основном – усадебного комплекса Генеральское – западное). По материалу - это всё больше известняк (мраморовидный, мшанковый или, что много реже, ракушечник). Самые маленькие и, естественно, лёгкие – морская галька и конкреции. То есть, почти всё это местные, широко распространённые породы камня. (Отсюда

1. Информация руководителей раскопок Н.И. Винокурова и В.Г. Зубарева, которым автор выражает свою признательность.

© А.А. МАСЛЕННИКОВ, 2015

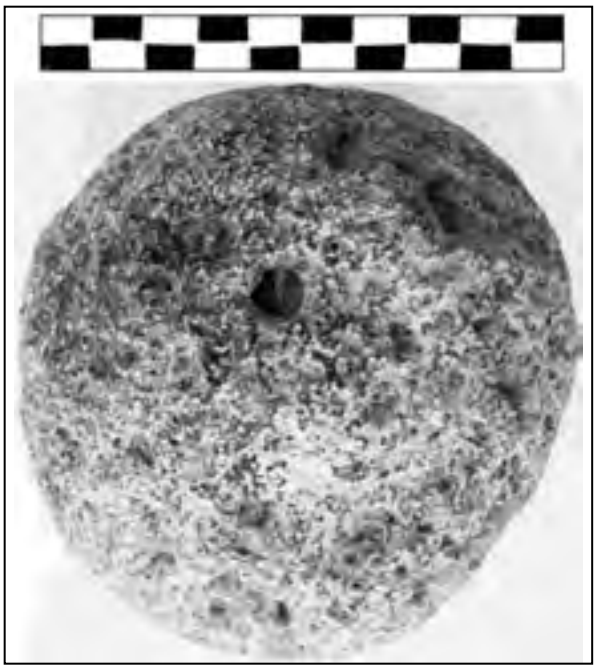


Рис. 1. Каменное ядро II в. до н.э. из Приазовья (вид сверху)

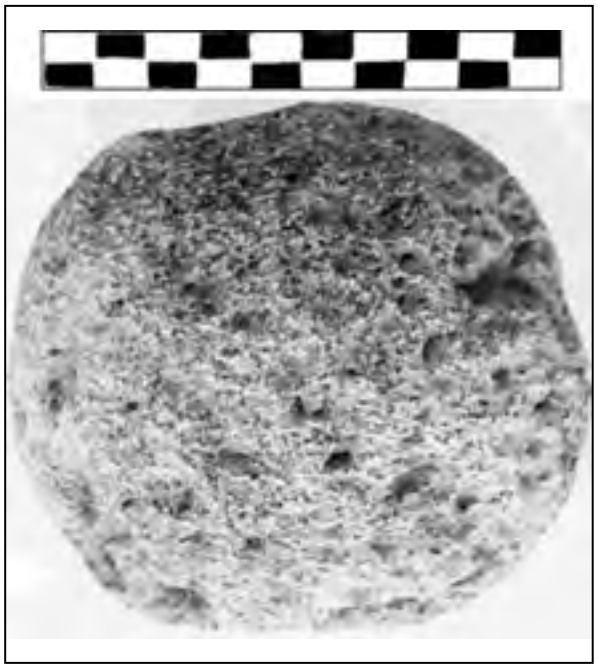


Рис. 2. Каменное ядро II в. до н.э. из Приазовья (вид сбоку)

разный вес примерно одинаковых по размерам «изделий».) Да и, собственно, назначение их, именно, как ядер - оружия дольнего боя, не всегда очевидно (тёрочники, разновесы…). Не одинаково «качественна» и обработка: придание им округлой формы. Впрочем, соответствующий археологический контекст и хронология (конец первой трети III в. до н.э. или I в. до н.э.), особенно в отношении «Генеральского-западного», не оставляет сомнений в их основном назначении, точнее - использовании. Напомним также, что по весу (и, отчасти, размерам) можно условно сгруппировать их все в несколько групп-категорий (680-400 гр., т.е. около 1,5 – 1 греческой мины; 400-250 гр., 250-150 гр. и, наконец, около и менее 100 гр. Относительно последних, – естественно, надо быть наиболее осторожными в суждениях). Все они, скорее всего, использовались для метания при помощи пращи или вручную. И лишь самые тяжёлые – теоретически могли применяться в малых камнемётных машинах. Подчеркнём, теоретически, ибо допустить сам факт применения таковых на далёкой окраине античной Ойкумены, да ещё в «сельском захолустье» всё-таки проблематичен. Однако, новая находка своим весом и размерами (это достаточно грубо обработанный, т.е., не вполне правильный шар с шероховато-пористой, тёмно - серой поверхностью, размером 9,1 х 9,5 см скорее всего, из мшанкового, лежалого известняка, но не исключено – диорита или вулканического туфа: твёрдой породы, встречающейся в районе Карадага, и в антично - средневековой древности широко использовавшейся для изготовления зернотёрок) куда более соответствует «калибру» небольших камнемётных машин. Более того, для ручного метания и тем более – пращи камень всё же велик и тяжёл.

Второй «момент» – обстоятельства и место находки. По поводу первого ничего особенного не скажешь. Просто в горизонте культурного слоя, предположительно II в. до н.э. Но недалеко от оборонительной стены поселения, и, что не маловажно, изнутри. Теперь о самом поселении. Это относительно небольшое по площади (около 0,85 га) прибрежное (название «Крутой берег» говорит само за себя) городище раскопано (в последние годы под руководством А.В. Ковальчук) к настоящему времени уже весьма основательно (более 2200 м^2). Его общая хронология: рубеж IV-III (или немного позднее) – конец II в. до н.э. Обстоятельства прекращения существования не ясны. Во всяком случае, явных следов военных действий нет. Впрочем, отметим, что, по - видимому, все приазовские поселения этого периода «замирают» одновременно. Оборонительные сооружения «нашего» - самые простые: стена, недотягивающая немного шириной до 2 м, сложенная в массе своей из относительно небольших камней местного известняка. Башни или бастионы, скорее всего, (некоторая часть городища обрушилась в море) отсутствовали. Да и само местоположение памятника (относительно ровный и невозвышенный участок побережья) тоже не способствовало его защите. Так, что о размещении на его укреплениях даже малых камнемётных машин (что требовало, как известно, и достаточной ширины куртин, и наличия солидных по площади

башен, и особых «казематов» см., например: [Garlan, 1974, p. 262; Tolstikov, 1986, p. 167-178]) говорить не приходится. Остаётся предположить, что ядро попало на городище «снаружи». Но «полевой артиллерией» вероятный противник боспорских поселян этого времени («поздние» скифы, некие сатархи или ещё кто из местных варваров), по всей видимости, не располагали. Подобрано где-то «по случаю»? Не исключено. Так или иначе, но время это было в местной истории «тёмное» и тревожное. И наша находка – ещё один «штрих» к такой характеристике. Иными словами: «мелочь, но приятно».

Блаватский В.Д. Каменное ядро из Фанагории // КСИИМК. – 1951. – Вып. 39.

Масленников А.А. Новые материалы к истории военного дела античного Боспора // РА. – 1996.– № 4.

Сокольский Н.И. Каменные ядра из Пантикапея // Пантикапей // МИА. – 1962. – № 101.

Garlan Y. Recherches de poliorce`tique Grecque. – Paris. – 1974.

Tolstikov V.P. La fortification comme source pour l`histoire du Bospor antique // La fortification dans l`histoire du Monde Grece. – Paris.– 1986.

О.О. Масленников

КАМ`ЯННЕ ЯДРО З КРИМСЬКОГО ПРИАЗОВ`Я

Публікується кам`яне ядро, що було знайдено на сільському поселенні Крутий Берег у Боспорському Приазов`ї. Відзначено два моменти, що дозволили автору звернути увагу на цю знахідку (грубо оброблена не зовсім правильна куля з шерахато-пористою, темно-сірою поверхнею, розміром 9,1 х 9,5 см, скоріше за все – з мшанкового лежалого вапняку). По перше –вага -1002 г. Такі важкі ядра могли застосовуватися лише у малих камнеметних машинах. Однак, факт використання таких машин на далекій околиці античної Ойкумени проблематичний. Другий «момент»- місце знахідки: в горизонті культурного шару, можливо II ст. до н.е., поблизу захисної стіни, всередині поселення. Використання камнеметних машин виключено. Вірогідно, ядро з`явилося на поселенні як камінь, підібраний випадково.

Ключові слова: Боспорське Приазов`я, ядро, каменеметна машина.

A.A. Maslennikov

ROCKY CORE OF THE CRIMEAN AZOV SEA COAST

Published stone ball, which was found on the Krutoi Bereg – the rural settlement in Bosporus Sea of Azov. Core`s weight is 102g. Such heavy core could be used only in the small machines for throwing cores. However, the fact of the use of such machines on the far edge of the greek Oikumena is problematic. Place of discovery - a horizon of the cultural layer by the 2gd BC, near the defensive wall, inside the settlement. Probably, the core appeared in the settlement as a stone, chosen randomly.

Keywords: stone ball, Bosporus coast Sea of Azov.

Одержано 5.04. 2015

УДК 904.5 (477.75) «652»

М.Ю. Вахтина, П.Г. Столяренко

СКЛЕП № 4 ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО НЕКРОПОЛЯ ПОРФМИЯ

Публикуется один из самых интересных комплексов, открытых при исследовании некрополя боспорского города Порфмия. Склеп № 4, сложенный из обработанных блоков местного известняка, уникален по своей конструкции и содержал многочисленный и разнообразный материал.

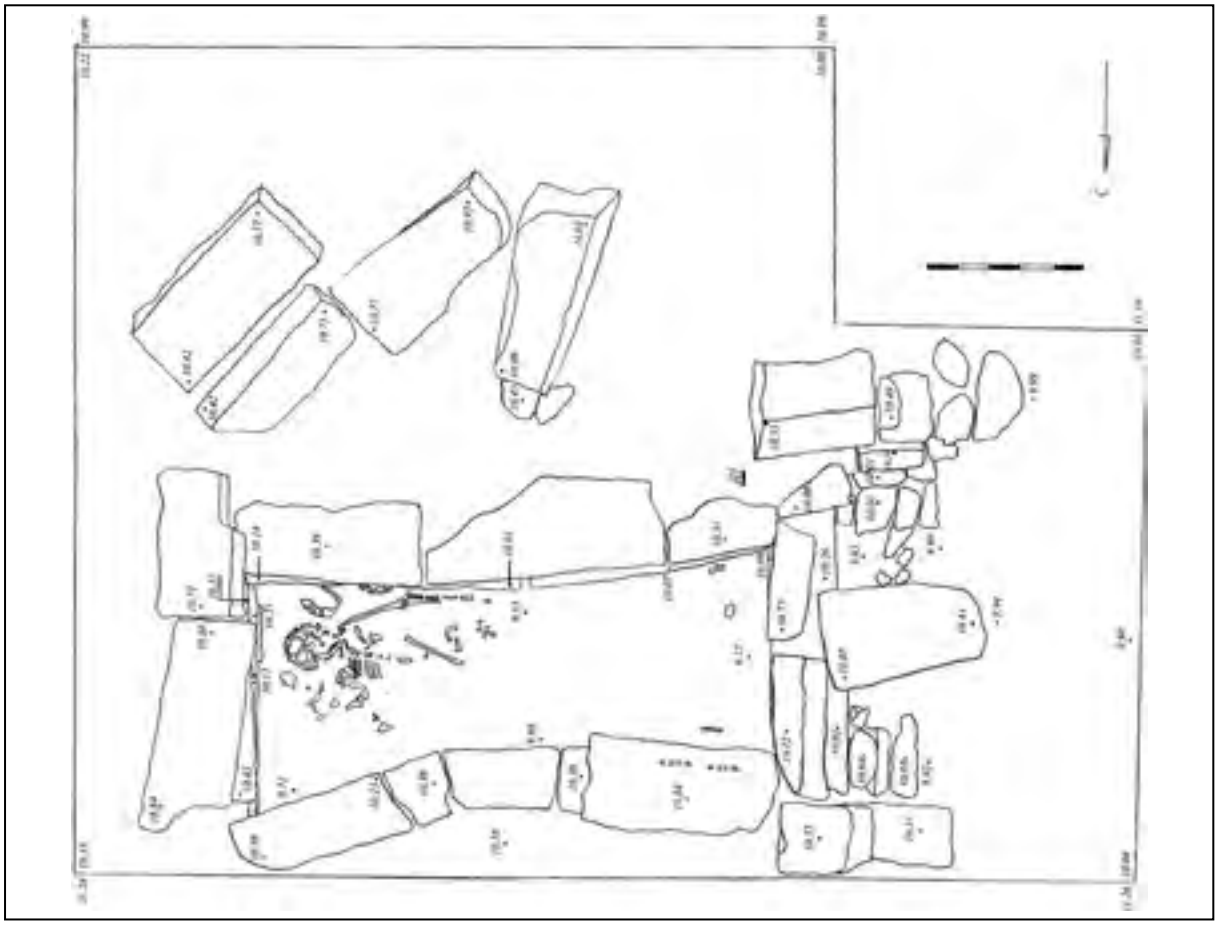
Ключевые слова: Порфмийский некрополь, склеп, погребальный обряд, инвентарь.

Некрополь «малого» боспорского города Порфмий долгое время считался неизвестным. Лишь в 2004 г. Порфмийский отряд Боспорской археологической экспедиции ИИМК РАН начал его систематические исследования [Вахтина, Стоянов, 2006; Вахтина, 2009. С. 104 -105; Вахтина, Столяренко, 2013]. Исследуемый участок некрополя находится к западу от скального плато, на котором располагался древний город. Здесь были открыты захоронения разных типов, относящиеся, в основном, к эллинистическому времени и синхронные последнему периоду истории Порфмия, оставленного жителями примерно в середине I в. до н.э.

Нами были выявлены три типа погребений: в простых грунтовых ямах, плитовых могилах (ямах, обложенных каменными плитами) и склепах. В погребениях всех типов преобладает восточная ориентация погребенных. В тех случаях, где удалось зафиксировать положение костяков in situ, погребенные были вытянуты на спине. Известно лишь два исключения среди женских погребений, раскрытых в простых грунтовых ямах: в первом случае (погребение № 2) лежащий на спине костяк имел ориентировку запад - северо-запад, в другом (погребение № 6) безынвентарное «скорченное» женское захоронение имело северную ориентировку. [Вахтина, Столяренко, 2013, с. 116 -119; рис. 2, 7].

Склепы, сложенные из обработанных плит местного известняка, можно отнести к самым интересным и сложным комплексам, открытым на Порфмийском некрополе. В настоящее время здесь были выявлены остатки девяти склепов, имевшие разную степень сохранности. Все они были ограблены, причем, некоторые грабились дважды – в древности и в наши дни. Все обнаруженные склепы имели одинаковую ориентировку – по линии восток-запад с небольшими отклонениями. О конструкции перекрытий судить сложно – верхние части склепов уничтожены плантажной распашкой. Открытые остатки склепов обладают чертами несомненного сходства. Все сооружения строились в одинаковой технике, обнаруживая сходные приемы в обработке материала, наличие определенных «модулей» в размерах плит. Планировка, по-видимому, также относилась к регламентируемым особенностям погребальной традиции, которой следовали жители эллинистического Порфмия. Склепы, в отличие от грунтовых могил, предназначались для многократных захоронений. Судя по комплексам вещевых находок, они функционировали достаточно долгое время. Погребальный инвентарь, обнаруженный при их расчистке, несмотря на деятельность грабителей, достаточно многочислен и разнообразен, набор вещей, как правило, «богаче» того, который дают другие типы погребений порфмийского некропо-

© М.Ю. ВАХТИНА, П.Г. СТОЛЯРЕНКО, 2015



1

2

Рис. 1. Склеп № 4. *1* – план; *2* – фотография (вид с севера)

ля. При исследованиях большинства склепов в слое были выявлены остатки тризн; в числе предположительно относящихся к тризнам находок можно отметить обломки тарных амфор и кости животных, тогда как в комплексах склепов они встречаются достаточно редко.

При всех несомненных признаках сходства, все склепы, открытые при раскопках некрополя, демонстрируют индивидуальные признаки. Здесь не было выявлено полностью идентичных конструкций; для каждой из них характерны своеобразные черты. Склепы имели разные размеры и содержали разное количество захоронений. Вероятно, они использовались как родовые или семейные усыпальницы наиболее уважаемых и состоятельных горожан.

К наиболее ранним, интересным и хорошо сохранившихся принадлежит склеп № 4 (рис. 1). Он отличался

Рис. ***2***. Дромос склепа № 4 (вид с запада)

сравнительно небольшими размерами и тщательностью, характерной для его возведения. Склеп состоял из прямоугольной погребальной камеры и дромоса, вытянутых по оси восток-запад. Камера имела длину 1,85 м, ширина ее достигала 0,75 м в восточной части и 0,58 м в западной. Максимально сохранившаяся высота стен – 0,90 м в северной части и 1,02 м в восточной, где кладки сохранились на 3 ряда в высоту. Дромос, примыкавший к камере с запада, был ограничен с севера и юга двумя боковыми стенами. Он был прослежен на 1,02 м в длину и 1,1 м в ширину. Пол дромоса был земляным, он располагался на 0,2 м выше уровня пола погребальной камеры, который также был земляным, посыпанным каменной крошкой.

Кладки стен камеры были смещены в результате давления грунта; как показали раскопки, кладки длинных боковых стен, ограничивавших камеру с севера и юга, сохранились на два ряда в высоту. Четыре длинных, крупных блока, первоначально образовывающих третий (предположительно, верхний) ряд кладки, были сброшены грабителями в шурф, примыкавший к яме с юга. В грабительском шурфе к западу от вывернутых блоков на гл. 0,7 м от современной дневной поверхности были обнаружены скопления костей человека и керамики. Здесь же были найдены фрагменты трех «мегарских» чаш. В слое к югу от камеры были найдены фрагменты столовой посуды, среди них – фрагменты краев красноглиняных мисочек, красноглиняной чаши с красным покрытием, стенка светлоглиняного сосуда с росписью черным лаком, практически полностью уничтоженной, фрагменты нижней части сероглиняного кувшинчика плохой формовки. Примечательно, что в слое к югу от камеры были обнаружены также фрагменты хиосских амфор более раннего времени, которые можно предположительно датировать V в. до н.э. Возможно, они относились к более раннему погребению, полностью уничтоженному еще в древности.

Закладные камни, образующие западную стену склепа, снаружи были укреплены небольшими камнями (длиной 0,15 - 0,25 м). С внешней стороны их поддерживал крупный подпрямоугольный камень, длина которого достигала 0, 58 м, а ширина – 0,35 м (рис. 2). Вход в камеру был заложен относительно тонкими, вертикально стоящими квадратными плитами. В процессе раскопок для того, чтобы наиболее полно выявить особенности конструкции склепа, наружный подпорный камень был удален, а «вход» из дромоса в камеру – расчищен.

В заполнении дромоса было найдено небольшое количество обломков керамики, в основном, стенок красноглиняных столовых сосудов. Отметим единичную находку фрагмента венчика книдской амфоры с высоким цилиндрическим горлом и грибовидным венцом (рис. 3, *1*), которую можно датировать в пределах второй половины IV в. до н.э. [Монахов, 2003, с. 102 - 104], фрагмент стенки красноглиняного закрытого сосуда с остатками тусклого темного лака, обломки краев красноглиняных мисочек (рис. 3, *3*), кувшинов (рис. 3, *4, 5*), обломок края кастрюли (рис. 3, *6*), фрагмент венчика «мегарской» чаши. В дромосе также были найдены несколько обломков придонной части лепного сосуда (жаровни?) с красным покрытием и две мелкие пастовые бусины.

Погребальная камера склепа № 4 по форме напоминает узкий длинный прямоуголь-

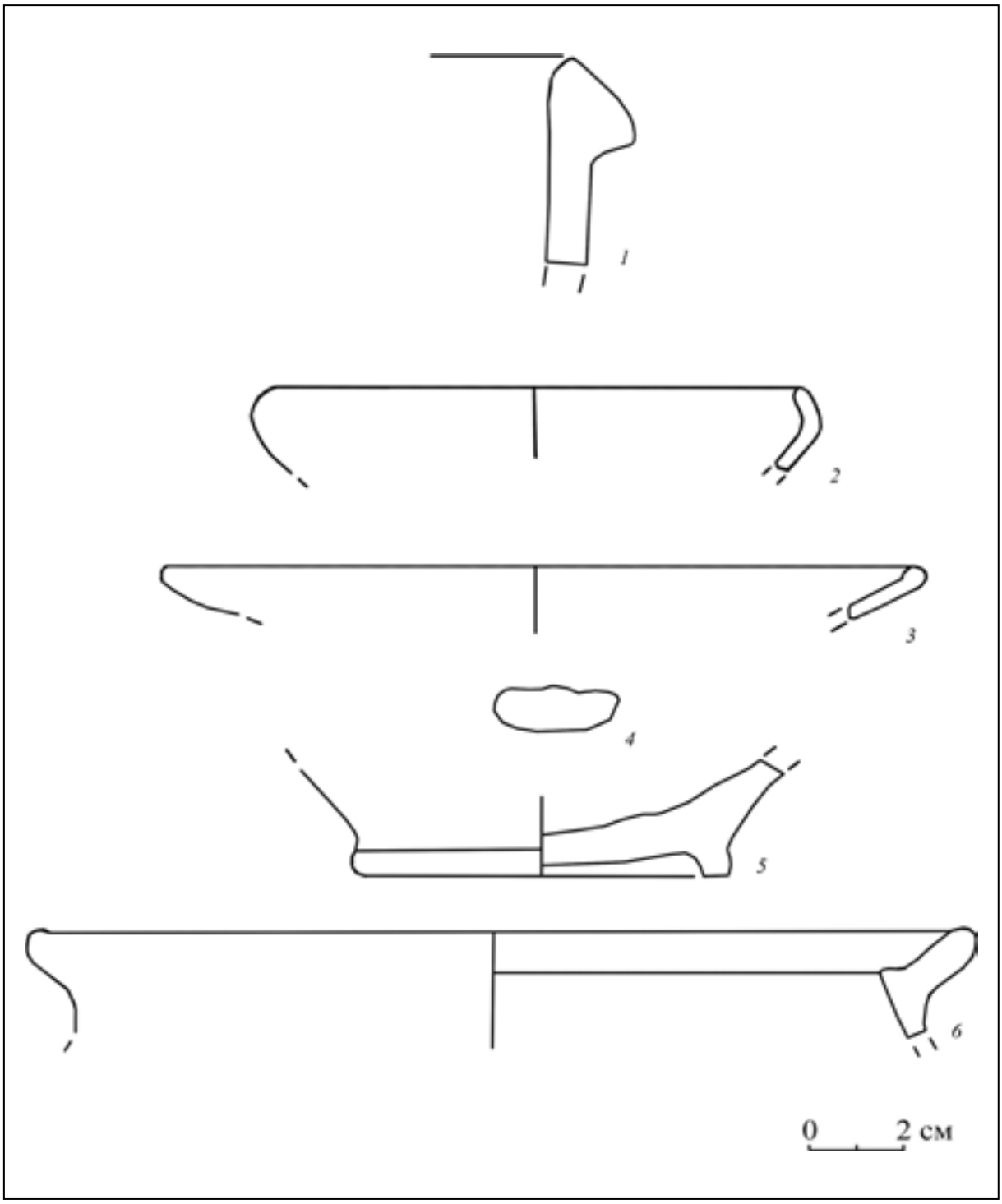


Рис. 3. Фрагменты керамики из дромоса. *1* - фрагмента венчика амфоры; *2-3* – фрагменты краев красноглиняных мисочек; *4-5* – фрагменты ручки и поддона красноглиняного кувшина; *6* – фрагмент края кастрюли

ник, длина ее 1,85 м, максимальная ширина в восточной части – 0, 75 м. Кладки северной и восточной стен камеры сохранились на три ряда в высоту. Размеры камней верхнего ряда восточной кладки 0,6 х 0,3 х 0,3 м. Средний ряд состоял из одного блока, треснувшего пополам, его размеры 0,86 х 0,35 м. Нижний ряд представлен двумя камнями размерами 0,63 х 0,41 м. У северной боковой стены от верхнего ряда кладки сохранился лишь один камень, примыкавший к западной торцевой стене склепа. Его размеры 0,72 х 0,27 х 0,33 м. Второй ряд состоял из трех блоков приблизительно равной величины, размер самого большого – 0,82 х 0,28 х 0,23. Нижний ряд также состоял из трех камней, размеры большего – 0,9 х 0,37 м. Средние камни, образовывавшие кладку стены, смещены под давлением грунта, в результате чего стена сильно выступала внутрь могилы. Западная торцевая стена отделяла камеру от дромоса. Она состояла из одного ряда камней размерами 0,53 х 0,27 х 0,35 м. На них были установлены орфостатно две плоские закладные плиты, образовывавшие две «створки». Размеры этих плит 0,6 х 0,6 х 0,15 м и 0,55 х 0,45 х 0,13 м. Южная боковая стена сохранилась на два ряда камней в высоту. Длина ее по верхнему ряду – 1, 85 м. Верхний ряд состоит из трех блоков, размеры большего – 0,84 х 0,35 х 0,25 м. Нижний ряд также состоит из трех блоков размерами 0,80 х 0,35 м.

Все блоки, из которых сложены стены камеры, были тщательно обработаны с внутренней стороны; внешние фасы камней не были обработаны, а лишь грубо стесаны. Фрагменты костей и керамики были выявлены на всех уровнях заполнения. Керамические находки, обнаруженные в заполнении камеры, были достаточно многочисленны и представлены преимущественно обломками простой столовой посуды эллинистического времени. Значительную часть составляли фрагменты красноглиняной керамики – кувшинов (рис. 4, *1- 6*; 5, *1-9*) и мисок (рис. 6,*1*; 7, *2-6*) и различных типов. В заполнении был также найден фрагмент края чаши с красным покрытием и вертикальным краем (рис. 7,*1*), фрагмент буролаковой миски (рис. 6, *2*), ножка красноглиняного унгвентария (рис. 4, *7*), фрагменты края сероглиняной миски и два фрагмента стенок «мегарской» чаши. Встречались также обломки кухонной керамики - фрагменты венчиков кастрюль (рис. 6,*3*) и массивная ручка кастрюли. В нижней части заполнения под южной стеной склепа в 0,75 м от восточной торцевой стены были найдены фрагменты небольшого туалетного сосуда из розоватой глины. Заполнение содержало также несколько фрагментов костей животных (крупного рогатого скота).

В восточной части камеры удалось расчистить остатки черепа, в западной – зафиксировать мелкие пяточные кости. Это дает возможность предполагать, что погребенные лежали в вытянутом положении, головой на восток. На полу в восточной части камеры сохранилась in situ верхняя часть костяка взрослого человека, включающая кости таза. Череп находился у юго-восточного угла камеры, на расстоянии примерно 0,10 м от восточной торцовой стены. Эти останки принадлежали женщине в возрасте 35 - 45 лет. Возле пяточных костей скелета были найдены две пастовые бусины – одна маленькая биконическая, другая - состоящая из двух бусин (подвеска ?). Между черепом и южной стеной камеры были зафиксированы остатки черепа ребенка. В северо-западном углу склепа были найдены непотревоженными малые берцовые кости, принадлежавшие другому скелету. Костные остатки принадлежали двум взрослым и одному ребенку 7-8 лет. Кроме того, во время разборки заполнения погребальной камеры были обнаружены лежащие беспорядочно кости по крайней мере 6 взрослых и двух детей (последним было приблизительно 7-8 и 10 лет). В процессе расчистки склепа были найдены фрагменты «мегарских» чаш, многочисленные фрагменты красноглиняных и сероглиняных столовых и туалетных сосудов, несколько пастовых бусин. Кроме того, здесь были найдены три небольших фрагмента фольги из желтого металла, по-видимому, представлявшие собой остатки погребального венка.

Материалы, найденные в склепе № 4, показывают, что он использовался многократно в течение длительного времени. Судя по керамическим находкам, последнее погребение, совершенное в склепе, относится ко II в. до н.э. Однако сам склеп мог быть сооружен значительно раньше и достаточно длительное время использоваться для повторных захоронений. По времени возведения склеп № 4, возможно, был близок склепу № 5, открытому на некрополе [Вахтина, 2013, с. 76 - 77] и, по-видимому, возведенному в IV в. до н.э. Погребальный инвентарь свидетельствуют об относительном благосостоянии и высоком социальном статусе погребенных. Присутствие в его составе образцов кухонной посуды, возможно, объясняется ритуальной тризной.

Конструкция перекрытия склепа № 4, как и других склепов некрополя, не была выявлена.

Погребальный обряд Порфмийского некрополя можно в целом охарактеризовать как греческий. В пользу этого, возможно, свидетельствует и выбор территории для совершения погребений – к западу от городских стен, по другую сторону балки, которая в древности

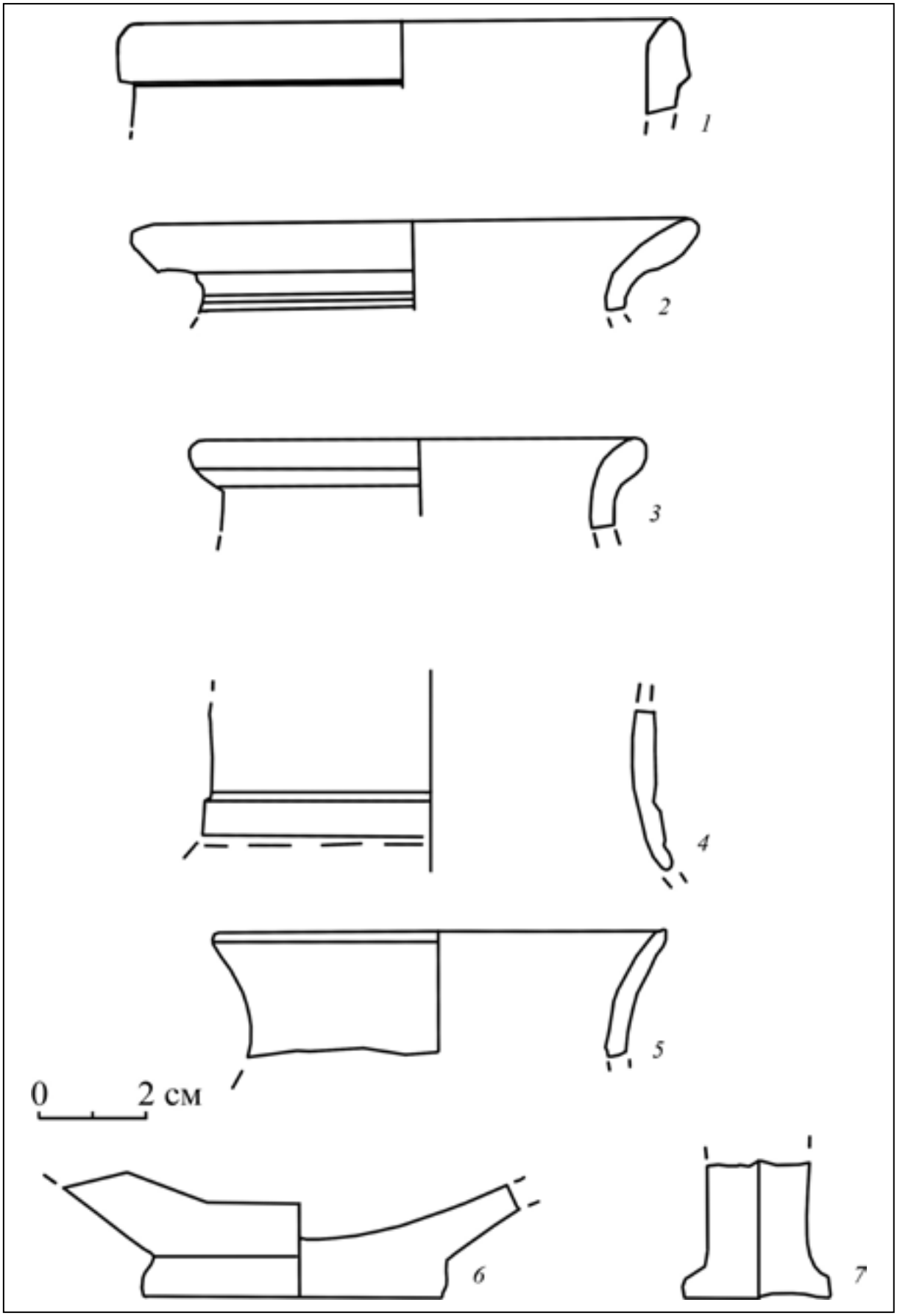


Рис. 4. Материал из заполнения погребальной камеры. *1-6* - фрагменты венчиков и поддона красноглиняных кувшинов; *7* – фрагмент ножки красноглиняного унгвентария

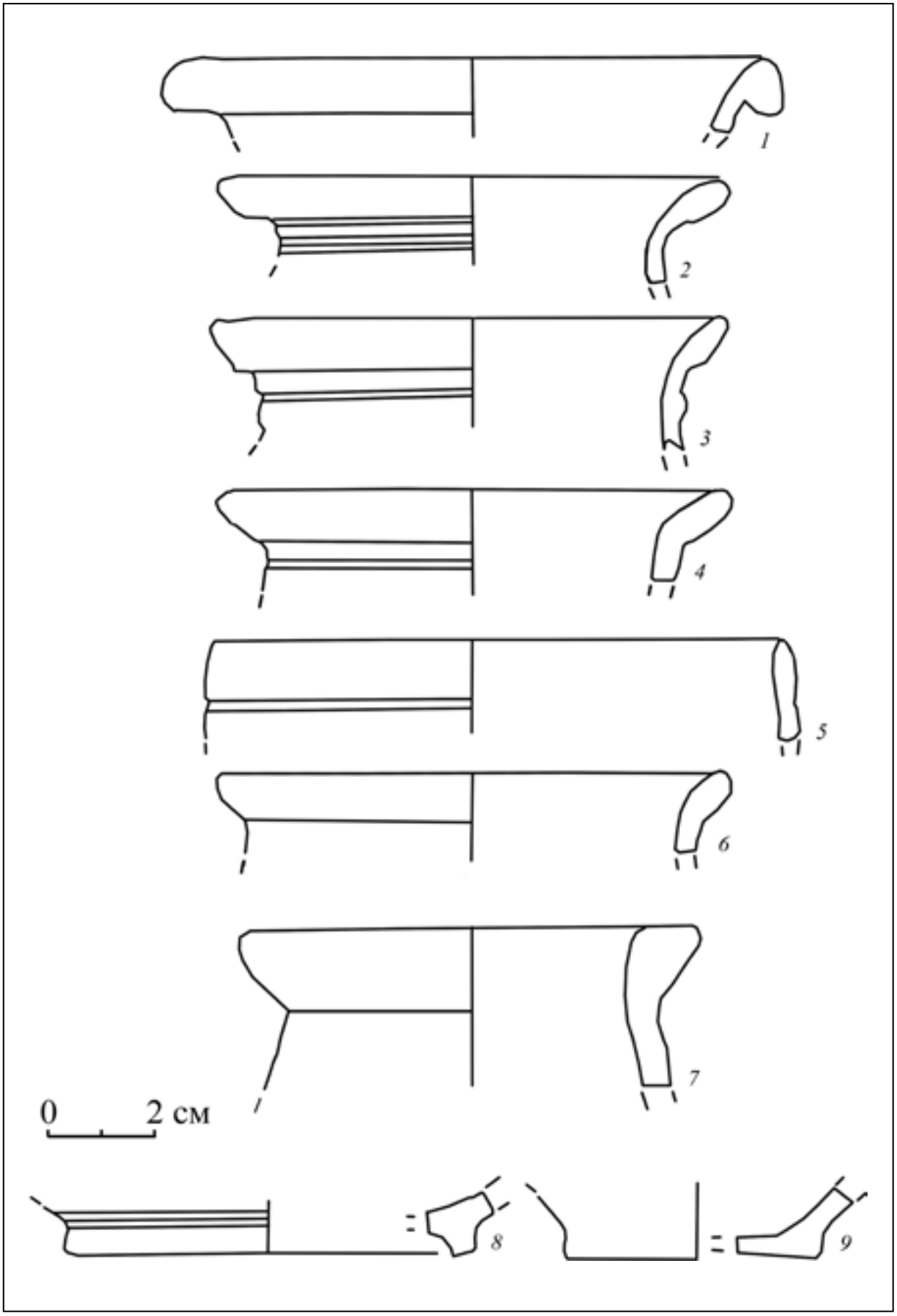


Рис. ***5***. Материал из заполнения погребальной камеры. *1-9* - фрагменты венчиков и поддона красноглиняных кувшинов

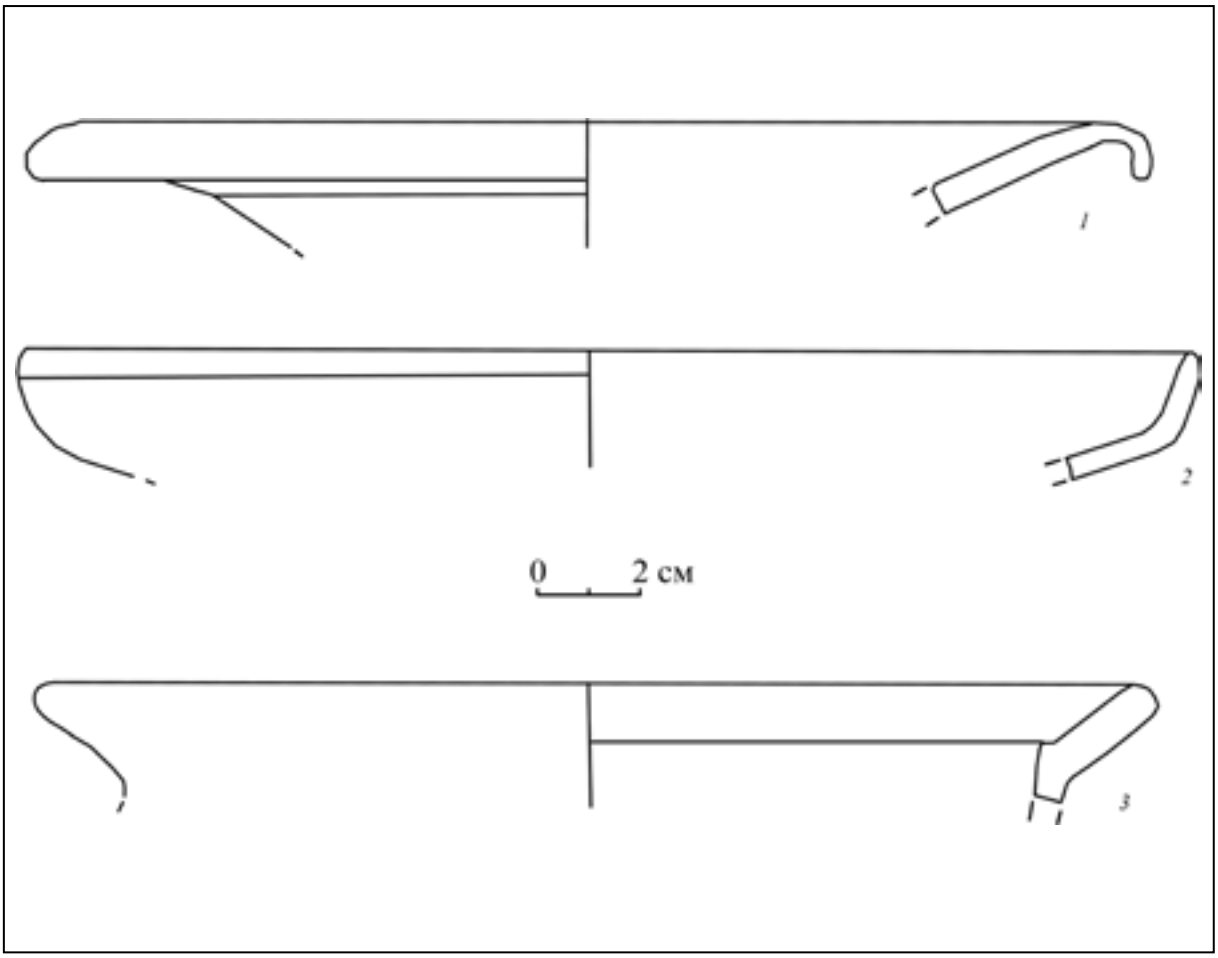


Рис. ***6***. Материал из заполнения погребальной камеры. *1* - фрагмент края тарелки с красным покрытием; *2* – фрагмент края буролаковой миски; *3* - фрагмент края кастрюли

могла быть небольшой рекой. Негреческим по обряду, возможно, является единственное «скорченное» безинвентарное погребение (№ 6), совершенное в простой грунтовой яме, открытое на некрополе. Для остальных захоронений восточная ориентировка костяков является преобладающей. Даже после расхищения основной массы наиболее ценных вещей грабителями можно прийти к заключению о разнообразии и многочисленности погребального инвентаря. В его составе регулярно находят мелкие боспорские монеты, что позволяет высказать предположение об использовании их в ритуальной практике в качестве «обола Харона». К обычаям, распространенным как в античном, так и в варварском мире [Кастанаян, 1959, с. 263], по-видимому, можно отнести следы погребальных тризн, которые часто фиксируются в слое над захоронениями.

По некоторым признакам склепы Порфмийского некрополя можно сопоставить с погребальными комплексами, открытыми на других памятниках Европейского и Азиатского Боспора [Зинько В.Н., Зинько А.В., 2012, с. 157 - 165. Рис. 1, 2, 4, 7 - 10; Масленников 1995; Крушкол, Новичихин, 2010, с. 23 сл.]. Вместе с тем, следует отметить, что, по-видимому, в каждом боспорском городе сложились свои, присущие его жителям, погребальные ритуалы, которые, развиваясь в русле «общей» античной традиции, обладали специфическими локальными чертами [Сударев 2005, с. 21]. На наш взгляд, наиболее выразительной особенностью порфмийских плитовых склепов является наличие небольших коридоров-дромосов, ведущих в погребальную камеру, тогда как для многих других греческих поселений лучше всего известны конструкции в виде «каменных ящиков». Дальнейшее изучение некрополя Порфмия, как и исследования погребальных комплексов других «малых» городов, вероятно, поможет еще более раскрыть и выявить своеобразие погребальных обычаев и традиций, присущих греческим центрам, сформировавшимся на северо-восточной окраине античной ойкумены – Киммерийском Боспоре.

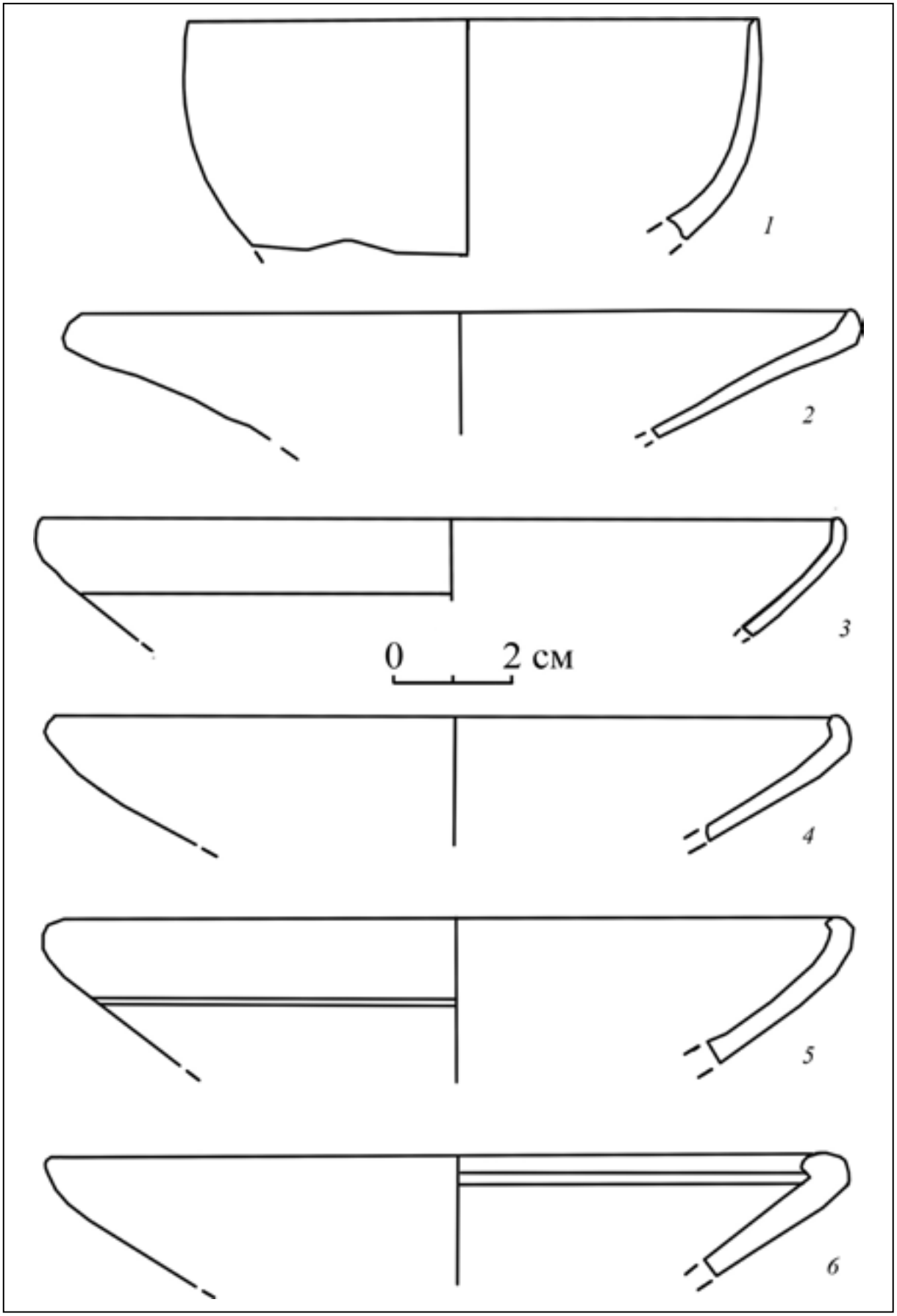


Рис. 7. Материал из заполнения погребальной камеры. *1* - фрагмент венчика чаши с красным покрытием; *2-6* – фрагменты краев красноглиняных мисок

Вахтина М.Ю. Порфмий – греческий город у переправы через Киммерийский Боспор // БИ. – 2009. – Вып. XXII. – С. 91 – 126.

Вахтина М.Ю. Порфмий в IV в. до н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. Материалы XIV Боспорских чтений. – Керчь, 2013. – С. 73 – 80.

Вахтина М.Ю., Столяренко П.Г. Некрополь Порфмия (по материалам раскопок 2004 – 2012 гг.) // Культурный слой. – Нижний Новгород, 2013. – Вып. 2. – С. 114 – 145.

Вахтина М.Ю., Стоянов Р.В. Новые данные о некрополе Порфмия // АВ.– 2006. – Вып. 13. – С. 182–194

Зинько В.Н., Зинько В. А. Новые исследования некрополя Тиритаки // ДБ. – 2012. – Т. 16. – С. 156 – 167.

Кастанаян Е.Г. Грунтовые некрополи боспорских городов в V–IV вв. до н.э. и их особенности // МИА. – 1959 – № 69. – С. 257 – 297.

Крушкол Ю.С., Новичихин А.М. Описание погребальных комплексов. Каталог // Население архаической Синдики по материалам некрополя у хутора Рассвет. Некрополи Черноморья. Т. III. – Москва, 2010. – С. 20 – 190.

Масленников А.А. Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI – I вв. до н.э. // Боспорский сборник. Вып. 8. – Москва, 1995. – 124 с.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров–экспортеров товаров в керамической таре. – Москва – Саратов, 2003. – 151 с.

Сударев Н.И. Грунтовые некрополи боспорских городов в VI – II вв. до н.э. как исторические источники. Автореф. канд. дисс. Москва, 2005. – 24 с.

М.Ю. Вахтіна, П.Г. Столяренко

СКЛЕП № 4 ЭЛЛІНИСТИЧНОГО НЕКРОПОЛЯ ПОРФМІЯ

Публікується один з найцікавіших комплексів, що були відкриті при дослідженні некрополя боспорського міста Порфмія. Склеп № 4, складений з оброблених блоків місцевого вапняку. Він унікальний за конструкцією і численним і різноманітним поховальним інвентарем.

Ключові слова: Порфмій, некрополь, склеп, поховальний інвентар.

M.Yu.Vahtina, P.G. Stolyarenko

CRYPT NO. 4 FROM THE HELLENISTIC NECROPOLIS OF PORTHMION

It is published one of the most interesting complexes which were discovered during the study of the necropolis of Bosporan Porthmion. The crypt № 4 is composed of processed blocks of local limestone. It is unique by design and by numerous and varied burial inventory.

Keywords: Porfmiy, necropolis, crypt, burial inventory.

Одержано 24.09.2014

УДК 930.272 (477.75) «652»

М.В. Скржинская

РАЗВИТИЕ ИСТОРИОГРАФИИ В БОСПОРСКОМ ЦАРСТВЕ

В статье выявлены сюжеты сочинений нескольких боспорских историков, исследованы их устные и письменные источники. Хорошо образованные граждане из состоятельных семей, а не придворные историографы писали исторические труды о политической и военной истории Боспора V-IV вв. до н.э.

Ключевые слова: письменные источники, боспорские правители, историческая хроника.

В исследованиях об античном Боспоре ученые неоднократно писали о существовании местных историков. Их труды безвозвратно утрачены, но они послужили основой сведений о Боспорском царстве в «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского, в «Географии» Страбона и «Стратегемах» Полиэна. Наиболее обстоятельно эту тему исследовали М.И. Ростовцев и В.В. Струве. Первый [Ростовцев, 1915, 1925] еще в начале прошлого века выделил известия о Боспоре из уцелевшей античной литературы; он подробно исследовал достоверность их содержания и наметил пути, по которым те или иные сведения попали к упомянутым писателям, жившим на несколько столетий позже описанных ими событий. В.В. Струве посвятил этому вопросу специальную статью [Струве,1968]. Как и Ростовцев, он полагал, что каждый интересующий нас античный автор пользовался каким-то одним крупным трудом по истории Эллады, включавшим главу о Боспоре; она же была написана на основе обобщающего сочинения местного писателя, названного Струве древнейшим историком СССР. Вероятно, такое произведение боспорянина использовал Дурис в своем труде о греческой истории, на которую ссылаются многие античные авторы [Ростовцев, 1925, с. 126; Струве, 1968, с. 182-183; Яйленко, 1990, с. 284- 286]. Этот историк жил на рубеже IV- III вв. до н.э.; он был гражданином Самоса и учился в Афинах у Феофраста. Археологические находки показывают, что во времена Дуриса Боспор поддерживал тесные связи с обоими упомянутыми центрами Эллады, так что интерес этого историка к Боспорскому царству был вполне оправдан.

Цель же нашего исследования состоит в том, чтобы определить, какие источники взял боспорянин для описания значительного отрезка истории своей родины; кроме того мы попытаемся узнать, кто занимался написанием исторических трудов на Боспоре Киммерийском, а также выявить сферу интересов местных историков и особенности изложения ими тех или иных событий.

В Греции древнейшие прозаические сочинения о прошлом своего отечества писали ионийцы, которых сейчас называют логографами. Первым среди них считался Кадм Милетский, а самым известным логографом стал так же милетянин Гекатей, живший на рубеже VI- V вв. до н.э. Поэтому можно с достаточной долей уверенности утверждать, что в крупных милетских колониях Северного Причерноморья, в частности на Боспоре, на основе исторической традиции метрополии возникла собственная историография. Это мнение можно подтвердить также тем, что почти в каждом греческом государстве уже в V в. до н.э. существовали местные историки,

© М.В. СКРЖИНСКАЯ, 2015

описывавшие прошлое своей страны [Фролов, 1981, с. 92- 100].

В научной литературе прочно утвердилось мнение о том, что боспорская историческая хроника лежит в основе древнейших в античной литературе сведений о боспорских правителях. Диодор Сицилийский (Bibl. XII, 31, 1) записал, что при афинском архонте Феодоре, то есть в 480 г. до н.э., завершилось правление Археонактидов, продолжавшееся в течение 42 лет; на смену им пришел Спарток, основатель династии, правившей Боспором до конца II в. до н.э. Таким образом, нам известно, что в Пантикапее в начале V в. до н.э. велись хронологические записи, но из-за отсутствия иных свидетельств нельзя сказать, подробно ли они освещали деятельность правителей, либо только фиксировали даты или какие-то отдельные важные факты. Можно высказать осторожное предположение, что первые хронологические записи принадлежали жрецам главного боспорского храма Аполлона Врача в Пантикапее. Ведь в его метрополии уже в VI в. до н.э. при храме верховного бога милетского пантеона Аполлона Дельфиния составлялись списки жрецов-эпонимов [Биккерман, 1975, с. 64]. Кроме того известно, что во многих греческих полисах с древнейших времен велись списки жрецов и других выборных магистратов; в эти хроники вносили заметки о разных выдающихся событиях, и ими постоянно пользовались античные историки [Фролов, 1981, с. 91-92].

Определенно о существовании исторических трудов на Боспоре можно говорить с рубежа V- IV вв. до н.э. Античные писатели заимствовали из этих сочинений некоторые эпизоды времени царствования Сатира I, сына Спартока, причем разногласия в этих сообщениях указывают, что его правление описывалось более или менее подробно, по крайней мере, двумя разными писателями. Один из них повествовал о войнах Боспора с Феодосией, во время которых умер Сатир. Другой использовал фольклорные рассказы, бытовавшие среди боспорян уже после смерти этого царя в 389 г. до н.э. Он пересказал устную историческую новеллу о царице Тиргатао которая сейчас известна в изложении Полиэна (Polyaen. VIII, 55),

Тиргатао принадлежала к меотскому знатному роду и была выдана замуж за синдского царя Гекатея, чьи земли граничили с азиатской частью Боспора. Когда Гекатей лишился престола, Сатир помог ему возвратить власть и взамен потребовал жениться на его дочери, а Тиргатао умертвить. Гекатей не решился убить жену, но заточил ее в крепость. Тиргатао удалось бежать и добраться на родину. Там она вышла замуж за царя иксоматов; после чего склонила к войне местные племена, которые под ее руководством стали опустошать владения Гекатея и Сатира. Они оба были вынуждены просить мира, а Сатиру пришлось дать в заложники своего сына. Коварный боспорский царь подослал убийц к Тиргатао, но покушение не удалось. Тогда царица умертвила заложника и возобновила войну «подвергая страну всем ужасам грабежа и резни». Сатир умер от отчаяния, позже его наследнику удалось заключить мир, принеся Тиргатао богатейшие дары.

Содержание новеллы записано у Полиэна достаточно подробно. Бросается в глаза характерное для фольклора контрастное противопоставление действий отважной героини и ее коварного противника, по заслугам получившего страшное наказание разорением его царства и умершего от отчаяния. Тиргатао названа в начале рассказа меотянкой, так греки называли племена, жившие в окрестностях Азовского моря (Меотиды). Точнее национальная принадлежность царицы обозначена позже, когда сказано, что она бежала на родину и там стала женой местного царя иксаматов. Это сарматское племя упоминается близ Синдики уже на рубеже VI-V вв. до н.э. у Гекатея Милетского (фр. 216), а позже у других авторов (Ps. Scymn.878; Mela, I, 114; Steph. Byz s. v.; Valer. Flacc. Argon VI, 146) около устья Дона и на восточном берегу Меотиды.

Новелла появилась в кругах боспорян, осуждавших неудачные политические и военные действия Сатира. Его вмешательство в борьбу за власть в Синдике на стороне царя Гекатея привело к войнам Боспора с местными племенами, к тяжелым поражениям боспорян, разорению их земли и необходимости выплачивать дань в виде богатых даров. Имена героев новеллы, названия местных племен и реальные географические ориентиры явно указывают на хорошее знание рассказчика пограничных с Боспором областей, а упоминание о конце царствования Сатира позволяет датировать возникновение новеллы о Тиргатао первой четвертью IV в. до н.э. Современные ученые используют ряд фактов из этого рассказа для реконструкции истории Боспора на рубеже V -IV вв. до н.э. [Шелов-Коведяев, 1985, с. 128-130].

Новелла сложилась, конечно, на Боспоре, так как этот жанр фольклора возникает у всех народов, когда у них сформировался государственный строй, которого не было у соседей эллинов античных государств Северного Причерноморья. Яркий пример такого рода представляет сообщение Геродота об его удивлении, что скифы ничего не помнят о жизни члена царской семьи Анахарсиса, а местные греки, создавшие государство в Нижнем Побужье, рассказали историку свою историческую новеллу о смерти скифа, случившейся

почти на столетие раньше посещения Геродотом Ольвии в середине V в. до н.э.

Следует согласиться с М.И. Ростовцевым [Ростовцев, 1925, с. 131], что рассказ стилистически обработан писателем эллинистического времени, для которого царица Тиргатао ассоциировалась отважными амазонками, по преданию, обитавшими в степях Северного Причерноморья. Полиэн, конечно, не читал записи боспорских историков, он заимствовал новеллу у автора, который составил сборник рассказов о мужественных женщинах, противостоящих мужчинам. К его творчеству при передаче новеллы следует отнести упоминание о том, что Тиргатао «часто писала письма» Сатиру, спрашивая о боспорянах, просивших ее защиты. В реальности она вряд ли знала греческий язык, а тем более могла на нем писать; ведь в те времена даже большинство гречанок были неграмотными, а на родном языке Тиргатао не существовало письменности. Переговоры с варварами обычно велись устно через послов и переводчиков. Однако, в представлении человека, не знавшего подробностей быта степных народов, царица, подобно женщинам из состоятельных греческих семей эллинистического времени, должна быть грамотной.

Устная новелла, несомненно, появилась в кругах боспорян, враждебных царю, и была записана одним из его недоброжелателей. Более достоверными считаются основанные на другом боспорском источнике записи о смерти Сатира при осаде Феодосии, о чем сказано в словаре Гарпократиона под словом Феодосия и в схолиях Ульпиана к речи Демосфена «Против Лептина» (XX, 33). Обе версии можно примирить, если войны Сатира с варварами и поход на Феодосию состоялись одновременно, а кончина царя в окрестностях Феодосии случилась после полученных им сведений о вторжении варварских отрядов на территорию Боспора и о смерти его сына Метродора, отданного в заложники Тиргатао [Шелов-Коведяев, 1985, с. 119].

Новелла о Тиргатао относится к древнейшему эпизоду из рассказов Полиэна, касающихся истории Боспора. Другие главы «Стратегем», восходящие к сочинениям боспорских историков, повествуют о хитроумных поступках потомков Сатира, царей Левкона I (389-349 гг. до н.э.) и Перисада I (349-311 гг. до н.э.).

Благодаря активным связям Боспорского царства со многими центрами Эллады деятельность царей этого региона вызывала интерес у греческих писателей. Известно, например, что хвалебное сочинение о Левконе знал философ Хрисипп, один из основателей школы стоиков в Афинах в III в. до н.э. Дион Хрисостом в речи «О царской власти» (II, 77) упомянул, что Хрисипп назвал Левкона в числе мужественных и добродетельных царей, которым Зевс даровал долгую жизнь. Действительно Левкон правил Боспором 40 лет и умер в преклонном возрасте. Плутарх в двадцатой главе трактата «О противоречиях стоиков» также со ссылкой на Хрисиппа называет Левкона мудрецом, «охотно принявшим царскую власть». Страбон (VII, 3, 8) кратко упомянул о том, что Хрисипп писал о Левконе и его преемниках. Вероятно, положительная характеристика боспорских царей у Хрисиппа и соответственно у его боспорского источника послужила основанием для того, чтобы Страбон (VII, 4, 4) назвал Перисада и Левкона достойными правителями. Видимо, следуя сложившейся письменной традиции, он не включил в этот ряд упомянутого им Сатира, так как о нем боспоряне вспоминали не только одобрительно, как видно из новеллы о Тиргатао.

Полиэн (VI, 9; VII, 37) для своего произведения о военных хитростях выписал из разных сочинений подходящие к его теме эпизоды, в частности рассказы о Левконе и Перисаде, которые в трудных ситуациях находили неординарные решения. Таков рассказ об использовании Перисадом трех видов одежды. Царь выстраивал войско в ярком парадном костюме, надевал простое одеяние во время сражений, чтобы его не замечали неприятели; если же приходилось бежать, то он одевался так, чтобы его не могли узнать ни свои, ни враги. (Polyaen. VII, 37). Наверное, в боспорском оригинале подробно описывалось появление царя в роскошном убранстве перед строем войска, к которому он обращался с речью перед военными действиями; когда же Перисад сам шел в бой, он не хотел выделяться своим нарядом, привлекавшим внимание врагов. За пределами внимания Полиэна остались обстоятельства, когда царь вынужден был бежать и скрываться не только от врагов, но и от соотечественников, по каковой причине он переодевался в несвойственную царю одежду. Однако описания боспорских войн оказались лишними для целей сочинения Полиэна .

Сказанное относится и к другим его сообщениям о Боспоре. Писатель рассказал о денежной реформе, в результате которой Левкон получил нужные ему средства, но не о причинах обеднения государственной казны, из- за чего Левкон решился на такой шаг. Сообщая о хитрости этого царя при выявлении и наказании тех, кто задумал свергнуть его с престола, Полиэн не пишет о сути заговора, не говоря уж о конкретных именах заговорщиков, о чем, по всей вероятности, упоминал боспорский автор. В «Стратегемах» описаны хитроумные действия Левкона во время войны (или нескольких войн) с Гераклеей (VI, 3, 4), но не сказано о причинах и ходе этих войн,

как было в оригинале боспорского историка. У Полиэна отсутствует датировка событий, поэтому не ясно, идет ли речь о Левконе Первом или Втором. Большинство исследователей считают героя Полиэна Левконом I [Сапрыкин, 1986, с. 71-74]. Соответственно лежащий в основе боспорский источник, включавший непосредственные наблюдения деятельности царя, следует датировать IV в. до н.э.

Новелла о Тиргатао оказалась единственным сохранившимся образцом подобного жанра фольклора на Боспоре. Сообщения Полиэна о хитроумных поступках царей Левкона и Перисада не несут никаких признаков устного рассказа. Эти сведения восходят к хвалебным сочинениям о царях и записаны их современниками, писавшими по собственным впечатлениям. Поэтому не правы исследователи, называющие новеллами все рассказы Полиэна о Боспоре [Шелов- Коведяев, 1985, с. 121; Русяева, Супруненко, 2005, с. 74- 76].

В своих героях греки ценили не только отвагу и силу, но также смекалку, с помощью которой они побеждали противника. Достаточно напомнить популярного в античности персонажа обширного троянского цикла мифов Одиссея с его постоянным эпитетом хитроумный. Поэтому не случайно в хвалебных сочинениях о боспорских царях авторы рассказывали об их хитроумных уловках в борьбе с внутренними и внешними врагами, а Полиэн имел возможность найти подобные примеры в боспорской истории и включить их в ряд подобных деяний героев из разных частей греческой ойкумены.

Сочинения боспорских историков лежат в основе сведений Диодора Сицилийского о правлении царей династии Спартокидов. Эти известия четко разделяются на две различные по характеру части. С одной стороны, это подробный рассказ о борьбе за власть сыновей Перисада, о победе младшего из них Евмела, о его царствовании и гибели. С другой стороны, в разные главы, датированные годами правления афинских архонтов эпонимов, наряду с прочими событиями включены краткие упоминания о смерти боспорских царей, начиная со Спартока, основателя династии Спартокидов, о количестве лет их царствования и об их наследниках. Таким образом, сохранились бесценные данные о сроках правления царей Спартока I (XII; 31,1; 36,1), Сатира I, Левкона I (XIV, 93, 1), Спартока II, Перисада I (XVI, 36, 1), Евмела и Спартока III (XVII, 100, 7). Кроме того сказано, что первый Спарток пришел к власти после сорокадвухлетнего правления династии Археонактидов. Видимо в основе сведений Диодора лежит боспорская хроника, в которой перечислялись местные правители от времени образования Боспорского царства при Археонактидах в первой половине V в. до н.э. и до конца царствования Спартока III, то есть 284/ 283 г. до н.э. Возможно, в утраченных заключительных главах «Исторической библиотеки» упоминались даты правления следующих Спартокидов.

Важно напомнить, что в боспорских эпиграфических памятниках классического и эллинистического периодов встречаются упоминания, при каких царях сделаны эти надписи (КБН. 6- 11, 76, 77 и др.), но нет более точных указаний определенного года, как в более поздних сохранившихся документах (КБН. 39, 42, 43, 45, 47; 69, 70 и др.). До сих пор, насколько я знаю, ученые не заметили, что записи Диодора о годах вступления на престол и смерти боспорских царей являются сейчас единственным свидетельством о том, что боспоряне издавна точно определяли по годам события своей истории. Как и в других греческих государствах, каждый год носил имя эпонима, и им, скорее всего, по традиции метрополии, был жрец главного храма Аполлона в Пантикапее. Так было, например, в Ольвии [Карышковский, 1978, с. 82-88], которую, как и Пантикапей, основали милетяне.

Обширный рассказ Диодора (XX, 22-24) о борьбе за власть сыновей Перисада, о царствовании и смерти Евмела, а также о предсказаниях оракулов Евмелу и его брату Сатиру восходят к произведениям совсем иного рода. Этот небольшой по времени период боспорской истории освещен весьма неравномерно, что, на мой взгляд, указывает на несколько источников и на их разный характер.

Соратник Сатира II написал сочинение о его непродолжительном царствовании, сопровождавшемся боями с войсками Евмела, который претендовал на боспорский трон и в результате его получил. Подробный рассказ о сражениях, об укрепленном замке, где укрывался Евмел, и об его осаде Сатиром, а также о местности, где происходили битвы, дает основание думать, что это сочинение принадлежит участнику событий. Он также описал похороны царя, гибель его брата Притана, а в заключение дал уничтожающую характеристику жестокости Евмела, умертвившего всех родственников и друзей своих братьев. Публикации подобных воспоминаний об участии в исторических событиях были не редкостью уже в начале эллинистического периода.

Возможно, образцом для труда боспорянина послужил изданный несколькими десятилетиями ранее «Анабасис» Ксенофонта. Ведь это сочинение высоко ценилось в древности; там также очевидец рассказывал о военных действиях и смерти в бою одного из братьев, ставших врагами из- за борьбы за власть. Автор входил в число греческих наемников, сражавшихся против царя Артаксеркса на стороне его брата Кира Младшего, претендо-

вавшего на персидский престол. Ксенофонт рассказал о гибели Кира в 401 г. до н.э. и о вынужденном длительном отступлении греков из окрестностей Вавилона к южному побережью Черного моря. Писатель опубликовал «Анабасис» в ответ на вызвавшие его несогласие воспоминания об этом походе Софайнета, уроженца Аркадии, который был коллегой Ксенофонта в походе греческого войска. Это показывает, что сочинения о военных и политических событиях писали их участники в разных греческих государствах.

Войны Евмела с братьями проходили на азиатской стороне Боспора в 310-309 гг. до н.э. Сатир командовал регулярным боспорским войском, состоявшим из 2000 греческих наемников и 2000 фракийцев, вместе с союзническим войском скифов, в которое входили 20000 пехотинцев и 10000 всадников. Евмел же опирался на войско племени фатеев, предоставленное их царем Арифарном; оно состояло из 20000 пехотинцев и 10000 всадников. Эти круглые крупные цифры вряд ли отвечают действительности, наверное, они преувеличены, как было часто и в других греческих рассказах о разных войнах. Однако, национальный состав воюющих сторон дает хорошее представление о том, что цари набирали армию из дружественных им варваров и греческих наемников, а также о том, как происходили битвы. Вожди становились в центре боевого строя войска и вместе со своим окружением вступали в непосредственную схватку с неприятелем. Так начали воевать Арифарн и Сатир, но последний покинул эту позицию, когда узнал, что наемники не выдержали натиска отряда под командованием Евмела и обратились в бегство. Все же Сатиру удалось победить, вероятно, благодаря его полководческому таланту и действиям скифских воинов. В конце рассказа об этом сражении автор дал высокую оценку боспорского царя: после того, как он разбил неприятельское войско, «всем стало ясно, что он по старшинству происхождения и по храбрости был достоин наследовать царскую власть». Но царствовал он всего девять месяцев.

Евмел и Арифарн с уцелевшими воинами укрылись в неприступном замке на реке Фате. Боспорский историк, наверное по собственным наблюдениям, подробно описал местоположение и укрепления этого замка, а также тактику осады, предпринятой Сатиром. Царь распорядился опустошать окрестности замка и не позволять подвозить туда продовольствие и новых защитников; затем он заставил своих воинов три дня вырубать лес, чтобы проложить дорогу к твердыне неприятеля. По этой дороге боспорское войско подошло к замку, откуда ему навстречу двинулись воины Евмела Начальник наемников Мениск, «отличавшийся умом и храбростью» пошел в наступление, и когда его отряду пришлось отступать, Сатир бросился на помощь, получил раненение в руку и вечером скончался в своем лагере. Поэтому Мениску пришлось снять осаду и вернуться в Пантикапей, куда он привез останки царя. После пышных похорон Сатира его брат Притан провозгласил себя царем. Он возобновил борьбу с Евмелом, но она окончилась поражением и смертью Притана. Захватив власть, Евмел приказал убить родственников и друзей своих братьев, их жен и детей. Спастись удалось лишь одному сыну Сатира, нашедшего убежище у скифского царя Агара. Жестокость Евмела вызвала недовольство многих боспорян. Чтобы завоевать благосклонность своих подданных, Евмел восстановил право пантикапейцев не платить пошлины и пообещал им освобождение от податей.

Известно, что для своего огромного произведения Диодор сокращал сведения своих источников, и это явно касается боспорской истории [Струве, 1968, с. 160]. Поэтому он не записал, какими доводами обосновывал Евмел свое право на боспорский трон при двух живых старших братьях. В результате сокращения появились ошибки и неясности при описании крепости сираков у реки Фат и об ее осаде Сатиром. Пример сокращения боспорского источника хорошо виден в рассказе о том, что после гибели Сатира его полководец Мениск отвел войска к городу Гаргаза. Такой топоним нигде больше не упоминается (может быть, это искаженное наименование города Горгиппии), но очевидно, что город находился на азиатской стороне Боспора. Далее сказано, что отсюда Мениск по реке перевез останки царя в Пантикапей к его брату Притану. На деле же по какой-либо реке на Таманском полуострове можно было достигнуть лишь Керченского пролива, а затем через него переправляться в Пантикапей.

Уничтожающая характеристика Евмела контрастирует с кратким последующим описанием его пятилетнего царствования. О нем рассказано в панегирическом тоне, но без тех живых подробностей, которые присутствовали в повествовании о завоевании престола. Здесь за основу взято сочиненние другого боспорского историка, описавшего достойные похвалы поступки царя. Глава о правлении Евмела у Диодора напоминает обширные почетные ольвийские декреты, изданные после смерти Протогена и Никерата. В этих документах, написанных хорошо образованными ольвиополитами, перечисляются достойные похвалы поступки упомянутых выдающихся граждан (IOSPE I^2. 32, 34). Боспорянин также перечислил достижения Евмела: он расширил границы своего государства, оказывал содей-

ствие многим греческим городам на Черном море, выделил землю для поселения тысячи беженцев из Каллатии. Успешная борьба Евмела с пиратами обезопасила мореходство в юго- западном Причерноморье, за что ему были благодарны соотечественники и все, кто плавал на кораблях по Понту Евксинскому. Царь собирался покорить многие причерноморские варварские племена, но внезапная смерть положила конец осуществлению этого плана. Упоминание о намерениях царя показывает, что о Евмеле писал человек из его ближайшего окружения. Возможно, он произнес надгробную речь на похоронах Евмела, а затем частично включил в свой исторический труд. Образец подобной речи с перечислением заслуг покойного государственного и политического деятеля известен сейчас по надписи конца I – начала II вв. н э., включенной в памятник на пантикапейском некрополе [Сапрыкин 2005, с. 45-81].

Обстоятельства гибели царя в отличие от его благих деяний описаны Диодором достаточно подробно. Евмел спешил из Синдики на какой-то праздник в Пантикапей. Когда лошади понесли его четырехколесную крытую карету, Евмел из за опасности скатиться в обрыв, попытался выпрыгнуть из повозки, но его меч попал в колесо, поэтому быстро несущийся экипаж потащил тело царя, от чего он сразу погиб. Создается впечатление, что в этом эпизоде отражены наблюдения спутников Евмела, рассказы которых о трагическом событии передавались на Боспоре из уст в уста и были записаны местным историком.

Содержание последней главы, посвященной Диодором Боспору, стоит особняком и предоставляет нам любопытные данные о том, что боспоряне, как и другие древние авторы, включали в свои сочинения оракулы. Напомним упоминание Геродота о неоднократном обращении лидийскго царя Креза к Дельфийскому оракулу; последнее предсказание лидийский царь понял неверно, решил, что победит персов, но потерпел сокрушительное поражение и лишился своего царства (Her. I, 91). Боспоряне также рассказывали о неверно понятых предсказаниях оракулов. Так Сатир получил совет остерегаться мыши, поэтому он не разрешал своим подданным носить имена с таким значением, боялся полевых и домашних мышей и приказывал их убивать. Умер же он от раны, нанесенной в мышцу руки (в русском языке слово мышца происходит от слова мышь и является калькой с греческого). Оракул советовал Евмелу опасаться несущегося дома, из-за этого он постоянно проверял прочность крыши и фундамента домов, в которые он входил. Когда же Евмел погиб, выпрыгнув из крытой повозки, которую понесла четверка лошадей, «каждый стал думать, что предсказание сбылось». Таким образом, по мнению боспорян, обоим царям не удалось избежать предопределенной им судьбы. Мысль о невозможности уйти от предназначенной судьбы вообще была характерна для эллинов классического и эллинистического времени, так что она не случайно попала в рассказы о гибели двух боспорских царей.

Итак, по моему мнению, сведения Диодора восходят не к одному панегирическому сочинению о царствовании Евмела, как полагают некоторые исследователи [Яйленко, 1990, с. 298- 299]. Ведь деяниям этого царя посвящено гораздо меньше места, чем описанию войн сыновей Перисада I, где Сатиру уделено гораздо больше внимания, чем Евмелу. В основе сведений сицилийского историка лежат несколько разных источников. В одном содержались записанные в местной хронике годы правления боспорских царей; второе сочинение было посвящено краткому царствованию Сатира II с подробным описанием его войны с братом Евмелом, высокой оценкой царя как достойного наследника престола и упоминанием о его пышных похоронах. Третий источник Диодора представлял посмертный панегирик Евмела. Из него заимствован краткий пересказ основных заслуг царя и его грандиозных планов, а также подробное описание его гибели в 304 г. до н.э. Упомянутые оракулы, наверное, находились в двух последних источниках, и Диодор их выделил как пример суеверия боспорян.

Отрывочные сведения о некоторых фактах боспорской истории у других античных авторов таких, как Страбон (VII, 44), Элиан (Var. Hist. VI, 13), Юстин (Epit. Prolog. XXXII), не дают нам никакого представления о характере трудов местных историков.

В исследованиях ученых укрепилось мнение о том, что боспорские цари уже в IV в. до н.э. держали при дворе своих историографов [Гайдукевич 1949, с. 161-162; Струве, 1968, с. 172; Русяева, Супруненко, 2005, с. 135]. Но у нас нет для такого предположения достаточных оснований потому, что это не было характерным явлением для классического и раннеэллинистического времени. Тогда историки писали не по оплачиваемому заказу, а по собственному призванию, заполняя таким образом свой досуг; ведь занятия литературой, философией, естествознанием и другими науками было характерно для античных интеллектуалов, о чем говорили Аристотель (Nic. Et. X, 7) и Ксенофонт (Symp. IV, 44), блестяще подтверждая это своими трудами на разные темы.

Античные историки освещали события с определенных политических позиций, которые придавали их повествованию тенденциозный характер. Яркий пример лаконофиль-

ские взгляды в произведениях Ксенофонта, но это был его собственный выбор, а не заказ спартанских царей. Греческих историков занимали главным образом политические и военные события, движущими силами которых они считали правителей государств, полководцев и вообще выдающихся личностей. Поэтому неслучайно почти все, что известно о содержании сочинений боспорских историков, связано с деятельностью местных царей. О них писали образованные люди из их ближайших соратников; они принадлежали к состоятельным семьям, имевшим возможность дать сыновьям хорошее гуманитарное образование. Оно в частности давало навыки сочинения прозаических произведений и прививало привычку посвящать свой досуг интеллектуальным занятиям. Эти боспоряне восхваляли деяния своих покровителей и резко осуждали их противников, что можно проследить в записях Диодора о Сатире и Евмеле.

В античной литературе имеется свидетельство об одном высокообразованном боспорянине, способном профессионально написать историческое сочинение. Это сын Сопея (его собственное имя не известно), богатого влиятельного вельможи из ближайшего окружения царя Сатира I. Отец отправил молодого человека в Афины, где тот в начале IV в. до н.э. наряду с коммерческой деятельностью занимался в риторической школе знаменитого оратора Исократа (Isocr. Or. XVII; Dion. Hal. Isocr. 18). Среди его учеников в разное время были прославившиеся в дальнейшем ораторы Исей, Ликург и Гиперид, а также историки Андротион, Эфор и Феопомп. Вступив в тяжбу с богатейшим афинским банкиром Пасионом, Сопеид попросил Исократа написать ему убедительную обвинительную речь. Она сохранилась в рукописях произведений Исократа, благодаря чему теперь известно о торговой деятельности Сопеида, о высоком положении его отца при царском дворе и о письме Сатира в афинский суд в поддержку своего соотечественника [Скржинская, 1998, с. 163- 168]. Будучи современником Сатира I и Левкона I, Сопеид мог написать сочинение об их царствовании и о придворных интригах, одну из которых, связанную с клеветой на его отца, он бегло упомянул в своем выступлении в афинском суде.

Сочинения по гуманитарным наукам в древности рассчитывали на их устное чтение. Авторы исторических очерков, вероятно, читали их своим друзьям во время вечерних застолий или на лекциях в гимнасиях, а рукописи своих трудов передавали в городские библиотеки. Первые такие библиотеки появились при гимнасиях [Блаватская, 1983, с. 308-310]. На Боспоре гимнасии существовали не только в столице Пантикапее (КБН. 129), но и во всех более или менее крупных городах; документально о них и их руководителях гимнасиархах известно в Фанагории, Горгиппии и Танаисе (КБН. 983, 991, 1137, 1140, 1263, 1264 и др.). В библиотеке гимнасия гражданин, интересовавшийся прошлым своего государства, мог не только прочесть литературные и научные произведения местных авторов, но и использовать их для своих исторических сочинений, в которых ссылки на предшественников были совсем не обязательны. Так в разное время появлялись обобщающие очерки боспорской истории; ими пользовались авторы сочинений, легших в основу сведений Диодора и Полиэна, а на основании другого более позднего труда Помпей Трог в начале I в. н.э. написал очерк об истории Боспора вплоть до воцарения Митридата Евпатора. К сожалению, сейчас известен лишь факт существования такого очерка в составе тридцать седьмой книги всеобщей истории Помпея Трога (Iust. Epit. Prolog. XXXII).

Декрет в честь Сириска (IOSPE I². № 344) свидетельствует о развитии исторической мысли в Херсонесе в первой половине III в. до н.э., а выписки в последней главе трактата Константина Багрянородного [Константин Багрянородный, 1989, с. 246-275] показывают, как херсонесские историки описывали события в римское время. Большая часть того, что мы знаем сейчас о содержании этих произведений, посвящена отношениям с Боспором, в основном войнам и описанию побед херсонеситов. По всей вероятности, боспорские историки совсем иначе трактовали отношения своей родины с Херсонесом, однако от их трудов ничего не сохранилось.

Анализ сведений о сочинениях боспорских историков приводит к выводу, что они пользовались тем же арсеналом источников и художественных средств, которые были выработаны в V в. до н.э. и развиты в более поздних исторических трудах. Местные авторы знакомились с документами и хрониками, которые в Северном Причерноморье, как и в других греческих городах, находились в государственных архивах и в главных храмах. Подобно Геродоту и Фукидиду, они черпали большую часть своих сведений из собственных наблюдений и рассказов очевидцев, а также из исторических новелл, складывавшихся вскоре после изложенных в них событий. Как и многие греческие и римские авторы, местные историки включали в свои труды оракулы и предсказания.

Подводя итог анализа уцелевших античных письменных источников о Боспорском царстве, можно сказать, что сейчас нам известно лишь о содержании некоторых трудов местных историков конца V-IV вв. до н.э. и о наличии обобщающих исторических со-

чинений эллинистического времени. Не окажись выписок из произведений херсонеситов в приложении к трактату Константина Багрянородного «Об управлении империей», мы бы ничего не знали о херсонесских историках римского времени и об их сочинениях, посвященных отношениям их родины с Боспором. Есть все основания полагать, что боспорская историография продолжала существовать и в первые века нашей эры. Ведь разнообразные эпиграфические и прочие археологические находки свидетельствуют, что в культурном плане Боспор развивался в том же русле, что и другие греческие государства.

Биккерман Э. Хронология древнего мира. – Москва, 1975. – 336 с.

Блаватская Т.В. Из истории интеллигенции эллинистического времени. – Москва, 1983. – 325 с.

Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. – Москва, Л., 1949. – 623 с.

Карышковский П.О. Ольвийские эпонимы // ВДИ. 1978. № 2. – С. 82–88.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст. Перевод. Комментарии. – Москва, 1989. – 495 с.

Ростовцев М.И. Амага и Тиргатао // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей.– Т. 32. – Одесса, 1915. – С. 40–65.

Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. – Петроград, 1925. – 621 с.

Русяева А.С., Супруненко А.Б. Исторические личности эллино–скифской эпохи.– К., 2003.– 319 с.

Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. – Москва, 1986. – 248 с.

Сапрыкин С.Ю. Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II вв. н.э. // ВДИ.– 2005. № 2. – С. 45–81.

Скржинская М.В. Скифия глазами эллинов. – СПб., 1998. – 295 с.

Струве В.В. Древнейший историк СССР // Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. – Ленинград, 1968. – С. 147–200.

Фролов Э.Д. Факел Прометея. – Ленинград., 1981. – 160 с.

Шелов–Коведяев. Ф.В. История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. – Москва, 1985. – С. 5–187.

Яйленко В.П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм. Экономика, политика, культура. – Москва, 1990. – С. 249–309.

М.В. Скржинська

РОЗВИТОК ІСТОРІОГРАФІЇ В БОСПОРСЬКОМУ ЦАРСТВІ

У статті на грунті вивчення праць Діодора Сицілійського та Поліена виділені сюжети творів кількох боспорських істориків. Вони були громадянами із заможних родин, одержали добру гуманітарну освіту і присвячували дозвілля написанню творів з історії своєї країни. Одні з них були сучасниками описуваних подій і вели розповідь за власними враженнями і свідченнями очевидців, інші писали узагальнюючі праці з політичної та воєнної історії Боспора.

Ключові слова: Боспор, Діодор Сіцілійський, історики, політична та воєнна історія.

M.V. Skryjinskaya

THE DEVELOPMENT OF HISTORIOGRAPHY AT BOSPORAN KINGDOM

That are allocated the themes of works of Bosporus historians on the basis of study of the works of Diodorus the Sicilian and Polyaenus at the article. They were citizens of affluent families which had received a good humanitarian education and devoted their leisure time to writing of essays about the history of their country. Some of them were contemporaries of the events described on and waged a story on their own experience or testimony of witnesses, the others were written the summarizing works concerning a political and military history of the Bosporus.

Keywords: Bosporus, Diadorus the Sicilian, historians, political and military history.

Одержано 8.10.2014

УДК 904.5 (470.61) «652»

В.П. Копылов

НАДГРОБИЯ ИЗ ЕЛИЗАВЕТОВСКОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО КОМПЛЕКСА

В работе впервые анализируются все погребальные надгробия, происходящие из Елизаветовского культурно-исторического комплекса и определяется их хронология. Отмечается, что эллинское население проживало в скифском городище и было довольно представительным уже в первой половине IV в. до н.э.

Ключевые слова: Елизаветовский могильник, антропоморфное надгробие, боспорская колония, греческий некрополь, стела, сакральный комплекс.

Во время одной из наших последних встреч с Валентиной Крапивиной, мы показали ей рисунки надгробий, происходящих из материалов Елизаветовского городища и его могильника и, попросили её прокомментировать отдельные экземпляры. После того, как Валентиной Владимировной были высказаны довольно интересные замечания о хронологии и характере данной категории археологических источников, она мягко, но уверенно, как она умела, порекомендовала оперативно ввести весь комплекс этих находок в научный оборот. И нам ничего не оставалось, как пообещать выполнить её рекомендацию. Однако работа затянулась, поскольку, реформа высшего профессионального образования, которая проводится в России, не способствует развитию науки в университетах. Но неудовлетворённость от того, что не выполнил обещания, данного Валентине, преследовала нас и данной работой в сборнике, посвящённом памяти этой замечательной исследовательницы и прекрасного человека мы, хотя и с запозданием, выполняем обещание, данное Валентине Владимировне Крапивиной.

© В.П. КОПЫЛОВ, 2015

Коллекция надгробий и антропоморфных изваяний, происходящих из материалов Елизаветовского городища и его могильника немногочисленна и все они хранятся в Ростовском музее краеведения. Из них, одно относится к надгробному рельефу (рис. 1), второе к погребальной стеле с постаментом (рис. 2, *1, 2*) и ещё два к антропоморфным изваяниям (рис. 2, *3, 4*).

Наиболее информативным является рельефное надгробие с изображением погребального пира (рис. 1). В 1932 году на территории огорода, который располагался на месте Елизаветовского историко-культурного комплекса, колхозником Е.С. Панченко была открыта надгробная плита с рельефным изображением, которая была доставлена в Ростовский музей [Лунин, 1933, с. 56-57]. Как нам удалось установить, огород Е.С. Панченко находился в северной части хутора Городища, где в 2009-2010 годах Южно-Донской экспедицией Научно-методического центра археологии ЮФУ были открыты погребения греческого некрополя [Копылов и др. 2012, с. 123-128].

Мраморная плита прямоугольной формы имеет размеры 0,52 х 0,35 м. В центре нижней части рельефного надгробия, плита имеет выступ для вставки в паз базы постамента. Особо отметим, что поверхность рельефа носит следы длительного пребывания на открытом воздухе, где она подвергалась воздействию атмосферных явлений, что привело к некоторой сглаженности рельефных изображений. Это позволяет говорить о том, что рельефное

Рис. 1. Надгробный рельеф. *1* – фотография; *2* – рисунок

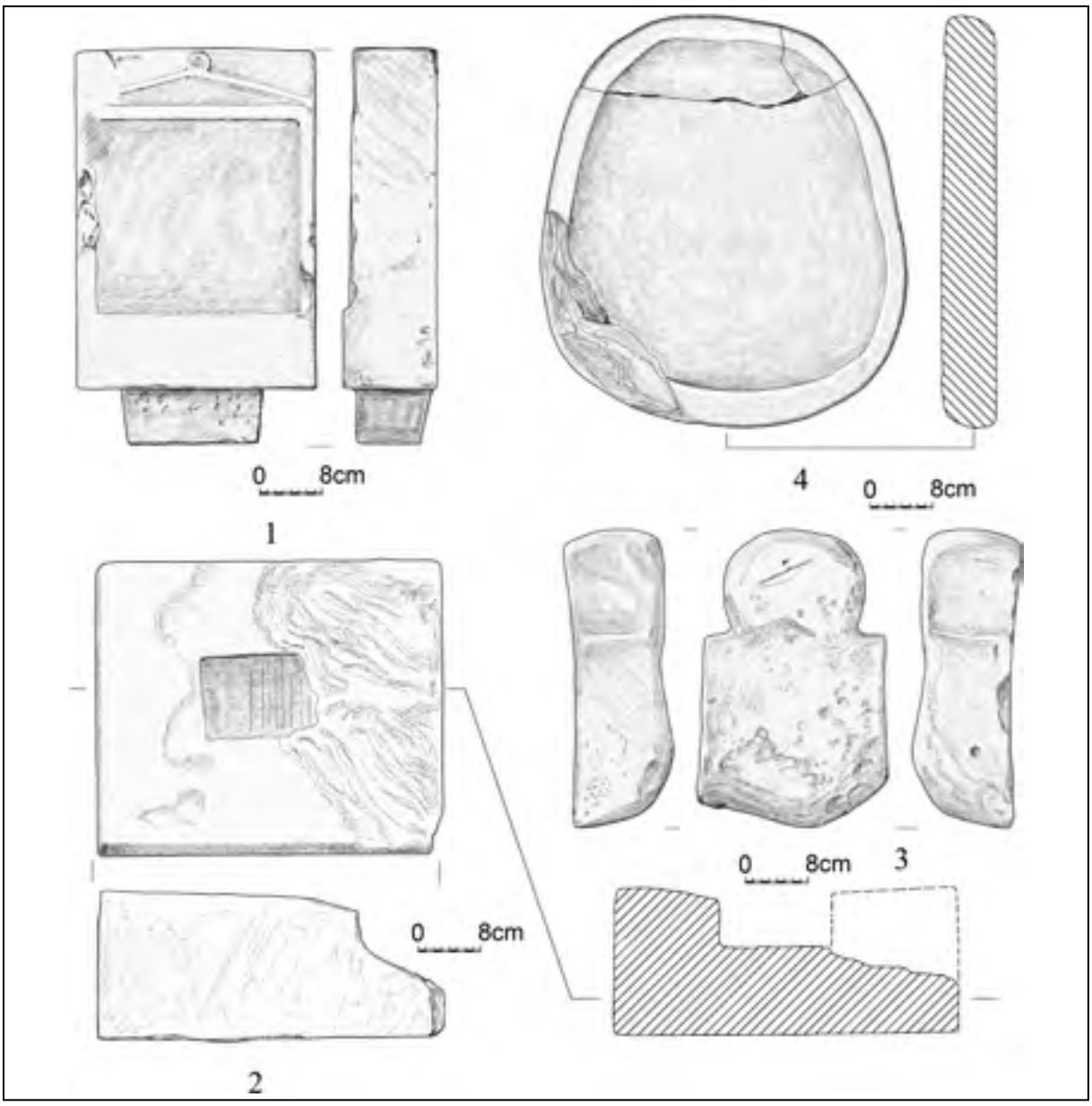


Рис. 2. *1* – надгробная стела; *2* – постамент стелы; *3* – антропоморфное изваяние; *4* – надгробие. Рисунки и фото надгробий выполнены Н. Беспаловой

надгробие было использовано по назначению и было установлено на могиле знатного жителя Елизаветовского городища. На плите изображена сцена погребального пира: возлежащий на ложе мужчина и сидящая у него в ногах женщина являются основными фигурами рельефа, а остальные пять человеческих фигур и изображение собаки носят второстепенный характер. Об этом свидетельствует тот факт, что фигуры мужчины и женщины, а также сопровождающие их предметы изображены более крупным планом, чем все другие фигуры и предметы. С левой стороны рельеф ограничен боковой пилястрой с выраженной капителью, которая поддерживает антаблемент. Сохранность правой части края надгробия не позволяет чётко определить изображение деталей в этой части рельефа. Первый исследователь, опубликовавший елизаветовский рельеф, датировал его «…примерно V–IV в. до н.э.», а профессор М.И. Максимова, тогда же отметила, что форма рельефа, детали обрамления и общий стиль, указывают определённо на IV в. до н.э., а «…некоторые подробности говорят за первую половину этого века» [Лунин, 1933, с. 63]. Действительно, характер изображений, композиционное решение и предметы, сопровождающие участников погребального пира, позволяют согласиться с мнением М.И. Максимовой и отнести елизаветовский надгробный рельеф к IV в. до н.э.

Тем самым ещё раз подтверждаются наши наблюдения, о более значительном контингенте эллинского населения, которое проживало в скифском городище. Об этом также, однозначно свидетельствует, открытый недавно крупный эллинский сакральный комплекс, сооружённый в наиболее высокой части «акрополя» варварского центра ещё в первой половине IV в. до н.э. [Копылов, Коваленко, 2012 с. 96-98].

Находка боспорской надгробной стелы {ЕГ-82, XVI-215}, вместе с базой {ЕГ-82, XVI-214}, обнаруженных в цоколе одного из домов большой греческой колонии [Марченко, 1984, с. 130] также подтверждает существование греческого некрополя на территории Елизаветовского могильника. Стела, изготовленная из известняка, имеет прямоугольную форму с выступом для вставки в базу постамента и увенчана рельефным фронтоном с одним центральным стилизованным акротерием (рис. 2, *1*). Большую часть плиты занимает квадратное неглубокое поле, имеющее чёткие границы, которое, очевидно, служило для размещения в нём рельефного изображения или плиты с надписью. На левом и правом краях поля имеются сколы. Постамент стелы прямоугольной формы, имеет довольно глубокий паз, предназначенный для выступа стелы (рис. 2, *2*). Правая часть постамента повреждена. Нет сомнений, что стела и постамент принадлежат одному надгробному памятнику, которые были вторично использованы в качестве строительного материала при сооружении цоколя дома [Марченко, Житников, Копылов, 2000, с. 256. табл. 72. рис. 114].

Точно определить дату данного надгробного памятника, воздвигнутого над могилой умершего жителя Елизаветовского городища, достаточно сложно. Однако, обнаружение его в цоколе дома большой греческой колонии, уже позволяет достаточно уверенно отнести её изготовление и использование по назначению ко времени, предшествующему возведению строительных комплексов боспорской колонии, основание которой сегодня надёжно датируется последним десятилетием IV в. до н.э.

Два антропоморфных надгробия были открыты в курганах Елизаветовского могильника и были обнаружены в центральной части их насыпей.

Следует указать, что хронология боспорских антропоморфных надгробий довольно подробно была разработана в типологической классификации в работах Н.В. Молевой [Молева, 1986, с. 6-12; Молева, 2010, с. 148-162].

Елизаветовское антропоморфное надгробие {ЕМ-54 РОМК 1188 № 55}, было открыто В.П. Шиловым в центральной части насыпи кургана № 1, располагавшегося в восточной группе курганов могильника [Шилов, 1959, с. 16, рис. 2, 12]. Рассматриваемое надгробие, изготовленное из известняка, представляет собой погрудное изваяние с большой округлой головой, резко переходящей в узкие плечи (рис. 2, 3). Лицевая и боковые стороны изваяния обработаны довольно тщательно, задняя – суммарно, нижняя часть антропоморфного надгробия слегка скруглена. Вероятно, данное надгробие следует связать с погребением, открытым в этом кургане и, особо следует отметить, что среди антропоморфных надгробий, происходящих из Недвиговского некрополя, подобных изваяний нет [Шелов, 1970, с. 138-139.]

По классификации Н.В. Молевой антропоморфное надгробие из кургана № 1, можно отнести к I типу, варианту «а», который появляется на Боспоре в IV в. до н.э. [Молева, 1986, с. 7]. Следующее надгробие {81 ЕП – 54 к. 2} происходит также из раскопок В.П. Шилова [Шилов, 1959, с. 16]. Оно было обнаружено в центральной части насыпи кургана № 2 в группе «Пять братьев». Надгробие, изготовленное из светлого песчаника, представляет собой изваяние в форме человеческой головы (рис. 1, 4). На его лицевой части имеется овальное неглубокое поле, ограниченное едва намеченным плоским валиком, имеющим чёткие границы. Лицевая часть

надгробия обработана тщательно, в правом верхнем углу имеются сколы. В кургане № 2 было открыто одно ограбленное погребение, в котором находились: сероглиняный канфар и целая краснофигурная пелика с изображением на лицевой части, борьбы конной амазонки с греком, а на другой стороне – сцены у жертвенника [Шилов, 1959, с. 14; 23, рис. 2, 11: а, б]. Греческая импортная керамика позволяет датировать погребальный комплекс в кургане № 2, временем не позже середины IV в. до н.э. Следовательно, и надгробие, обнаруженное в центральной части насыпи этого кургана, можно также датировать этим временем.

В заключение отметим, что все надгробия Елизаветовского историко-культурного комплекса относятся к IV в. до н.э., и датируются временем, предшествующим появлению на месте, покинутого населением, скифского городища Большой греческой колонии. Само присутствие греческих надгробий, свидетельствует о том, что начиная с первой половины IV в. до н.э. в составе Елизаветовского могильника присутствуют захоронения греков, которые проживали в скифском городище и численность их была значительно представительнее, чем это представлялось нам раньше.

Копылов В.П., Андрианова Н.В., Коваленко А.Н., Меньшикова В.А, Сердюкова О.В. Раскопки грунтового некрополя Елизаветовского могильника в 2010 году // Историко–археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2010 г. – Вып. 26. – Азов, 2012. – С. 123–128.

Копылов В.П., Коваленко А.Н. Храмовый комплекс Елизаветовского городища на Дону (предварительное сообщение) // Древности Северного Причерноморья III – II вв. до н.э. – Тирасполь, 2012. – С. 96 – 100.

Лунин Б.В. Рельеф с изображением «погребального пира» из Елисаветовского городища (дельта р. Дон) // Советское краеведение на Северном Кавказе. Второй сборник краеведческих материалов. – Ростов-на-Дону, 1933. – С. 56 – 65.

Марченко К.К. Греческий эмпорий на территории Елизаветовского городища // АО–1982. – Москва, 1984. – С. 130–131.

Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П. Елизаветовское городище на Дону // Pontus Septentrionalis II. Танаис 2. – Москва, 2000. – 281 с.

Молева Н.В. Антропоморфные памятники Боспора / Автореферат диссертации уч. степени к.и.н. – Ленинград, 1986. – 18 с.

Молева Н.В. Боспорские антропоморфные надгробия с греческими надписями в лапидарной коллекции Керченского музея // Из истории античного общества. – Выпуск 13. – Нижний Новгород, 2010. – С. 148 – 163.

Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э. – Москва, 1970. – 251 с.

Шилов В.П. Раскопки Елизаветовского могильника в 1954 и 1958 годах // ИРОМК. – № 1 (3). – ИРУ, 1959. – С. 13 –28.

В.П. Копилов

НАГРОБНІ ПЛИТИ З ЄЛИЗАВЕТІВСЬКОГО ІСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО КОМПЛЕКСУ

У статті вводяться до наукового обігу всі надгробні плити скіфо-античного часу, що походять з Єлизаветівського могильника. Оскільки грецький некрополь був виявлений на дворах мешканців хутіра Городища, що лежить на схід від північно-східного кута грецького земляного некрополя, що розкопувався експедицією раніше. Стало ясно, що кам`яні надгробки пов`язані з похованнями еллінів, які мешкали на Єлізаветівському городищі. Всі ці надгробки в результаті їх аналізу відносяться до IV ст. до н.е. Це ж можна сказати і про антропоморфні надгробки, що були знайдені у курганах, розташованих у східній групі курганного могильника і датуються першою половиною IV ст. до н.е. Комплексний аналіз наявних археологічних даних дозволяє з великою часткою вірогідності твердити, що еллінське населення були широко представлене серед мешканців скіфського городища вже у першій половині IV ст.. до н.е. Слід особливо відзначити, що всі надгробки датуються періодом до виникнення Великої грецької колонії, яка була заснована Боспором на місці Єлізаветівського городища.

Ключові слова: надгробні плити, Єлизаветівський могильник, елліністичне населення.

V.P. Kopylov

GRAVESTONES FROM ELIZAVETOVSKOYE HISTORICAL-CULTURAL COMPLEX

This paper deals with introduction into scientific use of all the gravestones of the Scythian-Antique times coming from Elizavetovskoe grave field. Since a Greek necropolis had been found on the territory of the backyards of the Gorodishe Khutor population, that lies east of the north-east corner of the outer defensive earthworks, it became clear that the gravestones are connected with the burials of the Hellenes that had been living in Elizavetovskoye gorodishe. ll the gravestones under analysis date to the 4th century BC, yet the anthropomorphic ones were found in the burial mounds that are located in the Eastern group of the grave field and date to the first half of this century. Complex analysis of the available archaeological data enables to state with a great deal of certainty that the Hellenistic population was widely represented among the population of the Scythian gorodishe already in the first half of the 4th century BC. It is particularly noted that all the gravestones are dated to the period prior to foundation of the Big Greek Colony that was founded by Bosporus on the place of Elizavetovskoye gorodishe.

Keywords: gravestones, Eliszavetovsk grave field, Hellenistic population.

Одержано 24.09.2014

УДК 904.22 (477.75) «652»

М.В. Новиченкова

ДЕТАЛИ ОВАЛЬНОГО ЩИТА *SCUTUM* ПОЗДНЕРЕСПУБЛИКАНСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ СВЯТИЛИЩА У ПЕРЕВАЛА ГУРЗУФСКОЕ СЕДЛО

Из археологических раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло 1981–1993 гг. происходят находки деталей нескольких римских щитов, датируемых I в. до н.э. – I в. н.э. В данной публикации будут рассмотрены детали наиболее раннего из найденных в святилище щита Scutum, относимого к республиканской эпохе.

Ключевые слова: римское защитное вооружение, республиканский период, щит Scutum, святилище, Горный Крым.

Святилище у перевала Гурзуфское Седло, открытое на Главной гряде Крымских гор три десятилетия назад, до настоящего времени является единственным в Северном Причерноморье археологическим памятником, представляющим полный комплекс римского наступательного и защитного вооружения, предметов лагерного быта эпохи поздней Республики и ранней Римской Империи. Благодаря неразграбленности святилища в античное время, на раскрытой площади в 2400 м^2 было выявлено более 600 единиц и несколько тысяч фрагментов предметов, представляющих группы римского военного снаряжения. Почвенно–климатические особенности высокогорья обусловили хорошую сохранность находок из металла. Наряду с масссовостью комплекса, особо ценным для изучения римского вооружения явилось датировние материала первой половиной I в. до н.э. – I в. н.э. Находки предметов римского вооружения позднереспубликанского периода в Европе относятся к числу единичных, а иконографические данные, представляющие внешний вид и вооружение римского солдата республиканского времени, дошли до нашего времени, в основном, по монументам, где самыми известными являются рельефы Гнея Домиция Агенобарба, Эмилия Павла, надгробне центуриона Минуция из Падуи [Bishop, Coulston 2006, p. 48, 50, fig. 19, 20].

© М.В. НОВИЧЕНКОВА, 2015

Предметы римского вооружения позднереспубликанского периода из раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло происходят из культурного слоя позднеэллинистического периода (II – середина I вв. до н.э.). Ряд предметов также был выявлен в переотложенных слоях, образованных расчисткой жертвенной площадки и смещением напластований на периферийные участки при создании нового ритуального комплекса на рубеже нашей эры [Новиченкова 2002, с. 23]. Спецификой памятника является обнаружение, в ряде случаев, фрагментов или деталей одного и того же предмета как в непотревоженном слое, так и в перемещенных и смешанных слоях одновременно, иногда на значительном расстоянии друг от друга. К числу таких находок относится выявление в 1983 и 1985 гг. в позднеэллинистическом и смешанном слоях предметов, по конструктивным особенностям относимых к деталям одного щита. Это бронзовые посеребренные умбон, продольное ребро [Новиченкова 1998, с. 54, рис. 3–1,5; Новиченкова 2002, с. 79, 82, рис. 36], бронзовые посеребренные накладные пластины на продольные ребра и плоскость щита, бронзовый посеребренный край оковки щита, железная ручка щита.

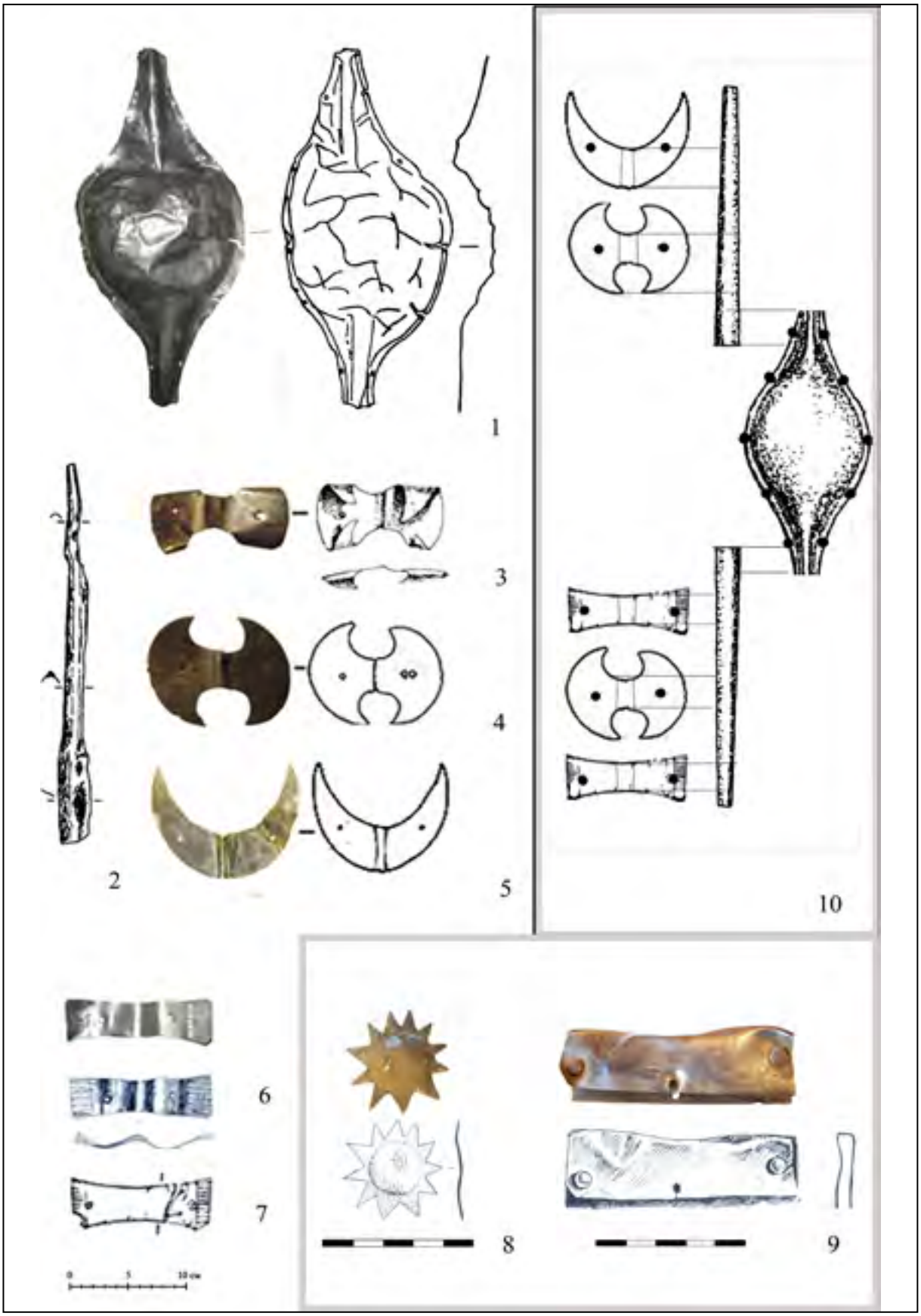


Рис. 1. Детали щита Скутум из раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло; бронза, посеребрение (*1* – умбон, *2* – ребро, *3-7* – накладные пластины на ребра щита, *8* – декоративная накладная пластина в форме звезды на плоскость щита, *9* – деталь оковки края щита), *10* – реконструкция центральной части щита

1. Умбон (umbo) (рис. 1, *1*). Предмет овальной формы, полый, с выступами в верхней и нижней частях для продольных ребер щита. Кант по внешнему краю шириной 0,6 см. Десять отверстий на внешнем канте (по пять попарно с каждой стороны). Деформация в центральной части умбона. Бронза, посеребрение. Размеры: 37*12 см. ГС 1983, 10Л 265–363, поверхность слоя светлой глины с костями. Ко 152.

2. Ребро (spina) (рис. 1, *2*). Предмет вытянутой формы, сужающийся к одному краю, подтреугольный в разрезе в центре, дугообразный в разрезе у вершины. Без отверстий для крепления. Бронза, посеребрение. Размеры: 36*3 см. ГС 1984, 10Л, поверхность слоя светлой глины с костями.

3, 4. Накладные пластины в форме лабриса (labris) (рис. 1, *3, 4*). Предметы в виде пластин в форме лабриса с продольными подтреугольными углублениями в центральной части, с двумя отверстиями для крепления, по одному с каждой стороны. Бронза, посеребрение. Размеры (1): 8,5*10,5 см. Концы одной пластины деформированы. Ширина перемычки в средней части – 2,7 см. ГС 1985, 10М722. Ко 270. Размеры (2): 8,4*12 см. ГС 1990. Подъемная находка на поверхности квадрата 10Л. Ко 616.

5. Накладная пластина в форме лунницы (lunula) (рис. 1, *5*). Предмет в виде пластины в форме лунницы, с продольным подтреугольным углублением в центральной части, с двумя отверстиями для крепления, по одному с каждой стороны. Бронза, посеребрение. Размеры: 10,2*12,2 см. ГС 1983, 10Л 049, поверхность слоя светлой глины с костями, в скоплении жертвенника, ко 804.

6, 7. Накладные пластины с перфорированными краями (одна из двух фрагментов) (рис. 1, *6, 7*). Пластины прямоугольной формы с вертикальными волнообразными краями, образованным горизонтальными полосами, с продольным подтреугольным углублением в центральной части. с двумя отверстиями для крепления. Бронза, посеребрение. Размеры (1): 3*10 см. ГС 1983, 10Л879, слой светлой глины с костями, ко 792; ГС 1985, 10М, восточная часть участка, подьемная находка на поверхности квадрата. Ко 476. Размеры (2): 3*10 см. ГС 1985, 10М351, темный слой с золой и пережженными костями, ко 272.

8. Край оковки щита (рис. 1, *9*). Бронза, посеребрение. Предмет прямоугольной формы, в форме скобы в разрезе, с тремя отверстиями для крепления, двумя гвоздиками–заклепками. Деформирован. Бронза, посеребрение. Размеры: 7,7*2,1* см. Расстояние между креплениями 3,5 см. ГС–85, 10М525, ПО 21–34, ко 299.

9. Декоративная накладка в форме звезды (рис. 1, *8*). Бронза, посеребрение. Размеры: 3,5*3,5 см. ГС–85, 10М449, ПО 21–101, ко 298.

10. Ручка щита (рис. 3). Железо. Предмет прямоугольной формы, с ссужающимися концами, с двумя отверстиями для крепления деревянной рукояти/деревянных накладных пластин. Концы деформированы. Размеры: 25,7*1,5*0,5 см, без скоб – 18,5*1,5*0,5 см. ГС–85, 10М486, ПО 21–47, ко 300.

Находки деталей щита из раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло дают возможность реконструировать его внешний вид и определить высоту. Ширина продольных подтреугольных углублений в накладных пластинах соответствует ширине и изгибу продольного ребра щита. Так, лунница с наименьшей шириной центрального углубления должна была размещаться у края ребра. Конструктивные особенности умбона, продольного ребра и пластин, например, такие как наличие или отсутствие отверстий для крепления, позволяют воссоздать структуру центральной защитной части щита (рис. 1, *10*). Ребра заглублялись в пазы умбона на 5–6 см каждый и фиксировались с помощью креплений умбона. Основная, видимая, часть и край каждого ребра закреплялись на поверхности щита с помощью креплений накладных пластин. С учетом уменьшения высоты за счет заглубления ребер щита в пазы умбона, а также учитывая размеры краев оковки щита, общая высота данного щита *Scutum* должна была составлять 3,5 римских фута (103,5 см) – в данном случае – 1, 02–1,05 м (рис. 2).

Форма щита. Конструкция центральной части щита характерна для овальных щитов Скутум. Выявление единственной бронзовой посеребренной детали края оковки щита прямой формы не является свидетельством для суждения о другой форме щита. Небольшие размеры данной детали края оковки позволяют предположить ее размещение в прямой боковой части щита в качестве составного элемента перехода к закруглению в верхней или нижней частях щита. Косвенным свидетельством этому являются находки конструктивно сходных деталей оковки краев других римских щитов из раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло (рис. 4, *1–3*) – фрагмента бронзовой закругленной детали оковки края щита с двумя креплениями (сохранившаяся длина 4,8, высота –1,8 см, расстояние между креплениями также 3,5 см) (рис. 4, *1*), железной прямой боковой детали оковки края щита с одним креплением (сохранившаяся длина 12,6 см) (рис. 4, *2*), железной овальной детали края оковки щита с низким бортом, с двумя отверстиями для крепления (рис. 4, *3*). Пол-

Рис. 2. Щит Скутум из раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло. Реконструкция

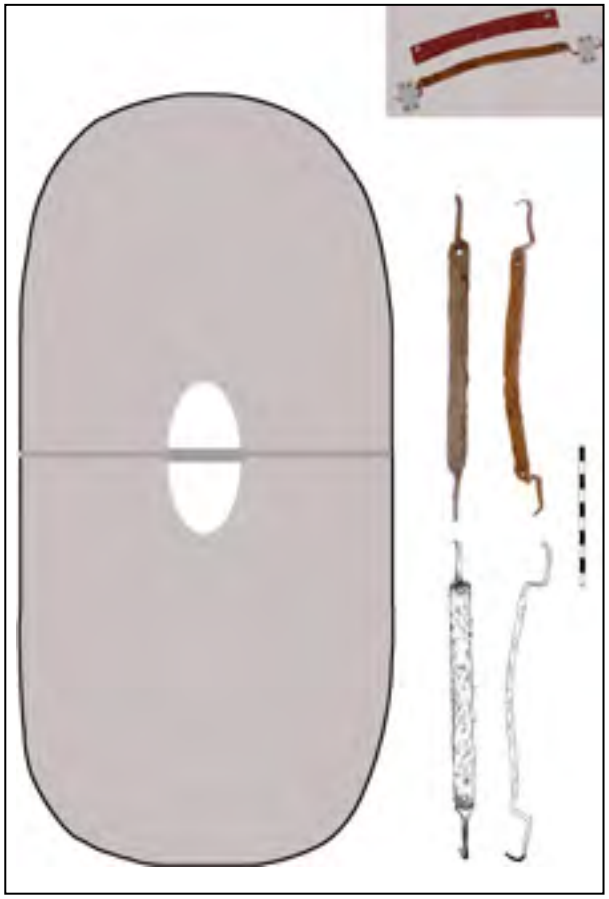


Рис. 3. Реконструкция внутренней стороны щита. Ручка щита с двумя отверстиями; железо

ная работа по деталям римских щитов из раскопок святилища готовится к публикации.

Римский щит *Scutum* – кельтского происхождения [Sekunda 1996, p. 4]. Применение конструкции из овального умбона и продольных ребер характерно для овальных щитов *Scutum* изогнутой формы, известных на вооружении римской армии уже со II в. до н.э. [Bishop, Coulston 2006, p. 20; Connolly 1975, p.18], являясь традиционной и основной формой щита римского легионера в эпоху Республики [Cowan 2003, p.27]. Полибий описывает республиканский римский щит в 4 римских фута высотой (1,18 м), 2,5 фута шириной (0,74 м), изогнутой формы, изготовленный из двух деревянных досок, обтянутых грубой тканью и телячьей кожей [VI, 23]. Вес щита *Scutum* составлял около 10 кг [Connolly 1975, p. 18].

Самым ранним изображением римских легионеров с щитами *Scutum* является монумент Эмилия Павла в Дельфах, посвященный его победе над македонцами при Пидне 22 июня 168 г. до н.э. (рис. 4, *4*). На изображении щит овальной формы с овальным умбоном и длинным вертикальным ребром [Connolly 1975, p.18]. Изображение таких же щитов *Scutum* представлено и на рельефе алтаря Гнея Домиция Агенобарба из Лувра, датируемого временем ок. 100 г. до н.э. [Bishop and Coulston 1993, 49, fig. 19; Connolly 1975, 34, fig.1] (рис.4–5).

Археологически на данный момент выявлено несколько находок овальных щитов *Scutum*. Это щит из Хьортспринга, III–II вв. до н.э. [Eichberg 1987, 224], щит из Казр–эль–Харита, Фаюм [Bishop and Coulston 1993, 58, fig. 28; Eichberg 1987, Taf. 1; Nabbefeld 2008, Taf.1.1], II в. до н.э. [Nabbefeld 2008, 131–132] или второй половины I в. до н.э. [Eichberg 1987, 224, Taf.1.1], три щита из Ла Тен, датируемые 100 г. до н.э. [Eichberg 1987, 224]. Находки отдельных умбонов от овальных щитов *Scutum* V в. до н.э. происходят из Гуальдо Тадино, Перуджа [Eichberg 1987, 225, Taf. 2a; Nabbefeld 2008, 228, Taf. 66–522], IV в. до н.э. из Дорнберга [Eichberg 1987, 225].

На поверхности позднеэллинистического слоя, рядом с деталями щита *Scutum,* были выявлены бронзовая посеребренная деталь сигнума в форме лунницы (lunula) первой половины I в до н.э. с элементом крепления, являющаяся первой археологически засвидетельствованной находкой лунницы, как дета-

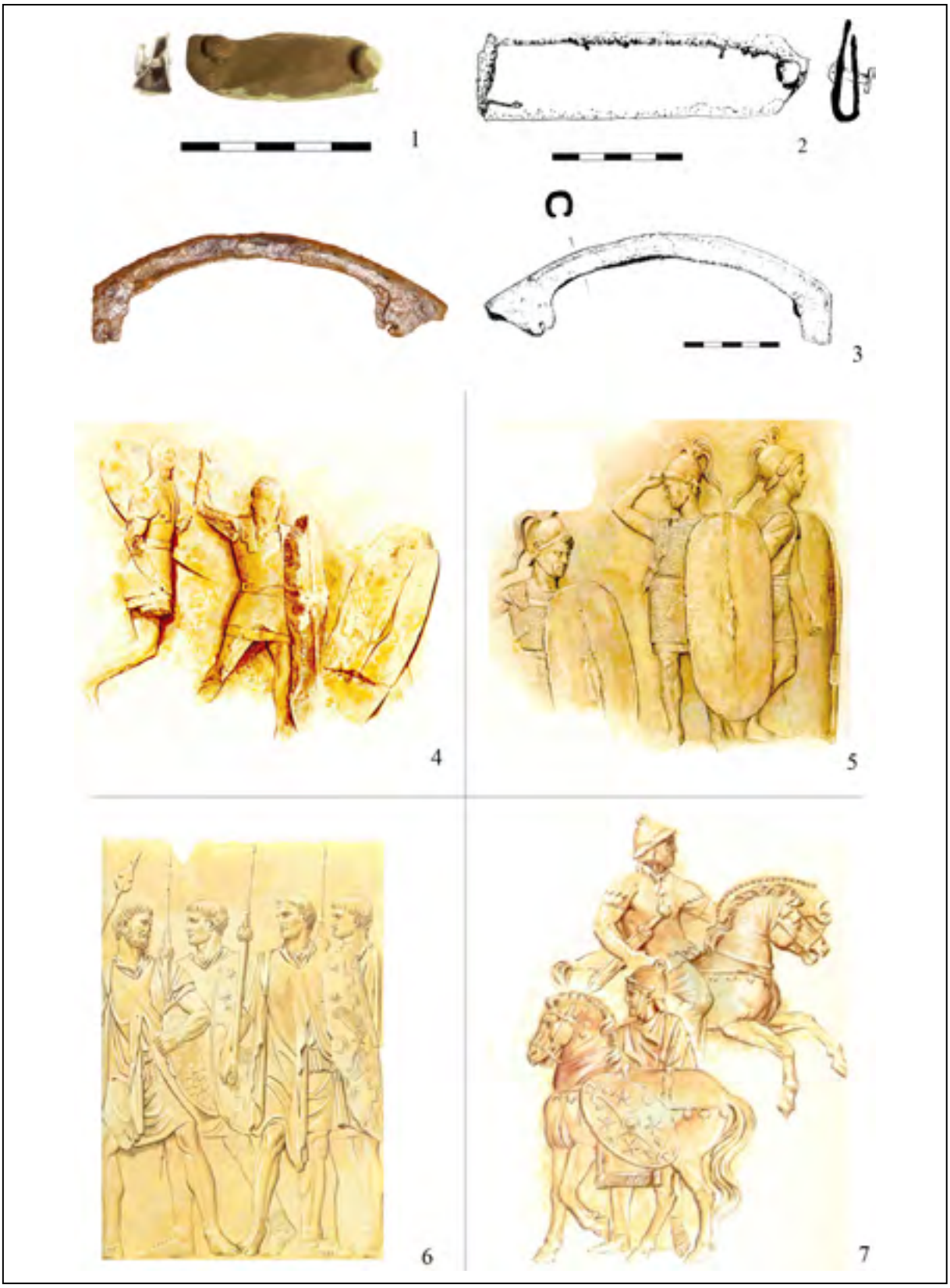


Рис. 4. Детали оковок края щитов из раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло (*1* – бронза, *2-3* – железо). Изображения щитов Скутум на рельефах (*4* – монумент Эмилия Павла в Дельфах, II в. до н.э. [по P. Connolly, 1975, p.18, fig.1]; *5* – алтарь Гнея Домиция Агенобарба из Лувра, ок. 100 г. до н.э. [по M. Bishop and J. Coulston, 1993, p. 49, fig. 19; Connolly 1975, p.34, fig. 1]; *6* – рельеф Канцелерия из Рима, I в. н.э. с изображением солдат преторианской гвардии с традиционными республиканскими щитами [по P. Connolly, 1975, p. 43, fig. 1]); *7* – Декор овальных щитов Clipeus римской кавалерии, рельеф - сполия начала II в. н. э, триумфальная арка Константина [по P. Connolly, 1975, p. 59, fig. 3]

ли римского боевого штандарта [Новиченкова, 2014, с. 435, 439, рис. 1], болт катапульты, бронзовая ручка латенского ковшика типа Песчате, украшенная утиными головками, 90–50 гг. до н.э. [Новиченкова, 2002, с. 101, рис. 63–12], фрагменты полихромного ритона 122–69 гг. до н.э. [Новиченкова, 2002, с. 101, рис. 63–8; Новиченкова–Лукичева, 2009, с. 322], двух стеклянных литых скифосов второй половины II – первой половины I в. до н.э. [Новиченкова–Лукичева, 2013, с. 314].

Детали овального щита *Scutum* из святилища у перевала Гурзуфское Седло датируются первой половиной I в. до н.э. и могут быть связаны с возможным участием населения Горного Крыма в Митридатовских войнах 89 – 85, 84 – 82, 74–63 гг. до н.э. Выявление в святилище у перевала Гурзуфское Седло в Горном Крыму деталей щита *Scutum,* стратиграфически датирующегося первой половиной I в. до н.э., впервые дает возможность определить особенности металлической конструкции римского овального щита, вещественно подтвердить письменные и эпиграфические свидетельства об использовании дополнительных функционально–стилистических элементов в структуре основного элемента защиты в римской армии позднереспубликанского времени.

Новиченкова–Лукичева К.В. Три стеклянных полихромных ритона эллинистического времени из святилища Южной Таврики // Боспорские исследования. Вып. XXIII. Керчь, 2009 – С. 321 – 325.

Новиченкова–Лукичева К.В. О стеклянных скифосах из Горного Крыма и Прикубанья // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. – Краснодар: Экоинвест, 2013. – С. 314 – 317.

Новиченкова Н.Г. Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское Седло. – Ялта, 2002. – 213 с.

Новиченкова Н.Г. Римское военное снаряжение из святилища у перевала Гурзуфское Седло // ВДИ. – 1998. – № 2. – С. 51–65.

Новиченкова Н.Г. Отчет об археологических исследованиях античного святилища в районе перевала Гурзуфское Седло в 1983 г. // НА ИА НАНУ. – 1983/137.

Новиченкова Н.Г. Отчет об археологических исследованиях античного святилища в районе перевала Гурзуфское Седло в 1985 г. // НА ИА НАНУ. – 1985/147.

Новиченкова М.В. Деталь римского военного штандарта из святилища у перевала Гурзуфское Седло // Боспорские исследования. – Керчь, 2014. – XXX вып. – С. 435–441.

Bishop M.C., Coulston J.C.N. Roman Military Equipment from the Punic Wars to the Fall of Rome. 2nd ed. – London, 2006. – 321 p.

Sekunda N. Republican Roman Army 200–104 BC. – Oxford, 1996. – 49 p.

Robinson H.R. The Armour of Imperial Rome. – London, 1975. – 196 p.

Poux M. L'empreiente du militaire tardo–républicain das les faciés mobiliers de La Téne finale // Sur les traces de César. Militaria tardo–républicains en contexte gaulois. – Glux–en–Glenne. – Bibracte, 2008. – P. 138–145.

Nabbefeld A. Römiche schilde // Kölned Studien zur Archäologie der Römischen Provinzen. Band 10. – Leidorf, 2008. – 405 p.

Eichberg M. Scutum. Die Entwicklung einer Italisch–Etruskischen Schildform von der Anfängen bis zur Zeit Caesars. – Frankfurt am Main; Bern; New York; Paris, 1987. – 343 p.

Cowan R. Roman Legionary 58 BC – AD 69. – Oxford, 2003. – 64 p.

Connolly P. The Roman Army. – London, 1975. – 212 p.

Connolly P. Greece and Rome at War. – London, 1998. – 310 p.

М.В. Новіченкова

ДЕТАЛІ ОВАЛЬНОГО ЩИТА *SCUTUM* ПІЗНЬОРЕСПУБЛІКАНСЬКОГО ЧАСУ ІЗ СВЯТИЛИЩА ПОБЛИЗУ ПЕРЕВАЛУ ГУРЗУФСЬКЕ СІДЛО

Деталі республіканського щита були знайдені у культурному шарі святилища Гурзуфське Сідло, а саме: посріблені бронзові предмети: археологічно цілий умбон(umbo), ребро (spina), пластина у формі лабрису (labris) і пластина–лунниця (lunula). Знахідки цих деталей дають можливість реконструювати вигляд щита з розкопок святилища Гурзуфське Сідло, який відноситься до овальних щитів типу Scutum. Стратиграфічні умови знахідки дозволяють датувати її першою половиною I ст. до н.е. Знахідки деталей зазначеного щита можуть бути пов'язані з можливою участю населення Гірського Криму у Мітридатових війнах 89-85, 84-82, 74-63 рр. до н.е.

Ключові слова: щит, Гірський Крим, умбон, лабрис.

M.V. Novichenkova

DETAILS OF LATE REPUBLICAN *SCUTUM* SHIELD FROM A SANCTUARY GURZUFSKOE SEDLO

The details of Late Republican shield were found at the cultural layer of the sanctuary Gurzufskoe Sedlo together with other items of Roman military equipment of I cent BC – I cent AD. Those are an archaeologically entire bronze boss (umbo), covered with silver, bronze and silvered rib (spina), bronze and silvered plates in form of labris and a crescent

(lunula), decorative bronze and silvered plate in form of star and shield edge, shield iron handle. A boss has the oval form and the ledges on the top and bottom parts, passing to the longitudinal edges located on an axis of symmetry of a shield. Such construction of an umbo and of a spina belongs to Scutum shield. The details of shield were revealed at level of cultural layer of late Hellenistic period. The revealing of details of Scutum give us a possibility to reconstruct a central part of shield. A height of shield was 3,5 Roman foot (1,03 –1,05 m). A short size of shield edge allow to assume its vertical location closer to the upper or lower rounded edge. There were found some straight and rounded edges from bronze and iron of other shields of similar type at a sanctuary. A full study concerning to details of several Roman shields I cent BC – I cent AD from a sanctuary Gurzufskoe Sedlo is preparing to publication. The finds of shield details of Scutum type from the sanctuary Gurzufskoe Sedlo are dated by first half of Ist century BC and can be connected with possible participation of the barbarian population of Mountain Crimea in Mithridates wars of 89–85 BC, 84–82 BC, 74–63 BC.

Keywords: shield, Scutum, Mountain Crimea, umbo.

Одержано 27.12.2014

904.23 (477.72) «652»

А.Г. Чехович

РЕМЕСЛЕННЫЕ ВОТИВЫ ДВУХ ЗОЛЬНИКОВ ГЛУБОКОЙ ПРИСТАНИ

Статья посвящена особому виду вотивных находок ремесленного содержания, которые происходят из насыпей двух эсхар поселения Глубокая Пристань. Автором сделана попытка интерпритации их в контексте культового назначения этого пам'ятника.

Ключевые слова: зольник, ремесленные вотивы, культ.

Античные зольники являються особыми археологическими памятниками, интерпритация которых вызывает у исследователей немало споров. На сегодняшний день, в античной археологи устоялась интерпритация зольников, как памятников сакрального назначения.

Далее возникает вполне закономерный вопрос: по какому принципу должно происходить деление находок, найденных там, на «вотивные» и «не вотивные», и не несли ли на себе «не вотивные» сакральной нагрузки? К первым, бесспорно относятся предметы, имеющие непосредственное отношение к области культа и ритуальным действам: граффити с посвящениями божествам, терракотовые статуэтки и их фрагменты, керамические поделки в виде хлебцов, моделей зерен, свинцовые букрании, монеты, предметы вооружения, артефакты более древних культур, амулеты и т.д. Но обычно, находки такого типа составляют небольшой процент от числа всех найденных материалов зольника.

Наиболее массовыми по количеству материалами представлены фрагменты различных сосудов, среди которых по численности первое место занимает амфорная тара. Такого рода находки в насыпи культового сооружения можно объяснить использованием сосудов в отправлении обряда подношения богам жертвенной пищи и питья, и совершения ритуальных возлияний, при которых использовалось вино, мед и оливковое масло. Эти обряды находят своё отражение в письменной античной традиции [Apollod. Bibl. IV, 24; Paus. III, 16; Eurip. Vakh. 437; Ovid. Her. II, 64; Hom. Il. IX, 456; Hom. Od. XII, 324; Pinan. Vakhl. IV, 22].

Небольшой, но весомой группой находок являются предметы, связанные с ремёслами и домашними промыслами. Это пряслица и грузила, точильные и растиральные камни, костяные и металлические изделия. Находки этих предметов связанны непосредственно с земледелием, рыболовством, ткачеством. Вопрос о роли которую они играли в культовых церемониях и причинах, по которым эти предметы приносились на святилище был впервые рассмотрен Н. В. Молевой на примере Китейского зольного святилища [Молева, 2004, С. 267], а позднее, автором данной статьи на материалах культового зольника античного поселения у с. Кошары на левом берегу Тилигульского лимана в Одесской области. Считать такие находки в святилище случайными неправомерно, так как они встречаются в слоях разных святилищ регулярно. Особенность таких находок в том, что все они - единичные в контексте того или иного археологического комплекса [Коцура, 2008, с. 73 - 75].

Сходную ситуацию можно наблюдать и на зольнике античного поселка Глубокая Пристань V – III вв. до н.э. у с. Софиевка, Белозер-

© А.Г. ЧЕХОВИЧ, 2015

ского р-на, Херсонской области, входящего в хору Ольвии.

Формирование населением этого древнегреческого поселка священной территории с двумя зольними насыпями, видимо, было вызвано отсутствием храмового комплекса на территории этого памятника. Это, в целом, характерно для ряда поселений Ольвийской хоры, но с исключением того что в Глубокой Пристани две насыпи, а не одна.

Вертикальный разрез этих двух насыпей, сделаный в 1989 г. С.Б. Буйских [Буйских, 1989, с. 3] строго по центральной оси обеих насыпей длинной 54 м и шириной 2,5 м, показал, что составляющие их отложения имеют специфическую структуру. Она представляет собой чередующиеся прослойки золистого суглинка различных оттенков и разной степени плотности , золы, местами включающей в себя остатки древесного угля, пепла, а также перемещенного желтого материкового суглинка. Верхнюю часть насыпи покрывал черноземный гумусный слой. Нижняя часть насыпи покоилась на глинистих осадочних слоях, образовавшихся на дне оврагов, ложа которых впоследствии были исспользованы для создания насыпей. Следов каких либо каменных, сырцово-каменных либо глиняних конструкций исследователем не было обнаружено в насыпи. Был зафиксорован искусственный слоистый характер насыпи обеих возвышеннойтей, состоявших из золы и очажных сбросов, перемежавщихся прослойками обожженного щеня и глины.

Возвышенность № 1 округлая в плане, до раскопок имела висоту 1,5 – 2 м и размеры 15 х 18 м. Ее верхняя часть была нарушена шурфом или окопом раз мером 4 х 4 м. С южной стороны к подножию этой насыпи примыкало понижение, возможно ров, глубиной 1 м. В 22 м к юго-востоку от Возвышенности 1 распологалась Возвышенность № 2, она в плане имела овальную форму. Высота насыпи составляла 1,2 – 1,5 м, а раз мер 20 х 8-10 м. Между насыпями проходил «ров» длинной в 60 м и шириной от 15 до 30 м, который пересекал плато между двумя оврагами.

Исследования насыпей в 1989 г. показали, что обе они были сооружены на месте древних очагов, постепенно их заполняя до уровня древней дневной поверхности и от ее уровня выше. Таким образом нибольщая мощность напластований с учетом очагов для Возвышенности № 1 составляла 3,8 – 4 м, а для Возвышенности № 2 достигала 2,8 – 3,2 м. [Буйских, 1989, с. 5 - 15].

Большое количество находок бутових камей и сырцовых кирпичей в обеих насыпях, свидетельствует, вероятно, о присутствовавших там небольших загородках культового назначения, хотя их наличие и не было зафиксированно в ходе исследования насыпей С.Б. Буйских. Часто такого рода загородки служили в качестве импровизированных индивидуальных алтарей, что в целом характерно для культових зольников античного времени. Наличие на камнях следов воздействия огня также косвенно указывакет на вероятность такого их исспользования.

Вещественный материал зольников Глубокой Пристани многочислен и разнообразен: фрагменты многочисленных красноглиняных остродонных амфор, кухонной гончарной и лепной керамики, столовой сероглиняной и чернолаковой посуды, а также значительное число предметов, связанных с ремесленным производством и промыслами, как то всевозможные пряслица, оселки, грузила для ткацких станков, бронзовые наконечники стрел, костяные поделки, бусины и т.д. Большинство находок насыпей имело следы воздействия огня.

Находки предметов ткачества пряслиц и ткацких грузил в зольных насыпях Глубокой Пристани - явление хотя и не массовое, но частое. Встречаются отвесы – небольших размеров изделия, изготовленные из обломков амфор и днищ столовых гончарных сосудов, их вес слишком мал для использования при рыбной ловле, но подходит для использования в качестве отвеса в ткацком ремесле. К этой группе находок следует отнести и находки пряслиц. Это преимущественно лепные биконические серо- и красноглиняные пряслица, использовавшиеся при изготовлении нитей.

Находки ткацких грузил и пряслиц в такого рода святилище можно истолковать как предпочтительно женские приношения, поскольку на протяжении всего античного периода ткачество и рукоделие являлось типично женским домашним ремеслом, присущим всем слоям населения, а само умение ткать вызывало уважение и почитание в обществе. С ткачеством была связана Афина, сама блестяще владеющая искусством прядения и подарившая его людям. Помимо бытовых и ремесленных качеств, прядение и ткачество обладало и сакральным смыслом. Предметы, связанные с прядением и ткачеством, усиливали процесс преобразования жертвы, перехода её в другой мир и иное качество [Молева, 2004, с. 264]. Иную функцию несли глиняные пряслица найденные в погребениях, где они могли быть принадлежностью погребального инвентаря и мужских захоронений и соответственно связаны с хтоническими культами. Именно с нитью в античной мифологической традиции ассоциировалась человеческая жизнь, и богини судьбы Мойры. От них зависели рождение жизнь и смерть каждого смертного и каждого бога, даже Зевс не мог изменить их решение. Мойра Клофо (Ткачи-

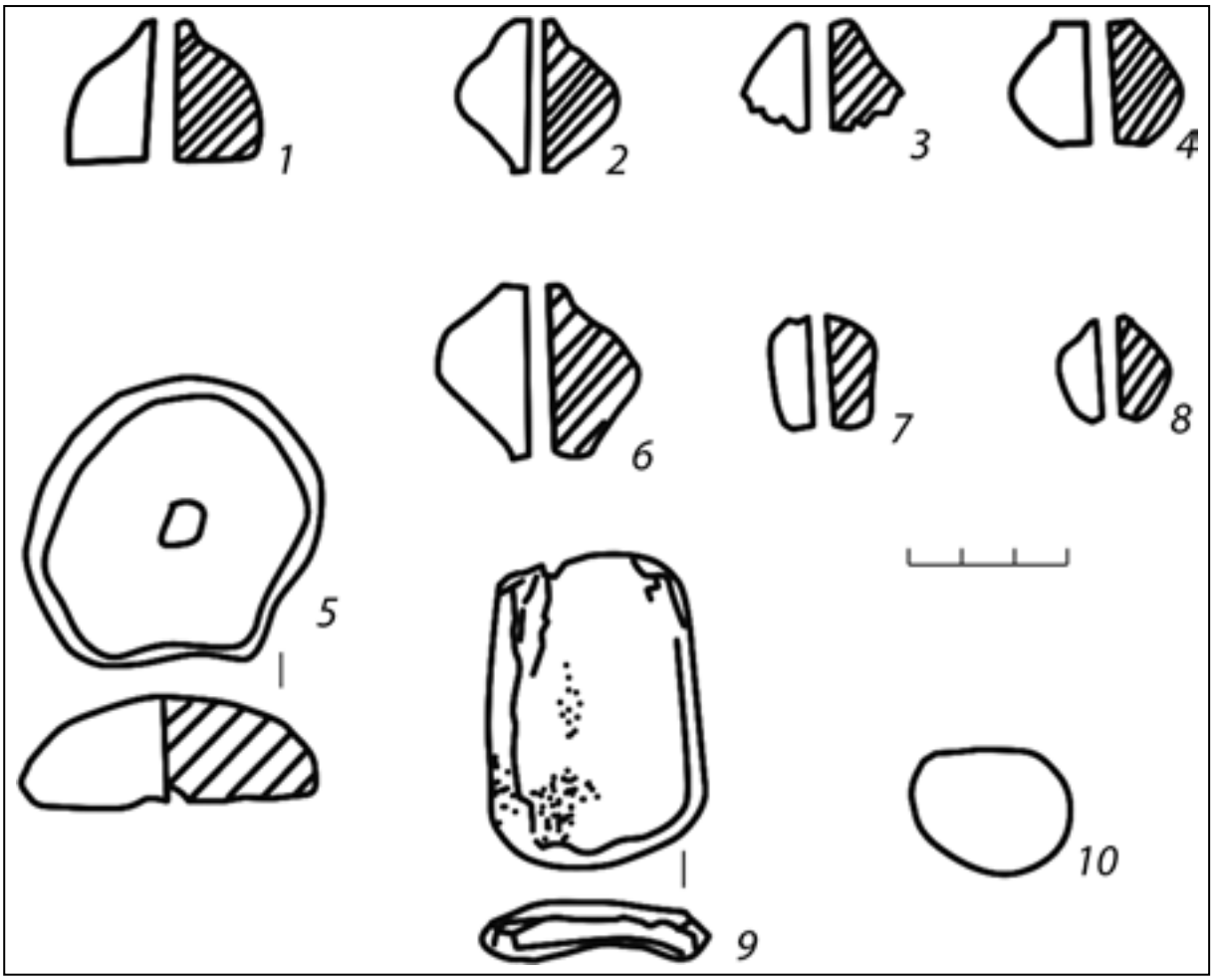


Рис. 1. Ремесленные вотивы из зольников Глубокой Пристани

ха) пряла каждому человеку нить жизни, Лахесис (Жребий) определяла, отмеряла, его судьбу, а Антропос (Неотвратимая) прерывала нить жизни и посылала смерть. [Apollod. Bibl. IV, 27; Hesiod. Theog. 411 - 452].

В Зольных насыпях присутствовали также находки предметов, имеющих отношение к домашним промыслам, изготовленные из местных пород камня (гранит и песчаник) – это, в основном, точильные камни и растиральники.

В большинстве своём это растиральники в религиозных представлениях древних были связанны с первобытным фетишизмом, проявлявшемся в поклонении камням. Такие архаичные проявления были свойственны и верованиям греков и местного населения [Молева, 2004, С. 266]. Найдены были также небольшие оселки; их вотивный и магический характер, а также скифское происхождение [Бессонова, 1983, с. 83; Бессонова, 1992, с. 183], отмечались неоднократно [Раевский, 1985, с. 45 - 58; Раевский, 1985, с. 157–158; Высотская, 2002, с. 24 - 39; Молева, 2004 с. 264–268]. С земледельческими культами определенно связаны и встречаемые в насыпи каменные орудия, предназначенные для растирания мелкого продукта, превращая его в муку. Не случайно еще одной, очень часто встречаемой находкой в святилищах является морская галька разных форм, преимущественно яйцевидная, округлая плоская. Можно предположить, связь этих орудий с сакральным обрядом, путём косвенного участия в приготовлении жертвоприношения или же культовой трапезы, как то - заточка ножей, участвующих в обряде, или растирание зёрен, трав, охры или других компонентов сакральной сцены. Наличие в сакральной зоне такого рода предметов, вероятно, может свидетельствовать об отправлении аграрных культов, или культов, так или иначе связанных с плодородием, тем более что в контексте других находок ритуального характера это выглядит весьма вероятным. Кроме того, в античной литературной традиции сохранилась некоторая информация о вариантах ритуальных подношений в момент отправления аграрных культов [Apollod. Bibl. IV, 24; Paus. III, 16;

Ovid. Her. II, 64; Hom. Il. IX, 456; Pinan. Vakhl. IV, 22].

Встречаются орудия и их фрагменты, изготовленные из ручек амфор. По особенностям стёртости рабочего края изделий можно предположить, что использовались они часто в качестве растиральников или пестов, некоторые из них могли служить и лощилами или, своего рода «формовками» при производстве лепной керамики.

Костяные орудия труда также встречаются наряду с ремесленными принадлежностями из камня в слоях зольных насыпей Глубокой Пристани. В основном, они представлены проколками и их фрагментами. Встречаются и предметы иного назначения так же изготовленные из костей животных, в основном это астрагалы.

Отдельно следует отметить находку костяного орудия, предназначенного, для лощения поверхности сосудов. Такие подношения с соответствующими обращениями к божествам - покровителям домашних промыслов, могли делать люди, непосредственно связанные с гончарным ремеслом.

Стоит отдельно обратить внимание также на находки в насыпях зольников фрагментов лезвий железных ножей и их рукоятей. Эти находки можно связать как с процессом жертвоприношения непосредственно, инструменты для разделывания жертвенной пищи, так и с домашними промыслами, в которых они использовались, а потом были принесены в качестве дара во время жертвоприношения.

Находки в насыпи отдельных гвоздей, как железных, так и бронзовых, на момент жертвоприношения не могли нести никакой функциональной нагрузки, кроме как вотивной. По мнению Н. В. Молевой, гвоздь служил сакральным связующим элементом земного и подземного миров, и гарантировал дохождение жертвы в мир иной, при отправлении хтонических культов. [Молева, 2004, с. 268].

Зольники Глубокой Пристани, по структуре своих насыпей и вещественному материалу указывают на связь данных объектов с областью культа и позволяет причислить его к известным на территории Северного Причерноморья типам археологических памятников, таких как жертвенники-святилища. Существование зольников, как разновидности общественного жертвенника, имеет корни в древнегреческом мире [Paus. IV, 43]. Мы придерживаемся точки зрения А.С. Русяевой, что традиция сооружения зольников в Северном Причерноморье «восходит к периоду греческой колонизации… и была перенесена из метрополии совместно с почитанием богов и устройством святилищ» [Русяева, 2006, с. 100].

Создание древнегреческими жителями поселка в урочище Глубокая Пристань зольника, как общественного алтаря, связано с их религиозными представлениями. Очевидно что эти зольники-эсхары, как и остальные памятники этого типа в Северном Причерноморье, оставленные древнегреческим населением, были тесно связанны с культом огня и домашнего очага, обычаями древних эллинов собирать и сохранять золу в одном месте. В этом сказывалось проявление земледельческой магии и семейно-родовых ритуалов поклонения огню, очагу и солнцу. Так же на проявление этих культов указывает и граффито в виде солярного знака на ручке чернолакового канфара. Это могли быть верования, отражающие земледельческие культы круга Диониса - Сабазия, культы производительных сил природы и плодородия, культы домашнего очага и хтонические культы [Ovid. Her. II, 65]. Нахождение предметов связанных с ремеслом и домашними промыслами, в числе находок зольных жертвенников Глубокой Пристани, не случайно, а неразрывно связано с ритуальными действиями, отражающими эти культы.

Высотская Т.Н. К вопросу о позднескифских зольниках. // РА. - № 3. - 2002. - С. 24 - 39.

Гесиод. Феогонид / Пер. с др. греч. И.Анненского. // Гесиод. Труды и дни. - Ленинград, 1973. - С. 379 - 486.

Гомер. Иллиада / Пер. Н.И. Гнедича. - Москва, 1960. - 433 с.

Гомер. Одиссея. / Пер. Н.И. Гнедича. - Ммосква, 1959. - 436 с.

Еврипид. Вакханки / Пер. с др. греч. И.Анненского. – СПб., 2004. - 256 с.

Коцура А.Г. Ремесленные вотивы Кошарского зольника. // Наукові праці: Науково-методичний журнал. – Т. 96. Вип. 83. Історичні науки. – Миколаїв, 2008. – С. 73 - 75

Молева Н.В. «Производственные» вотивы в Китейском святилище // Боспорские чтения. – Том.V. - Керчь, 2004. - С. 263 - 269.

Овидий Публий Назон. Героиды // Овидий Публий Назон. Любовные элегии / Пер. С лат. С. Ошерова. - Москва- Харьков, 2000. – С. 95 – 181.

Павсаний Описание Эллады. / Пер. Н.И. Гнедича. - Москва, 1940. - 580 с.

Пинандр. Вакхлит. Оды. Фрагменты / Пер. М.Л. Гаспарова. - Москва, 1980. – 504 с.

Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. - Москва, 1985. - 268с.

Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сарматских племён (опыт реконструкции скифской мифологии). - Москва, 1985. - 186с.

Русяева А.С. Древнегреческие сакральные зольники в Нижнем Побужье // РА. - 2006. - № 4. - С. 95 - 101.

О.Г. Чехович

РЕМІСНИЧІ ВОТИВИ ДВОХ ЗОЛЬНИКІВ ГЛИБОКОЇ ПРИСТАНІ

Проаналізовано окрему групу археологічного матеріалу, що походить з культових зольників Глибокої Пристані, а саме вироби, пов'язані з ремісничою діяльністю населення пам'ятки. Ці матеріали представлені фрагментами посудин, прясла, ткацькі грузила, точильні та розтиральні камені, знаряддя з кістки, цвяхи та інше. Найбільш масовими знахідками обох насипів є фрагменти амфорної тари, що пов'язано з ритуальними підношеннями вина, оливкової олії та меду. Наявні ремісничі знаряддя в насипах зольників носили сакральний характер і були залишені на попільному жертовнику в дар богам.

Ключові слова: ремісничі мотиви, зольник, Глибока Пристань, культ.

O.G. Chekhovich

HANDICRAFT VOTIVES FROM TWO ASH-HILLS OF GLUBOKAYA PRISTAN

In the article the author analyzes a certain group of archaeological material, originated from the cult ash-hills of Glubokaya Pristan, namely wares, associated with handicraft activity of this settlement's population. The material is presented by fragments of vessels, whorls, weaving weights, grinders and millstones, bone tools, and nails. The mass number of finds from both embankments are represented by fragments of amphorae, associated with ritual libations of wine, olive oil and honey. Availability of handicraft tools from ash-hill embankments had sacral character as they were left on the ash-hill altar as a gift for the gods.

Keywords: handicraft votive, ash-hill, Glubokaya Pristan, cult.

Одержано 17.11.2014

УДК 904.7 (477.74) «652»

А.Е. Малюкевич

МОЛОГА – САКРАЛЬНЫЙ ЦЕНТР ПОЗДНИХ СКИФОВ БУДЖАКА

Впервые публикуется весь комплекс материалов позднескифского святилища I-III вв. н.э. Дается характеристика алтарей, культовых ям и ям с ритуальными погребениями собак. Проводится сравнительный анализ моложского святилища с подобными комплексами Нижнего Поднепровья, Крыма и фракийскими памятниками. Дается новая интерпретация ранее исследованным поселениям, которые трактуются как святилища и включаются в сферу позднескифских древностей.

Ключевые слова: поздние скифы, святилище, алтарь, культовая яма, жертвоприношение.

В первой четверти I тыс. н.э. в Северо-Западном Причерноморье обитало земледельческое население со специфической культурой, которую большая часть исследователей интерпретирует как позднескифскую. Ранее было выделено два района обитания поздних скифов: в Крыму и на Нижнем Днепре [Шульц, 1971]. Существование позднескифских памятников в Нижнеднестровском регионе впервые установлено раскопками поселения и могильника Молога-II на Днестровском лимане [Гудкова, Фокеев, 1982; Малюкевич, 1989; Малюкевич, 1991, с. 71].

Поселение и могильник I-III вв. н.э. Молога II расположены в Одесской области Украины на правом берегу Днестровского лимана в 15 км к северу от Тиры (рис. 1, 1). Характер поселения и каменного домостроительства, погребальные сооружения, погребальный обряд, состав керамического комплекса и, особенно, лепной керамики уверенно сближают поселение и могильник Мологи с кругом памятников позднескифской культуры [Гудкова, Фокеев, 1982, с.109; Малюкевич, 1989, с.79; Малюкевич, Гудкова, 2013]. Наряду с этим отмечались, как сильная эллинизация, так и присутствие в Мологе отдельных элементов сарматского и, в большей степени, -фракийского этноса [Малюкевич, 1992, с. 30-32; 1993, с.100].

© А.Е. МАЛЮКЕВИЧ, 2015

Поселение. На поселении превалирует каменное домостроительство. Стены возводили из необработанного камня-известняка и мелкого бута с глиной на всю высоту, или из глины, но на каменном основании. Каменные кладки стелили насухо, а стены укрепляли обмазкой, иногда покрывали побелкой. Полы в домах глинобитные, но на некоторых участках полов и на придомовой территории выстилали каменные вымостки. К особенностям строительного дела в Мологе относятся находки каменных тесаных порогов, подпятников под поворотные столбы дверей, подтесанные Г-образные угловые камни стен, подквадратные выборки для крепежных балок.

Раскопаны также два каркасно-глинобитных строения и восемь полуземлянок, часть из них использовалась как жилища, а некоторые при обрядовых церемониях на святилище [Малюкевич, 1995; 1999]. Кроме того, на поселении Молога существовали плотно застроенные, обособленные усадьбы, в которых жилые и хозяйственные помещения, иногда с маленькими двориками, располагались вокруг центрального двора обычно в ряд, или Г-образно. Дома были двух- и четырех-камерные. Помещения были одинаковой ширины и имели выход во двор.

Могильник. Моложский могильник был расположен на правом берегу древнего оврага, отделяющего его от центра святилища и поселения (рис. 2). На могильнике раскопа-

1

2

Рис. 1. Святилище Молога.
1 – Географическое месторасположение памятника Молога II. *2* – Вид на площадь святилища Мологи со стороны лимана

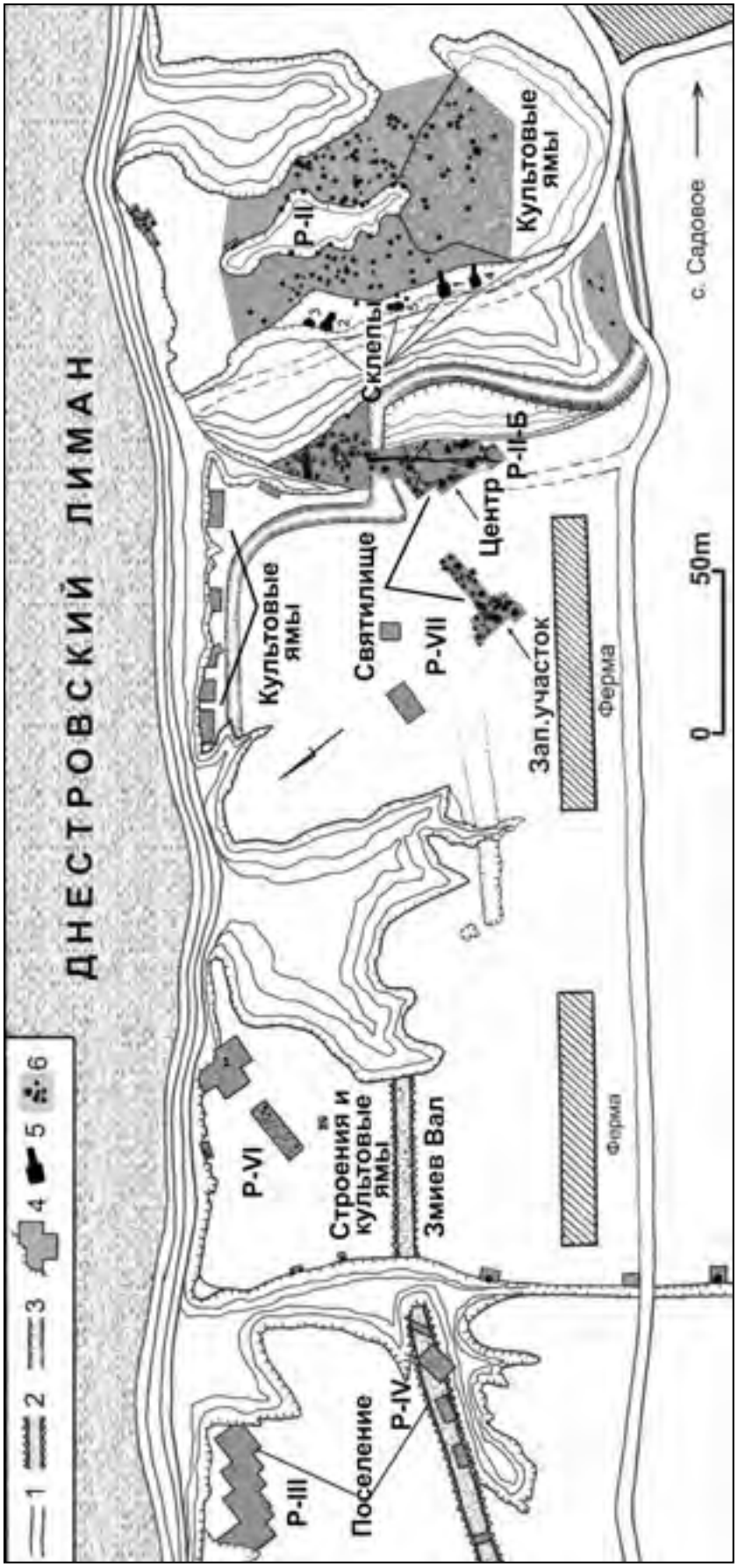


Рис. 2. Картосхема раскопок поселения, могильника и святилища Молога II.
Условные обозначения: *1* – дороги; *2* – земляной вал V в. н.э.; *3* – современный вал; *4* – раскопы; *5* – грунтовые склепы; *6* – культовые ямы

но пять земляных склепов с коллективными захоронениями от четырех до восьми погребенных. Вокруг склепов обнаружен комплекс культовых ям и две полуземлянки. На противоположной стороне оврага, на территории святилища, производились только одиночные захоронения в грунтовых могилах, а так же погребения взрослых и детей в ритуальных ямах, и погребения младенцев в неглубоких ямках. [Малюкевич, 1993; 1994 а; Писяжнюк, Малюкевич, 2001].

Склепы представляют собой подпрямоугольные или округлые в плане сводчатые камеры. С юго-востока от камер располагались вытянутые прямоугольные входные ямы с наклонным дном. Только в склеп № 5 вел входной колодец, расположенный с северо-восточной стороны [Малюкевич, 1989, с. 79]. Вход в камеру оформлялся ступенькой и был закрыт каменным закладом или плитой. На внутренней стороне закладной плиты склепа № 4 был нарисован охрой круг. Захоронения в склепах совершались в течение длительного времени, но при последующем захоронении нарушали более ранние погребения.

Все погребения в склепах совершены в вытянутой позе на спине, с руками, уложенными вдоль тела. Иногда, кисть одной или обеих рук покоятся на тазе, ноги бывают перекрещены в щиколотках или лежат “ромбом”. Преобладает ориентировка головой на юго-восток, но в склепе № 2 умершие уложены “валетом”. В отдельных случаях умерших клали на подстилку из коры дерева или кошму, закрывали кусками коры, обкладывали досками или заворачивали в кошму (рис. 3, 11, 13).

Погребальный инвентарь состоит из украшений, принадлежностей одежды, предметов туалета, амулетов, мелких орудий труда, керамических сосудов, включая лепные ладьевидные светильники. Из оружия засвидетельствованы железный кинжал и железный наконечник стрелы. Южнее склепов располагалось детское кладбище. Так, рядом со склепом № 4 обнаружено два захоронения младенцев в неглубоких ямках (рис. 3, 5). Еще три детских захоронения были разрушены в одном из дворов села. В жертвенной яме № 87 было обнаружено погребение ребенка в сопровождении двух собак (рис. 3, 10).

На левой стороне оврага в районе святилища среди комплекса ритуальных ям отрыты четыре грунтовые могилы. В трех могилах были погребены взрослые мужчины (рис. 3, 6, 12), еще в одной захоронение девочки со стелой в головах и частичным расчленением костяка (рис. 3, 4). [Малюкевич, 1993, с. 97]. Четыре захоронения были совершены в жертвенных ямах. Видимо, с ритуальными действиями связано захоронение подростка с черепом и передней частью туши лошади, черепами овцы и собаки в яме № 64. Погребенный лежал на спине на кошме, а левая половина туловища была перекрыта целой тушей козла (рис. 3, 3). Младенец в яме № 7 был захоронен вместе с собакой, а выше него для охраны положили еще одну собаку (рис. 3, 1-2) [Малюкевич, 2006, с. 142].

Особого внимания заслуживают погребения ритуально разрушенных останков людей и их частей. Вероятно, практиковалось расчленение двух видов: в момент погребения или перед ним, а позже и во вскрытой могиле после того, как связки на костях уже истлели. Так в жертвенной яме № 157 сопровождении костей животных был погребен взрослый, с телом которого был произведен обряд ритуального разрушения костяка (рис. 3, 8). Такой же обряд прослежен и в яме № 2 на раскопе VI-3. Здесь обнаружена (in situ) нижняя часть ноги со ступней взрослого человека в сопровождении собаки (рис. 3, 14). Между жертвенными ямами найдено погребение новорожденного младенца в нижней части красноглиняного кувшина на воронковидном поддоне (рис. 3, 9). Еще одно захоронение новорожденного было обнаружено в небольшом углублении, перекрытом стенками красноглиняной амфоры (рис. 3, 7).

Погребения Мологи можно разделить на шесть типов:

I– пять грунтовых склепов с коллективными погребениями, в которых зафиксировано 26-28 захороненных, из них четыре детских;

II– четыре погребения в простых грунтовых могилах с каменными закладами (среди них одно детское частично расчлененное с каменной стелой, которой служил или якорь, или противовес винодельческого пресса);

III– пять погребений младенцев в небольших грунтовых ямках;

IV– три захоронения детей в сопровождении собак в больших ритуальных ямах;

V– два расчлененных погребения взрослых в сопровождении собак и части человеческого черепа в ритуальных ямах;

VI– два захоронения младенцев, одно в разбитом кувшине и одно в ямке под амфорными черепками. Итого 42 погребенных и несколько отдельных костей человека в жертвенных ямах.

Обряд захоронений в Мологе находит ближайшие аналогии на позднескифских некрополях Нижнего Днепра, Крыма и Нижнего Днестра (Никоний) [Вязьмитина, 1972, с. 159; Бабенчиков, 1957, с. 120-121; Сымонович, 1983, с. 28-58; Пуздровский, 2007; Бруяко и др., 2008, с. 81-164]. Все могильники грунтовые, где погребальными сооружениями, при количественном преобладании склепов, служили склепы-катакомбы, простые ямы и ямы с подбоями. Одинаковы и конструкции склепов, и обряд коллективного захоронения в

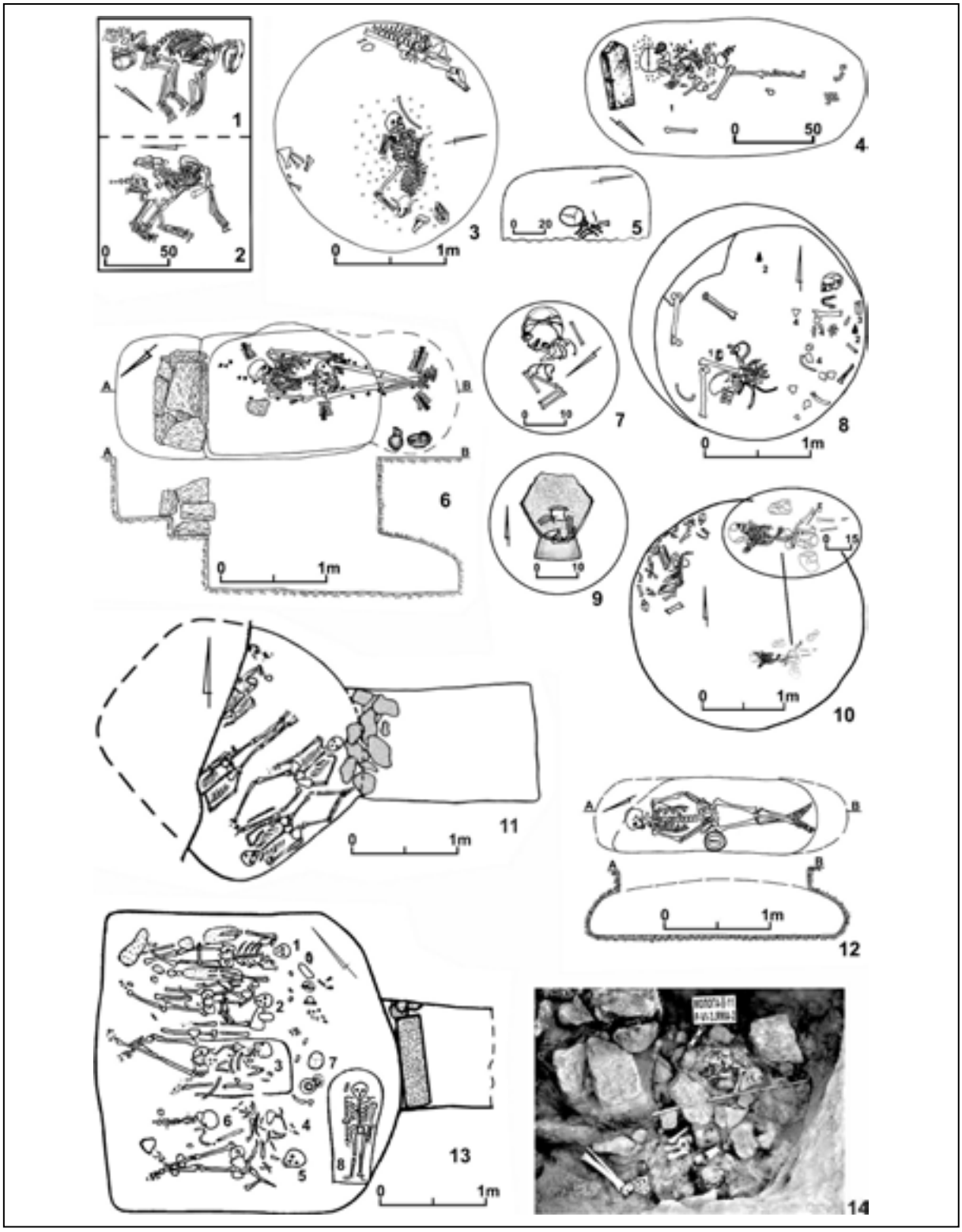


Рис. 3. Типы погребений в Мологе.
1 – погребение младенца №15 в сопровождении собаки №1 в яме №7; *2* – костяк собаки № 2, перекрывавший погребение младенца № 15 в яме №7; *3* – погребение № 7 подростка в яме № 64, перекрытое тушей козла и в сопровождении передней части тулова лошади, головы овцы и черепа собаки; *4* – погребение девочки № 9 с бронзовой диадемой и с отсеченной правой плечевой костью, правой нижней голенью и ступнями обеих ног; *5* – погребение младенца № 3; *6* – погребение мужчины № 10 на подсыпке из кремней; *7* – погребение младенца № 12; *8* – ритуально разрушенное погребение взрослого № 14 в культовой яме № 157; *9* – погребение новорожденного № 13 в красноглиняном кувшине; *10* – погребение ребенка № 11 в культовой яме № 87 в сопровождении костяков собак; *11* – грунтовой склеп № 2; *12* – погребение мужчины № 8; *13* – грунтовой склеп № 4; *14* – нижняя часть отсеченной правой ноги человека и ритуально разрушенный костяк собаки на дне культовой ямы

них с неустойчивой позой погребенных. Сходны и отдельные обрядовые элементы (подстилки, обкладка корой, досками, "подушки" под головами из камней, грунта или кошмы). Сопоставимы форма, глубина и ориентация погребений в подбоях и грунтовых ямах. На всех могильниках совпадает набор погребального инвентаря и единичны находки оружия. Общность погребального ритуала проявляется и в помещении в могилу или входную яму костей животных, а так же наличие поминально-тризновых ям с захоронением костяков собак [Малюкевич, Гудкова, 2013, с. 649]. Прослеживается и обрядовая общность и с позднескифскими памятниками где фиксируется некоторое присутствие сарматских традиций.

Святилище. Осогбенностью археологического комплекса Мологи является наличие полифункционального специально обустроенного святилища с разнотипными жертвенниками. Для святилища было выбрано центральное место на памятнике – между поселением и могильником, рядом, но, вне хозяйственно-жилой застройки. Оно было расположено на ровном плато и ограничено с северо-востока высоким (до 20 м) береговым обрывом, а с северо-запада и юго-востока глубокими оврагами с крутыми склонами такой же высоты (рис. 1, 2). Святилище Мологи, было расположено на специально выделенной территории и имело особые постройки и объекты небытового назначения. В настоящее время, раскопанная площадь центрального, еще полностью недоисследованного, участка святилища составляет 1000 м^2.

К признакам атрибутирующим данный объект как святилище относятся: комплекс из более 200 жертвенных ям, центральная часть скопления которых расположена между лабиринтом из одиннадцати ровиков, алтари-жертвенники, каменно-глинобитные тризновые площадки, очаги-кострища, переносные жаровни, небольшие зольники на поверхности, и ямы-зольники, участки прокаленного грунта, скопления целенаправленно уложенной в ямки и развалы керамики, отдельно стоящие сосуды, полуземлянки нежилого характера, остатки тризн из костей животных на поверхности, и ритуальные действия по отношению к захоронениям взрослых, детей и собак в культовых ямах. [Малюкевич, 1994 а; 2003; 2006; 2008].

Полных аналогий открытое нами святилище не имеет, поэтому остановимся на более подробном описании его составляющих.

Алтари-жертвенники, как наиболее значимые объекты, попределяющие наличие святилища, служили для сжигания жертвоприношений, воскурения благовоний богам, героям, предкам и совершения возлияний при тризнах хтоническим божествам и умершим родственникам, а так же при церемониях связанных с общинными праздниками и ритуалами, приуроченными к сельскохозяйственным циклам. В зависимости от проводимого ритуала, использовались и различные по конструкции алтари.

Одним из центральных объектов для святилища Мологи, являлся большой очаг-жертвенник № 1, по краям которого были помещены пять лепных светильников [Малюкевич, Присяжнюк, 2000, с. 154; рис. 1, 2]. Очаг в плане овальной формы, размерами 2,2 х 1,9 х 0,3 м был преобразован из существовавшего ранее кострища. Находка in situ пяти светильников по бортам очага указывает на то, что находящийся на открытой площади большой очаг-кострище, использовался в ритуальных целях (рис. 4; 6, 12).

При жертвоприношениях использовались и небольшие очаги-кострища. Так, в районе центрального функционировало еще два очага меньших размеров. Очаг № 2 представлял собой чашевидное углубление диаметром 0,6 м, дно и стенки которого толщиной до 0,1 м прокалены до красного цвета. Он был возведен на площадке диаметром более 2 м прокаленного до 0,3 м в глубину глинистого грунта и был огражден поставленными на ребро крупными камнями (рис. 6, 14). Первоначально обрядовые действия, связанные с использованием огня, длительное время проходили на площадке, а позже стал использоваться очаг. Очаг-кострище № 3 представляет собой овальное 1,2 х 1,0 м, до 0,15 м углубление, заполненное продуктами горения с прокаленностью бортов до 0,1м (рис. 6, 11). На северо-восточной окраине святилища зафиксировано еще два очага-кострища. Один в виде овального прокаленного и заполненного пережженной глиной углубления 0,6 х 0,8 х 0,2 м, другой – несколько больше: 1,2 х 0,95 м и чашей заглубленной в грунт до 0,3 м. Под очага был вымощен слоем мелких камней.

В 13 метрах севернее основного очага-кострища между неглубокими ровиками находился глинобитный алтарь-жертвенник с необожженной поверхностью (рис. 4; 6, 13). Он представлял собой возвышение в виде столика высотой 0,2 м. В плане алтарь подпрямоугольной формы со сторонами 0,95 х 1,1 м – 1,15 х 1,3 м. Алтарный стол изготовлен из плотной беловатой глины толщиной 0,15 м. Над южным углом находился плоский камень. На алтаре, очевидно, производились бескровные жертвоприношения или помещались предметы культовой утвари. С его западной стороны раскопано несколько золистых углублений, в одном из которых обнаружено скопление в несколько десятков кремней.

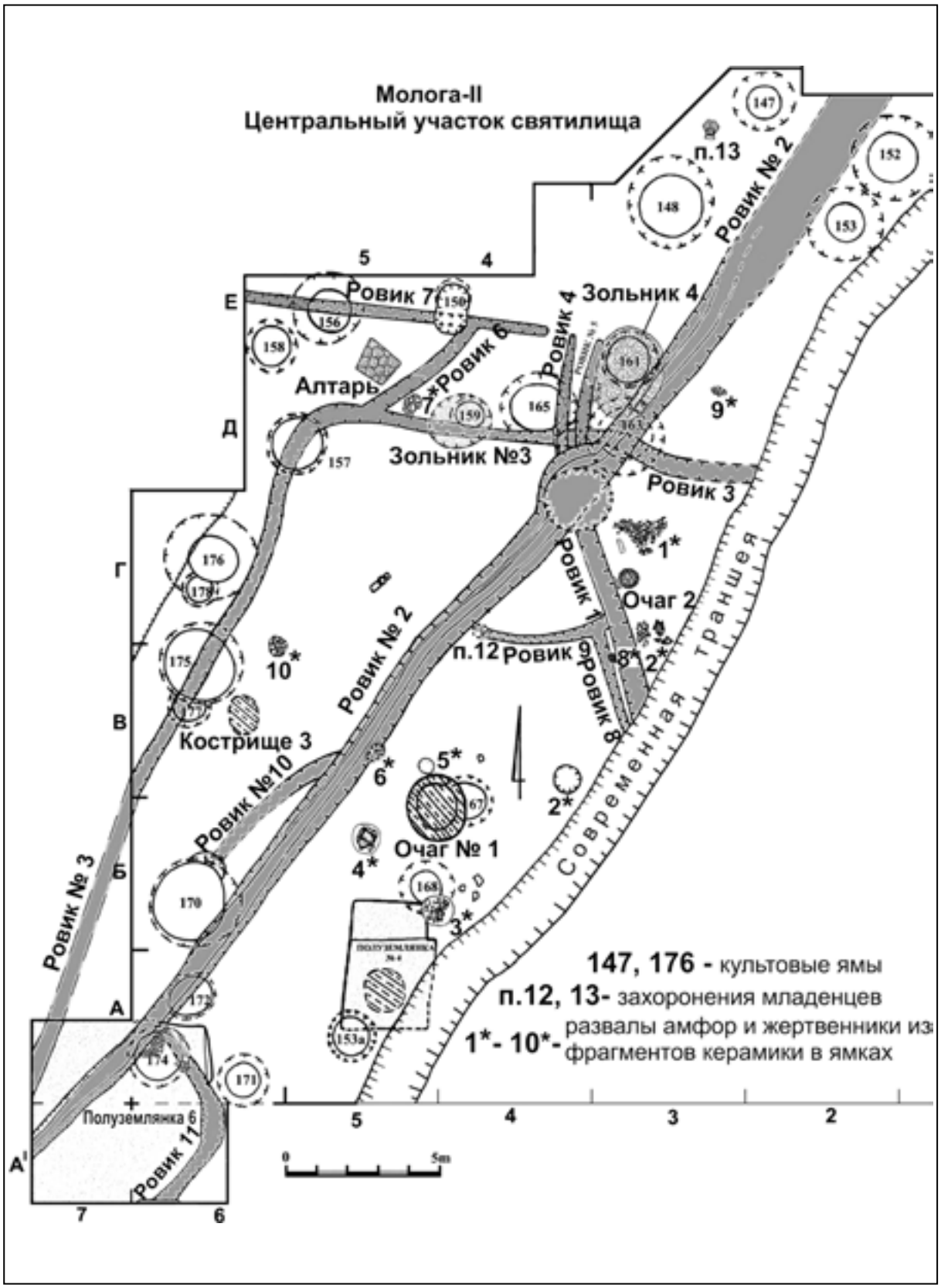


Рис. 4. Раскоп II. Объекты на центральном участке святилища

При проведении возлияний использовались жертвенники в виде небольших углублений с установленными в них горловинами амфор, либо выложенными в виде воронки стенками амфор или лепных сосудов. Такие жертвенники играли немаловажную роль в семейных верованиях [Шевченко, 2007, с. 163]. Их рассматривают как земляные алтари, служившие местом для отделения сакральных остатков от бытовой профанной территории [Javis, 1949, p. 130]. На святилище обнаружено восемь таких ямок с керамикой, из них пять в центре сакральной зоны, вокруг центрального очага. Они овальные в плане и чашевидные в разрезе с верхним диаметром от 0,75 до 1,2 м, диаметром дна от 0,4 до 1,1 м и глубиной 0,25 – 0,4 м. В четырех случаях, в ямки были помещены обломки только лепных горшков, в двух – верхние половины красноглиняных широкогорлых амфор. В одном – скопление состояло из фрагментов красноглиняного кувшина на воронковидном поддоне, красно и светлоглиняных амфор и лепных сосудов. Еще в одном – вертикально поставленная горловина красноглиняной амфоры, три горловины светлоглиняных амфор, обломки лепного горшка, венчик краснолаковой мисочки, плоский камень и комок красной охры (рис. 5, 1-6). Очевидно, некоторые из ямок просто заполнялись специально разбитой после жертвенных трапез и возлияний посудой [Русяева, 2005, с. 191]. Здесь же на поверхности выявлены и два развала (площадки) из фрагментов – красноглиняной и светлоглиняной амфор. Кроме того, на сопредельных участках обнаружены еще два развала керамики: красноглиняной амфоры и лепных сосудов, и два вкопанных отдельно стоящих лепных горшочка.

В сакральной зоне святилища обнаружено и семь зольников. Пять – это небольшие чашевидные ямки диаметром от 0,6 до 1,8 м при глубине 0,4-0,5 м. Все они заполнены золой и продуктами горения. В одном случае дно подмазано глиной. Находок в зольниках нет. Несомненно, такие небольшие зольники принадлежали отдельным семьям (рис. 6, 6-7).

Кроме семейных, зафиксировано и два больших общественных зольника № 3, 4 (рис. 4). Они расположены в непосредственной близости от глинобитного алтаря-столешницы. Зольник № 3 овальной формы размером 3,5 х 2,5 м с ровными бортами глубиной 0,4 м. Он перекрывает две более ранние жертвенные ямы. Заполнение – золистый грунт с включением древесных угольков. В нем обнаружены фрагменты лепной керамики, кости рыб и животных, в основном кальцинированные. Второй зольник № 4 размером 4,2 х 2,8 м глубиной 0,6 м. Заполнение – зола с прослойками древесного угля, краснообожженной глиняной крошки и отдельные камни. Находки – немного керамики различных категорий, растиральник, каменное и глиняное пряслица, каменный шарик, и бронзовый дупондий Антонина Пия (138-161 гг.).

Среди зольников и культовых ям находились и небольшие тризновые площадки. Они представляли собой округлые (до 0,1-0,2 м) углубления с ровным дном заполненные пережженной глиняной крошкой, поверхность состояла из слоя прокаленной глины (рис. 6, 1-2). Две площадки подпрямоугольной формы. Первая – размером 1,4 х 0,9 м заглублена в материк на 0,15 м. Ее основа состоит из трех слоев беловатой глины, где нижний прокален до красного цвета. Над площадкой мощный слой золы. Вторая – размером 1,5 х 1,2 м состояла из покрытых золой небольших плотно уложенных в один два слоя камней высотой до 10 см (рис. 6, 3, 5). Еще один жертвенник состоял из ямки диаметром 0,6 и глубиной 0,35 м. Придонная часть из слоя коричневатого золистого грунта была перекрыта площадкой из плотной беловатой глины. Остальной объем ямки и пространство над ней были заполнены серой золой (рис. 6, 4).

В центре святилища все эти объекты располагались между одиннадцатью неглубокими ровиками, которые, казалось бы, бессистемно проложены в различных направлениях, но на отдельных участках они были соединены между собой и представляли преднамеренно созданный лабиринт (рис. 4; 12, 11). В разрезе ровики имеют форму перевернутой трапеции с шириной верха от 0,25 до 0,5 м, шириной дна 0,15-0,45 м, при глубине 0,2-0,35 м. На данный момент, ровики исследованы в длину от 4 м до 39 м. К основному ровику-траншее № 2 примыкают или связаны с ней все остальные ровики комплекса. Ширина верха ровика № 2 варьирует от 0,8 до 1,3 м, ширина дна 0,4-0,7 м и глубина 0,4-0,65 м (рис. 13, 4-7). Борта ровика № 1 были тщательно подмазаны глиной и слегка обожжены. Вероятно, предположить, что на поверхности ровики были перекрыты и по ним распространялся дым, выходя в определенных местах святилища. Это подтверждается и тем, что в неглубокой яме, служившей точкой соединения пяти ровиков, разводили большой огонь, и стенки их на данном участке оказались сильно прокалены. Очевидно, система ровиков так же входила в единый сакрально-архитектурный комплекс святилища. Еще одна отдельно отстоящая глубокая траншея со ступенчатыми бортами обнаружена севернее центра святилища. Ее зафиксированная длина – 8 м, ширина верха 3 м, ширина дна 0,7 м, глубина 1,4 м. Между ровиками и на ближайшей площади исследовано 53 жертвенных ямы.

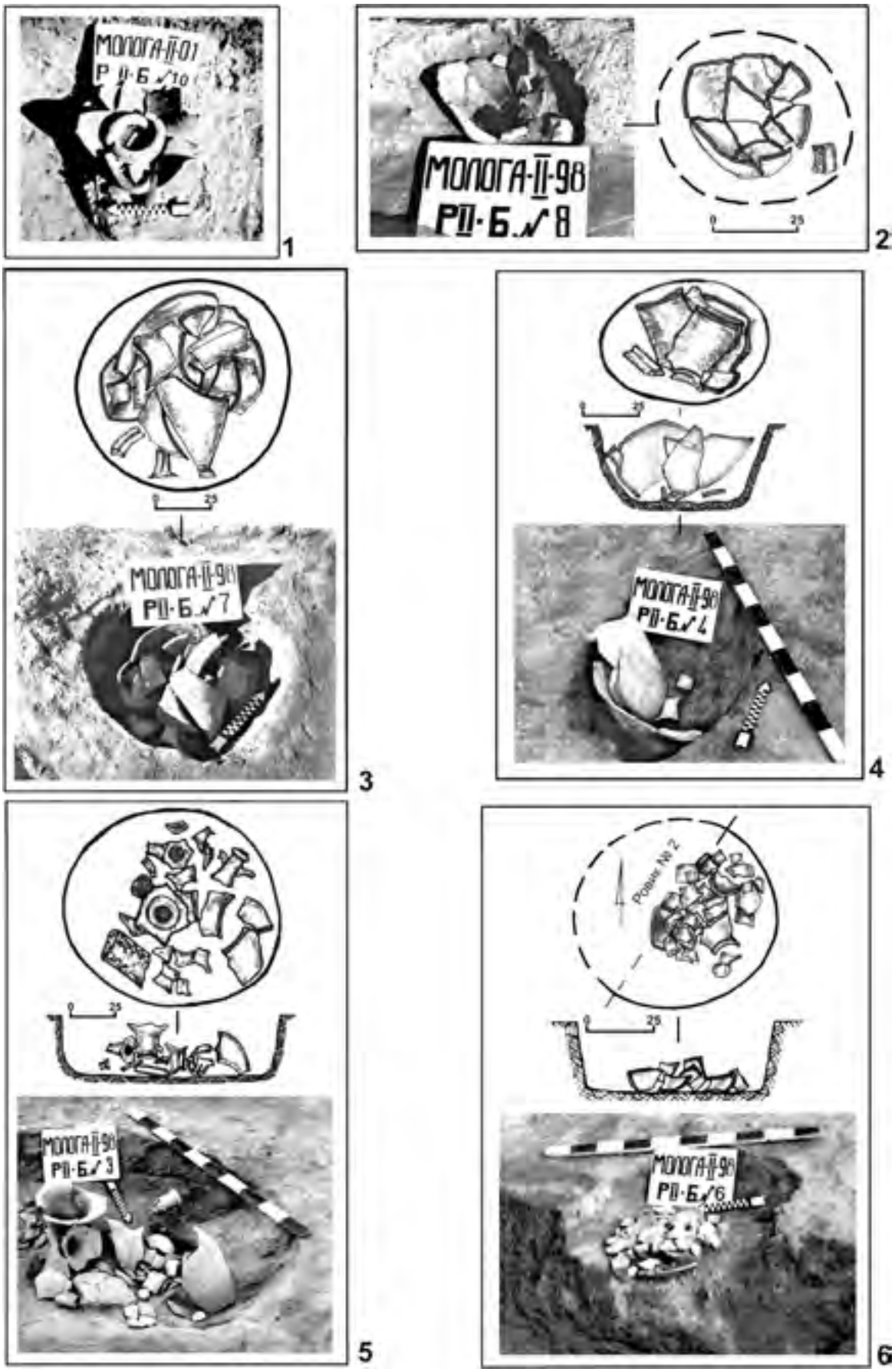


Рис. 5. Жертвенники, в виде обломков сосудов, целенаправленно уложенных в ямки.
1 – № 10; *2* –№ 8; *3* – № 7; *4* – № 4; *5* – № 3; *6* – № 6

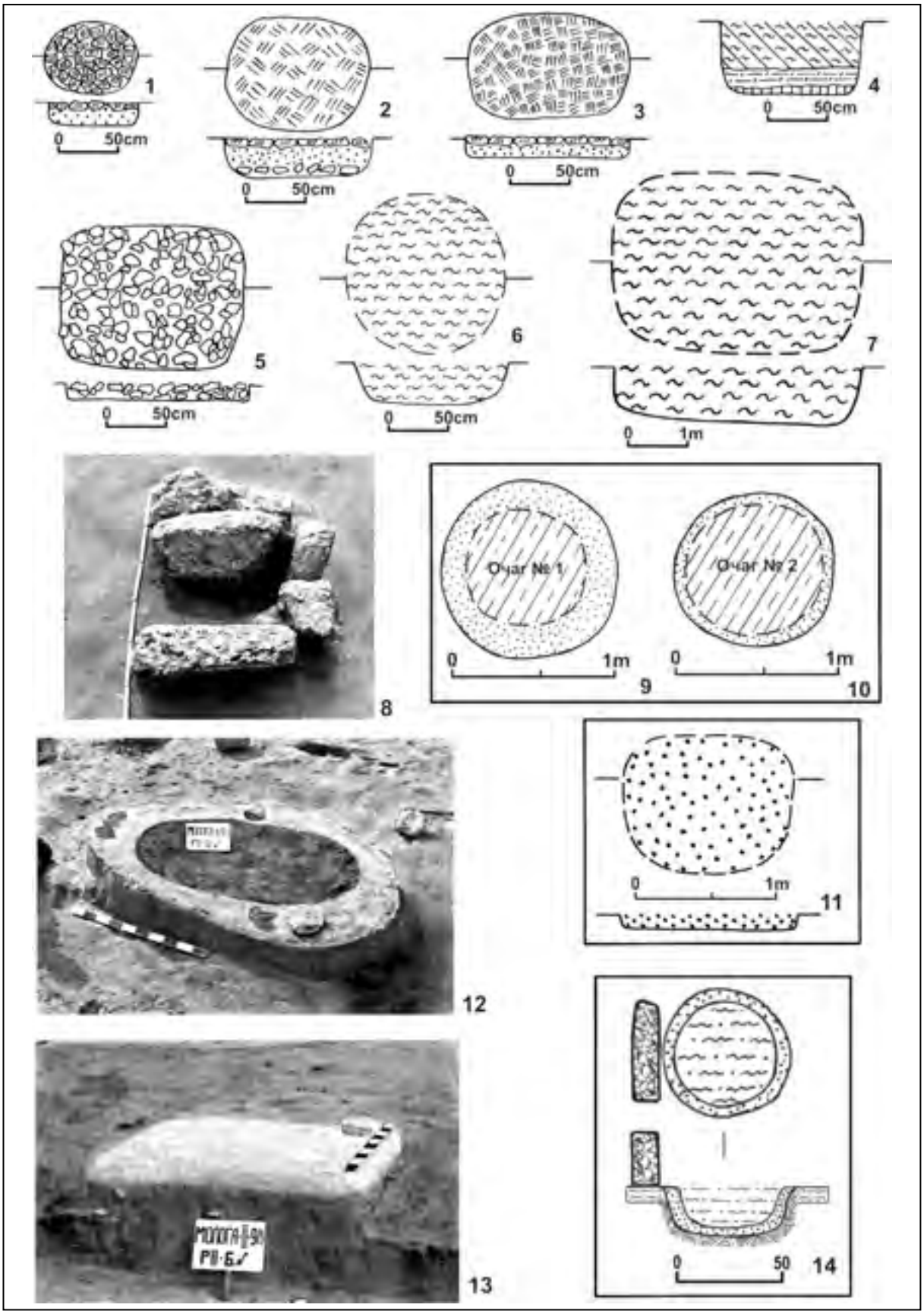


Рис. ***6***. Культовые объекты различных видов.
1-3, 5 – тризновые площадки; *4* – индивидуальный жертвенник; *6-7* – зольники; *8* – подалтарный пьедестал на раскопе VI-1; *9-10* – очаги-кострища на раскопе VII-7; *11* – очаг-кострище № 3 на раскопе II-Б; *12* – центральный очаг-кострище № 1 на святилище с пятью лепными светильниками; *13* – глинобитный алтарь в центре святилища; *14* – очаг-кострище № 2 на раскопе II-Б

Западный участок святилища. В тридцати метрах к западу, от центра святилища на раскопе VII-7 на площади 230 м^2 исследован еще один ритуальный комплекс. На данный момент там вскрыто 26 культовых ям и две ямы-зольники (рис. 2; 7). К блоку жертвенных ям примыкает большая (более 35 м^2) площадка из беловатой глины толщиной 0,1 – 0,2 м, на которой на расстоянии в два метра один от другого были возведены два очага. Очаги диаметром 1,0 м, чашевидные в разрезе глубиной до 0,3 м вырыты непосредственно в площадке, борта их прокалены до красного цвета (рис. 6, 9-10). К югу и северу от очага № 1 была прорыта широкая от 1,0 до 2,8 м канавка глубиной 10-15 см, заполненная золой и перекаленной глиняной крошкой. Южная оконечность канавки примыкает к большому зольнику № 3 (рис. 7, 1).

Яма зольника № 3 цилиндрическая в разрезе глубиной 0,9 м с ровным дном диаметром 3,0 м. Объем зольника не ограничивался только параметрами ямы, так как зола продолжала складироваться небольшим терриконом и поверх нее. В зольнике обнаружено 1190 обломков сильно фрагментированной керамики и другие находки. Можно выделить бронзовые: ключ-кольцо, обломок фибулы, бронзовый тирский ассарий императора Домициана (81 - 96 гг.) и сегмент еще одной монеты. По всей видимости, лишь в большие (относительно для Мологи) зольники сбрасывали не только золу во время отправления обрядов всей общиной, но и помещали обломки посуды, отдельные предметы или их символы и монеты.

Еще один небольшой зольник № 15 находился в 3,2 м южнее. Его основу также составляла неглубокая, заполненная золой яма диаметром 1,7 м. Слой золы прослежен и над ямой (рис. 7, 2). После окончания функционирования, на краю зольника соорудили небольшой алтарь. Над слоем обломков красноглиняной амфоры установили группу камней, которые в свою очередь были перекрыты площадкой 0,4 х 0,5 м из стенок и ручек такой же амфоры (рис. 7, 3 - 4).

Как жертвенники, использовались и большие переносные глиняные жаровни. Так рядом с очагом № 1на глинобитную площадку поместили одну жаровню, а в шести метрах южнее другую. Данные жаровни полностью аналогичны обнаруженным в культовых ямах. Они изготовлялись округлой, но чаще подквадратной формы размером 0,8–0,9 м с вертикальным массивным бортиком. Высота жаровен 12 -17 см, а толщина пода 5-6 см. Формовались они из грубой глины с примесью половы (рис. 10, 29). В основном, они хорошо прокалены до красного цвета, но встречаются и «полуфабрикаты», когда обжиг слабый, неравномерный, а некоторые и вовсе просто подсушены и помещены в яму. Нужно отметить, что на поселении даже обломков жаровен практически нет, а все они выявлены только в культовых ямах, где служили обязательным атрибутом их заполнения.

Алтари-жертвенники вне святилища. Кроме алтарей на святилище, на территории поселения Мологи в одном из дворов раскопа III тоже был обнаружен жертвенный комплекс, состоящий из трех алтарей (рис. 13, 3). Жертвенник для возлияний № 52 представляет собой круглое в плане воронковидное сооружение из камней местного известняка. Изначально в грунте выкопали конусовидную яму и на дно ее поместили блок плотного мелкоструктурного песчаника толщиной в 13 см с просверленным конусовидным отверстием. Верхний диаметр отверстия 18 см, нижний 6 см. По периметру поверх блока в виде квадрата были поставлены четыре относительно крупных камня. Для одного из камней подосновы использовали обломок торцовой стенки ручной мельницы из гранита. Выше по окружности, борта ямки укрепили небольшими плоскими веерообразно уложенными камнями. Камни в четыре-пять рядов в высоту были положены насухо, весьма плотно, и местами в переплет. Высота (глубина) жертвенника 0,48 м, внешний верхний диаметр 1,0 м (рис. 12, 1; 13, 1).

В трех метрах к юго-западу был расположен еще один жертвенник для возлияний № 51 (рис. 12, 2; 13, 2). Он представлял собой небольшую ямку чашевидной в разрезе формы диаметром 0,5 -0 ,55 м и глубиной до 0,2 м. По центру ямки, горловиной вниз была вертикально поставлена верхняя половина лепного горшка, окруженная обломками еще четырех горшков. Рядом поместили небольшой широкогорлый буролаковый кувшин. После засыпки ямки над ней, в виде реперного обозначения, поместили обломки толстостенного лепного горшка. Вокруг жертвенника так же выявлено большое количество обломков лепных сосудов.

В 0,7 м северо-восточнее жертвенника № 52 находится еще один жертвенник № 54. Это была площадка размером 0,7 х 0,35 м из стенок и венчиков двух светлоглиняных узкогорлых амфор и нескольких костей животных. С юго-запада развал был ограничен несколькими камнями и двумя обломками каменных растиральников округлой и подпрямоугольной форм (рис. 13, 3).

Еще один алтарь был обнаружен на раскопе VI между святилищем и поселением в районе, где рядом с культовыми ямами и даже перекрывая их, сохранились остатки каменных построек отдельной усадьбы. На этом участке среди строений проходила каменная

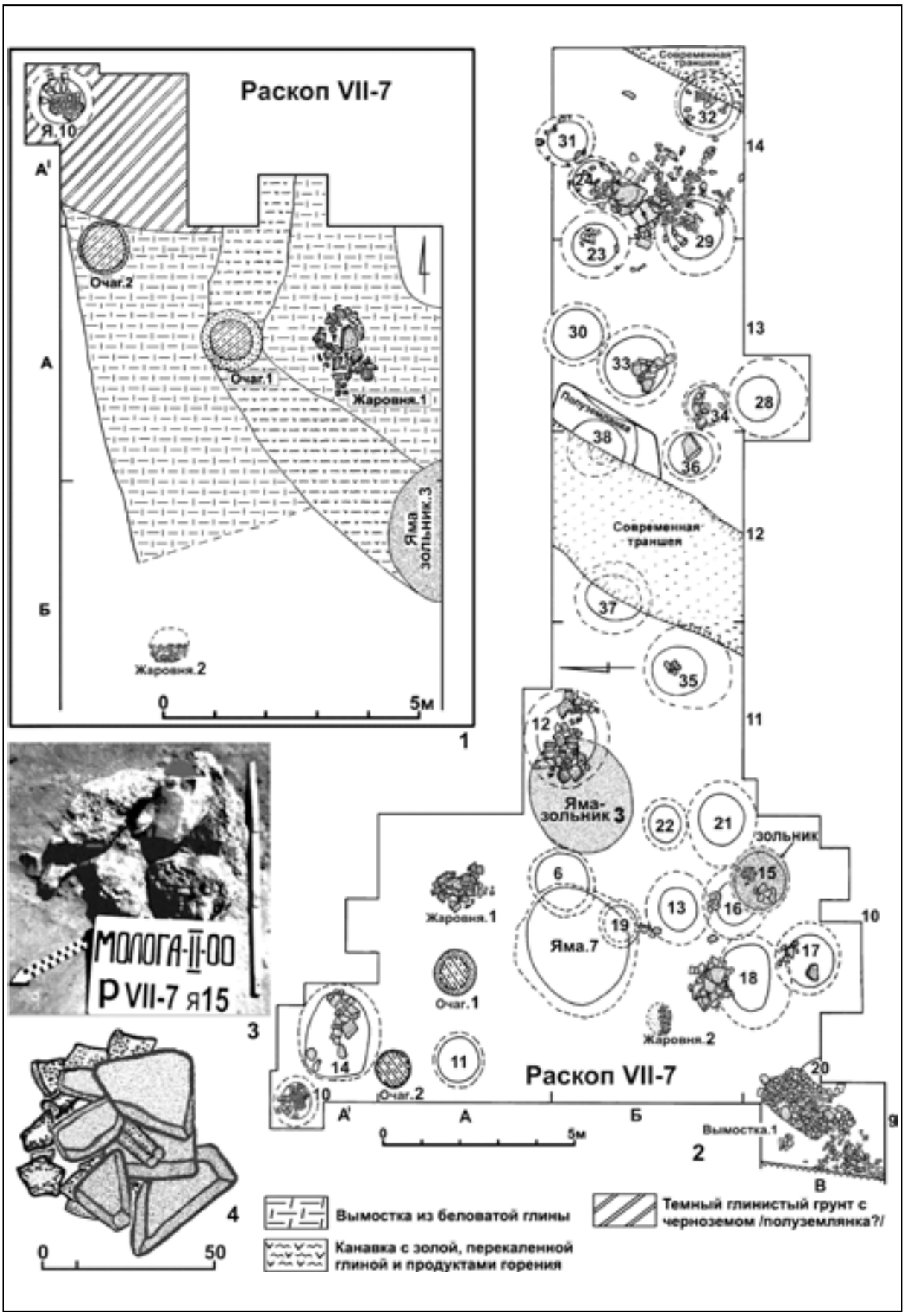


Рис. 7. Западный участок святилища.
1 – план верхнего уровня западного участка святилища; *2* – комплекс культовых ям, зольников, очагов и переносных жаровен; *3-4* – алтарь-жертвенник над зольником № 15

улица, с северной стороны которой и находился алтарь. Это был подалтарный «пьедестал» «П» образной формы из поставленных на ребро подтесанных каменных плит. Внешние размеры жертвенника – 0,84 х 0,7 м, высота 0,3 м. Верхняя плита перекрытия /столешница/ не сохранилась (рис. 6, 8).

Культовые ямы – жертвенники служили наиболее ритуально-предпочтительными объектами и местами для жертвоприношений в Мологе. Они **о**тмечены на всей площади могильника, святилища и даже севернее и западнее поселения, вне жилых построек.

Ямы в плане округлой формы. В разрезе преобладают трапециевидные 43,2%, но с наличием невысокой горловины, грушевидные 17,4%, колоколовидные 13,6%, цилиндрические 10,6%, чашевидные 8,3%, боченковидные 3,8%, конусовидные 3,1%. Диаметр устья ям колеблется от 0,7 до 3,1 м, дна от 1,2 до 3,5 м, глубина от 0,6 до 3,5 м. На поверхности многие ямы были маркированы крупными камнями или каменными “пирамидами”. Некоторые ямы относились к определенному погребению или склепу и выкапывались к моменту захоронения. Так, одна половина краснолаковой миски была помещена рядом с погребенным в грунтовой могиле № 8, а вторая – в поминальную яму расположенную рядом. На многих участках ямы размещены настолько плотно, что почти соприкасаются придонными частями, но очень редко врезаются одна в другую. В этом случае к содержимому более ранней ямы относились бережно, отделяя его камнями или глиняной подмазкой [Малюкевич, 1994, с. 120].

Большие ямы подготавливались весьма тщательно. Дно выравнивали, часто подмазывали влажной глиной, изредка подсыпали речным песком с примесью ракушек. В них разводили костер, обжигая дно и стенки. Иногда на дне, обычно вдоль бортов, устраивали жертвенник в виде площадки из стенок амфор или плоских камней, а в некоторых дно и нижняя часть забутовывалась крупными камнями. Отмечены также остатки тлена от кошмы (шкур) и циновок.

Практически все ямы имели заполнение, состоящее из перемежающихся остатков поминального пиршества и прослоек глины. Основная масса заполнения состоит из серого, сероглинистого и серозолистого грунтов насыщенного краснообожженной глиняной крошкой с прослойками или пятнами золы. Наличествуют также древесные угольки, комочки желтой глины, прослойки коричневатого или беловатого тлена.

На дне ямы, как правило, находятся остатки первой, наиболее пышной и значимой тризны. Рядом на жаровнях, площадках и кострищах готовились поминальная еда, часть которой вместе с золой и битой посудой ссыпалась в яму. При этом остатки каждой последующей тризны обязательно отделялись от предыдущей прослойкой желтой глины (рис. 8). В некоторых ямах удалось проследить до десяти тризн. Все эти артефакты свидетельствуют о том, что возможно, у обитателей Мологи был весьма развит обряд паренталий [Малюкевич, 1994, с. 204].

Во многих ямах обнаружено большое количество фрагментированной керамики. Но при статистических подсчетах необходимо учесть, что 19 ям были безынвентарными, 35 сильно разрушены, а в 23 найдено всего до двадцати мелких обломков посуды, которые могли попасть в яму случайно из культурного слоя. В процентном соотношении керамика из ям распределяется следующим образом: красноглиняные амфоры – 27,7%, лепная – 26,6%, светлоглиняные амфоры 17,7%, красноглиняные кувшины на воронковидном поддоне – 17,0%, краснолаковая посуда – 5,8%, красноглиняная столовая – 1,8%, серолощеная керамика – 1,0%, светлоглиняная – 0,8%, розовоглиняная – 0,7%, сероглиняная кухонная - 0,7%, красноглиняная кухонная – 0,2%. Единичными экземплярами представлены обломки красноглиняных пифосов.

В ямах довольно много обломков лепных сосудов, но практически нет сероглиняной и серолощеной керамики представленной на поселении в большом количестве. В наиболее богатых тризнах на дне ям устраивали жертвенник в виде уложенных, или поставленных вертикально, практически целых амфор, красноглиняных кувшинов, крупных обломков лепных сосудов. В некоторых случаях, при проведении последней тризны амфоры помещались в ней, или же в устье ямы (рис. 8, 1 - 2, 4 - 5).

В ямах с обильными тризнами обязательно присутствие целых или крупных частей красноглиняных кувшинов на воронковидном поддоне и амфор, большого количества лепной керамики, которая иногда превалирует над амфорной тарой. Устойчивым обычаем было помещение в яму целой или обломков одной или двух переносных жаровен, конусовидных крышек лепных сосудов, камней, галек-окатышей, кремней, каменных и глиняных шариков, раковин улиток или речной «перловицы». В наиболее пышных тризнах встречаются лепные светильники, миниатюрные лепные сосудики – (игрушки), курильницы, глиняные диски, глиняные «хлебцы», пряслица, пирамидальные грузила из необожженной, или слабопрокаленной глины, а также астрагалы, оселки, растиральники, конкреции керамического шлака, костяные рашпили и проколки. Отмечены отдельные находки бронзовых фибул, браслетов, иголок,

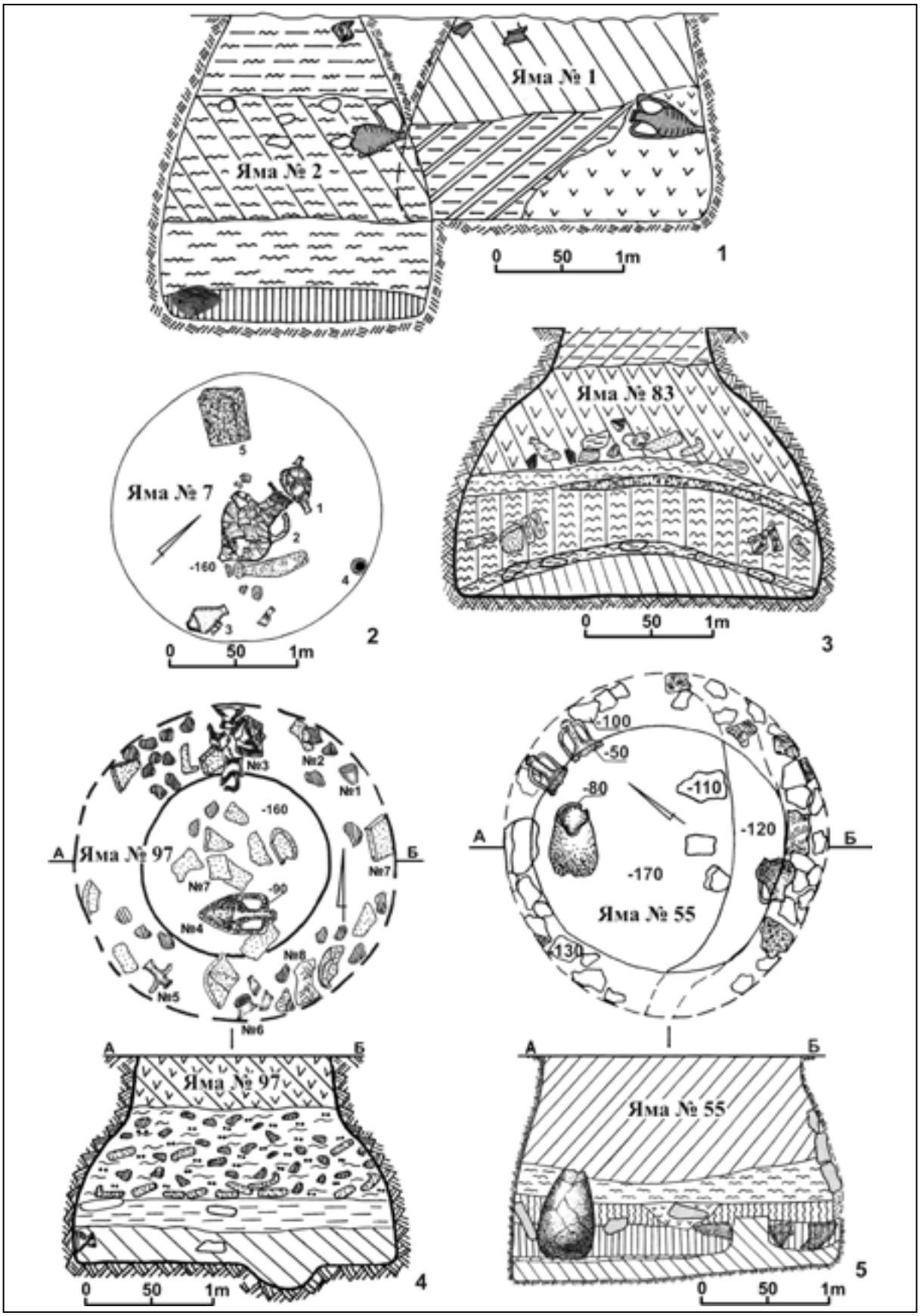


Рис. 8. Типы культовых ям.
1 – разрез заполнения ям № 1 и № 2 на раскопе VI-2; *2* – расположение сосудов в культовой яме № 7 раскопа II-1; *3* – разрез заполнения ямы № 83 на раскопе II; *4* – расположение находок и разрез заполнения ямы № 97 на раскопе II; *5* – расположение находок и разрез заполнения ямы № 55 на раскопе II

заклепок, железных гвоздей и ножей, свинцовые пластины, обломки стеклянных сосудов, бисер и бусины.

Наряду с традиционными жаровнями, изредка как жертвенники использовались и глиняные подносы округлой, или подквадратной формы с невысоким бортиком по краю. Они изготовлялись из тонкой глины, иногда слабо обожжены или просто подсушены. Их размеры 25 – 30 см, миниатюрные 8 х 9 см, а крупные до 50 см. Иногда использовались округлые, диаметром до 0,3 м, миски-жаровни из грубой сырцовой глины. Некоторые из них имели вертикальные ручки не снаружи, а внутри чаши (рис. 11, 11).

Изредка, в культовых ямах встречаются и вотивные предметы неординарной формы. Это изделия из необожженной, или слабообожженной глины: столбик с углублениями на торце /подобие подсвечника/, прямоугольный блок с тремя углублениями, массивный круг с отверстием в центре, фигурка совы, комки глины с отпечатками пальцев, антропоморфная фигурка. Кроме того, найдены подставки в виде головы двурогого животного и в виде ноги животного с копытом, изделие из обожженной глины в форме многогранника или конуса (рис. 10, 25, 30, 14, 7).

Как и на некоторых позднескифских и гето-дакийских памятниках, в жертвенных ямах Мологи были обнаружены разбитые, так называемые, «очажные подставки», «рогатые кирпичи» или «коньки» с окончанием в виде головы животного или птицы. Но в Мологе найден и экземпляр не с прямым, а дуговидно закругляющимся корпусом и сохранившимся остатком пода. Возможно, два таких полукруглых сегмента использовались как переносные борта обкладки временного очага (рис. 10, 27). Все исследователи едины в том, что «коньки» имеют фракийское происхождение и культовое предназначение [Вязьмитина, 1962, с. 208 – 217; Гаврилюк, 2009а; 2009б]. Выяснилось и то что, все «коньки» были связаны с домашними алтарями, найдены с отбитыми в древности головами и играли магическую роль в обрядовых действиях. Очевидно, что тризноположение «коньков» в жертвенные ямы Мологи, как и «коньки» в домашних алтарях нижнеднепровских городищ указывают на проявление парциальной магии, pars pro toto – часть заменяет целое, а «коньки» символизируют переход между земной жизнью и потусторонним миром [Гаврилюк, 2012, с. 22, 25]. Несомненно, и то, что помещение в моложские культовые ямы разбитых «коньков» несло семантическую замену кровавых человеческих жертвоприношений.

Как переносные жертвенники применялись и маленькие камни подквадратной формы с небольшим углублением. Один из таких алтариков использовался весьма часто, так как внутренняя поверхность его со следами копоти и прокалена (рис. 10, 13).

Кости животных, в том числе кальцинированные, присутствуют во всех ямах. Но в отдельные ямы помещали части туш овец, коров, лошадей. Целыми обнаружены только одна туша коровы и много костяков собак. Среди жертвенных животных преобладали молодые особи (определение Секерской Е.П.).

Изначально тризны происходили в непосредственной близости от склепов, где исследовано уже более 130 ям. Позже создание ям было перенесено на соседнее плато, расположенное ближе к жилым постройкам, где погребения совершались уже только в одиночных грунтовых могилах. Здесь же и было организовано святилище.

Примечателен тот факт, что при рытье такого количества рядом расположенных ям, вся площадь должна была быть просто погребена под выбранным грунтом. Но этого не происходило, так как перед рытьем ямы, площадку для нее специально расчищали и почву снимали практически до материка, а грунт сбрасывали в береговые обрывы и овраги. Такая же практика очистки территории от выбранного грунта, но уже и при сооружении склепов, отмечена и в римском Никонии [Бруяко и др., 2008, с. 144–148].

Яма как основной объект жертвоприношений сама подвергалась определенным ритуальным действиям. Ведь яма это углубление – проникновение ниже бытового горизонта. Она предназначалась для жертвоприношений хтоническим богам и являлась полувиртуальной моделью «мини храма», где проводились обрядовые ритуалы, отделяющие их и приношения от профанного пространства. Приношения были не только вотивные, но и в виде бытовых, часто пришедших в негодность, предметов, но которые в контексте происходящей церемонии несли в себе уже культово-семантическую нагрузку. Каждый продукт или процесс в поминально-погребальной обрядности становится синомичным и сакральным во взаимосвязи земного и хтонического миров [Тульпе, Хршановский, 2002, с. 161-162].

Захоронения собак в культовых ямах. Еще одним важным, отличительным от других памятников, элементом обряда жертвоприношений в Мологе является массовое умерщвление и ритуальное захоронение собак. На данный момент в 26 ямах зафиксировано 36 костяков, черепа, и несколько отдельных костей собак. Все они обнаружены только в культовых ямах. В двух случаях по две собаки сопровождали захоронения младенцев, в двух – часть ритуально разрушенных костяков взрослых, в одной яме было погребено

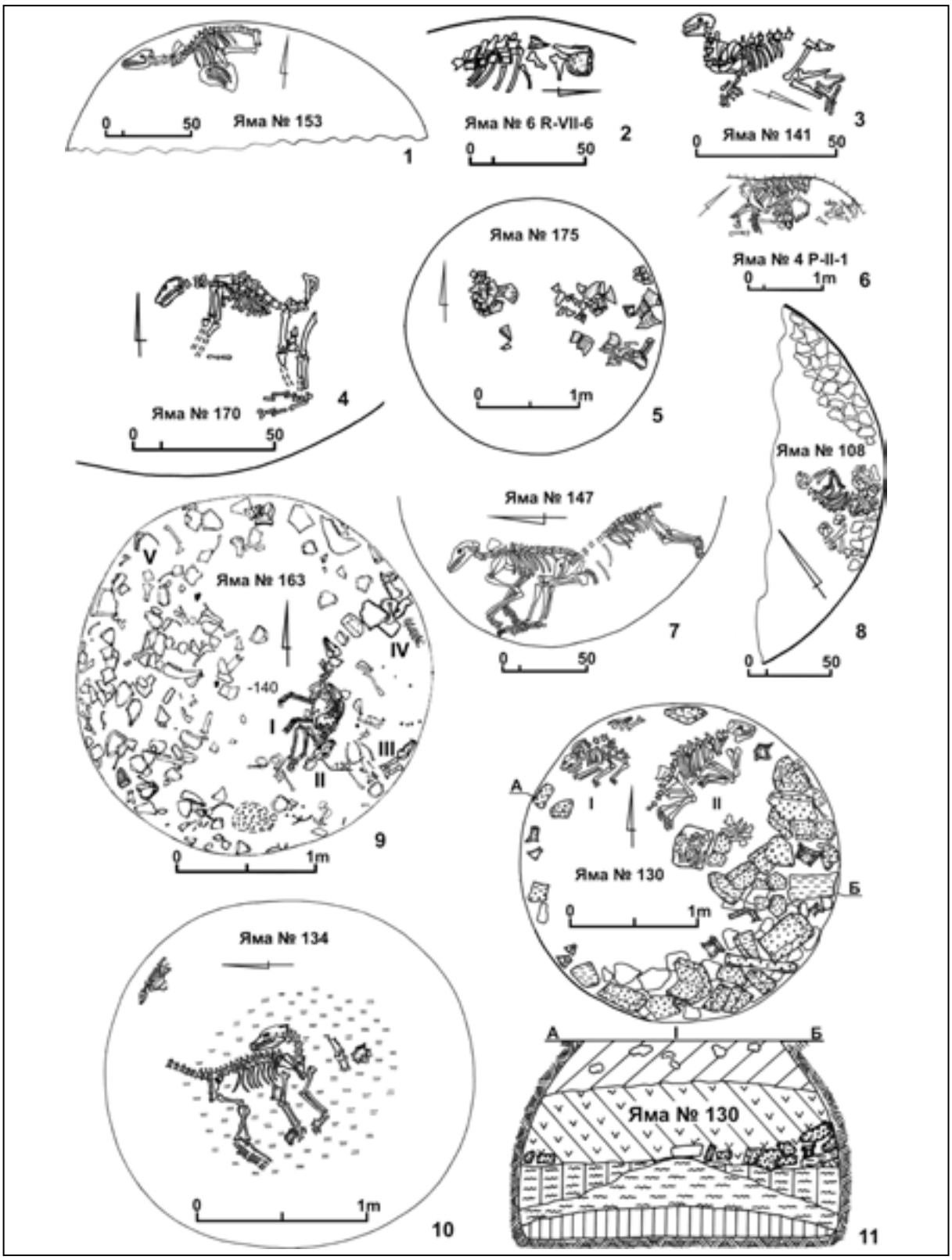


Рис. ***9***. Типы захоронений собак в культовых ямах Мологи.
1 – захоронение собаки в яме № 153. Раскоп. II-Б; *2* – фрагментированный скелет собаки в яме № 6, раскоп VII-6; *3* – костяк собачки на дне ямы № 141, раскоп II; *4* – костяк собаки в яме № 170, раскоп II-Б; *5* – вымостки из стенок амфор и костяк собачки в яме № 175, раскоп II-Б; *6* – костяк собаки в яме № 4, раскоп II-1; *7* – два костяка собак на дне ямы № 147, раскоп II; *8* – костяк собаки и маленького животного на вымостке дна ямы № 108, раскоп II; *9* – ритуально разрушенные костяки собак и целый скелет в яме № 163, раскоп II; *10* – маленькое животное и костяк собаки на площадке из органического тлена в яме № 134, раскоп II; *11* – разрез ямы и костяки собак и маленького животного рядом с вымосткой из трех разбитых жаровен в яме № 130, раскоп II

пять костяков собак, четыре из которых подверглись ритуальному разрушению. В некоторых случаях у животных отсекали головы и помещали их за спиной. Ямы с костяками собак составляют около 13% от всего количества раскопанных ям, или собак помещали в каждую восьмую культовую яму святилища и обычно в них находятся кости и других животных. [Малюкевич, 2003, с. 106].

Какой-либо закономерности в месторасположении ям с костяками собак не существует. Характер заполнения и керамический состав идентичен материалам ординарных культовых ям. Костяки собак примерно в равных количествах помещались по всем секторам ямы и только два скелета обнаружены в центре, а один в южной части ямы. Собаки укладывались вдоль бортов вплотную к стенкам ямы. Часто собаки помещались на каменные вымостки и перекрывались отдельными камнями, или крупными обломками амфорных стенок.

В ориентации скелетов превалирует северная с вариантами позиция положения животных. Всего три костяка положены в направлении на юг, но при этом их головы неестественно вывернуты назад за спину мордой на север (рис. 9, 10). Примерно в равных количествах собак укладывали на правый или на левый бок, реже на живот с наклоном вправо или влево. Большей части сохранившихся костяков придана поза явно агрессивного животного: собака в прыжке, собака, готовящаяся к прыжку, бегущая собака в различных стадиях бега. Единичны статичные позы стоящего или лежащего животного.

После погребения, часть костяков собак, в ямах, где их поместили более двух, были ритуально разрушены. Так, у трех костяков черепа вообще отсутствуют, у шести отсечены и смещены в сторону или к задней части туши, а в яме 165 находился только один череп.

На ближайшем позднескифском некрополе Никония в ямах были обнаружены четыре обезглавленных костяка собак и восемь обезглавленных же туш лошадей. А в одной из ям найден еще и просверленный астрагал собаки. Как и в Мологе, собаки были довольно крупными (51–61 см в холке), относились к группе охотничьих и наиболее близки современным пойнтерам [Бруяко, Секерская, 1994].

В это же время у сармат Буджакской степи захоронения собак, обнаружены всего в двух случаях [Фокеев, 1991, с. 58], и еще в четырех отмечены напутственная пища и захоронение туш животных [Дзиговский, 1993, с. 21]. Можно утверждать, что обитатели Мологи не могли позаимствовать такой обряд у соседей-сармат.

Жертвоприношения собак выявлены и на позднескифских памятниках Крыма. В некрополе Неаполя Скифского в девяти склепах вместе с погребенными обнаружено 18-19 собак и в четырех еще по одной кости [Сымонович, 1983, с. 41 - 79]. На Альма-Керменском городище в трех ямах обнаружены три костяка собак [Высотская, 1972, с. 38]. На Усть-Альминском некрополе собака была положена в склеп № 51, но в двух ямах под зольником было обнаружено в одной два, в другой 18 погребений собак, из которых отдельные особи оказались расчлененными [Высотская, 2001, с. 78 - 79]. На поселении Доброе на дне трех ям обнаружены захоронения собак [Колтухов, 1981, с. 261 - 262]. На Нижнем Днепре только в Золотобалковском могильнике вместе с погребенными обнаружено два костяка собак [Вязьмитина, 1972, с. 110-111].

В низовьях Дуная, на окраине посада I-III вв. н.э. бывшего фракийского городища Картал, было исследовано более трех десятков тризновых ям с присутствием в некоторых из них костяков собак. (Информация нач. экспедиции И.В. Бруяко).

Но значительные комплексы культовых ям, где широко распространен обряд жертвоприношений собак, являлся обычным для всей территории занимаемой фракийским населением, а также «варварами» Европы (кельты, иллирийцы, германцы) [Сырбу, 1996].

Очевидно, что для первых веков н.э. жертвоприношения собак оказались наиболее характерными для фракийцев и поздних скифов Нижнего Поднестровья и Крыма. А обитатели Мологи могли позаимствовать его у своих ближайших западных соседей. В Мологе нет собак, положенных в могилы – все они обнаружены исключительно в культовых ямах. Несомненно, что в данном регионе собака выступала как особо почитаемое жертвенное животное, и ее жертвоприношение было одним из основных ритуалов общей погребально-поминальной практики. Бесспорно, в Мологе мы наблюдаем яркое проявление реминисценции скифского обряда, где кровавые жертвоприношения человека были заменены умерщвлением и захоронением собак [Малюкевич, 2003, с. 110].

Святилищ с таким разнообразным спектром представленных жертвенников как в Мологе, среди памятников римского времени в Северо-Западном Причерноморье пока еще не зафиксировано.

Так на нижнеднепровских позднескифских могильниках только в Николаевском обнаружены восемнадцать, а в Золотобалковском – четыре почти пустых тризновых ямы. На городищах же известны только зольники [Высотская, 2001, с. 77]. А глинобитные площадки как домашние алтари обнаружены

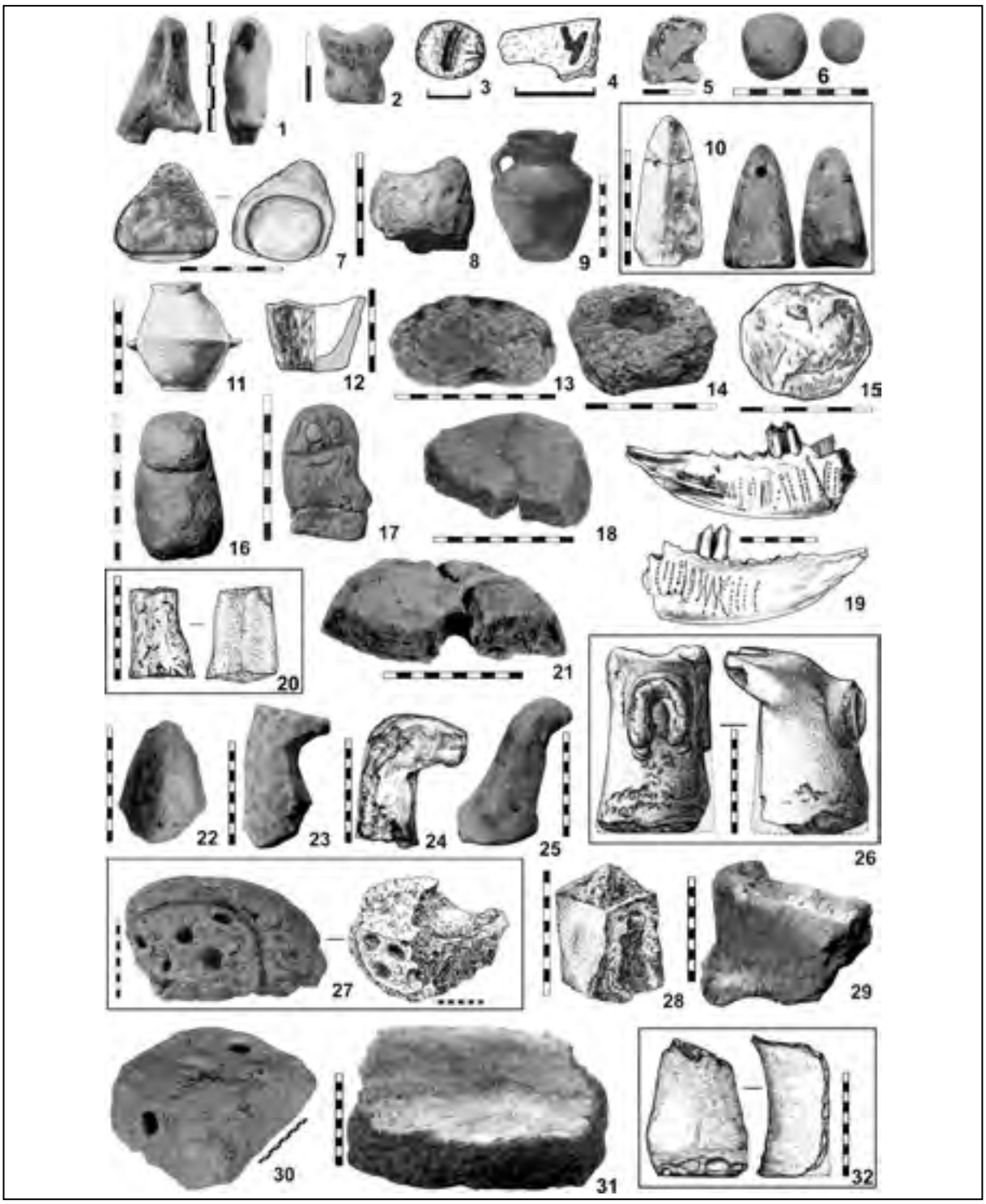


Рис. ***10***. Вотивные предметы из культовых ям.
1 – антропоморфная фигурка; *2* – миниатюрный сосудик; *3* – глиняный шарик с прорезью; *4* – граффити на кости; *5* – глиняное изделие (детская игрушка 7); *6* – глиняные шарики; *7* – конусообразная глиняная пробка; *8* – керамический цилиндр; *9* – лепной кубок; *10* – пирамидальные грузила; *11* – лепной горшочек; *12* – лепная чашечка; *13* – комок подсушенной глины с отпечатками пальцев; *14* – каменный алтарик; *15* – глиняный предмет из необожженной глины; *16* – орнитоморфная фигурка из необожженной глины; *17* – фигурка совы из необожженной глины; *18* – глиняный диск; *19* – нижняя челюсть коровы орнаментированная пунктирными насечками; *20* – фрагмент зооморфной фигурки из необожженной глины; *21* – фрагмент глиняного диска с отверстием в центре; *22* – обломок пирамидального предмета; *23* – верхняя часть "конька" в виде головы лошади; *24* – верхняя часть "конька" в виде головы овцы или лошади; *25* – часть в форме птицы; *26* – очажная подставка (алтарь) в форме двурого животного; *27* – глиняный цилиндр (подсвечник); *28* – ножка курильницы; *29* – фигурная часть переносного очага; *30* – глиняный блок с округлыми углублениями; *31* – фрагмент переносной жаровни; *32* – обломок очажной подставки (алтаря) в форме ноги животного

только внутри помещений и связываются с фракийскими традициями [Вязьмитина, 1962, с. 86; Гаврилюк, 2009, с. 150].

На крымских памятниках поодинокие тризны фиксируются во входных ямах могил или над сводами погребальных камер. Использовали так же углубления над провалившимися или разграбленными склепами [Пуздровский, 2007, с. 124]. В Неаполе отсутствуют жертвенные ямы, а остатки тризны зафиксированы только над царской усыпальницей в мавзолее [Погребова, 1961, с. 108]. Но на городище, обнаружен небольшой участок, где совершались обряды жертвоприношений домашних животных [Высотская, 1979, с. 168].

Близок моложскому комплексу усть-альминский, где на территории городища под зольником I - III вв.н.э., огражденным зигзагообразным ровиком, параметры которого соответствуют ровикам Мологи, было исследовано семь культовых ям [Высотская, 2001, с. 78]. Как непосредственно к жертвенным, можно отнести и 14 конских погребений среди могил некрополя [Высотская, 1994, с. 72].

Глиняные столики, алтари для возлияний с вертикально установленными горловинами амфор, каменные загородки над камнем с отверстием известны на городищах Альма-Кермен и Чайка, но внутри помещений [Высотская, 1972, с. 58; Попова, 1990, с. 196-198; рис. 1-3]. На могильнике Бельбек I зафиксированы остатки тризны в виде кучи камней, перемешанных с костями и пеплом. По глиняной площадке с остатками кострища, и по две–три жертвенные ямы обнаружены на некрополях Бельбек III и Заветное. На Скалистом III выявлено шесть ям, где дно и стенки их обмазаны глиной, а в одной прослежено пять глиняных прослоек между тризнами [Богданова, 1982, с. 38].

На окраине поселения Доброе вскрыто 23 хозяйственных ямы I в. до – III вв. н.э. В них найдены обломки лепных и гончарных сосудов, печина, бронзовые браслеты, три костяка собак и захоронение женщины [Колтухов, 1981, с. 261 - 262]. Но нам представляется, что обилие «хозяйственных» ям со структурным заполнением на окраине поселения с захоронением собак и человека, аналогично комплексу культовых ям в Мологе.

Специальных святилищ не существовало и на некрополях античного населения Боспора. Отмечены только остатки спорадических тризн и жертвоприношений среди склепов или могил. Наиболее распространенными общественными святилищами являлись зольники [Масленников, 1999, с. 126 - 129]. Но на некрополе Фанагории зафиксирована культовая яма первых вв. н.э., а рядом 16 «безынвентарных» могил [Кобылина, 1951, с. 239]. Но судя по характеру заполнения, это были не могилы, а, как и в Мологе, комплекс тризновых ям.

Жертвенников, подобные моложским, исследованы только на некрополях Илурата и Китея. Между погребениями были ритуальные площадки, локальные зольники, развалы керамики, врытые горловины амфор, «П» образные алтари перекрытые камнями с отверстиями, немного и небольшие тризновые ямы и жертвоприношения животных и собак [Хршановский, 2000, с. 242 - 246]. На китейском же святилище обнаружены алтари из поставленных на ребро плитовых камней и четыре ботроса первых веков н.э. [Молев, Молева, 2007, с. 221]. В Тиритаке, но уже на городище, исследованы ямы-ботросы и алтарь для возлияний, где часть амфоры была ограждена камнями. Такие алтари автор связывает с местными культами [Зинько, 2007, с. 138].

В Ольвии так же пока не выявлено четко выраженного жертвенного комплекса относящегося к первым векам н.э. Но какие-то ритуальные действия происходили на территории заброшенных зернохранилищ, датирующихся I-III вв. н.э. [Крапивина, 1993, с. 51]. Среди ям зернохранилища № 1 был возведен деревянный алтарь, а с севера оно было ограждено глубоким рвом с проходившей по дну канавкой. Заполнение всех ям зольное с большим количеством керамики, камней и костей животных, а стенки некоторых были покрыты глиняной обмазкой. По формам, размерам и характеру заполнения, ольвийские ямы совершенно аналогичны моложским, к тому же в семи ямах найдены человеческие скелеты, а в двух захоронения собак – в одной два и в другой пять костяков [Крапивина, 1993, с. 52-59].

Вполне вероятно, что данное святилище было организовано позднескифским населением. Известно, что скифы участвовали в восстановлении Ольвии после гетского разрушения. В.В. Крапивина приходит к мнению, что жители Ольвии и ее округи, а так же их потомки вместе с населением, вероятно, нижнеднепровских городищ, где они укрывались от гетского разгрома, восстанавливают город и образовывают новую гражданскую общину [Крапивина, 1993, с. 143].

Но, практически идентичные, моложскому святилищу комплексы, часто расположенные вне могильников и поселений и состоящие из скопления ям, траншей, очагов, глинобитных жертвенников, тризновых площадок, ритуальных жертвоприношений животных, собак и людей В. Сырбу выделил как специфический тип памятников, широко распространенный у даков Румынии. Он документировал более сорока таких пунктов, где в ямах зафиксированы останки 161 человека, а среди жертвенных животных преобладают (47%) костяки собак.

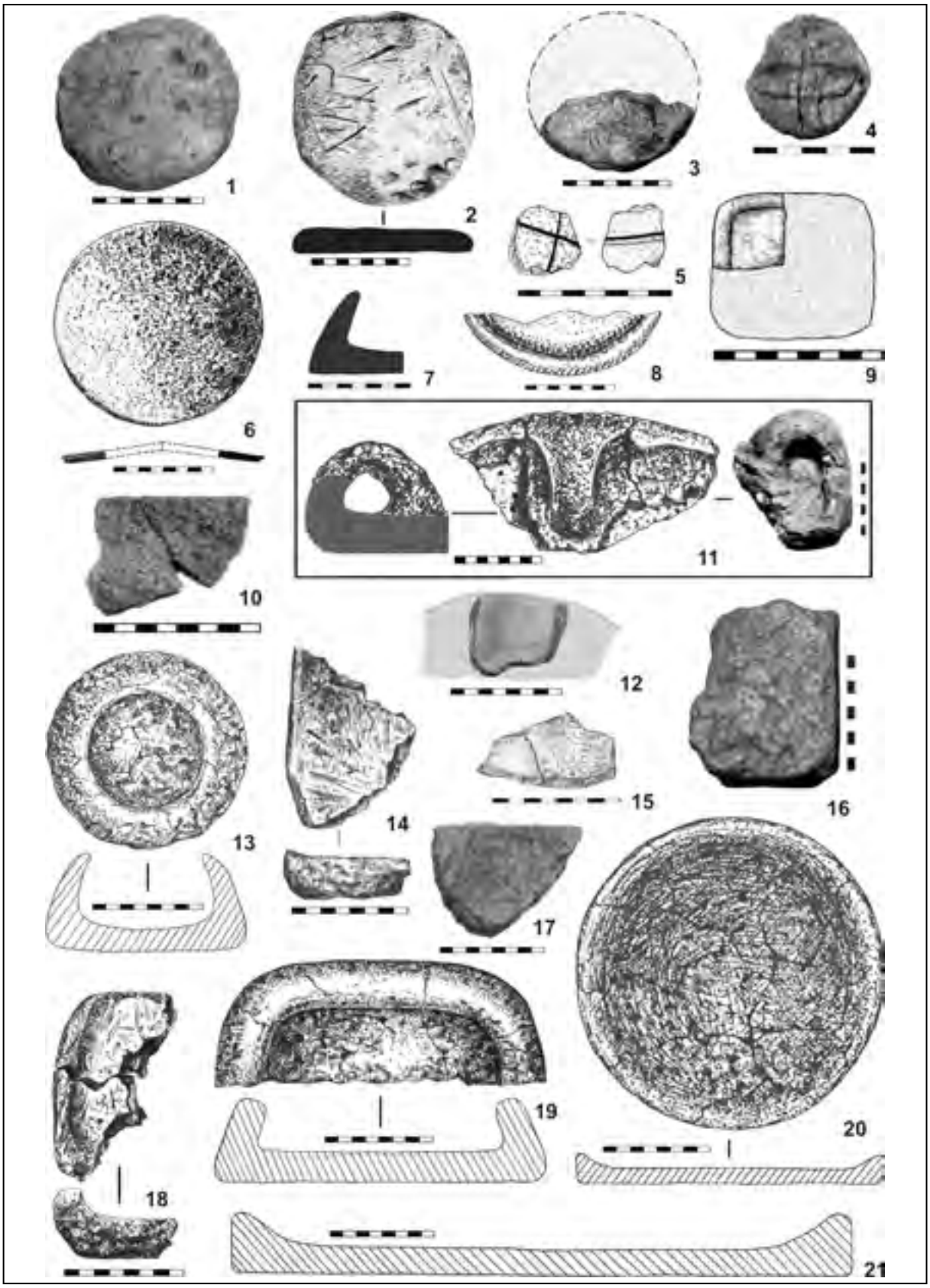


Рис. 11. Глиняные “хлебцы”, диски, площадки.
1-2 – «хлебцы»; *3, 6, 12, 15* – диск; 4 – диск с солярным знаком; *5* – диск с орнаментом; *7* – жаровня; *8, 17-19* –фрагменты “подносов” из подсушенной глины; *9* – фрагмент подставки (алтарика); *10, 14, 16* – фрагменты площадок из подсушеной глины; *11* – фрагмент “подноса” (алтаря) с ручкой из грубой сырцовой глины; *13* – переносная жаровня из грубой сырцовой глины; *20-21* – круглые подносы (алтари) из прокаленной глины

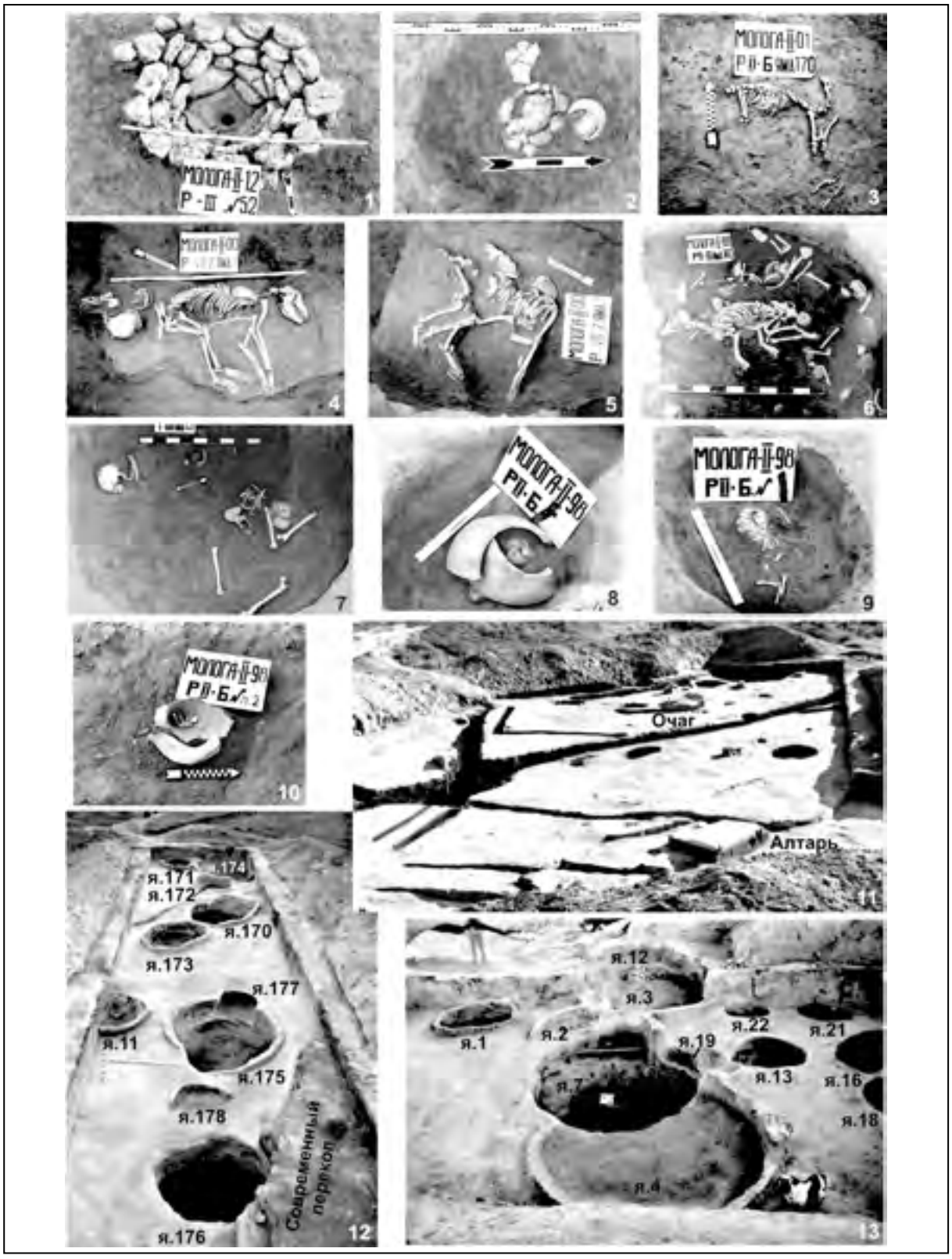


Рис. ***12***. Культовые объекты.
1 – каменный жертвенник № 52; *2* – жертвенник № 51; *3* – костяк собаки в культовой яме № 170; *4* – погребение младенца и собаки № 1 в культовой яме № 7; *5* –костяк собаки № 2, который перекрывал погребение младенца в культовой яме № 7; *6* – костяки собак в культовой яме № 163; *7* – ритуально разрушенный костяк взрослого в культовой яме № 157; *8* – погребение младенца № 12; *9* – погребение младенца № 12 после снятия перекрывающих амфорных стенок; *10* – погребение новорожденного № 13 в красноглиняном кувшине; *11* – система ровиков, очаг № 1 и алтарь в центральной части святилища; *12* – комплекс культовых ям в центре святилища; *13* – комплекс культовых ям на западном участке святилища

Большая часть из них датируется II в. до н.э. – I в. н.э., и включает от нескольких десятков до нескольких сотен ям, заполнение которых указывает на преднамеренный характер возложения материалов и жертвоприношений. [Sirbu 1993, p. 31, 49, anexa 4, 11; Sirbu, 1994, p. 51 - 56; Sirbu, 1996, p. 8–15, fig. 45–62, 125–132, anexa 1, 5 - 10]. Но такие же памятники не менее широко представлены и на территории южной Фракии в Болгарии [Балабанов, 1985, с. 223 - 228; Гинев, 2000, с. 8; Милчев, 1956, с. 486; Овчаров, 1961, с. 63]. Однако, наиболее близкие аналогии комплексу Мологи прослеживаются в культуре карпов II - IV вв. н.э., где так же зафиксированы сосредоточения ям со сложной структурой заполнения и обилием разнообразного материала практически идентичного моложскому [Bichir, 1973; Bichir, 1976, p.6 и сл., fig. XVI - XVIII, XXX - XXXV]. Но, нужно отметить, что глинобитные жертвенники, «коньки» и тризновые площадки находились внутри помещений.

До недавнего времени, Молога представлялась таким себе единственным уникальным объектом позднескифских древностей на западном берегу Днестровского лимана. Но дальнейшими изысканиями было установлено, что ближайшим позднескифским памятником II-III вв. н.э. является поселение Веселое III, расположенное в 12 км к северу от Мологи. На нем, исследовано каркасно-глинобитное строение и часть святилища, которое состояло из площадки, с трех сторон П-образно огражденной глинобитными стенками. Внутри располагался глинобитный алтарь диаметром 0,35 - 0,4 м и высотой 0,35 м. Рядом находилась тризновая площадка овальной формы 2,8 х 2,2 м, сохранившаяся в виде слоя краснообожженной глины мощностью 15-20 см. Вокруг площадки выявлено три ямы. Севернее находилось подквадратное углубление 1,5 х 1,0 х 0,3 м, с двумя заполненными золой выемками и очагом диаметром 0,8 м, а рядом пять ям. В комплексе и вокруг него исследовано 24 культовых ямы и локальные небольшие зольники. Ямы заполнены серозолистым пыльным грунтом с включением краснообожженной глиняной крошки. В них найдено небольшое количество фрагментированной керамики, но иногда фиксируются скопления лепной керамики и развалы лепных же сосудов. В ямах обнаружены кости животных, череп и челюсть коровы, панцири черепах, а так же лепное и халцедоновое пряслица [Малюкевич, 1991, с. 125–126; Малюкевич, 1992, с. 54–55].

Западнее в Буджакской степи разведано 130 памятников I-III вв. н.э., на которых практически отсутствует культурный слой, и фиксируются они по площади распространения фрагментов амфор и лепной керамики аналогичной моложской [Гудкова, 1983, с. 5].

Так на «поселении» Волчья Балка II – первой половины III вв. н.э., при отсутствии жилищ, на площади в 850 м^2 обнаружено скопление и отдельно расположенные ямы, в заполнении которых много керамики, костей животных и продуктов горения. Рядом развал керамики, среди которой целый и несколько раздавленных лепных сосудов, много костей животных и фрагмент затылочной кости человеческого черепа [Паламарчук, 1982, с. 126].

На «поселении» Холмское II жилищ нет, но на площади до 2000 м^2 вскрыто 53 круглых и одна подпрямоугольная в плане яма. Заполнение ям: чернозем, вкрапления желтой и кусочки краснообожженной глины, измельченные кости животных, мелкие камни, прослойки продуктов горения. Среди керамического материала преобладают обломки лепных сосудов скифского облика. На поселении Староселье в одной из ям найдено три целых узкогорлых светлогиняных амфоры первой половины III в. н.э. Кроме того, по несколько десятков подобных ям исследовано на памятниках Старые Трояны III, Главаны III, Каменское III, Нагорное III, Белолесье, Хаджидер I. На поселениях Дракуля I и II, Главаны IV и Ташлык V обнаружен только редкий разброс керамики без следов жилищ и хозяйственных ям. [Фокеев, 1982, с. 119 - 124; Фокеев, 1987, с. 16 - 17; Гудкова, Фокеев, 1984, с. 66].

Исследователи все ямы интерпретировали как хозяйственные, принадлежащие стойбищам кочевников и оседающего на землю населения [Гудкова, 1983, с. 10; Гудкова, Фокеев, 1984, с. 68; Фокеев, 1987, с. 19;]. И это несмотря на то, что не существовало ни самих поселений и населения, которое бы занималось этим самым хозяйством. Несомненно, что объекты, где исследованы только комплексы ям со сложной структурой заполнения и с преобладанием скифоидных лепных сосудов, явно принадлежат «полям ритуальных ям» и небольшим, подобным моложскому, святилищам.

На левом берегу в низовьях Дуная на фракийском городище Картал /с. Орловка/ с середины I до середины III вв. н.э. существовал римский кастель. В предместье форта исследовано более двух десятков крупных ям римского времени. Ямы заполнены золистым рыхлым грунтом обильно насыщенного углем, кусочками обмазки, большим количеством костей животных и керамикой, в том числе и местного дакийского производства, а рядом обнаружен могильник [Бруяко, 2013, с. 543–551].

Еще одно поле ритуальных ям исследуется на левобережье низовий Днестра, напротив Мологи у с. Маяки. При отсутствии поселения

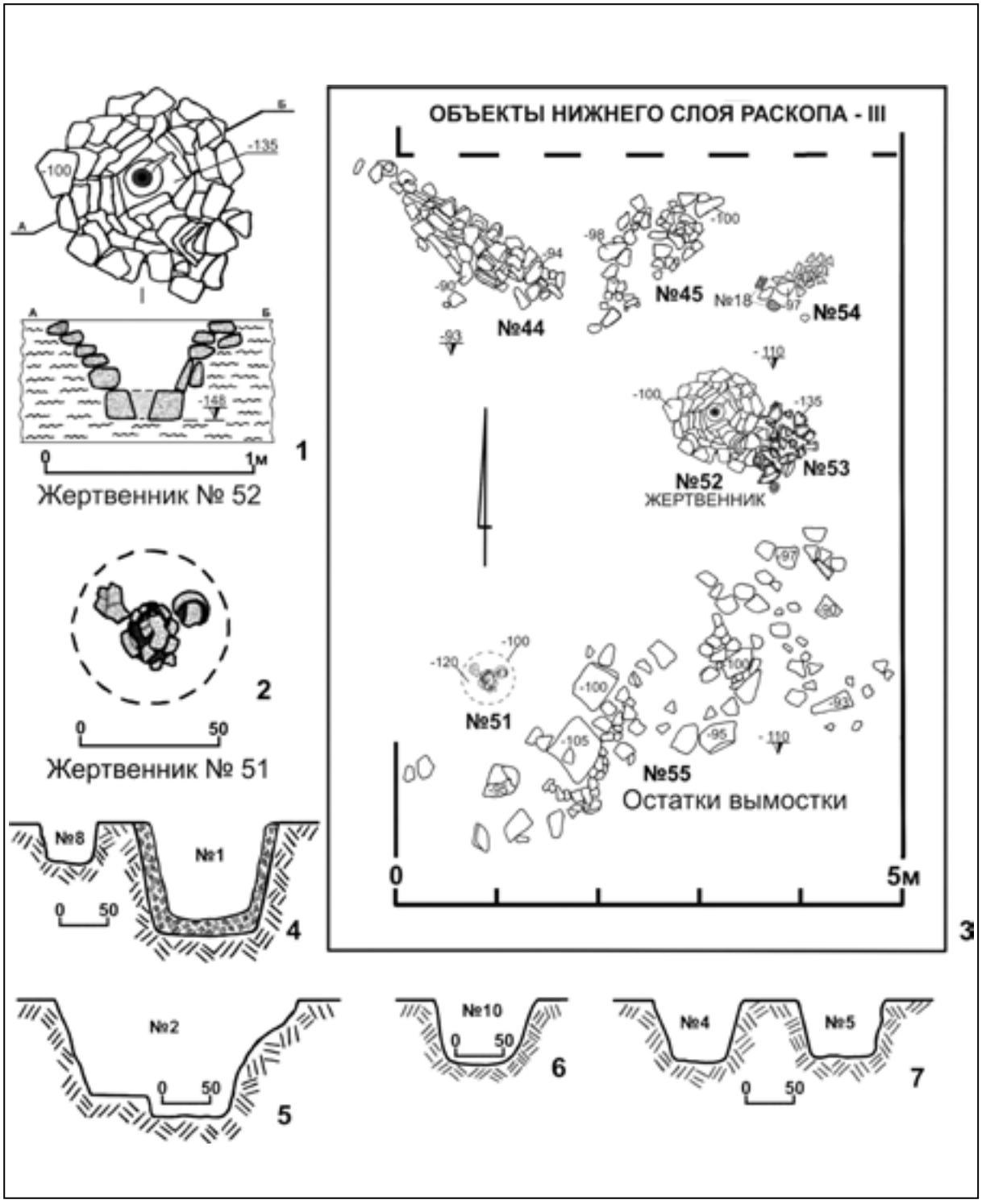


Рис. ***13***. Объекты на южном участке раскопа III.
1 – каменный жертвенник № 52; *2* – жертвенник № 51 в виде обломков лепных сосудов и буролакового кувшина; *3* – бъекты нижнего слоя раскопа III: 44, 45, 55 – строительные объекты; 51, 52, 54 – жертвенники; 53 – скопление обломков лепных сосудов эпохи поздней бронзы под жертвенником римского времени; 54 – жертвенник в виде развала фрагментов светлоглиняных амфор; 18 – растиральники; *4-7* – разрезы ровиков на святилище

там вскрыто уже более трех десятков жертвенных ям первых веков с развитой структурой заполнения и преобладанием лепной керамики позднескифского типа. (Информация нач. экспедиции Петренко В.Г.).

На левом же берегу Днестровского лимана на позднескифском поселении I-III вв. н.э., на месте древнего Никония так же обнаружен комплекс поминально-жертвенных ям с напутственной пищей из костей различных животных. Но данные комплексы приурочены к склепам [Бруяко и др., 2008, с. 148–152].

Далее к востоку, в степях между Тирой и Ольвией, известны более сорока памятников первых веков н.э., относящихся к позднескифской культуре. На 15 из них обнаружены характерные ямы с подобным моложскому керамическим комплексом, что не исключает наличия и на этой территории полей ритуальных ям [Малюкевич, Гудкова, 2013, с. 644].

Подводя итоги можно сказать, что такого специально организованного, многофункционального, с развитой структурой активно функционирующего святилища как в Мологе, нет ни на нижнеднепровских ни на крымских позднескифских, а так же и на античных памятниках римского времени. Во фракийском мире поля культовых ям присутствуют повсеместно, но отдельно выделенных святилищ с разнотипными жертвенниками, пока неизвестно. Однако, кроме скопления тризновых ям, остальные группы алтарей-жертвенников Мологи типологически близки жертвенникам некрополей античного населения Крыма.

В Мологе наличествуют разнообразные жертвенники, традиционно используемые в культовой практике позднескифского, эллинского, и фракийского этносов, и наблюдается сочетание этих различных обрядовых традиций.. В Северо-Западном Причерноморье Молога оказалась на стыке двух основополагающих культуробразований того времени: западной – фракийской (гето-дакийской) и восточной – антично-позднескифской.

Географическое положение, наличие полуземлянок, лепной керамики и глиняных изделий фракийского облика, специфического жертвенного комплекса с обилием поминально-тризновых ям с ритуальным погребением животных, людей и собак значительно сближает Мологу с гето-дакийскими памятниками первых веков нашей эры. Безусловно, среди обитателей поселения проживала группа этнических гето-даков, которые и привнесли с собой практику создания такого культового комплекса и придали позднескифскому населению Мологи колоритную фракийскую окраску [Малюкевич, 1992].

Важно отметить, что если общая площадь памятника 12,5 га, а площадь непосредственно поселения всего 2,2 га, то площадь святилища с комплексом жертвенных ям шесть раз больше территории занятой под жилищно-хозяйственные постройки поселения. Судя по плотности расположения ям и зондажным раскопам, количество ритуальных ям может достичь тысячи.

Молога представляет собой уникальный ритуально-культовый комплекс, каждая из частей которого в полной мере свидетельствует о сакральном характере памятника. Можно утверждать, что и жилая зона Мологи также является частью этого комплекса. На её незначительной площади, как и в отдельных полуземлянках на святилище, могли разместиться лишь несколько хозяйств, принадлежавших «обслуживающему персоналу» святилища – жрецам-авгурам [Малюкевич, 1999, с. 118]. Совершенно очевидно, что огромное количество ритуальных ям нельзя связывать с умиравшими обитателями жреческого сословия. Бесспорно, что такое грандиозное святилище, прежде всего, предназначалось для отправления традиционных обрядов населением обширного региона.

Молога – это единственный пока известный, сакральный центр всего позднескифского населения Днестро-Дунайского междуречья. Все же остальные небольшие памятники с материалами подобными Мологе, Никонию и Веселому, несомненно, необходимо отнести к позднескифской культуре и, возможно выделить их как Буджакская степная группа памятников с наличием элементов фракийского этноса

Бабенчиков В.П. Некрополь Неаполя Скифского // История и археология древнего Крыма. – 1957. – Вып. 1. – С. 94–142.

Балабанов П. Фракийское святилище возле Дебелта // Thracia Pontica. – Sozopol, 1985. – III. – С. 221–237.

Богданова Н.А. Погребальный обряд сельского населения позднескифского государства в Крыму // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Тр. ГИМ. – 1982. – Вып. 54. – С. 31–39.

Бруяко И.В. Городище Картал (римский кастель у с. Орловка) // Древние культуры Северо–Западного Причерноморья. – Одесса, 2013. – С. 543–553.

Бруяко И.В., Дзыговский А.Н., Секерская Н.М. Никоний римской эпохи. – Одесса, 2008. – 223 с.

Бруяко И.В., Секерская Е.П. Фауна из некрополя Никония первых веков н.э. //Древнее Причерноморье. – КСОАО. – Одесса, 1994. – С. 252–255.

Высотская Т.Н. К вопросу о позднескифских зольниках // РА. – 2001.– № 3. – С. 77–87.

Высотская Т.Н. Неаполь – столица государства поздних скифов. – К., 1979. – 207 с.

Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго–Западном Крыму. – К., 1972. –192 с.

Высотская Т.Н. Усть–Альминское городище и некрополь. К., 1994. – 207 с.

Вязьмитина М.И. Золотобалковский могильник. – К., 1972. –190 с.

Вязьмитина М.І. Золота Балка. – К., 1962. – 239 с.

Гаврилюк Н.А. Про час появи фракійців у Нижньому Подніпров'ї // Взаємозв'язки культур епох бронзи і раннього заліза на території Центральної та Східної Європи. – Київ–Львів, 2009. – С. 148–165.

Гаврилюк Н.А. Фракийцы в Нижнем Поднепровье (по материалам Золотобалковского поселения) // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо–сарматское и хазарское время. – Ростов–на–Дону, 2009а. – С. 169–186.

Гаврилюк Н.А. Фракийцы в Нижнем Поднепровье// Stratum plus – № 3. – 2005–2009, 2009б. – С. 114–142.

Гаврилюк Н.А. Об особенностях верований фракийского субэтноса нижнеднепровских городищ III в. до н.э. – II в. н.э. // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. – Тирасполь, 2012. – С. 21–27.

Гинев Г. Тракийски могили при село Кралево, Търговищко. Варна, 2000. – 143 с.

Гудкова О.В. Поселення перших століть нашої ери в степах Північно–Західного Причорномор'я // Археологія.–1983.– № 42. – С. 3–10.

Гудкова А.В., Фокеев М.М. Поселение и могильник римского времени Молога II // Памятники римского и средневекового времени в Северо–Западном Причерноморье. – К, 1982. – С. 55–113.

Гудкова А.В., Фокеев М.М. Поселения первой половины I тыс. н.э. на степной речке Дракуля (низовья Дуная) // Северное Причерноморье. – К., Наукова Думка. – 1984.– С. 67–73.

Дзиговский О.М. Сармати на заході степового Причорномор'я на прикінці I ст. до н.е. – першій половині IV ст. н.е. – К., 1993. – 203 с.

Зинько В.Н. Культово–сакральные объекты Тиритаки первых вв. н.э. // Боспорские чтения VIII. Боспор киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. – Керчь, 2007. – С. 137–140.

Кобылина М.М. Раскопки Южного некрополя Фанагории в 1947 г. // МИА. – 1951 – № 19. – С. 236–240.

Колтухов С.Г. Охранные раскопки поселения Доброе // АО за 1980 г. – 1981. – С. 261–262.

Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I–IV в. н.э. – К., 1993. – 184 с.

Малюкевич А.Е. Жертвенные захоронения собак в моложском могильнике // Древнее Причерноморье. – Одесса, 2003. – С. 105–111.

Малюкевич А.Е. К вопросу о погребальном обряде могильника Молога // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. – Запорожье, 1989. – С. 79–81.

Малюкевич А.Е. К вопросу о полуземляночных постройках Моложского некрополя // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья. Тез. Докл. – Белгород-Днестровский, 1995. – С. 32–34.

Малюкевич А.Е. Комплекс погребально поминальных тризн моложского могильника // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. – Запорожье, 1994. – С. 119–121.

Малюкевич А.Е. О торговых контактах поселений Нижнего Поднестровья в первые века н.э. // Северо–Западное Причерноморье – контактная зона древних культур. – К., 1991.– С. 71–82.

Малюкевич А.Е. Обряд захоронения детей на памятнике римского времени Молога II // КСОАО. – Одесса, 2008. – С. 172–183.

Малюкевич А.Е. Обряд паренталий моложского могильника // Древнее Причерноморье. КСОАО. – Одесса, 1994 а. – С. 200–204.

Малюкевич А.Е. Полуземлянки поселения Молога–II // КСОАО. – Одесса, 1999. – С. 108–120.

Малюкевич А.Е. Святилище позднескифской Мологи // Древнее Причерноморье.– Одесса, 2006. – С. 140–144.

Малюкевич А.Е. Фракийские элементы в культуре позднескифского населения Днестровского лимана // Археологический вестник. – Запорожье, 1992. – № 3. – С. 30–32.

Малюкевич А.Е. Этнические признаки погребального обряда могильника Молога II // Древности Причерноморских степей. – К., 1993. – С. 94–101.

Малюкевич А.Е., Гудкова А.В. Поздние скифы Северо–Западного Причерноморья // Древние культуры Северо–западного Причерноморья. – Одесса, 2013. – С. 644–657.

Малюкевич А.Е., Присяжнюк А.Н. Лепные светильники позднескифской Мологи // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья: Материалы полевого семинара. – Тирасполь, 2000. – С. 154–162.

Масленников А.А. Сельские святилища античного Боспора // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира.– СПб, 1999. – С. 125–133.

Милчев А. Археологически проучвания на Севлиевско и Троянска // ГСУФИФ.– 1956– L. – кн. I. – С. 445–539.

Молева Н.В. Некоторые итоги археологических исследований Китейского святилища // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. – СПб. 1999. – С. 121–125.

Молев Е.А, Молева Н.В. Комплекс культовых зданий на юго–восточной границе китейского городского святилища (раскопки 2005–2006 гг.) // Боспорские чтения VIII. Боспор киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. – Керчь, 2007. – С. 219–225.

Овчаров Д. Могилни погребения при с. Д. Росица, Търговищко // Археология. – 1961.–III. – кн.– 4. – С. 54–72.

Паламарчук С.В. Поселение первых веков нашей эры Волчья Балка // Памятники римского и средневекового времени в Северо–Западном Причерноморье. – К, 1982. – С. 125–131.

Погребова Н.Н. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского // МИА. – 1961. – № 96. – С. 103–213.

Попова Е.А. Позднескифские жервенники с городища «Чайка» // СА. – 1990. – № 3. – С. 196–303.

Присяжнюк А.Н., Малюкевич А.Е. Тризновые ямы моложского могильника // Буковинський історико–етнографічний вісник.– Чернівці, 2001. – Вип.3. – С. 92–94.

Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до. н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. – Симферополь, 2007. – 480 с.

Русяева А.С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху. – К., 2005. – 558 с.

Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского царства. – К., 1983. – 174 с.

Сырбу В. Святилища с пожертвованиями и жертвоприношениями во фракийском мире эпохи железа // Міжнародні зв'язки народів Європи. – Запоріжжя, 1996. – С. 166–167.

Тульпе И.А., Хршановский В.А. Сакральное поле некрополя // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища.– СПб., 2002. – Ч. I. – С. 161–167.

Фокеев М.М. Поселение первых веков нашей эры Холмское II // Памятники римского и средневекового времени в Северо–Западном Причерноморье. – К, 1982. – С. 119–125.

Фокеев М.М. Памятники первых веков нашей эры в Буджакской степи // Днестро–Дунайское междуречье в I – начале II тыс.н.э. – К., 1987.– С. 16–25.

Фокеев М.М. Позднейшие могильники сарматского времени в степи между Днестром и Дунаем // Древности Юго–Запада СССР.– Кишинев.– 1991. – С. 56–64.

Хршановский В.А. Жертвоприношение в погребально–поминальной обрядности европейского Боспора II в до н.э. – IV в. н.э. (по материалам археологических раскопок некрополей Илурата и Китея) // Жертвоприношение. Ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней. – Москва, 2000. – С. 241–252.

Шевченко Т.М. Алтари семейной религии античного Херсрнеса // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. – Санкт–Петербург.– 2007.– С. 162–168.

Шульц П.Н. Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму (Постановка проблемы) // МИА. – 1971. – 177. – С. 127–143.

Bichir Gh. Archaeology and history of the Carpi // BAR. Supplementary Series 16 (II). – 1976. – P. 4–38.

Bichir Gh. Cultura carpică. – Bucureşti, 1973. – 412 p.

Sirbu V. Credinte si practici funerare, religioasare si magice in lumea geto–dacilor.– Galati, 1993. – 253 p.

Sirbu V. Dava getica de la Gradistea Judetul Braila I. – Braila, 1996. – 308 p.

Sirbu V. Incinte si locuri sacre cu sacrificii si depuneri de ofrande in lumea geto–dacilor // Pontica. – Constanta, 1994. – XXVII. –P. 39–59.

Javis C. G. Greek Altars. – Saint Louis, 1949. – 243 p.

О.В. Малюкевич

МОЛОГА – САКРАЛЬНИЙ ЦЕНТР ПІЗНІХ СКІФІВ БУДЖАКА

Вперше докладно представлено археологічний комплекс Молога, що датується I-III ст. до н.е. Наводиться характеристика всіх складових комплексу: невеликого поселення, могильника та власне, святилища, його олтарів, культових ям, ям з ритуальними похованнями собак. Проводиться порівняльний аналіз майже повністю дослідженої пам`ятки з подібними комплексами Нижнього Подніпров`я, Криму, пам`ятками фракійської культурно- історичної спільності. Наводиться короткий опис та характеристика інших пам`яток цієї групи, які утворюють західний осередок розповсюдження пізньоскіфської культури.

Ключові слова: святилище, олтар, культова яма, ритуальні поховання собак.

O.V. Maliukevich

MOLOGA – SACRED CENTER OF LATE SCYTHIANS FROM BUDZHAK

For the first time in details is presented archaeological complex of Mologa that is dated by I-III c. AD. In the article there are introduced the characteristics of all the components of the complex: a small settlement, burial ground, mainly sanctuaries of its altars, religious pits, and pits with ritual dog`s burial. The comparative analysis of almost completely explored monument with similar complexes of Lower Podniprovya, Crimea, Monuments of the Thracian cultural and historical community is given. A brief description and characteristics of other monuments of that group is given, which form western cell proliferation of late Scythian culture, which can be called as Budzhak variant of late Scythian culture.

Keywords: Mologa, altar, religious pit, ritual dog`s burial.

Одержано 4.04.2015

УДК 904.5 (477.74) «638»

И.В. Бруяко

НЕСТАНДАРТНЫЕ КОМПЛЕКСЫ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДИЩА КАРТАЛ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Публикуется серия нетипичных погребальных комплексов раннего железного века, которые были открыты на городище Картал в низовьях Дуная. Эта серия дополняет весьма обширный перечень подобных комплексов I тыс.до Р.Х. – первой пол. I тыс от Р.Х., известных в ареале фракийских племён.

Ключевые слова: фракийцы, ранний железный век, геты, гальштат.

Мало найдётся крупных поселенческих памятников раннего железного века, где не были открыты необычные погребальные комплексы, подобные тем, которые здесь публикуются. Их необычность в отклонении от стандартов обряда, которые определяются серийными погребениями могильников. Эти стандарты всем хорошо известны. К ним в частности относятся специальная территория для совершения погребений, могильная яма определённой формы, анатомическая упорядоченность усопшего, как в индивидуальных погребениях, так и в парных, а также коллективных.

Нестандартные комплексы чаще всего обнаруживаются в ненадлежащих местах, к примеру, в слоях поселений. Совершаются они в необычных объектах, часто это хозяйственно-бытовые ямы вторичного использования, либо такие же конструктивно, но выкопанные специально для подобного ритуала. Положение скелетов чаще всего неупорядоченное, или как пишут обычно «небрежное». При этом, зачастую в таких случаях мы имеем дело с неполными костяками.

© И.В. БРУЯКО, 2015

Городище Картал в этом смысле не исключение. Тот факт, что памятник многослойный, а подобные объекты существовали в течение длительного времени представляет, как кажется, дополнительный интерес. В частности, такие комплексы зафиксированы на протяжении всего раннего железного века у носителей разных культур, но, похоже, одного суперэтноса – фракийского.

Здесь представлены комплексы трёх больших культурно-хронологических периодов раннего железного века: эпохи среднего гальштата (VIII-VII вв.), гетской культуры (IV в.) и римско-дакийской эпохи (II-III вв.).

К **периоду среднего гальштата** относится 3 комплекса.

В 2005 г. рядом с территорией могильника эпохи среднего гальштата, примерно в 30 м от крайних захоронений, была открыта яма с массовым захоронением, которая получила обозначение «погребение №16». По своей конструкции яма более всего напоминает обычную хозяйственную (Рис. 1). Она имеет форму вытянутой по линии С-Ю окружности, приближающейся к овалу. Стенки расширяются от устья ко дну. Размеры 1,85х2,05 м. Глубина – 1 м от современной поверхности (0,5 м от уровня фиксации контуров). Центральная часть заполнения полностью размыта ливневыми водами. Причем, дно вымоины расположено на 35-40 см ниже дна самой ямы.

В яме находились остатки минимально от 10 индивидуумов[1], расположенных в совершеннейшем беспорядке. И, хотя, кажется, что

1. Подсчёт произведен по количеству черепов.

кости скелетов в основном концентрируются вдоль стенок ямы, однако, это впечатление может быть и ошибочным, если учитывать, что средняя часть заполнения большей частью уничтожена. При беглом взгляде, складывается впечатление, что тела людей были помещены в яму уже неполными. Иначе говоря, до того как они оказались в яме их мягкие ткани уже успели разложиться.

Помимо человеческих, в яме обнаружены и кости животных, в том числе, неполный скелет собаки.

Прочие находки из ямы представлены в основном фрагментами столовой черноглиняной керамики с подлощенной поверхностью, характерной для горизонта среднего гальштата на памятнике. В южном секторе ямы в придонной части найдена грубая лепная банка с выделенным поддоном и одиночным горизонтальным выступом под венчиком (Рис. 1).

Особо ценным следует считать тот факт, что данный комплекс был тщательно и неоднократно изучен антропологами.[2] Опуская данные морфометрии, половозрастной состав выглядит следующим образом (табл. 1).

*Табл. **1***

№ п/п	Объект	Половозрастные определения		
		Липатов К.С.	Моисеев В.А., Селезнёва В.И.	Мэрфи А.
1.	Скелет 1 (череп)	♂?/35-55 л.	♂/35-55 л.	♀/18-35 л.
2.	Скелет 2 (череп)	♀/20-35 л.	♀/?	♀/18-35 л.
3.	Скелет 3 (череп)	♀/17-20/20-35 л.	♂/20-35 л.	♀/18-35 л.
4.	Скелет 4 (череп)	*Inf.I* (?)	♂/45-55 л. (?)	–
5.	Скелет 5 (череп)	*Inf.II*	9-10 л.	10-12 л.
6.	Скелет 6 (череп)	♀/35-55 л.	♂/45-55 л.	♀/35-50 л.
7.	Скелет 7 (череп)	♀/17-20 л.	17-20 л.	*Juven.*
8.	Скелет 8 (череп)	*Inf.I*	3 г.	2-4 г.
9.	Скелет 9 (череп)	*Inf.I*	5-6 л.	2-3 г.
10.	Скелет 10 (череп)	*Inf.I*	7 л.	2-3 г.

Таким образом, в коллективном погребении №16 могильника Картал III определены: 1 взрослый мужчина, 2 взрослые и 1 зрелая женщины, скорее всего 1 девушка и 4 (5?) детей.

Погребение №84 было раскопано в 2007 г. неподалёку (в 28-30 м) от предыдущего комплекса. Захоронение оказалось коллективным, ярусным и было совершено в неглубокой яме обычного хозяйственного типа (Рис. 2, *1*; 5, *2*). Её контур был обнаружен на глубине 0,5 м от современной поверхности. А, ещё ниже, на уровне 0,7-0,75 м был расчищен первый костяк. Он лежал на левом боку в скорченном положении, но с таким сильным поворотом на живот, что верхняя часть туловища фактически лежала ничком, лопатками кверху. Кости правой руки согнуты в локте, лучевые заведены под туловище. Кости левой также согнуты в локте, и практически параллельны друг другу. Кости ног сильно согнуты в коленях, причём кости левой ноги расположены почти параллельно друг другу. Череп, обращённый к югу, настолько сильно вывернут, что глазницы оказались повернутыми к ЮЗЗ, а нижняя челюсть (отсутствовавшая) должна была упираться в дно ямы.

После того, как костяк был разобран, оказалось, что под ним продолжается заполнение ямы и в слое –0,85-0,95 обнаружено ещё 2 костяка, лежавшие друг на друге. Нижний скелет был положен на спину, ноги согнуты в коленях и уложены (упали?) вправо. Череп, обращенный на запад, лицевой частью сильно вывернут влево (ССЗ). Кости левой руки вытянуты и отведены от туловища влево же. Правая рука сильно согнута в локте, кисти

2. В хронологической последовательности антропологическую коллекцию изучали: К.С. Липатов (Одесский Национальный университет), канд.ист. наук Моисеев В.А. и канд.ист.наук Селезнёва В.И. (Музей археологии и этнографии РАН), а также докт. А. Мэрфи (Королевский университет, Белфаст).

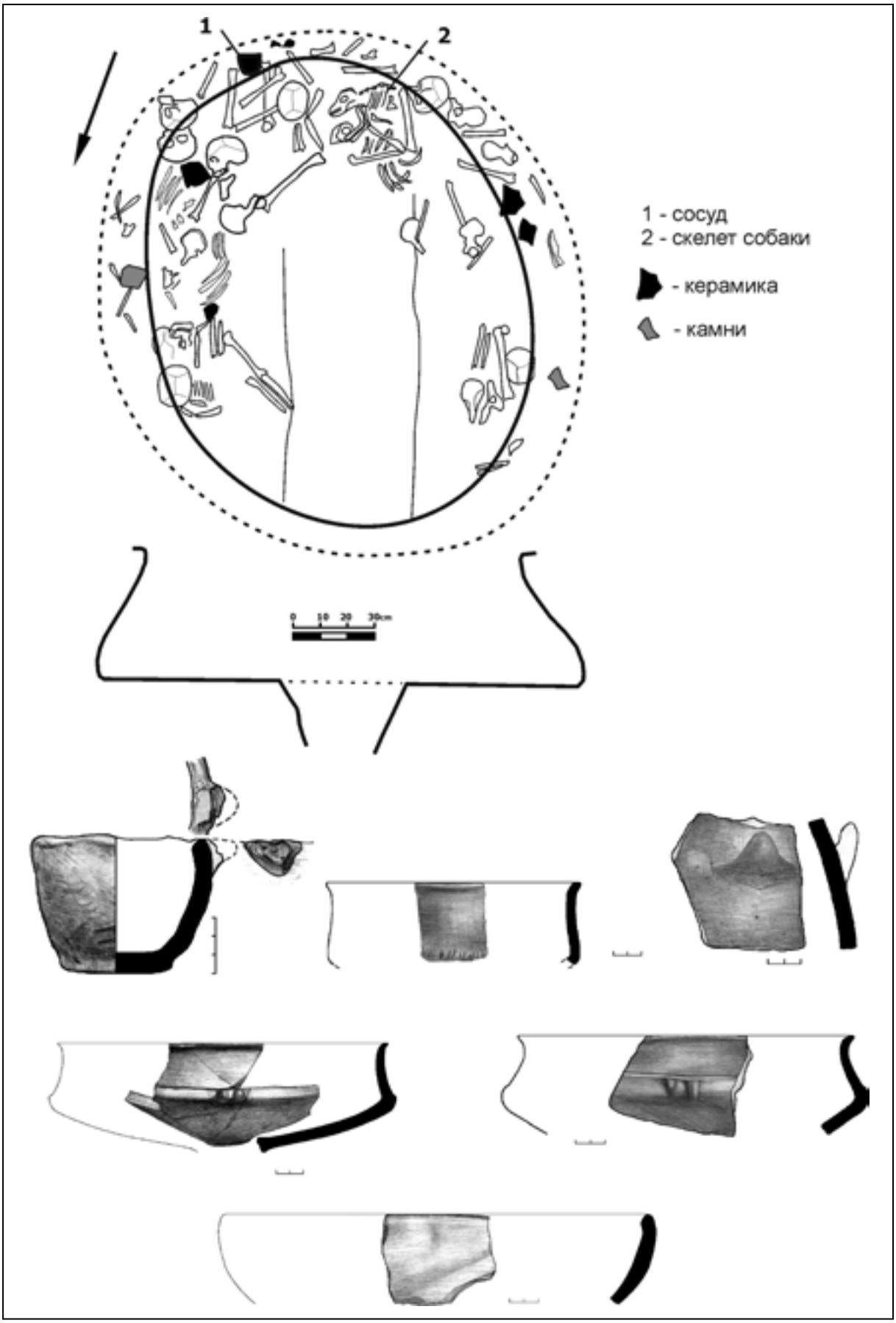


Рис. 1. Погребение №16 и керамика из него

направлены к затылку. Верхний скелет лежал в большем беспорядке. Складывается впечатление, что нижняя (от таза) и верхняя части туловища перед погребением были отделены друг от друга. Верхняя часть лежит на правом боку, кости правой руки согнуты в локте, кисть подведена близко к нижней челюсти. Кости левой руки сохранились фрагментарно, но похоже, что они также были сильно согнуты в локте. Таз лежит плашмя. Кости левой ноги согнуты так, что они лежат параллельно друг другу. Правая бедренная повернута по отношению к тазу на 90°. Голень – под очень острым углом к бедренной.

В заполнении обнаружено несколько диагностичных фрагментов керамики, которые вполне достоверно определяют хронологию данного комплекса (Рис. 2, *4*).

Антропологические данные по этому объекту дают следующую картину (табл.2).

Табл. 2

№ п/п	Объект	Половозрастные определения
		Мэрфи А.
1.	Нижний уровень 1 скелет	♀/18-35 л.
2.	Нижний уровень 2 скелет	♀/18-35 л.

И, наконец, в 2009 г. был открыт ещё один подобный комплекс этого культурно-хронологического горизонта. В яме №149 (раскоп I) содержалось погребение №170. Сперва, контур ямы имел вид прямоугольного пятна с чёткой западной и северной линиями. Уровень фиксации –90 см. На этом же уровне в СЗ углу ямы проступил человеческий череп. Расчистка показала, что костяк лежал на животе, руки согнуты в локте и заведены под туловище (Рис. 2, *2*; 5, *1*). Ноги согнуты в коленях, малые берцовые кости уложены (упали?) влево, на юг. Вероятнее всего, эти кости были подняты кверху и опирались на стенку ямы. Нижняя часть костяка залегала примерно на 10 см ниже верхней. Таким образом, уровень, на котором располагался костяк, составляет –110-120 см от современной д/п. После фиксации и разборки костяка выяснилось, что он находился в заполнении ямы. Вдоль западного сектора ямы находился уступ шириной до 30 и длиной до 100 см. На уступе, в анатомическом порядке лежал скелет собаки. Животное было уложено на правый бок, мордой на юг (Рис. 2, *2*; 5, *1*). Уровень залегания (поверхность уступа) –120 см. После разбора скелета собаки, оказалось, что уступ, представляет собой искусственную суглинистую прослойку, под которой продолжалось заполнение ямы.

В конечном итоге, яма приобрела вполне правильные контуры. Устье округлое, диаметром 155-170 см. Стенки расширяются ко дну. Диаметр дна – 180-200 см, глубина ямы 50-55 см от уровня фиксации контуров, или 140-145 см от современной д/п. В разных частях ямы, на дне у стенок обнаружены собачьи черепа и кости скелета минимально от 6 особей. Северный сектор ямы был заполнен камнями (Рис. 2, *2*).

Керамический материал из заполнения ямы смешанный, что объясняется тем, что яма была впущена в помещение №6 эпохи раннего гальштата. На уровне залегания костяка и при его разборке попадались характерные фрагменты столовой посуды с тонкими стенками из хорошо отмученной глины и лощёной поверхностью. Однако, ниже костяка и в придонной части заполнения ямы полностью преобладают фрагменты керамики среднегальштатского облика – чернолощёная столовая керамика и кухонная посуда (Рис. 2, *3*).

Завершая характеристику комплекса ямы №149, следует отметить большое количество, найденных здесь копролитов.

Несколько комплексов датируются IV–нач. III вв. и принадлежат **горизонту гетской культуры.**

Яма №161. Погребения №№178, 183. Контур ямы №161, овальный в плане, зафиксирован на отметке –80 см. Устье ямы имеет размеры 85х120 см. В самом устье, при выборке первого же слоя заполнения было обнаружено первое захоронение – погребение №178. Костяк был, буквально втиснут в овальное устье, причём не по длинной его оси (120 см), а по короткой (Рис. 3, *1*; 6, *1*). Череп затылочной частью упирался в стенку ямы, а лицевая часть обращена к земле (нижняя челюсть упиралась в грудные позвонки). В целом, положение сильно скорченное на спине. Руки согнуты в локтях под прямым углом. Кисть левой – на области живота. Ориентировка – северная. Уровень залегания костяка –115 см.

После того, как верхний костяк был снят, выяснилось, что устье ямы на высоту 20 см имеет чёткий цилиндрический профиль, а ниже стенки ямы по дуге расширяются ко

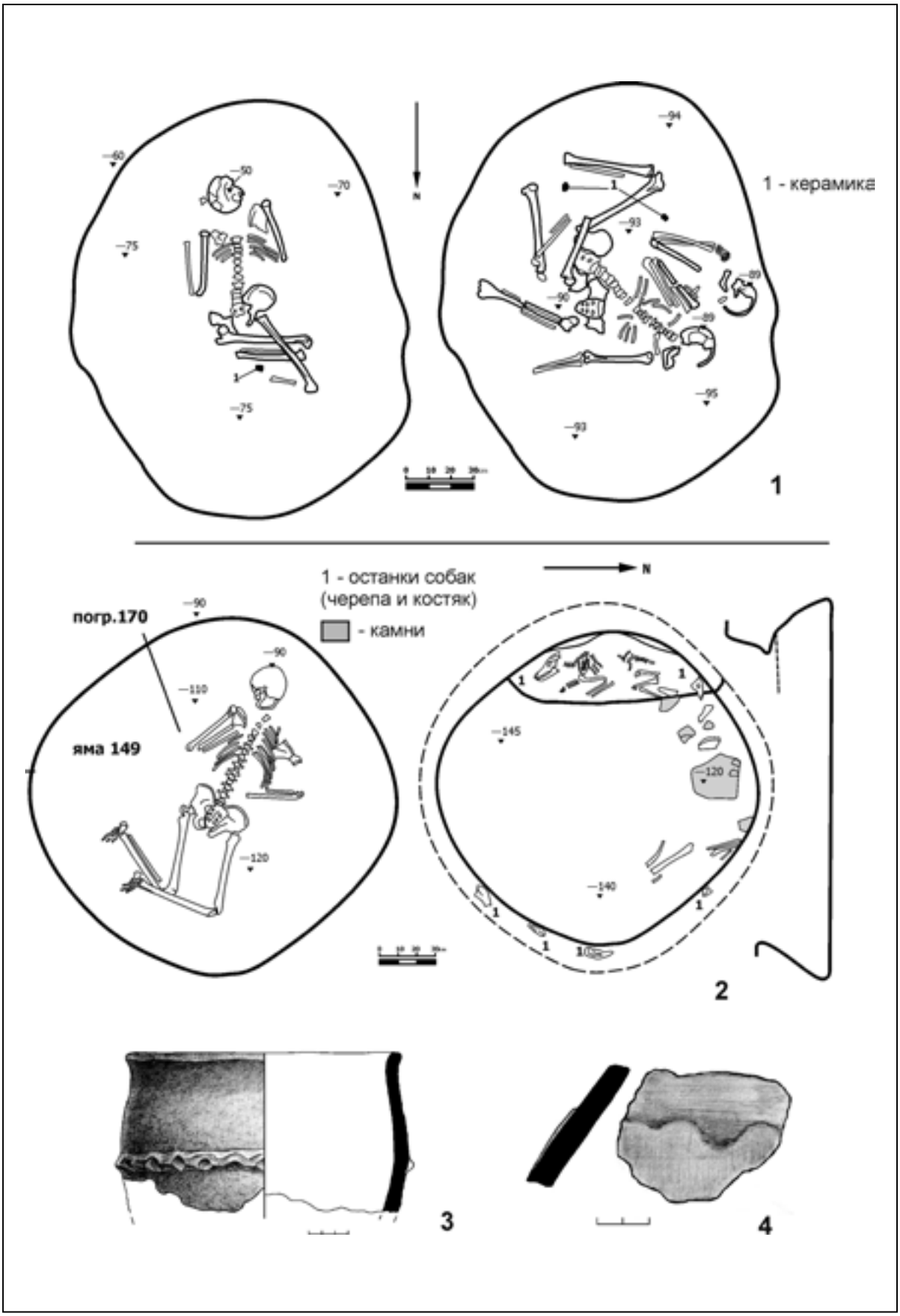


Рис. 2. Комплексы эпохи среднего гальштата (*1* – погребение №84; *2* – погребение №170 в яме №149; *3* – керамика из ямы №149; *4* – керамика из погр. 84)

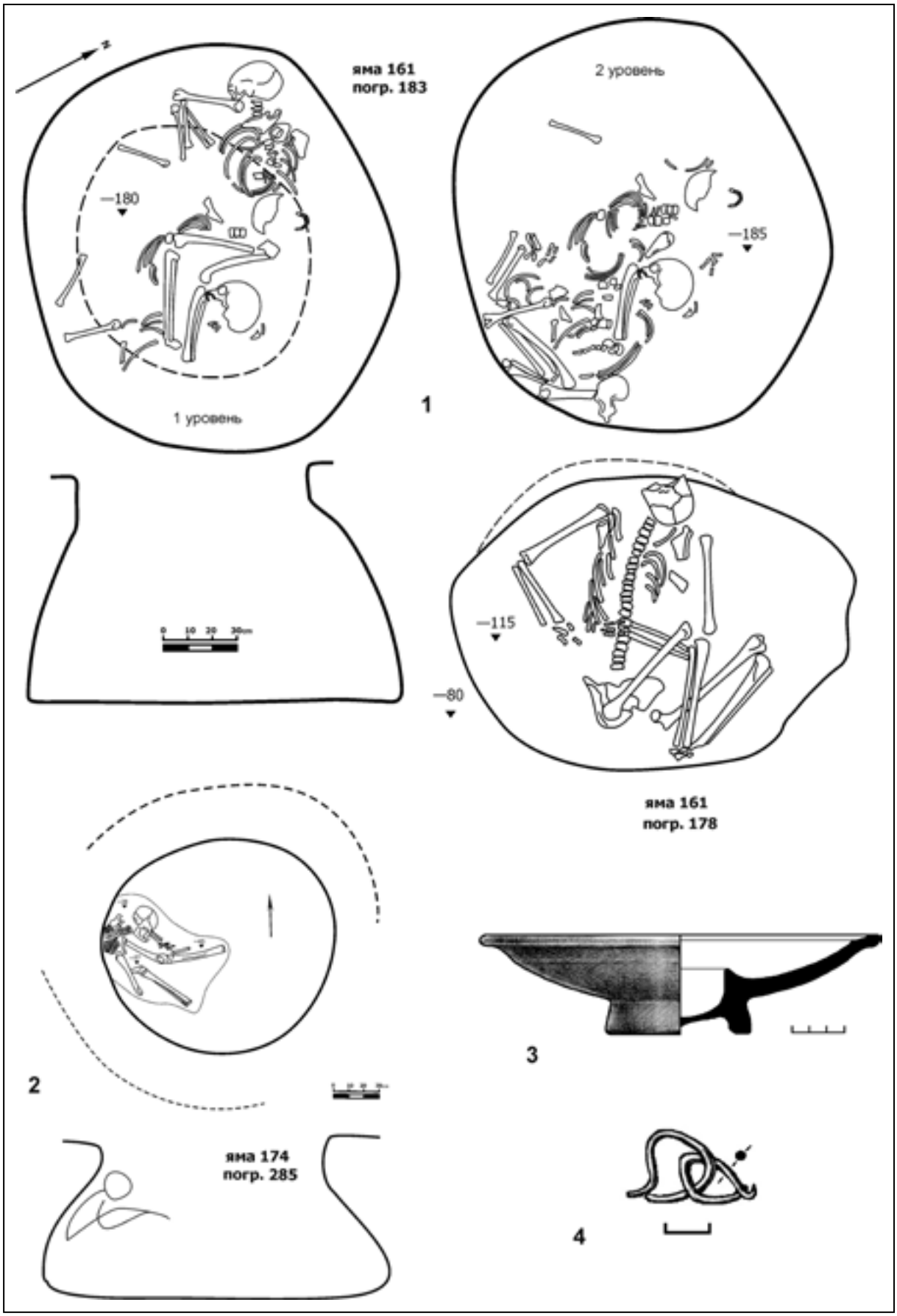


Рис. 3. Комплексы IV в. до Р.Х. (*1* – погребения №178 и №183 в яме №161; *2* – погребение №285 в яме №174; *3* – светлоглиняное рыбное блюдо из ямы №167; *4* – бронзовые серьги из погр.183)

дну, которое было зафиксировано на глубине 190 см. Чуть выше дна (–180 см) было расчищено ещё 3 костяка, составившие погребение №183. Все они анатомически полные, однако, лежали без видимого порядка (Рис. 3, *1*; 6, *1*) и, вероятно, были просто сброшены в яму. Более или менее упорядоченным выглядит положение северного костяка (№1), который лежал фактически ничком. Вероятно, он был помещён в яму последним.

Очевидно, что все перечисленные комплексы в пределах ямы №161 – синхронные. Их датировка основывается на единичных находках. В слое верхнего, одиночного погребения попадались мелкие фрагменты чернолаковой керамики. При одном из двух южных («беспорядочных») костяков, в районе черепа обнаружены бронзовые проволочные серьги (Рис. 3, *4*).

Яма №167 имела контур правильной округлой формы диаметром 140 см, и была замечена с уровня –90-100 см. Стенки расширяются ко дну. Глубина ямы – 75 см в материке. Дно неровное, вогнутое в центре. Диаметр 180-185 см. В восточном секторе ямы у стенки, в заполнении на высоте 35 см от дна теменной частью кверху лежал человеческий череп (Рис. 5, *3*). Даже визуально, экземпляр выделяется на фоне всей прочей краниологии эпохи раннего железа. Череп весьма массивный и с ярко выраженной брахикефалией. К сожалению, он не был изучен антропологами, равно, впрочем, как и вся коллекция этого хронологического периода

Яма надёжно датируется по находке светлоглиняного рыбного блюда с красным покрытием, от которого сохранилось чуть меньше половины (Рис. 3, *3*).

Яма №174; Погребение №285. Колоколовидная в разрезе яма с правильным круглым устьем. Диаметр устья 145-155 см, дна – 215-220 см. Глубина в материке 105-110 см (195-205 см от совр. д/п). В заполнении ямы попадались фрагменты амфор эллинистического времени.

Костяк погр.285 залегал на глубине от 30 до 60 см от устья, в западном секторе ямы. Судя по положению скелета, умерший изначально был помещён в заполнение ямы в положении близком сидячему, спиной к стенке. Это произошло одновременно в засыпкой ямы рыхлым грунтом. Просадка грунта спустя какое-то время, повлекла и просадку скелета (трупа). В итоге, его положение после расчистки выглядело следующим образом (Рис. 3, *2*; 6, *2*). Костяк находился в заполнении ямы под углом, вершиной которого, обращённой ко дну была задняя часть туловища ниже пояса. Стороны угла, довольно острого, образовывали череп с позвоночным столбом и кости ног. При этом, лицевая часть черепа была обращена вниз. Очень близко от неё находились коленные суставы.

К первым векам или **римско-дакийскому культурно-хронологическому горизонту** относится один комплекс, также совершённый в обычной по конструкции яме.

Яма №11 (раскоп III) имела контур в виде чуть вытянутого круга. Диаметр устья – 1,85 (З-В), 2,0 м (С-Ю). Стенки ямы незначительно расширяются ко дну, диаметр которого составляет 2,0 – 2,10 м. В северной стенке оборудован уступ шириной до 25 см (Рис. 4). Он понижается длинными ступеньками по окружности стенки с запада на восток. Отметки от края ямы – 0,30 м, – 0,55 м, – 0,90 м. Глубина ямы значительная – 1,40 м от уровня фиксации контуров (2,0 м от современной д/п).

Заполнение отличалось неоднородным по цвету и плотности грунтом. Слои тёмной, довольно рыхлой почвы сменялись светлыми, относительно плотными слоями с включениями суглинка. На отметке – 0,8-0,9 м от края ямы, прямо по центру расчищен неполный человеческий скелет (Рис. 4, *А*). Анатомический порядок в целом соблюдён. Костяк вытянут головой на З, куда лицевой частью повёрнут и череп. С северо-востока на этом же уровне к костяку примыкала небольшая каменная вымостка из 4 средних по размеру сланцевых камней. До уровня этого, первого захоронения в заполнении были встречены многочисленные фрагменты светлоглиняных узкогорлых амфор, в т.ч. 2 горловины и 1 верхняя часть, 5 ножек. В тоже время, найдена и ножка типично фасосской амфоры биконического типа.

На уровне –1,15-1,20 м от края ямы в её СВ секторе было обнаружено парное детское погребение. Визуально более взрослый индивидуум располагался ближе к западу (Рис. 4, *Б*). Его положение скорченное на левом боку с сильным разворотом на живот (грудь). Кисть правой руки лежала на груди второго костяка, который лежал на спине в вытянутом положении. Левая нога согнута в колене, поднята кверху и опирается на стенку ямы. Первый (западный) костяк ориентирован головой на север с отклонением к востоку. Второй – на север с отклонением к западу.

Инвентарь. Две проволочные бронзовые серьги находились на височных костях западного скелета. У него же, в районе шейных позвонков найдено несколько десятков стеклянных бусин (Рис. 4, *8,9*). В состав ожерелья входили какие-то металлические (железные) детали к которым, буквально прикипели некоторые бусины. На уровне залегания костяков, вокруг них и, главным образом возле стенки западно-северо-западного сектора ямы найдено много фрагментов лепной керамики

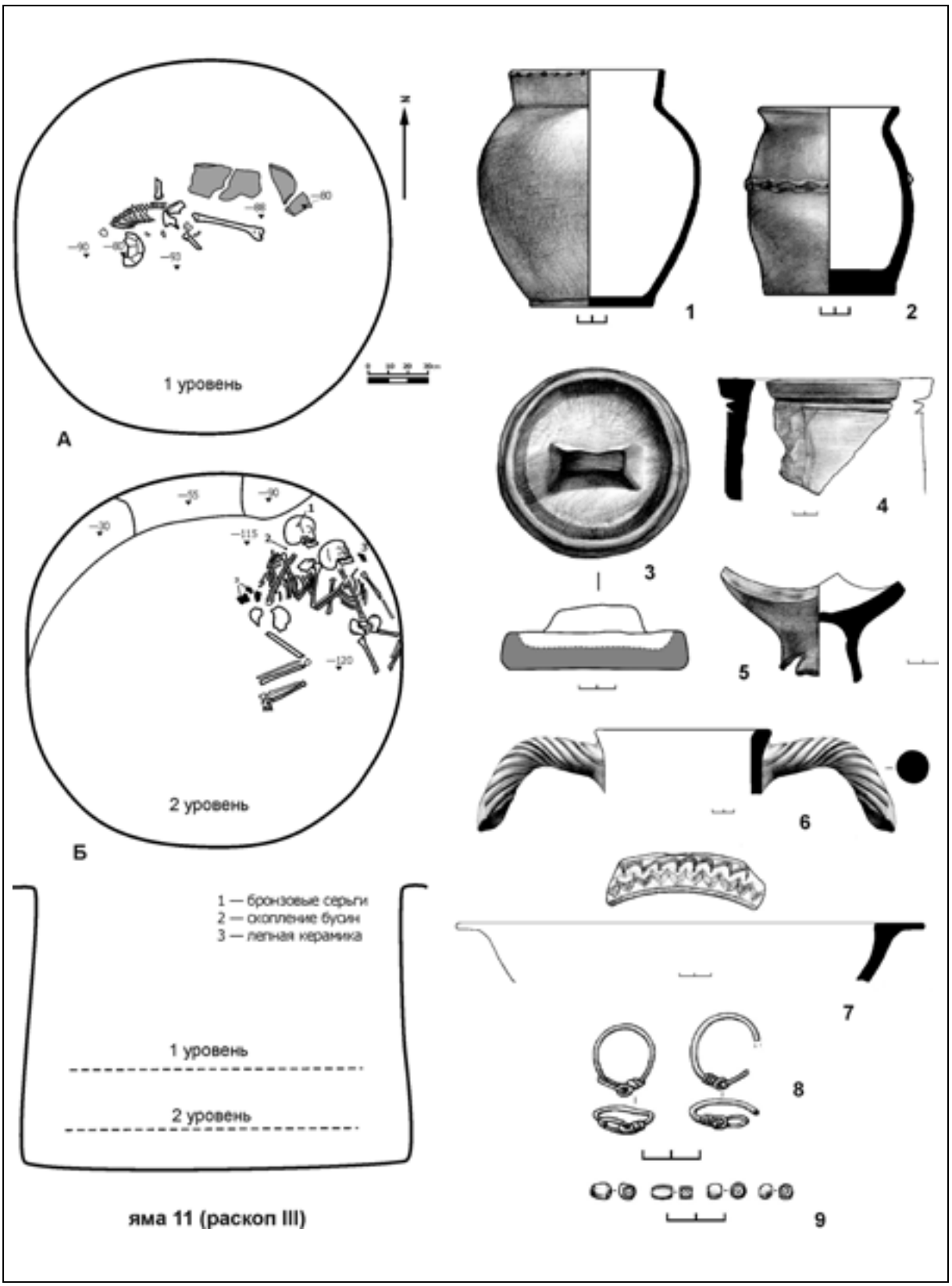


Рис. 4. Комплекс римского времени из ямы №11 (раскоп III). *1-2* – лепные сосуды, *3* – лепная крышка, *4* – амфора, *5, 7* – сероглиняная гончарная керамика, *6* – светлоглиняная гончарная, *8* – бронзовые серьги, *9* – стеклянные бусы

из которых впоследствии были собраны 2 сосуда. Один из них – слабопрофилированный, с выделенной шейкой и отогнутым наружу венчиком и налепным валиком, расположенным примерно посередине высоты корпуса. Эту форму можно считать типичной для дакийской лепной керамики (Рис. 4, *1*). Другая форма – округлобокий горшок, с прямым отогнутым наружу венчиком и расчёсами по поверхности в верхней части (Рис. 4, *2*) – столь же типичная степная форма лепной керамики римского времени (сарматы, памятники типа Этулия).

Прочая керамика из заполнения ямы представлена: несколькими выразительными фрагментами сероглиняной гончарной посудой, в т.ч. и с пролощенным орнаментом, обломком венчика коричневоглиняного гончарного сосуда с перевитой, округлой в сечении ручкой, массивным венчиком красноглиняной амфоры с глубокими горизонтальными бороздками под ним, целой лепной крышкой (Рис. 4, *3-7*).

Данные антропологии показывают, что все три костяка из этого комплекса принадлежали детям (табл. 3).

Табл. ***3***

№ п/п	Объект	Половозрастные определения	
		Липатов К.С.	Моисеев В.А., Селезнёва В.И.
1.	Костяк (верхний уровень)	*Inf.* (6 л.)	*Inf.* (7-8 л.)
2.	«Западный» костяк (нижний уровень)	*Inf.* (9 л.)	*Inf.* (10-12 л.)
3.	«Восточный» костяк (нижний уровень)	*Inf.* (3-4 г.)	*Inf.* (5-6 л.)

В последнее время, комплексы подобного типа довольно часто являются либо темами специальных публикаций [Kalmar, 1987; Ailincăi, 2008; Ailincăi, Jugănaru, Ţârlea, Vernescu, 2005-2006; Sîrbu 1994; 1997; Irimia, 2003], либо на них подробно останавливаются в общих работах [Болтрік, Фіалко, 2003]. Существует специальная монография, посвящённая этим особенностям погребальной практики гетских и дакийских племён [Sîrbu, 1993]. При интерпретация подобных комплексов чаще всего указывают на какие-то ритуализированные действия – жертвоприношения вообще, или связанные с конкретными актами жизнедеятельности в частности (см.напр. Sîrbu, 1994, 84-90). Иногда, в подобных объектах видят захоронения жертв военного нападения, или эпидемии. Последний случай требует затратных профессиональных исследований, кои, видимо, ещё не скоро будут общедоступными.

Думается, что представленная выборка отражает (или, по крайней мере, может отражать) две наиболее распространённые интерпретационные модели депонирования «нестандартных» захоронений – сакральную и бытовую. Кстати, они вполне могли дополнять друг друга в каждом конкретном случае. Фрагментарность скелетов объясняется временем, которое могло пройти с момента нападения на посёлок, гибели его обитателей и возвращении выживших на пепелище. Естественно, что приведение в порядок разорённого места обитания начиналось с погребения останков погибших сородичей.

Полагаю, что именно таким комплексом является коллективное захоронение №16. Это могла быть либо семья, либо случайно составленная группа разнородственных обитателей посёлка, ставших жертвами военного нападения. Это предположение неплохо иллюстрирует половозрастной состав группы, половину которой образуют дети. Конечно, еще больше убедительности этой версии придало бы наличие боевых травм. Но, на черепах таких следов нет.

Довольно точное совпадение в соотношении половозрастных групп демонстрирует коллективное захоронение из Штилфрида, обнаруженное в хозяйственной яме (погребе). Если в Картале такое соотношение можно выразить как 1 (♂) – 4 (♀) – 4-5 (*Inf.*), то в нижнеавстрийском комплексе – 1 – 2 – 4. Считается, что в комплексе из Штилфрида обнаружены жертвы военного нападения на поселение [Chochorowski, 1993, 218 ff].

Подобным же образом интерпретируют коллективное захоронение на Трахтемировском городище Ю.В. Болтрик и Е.Е. Фиалко [Болтрік, Фіалко, 2003, 78]. Примечательно, что комплексы из Штилфрида, Трахтемирово и Картала в основном синхронные.

К условно жертвенным (ритуальным) захоронениям можно отнести погр.170 и погр.84 эпохи среднего гальштата, а также погр.161 гетского времени. Яма римского времени, воз-

Рис. ***5****. 1* – погребение №170 в яме №149; *2* – погребение №84; 3 – яма №167

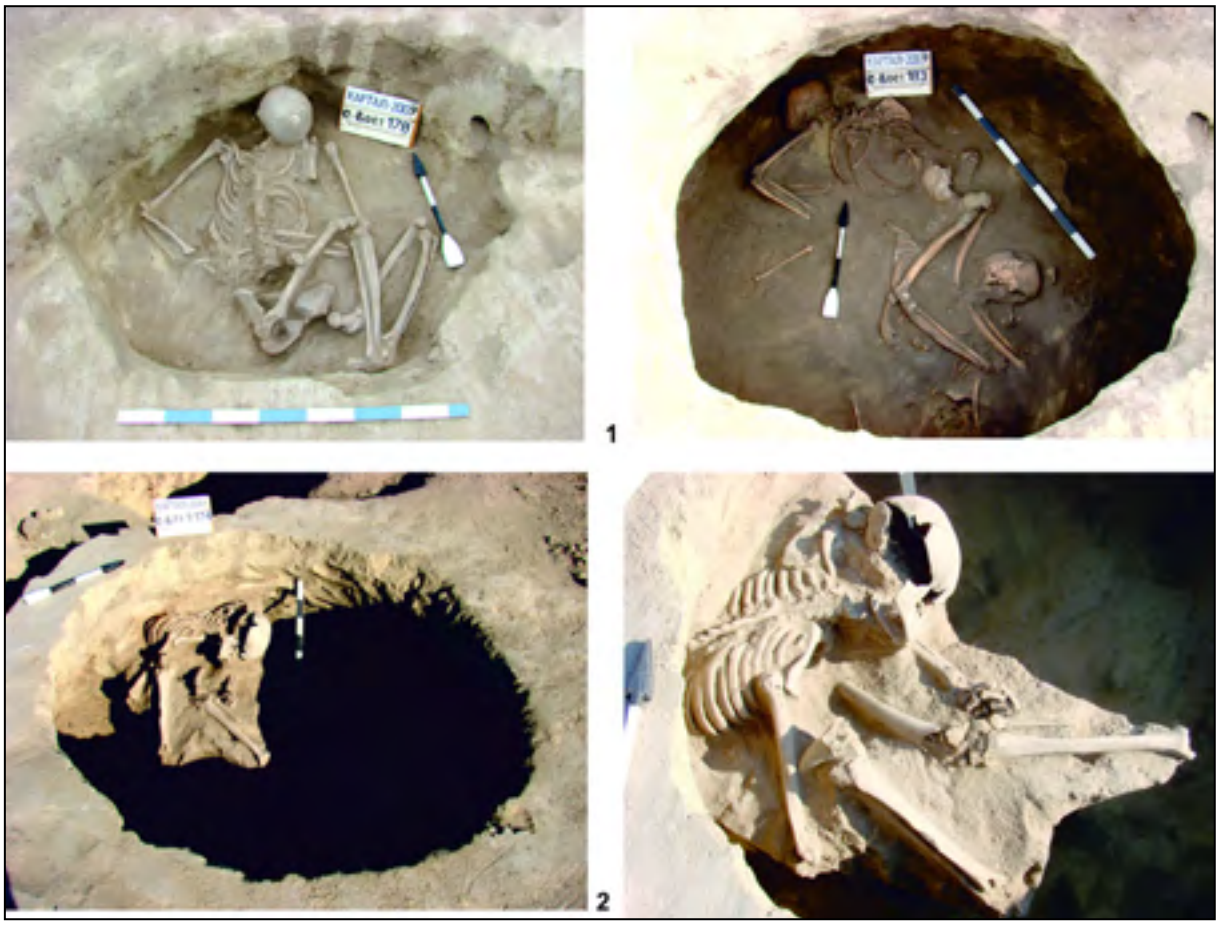


*Рис. **6**. 1* – погребения №178 и №183 в яме №161; *2* – погребение №285 в яме №174

можно, представляет собой некий комбинированный комплекс с парным детским захоронением на дне ямы и сопроводительной жертвой на верхнем уровне.

Погребение №285 горизонта гетской культуры IV в. до Р.Х., возможно, также относится к основной группе жертвенных комплексов, но не исключено, что это захоронение имеет и бытовой, возможно, криминальный характер. В этом, мы солидарны с Э. Кравченко, которая с изрядной долей здорового прагматизма принимает бытовую, а по сути «криминальную» версию некоторых нестандартных захоронений в ареале кизил-кобинской культуры [Кравченко, 2011, 97].

Три комплекса трёх разных хронологических горизонтов объединяет одна особенность, которая может оказаться важной. Это два уровня захоронений, причём нижний образуют 2 (3 костяка), а верхний – один. К таким комплексам относятся погребения №84 (VIII в.), погребения в яме №161 (IV в.) и яма 11 римского времени с детскими захоронениями.

Завершая эту публикацию, ещё раз подчеркну особенность этнокультурного порядка, которая, скорее всего, характерна не только для данного памятника. Судя по культурно-хронологической колонке городища Картал традиция сооружения подобных погребальных комплексов была весьма устойчивой во фракийском обществе на протяжении тысячелетия.

Болтрік Ю., Фіалко О. Напад скіфів на Трахтемирівське городище. – Київ, 2003. – 152 с.

Кравченко Е. Кизил-кобинська культура у Західному Криму. – Київ-Луцьк, 2011. – 272 с.

Ailincăi S.C. The place for the dead in Early and Middle Iron Age Lower Danube Area // Funerary Practices of the Bronze and Iron Ages in Central and South-Eastern Europe. Proceedings of the 9th International Colloquium of Funerary Archaeology (Bistriţa, Romania May 9th – 11th, 2008). – Cluj-Napoca, 2009. – P.9-33.

Ailincăi S.C., Jugănaru G., Ţârlea A.-C., Vernescu M. Early Iron Age Complexes with Human Remains from the Babadag Settlement // Peuce (ser.nouă). – 2005-2006. – vol.III-IV. – P.77-108.

Chochorowski J. Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Środkowej. – Kraków,1993. – 448 p.

Irimia M. Den Grabritus und die Grabrituale der Babadag-Kultur-Gemeinschaften betreffend // Thracia. – 2003. T.XV.– S.251-268.

Kalmar Z. Contribuţii la cunoaşterea ritului funerar Hallstattian // SCIVA. – 1987. – t.38. – nr.2. – P.166-174.

Sîrbu V. Credinţe şi practici funerare, religioase şi magice în lumea geto-dacilor. – Galaţi, 1993. – 253 p.

Sîrbu V. Sacrificii umane şi practici funerare insolite în arealul tracic în Hallstatt şi La Tene // Istros. – 1994. – t.7. – P.83-120.

Sîrbu V. Sacrifices humains et pratiques funeraires insolite dans l'areal Thrace du Hallstatt et du La Tene // Premier Age du Fer aux Bouches du Danube et dans les Regions autour de la Mer Noire. Actes du Colloque International Septembrie 1993, Tulcea. – 1997. – P.193-221.

І.В. Бруяко

НЕСТАНДАРТНІ КОМПЛЕКСИ В ПОХОВАЛЬНОМУ ОБРЯДІ НАСЕЛЕННЯ ГОРОДИЩА КАРТАЛ РАННЬОГО ЗАЛІЗНОГО ВІКУ

Публікація присвячена нестандартним поховальним комплексам раннього залізного віку, відкритим на городище Картал в пониззі Дунаю. Подібні комплекси зустрічаються на пам'ятниках різних епох і в різних регіонах. Мова йде про поховання, які було здійснено із явними відхиленнями від норм поховальної практики («недбала» поза похованого, ізольоване розташування поховання, похоронна конструкція у вигляді звичайної господарської круглої ями).

На городищі Картал такі поховання здійснювалися впродовж тисячоліття, протягом якого тут мешкали різні групи фракійського населення.

Перша серія таких поховань датується епохою середнього гальштату. Їх всього три, з яких слід виділити масове (мінімум 10 індивідуумів) поховання №16 в ямі. Судячи за антропологічними даними (табл.) тут знаходилися останки 1 дорослого чоловіка, 2 дорослих і 1 зрілої жінки, дівчини та 4 (5?) дітей.

Друга серія являє горизонт гетської культури IV ст. до Р.Х. і налічує також 3 комплекси.

Третя група датується римським часом і представлена одним комплексом, в якому знаходилися поховання трьох дітей.

Поховання 16 епохи середнього гальштату може бути похованням жертв воєнного нападу на селище. Інші комплекси з більшою або меншою часткою ймовірності можна віднести до категорії жертовних (ритуальних).

Ключові слова: фракійці, ранній залізний вік, гети, гальштат.

I.V. Bruyako

NON-STANDARD FUNERARY COMPLEXES IN THE BURIAL RITUAL OF POPULATION OF KARTAL HILLFORT IN EARLY IRON AGE PERIOD

This article is devoted to so called non-typical funerary complexes, excavated on the hillfort Kartal (Lower Danube). Such complexes are found on the monuments of different epochs and in different regions. We are talking about burials committed with obvious deviations from the norms of burial practices ("negligent" pose buried and isolated location of burial, funeral design in shape of regular household pit).

On the hillfort Kartal such burials were practised during the millennium, during which there dwelt a different group of Thracian population. The first series of such burials dated to the Middle Hallstatt period (VIII- VII cent.BC). Total there are three graves and especially interesting is collective tomb no.16. Judge to anthropological data there are 10 persons here (Tabl.1). .

The second series represents the horizon of the Getae culture (IV cent.BC) and has 3 complex.

The third group dates back to the Roman period and is represented by single complex – pit with burials of 3 children.

Grave no.16 perhaps is the burial of victims of military attack on the site. Other complexes with greater or lesser probability can be considered to sacrificial ritual.

Keywords: Thracian population, Hallstatt, Getae culture, Early Iron Age.

Одержано 14.09.2014

904.23 (477.74) «652»

Т.Л. Самойлова

РЕДКИЙ РАСПИСНОЙ СОСУД ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ТИРЫ

Введение в научный оборот расписного двуручного сосуда III в. до н.э.

Ключевые слова: стиль Гадра, керамика, роспись черным лаком.

При раскопках в 2011 г. античной Тиры в одном помещений был выявлен фрагментированный сосуд, который заслуживает определенного внимания. Остановимся кратко на условиях находки. Помещение (№941), в котором была сделана находка, относится к дому XIII, датируемому III-II вв. до н.э. и расположенному в центральной части участка Северо-Запад. Оно является подвальным, скорее всего, жилого назначения. Соединялось с наземным этажом при помощи каменной лестницы. В нижней части заполнения помещения были выявлены фрагменты данного сосуда. Среди сопровождающего керамического материала преобладают фрагменты амфор, в первую очередь, косских, гераклейских, синопских, фасосских, херсонесских, родосских. Среди остального материала доминирует лепная керамика, на втором месте красноглиняная и кухонная посуда. Чернолаковая керамика немногочисленна, в основном это тарелки, миски III в. до н.э., кувшин и килики. Присутствуют в небольшом количестве фрагменты «мегарских» чаш.

Сосуд, который публикуется в данной работе, имеет расширенную в верхней части форму, достаточно резко сужающуюся к дну (рис. 1). Высота сосуда – 34,5 см; диаметр венчика – 19,5 см, диаметр тулова в самой широкой части – 36, 5 см, диаметр дна – 14,4 см. Сосуд не имеет шейки. Венчик вертикальный, прямой, высотой 1,7 см. От внешнего края венчик срезан вовнутрь, на плечиках в самой широкой части сосуда - две горизонтальные массивные ручки, одна из которых утрачена. Ручки трехствольные, соединенные таким образом, что один из стволов располагается поверх двух остальных и крепится на тулове сосуда двумя горизонтальными уступами.

Глина сосуда светло-красного цвета, хорошо отмученная, плотная без видимых включений. Внешняя поверхность хорошо заглажена, покрыта более светлым ангобом. Сосуд имеет роспись черным матовым лаком, переходящим в некоторых местах в красный цвет. Роспись в целом достаточно схематична и небрежна, сделана широкой кистью, соответствует орнаментации характерной для расписных сосудов эллинистического периода. В нижней части сосуда располагается горизонтальный пояс черного лака, местами переходящего в красный (ширина – 1,4 см). В верхней части непосредственно под ручками 2 горизонтальные полосы: нижняя – шириной 0,6-0,7 см и верхняя – шириной – 1,1 см. Над этими полосками располагается и собственно роспись, которая состоит из двух разных орнаментальных зон, разделенных ручками по вертикали и занимающих поле от двух поясков на плечиках до венчика. В одной зоне орнаментация представляет собой гирлянду, состоящую из круглых точек со свисающими ниже их каплевидными подвесками (рис. 2, Б). В другой зоне размещен стилизованный растительный орнамент в виде цветка, выходящим из пучка узких длинных листьев с ка-

© Т.Л. САМОЙЛОВА, 2015

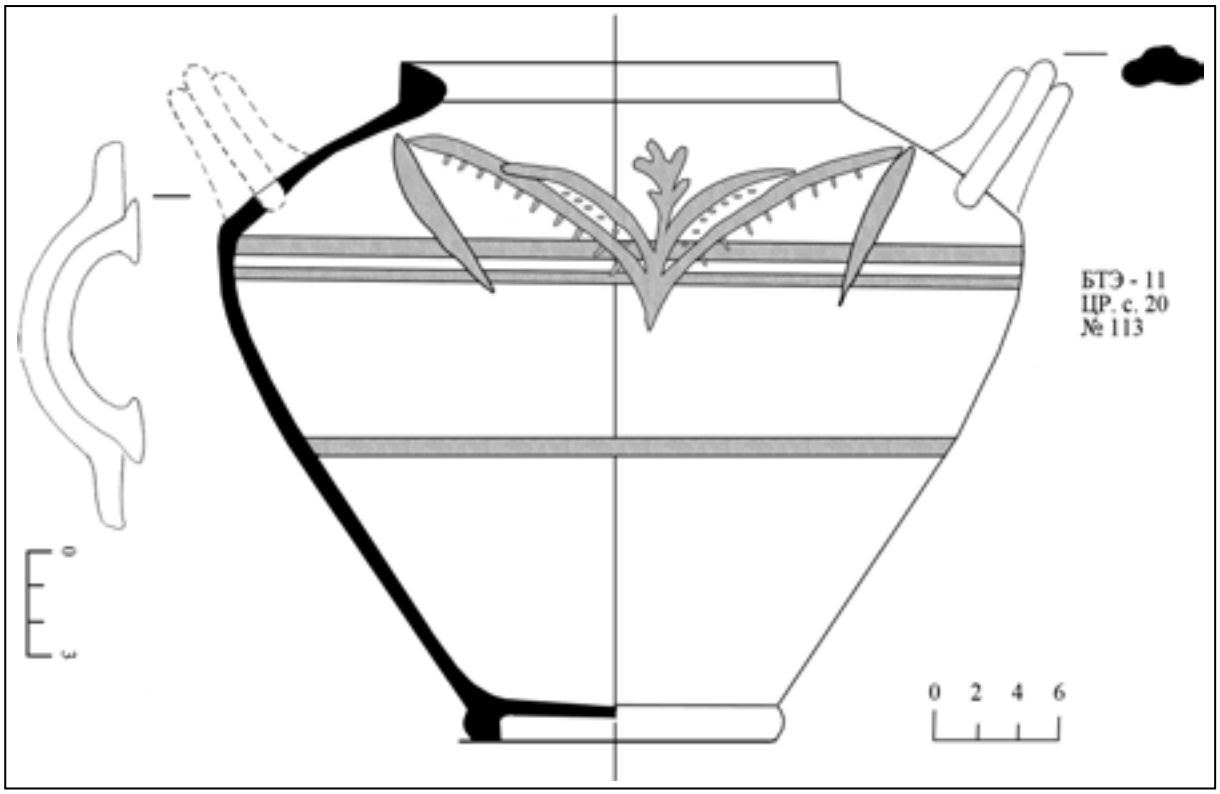


Рис. 1. Реконструкция сосуда

пельками в виде круглых точек и полосок по нижним краям. Эту композицию ограничивают с двух сторон косые полосы лака (рис. 2, А). Возможно это стилизованное изображение цветка лотоса, которое присутствует и в изобразительном искусстве эллинистических центров не только Египта.

Венчик сосуда также орнаментирован полосой лака снаружи и по краю. Небрежно расписаны и ручки. По верхней поверхности двух нижних стволов нанесены продольные полосы лака, верхний ствол декорирован косыми полосками. Следует заметить, что декорирование ручек гидрий Гадра полосами обычен для данных сосудов [Шургая, 1965, с. 132]. В целом не возникает сомнения о датировке данного сосуда – III-, возможно, начало II в. до н.э. Контекст находки сосуда, общее впечатления от его росписи, которая в целом характерна для этого времени, хотя полной аналогии найти не удалось, позволяет датировать его именно этим временем. В данный период сосуды с росписью в основном красным лаком в виде стилизованных растительных орнаментов, концентрических полосок встречаются в центрах Северного и Северо-Западного Причерноморья (Ольвия, центры Северо-Западного Крыма, Боспор, Тира). Часть эллинистических сосудов, имеющих роспись черным и красным лаком была отнесена к александрийскому производству (вазы стиля Гадра, связанные с погребальным ритуалом), другие к местному, ольвийскому или херсонесскому [Дашевская, 1967, с.162 и сл.; Книпович, 1940 с. 140 и сл.; Самойлова, 1988, с. 63-64 и др.]. В этот период складывалась определенная “мода” на набор орнаментальных элементов на базе которых в самых разных центрах создавалась роспись на керамических изделиях. Являлась ли Александрия в данном случае законодателем моды, сказать трудно [ср. Книпович, 1941, с. 147].

Немаловажным представляется вопрос о происхождении найденного в Тире сосуда, форма которого достаточно необычна, ближе всего он к форме стамноса[1], и его назначении. Похожей формы сосуд без розписи (?) александрийского производства был опубликован в работе Р. Пагенщтехера, посвященной датировке сосудов стиля Гадра [Pagensteher, 1909, pl. XVII]. Необычность формы вазы, условия ее находки – подвал жилого эллинистического дома, заставляют задуматься над его происхождением и назначением. Оговорим сразу, что глина, из которой изготовлен сосуд из Тиры, обладает определенным сходством с сосудами александрийского производства. При раскопках Тиры ранее также находили единичные фрагменты сосудов александрийского производства [Самойлова, 1988, с. 80,

1. Известно, что в эллинистический период эта форма была достаточно популярна у александрийских мастеров [Breccia, 1914, p.234].

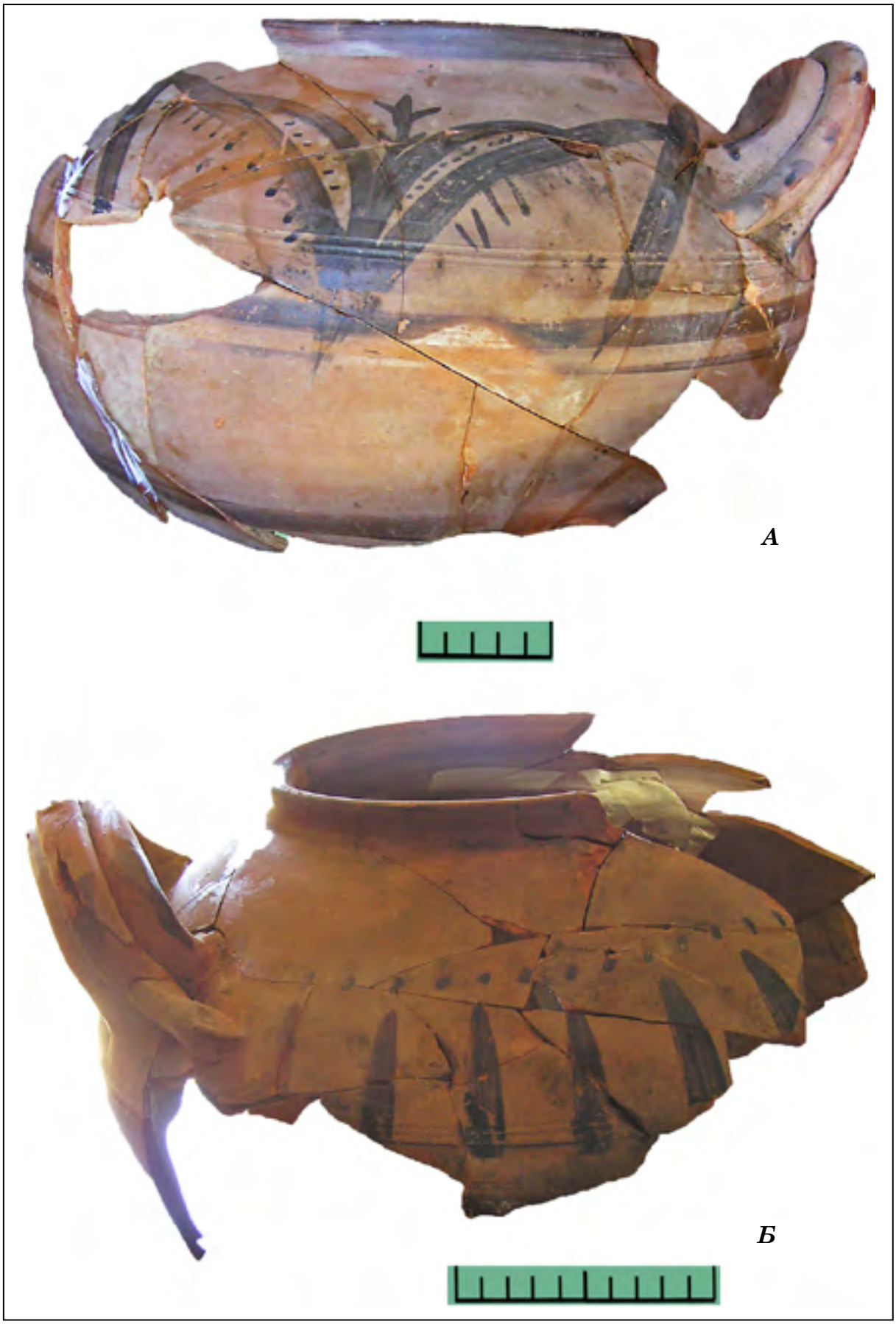


*Рис. **2**.* Сторона А и Б

рис. 22, 7]. В небольшом количестве встречаются изделия (бусы, амулеты) из египетского фаянса.

Неоднократно отмечалось, что сосуды, а так же предметы египетского производства были обнаружены при исследованиях целого ряда античных центров Северного и Северо-Западного Причерноморья (перстни, вазы стиля Гадра, изделия из египетского фаянса и стекла, скульптура), хотя и не в массовом количестве. Исследователи по-разному определяют пути проникновения этих вещей. В частности утверждалось о наличии широких торговых контактов [Жебелев, 1953, с. 83-85, Шургая,1974 и др.], на наш взгляд преувеличенных. Более обоснованной можно считать точку зрения Ю.Н. Литвиненнко [Литвиненко, 1991], который, рассмотрев проблему контактов Птолемеевского Египта и Северного Причерноморья, пришел к вывода о различных путях проникновения египетских предметов в регион: торговля в том числе и через посредничество островов Восточного Средиземноморья и особенно Родоса, религиозные влияния, политические контакты особенно в связи с вербовкой наемников, в том числе и из Северного и Северо-Западного Причерноморья [Polyb. V. 65. 1-1; XXXI. 26. 8; Callim. Hymn. IV. 183-187]. Последнее подтверждается многочисленными находками в Северном и Северо-Западном Причерноморье перстней птолемеевского типа [Неверов, 1974; Трейстер. 1982; Лимберис, Марченко, 2007, с. 235-236], которые, по мнению ряда исследователей, были популярны именно среди наемников [Литвиненнко, 1991, с. 19]. В связи с этим следует отметить находки таких перстней в Никонии и Тире [Батизат, Островерхов, 2002, с. 275]. В 2014 г. недалеко от помещения, где был ранее обнаружен публикуемый сосуд, был найден еще один бронзовый перстень птолемеевского типа с изображением женской головы в профиль.

Представляется необходимым в данном контексте еще раз вспомнить находки материалов, в том числе и эпиграфических, связанных с культом синкретических греко-египетских богов. Это, в первую очередь, давно опубликованная надпись о приношении неизвестного по имени человека сына Кратина Серапису, Исиде и, возможно, Анубису [IOSPE I², 5], которая датировалась В.В. Латышевым II-I вв. до н.э. К этому же времени относится и фрагмент надписи на мраморной плите с упоминанием Сераписа [Иванчик, Самойлова, 2007, с. 152 и сл.], а так же несколько эпиграфических и нумизматических материалов, связанных с этим культом, римского периода [там же, с. 153-154].

Таким образом, в Тире прослеживается достаточно ощутимая прямая или опосредованная связь с птолемеевским Египтом в эллинистический период и находка публикуемой в заметке вазы с росписью это подтверждает. Нам представляется, что она вполне может быть произведением одной из мастерских Александрии Египетской, хотя достаточно полной аналогии ей пока не найдено. В то же время она отличается по глине, росписи, форме и от группы сосудов этого же периода местного, причерноморского производства с росписью схожими орнаментальными мотивами. Единственный вопрос, который пока остался до конца не проясненным – это назначение данной вазы. Представляется маловероятным ее бытовое назначение. Может быть, она использовалась в каких-то ритуальных целях.

Батизат Г.В., Островерхов А.С. Новые памятники эллинистической глиптики из Нижнего Поднестровья // Древние общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). – Тирасполь, 2002. – С. 274 - 278.

Дашевская О.Д. Эллинистическая расписная керамика из Северо-Западного Крыма // СА. – 1967. - № 1. – С. 162 - 168.

Жебелев С.А. Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. – Москва-Ленинград. – 1953. – 388 с.

Иванчик А.И., Самойлова Т.Л. Синкретические культы греко-египетских богов в Тире // БФ. – СПб., 2007. – Ч.2. – С. 150 - 156.

Книпович Т.Н. Из истории художественной керамики Северного Причерноморья // СА. – 1941. - №2. – С. 140 - 151

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Античные погребения из курганного некрополя у поселения “Виноградное 7” в окрестностях Фанагории // БФ. – С.-Петербург, 2007. – ч. 1. – С. 229 - 236.

Литвиненко Ю.Н. Птолемеевский Египет и Северное Причерноморье в III в. до н.э. (К вопросу о контактах) // ВДИ. – 1991. - № 1. – С. 12 - 26.

Неверов О.Я. Группа эллинистических бронзовых перстней в собрании Эрмитажа (К вопросу о времени проникновения егтпетских культов в Северное Причерноморье) // ВДИ. – 1974. - № 1. – С. 106 - 116.

Самойлова Т.Л. Тира в VI-I вв. до н.э. – К., 1988, 123 с.

Трейстер М.Ю. Бронзовые перстни с изображениями на щитках из Горгипии и окрестностей // ВДИ. – 1982. - № 3. – С. 67 - 76.

Шургая И.Г. Вопросы боспоро-египетской конкуренции в хлебной торговле Восточного Средиземноморья раннеэллинистической эпохи // КСИА. – 1974. - № 138. – С. 51-60.

Breccia E. Alexandria ad Aegyptum. – Bergamo, 1914. – 320 p.

Pagensteher R. Dated Sepultchral Vasesfrom Alexandria // AJA. - 1909. – XIII. P.387-416 p.

Т.Л. Самойлова

РІДКІСНА РОЗПИСНА ПОСУДИНА ЕЛЛІНІСТИЧНОГО ЧАСУ З ТІРИ

Серед розписної елліністичної кераміки зустрічаються посудини рідких форм. У Тірі була знайдена дворучна ваза з розписом схожим за стилем на вази Гадра александрійського виробництва, ймовірно, такого ж походження. Дата – III ст. до н.е.

Ключові слова: стиль Гадра, розписна посудина, елліністичний період, Тіра.

T.L. Samoylova

RARE PAINTED VESSEL OF HELLENISTIC PERIOD FROM TYRAS

Among the painted Hellenistic ceramics occur some vessels of rare forms. In Tyra was found two-handed vase with painting similar by style to Hadra vases of Alexandria production, probably of the same origin. It dates by III century BC.

Keywords: style of Hadra. painted vessel, Hellenistic period, Tyras.

Одержано 9.10.2014

УДК [902:930.272] (477.74) «652»

С.Б. Охотников

ДЕЛЬТА ДУНАЯ И ОСТРОВ ЗМЕИНЫЙ В ПИСЬМЕННЫХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

В статье подводятся итоги многовековых споров и исследований о местонахождении острова Ахилла в Черном море.

Ключевые слова: Дунай (Истр), остров Левке, Ахилл.

Расположение дельты Дуная и острова Змеиного (в 35 - 40 км к востоку от неё) предопределило много общего в их геологическом, географическом и историческом аспектах. Так, специальные геологические исследования позволили установить, что слагающие остров породы являются частью герцинского горного сооружения Дорбуджи [Ткаченко, Пазюк, Самсонов, 1969, с. 18]. Была также предположена идентичность его происхождения как тектонического поднятия с «Каменной горой» у с.Орловка (Картал) (рис. 1).

Уникальность и неординарность внешнего облика острова, возвышающегося в виде громадной скалы посреди открытого моря, отмечалось уже античными авторами считавшими, что он «поднят» из морских глубин (Arr PPE 32; Philostr. Heroic. XIX, 16)

Интерес античных источников к данному региону объясняется, конечно, в первую очередь тем, что на Змеином (Левке) существовало святилище Ахилла. О храме на острове упоминали в той или иной связи многие авторы. Однако уже у них имелись разногласия в определении географического расположения этого культового места.

Рис. 1. Остров Змеиный. Аэрофотосъемка

В одних источниках Левке (Белый) привязан к реке Борисфен (Днепру), как например у Плиния (Plin. NH, IV, 83,93). Мартин Капелла (Mart. Capel., IV. 661; VI 663), Солин (Solinus. Coll. XIX, 1), Присциан (Prisc. Perieg., 356, 357), Дионисий (Dion. Perieg., 541-553) Авиен (Avien. Orb. terr., 720-733) также размещают его против устья Борисфена, но таким, что лежит в море.

© С.Б. ОХОТНИКОВ, 2015

Страбон (Strabo, VII, 3, 16) ориентирует его по устью Тираса (Днестра), там где находилась «башня Неоптолема» – сына Ахилла, согласно античной мифологии.

Клавдий Птолемей (Claud. Ptol. III, 10, 8) различал два острова – Борисфениду и Левке, но располагал их неоправданно близко друг от друга.

Сообщения античных географов и периплов о расположении острова Ахилла возле дельты Истра (Дуная) носят более конкретный характер. Так, в них констатируется, что «Ахилл живет на острове, который лежит прямо напротив Истра» (Max. Tyr. XV) или «напротив устьев Истра» (Paus., III, 19,11). В двух источниках, известных нам как периплы Арриана и псевдо-Арриана дается более подробное описание : «Почти против этого устья (*Узкое устье Истра – авт.*)….лежит остров, который одни называют островом Ахилла, а другие бегом Ахилла, а третьи – по цвету – Белым» (Arr., PPE 32), а пс.Арриан пишет, что остров лежит «почти напротив Голого устья Истра, с него нельзя видеть землю» (ps. Arr. § 90, 91).

Пс. Скимн уточняет : «В нем (*Истре – авт.*) лежит много обширных по слухам островов, из которых один лежащий между морем и устьями, не менее Родоса, - он называется Певке (*Сосновый – авт.*) от множества растущих на нем сосен. Прямо против него в море лежит остров Ахилла» (ps. – Scymn, 785 -796).

В целом подобная ориентация соответствует истинному расположению острова Змеиного и увязка его с различными частями дельты Дуная не вызывает сомнений о каком именно острове идет речь. Но, не исключено, что совмещение в отрывке у пс.Скимна упоминания о двух островах привело в дальнейшем к известной накладке и путанице (см. далее).

О точном расположении Левке свидетельствуют и некоторые другие данные. По сообщениям античных авторов Истр изливался в море несколькими рукавами [Агбунов, 1978, с. 249-254]. Среди приводимых ими названий устьев имеются Священное и Сосновое. Священное устье, как естественно предположить, связано со «священным островом» Левке, а Сосновое – с культом Ахилла. В дельте Истра находился Певке – «сосновый», а находка на самом острове Левке культового керамического изделия в виде шишки также подтверждает данный тезис [Коршунков, 1989, с. 32-34]. Шишка (плод кедра) упоминается и в известной надписи из святилища Ахилла на Кинбурнской косе (IOSPE, I^2, № 327).

Связь Змеиного с Дунаем проявилась особенно наглядно в римское время, когда остров имел важное значение в системе нижнедунайского лимеса. Напомним, кратко как это происходило.

В I в. до н.э. военные экспедиции Гая Скрибония Куриона (74 -73 гг. до н.э.), Марка Лукулла (72 – 71 гг. до н.э.), походы Марка Лициния Красса (29 – 28 гг. до н.э.), Корнелия Лентула (начало I в. н.э.) способствовали распространению власти Рима вплоть до западного берега Черного моря. К этому же времени относятся и наиболее ранние республиканские монеты, найденные на Левке [Булатович, 1971, с. 212-225]. Однако подлинное закрепление римских войск в Северо-Западном Причерноморье произошло в 60-е годы I в. н.э. после похода легата провинции Мезия Тиберия Плавтия Сильвана Элиана против скифов, захвативших Херсонес. В нем, а также в некоторых других местах были оставлены военные гарнизоны. Созданием опорных баз как для сухопутных войск, так и морских кораблей римляне завершили установление своего контроля в интересующем нас регионе. После раздела провинции на Верхнюю и Нижнюю Мезии в последней дислоцировались I Италийский (LEGIO I ITALICA), V Македонский (LEGIO V MACEDONICA), XI Клавдиев (LEGIO XI CLAUDIA) легионы. Морская служба осуществлялась Мезийской Флавиевой эскадрой (CLASSIS FLAVIA MOESICA), базировавшейся в Новиодунуме. В правление Траяна (98-117гг.) здесь же стал располагаться V Македонский легион. Отсюда отдельные воинские подразделения как легионов, так и флота направлялись и базировались в различных местах Дунайского лимеса, в том числе в укреплении у с. Орловка, предполагаемом Алиобриксе [Бондарь, 1973, с. 154; Бондарь, 2013, с. 51-56; Bujskich, 1994, с. 165–174]. Подразделения V Македонского легиона и Мезийской эскадры стояли и на острове Левке, что подтверждается находками их керамических клейм [Ochotnikov, 2006, S. 84–85. Taf.17, 28–29] (рис.2). Но на известном итинерарии из Дура–Европос, II–III вв. н.э. остров не указан (рис.3).

После прекращения существования античных культов европейская средневековая традиция продолжала, тем не менее, размещать остров Ахилла напротив устья Дуная. Так в VII–VIII вв. Аноним из Равенны писал: «В широком Великом море, в разных его частях находится много островов, мы хотим назвать большинство из них, а именно: В Понтийском заливе, который принадлежит этому морю, называют остров Ахилла, который находится перед вышеназванной большой рекой Данубий» (Raven. Anonim V, 19). VIII в. датируется и карта испанского монаха Беата (список XI в), где о. Змеиный расположен в группе дельтовых островов Дуная [Острів Зміїний, 2008, с. 131] (рис.4).

На таблицах Певтингера (копия XII–XIII вв. с римского итинерария I-V вв.) Змеи-

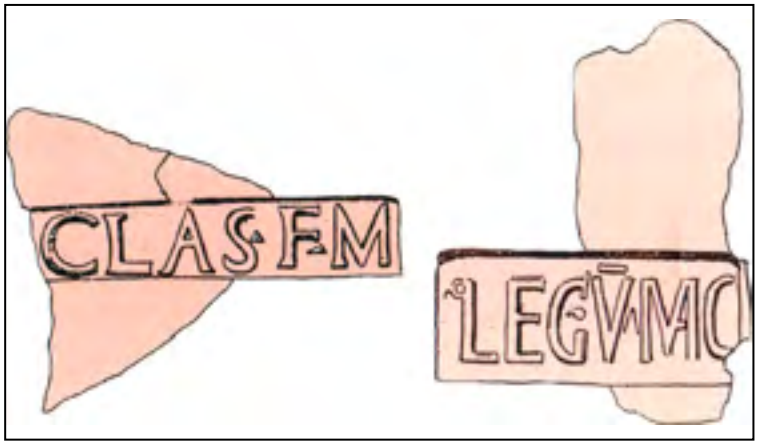


Рис. 2. Остров Змеиный. Клейма римских легионов на черепице

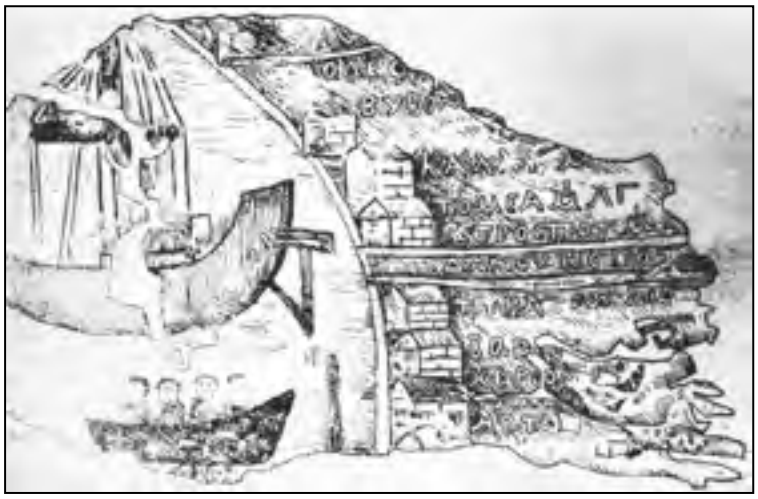


Рис. 3. Итинерарий из Дура-Европос. II – III вв. н.э.

ный обозначен как «Остров Ахилла, который также называется Левке». На этой же карте возле города Томис и дельты Дуная указан также некий «остров Хелру», а между Меотидой и Черным морем населенный пункт «Macara» (рис.5). Возможно, это название восходит к сообщению Плиния (Plin. NH. IV, 93) об острове Macaron – «блаженных» [Острів Зміїний, 2008, с. 128 -130].

Первое упоминание о Змеином в портоланах – морских лоциях относится к 1250 – 1265 гг., когда в Пизе была составлена карта «Il Compasso da navigare». Здесь остров носит название Filoxia [Todorova, 1978, с. 124 - 138; Димитров, 1979, с. 21]. На всех остальных картах он называется Fidonixi, Fidnisi, Fidonis, Fudnis, Fudonis, (рис.6) и наконец, Fidonisi, под которым он, собственно и стал известен в мировой науке [La Ronsiere u.a., 1984]. Нетрудно заметить что даже в искаженной транскрипции в переводе с новогреческого языка это означает «Змеиный остров». Это же название было скалькировано и в Османской империи, где оно звучало как Ilan – ada или Ilan – adasi (Yilan-adasi) или еще в искажении Iluada, как у Г.Молла на карте «Turkey in Asia or Asia Minor», 1736 г. издания. Вот что пишет по этому поводу известный географ XVII в. Г.Л. де Боплан: «За 2 лье от гирла Дуная находится низкий остров до 2 лье в окружности, где также есть пресная вода. Турки называют его Иланада, то есть остров змей [Боплан, 1990, с. 49]. В процитированном отрывке обращают на себя внимание указанные расстояния. Ведь 2 лье в XVII в. составляли около 11–12 км в сухопутном или морском измерении, что в любом случае явно не подходит к Змеиному. Тут, естественно возникает вопрос – что это : ошибка автора или речь идет о другом «Змеином острове»?

В какой-то мере прояснить это несоответствие помогает сообщение Э. Челеби, турецкого путешественника XVII в., современника Боплана. Он также упоминает некий «Змеиный остров», находящийся в самой дельте Дуная. Вот как он его описывает: «С севера и юга него – река Дунай. А езды вдоль него до Черного моря восемь часов, а если ехать поперек от города Тульчи до города Измаила, то будет 5 часов. И это есть такой лесистый остров на Румелийском тракте, что только одному богу известно, сколько на нем диких зверей, грызунов и птиц». Говоря о крепости Килия он добавляет: «Южная часть города расположена на Змеином острове…. Это большой остров с плодородной землей… А комаров тут так много, что при заходе солнца они заставляют людей и коней истерично вопить. Блудниц, которых ловят в крепостях Измаиле, Килие и Тульче, оставляют голыми на этом острове и они за одну ночь гибнут от усердия комаров, москитов и прочей мошкары.» [Челеби, 1961, с. 159 сл].

Практическое совпадение текстов Боплана и Челеби наводит на мысль, что первый использовал данные турецкого путешественника, но имел в виду все-таки сам Змеиный. На карте приложенной к «Описанию Украины» четко видно, что остров Змеиный (Илан-ада) находится в открытом море (рис.7).

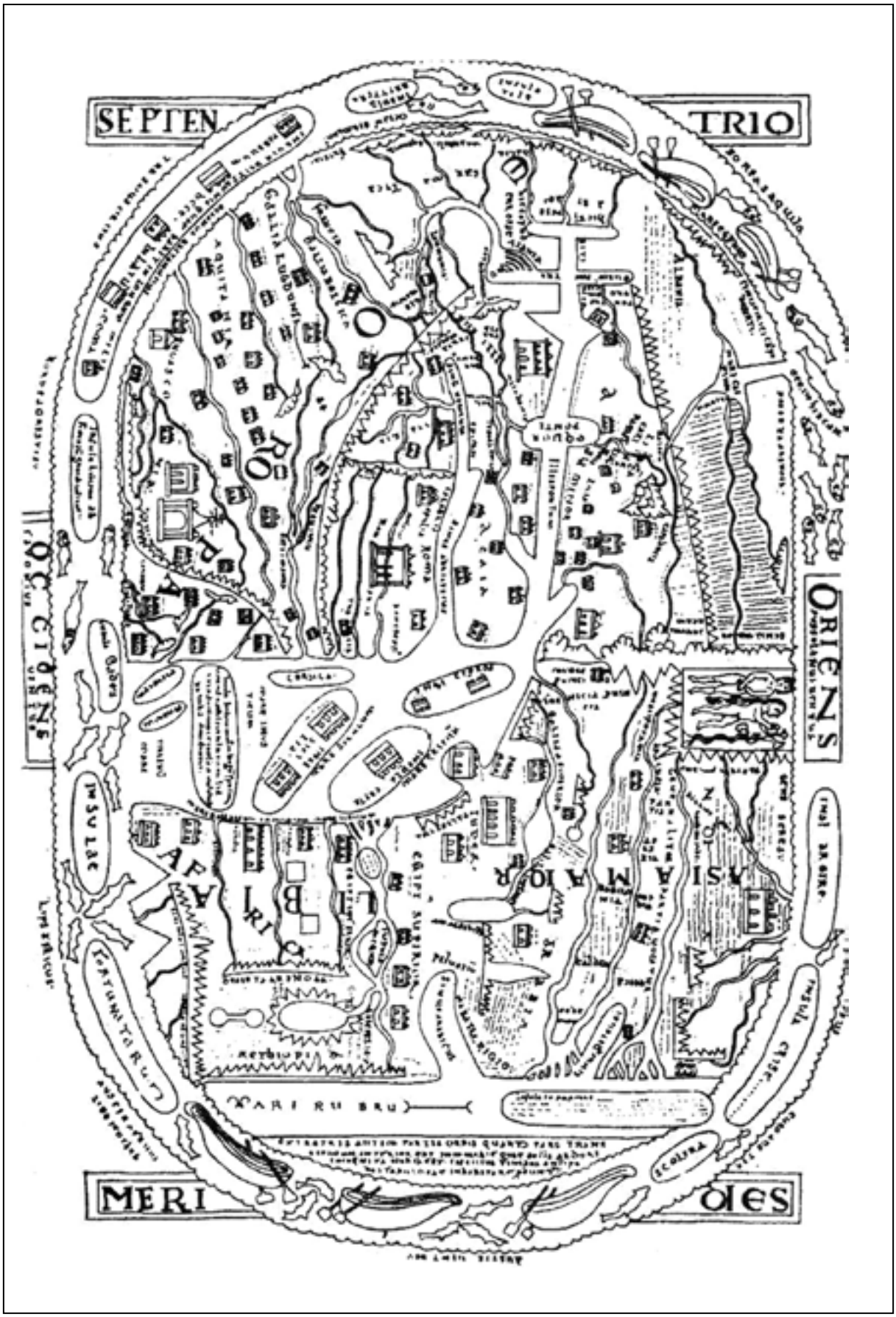


Рис. 4. Карта Беата XI в. н.э.

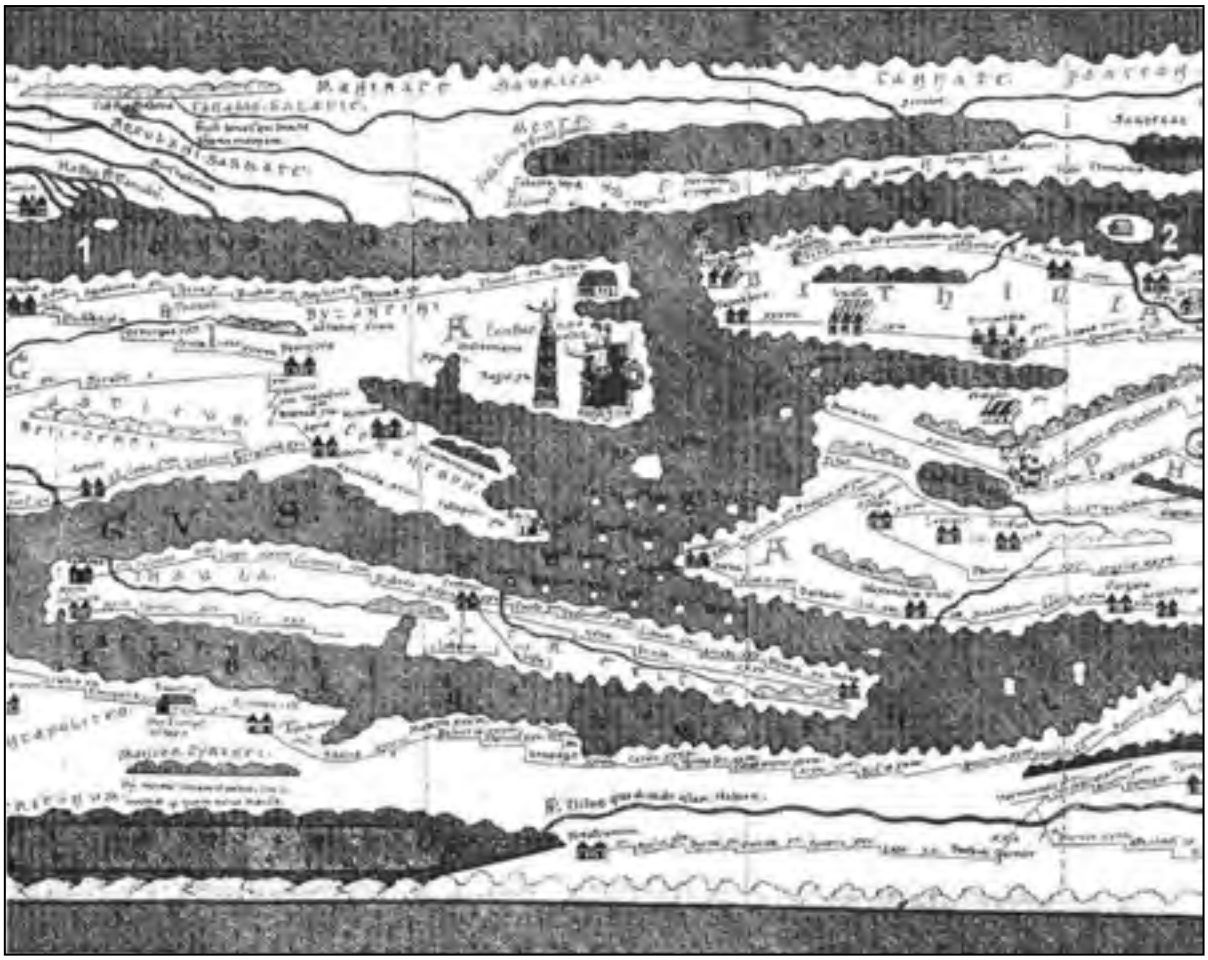


Рис. ***5***. Таблица Певтингера, с указанием острова Ахилла

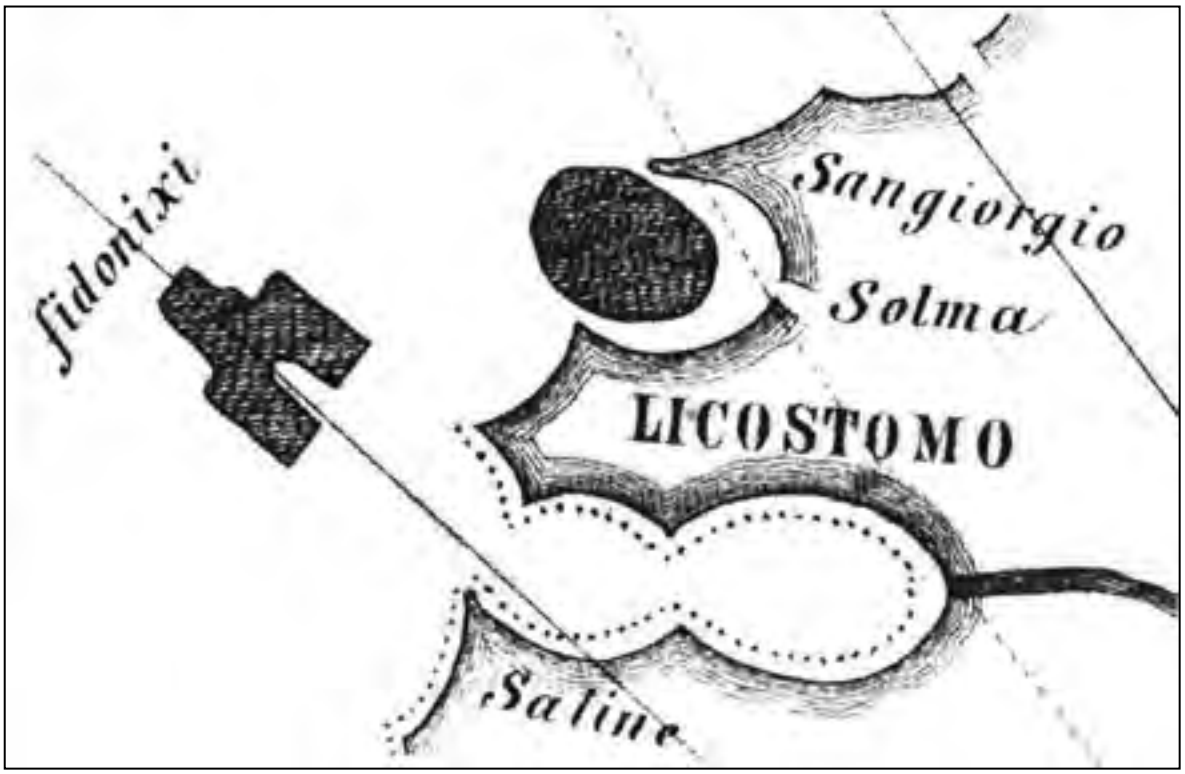


Рис. ***6***. Размещение острова Фидониси на карте Фредуче из Анконы 1497 г.

Рис. 7. Карта Г.Л. де Боплана XVII в. н.э.

Рис. 8. Карта Н. де Фера 1705 г.

Рис. ***9***. Карта Ш. де Пейсонеля 1765 г.

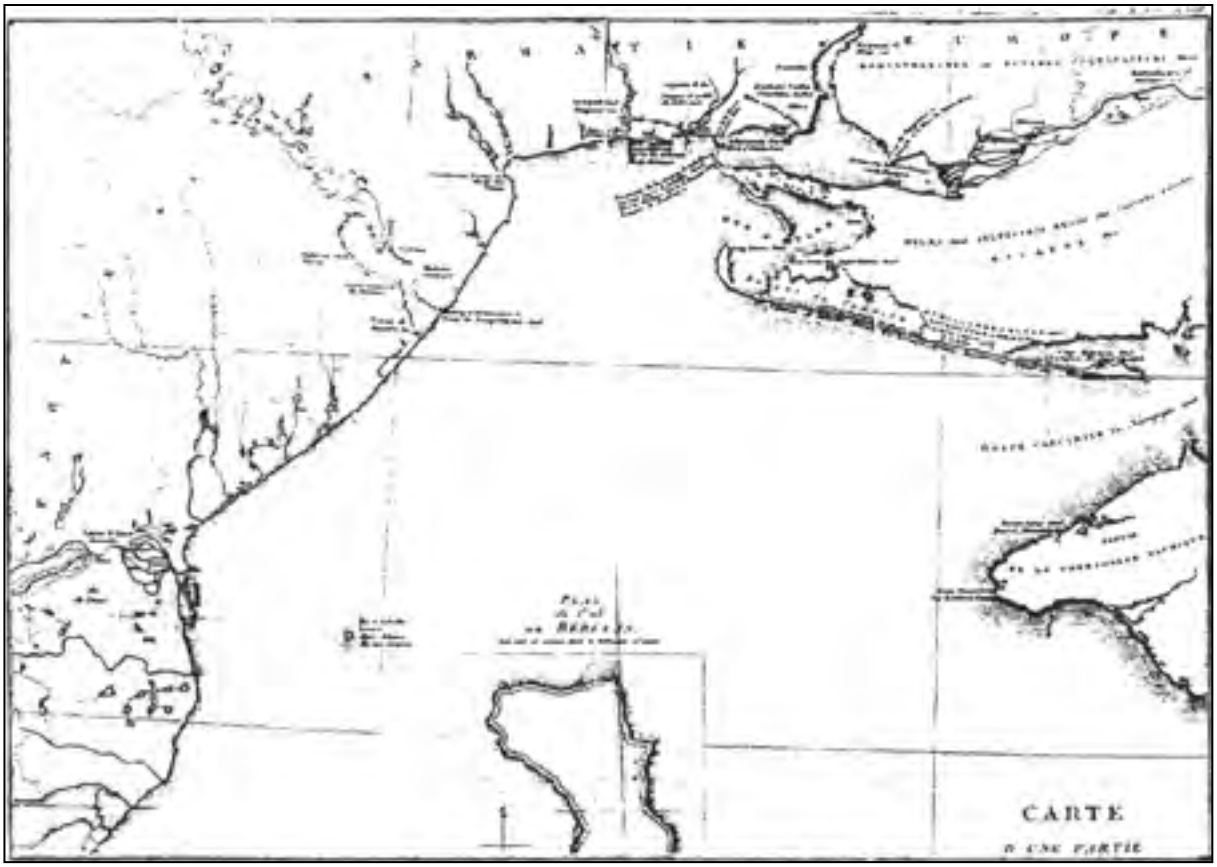


Рис. ***10***. Карта, опубликованная Е.Е. Кёлером. 1826 г.

Удивительно, но описание Змеиного у турецкого путешественника XVII в. перекликается с сообщениями античных источников. Павсаний, в частности, писал, что остров Ахилла, лежащий напротив Истра покрыт «густым лесом» и наполнен дикими и ручными животными (Paus. III, 19, 11). Странно, во-первых, что такой осведомленный автор мог перепутать два острова. Во-вторых, отсюда напрашивается мысль, что подобная путаница островов в дельте Дуная и открытом море могла действительно иметь место и послужила появлению в этом регионе топонима связанного с именем Ахилла. Как об этом уже писалось, «Килия» - созвучное и производное от «Ахиллея» [Пятышева, 1966, с. 58 – 70]. Как нам представляется, накладка этих понятий произошла где-то в раннем средневековье. Отголоски сообщений об Ахилле доходили вероятно, до жителей этой местности, которые и переняли это название.

В XVIII в. встречается новая транскрипция названия острова. У Н. де Фера на карте «La Mer Noir», Paris, 1705 опубликованной в последствие в атласе «Introduction a la Geographie Avec une Description Historique Sur touttles les parties de la Terre», Paris 1717 Змеиный обозначается как Gezireimar (Рис. 8), а на картах Г. де Лилля, изданных в 1742г. в «Atlas nouveau» как Gezirenuar (Копия хранится в ОИКМ. – Архив К 904/1. Папка К – III – 2.).

В 1754 г. Ш. де Пейсонель (книга вышла в 1765г.) de visu описал остров и попытался прокомментировать сообщения древних письменных источников. Но он также отождествил Березань и Левке, [Сапожников, Полевщикова, 2009, с. 464 – 475] то есть поместил остров Ахилла возле Днепра. Сам же Змеиный он называет также Fidonisi, Selina, Melasite [Острів Зміїний, 2008, с. 157 - 158] (рис.9).

В 1784 г. во время своего путешествия по Черному морю (книга вышла в 1796 г.) И.О. (Ян) Потоцкий впервые правильно указал на связь Фидониси – Илан-Ада с культом Ахилла [Потоцкий, 1850, с. 44]. Э.Д. Кларк, посетивший остров в 1801г., (книга издана в 1813г.) кратко изложил сведения античных авторов, отметил несоответствия в древних источниках и неточность современных ему карт. Но своего мнения об острове Ахилла так и не высказал [Острів Зміїний, 2008, с. 154-156].

В 1826 г. Е.Е. Келер поставил казалось бы точку в этом затянувшемся споре, признав существование двух островов Ахилла (рис. 10) и расположив Левке на нужном месте – напротив дельты Дуная [Köhler, 1826, с.531–819]. Тем не менее, даже через 100 лет после появления этого капитального труда т.е. уже в XX в. ученые продолжали дискутировать о расположении острова Ахилла. Достаточно вспомнить разногласия между В.В. Латышевым, И.И. Толстым и Э. Миннзом, и М.И. Ростовцевым. М.И. Ростовцев весьма справедливо отмечал, что у некоторых современных ему исследователей представления о Левке чисто мифологические, не имеющие ничего общего с реальным островом [Ростовцев, 1918, с. 177–197]. Вплоть до конца XX – начала XXI вв. эти слова были вполне актуальными. Но в последние годы дискуссия, на наш взгляд, все-таки закончилась. В римское время, точнее с конца I в. н.э. существовали два острова, связанные с культом Ахилла : Левке (Змеиный) возле дельты Дуная и Борисфен (Березань) возле устья Днепра-Буга, [Ochotnikov, 2006, с. 85-86; Острів Зміїний, 2008 с. 76-77; Подосинов, 2007, с. 5-12]. В названых работах дана более развернутая аргументация этого, в общем-то старого утверждения, но справедливее, все таки будет напомнить, что впервые об этом сказано все же в монографии 1993 г. [Охотников, Островерхов, 1993, с. 113 – 116].

Таковы основные результаты многовековых исследований и сопоставлений дельты Дуная и острова Змеиного. В течение столетий остров менял свое ментальное назначение – от культового, религиозного центра в античности, «книжного» острова эпохи средневековья и начала Нового времени, робких попыток изучения в новейшее время и, наконец, объекта полноценных научных изысканий как важнейшего историко-культурного памятника юга современной Украины.

Агбунов М.В. Сопоставление древних устьев Дуная, упоминаемых античными авторами // АИСЗП. К., 1978. – С. 249 – 254.

Бондарь Р.Д. Некоторые проблемы истории нижнедунайского лимеса // ВДИ. – 1973 – №3. – С. 144 – 159.

Бондарь Р.Д. Строительное дело Нижнедунайского лимеса (Провинции Нижняя и Верхняя Мезии, Дакия) в I – середине III вв. н.э.). – Одесса, 2013. – 108 с.

Боплан де Г.Л. Опис України. – К., 1990. – 256 с.

Димитров Б. Българските пристанища в XIII–XIV в. според два средневекови портолана // Археология. – 1979. – № 1.– С. 21 – 28.

Коршунков В.Р. Культ Ахилла в Северном Причерноморье и хвойные растения // Скифия и Боспор. Археологические материалы конференции памяти академика М.И. Ростовцева. – Новочеркасск, 1989.– С. 32 – 34.

Острів Зміїний. Історія та археологія. – Одеса, 2008.– 176 с.

Подосинов А.В. К вопросу о локализации острова Ахилла // Боспорский феномен. – Санкт–Петербург, 2007. – С. 5 – 12.

Потоцкий И. Записка о новом перипле Понта Евксинского… // Археолого–нумизматический сборник…, Москва, 1850.

Сапожников И.В., Полевщикова Е.В. Шарль де Пейсонель и его вклад в изучение античной и

средневековой географии Северо–Западного Причерноморья // Stratum PLUS.– 2005 – 2009. – № 4.– С. 464– 475.

Ростовцев М.И. Новая книга о Белом острове и Таврике // ИАК.– 1918.– Вып. 65. – С. 177 – 197.

Ткаченко Г.Г., Пазюк Л.И., Самсонов А.И. Геология острова Змеиного (Черное море) // Геология побережья и дна Черного и Азовского морей в пределах УССР. К., 1969. – Вып. 3.– С. 3 – 19.

Челеби Э. Книга путешествия. Извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII в. // Земли Молдавии и Украины. Москва, 1961. – Вып. 1.– 338 с.

Bujskich S.B. Zum Limes im nordlichen Schwarzmeerraum // BJ. – Köln, 1994.– S.165 – 174.

Köehler H.K.E. Memoire sur les Iles et les courses consacrees a Achille dans le Pont Euxin // Memoires de e'Academie imperiale des sciences de St. Petersbourg. – St. Petersbourg. 1826. – T. X.– P. 531 – 819.

La Ronsiere M, Jordin du M.M., unter Mitarbeit von Azard M.M, Raynaud – Nquen J. und Vannerlan M.A. Portulane, Seekarten vom 13 bis zum 17. Jahrhundert. – München, 1984.

Ochotnikov S. Achilles auf der Insel Leuke // Der Achilleus – Kult im nőrdlichen Schnarzemeerraum vom Beginn der griechischnen Kolonisation bis in die Rőmische Kaiserzeit // IA.– Rahden / Westf, 2006. – Band 94.– S. 49 – 87.

Todorova E. More about VICINA and the West Black Sea Coast // Etudes Balcaniques. – 1978. – № 2.– P. 124 – 138.

С.Б. Охотніков

ДЕЛЬТА ДУНАЮ І ОСТРІВ ЗМІЇНИЙ У ПИСЬМОВИХ ТА АРХЕОЛОГІЧНИХ ДЖЕРЕЛАХ

У статті підводяться підсумки багатовічних суперечок і досліджень про місцезнаходження острова Ахілла у Чорному морі. Представлено свідчення античних авторів, а також відомості іс середньовічних джерел. Аналізується картографічний матеріал.

Ключові слова: острів Ахілла, Зміїний, Дунай.

S.B. Ohotnikov

DANUBE DELTA AND THE ZMEINYI (SNAKE) ISLAND IN WRITTEN AND ARCHAEOLOGICAL SOURCES

The article summarizes the age-old debate and research on the whereabouts of the island of Achilles in the Black Sea. Provides information of ancient authors, as well as evidence of medieval sources. Analyzes the cartographic material.

Keywords: Danube, Zmeinyi island, Achilles.

Одержано 26.09.2014

УДК 904.23 (477.7) «65»

С.В. Діденко

ДО ПИТАННЯ ПРО ВЕРХНЮ ХРОНОЛОГІЧНУ МЕЖУ СВІТЛОГЛИНЯНИХ ВУЗЬКОГОРЛИХ АМФОР ТИПУ ШЕЛОВ D

В статті розглядається хронологія світлоглиняних вузькогорлих амфор типу Шелов D. В якості ключових комплексів використані поховання пізньосарматського могильника Градешка, кримського некрополя Дружне та черняхівського могильника Оселівка.

Ключові слова: світлоглиняні вузькогорлі амфори, тип Шелов D, хронологія.

Проблема еволюції та хронології світлоглиняних вузькогорлих амфор перших століть н.е. на сьогодні вважається однією з найактуальніших в античній археології. Ці посудини трапляються в шарах і комплексах римського часу практично всіх античних пам'яток Причорномор'я та Середземномор'я. Центрами їх виробництва в різний час вважались Самос [Grace, 1961, p. 52], Синопа [Шелов, 1978, с. 20; Кадеев, 1970, с. 132, 139, 143; Бёттгер, Шелов, 1998, с. 30; Магомедов, 2001, с. 62; Šelov, 1986, p. 400; Bjelajac, 1996, p. 65], Танаїс [Книпович 1949, с. 29, 30; Арсеньева, Науменко, 1994, с. 70, 71], міста Західного Прочорномор'я та Нижнього Подунав'я [Scorpan, 1977, p. 270; Dyczek, 2001, p. 223]. Згідно з останніми петрологічними дослідженнями і відкриттям майстерні в Алапли (Туреччина), центром виробництва вузькогорлих світлоглиняних амфор була Гераклея Понтійська на південному узбережжі Чорного моря — один з найбільших постачальників вина на античні ринки збуту [Arsen'eva, Kassab Tezgör, Naumenko, 1997; Внуков, 2006; Vnukov, 2006].[1] Питання хронології цієї групи винної тари досі залишається відкритим й періодично викликає бурхливі дискусії. Завданням даної праці є уточнення верхньої хронологічної межі амфор типу Шелов D за матеріалами поховальних комплексів.

Тривалий час тарні посудини типу Шелов D (інша назва — амфори танаїського типу) датували першою половиною III ст., обмежуючи їх верхню дату часом розгрому Танаїсу в 250-х рр. [Шелов, 1978, с. 19; Абрамов, 1993, с. 17; Гросу, 1990, с. 91]. Зараз стало очевидним, що вони трапляються і в комплексах після зруйнування Танаїсу. На це неодноразово звертали увагу дослідники, припускаючи можливість виробництва та надходження цих амфор у Північне Причорномор'я аж до кінця III — початку IV ст. [Деопик, Круг, 1972, с. 242; Фокеев, 1991; Крапивина, 1993, с. 94; Кропотов, 1998; Гудкова, 1999, с. 295; Гудкова, Редина, 1999; Васильев, 2002; Васильев, Дзиговский, 2003; Храпунов, Масякин, 1997, с. 167—168; Симоненко, 2001, с. 89; Krapivina, 2010, p. 71]. До таких комплексів належать: поховання під курганами №№7, 9 і 26 пізньосарматського могильника Градешка в Буджацькому степу (рис. 2) [Гудкова, Редина, 1999]; склеп №21 могильника Дружне в Передгірському Криму (рис. 3, *1-5*) [Храпунов, 2002, с. 20]; поховання №86 черняхівського могильника Оселівка в Середньому Подністров'ї (рис. 3, *8-16*) [Никитина, 1988, с. 79;

1. Зараз на місті Гераклеї Понтійської знаходиться місто Ереглі (провінція Зонгулдак, Туреччина). Місто Алапли розташоване в 14 км південніше Ереглі.

© С.В. ДІДЕНКО, 2015

табл. 48].[2] Такі амфори знайдені на поселеннях Піщане (житло №1) на Дніпровському Лівобережжі (рис. 1, *3*) [Обломский, 1999, рис. 9, *1*] та Этулія X в Нижньому Подунав'ї (рис. 1, *4*) [Гудкова, 1999, рис. 27, *5*]. Цілі форми походять з розкопок Мангупу (рис. 1, *5*) [Иванова, 2013, с. 129; рис. 19] та пограбованого склепу №1 могильника Перевальне в Криму (рис. 1, *1*) [Пуздровский, 2007, рис. 161, *3*]. Одна з таких амфор, ймовірно, з Криму, зберігається в Національному музеї історії України (рис. 1, *2*). Як бачимо, ці посудини трапляються доволі рідко. Вони суттєво відрізняються від класичних «танаїських» амфор. Їх корпус має більш прості біконічні пропорції, значно спрощене профілювання вінець. Характерною ознакою є ніжка з невеликою вм'ятиною на підошві або ж без неї. Відсутні стандартні для «танаїських» амфор цифрові діпінті [Ильяшенко, 2006]. Дослідники, посилаючись на суттєву різницю з класичними «танаїськими» амфорами, далеко не завжди відносять ці посудини до типу D, називаючи їх наслідуваннями, дериватами, або ж вбачаючи в них новий тип вузькогорлої світлоглиняної тари. Однак зараз стало очевидним, що вони продовжують ланку еволюції типу Шелов D, утворюючи його пізній варіант (або варіанти), тоді як класичні «танаїські» амфори утворюють ранній варіант (або варіанти) даного типу [Ilyashenko, Naumenko, 2006].[3]

Для уточнення верхньої хронологічної межі типу Шелов D розглянемо хронологію згаданих вище поховальних комплексів. Могильник Градешка сумарно датований О.В. Гудковою та Є.Ф. Редіною другою половиною III — початком IV ст. [Гудкова, Редина, 1999]. Головними хроноіндикаторами для катакомбного поховання під курганом №26 є: срібна лучкова фібула (рис. 2, *14*), пара золотих сережок (рис. 2, *15, 16*), бронзові дзвіночки (рис. 2, *18*) та скляний келих на суцільному піддоні (рис. 2, *20*). Келихи даного типу відповідають формі Isings-*108* III — кінця IV ст. [Isings, 1957]. Дзвіночки є індикаторами групи 2 намиста і підвісок черняхівської культури (остання третина III ст.) [Гопкало, 2008, с. 60-62, 107, 108; рис. 3, *5*] та фази II (260/270 — 310/320-ті рр.) хронології могильників Центрального й Південно-Західного Криму III — IV ст. [Юрочкин, Труфанов, 2007, с. 363; рис. 4, *14*; ИС 2]. Нижня дата поховання встановлюється за сережками, особливості виготовлення яких дозволяють віднести їх до групи 2 прикрас поліхромного стилю (290/300 — 325/330 рр.) за С.О. Яценком та В.Ю. Малашевим [Яценко, Малашев, 2008, с. 228; табл. 2], верхню — двочленна лучкова фібула з розширеною ніжкою групи 15 серії III другої половини III ст. [Амброз, 1966, с. 52—54; табл. 9, *16, 18-20*; Кропотов, 2010, с. 150—159]. Найімовірніша дата цього поховання — фінал III ст.

До складу ремінної гарнітури підбійного поховання 1 в кургані №7 цього могильника входили потовщені в передній частині овальнорамчасті пряжки з коротким прямим язичком без уступу (рис. 2, *27-29*), круглі зрізано-конічні накладки (рис. 2, *26*), довгі одночастинні ремінні наконечники з короткими фасетками (рис. 2, *23*) та наконечники у вигляді зігнутої вдвоє короткої платівки з валикоподібним завершенням (рис. 2, *24, 25*). Фасетовані ремінні наконечники з'являються в сарматських комплексах з III ст. [Безуглов, 1988, с. 111]. В.Ю. Малашев відносить їх до підгруп IIб (250/260 — 290/300 рр.) і IIIа (290/300 — 325/330 рр.) пізньосарматських старожитностей [Малашев, 2000, рис. 5, *Б*; 6, *Г1*; 9, *Б*]. Вироби в стилі «коротких фасеток» включені В.Ю. Юрочкіним та О.А. Труфановим до фази II (260/270 — 310/320-ті рр.) хронології могильників Криму [Юрочкин, Труфанов, 2007, с. 362—365]. Пластинчасті наконечники з валикоподібним розширенням на кінці мають численні аналогії в комплексах середини III – початку V ст. [Малашев, 2000, рис. 1, *Н10*; Храпунов, 2002, с. 44; тип III]. З цього ж поховання походить овальнорамчаста пряжка з овальним щитком і косо зрізаним в основі прямим фасетованим язичком (рис. 2, *30*), яка, ймовірно, є перехідною ланкою від пряжок з язичком без уступу до виробів зі ступінчастим зрізом в основі язичка,[4] а також лучкова двочленна фібула серії III (рис. 2, *22*) [Амброз, 1966, с. 52—54; табл. 9, *16, 18-20*; Кропотов, 2010, с. 150-159]. Всі ці речі могли потрапити до одного комплексу лише в останніх десятиліттях III ст.

Поховання під курганом №9 могильника Градешка супроводжувалося численним інвентарем, однак найінформативнішими в

2. Морфологічно наближена до типу Шелов D амфора походить з південного підбою могили №20 могильника Друже другої половини III ст. [Храпунов, 2002, с. 19, 20, 39, 68; рис. 93, 5]. Однак за складом керамічного тіста та деякими деталями профілювання вона не належить до світлоглиняних вузькогорлих амфор гераклейського виробництва, і, скоріше за все, є наслідуванням посудин цього типу.

3. В новій типології вузькогорлих світлоглиняних амфор С.А. Науменко та С.М. Ільяшенка, представленій в 2006 р. на міжнародному круглому столі в Батумі, виділено чотири варіанти амфор типу Шелов D [Ilyashenko, Naumenko, 2006]. На жаль, цю працю викладено в стислому тезовому форматі, внаслідок чого критерії виділення варіантів не зрозумілі.

4. Цю пряжку В.Ю. Малашев відніс до типу 9 — хроноіндикатору групи 3 (290/300 — 350/375 рр.) пізньосарматських старожитностей [Малашев, 2000, с. 196, 201—203; 205—207; рис. 9, Б1].

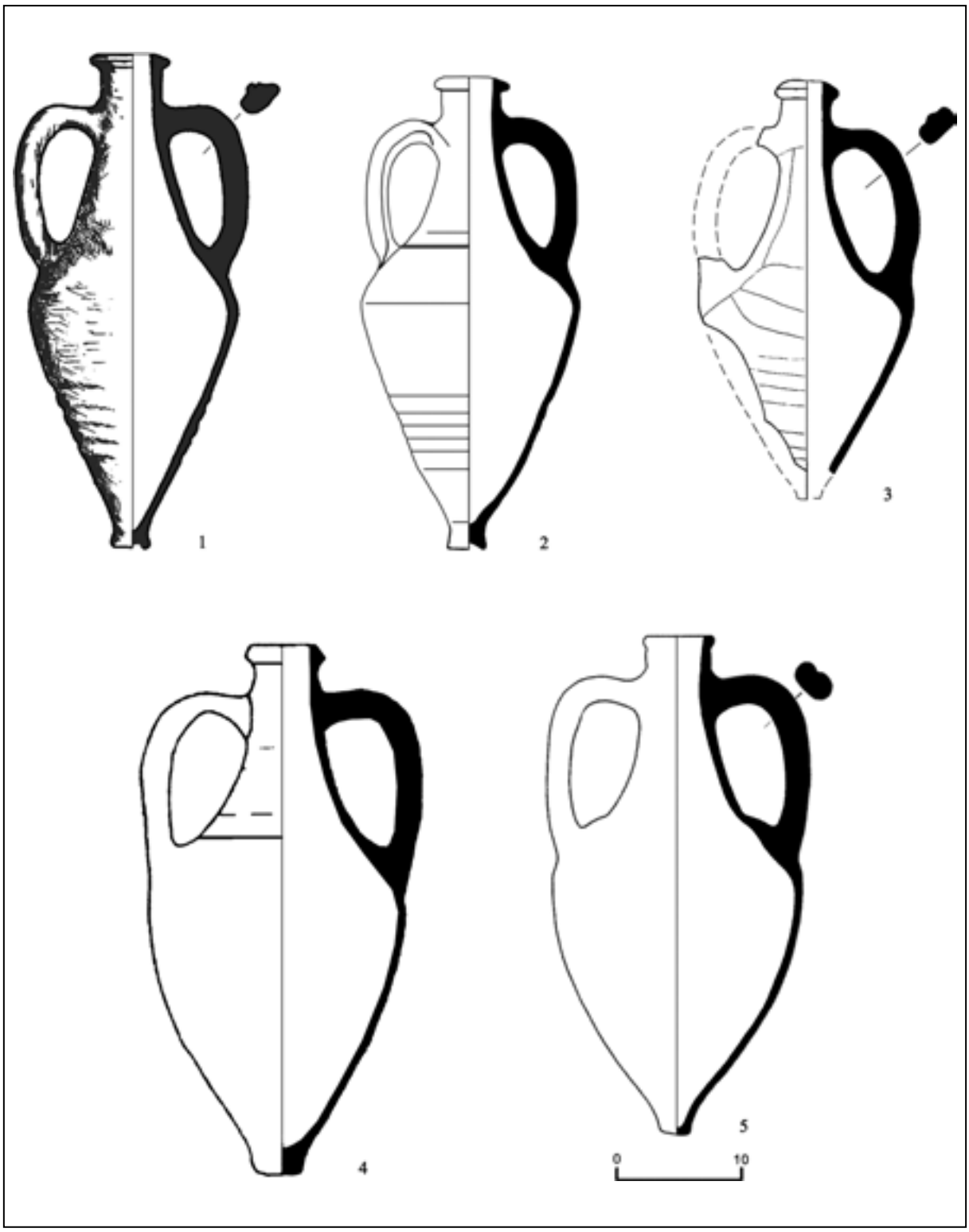


Рис. 1. Пізні варіанти амфор типу Шелов D.
1 — Перевальне, склеп 1; *2* — зібрання НМІУ; *3* — Піщане, житло 1; *4* — Етулія X; *5* — Мангуп (за: Пуздровский, 2007; Обломский, 1999; Гудкова, 1999; Иванова, 2013).

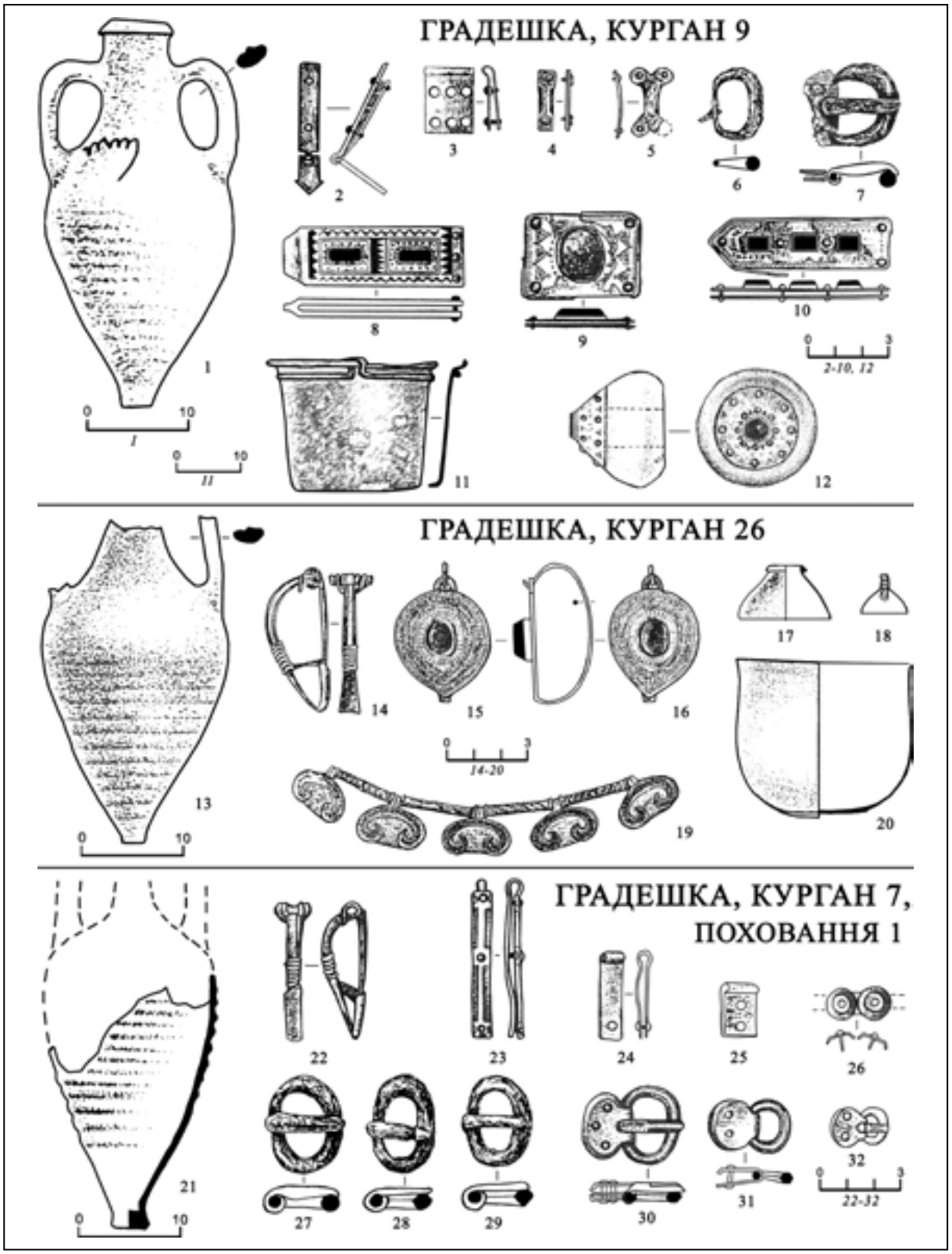


Рис. 2. Комплекси з пізніми варіантами амфор типу Шелов D: Градешка, курган 9; Градешка, курган 26; Градешка, курган 7, поховання 1 (за: Гудкова, Редина, 1999).
1, 13, 21 — амфори типу Шелов D; *2, 3, 10, 23-25* — наконечники ременів; *4* — накладка від піхов меча; *5, 26* — накладки ремінні; *6, 7, 27—30, 32* — пряжки; *8* — щиток пряжки; *9* — бляха накладна; *11* — казанок; *12* — навершя меча; *14, 22* — фібули; *15, 16* — сережки; *17* — ворворка; *18* — дзвіночок; *19* — намисто з трубчастих пронизок та лунниць; *20* — келих; *31* — кільце з зажимом (*1, 13, 21 — кераміка; 2, 3, 11, 23—25, 30-32 — бронза; 4, 5, 14, 17, 18, 22 — срібло; 6, 7, 27—29 — залізо; 8 — срібло / золото / стекло; 9 — бронза / срібло / золото / сердолік; 10 — срібло / золото / сердолік; 12 — гірський кришталь / турмалін / золото; 15, 16 — золото / топаз; 19 — золото; 20 — скло*).

хронологічному відношенні є поясна гарнітура (рис. 2, *2—10*) і бронзовий казанок типу Хеммор (рис. 2, *11*). О.О. Васільєв и О.М. Дзиговський, посилаючись на праці А.В. Мастикової та М. Казанського, датували його в межах III — першої половини IV ст. [Васильев, Дзиговский, 2003, с. 322; Мастыкова, 1999, с. 172; Казанский, 1994, с. 243]. Щиток пряжки (рис. 2, *8*), наконечник ременя (рис. 2, *10*) і бляха зі скляними й сердоліковими вставками (рис. 2, *9*) включені С.О. Яценком и В.Ю. Малашевим до групи 2 прикрас у поліхромному стилі (290/300 — 325/330 рр.) [Яценко, Малашев, 2008, с. 228; табл. 2, кат. №6]. Вони й визначають дату поховання.[5]

В склепі №21 другої половини III — IV ст. могильника Дружне така амфора (рис. 3, *1*) лежала поруч з похованням А, до складу якого входила залізна фібула (рис. 3, *3*), овально-рамчаста пряжка з овальним щитком (рис. 3, *2*), скляний келих на суцільному піддоні (рис. 2, *4*) й червонолаковий канфар (рис. 3, *5*).[6] Залізна двочленна фібула з прогнутим корпусом і вузькою ніжкою з цього поховання надійно датується IV ст. [Кропотов, 2001, с. 183; рис. 5, *4*; Храпунов, 2002, с. 55]. Бронзова пряжка з овальним щитком має потовщену в передні частині рамку та ступінчасто зрізаний в основі язичок, кінчик якого загнутий майже під прямим кутом та опускається до середини перерізу рамки. Типологія та хронологія таких пряжок постійно перебуває в зоні уваги дослідників. Вони широко розповсюджені в європейському Барбарикумі за пізньоримського часу. Співставлення абсолютних дат, викладених в ряді праць, тією чи іншою мірою присвячених вивченню таких пряжок, вказує на час їх побутування з кінця III по кінець IV ст. з піком на перші три чверті IV століття [Godlovski, 1970, s. 26; Keller, 1971; Щукин, Щербакова, 1986; Гороховский, 1988; Айбабин, 1990, с. 27, 28; Амброз, 1992, с. 12; Бажан, Гей, 1992, с. 153, 154; Шаров, 1992; Казанский, 1994, с. 240, 241; Малашев, 2000; Васильев, Дзиговский, 2003, с. 318—321; Храпунов, 2002, с. 48—50]. Ранніми ознаками прийнято вважати гранчасту рамку, порівняно короткий, дещо загнутий за рамку язичок з невеликим уступом або низькою площадкою біля основи. Пізньою ознакою вважається наявність у пряжок масивного язичка з високим уступом або рельєфним виступом в основі, кінчик якого охоплює рамку, опускаючись нижче середини її перерізу.[7] За ступенем загнутості язичка і характерним уступом екземпляр з Дружного можна впевнено датувати IV ст. Червонолакові канфари на низькому кільцевому піддоні О.І. Айбабін, посилаючись на знахідки з Каллатісу, датує першою половиною IV ст. [Айбабин, 1996, с. 293; Preda, 1980, Pl. XII, *M. 189*]. Найближча аналогія з Криму походить з могили №4 некрополя Чатир-Даг з бронзовою монетою Максиміна Дайї (308 — 313 рр.) (рис. 3, *6, 7*) [Мыц, Лысенко, Щукин, Шаров, 2006, с. 10, 11, 114; табл. 8Б, *8*; рис. 4, *7*]. Келихи з прозорого скла на суцільному піддоні форми Isings-*108* [Isings, 1957] маркують кримські комплекси другої половини III — першої чверті IV ст. [Юрочкин, Труфанов, 2007, рис. 4, *11, 23*; ХИ 21; Труфанов, 2009, рис. 102 (б); хр—113]. Таким чином, датування поховання А склепу №21 могильника Дружне першою чвертю IV ст. не викликає сумнівів.

В похованні №86 черняхівського могильника Оселівка таку амфору (рис. 3, *8*) супроводжував скляний фасетований кубок типу Варпелев-Сакрау першої половини IV ст. (рис. 3, *9*) [Никитина, 1988, табл. 48, *1*; Rau, 2008, S. 222].[8]

Результати вивчення хронологічних рамок побутування світлоглиняних вузькогорлих амфор типу Шелов D дозволяють зробити наступні висновки. Ці амфори продовжують випускатися в другій половині III ст., трансформуючись з класичних «танаїських» в морфологічно спрощені пізні варіанти. Відносно невелика кількість надходжень до Північного Причорномор'я пізніх варіантів типу D, як і нестійкість їх форм, можна пояснити дестабілізацією економіки та ринків збуту в Понтійському регіоні за епохи Готських війн (238-270-ті рр.), які негативно відбилися на діяльності ряду виробничих центрів, що спеціалізувалися на виробництві й експорті різних видів продукції. В цей час припиняють свою діяльність майстерні по виготовленню Понтійської сигіллати, які з I по середину III ст. постачали червонолакову кераміку практично до всього Причорномор'я [Журавлев, 2007, с. 367, 396—398]. З розгромом Танаїсу та інших міст повинна була втратити постійні ринки збуту й Гераклея Понтійська — виробник вузькогорлих світлоглиняних амфор і головний постачальник вина до Північного При-

5. Використання амфор типу D на початку IV ст. підтверджується дослідженнями пізньоримських шарів Ольвії [Krapivina, 2010, p. 71].

6. На користь приналежності амфори до даного поховання свідчить його інвентар: з 6-ти поховань у склепі лише поховання А супроводжувалося набором для пиття — червонолаковим канфаром та скляним келихом.

7. В.Ю. Юрочкін та О.А. Труфанов виділяють ці пряжки в хроноіндикатори 17 і 41 хронології могильників Центрального та Південно-Західного Криму III — IV ст. Хі 17 — для фаз II і III (260/270 — 310/320 — 370/380-ті рр.), Хі 41 — для фази III (310/320 — 370/380-ті рр.) [Юрочкин, Труфанов, 2007, рис. 4, 5, 6; 5, 3-6; 6, 1-4].

8. Рисунок скляного кубка зроблено та надано для даної статті О.В. Петраускасом.

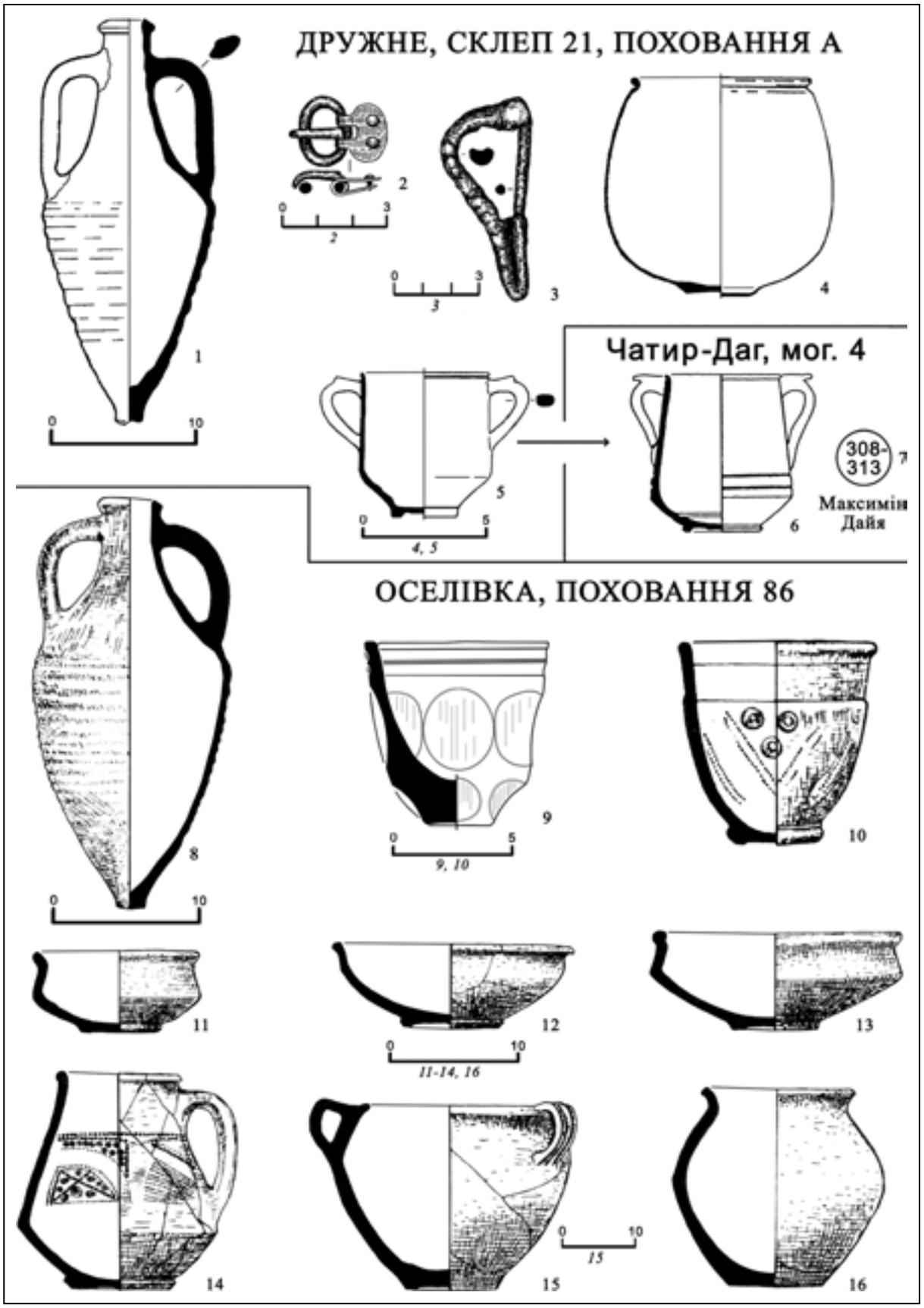


Рис. 3. Комплекси з пізніми варіантами амфор типу Шелов D: Дружне, склеп 21, поховання А; Оселівка, поховання 86 (за: Храпунов, 2002; Никитина, 1988; Мыц, Лысенко, Щукин, Шаров, 2006).
1, 8 — амфори типу Шелов D; *2* — пряжка; *3* — фібула; *4, 9* — посуд скляний; *5, 6* — канфари червонолакові; *7* — монета; *10—16* — посуд кружальний (*1, 5, 6, 8, 10—16 — кераміка; 2 — срібло; 3 — залізо; 7— бронза*).

чорномор'я, яка сама потрапила в зону активних воєнних дій та частково була зруйнована готами під час одного з морських походів у 260-х рр. [Ременников, 1954, с. 108-113; Вольфрам, 2003, с. 82]. В останній третині III — на початку IV ст. постачання гераклейського вина до Північного Причорномор'я, скоріше за все, було не регулярним, чим і пояснюється відносно невелика кількість знахідок пізніх варіантів амфор типу D. Нестабільність їх форм на наш погляд відбиває дестабілізацію економіки Гераклеї в цей період та ослаблення контролю над стандартами винної тари. Стабілізація та відродження торгівельних зв'язків в Понтійському регіоні відбувається за часів правління Костянтина Великого (306-337 рр.), що в першу чергу відображається в масових надходженнях до Північного Причорномор'я червонолакової кераміки групи Pontic Red Slip Ware [Крапивина, Домжальський, 2008, с. 78] та нового типу гераклейської винної тари — світлоглиняних вузькогорлих амфор типу Шелов F.

Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. — 1993. — Вып. 3. — С. 4-135.

Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. — 1990. — Вып. I. — С. 3-272.

Айбабин А.И. Население Крыма в середине III — IV вв. // МАИЭТ. — 1996. – Вып. V. — С. 290-303.

Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР II—IV вв. н. э. // САИ. — 1966. — Вып. Д1 — 30.

Амброз А.К. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник. — 1992. — №1. — С. 6-108.

Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Комплекс находок из подвала МБ II – III вв. н.э. // Вестник Танаиса. — Ростов-на-Дону, 1994. — Вып. 1. — С. 61-139.

Бажан И.А., Гей О.А. Относительная хронология могильников черняховской культуры // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. — Санкт-Петербург, 1992. — С. 122-157.

Безуглов С.И. Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье // СА. — 1988. — №4. — С. 103-115.

Бёттгер Б., Шелов Д.Б. Дипинти на амфорах из Танаиса. — Москва, 1998.

Васильев А.А. К вопросу о датировке узкогорлых светлоглиняных амфор позднеримского времени (типы D и F по Шелову) // Археологія та етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження. — Т. 3. — 2002. — С. 132-133.

Васильев А.А., Дзиговский А.Н. Еще раз к хронологии позднейших сарматских древностей Буджака // Stratum plus 2001-2002. «На окраинах античного мира». — 2003. — №4. — С. 315-334.

Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. — II в. н.э. Часть 2: Петрография, хронология, проблемы торговли. — Санкт-Петербург, 2006.

Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). — Санкт-Петербург, 2003.

Гопкало О.В. Бусы и подвески черняховской культуры. — Киев, 2008.

Гороховский Е.Л. Хронология черняховских памятников Лесостепной Украины // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. — 1988. — Т.4. — С. 34-46.

Гросу В.И. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. — Кишинев, 1990.

Гудкова А.В. I – IV вв. в Северо-Западном Причерноморье (культура оседлого населения) // Stratum plus. «Время Че». — 1999. — №4. — С. 235-404.

Гудкова А.В., Редина Е.Ф. Сарматский могильник Градешка в низовьях Дуная // Старожитності Північного Причорномор'я та Криму. — 1999. – Вип. 7. — С. 177-193.

Деопик Д.В., Круг О.Ю. Эволюция узкогорлых светлоглиняных амфор с профилированными ручками // СА. — 1972. — №3. — С. 100-115.

Журавлев Д.В. Понтийская сигиллата из могильников Бельбек III и Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // Боспорские исследования. — 2007. — Вып. XVI. — С. 366-448.

Иванова О. С. Амфоры позднеримского времени из раскопок Мангупа // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). — Симферополь—Бахчисарай, 2013. — С. 93-154.

Ильяшенко С.М. Цифровые dipinti на узкогорлых светлоглиняных амфорах III в. н.э. из Танаиса // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. — 2006. — Вып. 22.

Кадеев В.И. Очерки истории экономики Херсонеса Таврического в I–IV вв. н.э. — Харьков, 1970.

Казанский М. Могилы алано-сарматских вождей IV в. // МАИЭТ. — 1994. —Вып. IV. — С. 238-256.

Книпович Т.Н. Танаис. — Москва–Ленинград, 1949.

Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I — IV вв. н.э. — Киев, 1993.

Крапивина В.В., Домжальский К. Позднеантичная Ольвия в свете находок краснолаковой керамики // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху: материалы юбилейного международного круглого стола, посвященного 10-летию конференции «Боспорский феномен». — Санкт-Петербург, 2008. — С. 73-81.

Кропотов В.В. Світлоглиняні вузькогорлі амфори «інкерманського» типу // Археологія. — 1998. — №4. — С. 128-134.

Кропотов В.В. Фибулы из некрополей Дружное и Нейзац // Археологические вести. — 2001. — Вып. №8. С. 175-187.

Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. — Киев, 2010.

Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса. — Lublin, 2001.

Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. — Ростов-на-Дону, 2000. — С. 194-232.

Мастыкова А.В. О распространении янтарных грибовидных бус-подвесок позднеримского времени на юге Восточной Европы // Сто лет черняховской культуре. — Киев, 1999. — С. 171-177.

Мыц В.Л., Лысенко А.В., Щукин М.Б., Шаров О.В. Чатыр-Даг — некрополь римской эпохи в Крыму. — Санкт-Петербург, 2006.

Никитина Г.Ф. Могильник у с. Оселивка Кельменецкого района Черновицкой обл. // Могильники черняховской культуры. — Москва, 1988. — С. 5-97.

Обломский А.М. О времени появления черняховского населения на территории Днепровского Левобережья // Сто лет черняховской культуре. — Киев, 1999. — С. 26-38.

Пуздровский А.И. Крымская Скифия II в. до н.э. — III в. н.э. Погребальные памятники. — Симферополь, 2007.

Ременников А.М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. — Москва, 1954.

Симоненко А.В. Европейские аланы и аланы-танаиты в Северном Причерноморье // РА. — 2001. — №4. – С. 77-91.

Труфанов А.А. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. // Stratum plus 2005–2009. «Полевой дневник: римское время». — 2009. — №4. — С. 117-328.

Фокеев М.М. Позднейшие сарматские могильники в степи между Днестром и Дунаем // Древности Юго-Запада СССР. — Кишинев, 1991. — С. 55-65.

Храпунов И.Н. Могильник Дружное (III-IV вв. нашей эры). — Lublin, 2002.

Храпунов И.Н., Масякин В.В. Подбойная могила второй половины III века нашей эры из могильника Дружное // Stratum plus. «Структуры и катастрофы» — 1997. — С. 164-180.

Шаров О.В. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. — Санкт-Петербург, 1992. — С. 152-208.

Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. — 1978. — №156. — С. 16-21.

Щукин М.Б., Щербакова Т.А. К хронологии могильника Данчены // *В кн. И.А. Рафалович.* Данчены. Могильник черняховской культуры III—IV вв. н. э. — Кишинев, 1986.

Юрочкин В.Ю., Труфанов А.А. Хронология могильников Центрального и Юго-Западного Крыма 3–4 вв. н.э. // Древняя Таврика. — Симферополь, 2007. — С. 359-382.

Яценко С.А., Малашев В.Ю. О полихромном стиле позднеримского времени на территории Сарматии // Stratum plus. «Время великих миграций». — 2000. — №4. — С. 226-250.

Arsen'eva T., Kassab Tezgör D., Naumenko S. Un Depotoir D'Atelier D'Amphores a pate Claire. Commerce entre Heraclee du Pont et Tanaïs a l'epoque romaine // Anatolia Antiqua. — Vol.V. — 1997. — P. 187-198.

Bjelajac L. Amfore gornjo mezijskog Podunavja. — Beograd, 1996.

Godlowski K. The Chronology of the Late Roman and Early Migration periods in Central Europe. — Krakow, 1970.

Grace V. Amphoras and the Ancient Wine Trade. — Princeton–New-Jersey, 1961.

Dyczek P. Roman Amphorae of the 1st – 3rd centuries AD found on the Lower Danube. Typology. — Warszawa, 2001.

Ilyashenko S., Naumenko S. Narrow-nesked light-clay amphorae: developments in classification and chronologi // Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. Iinternational Round-Table Conference Batumi-Trabzon, 27th-29th April, 2006. — p. 15, 16.

Isings C. Roman Glass from Dated Finds. Groningen. — Djakarta, 1957.

Keller E. Die spätrömischen Grabfunde in Südbayern. — München, 1971.

Krapivina V. Amphorae of the 3rd-4th centuries A.D. in Olbia Pontica // Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. Actes de la Table Ronde international de Batoumi et Trabzon, 27-29 Avril 2006 (eds. Kassab Tezgör & N. Inaishvili). Varia Anatolica XXI, 2010 (Istanbul-Paris). — P. 69-73.

Preda C. Callatis. Necropola romano-bizantina. — Bucureşti, 1980.

Rau G. Spätantike Facettschliffgläser in Nord und Osteuropa // Acta Praehistorica et Archeologia. — 2008. — Band 40.

Scorpan C. Contribution à la connaissance de certains types céramiques romana-byzantins (IV–VII siècles) dans l'espace Istro-Pontique // Dacia — Revue d'archeologie et d'histoire ancienne. — Bucarest, 1977. — T. XXI. — P. 97-269.

Šelov D.B. Les Amphores d'Argile Claire des Premiers Siecles de Notre Ere en Mer Noire // Recherches sur les amphores Grecques: Actes du Colloque International Organise Athenes 10—12 September 1984 (Series: BCH; supplement XIII). — Athenes, 1986. — P. 395—400.

Vnukov S. Late Heraklean ("Light Clay") Amphora Studies: Typology, Chronology, Fabrics // Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. Iinternational Round-Table Conference Batumi-Trabzon, 27th-29th April, 2006. — P. 13-14.

С.В. Диденко

К ВОПРОСУ О ВЕРХНЕЙ ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ГРАНИЦЕ СВЕТЛОГЛИНЯНЫХ УЗКОГОРЛЫХ АМФОР ТИПА ШЕЛОВ D

В статье рассматривается хронология гераклейских светлоглиняных узкогорлых амфор типа Шелов D из позднесарматских могильников, крымских некрополей типа Озерное – Инкерман и погребений культуры Сынтана де Муреш – Черняхов.

Установлено, что амфоры типа D в небольшом количестве продолжают выпускаться во второй половине 3 в. – первой четверти 4 вв., трансформировавшись из классических «танаиских» в морфологически упрощенные поздние варианты. Относительно небольшое количество поступлений в Северное Причерноморье поздних вариантов типа D объясняется дестабилизацией экономики в Понтийском регионе в эпоху Готских войн (238-270 гг.). Стабилизация и возрождение торговых связей в Понтийском регионе происходит во времена правления Константина Великого (306—337 гг.), что в первую очередь выражается в массовых поступлениях в Северное Причерноморье нового типа гераклейской винной тары – светлоглиняных узкогорлых амфор типа Шелов F.

Ключевые слова: амфоры типа Шелов D, танаисский тип, Понтийскаий регион, Шелов тип F.

S.V. Didenko

ON THE ISSUE OF THE CHRONOLOGY OF THE NARROW-NECKED LIGHT-CLAY AMPHORAE OF THE SHELOV TYPE D

The article discusses the dating of the narrow-necked light-clay amphorae of Shelov D and F types from the late Sarmatian burials, the Crimean necropolis of Ozernoe-Inkerman type and the burials of the Sântana de Muresh–Chernyakhov culture.

The article argues that having transformed from the classical "Tanais" type into the morphologically simpler late versions the Shelov Type D amphorae were still produced in small quantities in the second half of the 3ed – first quarter of the 4th centuries. The relatively small number of the late versions of the Shelov Type D amphorae arriving in the northern Black Sea region was caused by the destabilisation of the economy in the Pontic region during the Gothic wars (238-270). The period of Constantine the Great reign (306-337) saw the stabilisation and revival of trade relations in the Pontic region and, as a result, the significant increase in number of the new types of Heraclian narrow-necked light-clay wine amphorae of Shelov Type F.

Keywords: amphorae, Shelov D, "Tanais" type, Pontic region, Shelov Type F.

Одержано 14.09.2014

УДК [930.1:330.131.7] «652»

Н.А. Гаврилюк

К ИСТОРИИ ЭКОНОМИКИ ОЛЬВИИ – ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Рассматриваются основные периоды развития историографии античности. Определяются основные направления изучения античной экономики. Показаны дискуссионные вопросы в изучении экономики древних обществ, борьба примитивистского и модернистского направления. Представлены основные етапы формирования основных положение новой институционалистской экономик.

Ключевые слова: М. Финли, модернисты, примитивисты, новая институционалистская теория економики, Греция, Рим.

Экономика античности относится к исторической дисциплине – экономике древних обществ. В отдельную историческую поддисциплину экономика античности обособилась со второй половины XX в. Она является *бивалентной* научной дисциплиной и требует профессиональных квалификации и занятий в области наук с одной стороны *исторических*, с другой – *экономических*. Подобно всем наукам, история отличается углубляющейся специализацией, а экономика уже в первой трети XX в. приобрела статус одной из ключевых и наиболее динамично развивающихся областей знания. Каждые в отдельности, история и экономика, являются поливалентными областями знаний. *История* насчитывает в общей сложности несколько десятков (по некоторым оценкам 34) специальных и смежных дисциплин. *Экономика*, как наука о производстве, распределении и потреблении товаров и услуг, состоит из дисциплин, изучающих в диахроническом контексте:

– типы экономических систем (традиционная, рыночная, смешанная и т.д.),

– функции экономической науки (теоретические, практические, прогностические, методологические и т.д.);

– объектные области, классифицируемые по масштабу исследования – микроэкономику (деятельность домохозяйств, обособленных производств и государств); макроэкономику (изучение национального хозяйства в целом)[1].

Для изучения экономик античных государств Северного Причерноморья, как части истории античности, целесообразно, подобно тому, как это было сделано для экономик Средиземноморья, адаптировать понятийный аппарат и методы традиционных экономических теорий и учений.

О сложности проблемы говорит авторский характер современных изданий по античной экономике. Они редко представлены одним человеком, часто пишутся в соавторстве, но чаще всего являются сборниками научных трудов или справочников, представляющих собой особый вид коллективных монографий. Нередко в последние усилиями научных редакторов превращаются труды конференций,

1. Легко представить расширение вариации масштабов экономического исследования: «наноэкономика» – изучение деятельности индивидуальных экономических субъектов (например, экономики керамической мастерской или другого эргастерия), мезоэкономика – отрасли, региона (например, полисная экономика), интерэкономика (мир-системный подход); мегаэкономика (мировое хозяйство).

© Н.А. ГАВРИЛЮК, 2015

семинаров, посвященных какому-либо одному важному аспекту палеоэкономики.[2]

Целью исследования является обобщение разнообразия точек зрения в исторической науке на проблему экономики античности. Полученные результаты необходимы и будут использованы при реконструкции экономики Ольвии. В нашем обзоре мы исходили из работ, вышедших в XXI в.: [Amemiya, 2007; Bang, Ikeguchi, Ziche (eds), 2006; Bowman A., Wilson A. (Eds), 2009; Bresson, 2000; Bresson, 2007; Bresson, 2008; Harris, 2008; Harris, 2011; Manning, Morris, 2007; Migeotte, 2009; Morley, 2006; Scheidel, 2012; Scheidel, Morris, Saller, 2007, 2012; Scheidel, von Reiden (eds), 2002; Temin, 2013].

В перечисленных монографиях и сборниках работ, посвященных или затрагивающих Грецию периодов архаики и классики, проводится **анализ античной экономики** как в целом, так и с точки зрения ее характера и степени развития (сложности), эффективности внутреннего, региональных и внешнего рынков, реализующих функцию спрос/предложение и соответствующие экономические, финансовые и товарно-денежные стратегии и механизмы. Также выделяются и изучаются компоненты и показатели богатства, капитала, экономического роста, производительности труда как в сельском хозяйстве, так и в домашнем или ремесленном производствах; движение товаров; влияние социально-политических, технологических, инфраструктурных факторов; особенностей размещения населения и ресурсного обеспечения. Авторы ряда книг не боятся вернуться на позиции *модернистов*, в последние годы принявших образ последователей так называемой новой институционалистской экономики (НИЭ) [Smith, 2004; Temin, 2013]. Появление новых подходов и методов исследования экономики древних обществ на фоне накопления археологических данных по античным центрам послужили основанием приступить к изучению экономики Ольвийского полиса VI-III вв. до н.э. Постановке этой задачи способствовало ранее проведенное нами с позиций НИЭ исследование экономики его ближайшего соседа Степной Скифии [Гаврилюк, 2013].

Античная экономика М.И. Финли и «финливский» дискурс (1973 – рубеж XX–XXI вв.). В 2012 году прошли две конференции, посвященные столетию со дня рождения англо-американского историка сэра Мозеса И. Финли (1912 – 1986) [Scheidel, 2013]. Первая состоялась 29-31 мая 2012 года в Кембриджском университете, где М. Финли с 1970 по 1979 гг. занимал должность профессора древней истории. Вторая конференция состоялась 29 сентября 2012 г. на другом – восточном – берегу Атлантического океана –в Колумбийском университете (Нью-Йорк). В этом университете М. Финли в 1929 г. (в 17 лет!) получил степень магистра искусств области государственного права. На историческом факультете Колумбийского университета М. Финли в качестве ассистента профессора римского права начинает свою преподавательскую и академическую карьеру. Скоро, однако, он отдает предпочтение Древней Греции и фокусируется на социально-экономических вопросах ее истории. В 1952 году выходит его первая книга, посвященная вопросам земли и кредита в Афинах 500-200 гг до н.э.[Finley, 1952]; в 1954 – «Мир Одиссея» [Finley, 1954]. М. Финли пришел к важным выводам. В частности, он говорит об отсутствии кризиса мелкого землевладения в Афинах IV в. до н. э. (первая книга) и о схожести гомеровского общества (X-IX вв. до н.э.) с примитивными и мелкими политиями, а не с далекими от него будущей греческой архаикой и, тем более, – прошлой микенской цивилизацией (вторая книга). «Гомер и археология» расходятся. В целом ему было известно, где процветала микенская цивилизация, а его герои жили в больших дворцах эпохи бронзы, неведомых во времена самого Гомера. И это фактически все, что он знал о микенской эпохе...» [Finley, 1962, p. 52]. В последнем случае догадки и реконструкция (модель) М.И. Финли были подтверждена результатами исследования табличек линейного письма Б (например, [Ленцман, 1955; Андреев Ю., 1976, с. 5 – 12], о которых М.И. Финли в момент написания «Мира Одиссея» еще не знал. Согласно библиометрическому исследованию У. Шайдела, М.И. Финли остается самым цитируемым автором среди всех семи профессоров антиковедения Кембриджа, а «Мир

2. Трудно не согласиться с С. Крихом [Крих, 2009] в том, что М.И. Ростовцев был «последним настоящим классическим историком античного мира – самостоятельно написавшим единый по замыслу и значительный по охвату материала монументальный научный труд. После его “Социально-экономической истории эллинистического мира” (1941) до сих пор не появилось ни одной сопоставимой работы, которая была бы написана в одиночку, вне авторского коллектива». Возможно, единственным исключением является Алан Брессон с вышедшей в 2007-2008 гг. двухтомной монографией «L’économie de la Grèce des cites» (см. ниже). А. Брессон пишет, что его текущие исследования «разрабатываются в рамках как стандартных категорий экономики (капитала, рабочей силы, технологического уровня), так и парадигмы новой институциональной экономики, с особым интересом к эволюции институтов в качестве основного фактора экономического развития» [https://classics.uchicago.edu/faculty/bresson]. Таким образом, через три четверти века социально-экономический подход М.И. Ростовцева снова актуален.

Одиссея» является второй по цитируемости книгой среди всех научных трудов М. Финли. Но понадобится еще, примерно, 20 лет, чтобы создать «Античную экономику», которая и по настоящее время остается самой цитируемой его книгой [Scheidel, 2013, p.4-8]. В целом дебютные книги 1952, 1954 годов М.И. Финли не противоречили традиционным взглядам, в том числе, М.И. Ростовцева, на экономику античного мира.

Только спустя много лет и после ≈ 18 лет работы в непосредственном интеллектуальном контакте со своим старшим коллегой Арнольдом Хью Мартином Джонсом, профессор факультета антиковедения Кембриджского университета, М.И. Финли издает книгу *«The Ancient Economy»* [Finley, 1973]. Книга, обобщившая почти сорокалетний опыт изучения античной истории, вышла в форме Сатэровских лекций14. Она, а также серия последующих (например, [Finley, 1980; 1981;1985]) работ, излагает концепцию, восходящую к субстанцивистским построениям К. Поланьи и являющеюся альтернативой модернистскому подходу.

Модернисты, начиная с Э. Мейера, М.И. Ростовцева усматривали в древнем мире, в том числе, в Древней Греции и Риме, действие (разумеется, с поправкой на временной масштаб) экономических законов капитализма. В споре модернистов и примитивистов М.И. Финли был на стороне последних, обогатив их аргументацию социокультурными идеями М. Вебера и К. Поланьи. В критике модернизма он доходит не только до отрицания наличия у древних собственных представлений об экономике, существования в античном мире основных экономических категорий и понятий (прибыль, спрос/предложение, рынок, капитал, экономический рост, технический прогресс), но и вообще экономического измерения жизни античного общества.

В течение последующих 10 лет после выхода *«The Ancient Economy»* (1973) теоретические разработки М.И. Финли вышли за пределы Кембриджского университета и получили большое распространение сначала на континенте, а потом и в англоязычном мире. В 1983 г. было даже объявлено «о новой ортодоксии ... вдохновленной А.Н.М. Джонсом и сэром Мозесом Финли» [Hopkins, 1983, xi]. Спустя еще 25 лет вышло большое число работ, так или иначе связанных с идеями М. Финли.

Однако параллельно развивался и критический поход к примитивистко-субстантивисткой модели древней экономики. Вот несколько оспоренных положений М. Финли. В античном городе М.И. Финли находит только потребителей (а не торговцев, производителей) товаров. Такая точка зрения опровергнута, например, Чарльзом Уиттэкером [Whittaker, 1990; Bresson, 2000]. Вслед за К. Поланьи, М.И. Финли полагает, что детерминанта экономических действий древнего общества лежит в социально-культурной плоскости и экономика целиком встроена в социально-кульурные механизмы. Это положение противоречит современным позитивистским понятиями об экономической рациональности, т.е. о примате материального начала в экономике общества, результатом которого является эмпирически наблюдаемый рост экономики (производства и потребления) на длительном временном интервале.

М.И. Финли скептически относился к возможностям археологического материала, как источника для исследования древней экономики. По-видимому, в этом можно видеть преломление двойственного отношения к археологии самого А.Х.М. Джонса. Причины преимущественного использования им литературных и эпиграфических данных, по сравнению с археологическими, логично объяснить незначительными объемами раскопок в те времена [Gwynn, 2008, iv][3]. К. Грин, А. Брессон [Greene, 2000; Bresson, 2007] показывают значительную, вопреки утверждениям М. Финли, роль технического прогресса в росте экономики античности.

Большое число ныне известных исследователей древней экономики, особенно тех, кто в той или иной мере были связаны с Кембриджским университетом, испытали влияние школы М.И. Финли. Среди них были, как его последователи («финлианцы», впрочем, со временем немалое их число освободилось от его влияния, например, Ч. Уиттэкер [Whittaker, 1986], так и будущие его критики. Среди наиболее ярких «финлианцев» выделился кембриджский антиковед Поль Миллет. После завершения в 1983 г. им под руководством М.И. Финли докторской диссертации на тему под условным названием «Кредитование и заимствования в древних Афинах», П. Миллету понадобилось еще 8 лет, чтобы довести ее до монографии [Millett, 1991]. Однако почти синхронно с этой *про*финлийской книгой вышел *анти*финлийский анализ представителя неомодернисткого направления профессионального экономиста Эдварда Коэна [Cohen, 1992]. Позже труд П. Миллета был подвергнут бескомпромиссной критике [Cohen, 2003]. При сравнении обеих работ видно, что оба автора избрали один и тот предмет исследования – кредитные отношения и исходили из

3. Работы Я. Морриса, К. Грина доказывают, что во многих случаях именно археологический контент становится важным для реконструкции экономической сферы. При этом уравниваются роли археологических и нарративных источников истории в освещении многих древних обществ и их экономик.

практически одной и той же базы письменных источников, но пришли к диаметрально противоположным выводам. Например, примитивист П. Миллет (по самооценке: не простой!, а сложный примитивист) говорит об ограниченном характере кредита, предоставляемого не банкирами, а всего лишь ростовщиками (или менялами). Нео-модернист Э. Коэн, наоборот, утверждает, что в Афинах существовала рыночная экономика. Доказательства он находит в тех же кредитных процессах, толкуя их идентичными по сути (отличающиеся только технологически), отношениям в современных кредитно-депозитных финансовых учреждениях.

Результаты уникального клиометрического анализа региональной экономики на примере полиса, расположенного на крошечном (площадью 3,4 км^2, т.е. с эквивалентным радиусом 2 км или квадратом со стороной 1,8 км) острове Делос, содержатся в книге профессора истории Тринити-колледжа (Новая Англия, г. Хартфорд, штат Коннектикут) Гэри Регера [Reger, 1994]. Как известно, на Делосе был расположен главный храм Аполлона. Значит, огромные – в панэллинском масштабе – доходы, принадлежали этому храму. В истории острова был полуторавековой период независимости (с 314 по 167 гг. до н.э.), в течение которого велись систематические записи деловой активности святилища. Сохранившиеся материалы, обработанные при помощи стандартных статистических процедур, в том числе с использованием регрессионного анализа, дали возможность отследить изменения, вплоть до сезонных колебаний, цен на оливковое масло, свиней, дрова, платы за аренду сельскохозяйственных земель и домов. Г. Регер показал, что в годы независимости Делосская экономика зависела главным образом от местного производства, а не конъюнктуры рынка Эгеиды. В то же время Г. Регер установил, что собственные потребности в зерне Делос удовлетворял, подобно другим островам, за счет местного производства только на 70 %. При этом Делос оставался крупным региональным центром зерноторговли. Усредненные цены демонстрировали определенную стабильность, а на оливковое масло с течением времени даже понижались. Текст монографии дополнен многочисленными приложениями, которые содержат огромный фактографический материал, обобщенный в нескольких десятках таблиц и графиков, т.е. в форме, удобной в дальнейшем использовании.

Для исследуемого периода Г. Регер рассчитал численность населения острова, душевое потребление зерна, посевные площади, доходность, выпадение осадков, циклы морской навигации, сельскохозяйственные циклы (выращивании оливок, в том числе, обрезки оливковых деревьев; приплода свиней), копписинга (coppicing, или выращивание биомассы на топливо путем культивирования многочисленных побегов из пней или корней дерева), культового календаря. Своей работой Г. Регер полностью опроверг воззрения М.И. Финли на ущербность «древней статистики» [Finley, 1985, p. 45]. Позже Г. Регер примет участие в суперпроекте по созданию издания «Кембриджская экономическая история греко-римского мира» под редакцией Уолтера Шайдела, Яна М. Морриса, Ричарда П. Сэллера [Cambridge Economic …, 2007], где им написана глава, посвященная эллинистическим Греции и западной части Малой Азии.

Таким образом, в ходе многолетней дискуссии наметился постепенный переход от почтительного постижения модели М. Финли к ее «деконструкции» активной частью историков. Особенного накала обсуждение получило к концу XX в., когда стало очевидно, что проблематика древней истории оказалась сложной и чрезвычайно многосторонней. Воспользовавшись информационным поводом – 25-летним «юбилеем» выхода *«The Ancient Economy»* (1973) – был проведен ряд конференций и коллоквиумов по древней экономике «… в Кембридже, Дельфах, Оксфорде, Стэнфорде» [Davies, 2001, p. 8] и в других центрах (Париже, Лейдене [Morris, 1999, xxv], Копенгагене [The Economies …, 2011, p. 2]). Ни одна из упомянутых конференций не продублировала другую. Особо следует отметить конференцию в Ливерпульском университете в 1998 г. [Hellenistic …, 2001]), чей аналитический подход имел продолжение в следующем веке в виде еще двух конференций и соответствующих им коллективных монографий [Making, 2005; The Economies …, 2011]. Результатом дискурса стало понимание того, что, как спектр обсужденных проблем, так и их трактовка оказались очень широкими. Дж.К. Дэвис, например, отмечает, что на конференции в Кембридже, посвященной теме *Kerdos* (κέρδος=выгода, польза, прибыль, доход), случился раскол. В том самом центре, где родилась концепция М.И. Финли, уже через 25 лет только часть исследователей оставалась солидарной с нею. Другая часть интерпретировали *kerdos* как экономическую категорию, которая служит мотивацией и которую «… необходимо воспринимать полновесной в личностном поведении, даже если социальные ценности и институциональные ожидания препятствует этому» [Davies, 2001, p. 8]». Среди участников упомянутой ливерпульской конференции единственным последовательным «финлианцем» оставалась, пожалуй, только Катерина Панагопулу [Panagopoulou, 2001]. В то же время к «твердым» *анти*финлианцам» можно было отнести также только одного автора –

Дж. Патерсона [Paterson, 2001]. Остальные 11 авторов объективно или субъективно занимали промежуточные позиции, хотя в своих работах представили немало аналитических материалов, угодных скорее М.И. Ростовцеву, чем М.И. Финли.

Весной 1998 года в Институте социальной истории Стэнфордского университета была проведена конференция «Evidence and models in ancient economic history», материалы которой были опубликованы спустя семь лет в сборнике Джозефа Маннинга и Яна Морриса [Ancient economy…, 2005]. В них шла речь «об экономической рациональности, о различиях между обменом и редистрибуцией, о потребности в динамических нелинейных моделях, о рабстве и долгах как проводниках экономических структур, о влиянии технологических преобразований, о районировании (отмеченном как актуальные современные экономический, равно и культурный, аспекты), о почти невидимом 'частном' секторе, об очень разнообразной экономической роли храмов, и так далее» [Davies, 2001, p. 8].

Последовательная критика теории М.И. Финли содержится в сборнике из 12 эссе Алена Брессона, который подчеркнуто, в противовес известному тезису М. Финли о потребительском характере античного города, называется «Рыночный город» [Bresson, 2000]. Он, вслед за К. Хопкинсом [Hopkins, 1983, p. XI] причисляет работы М.И. Финли к новой ортодоксии. При этом А. Брессон, как будто не замечает, что последователей этой ортодоксии к моменту выхода его книги осталось немного. Сам А. Брессон пытается найти средний путь между модернистами, которые применяют анахроничные (в данном случае – современные) термины к древней экономике, и примитивистами Новой Ортодоксии, которое отрицает наличие экономики древнего мира [Bresson, 2000, p. 243]. Юбилей 25-летия выхода книги М.И. Финли «Античная экономика» был отмечен ее переизданием, которое сопровождалась развернутым аналитическим предисловием Яна Морриса [Finley, 1999, p IX–XXXVI]. Я. Моррис отмечает колоссальное значение этого классического труда для изучения экономик античного времени. Благодаря изложенному в книге по сути субстантивистскому (по К. Поланьи, хотя М. Финли, кажется, ни разу не сослался на него) подходу удалось выйти далеко за рамки примитивистско-модернистской оппозиции и охватить гораздо более широкий круг явлений. Имеется в виду антропологический, социальный, юридический и другие аспекты истории экономики, которые ранее, до М.И. Финли, просто игнорировались.

Таким образом, значение работ М. Финли на сегодняшний день состоит в том, что они породили междисциплинарный (археология, история, социология, антропология, историческая экономика, историческая география и еще ряд смежных дисциплин) широкий и, одновременно, глубокий многолетний дискурс. В ходе и в результате дискуссии, в которую оказались вовлеченными многие научные школы, оформилась современная экономическая история античности как полноценная научная поддисциплина, хотя и в виде, весьма отличном от основных взглядов М.И. Финли.

Исследования экономики советскими учеными. Нельзя не отметить работ ситуационного «финлианца» (в действительности, неависимого в своих исследованиях антиковеда) В.Н. Андреева в части анализа социально-экономической системы Афин, в том числе богатства – валового продукта (например, [Андреев, 1958; 1959; 1960; 1971; Andreyev, 1974; Андреев, 1975; 1981]). Знание языка, многолетний опыт исследования основных отраслей экономики Древней Греции, знакомство с работами А.Х.М. Джонса, М.И. Финли, Дж.К. Дэвиса, У.Э. Томпсона и других западноевропейских и американских исследователей древней экономики, наконец, почти демонстративная свобода в статьях от следов так называемой «марксистской» догматики, позволяло В.Н. Андрееву преодолевать филологические и логические трудности, возникающие при сколь-нибудь глубоком изучении источников. Их перечень и объем, естественно, совпадают с источниками, позже использованными упомянутыми П. Миллетом и Э. Коэном. В.Н. Андреев еще в 50-х годах [Андреев, 1958; 1959; 1960; 1971; 1975 и др.]) пришел к выводам, которые далеки от части оценок Э. Коэна и более близки к некоторым взглядам М. Финли 1970-х годов и частично к будущим выводам П. Миллета в упомянутой работе [Millett,1991].

Окончательно его представления оформились к 80-м годам прошлого столетия. В частности, В.Н. Андреев пишет [Андреев, 1981, с. 47]: «И наконец, я хотел бы еще раз подчеркнуть, что считаю абсолютно бесперспективными любые попытки истолковать явления афинской общественной жизни с помощью аналогий, опирающихся на опыт капиталистической эпохи. Во многих отношениях это был мир «Зазеркалья». В частности (а может быть, в особенности), прямолинейное применение критериев «выгодности» и «прибыли» к афинской экономике оставляет нам только два выхода: либо насилие над источниками, либо признание, что эта экономика была абсурдной».

Советские антиковеды особого интереса к исследованию древней экономики (сам термин был заменен понятием «хозяйство») не

проявляли. По крайней мере, об их участии в постфинливской дискуссии говорить не приходится. Исключением являются исследования рабства как одной из основ рабовладельческого способа производства, соответствующего второму ключевому звену пятичленной формационной схемы общественного развития.

Надо сделать важную оговорку. Неучастие советских антиковедов в дискуссии *«за»* и *«против»* М.И. Финли вовсе не означает, что они были в стороне от постановки и решения важных вопросов экономики древности. Наоборот, выделение «базиса» и признание его доминирующей роли в формационной эволюции общества в соответствии с положениями классиков марксизма должно было стимулировать, говоря современным языком, моделирование экономики античности, в том числе таких ее составляющих, как рабство, сельское хозяйство, торговля и т.п. Достигнутые в советском антиковедении результаты в 1970-х годах, не уступали многим результатам британских, американских исследователей. В частности, работа А.И. Павловской о рентабельности рабского труда [Павловская, 1973] уже в момент ее публикации, могла стать весомым аргументом в поддержку модернистского и, пожалуй, – неоклассического подхода к древней экономике.

А.И. Павловская выполнила ряд строгих расчетов, прекрасно обоснованных с точки зрения папирологии, и, исходя из критерия рентабельности, доказала, что труд рабов уступал труду арендаторов, но превосходил труд наемных работников. Другими словами, М.И. Финли мог бы скорректировать свою концепцию, ознакомившись с полученными на объективной основе выводами исследовательницы.

При этом работа А.И. Павловской носила отнюдь не случайный характер. Приведем еще несколько аналогичных работ: [Кузищин, 1967; 1970; Павловская, 1973; Павловская, 1976; Ковельман, 1978]. Здесь не место и не нам обсуждать, почему так *хорошо* начатое направление исследований не получило должного развития. Вернемся к дискуссии М.И. Финли. Лишь в период «гласности» теория М.И. Финли впервые в СССР (если не считать рецензий Е.М. Штаерман [Штаерман, 1977], Кошеленко Г.А. [Кошеленко, 1980] и еще ряда других) стала предметом историографического исследования [Безгубенко, 1989]. Этот же автор представил также опыт реконструкции биографии М.И. Финли [Безгубенко, 1999] и эссе о некоторых экономических категорий в исторической концепции М.И. Финли [Безгубенко, 2000].

Еще одним направлением изучения древней экономики, в котором необходимо отметить несомненные достижения науки советского периода, являются социально-экономические исследования доиндустриальных традиционных обществ, в том числе, античности. Вследствие слабого внимания к исследованию древних экономик, догматизации этого вопроса в бывшем СССР, возникла искусственная ситуация, при которой исследования социальной истории в ряде случаев предшествовали исследованиям экономической истории, особенно, – исследованиям конкретной экономики. Все-таки последовательность исследований должна быть закономерной, совпадающей с причинно-следственным вектором: сначала экономическая, и лишь затем – социальная история.

Исследования античной экономики с рубежа XX – XXI вв. После «юбилейного» (имеется в виду 25-летие выхода книги М.И. Финли «Античная экономика») 1998 года, финливский дискурс все еще продолжался, но его интенсивность резко пошла на убыль. На его последнем этапе наблюдается заметный вклад профессионалов-экономистов, точнее, – широкое использование методов, выражаясь по [Postwar…, 2003; Archibald, Davies, 2011, p. 4] – неортодоксальных (heterodox) экономик. Про «еретичность» большинства экономических учений много говорится в лекциях И.В. Розмаинского, К.А. Холодилина [Розмаинский, Холодилин, 2012]. По обе стороны океана на расчищенном от своеобразной схоластики Вебера-Поланьи-Финли исследовательском горизонте появилось большое число новых направлений исследований древней экономики на альтернативной концептуальной базе.

Ниже ограничимся изложением обобщенных соображений об особенно важных особенностях постфинливской фазы изучения экономической истории древних обществ. Отметим, что весь массив исследований экономик античного времени распадается на четыре, примерно равноценные по достигнутым результатам, группы. Одну из них условно можно назвать оксфордской, другую – стэнфордской, третью – кембриджской. К четвертой группе исследований относятся все остальные, не вошедшие в первые три, включая проведенные на евразийском континенте. Хотя деление на эти направления условно,оно позволят представить географию и плотность изучения древних экономик.

Большой объем работы запланирован и уже проведен в ходе ***Оксфордского проекта Римской экономики*** (ОПРЭ), начатого в октябре 2005 года факультетом антиковедения Оксфордского университета. Координаторами ОПРЭ являются профессора **Алан Боумен** и **Эндрю Уилсон**. За период с сентября 2006 года по 2014 год в ходе выполне-

ния проекта было проведено семь конференций. По материалам конференций и в рамках ОПРЭ изданы семь сборников [Quantifying …, 2009; Settlement …, 2011; The Roman …, 2013] и одна монография [Flohr, 2013]. По данным сайта проекта подготовлено к печати еще пять монографий [http://oxrep…] . Особенностью проекта стал количественный подход к римской экономике периода 100 г. до н.э. – ок. 350 н.э. [Quantifying …, 2009, p.3 – 6]. Сейчас можно отметить, что первоначально озвученные планы ОПРЭ, намеченные подходы и методы исследования оказались вполне реалистичными. Остается только по сборникам [Settlement …, 2011; The Roman …, 2013] фиксировать появление все новых и новых количественных интерпретаций и аналитической информации буквально по всем отраслям, сторонам римской экономики на всех фазах ее развития от интеграции к росту и упадку. В этих работах большое внимание уделяется демографии (в том числе мальтузианским пределам), урбанизации, которые могут рассматриваться в качестве либо индикаторов роста экономики, либо ее ведущих факторов [Settlement …, 2011]. Другими словами показано, процессы урбанизации и демографические процессы находятся в параметрической взаимосвязи как друг с другом, так и с развитием экономики.

Сборник из 10 статей [The Roman …, 2013] (по материалам конференции 2008 года), посвящен количественным аспектам сельскохозяйственного производства в римском мире. Хотя, по признанию руководителей ОПРЭ, все еще не выработано «ни полного представления о сельском хозяйстве Римской империи, ни макроэкономической модели» [The Roman …, 2013]. Таким образом, уже традиционно в новых и оригинальных статьях пристальное внимание уделяется, казалось бы, давно изученным сельскому хозяйству, торговле, финансам. Это стало возможным благодаря новым концепциям и инструментальным средствам, позаимствованным, например, из НИЭ. В соответствии с целью проекта были выбраны методы, источники и подходы к изучению экономики римского времени. Необходимо отметить высокий уровень редактирования, иллюстраций, картографирования, графиков, компьютерных реконструкций. На момент сдачи статьи в печать в рамках проекта вышло четыре монографии: [http://oxrep.classics.ox.ac.uk/oxford_studies_on_the_roman_economy].

В Оксфордском университете издано четыре справочных издания, общим листажом 5772 страниц, в которых освещаются вопросы экономической истории античного времени. В «Справочнике-спутнике по эллинистическому миру» под редакцией профессора Эдинбургского университета Эндрю Эрскина [A Companion …Hellenistic, 2003] выделен раздел, специально посвященный экономике. Особенно подробно рассмотрена экономика эллинистической культуры Гэри Регером. Он равно отвергает как примитивистско-модернистскую оппозицию, так и формалистско-субстантивистсткую дихотомию и исходит из необходимости исследовать институты изменяющихся древних экономик, исходя из физических предпосылок, ресурсов, в том числе людских.

«Справочник-спутник по истории экономической мысли» под редакцией У. Дж. Сэмюэлса, Дж.Э. Биддла, Дж.Б. Дэвиса [A Companion …History, 2003] является важным исследовательским ресурсом. Однако историю древней экономической мысли желательно было бы изложить в большем объеме и не доверять это «археологу» экономической мысли С. Тоду Лаури [Lowry, 1987]. В его разделе практически отсутствуют сведения, необходимые для реконструкции экономической картины античного мира. Несомненным достоинством издания является наличие его on-line версии.

«Справочник-спутник по древней истории» под редакцией Эндрю Эрскина [A Companion … Ancient, 2009] вышел через 6 лет после своего предшественника «Справочника-спутника по эллинистическому миру» [A Companion …Hellenistic, 2003]. Сейчас диапазон охватываемого материала многократно расширился. К изданию удалось привлечь 49 первоклассных специалистов, многие из которых известны глубокими исследованиями по экономике. Сравнивая оба «Компаньона…», можно видеть, что при равных печатных объемах, во втором издании освещается большее число вопросов, естественно, с меньшими подробностями, но отнюдь не с худшим качеством. В разделе 6 по экономике привлекает внимание параграф написанный Джоном К. Дэвисом. В серии справочных изданий необходимо отметить выход в 2013 году 13-томного издания «Энциклопедии истории античного мира» под редакцией команды из пяти генеральных редакторов Роджера Багнала, Кая Бродерсена, Крэйка Чемпиона, Эндрю Эрскина, Сабины Хюбнер [The Encyclopedia …, 2013]. Энциклопедия охватила весь средиземноморский мир, включая Ближний Восток, Египет, от поздней бронзы до VII в. н.э. Имеется бумажная и электронная версии. Коллектив авторов интернациональный. Например, статья про Гераклею Понтийскую принадлежит С.Ю. Сапрыкину.

Практически одновременно со стартом ОПРЭ вышла из печати *The Cambridge Economic History of the Greco-Roman World* (CEHGRW) под редакцией стэнфордских профессоров Уолтера Шайдела, Яна Морриса, Ричарда Саллера [*The Cambridge* …, 2007;

2010]. CEHGRW – результат работы другой, условно говоря, ***стэнфордской группы исследователей***. Ее десять глав (с 18 по 27) были посвящены римской экономической истории, т.е. той же проблеме, что ОПРЭ. По прошествии нескольких лет, стало ясно, что благодаря выходу CEHGRW, для чуть выше упомянутой оксфордской группы расчистилось поле исследований. Теперь участникам ОПРЭ, во-первых, можно не дублировать многие уже освещенные вопросы. Во-вторых, сосредоточиться на тех вопросах и подходах (особенно, на количественном анализе экономики), которые не охвачены в CEHGRW. Несмотря на то, что кембриджское издание носит статус справочного издания, ему присущ характер коллективной монографии, выражающей скорее вклад в изучение проблемы одного из 27 авторов статей, чем приведённое в систему обозрение знаний по античной экономике. Несомненным достоинством CEHGRW является стандартизация терминологии, структурное (по П. Самуэльсону, Д. Норту: производство –> распределение –> потребление) построение ряда разделов (Древней Греции и раннего Рима), широкий региональный охват, обширная библиография (50 страниц). Подход к теме основан на новой институциональной экономике. Параллельное исследование ОПРЭ был выпущенпомянутый выше «Справочник-спутник по древней истории» под редакцией Эндрю Эрскина [A Companion … Ancient, 2009].

В связи с выходом CEHGRW нельзя не отметить вклад в изучение древней, особенно, римской экономики в целом и ряда ее разделов (демографии, семейных отношений, социальной стратификации, рабства и рабочей силы, морских и сухопутных коммуникаций и логистики, торговли, древней медицины, качества жизни, реальных оплат труда, роста доходов, монетное обращение, народонаселения, военного дела, информатизации базы знаний, компаративистики и т.д.), австрийско-американского историка, профессора Стэнфордского университета **Уолтера Шайдела**, соредактора CEHGRW. У. Шайдел является одним из крупнейших современных исследователей древней экономики. С его именем связано несколько (не менее десяти) издательских проектов. Не преувеличением будет сказано, что каждый из сборников, по сути коллективных монографий, достоин самой высокой оценки.

Дополнительное представление о стэнфордском направлении исследований античной экономики отображается сборником из небольшого числа работ (восемь статей и три комментария на них) под редакцией **Джозефа Мэннинга** и **Яна Морриса**. Сборник посвящен источникам и моделям античной экономики [*Ancient Economy* …,2005] и основывается на материалах соответствующей конференции, состоявшейся в Стэнфордском университете в 1998 г. Охватывались социально-экономические процессы в интервале ≈ 1000 г. до н.э.÷500 г. н.э., а экономика античного мира рассматривалась в четырех пространственно-временных частях: на Ближнем Востоке; в Эгейском регионе (Греции); в Египте и Римском Средиземноморье. Указанные части образуют две средиземноморских историко-культурных области (ИКО) – Западное и Восточное Средиземноморье. Западное Средиземноморье составлено из культур Древних Греции и Рима; Восточное Средиземноморье – Египта и Ближнего Востока. Обе ИКО характеризуются сильно отличающимися по своей сущности источниками и как, следствие, – различными методами исследований и результатами их применения. Накопилось несколько взаимоисключающих ответов на вопрос о степени интегрированности экономик средиземноморских ИКО – от полного их слияния (теория одного Средиземноморья) до полностью обособленного функционирования (теория двух Средиземноморий). Организаторы конференции и соответствующего ей сборника воспользовались финливским дискурсом, чтобы впервые собрать глубоких специалистов (историков и археологов: М. Ливерани; П. Р. Бедфорда, И. Морриса, Дж. Мэннинга; Р. Бэгнала; Р. Хитчнера; Р. Сэллера) по Египту, Ближнему Востоку, Греции и Риму и поставить перед ними задачу об экономических особенностях, общем и различном этих регионов, о природе изменений экономики, отражают ли последние социальные и политические реальности. Каждый из четырех регионов (Египет, Ближний Восток, Греция и Рим) был представлен парой докладов-статей. Отличительной чертой стэнфордского подхода является привлечение высококвалифицированных стэнфордских экономистов (Такэси Амэмия, Авнера Грейфа), экономсоциолога (Марка Грановеттера) для экспертизы и комментариев основных статей. Судя по отзывам, стэнфордский сборник стал заметным событием в исследовании и историографии античной экономики. Он отличается бережным отношением к наследию М. Финли (в частности, ее название повторило название известного труда М. Финли [Finley, 1985]). В то же время в книге очень широко использован клиометрический метод и подходы новой институциональной экономики (НИЭ). В целом работа является высококлассным образцом попытки монографической междисциплинарной постановки крупной проблемы, сложность которой явно превысила достигнутый совместный потенциал предложенных авторами статей решений.

Через два года к вопросу о более адекватном, чем «субстантивисткий примитивизм» М. Финли, подходе к изучению экономической теории античности, рассмотренному в сборнике под редакцией Дж. Мэннинга и Я. Морриса [Manning, Morris, 2005], обратился их университетский коллега **Такеши Амемия**. Его небольшой по объему труд *«Экономика и экономикс Древней Греции»* [Amemiya, 2007], стал еще одним проявлением «стэнфордского» направления исследований античной экономики. Книга вышла в качестве 33-ого выпуска в книжной серии «Исследования по экономической истории» британского научного издательства Рутледж (Routledge). Ранее Т. Амемия получил известность по двум известным монографиям по методам исторической экономики и эконометрике [Amemiya, 1985; Amemiya, 1994]. Он один из сравнительно немногочисленных исследователей древней экономики, подобно Э. Коэну, П. Темину (см. ниже), являющийся не столько историком, сколько профессиональным экономистом. Основой книги Т. Амемии был курс лекций, предназначенный не только для студентов, но и для аспирантов [Amemiya, 2007, XIV]. Как сериальное издание, книга отличается тщательностью и строгостью в выборе структуры, терминологии, рубрикации и стиля изложения. В небольшом томе автору удалось «показать» источники (в частности, видение греческой экономики самими древними греками – от Ксенофонта до Платона [Amemiya, 2007, p.117-157]), кратко, но при этом достаточно ясно, изложить основные концепты. Сделана попытка раскрыть тему рабства [Amemiya, 2007, p. 28-32]. В частности, в соответствующих подразделах содержатся насыщенные сводки о численности и стратификации рабской части населения. Новизной отличаются данные о производительность труда рабов и о возмещении затрат, включая капитальные, в мастерских, где они были заняты. Однако анализ информации из манумиссий произведен без учета новейших результатов по дельфийским источникам, полученными французскими исследователями. Книга посвящена, в основном, экономике Афин. Т. Амемия предлагает собственную модель афинской экономики с взаимосвязанными счетами в пяти выделенных им секторах – «Бедные», «Богатые», «Производство», «Государственные» и «Импортные и экспортные счета» [Amemiya, 2007, p. 107]. Однако, вследствие отрывочного характера источников, их ненадежности, убедительных числовых построений, даже в интервальном приближении, балансовой модели Т. Амемии не было продемонстрировано. В то же время в главе содержится анализ афинского ВВП, величина которого определена в 4430 талантов.

Интересным является профессиональный – с точки зрения экономики – анализ учений Ксенофонта, Платона, Аристотеля. Т. Амемия пытается показать, что цели экономической деятельности древних греков были такими же, как и у современных людей. Положение автора о том, что наука «за последние десять лет решительно поддержала модернистскую точку зрения» на особенности развития экономики Афин V – IV вв. до н.э. [Amemiya, 2007, p. 60], во-первых, исходило из противопоставления известной книге М. Финли [Finley, 1973], также ориентированной на студентов и с ее, когда-то яркой идеей о несущественности рыночных отношений для античной экономики. Во-вторых, – во многом основывалось на работе Э. Коэна, поставившего под сомнения многие концепты М. Финли [Cohen, 1992]. Позже мнение Т. Амемии было активно поддержано П. Темином (профессор по эконометрии из МТИ). Напомним, что и Э. Коэн, и П. Темин, и сам Т. Амемия являются представителями экономической науки, избравшими предметом своих исследований античную экономику.

Труд Т. Амемии служит хорошим примером погружения специалиста экономического профиля в проблемы античности. В то же время, с точки зрения антиковеда, книга не лишена неточностей и в целом можно отметить присущую книге Т. Амемии некоторую неуверенность в вопросах истории классического времени и изложения истории развития учений о древних экономиках. Т. Амемия не подвергал критике письменные источники и большая часть его книги носит описательный характер.

К важным трудам XXI в. относится ливерпульская серия из трех сборников, изданных по материалам соответствующих конференций и коллоквиума [Hellenistic…, 2001; Making, …, 2005; The Economies…, 2011]. Редакторский состав составляли **Джон К. Дэвис**, **София Г. Арчибальд**, **Винсент Габриэльсен**.

В *первом «томе»* (13 докладов-статей) ставилась чисто финливская задача – поиск альтернативы классическому подходу к экономике античности. Для этого сопоставлялись, с одной стороны, возможности общих теорий и моделей, а другой стороны – предметные исследования по конкретным темам и доказательным базам. Большому числу статей присущ количественный подход, который бы нашел место в любом профильном по экономике издании. И хотя многие новые идеи не отвечали подходу М.И. Ростовцева, оказалось, что, в то же время, они не соответствуют также и модели М.И. Финли.

Второй «том» (13 докладов-статей) можно охарактеризовать как эмпирический, посколь-

ку он посвящен главным образом артефактному направлению исследования экономики. Изучалась роль керамики (типично археологический материал) в исследовании древней экономики. По еще одному, тоже чисто археологическому материалу, – монетам – реконструировалось такое фазовое явление древней экономики, как ее монетизация. В отзыве на этот том приветствуется преодоление редакторами и авторами «давней традиции отмежевания Черного моря от эллинистических исследований» и выражается надежда, что подобное, безусловно, целесообразное, расширение исследований экономики эллинистического мира «станет тенденцией» [Vlassopoulos, 2008, p. 353]. При рассмотрении вопросов экономики можно также положительно оценить расширение территориального охвата: выйти за пределы средиземноморского бассейна, в частности, – скромную попытку привлечь материалы, характеризующие динамику экономической жизни Херсонеса Таврического и Ольвии.

В *третьем «томе»* (21 доклад-статья) содержатся материалы конференции «Возникновение спроса и подвижность экономики («Demand Creation and Economic Flows»). Этот том является идейным продолжением первых двух томов, при этом он характеризуется подчеркнуто экономическим содержанием. В проблеме роста национального и оборотного богатств, в качестве ключевых рассмотрены вопросы многотипности экономик Восточного Средиземноморья и соседних регионов; управления экономикой; ее учреждений; человеческой мобильности и природных ресурсов. Анализировалось воздействия на античные экономики городских и храмовых хозяйств, роль правителей, консолидированных или разрозненных статусных групп, включая рабов.

Хотя каждый из рассмотренных «томов» был посвящен тщательно выбранному новому актуальному аспекту эллинистических экономик, впоследствии все три «тома» сложились в эволюционно связную, цельную серию книг, посвященных античной экономической жизни. В последнем, третьем томе [The Economies…, 2011] вопросительный нейтралитет по отношению к теории М.И. Финли, свойственный первому «тому» [Hellenistic…, 2001], радикально трансформировался в решительную поддержку применения при анализе древних экономик новой институциональной экономики (НИЭ) с цитированием Дугласа Норта и обсуждением теоремы Рональда Коуза [The Economies…, 2011, p.1 – 3]. В ливерпульских «томах» отражены многообразие форм (и их изменчивость) поздней античной экономической действительности. Все «тома» показали успех использования экономических подходов инструментов, в том числе из НИЭ. Одним их результатов стало преодоление разрыва (вначале – пропасти) между профильными (по экономике) специалистами и историками экономики. Первые, как правило, избегали постановки и решения общих вопросов, не понимали специфики как археологических, так и письменных источников. Вторые (тот же М.И. Финли) – не принимали методик их исследования и почти не проводили численных расчетов.

Еще один, посвященной экономической истории, сборник вышел в 2006 году [Ancient …, 2006]. Он издан по материалам конференции, проведенной в университете **Кембриджа** в 2002 г. Модераторами конференции и редакторами сборника были Питер Банг – датский историк-компаративист, Хартмут Цихе – преподаватель Университета Йоханнесбурга и Мамору Икегучи из Кебриджского университета. Целью коллективной работы (11 докладов-статей) было продвижение современных методологий при исследованиях древних экономик. Представленная в сборнике тематика отличается высокой степенью синкретизма: на пять тематических разделов (*Письменная экономическая история; Культивирование любопытства: сравнительная история и межкультурных контактов; Керамика и структуры: диалог между историей и археологией; Культура, экономика и учреждения: от включенности в социальные учреждения и стратегий; Древняя экономика, торговля и модели*) сборника приходится всего 11 докладов. Разделы сборника его модераторы скомпоновали статьями, написанными с противоположных позиций. Это позволило охватить широкий спектр мнений по каждому тематическому направлению. Из всех статей выделим несколько. В работе П. Банга предложена парадигма «базарной» (в противовес «рыночной») экономики в античное время. Утверждается, что НИЭ модель базарных экономик доиндустриальных Ближнего Востока и Индии является более подходящей сравнительной моделью, чем ранее предлагавшиеся [Bang…, 2006, p. 70]. Ю. Мейер в своей статье на примере торговли сравнивает экономики империй бронзового и железного веков [Meyer …, 2006]. Он полагает, что, так как бронза относится к менее доступным материалам, чем железо, то и культуры бронзового века, как правило, являются более крупными и структурно сложными, в силу чего и более уязвимыми и менее устойчивыми. С другой стороны, в силу большей доступности железа, соответствующие культуры, как правило, более фрагментированы, диффузны, менее структурно сложны и, как следствие, являются более стабильными в сравнении с бронзовыми культурами. Интересна

модель В. Джонгмана, описывающая рост римской, т.е. доиндустриальной, экономики в зависимости от численности населения при мальтузианских ограничениях [Jongman…, 2006]. С подчеркнуто археологической точки зрения и предпочтений центральной статьей этого сборника является статья **Кэвина Грина** [Greene …, 2006], посвященная экономической интерпретации археологических данных. В этой статье К. Грин продолжает отстаивать свою позицию относительно роли археологии в изучении экономической истории, высказанной много лет назад в таких словах:

– уровень хозяйственной деятельности, выявленных археологическими исследованиями, делает несостоятельным «минималистский» подход таких историков, как Финли [Greene, 1986, p.170]. На этот раз К. Грин демонстрирует возможности археологической интерпретации находок путем анализа кухонной посуды, происходящей из раскопок Вала Антонина. К. Грин пришел к важным выводам, касающимся экономической жизни Рима II в., в частности – потребления. Грин призывает не к иерархическому подчинению археологии более старшей по рангу дисциплине истории, а к их плюрализму.

Статья М. Икегучи [Ikeguchi…, 2006], также посвящена важности вклада археологии в исследование древней экономики. Это стало возможно путем стандартизации методик и графических данных полевых разведок. Обработанные данные по шести регионам центральной Италии позволили уточнить количественные расчеты обстоятельств социально-экономического кризиса конца Республики.

В 2007, 2008 годах вышел двухтомник **Алена Брессона** «Экономика греческого города (конец VI – I вв.)», первый том которого посвящен «Структурам и производству», а второй – «Сфере торговли» [Bresson, 2007; 2008]. Эту книгу можно считать этапной и следует на ней остановиться подробнее. А. Брессон позиционирует себя последователем НИЭ, о чем он пишет в первой главе посвященной теоретическим вопросам.

Вторая глава посвящена экологии и рассматривает основные геологические и климатические ограничения на хозяйственную деятельность. Полученные данные позволяют ставить, обсуждать и решать демографические вопросы, включая потенциал роста. А. Брессон предполагает возможность взрывного роста населения, что определятся не только экологическими, но и социально-экономическими факторами.

В главе 3 рассматривается совершенно редкая тема у историков – энергия. По мнению А. Брессона, грекам была доступна только энергия ветра. С чем трудно согласиться, поскольку мускульная энергия [Гаврилюк, 1999, 2013, с. 452 и сл.] доминировала в балансе механической энергии. Даже греческий военный флот и морской транспорт немыслимы без гребцов, число которых могло исчисляться сотнями. Дефицит энергоносителей не помешал росту торговли и рынков именно за счет развития морского транспорта.

В Главе 4 («Город и экономика») рассматривается связь между появлением полиса и эволюцией греческой экономики. Поскольку излишки продукции оставались в руках их производителей, а не правителей, образовался рынок, запросы которого непрерывно увеличивались и удовлетворялись за счет углубления разделения труда. А. Брессон предложил новую интерпретацию ряда письменных источников.

В Главе 5 «Сельскохозяйственное производство» к средиземноморской триаде (зерно, вино и оливковое масло), А. Брессон добавляет дополнительные культуры. При этом он подчеркивает эволюционные изменения в экономике и возможность роста производства.

В главе 6 «Экономика сельского хозяйства» А. Брессон исследует имущественные отношения, особенности ведения хозяйства, динамику инноваций в агротехнологиях, изменения социальных отношений. Он показывает неспособность отойти от традиционной системы двухлетнего пара. Он говорит о том, что прибыль мотивировала рост производительности и показывает долгий путь трансформации автаркической экономики в рыночную.

В главе 7 «Производство, капитал и инновации» рассматриваются, какие еще дополнительные возможности, кроме сельского хозяйства, мог Эгейский экологический район предоставить человеку для производственной деятельности. А. Брессон указывает на рыболовство, добычу соли, множество кустарных производств, например, текстильное. Ткацкое производство могло развиваться до товарного состояния отчасти вследствие освобождения женщин от тяжелых и изнурительных видов труда, в том числе от сельскохозяйственных работ. Показано достижение Афинами и Мегарами положительного сальдо в торговле при вывозе серебра (монет) и ремесленных изделий и ввозе масла и зерна.

Заключительная глава 8 первого тома «Логика производства» обобщает результаты исследования длительного перехода от экономики самообеспечения к рыночным отношениям. Низкие цены на хлеб в конце концов исключают целесообразность его производства в мелких (а затем и в средних), хозяйствах, что приводит к их распродаже. Подводя итоги, А. Брессон утверждает, что в Греции су-

ществовал экономический рост (0,4% в год). В целом в диахронном подходе можно говорить о достижениях греческой экономики, о ее прогрессе, хорошо заметном лишь на продолжительных интервалах наблюдения.

Второй том («Сфера торговли») начинается с главы «Институты внутреннего обмена», в которой рассматриваются греческие законы и представления о собственности, коммерческом обмене, практика договоров, мир агоры. Показано, как полис реализовывал свою активную регулирующую роль. Главы 2 «Деньги и кредит», 3 «Город, налоги и обмен» посвящены сложнейшим вопросам, для освоения и суждения о которых необходима особая подготовка. То, как А. Брессон их ставит и решает, служит образцом.

Глава 4 «Эмпорий и рынки» является одной из самых важных. Для иллюстрации сложных правовых процедур купли-продажи, существования теневого рынка и стремления добропорядочных граждан к прозрачности торговых отношений, А. Брессон привлекает пассаж из Харитона [Херей и Каллироя 1.11.4-2.1.9]. В этом пассаже подробно, с указанием множества важных деталей, показано как функционирует богатейший милетский рынок времен Пелопоннесской войны. А. Брессон обсуждает доказательства наличия специальных должностных лиц, различных налогов, пошлин, взимаемых в отношении товаров, прежде чем они могут быть поступить в оборот в эмпорий и на «базар» (deigma). А. Брессон убедительно показывает, что международная торговля осуществлялась по определенным экономическим законам.

Эта тема находит продолжение в главе 5 «Международные сети обмена». А. Брессон показывает существование в мире греческих городов масштабного международного разделения труда. Для характеристики сетевой структуры обмена он пользуется понятиями центра и периферии, приводит синтетические (археологические, эпиграфические и литературные) свидетельства существования нишевых рынков. В качестве примера нишевого рынка рассматривается экономика небольшого города Гермионы (Южная Арголида), специализирующаяся на производстве фиолетовых красителей. Население Гермионы импорт зерна покрывало экспортом высокодоходного товара пурпура. Для многих греческих городов недостаточное плодородие земли, в частности, импорт зерна, покрывалось экспортом (от товарных поставок до даров) высокотехнологичной продукции – вина, масла, керамики, дорогого оружия, предметов роскоши, текстиля, красителей и других товаров. Наиболее важным предметом торговли являлась керамика. А. Брессон отвергает вероятность прямых контактов между производителями и потребителями товаров. Поставки осуществлялись преимущественно через торговых посредников.

В главе 6 «Стратегии международного обмена» А. Брессон изучает принципы, торговые стратегии, коллективные отношения, возникающие в ходе торговли между полисами и другими иностранными партнерами. Он рассматривает Афины как город, подобный множеству других городов, вынужденных ежегодно импортировать зерно на определенных основополагающих экономических условиях, о чем свидетельствует вся история Эгейского конфликта. При этом городам позволяется воспользоваться преимуществом от различий в урожайности в пределах всего лишь 30-43%.

Обобщающая глава 7 «Греческие города и рынок» написана на языке НИЭ. В ней оценены масштабы и пределы античных рынков, их относительная продуктивность. Обработаны цены, установлена их динамика, региональные различия и тенденции инфляции. Рассмотрено такое явление как монетаризация дельфийских и персидских сокровищ. А. Брессону принадлежит удивительно логичный, тонкий, пространный и подробный анализ большого числа экономических показателей, факторов и критериев внутренний и внешней торговли отдельных городов и их сети с поиском оптимального (в современном смысле слова) соотношения. Он также рассматривает функционирование античного рынка по модели идеального рынка и приходит к выводу, что развитие обмена, торговли приводит к углублению международного разделения труда и к повышению его производительности. В реальности, рынки зерна, масла находились порой под жестким социально-политическим регулированием. А. Брессон анализирует ситуации, когда в условиях монопсонии и монополии усугубляется проблема поставок, например, вследствие неэластичности искусственно зарегулированного спроса. В этих условиях даже в урожайные годы производитель зерна также страдал (не зарабатывал), как и в неурожайные. Подводя итог, А. Брессон пишет, что сообщество греческих городов представляется более интегрированным, чем Европа в средние века и даже в начале нового времени. Книга А. Брессона настолько удачная, что в 2015 году ожидается ее выход на английском языке.

Масштабный труд **Майкла МакКормика**, посвященный происхождению экономики Европы [McCormick, 2002], по нескольким причинам представляет большой интерес для нашей темы. Во-первых, он является совершенным примером аналитического подхода к проблеме, последующего синтеза полученных результатов и, в заключение, реконструкции убедительной картины протекания экономи-

ческих процессов. Многие методы и методики исследования древней экономики, разработанные и апробированные М. МакКормиком, имеют универсальный характер и их можно использовать в любой палеоэкономической проблематике. Поскольку процессы развития и упадка экономик отдельных культур и регионов носят циклический характер, то можно ожидать существования многих параллелей в экономических историях экономики – античного и раннесредневекового периодов. Книга М. МакКормика описывает коммуникации и торговлю конца III в. (упадок Римской империи) – начала X вв. (с акцентом на эпоху Каролингов).

До выхода книги М. МакКормика об экономическом переходе от античности к средневековью господствовали анахронические и часто ошибочные представления, восходящие к Анри Пиренну [Pirenne, 1956]. М. МакКормик преодолел ≈70-летний застой (первое издание монографии бельгийского ученого А. Пиренны датируется 1935 годом) и, используя не только археологические свидетельства, но и новое прочтение известных документов, показал на 1101 страницах своего исследования, что северо-западная Европа не была отрезана от мусульманского Средиземноморья. Т.е. Средиземноморье и в этот период играло свою всегдашнюю (как, например, в античное время) коммуникационную роль и обеспечивало функционирование торговли как двигателя экономики.

Тематический диапазон книги широк и типичен для «большого» исследования экономики: торговля, производство, внутренняя и внешняя политика. Несмотря на то, что период исследования включает «темные века», книга написана как полноценная (т.е. количественная) экономическая история. Она содержит большое число статистических данных, представленных в виде таблиц, гистограмм и графиков.

Книга профессора истории Университета Лаваля (Квебек), заместителя директора Школы практики высших исследований (Париж), известного эпиграфиста эллинистического периода ***Леопольда Мижеотта*** «Экономика греческих городов: от архаики до раннего Римской империи» [Migeotte, 2009], первоначально изданная во Франции в 2002 году, переизданная в 2007 году, рассчитана на потребности не только в большей-меньшей степени нормированного учебного процесса, но и на студентов, готовящихся к исследовательской деятельности. Автор оказался над дискуссией примитивистов/модернистов, предпочитая статус позитивиста, т.е. сторонника не умозрительных построений, а получения знаний из объективных или эмпирических фактов. Большое внимание было уделено трем основным отраслям греческой экономики– сельскому хозяйству, товарному производству (ремеслу), торговле (обмену). Несмотря на небольшой объем книги, в ней нашлось место для описания монетизации экономики Эгеиды. Афинской экономике, ответственной за глобализацию рынка, отведено меньше внимания. Степень освещения специализации при производстве керамики явно уступает детальности описания производства вина и организации его рынка. Читатель узнает о 100 видах ремесел, практиковавшихся в Греции. На основании своего опыта, в том числе эпиграфического (книгу украсили хрестоматийные дополнения текстов письменных источников к каждой главе) исследования почти 1000-летней истории античной экономики, Л. Мижеотт отрицает возможность понимания экономики греческих городов на базе единой всеобщей модели. Это нельзя сделать не только потому, что она непрерывно претерпевала диахронные изменения, но и потому, что греческая палеоэкономика отличалась большим, вплоть до антагонизма, региональным разнообразием.

Важнейшей отрасли античной экономики – торговле – посвящена книга ***Невилла Морли*** [Morley, 2007]. Она принадлежит серии «Ключевые темы в древней истории», издаваемой Кембриджским университетом. Подобно многим кембриджским изданиям, книга Н. Морли несет явный полемический заряд. Во всех 6 шести главах книги он рассматривает торговлю в античности в рамках дискурса примитивистов/модернистов. При этом, как следует из первой главы, Н. Морли является последовательным приверженцем новой институциональной экономики (НИЭ). В главе 2 он рассматривает влияние экологии на экономику вообще и торговлю в частности; в главе 3 – древние модели потребления, в том числе характер спроса, отношения между городом и сельской округой. Особенно характерна для позиции Н. Морли, как последователя НИЭ, глава 4, в которой рассматривается огромная роль государства в организации экономики. В частности, никто, кроме государства, не мог строить крупные гавани, дороги и каналы, стандартизировать меры и монеты, обеспечивать соблюдение различных законов, в том числе, упорядочивающих торговлю. Торговцы были широко вовлечены в общественные работы, поставку дешевых зерновых для массового потребления, процессы обеспечения поставок для армии и флота, городское строительство. Государство всячески поощряло торговлю, «которая была тесно связана (часто попадая в зависимость) с интегративной силой империализма» [Morley, 2007, p.15]. В 5-ой главе рассматриваются рынки, торговцы и мораль. Заканчивает Н. Морли книгу гла-

вой 6 с новаторскими идеями относительно пределов глобализации римского мира. Его культурная интеграция, по мнению Н. Морли, сопровождалась эндогенизацией местной экономики. Политическим результатом этих процессов стал распад Западной Римской империи.

Анализ функционального воздействия денег на экономику, общество и культуру греческого и римского мира содержится в ряде других работ. Кроме выше упомянутой книги Р. Дункана-Джонса [Duncan-Jones, 1994], этому вопросу посвящены три книги [Reden, 2007; Reden, 2010; Kalsari, 2011], вышедших в Кембриджском университете. Все вместе они перекрывают большую часть глубин и горизонта античной экономики: классический период [Duncan-Jones, 1994; Reden, 2010]; Египет Птоломея [Reden, 2007]; Восточные провинции Рима I – III веков н.э. [Kalsari, 2011]. Для исследования влияния денег на экономику все авторы используют новые подходы в экономической истории. Книга [Reden, 2010] вышла в рамках упомянутой кембриджской серии «Ключевые темы в древней истории». Сборник из 13 статей под редакцией профессора Колумбийского университета У.В. Харриса [The Monetary…, 2008] посвящен причинам и особенностям возникновения и развития денежного обращения в Древних Греции и Риме. Среди авторов именитые исследователи античной экономики Э. Коэн, У. Шайдел, Дж. Маннинг, П. Темин.

В своей книге [Temin, 2013] один из ведущих мировых историков экономики профессор экономики Массачусетского технологического института **Питер Темин** доказывает, что рыночная экономика доминировала еще в ранней Римской империи [Temin, 2001a, p. 31; Temin, 2001b; Temin, 2013, p. 4]. Использование П. Темином инструментов современной экономики, в том числе регрессионных методов, при экономическом анализе массива исходных данных, взятых из исторических источников, показало, что динамика цен в римских провинциях (в частности, на зерно) близка к современным. П. Темин писал, что он является историком экономики лишь небольшую часть своей академической карьеры, которая, в основном связана с «современной и раннесовременной экономикой и преподаванием современной экономики» [Temin, 2013, IX]. У профессионального экономиста еще совсем недавно при взгляде на историю античности сразу возникал ряд специфических вопросов. В частности, его интересовали источники ресурсов для гигантского античного строительства, способы их получения и организация использования рабочей силы. В книгах М. Финли, других авторов на поднятые вопросы П. Темин не находил убедительных ответов. Их поиском он решил заняться сам, исходя из своего главного «сравнительного преимущества» – «экономического анализа, а не археологии или анализа текста» [Temin, 2013, IX]. На конференции в Оксфорде в 1999 г. П. Темин впервые презентовал свой подход. Но «экономисты посмеялись над моим предложением за завтраком, а историки античности смеялись над ним в обед. Все они заверили меня, что, по разным причинам, мое предложение неосуществимо» [Temin, 2013, X]. Но уже в 2001 г. оценка предложений сменилась на противоположную, а через десяток лет тема новой институциональной экономики (НИЭ) стала доминировать в изучении античной экономики.

Это открытие стало одним из важных доказательств рыночного характера римской экономики. Также показано, что во II в. н.э., то есть на пике развития Римской империи решающее значение для её процветания (в частности, обеспечения высочайшего – по сравнению, вероятно, с любым периодом человеческой истории вплоть до промышленной революции – качества жизни обычных граждан) имели законы и их соблюдение, торговля, рынки, банковское дело во всем Pax Romana. П.Темин видит причинно-следственную связь между «чумой Антонина» 165-180 гг., и переходом от стабильных цен ранней империи к постоянной инфляции в конце существования империи. Микроаннотацию книги П. Темина закончим цитатой с ее обложки [Temin, 2013]: *«The Roman Market Economy»* содержит массу утверждений, которые являются спорными, но это то, что будет активизировать дискуссию». Цитата принадлежит У. Шайделу, соредактору Оксфордского справочника изучения Рима [Oxford Handbook …, 2010].

Археология и экономика. Книг, посвященных систематическому исследованию экономики по археологическим данным какой-либо конкретной культуры или культурно-исторической не много. Одной из них, к тому же, вероятно, первой, является исследование **Кевина Грина**, посвященного археологии римской экономики [Greene, 1986]. Книга состоит из пяти, не считая вводной и заключительной, частей. Значащие разделы посвящены транспорту; чеканке монет и деньгам; сельскому хозяйству; региональным обследованиям римских поселений и сельского хозяйства; металлу, камню и керамике в Римской империи. Как видно, структура похожа на любую книгу по археологии. Отличие в содержании: К. Грин оперирует экономическими категориями, извлеченными из археологического материала. Вырабатываемая только в ходе полевых исследований, способность интерпретировать археологи-

ческий материал, без потери его связи с памятником, а значит с изучаемой культурой в целом, является отличительной чертой археолога как исследователя древностей. Высокая оценка книги К. Грина, данная профессором антропологии в школе Эволюции человека и социального изменения (ранее факультета антропологии) университета штата Аризона М. Смитом, остается справедливой и поныне, и с нею можно только согласиться. М. Смит писал, что книга К. Грина относится к «лучшим, среди опубликованных, археологическим исследованием древней государственной экономики…. является хорошей начальной точкой» [Smith, 2004, p.74].

Заметное влияние книги К. Грина чувствуется в рассмотренном выше новейшем исследовании римской экономики КСРЭ («Кембриджском Справочнике-спутнике по римской экономике») [Cambridge Companion…, 2012]. КСРЭ более богато на современные методологические подходы, в частности, в отличие от книги К. Грина, написанной почти 30 лет назад, широко использует структурную по П. Самуэльсону рубрикацию, (производство -> распределение -> потребление).

В 1983 г. незадолго до выхода книги К. Грина, Кейт Хопкинс в противовес модели Финли/Джонса, предложил модель экономического роста римской экономики периода поздней республики – ранней империи. Экономический рост привел к увеличению прибавочного продукта за счет политических, технических, социальных трансформаций. В модели Хопкинса содержится семь позиций [Hopkins, 1983, p. XIV – XV], в пяти из которых, как показал в своей книге К. Грин, «археология играет важную роль» [Greene, 1986, p. 14 – 15]. По К. Грину, при археологическом исследовании можно получить экономическую информацию по сельскохозяйственному производству; численности населения; росту ремесленного производства, региональному обмену; денежному обращению; урбанизации и т.п. О статье К. Грина [Greene …, 2006], посвященной экономической интерпретации археологических данных выше уже шла речь.

В своем аналитическом обзоре **Майкл Смит** обратился к методам и теории археологического изучения экономики древних государств, начиная с самых ранних (они являются предметом исследования антропологической археологии) до раннесредневековых [Smith, 2004]. При этом с самого начала статьи М. Смит обратил внимание на то, что подавляющее большинство работ по экономике древних государств посвящено античности: «Экономисты и историки экономики от Карла Маркса до Дугласа Норта применяли мощные модели для докапиталистических экономик, но большинством экономистов археологические данные рассматриваются редко. Рим (возможно, и Греция) являются той древностью, которую бы они хотели изучать» [Smith, 2004, p.73-74]. Работа М. Смита начинается с анализа давнего противостояния двух оппозиций: модернисты/формалисты Vs. примитивисты/субстантивисты. Затем он вводит понятие коммерциализации и ее уровень, полагая, что с их помощью можно преодолеть указанное противостояния и переместить исследования по более продуктивным направлениям. Потом он рассматривает традиционные археологические темы производства и обмена; обсуждает масштабы экономики (домохозяйства, храм и дворец, учреждения, государственные финансы, города и региональных системы, международную экономику. Автор акцентирует внимание на существовании значительных различий между древними государствами и внутри них. Им рассмотрены все ключевые темы современной, «археологической политической экономики», включая коммерческий обмен, деньги, собственность, труд и характер экономических изменений, и заканчиваю предложениями для будущих исследований.

Сборник из 11 статей под редакцией **Кристофера П. Гаррати** и **Барбары Л. Старк** посвящен археологическим подходам к рыночному обмену в древних, как иерархических и не иерархических, обществах Центральной Америки, Юго-Запада США, Восточной Африки и Анд [Archaeological …, 2010]. Редакторы считают, что с археологической точки зрения их книга является первой в изучении развития древних рынков. Выделяются четыре основных темы:

– определяющие характеристики обменного рынка;

– опознание рыночного обмена по археологическим данным;

– взаимосвязь между рынком, политическими и социальными институтами;

– условия развития рыночных систем.

Книге присущ сильный методологический и теоретический акцент, что может привлечь внимание исследователей других культур.

Ян Моррис и **Джозеф Маннинг** среди шести важнейших направлений поиска постановок и решений задач экономической истории выделяют археологию, указывая, что «во многих контекстах археология предоставляет уникальную информацию, которая может быть количественно обработана в больших масштабах, а ведь без количественной оценки не может быть никакой реальной экономической истории»[Morris, Manning, 2005, p. 4]. Я. Моррисом в этом же сборнике приводятся исключительно важные количественные оценки роста античной экономики с

800 до 300 г. до н.э., полученные по типичным археологическим данным – строительным остаткам. В частности, Я. Моррис утверждает, что «греческие дома четвертого века были большими и вполне комфортными, даже по меркам развитых стран начала двадцать первого века» [Morris, 2005, p.123].

Еще одной редкой книгой, в которой археология является источником для изучения экономики, является книга британского археолога **Фредерика Хью Томпсона**. Хью Томпсон – полевой археолог с достаточно большим стажем. В 1978-80-ее годы он исследовал городище железного века Бигберри вблизи Кентербери. Позже он участвовал в международной экспедиции по исследованию римских карьеров в Восточной пустыне в Египте, в которых были заняты рабы. Были произведены поиски доказательств рабства по всей Европе и Средиземноморью. В конечном счете, Ф. Томпсон собрал материал для книги «Археология греческого и римского рабства» [Thompson, 2003]. В отличие от подавляющего большинства исследований античного рабства, основанных на письменных источниках, Ф. Томпсон предоставляет археологические данные о рабстве. Книга охватывает такие темы, как источники рабов, природа работорговли и использования рабского труда в сельском хозяйстве, шахтах и карьерах, в сельском хозяйстве и ткацких мастерских, водоподъемниках. Рассматриваются вопросы принудительного содержания рабов и их мятежей.

На археологическом материале решались вопросы изучения **экономики Ольвии** киевскими учеными. В данном случае речь идет об изучении на базе археологических и письменных источников экономики полиса. По существующей классификации по масштабу исследований речь идет об изучении мезоэкономики (объктной областью в данном случае выступала деятельность одного полиса- Ольвийского).

Теоретической базой для изучения экономических преобразования в Ольвийском государстве послужили разработки **Н.А. Лейпунской**, представленные в 1991 г. [Лейпунська, 1991, №1; Она же, 1991, № 2, с. 76 – 86], которая сосредоточила свое внимание на изучении производственных отношений в ходе становления античного способа производства в Нижнем Побужье. Изучени структура и характер земельной собственности (арендных и рентных отношений), ремесленного производства и торгово-обменных отношений, разделение труда; демографические и социальные вопросы. Установлено, что в основе экономической системы Ольвийского государства на первом этапе его существовавния лежало земледелие, ремесло (при сохранении потребительского характера) и обмен (натуральный и денежный), а также патриархальная система рабства [Лейпунська, 1991, с. 85-86]. В те же годы **С.Д. Крыжицким** на примере Ольвии разрабатываются вопросы палеоэкономических реконструкций [Крыжицкий, 1987 – рукопись]. Изучаются вопросы влияния окружающей среды на развитие ольвийской экономики [Крыжицкий, Крапивина, 1993, с.66-72] К сожалению, оформились эти методические разработки лишь в 2004 г. [Крыжицкий, Лейпунская, 2004, с. 8 – 31].

Результатом многолетней работы по изучению экономики Ольвии стало выделение главных этапов исторического развития Ольвии. [Крижицький, Крапівіна, Лейпунська, 1994, с.40-41]. Во временних рамках существования Ольвии выделено три периода и в каждом из них несколько этапов. Эллинский период – от основания поселения на о. Березань до середины 1 в. до н.э. (гостского нашествия); греко-римский – от рубежа эр до 269-270 гг. н.э. (второго готского набега) и пост-античный – от конца 70-х – начала 80 – х гг. III в. н.э.. В каждом периоде выделены этапы, в котором происходили изменения в экономической системе государства.

Так, эллинский период делится на семь этапов: 1. протоольвийский – архаический – от основания поселения до 30-х гг. VI в. до н.э. – период становления античного способа производства; 2. Позднеархаический – от основания Ольвийского государства и первичного расцвета – до конца первой четверти V в. до н.э. – период массового заселения хоры Ольвии и период экономического расцвета государства; 3. Раннеклассический – конец V в. до н.э. – до выхода из Афинского морского союза – перестройка экономики; 4. Позднеклассический – до осады Зопириона – реколонизация хоры и постепенный экономический расцвет; 5 – Раннеэллинистический – до середины III в. до н.э. – наивысший экономический расцвет; 6 – Среднеэллинистический – до середины II в. до н.э. – Военно-экономический кризис; 7 – Позднеклассический – до середины I в. до н.э. – упадка экономики.

Греко-римский период 1-первая половина I в. н.э. – возобновление жизни в Ольвии и в сельской округе; 2 – вторая половина I в. н.э – первая- половина II в. н.э. – греко-варварский - начало выпуска монет сарматских царей; 3 –середина II – 30-е годы III в. н.э.- греко-римский – период экономического расцвета города; 4 – 30-е годы III в. н.э. – 269-270 гг.– период готских нашествий и экономического упадка города.

Последний постантичный (поздеантичный) периода – от конца 70-х – начала 80-х гг. III в. н.э. был предметом исследований **В.В. Крапивиной**. Особенности развития Ольвии в этот период наиболее полно отражены в одной из последних ее работ [Крапивина,

2015, с. 77-94]. Кроме основных исторических событий, происходивших в этот период, большое внимание уделено вопросам экономического развития города. Из более чем 200 работ В.В. Крапивиной, двадцать четыре работы посвящены экономическим вопросам[4]: торговле, экономическим связам с варварами и метрополией, развитию виноделия, обработки металлов и гончарству в Ольвии, деятельности коллегии агораномов в Ольвии, весовым гирям и др. вопросам экономического развития полиса.

Проведенный нами обзор литературы по экономике античности, позволяет прийти к следующим общим выводам.

1. Можно констатировать тот факт, что именно в последние годы появилось большое число работ, посвященных древним экономикам. Даже беглый взгляд на их массив убеждает в том, что исследования экономики древних обществ в XXI в. превратилось в актуальное направление исторической науки.

2. Этот вывод имеет методологический аспект и фиксирует *комплексный междисциплинарный* характер палеоэкономической проблематики, исследование которой осуществляется *коллективно*, зачастую – интернациональными командами.

Сказанное можно дополнить рядом более частных заключений

1. В историографии исследований экономик древних обществ выделяются три периода:

– от года выхода труда А. Бёка до времени разработки модели Джонса/Финли, который обычно сверху ограничивается выходом книги [Finley, 1973];

– финлианский – от выхода книги М. Финли до конца третье четверти XX в.

– последняя четверть XX в.- начало XXI в. по настоящее время, в течение которого состоялся дискурс, в ходе которого подход М.И. Финли не получил подтверждения.

2. Последний период характеризуются обобщенным на базе неоинституционализма подходом, сменившим «ортодоксию» модели экономики Джонса-Финли. Другими словами в неявном противостоянии научных идей двух англо-американских ученых – Мозеса Финли (1912-1986) и Рональда Коуза (1910, 102 года), победила мягкая сила трансакционных издержек, в конечном счете, приведшая к экономизации, то есть широкому включению, или укоренению, в тело экономики разнообразных социально-культурных вопросов. В частности в античную макроэкономику Северного Причерноморья.

3. Исследователями (стэнфордскими, оксфордскими, кембриджскими, А. Брессоном и многими другими) нащупан консенсуальный (на базе новой институциональной экономики) подход к изучению экономической истории античности.

4. Пока не создано и не предложено ни убедительной унитарной теории экономики древних обществ, ни единой универсальной модели экономики древнего мира. В настоящее время речь идет об их множественности и неоднородности (как диахронной, так и региональной). Возможно, эта ситуация подтверждает концепцию национальных экономик по Ф. Листу, которая ожидает своего обновления.

5. Наиболее многочисленны исследования, связанные с античной историей, в которой выделяются четыре кластера: архаическая и классическая Греция; эллинизм; Древний Рим. При этом с поздним Римом связано наибольшее число работ.

6. Особенность англоязычной литературы по древней экономике: небольшое число работ является то, что археологические материалы в качестве источников для изучения экономики привлекаются крайне редко.

7. Отличием славяноязычной литературы является как раз широкое использование археологических данных для изучения древних экономик и, в первую очередь, для изучения экономики античных держав Северного Причерноморья, например, Ольвийского полиса.

Изучение историографии представлений об античной экономики позволяет сделать заключение об актуальности изучения экономики Ольвии как части макроэкономической системы – экономики Северного Причерноморья в раннем железном веке.

4. Все они представлены в списке работ В.В. Крапивиной, который дан в начале этого издания.

Андреев В.Н. Вопрос о концентрации земли и обезземеливание крестьянства в Аттике IV в. до н.э. // Уч. Записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 164, ч. III. – Ленинград. 1958. – С. 75–82.

Андреев В.Н. Размеры земельных участков в Аттике IV в. до н.э. // ВДИ. – 1959. – № 2. – С. 132–48.

Андреев В.Н. Цена земли в Аттике IV в. до н.э. // ВДИ. – 1960. – № 2. – С. 57–62.

Андреев В.Н. Архаические нормы в частном афинском землевладении // ЛГПИ им. А.И. Герцена, «24 Герценовские чтения». – Ленинград, 1971. – С. 157–159.

Андреев В.Н. Структура крупных состояний в Афинах V – IV вв. до н.э. // ЛГПИ им. А.И. Герцена, «28 Герценовские чтения». – Ленинград. 1975.– С. 136 – 141.

Андреев В.Н. Структура частного богатства в Афинах V – IV вв. до н.э. // ВДИ. – 1981. – № 3. – С. 21 – 48.

Андреев Ю.В. Раннегреческий полис (гомеровский период). – Ленинград, 1976. – 142 с.

Безгубенко А.А. Историческая концепция Мозеса Финли // Автореф. дис. канд. ист. наук. – Казань. 1989. – 17 с.

Безгубенко А.А. М. Финли: опыт реконструкции биографии учёного // Античный вестник: Сб. науч. Трудов. – Омск, 1999. – Вып. IV–V. – С. 80 –100.

Безгубенко А.А. Категории зависимого населения в исторической концепции М. Финли // Исторический ежегодник. К 60–летию проф. Г.К. Садретдинова. – Омск, 2000. – С. 48–64.

Гаврилюк Н.А. История экономики Степной Скифии. – Харьков, 1999. – 420 с.

Гаврилюк Н.А. Экономика Степной Скифии VI–III вв. до н.э. – К., 2013 – 712 с.

Ковельман А.Б. Филон Александрийский о труде рабов и свободных в Римском Египте // ВДИ. – 1978. – № 3. – С. 150 – 157.

Кошеленко Г.А. Экономика Древней Греции в современной зарубежной литературе // Древний Восток и античный мир. – Москва, 1980. – С. 118 – 127.

Крапівіна В.В. Ольвія Понтійська. Греко-римський та пізньоантичний періоди. – К., 2015. – 356 с.

Крыжицкий С.Д. Опыт палеоэкономической реконструкции. Античное государство Ольвия (VI–I вв. до н.э.) // Рукопись //НА ИА НАНУ, 1987/ фонд 12.

Крижицький С.Д., Крапівіна В.В. Населення і оточуюче середовище в античних державах Північного Причорноморря // Оточуюче середовище і стародавнє населення України (матеріали до теми) – Препринт. – К., 1993. – С. 66 – 72.

Крижицький С.Д., Крапівіна В.В., Лейпунська Н.О. Головні етапи історичного розвитку Ольвії // Археологія. – 1994. № 2. – С.18–44.

Крижицький С.Д. Лейпунська Н.О. Принципи моделювання економічного базису Північнопричорноморської античної держави на прикладі Ольвії // Палеоекономіка раннього залізного віку на території України. – К., 2004. – С. 8 –31.

Крих С. М.И. Ростовцев: быть в образе и быть образом // Новое литературное обозрение. – 2009. – №5 /www.polit.ru/article/2009/05/10/rostovtsev/.

Кузищин В.И. Нормы и степень эксплуатации труда сельскохозяйственных рабов в Италии II в. до н.э.– I в. н.э. Проблема производительности рабского труда и ее эволюции) // Античное общество. Труды конференции по изучению проблем античности. – Москва, 1967. – С. 38–45.

Кузищин В.И. Проблемы производительности рабского труда в римском сельском хозяйстве II в. до н.э. – I в. н.э. // V международный конгресс экономической истории. Ленинград. 10–14 августа 1970 г. Тезисы докладов. – Москва, 1970. – С. 7 –10.

Лейпунська Н.О. Становлення античного способу виробництва у Нижньому Побужжі (за археологічними даними) // Археологія – 1991. – № 1; № 3. – С. 76 – 87.

Ленцман Я.А. Расшифровка крито–микенских надписей // ВИ. – 1955. – № 9. – С. 181 – 186.

Павловская А.И. О рентабельности труда рабов в эллинистическом Египте // ВДИ. – 1973.– № 4. – С. 136 – 144.

Павловская А.И. Рабы в сельском хозяйстве римского Египта // ВДИ. – 1976. –№ 2. – С. 73–83.

Розмаинский И.В., Холодилин К.А. История экономического анализа на Западе: текст лекций. СПб, 2012. – 216 с.

Штаерман Е.М. Рец.: M.I. Finley. The Ancient Economy. Berkleya. Los Angeles, 1973 // ВДИ. – 1977. – № 2. – С. 165 – 175.

A Companion to the Hellenistic World. / Ed. A. Erskine. – Oxford: Blackwell. 2003. – xxviii +588 p.

A Companion to Ancient History / Ed. A. Erskine. – Malden, Oxford, Chichester,. 2009. – xxxiv + 693 p.

Amemiya T. Advanced Econometrics. – Cambridge, 1985 – 536 p.

Amemiya T. Introduction to Statistics and Econometrics. – Cambridge –1994. –384 p.

Amemiya T. Economy and Economics of Ancient Greece (Routledge Explorations in Economic History). – Cambridge , 2007 – 184 p.

Ancient Economy/Eds.Walter Scheidel and Sitta von Reden. – Edinburgh,2002. – 303 p.

Ancient Economy: Evidence and Models / Eds. J. Manning, I. Morris. – Stanford, 2005. – 304 p.

Andreyev V.N. Some Aspects of Agrarian Conditions in Attica in the Fifth to Third Centuries B.C. // Eirene. 1974. – V. 12. – P. 5 – 46.

Archaeological Approaches to Market Exchange in Ancient Societies / Ed. C. P. Garraty, B.L. Stark. – Boulder, 2010. – 322 p.

Archibald Z.H., Davies J. K. Introduction // The Economies of Hellenistic Societies, Third toFirst Centuries BC / Ed.Z. Archibald, J.K. Davies, V. Gabrielsen. – Oxford, 2011.–322 p.

Bang P.F. Imperial Bazaar: towards a comparative understanding of markets in the Roman Empire // Ancient economies, modern methodologies: Archaeology, comparative history, models and institutions / Eds. P. F. Bang, M. Ikeguchi, H.G. Ziche. – B–ari, . 2006 – P. 51–88.

Bowman A., Wilson A. (Eds), Quantifying the Roman economy. Methods and problems. / Eds A. Bowman, A. Wilson. – Oxford,. 2009. – xvii+356 p.

Bresson A. La cité marchande. – Bordeaux. – 2000. – 343 p.

Bresson A. L'économie de la Grèce des cités (fin VIe – I er siècle a. C.). I. Les structures et laproduction. Collection U. – Paris, 2007. – 264 p.

Bresson A. L'économie de la Grèce des cités (fin VIe – I er siècle a. C.). II. Les espaces de l'échange. Collection U. – Paris, 2008. – 335 p.

The Cambridge Companion to the Roman Economy / Ed. W. Scheidel. – Cambridge, 2012.– 454 p.

The Cambridge Economic History of the Greco-Roman World. / Eds. W. Scheidel, I. Matthew, I.Morris, R. P. Saller. – Cambridge, 2007. – 956 p

Cohen E. Rev. Millett P. Lending and Borrowing in Ancient Athens. – Cambridge, 1991 // Bryn Mawr Classical Review. (10.04.2003).

Cohen E. E. Athenian Economy and Society: A Banking Perspective. – Princeton, 1992. – 288 p.

Davies J. K. Hellenistic Economies / Eds.: Z.H. Archibald, J. Davies, V. Gabrielsen and G.J. Oliver. –. London, 2001. – P. 233 – 268.

Duncan-Jones R. Money and Government in the Roman Empire. – Cambridge, 1994. – 320 p.

Finley M.I. Studies in Land and Credit in Ancient Athens, 500–200 B.C. The Horos–Inscriptions. New Brunswick, 1952. – xii+332 p.

Finley M. I. The World of Odysseus. – N.Y., 1954. – 190 p.

Finley M.I. The World of Odysseus. – Harmondsworth, 1962. – 190 p.

Finley M. The Ancient Economy. – Berkeley and Los Angeles, 1973 –222 p.

Finley M.I. Ancient Slavery and Modern Ideology. – London, 1980 – 202 p.

Finley M. Ancient Slavery and Modern Ideology. – N.Y., 1981. – P. 29 – 94.

Finley M. The Ancient History: Evidence and Models. N.Y., 1985. – 143 p.

Finley M.I. The Ancient Economy. – Berkeley and Los Angeles, 1999. – 262 p.

Flohr M. The World of the Fullo. Work, Economy and Society in Roman Italy. – Oxford, 2013. – 402 p.

Greene K. The Archaeology of the Roman Economy. – Berkeley and Los Angeles, 1986. – 170 p.

Greene K. Technological innovation and Economic Progress in the ancient world: M.I. Finlay reconsidered» // Economic History Review. – 2000. – 53 (1). – P. 29 – 59.

Greene K. Archaeological data and economic interpretation // Ancient economies, modern methodologies: Archaeology, comparative history, models and institutions / Eds. P.F. Bang, M. Ikeguchi, H.G. Ziche Bari: Edipuglia srl. – 2006. P.109 – 136.

Gwynn D. M. (ed.), A.H.M. Jones and the Later Roman Empir // Brill's Series on the Early Middle Ages. V.15. – Leiden/Boston, 2008. – xv, 281 p.

Harris W.V. The Monetary Systems of the Greeks and Romans / Ed. William V. Harris. – Oxford, 2008. – XIV + 330 p.

Harris W.V. Rome's Imperial Economy. Twelve Essays. – Oxford, 2011. – P. XIV, 370.

Hopkins K. Introduction. // In Trade in the Ancient Economy, Eds. Peter Garnsey, Keith Hopkins, C.R. Whittaker.–Berkeley, 1983. – P. IX–XXV. (http://www.thefreedictionary.com/horsepower; http://www.thefreedictionary.com/manpower).

Ikeguchi M. A method for interpreting and comparing field survey data // Ancient economies, modern methodologies: Archaeology, comparative history, models and institutions / Eds. P.F. Bang. Ikeguchi, H.G. Ziche (eds.). – Bari,. 2006. – P. 137–160.

Jongman W. The rise and fall of the Roman economy: population, rents and entitlement // Ancient economies, modern methodologies: Archaeology, comparative history, models and institutions/ Eds. P.F. Bang, M. Ikeguchi, H.G. Ziche.– Bari,. 2006. – P. 237 – 254.

Kalsari C. The Roman Monetary System: The Eastern Provinces from the First to the Third CenturyAD. – Cambridge, 2011. – 304 p.

Making J. Moving and Managing: The New World of the Ancient Economies, 323–31 BC / Ed. Z.H. Archibald, J.K. Davies and V. Gabrielsen. – Oxford, 2005– VIII+368 p.

Morris I., Manning J. Introduction // The Ancient Economy: Evidence and Models. Eds. J. Manning, I. Morris. – Stanford, 2005. – P. 1–46.

McCormick M. Origins of the European Economy: Communications and Commerce, AD 300–900. – New York, 2002. – XXVIII + 1101 p.

Meyer O.C. Trade in Bronze Age anf Iron Age Empires a cjmparison // Ancient economises modern methodologies: Archaeology, comparative history, models and institutions/Eds. P.F. Bang, M. Ireguchi, Y.G. Ziche. – Bari, 2006. – P 89–108.

Migeotte L. The Economy of the Greek Cities: From the Archaic Period to the Early Roman Empire. – Berkeley, 2009. – 210 p.

Millett P. Lending and Borrowing in Ancient Athens. – Cambridge, 1991. – P. XIII, 368.

Morley N. Trade in Classical Antiquity. – N.Y., 2007. –XIV + 118 p.

Morris I. Foreword [to the updated edition] // The Ancient Economy by Moses I. Finley. – Berkeley – Los Angeles – London, 1999. – P. IX–XXXVI.

Morris I., Manning J. Introduction // The Ancient Economy: Evidence and Models / Eds. J. Manning, I. Morris. – Stanford, 2005. P. 1–46.

The Oxford Handbook of Roman Studies. Oxford Handbooks. Edited by Alessandro Barchiesi and Walter Scheidel. – Oxford / New York, 2010. – 976 p.

Panagopoulou K. The Antigonids: patterns of a royal economy // Hellenistic Economies / Eds.: Z.H. Archibald, J. Davies, V. Gabrielsen and G.J. Oliver. – London, 2001. – P. 233 – 268.

Paterson J. Hellenistic economics: the case of Rome // Hellenistic Economies / Eds.: Z.H. Archibald, J. Davies, V. Gabrielsen and G.J. Oliver. – London, 2001. – P. 270 – 278.

Pirenne H. Mohammed and Charlemagne. Translated from the French by Bernard Miall. – N.Y., 1956 (from 1935 original) – 293 p.

Postwar C. Heterodox Economics, Ch.28. // A Companion to the History of Economic Thought / Ed. W.J. Samuels, J.E. Biddle, J.B. Davis. – Oxford, 2003. – P. 445 – 470.

Quantifying the Roman economy. Methods and problems / Eds A. Bowman, A. Wilson. – Oxford, 2009. – XVII+356 p.

Reden S. Money in Ptolemaic Egypt. From the Macedonian Conquest to the End of the Third Century BC. – Cambridge, 2007. – XII+354 p.

Reden S. Money in Classical Antiquity. – Cambridge, 2010. – XXI+ 237 p.

Reger G. Regionalism and Change in the Economy of Independent Delos, 314–167 B.C. – Berkeley, 1994. – 403 p.

Rostovtsev M.I. A Social and Economic History of the Hellenistic World.– Oxford, 1941. – 1779 p.

Scheidel W. (ed.) The Cambridge companion to the Roman economy. – Cambridge, 2012 (paperback edition 2012). – XIV + 443 p.

Scheidel W. and S. von Reden. The Ancient Economy. The Economic History of the Greco-Roman World // Scheidel W., Morris I., Saller R.P. (eds.). – Cambridg, 2012. – 958 p.

Scheidel W. and S. von Reden. The Ancient Economy. – Edinburg, 2002 – 282 p.

Settlement, Urbanization and Population / Eds. A. Bowman, A. Wilson. – Oxford, 2011. – 384 p.

Smith M. E. The Archaeology of Ancient State Economies //Annu. Rev. Anthropol. – 2004. – 33. – P.73–102.

Temin P. A. Market Economy in the Early Roman Empire // Journal of Roman Studies. –2001. – 91. – P. 169 – 181.

Temin P. A. Market Economy in the Early Roman Empire // Working Paper 01–08. February. MTI. – 2001a. – 32 p.

Temin P. The Roman market economy. – Princeton, NJ, 2013. – 316 p.

The Cambridge Economic History of the Greco–Roman World / Eds. Walter Scheidel, Ian Matthew,Morris, Richard P. Saller. – Cambridge, 2007. – 956 p.

The Cambridge Companion to the Roman Economy / Ed. W. Scheidel. Cambridge, 2012. – 454 p.

The Encyclopedia of Ancient History, First Edition / Eds. R.S. Bagnall, K. Brodersen, C.B. Champion, A. Erskine, S.R. Huebner. – Wiley–Blackwell, Oxford, 2013 – 3717 p.

The Monetary Systems of the Greeks and Romans / Ed. William V. Harris.– Oxford, 2008. – XIV + 330 p.

The Roman Agricultural Economy: Organisation, Investment and Production / Eds. A. Bowman, A. Wilson. – Oxford, 2013. – 352 p.

Thompson F.H. The archaeology of Greek and Roman slavery.– Duckworth, 2003 – 331 p.

Vlassopoulos K. Review of: Z.H. Archibald, J.K. Davies and V. Gabrielsen, (eds.), Making, Moving and Managing: The New World of the Ancient Economies, 323–31 BC (Oxford, 2005) // Ancient West and East. – 7:1. – 2008. – P. 352 – 354.

Whittaker C.R. Qui êtes–vous, Sir Moses? // London Review of Books. – Vol. 8. – No. 4, 6. – March. 1986. – P. 10–11.

Whittaker C.R. The Consumer city revisited: the vicus and the city // Journal of Roman Archaeology. – 1990. – № 3. – P. 110–118.

Н.О. Гаврилюк

ДО ІСТОРІЇ ЕКОНОМІКИ ОЛЬВІЇ – ІСТОРІОГРАФІЯ ПРОБЛЕМИ

Преставлено огляд історіографії економіки давніх суспільств, у якій виокремлено проблеми античної економіки. Показана періодизація уявлень про античну економіку у англомовній літературі. Відзначено видатну роль М.Фінлі у розвитку вивчення економіки давніх суспільств. Показані праці з економіки античності, що виходили в Україні. Розглядається роль археології у формуванні уявлень про економіку стародавніх суспільств. Відзначено, що зараз превалюють позитивістські уявлення, але останнім часом набуває поширення нова інституційна економіка.

Ключові слова: історія економіки, історіографія, Ольвія, М. Фінлі, нова інституційна економіка.

N.O. Gavrylyuk

FOR THE HISTORY OF THE ECONOMY OF OLBIO – HISTORIOGRAPHY OF PROBLEM

It is devoted to the historiography of the ancient economy. It is shown that the periodization of the historiography is appropriate to associate with the name of M.I. Finley who played an outstanding role in the development of the models of ancient economy. A lot of books and articles about Olbian state were issued in Ukraine. The role of archaeology in the reconstruction of the economics of ancient societies was examined. In the end the positivist approach has prevailed. But in the recent years the new institutional economy is dominated.

Keywords: history of economy, historiography, M. Finley, new institutional economy.

Одержано 8.10.2014

УДК 929:930.252

И.В. Тункина

К БИОГРАФИИ ПРОФЕССОРА БОРИСА ВАСИЛЬЕВИЧА ВАРНЕКЕ: НОВЫЕ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ[1]

В статье впервые публикуется автобиография ученого-латиниста, ординарного профессора Казанского университета Бориса Васильевича Варнеке (1874–1944). Документ был отправлен Э.Р. Штерну в Одессу в связи с избранием на должность ординарного профессора Новороссийского университета.

Ключевые слова: Б.В. Варнеке, автобиография, Э.Р.Штерн, Новороссийский университет, письма.

Значительный вклад Российской империи в развитие мирового антиковедения в начале XX в. во многом был обусловлен высоким уровнем требований, предъявляемых к подготовке и аттестации научных кадров. К тому времени в России сложилась своя, национальная историко-филологическая школа, полнокровно синтезировавшая достижения мировой классической филологии, античной истории, археологии, эпиграфики, нумизматики, истории искусств, особенно много сделавшая для изучения античного Северного Причерноморья. Система "повышения квалификации" на протяжении всей жизни специалиста предусматривала возможность за государственный счет, на средства Министерства народного просвещения, слушать лекции в западноевропейских университетах, проводить исследования в России и за границей, участвовать в международных и всероссийских конгрессах и съездах, причем не только "оставленным при университете для подготовки к профессорскому званию", но сложившимся ученым, имевшим степени магистра и доктора. Конкурсная система замещения вакантных кафедр в университетах предусматривала многоступенчатую процедуру: избрание кандидата тайным голосованием на Совете историко-филологического факультета, утверждение решения Советом университета, в который входили ординарные и заслуженные профессора. Советы фактически исполняли обязанности Ученого совета и являлись высшей инстанцией университетского суда. По Университетскому уставу 1884 г. и "Временным правилам об управлении высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения" (1905–1911) выборность и назначение на должности ректора, декана, секретаря факультета, приват-доцента, экстраординарного или ординарного, заслуженного ординарного профессора утверждались "высочайшим приказом по гражданскому ведомству". Сложившаяся система обеспечивала ротацию кадров в университетах империи, независимо от территориальности учебного округа, и безболезненную смену поколений преподавателей, выходивших в отставку после 25 лет службы [Тункина, 2000, с. 143-144, 176-177].

Тонкая ниточка преемственности между дореволюционной и советской наукой об античности не прервалась благодаря немногочисленным антиковедам "старой школы", кто в период революции и гражданской вой-

© И.В. ТУНКИНА, 2015

1. Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-01-00008а, РФФИ, проект № 12-06-00005а.

ны не эмигрировал, сумел выжить и продолжить преподавательскую деятельность уже в советских вузах и научных учреждениях. К их числу принадлежал известный латинист, историк античного и русского театра Борис Васильевич Варнеке (1874–1944) (рис. 1). Реконструкцией биографии этого репрессированного ученого, обвиненного в коллаборационизме и умершего в тюремной больнице в Киеве, я занимаюсь достаточно давно [Тункина, 1996; 1998; 2001; 2011; 2013; Ізбаш-Гоцкан, Тункіна, 2009].

Рис. 1. Борис Васильевич Варнеке. Фотопортрет.

Еще в 1986 г. я приступила к изучению части архива Одесского общества истории и древностей, который в годы Второй мировой войны был вывезен румынскими оккупантами в Бухарест, но в послевоенные годы был возвращен не в Одессу, а в Киев. Среди документов оказалась часть личного архива Э.Р. фон Штерна, включая письма Б.В. Варнеке. В 2013 г., благодаря любезному содействию директора Института рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского, члену-корреспонденту НАНУ Л.А. Дубровиной мне удалось получить копии интересовавших меня документов, за что выражаю ей и сотрудникам института искреннюю признательность.

Письма Б.В. Варнеке, тогда ординарного профессора Казанского университета, в Одессу заслуженному ординарному профессору Э.Р. Штерну были инициированы стремлением занять вакансию профессора римской словесности, освободившуюся после ухода в 1909 г. из Новороссийского университета заслуженного ординарного профессора И.И. Луньяка. Министерство народного просвещения разрешило заместить вакантную кафедру путем баллотировки по рекомендации специалистов. Инициатором и посредником в переговорах с Э.Р. фон Штерном стал профессор Университета Св. Владимира в Киеве Ю.А. Кулаковский, с которым Б.В. Варнеке издавна поддерживал дружественные отношения. Другим лицом, предоставившим устную рекомендацию, стал его учитель по Петербургскому историко-филологическому институту, ординарный профессор Петербургского университета Ф.Ф. Зелинский.

О пиететe, с которым Б.В. Варнеке всю жизнь относился к старшему коллеге Э.Р. фон Штерну, свидетельствуют его воспоминания о представителях историко-филологической науки дореволюционной России [Варнеке, 2002, с. 89; 2011, с. 471, 480, 485, 487–490; 2014, с. 172–173]. Подтверждением высокой оценки научного творчества Штерна являются письма Б.В. Варнеке 1926 года, уже советской эпохи, из Одессы в Ленинград к академику Ф.И. Успенскому и члену-корреспонденту В.Н. Бенешевичу, связанные с появлением долгожданной книги М.И. Ростовцева “Скифия и Боспор” [Ростовцев, 1925]. Напомню, что после трагической гибели сына Эрнст Романович вышел в отставку и в 1911 г. навсегда переехал из Одессы в немецкий Галле. Б.В. Варнеке писал Ф.И. Успенскому: «У меня к Вам очень усердная просьба: если Вы встречаете проф. Бенешевича, выславшего Е.А. Загоровскому Скифию и Боспор Ростовцева, нельзя ли распространить эту милость и на меня? Я ее прочел, и вовсе не в восторге и от ее развязного тона, и от гипотетического зуда на каждом шагу, как первой, так и особенно второй части. Но я читаю курс археологии, и потому иметь под руками такую сводку полезно. Я не позволил бы себе Вас этим беспокоить, но не знаю ни адреса его, ни имени-отчества» (Варнеке, Письма Ф.И. Успенскому, л. 3–3 об.). Детальная критика проколов издания приведена в письме к В.Н. Бенешевичу, зятю научного руководителя Варнеке Ф.Ф. Зелинского: «Большое спасибо за “Боспор и Скифию” Ростовцева, получив которую, немедленно послал благодарственную открытку Академии [РАИМК. — *И.Т.*]. Книга эта очень ценна как плод громадного труда по сводке материала и как мастерская картина большого размаха, на которые такой великан мастер Михаил Иванович. Но разрешите, между нами, высказать сожаление, что Жебелёв так мало проявил своё редакторское вме-

шательство. В “мелочах” она кишит обмолвками. Стр. 175: Стефани и Шварца: у Шварца нет ни строчки про терракоты. Надо было назвать Кондакова и Деревицкого. Стр. 27 сл. весь отдел об Эфоре игнорирует не кого иного как Ed. Schwartz’a и т. п. Но praetor non curat minima. Затем, как ни велика начитанность, но она совсем не считается с трудами археологических съездов и «Древностями Московского археологического общества». Пропущены и не учтены работы Н.И. Веселовского из Харьковского съезда, Орешникова и Шварца из XIV тома «Древностей», монография того же Шварца о деревянных саркофагах. И после этого на <стр.> 294 *безобразная нотация такому крупному учёному, как фон Штерн* [курсив мой. — *И.Т.*]. Напрасно С.А. [Жебелев. — *И.Т.*] не выпустил эту бестактность, не менее печальную, чем на стр. 163–164 выпад против Кизерицкого и Ватцингера, которых крупнейшие западные авторитеты так высоко ценят именно за это издание. Читая эту книгу, я всё время вспоминал Н.П. Кондакова: на одном заседании Общества истории и древностей, где зашла речь про тон книги М.И. о керченской росписи, Н.П. сказал, что М.И. — это модификация заглавия пьесы Леонида Андреева “Тот, кто *раздаёт* пощёчины”. Это надо было сгладить. Нельзя без смеху читать на стр. 344: “мы слава богу научились трактовать находки по времени”, когда весь Александропольский курган датируется по *одному* черепку собственной датировки М.И. А какова её надёжность, показала его полемика с Б.В. Фармаковским и Мальмбергом. Прилична ли заметка на стр. 369, что только ученики Б.В. < Фармаковского> следуют его датировке.

Вообще слишком старается М.И. подчеркнуть, что кроме него и Гриневича нет у русской археологии пророков.

Обратили ли Вы внимание ещё на то, что здесь по целому ряду вопросов у него совсем противоположная точка зрения, чем в популярной книге, изданной в 1918 г. фирмой “Огни” [Ростовцев, 1918. – *И.Т.*]. Вот почему я считаю эту книгу особенно опасной для молодёжи, теперь неспособной проверить что-либо по источникам, и гипотезы, как они ни гениальны, войдут как *факты* в научный обиход. Очень справедливую рецензию написал на неё М. Грушевский в «Украіне», 1925. № 4. Надо было дать к ней совсем иного характера предисловие. И всё-таки я бесконечно благодарен и Академии, и Вам за присылку этой книги» [цит. по: Тункина, 1997, с. 118, сн. 105].

Думаю, для современных археологов, массово передатирующих погребальные комплексы и другие памятники, открытые еще в XIX в., критические реплики Б.В. Варнеке будут небезынтересными.

Но из 1926 вернемся к осени 1909 года, когда Б.В. Варнеке впервые написал Э.Р. Штерну следующее письмо с приложением curriculum vitae (рис. 2).

19 ноября 1909

Казань, Новокомиссариатская, дом Вороновой

Глубокоуважаемый Эрнест Романович!

Ю.А. Кулаковский написал мне о Вашем желании иметь мое curriculum vitae и мои труды. Первое прилагаю, а статьи высылаю сегодня же.

Главнейшей причиной, заставляющей меня желать переезда на юг, является тяжелая и хроническая болезнь жены[2], которая как уроженка Киева, не переносит климата Казани и выздоровление которой наши врачи обусловливают с выездом из Казани.

Позволяю себе просить Вас не отказать в любезном сообщении моего дела и прошу принять уверение в совершенном к Вам уважении

Б. Варнеке

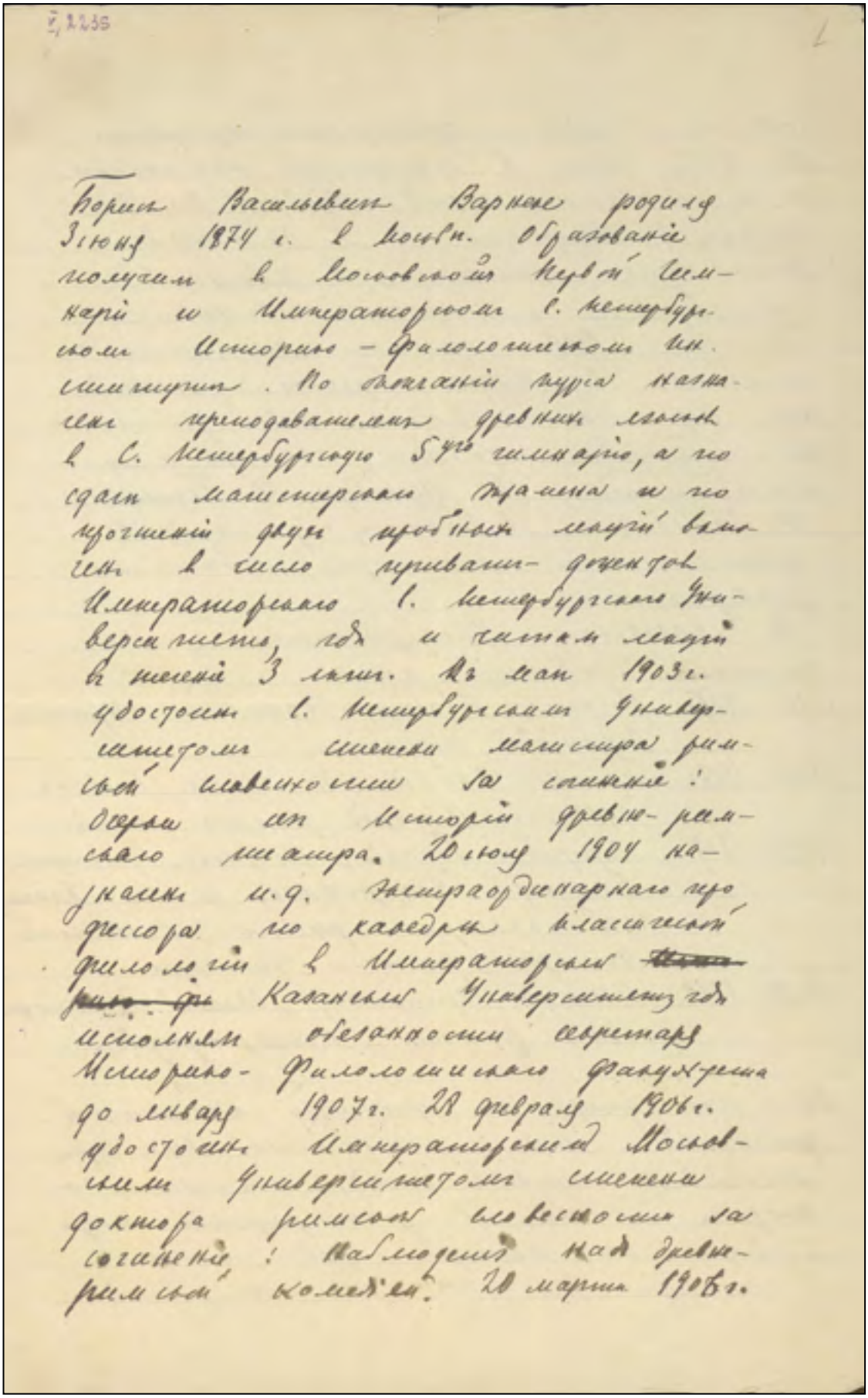
ИР НБУВ. V, 2235. Л. 1–1 об. Автограф.

Борис Васильевич Варнеке родился 3 июня 1874 г. в Москве. Образование получил в Московской Первой гимназии и Императорском С.-Петербургском историко-филологическом институте. По окончании курса назначен преподавателем древних языков в С.-Петербургскую 5-ую гимназию, а по сдаче магистерского экзамена и по прочтении двух пробных лекций включен в число приват-доцентов Императорского С.-Петербургского университета, где и читал лекции в течение 3 лет. В мае 1903 г. удостоин С.-Петербургским университетом степени магистра римской словесности за сочинение: Очерки из истории древнеримского театра[3]. 20 июля 1904 назначен и[сполняющим] д[олжность] экстраординарного профессора по кафедре классической филологии в Императорский Казанский университет, где исполнял обязанности секретаря Историко-филологического факультета до января 1907 г. 28 февраля 1906 г. удостоин Императорским Московским университетом степени доктора римской словесности за сочинение: Наблюдение над древнеримской комедией[4]. 20 марта 1906 г. возведен в звание ординарного профессора. В 1904 г. был в за-

2. Варнеке (урожд. Матросова) Елена Сергеевна, жена Б.В. Варнеке, дочь коллежского советника, из театральной семьи, актриса, преподаватель художественного чтения в Одесском доме ученых (1925–1935). Даты рождения и смерти мне неизвестны. Умерла в послевоенные годы.

3. Варнеке, 1903.

4. Варнеке, 1905.



Борис Васильевич Варнеке родился 3 июня 1874 г. в Москве. Образование получил в Московской Первой гимназии и Императорском С.-Петербургском Историко-филологическом ин-ституте. По окончании курса назначен преподавателем древних языков в С.-Петербургскую 5-ую гимназию, а по сдаче магистерских экзаменов и по прочтении двух пробных лекций включен в число приват-доцентов Императорского С.-Петербургского Университета, где и читал лекции в течение 3 лет. В мае 1903 г. удостоен С.-Петербургским Университетом степени магистра римской словесности за сочинение: Очерки из Истории древне-римского театра. 20 июня 1904 назначен и.о. экстраординарного профессора по кафедре классической филологии в Императорском ~~Казан. ф.~~ Казанском Университете, где исполнял обязанности секретаря Историко-Филологического факультета до января 1907 г. 28 февраля 1906 г. удостоен Императорским Московским Университетом степени доктора римской словесности за сочинение: Наблюдения над древне-римской комедией. 20 марта 1906 г.

Рис. **2**. Б.В. Варнеке. Автобиография. Автограф. 19 ноября 1909 г. ИР НБУВ. V, 2235. Л. 1.

граниченой командировке и слушал лекции Фридриха Лео, Э. Шварца, Я. Вакернагеля и К. Дильтея в Гёттингене, занимаясь в семинарии по Плавту у первого из них. Летом 1909 г. изучал античное искусство в музеях Берлина и Дрездена, для подготовления новой работы по истории античного театра и слушал лекции Т. Шрейбера, Э. Бете и Ф. Студницки в Лейпциге, работая в археологическом семинарии Лейпцигского университета.

В Казанском университете им читаны следующие курсы:

1906–1907 г. Asinaria Плавта, Ипполит Эврипида; латинский синтаксис.

1907–1908 г. Героиды Овидия. De conser[itenda] Historia Лукиана. История римской религии

1908–1909. Сатиры Горация, поэтика Аристотеля. Римская эпиграфика, и по вакантной кафедре русской словесности: История русского театра.

1909–1910. Письма Цицерона, «Облака» Аристофана; римская историография.

За это время по предмету классической филологии им напечатано сверх прилагаемых трудов сочинения, оттисков которых нет в распоряжении автора:

1. Очерк из истории древнеримского театра. СПб., 1903. Маг[истерская] диссертация[5].

2. Новая комедия Менандра. Казань, 1909.

3. Статья в берлинском журнале Hermes. XLI. 1906. De Alexidis οπωρα.

4. Заметка там же XLII. 1907. Scaenicum.

5. Ряд библиографических заметок и рецензий в Журн[але] Мин[истерства] [нар]оного просвещения, Филологическом обозрении, Историческом вестнике и (русском) Гермесе.

19 ноября 1909 Б. Варнеке

ИР НБУВ. V, 2235. Л. 1–2. Автограф.

Как следует из документов личного дела Б.В. Варнеке в Новороссийском университете, 6 февраля 1910 г. Совет историко-филологического факультета Новороссийского университета рассмотрел отзыв о научной деятельности кандидата, подписанный Э.Р. фон Штерном 14 января 1910 г. В основу рекомендации легли факты из автобиографической записки Б.В. Варнеке, а библиографический список публикаций был существенно расширен до 19 статей. «Входить в подробную оценку перечисленных работ (не ручаюсь, что все статьи Бориса Васильевича стали мне известны), я считаю излишним, — писал Э.Р. фон Штерн. — Главные его труды — его магистерская и докторская диссертации — были приняты историко-филологическими факультетами наших двух столичных университетов и удостоены выдающимися специалистами лестных отзывов во время защиты и в печатных рецензиях. Вполне присоединяюсь к этим отзывам. Что молодой профессор, занятый разработкой разных, читаемых им, вышеперечисленных курсов, нашел еще возможным написать до 20 статей, из которых некоторые являются довольно крупными, блестяще доказывает его выдающуюся работоспособность. Хотя большинство из этих статей и касается вопросов специальной области работы Бориса Васильевича, т.е. античного театра и античной драмы, но есть между ними и статьи, которые касаются критики текста, вопросов грамматики, античного искусства, что указывает на разносторонность интересов и занятий Бориса Васильевича.

Отмечу еще, что ряд работ Б.В. написан на латинском языке, чем доказывается не только теоретическое, но и практическое знание того предмета, который придется Борису Васильевичу преподавать на первом месте.

В виду изложенного, я полагаю, что мы в лице ординарного профессора Казанского университета Бориса Васильевича Варнеке приобретем для нашего университета крупную научную силу и дельного профессора, которого и ближайшие специалисты по соответствующим кафедрам — Ю.А. Кулаковский в Киеве и Ф.Ф. Зелинский в Петербурге усердно рекомендовали, — и потому предлагаю факультету избрать Бориса Васильевича ординарным профессором по кафедре классической филологии» [Дело о службе, л. 40-40 об.].

6 февраля 1910 г. Совет историко-филологического факультета тайным голосованием 10 голосами единогласно избрал Б.В. Варнеке ординарным профессором Новороссийского университета по кафедре классической филологии. 7 февраля декан А.А. Павловский и секретарь факультета С.Г. Вилинский поставили об этом в известность ректора С.В. Левашова с просьбой представить кандидатуру на утверждение Совета университета [Дело о службе, л. 38]. Весть о единогласном избрании факультетом была опубликована в газетах, поэтому вскоре стала известна и в Казани.

Следующее письмо Б.В. Варнеке Э.Р. Штерну датируется почтовым штемпелем на конверте по месту отправления 16 февраля 1910 г.

Глубокоуважаемый Эрнест Романович,

Сейчас кто-то прислал мне 3 газеты из Одессы, где говорится, что в факультете 6 февраля я уже избран. Мне хотелось бы знать, насколько это соответствует истине, и потому я

5. Список основных публикаций Б.В. Варнеке издан к 35-летию его публицистической и научной деятельности: Библиографический список, 1925.

позволяю себе просить Вас не отказать мне в извещении на этот счет.

С совершенным почтением

Б. Варнеке

ИР НБУВ. V, 2236. Л. 1. Автограф. Конверт на л. 2.

Спустя две с половиной недели, не получив известий об итогах голосования в Совете Новороссийского университета, Б.В. Варнеке написал Э.Ш. Штерну встревоженное письмо.

9 марта 1910

Глубокоуважаемый Эрнст Романович,

Прежде всего считаю долгом от всей души поблагодарить Вас за все хлопоты и доброе содействие, а затем обратиться к Вам с новой просьбой. Со времени моего избрания в Вашем факультете прошло уже больше месяца. Практика нашего Совета показывает, что такая задержка является постоянным предзнаменованием забаллотирования, иначе дело происходит гораздо скорее. Мне, естественно, не хочется подвергаться такой участи. Вы, наверно, можете предопределить настроение Совета, и поэтому я очень прошу Вас в случае опасности уведомить меня, и тогда я немедленно по телеграфу сниму свою кандидатуру. Во всяком случае, каков бы ни был исход дела в Совете, я никогда не забуду той высокой чести, которую мне оказал Ваш факультет своим единогласным избранием, что явилось для меня большой нравственной поддержкой. Очень извиняюсь за причиняемое беспокойство и прошу принять уверения в полном почтении глубоко Вам обязанного

Б. Варнеке

Р НБУВ. V, 2237. Л. 1–2. Автограф.

Но тревога Б.В. Варнеке оказалась напрасной — через день, после получения телеграммы от Э.Р. Штерна с извещением об избрании в Совете университета, в Одессу было отправлено последнее письмо с выражением благодарности за хлопоты.

11 марта 1910 г.

Глубокоуважаемый Эрнест Романович,

Блестящим исходом дела в Совете я обязан, конечно, только Вашему доброму содействию, почему и спешу и здесь от всей души поблагодарить Вас за это. Последнее дело, читая про то, как плохо проходили выборы с иными кандидатами и усомнился было и в своем успехе. Тем приятнее была для меня Ваша телеграмма. В Вашем лице благодарю за все от всей души всех новых товарищей за высокое доверие. Я приложу все старания к тому, чтобы оправдать его по мере своих сил.

Еще раз душевно благодарю Вас и прошу принять уверение в совершенном почтении

Б. Варнеке

ИР НБУВ. V, 2238. Л. 1–1 об. Автограф.

Решение Совета Новороссийского университета требовало утверждения Министерством народного просвещения. Лишь 26 апреля 1910 г. «Высочайшим приказом по гражданскому ведомству» Б.В. Варнеке был «перемещен» ординарным профессором по кафедре классической филологии в Одессу. Так благополучно закончилась история с избранием на кафедру Новороссийского университета.

В южной Пальмире начался новый период биографии ученого. Б.В. Варнеке стал активным действительным членом и членом Совета Одесского общества истории и древностей и заведующим археологическим музеем общества (1913–1919), заинтересовался античной историей и древностями Северного Причерноморья, уже в советское время читал курсы по археологии. Высокий авторитет ученого в европейских научных кругах был подтвержден его избранием в члены-корреспонденты Германского археологического института.

Очень быстро Б.В. Варнеке (рис. 3) заслужил славу блестящего преподавателя, лекциями которого заслушивалось несколько поколений студентов многих одесских вузов. Его учениками считали себя литературовед, академик М.П. Алексеев, латинист, доктор

Рис. 3. Борис Васильевич Варнеке. Карандашный портрет. 1924 г. (по: Силуэты. Одесса, – 1924. – № 5. – С. 6).

филологических наук И.М. Тронский (до 1938 г. — Троцкий), специалист по нумизматике Ольвии, профессор и заведующий кафедрой древнего мира Одесского государственного университета им. И.И. Мечникова Петр Осипович Карышковский-Икар (1921–1988) и многие другие ученые.

Духовный мост научной преемственности — от Э.Р. фон Штерна к Б.В. Варнеке, а затем к ученику последнего П.О. Карышковскому — не позволил окончательно прерваться традиции классического образования в Одессе, имеющей почти полуторавековую историю.

Варнеке Б.В. Письмо Э.Р. фон Штерну. 19 ноября 1909 г. Из Казани в Одессу. 2 л., конв. 3 л. // ИР НБУВ. V, 2234.

Варнеке Б.В. Автобиография. 19 ноября 1909 г. 2 л. // ИР НБУВ. V, 2235.

Варнеке Б.В. Письмо Э.Р. фон Штерну. [16 февраля] 1910 г. Из Казани в Одессу. 1 л. // ИР НБУВ. V, 2236.

Варнеке Б.В. Письмо Э.Р. фон Штерну. 9 марта 1910 г. Из Казани в Одессу. 2 л. // ИР НБУВ. V, 2237.

Варнеке Б.В. Письмо Э.Р. фон Штерну. 11 марта 1910 г. Из Казани в Одессу. 2 л. // ИР НБУВ. V, 2238.

Варнеке Б.В. Письма Ф.И. Успенскому. 1908–1926 гг. 8 п. 13 л. // СПФ АРАН. Ф. 116. Оп. 2. Д. 59.

Дело о службе Бориса Васильевича Варнеке // Государственный архив Одесской области. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1152.

Библиографический список научных трудов профессора Б.В.Варнеке. 1889—1924. XXXV. — Одесса: Одесполиграф, 1925 — 16 с.

Варнеке Б.В. Очерки из истории древнеримского театра. — СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1903. — VII, 235 с. (Записки Историко-филологического факультета Имп. Петербургского университета. — Ч. 69).

Варнеке Б.В. Наблюдения над древнеримской комедией. К истории типов. Казань: типо-литогр. Имп. ун-та, 1905. — V, 318, 2 с. (первоначально опубл.: Ученые записи Казанского университета. — 1905. — №. 9. — Отд. наук. — С. 1-176; — № 10. —С. 177-320).

Варнеке Б.В. Материалы для биографии Н.П. Кондакова / Публикация И.В. Тункиной // Диаспора: Новые материалы. — Париж; СПб.: Athenaeum-Феникс, 2002. — Вып. 4. — С. 72–152.

Варнеке Б.В. А.Л. Бертье-Делагард / Публикация И.В. Тункиной // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры: Альманах. Т. 1 / Международный институт античного мира им. Г.М. Бонгард-Левина; Отв. ред. д.и.н. М.Д. Бухарин. — М.: Собрание, 2011. —С. 467–493.

Варнеке Б.В. Старые филологи / Публикация И.В. Тункиной // ВДИ. — 2013. — № 3. — С. 191–201; № 4. — С. 123–155; 2014. — № 1. — С. 144–178.

Ізбаш-Гоцкан Т.О., Тункіна І.И. Варнеке Борис Васильович 1874–1944 // Одеські історики. Енциклопедичне видання. Т. 1 (початок XIX – середина XX ст.). — Одеса: Друкарський дім, 2009. — С. 87–88.

Ростовцев М.И. Эллинство и иранство на юге России. — Пг.: Огни, 1918. — 197 с.

Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. — Л.: РАИМК, 1925. — 627 с.

Тункина И.В. Новые материалы к биографии профессора Б.В. Варнеке // Древнее Причерноморье: III чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Тез. докл. юбилейн. конф. 12-14 марта 1996 г. / Отв. ред. В.Н. Станко. — Одесса: б.и., 1996. — С. 109–110.

Тункина И.В. М.И. Ростовцев и Российская академия наук // Скифский роман / Под ред. акад. Г.М. Бонгард-Левина. — М.: РОССПЭН, 1997. — С. 84–123.

Тункина И.В. Борис Васильевич Варнеке: Страницы биографии // Античный мир. Проблемы истории и культуры. Сборник научных статей. К 65-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова / СПбГУ; Под ред. И.Я. Фроянова. — СПб.: изд-во СПбГУ, 1998. — С. 441–452.

Тункина И.В. Н.П. Кондаков по неизданным воспоминаниям Б.В. Варнеке. 1917–1920 годы // Никодим Павлович Кондаков, 1844–1925. Личность, научное наследие, архив. К 150-летию со дня рождения / Государственный Русский музей. — [СПб.]: Palace Editions, 2001. — С. 56–62.

Тункина И.В. Из научного наследия: Записка о присуждении ученых степеней С.А. Жебелёва: Предисловие публикатора. *С.А. Жебелёв*. Ученые степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем // Очерки истории отечественной археологии / Ин-т археологии РАН; Отв. ред. И.С. Каменецкий, А.А. Формозов. — М.: Наука, 2002. — Вып. 3. — С. 142–194.

Тункина И.В. Б.В. Варнеке и его воспоминания об ученых // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры: Альманах. Т. 1 / Международный институт античного мира им. Г.М. Бонгард-Левина; Отв. ред. д.и.н. М.Д. Бухарин. — М.: Собрание, 2011. — С. 435–466.

Тункина И.В. Русское и немецкое антиковедение рубежа XIX-XX вв. глазами Б.В. Варнеке // ВДИ. — 2013. — № 3. — С. 182–190.

І.В. Тункіна

ДО БІОГРАФІЇ ПРОФЕСОРА БОРИСА ВАСИЛЬОВИЧА ВАРНЕКЕ: НОВІ АРХІВНІ МАТЕРІАЛИ

Вперше друкується автобіографія вченого, спеціалісті в галузі латини, ординарного професора Казанського університету Бориса Васильовича Варнеке (1874-1944). Документи були надіслані Ернсту фон Штерну в Одесу у зв`язку з баллотуванням на посаду ординарного професора Новоросійського університету.

Ключові слова: Б.В. Варнеке, біографія, автобіографія, Новоросійський університет.

I.V. Tunkina

TO THE BIOGRAPHY OF PROFESSOR BORIS VASIL'EVICH WARNEKE: NEW ARCHIVAL DATA

The author for the first time publishes autobiography of the scholar, specialist in Latin studies, ordinary professor of Kazan University Boris Vasil'evich Warneke (1874–1944). The document was sent to Ernst von Stern in Odessa in connection with the ballot vote (election) for the position of an ordinary professor of Novorossiisky University.

Keywords: B.V. Varneke, biography, autobiography, Novorossisky university.

Одержано 21.09.2014

УДК [929:902] (091) (477.72)

Н.М. Гаркуша

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С.И. ГАЙДУЧЕНКО (К ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ХЕРСОНСКОЙ ГУБЕРНИИ)[1]

Излагаются основные вехи жизни и деятельности члена-корреспондента Одесского общества истории и древностей С.И. Гайдученко. Особое внимание уделено его археологическим исследованиям.

Ключевые слова: археология, курганы, Ольвия, музей.

Среди знаменательных дат 2014 г. следует вспомнить 175-летие со времени основания Одесского общества истории и древностей [Тункина, с. 256]. Во второй половине XIX – начале XX вв. действительные члены и члены-корреспонденты общества сыграли важную роль в изучении археологических памятников Северного Причерноморья.

Деятельность одного из них – Сергея Ивановича Гайдученко (1866-1922) (рис. 1) юриста, гласного городской Думы, члена правления николаевского отделения культурологической организации «Просвита», археолога-любителя, заведующего Николаевского естественно-исторического (с 1920 г. – историко-археологического) музея стала темой нашего исследования [Гаркуша, 2006, с. 291-293; Гаврилов, Гаркуша, с.17-18].

Рис. 1. Сергей Иванович Гайдученко

1. Публикация посвящена доброй памяти неутомимого исследователя Ольвии В.В. Крапивиной. С Валентиной Владимировной мы познакомились осенью 1995 г. в период работы первой Николаевской областной научно-краеведческой конференции. С тех пор она неоднократно становилась научным консультантом при создании археологических выставок на базе Николаевского областного краеведческого музея. В моей памяти она навсегда останется доброжелательным, открытым, готовым к общению человеком и замечательным специалистом в области античной археологии.

© Н.М. ГАРКУША, 2015

Родился С.И. Гайдученко 1 октября (по ст. стилю) 1866 г. в Полтаве, в семье мещан [Добровольская, с. 14; Гаркуша, Сухов, с. 95]. Закончив гимназию, юноша уехал в Одессу и поступил на юридический факультет Новороссийского университета. В студенческие годы он не только много времени проводил в читальном зале университетской библиотеки, готовясь к семинарским занятиям и экзаменам, но и с удовольствием посещал публичные лекции, проводимые членами Одесского общества истории и древностей. Любил бывать в археологическом музее. Полный университетский курс он окончил летом 1891 г., профессиональную деятельность по ведомству Министерства юстиции начал в сентябре того же года [Формулярный список, с. 33].

В течение первых десяти лет службы занимал разные должности при Одесском, Тираспольском и Херсонском уездных судах [Формулярный список, с. 35-37]. Пребывая в населенных пунктах Херсонской губернии, всегда интересовался историей этих мест, собирал сведения о случайных археологических находках, о раскопках степных курганов. Об этом С.И. Гайдученко сообщал Одесскому обществу истории и древностей, и в марте 1901 г. на заседании Общества был избран его членом-корреспондентом с правом получения открытого листа от ИАК и разрешением вести археологические раскопки на территории Херсонской губернии [Ковалева, Чистов, с. 159; удостоверение, с. 1] (рис. 2).

В октябре 1901 г. после завершения полевых сельскохозяйственных работ С.И. Гайдученко нанял крестьян и произвел раскопки курганов, тянувшихся по гребню перевала, образуемого реками Куцый Еланец и Южный Буг. В группу входило 10 курганов. Большая часть из них сохранила малые насыпи. Курганы были тщательно исследованы траншейным способом, но все они оказались ограбленными древними и современными кладоискателями. Из «народной молвы» С.И. Гайдученко узнал, что на крестьянской земле близ с. Ново-Петровское Новобугской волости кем-то разрыто древнее погребение. Об этом он доложил земскому начальству. У крестьян изьяли фрагментированный каменный молоток, кремневые стрелу и нож, восемь

ВЪ БЛАГОПОЛУЧНОЕ ЦАРСТВОВАНІЕ
ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШАГО ДЕРЖАВНѢЙШАГО
ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ
НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА
ИМПЕРАТОРА И САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ОДЕССКОЕ ОБЩЕСТВО ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ
СЕРГѢЯ ИВАНОВИЧА ГАЙДУЧЕНКО,
Одесса. Октября 1901 года.

Рис. 2. Удостоверение С.И. Гайдученко — члена -корреспондента ООИД

бронзовых стрелок, фрагмент бронзового котла и еще несколько мелких предметов. Самой важной находкой был миниатюрный золотой сосуд в виде «тыквы» с подвесками-цепочками, они крепились к фигуркам петушков, крылья и глаза которых были покрыты голубой эмалью. Эту находку у крестьян пришлось купить за 50 рублей. Вещи предлагалось передать Херсонскому или Одесскому музеям [Сообщение, с. 1-4]. Следует заметить, что даже поверхностное описание находок дает возможность предполагать, что часть из них происходила из богатого скифского погребения (рис. 3).

В 1902 г. С.И. Гайдученко отправил в ИАК отчет о своих изысканиях на землях, принадлежавших помещице Л.И. Курис «Мне удалось произвести раскопки в имении Курисово-Покровское Одесского уезда на реке Тилигул. Здесь имелось два ряда небольших курганных насыпей. Я раскопал 6 курганов в одном ряду, все они оказались ранее разрытыми. Второй ряд курганов начинался с большой насыпи. В этом кургане открыто женское погребение, в нем найдено глиняное пряслице с остатками деревянного веретена. В малых курганах были раскрыты безинвентарные погребения» [Сообщение, с.3].

В 1903 г. С.И. Гайдученко также сделал заявку на открытый лист для археологических изысканий. В фондах Николаевского областного краеведческого музея хранится письмо члена ИАК, исследователя Ольвии Бориса Владимировича Фармаковского к С.И. Гайдученко. Вот что он пишет: «Многоуважаемый Сергей Иванович! Очень отрадно было мне получить от Вас письмо, и я Вам очень благодарен за память и за любезную присылку фотографии и новых находок в Херсонской губернии. Вашу просьбу относительно открытого листа я исполнил. Вам разрешено выдать лист на 1903 г. При раскопках, пожалуйста, ведите самый подробный дневник. Если даже вещей не будет, то очень важно знать устройство кургана и все детали совершенного в нем погребения…» [Письмо, с. 1-3]. Этот совет

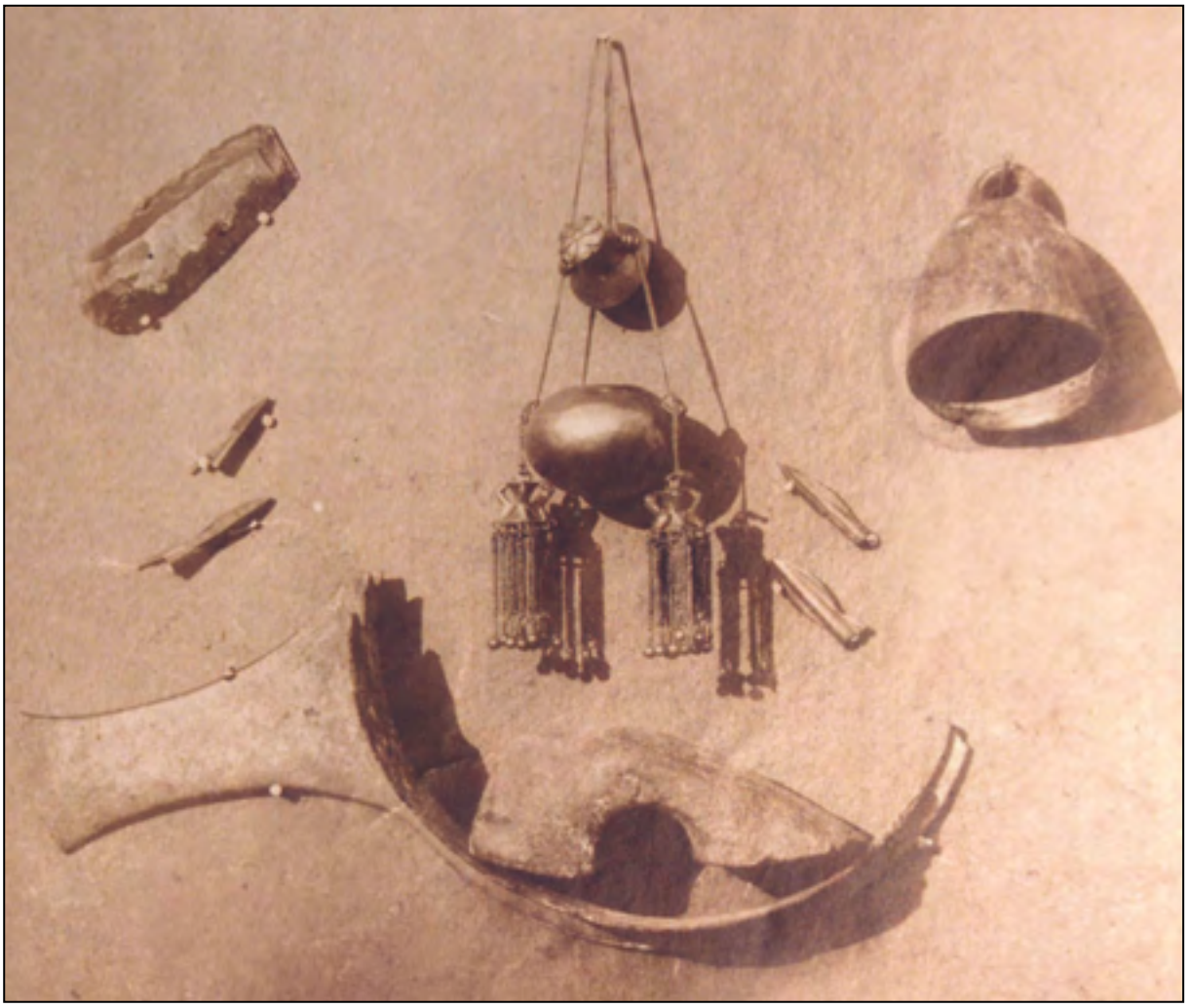


Рис. 3. Находки из кургана близ села Ново-Петровское Новобугской волости

опытного археолога Сергей Иванович всегда аккуратно выполнял, вел полевой дневник, описывал устройство погребальных сооружений, фиксировал находки.

В разные годы С.И. Гайдученко проводил раскопки на территории Елисаветградского, Одесского уездов, в Гурьевской волости и других местах Херсонской губернии. Бывая по служебным делам в сельской местности, он стремился разъяснить населению бесплодность кладоискательства и важность изучения курганов специалистами с целью восстановить картину освоения причерноморских степей древними народами.

Возвратимся к профессиональной и общественной деятельности С.И. Гайдученко. 12 июня 1904 г. он был назначен городским судьей первого участка г. Николаева. 14 февраля 1905 г. избран гласным городской Думы (избирался до 1920 г.). С.И. Гайдученко входил в состав многочисленных комиссий: по благоустройству города, вопросам торговли и промышленности, в состав училищной комиссии, в попечительские советы городской больницы и Второй женской гимназии [Формулярный список, с. 4].

Увлечение историей и культурой Украины привело его в общественную организацию «Просвита». Такие организации существовали во Львове, Киеве, Екатеринославе, Одессе и других городах. 25 февраля 1907 г. состоялось торжественное открытие «Просвиты» в Николаеве. В состав организации вошло около 150 человек. Председателем был избран историк, этнограф, композитор Н.Н. Аркас, секретарем – Е.П. Литвин, в состав правления вошли художник Е.М. Маковский и юрист С.И. Гайдученко. Общество проводило литературно-музыкальные вечера, чтения, концерты и спектакли силами участников драмкружка и вокальной группы. С.И. Гайдученко часто бывал организатором и распорядителем на таких мероприятиях [Программы, д-2, 7, 20, 42]. Так 25 марта 1911 г. состоялся вечер, посвященный 50-летию со дня смерти Т.Г. Шевченко. Первым номером насыщенной программы был прочитанный С.И. Гайдученко доклад о жизни и творчестве великого украинского поэта [Программы, д-42]. Затем показали первую часть драмы «Назар Стодоля» и четвертое действие пьесы «Невольник». В состав правления «Просвиты» С.И. Гайдученко входил до 1922 г.

С 1913 г. одной из важнейших забот гласного городской Думы С.И. Гайдученко, станет создание естественно-исторического музея. 12 февраля 1913 г. его избрали председателем комиссии по организации музея [Дело городского…, с. 18]. Необходимо было решить вопрос о помещении, заказать специальное оборудование – остекленные шкафы-витрины, перевезти природоведческую коллекцию Э.П. Францова, ставшую основой музея. Эти вопросы были решены до конца ноября. В декабре на заседании Думы С.И. Гайдученко доложил, что историческую часть музея еще нужно формировать, предложил оповестить население через местные газеты, что музею требуются старинные бытовые предметы, документы, монеты, модели кораблей и другие вещи [Гаркуша, 2004, с. 39; Гаркуша, 2014, с. 147]. Сергей Иванович решил личным примером простимулировать действия горожан по формированию музейного собрания. Он подарил музею образцы холодного и огнестрельного оружия: скифский меч, турецкие ятаганы, шашку казацкую, два саперных тесака, пистолет и винтовку XIX в. Передал купленные у парутинских крестьян две древнегреческие амфоры, несколько документов XVIII в., монеты, живописный портрет гетмана Ивана Самойловича [Книга поступлений…, с. 7-8]. Гласные Думы, горожане последовали примеру председателя музейной комиссии и еще до официального открытия музея (15 декабря 1913 г.) принесли ему многочисленные дары [Гаврилов, Гаркуша, с. 17-18; Гаркуша, 2014, с. 149].

Продолжал С.И. Гайдученко и археологические исследования, так 18 марта 1916 г. в своем докладе в ИАК он уже не просто, как археолог-любитель, но и как председатель музейной комиссии, фактический заведующий естественно-историческим музеем г. Николаева, сообщал: «Проживая на даче несколько последних лет в с. Матвеевка Гурьевской волости, верстах в 8-ми от Николаева, я обратил внимание на ряд курганов разной величины, расположенных на матвеевской степи почти вдоль почтовой дороги, ведущей из Николаева в Вознесенск. Здесь на поле крестьянина Дмитрия Петруханя стоит большой курган, от него 2 небольших, затем еще несколько, всего их 7» [Гаркуша, 2006, с. 292] (рис. 4).

Осмотрев местность, Сергей Иванович решил призвести раскопки. 20 сентября 1915 г. он нанял 11 крестьян в качестве землекопов, возницу с парой лошадей и фургоном для перевозки людей и доставки обеда. На следующий день в 6 часов утра приступили к работам. На кургане № 1 была заложена центральная траншея шириной 1,5 сажени направлением юг-север, через весь курган. В траншее на расстоянии 3,5 саж. от центра была обнаружена известняковая плита неправильной формы, в южной части кургана расчищено 5 погребений. В одном из них близ скорченного костяка найден небольшой глиняный горшок и костяное овальной формы кольцо с большим центральным и малым боковым отверстиями. В ограбленном погребении № 5 нашли 2 истлевших человеческих

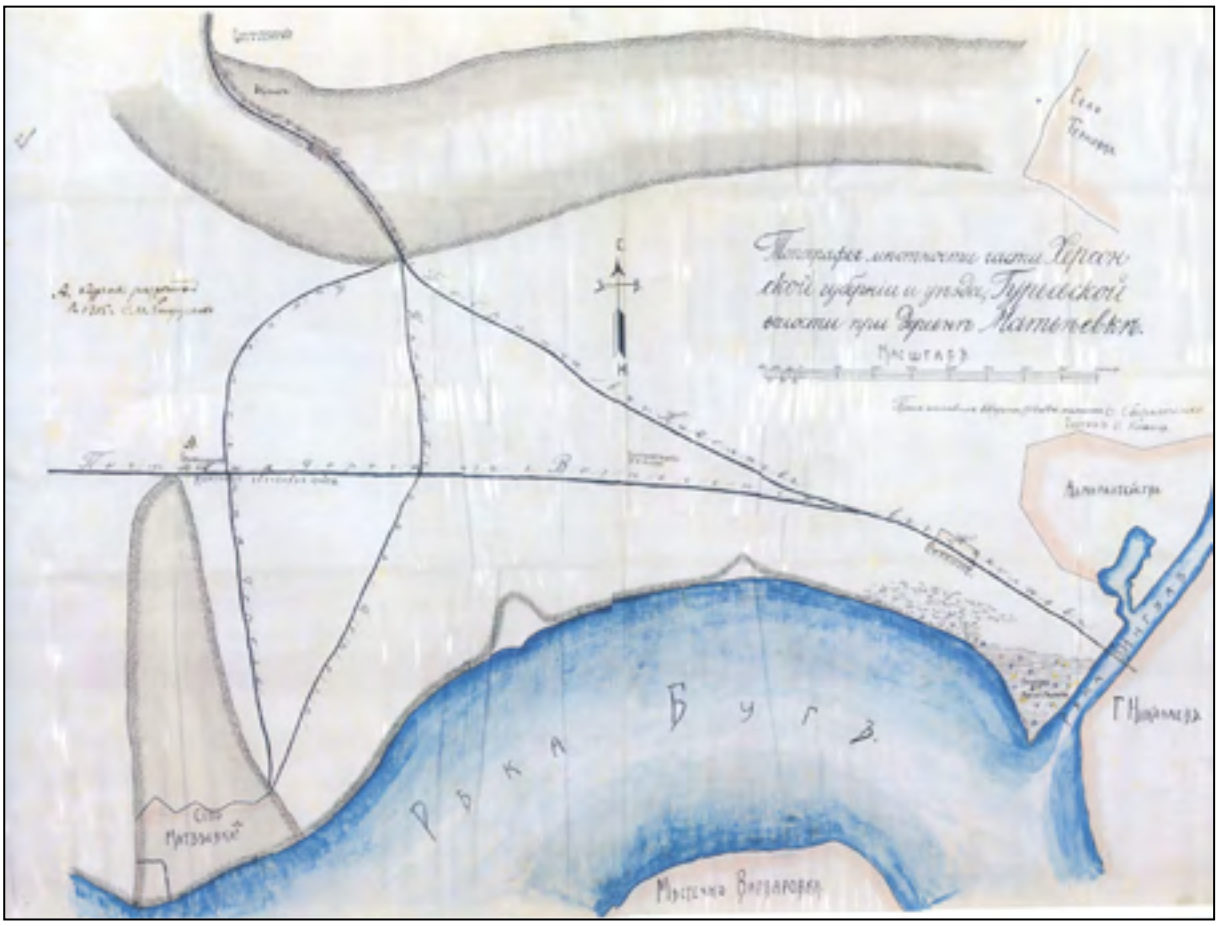


Рис. 4. Топографический план местности близ с. Матвеевка Гурьевской волости

черепа и небольшой цилиндрической формы сосуд из глины серого цвета» [Доклад…, с. 5.].

Далее Гайдученко сообщает, что из-за выпавшего 14 ноября сильного снега работы пришлось прекратить. В ИАК отправлен полевой дневник, фотографии раскопов и находок. Сами же находки археолог просит оставить в Николаевском естественно-историческом музее, на средства которого велись раскопки.

В августе 1916 г. С.И. Гайдученко получил сведения о том, что близ с. Баловное Гурьевской волости на земле крестьянина Георгия Соловья хозяин и сын местного священника студент Владимир Оратовский раскопали курган, они нашли железный наконечник копья, нож, несколько пряжек и два стремени, все вещи отдали музею .

9 октября 1916 г. С.И. Гайдученко отчитался перед членами музейной комиссии о поездке в с. Воссиятское Елисаветградского уезда. На склоне реки Громоклеи на землях крестьянина Власенко местные жители разрыли курган, найденные предметы: глиняные горшки, остатки меча, как не имеющие материальной ценности находки, выбросили [Протоколы…, с. 17].

Летом 1920 г. произошло событие, определившее дальнейшую судьбу городского естественно-исторического музея. С.И. Гайдученко всё время напоминал городским властям о печальном состоянии Ольвии, в связи с этим по инициативе Губернского отделения политпросвета была организована экспедиция под руководством заведующего музейной секцией С.А.Семёнова. Следует заметить, что в настоящее время специалисты по-разному оценивают результаты работы этой экспедиции, сравнивают её с той, которую в 1901 – 1915 годах возглавлял ведущий специалист в области полевых исследований античных городищ Б.В. Фармаковский. Его экспедиция была первой стационарной, она определила границы древней Ольвии, планировку городища и некрополя, изучала оборонительные сооружения. Замечательные археологические находки увозились в Петербург и хранились в Эрмитаже [Фармаковская, 1988, с. 4]. Однако войны и революции изменили политическую и экономическую ситуацию в стране. На археологические изыскания денег не было, петербургские учёные не имели возможности приехать в Николаев и Парутино. Этим обстоятельством воспользовались «счастлив-

чики» –кладоискатели, они разбирали кладки открытых древних построек и уцелевших склепов, варварски «крутили могилы» и продавали найденные предметы. Поэтому николаевские власти приняли единственно верное по тому времени решение, профинансировали работу экспедиции С.А. Семёнова. Молодой исследователь недостаточно владел научной методикой раскопок, но поставленные перед экспедицией задачи были выполнены.

Работы велись с 11 июня по 10 сентября – на территории городища, на некрополе копали до 1 октября. С.И.Гайдученко с 24 мая по 1 июня в Парутино занимался подготовкой необходимого инвентаря, в Николаеве на бирже труда нанял группу женщин, которые на территории ольвийского городища снимали верхний слой дёрна, готовили площадки под поквадратную разметку. С 11 по 27 июля С.И. Гайдученко руководил работами на территории некрополя [Дневник…, с. 10].

Документ из фондов ГАНО рассказывает о том, как велись работы на городище. «Была обнаружена южная стена большого помещения, колонны, мостовая, водосточные каналы, колодец и начало стен целого ряда домов. В семи слоях обнаружены обломки посуды, много хорошо сохранившейся керамики, бусы, монеты. Предметы раскопок относятся к времени, начиная с VI века до Р.Х. и заканчивая II в. н.э.». По окончанию работ была составлена «Перечневая опись предметам древности…», она содержит интересные сведения о тех вещах, которые стали музейными экспонатами. Так из погребения (№1) богатой ольвиополитки происходят два серебряных браслета и пара золотых серег с подвесками, бусы из гагата, янтаря и горного хрусталя, амулеты из египетского фаянса (скарабей и амфорка), застёжки-фибулы, диск бронзового зеркала, всего 64 предмета.

В захоронении №126 нашли мегарскую чашу с граффити, два глиняных бальзамария, алабастр, два светильника, медную монету. Всего исследовали 164 погребения.

Общее количество находок – 1634 предмета, из них с территории городища – 661, с некрополя – 973. [Перечневая опись…, с. 1-6].

У парутинских крестьян купили мраморную голову Диониса, кувшин с изображением музыкальных инструментов (изделие датируется III – II вв. до н.э.) (рис. 5), образцы архитектурной терракоты, сероглиняную флягу, надгробную стелу из белого мрамора с надписью: «Аркефон, сын Кефисодота, афинянин» [Надписи…, с. 132; Гаркуша, 2003, с. 48]. Все находки были доставлены в Николаев, экспонировались на выставке в реальном училище, а затем вошли в ольвийскую коллекцию естественно-исторического музея. Это окончательно определило необходимость разделения природоведческой и исторической частей музейного собрания, так как арендуемое здание, в котором музей размещался с 1913 г., было небольшим по площади.

В декабре 1920 г. музей был разделен на два: музей природы и историко-археологический. Последний возглавлял С.И. Гайдученко.

В начале лета 1921 г. С.И. Гайдученко побывал в Ольвии, просил членов Парутинского волревкома организовать охрану древнего городища, территория которого правительством Украины была национализирована [Крапівіна, с. 5-6].

14 июля газета «Красный Николаев» в заметке «В сказочной Ольвии» сообщала: «Военполиткурсами была предпринята научная экскурсия на пароходе «Сокол» в с. Парутино, где в прошлом году производились удачные раскопки тов. Семеновым. Благодаря участию завмузеем тов. Гайдученко, знатоком Ольвии, прежде принимавшему участие в раскопках с профессором Б.В. Фармаковским, удалось оживить экскурсию рядом ценных

Рис. 5. Лагинос. Ольвия, 1920 г.

указаний и пояснений». Карандашная запись на поле газеты уточняет: «Два часа лекция на пароходе и четыре с половиной часа - экскурсия в нижнем городе, акрополе и некрополе». Что касается участия С.И. Гайдученко в работе экспедиции Б.В. Фармаковского, то документальных свидетельств нами не выявлено. Факт их знакомства не позднее 1902 г. подтверждается процитированным нами письмом от 6 марта 1903 г.

13 сентября 1921 г. в протоколе заседаний музейной комиссии записано: «Принято постановление об охране древнегреческого города Ольвия. С.И. Гайдученко возбудил ходатайство об оставлении в Николаевском историко-археологическом музее всех ольвийских находок, тех, что будут найдены» [Протоколы заседаний…, с. 21]. Настаивал он также на необходимости передачи в Николаев из других музеев ольвийских древностей, так как «это позволит иметь лучшее представление о жизни и культуре греков».

Документы личного фонда С.И. Гайдученко в собрании ГАНО, материалы канцелярии Николаевского градоначальника, фонда организации «Просвита» свидетельствует о многогранной общественной деятельности, высоком профессионализме, роли в создании городского музея. В бурные годы революций и гражданской войны С.И.Гайдученко и члены музейной комиссии смогли не только полностью сохранить музейное собрание от разграбления, но и постоянно его пополняли.

С.И. Гайдученко умер 18 сентября 1922 г., похоронен на православном кладбище. В 1964 г. по инициативе и на средства Николаевского областного краеведческого музея, на его могиле был установлен скромный памятник.

Исследования проводимые С.И. Гайдученко на территории Херсонской губернии в начале XX столетия способствовали изучению древней истории этого региона и формированию коллекции Николаевского естественно-исторического, затем историко-археологического (ныне – областного краеведческого) музея.

Гаврилов И.В., Гаркуша Н.М. Николаевский естественно–исторический музей, как центр просветительской работы по краеведению (1913–1941) // Музейний часопис. – Миколаїв, 2003. –С. 17–22.

Гаркуша Н.М. Из истории формирования ольвийской коллекции Николаевского краеведческого музея // Музейний часопис. – Миколаїв, 2003. – С. 47–49.

Гаркуша Н.М. История городского естественно–исторического музея на страницах «Николаевской газеты» // V Миколаївська обласна краєзнавча конференція. Історія. Етнографія. Культура. Нові дослідження. – Миколаїв, 2004. – С. 38–41.

Гаркуша Н.М. Личный фонд С.И. Гайдученко в собрании ГАНО // VI Миколаївська обласна краєзнавча конференція. Історія. Етнографія. Культура. Нові дослідження. – Миколаїв, 2006. – С. 291–293.

Гаркуша Н., Сухов С. Гайдученко Сергей Иванович // Николаевцы. 1789–1999. Энциклопедический словарь. – Николаев, 1999. – С. 95–96.

Гаркуша Н.М. Николаевский городской естественно–исторический музей 1913–1920 // Українознавчий вимір у сучасній науці: гуманітарний аспект. Матеріали II Всеукраїнської науково–практичної конференції молодих вчених. 4 червня 2014 р. – Миколаїв. – С. 144–173.

Дело городского общественного управления с перепиской о принятии в дар музея Э.П. Францова // НОКМ. Д–23209 (1–129).

Дневник работы сотрудников Николаевского археологического музея // ГАНО, ф. 470, оп. 1, ед. хр. 10.

Добровольская А.Г. Первый директор музея Гайдученко С.И. // Музейний часопис. – Миколаїв, 2003. – С. 14–15.

Доклад председателя Николаевской городской музейной комиссии в ИАК // ГАНО, ф. 470, оп. 1., ед. хр. 5, с. 5.

Книга поступлений и приобретений экспонатов Николаевским городским музеем (1914–1915) // НОКМ, Д–24917.

Крапівіна В.В. Розвиток справи охорони Ольвії та її зв'язок з археологічними дослідженнями // Ольвія та античний світ. – К., 2001. – С. 5–8.

Ковалева О.Ф., Чистов В.П. Гайдученко С.И. Очерки истории и культуры Южного Прибужья (от истоков до начала XX в.). – Кн. 3. – Николаев, 2002. – С. 159–160.

Надписи Ольвии (1917–1965). – Ленинград, 1968. – 132 с.

Перечневая опись предметам древности, доставленным С.А. Семеновым из раскопок Ольвии в 1920 г. // НОКМ, Д–27007.

Письмо Б.В. Фармаковского С.И. Гайдученко от 6.03. 1903 // НОКМ, Д–1983.

Программы литературно–музыкальных вечеров и спектаклей общества «Просвита» // ГАНО, ф. 206, оп. 1, д. 2,7, 20, 42.

Протоколы заседаний музейной комиссии // НОКМ, Д–24028.

Протоколы заседаний музейного совета // ГАНО. ф. Р–99, оп. 1., ед. хр. 752. – С. 21.

Сообщение С.И. Гайдученко в Одесское общество истории и древностей, 1902 // ГАНО, ф. 470, оп. 1, ед. хр. 4, с. 3.

Тункина И.В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII– сер. XIX в.). – СПб, 2002. – 675 с.

Удостоверение С.И. Гайдученко, члена–корреспондента ООИД // ГАНО, ф. 470, оп. 1, ед. хр. 1, с. 1.

Фармаковская Т.И. Борис Владимирович Фармаковский. – К., 1988. – 216 с.

Формулярный список гласного Николаевской городской Думы С.И. Гайдученко // ГАНО, ф. 282, оп. 1, ед. хр. 6. с. 31–37.

Н.М. Гаркуша

ДІЯЛЬНІСТЬ С.І. ГАЙДУЧЕНКА (ДО ІСТОРІЇ АРХЕОЛОГІЧНИХ ДОСЛІДЖЕНЬ В ХЕРСОНСЬКІЙ ГУБЕРНІЇ)

С.І. Гайдученко (1866-1922) – юрист, громадський діяч, член-кореспондент Одеського товариства історії та старожитностей з 1901 р. проводив розкопки степових курганів на території Херсонської губернії. В лютому 1913 р. його обрали головою комісії по створенню Миколаївського природньо-історичного (нині – обласного краєзнавчого) музею. Він сприяв росту археологічної та історичної частин музейного зібрання. В 1920 р. приймав активну участь в роботі експедиції С.А. Семенова, що досліджувала територію Ольвії та її некрополя. Всі знахідки надійшли до колекції музею в Миколаєві. Діяльність С.І. Гайдученка сприяла розвитку музейної справи, археологічних досліджень та охороні історичних пам'ятників Північного Причорномор'я.

Ключові слова: С.І. Гайдученко, Ольвія, Миколаїв, колекція музею.

N.M. Garkusha

AN ACTIVITY OF S.I. GAIDYCHENKO (TO THE HISTORY OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCHES AT THE KHERSON PROVINCE)

S.I. Gaidychenko (1866-1922) was a lawyer and a public figure, corresponding member of the Odessa Society of History and Antiquities. From 1901 he had carried an excavations of steppe barrows at the Kherson province. In February 1913 he was elected as chairman of the committee of Mykolayiv natural-historical (now - Regional Local History) Museum. He contributed to the growth of archaeological and historical parts of museum collection. In 1920 he took an active part at the expedition of S.A. Semenov, who explored the territory of Olbia and its necropolis. All finds had come to the museum's collection at Nikolaev. An activity of S.I. Gaidychenko facilitated the development of museums, archaeological researches and protection of historical sites of Northern Black Sea region.

Keywords: S.I. Gaiduchenko, Olbio, Mykolayiv, museum`s collectiom.

Одержано 14.11.2014

УДК [929:902] (477.7)

О.Г. Кузьміщев

Е.Р. ФОН ШТЕРН – ДОСЛІДНИК АНТИЧНОЇ АРХЕОЛОГІЇ ПІВНІЧНОГО ПРИЧОРНОМОР'Я (кін. XIX - поч. XX ст.)

У статті розглядається наукова діяльність відомого вченого-антикознавця кінця XIX – початку XX ст. Ернста Романовича фон Штерна (1859-1924), подається його наукова біографія.

Ключові слова: персоналія, Е.Р. фон Штерн, історія археології, Північне Причорномор'я.

Предметне вивчення історії археологічних досліджень останнім часом набуває все більшого значення. Створюються фундаментальні аналітичні праці як з історії археології взагалі [Лебедев 1992; Платонова 2010; Клейн, 2011], так і з історії дослідження окремих археологічних пам'яток, регіонів або цілих історико-культурних періодів [Тункина 2002; 2013; Сапожников 2002; Зубарь 2009], а також з історії розвитку археології в конкретних наукових установах, музеях, університетах [Тихонов 2003; Білас 2004; Пивоваров 2009; Охотников 2010; Ситник 2012].

Кінець XIX – початок XX ст. в Російській імперії був часом становлення античної археології на наукових засадах. Однією з особистостей, яка в ту пору стояла біля витоків і розвитку цієї наукової дисципліни був вчений-археолог, історик і філолог Ернст Романович фон Штерн (1859-1924) (Рис. 1). У 2014 р. виповнюється 90 років з дня смерті цього талановитого дослідника. Скромним внеском визнання багатогранних здобутків Е.Р. фон Штерна у науці, будемо сподіватися, послужить ця стаття.

© О.Г. КУЗЬМІЩЕВ, 2015

Рис. 1. Ернст Романович фон Штерн – ректор Галле-Віттенбергського університету. (Universitätsarchiv Neg.-Nr. V29913)

Дослідницькі роботи, присвячені особистості Е.Р. фон Штерна і його ролі в становленні вітчизняної історико-археологічної науки, можна умовно розділити на чотири періоди. До першого періоду (початок XX ст.) відноситься серія прижиттєвих публікацій та робіт, в яких подано першу характеристику наукових праць Е.Р. Штерна [Жебелев, 1901] та йдеться про перші підсумки його наукової діяльності [Προπεμπτηρία, 1912, с. 7-10].

Для другого періоду (двадцяті роки XX ст.) характерне стисле, але, в більшості своїй, всебічне біографічне дослідження життя вченого. Найповніше воно представлено у спеціальних роботах історика античності, філолога-класика Д.П. Шестакова [Шестаков, 1925; 1926]. Третій період (перша половина 1950-х – 1980 рр.) починається зі згадок про роль Е.Р. Штерна в археологічних дослідженнях Північно-Західного Причорномор'я. Для початку цього періоду характерно ще стисле та обережне описання діяльності Е.Р. Штерна, в першу чергу, в рамках історії досліджень Північно-Західного Причорномор'я. Проте і це слід вважати певним досягненням, враховуючи більш ніж двадцятирічне попереднє замовчування імені цього вченого в історіографії. В цей період досягнення Е.Р. Штерна в античній археології, на прикладі дослідження пам'ятки на острові Березань, найкраще представлені В.В. Лапіним [Лапин, 1966].

Для четвертого періоду (1989 р. – по теперішній час) характерна поява значної кількості публікацій, присвячених як окремим аспектам наукової діяльності вченого (археологічному, історичному, епіграфічному), так і непересічній особистості Е.Р. Штерна в цілому. Цей період був започаткований публікацією В.П. Ванчугова, присвяченій ролі Е.Р. Штерна в становленні та діяльності Одеського Товариства історії та старожитностей [Ванчугов, 1989]. Загальна біографія Е.Р. Штерна була створена працями Е.Г. Плесської-Зебольд, [Плесская-Зебольд, 1999], В.П. Ванчуговим [Ванчугов, 2004], Е.Д. Фроловим, [Фролов, 2001] Т.О. Ізбаш і Л.В. Новіковою [Ізбаш, Новікова, 2005].

Серед окремих аспектів життя вченого розглядалися такі грані його наукової діяльності як Штерн-епіграфіст [Березин, 2003; Русяева, 2004; 2010, с. 6-7], Штерн-педагог [Березин, 2006], наукова діяльність Е. Р. Штерна в одеський період його життя [Хойслер, 1996; Кузьмищев, 2013]. Представлена також роль Е.Р. Штерна як археолога, першого дослідника античної Тіри [Клейман, 1997; Кузьмищев, 2013а], ініціатора планомірних розкопок на о. Березань [Кузьмищев, 2012], дослідника Трипільської культури (поселення Петрени) [Ляшко, 2004]. Найважливішим джерелом для вивчення наукової біографії Е.Р. Штерна, крім публікацій про цього вченого, є також архівні матеріали. Найкраще вони представлені в Інституті рукопису Національної бібліотеки України ім. В.І. Вернадського НАНУ (ф. 5 «Одеське товариство історії та старожитностей»), Державному архіві Одеської області (ф. 45 «Новоросійський університет»), Науковому архіві Одеського Археологічного Музею НАН України (інв. №№ 59308-59313).

Ернст-Валльфрід фон Штерн, або, як пізніше називали його в російському середовищі, Ернст Романович фон Штерн, народився 25 червня 1859 року в м. Зейерсгоф (Руєн) Вольмарського повіту Ліфляндської губернії [ДАОО, ф. 52, оп. 2, сп. 240, л. 1, об., 2; Дложевский, 1925, с. 100]. Його батько – Роберт Микола Штерн (1811-1868) закінчив Дерптський університет, був орендарем кількох маєтків [Hausmann, 1998, s. 310]. У 1877 р. Е.Р. Штерн закінчив із золотою медаллю Дерптську гімназію і з 1877 по 1880 рр., завдячуючи стипендії Міністерства народної освіти Російської Імперії, навчався на Російському філологічному семінарі з класичної філології при Лейпцігському університеті [Шестаков, 1925, с. 147; 1926, с. 22].

Пізніше, в 1880-1883 рр. Е.Р. Штерн був прикомандирований до Дерптського університету для підготовки до магістерського звання [Ізбаш, Новікова, 2005, с. 442]. Там же він захистив дві дисертації: магістерську в 1883 р., присвячену змові Катіліни [Stern, 1883], і докторську в 1884 р., про спартофіванське протистояння в першій половині IV ст. до н.е. [Stern, 1884]. Наприкінці 1884 р. Е.Р. Штерн був запрошений до Одеси, в Новоросійський університет на місце приват-доцента кафедри класичної філології. Через два роки, в 1886 р., 27-річний вчений затверджується на посаді екстраординарного, а потім, в 1888 р., ординарного професора цього університету [Плесская-Зебольд, 1999, с. 281; Ванчугов, 2004, с. 7].

З січня 1893 р. Е.Р. Штерн обіймав посаду секретаря історико-філологічного факультету Новоросійського університету, а з вересня 1905 р. став його деканом [Ізбаш, Новікова, 2005, с. 443]. Приступивши до роботи в Новоросійському університеті, Е.Р. Штерн проявив неабиякий організаторський талант. Також він був ректором Вищих жіночих курсів при цьому ж університеті [Ванчугов, 2004, с. 7]. Як педагога Е.Р. Штерна характеризують дві доповідні записки: про реформу середньої школи в Росії і про причини студентських заворушень та заходи щодо їх попередження [ДАОО, ф. 42, оп. 35, сп. 1754, л. 30-32, 64-65; сп. 353, л. 95-99].

Ернст фон Штерн підтримував постійний зв'язок з німецькою громадою Одеси. Ще у 1885 р. він влаштовується вчителем німець-

кої мови в училище св. Павла [ДАОО, ф. 52, оп. 2, сп. 240, л. 18а, 19], потім обирається членом його шкільної ради, а в 1908 р. був обраний і затверджений почесним попечителем цього училища [Плесская-Зебольд, 1999, с. 284]. Також Е.Р. Штерн був членом Південноросійського німецького товариства. Своїми науково-популярними лекціями він сприяв піднесенню просвітницької роботи, обирався членом ревізійної комісії товариства [Плесская-Зебольд, 1999, с. 284].

Незабаром після приїзду до Одеси Е.Р. Штерн дістав широку відомість не лише як філолог-класик, але як історик-археолог, який володів солідною науковою базою [Шестаков, 1925, с. 148; 1926, с. 25; Щеглов, 1996, с. 55-56; Ванчугов, 2004, с. 8]. Очевидно, це сталося багато в чому через близькість Одеси до античних пам'яток Північно-Західного Причорномор'я, а також і завдячуючи існуванню там з 1839 р. Одеського Товариства історії та старожитностей, до лав якого Е.Р. Штерн вступив 5 квітня 1891 р. [Προοπεμπτηρια, 1912, с. 5; Ванчугов, 2004, с. 7].

Як зазначив В.П. Ванчугов: «це був період, коли блискучу освіту класичного філолога, отриману Е.Р. Штерном в Європі, було збагачено і доповнено глибокими знаннями археологічної науки в Причорномор'ї» [Ванчугов, 2004, с. 8][1]. При цьому Е.Р. Штерн не переставав використовувати і свою філологічну «основу», яка стала міцним базисом для його наступних наукових робіт [Шестаков, 1925, с. 148; 1926, с. 25-26]. А. Хойслер зазначав, що «підйом археології в Одесі був пов'язаний в першу чергу з ентузіазмом Е. фон Штерна», а також, що «Е. фон Штерн став одним з кращих знавців старожитностей Північного Причорномор'я» [Хойслер, 1996, с. 55]. Тому не дивно, що у 1896 р., продовжуючи викладацьку діяльність в Новоросійському університеті, Е.Р. Штерн очолив музей Одеського Товариства історії та старожитностей і став його головним зберігачем [Ванчугов, 2004, с. 8].

Займаючи протягом 15 років посаду директора цього музею, Е.Р. Штерну вдалося підняти його роботу на якісно новий рівень [Ванчугов, 1989, с. 24; Хойслер, 1996, с. 55]. Це було досягнуто, в першу чергу, завдяки одержанню всієї площі будівлі для потреб музею (до цього у приміщенні, разом з музеєм, розташовувалася міська публічна бібліотека), комплексному ремонту та облаштуванню будівлі спеціальними музейними меблями. Крім того, всі музейні колекції були розміщені відповідно до наукової системи, оскільки до Е.Р. Штерна археологічні матеріали експонувалися без врахування хронологічного порядку [Ванчугов, 2004, с. 8]. Тоді ж ним були створені ґрунтовні музейні каталоги, які не втратили своєї наукової цінності й до сьогодення [Ванчугов, 1989, с. 24-25; 2004, с. 8].

Дослідник домігся видання загального путівника по музею, нерідко він сам правив за екскурсовода по виставковим залам, що, звичайно, сприяло неабиякій популяризації історії та археології Північного Причорномор'я. Але вінцем його музейної діяльності були зведені публікації античних колекцій, цінність яких він добре розумів. Разом зі своїми колегами А.Н. Деревицьким і А.А. Павловським він здійснив публікацію одеського зібрання теракот [Деревицкий, Павловский, Штерн, 1897], пізніше – кераміки з Феодосії (за матеріалами розкопок А.Л. Бертьє-Делагарда) [Штерн, 1906].

Неоціненний внесок вченого у справу розвитку Одеського археологічного музею зазначив історик і археолог П.П. Курінний: «Е.Р. Штерн проводить грандіозну, непомітну для громадськості, але важливу роботу – роботу з інвентаризації, розбирання, впорядкування та систематизації одеського музею Товариства історії та старожитностей ... Робота Е.Р. Штерна ставить одеський музей в число найбільших музеїв України, Росії і дає йому почесне місце серед музеїв Європи» [Курінний, 1927, с. 222]. Завдяки тому, що Е.Р. Штерн «був справжнім рушієм розширення та перебудови музею» [Хойслер, 1996, с. 55], музей до початку XX ст. повністю змінився. Десять експозиційних вітрин, створених за проектом і за участі Е.Р. Штерна в 1909 р., до цього часу, навіть після ремонту, прикрашають зали колишнього музею Товариства, а нині – Одеського археологічного музею НАН України [Ванчугов, 2004, с. 8].

Більшість наукових праць Е.Р. Штерна можна розділити на дві великі групи: дослідження з античної історії, до яких входять і обидві його дисертації, та дослідження з археології Північного Причорномор'я [Шестаков, 1925, с. 148; 1926, с. 24]. Будучи етнічним німцем за походженням, Е.Р. Штерн писав свої роботи як російською, так і німецькою мовами, що було, як зазначав Д.П. Шестаков, вкрай важливо в умовах «відомої нечитанності російських книг в західній європейській науці». По суті, за тих часів, Е.Р. Штерн став посередником, сполучною ланкою, між європейською і російською античною археологічною наукою [Шестаков, 1925, с. 148; 1926, с. 24; Дложевський, 1925, с. 101]. Наукові публікації Е.Р. Штерна з археології Північного Причорномор'я слід умовно розподілити на: 1) залучення до наукового обігу і вивчення лапідарних написів; 2) дослідження творів античного мистецтва; 3) публікацію результатів власних археологічних розкопок; 4) історико-культурні узагальнення на підставі

1. Тут і далі переклад цитат з російської – автора (О.К.).

аналізу археологічного матеріалу і даних історичних джерел [Шестаков, 1925, с. 149]. Слід зазначити, що для досліджень Е.Р. Штерна було характерно порівняльне вивчення античної метрополії і колоній як єдиного цілого [Шестаков, 1925, с. 149; 1926, с. 26].

Е.Р. Штерн приділяв багато уваги епіграфіці, як лапідарної, так і керамічній – досліджував написи Ольвії, Херсонесу та Боспору, присвяти Ахіллу Понтарху, написи релігійних спільнот – фіасів [Фролов, 2001, с. 44]. Символічно, що перша робота Е.Р. Штерна, присвячена вивченню північно-причорноморських старожитностей, була саме по епіграфіці. Це публікація ольвійської проксенії, виявленої на мисі Аджигол [Штерн, 1893]. А.С. Русяєва звернула увагу на роль наукової діяльності Е.Р. Штерна саме як епіграфіста. Детально розглядаючи його роботу, присвячену публікації світильника з графіті, яке Е.Р. Штерн перевів як «я служу як світильник і свічу богам та людям», А.С. Русяева зазначила, що Е.Р. Штерн вперше у вітчизняному антикознавстві оцінив важливість такого наукового джерела, як графіті [Русяева, 2004, с. 14; 2010, с. 6-7].

Крім Північно-Західного Причорномор'я, постіний науковий інтерес Е.Р. Штерна викликали і інші пам'ятки регіону Надчорноморщини. У 1907 р. на засіданні Одеського Товариства він зробив доповідь про місцезнаходження стародавнього Херсонесу [Штерн, 1907]. Ґрунтуючись на отриманих під час розкопок біля Карантинної бухти матеріалах, автор стверджував, що Херсонес тут був розташований з самого початку свого існування, і що свідчення Страбона, ніби Херсонес спочатку знаходився у іншому місці, є помилковими. Крім того, Е.Р. Штерн стверджував, що стіни Маячного півострова захищали не «Старий» Херсонес, а якесь маленьке поселення. Заснування міста автор відніс до V ст. до н.е. [Хорошилов, 2000, с. 360].

Найбільш відомою науковою роботою Е.Р. Штерна, пов'язаною з регіоном Боспорського царства, є його монографічне дослідження, присвячене кераміці античної Феодосії [Штерн, 1906]. Метою цієї монографії було показати історію античної Феодосії на базі вивчення її керамічного комплексу, отриманого в результаті розкопок А.Л. Бертьє-Делагарда. Е.Р. Штерн, мабуть, вперше у вітчизняній археології звернув увагу дослідників на надзвичайну важливість такого археологічного джерела, як масовий керамічний матеріал: «Це висування на перший план і підкреслення керамічних знахідок не потребує подальшого виправдання: для кожного розуміючого справа, звичайно, цілком ясна, що вони є як би путівником у галузі культурно-історичних відносин віддалених епох, від яких дійшов до нас лише незначний і випадковий переказ» [Штерн 1906, с. 1]. Всього ж Е.Р. Штерном було опубліковано 9 наукових робіт, тематично пов'язаних з Боспором, а також прочитано чотири доповіді на засіданнях Одеського Товариства історії та старожитностей. Саме під час роботи над боспорськими старожитностями Е.Р. Штерн дійшов висновку, що античні вазописці користувалися шаблонами у своїй масовій роботі, переосмислювали сюжети на догоду смакам замовників та покупців, але, тим не менш, навіть тут, на периферії, досить часто зустрічалися високохудожні вироби, які імпортувалися з різних центрів античного світу [Штерн 1896, с.108].

Проводити перші самостійні розкопки Е.Р. Штерн почав в 1900 р. в Тірі [Штерн, 1901]. В 1903 і 1912 рр. він продовжив розкопки цього археологічного пам'ятника. Оцінюючи дослідження, проведені Е.Р. Штерном в 1900, 1903 і 1912 рр. в Тірі, необхідно відзначити, що, незважаючи на їх невеликий обсяг, можна констатувати, що вони принесли важливі результати. Ці роботи дали не тільки суттєвий речовий матеріал різних періодів існування Тіри-Аккермана, а й дозволили вперше відкрити і дослідити культурний шар античного часу, який не був порушений. Це остаточно підтвердило місцерозташування цього античного міста [Кузьмищев, 2012а, с. 145].

У 1902-1903 рр. Е.Р. Штерн проводив розкопки поселення Петрени в Бессарабії. Він відразу висловив думку, що це поселення належало носіям Трипільської культури [Шестаков, 1925, с. 151]. Е.Р. Штерн був першовідкривачем цієї трипільської пам'ятки, в результаті розкопок якої було отримано важливий матеріал. Під час роботи XIII Археологічного з'їзду, Е.Р. Штерн запропонував гіпотезу про зв'язок мальованої кераміки поселення Петрени з неолітичної керамікою Балкан і Фессалії і датував її III тис. до н.е. Слід відзначити, що його доповідь представляла на той час практично повне зібрання всіх відомостей, що були в науці про «культуру мальованої кераміки» [Ляшко, 2004, с. 628], як називали тоді Трипільську культуру.

Найбільш же значущими в науковій біографії Е.Р. Штерна, як археолога, стали проведені ним в 1904-1909 і 1913 рр. планомірні археологічні дослідження давньогрецького поселення на острові Березань. За сім польових сезонів на Березані Е.Р. Штерном були здійснені значні розкопки, в результаті яких давньогрецьке поселення розкрито на великій площі. Крім того, визначена стратиграфія поселення, встановлені два основні будівельні періоди. Підсумки розкопок стали підставою для створення відносної хронології розвитку цієї пам'ятки [Соловьев, 2005, с. 33; Кузьмищев, 2012а, с. 145]. Не можна не відзначити,

що саме Е.Р. Штерн вперше в історіографії, вказав, що на о. Березань знаходилося давньогрецьке поселення, причому найдавніше в Північному Причорномор'ї [Штерн, 1901, с. 89-90]. Крім того, він перший дійшов висновку, що за житлові будівлі переселенців правили поглиблені в землю конструкції – землянки, і вони були збудовані еллінським, а не варварським населенням [Штерн, 1912, с. 87]. Завдячуючи розкопкам на о. Березань, в античній Тірі і на трипільському поселенні Петрени, фонди музею Одеського Товариства були істотно поповнені. Так, березанська колекція склала 12 тис. інв. од., петренська – 2,8 тис. інв. од., причому вони «і до теперішнього часу служать базою для сучасних дослідників» [Ванчугов, 1989, с. 25; 2004, с. 10].

Результати археологічних розкопок слугували для Е.Р. Штерна інструментом для подальших кабінетних досліджень. Він повністю використовував здобуті археологічні джерела для з'ясування особливостей Великої грецької колонізації і побудував першу теоретичну модель колонізації, засновану саме на сукупності археологічних даних, отриманих на той час [Stern, 1915; Щеглов, 1996; Ванчугов, 2004, с. 9]. Крім того, Е.Р. Штерн приділяв велику увагу розробці «правильної, науково обґрунтованої, методики археологічних розкопок» [Ванчугов, 1989, с. 25]. Він дотримувався тієї думки, що «краще не робити розкопок, ніж робити їх неправильно», і з тим, щоб не допустити руйнування археологічних об'єктів, звернувся до Комісії зі збереження стародавніх пам'яток при Московському Археологічному товаристві з пропозицією виробити основні вимоги до методики проведення археологічних розкопок [Штерн, 1910].

Одним з перших Е.Р. Штерн розпочав боротьбу з фальсифікаціями старожитностей, які наприкінці XIX ст. почали наповнювати російський і західноєвропейський антикварні ринки. Найбільш відомим епізодом цієї боротьби був його виступ на Археологічному з'їзді в Ризі в 1896 р. [Штерн, 1896; 1898], в якому він першим довів фальшування відомої «тіари Саітафарна» [Курінний, 1927, с. 223], нібито піднесену ольвіополітами сарматському царю. Насправді цю річ було виготовлено в Одесі ювеліром І. Рахумовським і куплено Лувром за значну суму [Шестаков, 1925, с. 149; Фролов, 2001, с. 43; Ванчугов, 2004, с. 12]. Тому не дивно, що Е.Р. Штерна сучасники називали «грозою фальсифікаторів» [Ванчугов, 2004, с. 12]. В цілому, за час своєї наукової діяльності в Одесі Е.Р. Штерн сформував окрему школу антикознавства, яка будувала свою роботу на ґрунтовній, науковій основі [Ванчугов, 2004, с. 7]. З неї вийшли такі видатні вчені як М.І. Мандес, Е.Г. Кагаров, Б.В. Фармаковський, М.Ф. Болтенко, П. Нікореску та ін. [Шестаков, 1925, с. 150; Ванчугов, 1989, с. 26; Бузескул, 2004, с. 177, 186].

На жаль, активний і вкрай плідний одеський період життя і наукової діяльності Е.Р. Штерна був раптово перерваний. У 1910 р. помер від хвороби його молодший син. Ця подія порушила весь уклад життя вченого [Дложевський, 1925, с. 101]. Коли 1911 р. Е.Р. Штерну прийшло повторне запрошення від університету в Галле з пропозицією зайняти професорську посаду керівника кафедри давньої історії, він прийняв рішення залишити Одесу. Перед від'їздом з Росії Ернст фон Штерн перебував в чині дійсного статського радника і за свої наукові заслуги нагороджений орденами Св. Станіслава 2-го ступеня і Св. Анни 2-го ступеня, медаллю в пам'ять царювання Олександра III. Мав він і іноземну нагороду – кавалерійський хрест австрійського ордена Франца-Йосифа [ДАОО, ф. 52, оп. 2, сп. 240, л. 2,3; Ванчугов, 2004, с. 11; Плесская-Зебольд, 1999, с. 284].

Таким чином, після 25-річної професорської діяльності в Новоросійському університеті Е.Р. Штерн переїхав до Німеччини і став деканом історико-філологічного факультету Галле-Віттенбергського Університету, двічі обирався його ректором (в 1921/1922 і 1923/1924 рр.) [Фролов, 2001, с. 43; Ванчугов, 2004, с. 12]. Незважаючи на труднощі, Е.Р. Штерн зміг провести розкопки в Тірі у 1912 р. [Штерн, 1913] і на о. Березань в 1913 р. [Штерн, 1914]. Продовженню його подальших польових досліджень в Північно-Західному Причорномор'ї завадила спочатку Перша Світова війна, потім революція 1917 р. та громадянська війна.

Незважаючи на ці обставини, Е.Р. Штерн не полишав роботу над новими публікаціями, видавши, вже після свого від'їзду, 25 статей тільки з археології та античної історії, не враховуючи наукових рецензій на роботи інших вчених[2]. Наприклад, у 1913 р. він залучив до наукового обігу «Бородинський» (Бессарабський) скарб бронзової доби та зробив доповідь на міжнародному конгресі істориків у Лондоні про цей археологічний комплекс [Штерн, 1914а].

Е.Р. Штерн також приділяв велику увагу подіям революції і громадянської війни, що знайшло своє відображення в публікаціях політичного характеру [Фролов, 2001, с. 49]:

2. Бібліографію Е.Р. Штерна до 1912 р. див.: Προπεμπτηρια, 1912, с. 9-22; бібліографію його робіт з античності після 1912 р. див.: Дложевський, 1925, с. 100-101; повну бібліографію Е.Р. Штерна див.: Karo, 1925, S. 96-103.

«Керівники і підлеглі, політики і партії в нинішній Росії» [Stern, 1918], «Руське аграрне питання і російська революція »[Stern, 1918a], «Більшовизм в теорії та практиці» [Stern, 1919]. У листопаді 1918 р. через довірену особу Е.Р. фон Штерн продав ділянку землі, яка належала йому в Одесі, що можна розцінювати, як остаточне рішення не повертатися з Німеччини [ДАОО, ф. 35, сп. 14, д. 132]. До самої смерті 27 квітня 1924 р. [Дложевський, 1925, с. 99; Козловська, 1926, с. 9], Е.Р.Штерн не залишав наукову та педагогічну діяльність, а також роботу над новими публікаціями.

Підводячи підсумки, відзначимо, що Е.Р. Штерн був видатним істориком-класиком свого часу, чиї наукові інтереси були рівнозначно спрямовані як на вивчення античної історії, так і археології Північного Причорномор'я. У дослідженнях Е.Р. Штерна повною мірою проявилася виняткова увага дослідника до деталей, поєднання комплексної роботи історика, археолога, філолога і мистецтвознавця з багатою науковою базою, прагнення постійного узагальнення отриманих результатів. Це дозволяло зробити досить ретельні і точні для свого часу історичні побудови і висновки, переглянути низку старих уявлень і датувань, а головне – здобути вкрай важливі результати у вивченні античних пам'яток регіону. Звичайно, після більш ніж ста років, не всі гіпотези, інтерпретації та оцінки Е.Р. фон Штерна витримали перевірку часом, але багато чого з того, що їм було тоді зроблено ї досі залишається в активному аналітичному фонді вітчизняної науки.

Березин С.Е. Греческая эпиграфика в Императорском Новороссийском университете: исследование и преподавание // Древнее Причерноморье. V-е чтения памяти профессора Петра Осиповича Карышковского. – Одесса, 2003. – С.15-19.

Березин С.Е. Древнегреческая история в Новороссийском университете: кафедра классической филологии // Древнее Причерноморье. Сб. статей к 85-летию П.О. Карышковского. – Одесса, 2006. – С. 14–20.

Білас Н. М. Археологічна наука у Львівському університеті (друга половина XIX – 30-ті роки XX ст.). – Автореф. дис… канд. іст. наук: 07.00.04. – К., 2004. – 16 с.

Бузескул В. Всеобщая история и её представители в России в XIX и начале XX века. – К., 2004 – 318 с.

Ванчугов В.П. Одесское общество истории и древностей на рубеже XIX–XX вв. и Э.Р. Штерн // 150 лет Одесскому обществу истории и древностей. 1839–1989. Тез. докл. юбил. конф. – Одесса, 1989. – С. 24–27.

Ванчугов В.П. Э.Р. фон Штерн и археология Северного Причерноморья на рубеже XIX и XX веков // Borysthenika-2004. – Николаев, 2004. – С. 7–13.

Деревицкий А.Н., Павловский А.А., Штерн Э.Р. Музей имп. Одесского общества истории и древностей, вып.1-2 (терракоты). – Одесса, 1897. – 46 с. (вып. 1), 46 с. (вып. 2).

Дложевський С.С. Ернест Романович Штерн (некролог) // ВОКК при ВУАН. – Одеса, 1925. – Ч. 2/3. – С. 99–101.

Жебелев С.А. Отзыв о трудах Э.Р. фон Штерна, посвященных классическим древностям Южной России // ЗООИД. – 1901. – Т. 23. – С. 95–112.

Зубарь В.М. Летопись археологических исследований Херсонеса-Херсона и его округи (1914-2005 гг.) // МАИЭТ. – Suppl. № 6. – Симферополь, 2009. – 496 с.

Ізбаш Т.А., Новікова Л.В. Эрнст Романович фон Штерн // Професори Одеського (Новоросійського) університету: Біографічний словник. – Одесса, 2005. – Т. 4. – С. 442–445.

Клейман И.Б. Первые исследователи Тиры: Эрнст Романович Штерн и Пауль Никореску // Аккерманские древности. – Белгород-Днестровский, 1997. – С. 256–269

Клейн Л.С. История археологической мысли. Тт. I–II. – СПб., 2011. – 688 с. (т. 1), 626 с. (т. 2).

Козловська В. Пам'яті Е.Р.Штерна // Трипільська культура на Україні. – Т. I. – К., 1926. – С. 9–10.

Кузьмищев А.Г. Археологические исследования Э.Р. фон Штерна: Березань, Тира, Петрены // Археологія і давня історія України. – Вип. 9. – Київ. – 2012а. – С. 139-147.

Кузьмищев А.Г. Березань в археологических исследованиях Э.Р. фон Штерна // БИ. – 2012. – Т. XXVI. – С. 433–461.

Кузьмищев А.Г. Одесский период в научной биографии Э.Р.Штерна // Древнее Причерноморье. – Одесса, 2013. – Вып. X. – С. 356-362.

Кузьмищев А.Г. Э.Р. Штерн – первый исследователь античной Тиры // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. – Запоріжжя, 2013а. – Вип. XXXV. – С. 359-369.

Курінний П.П. Е.Р. Штерн // Україна. – К., 1927. – Кн. 4. – С. 220–223.

Лапин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья (критический очерк отечественных теорий колонизации). – К., 1966. – 236 с.

Лебедев. Г.С. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. – СПб, 1992. – 464 с.

Ляшко С.М. Штерн Ернст Романович // Енциклопедія трипільської цивілізації. – К., 2004. – Т. II. – С. 628

Охотников С.Б. Археология в Одессе. 185 лет Одесскому археологическому музею. – Одесса, 2010. – 160 с.

Пивоваров С.В. Розвиток археологічної науки в Чернівецькому університеті (друга половина XIX ст. – 2004 р.) // Vita Antiqua. – 2009. – № 7-8. – С. 34-37.

Платонова Н.И. История археологической мысли в России: вторая половина XIX – первая треть XX века. – СПб., 2010. – 316 с.

Плесская-Зебольд Э.Г. Одесские немцы. – Одесса, 1999. – 520 с.

Русяева А.С. Граффити Ольвии Понтийской // МАИЭТ. – Suppl. № 8. – Симферополь, 2010. – 288 с.

Русяева А.С. Научная судьба эпиграфических исследований Э.Р. фон Штерна // Borysthenika–2004. – Николаев, 2004. – С. 14–22.

Сапожников И.В. Очерки истории исследований Ольвии и Березани: до начала XIX ст. от Р.Х. // Stratum plus. – 2001-2002. – № 3. – С. 452-461.

Ситник О. Археологічна наука у Львові: перша половина XX століття. – Львів – Жешів, 2012. – 365 с.

Соловьев С.Л. История археологических исследований на Березани // Борисфен – Березань. Арх. коллекция Эрмитажа. – СПб., 2005. – Т. 1. – 31–40.

Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. – СПб., 2003. – 332 с.

Тункина И.В. «В поисках человека»: современные проблемы истории отечественной археологии // Monumentum Gregorianum. Сборник научных статей памяти академика Григория Максимовича Бонгард-Левина. – МОСКВА, 2013. – С. 500-514.

Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). – СПб., 2002. – 676 с.

Фролов Э.Д. Немецкий профессор в русском университете: Эрнест Романович фон-Штерн (1859–1924 гг.) // Сб. статей в честь 70-летия Г.Л. Курбатова. – СПб., 2001. – С. 29–53.

Хойслер А. Эрнст фон Штерн, археолог в Одессе и Галле // Традиции российской археологии. – СПб., 1996. – С. 54–56

Хорошилов О.Ю. Херсонес Таврический в трудах членов Одесского общества истории и древностей // Археологія та етнологія східної Європи: матеріали і дослідження / Збірка наукових робіт, присвячена 135-річчю Одеського державного університету ім. І.І. Мечнікова. – Одеса, 2000. – С.355-360.

Шестаков Д.П. Исследователь памятников классической древности на юге России // Д.П. Шестаков. Два момента из истории нашей археологической науки. – Владивосток, 1926. – С. 22–42.

Шестаков Д.П. Научная деятельность Э.Р. Штерна // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском государственном университете. – 1925. – Т. 33. – Вып. 1. – С. 147–151.

Штерн Э. Р. Бессарабская находка древностей 1912 г. // МАР. – 1914. – № 34. – С. 1-14.

Штерн Э.Р. Музей имп. Одесского общества истории и древностей, вып.3 (Феодосия и ее керамика). – Одесса, 1906. – 91 с.

Штерн Э.Р. Новооткрытая Ольвийская надпись // ЗООИД. – 1893. – Т. XVI. – С. 1-10.

Штерн Э.Р. О местоположении древнего Херсонеса // ЗООИД. – 1907. – Т. XXVIII, додаток. – С. 89-131.

Штерн Э.Р. О новейших раскопках в г. Аккермане и на острове Березани // ЗООИД. – 1901. – Т. 23. – С. 88-91.

Штерн Э.Р. О подделках классических древностей на юге России // Труды X Археологического съезда в Риге (1896 г.). – Москва, 1898. – Т. I. – С. 189-196.

Штерн Э.Р. О подделке предметов классической древности на юге России (реферат, читанный на X Археологическом съезде в Риге 2 августа 1896 г.) // ЖМНП. – 1896, декабрь. – отд. V. – С. 129-159.

Штерн Э.Р. О последних раскопках в Аккермане // ЗООИД. – Т. 23. Одесса, 1901. – С. 33-61.

Штерн Э.Р. Отчет о раскопках на острове Березани летом 1913 года. – Одесса, 1914. – 30 с.

Штерн Э.Р. По поводу вопроса о выработке общих правил для производства археологических раскопок // Древности. Труды Императорского Московского Археологического Общества. – 1910. – Т. XXII. – С. 198-202.

Штерн Э.Р. Раскопки в Аккермане летом 1912 г. // ЗООИД. – 1913. – Т. 31. – додаток. – С. 92-101.

Штерн Э.Р. Раскопки на о.Березани // ОАК за 1908 год. – СПб., 1912. – С. 84-93.

Штерн Э.Р. Расписная ваза из Керчи. // ЗООИД. – 1896. – Т. XIX. – С. 94-109.

Щеглов А.Н. Э.Р. Штерн в России (несколько поправок и заметок к тезисам А. Хойслера) // Традиции российской археологии. – СПб., 1996. – С. 55-57.

Hausmann G. Universität und städtische Gesellschaft in Odessa, 1865–1917: soziale und nationale Selbstorganisation an der Peripherie des Zarenreiches. – Stuttgart, 1998. – 699 s.

Karo G. Ernst von Stern // Biographisches Jahrbuch fűr die Altertumswissenschaft. –Leipzig, 1925. – № 45. – S. 96–103.

Stern E. Die politische und soziale Struktur der Griechenkolonien am Nordufer des Schwarzmeergebietes // Hermes. – 1915. – Bd. 50. – S. 161-224.

Stern E. von. Der Bolschewismus in Theorie und Praxis // Hallische Universitaetszeitung. – 1919. – № 1. – S. 82-90.

Stern E. von. Die russische Agrarfrage und die russische Revolution (Auslandsstudien usw., 11). – Halle, 1918a. – 30 s.

Stern E. von. Regierung und Regierte, Politiker und Parteien im heutigen Russland (Auslandsstudien an der Universitaet Halle-Wittenberg, 3-4). – Halle, 1918. – 49 s.

Stern E.R. Catilina und die Parteikämpfe in Rom der Jahre 66–63. – Dorpat, 1883. – 178 s.

Stern E.R. Geschichte der Spartanischen und Thebanischen Hegemonie vom Königsfrieden bis zur Schlacht bei Mantinea. – Dorpat, 1884. – 248 s.

Προπεμπτηρία. Сб. статей, изданный Императорским Одесским обществом истории и древностей в честь почетного члена Эрнеста Романовича фон-Штерна // ЗООИД. – 1912. – Т. XXX. – С. 7-10.

А.Г. Кузьмищев

Э.Р. ФОН ШТЕРН – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ (кон. XIX - нач. XX в.)

В статье рассматривается научная деятельность известного ученого-антиковеда конца XIX – начала XX в. Эрнста Романовича фон Штерна (1859-1924 г), представлена его биография. Большинство научных трудов Э. Р. Штерна можно разделить на две большие группы: исследования по античной истории и работы по археологии Северного Причерноморья. Э. Р. Штерн писал свои работы на русском и немецком языках, таким образом, став посредником между европейской и российской антиковедческой наукой.

Проводить первые самостоятельные раскопки Э. Р. Штерн начал в 1900 г. в Тире. В 1903 и 1912 гг. он продолжил исследование этого памятника. Результаты раскопок позволили впервые открыть и исследовать культурный слой античного времени, чем окончательно подтвердили местопо-

ложение Тиры. В 1902-1903 гг. Э. Р. Штерн также проводил раскопки поселения Петрены в Бессарабии, отметив, что это поселение принадлежало носителям Трипольской культуры.

Наиболее значимыми в научной биографии Э.Р. Штерна стали проведенные им в 1904-1909 и 1913 гг. археологические раскопки на о-ве Березань. Именно Э.Р. Штерн, впервые в историографии, указал, что на о. Березань находилось наиболее раннее в Северном Причерноморье древнегреческое поселение. Кроме того, он пришел к выводу, что в качестве жилых построек, переселенцами использовались землянки, которые были построены эллинским, а не варварским населением.

Одним из первых Э. Р. Штерн начал борьбу с фальсификациями древностей, а также уделял большое внимание разработке правильной, научно обоснованной, методике археологических раскопок. Э. Р. Штерн был выдающимся историком и археологом своего времени, а его исследования отличались сочетанием комплексной работы историка, археолога и искусствоведа с широкой научной базой.

Ключевые слова: Э.Р. фон Штерн, Северное Причерноморье, Тира, Березань, Петрены.

A.G. Kuzmischev

E.R VON STERN - RESEARCHER OF ANCIENT ARCHEOLOGY IN NORTHERN BLACK SEA REGION (late XIX - beg. XX century)

In the article is examined scientific work of a famous archeologist of the end of the XIX – beginning of the XXth century Ernst Romanovich von Stern (1859-1924), and his biography is added. Vast majority of scientific works of E. R.Stern can be divided into two large groups: studies about ancient history and archeology, and works about Northern Black Sea region. E. R. Stern wrote his articles in both Russian and German languages, thus he became a mediator between European and Russian ancient archaeological science.

First independent excavations of E. R. Stern began in 1900 in Tyras. In 1903 and 1912, he continued researching of the site. The excavations allowed discovering the cultural layer of ancient times, and that finally confirmed the location of Tyras. In the 1902-1903 E. R. Stern also excavated the settlement of Petreny in Bessarabia. He was the first researcher, who noticed that the settlement belongs to the Trypillian culture.

However, the most significant archaeological excavations by E. R. Stern were conducted in 1904-1909 and 1913 on the Berezan settlement. E. R von Stern, for the first time in the historiography, pointed out that on Berezan there was the earliest ancient Greek settlement in the Northern Black Sea region. In addition, he concluded that settlers used the dugouts as dwellings, and that they were built by the Hellenic, not barbaric population.

E. R. Stern was one of the first, who started to dispute beyond fabrication of antiquities, and paid great attention to the development of informed, evidence-based, methods of archaeological excavations.

To summarize, it should be noted that E.R. Stern was a prominent historian and archeologist of his time, and works of a scientist may be characterized by a combination of complex research work of the historian, archaeologist and art historian with a broad scientific base.

Keywords: E.R. von Stern, Northern Black Sea region, Tyras, Berezan, Petrerny.

Одержано 7.07.2014

УДК 902.4:17

С.Б. Буйских

ДРЕВНИЕ НЕКРОПОЛИ: НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье акцентируется внимание на необходимости осуществления качественных изменений в отношении отечественной археологической науки (и ее носителей) к древним погребальным памятникам и погребенным там людям минувших эпох. По глубокому убеждению автора оно должно оставаться строго научным по сути, но быть более ответственным, гуманным и деликатным по содержанию.

Ключевые слова: археология, некрополи, древние погребения, мораль, гуманность.

«Иногда говорят, вот, мол, нельзя копать некрополь. Вот как к этому относятся профессиональные археологи – на самом деле, когда ты не наживаешься, и это наука – копать можно… Но, конечно, надо очень бережно относиться к тому, что ты раскапываешь и перезахоранивать кости».

В.В. КРАПИВИНА.[1]

Двумя основными категориями археологических памятников всех без исключения регионов, хронологических периодов и культур являются, как известно, древние поселения и могильники разных типов и видов [Арциховский, 1954, с. 4; Монгайт, 1955, с. 9-20; Авдусин, 1959, с. 25-42; 1977, с. 6-7; 1980, с. 23 сл.; 1989, с. 6; Шовкопляс, 1964, с. 10; 1972, с. 7-9; Блаватский, 1967, с. 10; Мартынов, 1973, с. 4; 2000, с. 7-8; Чмихов и др., 1992, с. 13; Винокур, Телегін, 1994, с. 5; 2004, с. 6-7; Залізняк и др., 2005, с. 7].

При этом для основательного и достоверного выявления и определения конкретной археологической культуры раскопки могильников, по мнению А.Л. Монгайта, могут играть гораздо большую роль, чем раскопки поселений. Конкретизируя эту свою мысль, исследователь, в частности, писал: «Могильники дают обильные материалы для исследователя, и не только для того, чтобы составить себе представление о былых религиях и погребальных обрядах, но и о повседневном быте прошлого. Вера в загробную жизнь была причиной того, что в могилу клали вещи, которые употреблялись покойником при жизни и которые могли ему понадобиться на «том свете». По этой же причине сооружали могилу наподобие жилища, так как жилище «загробное» должно было походить на земное. Женщину клали в могилу с шитьем, зеркалами, украшениями, ремесленника – с орудиями труда, литейными формами или готовыми изделиями, воина – с оружием, царя – со всеми драгоценностями, богатствами, в сопровождении многочисленных слуг и коней. По инвентарю могил можно выяснить детали быта, отчасти можно судить и о социальном строе или экономике, правда, только отчасти, так как не всегда предметы, находимые в могильниках, были взяты из реальной жизни; иногда, правда, очень редко, они были специально изготовлены для погребального обряда. Часто это были предметы культа или даже предметы, употреблявшиеся в реальной жизни, но в очень давние времена. Они сохранялись в погребальном культе вследствие консервативности религиозного сознания, удерживающе-

1. Из интервью с В.В.Крапивиной от 20.09.2012 г. [см.: Буйських, 2014, с. 19].

© С.Б. БУЙСКИХ, 2015

го в своей культовой практике уже пережитые социальные и экономические представления. Зато этнографический облик племени восстанавливается по могильникам лучше, чем по местам поселений. Кроме того, могильники дают антропологический материал, позволяющий представить себе физический облик населения изучаемой территории в каждую историческую эпоху» [Монгайт, 1955, с. 16].

Я намеренно привел столь пространную цитату из известного фундаментального труда одного из виднейших археологов Восточной Европы, дабы показать, что я полностью сознаю большое значение археологических раскопок (строго научное!) древних могил и древних некрополей вообще и использование материалов их раскопок, как чрезвычайно важного и в высшей степени информативного историко-археологического источника. Это, собственно, безоговорочно считается одним из незыблемых постулатов нашей науки [Алексеев, 1979, с. 50; Авдусин, 1989, с. 8; Чмихов и др., 1992, с. 13; Винокур, Телегін, 1994, с. 9]. Но! Прошу зафиксировать внимание на словах *«антропологический материал»* из приведенной цитаты.

Я перерыл не один десяток учебников, монографий, сотни статей, заметок, публикаций и отчетов о раскопках древних погребальных памятников, и теперь имею все основания утверждать, что в них крайне редко встречаются такие словосочетания как «человеческие останки» или «останки древних людей». Вместо этого – раз за разом на страницах этих изданий пестрят: *«костяки», «человеческие кости», «скелеты», «скелетные остатки», «скелетный материал», «костный материал», «костные остатки», «антропологические остатки», «антропологический материал»* и даже – *«биоархеологические находки», «биоархеологическая масса»* и т.п. [см., например, кроме вышеприведенной литературы: Плетнева, 1983, с. 51; Чмихов и др., 1989, с. 12 сл.; Папанова, 1993, с. 32 сл.; Сегеда, 1995, с. 34; Станко и др., 1999, с. 18; Бужилова, 2004, с. 123 сл.; Ситник, 2012, с. 8]. Дошло до того, что один современный, так сказать – «продвинутый» исследователь, так отрапортовал в итоговой публикации про раскопки одного из древних крымских некрополей: «В ходе систематических охранных раскопок могильника Нейзац с 1996 года по настоящее время получен костный материал 383 погребённых из 194 сооружений» [Радочин, 2011, с. 153].

Вот так, не больше и не меньше – «получен костный материал 383 погребённых из 194 сооружений»! Не напоминает ли это Вам случайно сухую строчку из отчета какого-то начальника производства какого-то завода или резолюцию заведующего базой на накладной при получении какого-то товара – *«получен костный материал 383 погребённых»*? Вдумайтесь, уважаемые коллеги … Что же это с нами делается, куда подевалась наша мораль, наша нравственность, куда так незаметно успели сойти на нет наша честь и наше человеческое достоинство, где теперь искать наш профессиональный опыт и такт, как вызвать у нас хоть бы какое-то человеческое сочувствие к умершим, пусть и древним, но людям, более того – нашим предкам, а по большому счету, возможно и кровным родственникам, если мы не можем найти для них иного определения, чем – «костный материал»?

А собственно, чему же удивляться, если морально-этические аспекты проведения и результатов, иначе – следствий (можно даже сказать – последствий) археологических раскопок и, прежде всего, раскопок древних некрополей, не преподаются в курсах «Основы археологии»! Точно также, как я имел возможность убедиться, не касаются этих проблем и авторы практически всех изданий учебного, методологического и чисто научного характера, с которыми мне довелось ознакомиться, готовя эту статью. Искра надежды на то, что мои поиски все же не будут совсем безнадежными, промелькнула у меня только тогда, когда в книге А.И. Мартынова и Я.А. Шера, посвященной методам археологического исследования, я натолкнулся на следующие слова: «Археолог, ведя раскопки, не имеет права пренебрежительно относиться к находкам человеческих костей» [Мартынов, Шер, 1989, с. 215]. Но меня ожидало быстрое разочарование, т.к. по мысли авторов, он должен ясно осознавать это не потому, что это – аморально, а исключительно в силу того, что «костные остатки первобытных и древних людей позволяют получать такую информацию для конкретно-исторических реконструкций, которую иными путями получить невозможно» [Мартынов, Шер, 1989, с. 215].

С научной точки зрения, кажется, все вроде бы сказано правильно – не придерешься! Но с чисто человеческой, гуманной, людской – этому обязательно должна была бы предшествовать фраза морально-этического характера, хотя почему же с чисто человеческой? Разве наша наука уже полностью превратилась в бездушную, циничную и безжалостную машину, которая выдает «на гора» «костный материал» из древних погребений?

Давайте разберемся. Оставляя в стороне совершенно отдельную наболевшую тему т.н. «черных археологов» (которые на самом деле никакие не археологи, а выродки и грабители, а то, что они вытворяют с древними некрополями не вписывается ни в какие нормы человеческой морали)[2], я прежде

2. По меткому выражению И.А. Бажана это – «ужас настоящего» [Бажан, 2011, с. 4].

всего хочу выяснить, как для себя лично, так и для широкого научного сообщества – что же, собственно говоря, прикрываясь высокими научными целями, делаем мы – настоящие, не подставные, будем говорить – «белые археологи»-профессионалы с древними погребальными памятниками? А делаем вот что. *Во-первых*, раскапываем место погребения, *во-вторых*, тревожим прах умершего (пусть и древнего, но – человека!), *в-третьих*, завладеваем останками или прахом похороненного и, *в-четвертых*, изымаем из могилы все предметы, которые там находятся.

Все перечисленные действия квалифицируются согласно статье 297 Криминального кодекса Украины (ККУ) как надругательство над могилой [Кримінальний кодекс України, 2009, с. 76] и, в соответствии с законом, караются начиная от штрафа в двести необлагаемых налогами минимумов доходов до 3-х лет лишения свободы, а такие же повторные действия влекут за собой 5 (в тяжелых случаях – до 12) лет лишения свободы [Ландіна, 2013, с. 3, 36-37]. Достаточно суровая кара за надругательство над местами человеческих захоронений предусмотрена и законодательством многих европейских стран и США [Ландіна, 2013, с. 59-62, 69]. Более того – в некоторых странах раскапывание могил (хоть новых, хоть старых, хоть древних – без разницы!) вообще просто конституционно запрещено навсегда [Ле Биан, 2010, с. 60].

Подчеркнем, что в научно-практическом комментарии к ККУ указывается, что «общественная опасность этого злодеяния состоит в том, что действия, которые это составляют, грубо нарушают общественные отношения …, которые обеспечивают общепринятые моральные принципы, традиции и религиозные положения относительно захоронения умерших и проявление уважения к памяти и праху покойных» [Баулін и др., 2003, с. 810]. В работах многих отечественных ученых-правоведов, социологов, философов подчеркивается, что гуманное отношение к местам захоронения, к умершим является одним из наиболее ярких факторов, демонстрирующих разницу между дикостью и цивилизацией, потому что в нем отображается позиция личности в отношении общепринятых в обществе морально-этических норм [Ландіна, 2013, с. 37].

Таким образом, согласно формально-правовой оценке, мы все (по крайней мере те, кто постоянно раскапывает места древних погребений) являемся моральными уродами, дикарями и преступниками, которые нарушают гражданский покой, пренебрегают общечеловеческими ценностями и должны нести ответственность за это по всей строгости закона, т.е. должны быть наказаны за содеянное «по заслугам».

«Эк, куда хватил! – слышу я возмущенные голоса коллег. – Исписался вконец этот Буйских, не про что ему уже больше писать, так он – про погребения! С ума сошел. Зачем же грешное с праведным путать, мы же древние могильники копаем, а не современные кладбища». Что ж, возможно они и правы, и я действительно несколько заострил проблему, но позволено будет спросить – разве мораль устаревает с течением времени или отменяется? И часто ли мы, раскрывая древние могилы, отдаем себе отчет в том, что это, в первую очередь – место вечного упокоения человека, а уже потом – археологический объект? Все ли мы отчетливо сознаем, что т.н. «костный материал» – это когда-то были живые люди – обладатели бессмертной души, которая, возможно, до сих пор витает где-то рядом с нашими раскопами? Вообще, все ли мы помним, что обычай (или традиция) человеческого захоронения, т.е. сознательного предания усопшего земле, возник далеко не вчера, и даже не позавчера, а еще в мустьерскую эпоху, на неандертальской стадии развития человечества [Бужилова, 2004, с. 123]. И не слишком ли большую цену платим мы, извлекая «свежую» научную информацию из древних могил? Всегда ли мы руководствуемся здравым смыслом, когда определяем объемы и масштабы раскопок древних некрополей? Шевелится ли в наших заскорузлых от голого профессионализма сердцах пусть хоть какие-то маленькие и не очень осознанные, но совестливые мысли при разрытии древних могил? С достаточной ли степенью гуманности и деликатности обращаемся мы с теми «костными остатками», которые вместо того, чтобы перезахоронить как следует (после соответствующей фиксации), мы бездумно берем на опись, и еще горше, если не берем, а оставляем под открытым небом на местах своих раскопок? Не отдаем ли мы львиную долю открытых раскопками древних погребений для кощунственных действий, издевательств и надругательств равнодушным, беспринципным людям, которые, к сожалению, нередко попадают в наши экспедиции? И, наконец, не берем ли мы время от времени, в силу своей самоуверенности и глупости, каких-либо археологических «сувениров», так сказать, «на память» про исследованные древние кладбища, могилы, курганы или погребения?

Для ответа на эти жгучие вопросы я хочу привести мнение некоторых моих коллег – украинских археологов-полевиков с многолетним опытом раскопок древних захоронений. Первой будет исповедоваться д.и.н. И.Ф. Ковалева. Вот что она пишет в своей книге «Жизнь, проведенная в могиле»: «Меня часто спрашивают, что испытывает человек, вторгаясь в тайное из тайных – царство смерти? Где проходит черта, за которую нельзя

переходить? Знакомо ли мне чувство вины за нарушение гробниц, и вправду ли существует месть мертвых посягнувшим на их покой? Надеюсь, ответ на эти и многие другие вопросы читатель найдет в дальнейшем рассказе.

Прежде всего, должна оговорить – мое отношение к исследованиям претерпевало изменения во времени. Если на первых порах любой курган воспринимался исключительно с позиций возможности извлечения информации, и проблемы морально-этического характера оставались «за кадром», по прошествии лет они все чаще встают передо мной. Атеистическое воспитание и присущий большинству выходцев «из СССР» нигилизм освобождали представителей моего поколения от угрызений совести при виде разрушенного и опоганенного храма или уничтожаемого кладбища. Вопрос о цене приобретаемого знания редко тревожил ученых в те времена» [Ковалева, 2008, с. 134].

Далее исследовательница отмечает, что сегодня «как одну из самых непоправимых своих ошибок и не прощеный грех» она вспоминает «неоправданные разрушения» курганов [Ковалева, 2008, с. 134]. Чрезвычайно интересны в плане затронутой нами проблемы, и последующие размышления И.Ф. Ковалевой.

«Ощущала ли я нечто необычное, потустороннее, исходящее от древних погребений? – пишет она. – Однозначный ответ для меня невозможен. Каждый эмоционально чувствующий, то есть нормальный, человек не может оставаться равнодушным, соприкасаясь с объектами той устрашающей древности, которая определяет возраст большинства курганов. Но каждый чувствует по-своему. Известные лозоходцы уверяли меня, что явственно ощущают исходящую из вскрываемых могил энергетику, причем последняя подразделялась ими на благожелательную к человеку и враждебную. Мне известен ряд случаев необъяснимой естественными причинами смерти археологов, переживших потрясение от встречи с «запечатанным» (сакральным) погребением или державших при себе предметы, взятые из его инвентаря, как это имело место с моими безвременно ушедшими молодыми коллегами, о которых я писала ранее. Сама я всегда старалась подавать пример уважительного отношения к останкам и никогда не позволяла себе взять что-либо из найденного в могиле. Нередко это вызывает недоумение окружающих: археолог, а в доме нет никаких древностей?» [Ковалева, 2008, с. 135].

Теперь я хочу предоставить слово известному специалисту в области археологии энеолита – эпохи бронзы, к сожалению, недавно ушедшему Николаю Рычкову, который в своей книге «Мои экспедиции» так описывает шабаш, устроенный в одной экспедиции над выявленными в кургане древними могилами. Итак: «…Почти все забрались вверх на бровки, а ребята с горящей бумагой бегали по кургану от могилы к могиле, освещая их своими импровизированными факелами. Пламя то и дело выхватывало из могильной темноты очертания скелетов. Их пустые глазницы устрашающе глядели на нас. Мне показалось, что они испуганы и осуждают нас за такое дьявольское занятие. А молодежь скакала с факелами в диком танце по кургану. Им было весело.

Хорошо, что веселье у могил длилось недолго. Запасы бумаги быстро закончились, и на кургане снова стало темно и тихо. Притихли даже самые шумные из факельщиков. Может быть, они тоже почувствовали свою вину перед давно ушедшими людьми, останки которых покоились в этих ямах. А может, просто резкий переход от света факелов в наступившую темноту отрезвляюще повлиял на них, и они также резво, как погас свет, угомонились.

Теперь на кургане уже, вроде бы, нечего было делать. Побродив еще минут десять, все собрались в обратный путь.

Назад шли всё больше молча. Песен не пели, и даже почти не разговаривали. Казалось, все были несколько удручены проделанным бесчинством. Лично мне подумалось, что в этом непродуманном шабаше было что-то кощунственное по отношению к древним скелетам и к могилам вообще. Может быть, похожие мысли приходили в голову и остальным»? [Рычков, 2011, с. 148].

Как показывают приведенные свидетельства специалистов-археологов, проблемы морального порядка, связанные с раскопками древних погребений, существуют в нашей науке. Однако не только в нашей, а и в современной европейской археологической практике вообще. Об этом, в частности, говорится в книге известного французского археолога Жана-Поля Ле Биана – «Археолог. Воображаемые беседы» [Ле Биан, 2010], где вопросы морально-этического отношения археолога-профессионала к раскопкам древних могил ставятся автором очень остро, пристрастно и эмоционально. По мысли автора, эксгумирование древних мертвецов с научной целью – аморально, потому что цена исторической информации, которую получает при этом исследователь, слишком высока [Ле Биан, 2010, с. 60-63]. Она граничит либо с богохульством [Ле Биан, 2010, с. 60], либо даже – с преступлением против человечества [Ле Биан, 2010, с. 242], потому что, по мнению автора, археолог грубо нарушает своими действиями устоявшиеся в обществе моральные законы и табу.

Невозможно без волнения читать в этой книге строки, навеянные размышлениями французского коллеги над открытыми при раскопках древними погребениями: «Бедный

умерший, бедный Сармат![3] Чем прогневил он Богов, чтобы удостоиться такой судьбы? Чтобы закончить свою жизнь после смерти в эмалированном тазике, сфотографированным для отчета о раскопках» [Ле Биан, 2010, с. 61]. Или еще: «Так пусть же они (*погребенные – С.Б.*) не боятся, что я занесу их в классификацию, в структуру, в тригонометрическую функцию. Можно же этим людям существовать спокойно, принадлежа лишь доброй старушке-земле, без этикеток и прочих атрибутов? Или я археолог только для того, чтобы присвоить им имя, снабдить этикеткой и заставить войти в Историю, в которой им ни за что не узнать даже самих себя?» [Ле Биан, 2010, с. 242].

Задавая себе подобные вопросы и не находя на них ответа ни в публикациях, непосредственно касающихся морально-этических проблем, которые порождает археология [Косарев, 1994; Кореняко, 2004; Михайленко, 2009], ни в Кодексе этики профессионального археолога [Кодекс …, 2006], я решил узнать – а что же по этому поводу думают мои коллеги, беспокоят ли их подобные проблемы, чувствуют ли они свою моральную ответственность за раскопки древних могил, как мне показалось самым доступным и объективным способом.

Способ этот я позаимствовал у другой общественной науки – социологии [Ядов, 1972], использовав один из ее наиболее распространенных и эффективных методов исследования – анкетный опрос. Опрос проводился мною по специально составленному вопроснику (см. Приложение) в 2012-2013 гг. среди археологов-профессионалов Украины, России и Молдовы, которые непосредственно (и не один год подряд) имеют дело с исследованием древних погребальных памятников разных эпох. Количество опрошенных составляет 45 человек. Из них: 35 мужчин и 10 женщин. Возраст: 35-65 лет. Среди опрошенных – 5 докторов наук, 35 – кандидатов наук и 5 научных работников без ученой степени. Из сорока пяти археологов – глубоко верующих людей – 5, пассивно верующих – 10, атеистов – 30 (увы, наследие советской эпохи!). Во время опроса мною было предложено коллегам ответить на десять вопросов. В связи с тем, что анкетирование проводилось мною анонимно, считаю, что ответы, полученные в его итоге, носят более-менее ответственный и искренний характер.

Краткие результаты моего мини-исследования таковы. Согласно полученным данным, только 4 археолога из 45 как-то готовятся в морально-психологическом плане перед предстоящим осуществлением раскопок древних погребений и лишь 5 из 45 (замечу – все верующие) мысленно извиняются перед душами древних людей за нарушение их покоя. На вопрос: «Считаете ли Вы, что археолог нарушает морально-этические законы, раскрывая древние могилы?», мнения опрашивавшихся разделились так: 14 ответили утвердительно, 26 сказали «нет» и еще 5 не определились с ответом. Наличие своеобразного профессионального цинизма по отношению к человеческим останкам честно признали у себя 35 из 45 археологов (5 – его не признали; 5 – не определились с ответом).

Большую проблему вскрыли ответы на два последующих вопроса (№№ 5-6). Оказалось, что большинство исследователей (37 из 45) в силу разных причин не берет на опись весь антропологический материал из древних погребений (!) и не перезахоранивает человеческие останки после окончания раскопочных работ (31 из 45) …

В то же время весьма обнадеживающие результаты неожиданно дали ответы на последнюю группу вопросов (№№ 7-10). Подавляющее большинство опрошенных поддерживает идею отказаться от употребляемого сейчас в науке термина «могильник» (что очень уж напоминает пресловутый «скотомогильник»), заменив его на другой, полностью отвечающий характеру погребального памятника, но гораздо более гуманный, например, – «кладбище», «некрополь», «погост» и т.п. (40 – «за», 3 – «против»; 2 – воздержались от комментариев). Также абсолютное большинство исследователей, которые приняли участие в нашей акции, полностью согласны с необходимостью внесения в Кодекс этики профессионального археолога отдельного пункта, в котором бы постулировалось гуманное отношение к останкам древних людей, открываемым во время раскопок (39 из 45 при 6, это не поддержавших).

Далее, как показал опрос – большинство опрошенных мною коллег разделяют мое мнение о внесении в программу учебных вузовских курсов «Основы археологии» специального раздела «Морально-этические аспекты археологических исследований» (имеются в виду, прежде всего, древние погребальные памятники). На этот вопрос утвердительно ответили 38 человек, при том, что 5 – высказались против такой инициативы и двое не определили свое отношение к ней. И, наконец, весьма отрадно, что максимальное число опрошенных (41 из 45) считают полезным проведение данного анкетирования и целесообразным осуществление подобных опросов по морально-этическим проблемам археологии и в дальнейшем.

Данное обстоятельство освобождает меня от необходимости говорить что-либо об эффективности проведенного мероприятия. Я также не собираюсь, исходя из полученных в ходе него результатов, делать далеко идущие выводы и, тем более, заниматься абсолютно не-

3. В тексте автора значится именно так – «Сармат» – с большой буквы.

продуктивным менторством и морализаторством. Моя задача более скромна – от своего имени я хочу призвать коллег по профессии, которые в своей раскопочной деятельности постоянно сталкиваются с исследованием древних погребальных памятников, относиться к *людям* давно минувших эпох, как к людям, а к их останкам – как к останкам именно *людей*, а не только как к археологическому объекту, артефакту или источнику.

Для достижения этой цели я прошу их перестать быть бездушными исследовательскими машинами по добыче научной информации из мест упокоения давно умерших людей, а будучи высокими профессионалами в своем деле – быть еще и личностями с высоким уровнем нравственности в своей душе. Не лишним будет напомнить при этом, что именно личность является наивысшей моральной инстанцией и этическим институтом общества [Гусейнов, 1992, с. 11]. Исходя из этого я прошу, предлагаю и требую изменить наше узкопрофессиональное, до основания высушенное, бесчувственное и откровенно потребительское отношение к древним погребальным памятникам и оставив его сугубо научным по сути, сделать его более гуманным по содержанию. Исследование археологических памятников, о которых здесь идет речь, должно проводиться более ответственно, деликатно и человечно и никоим образом не нарушать моральных основ нашего общества.

В этой связи, безусловно, следует ясно осознавать, что мы живем в такое время, в такую эпоху, и в таком мире, которые сами по себе деформируют все традиционные моральные устои, делая их во многом просто условными. Глобализация и динамизм развития идей, принципов и символов, которые все более завладевают миром, дезорганизует хрупкий внутренний мир современного человека, способствуя, как считают ведущие философы «расщеплению человеческого существа, подводит личность к «моральному инфаркту», сердечной нравственной недостаточности» [Рубенис, 1992, с. 42-43]. Очевидно и мы, и наша наука в соответствии с названными клиническими признаками также имеем подобный диагноз, и на себе ощущаем проявление этой «моральной недостаточности». Однако на наш взгляд, дело тут не совсем безнадежное, выход у нас есть, и болезнь общими усилиями можно одолеть. Для этого решение очерченных в статье проблем, чтобы быть успешным должно, как представляется, одновременно вестись по всем основным направлениям. В этой, столь необходимой для нашей науки работе я вижу следующие, наиболее важные аспекты.

Научно-исследовательский. Прежде всего, он заключается в том, что при составлении планов и объемов научных исследований древних погребальных памятников следует непременно исходить из соображений здравого смысла, в каждом конкретном случае взвешивая необходимость и целесообразность раскрытия древних могил. Надо полностью исключить возможность неоправданных раскопок, разрушений и, тем более, уничтожений этих памятников, включая и работы экстренного характера (новостроечные, спасательные, охранные и т.п.).

Методический. В «Инструкцию», которая прилагается к «Открытому листу» должно быть внесено положение о гуманном отношении к человеческим останкам, выявляемым во время раскопок. Кроме того, здесь должно содержаться требование об осуществлении обязательного перезахоронения останков древних людей после окончания раскопок (если они не берутся на опись) с обозначением такого места на плане памятника или на прилегающей к нему территории. Это должно быть документировано специальным Актом, заверенным органами местной власти и прилагаемым к тексту научного отчета.

Терминологический. Из научного лексикона в обозначении древних погребальных памятников должно быть устранено слово «могильник». Вместо него целесообразнее употреблять более гуманные термины – «кладбище», «некрополь», «погост» и т.п.

Учебно-образовательный. Программу учебных курсов «Основы археологии» соответствующих кафедр и факультетов высших учебных заведений необходимо дополнить разделом «Морально-этические проблемы археологических исследований», где должны быть изложены нравственные основы раскопок древних погребальных памятников.

Морально-этический. 1) Принятый в 2006 г. «Кодекс этики профессионального археолога [Кодекс …, 2006] требует основательной доработки. В частности, в Раздел II. «Отношение к археологическим источникам» должен быть внесен ряд положений, касающихся морально-этических аспектов археологических исследований древних погребальных памятников. 2) На начальников археологических экспедиций должна быть возложена ответственность за недопущение актов пренебрежительного, а тем более – кощунственного отношения к древним человеческим останкам.

Психологический. Вероятно, с помощью соответствующих специалистов, необходимо разработать достаточно основательные тесты или вопросники морально-психологической направленности, по которым периодически должны тестироваться археологи, имеющие дело с раскопками древних захоронений. С одной стороны, это улучшило бы уровень профессиональной подготовки исследователей-полевиков, а с другой – закрыло бы дорогу к раскопкам древних погребальных памятни-

ков случайным, неквалифицированным и морально не выдержанным людям.

И, наконец, о *духовном* аспекте гуманизации процесса археологического исследования погребальных памятников. Размышляя над тем – может ли археолог в силу своей профессии переступать границы доступного знания, границы моральных запретов, границы здравого смысла и тревожить покой давно умерших людей, а если может – то как тогда избавить его психику от этих и подобных им опасений, потрясений (или откровенного страха), уже упоминавшийся выше французский археолог Жан-Поль Ле Биан напоминает всем своим коллегам (а значит и нам), что великий философ и математик прошлого Блез Паскаль когда-то рекомендовал *веру*, как единственное средство, страхующее жизнь от вечного проклятья за хотя и неумышленное, а вынужденное, но все же нарушение покоя давно ушедших людей [Ле Биан, 2010, с. 29-30]. Я могу лишь смиренно присоединиться к этой глубочайшей мысли и призвать прислушаться к ней всех своих коллег…

Возможно тогда во всех, без исключения, экспедициях, занятых исследованием древних погребальных памятников, будет естественным образом происходить то, о чем пишет И.Ф. Ковалева: «Обычно в первые мгновенья работ на кургане царит торжественно-приподнятое настроение, и хорошо, если в нем находится место тихой просьбе о прощении за вторжение, обращенной к покоящимся в могилах предкам» [Ковалева, 2008, с. 135].

* * * * *

Приложение

ТАБЛИЦА

результатов опроса 45 ученых-археологов СНГ относительно морально-этических проблем археологических исследований древних погребальных памятников (2012-2013 гг.)

№ п/п	Вопросы	Ответы		
		Да	Нет	Затрудняюсь с ответом
1	Готовите ли Вы себя в психологическом и моральном плане перед раскопками древних погребений?	4	39	2
2	Просите ли вы прощения у душ похороненных древних людей за нарушение их покоя?	5	40	–
3	Считаете ли вы, что археолог нарушает писанные и неписанные морально-этические законы, раскрывая древние могилы?	14	26	5
4	Присущ ли Вам чисто рациональный подход (своеобразный "профессиональный цинизм") к человеческим останкам, поскольку это для Вас, в первую очередь, археологический источник?	35	5	5
5	Весь ли антропологический материал, который встречается во время раскопок, Вы берете на опись?	8	37	–
6	Перезахораниваете ли Вы человеческие останки, которые не берете на опись, в отдельном месте на территории памятника или в прилегающей местности?	14	31	–
7	Считаете ли Вы целесообразным заменить в научной литературе термин "могильник" на иной, более гуманный?	40	3	2
8	Считаете ли вы необходимым внести в Кодекс этики профессионального археолога отдельный пункт относительно гуманного отношения к останкам древних людей, что открываются во время раскопок?	39	6	–
9	Считаете ли Вы необходимым внести в программу курса "Основы археологии" специальный раздел "Морально-этические аспекты археологических исследований" (прежде всего – древних погребальных памятников)?	38	5	2
10	Считаете ли вы целесообразным проведение данного опроса, а также проведение подобных опросов по морально-этическим проблемам археологических исследований и в дальнейшем?	41	4	–

Авдусин Д.А. Археологические разведки и раскопки. – Москва, 1959. – 314 с.

Авдусин. Д.А. Археология СССР. – 2-е изд. – Москва, 1977. – 273 с.

Авдусин Д.А. Полевая археология СССР. – Москва, 1980. – 335 с.

Авдусин Д.А. Основы археологии. – Москва, 1989. – 335 с.

Алексеев В.П. Историческая антропология. – Москва, 1979. – 216 с.

Арциховский А.В. Основы археологии. – Москва, 1954. – 280 с.

Бажан И.А. Археологические предметы из случайных находок на территории Восточной Европы в 2009-2011 гг. // КСАН. – Вып. I. – Москва, 2011. – 112 с.

Баулін Ю.В., Борисов В.І., Гавриш С.Б., Ломако В.А. та ін. Кримінальний кодекс України. Науково-практичний коментар. – К., 2003. – 1208 с.

Блаватский В.Д. Античная полевая археология (МИА № 146). – Москва, 1967. – 208 с.

Биан Ле Ж.-П. Археолог. Воображаемые беседы. – Ростов/Д., – 2010. – 276 с.

Бужилова А.П. Коллективные захоронения в палеолите. Анализ антропологических находок // Проблемы первобытной археологии Евразии. К 75-летию А.А.Формозова. – Москва, 2004. – С. 123-134.

Буйських Ю.С. «Археологія як спосіб життя…»: до питання вивчення української археологічної субкультури // ПОЛЕ. Збірник наукових праць з історії, теорії та методології польових досліджень. – Том. 1. Вступ до спеціальності. – К., 2014. – с. 5-106.

Винокур І.С., Телегін Д.Я. Археологія України. – К., 1994. – 318 с.

Винокур І.С., Телегін Д.Я. Археологія України. – Тернопіль, 2004. – 480 с.

Гусейнов А.А. Этика и плюрализм // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения 1991 г. – Москва, 1992. – С. 5-11.

Залізняк Л.Л., Бунятян К.П., Зубар В.М., Моця О.П., Отрощенко В.В., Терпиловський Р.В. Археологія України. – К., 2005. – 504 с.

Ковалева И.Ф. Жизнь, проведенная в могиле. Исповедь археолога. – Днепропетровск, 2008. – 192 с.

Кодекс етики професійного археолога (прийнятий на засіданні Вченої ради Інституту археології НАН України від 09.11.2006) // Археологія. – 2006. – № 4. – С. 105-107.

Кореняко В.А. Этические проблемы и кризисные явления в археологии // Проблемы первобытной археологии Евразии. – Москва, 2004. – С. 36-47.

Косарев М.В. Археология и нравственность // Историко-культурное наследие. Памятники археологии Центральной России: охранное изучение и музеефикация. – МНК. – Рязань, 1994. – С. 12-16.

Кримінальний кодекс України (В редакції Закону № 1166-VI від 19.03.2009 р.) – К., 2009. – 1196 с.

Ландіна А.В. Охорона моральності за Кримінальним кодексом України. – К., 2013. – 204 с.

Мартынов А.И. Археология СССР. – Москва, 1973. – 296 с.

Мартынов А.И. Археология. Изд. 4-е. – Москва, 2000. – 439 с.

Мартынов А.И., Шер Я.А. Методы археологического исследования. – Москва, 1989. – 223 с.

Михайленко Е.М. Проблеми професійної етики у світовій та українській археології // Археологія. – 2009. – № 1. – С. 102-108.

Монгайт А.Л. Археология СССР. – Москва, 1955. – 436 с.

Папанова В.А. Некрополь Ольвии. – Бердянск, 1993. – 94 с.

Плетнева С.А. Раскопки бескурганных могильников средневековых кочевников // Методика полевых археологических исследований. – Москва, 1983. – С. 40-55.

Радочин В.Ю. Некоторые итоги исследования антропологического материала из могильника Нейзац // Исследование могильника Нейзац. – Симферополь, 2011. – С. 153-177.

Рубенис А.А. Техника и нравственность // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения 1991 г. – МОСКВА, 1992. – С. 38-53.

Рычков Н.А. Мои экспедиции (рассказы археолога). – К., 2011. – 160 с.

Сегеда С.П. Основи антропології – К., 1995. – 208 с.

Ситник О.С. Культурна антропологія: походження людини і суспільства. – Львів, 2012. – 180 с.

Станко В.Н., Гладких М.І., Сегеда С.П. Історія первісного суспільства. – К., 1999. – 240 с.

Чмихов М.О., Кравченко Н.М., Черняков І.Т. Археологія та стародавня історія України. – К., 1992. – 376 с.

Чмихов М.О., Шилов Ю.О., Корнієнко П.Л. Археологічні дослідження курганів. – К., 1989. – 218 с.

Шовкопляс І.Г. Основи археології. – К., 1964. – 272 с.

Шовкопляс І.Г. Основи археології. Вид. 2-е. – К., 1972. – 222 с.

Ядов В.А. Социологическое исследование (методология, программа, методы). – Москва, 1972. – 247 с.

С.Б.Буйських

СТАРОДАВНІ НЕКРОПОЛІ: МОРАЛЬНІ АСПЕКТИ ДОСЛІДЖЕННЯ

У статті підіймаються нагальні питання морально-етичного характеру, що виникають при археологічному дослідженні давніх поховальних пам'яток. Автор наголошує на необхідності якісних змін у ставленні професійної археологічної науки до давніх поховальних пам'яток та останків похованих там людей давніх епох. Їх вивчення має залишатись науковим за сутністю, але бути більш відповідальним, гуманним і делікатним за змістом. Зміни ці мають втілюватися у життя за кількома найбільш важливими напрямками, зокрема – науково-дослідницькому, методичному, термінологічному, освітньо-навчальному, морально-етичному, психологічному, та духовному. Археологічні дослідження давніх поховальних пам'яток мають проводитись виключно за умови беззастережного, відповідального і свідомого додержання моральних засад нашого суспільства.

Ключові слова: стародавні некрополі, моральні аспекти дослідження, суспільство.

S.B. Buyskykh

THE ANCIENT NECROPOLISES: ETHICAL ASPECTS OF RESEARCH

The article highlights the current ethical questions that spring up when archaeologists do their research on the ancient funerary sites. The author asserts the necessity of new changes inside of archaeological science. They may have considered the personal attitude of the professional archaeologists to the investigation of the human remains during the excavations. On the one hand, their research has to be purely scientific. On the other hand, we need to be more responsible and humane in our explorations. These changes have to be put into practice due to several directions: research, methodological, terminological, educational, ethical, psychological, and spiritual.

Archaeological research of the ancient funerary sites should be held only with the existing principles of our modern society.

Keywords: ancient necropolises, Ethical aspects of research, society.

Одержано 26.04.2014

НАШІ АВТОРИ

BRAUND David —

БРУЯКО Игорь Викторович — докт. ист. наук., директор Одесского археологического музея.

БУЙСКИХ Алла Валериевна — докт. ист. наук, ведущий научн. сотр. Института археологи НАН Украиы.

БУЙСКИХ Сергей Борисович — канд. ист. наук, ст. научн. сотр. Института археологи НАН Украиы.

БОНДАРЕНКО ДЕНИС В. — заместитель начальника Березанской археологической экспедиции ИА НАНУ, старший преподаватель лаборатории археологии и этнологии Николаевского национального университета им. В.А. Сухомлинского.

ВАХТИНА Мария Юрьевна — канд. ист. наук, старший научный сотрудник Отдела истории античной культуры ИИМК РАН (Санкт-Петербург, Россия).

ВИНОКУРОВ Николай Игоревич — д. и. н., проф., заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков МПГУ им. Проф. В.Ф. Семёнова.

ГАВРИЛЮК Надежда Авксентиевна — докт. ист. наук, вед научн. сотр. Института археологи НАН Украиы.

ГАРКУША Н.В. —

ГРЕБЕННИКОВ В.Б. —

ДІДЕНКО С.В. —

ИВАНЧИК Аскольд Игоревич — д.и.н., чл.-корр. РАН, научный руководитель Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН; Directeur de recherches au CNRS, Institut « Ausonius », Bordeaux.

ИВЧЕНКО Андрей Валериевич — младший научный сотрудник отдела античной археологии Института археологии НАН Украины.

ИЛЬИНА Юлия Ивановна — старший научный сотрудник Отдела античного мира Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург, Россия).

КАРЯКА Александр Витальевич — зав. Научным архивом Института археологии НАН Украины.

КАЧУРА М.В. — співробітник Національного історико-археологічного заповідника«Ольвія» НАНУ (с. Парутине Очаківського р- ну Миколаївської обл.).

КОПЫЛОВ Виктор Павлович — директор Научно-методического центра археологии ЮФУ, профессор кафедры археологии ЮФУ, Почётный работник высшего профессионального образования Российской федерации.

КОТЕНКО Виктория Владимировна — аспірантка кафедри археології Національного університету «Києво-Могилянська академія», молодший науковий співробітник Інституту керамології – відділення Інституту народознавства НАН України.

КРУТИЛОВ Валерий Викторович — начальник Березанской археологической экспедиции ИА НАНУ, м.н.с. отдела античной археологии ИА НАНУ.

КРЫЖИЦКИЙ Сергей Дмитриевич — член-корреспондент НАН Украины, зав. Отделом античной археологи Института археологи НАН Украины.

КУЗЬМИЩЕВ Александр Геннадиевчич — м.н.с. Отдела античной археологи Института археологи НАН Украины.

ЛЯШКО СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА — к.и.н., ведущий научный сотрудник Института биографических исследований Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. E-mail: lyashko.svetlana@gmail.com

МАЛЮКЕВИЧ Александр Витальевич — ст. н. сотр. Одесского археологического музея.

МАСЛЕННИКОВ Александр Александрович — док. ист. наук, зав. Полевым комитетом Института археологии РАН.

МОЛЕВ Евгений Александрович — доктор исторических наук, профессор; зав. кафедрой археологии, искусствоведения и музеологии ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Molev/Eugeny@yandex.ru.

МОЛЕВА Наталья Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков ННГУ им, Н.И. Лобачевского. Molev/Eugeny@yandex.ru

НИКОЛАЕВ Николай Ильич — канд. техн. наук, независимый исследователь, член русской ассоциации антиковедов, лауреат премии Н. Аркаса (история, археология).

НОВИЧЕНКОВА Марина Викторовна — соискатель отдела античной археологии Института археологии НАН Украины.

ОХОТНИКОВ Сергей Борисович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заместитель директора по научной работе Одесского археологического музея НАН Украины.

ПАПАНОВА Валентина Антоновна — к.и.н., доцент, зав. учебной археологической лабораторией Бердянского государственного педагогического университета. E-mail: vpapanova@rambler.ru

ПУКЛІНА О.О. —

САМОЙЛОВА Татьяна Львовна — к.и.н., зав Отделом Северо-Западного Причерноморья (Одесса).

СКРЖИНСКАЯ Марина Владимировна — докт. ист. наук., Институт истории НАН Украины.

СМИРНОВ Леонид Игоревич — специалист лаборатории археологии и этнологии научно-учебного института истории и права Николаевского национального университета имени В.А. Сухомлинского.

СМИРНОВ Александр Игоревич —

СНИТКО Иван Алексеевич —

СТОЛЯРЕНКО Павел Геннадьевич — заведующий отделом Охранно-археологических исследований КРУ «КИКЗ» (Керчь).

ТОЛСТИКОВ Владимир Петрович — докт. ист. наук, зам директора, ГМИИ им. А.С. Пушкина, Москва.

ТУНКИНА Ирина Владимировна —

ХМЕЛЕВСКИЙ Дмитрий Николаевич — м.н.с. отдела античной археологи Института археологи НАН Украины.

ХОМЧИК Марина Андреевна — с.н.с. Отдела археологических фондов Национального музея истории Украины (Киев).

ЧЕХОВИЧ А. — .

ЧИСТОВ Дмитрий Ефимович — к.и.н., старший научный сотрудник Отдела античного мира Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург, Россия).

ШЕВЧЕНКО Татьяна Николаевна — зав. фондами Национального историко-археологического заповедника НАН Украины «Ольвия» (с. Парутино Очаковского р-на Николаевской обл.).

ШЕЙКО Ирина Николаевна — аспірантка кафедри археології Національного університету «Києво-Могилянська академія».

СПИСОК СКОРОЧЕНЬ

AA	—	Archäologischer Anzeiger
AJA	—	American Journal of Archeology
AM	—	Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung
BABESCH	—	Bulletin antieke beschaving. Amsterdam
BCH	—	Bulletin de Correspondance Hellénique
BJ	—	Bonner Jahrbücher des Rheinischen Landesmuseums in Bonn und des verius von Altertumsfreunden im Rheinlande. Köln
CVA DEUTSCHLAND 47, 3	—	*Burow J.* Tübingen, Antikensammlung des Archäologischen Instituts der Universität. – München, 1980
CVA DEUTSCHLAND 56, 10	—	*Fellmann B.* München, Antikensammlungen. – München
CVA DEUTSCHLAND 77, 13	—	*Fellmann B.* Attisch-schwarzfigurige Augenschalen. – München, 2004
CVA GREECE 3, 3	—	*Callipolitis-Feytmans D.* Les coupes attiques a figures noires du VIe siècle. – Athénes, 1986
CVA GREECE 5, 1	—	*Sismanidis C.L.* Thessaloniki, Archaeological Museum. – Athens, 1998
CVA ITALIA LVI, IV	—	*Guidice F.* Museo Archeologico Nazionale di Gela. Collezione Navarra. – Roma, 1979
CVA ITALIA LXXIV, VI	—	*Sarti S., Venuti L.* Vasi attici a figure nere. – Roma
CVA ITALIA, XLI, I	—	*Borrelli L.V.* Museo Claudio Faina di Orvieto. – Roma, 1969
CVA JAPAN 2, 2	—	*Mizuta A.* Schwarz- und Rotfigurige Vasen in Japanischen Sammlungen. – Tokyo, 1991

CVA RUSSIA XV, VII	—	*Petrakova A.* Attic Black-Figure Drinking-cups, part. II. – Roma, 2009
CVA RUSSIA XVIII, X	—	*Petrakova A.* Attic Black-Figure Drinking-cups, part. III. – Roma, 2009
CVA THE NETHERLANDS 11, 5	—	*Borgers O.E., Brijder H.A.G.* Attic Black-Figure Amphorae, Pelikai, Kraters, Hydriai, Olpai, Oinochoai, and Tripod Cothon. – Amsterdam, 2007
CVA THE NETHERLANDS 4, 2	—	*Vos M.F.* Attic Black-Figured Vases. – Leiden, 1978
CVA USA 25, 2	—	*Clark A.J.* The J. Paul Getty Museum. Malibu. – 1990
IA	—	Internationale Archäologie
I.OLBIA	—	Надписи Ольвии. – Л., 1968
IOSPE I²	—	*Latyschev B.* Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. – Petropolis, 1916
IOSPE	—	Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae
ISCM I	—	*Pippidi D.* Inscriptiones Daciae et Scythiae Minoris antiquae. – Bucharest, 1983.
PZ	—	Praehistorische Zeitschrift
SEG	—	Supplementum Epigraphicum Graecum
ААЭ	—	Артезианская археологическая экспедиция
АВ	—	Археологические вести
АДУ	—	Археологічні дослідження в Україні
АИСЗП	—	Археологические исследования в Северо-Западном Причерноморье
АМА	—	Античный мир и археология
АО	—	Археологические открытия, – М.
АП УРСР	—	Археологічні пам'ятки Української РСР
АСГЭ	—	Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БИ	—	Боспорские исследования. Симферополь-Керчь
БФ	—	Боспорский феномен
БЧ	—	Боспорские чтения
ВДИ	—	Вестник древней истории
ВОКК ПРИ ВУАН	—	Вісник Одеської комісії краєзнавства при Всеукраїнській Академії наук
ВУАК	—	Всеукраїнська Археологічна Комісія
ВХНУ (ВХУ)	—	Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна
ГАНО	—	Государственный архив Николаевской области
ГАОО	—	Государственный архив Одесской области
ДБ	—	Древности Боспора. – М.
ДП	—	Древнее Причерноморье

ЗООИД	—	Записки Одесского общества истории и древностей
ИАК	—	Известия Императорской Археологической комиссии
ИР НБУВ	—	Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского НАНУ
ИРАИМК	—	Известия Российской академии истории материальной культуры
ИРОМК	—	Известия Ростовского областного музея краеведения, – Ростов-на-Дону
ИРУ	—	Издательство Ростовского университета, – Ростов-на-Дону
ІА НАНУ	—	Інститут археології Національної академії наук України
КБН	—	Корпус боспорских надписей. – М., Л., 1965
ККУ	—	Кримінальний кодекс України
КРУІАЗ «КАЛОС ЛІМЕН»	—	Кримська республіканська установа «Історико-археологічний заповідник «Калос Лімен»»
КСАН	—	Корпус случайных археологических находок
КСИА	—	Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСОАМ	—	Краткие сообщения Одесского археологического музея
МАИЭТ	—	Материалы по археологи, истории и этнографии Таврики
МАР	—	Материалы по Археологии России
МАСП	—	Материалы по археологии Северного Причерноморья
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР. – М-Л.
МНК	—	Материалы научной конференции
МПГУ	—	Московский государственный педагогический университет
НА ИА НАН	—	Научный архив Института археологии Национальной академии наук
НА ІА НАНУ	—	Науковий архів Інституту археології НАН України
НІАЗ «ОЛЬВІЯ» НАНУ	—	Національний історико-археологічний заповідник «Ольвія» НАН України
НО	—	Надписи Ольвии
НОКМ	—	Николаевский областной краеведческий музей
ОАК	—	Отчеты Императорской археологической комиссии
ОИКМ	—	Одесский историко-краеведческий музей
ОМАУ	—	Открытия молодых археологов Украины
ООИД	—	Одесское общество истории и древностей
ПИО	—	Проблемы исследования Ольвии
РАИМК	—	Российская академия истории материальной культуры
СА	—	Советская археология

СПФ АРАН	—	Санкт-Петербургский филал Архива Российской академии наук
ССПК	—	Старожитності Степового Причорномор'я і Криму
ТГЭ	—	Труды Государственного Эрмитажа
Тр. ГИМ	—	Труды Государственного исторического музея
УІЖ	—	Український історичний журнал
ХККАМ	—	Художественная культура и археология античного мира
ХНУ імені В.Н. КАРАЗІНА	—	Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна
ЮФУ	—	Южный федеральный университет